СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

№ 3
2026

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

DOI 10.34823/SGZ.2026.3.262006

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Кидямкин А.А. Гуманитарные науки в философском и социальном контексте исследования военной традиции России 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Айвазян О.О. Роль средств массовой информации в формировании коммуникативно-правовой культуры молодёжи 10

Ван Чуньмэй, Чай Лицзе, Чжу Цзин. Исследование стратегий сбора исторических материалов по ледово-снежному искусству и культуре провинции Хэйлунцзян в контексте цифровизации и интеллектуализации 14

Гордеева Е.Ю. Важность межкультурных коммуникаций для российских технических вузов 18

Дьяченко А.Н. Особенности группы курсантов военного университета как закрытой малой группы. Социально-философский анализ 21

Егоров С.А. Противодействие негативному влиянию тёмных паттернов когнитивного дизайна в цифровой среде 24

Кобзева О.В., Федорова Е.Л. Синтаксические средства выражения модальности в деловых СМИ России и Франции: сравнительный лингвистический анализ 29

Левковский А.М., Терещенко А.А. Цифровой детокс как социальная практика в условиях цифровизации общества 34

Митин А.В., Полозова И.В. Социальное познание в свете традиции и традиционных ценностей 39

Плещёв И.Е., Николаев Р.Ю., Штабной М.Д., Шарафутдинова А.Д. Значение физической культуры и спорта в профессиональной подготовке и сохранении здоровья студентов медицинских вузов 42

Раджабов О.Р., Раджабов Р.О. Проблема патриотического воспитания молодежи в современном российском обществе 45

Скатерщикова А.В. Трансформация художественных практик в эпоху цифровизации: сопоставление традиционного и цифрового искусства 48

Плещёва Т.Н., Корнева М.И., Баширова Н.С. Социальная роль общей гигиены и экологии в современном обществе: эпидемиология и профилактика 51

Тан Вэньжань. Метафорическая концептуализация искусственного интеллекта в текстах российских СМИ 55

Тепикин В.В. Современное российское общество: преодоление ключевых социальных проблем 59

Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Шарова О.Я., Лисовская Н.М., Спирина А.А. Геймификация как инновационное направление в обучении студентов вузов на современном этапе 61

Тянь Шэн. Механизм социальной идентичности в интернет-коммуникации: двухканальная рационально-эмоциональная модель и ее корректировка для китайского контекста 64

Хакки Аднан М.А., Каманина П.С. Цифровизация высшего образования и её социальные последствия 69

Ян Юаньхуа. «Бедности» в творчестве Ф.М. Достоевского в прагматическом аспекте – по произведению романа «Бедные люди» .. 73

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-83076 от 26.04.2022
Подписной индекс Роспечати: **70652**
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
E-mail: **welcome@socgum-journal.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)
Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович– доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГГУ им. М.А.Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет: 15.04.2026* *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Алборова М.Б., Карасёва Д.М. Развитие кадрового потенциала как необходимое условие достижения технологического суверенитета .. 78

Барышная Н.А. Трансформация этносоциальной структуры региона под влиянием процессов миграции (на примере Саратовской области) 83

Белозерова К.Р., Ванаева Э.И., Одинаев М.А. Проблемы реализации государственной программы Российской Федерации «доступная среда» (на материалах опроса жителей Свердловской области) 88

Большаков А.О. Последствия социально-демографического кризиса в ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом» на примере ЗАТО Саров 92

Бычков П.И. Отношение молодежи к государственной службе в вооруженных силах Российской Федерации и в министерстве чрезвычайных ситуаций 96

Воронов В.А., Никулина Н.Н. Социальные технологии в системе управления структурой дополнительного образования вуза в условиях цифровизации общества 99

Берест В.А., Ворохоб Ю.А. Стратегия креативных индустрий и креативной экономики России: анализ текущего состояния и прогноз развития до 2036 года 104

Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Чвякин В.А. Занятость и выбор молодежью профессии в условиях глобальных трансформаций 107

Калмыков Н.Н. Динамика социальных архитектур в социологии управления: циклы переконфигурации и историко-культурная инерция 111

Карманов М.В., Кузнецов В.И. Статистика как инструмент управления восприятием действительности 114

Ковалевский В.С., Ковалевская М.И. Алгоритмическое управление как новый режим контроля: как цифровые метрики меняют автономию и стресс сотрудников 117

Конобейская А.В. Институт здравоохранения в социальном пространстве вузов Дальнего Востока: современные тенденции, вызовы и перспективы развития 119

Крупенко М.А. Обоснование критериев оценки влияния интернет-контента на современную российскую молодёжь 123

Лавренюк-Исаева Н.М., Николаев Д.Д. Социальная стандартизация в устойчивом развитии российских компаний 127

Ленёва Т.Е. Повышение цифровой грамотности сельского населения как фактор устойчивого развития России 131

Магаррамов М.Д., Казиев Н.Э. Источники, механизмы и направления развития государственной молодежной политики в Российской Федерации 134

Николаев М.С. Новая когнитивная ниша: синтез биологических и технологических акторов (российские студенты об особенностях познания с использованием ИИ) 139

Пономарева М.А., Кузнецова А.В. Исторические этапы трансформации экономической политики и элитарный досуг 142

Ревенко Н.В., Пыхтин Н.О., Рогов Е.А. Многодетная семья: демографический аспект 146

Сухарев Е.С., Потемкина Ю.Г. Молодежная политика Москвы – вертикаль управления, основные направления, механизмы реализации 149

Фомичева Т.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как ресурс управления в современной России 154

Харченко К.В. Социопространственное развитие территории как фактор преодоления межтерриториальных неравенств 157

Цинченко Г.М., Кузнецов А.Д. Процессная модель в сфере социального обслуживания на примере концепции «ИИ-Компаньона» 162

Шокина О.А. Гражданское воспитание в России: управленческие дисфункции и модель суверенной идентичности 167

Янин К.Д. До-рефлексивная координация как механизм городской повседневности 172

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Абрамцева Е.Г. Социально-экофилософская картина мира как семиотическая система 176

Асташин О.Г. Социальная справедливость в контексте экспертизы 179

Башелханов А.Ю. Религиозные культы острова Пасхи через призму общественного развития 182

Белогруд И.Н. Цифровая социализация старшего поколения в условиях непрерывного образования 185

Ветерков А.И. Трансформация исторической памяти в эпоху цифровой революции: вызовы и перспективы 189

Гарибшоев Г.К. Ценностный фильтр модернизации: аксиологический синтез и трансформация идентичности в Таджикистане 192

Деревянченко Ю.И. Конструирование этничности: от сущности к границе 194

Донских К.Ю. Зло в человеке: антропологическая интерпретация В.В. Зеньковского в контексте русской философской традиции 198

Кириллова И.К. Эволюция современных городских концепций 200

Кузьменкова Т.Л. Философский контекст проблемы искусственного интеллекта 203

Назаров М.Г. Философские основы формирования цифровых ценностей в современном обществе 206

Пигарева А.В. Язык как форма социального бытия: философский и социолингвистический аспекты 209

Писачкин Д.В. Потенциал сибирского казачества в контексте идеологической безопасности России 213

Фалько Е.А. Проблема взаимосвязи социальной экологии и советской прессы 217

Фархетдинова Ф.Ф. Специфика взаимодействия культуры и науки: социокультурный аспект 219

Чуганская А.А. Проблема семантических разрывов: от теорий в гуманитарных науках к построению моделей для искусственного интеллекта 222

Шакирова Е.С. Аффективная усталость и симуляция счастья в обществе избыточного потребления 225

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Бабкова О.М. Проект человека в отечественной философии начала XX века 227

Денисов А.Е. Основные черты христианского мировоззрения в интерпретации протоиерея Александра Меня как духовно-нравственный компас христианина нашего времени 231

Шукшина Л.В., Пожарская Е.Л., Рыжова Т.С. Взаимосвязь внутреннего конфликта и иррациональных установок у студентов-психологов 234

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Белова И.В. Инструменты анализа событий политологического характера в социосреде государственного управления 238

Вититнев С.Ф., Бруз В.В., Шмелева А.В. Влияние политических акторов на формирование общественной среды в условиях цифровизации коммуникационных процессов и трансформации институтов гражданского участия 241

Вульфович Р.М. Процесс определения и реализации региональной политики по обеспечению мобильности жителей крупного урбанизированного региона: путь в сто лет (на примере региона трех-штатного Нью-Йорка) 245

Гомаль М.А., Захарова С.А. Государство как цивилизация и политическая теория 249

Ибрагимов А.З. Институциональные барьеры и сценарные траектории развития электоральной активности российской молодежи 253

Ильин А.С. Парадигмальный сдвиг в критериях научного признания и сценарный прогноз для России 257

Калинин Д.М. Генеративные модели искусственного интеллекта в политической коммуникации: практики, эффекты и классификация рисков ... 262

Каратуева Е.Н. Формирование экологического движения России: идеологические трансформации и гражданские стратегии ... 266

Керножицкая Е.В. Стратегические приоритеты развития строительного комплекса Ленинградской области: направления совершенствования государственной политики ... 270

Лисов Д.А. Биржевые комитеты и съезды представителей промышленности в Российской империи: становление системы экономического лоббизма на рубеже XIX–XX веков ... 273

Малеев В.В. Цифровая обратная связь как механизм общественного контроля: сравнительный анализ российских платформ ... 277

Мышкин К.Н. Трансформация государственного суверенитета под воздействием информационно-когнитивных технологий политического противоборства ... 280

Николаев Н.П. Концепция многовекторного анализа (MBA) идеологий: теоретическое обоснование и методологические рамки ... 283

Макашов А.И. Аспекты отношений с ЕС, а также политики европейской интеграции Грузии в период президентских полномочий М.Н. Саакашвили (2003–2013 гг.) ... 288

Повалюхина А.Н. Преемственность и перемены: эволюция партийной системы Японии в начале XXI века ... 291

Руднева О.О. Цифровая трансформация избирательного процесса в Москве: новые возможности участия граждан и риски политической фрагментации ... 294

Санин Д.В. Роль вовлечения молодежи в благотворительных проектах в изменении социального ландшафта регионов ... 298

Харичков В.В. Внутриполитический контур современного Тайваня: ключевые проблемы и вызовы ... 302

Харсеева А.В. Эволюция технологий протестной мобилизации в Москве (2010–2021): от аффективного возмущения к цифрово-гибридному протесту ... 306

Хохлов Д.А. Цифровые технологии как инструмент реализации государственной политики национальной безопасности в Арктической зоне СЗФО ... 310

Хыа Хюи Хоанг. Политическая коммуникация как важный фактор формирования политических сетей во Вьетнаме ... 314

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Баез Хавкар Хериш Баез. Российско-иракские отношения: анализ состояния и прогнозирование ... 319

Босый И.В. Политика США в сфере военно-технического сотрудничества в условиях цепочки государственных переворотов в странах Африки Южнее Сахары ... 323

Данилов В.Л. Экстремизм и терроризм как трансграничные угрозы: анализ современных вызовов ... 328

Нгуен Ван Ню, Ле Дык Ань, До Нгок Ань, Нгуен Нгок Ха Фыонг. Некоторые возможности и вызовы для вьетнамской политики в переходный период к социализму ... 331

Салиу Дабо. Миграция и ее влияние на политику в Африке ... 335

Степанов В.И., Степанова Н.В. Национальная образовательная политика 2020 и ее роль в эффективном управлении и лидерстве в высших учебных заведениях Индии ... 339

Сун Юнбин. Влияние инициативы «Один пояс – один путь» на экономическое сотрудничество Китая и стран Центральной и Восточной Европы ... 343

*Цао Гопин, Иванова Е.А. Рассмотр*ение возможных проблем и их решение в реализации мегапроекта ВСМ Москва – Санкт-Петербург ... 348

Чэнь Бин. Диаспорная политика Республики Корея в странах СНГ ... 352

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Абдуллаева О.У. Кафедры ЮНЕСКО UNITWIN как инструмент культурной дипломатии Узбекистана ... 356

Андреев С.Д. Индия и Китай в контексте восточного вектора индийской дипломатии: поиск баланса между сотрудничеством и конкуренцией ... 359

Блонский А.И. Проблемы и перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества ... 364

Казарян С.И. Роль международных инициатив в процессе нормализации отношений между РА и Турцией ... 367

Неклюдов Е.В. От Аргентины до мира: эра Милея и глобализм либертарной идеи ... 371

Ола А. Эльшериф. Киберспорт как пространство международного взаимодействия: опыт России, Саудовской Аравии и Нигерии ... 375

Пожаров И.А. Политико-правовые основы международной деятельности институтов представительной власти Российской Федерации ... 379

Пэн Мэняо. Онтологическая безопасность в контексте китайской политики ... 383

Чэнь Цзяцзин. Трансформация российского общества в постсоветский период: влияние западных теорий международных отношений ... 387

Шаповалов А.Е. Тенденции развития технологического сотрудничества между США и Японией в период с 2021 по 2025 гг. ... 390

Юзопольский М.Д. «Позиционная война» XXI века: концепция Антонио Грамши как идейный прародитель современной «мягкой силы» ... 394

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Берберова Л.Б. Статус древнебалкарских каменных склепов в контексте исторической памяти ... 397

Ефимова Ю.А. Критическое мышление: его включение в современный образовательный процесс ... 399

Кравченко А.И. Уездный город в провинции ... 404

Ли Ицянь, Лун Юйхун. Визуализационный анализ состояния и тенденций исследований оценочной грамотности преподавателей английского языка в Китае (2016–2025 гг.) ... 410

Акопян Д.В. Использование ИИ в информационной политической борьбе ... 413

Алборова М.Б. Академическая мобильность как фактор развития международных научно-технологических отношений ... 416

Гурьева Д.И. Лингвокультурные концепты в языковой картине мира: сопоставительный анализ ... 421

Загреднюк А.Е. Феномен фоновой музыки в массовой культуре: историко-теоретический и аксиологический аспекты ... 424

Любомудров П.А. Семиотические механизмы формирования визуального кода в современных социальных медиа ... 428

Марковская Е.И., Долапо Дуроджайеэ. Феномен Japa и ценностная готовность: молодёжная эмиграция, профессиональные устремления и высшее образование в Нигерии ... 432

Сюй Синь, Го Сывэнь. Исследование русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая в условиях развития производительных сил нового качества ... 437

Татищев А.А. Онтологические основания реконфигурации науки в условиях постантропоцентризма ... 441

Таушканова К.Д., Семенов И.А., Сизова Ю.С. Кризис многосторонности и перспективы ООН в XXI веке: от институционального паралича (кризиса) к поиску новой парадигмы глобального управления ... 445

Умар Мохаммед Белло. Нормативное противостояние и региональный порядок в Западной Африке ЭКОВАС, (Экономическое сообщество западноафриканских государств) Альянс государств Сахеля (АГС) и борьба за управление в сфере безопасности ... 447

Вельм И.М. Смена фундаментальных мировоззренческих представлений в изменяющемся мире ... 450

Кравченко А.Л., Ломакин Д.В. Отечественный рынок цифровых платформ: специфика и перспективы развития ... 453

Тепикин В.В. Современное российское общество: преодоление ключевых социальных проблем ... 456

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Kidyamkin A.A. Humanities in the philosophical and social context of the study of russia›s military tradition 7

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Ayvazyan O.O. The role of mass media in the formation of communicative-legal culture of youth 10

Wang Chunmei, Chai Lijie, Zhu Jing. Research on the Collection Strategies of Historical Materials on Ice and Snow Art and Culture in Heilongjiang Province in the Context of Digitalization and Intellectualization 14

Gordeeva E.Yu. Importance of intercultural communication for Russian technical universities 18

Dyachenko A. Features of the group of military university cadets as a closed small group. Socio-philosophical analysis 21

Egorov S.A. Countering the negative impact of dark cognitive design patterns in the digital environment 24

Kobzeva O.V., Fedorova E.L. Syntactic Means of Expressing Modality in Business Media of Russia and France: A Comparative Linguopragmatic Analysis 29

Levkovsky A.M., Tereshchenko A.A. Digital detox as a social practice in the context of societal digitalization 34

Mitin A.V., Polozova I.V. Social cognition in the light of traditional values 39

Pleshchev I.E., Nikolaev R.J., Shtabnoy M.D., Sharafutdinova A.D. The importance of physical culture and sports in professional training and maintaining the health of medical students 42

Radjabov O.R., Radjabov R.O. The problem of patriotic education of youth in modern Russian society 45

Skaterschikova A.V. The transformation of artistic practices in the age of digitalization: a comparison of traditional and digital art 48

Pleshcheva T.N., Korneva M.I., Bashirova N. The social role of general hygiene and ecology in modern society: epidemiology and prevention 51

Tang Wenran. Metaphorical Conceptualization of Artificial Intelligence in Russian Media Texts 55

Tepikin V.V. Modern Russian society: overcoming key social problems 59

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Sharova O.Ya., Lisovskaya N.M., Spirina A.A. Gamification as an innovative direction in teaching university students at the present stage 61

Tian Sheng. The Mechanism of Social Identity in Online Communication: A Dual-Channel Rational-Emotional Model and Its Adjustment for the Chinese Context 64

Hakki Adnan M.A., Kamanina P.S. Digitalization of higher education and its social consequences 69

Yang Yuanhua. Poverty» in the Works of F.M. Dostoevsky from a Pragmatic Perspective: Based on the Novel Poor Folk 73

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Alborova M.B., Karaseva D.M. Human resources development as a prerequisite for achieving technological sovereignty 78

Baryshnaya N.A. Transformation of the ethno-social structure of a region under the influence of migration processes (using the example of the Saratov region) 83

Belozerova K.R., Vanaeva E.I., Odinaev M.A. Problems of implementing the state program of the Russian Federation «accessible environment» (based on a survey of residents of the Sverdlovsk region) 88

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**
Publisher: **Knorus Publishing House LLC**

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022
Rospechat Subscription Index: **70652**

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:
Editor-in-Chief:
Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)
Executive Secretary:
Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Balbeko Anatoly Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow)**; **Volkov Yuri Grigorievich,** Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich,** Doctor of Philosophy, Professor, Member of the- Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich,** Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPA; **Kozlova Oksana Nikolaevna,** Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich,** Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich,** Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenok Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich,** Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPA, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich,** Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after. M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after. M. Akmully (Ufa, Bashkiria).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2 Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.04.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Bolshakov A.O. The consequences of the socio-demographic crisis in closed administrative-territorial entities (ZATOs) within the structure of the Rosatom State Corporation, using the example of the closed administrative-territorial entity of Sarov 92

Bychkov P.I. Attitude of young people towards public service in the armed forces of the Russian Federation and the ministry of emergency situations 96

Voronov V.A., Nikulina N.N. Social technologies in the management system of the university's additional education structure in the context of society's digitalization 99

Berest V.A., Vorokhob Yu.A. Strategy for Creative Industries and the Creative Economy of Russia: Analysis of the Current State and Development Forecast to 2036 104

Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A. Employment and career choices of young people in the context of global transformations 107

Kalmykov N.N. Dynamics of social architectures in the sociology of management: reconfiguration cycles and historical-cultural inertia 111

Karmanov M.V., Kuznetsov V.I. Statistics as a tool for managing the perception of reality 114

Kovalevsky V.S., Kovalevskaya M.I. Algorithmic management as a new mode of control: how digital metrics transform employee autonomy and stress 117

Konobeyskaya A.V. The Institute of Healthcare in the Social Space of Universities in the Far East: Current Trends, Challenges, and Development Prospects 119

Krupenko M.A. Justification of the criteria for assessing the impact of Internet content on modern Russian youth 123

Lavrenyuk-Isaeva N.M., Nikolaev D.D. Social standardization in the sustainable development of Russian companies 127

Leneva T.E. Increasing the digital literacy of the rural population as a factor of sustainable development of Russia 131

Magarramov M.D., Kaziyev N.E. Sources, mechanisms and directions of development of state youth policy in the Russian Federation 134

Nikolaev M.S. A new cognitive niche: the synthesis of biological and technological actors (Russian students on the features of cognition using AI) 139

Ponomareva M.A., Kuznetsova A.V. Historical stages of economic policy transformation and elite leisure activities 142

Revenko N.V., Pykhtin N.O., Rogov E.A. Large families: a demographic aspect 146

Sukharev E.S., Potemkina Yu.G. Youth policy of Moscow – governance vertical, main directions, implementation mechanisms 149

Fomicheva T.V. Traditional Russian spiritual and moral values as a resource of management in modern Russia 154

Kharchenko K.V. Sociospatial territorial development as a tool for overwhelming inter-territorial inequalities 157

Tsinchenko G.M., Kuznetsov A.D. A process model in the field of social services using the AI Companion concept 162

Shokina O.A. Civic education in Russia: managerial dysfunctions and the model of sovereign identity 167

Yanin K.D. Pre-reflexive coordination as a mechanism of urban everyday life 172

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Abramtseva E.G. Socio-ecophilosophical picture of the world as a semiotic system 176

Astashin O.G. Social justice in the context of expertise 179

Bashelkhanov A.Yu. Religious cults on easter island through the lens of social development 182

Belogrud I.N. Digital socialization of the older generation in the context of continuous education 185

Veterkov A.I. The transformation of historical memory in the era of the digital revolution: challenges and prospects 189

Garibshoev G.K. Value filter of modernization: axiological synthesis and transformation of identity in Tajikistan 192

Derevyanchenko Yu.I. Constructing ethnicity: from essence to boundary 194

Donskikh K.Yu. Evil in the human being: V.V. Zenkovsky's anthropological interpretation within the context of the Russian philosophical tradition 198

Kirillova I.K. The Evolution of Modern Urban Concepts 200

Kuzmenkova T.L. The philosophical context of the problem of artificial intelligence 203

Nazarov M.H. Philosophical foundations of the formation of digital values in modern society 206

Pigareva A.V. Language as a form of social being: philosophical and sociolinguistic aspects 209

Pisachkin D.V. The potential of the Siberian Cossacks in the context of Russia's ideological security 213

Falko E.A. The problem of the relationship between social ecology and the soviet press 217

Farkhutdinova F.F. The specifics of the interaction between culture and science: the socio-cultural aspect 219

Chuganskaya A.A. The problem of semantic gaps: from theories in the humanities to building models for artificial intelligence 222

Shakirova E.S. Affective fatigue and the simulation of happiness in a society of excessive consumption 225

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Babkova O.M. The human project in Russian philosophy at the beginning of the 20th century 227

Denisov A.E. The main features of the Christian worldview in the interpretation of archpriest alexander men serve as a spiritual and moral compass for Christians in our time 231

Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Ryzhova T.S. The relationship between internal conflict and irrational attitudes among psychology students 234

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Belova I.V. Tools for analyzing events of a politological nature in the social environment of public administration 238

Vititnev S.F., Bruz V.V., Shmeleva A.V. The influence of political actors on the formation of the public environment in the conditions of digitalization of communication processes and the transformation of institutions of civil participation 241

Vulfovich R.M. The process of defining and implementing a regional policy of ensuring the mobility of residents in a large urbanized region: a hundred years' journey (case the three-state New York region) 245

Gomal M.A., Zakharova S.A. The State as a Civilization and Political Theory 249

Ibragimov A. Institutional barriers and scenario trajectories for the development of electoral activity among Russian youth 253

Ilin A.S. Paradigmatic shift in scientific recognition criteria and scenario forecast for Russia 257

Kalinin D.M. Generative artificial intelligence models in political communication: practices, effects, and risk classification 262

Karatueva E.N. The Formation of Russia's Environmental Movement: Ideological Transformations and Civic Strategies 266

Kernozhitskaya E.V. Strategic Priorities for the Development of the Leningrad Region's Construction Complex: Areas for Improving Public Policy 270

Lisov D.A. Stock exchange committees and congresses of industrial representatives in the Russian Empire: the development of a system of economic lobbying at the turn of the 19th and 20th centuries 273

Maleev V.V. Digital feedback as a mechanism of public oversight: a comparative analysis of Russian platforms 277

Myshkin K.N. The Transformation of State Sovereignty Amidst Information-Cognitive Political Warfare 280

Nikolaev N.P. The concept of multi-vector analysis (MVA) of ideologies: theoretical justification and methodological framework 283

Makashov A.I. Aspects of relations with the EU, as well as Georgia's European integration policy during the presidency of M.N. Saakashvili (2003–2013) 288

Povaliukhina A.N. Continuity and Change: The Evolution of Japan's Party System at the Beginning of the 21st Century 291

Rudneva O.O. Digital transformation of the electoral process in Moscow: new opportunities for citizen participation and risks of political fragmentation 294

Sanin D.V. The role of youth involvement in charitable projects in changing the social landscape of regions 298

Kharichkov V.V. The domestic political landscape of contemporary Taiwan: key problems and contradictions 302

Kharseeva A.V. The evolution of THR protest mobilization technologies in Moscow (2010–2021): from affective outrage to digital hybrid protest 306

Khokhlov D.A. Digital Technologies as a Tool for Implementing State Policy of National Security in the Arctic Zone of the Northwestern Federal District 310

Hua Huy Hoang. Political communication as an important factor in forming political networks in Vietnam 314

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Baez Havkar Herish Baez. Russian-iraqi relations: state analysis and forecasting 319

Bosy I.V. US Military-Technical Cooperation Policy in the Context of a Continuum of Coups in Sub-Saharan Africa 323

Danilov V.L. Extremism and terrorism as cross-border threats: an analysis of contemporary challenges 328

Nguyen Van Nhu, Le Duc Anh, Do Ngoc Anh, Nguyen Ngoc Ha Phuong. Some Opportunities and Challenges for Vietnamese Politics in the Transition to Socialism 331

Saliu Dabo. Migration and its Impact on Politics in Africa 335

Stepanov V.I., Stepanova N.V. National Education Policy 2020 and its Role in Effective Governance and Leadership in Higher Education Institutions in India 339

Song Yongbing. The impact of the «belt and road initiative» on the economic cooperation between China and the countries of central and eastern Europe 343

Cao Guoping, Ivanova E.A. Review of potential issues and their solutions in the implementation of the Moscow – Saint Petersburg high-speed rail megaproject 348

Chen Bing. Diaspora policy of the Republic of Korea in the CIS countries 352

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Abdullaeva O. UNESCO UNITWIN Chairs as a Tool of Cultural Diplomacy in Uzbekistan 356

Andreev S.D. India and China in the Context of Indian Diplomacy's Eastern Vector: Finding a Balance between Cooperation and Competition 359

Blonskiy A.I. Challenges and Prospects of Russian-Chinese Humanitarian Cooperation 364

Kazaryan S.I. The role of international initiatives in the normalization process between the republic of Armenia and Turkey 367

Neklyudov E.V. From Argentina to the World: the Miley Era and the Globalism of the Libertarian Idea 371

Ola. A. Elsherif. Esports as a space for international interaction: the experience of Russia, Saudi Arabia, and Nigeria 375

Pozharov I.A. Political and Legal Foundations of the International Activities of the Representative Institutions of the Russian Federation 379

Peng Mengyao. Ontological Security in the Context of Chinese Politics 383

Chen Jiajing. Transformation of Russian Society in the Post-Soviet Period: The Influence of Western International Relations Theories 387

Shapovalov A.E. Trends in US-Japan Technological Cooperation from 2021 to 2025 390

Yuzopolsky M.D. The 21st century «war of position»: Antonio Gramsci as the ideological progenitor of modern soft power 394

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Berberova L.B. The status of ancient Balkarian stone cryptoses in the context of historical memory 397

Efimova Yu.A. Critical thinking: its integration into the modern educational process 399

Kravchenko A.I. County town in the province 404

Li Yiqian, Long Yuhong. Visualization analysis of the status and trends of research on English teachers' assessment literacy in China (2016–2025) 410

Akopyan D.V. Using ai in information political warfare 413

Alborova M.B. Academic Mobility as a Factor in the Development of International Scientific and Technological Relations 416

Guryeva D.I. Linguocultural concepts in the linguistic worldview: a comparative analysis 421

Zagrednyuk A.E. The phenomenon of background music in popular culture: historical, theoretical and axiological aspects 424

Lyubomudrov P.A. Semiotic Mechanisms of Visual Code Formation in Modern Social Media 428

Markovskaya E.I., Dolapo Durojaiye. The Japa Phenomenon and Value Readiness: Youth Emigration, Professional Aspiration, and Higher Education in Nigeria 432

Xu Xin, Guo Siwen. A Study of the Russian Translation and Dissemination of the Red Culture of Northeast China in the Context of the Development of New Quality Productive Forces 437

Tatishchev A.A. Ontological Foundations of the Reconfiguration of Science in the Context of Post-Anthropocentrism 441

Taushkanova K.D., Semenov I.A., Sizova Yu.S. The crisis of multilateralism and the Prospects of the United Nations in the 21st century: from institutional paralysis (crisis) to the search for a new paradigm of global governance 445

Umar Mohammed Bello. Norm Contestation and Regional Order in West Africa ECOWAS, the Alliance of Sahel States (AES), and the Struggle for Security Governance 447

Velm I.M. A shift in fundamental worldviews in a changing world 450

Kravchenko A.L., Lomakin D.V. The Russian digital platform market: specifics and development prospects 453

Tepikin V.V. Modern Russian society: overcoming key social problems 456

Гуманитарные науки в философском и социальном контексте исследования военной традиции России

Кидямкин Алексей Анатольевич,
аспирант кафедры философии ФГБОУ ВО
«МГУ им. МГУ им. Н.П. Огарева»

В России основывались на многолетнем опыте общения с Византией и славян, других этнических общностей, учитывались особенности дружественных социокультурных связей восточно-христианских народов. Следует отметить и тот факт, что на заре Нового и Новейшего времени война являлась одним из основополагающих государственно-политических и социокультурных критериев бытия политиков и государств. Да и сегодня военно-стратегическая дифференциация этносов является до сих пор значимыми факторами как интеграции, так дезинтегративных тенденций в обществах (напр., экс-Югославия). Безусловно была возможность и других парадигм традиции. Но она оказалась не осуществлена. Удивителен тот факт, что в российской социально-философской мысли утвердилась именно имперская линия понимания форм воинской традиции.

Ключевые слова: империя, воинская традиция, социально-философские основания, интеграция, Россия

Введение

Социокультурный контекст развития мирового сообщества в последние два столетия характеризуется рядом особенностей. Во-первых, это ускорение течения социального времени и, как следствие, повышение жизненного темпа и ритма жизнедеятельности социума в целом, что выражается в стремительном научно-техническом прогрессе, появлении новых информационных систем и систем связи, в то же время в снижении планки длительности жизни отдельного человека в подавляющем большинстве стран, геометрическом прогрессировании социальных болезней и глобальных мировых проблем. Во-вторых, это небывалое расширение пространственных характеристик во всех сферах жизнедеятельности мирового социума и возникшая в связи с этим необходимость экономических, политических и социальных интеграционных процессов. Стираются границы между государствами, культурными сообществами, наблюдается явная тенденция к объединению человечества для решения единых общечеловеческих задач. В-третьих, вопреки предыдущим признакам, наблюдается высокая плюрализация путей развития отдельных государств, как в политическом, так и в социальном планах. XX век принес миру множество социальных потрясений, характер которых во многом был непредсказуем. И, наконец, современному сообществу характерна духовная трансформация, смена жизненной философии в целом, продиктованная и обусловленная выше обозначенными факторами. Наступает этап серьезного переосмысления социальных представлений о стиле и перспективах существования мировой цивилизации. Как верно заметил М. Хальбвакс, «Когда всеобщая церковь средневековья распалась на национальные церкви, похоже, этот факт не имел существенных последствий в демографическом плане. С религиозной точки зрения, напротив, подобное изменение формы означает, что духовное все больше подчиняется земному» [10, с. 241].

Обзор источников

К теме изучения фактора войны в религиозной русской философии обращались многие исследователи как российские, так и зарубежные. Уже во времена жизни философа его этические идеи вызвали бурную реакцию у его современников и разделили их на два лагеря – защитников и противников его философских взглядов. В центре полемики оказалась работа философа «О сопротивлении злу силою». Видные деятели русского зарубежья: Н.А. Бердяев, З.Н. Гиппиус, Ю. Айхенвальд, Л. Добронравов, В.В. Зеньковский, Ф.А. Степун выступили с критикой этических идей философа. Другие – П.Б. Струве, Н.О. Лосский, митрополит Антоний (Храповицкий), напротив, выступили в поддержку философских идей оригинальности рассмотрения русской воинской традиции.

Основная часть

Серьезное внимание исследованию воинского наследия в России уделялось в курсах по истории русской философии, изданных в эмиграции И.О. Лосским, В.В. Зеньковским, Б.В. Яковенко. Эти исследователи рассматривали «философию войны» через призму соответствия его идей христианской традиции.

Значительный вклад в изучение творчества «философию войны» внес зарубежный исследователь середины 90-х гг. XX в. Н.П. Полторацкий. Он назвал мыслителя одним из виднейших духовно-предметных учителей среди представителей русского религиозно-философского возрождения XX века [7]. Н.П. Полторацкий в своих исследованиях высказывает глубокую убежденность в верности россиян русской православной традиции, что существенно отличает его от других мыслителей.

В.В. Зеньковский в своих трудах, посвященном изложению взглядов большинства современников автора, анализирует в основном учение о философском опыте войны, не затрагивая проблем человека, правосознания, патриотизма, национализма, темы будущего России [3].

Большой вклад в изучение «философию войны» внес Ю.Т. Лисица, благодаря которому впервые в России был изданы 32 тома собраний сочинений [5]. Ю. Лисица является составителем наиболее полной библиографии произведений философов и автором многочисленных предисловий к собранию сочинений и статей, посвященных анализу

его российской социально-философской тематики воинской традиции.

Сегодня философское творчество в контексте «философии войны» пользуется огромной популярностью. К его изучению обращаются многие современные исследователи. В трудах русских мыслителей нашли освящение актуальные до сих пор философские идеи, посвященные рассмотрению теории права, нравственных и религиозных вопросов философии, антропологии, взаимоотношения человека и общества, грядущей судьбы России. Неподдельный интерес к «философию войны» связана с вновь вышедшими на первый план проблемами современного общества, к рассмотрению которых русские философы обращались еще в начале XX века.

Еще тогда, например И.А. Ильин, занимался глубоким анализом происходящих в российском обществе процессов и поиском путей преодоления кризисных ситуаций. Почто сто лет назад философ, с присущей ему глубокой проницательностью и дальновидностью, проникает вглубь различных философских понятий и общественных явлений, предсказывает события будущего, поражая нас своим ясновидением. Многие предвидения И.А. Ильина касаются прошлого и настоящего нашего отечества. Тема России была актуально тогда, актуальна она и сейчас. Столь глубокие и значимые размышления философа над актуальными вопросами философии побуждают современных исследователей вновь и вновь обращаться к изучению творчества И.А. Ильина.

Среди современных исследований проблематики «философии войны» можно назвать следующие: Евлампиев И.И. [2], Окара А.Н. [6], Зернов И.Н. [4] и многие другие.

Но, несмотря на многочисленное разнообразие подходов к изучению «философию войны», философское наследие данного тренда остается до конца не изученным. Сегодня философские идеи в духовном наследии воинской традиции россиян становятся все более актуальными для современного общества. Глубокое убеждение многих исследователей в данном контексте в том, что восстановление духовности человека и народа есть кардинальный путь к воссозданию фундаментальных оснований российской действительности, определяет актуальность изучения его наследия.

Двойственность человеческой природы не позволяет человеку всецело приблизиться к идеалам духовной традиции россиян, налагает на него своеобразное ограничение, полагает некий предел, который человек не может уже преодолеть. Присутствие в человеке эмпирического начала, которое стремится к самобытному существованию, приводит к возникновению трагизма в «философии войны». Ограниченность человеческой природы ограничивает и само высшее ценностное начало. Существование мира и человека по своим пространственно-временным законам, невозможность преодолеть свое иррациональное существование, ограничивает своей самобытностью моральное сознание, «обременяет» и задерживает его рост. Многие мыслители Руси-России отмечают, что наличие в двойственной человеческой природе, самобытной эмпирической силы не позволяет ему обрести единство души и тела. Эта сила низводит его от божественного состояния к состоянию низменному, несовершенному, эта сила настолько непредсказуема и имеет такую власть над человеческой природой, что не позволяет даже благому божественному началу избавить человека от злой самостоятельности эмпирического бытия. Человек отчуждается от нравственных и социальных истоков, его жизнь становится бессмысленной, наполняется злом и страданиями. Человек берет на себя ответственность не только за свою жизнь, и за все, происходящее в мире. И все зло, находящееся в мире, становится частью человека, его «душевной склонностью» [3].

В вопросе духовного становления личности авторы, рассматривающие проблематику философии войны руководствуется понятием ранга. Он отрицает какое бы то не было человеческое равенство и видит в идеи уравнения всех людей больше вреда, нежели пользы. Теория равенства, по мнению, например И.А. Ильина, зародилась гораздо раньше французской революции, которой приписывают ее возникновение. Ильин считает эту идею одной «из основных человеческих слабостей, которая обнаруживалась еще в древности, и иногда притом в самых острых и разрушительных формах» [3]. В отрицании идеи равенства прослеживается влияние на философию Ильина взглядов еще одного немецкого философа Т. Карлейля.

Ильин видит два различных направления, которые возможны в процессе развитии общества. Первое направление заключается в выявлении общих для людей черт, проявляемых или в различных видах деятельности, будь то деятельность хозяйственная, или политическая, или социальная. После определения некоего общего знаменателя, следующим этапом следует уравнение всех людей по их общим, сходным качествам.

Другое направление развития общества заключается, напротив, в выявлении у каждого отдельного человека, неких особых, присущих только ему, неповторимых черт, под которые нельзя равнять всех людей. «Справедливость требует различной классификации и неравного отождествления с теми, которые по существу своему различны и разноценны» [8, с. 345] – отмечает Ильин.

Здесь Ильин и вводит понятие «ранг». Однако, в это понятие философ вкладывает несколько иное значение, отличное от нынешнего, ранг – это не социальное или физическое преимущество, это преимущество гораздо более высокого уровня, это преимущество качественное, а не количественное. Бог каждого наделил человека индивидуальностью, не существует двух совершенно одинаковых людей, – утверждает философ. Такой подход философа к пониманию человеческой личности приводит к отрицанию теории всеобщего равенства. По мнению Ильина, идея ранга являет собой настоящую справедливость. В своем отрицании всеобщего равенства И.А. Ильин согласен с немецким философом Т. Карлейлем.

Как мы видим, западноевропейская философская мысль оказала значительное влияние на философию Ильина

Но Ильин был не чужд влияния и русской религиозной философии, христианских традиций. Прежде всего, в философии И.А. Ильина прослеживается влияние видного русского философа В.С. Соловьева, к творчеству которого И.А. Ильин относился с особым интересом. Многие идеи нравственной философии В.С. Соловьева нашли свое воплощение в философии Ильина, в частности во взглядах последнего на проблему соотношения права и морали. Соловьев разграничивал функции государства и Церкви в деле объединения человеческого общества. Государство в деле консолидации общества руководствуется общими для всех юридическими нормами и законами, с помощью которых путем ограничения абсолютной свободы человека, обеспечивает минимальное благосостояние обществу. Задачу Церкви русский мыслитель видит в объединении общества на нравственных принципах. Как считает философ, закон «выражает собой лишь количественную, математическую справедливость, воздействие которой равно действию, равное за равное, око за око, зуб за зуб» [9, с. 215]. В таком понимании справедливость не несет в себе никакой моральной окраски, она всего лишь становится сухой буквой закона.

Объединение права и морали возможно при условии стремления общества к достижению некой социальной цели, которая включала защиту и оборону. Но и здесь пути достижения поставленной цели для морали и права оказываются совершенно не сопоставимыми друг с другом, если мораль, прежде всего, заставляет человека обратиться внутрь самого себя, и не оценивать поступки других, то право, устанавливает не только обязанность, но и притязание.

Основные положения, касающиеся соотношения понятий права и морали, В.С. Соловьев сформулировал в своих работах: «Оправдание добра» и «Право и нравственность» [9], написанных им в 1897 году.

1. Если право устанавливает лишь минимальные требования, предъявляемые к членам социума, то нравственность призывает человека к бесконечному, постоянному совершенствованию, она не ограничивается достижением чего-либо, и этот призыв не ограничивается ни социальным положением, ни каким-либо другим критерием, он является всеобщим, звучит для каждого без исключения человека.

2. При всей ограниченности сферы действия права, оно, тем не менее, устанавливает некий минимальный порог добра, через который нельзя переступить, гарантом этого выступают действующие законы государства, нарушение которых карается. Таким образом, право выступает в качестве сдерживающей силы, которая, в некоторой мере, не дает злу одержать победу над добром.

3. Напротив, нравственность чужда любого вида насилия над человеком, она подразумевает только добровольное исполнение всех требований.

«Право, – пишет Соловьев, – есть исторически-подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально-нравственным интересом личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага» [9, с. 165]. Ильин же отмечает: «религия, по самому существу своему, претендует на руководство во всех делах и отношениях. Она ищет и находит высшее слово и последнее слово; она указывает человеку на то, через что самая жизнь его становится воистину жизнью и каждое действие получает свой существенный смысл, свое последнее освящение», но «самая религия как осуществление «царства Божия» невозможна вне права и его признания, т.е. вне правосознания. Религиозность есть состояние духовное, и потому оно имеет смысл и ценность только при автономном принятии откровения личною душою… Человек имеет естественное и неотъемлемое право на автономное восприятие Боже-

ства… Иметь религию есть право человека, и это право, – право быть духом, лежит в основе всех других его прав» [8, с. 98].

И.А. Ильин рассматривает воинский долг, в первую очередь, с точки зрения высшего нравственного закона, данного человеку Самим Богом. Для него любой закон жизни человеческого общества, является ничем иным, как божественным установлением, и соответственно призван указать человеку путь к духовному возрастанию и совершенствованию, регламентировать его поступки. Если человек держится выбранного им пути, то он «прав», и «не прав» – если сходит с него.

На понимание Ильиным сущности понятия «религия» оказал влияние еще один русский философ С. Булгаков. Оба философа определяют сущность религии как стремление человека к Богу, восстановление утраченной с Ним связи. Бог для человека является источником всех благ, некогда утерянных или же сознательно отвергнутых им, но этот Источник не закрыт для человека окончательно, каждый человек, почувствовавший в себе жажду стать причастником Божества, и устремившийся навстречу своему Творцу, не будет Им отвергнут и сможет восстановить утерянную связь с Богом. На языке философии религия есть «переживание трансцендентного, становящегося постольку имманентным, однако, при сохранении своей трансцендентности, переживание трансцендентно-имманентно» [1, с. 236]. Религиозно-философская мысль России была обращена прежде всего к духовным проблемам философского творчества россиян, но в данном контексте проблема высокого духовного предназначения российской воинской традиции была затрагиваема как важнейший фактор специфики судеб исторической Руси и России.

Заключение

По отношению к роли социальных доминант и традиций воинской доблести в человеческом обществе позиция многих русских мыслителей такова, что с их точки зрения философов только такое государство, в основе которого лежат божественные законы, способно стать действительно справедливым и стать источником великой христианской культуры. Осуществление и сохранение культурных идеалов без воспитания воинской традиции в среде социума, как показывают новейшие события, невозможно.

Одним из основных направлений «философию войны» а является осмысление человеческого бытия, становления человеческой личности, взаимоотношение человека и общества. Философы прибегают к рассмотрению таких философских категорий как смысл человеческого бытия, мера ответственности человека за все происходящее в мире, пытается как можно полнее определить критерии нравственных ценностей.

Литература

1. Булгаков, С.Н. Трагедия философии / С.Н. Булгаков: соч. в 2-х тт. Т. 1. – Москва: «Наука», 1993. – 603 с.
2. Евлампиев, И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина / И.И. Евлампиев. – Санкт-Петербург: Наука. – 1998. – 234 с. – Текст: непосредственный.
3. Зеньковский, В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» / В. Зеньковский // И.А. Ильин: proetcontra. – Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2004. – С. 708–731. –Текст: непосредственный.
4. Зернов, И.Н. Иван Ильин. Монархия и будущее России / И. Н Зернов. – Москва: Алгоритм, 2007. – 240с. – ISBN: 978–5–9265–0413–9 – Текст: непосредственный.
5. Лисица, Ю. Т. И.А. Ильин: о русской культуре / Ю.Т. Лисица. – Москва: Русская книга, 1993. – 224 с.
6. Окара, А.Н. Правосознание – центральная категория философии права И.А. Ильина / А.Н. Окара // Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 84–93. – Текст: непосредственный.
7. Полторацкий, Н. П. И.А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой // Ильин И.А. Собр. соч.Т.5 – С. 479–528 – Текст: непосредственный.
8. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев: в 2-х томах. – Москва: Мысль, 1990. – Т. 1. – 344 с. – Текст: непосредственный.
9. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2 т. / И.А. Ильин; [Вступ. ст. И.И. Евлампиева]. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург.изд. фирма, 1994. – 541 с. (Слово о сущем). – ISBN 5-02-028175-1. – Текст: непосредственный.
10. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология/ Пер с фр. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко; отв. ред., послес. А.Т. Бикбов; сост. биограф. Очерк В. Карди. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПБ.: Алетейя, 2000.-509 с., С. 241.

HUMANITIES IN THE PHILOSOPHICAL AND SOCIAL CONTEXT OF THE STUDY OF RUSSIA›S MILITARY TRADITION

Kidyamkin A.A.
N.P. Ogarev Moscow State University

In Russia, based on many years of experience in communication with Byzantium and the Slavs, as well as other ethnic groups, the peculiarities of friendly socio-cultural relations between Eastern Christian nations were taken into account. It should also be noted that at the dawn of the New and Modern Era, war was one of the fundamental state-political and socio-cultural criteria for the existence of politicians and states. And even today, the military-strategic differentiation of ethnic groups is still a significant factor in both integration and disintegrative tendencies in societies (for example, ex-Yugoslavia). Of course, there was the possibility of other paradigms of tradition. But it was not implemented. It is surprising that the imperial line of understanding of the forms of military tradition has been established in Russian socio-philosophical thought.

Keywords: empire, military tradition, socio-philosophical foundations, integration, Russia

References

1. Bulgakov, S.N. The Tragedy of Philosophy / S.N. Bulgakov: Works in 2 volumes. Vol. 1. – Moscow: “Nauka”, 1993. – 603 p.
2. Evlampiev, I.I. Divine and Human in the Philosophy of Ivan Ilyin / I.I. Evlampiev. – St. Petersburg: Nauka. – 1998. – 234 p. – Text: direct.
3. Zenkovsky, V. Regarding the book by I.A. Ilyin “On Resisting Evil by Force” / V. Zenkovsky // I.A. Ilyin: proetcontra. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 2004. – pp. 708–731. – Text: direct.
4. Zernov, I.N. Ivan Ilyin. Monarchy and the future of Russia / I.N. Zernov. – Moscow: Algorithm, 2007. – 240 p. – ISBN: 978–5–9265–0413–9 – Text: direct.
5. Lisitsa, Yu. T. I.A. Ilyin: about Russian culture / Yu.T. Lisitsa. – Moscow: Russian Book, 1993. – 224 p.
6. Okara, A.N. Legal consciousness is the central category of the philosophy of law I.A. Ilyin / A.N. Okara // State and Law. – 1999. – No. 6. – P. 84–93. – Text: direct.
7. Poltoratsky, N. P. I.A. Ilyin and the controversy surrounding his ideas on resisting evil by force // Ilyin, I.A. Collected Works, Vol. 5, pp. 479–528. Text: direct.
8. Soloviev, V.S. Justification of Good. Moral Philosophy / V.S. Soloviev: in 2 volumes. – Moscow: Mysl’, 1990. – Vol. 1. – 344 p. – Text: direct.
9. Hegel’s Philosophy as a Teaching on the Concreteness of God and Man: In 2 volumes / I.A. Ilyin; [Introduction by I.I. Evlampiev]. – St. Petersburg: Nauka: St. Petersburg Publishing House, 1994. – 541 p. (A Word on the Existing). – ISBN 5-02-028175-1. – Text: direct.
10. Halbwachs M. Social classes and morphology / Translated from French. A.T. Bikbova, N.A. Shmatko; resp. ed., after. A.T. Bikbov; comp. biographer. Essay by V. Cardi. – M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 2000.-509 pp., p. 241.

Роль средств массовой информации в формировании коммуникативно-правовой культуры молодёжи

Айвазян Оксана Оганесовна,
кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой общественных коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»
E-mail: o.o.ayvazyan@mail.ru

В статье рассматривается роль средств массовой информации в формировании коммуникативноправовой культуры молодёжи в условиях цифровой трансформации общества. Актуальность работы обусловлена возрастающим влиянием медиа как агента социализации и противоречием между просветительской функцией СМИ и фрагментацией правовых представлений среди молодежи. В статье раскрывается сущность коммуникативно-правовой культуры (КПК) как интегративного феномена, включающего когнитивный, нормативно-ценностный и коммуникативно-практический компоненты, а также анализируются механизмы правовой социализации (директивная передача, моделирование, внутренне нормирование) и влияние на них медиаконтента. Эмпирическую базу исследования составляет социологический опрос 450 молодых людей 17–22 лет из Краснодарского края и Республики Адыгея (2025–2026). На основании проведенного исследования было выявлено что основным источником правовой информации является интернет, средний уровень правовых знаний, но все же отмечается позитивный эффект влияния СМИ на правосознание. Также в ходе анализа были выявлены различия взаимодействия цифровых и традиционных СМИ: первые способствуют фрагментации правосознания, вторые – системному просвещению. В заключение предлагаются меры по оптимизации медиавоздействия: разработка специализированного контента, взаимодействие СМИ с экспертами и образовательными институтами, интеграция медиаграмотности в неспециализированные учебные программы. Также была отмечена системообразующая роль СМИ в трансформации правовых норм в поведении и коммуникации молодежи при условии дифференцированного подхода к медиаканалам.

Ключевые слова: правовая коммуникация; коммуникативное правосознание; медиавоздействие; коммуникативно-правовая культура; социология коммуникации и права; социология культуры; молодежь.

Введение

Актуальность исследования роли СМИ в формировании коммуникативноправовой культуры молодёжи определяется возрастающим влиянием средств массовой информации как ключевого агента социализации в условиях цифровой трансформации общества. Современные медиа формируют у молодёжи не только информационную картину мира, но и модели правового поведения, интегрируя юридические нормы в повседневные коммуникативные практики. В связи с этим, определяется особая значимость процесса интеграции правовых норм в ходе коммуникации среди молодежи, поскольку они являются основными субъектами взаимодействия. Исследование особенностей медиавоздействия в условиях современного трансформирующегося общества способствует возможности прогнозирования перспектив становления коммуникативного правопонимания и правосознания. Исходя из отмеченного определяется проблема исследования, которая заключается в наличии противоречий, вызванных несоответствием между необходимым и фактическим уровнем правовых и коммуникативных знаний молодежи, характеризующихся фрагментарностью среди молодого поколения. Хотя и правовая информация в условиях современности является относительно доступной, однако недостаточный уровень понимания и интерпретации правовых норм приводит к ошибочному применению их в ходе коммуникативного взаимодействия среди молодежи, что приводит к возникновению конфликтов. В целях предотвращения подобных негативных проявлений необходим комплексный анализ функционирования медийных механизмов.

Особенности коммуникативно-правовой культуры молодежи

Коммуникативно-правовая культура молодежи представляет собой интегративный феномен, синтезирующий правовое сознание, коммуникативную компетентность и нормативное поведение. Данная категория отличается от правовой культуры акцентом на коммуникативные аспекты реализации правовых норм, а от правосознания – включением поведенческого компонента. В отличие от коммуникативной культуры, рассматриваемое понятие содержит чёткую правовую детерминанту, что формирует его специфику. Такое разграничение позволяет выделить уникальный предмет исследования, сочетающий регулятивные и дискурсивные практики.

На основе отмеченного и проанализировав различные научные исследования, коммуникативно-правовая культура молодежи как предмет исследования еще не изучалась, однако, есть возможность представить концепции ученых, в которых описываются особенности элементов системы КПК, такие как: правовая коммуникация, правовые и нравственные нормы, современные технологии коммуникации, коммуникативная культура, правовая культура.

Так, Е.Ф. Усманова отмечает, что изучение права как средства коммуникации – это шаг к рациональному нормотворчеству. Нормы права не должны произвольно вноситься в общественное сознание, а должны проявляться в контексте интеракции субъект-субъективного взаимодействия [16, с. 21].

По мнению А.В. Константиновой «правовая коммуникация – это обмен информацией и непосредственное взаимодействие коммуникантов в правовой сфере. При этом важно чтобы правовая коммуникация отвечала основным стандартам и требованиям, предъявляемым к языку и речи (коммуникативные, нормативные и этические)» [5, с. 77; 11].

В вопросе о правовой культуре мы солидарны с точкой зрения А.В. Полякова «о том, что правовая культура (правовые основы) не может существовать вне взаимодействующих субъектов – носителей прав и обязанностей, так как основы права вплетены в жизненный мир личности, в коммуникативную систему общества» [13, с. 29].

Также значима идея А. Кауфмана о том, что процесс понимания обладает субъективным и объективным характером, исходя из это следует отметить, что «правопонимание, являющееся компонентом правовой культуры призвано выполнять формирующую роль, а право

в рамках правовой культуры реализуется в процессе коммуникативного взаимодействия молодежи» [19].

Исходя из отмеченного и согласно мнению А.А. Кукушкиной «высокий уровень правовой культуры – это основа для формирования правового государства и гражданского общества» [12, с. 152].

В системе становления коммуникативно-правовой культуры молодежи также важен учет особенностей правовых и нравственных основ. Так, по мнению В.С. Соловьева, «право – это «низший предел», или «минимум нравственности», т.е. между правовыми и нравственными нормами не должна возникать противоречивость, хотя нравственность шире, поскольку не все поступки, считающиеся аморальными с точки зрения нравственности, являются противоправными с правовой позиции» [4, с. 36; 15].

При всем вышеизложенном, следует подчеркнуть важность формирования коммуникативной культуры, которая включает коммуникативную компетентность, реализуемую посредством разнообразных форм и видов, а также коммуникативный этикет, социально обусловленный традициями и нормами конкретной социальной группы или сообщества [6, с. 68].

При этом стоит отметить то, что процесс формирования позитивной коммуникативно-правовой культуры происходит посредством информационно-коммуникационных технологий из чего следует необходимость регулирования потоков информации в информационном пространстве Интерне-сети, включая криминальную и антиправовую, а также усиления контроля путем наложения санкций [14].

Коммуникативно-правовая культура молодёжи – это сложный интегративный феномен, который имеет следующую структуру, включающую три взаимосвязанных компонента: когнитивный (правовые знания), нормативно-ценностный (правовые установки) и коммуникативно-практический (навыки правовой коммуникации). Системный подход акцентирует внимание на их взаимозависимости, социокультурный – на детерминации общественными нормами, функциональный – на адаптивной роли культуры. Эмпирическая операционализация предполагает измерение когнитивного компонента через уровень правовой грамотности, ценностного – через отношение к правовым институтам, практического – через анализ коммуникативных стратегий в правовых ситуациях.

В системе формирования коммуникативно-правовой культуры особую роль выполняет процесс социализации личности молодых людей. Социализация молодежи через коммуникативно-правовую культуру осуществляется посредством трёх ключевых механизмов: директивной передачи, моделирования и внутреннего нормирования [2; 18]. Директивная передача предполагает целенаправленное воспроизводство правовых норм через образовательные институты и нормативные акты. Моделирование реализуется через имитацию социально одобряемых поведенческих паттернов, демонстрируемых референтными группами. Внутреннее нормирование отражает процесс интериоризации правовых ценностей, формирующий индивидуальную правовую идентичность молодёжи в рамках коммуникативных практик.

Интеграция правовых норм в повседневные дискурсы проявляется через специфические языковые формы, рутины и нарративы, циркулирующие в молодёжной среде. Анализ этих элементов позволяет выявить закономерности репродукции правовых установок в межличностной и медийной коммуникации. При этом дискурс выступает основным компонентом, влияющим на способность трансформировать правосознание через нормализацию определённых поведенческих паттернов. Данный процесс детерминирует формирование устойчивых коммуникативно-правовых моделей, включающих толерантное отношение и регулирующих социальное взаимодействие молодёжи [3]. При этом, «толерантное отношение – это важнейшая составляющая взаимодействия членов общества, без наличия данного аспекта невозможно построить эффективный диалог, навеянный духом уважения друг к другу, в направлении формирования коммуникативно-правовой культуры личности молодых людей» [1, с. 137].

Также агентом процесса социализации являются СМИ, которые влияют посредством медиа на формирование коммуникативного правосознания и правопонимания. Так, в условиях цифровой трансформации средства массовой информации выступают ключевым агентом правовой социализации молодежи в условиях цифровой трансформации, что отражено в анализе эмпирических проявлений влияния различных типов СМИ на правосознание молодежи. Цифровые платформы обеспечивают непрерывный поток правовой информации и образцов поведения, который во многих случаях замещает роль традиционных институтов социализации, таких как семья и школа [7]. Это проявляется в распространении моделей правого поведения через массовые и социальные медиа, а также в изменениях способов усвоения норм и правил аудиторией. Последствия такого сдвига требуют системного учета при формировании программ правового воспитания и обучения.

Механизмы влияния включают моделирование правовых сценариев, нормативное давление и формирование ценностных ориентаций через медиаконтент. Медиаконтент демонстрирует образцы действий и реакций на правовые ситуации, создавая у молодежи условные сценарии поведения и ожидания относительно практик взаимодействия с правовой системой. Нормативное давление реализуется через повторение определённых фреймов, оценочных маркеров и экспертных интерпретаций, что закрепляет представления о приемлемом и неприемлемом поведении. Формирование ценностных ориентаций усиливается через подбор тем, источников и персонажей, влияющих на приоритеты и коммуникативные практики молодежной аудитории.

Анализ эмпирических проявлений: правовые установки и коммуникативные практики молодежи под воздействием различных типов СМИ

В целях выявления роли средств массовой информации в формировании коммуникативно-правовой культуры молодёжи был проведен социологический опрос в 2025–2026 гг., который проводился среди молодежи Краснодарского края и г. Майкоп, Республики Адыгея в возрасте от 17 до 22 лет. Опросом было охвачено 450 молодых людей. В рамках исследования были проанализированы предпочтения респондентов в выборе информационных каналов, используемых для получения правовых сведений (рис. 1).

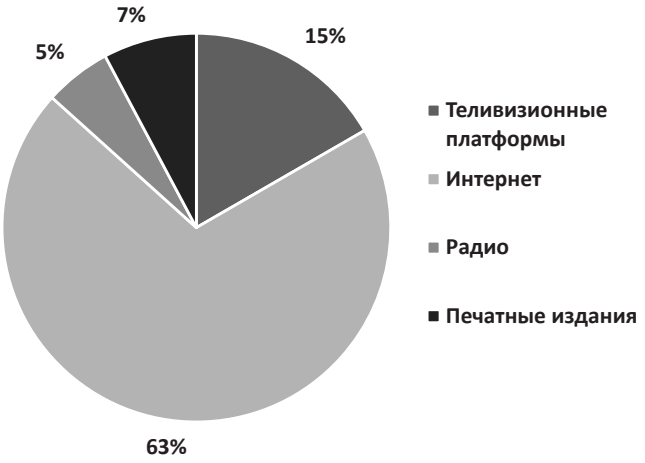

Рис. 1. Информационные каналы, используемые для получения правовых сведений

Так, телевизионные платформы, несмотря на их традиционное доминирование, остается значимым лишь среди 15% респондентов. Подавляющее большинство молодежи – 63% выбирают интернет в качестве основного источника информации. Радио и печатные издания были отмечены как источники получения правовой информации, но занимают меньшую долю аудитории – 5% и 7% соответственно. Также большая часть опрошенных – 68% отметили то, что СМИ являются главным источником правовой информации. Также для 32% респондентов в качестве основных источников получения правовой информации является изучение основ права в рамках образовательного процесса. Указанные результаты позволяют констатировать то, что несмотря на возрастание роли массмедиа, традиционные каналы получения правовых сведений остаются актуальными для молодежи, а это базис становления коммуникативно-правовой культуры в молодежной среде.

Следующий вопрос позволил выявить представления молодежи об уровне их правовых знаний. Так, при ответе на вопрос: «Каков ваш уровень правовых знаний?» большая часть респондентов (55%) отметили средний уровень, 20% – выше среднего, и 11% молодых людей обнаруживают у себя высокую степень знаний, что позволяет констатировать наличие достаточного уровня базовых знаний. Несмотря на положительную динамику, все же были и такие опрашиваемые, которые отнесли свои знания к уровню ниже среднего, а именно 12% респондентов, и 2% – отметили низкий уровень. Анализ результатов позволяет прийти к логическому умозаключению о необходимости дальнейшей работы по усилению правовой просвещенности молодых людей (рис. 2).

В последующем вопросе выявлялась степень эффективности медиа как источника пропаганды правовой информации. Результаты указали на наличие положительной оценки со стороны молодых людей. Так, 72% молодежи отметили СМИ как источник получения сведений о своих правах и обязанностях, что свидетельствует об высоком уровне доверия к массмедиа. Среди респондентов, участвующих в опросе

были и такие, которые затруднялись ответить (20%), что указывает на наличие плюрализма в воззрениях молодых людей, обусловленных двойственным отношением к СМИ как источнику получения позитивной правовой информации. Несмотря на позитивные оценки молодых людей, были и отрицательные, а именно 8% респондентов отметили низкую эффективность СМИ как источника получения правовой информации. Однако, в целом, результаты, свидетельствуют о позитивной динамике (рис. 3).

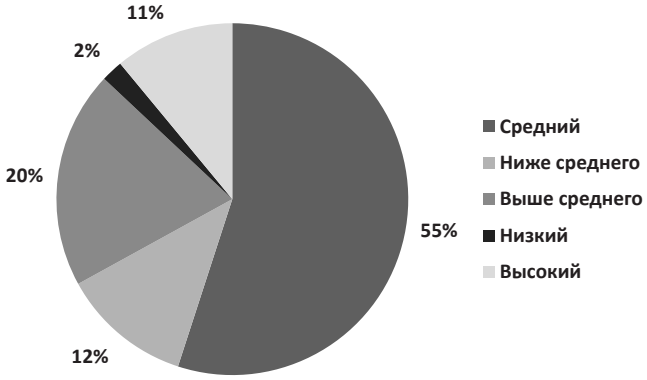

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос: «Каков ваш уровень правовых знаний?»

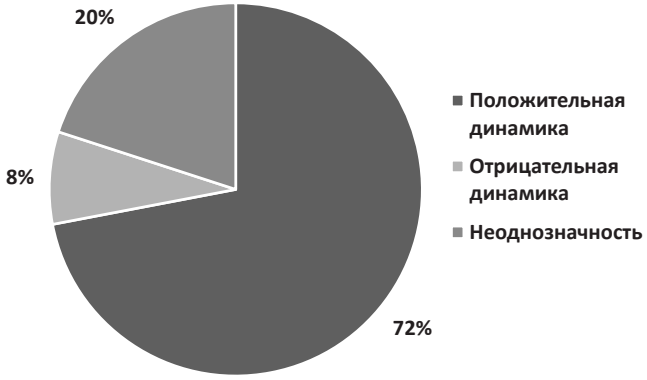

Рис. 3. Степень эффективности медиа как источника пропаганды правовой информации

Последний вопрос, представленного исследования позволил выявить тенденции воздействия массмедиа на развитие правового сознания молодых людей. В ходе опроса были выявлены следующие результаты: 63% опрошенных молодых людей отметили положительный эффект медиа как одного из основных источников правового просвещения, у 12% респондентов возникли трудности с ответом, 10% опрашиваемого контингента указали на нейтральное влияние, также было отмечено и негативное влияние среди молодежи 15% (рис. 4).

Несмотря на позитивную оценку, все же присутствует и негативная, которая заключается в неопределенности молодежи по поводу возможности медиа положительно влиять на процесс формирования правового сознания и правовой грамотности молодого поколения.

Результаты проведенного опроса свидетельствуют о необходимости совершенствования правовой грамотности и коммуникативной компетентности молодежи средствами медиа в сочетании с традиционными моделями правового просвещения.

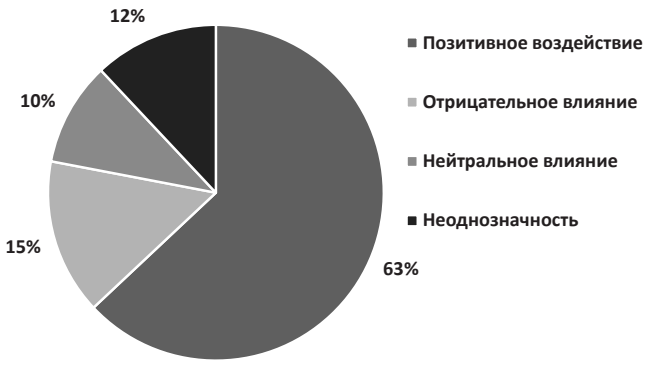

Рис. 4. Воздействие медиа на формирование правосознания молодежи

Согласно результатам, проведенного социологического опроса можно констатировать тот факт, что одним из основных источников получения правовой информации и позитивного коммуникативно-правового опыта является средства массовой информации. При этом, следует отметить и то, что помимо СМИ функцию правового просвещения выполняют традиционные каналы передачи правовых знаний, такие как образовательные учреждения через преподавание правовых дисциплин.

Также результаты опроса позволяют прийти к выводу о том, что большая часть опрошенных относят свои знания в области права к среднему и выше среднего уровню. Из этого следует логическое умозаключение о необходимости совершенствования механизмов доступности для понимания языка правовой коммуникации, так как молодежь заинтересована в получении правовых знаний м опыта их применения в ходе коммуникативно-правового взаимодействия.

В процессе правового просвещения традиционные каналы правовой информатизации создают у молодежи целостное представление об основах права, тогда как современные социальные сети фрагментарно воспроизводят правовые сведения. Причиной фрагментарности может быть краткое и поверхностное изложение сведений, что приводит к невозможности освоения части важной правовой информации [9]. Исходя из изложенного можно отметить позитивное влияние традиционных каналов правового просвещения.

В условиях развития информационно-коммуникационных технологий традиционные каналы правового просвещения и информатизации следует интегрировать с современными медиа-контентами, которые вызывают больший интерес у молодежи и обладают интерактивным характером.

Исходя из этого, интерактивные формы вовлечения молодежи в правовое поле посредством их участия в правовом диалоге позволят усилить коммуникативно-правовую компетентность. Среди интерактивных форм можно отметить: комментарии, репосты и использование «эмодзи», которые способствуют активному обсуждению правовых вопросов и повышают их значимость для молодежи [10, 17].

Для повышения позитивного воздействия СМИ следует разработать медиаконтент для молодежи, который будет включать моделирование правовых ситуаций и наглядно показывать причинно-следственные связи в процессе решения правовых вопросов. Интерактивные форматы, такие как кейс-стади или симуляторы судебных процессов, позволяют визуализировать последствия правовых действий в доступной форме. Указанные механизмы позволят усовершенствовать модель поведения и коммуникации в сторону учета правовых норм в процессе взаимодействия среди молодежи.

Итак, во исполнении формирования коммуникативно-правовой культуры молодежи важна интеграция медийных и образовательных институтов. Модули по медиаграмотности и правовому воспитанию в образовательные программы средних и высших учебных заведений представляет собой системную меру для формирования коммуникативно-правовой культуры молодёжи. «В этих условиях в мире стало актуальным появление в системе высшего гуманитарного образования дисциплин по медиаграмотности, которые являются действенным подспорьем в развитии умения отличать фейки от достоверных фактов. Базовый курс грамотного медиапотребления считается обязательным для современного человека» [8, с. 228].

Такая модульная система направлена на развитие навыков критического восприятия медиаинформации и позволят интегрировать правовые нормы в повседневные коммуникативные практики. Их внедрение создаёт основу для последующей кооперации с медийными институтами и обеспечивает преемственность правового просвещения на всех уровнях образования, что в итоге обеспечит формирование коммуникативно-правовой культуры молодежи.

Заключение

Средства массовой информации – это важный компонент системы формирования коммуникативно-правовой культуры молодежи. Обоснованием этому служит то, что СМИ выполняют функцию внедрения правовых норм в сознание молодого поколения через современные медиа. А также осуществляют пропаганду учета норм права в процессе коммуникативно-правового взаимодействия молодых людей. В результате такого взаимодействия СМИ создают эталонную модель поведения, в которой нормы права становятся частью коммуникативной практики молодого поколения, что впоследствии позитивно сказывается на системе формирования коммуникативно-правовой культуры молодежи

Литература

1. Айвазян О.О. Анализ феномена «Толерантность» как социологической категории в системе коммуникативно-правовой культуры общества // Социально-гуманитарные знания. № . 3. 2020. С. 126–137.

2. Айвазян О.О. Социализация как основа формирования коммуникативно-правовой культуры личности в современных соци-

окультурных реалиях // Теория и практика общественного развития. 2019. № 11 (141). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-kak-osnova-formirovaniya-kommunikativno-pravovoy-kultury-lichnosti-v-sovremennyh-sotsiokulturnyh-realiyah (дата обращения: 24.02.2026).

3. Айвазян О.О. Социологические парадигмы правовой коммуникации в ракурсе формирования коммуникативно-правовой культуры личности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-paradigmy-pravovoy-kommunikatsii-v-rakurse-formirovaniya-kommunikativno-pravovoy-kultury-lichnosti (дата обращения: 24.02.2026).

4. Айвазян О.О. Социологическое осмысление коммуникативно-правовой культуры молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. № 3. 2020. С. 32–38.

5. Айвазян О.О., Кукушкина А.А. Концепции правовой коммуникации как детерминанты коммуникативно-правовой культуры молодежи в разрезе социологической науки // Гуманитарий Юга России. Том. 10. № 2. 2021. С. 68–82.

6. Айвазян О.О., Кукушкина А.А., Барнадзе Р.Г. Коммуникативная культура молодежи в современном поликультурном пространстве: толкование, проблемы функционирования и результаты опроса // GESJ: Education Science and Psychology. – 2022. – № 4 (64). – С. 67–72

7. Айвазян О.О., Кукушкина А.А., Остапец Д.И. Коммуникативный кодекс в средствах массовой информации как детерминанта становления коммуникативной культуры современного общества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 152–158.

8. Акимов А.А., Полищук С.В., Григорьев С.М. Формирование правосознания молодых специалистов оборонно-промышленного комплекса в период инфодемии // Человеческий капитал. 2020. № 9. С. 224–228.

9. Витер А.А., Остапец Д.И. Психологические техники воздействия в рекламе: эволюция, тенденции, угрозы // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2025. № 1. С. 38–40.

10. Гарипова Л.Р., Айвазян О.О., Еремина Е.А. Речевая паразитология в молодежной среде современного социокультурного общества как феномен, разрушающий культуру речи: социологический анализ // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2 (128).

11. Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 179 с.

12. Кукушкина А.А. Правовое образование как основа становления гражданского общества и правового государства // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. Вып. 2 (158). С. 151–156.

13. Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2006. № 2.

14. Сандул Я.В. Влияние интернета на развитие правового сознания современной молодёжи в России // Научные труды КубГТ У. № 6. 2017. С. 366–373.

15. Соловьев В.С. Оправдание добра // Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 47–548.

16. Усманова Е.Ф. Роль правовой коммуникации в формировании и развитии правовой культуры общества // Мир науки и образования. 2015. № 4. С. 21.

17. Шакалов И.И., Айвазян О.О. Коммуникативные аспекты развития социальной политики в молодежной среде: региональный анализ и перспективы // Современный ученый. 2026. № 1. С. 80–85.

18. Ayvazyan O.O. Sociological foundations of legal education and legal communication… as mechanism for the formation of communicative-legal culture of a person in a modern social and cultural society // Papers of the Institute for Scientific Research and Artistic Work in Bjelovar. 2021. № 15. С. 161–170.

19. Kaufmann A. Rechtsphilosophie. 2. Auf. München. 1997. С. 40–45.

THE ROLE OF MASS MEDIA IN THE FORMATION OF COMMUNICATIVE-LEGAL CULTURE OF YOUTH

Ayvazyan O.O.
Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism

The article examines the role of mass media in the formation of the communicative and legal culture of youth in the context of the digital transformation of society. The relevance of the work is due to the increasing influence of the media as an agent of socialization and the contradiction between the educational function of the media and the fragmentation of legal perceptions among young people. The article reveals the essence of communicative and legal culture (CLC) as an integrative phenomenon that includes cognitive, normative-value, and communicative-practical components, and analyzes the mechanisms of legal socialization (directive transmission, modeling, and internal regulation) and the influence of media content on them. The empirical basis of the study is a sociological survey of 450 young people aged 17–22 from the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea (2025–2026). Based on the conducted research, it was revealed that the main source of legal information is the Internet, and the average level of legal knowledge is relatively low, but there is still a positive effect of the media on legal awareness. Additionally, the analysis revealed differences in the interaction between digital and traditional media: the former contributes to the fragmentation of legal awareness, while the latter promotes systematic education. In conclusion, the article proposes measures to optimize media influence, such as developing specialized content, collaborating with experts and educational institutions, and integrating media literacy into non-specialized educational programs. The article also highlights the systemic role of the media in transforming legal norms into youth behavior and communication, emphasizing the need for a differentiated approach to media channels.

Keywords: legal communication; communicative legal awareness; media influence; communicative legal culture; sociology of communication and law; sociology of culture; youth.

References

1. Ayvazyan O.O. Analysis of the phenomenon «Tolerance» as a sociological category in the system of communicative and legal culture of society // Social and humanitarian knowledge. № 3. 2020. Pp. 126–137.

2. Ayvazyan O.O. Socialization as a basis for the formation of an individual's communicative and legal culture in modern sociocultural realities // Theory and practice of social development. 2019. № 11 (141). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-kak-osnova-formirovaniya-kommunikativno-pravovoy-kultury-lichnosti-v-sovremennyh-sotsiokulturnyh-realiyah (date of reference: 02/24/2026).

3. Ayvazyan O.O. Sociological paradigms of legal communication in the perspective of the formation of a communicative and legal culture of personality // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-paradigmy-pravovoy-kommunikatsii-v-rakurse-formirovaniya-kommunikativno-pravovoy-kultury-lichnosti (date of reference: 02/24/2026).

4. Ayvazyan O.O. Sociological understanding of the communicative and legal culture of youth // Society: sociology, psychology, pedagogy. № 3. 2020. pp. 32–38.

5. Ayvazyan O.O., Kukushkina A.A. Concepts of Legal Communication as Determinants of the Communicative and Legal Culture of Youth in the Context of Sociological Science // Humanities of the South of Russia. Vol. 10. № 2. 2021. Pp. 68–82.

6. Ayvazyan O.O., Kukushkina A.A., Barnadze R.G. Communicative Culture of Young People in the Modern Multicultural Space: Interpretation, Problems of Functioning, and Survey Results // GESJ: Education Science and Psychology. – 2022. – № 4 (64). – Pp. 67–72

7. Ayvazyan O.O., Kukushkina A.A., Ostapets D.I. The Communicative Code in the Media as a Determinant of the Formation of the Communicative Culture of Modern Society // Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. № 2. Pp. 152–158.

8. Akimov A.A., Polischuk S.V., Grigoriev S.M. Formation of Legal Consciousness of Young Specialists in the Defense Industry during the Info-Pandemic // Human Capital. 2020. № 9. Pp. 224–228.

9. Viter A.A., Ostapets D.I. Psychological techniques of influence in advertising: evolution, trends, threats // Integrated communications in sports and tourism: education, trends, international experience. 2025. № 1. Pp. 38–40.

10. Garipova L.R., Ayvazyan O.O., Eremina E.A. Speech parasitology in the youth environment of modern sociocultural society as a phenomenon that destroys the culture of speech: sociological analysis // International Research Journal. 2023. № 2 (128).

11. Konstantinova A.V. Forms of Implementation of the Functions of Law: Diss. … Cand. Law. Sciences. Chelyabinsk, 2014. 179 p.

12. Kukushkina A.A. Legal Education as a Basis for the Formation of Civil Society and the Rule of Law // Bulletin of Adygea State University. 2015. Issue 2 (158). Pp. 151–156.

13. Polyakov A.V. Post-Classical Jurisprudence and the Idea of Communication // Izvestiya Vuzov. Pravovedenie. 2006. № 2.

14. Sandul Ya.V. The Influence of the Internet on the Development of Legal Consciousness among Modern Youth in Russia // Scientific Works of KubST U. № 6. 2017. Pp. 366–373.

15. Solovyov B.S. The Justification of Good // Works. In 2 volumes. M., 1988. Vol. 1. Pp. 47–548.

16. Usmanova E.F. The Role of Legal Communication in the Formation and Development of the Legal Culture of Society // World of Science and Education. 2015. № 4. P. 21.

17. Shakalov I.I., Ayvazyan O.O. Communicative Aspects of the Development of Social Policy in the Youth Environment: Regional Analysis and Prospects // Modern Scientist. 2026. № 1. Pp. 80–85.

18. Ayvazyan O.O. Sociological foundations of legal education and legal communication… as mechanism for the formation of communicative-legal culture of a person in a modern social and cultural society // Papers of the Institute for Scientific Research and Artistic Work in Bjelovar. 2021. № 15. С. 161–170.

19. Kaufmann A. Rechtsphilosophie. 2. Auf. München. 1997. С. 40–45.

Исследование стратегий сбора исторических материалов по ледово-снежному искусству и культуре провинции Хэйлунцзян в контексте цифровизации и интеллектуализации

Ван Чуньмэй,
профессор, Цицихарский университет; аспирант, Хабаровский государственный институт культуры
E-mail: pufanwang@163.com

Чай Лицзе,
магистрант, Цицихарский университет
E-mail: 2941064905@qq.com

Чжу Цзин,
доцент, Цицихарский университет
E-mail: mary8021@126.com

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты сбора исторических материалов по ледово-снежному искусству и культуре провинции Хэйлунцзян в условиях цифровизации и интеллектуализации. Обосновывается значимость комплексного и междисциплинарного подхода, учитывающего как материальные, так и нематериальные формы культурного наследия. Предлагается инновационная модель сбора, основанная на использовании технологий искусственного интеллекта, 3D-моделирования, дополненной реальности и цифровых архивов. Подчёркивается необходимость участия различных субъектов исследователей, государственных структур и местных сообществ в формировании живого цифрового архива. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по интеграции цифровых решений в культурную и образовательную политику региона.

Ключевые слова: Ледово-Снежная Культура, Хэйлунцзян, Исторические Источники, Цифровизация, Искусственный Интеллект, Цифровое Наследие.

Введение

Ледово-снежное искусство провинции Хэйлунцзян является неотъемлемой частью культурного наследия северо-восточного Китая. Оно отражает не только региональную специфику природных и этнографических условий, но и формирует важный пласт визуальной культуры, туристического брендинга и общественной идентичности [1]. В условиях стремительной цифровизации усиливается необходимость переосмысления способов сбора, систематизации и хранения историко-культурных материалов, относящихся к данной сфере.

Цифровые и интеллектуальные технологии открывают новые возможности для интеграции письменных, устных и вещественных источников, обеспечивая более высокий уровень точности, доступности и устойчивости культурной памяти [2]. Однако в современных условиях сохраняется ряд проблем, включая фрагментарность источников, недостаток межведомственной координации, ограниченные ресурсы, а также слабую включённость местных сообществ и специалистов.

Настоящее исследование направлено на разработку теоретико-прикладной модели инновационного сбора исторических материалов по ледово-снежной культуре Хэйлунцзяна в условиях цифровой трансформации. Особое внимание уделяется мультиагентному подходу, интеграции искусственного интеллекта, технологиям дополненной реальности и формированию цифровых архивов. Анализируется потенциал междисциплинарного взаимодействия и институциональной поддержки как ключевых факторов устойчивого развития культурной политики региона.

Концептуальное содержание сбора исторических материалов по ледово-снежному искусству и культуре провинции Хэйлунцзян в условиях цифровизации и интеллектуализации

Являясь ярким примером ледово-снежного культурного феномена, Харбинский фестиваль льда и снега ежегодно демонстрирует новое развитие. Он объединяет в себе ледово-снежное искусство, зимние виды спорта, снежные развлечения, зимний туризм и экономическое сотрудничество, постоянно обновляясь как по содержанию, так и по форме, объединяя людей и укрепляя их сплочённость [3]. Исторические источники это следы, сохранившиеся в ходе исторического развития человечества, которые помогают нам познавать, объяснять и реконструировать саму историю [4]. Исторические материалы по ледово-снежному искусству и культуре Хэйлунцзяна это свидетельства деятельности людей в области ледово-снежной художественной культуры на территории Хэйлунцзяна, которые служат основой для понимания и осмысления этой культурной традиции.

Согласно классификации по видам, то есть в соответствии с традиционной системой классификации исторических источников, материалы по ледово-снежному искусству и культуре провинции Хэйлунцзян обычно подразделяются на четыре основные категории: источники из книг и периодических изданий, документальные источники, материальные источники и устные свидетельства.

Источники из книг и периодики охватывают исторические записи, сборники документов, газетные и журнальные публикации, обладающие высокой степенью системности и объективности. Эти материалы позволяют как с частных, так и с интегративных позиций раскрыть сущностные аспекты и историческую логику развития ледово-снежной художественной культуры региона.

Документальные источники включают официальные и частные документы, созданные государственными учреждениями, общественными организациями, предприятиями и частными лицами. Данные материалы, как правило, носят выраженный политический или личный характер и способны адекватно отразить позиции, мнения и установки различных общественных слоёв или отдельных индивидов по отношению к ледово-снежной культуре в конкретные исторические периоды.

Материальные источники представляют собой орудия труда, предметы быта, памятники материальной культуры и другие физические артефакты, связанные с ледово-снежным искусством. Они обладают высокой степенью наглядности и реалистичности, непосредственно

Проект художественно-научного планирования провинции Хэйлунцзян: «Исследование исторических источников китайско-российской ледово-снежной художественной культуры» (№ 2024B063), проект планирования философских и социальных наук г. Цицикар: «Исследование стратегий формирования кадрового потенциала специалистов по русскому языку в г. Цицикар в контексте политики северного развития» (№ QZSX-2024YB57), проект базового научно-исследовательского финансирования вузов провинции Хэйлунцзян: «Механизмы и пути цифрового содействия развитию туристической экономики провинции Хэйлунцзян» (№ 145309644).

отражая особенности культурной деятельности в конкретных исторических условиях и региональном контексте.

Устные свидетельства включают мемуары, народные биографии, произведения культурного и творческого характера и другие формы повествования, тесно связанные с повседневной жизнью народа [5]. Эти материалы пронизаны локальной спецификой и народной духовностью, отражают эмоциональный опыт участников ледово-снежной культуры, концентрированно передают состояние общественного сознания и, как правило, распространяются посредством устной традиции.

Согласно современной классификационной системе, исторические материалы по ледово-снежному искусству и культуре Хэйлунцзяна можно обобщённо разделить на три категории: письменные источники, устные источники и прочие источники.

Письменные источники охватывают литературные труды, научные и философские работы, художественные произведения, газетно-журнальные публикации, а также иные текстовые памятники. Эти материалы отражают текстуализированное содержание ледово-снежной художественной культуры Хэйлунцзяна и служат важной основой для её научного осмысления.

Устные источники представляют собой сохранённые и передаваемые в устной форме высказывания, повествования и действия, относящиеся к ледово-снежной культуре региона. Обладая глубокой исторической традицией, устная история оставила после себя чрезвычайно богатый пласт свидетельств, представляющих большую ценность для реконструкции культурного наследия.

Прочие источники включают в себя эпитафии, надписи на каменных стелах и другие формы текстов, выполненные путём гравировки на материальных носителях. Эти артефакты способствуют более полному воссозданию исторической картины и подтверждению достоверности ключевых культурных и исторических событий, являясь редкими и ценными материалами для исследования ледово-снежной художественной культуры Хэйлунцзяна.

В Докладе о работе правительства за 2024 год подчёркивается реализация инициативы «Искусственный интеллект+», что по сути является повторным подтверждением политики и мероприятий, проводимых Китаем в области искусственного интеллекта с 2016 года. Государство уже осознало особую значимость ИИ для экономического и социального развития [6].

Во-первых, цифровые и интеллектуальные технологии способствуют парадигмальному обновлению в систематизации исторических материалов по ледово-снежной культуре Хэйлунцзяна. Создание динамических культурных баз данных обеспечивает охрану пограничного культурного наследия, преодолевая ограничения традиционного ручного поиска. С использованием цифровых решений можно оцифровать фрагментарные упоминания о ледовых событиях из древних текстов, местных хроник и газет, и объединить их с реальными культурными пространствами такими как ледовые архитектурные комплексы и нематериальное культурное наследие формируя полноценную иммерсивную культурную среду. Кроме того, благодаря сбору данных о современных народных обычаях можно выявить объективные закономерности развития ледово-снежной культуры, тем самым обеспечив её системное исследование.

Во-вторых, цифровые технологии способствуют продвижению ледовой культуры и трансформации исторических ресурсов в культурный капитал, открывая технические возможности для устойчивого освоения северных культур. В рамках мероприятия «Харбинский ледовый мир» 2025 года цифровые технологии будут широко применяться: с помощью 5G-сетей и групп дронов планируется интерактивное взаимодействие с миллионами посетителей, использование LBS-локализации, создание графов участия в мероприятиях в режиме реального времени, тем самым обеспечивая устойчивое развитие пограничной ледовой культуры. Дополнительно, с помощью трёхмерного моделирования культурных объектов и технологий AR обеспечивается иммерсивный опыт в сфере ледово-снежного туризма, что существенно повышает культурную ценность и коммерческую привлекательность.

В-третьих, внедрение интеллектуальных технологий способствует развитию культурного и туристического сектора в Северо-Восточном Китае, преодолевая сезонные ограничения, повышая культурную узнаваемость региона и предотвращая однородную конкуренцию. Это стимулирует экономическое развитие новых отраслей, таких как цифровое искусство и создание рабочих мест в сфере квалифицированного туризма. В целом, цифровые технологии трансформируют ледово-снежное искусство в новую форму культурной инфраструктуры, ускоряя модернизацию ледовой культуры северо-восточных регионов и формируя её в качестве эталона холодноклиматической культуры.

Реальные трудности сбора исторических материалов по ледовоснежному искусству и культуре провинции Хэйлунцзян

В настоящее время требования к сбору исторических материалов по ледово-снежному искусству и культуре провинции Хэйлунцзян являются весьма высокими, что обусловлено широтой и многообразием содержания данных источников. Они включают не только материальные объекты, такие как произведения ледовой скульптуры, ледово-снежная архитектура, инструменты и технологии резьбы, пространственное планирование объектов ледово-снежного искусства, но и нематериальные формы культурного наследия, в том числе традиции передачи народного ледово-снежного искусства, инфраструктуру фестивалей льда и снега, а также теоретические и эстетические исследования, посвящённые ледовой скульптуре и ледово-снежной культуре Хэйлунцзяна [7].

Сложности идентификации и отбора данных исторических материалов проявляются в нескольких аспектах. Во-первых, подлинность носителей ледово-снежной культуры нередко вызывает сомнения. В особенности это касается устных источников, содержание которых может включать искажения памяти или элементы преувеличения, что существенно затрудняет их научную верификацию. Во-вторых, существует проблема определения авторства носителей ледово-снежной культуры: ряд произведений создан народными мастерами, что осложняет установление основного автора и разграничение вклада отдельных участников в коллективных работах. В-третьих, значительные трудности представляет оценка культурной ценности данных носителей. Ранние произведения ледово-снежной культуры зачастую отличаются относительной технической примитивностью, обусловленной уровнем технологического развития и условиями сохранности, однако при этом обладают высокой исторической значимостью. Вопрос соотношения и баланса исторической и художественной ценности таких произведений остаётся дискуссионным. В-четвёртых, в силу ограничений технологических условий восстановление видеозаписей ранних произведений искусства зачастую затруднено, а извлечение данных из устаревших электронных носителей сопровождается техническими проблемами. Кроме того, в условиях эпохи социальных сетей количество аудиовизуальных и художественных материалов значительно возросло, что также усложняет выработку научно обоснованных критериев отбора произведений, обладающих художественной ценностью.

Сбор исторических материалов по ледово-снежной культуре провинции Хэйлунцзян сталкивается с рядом системных проблем, включая недостаточное финансирование, нехватку инфраструктуры и отсутствие институциональной поддержки. Из-за отсутствия стабильного бюджета и профессиональных хранилищ, многие источники утрачиваются или приходят в негодность, а ограниченные инвестиции в цифровое оборудование замедляют процессы оцифровки и модернизации. На уровне правительства не сформированы централизованные планы и правовые механизмы по охране нематериального наследия, что приводит к неясности ответственности и снижению эффективности работы. Кроме того, сбор таких материалов региональные культурные и туристические стратегии, что вызывает низкий уровень внимания со стороны властей и общества.

Сбор исторических материалов по ледово-снежной культуре в провинции Хэйлунцзян сталкивается с рядом структурных проблем. Отсутствие межведомственной координации между профильными учреждениями департаментами культуры, образования, архивами и научными организациями снижает эффективность работы. Серьёзным ограничением также является нехватка квалифицированных кадров, обладающих знаниями в области культуры, архивного дела и цифровых технологий, а также отсутствие подготовки для местных специалистов и наследников нематериального наследия. Финансовые трудности препятствуют привлечению профессионалов и системной работе. Преемственность традиций также находится под угрозой: старшее поколение мастеров уходит, а молодёжь проявляет слабую заинтересованность. Недостаточное общественное внимание, слабая информационная поддержка и отсутствие эффективных стимулов, включая поддержку коллекционеров и волонтёров, ограничивают общественное участие в сохранении и передаче культурного наследия.

Инновационные пути сбора исторических материалов по ледово-снежному искусству и культуре провинции Хэйлунцзян в условиях цифровизации и интеллектуализации

Исторические материалы по ледово-снежному искусству и культуре представляют собой не только фактографическую запись прошлого, но и несут в себе богатый потенциал культурного, экономического и социального воздействия. Их основная ценность заключается в укреплении

культурной идентичности, художественно-эстетической значимости, защите нематериального наследия, научной исследовательской ценности и в способности содействовать развитию индустрии культуры и туризма. Чтобы лед и снег превратились в культурный объект, необходимо их наполнение культурным смыслом и содержанием [8].Цифровые и интеллектуальные технологии предоставляют необходимые условия и средства для раскрытия этого потенциала.

Во-первых, следует создать цифровой ресурс ледово-снежной культуры. С помощью технологии 3D-сканирования возможно зафиксировать трёхмерные структуры ледяных скульптур и создать их цифровые модели. Также необходимо формирование мультимедийной базы данных, включающей систематизированные материалы прошлых лет.

Во-вторых, технологии искусственного интеллекта позволяют анализировать содержание исторических источников, выстраивая граф знаний, связывающий персоналии, события и технологии. С помощью цифровых решений можно глубоко исследовать текстовые источники и виртуально воссоздавать утраченные произведения ледового искусства.

В-третьих, с использованием AR и VR технологий возможно воспроизведение культурных сцен ледово-снежного искусства провинции Хэйлунцзян. Создание цифрового фестиваля льда и снега, онлайн-музея, а также мета-вселенной с постоянной экспозицией о культуре льда и снега позволит туристам окунуться в уникальную атмосферу. Кроме того, возможно создание платформы устной истории в формате коротких видеороликов.

В-четвёртых, цифровые технологии могут стимулировать инновации в местной культурно-туристической отрасли. На основе данных из исторических источников можно создавать культурные IP-бренды и, используя AR-приложения, предлагать туристам интерактивные маршруты: отсканировав QR-код у реального объекта, пользователь получит доступ к историческим сюжетам и культурному контексту.

В условиях цифровизации сбор исторических материалов по ледово-снежной культуре Хэйлунцзяна требует взаимодействия различных субъектов профессиональных исследователей и культурных учреждений, органов власти и местных общественных сил. Профессиональные участники играют фундаментальную роль, обеспечивая научность и системность работы. При интеграции цифровых технологий (например, ИИ и интеллектуального анализа данных) с их экспертной деятельностью достигается синергия, повышающая точность и полноту сбора.

Государство, как инициатор крупных архивных проектов, при помощи механизмов «цифрового правительства» укрепляет легитимность и достоверность исторических материалов. Местные сообщества, в свою очередь, становятся источником уникальных, неофициальных данных, расширяя охват и восполняя пробелы. Комплексное объединение этих субъектов с цифровыми решениями позволяет выстроить новую модель межсекторального сотрудничества и цифровой интеграции, содействуя систематическому и устойчивому сбору культурного наследия региона.

Внедрение технологий в повседневную жизнь не происходит мгновенно этот процесс неизбежно проходит путь от отдельных групп к широким слоям общества [9]. В связи с этим инновационное применение цифровых решений в работе с историческими материалами по ледово-снежному искусству и культуре условно можно разделить на три направления.

Во-первых, обеспечение чёткого и полного хранения содержимого таких материалов в цифровом формате. Это включает в себя реставрацию старых фотографий, пожелтевших газет и рукописей, восстановление изображений и текста. После оцифровки текста, изображений, видеозаписей и других источников возможно их автоматическое анализирование с помощью компьютерных программ, присвоение индивидуальных меток (по времени, месту, персонажам, используемым инструментам и т.д.) и формирование электронного архива, доступного по ключевым словам для быстрого поиска и систематизированного представления материалов.

Во-вторых, восстановление содержания культурного наследия с помощью цифровых технологий. Например, создание электронной карты, на которой отмечены места проведения исторических мероприятий, связанных со льдом и снегом, а также различные фестивали по годам, что позволяет проследить эволюцию ледовой культуры. На основе инженерных программ, свидетельств пожилых людей и исторических источников можно воссоздавать утраченные объекты ледовой архитектуры. Применение ИИ позволяет моделировать старинные ремёсла и создавать новые цифровые произведения искусства с характерной эстетикой ледово-снежной культуры Хэйлунцзяна.

В-третьих, использование AR-технологий для «путешествия во времени». С помощью мобильного ИИ пользователь может через экран смартфона «проникнуть» в цифровую реконструкцию ледового выставочного пространства, проследить процесс создания объектов, рассмотреть их под разным углом и освещением. Одновременно можно создать цифровую платформу, объединяющую рассеянные по архивам, музеям и университетам материалы, с возможностью для пользователей самостоятельно загружать, аннотировать и пополнять исторические данные, формируя обновляемый «живой» цифровой архив ледово-снежной культуры.

Для эффективного сбора и сохранения исторических материалов по ледово-снежной культуре Хэйлунцзяна необходимо внедрить стандартизированные учебные пособия и специализированные курсы по цифровому источниковедению. Разработка таких программ должна опираться на междисциплинарное сотрудничество специалистов в области фольклора, архивоведения и искусствоведения. Учебные материалы должны обучать технологиям цифровой фиксации традиционных ремёсел с учётом региональной специфики, совмещая локальную память с цифровыми навыками. Параллельно следует организовать практические занятия и платформы для работы с базами данных, что позволит интегрировать цифровые технологии в профессиональную подготовку кадров.

Кроме того, требуется создать систему мотивации и институциональной поддержки, чтобы стимулировать специалистов участвовать в культурно-туристических инициативах и развивать новые формы цифрового представления ледовой культуры [10]. Подготовка таких кадров должна стать частью региональных программ с соответствующим финансированием. Съёмка документальных фильмов о сборе материалов поможет популяризировать ледово-снежную культуру, повысить престиж профессии и расширить сферу применения цифровых технологий, способствуя переходу от охраны наследия к его инновационному развитию.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие обобщающие выводы. Во-первых, ледово-снежная культура провинции Хэйлунцзян представляет собой уникальный феномен, сочетающий в себе художественные, этнографические и социокультурные характеристики, обладающий высокой научной и прикладной ценностью. Во-вторых, в условиях цифровизации и внедрения интеллектуальных технологий (так называемой среды «цифрового интеллекта») формируются новые подходы к сбору, систематизации и сохранению источников, отражающих эволюцию ледово-снежного искусства региона.Научная новизна исследования заключается в выделении и обосновании инновационных путей сбора и обработки историко-культурных материалов с опорой на цифровые платформы, искусственный интеллект, технологии 3D-моделирования и виртуальной реальности. Практическая значимость работы заключается в возможности интеграции разработанных механизмов в региональные стратегии сохранения нематериального культурного наследия, развития туризма и культурной индустрии.

Тем самым, сделан вклад в формирование научно-методологической базы для последующих исследований в области цифровой гуманитаристики, архивоведения и региональной культурологии. Перспективы дальнейшего исследования видятся в углублённом анализе межведомственного взаимодействия, в разработке образовательных программ по цифровому источниковедению, а также в оценке эффективности цифровых инициатив по сохранению культурного наследия в условиях трансформации социальной памяти.

Литература

1. Ли Цзясинь. Исследование формирования бренда «ледово-снежной культуры» Харбинского международного фестиваля льда и снега // Journalism and Communications. 2024. Т. 12. С. 1396.

2. Хвостенко И.М. Информационные технологии в библиотеках. 2015. 91 с.

3. Ян Цзюнь. Исследование развития китайской ледово-снежной культуры // Вестник спортивной культуры. 2008. № 9. С. 35–36.

4. Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. № 1. С. 7–19.

5. Хуан Цзинчунь. Фольклор как способ конструирования этнической памяти // Вестник Восточно-Китайского педагогического университета (серия: философия и социальные науки). 2017. Т. 49. № 5. С. 38–45.

6. Гао Цици. Цифрово-интеллектуальная интеграция как фактор трансформации и модернизации промышленности // Народный форум (Renmin Luntan). 2024. № 16. С. 44–47.

7. Ян Цзяньпин, Тан Фань, Го Синьюй и др. Модель развития китайского ледово-снежного туризма и построение её системы // Ледники и мерзлота. 2023. Т. 45. № 6. С. 1923–1939.

8. Люй Юньфэн. Философские размышления о ледово-снежной культуре провинции Хэйлунцзян // Общественные науки Хэйлунцзяна. 2008. № 1. С. 127–129.

9. Янь Хунсю. Цифровое благополучие: технологические перспективы и философская практика цифрово-интеллектуальной эпохи // Вестник Шаньсийского университета (серия: философия и социальные науки). 2023. Т. 46. № 6. С. 21–27.

10. Хань Жобин. Интеграция анимационного туризма и инновационная практика в условиях развития цифровых технологий // Вестник Цзинаньского университета (серия: социальные науки). 2023. Т. 33. № 5. С. 17–27.

RESEARCH ON THE COLLECTION STRATEGIES OF HISTORICAL MATERIALS ON ICE AND SNOW ART AND CULTURE IN HEILONGJIANG PROVINCE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND INTELLECTUALIZATION

Wang Chunmei, Chai Lijie, Zhu Jing
Qiqihar University, Khabarovsk State Institute of Culture

This article explores the theoretical foundations and practical approaches to collecting ice and snow art and cultural historical materials in Heilongjiang Province under the context of digital and intelligent transformation. It emphasizes the need to integrate traditional methods with modern technologies, positioning these materials as a vital component of the region's intangible cultural heritage. The author proposes an innovative collection model based on artificial intelligence, 3D modeling, augmented reality, and digital archiving technologies. The study highlights the importance of collaborative participation among professional researchers, government institutions, and local communities. The findings offer practical significance for advancing the digital preservation of local culture and promoting integrated cultural-tourism development, while also providing theoretical support for policy formulation and educational resource allocation.

Keywords: Ice And Snow Culture, Heilongjiang, Historical Materials, Digitalization, Artificial Intelligence, Digital Preservation Of Cultural Heritage.

References

1. Li Jiaxin. A Study on the Formation of the "Ice and Snow Culture" Brand at the Harbin International Ice and Snow Festival // Journalism and Communications. 2024. Vol. 12. P. 1396.

2. Khvostenko I.M. Information Technologies in Libraries. 2015. 91 p.

3. Yang Jun. A Study on the Development of Chinese Ice and Snow Culture // Bulletin of Sport Culture. 2008. No. 9. Pp. 35–36.

4. Georgieva N.G. Classification and Polyfunctionality of Historical Sources // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. 2016. No. 1. Pp. 7–19.

5. Huang Jingchun. Folklore as a Method of Constructing Ethnic Memory // Bulletin of East China Normal University (series: Philosophy and Social Sciences). 2017. Vol. 49. No. 5. pp. 38–45.

6. Gao Qiqi. Digital-Intelligent Integration as a Factor in Industrial Transformation and Modernization // People's Forum (Renmin Luntan). 2024. No. 16. pp. 44–47.

7. Yang Jianping, Tang Fan, Guo Xinyu, et al. The Development Model of Chinese Ice and Snow Tourism and the Construction of Its System // Glaciers and Permafrost. 2023. Vol. 45. No. 6. pp. 1923–1939.

8. Lü Yunfeng. Philosophical Reflections on the Ice and Snow Culture of Heilongjiang Province // Heilongjiang Social Sciences. 2008. No. 1. pp. 127–129.

9. Yan Hongxu. Digital Well-Being: Technological Prospects and Philosophical Practice of the Digital-Intellectual Age // Bulletin of Shanxi University (series: Philosophy and Social Sciences). 2023. Vol. 46. No. 6. pp. 21–27.

10. Han Ruobin. Integration of Animation Tourism and Innovative Practice in the Context of Digital Technology Development // Bulletin of Jinan University (series: Social Sciences). 2023. Vol. 33. No. 5. pp. 17–27.

Важность межкультурных коммуникаций для российских технических вузов

Гордеева Елена Юрьевна,
старший преподаватель, кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения (ГУАП)
E-mail: sssG2007@yandex.ru

В статье описана сущность компетентностной парадигмы высшего образования. Проанализирована текущая тенденция к смещению акцента с hard skills на soft skills, в т.ч. в контексте подготовки специалистов технического профиля. Представлены дефиниции понятия «коммуникативная межкультурная компетенция» и смежных категорий. Представлены и проанализированы аргументы в пользу формирования и развития межкультурной компетенции в техническом вузе. Описана специфика деятельности специалиста инженерного профиля и место межкультурной коммуникации в ней.

Ключевые слова: инженер, технический вуз, межкультурная коммуникация, компетентность, компетентностный подход.

В текущих условиях цифровизации и глобализации навыки эффективной коммуникации на межкультурном уровне становятся особенно *актуальными*. Однако следует отметить, что проблемы их формирования и развития остаются недостаточно изученными в образовательном пространстве технических вузов. Несмотря на возрастание требований к уровню коммуникативной и межкультурной подготовки будущих инженеров, соответствующие теоретико-методологические и методические аспекты интеграции данных навыков в систему инженерного образования разработаны фрагментарно.

Компетентностная парадигма высшего образования

Современная педагогическая теория и практика постепенно переходит к реализации новой парадигмы образования – компетентностной. Речь идет о переориентации с преимущественной трансляции знаний на овладение комплексом компетенций, которые бы обеспечили устойчивость жизнедеятельности выпускников вузов в современном социально-политическом, информационном и коммуникационном пространстве [7, с. 270].

Помимо компетентностного подхода, современная педагогика все чаще акцентирует потребность в гуманизации образования и в частности – в смещении акцента с hard skills на soft skills. Данная тенденция обусловлена необходимостью подготовки специалистов, способных эффективно функционировать в условиях высокой неопределённости и интенсивного межкультурного взаимодействия. Развитие soft skills, включая коммуникативные, креативные, аналитические способности, рассматривается как важнейшее условие успешной профессиональной и социальной адаптации.

С.П. Фирсова с соавт. указывает: в контексте формирования soft skills предполагается развитие следующих компетенций: академическая компетентность – умения поиска и переработки информации; стратегическая компетентность, связанная с разработкой алгоритмов и технологий решения проблемных и творческих задач; кросскультурная компетентность – эффективное общение и взаимодействие в поликультурной среде [11, с. 282].

Ранее в системе подготовки специалистов технического профиля вопросам развития надпрофессиональных компетенций не уделялось должного внимания, поскольку приоритет отводился формированию узкоспециализированных профессионально-технических знаний и умений (hard skills). Однако современные требования к инженерной деятельности обусловили необходимость пересмотра данной образовательной парадигмы и интеграции личностно ориентированных и коммуникативных аспектов в структуру профессиональной подготовки.

Коммуникативная межкультурная компетенция

Т.В. Голикова определяет межкультурную коммуникацию в качестве обмена информацией, реализуемого носителями разных культур [2, с. 102]. Компетентность в области межкультурной коммуникации выступает одним из компонентов коммуникативной компетентности. Коммуникативную компетентность, согласно Л.Ю. Семеновой, можно определить как владение знаниями и навыками в области» культурных и социально-значимых обстоятельств» [10, с. 181]. Овладение компетентностью в области межкультурной коммуникации является одной из приоритетных целей системы высшего образования, обретающего поликультурный характер. Поликультурное образование, в свою очередь, обозначает такой подход к организации образовательного процесса, который результирует в формирование толерантности, уважении к представителям иной лингвокультурной общности и развитии навыков в общении с ними [10, с. 181].

И.А. Ильяева и Е.В. Хованова определяют межкультурную коммуникативную компетенцию в качестве одной из т.н. сквозных компетенций, «которая имплицитно включена в личностную, знаниевую и деятельностную, и связана с тем, что каждый вид социальных коммуникаций или сфер общения требует особых навыков и техник коммуникации, начиная с различия способов достижения целей, а иногда и самих целей, и заканчивая различием языков, норм поведения» [5, с. 77]. Диалог, по мнению авторов, представляет собой ключевое условие и фактор возникновения и существования межкультурной коммуникативной компетентности [5, с. 77].

Н.Ю. Мамонтова говорит о том, что коммуникативная межкультурная компетенция являет собой способность преодолевать языковые и культурные стереотипы, у проявлять толерантность к иной культуре, осознавать специфические черты собственного менталитета [7, с. 272]. В перечень субкомпетенций, включаемых в коммуникативную межкультурную компетенцию, можно включить: знание иностранного языка на высоком уровне, владение средствами профессионального общения, умение разрабатывать стратегию коммуникативного поведения, нейтрализовывать коммуникативные барьеры [7, с. 272].

Можно сказать, что со временем интерпретации термина «коммуникативная межкультурная компетенция» существенно расширилась. Если ранее ее принято было отождествлять с изучением иностранного языка, сегодня же исследователи рассматривают данную компетенцию сквозь призму неразрывной взаимосвязи языка и культуры, акцентируя внимание на социокультурной обусловленности языковых явлений, а также на интерпретационных механизмах, лежащих в основе межкультурной коммуникации [4, с. 156].

Межкультурная компетенция в техническом вузе

Следует также сказать, что ранее формирование данной компетенции традиционно рассматривалось как прерогатива преимущественно гуманитарных специальностей, где изучение языка и культуры выступало неотъемлемой частью профессиональной подготовки. Однако в современных условиях наблюдается отчётливая тенденция к её интеграции в образовательные программы технических вузов. Это обусловлено процессами глобализации, интернационализации научно-технической деятельности и необходимостью участия специалистов в деятельности международных профессиональных сообществ. Инженеры, программисты и представители других технических направлений всё чаще вовлечены в межкультурное взаимодействие, включая работу в многонациональных командах, участие в международных проектах и обмен научно-технической информацией.

В связи с этим данная компетенция приобретает универсальный характер и рассматривается как важный компонент профессиональной подготовки вне зависимости от профиля обучения. Её развитие в технических вузах направлено не только на овладение специализированной терминологией на иностранном языке, но и на формирование способности к эффективной межкультурной коммуникации, адекватной интерпретации профессиональных текстов и успешной адаптации молодого специалиста в глобальной профессиональной среде.

В системе подготовки студентов технических вузов, наряду с соблюдением требований действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования и квалификационных требований, в недостаточной степени учитываются трансформации, обусловленные нарастающей важностью иноязычной деловой межкультурной коммуникации. В процессе подготовки будущих специалистов весьма ограниченно используется потенциал иноязычной деловой межкультурной коммуникации, что снижает эффективность формирования соответствующих компетенций.

Данный тезис развивает А.В. Сарапулова: в отечественных технических вузах мы наблюдаем ряд проблем; в частности, отмечается недостаточное внимание к развитию коммуникативной компетентности студентов, ограниченное использование инновационных образовательных технологий, а также недостаточная разработанность вопросов, связанных с выявлением специфики формирования межкультурной компетенции в условиях высшего технического образования. В этой связи особую актуальность приобретают задачи проектирования оптимальной образовательной модели, определения совокупности эффективных педагогических условий, а также разработки учебно-методического и организационно-ресурсного обеспечения, направленного на развитие межкультурной коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов [9, с. 123].

О.В. Варникова и С.С. Пашковская, в свою очередь, пишут о том, что процесс обучения в техническом вузе должен быть ориентирован на коммуникативные цели, но, при этом, уровень языковой подготовки студентов нелингвистических специальностей после школьного образования зачастую ниже, «чем тот уровень, начиная с которого можно говорить о готовности к межкультурному диалогу на иностранном языке в профессиональной сфере» [1, с. 147].

Как указывают Е.Е. Царева и Р.З. Богоудинова, на текущем этапе мы наблюдаем динамичные процессы усложнения и обновления наукоемких технологий. Выпускник технического вуза должен выступать связующим звеном между идеей и конечным продуктом, и, при этом, его задачи существенно расширяются. Инновационные разработки зачастую сопряжены с функционированием мультидисциплинарных и мультикультурных команд в рамках одного предприятия. Следовательно, специалист должен не только обладать существенным массивом профессиональных знаний и умений, но и широким интеллектуальным диапазоном, глобальным мышлением, адаптивностью, навыками ориентации в международном культурном и информационном пространстве [12, с. 92].

В условиях современного рынка технологий предприятие не может успешно функционировать изолированно, основываясь лишь на собственных технологиях и продуктах. Многие технологии покупаются, продаются, адаптируются за рубежом. Даже если деятельность инженера не связана с поездками за рубеж, он в любом случае сталкивается с необходимостью ознакомления и перевода специализированных текстов. Так, в частности, разработчик технической документации участвует в изучении технической терминологии на нескольких языках, устраняет противоречия, создает собственные технические тексты. От результата данной деятельности зависит успешность производства изделий и безопасность их эксплуатации потребителями [12, с. 93].

Согласно А.А. Прохоровой и К.Э. Безукладникову, деятельность специалистов технического профиля связана с поиском и переработкой информации из различных источников, а зачастую – с внешнеэкономической активностью, установлением международных связей с зарубежными странами, предприятиями, бизнесами, которые стремительно развиваются в структуре мирового хозяйства. Обучающиеся технических вузов должны сформировать будущий корпус инженерно-технической интеллигенции, характеризующийся высоким уровнем технологической культуры, развитым изобретательским мышлением, способностью к эффективному использованию современных технических и цифровых решений и, что особенно важно – способностью к межкультурной коммуникации [8, с. 216].

В условиях глобализации и цифровой трансформации экономики специалисты технического профиля все чаще оказываются ориентированными на профессиональную деятельность в многоязычной и межкультурной среде. Они вовлечены в процессы международного инженерного взаимодействия, включая участие в совместных проектах, ведение профессионального диалога с зарубежными партнёрами и выполнение функций медиаторов в пространстве межкультурной коммуникации. Как справедливо отмечает Д.М. Исроилова, «в бизнесе цена межкультурной неграмотности может быть намного выше и может стоить репутации компании» [6, с. 53].

Помимо производственной деятельности, важным компонентом профессионального профиля инженера выступает деятельность, связанная с научными исследованиями и разработками. Научная деятельность является фундаментальным компонентом профессиональной подготовки инженеров, поскольку именно она обеспечивает формирование системного, аналитического и исследовательского типа мышления, необходимого для решения сложных инженерно-технических задач [3, с. 17]. Включённость в научно-исследовательскую работу способствует развитию способности к постановке проблем, выдвижению гипотез, анализу и интерпретации данных, а также внедрению инновационных решений в профессиональную практику.

Особую значимость для инженеров приобретает участие в международной научной деятельности. Это обусловлено тем, что современное инженерное дело функционирует в глобальном научно-технологическом пространстве, где значительная часть передовых исследований, публикаций и разработок представлена на иностранных языках. Взаимодействие с зарубежными научными школами и профессиональными сообществами позволяет специалистам получать доступ к актуальным знаниям, передовым технологиям, а также участвовать в совместных исследовательских проектах.

Кроме того, международная научная коммуникация требует от инженеров способности к межкультурному профессиональному взаимодействию. Таким образом, интеграция научной, в т.ч. международной научной деятельности в подготовку инженеров является необходимым условием формирования качественного кадрового резерва – специалистов, способных эффективно функционировать в условиях глобализации и технологической интеграции. В данной связи обучение навыкам межкультурной коммуникации в технических вузах рассматривается как значимый инструмент повышения конкурентоспособности будущих инженеров и удовлетворения потребности рынка труда в многоязычных специалистах [8, с. 217].

Еще одним аргументом в пользу важности межкультурной коммуникации выступает то, что в составе трудовых коллективов всё чаще представлены специалисты, принадлежащие к различным культурным и языковым сообществам. Данное обстоятельство требует от инженера сформированности компетенций, обеспечивающих эффективное взаимодействие в межкультурной среде, включая способность учитывать культурно обусловленные различия в коммуникативных стилях, нормах профессионального поведения и способах принятия решений.

Современный инженер – это не только технический специалист, но и субъект коммуникации, участник межкультурного взаимодействия. В этой связи инженерам необходимо владение навыками эффективной коммуникации, критического мышления, креативного решения задач, а также способностью к сотрудничеству в многонациональных и многопрофильных командах. Дополнительно возрастает значимость иноязычной подготовки, обеспечивающей доступ к международным научно-техническим ресурсам и участие в глобальных профессиональных процессах.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

Современная педагогическая парадигма смещает акцент с усвоения знаний на формирование комплексных компетенций, включая soft skills. Формирование коммуникативных навыков становится ключевым условием подготовки специалистов, способных эффективно функционировать в глобализированном и динамичном пространстве.

Коммуникативная межкультурная компетенция – это системная способность личности эффективно взаимодействовать с представителями разных культур, опираясь на знание иностранного языка, понимание социокультурных и ментальных особенностей партнёров по коммуникации, владение стратегиями и техникой профессионального общения, а также способность преодолевать языковые и культурные барьеры, проявлять толерантность и корректно адаптировать своё поведение в многоязычной и поликультурной среде.

Межкультурная компетенция в техническом вузе становится неотъемлемой составляющей подготовки инженеров, обеспечивая их способность эффективно взаимодействовать в многоязычных и мультикультурных профессиональных средах.

Литература

1. Варникова, О.В. Формирование межкультурной коммуникации как условие готовности студентов вуза к профессиональной деятельности / О.В. Варникова, С.С. Пашковская // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2025. – № 2 (58). – С. 142–149.
2. Голикова, Т.В. Межкультурная онлайн-коммуникация студентов в условиях интеграции высшего образования / Т.В. Голикова // Нижегородское образование. – 2019. – № 2. – С. 101–107.
3. Гудкова, С.А. Концепция развития научной межкультурной компетенции в вузе / С.А. Гудкова, Т.С. Якушева // КНЖ. – 2016. – № 4 (17). – С. 16–19.
4. Зиятдинова, Ю.Н. Анализ подходов к развитию межкультурной коммуникативной компетенции студента технического вуза в России и Китае / Ю.Н. Зиятдинова, Р.С. Валеева // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 12. – С. 155–158.
5. Ильяева, И.А. Стратегии повышения межкультурной компетентности студентов технического вуза / И.А. Ильяева, Е.В. Хованова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2. – С. 76–82.
6. Исроилова, Д.М. Специфические особенности обучения иноязычному профессиональному общению студентов – будущих инженеров с учётом межкультурной компетенции / Д.М. Исроилова // Современное образование (Узбекистан). – 2021. – № 9 (106). – С. 46–55.
7. Мамонтова, Н.Ю. Формирование коммуникативной межкультурной компетентности студентов вуза / Н.Ю. Мамонтова // СибСкрипт. – 2012. – № 4. – С. 270–275.
8. Прохорова, А.А. Мультиязычное обучение студентов технического вуза: рациональные аргументы / А.А. Прохорова, К.Э. Безукладников // Язык и культура. – 2020. – № 52. – С. 215–231.
9. Сарапулова, А.В. Развитие коммуникативной креативности студентов технического вуза в процессе лингвистической подготовки / А.В. Сарапулова // КПЖ. – 2020. – № 1 (138). – С. 122–127.
10. Семенова, Л.Ю. Коммуникативная компетентность участников учебного процесса в техническом вузе / Л.Ю. Семенова // Наука и школа. – 2022. – № 4. – С. 178–188.
11. Фирсова, С.П. Глобальный инженер: формирование коммуникативных компетенций у студентов технических вузов / С.П. Фирсова, Ф.З. Гарифуллина // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64–1. – С. 281–284.
12. Царева, Е.Е. Мультиязычность как показатель оценки профессиональных качеств инженера: зарубежный опыт / Е.Е. Царева, Р.З. Богоудинова // Вестник КГЭУ. – 2017. – № 3 (35). – С. 91–101.

IMPORTANCE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION FOR RUSSIAN TECHNICAL UNIVERSITIES

Gordeeva E.Yu.
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

This article describes the essence of the competency-based paradigm of higher education. It analyzes the current trend toward shifting emphasis from hard skills to soft skills, including in the context of training technical specialists. Definitions of the concept of communicative intercultural competence and related categories are presented. Arguments in favor of developing intercultural competence in technical universities are presented and analyzed. The specifics of the work of an engineering specialist and the role of intercultural communication within it are described.

Keywords: engineer, technical university, intercultural communication, competence, competence-based approach

References

1. Varnikova, O.V. Formation of Intercultural Communication as a Condition for University Students' Readiness for Professional Activity / O.V. Varnikova, S.S. Pashkovskaya // Professional Education in Russia and Abroad. – 2025. – No. 2 (58). – P. 142–149.
2. Golikova, T.V. Intercultural Online Communication of Students in the Context of Higher Education Integration / T.V. Golikova // Nizhny Novgorod Education. – 2019. – No. 2. – P. 101–107.
3. Gudkova, S.A. Concept of Developing Scientific Intercultural Competence in a University / S.A. Gudkova, T.S. Yakusheva // KNZh. – 2016. – No. 4 (17). – P. 16–19.
4. Ziyatdinova, Yu.N. Analysis of Approaches to Developing Intercultural Communicative Competence of Students of a Technical University in Russia and China / Yu.N. Ziyatdinova, R.S. Valeeva // Bulletin of the Kazan Technological University. – 2010. – No. 12. – P. 155–158.
5. Ilyaeva, I.A. Strategies for Improving Intercultural Competence of Students of a Technical University / I.A. Ilyaeva, E.V. Khovanova // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2009. – No. 2. – P. 76–82.
6. Isroilova, D.M. Specific Features of Teaching Foreign Language Professional Communication to Students – Future Engineers Taking into Account Intercultural Competence / D.M. Isroilova // Modern Education (Uzbekistan). – 2021. – No. 9 (106). – P. 46–55.
7. Mamontova, N. Yu. Formation of communicative intercultural competence of university students / N. Yu. Mamontova // SibScript. – 2012. – No. 4. – P. 270–275.
8. Prokhorova, A.A. Multilingual teaching of students of a technical university: rational arguments / A.A. Prokhorova, K.E. Bezukladnikov // Language and Culture. – 2020. – No. 52. – P. 215–231.
9. Sarapulova, A.V. Development of communicative creativity of students of a technical university in the process of linguistic training / A.V. Sarapulova // KPZh. – 2020. – No. 1 (138). – P. 122–127.
10. Semenova, L. Yu. Communicative competence of participants in the educational process at a technical university / L. Yu. Semenova // Science and School. – 2022. – No. 4. – P. 178–188.
11. Firsova, S.P. Global Engineer: Formation of Communicative Competencies in Students of Technical Universities / S.P. Firsova, F.Z. Garifullina // Problems of Modern Pedagogical Education. – 2019. – No. 64–1. – P. 281–284.
12. Tsareva, E.E. Multilingualism as an Indicator for Assessing the Professional Qualities of an Engineer: Foreign Experience / E.E. Tsareva, R.Z. Bogoudinova // Bulletin of KGEU. – 2017. – No. 3 (35). – P. 91–101.

Особенности группы курсантов военного университета как закрытой малой группы. Социально-философский анализ

Дьяченко Андрей Николаевич,
преподаватель кафедры (бронетанкового вооружения и техники) Дальневосточного высшего общевойскового командного ордена Жукова училища имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского

Группа курсантов военного вуза является примером того, как в одной малой группе сочетается множество социально-философских феноменов. Ее анализ позволяет получить данные не только о специфике воинского коллектива, но и о универсальных законах жизни закрытых групп, процессах формирования корпоративной морали и трансформации личности в условиях институционального принуждения. Это вносит вклад в ответы на вопросы социальной философии, такие как границы личной свободы в коллективе, солидарность. В качестве вспомогательных методов исследования мы использовали анкетирование и социометрию (Дж. Морено). Проведенный анализ позволили сделать вывод о том, что группа курсантов существенным образом отличается от студенческих групп, но имеет явные черты сходства с другими закрытыми малыми группами, к примеру, как соотносятся личные цели и цели группы, как выстраиваются взаимоотношения между старшими и младшими.

Ключевые слова: закрытые малые группы, закрытые молодежные группы, группы курсантов, группы по интересам, мультикультурные группы.

Закрытые малые группы представляют устойчивый интерес для социальной философии, поскольку являются элементарными ячейками социальности, в которых наиболее концентрированно проявляются механизмы формирования коллективной идентичности, власти, нормотворчества и социализации. В условиях растущей сложности и фрагментации современных обществ анализ таких групп позволяет исследовать фундаментальные принципы интеграции индивидов в жестко структурированные целостности. Особенно актуально это в контексте поиска баланса между индивидуальной автономией и групповым подчинением, а также изучения трансформации ценностных систем в изолированной среде.

Подразделения курсантов представляют собой идеальную модель тотального института (в концепции И. Гофмана [1]). Их жесткая обособленность от гражданского общества, строгая регламентация всех сфер жизни и иерархическая субординация позволяют исследовать, как в сжатые сроки конструируется особая социальная реальность со своими законами, языком и системами смыслов. Это актуально для понимания механизмов построения корпоративных и профессиональных сообществ в целом. Кроме того, группа курсантов – это не просто учебный коллектив, а первичная ячейка формирования офицерского корпуса. Социально-философский анализ позволяет выявить, как через групповые практики, ритуалы и неформальные отношения происходит интериоризация военно-профессиональных ценностей: долга, чести, коллективной ответственности. В современном мире, где роль силовых структур постоянно переосмысливается, понимание этого процесса крайне важно.

В закрытой группе курсантов с особой остротой протекает конфликт между личной (гражданской) идентичностью и новой, навязанной институтом ролевой идентичностью «военного». Исследование этого напряжения актуально в контексте более широкой дискуссии о адаптации личности в условиях принудительной или добровольной маргинализации. Помимо формальной командно-иерархической структуры, в курсантской среде неизбежно возникают неформальные системы власти и статусов. Анализ их возникновения, легитимации и взаимодействия с официальной структурой дает ключ к пониманию того, как функционирует власть на микроуровне, что релевантно для теорий социального порядка и управления. Современная курсантская группа существует в парадоксальных условиях: физическая закрытость сочетается с потенциальным доступом к глобальному информационному пространству (через ограниченные каналы). Это создает новые формы групповой динамики и конфликта ценностей, требующие философского осмысления в эпоху цифровизации.

С целью сбора материала для социально-философской характеристики группы курсантов мы использовали психологический метод социометрии. Социометрия Дж. Морено позволит сделать выводы о структуре закрытого коллектива, а именно закрытой малой группы курсантов военного училища. В качестве дополнительного метода также было проведено анкетирование для выявления хобби или увлечения, а также принадлежности к неформальному объединению на основе интересов [2].

Обработка полученных результатов позволила сделать вывод о том, что среди каждого курса и взвода курсантов можно выделить несколько неформальных малых групп на основе взаимных симпатий. Эти группы объединены на основе общих, взаимных интересов и досуговой деятельности: спортсмены, музыканты, реконструкторы – ролевики, робототехника и программирование. Однако, не все курсанты объединены в общие группы, хотя участвуют в соревнованиях и на олимпиадах, выступают на концертах, либо имеют хобби и увлечения, которые не привели к образованию малой группы по интересам, хотя они и общаются друг с другом, а не пребывают в изоляции [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что закрытый коллектив военнослужащих, который является таковым на основе принадлежности к профессиональной сфере, внутри себя позволяет существовать и другим закрытым малым группам на основе интересов. Однако, группы по интересам отличаются от групп курсантов тем, что они не формальные. Это порождает такие особенности как отношения на основе симпатий, личных характеристик, способностей и между их членами, и между ними и другими курсантами, статус которых

совпадает в одном и не совпадает в другом. То есть, естественные психологические характеристики оказывают своё влияние и на внутригрупповые и межгрупповые отношения малой группы. Здесь необходимо уточнить, что характеристики отношений и размера групп всегда относительны. Сама группа курсантов является малой и в некоторой степени закрытой. При этом сама по себе процедура закрытия имеет особенности. Сектанты и преступники закрываются сами, как бы «изнутри», но включают в свою группу новых членов, когда убеждаются в совпадении взглядов. Группа курсантов закрыта извне – приказом руководителей. То есть её оформление сугубо социальное и критерии вступления в группу тоже в основном социальные – наличие аттестата об образовании, знания, социальный статус. Поэтому и степень закрытости группы курсантов значительно ниже, чем групп сектантов и преступников. В то же время, она более закрыта, чем группа студентов гражданского вуза, что объясняется спецификой её социализации.

Другой критерий закрытости группы – насколько групповое сознание совпадает с общественным сознанием вне группы. Курсанты разделяют общенародные, общегосударственные взгляды. Поэтому можно предположить, что проявление закономерностей у них значительно ниже, чем у других закрытых групп, которые противопоставляют себя окружающему обществу.

Группы по интересам внутри официальных групп курсантов ещё более малые и закрытые. Отношения членов группы по интересам с представителями другой малой группы по интересам внутри группы курсантов можно характеризовать по-разному. Если предмет отношений касается деятельности по уставу или общегрупповых проблем быта, то это внутригрупповые отношения. Если же они общаются друг с другом с позиции своей группы по интересам, то их отношения уже межгрупповые.

Так, статус формального лидера (старшего национальной группы), как правило, не совпадает с неформальными лидерами, которых несколько. Неформальный лидер избирается самой группой, что является проявлением естественных групповых отношений, а формальный лидер назначается преподавателями (появление социального во внутригрупповых отношениях). Закрытые малые группы, образованные на основе интересов, выходят за пределы сообщества военных, так как состоят не только из них, а отношения внутри них строятся с учетом большего числа членов группы, чем только курсанты. То есть, состав группы курсантов частично совпадает с группами по интересам: есть курсанты, не входящие в эту группу и есть члены группы, не являющиеся курсантами.

Кроме того, в рамках анкетирования мы выявили, что отсутствуют какие-либо позитивные или негативные взаимоотношения между курсантами военного вуза на основе этнической принадлежности. Взаимоотношения выстраиваются на основе симпатий или антипатий [4]. Тем не менее, между некоторыми курсантами, которые обучались в одной школе или жили в одном городе существуют более тесные взаимоотношения, которые носят позитивный характер (что особенно заметно на первом курсе).

Это наблюдение подчеркивает важность общего жизненного опыта и общих воспоминаний в формировании межличностных связей среди курсантов. В условиях строгой дисциплины и повышенных требований, характерных для военного учебного заведения, такие связи могут играть важную роль в адаптации и моральной поддержке. На первом курсе, когда большинство курсантов сталкиваются с новыми вызовами и стрессовыми ситуациями, наличие знакомых лиц и близких друзей из прежней жизни становится особенно важным [5].

Отсутствие этнически обусловленных конфликтов свидетельствует о высокой степени толерантности и культурного взаимопонимания между курсантами. Тем не менее, выстраивание взаимоотношений на основе личных симпатий или антипатий также указывает на определённые вызовы в сфере социальной интеграции различных групп. Результат анкетирования подчеркивает важность соответствующих образовательных программ, направленных на развитие культуры межэтнического общения, что становится особенно актуальным в современном мультикультурном обществе. Курсанты, которые обучаются в таких условиях, получают уникальную возможность развивать свои коммуникативные навыки и готовность к сотрудничеству с представителями различных культур и этносов, что в итоге способствует более эффективному выполнению служебных обязанностей и укреплению социального единства в профессиональной сфере.

Результаты анкетирования подчёркивают необходимость дальнейшего изучения и поддержания позитивных форм взаимодействия среди курсантов независимо от их этнической принадлежности. Специалисты в области психологии и социальной работы могут разработать специальные программы и мероприятия, направленные на укрепление межличностных связей, что будет способствовать созданию более сплочённого и дружелюбного учебного сообщества.

Особенности взаимоотношений курсантов первого курса и старших курсов в военном вузе включают в себя множество аспектов, определяемых как институциональными нормами, так и неформальными традициями, сложившимися в этом закрытом образовательном пространстве.

Неоспоримым аспектом взаимоотношений является уважение к старшим по званию и опыту. Курсанты первых курсов находятся в стадии адаптации к новым условиям обучения, новой системе взаимоотношений и требованиям. Они учатся следовать строгому распорядку дня, соблюдать субординацию и выполнять приказы, что является основой воинской дисциплины. Естественным образом, старшие курсы становятся для них примером для подражания – прямо или косвенно, они помогают первокурсникам осваиваться, обучают их основным правилам и нормам жизни в военном заведении. Важно, что в военном вузе отсутствует явление «дедовщины» в распространенном понимании этого явления, то есть отсутствует унижение, притеснение. Однако, есть неформальная процедура посвящения, которая проходит после принятия присяги. Она проходит в достаточно дружеской обстановке, не предполагает эмоциональный, психологический и физический риск.

Иерархия отношений между курсантами также проявляется в форме наставничества. В целях получения командно-методических навыков, совместного несения службы, из числа курсантов старших курсов на младшие курсы назначаются курсанты, которые играют роль неформальных руководителей, оказывая поддержку и помощь в решении служебных, учебных и бытовых вопросов. Такая система позволяет не только облегчить процесс адаптации для первокурсников, но и укрепляет командный дух, способствуя формированию братства и взаимной ответственности, которые являются ключевыми для военной службы.

Если же говорить о причинах конфликтов среди курсантов как одного курса, так и разных, можно отметить следующие. В первую очередь следует отметить строгую дисциплину, регламентацию всех сфер жизни, требования к поведению, что выступает как конфликтогенный фактор для курсантов первого курса, причем конфликт может возникнуть не только среди курсантов одного года набора, но и между первым и старшим курсом. Это связано с возникающим напряжением и раздражением особенно среди тех, кто не привык к таким условиям. Частые проверки, строевые смотры и другие мероприятия создают атмосферу постоянного стресса, что накладывает свой отпечаток на межличностные отношения. Также стоит обратить внимание на роль внешних факторов, таких как стрессовые ситуации, связанные с учёбой и военной подготовкой. Интенсивные учебно-боевые тренировки, физические нагрузки и необходимость постоянно поддерживать высокий уровень готовности накладывают серьёзное психологическое давление на курсантов. В условиях такого давления снижается способность к контролю эмоций, что может служить катализатором для межличностных конфликтов.

Кроме того, важную роль играет личная совместимость курсантов. В условиях замкнутого сообщества, где все вынуждены ежедневно находиться друг с другом в тесном контакте, личные особенности и черты характера становятся крайне значимыми. Несовпадение темпераментов, различия в ценностях и взглядах на жизнь могут вызывать трения и споры. В данном контексте стоит отметить, что некоторые личности могут быть более конфликтными по своей природе, что отражается на общем уровне конфликтности в курсе [5].

Анализ результатов социометрического исследования и анкетирования позволил сделать ряд выводов, которые характеризуют отношения между курсантами в рамках учебного заведения.

В анализируемом нами военном вузе учатся студенты из ряда стран Африки и Азии (к примеру, из Анголы, Конго, Лаоса, Мали и др.). В их группах есть старосты национальной группы (в других группах, где нет иностранцев, это просто «староста», а в иных учебных заведениях – «старший по группе»), а также кураторы из числа преподавателей. Эти курсанты достаточно тесно общаются внутри своей национальной группы, сильны естественные внутригрупповые отношения. Однако, несмотря на отсутствие конфликтов с другими национальными группами, в том числе с русскими курсантами, они не вступают в тесные взаимоотношения с ними. Они общаются с представителями только национальной группы, что связано не только с наличием языкового барьера, но и с традициями, обычаями конкретной национальности. Кроме того, иностранные курсанты испытывают тоску по своей стране. Это является проявлением естественной стороны групповых отношений. На основе национального признака происходит деление на чужих и своих. Также было выявлено, что иностранные курсанты почти не входят в неформальные группы на основе интересов. Исключение – спортивные команды, сформированные самим учебным заведением, участие в КВН, а также организация национального вокального и танцевально-

го коллектива (курсанты из Анголы, Лаоса и т.д. на внутривузовских и региональных концертах исполняют национальные танцы и песни).

Курсанты из Казахстана, Таджикистана и Узбекистана учатся совместно с российскими курсантами. Российские курсанты не вступают с ними в явные конфликты на основе национального признака. Социометрическое исследование и анкетирование показали, что дружеские контакты с этими курсантами ограничены. Эти студенты не являются членами неформальных групп. Причина, как и в описанной выше ситуации, наличие этнических особенностей, а также разница в традициях, обычаях.

Закрытые группы курсантов достаточно сильно отличаются от студенческой группы. Это связано с рядом причин, которые характеризуют социальную составляющую внутригрупповых отношений. Внутри стен военного учебного заведения формируются особые отношения, которые нередко становятся сильными, доверительными и долгосрочными. Одной из основных характеристик такой группы является ее ограниченность и узость связей. Каждый курсант является частью этой малой общности и имеет свою определенную роль внутри нее. Все участники группы знают друг друга в лицо, привыкают к особенностям характера и поведения каждого, что способствует более глубокому взаимопониманию [6].

Немаловажным фактором, способствующим формированию закрытой малой группы, является физическая близость. Курсанты проживают в общежитиях, часто проводят свободное время вместе, учатся в одной аудитории. Это создает условия для более тесного взаимодействия и общения.

Наличие общих целей и задач также способствует закрытости группы. Курсанты военного учебного заведения стремятся достичь высоких результатов в обучении и развитии своих профессиональных навыков. Это как будто создает некий клуб единомышленников, для которых важны одинаковые ценности и интересы.

Строгая регламентация отношений, ограничение личной свободы приводит к тому, что конфликты чаще всего длительное время носят скрытый, латентный характер. Курсанты не могут высказать собственную негативную оценку командира и его действий как самому командиру, так и иным руководителям. Конфликты внутри группы также долгое время могут носить латентный характер, а отрицательные эмоции выражаются в раздражении, пассивной агрессии. Естественной потребностью каждого человека является стремление к выбору тех, с кем контактировать, вступать в профессиональные и личные отношения. В случае обучения в военном учебном заведении, то есть в закрытом сообществе обстановка этому препятствует. Социальное подавляет естественное.

Важным аспектом закрытой малой группы курсантов является также интенсивная консолидация. В ходе общего обучения и проживания они проходят через различные ситуации и испытания вместе. Это сплачивает и укрепляет отношения между ними, создает ощущение взаимной поддержки и солидарности.

Еще одним фактором, ограничивающим естественное стремление к свободе, является отсутствие студенческого самоуправления, которое есть в гражданских вузах. Отсутствие самоуправления ограничивает возможности курсантов и затрудняет развитие качеств субъекта. Подобные ограничения необходимы для того, чтобы воспитать у курсантов привычку к подчинению без уточнения причин необходимости делать те или иные действия. В условиях боевой ситуации это исключает самодеятельность, а также сохраняет время в стрессовой ситуации и поддерживает единоначалие.

Однако, следует также отметить, что закрытость малой группы военного учебного заведения может иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Если взаимоотношения в группе строятся на взаимной поддержке, сотрудничестве и доверии, это может способствовать эффективному обучению и профессиональному росту. Однако, негативные аспекты также могут быть присутствовать, такие как конфликты, соревнования и неправильно понятая солидарность. В целом, группа курсантов военного учебного заведения выступает как яркий пример закрытой малой общности. Здесь формируются устойчивые связи, развиваются профессиональные и личностные качества, и создаются условия для достижения общих целей.

Итак, закрытые малые группы курсантов военных учебных заведений представляют собой особый социальный феномен, который отличается от общества в целом. Курсанты проводят несколько лет в частичной изоляции от остальной части общества. Они живут в казармах, проходят интенсивные учебные программы и подвергаются строгому дисциплинарному контролю. Одна из основных характеристик закрытых молодежных групп курсантов – это принципиальная отличность их от общества. Курсанты вливаются в уникальную подсистему, соблюдая строгие нормы и правила, установленные военным управлении. Они подчиняются жесткой иерархии, где каждый ранг имеет свою иерархическую позицию и привилегии. В результате, закрытые группы курсантов становятся особым сообществом, где устанавливаются строгие правила поведения и взаимодействия. Взаимодействие внутри закрытых молодежных групп курсантов также имеет свою специфику. Они развивают особые формы коммуникации, основанные на общности целей, задач и интересов. Курсанты вместе проходят тяжелые испытания, переживают стрессы и складываются в единую сплоченную команду. Взаимодействие в группе направлено на достижение общих целей, укрепление взаимного доверия и поддержки. Еще одной особенностью закрытых молодежных групп курсантов является строгая регламентация и ограничение личного пространства. Курсанты живут и проводят большую часть времени вместе, что способствует формированию сильных связей и доверия друг к другу. Они развивают умение работать в команде, адаптироваться к жестким условиям и преодолевать трудности. Однако, эта жесткая регламентация может также оказывать негативное влияние на индивидуальное самовыражение и свободу. Таким образом, закрытые молодежные группы курсантов военных учебных заведений представляют собой особый социальный контекст с уникальной спецификой. Они формируют стойкие связи, способствуют развитию командного духа и привносят особую дисциплину и ответственность в жизнь молодых людей.

Литература

1. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. 9th ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. P. 10.
2. Дьяченко, А.Н. Развитие методологии оценки социометрического статуса участника малой группы: на примере курсантов военных учебных заведений / А.Н. Дьяченко // Социология. – 2024. – № 7. – С. 210–213.
3. Дьяченко, А.Н. Особенности статусов и отношений внутри малой группы курсантов высших военных учебных заведений / А.Н. Дьяченко // Вестник военного образования. – 2024. – № 3. – С. 85–87.
4. Капцов А.В. Структура взаимодействий в малой группе // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2017. – № 1. – С. 147–156.
5. Самарец, А.В. Структура курсантского коллектива как характеристика, определяющая его влияние на военно-профессиональное самоопределение курсантов / А.В. Самарец, А.Ю. Асриев // Омский научный вестник. – 2009. – № 3. – С. 156–159.
6. Лопуха, Т.Л. Воинская социализация военнослужащих в системе работы с личным составом / Т.Л. Лопуха, А.А. Манин, В.А. Чебатарёв // Мир науки, культуры, образования. 2018.

FEATURES OF THE GROUP OF MILITARY UNIVERSITY CADETS AS A CLOSED SMALL GROUP. SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Dyachenko A.
Far Eastern Higher Combined Arms Command Order of Zhukov of the Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky College

A group of military university cadets is an example of how many socio-philosophical phenomena are combined in one small group. Her analysis allows us to obtain data not only on the specifics of the military collective, but also on the universal laws of life of closed groups, the processes of formation of corporate morality and personality transformation in conditions of institutional coercion. This contributes to the answers to questions of social philosophy, such as the limits of personal freedom in a team, and solidarity. We used questionnaires and sociometry (J. Moreno) as auxiliary research methods. The analysis made it possible to conclude that the group of cadets differs significantly from student groups, but has obvious similarities with other closed small groups, for example, how personal goals and goals of the group relate, how the relationship between seniors and juniors is built.

Keywords: closed small groups, closed youth groups, cadet groups, interest groups, multicultural groups.

References

1. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. 9th ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. P. 10.
2. Dyachenko, A.N. The development of a methodology for assessing the sociometric status of a small group member: on the example of cadets of military educational institutions / A.N. Dyachenko // Sociology. – 2024. – No. 7. – pp. 210–213.
3. Dyachenko, A.N. Features of statuses and relationships within a small group of cadets of higher military educational institutions / A.N. Dyachenko // Bulletin of Military Education. – 2024. – No. 3. – pp. 85–87.
4. Kaptsov A.V. The structure of interactions in a small group // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy, 2017, No. 1, pp. 147–156.
5. Samarets, A.V. The structure of the cadet collective as a characteristic determining its influence on the military-professional self-determination of cadets / A.V. Samarets, A.Y. Asriev // Omsk Scientific Bulletin 2009. No. 3. pp. 156–159.
6. Lopukha, T.L. Military socialization of military personnel in the system of working with personnel / T.L. Lopukha, A.A. Manin, B.A. Chebatarev // The world of science, culture, education. 2018.

Противодействие негативному влиянию тёмных паттернов когнитивного дизайна в цифровой среде

Егоров Сергей Андреевич,
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
E-mail: Serhegorov@mail.ru

Исследование нацелено на социально-философский анализ когнитивного дизайна как движущей силы трансформации общества потребления. В статье демонстрируется, каким образом проектные решения когнитивного дизайна объективно определяемые как «темные паттерны» цифровой среды, основанные на принципах человеческого внимания, памяти и принятия решений, перестраивают повседневные практики потребления и переопределяют культурные нормы общества потребления. Также ведется описание методик, стимулирующих потребление, и стратегий снижения их влияния от прозрачных условий использования средств до строгого фиксирования когнитивного воздействия на субъект.

Ключевые слова: Когнитивный дизайн, общество потребления, цифровая трансформация, когнитивная нагрузка, социальная философия, индустрия 5.0, цифровое общество.

Введение

К концу второй декады XXI века радикальная цифровизация изменила современную жизнь, преобразовав коммуникации и распределение внимания. Сегодня формируется «цифровое общество», интегрированное в повседневные практики и дополняющее традиционные формы кооперации сетевыми структурами. Актуальные исследования демонстрируют, что социальная коммуникация сегодня невозможна без использования цифровой среды [14]. Технологические платформы не только обмениваются информацией, но и оцифровывают действия пользователей, создавая профили для анализа и таргетирования, что формирует новые способы управления вниманием и выбором. Это ведёт к эволюции общества потребления, для которого создаются новые ценности, выходящие за рамки материального и охватывающие символические и когнитивные ресурсы. Цифровые экосистемы, персонализируя контент и оферты, создавая микросценарии, усиливающие импульсивные покупки, и изменяя горизонты планирования, вызывают зависимость от интерфейсов и алгоритмов. Трансформация потребительской культуры в условиях «умных» технологий требует социально-философского анализа, объединяющего экономические стимулы, когнитивные ограничения и вопросы автономии субъекта.

Ключевым вектором этих изменений становится когнитивный дизайн – проектирование продуктов и сервисов с учётом закономерностей восприятия, памяти и внимания. Когнитивный дизайн оптимизирует сложность и устраняет лишние стимулы, учитывая только внутреннюю, внешнюю и смыслообразующую нагрузку для эффективного взаимодействия и адаптации интерфейсов под пользователя. Интерфейсы здесь рассматриваются как архитектуры выбора, формирующие поведенческие траектории. В рамках статьи когнитивный дизайн представлен и как инструмент, влияющий на нормы потребления, поскольку он может усиливать манипуляции через удобство и персонализацию. Цифровые технологии в этом отношении открывают новые возможности и создают риски манипуляции поведением. В этом контексте важно разграничение практик на соблюдающие и нарушающие этику, а также выработка механизмов регуляции, защищающей автономию субъекта в цифровой среде. Таким образом, исследование ставит задачу комплексного осмысления когнитивного дизайна как феномена, сочетающего технологические инновации и гуманитарные вызовы современности.

Теоретические основы когнитивного дизайна

Когнитивный дизайн акцентирует внимание на ограничении внимания и рабочей памяти. Поскольку представление информации в цифровой среде и её структура влияют на восприятие, принятие решений и обучение. Согласно теории когнитивной нагрузки (от англ. Cognitive Load Theory, сокращённо – CLT), сформированной австралийским педагогом и психологом Джоном Свеллером в 1988 году, рабочая память ограничена в обработке информации: избыточная сложность или наличие нерелевантных стимулов приводят к перегрузке, что негативно сказывается на понимании и выполнении задач.

Таким образом, основная задача когнитивного дизайна заключается в оптимальном согласовании требований визуальной информации или интерфейса и смыслового содержания, сопоставимого с реальными возможностями когнитивной системы пользователя, посредством перераспределения когнитивной нагрузки между внешними носителями информации и внутренними когнитивными структурами. В рамках CLT выделяют три взаимосвязанных компонента когнитивной нагрузки, каждый из которых предъявляет специфические требования к проектированию.

Внутренняя, или интринсическая, нагрузка (от англ. intrinsic, «внутренне присущая») связана со сложностью материала и уровнем знаний; управляется через разбиение контента и последовательное обучение. Внешняя, или экстраневая, нагрузка (от англ. extraneous, «посторонняя») вызвана неудачным представлением информации; снижается с помощью минимализма, логичной навигации и адаптации визуальной информации и интерфейса. Смыслообразующая, или герменная, нагрузка (от англ. germane, «умственная») отражает усилия пользователя по осмыслению и закреплению знаний; стимулируется активной переработкой материала [13].

Внедрение принципов CLT в дизайн позволяет сместить акцент с импульсивных реакций на осознанные действия. Дальнейшее развитие когнитивного дизайна можно интенсифицировать при помощи модели Four Component Instructional Design в переводе – четырёхкомпонентная модель педагогического дизайна, сокращённо – 4C/ID, предназначенной для обучения комплексным навыкам и успешно применяемой на различных уровнях образования. Модель включает в себя учебные задачи, с обучающей, вспомогательной, своевременной информацией и практикой [12, с. 128–141].

Целью данной модели вне педагогического контекста является перенос знаний в прикладной контекст посредством использования аутентичных задач и внедрения различных уровней информационного представления. Главный принцип – это обучение на основе комплексных задач с постепенным увеличением сложности, сопровождающееся предоставлением вспомогательной информации, включающей модели и примеры для предварительной подготовки. В процессе выполнения заданий обеспечивается своевременная поэтапная поддержка в виде подсказок, а также выполняются упражнения с частичной практикой, направленные на автоматизацию навыков. Такая структуризация способствует снижению внешней когнитивной нагрузки и стимулирует глубокое герменевтическое толкование смыслового наполнения материала. Так, например, современные архитектуры искусственного интеллекта строятся на таких последовательных когнитивных паттернах, как «наблюдение решение действие», а также на применении метода декомпозиции задач и разграничения кратковременной и долговременной памяти [15].

Эти подходы внедряются в интерфейсы цифровой среды и алгоритмы с целью обучения моделей ИИ разбивать задачи на подцели для последующего внедрения в «рабочий буфер», являющийся для машины краткосрочной памятью, конечная цель которой на практике – это получение задачи и выдача информации по запросу. В терминах CLT это снижает внешнюю и внутреннюю информационную нагрузки, создавая среду, отсеивающую излишнюю информацию и элементы дизайна. Слияние CLT, 4C/ID и когнитивных паттернов задаёт нормативный ориентир для платформенной экономики: интерфейсы могут эксплуатировать когнитивные ограничения или защищать автономию пользователя. Таким образом, когнитивный дизайн может быть не только инструментом эффективности, но и этической рамкой потребительской культуры.

Эволюция общества потребления в цифровую эпоху

Переход от модели массового промышленного производства товаров и услуг к цифровым платформам и сервисам сопровождается размыванием границы между «вещами» и «опытом»: товары всё чаще дополняются информационными, символическими и аффективными компонентами, а потребление становится гибридным – сочетающим материальные приобретения с присвоением информации, эмоций и социальных связей. В данной конфигурации формирование спроса осуществляется не только через рекламу и логистику, но и за счёт архитектуры интерфейсов, алгоритмов персонализации, построенных на рекомендациях, отсеивающих лишнюю информацию, методом коллаборативной фильтрации, анализирующем только реакцию пользователей на объекты их оценки, делящиеся на «явные» (выставленные пользователями) и «неявные», показателем которых является количество просмотров товара или аудиовизуальной информации [10].

В итоге через персонализацию информации рекомендации управляют вниманием, меняя условия принятия решений и уровень агентности пользователя. Таким образом, цифровая эпоха отражает переход от классической модели «производство – распределение – потребление» к интеграции коммуникаций, технологий и потребительских практик. По мнению О.К. Элова и У.Б. Исмоилова, после индустриального этапа возникают модели «информационного», «потребительского», «электронного» и «цифрового» общества, демонстрирующие тенденцию к технологически опосредованному поведению [4, с. 1202–1206]. Потребительские предпочтения и инновации каузально взаимосвязаны, поскольку цифровые технологии меняют поведение пользователей, а изменения в предпочтениях стимулируют технологический прогресс. На уровне рыночных механизмов ключевую роль играет цифровой маркетинг, который снижает трансакционные издержки и с помощью цифровых каналов обеспечивает динамическую адаптацию, одновременно тестируя креативные идеи и персонализируя предложения в реальном времени.

Для потребителей это проявляется в практически неограниченном ассортименте товаров и услуг, высокой прозрачности ценообразования и минимальных издержках переключения между брендами. Однако наблюдается увеличение когнитивной нагрузки, риски ложной информации, а также утечки данных, что требует от правообладателей, потребителей и других субъектов цифровой среды высокой эпистемической и этической ответственности.

В цифровой среде можно выделить четыре категории пользователей, характеризующиеся различными требованиями к когнитивному дизайну: инфлюенсеры, ориентированные на максимальное расширение аудитории; коммуникаторы, для которых важны экспрессивность и непрерывное взаимодействие; потребители информации в категории новостей, акцентирующих внимание на достоверной информации и самообразовании; функциональные пользователи, использующие цифровые ресурсы преимущественно как утилитарные инструменты для выполнения задач, покупок и получения сведений [4, с. 1202–1206]. Каждая группа является «профилем» ожиданий к интерфейсам, навигации и обратной связи.

В соответствии с этим для каждого профиля требуются дифференцированные проектные решения, учитывающие специфику запросов и паттерны поведения. Инфлюенсеры нуждаются в инструментах масштабирования контента и аналитики охвата, коммуникаторы – в гибких средствах самовыражения и мгновенной обратной связи, потребителям аудиовизуального формата новостей требуется наличие фильтров верификации информации. Функциональные пользователи, ожидают минималистичных интерфейсов с чёткими сценариями выполнения задач. Учёт этих критериев позволяет проектировать цифровую среду, одновременно повышающую удобство использования и снижающую когнитивную перегрузку, не нарушая этических стандартов взаимодействия и защиты пользовательских данных.

Цифровая трансформация придаёт потреблению характеристики тотальной датификации: практически каждое действие пользователя фиксируется, агрегируется и подвергается анализу, что создаёт основу для таргетированного воздействия и предиктивного управления вниманием [5]. Вместе с тем данная трансформация носит структурно неравномерный характер. Цифровой разрыв, выражающийся в доступности, инфраструктуре и цифровых компетенциях, обусловлен социально-экономической стратой, не сводимой исключительно к техническим параметрам подключения.

Технологические инновации не детерминируют социальное развитие линейно. Направления и последствия изменений формируются в результате сложного взаимодействия технологических возможностей с институциональными структурами, социальными нормами и распределением ресурсов в обществе. С социально-философской точки зрения дизайн интерфейсов должен не только повышать эффективность, но и поддерживать автономию и инклюзивность, учитывая технические ограничения, уровень цифровой грамотности, снижая когнитивную нагрузку у уязвимых пользователей, экономя трафик и обеспечивая прозрачные и этичные границы конфиденциальности. Иначе цифровая трансформация усилит существующие социальные неравенства.

Влияние когнитивного дизайна на трансформацию общества потребления

Современные цифровые платформы проектируются с целью вовлечения и удержания внимания пользователей посредством уведомлений, бесконечных лент, автовоспроизведения, адаптивных рекомендаций и достижений, что формирует так называемую «экономику внимания», где внимание выступает в роли ключевого ресурса обмена. В рамках данной парадигмы когнитивный дизайн выполняет две функции: с одной стороны, он усиливает потребление, преобразуя интерфейс в последовательность триггеров, стимулирующих импульсивные решения; с другой – служит инструментом поддержки автономии пользователя, уменьшая стимулы, обеспечивая прозрачность и сопоставимость выбора, делая информацию более обозримой и проверяемой [4, с. 1202–1206].

Исследования по теории когнитивной нагрузки (CLT) показывают, что внешняя «экстраневая» нагрузка возникает из-за плохо структурированного контента и «шумного» представления информации [13]. Источниками информационного шума являются агрессивные баннеры, всплывающие окна, сложная навигация, чрезмерная персонализация, снижающие осознанное восприятие. Противодействием является редукция шума: чёткая визуальная иерархия, дозирование стимулов и информационных блоков, а также предсказуемая навигация. Подобный дизайн снижает внешнюю нагрузку, стимулируя осмысленное восприятие.

Алгоритмические системы обучаются на поведении пользователей и выстраивают паттерны привычек: уведомления синхронизируются с ритмами дня, бонусы и скидки подаются в моменты «уязвимости» внимания, рекомендательные блоки информации структурируют сценарий автоматизма до команды в мозгу: «ещё одно действие». Эти петли подкрепления полезны для удержания, но в потребительском контексте легко смещают баланс в пользу импульсивного потребле-

ния. Когнитивный дизайн способен перенастроить эти петли: добавлять «скоростные уступы», цель которых – перед значительной покупкой предлагать «отложить подтверждение оплаты», оставляя товар в корзине в стандартном режиме.

Таким образом, покупка перестает быть импульсной, становясь осмысленным выбором. Импульсивное потребление также стимулируют классические «тёмные паттерны», такие как: скрытые подписки, принудительные рекомендации и отвлекающие переключатели, эксплуатирующие когнитивные ограничения. С точки зрения этики решения когнитивного дизайна должны по умолчанию содержать: прозрачные настройки персонализации; сравнения по критериям: цена, качество и условия возврата; фрикции как средство ввода дополнительных шагов перед дорогостоящей подпиской; а также сигналы доверия, объясняющие через рекомендации, «почему вы видите это» [3].

Также стоит учитывать низкую когнитивную нагрузку во избежание диссонанса; для этого рекомендуется использовать минимум анимаций, сжатые изображения, офлайн-сценарии и т.д. Такой набор паттернов уменьшит нагрузку и повысит качество усвоения информации. Кроме того, он снижает избыточную внешнюю нагрузку и дозирует внутреннюю, сохраняя концентрацию через сегментно чувствительную подачу. Поскольку разный уровень доступа и компетенций у пользователей вызывает хаотичные когнитивные издержки, дизайн с учётом цифрового разрыва должен включать: масштабируемую типографику, контраст, простые жесты, лёгкие версии страниц, офлайн-кэширование, минимизацию трафика и локализацию. Это важно для равной экономической и культурной включённости; иначе цифровая трансформация усиливает стратификацию [13].

Цифровой маркетинг автономно ускоряет сопоставление спроса и предложения, снижая издержки поиска и облегчая переключение между брендами. Персонализированные рекомендации упрощают выбор, но без прозрачности стимулируют импульсивное потребление и зависимость. Этика когнитивного дизайна предусматривает маркировку рекламы, регулирование персонализации и информирование о полной стоимости и экологичности товаров, способствуя переходу к осознанному потреблению.

Примеры перенастройки сценариев могут быть следующими: в финансах – бюджетные напоминания, «напоминания-анкеры» и визуализация альтернативных издержек до подтверждения транзакции; в e-commerce – сравнения по умолчанию по ключевым атрибутам и «пауза на обдумывание» для дорогих корзин; в подписках – простая отписка и отчёты об использовании как когнитивная обратная связь; в лентах – ограничители бесконечного скролла с «порционными страницами» и кнопкой продолжения для контроля просмотра пользователем [2].

Традиционный показатель времени и частоты кликов в приложении плохо отражает когнитивное благополучие. Для объективной оценки трансформационного влияния когнитивного дизайна уместен учёт следующих индексов: «внешней нагрузки», состоящей из ошибок навигации, повторов действий и отказов от задачи; «рефлексии» – как доли пользователей, прочитавших объяснение и изменивших свой выбор; показателей импульса – как доли транзакций, отменённых после «скоростного уступа»; показателей сожаления, рассчитанных на возвраты/отмены как прокси плохого решения; а также пониженного барьера понимания – как времени до comprehension для ключевого экрана. Сдвиг к таким метрикам стимулирует дизайн, который поддерживает качественное потребление, а не только «время во вьюпорте».

Когнитивный дизайн – это не только инструмент повышения удобства, но и механизм социальных изменений: он может закреплять импульсивное потребление или способствовать развитию рефлексивного и ответственного поведения [11, с. 540–542]. Применение стратегий снижения когнитивной нагрузки, учёт аудитории, прозрачность алгоритмов и контроль персонализации переводят платформенную экономику от эксплуатации внимания к взаимодействию с когнитивной архитектурой человека.

Социально-философский анализ когнитивного дизайна

С социально-философской точки зрения дизайн выступает одновременно как инструмент «удобства» и как практика, формирующая структуру повседневной жизни, регулирующая коммуникацию человека с техническими средствами и цифровой средой, устанавливающая правила для процессов принятия решений. Архитектуры интерфейсов задают доступность определённых действий, определяя тем самым, какие из них реализуются автоматически, а какие задействуют когнитивную и физическую нагрузку.

Таким образом, когнитивный дизайн влияет на определение и распределение влияния, ограничивая автономию субъектов, регулируя внимание, формируя культурные нормы потребления и их институциональную легитимацию [6, с. 35–46]. Объективно в рамках когнитивного дизайна учитывается ограничение памяти и внимания пользователей. Через интерфейсы эксплуатируются эти ограничения, являющиеся «тёмными паттернами», создающими навязанную когнитивную нагрузку. Однако дизайн, снижающий когнитивные нагрузки и усиливающий внутренние процессы, фактически поддерживает осознанное потребление [13]. Выбор стратегий когнитивного дизайна определяет распределение внимания к потреблению в цифровом обществе. Переход к индустрии 5.0 сфокусирован на антропоцентризме, отражающем коэволюцию человека и ИИ, учитывающем права и уязвимости пользователей. Это требует ответственности в ходе цифровой трансформации, развития инфраструктуры взаимодействия бизнеса и государства, а также интеграции антропоцентричных принципов в проектные решения и развития политики управления данными [9, с. 945–953].

В рамках данных координат когнитивный дизайн согласовывает коммерческие интересы и общественные ценности, балансируя между эффективностью, этической безопасностью, доступностью знаний и прозрачностью решений. Традиционные практики показали, как реклама формирует потребности и условия перепотребления, а цифровые платформы усиливают стимулы через персонализированные рекомендации. В данном контексте когнитивный дизайн является медиатором, способным точно донести суть данных механизмов посредством маркировки, объяснения рекомендаций и визуализации последствий выбора, либо, напротив, скрыть их, сделав «тёмными». Первый вариант формирует критическую осведомлённость пользователей, второй, наоборот, укрепляет гетерономию в рамках потребления, делая субъект зависимым, а при стимулировании – вызывающим импульсивное потребление. Цифровое общество неоднородно: инфраструктура и навыки распределены неравномерно, а «цифровой разрыв» обусловлен социально-экономическими различиями, а не только техническими [5].

Даже при наличии цифровой грамотности интерфейсы оказывают влияние, отражающееся на вовлечённости и когнитивных затратах. Во избежание этого когнитивный дизайн должен быть нейтрален в понимании и выборе у разных групп, делящихся по возрасту, образованию, культуре и т.д. Ответственный когнитивный дизайн обеспечивает: прозрачность персонализации, равную простоту заключения и расторжения договоров, контролируемую фрикцию для осознанных решений, доступность и инклюзивность интерфейсов, а также эпистемическую ответственность через верификацию и понимание потребителей ценообразования. Для обеспечения устойчивости социальных практик требуется внедрение комплексной системы оценки, на основе верифицируемых показателей и механизмах подотчётности. Традиционная методология, основанная на хронометраже, уступает место многофакторной аналитике, интегрирующей метрики индексов и показателей, описанных ранее.

Вопросы, касающиеся сбора данных, хранения, обеспечения доступа и объяснения, определяют и распределяют властные полномочия цифровых платформ. Прозрачность управления данными достигается за счёт когнитивного дизайна, который предусматривает понятное согласие, персонализацию и объяснения. Такой подход позволяет пользователю контролировать и изменять свои данные, исходя из принципов: автономии и фрикции, действующих по принципу – усилие там, где риск импульса, и его снятие там, где мешает пониманию; прозрачности и объяснимости, исходя из открытости источников, логики рекомендаций и последствий выбора; справедливости и доступности, учитывающей разные когнитивные профили и условия; ответственности и подотчётности, измеряющих когнитивные издержки и составляющих отчёты о снижении; а также делая акцент на человеко-центричности и эколого-социальной устойчивости, внимание которых сосредоточено на долгосрочном благополучии человека и среды [9, с. 945–953]. Таким образом, когнитивный дизайн – это не просто оптимизация интерфейсов, но и механизм реализации ценностей и властных отношений в обществе, а также средство предотвращения эксплуатации внимания и цифрового неравенства в пользу автономии выбора.

Этические и социальные вызовы когнитивного дизайна

Одним из ключевых вызовов является использование ограничений внимания и памяти человека с целью максимизации коммерческой прибыли. Архитектуры выбора для этого формируют направление пользовательских решений, возможности или же опции которых по умолчанию приобретают статус наиболее вероятного выбора, тогда как альтернативные варианты скрыты в системе и подвергаются фактической маргинализации. Когнитивный дизайн в данных условиях становится инструментом, манипулирующим поведением посредством: уведомлений, таймеров дефицита, подписок и скрытых комиссий, усиливающих

зависимость и импульсивное потребление. Решением является строгое соблюдение этики по умолчанию и введение антиманипуляционных стандартов: запрет «тёмных паттернов», прозрачная маркировка платных услуг и отказ от скрытых настроек, влияющих на решения. «Наджинг» как метод влияния на решения может быть как полезным инструментом для устойчивого выбора, так и механизмом манипуляции, ослабляющим рефлексию.

Этический когнитивный дизайн фокусируется на укреплении самоопределения, вводя: «скоростные уступы» перед необратимыми транзакциями, визуализацию альтернативных издержек, обеспечение прозрачности рекомендаций и возможность отложить решение. Согласно теории ограничения когнитивной нагрузки, сокращённо CLT, это снижает внешнюю нагрузку и стимулирует глубинную переработку информации, необходимую для осознанного выбора [1, с. 469–477]. Сбор поведенческих данных и использование предиктивной аналитики усиливают асимметрию между цифровыми платформами и пользователями, поскольку каждый клик и просмотр интегрируются в профиль пользователя. В социально-философском контексте это трансформирует динамику доверия и власти, перенося контроль из публично-правовой сферы в непрозрачные алгоритмические механизмы.

В качестве рекомендаций необходимо внедрение многоуровневого информирования, управляемой персонализации через регуляцию параметров глубины таргетинга, ползунков, панелей прозрачности с объяснениями, «почему я вижу это?», а также минимизации сбора и локальной обработка данных, где это возможно. Рамки отчётности ОЭСР подчёркивают, что защита прав пользователей требует междисциплинарного и международного сотрудничества – сочетания регуляции, технических мер и просветительских практик [8].

«Разрыв» проявляется не только в разном доступе к инфраструктуре, но и в неодинаковой способности распознавать манипуляции, интерпретировать интерфейсные сигналы и защищать приватность. Один интерфейс создаёт разные когнитивные затраты для пользователей с разным уровнем цифровой компетентности, возрастом и культурой [14]. Решением является инклюзивный дизайн, создающий масштабируемую типографику, высокий контраст, офлайн-режимы, понятные метки, многоязычность и поддержку вспомогательных технологий.

Это вопрос не удобства, а справедливого участия в экономике и культуре.

Цифровое потребление сегодня оставляет значительный углеродный след. Когнитивный дизайн призван снизить нагрузку, внедряя энергоэффективные настройки, уменьшая износ оборудования и тем самым поддерживая «долгоживущий сценарий»: ремонт, повторное использование, отказ от одноразовых моделей [7]. В интерфейсе это реализуется через экологические маркеры, альтернативы быстрой доставке и поощрение ответственного потребления. Бизнес-метрики вовлечённости часто конфликтуют с целями благополучия пользователя.

Этическая трансформация требует перейти от «времени в ленте» и CTR к индикаторам и индексам. Такой подход стимулирует когнитивный дизайн, ориентированный на качество выбора, а не на эксплуатацию внимания. Наряду с правовыми рамками нужны интегрированные механизмы подотчётности: аудит интерфейсных паттернов на предмет манипуляций под названием «Оценка воздействия на пользователя» – по аналогии с «Оценкой воздействия на защиту данных» (от англ. Data Protection Impact Assessment, сокращённо DPIA). Вводящие независимые процедуры рассмотрения жалоб и регулярная отчётность по снижению когнитивной нагрузки и «защитных» паттернов. Этические кодексы должны внедряться через чек-листы и контрольные точки в разработку, а не оставаться декларациями. Поскольку для алгоритмов важно обеспечение условий для объяснения, тестирование на смещения для корректных выводов и регулярный пересмотр данных для удостоверения в актуальности и качестве используемой информации [8]. Эти меры переводят когнитивный дизайн от эксплуатации к сотрудничеству с пользователем – с учётом внимания, приватности и экологии. Без них «интеллектуализация» интерфейсов усилит власть, неравенство и экологические издержки, чего должна избежать ответственная цифровая трансформация.

Заключение

Завершая исследование, следует подчеркнуть, что когнитивный дизайн выступает не столько вспомогательным средством оптимизации интерфейсов в данном случае, сколько механизмом преобразования современного общества потребления. Со своей стороны, перераспределяя внимание и рабочую память, делая взаимодействие с цифровыми средами более осознанным, улучшая восприятие и качество, он связывает рациональность цифровой среды и её платформ с ожиданиями общества, его автономией и ответственностью через конкретные проектные решения.

Цифровизация потребления стимулирует рост данных, провоцируя социальное неравенство и разделяя общество на целевые группы исходя из интересов, а также создавая личные профили. Когнитивный дизайн стремится поддержать осмысленный выбор в потреблении через прозрачность алгоритмов, режимы низкой нагрузки и инклюзивность, тем самым подавляя манипуляции «тёмных паттернов» в виде навязанных подписок, товаров и услуг без права выбора условий, средств и качества потребления.

Для закрепления согласованных норм ответственности и проработки более прозрачных условий требуется в дальнейшем институционализация когнитивного дизайна, включая аудиты интерфейсов, оценку воздействия и публичную отчётность. Необходим пересмотр метрик эффективности в пользу качества понимания и устойчивости решений, что позволит совмещать экономические интересы и автономию пользователей, сохраняя равенство.

Исследование также позволяет сделать вывод, что когнитивный дизайн на стадии индустрии 5.0 становится ключевым инструментом коэволюции человека и машин, определяющим культурную траекторию общества. Человеко-ориентированная конфигурация подчиняет алгоритмы оптимизации гуманистическим критериям, поддерживая критическое мышление, минимизируя асимметрии, признавая разнообразие и гарантируя доступность.

Дальнейшие исследования на подобную тему указывают на перспективы эмпирической аналитики в других сферах науки, а не только в философии и социологии, с целью разработки рабочих индикаторов, действующих в рамках когнитивной справедливости и ответственности. Поскольку когнитивный дизайн как фактор задаёт траекторию нормативной, этической, культурной и другой динамики развития общества потребления.

Литература

1. Бакстер К. А., Сачдева Н., Бейкер С. Применение теории когнитивной нагрузки к проектированию программ по здоровью и изменению поведения: принципы и рекомендации // Health Education & Behavior. 2025. Т. 52, № 4. С. 469–477.
2. Будилина А.В. Культура потребления в цифровой среде: трансформация ценностных моделей и практик поведения современной аудитории: дис. … канд. филос. наук. Челябинск, 2024. 172 с.
3. Дворников С.В. Тёмные паттерны // StudNet. 2021. № 4.
4. Элов О. К., Исмоилов У.Б. Цифровизация потребления // Экономика и социум. 2023. № 6–1 (109). С. 1202–1206.
5. Ласкар М.Х. Изучение становления цифрового общества и цифрового разрыва в Индии: сравнительная оценка между городскими и сельскими районами. Фронт Социол. 2023 Апр 12; 8:1145221.
6. Мельник Е.В. Влияние когнитивных и эмоциональных процессов на поведение потребителей // Маркетинг и логистика. 2022. № 2 (40). С. 35–46.
7. Общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний: материалы XII Международной научно-практической конференции, Краснодар, 27–28 мая 2022 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – 752 с.
8. ОЭСР. Putting People First in Digital Transformation: CDEP Ministerial Meeting Background Paper // OECD Digital Economy Papers. 2022. № 339. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/865f8426-en.
9. Паппас И. О., Микалеф П., Двиведи Ю.К., Джаккери Л., Крогсти Д. Ответственная цифровая трансформация для устойчивого общества // Information Systems Frontiers. 2023. Т. 25, № 3. С. 945–953.
10. Смоленчук Т.В. Метод коллаборативной фильтрации для рекомендательных сервисов // Вестник науки и образования. 2019. № 22–1 (76).
11. Фёдоров А.А. Анализ концепций потребительского общества // Молодой учёный. 2022. № 24 (419). С. 540–542.
12. Чернобай Е. В., Стремилова Е.К., Бирюкова Е.А. Использование четырёхкомпонентной модели дизайна обучения в школе: анализ возможностей и ограничений // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14, № 3. С. 128–141.
13. Baxter K. A., Sachdeva N., Baker S. The Application of Cognitive Load Theory to the Design of Health and Behavior Change Programs: Principles and Recommendations // Health Education & Behavior. 2025. 52(4). P. 469–477.
14. Laskar M.H. Examining the Emergence of Digital Society and the Digital Divide in India: A Comparative Evaluation Between Urban and Rural Areas // Frontiers in Sociology. 2023. Vol. 8. Article 1145221. DOI: 10.3389/fsoc.2023.1145221. PMID: 37122396; PMCID: PMC10130454.
15. Wray R., Kirk J., Laird J. Architectural Precedents for General Agents using Large Language Models. 2025.

COUNTERING THE NEGATIVE IMPACT OF DARK COGNITIVE DESIGN PATTERNS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Egorov S.A.
Platov South Russian State Polytechnic University

The study aims at a socio-philosophical analysis of cognitive design as a driving force behind the transformation of consumer society. The article demonstrates how cognitive design solutions–objectively defined as "dark patterns" of the digital environment and based on the principles of human attention, memory, and decision-making–reconfigure everyday consumption practices and redefine the cultural norms of consumer society. Additionally, the paper describes techniques that stimulate consumption, as well as strategies to reduce their impact, ranging from transparent terms of use to strict documentation of cognitive effects on the individual.

Keywords: Cognitive design; consumer society; digital transformation; cognitive load; social philosophy; Industry 5.0; digital society.

References

1. Baxter K. A., Sachdeva N., Baker S. The Application of Cognitive Load Theory to the Design of Health and Behavior Change Programs: Principles and Recommendations // Health Education Behavior. 2025. Vol. 52, No. 4. Pp. 469–477.

2. Budilina A.V. Consumer Culture in the Digital Environment: Transformation of Value Models and Behavioral Practices of the Modern Audience: PhD dissertation in Philosophy. Chelyabinsk, 2024. 172 p.

3. Dvornikov S.V. Dark Patterns // StudNet. 2021. No. 4.

4. Elov O. K., Ismoilov U.B. Digitalization of Consumption // Economy and Society. 2023. No. 6–1 (109). Pp. 1202–1206.

5. Laskar M.H. Examining the Emergence of Digital Society and the Digital Divide in India: A Comparative Evaluation Between Urban and Rural Areas // Frontiers in Sociology. 2023 Apr 12; 8:1145221.

6. Melnik E.V. Influence of Cognitive and Emotional Processes on Consumer Behavior // Marketing and Logistics. 2022. No. 2 (40). Pp. 35–46.

7. Society and Knowledge Economy, Capital Management: Digital Knowledge Economy: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 27–28, 2022. Krasnodar: Kuban State University, 2022. 752 p.

8. OECD. Putting People First in Digital Transformation: CDEP Ministerial Meeting Background Paper // OECD Digital Economy Papers. 2022. No. 339. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/865f8426-en.

9. Pappas I. O., Mikalef P., Dwivedi Y.K., Jakkery L., Krogstie D. Responsible Digital Transformation for a Sustainable Society // Information Systems Frontiers. 2023. Vol. 25, No. 3. Pp. 945–953.

10. Smolenchuk T.V. The Method of Collaborative Filtering for Recommender Services // Bulletin of Science and Education. 2019. No. 22–1 (76).

11. Fyodorov A.A. Analysis of Consumer Society Concepts // Young Scientist. 2022. No. 24 (419). Pp. 540–542.

12. Chernobay E. V., Stremilova E.K., Biryukova E.A. Using the Four-Component Model of Instructional Design in School: Analysis of Opportunities and Limitations // Modern Foreign Psychology. 2025. Vol. 14, No. 3. Pp. 128–141.

13. Baxter K. A., Sachdeva N., Baker S. The Application of Cognitive Load Theory to the Design of Health and Behavior Change Programs: Principles and Recommendations // Health Education Behavior. 2025. Vol. 52, No. 4, Pp. 469–477.

14. Laskar M.H. Examining the Emergence of Digital Society and the Digital Divide in India: A Comparative Evaluation Between Urban and Rural Areas // Frontiers in Sociology. 2023. Vol. 8, Article 1145221. DOI: 10.3389/fsoc.2023.1145221; PMID: 37122396; PMCID: PMC10130454.

15. Wray R., Kirk J., Laird J. Architectural Precedents for General Agents using Large Language Models. 2025.

Синтаксические средства выражения модальности в деловых СМИ России и Франции: сравнительный лингвистический анализ

Кобзева Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, НИУ Московский государственный строительный университет
E-mail: fleurka2008@yandex.ru

Федорова Елена Леонидовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина», Москва
E-mail: FedorEl2016@yandex.ru

В статье рассматриваются синтаксические средства выражения модальности в русскоязычном и франкоязычном деловом медиадискурсе в сопоставительном аспекте. В результате исследования выявлены синтаксические конструкции, репрезентирующие модальные значения в обоих языках: конструкции с модальными глаголами и предикативами, инфинитивные конструкции, вводно-модальные слова и частицы, конструкции с условным и сослагательным наклонением, вопросительные конструкции, парцелляция и сегментация. Установлено, что в русском деловом дискурсе преобладают конструкции, эксплицирующие долженствование и императивность, тогда как для французского – характерно широкое использование условного наклонения как средства эпистемической дистанцированности и безличных конструкций, создающих эффект объективности. Выявленные различия объясняются культурно-обусловленными особенностями деловой коммуникации: ориентацией русской деловой речи на директивность, а французской – на гипотетичность и дипломатичность. Результаты исследования могут быть применены в курсах деловой коммуникации, медиалингвистики и переводоведения.

Ключевые слова*:* синтаксическая модальность, медиадискурс, модальные глаголы, синтаксическая репрезентация, коммуникативно-прагматические функции.

Введение

Актуальность исследования заключается в необходимости выявления роли деловых медиа в современной экономической коммуникации. Также изучение национальной специфики делового дискурса в условиях международного сотрудничества является одной из важных составляющих культурного дискурса. В связи с этим отсутствие комплексных сопоставительных исследований синтаксической модальности в русско-французском деловом медиадискурсе может привести к образованию языковых и культурных лакун.

Ценным исследованием для изучения категории модальности имела концепция Ш. Балли, который разграничил в структуре высказывания объективное содержание (диктум) и субъективное отношение говорящего (модус) [Bally, 1944]. В отечественном языкознании особое значение имеют труды В.В. Виноградова, который определил статус модальности как семантико-грамматической категории, а также предложил классификацию модальных значений [Виноградов, 1950, с. 1972]. В трудах Г.А. Золотовой модальность рассматривалась с функционально-семантической точки зрения, т.е. модальность анализировалась как компонент синтаксической семантики предложения в рамках коммуникативной грамматики [Золотова, 1973; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998].

Специфика выражения модальности во французском языке детально исследована в работах Н. Ле Керлер, предложившей типологию модальных значений [Le Querler, 1996, с. 2001], Л. Госслена, изучающего семантику модальности в её взаимодействии с категориями времени и аспекта [Gosselin, 2010a; 2010b], а также А. Кюлиоли, разработавшего теорию модусных операций в рамках лингвистики высказывания [Culioli, 1990–1999].

В рамках медиадискурса проблемой модальности занимались такие исследователи, как Т.Г. Добросклонская [Добросклонская 2009; 2023], Н.И. Клушина [Клушина 2008; 2011], М.Р. Желтухина [Желтухина 2003; 2015], Л.Р. Дускаева [Дускаева 2004; Дускаева, Корнилова 2017].

Однако не смотра на множество исследований в области модальности, медиадискурса, синтаксической модальности достаточно мало внимания было уделено проблеме сопоставительного анализа синтаксической модальности в деловых медиа на русском и французском языке.

Целью является сопоставительный анализ синтаксических средств выражения модальности в русскоязычном и франкоязычном деловом медиадискурсе для определения их национально-культурной специфики и коммуникативно-прагматических функций.

Задачи исследования:

1. Выявить синтаксические конструкций, репрезентирующих модальные значения в исследуемых дискурсах.

2.Установить сходства и различия в вербализации модальности, объяснить их экстралингвистическими факторами.

3.Определить закономерности использования синтаксической модальности как инструмента реализации коммуникативных стратегий делового медиадискурса.

Методы исследования применявшиеся в исследовании: контекстуальный и семантико-синтаксический анализ, сопоставительный метод, лингвопрагматический анализ.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении универсальных и национально-специфические закономерностей функционирования синтаксических средств модальности в русском и французском деловом медиадискурсе.

Практическая значимость результаты исследования могут быть применены в курсе изучения деловой коммуникации на русском и французском языках, также могут быть использованы при изучении медиадискурса, а также в переводоведении.

Категория модальности является сложным языковым явлением, сочетающим в себе разные уровни: семантический, синтаксический, а также прагматику. В.В. Виноградов отмечал, что «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [Виноградов, 1975, с. 55]. Такое понимание модальности является ключевым для предложенного исследования.

Выделяют и разграничивают как объективную, так и субъективную модальность. Под объективной модальностью понимается отношение сообщаемого к действительности, под субъективной – отношение говорящего к сообщаемому [Ляпон, 1990, с. 303]. Особое значение для медиадискурса имеет именно субъективная модальность. Т.Г. Добросклонская писала, что «медиатексты не только информируют, но и оказывают воздействие, формируя определенную картину мира в сознании аудитории» [Добросклонская, 2008, с. 45].

Выделение синтаксической модальности, как части системы синтаксических средств, участвующих в выражении модальных значений, позволяет проанализировать отношения высказывания к действительности, оценки достоверности сообщаемого, а также коммуникативную установку говорящего. Г.А. Золотова подчеркивала, что «синтаксическая модальность реализуется через систему форм и конструкций, образующих функционально-семантическое поле с определенной структурой и иерархией средств» [Золотова, 1973, с. 142]. Такой подход, учитывающий грамматические формы, позволяет глубоко и всесторонне исследовать данное явление.

Е.В. Падучева, исследуя модальные значения отмечала, что они тесно связаны с коммуникативной структурой высказывания и «могут быть адекватно описаны только с учетом позиции наблюдателя и точки зрения» [Падучева, 1996, с. 235].

Можно выделить следующую типологию синтаксических средств, представляющих модальные значения в деловых медиа:

1. Конструкции с модальными глаголами и предикативами. Данный тип включает высказывания с глаголами *мочь, долженствовать, хотеть, следовать*, а также предикативами типа *нужно, необходимо, возможно*. Анализ материалов деловой прессы показывает, что данные конструкции достаточно регулярно используются для выражения значений возможности, необходимости, желательности, долженствования. Например: *«Экономика России **может** столкнуться с новыми вызовами во втором полугодии»* (РБК, 15.03.2024). *«Компании **должны** адаптироваться к новым условиям налогообложения»* (Ведомости, 22.01.2024).

2. Инфинитивные конструкции с модальным значением, выраженным наречием, категорией состояния. Следует отметить, что «инфинитивные конструкции в русском языке обладают богатым модальным потенциалом, позволяя выражать широкий спектр значений от категорического долженствования до смягченного пожелания» [Студнева, 1974, с. 112]. Например: *«**Найти** новые рынки сбыта – **первоочередная задача** для экспортеров в текущих условиях»* (Эксперт, 05.02.2024). *«**Не допустить** дефицита бюджета **можно лишь** за счет оптимизации расходов»* (Коммерсантъ, 12.12.2023).

3. Конструкции с модальными частицами и вводно-модальными словами. Сюда входят такие частицы как *едва ли, вряд ли, пожалуй, как раз* и вводными словами *конечно, безусловно, вероятно, очевидно, по-видимому*. По наблюдению Т.М. Николаевой, «модальные частицы выполняют функцию операторов субъективной модальности, маркируя отношение говорящего к степени достоверности сообщаемого» [Николаева, 1985, с. 67]. Например: *«**Очевидно**, что политика ЦБ **будет** направлена на сдерживание инфляции»* (Ведомости, 10.02.2024). *«Новый закон **едва ли** решит проблемы малого бизнеса»* (РБК, 03.04.2024).

4. Конструкции с условным и сослагательным наклонением в сложноподчиненных предложениях. В деловых медиа данные конструкции используются для выражения гипотетичности, предположительности. Например: *«**Если бы** санкции **были введены** годом раньше, последствия **были бы** более серьезными»* (Коммерсантъ, 20.09.2023). *«При сохранении текущих тенденций рынок **мог бы** показать рост к концу года»* (Эксперт, 15.11.2023).

Данные синтаксические конструкции выполняют не только информативную, но и аргументативную функцию, способствуя реализации стратегий убеждения и воздействия» [Дускаева, Корнилова, 2017, с. 398].

5. Вопросительные конструкции с модальными оттенками. Риторические вопросы и вопросно-ответные единства в деловых медиа имеют значения сомнения, предположения. Исследователь Л.Р. Дускаева писала, что «диалогическая природа газетных речевых жанров проявляется в использовании вопросительных конструкций, реализующих модальность поиска истины и вовлечения читателя в совместное размышление» [Дускаева, 2004, с. 158]. Например: *«Сможет ли экономика адаптироваться к новым реалиям? Эксперты дают сдержанно-оптимистичные прогнозы»* (Коммерсантъ, 14.02.2024). *«Что ждет нефтяной рынок в 2024 году? Ответ на этот вопрос зависит от многих факторов»* (Эксперт, 10.01.2024).

6. Конструкции с отрицанием, выражающие модальность невозможности, отсутствия необходимости. «Отрицательные конструкции в публицистическом тексте часто выполняют полемическую функцию, выражая несогласие с оппонентом или отрицание определенной точки зрения» [Клушина, 2008, с. 117]. Например: *«**Не стоит** ожидать быстрого восстановления потребительского спроса»* (РБК, 05.02.2024). *«Компания **не может** игнорировать требования регулятора»* (Ведомости, 17.03.2024).

7. Парцелляция и сегментация в тексте. Синтаксические конструкции, содержащие подобные явления, приобретают модальные значения выделения, усиления значимости. По наблюдению Г.Я. Солганика, «парцелляция в языке газеты служит средством актуализации наиболее важной информации, придания ей особой вескости» [Солганик, 2005, с. 94]. Например: *«Рынок отреагировал мгновенно. И крайне негативно»* (Коммерсантъ, 22.11.2023). *«Прогнозы разнятся. От осторожного оптимизма до глубокого пессимизма»* (Эксперт, 03.12.2023).

Представленный корпус синтаксических конструкция позволяет выделить довольно разнообразные языковые средства для выражения модальности

Систематизация данных конструкций и анализ их коммуникативно-прагматических функций в русскоязычных и франкоязычных деловых медиа составляют основу сопоставительного исследования, результаты которого представлены в последующих разделах настоящей статьи.

Исследование **типологии синтаксических средств выражения модальности во французских деловых медиа** позволило глубоко проанализировать не только грамматические средства, но и выявить сходства и различия. Такой подход позволяет раскрыть национально-культурный потенциал выражения отношения к действительности, но и выявить отношение говорящего к сообщаемому.

В работе представлена следующая типология синтаксических конструкций во французском языке.

Модальные глаголы: pouvoir, devoir, falloir, sembler, paraître

В деловой французской прессе модальные глаголы выполняют функцию регуляторов отношений между субъектом высказывания и действительностью. Они могут выражать как объективную необходимость, так и субъективное мнение журналиста или эксперта.

Pouvoir (мочь, иметь возможность) является самым частотным модальным глаголом. В деловом контексте он реализует два основных значения:

·Возможность: *Cette stratégie peut augmenter la part de marché*. (Эта стратегия может увеличить долю рынка).

·Разрешение (вежливое или уставное*): Les actionnaires peuvent poser leurs questions après la présentation*. (Акционеры могут задать свои вопросы после презентации).

Devoir (быть должным) смещает акцент в сторону долженствования и высокой степени вероятности.

·Долженствование: *L'entreprise doit réduire ses coûts pour survivre*. (Компания должна сократить издержки, чтобы выжить).

·Предположение (вероятность): *Il doit y avoir une raison stratégique à cette fusion*. (Должна быть стратегическая причина для этого слияния). В деловых новостях это часто используется для мягкого прогнозирования.

Falloir (быть нужным, необходимым) – безличный глагол, который вводит объективную необходимость, часто продиктованную обстоятельствами рынка. В отличие от devoir, он обезличивает требование, что характерно для аналитических заметок.

·*Pour rester compétitif, il faut investir dans l›IA*. (Чтобы оставаться конкурентоспособным, необходимо инвестировать в ИИ).

Sembler и Paraître (казаться) образуют группу глаголов субъективной оценки. Они используются для смягчения категоричности вывода.

·*Sembler (казаться, представляться*): *Le marché semble se stabiliser après la crise*. (Рынок, кажется, стабилизируется после кризиса).

·*Paraître (казаться, выглядеть): Cette décision paraît inévitable aux yeux des analystes*. (Это решение кажется неизбежным в глазах аналитиков).

Использование этих глаголов позволяет журналисту дистанцироваться от утверждения, перекладывая ответственность на наблюдаемую реальность.

Безличные конструкции: il est nécessaire/important/possible que, il s›avère que

Если модальные глаголы часто привязаны к конкретному деятелю, то безличные конструкции во французских деловых медиа служат для создания эффекта объективности и обобщенности. Они маркируют эпистемическую модальность (степень достоверности) и деонтическую модальность (предписание).

Конструкции с прилагательными:

Оборот «Il est + прилагательное + que» является мощным инструментом модальной оценки ситуации. В зависимости от лексического наполнения прилагательного, модальность меняется:

·Необходимость (деонтическая модальность): *Il est nécessaire / indispensable que les parties prenantes trouvent un accord.* (Необходимо, чтобы заинтересованные стороны нашли соглашение).

·Важность (аксиологическая оценка): *Il est important de noter que le chiffre d'affaires a doublé.* (Важно отметить, что оборот удвоился). Здесь модальность переплетается с вводной функцией, акцентируя внимание читателя.

·Возможность/вероятность (эпистемическая модальность): Il est possible que la banque centrale révise ses taux. (Возможно, центральный банк пересмотрит ставки).

Конструкция Il s›avère que

Оборот Il s›avère que (оказывается, что) занимает особое место в типологии средств выражения модальности. В деловых медиа он служит для введения вывода, основанного на фактах или только что полученных данных. Эта конструкция маркирует переход от предположения к утверждению, подкрепленному авторитетом источника или статистики.

·*Les premiers chiffres sont tombés: il s›avère que la stratégie de restructuration était la bonne.* (Первые цифры поступили: оказывается, стратегия реструктуризации была верной).

Таким образом, синтаксические средства выражения модальности во французских деловых медиа образуют стройную систему. Глаголы pouvoir, devoir, falloir регулируют отношения долженствования и возможности в мире бизнеса, в то время как sembler и paraître вносят оттенок субъективности. Безличные конструкции, такие как il est nécessaire que и il s'avère que, позволяют представить субъективное мнение аналитика как объективное требование ситуации или логический вывод. Владение этими конструкциями необходимо для адекватной интерпретации французской деловой прессы, где точность формулировок часто скрывает сложную модальную рамку высказывания.

Условное наклонение (conditionnel) как средство эпистемической модальности и дистанцирования

Условное наклонение занимает особое место в системе средств выражения модальности французских деловых медиа. Его основная функция в журналистском дискурсе – маркирование информации, передаваемой без полной ответственности автора за её достоверность. Как отмечает Жак Бре, conditionnel в данном употреблении является формой, позволяющей журналисту дистанцироваться от высказывания, представляя факт как слух, неподтвержденную информацию или чужую точку зрения.

В лингвистической традиции это явление получило название *conditionnel journalistique или conditionnel de l'information incertaine* (условное наклонение недостоверной информации). Исследователь Х. Кронинг определяет его как маркер эпистемической модальности, совмещенный с эвиденциальностью – указанием на источник информации.

В деловых медиа данная форма регулярно встречается в двух основных контекстах:

Передача неподтвержденной информации: *Selon les analystes, le marché pourrait reprendre 5% d'ici la fin du trimestre* (По мнению аналитиков, рынок мог бы вырасти на 5% к концу квартала).

·**Выражение предположения**: *La fusion entre les deux groupes aurait déjà été approuvée par les autorités de la concurrence* (Слияние двух групп, предположительно, уже было одобрено антимонопольными органами).

Интересно, что данное употребление conditionnel не связано с выражением условия в строгом смысле, а служит именно стратегией «ухода от ответственности» за достоверность информации. Показательно, что в сочетании с источником информации *(selon les analystes, d'après les sources proches du dossier*) conditionnel усиливает эффект дистанцирования, создавая двойную «рамку недостоверности».

Вводные обороты как маркеры субъективной модальности

Вводные конструкции во французских деловых медиа образуют разветвленную систему маркеров, градуирующих степень уверенности автора в сообщаемом. Их типология включает несколько групп.

Маркеры высокой степени вероятности:

·*Selon toute vraisemblance* (по всей вероятности) – маркирует вывод, основанный на косвенных признаках: La conjoncture économique s'améliore, et selon toute vraisemblance, l'investissement étranger augmentera.

·*En principe* (в принципе) – указывает на ожидаемое развитие событий при нормальных условиях: Les négociations en principe aboutiront cette semaine.

· *Sans doute* (без сомнения) – несмотря на свою внутреннюю форму, в современном употреблении выражает не уверенность, а высокую степень предположительности: Ce sans doute pour cette raison que le conseil d'administration a reporté sa décision.

Маркеры эпистемического сомнения:

·*À n›en pas douter* (вне всякого сомнения) – парадоксальная конструкция, которая, отрицая сомнение, на самом деле имплицирует его наличие: *Cette stratégie innovante à n'en pas douter portera ses fruits à long terme.*

Интересно, что, согласно данным корпусных исследований, частотность употребления данных маркеров в деловых медиа значительно варьируется. В проанализированном корпусе французских деловых изданий (CRFC, объемом 310 млн слов) наиболее частотным оказался оборот *selon les analystes* (около 45% всех вводных конструкций с эвиденциальным значением), за которым следует sans doute (28%) и en principe (15%).

Синтаксические конструкции с модальным значением в гипотаксисе

Модальность во французских деловых медиа выражается не только на уровне лексики или отдельных грамматических форм, но и на уровне сложного предложения (гипотаксиса). Придаточные предложения цели, условия и уступки выполняют важную функцию модальной квалификации действий и событий.

Придаточные цели выражают деонтическую модальность – указание на необходимость или желательность определенного действия. В деловом дискурсе они часто маркируют стратегические решения:

· *L›entreprise a réduit ses effectifs afin de maintenir sa compétitivité sur le marché mondial.* (Компания сократила штат, чтобы сохранить конкурентоспособность на мировом рынке).

·*La banque centrale a baissé ses taux pour que les investisseurs puissent accéder plus facilement au crédit.* (Центральный банк понизил ставки, чтобы инвесторы могли легче получить доступ к кредитам).

Придаточные условия являются основным синтаксическим средством выражения гипотетической модальности. В деловых медиа они регулярно встречаются в аналитических статьях и прогнозах:

·*Si la tendance se maintient, le PIB augmentera de 2% cette année (*Если тенденция сохранится, ВВП вырастет на 2% в этом году).

·*À condition que les prix du pétrole restent stables, l›inflation pourrait être maîtrisée* (При условии, что цены на нефть останутся стабильными, инфляцию можно будет сдержать).

Придаточные уступки выражают сложную модальность – констатацию несоответствия между ожидаемым и реальным положением дел:

·*Bien que le contexte économique soit difficile, l›entreprise a réussi à augmenter son chiffre d›affaires* (Хотя экономический контекст сложный, компания сумела увеличить оборот).

·*Quelles que soient les décisions du gouvernement, le marché continuera de fluctuer* (Какими бы ни были решения правительства, рынок продолжит колебаться).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о типологии синтаксических средств выражения модальности во французских деловых медиа:

1.Условное наклонение выступает ключевым средством эпистемической модальности и эвиденциальности, позволяя журналисту дистанцироваться от передаваемой информации и указывать на ее источник.

2. Вводные обороты образуют градуальную шкалу от высокой степени вероятности *(selon toute vraisemblance, sans doute*) до маркирования чужой речи (*selon les analystes*), причем последние являются наиболее частотными.

3.Синтаксические конструкции в гипотаксисе реализуют различные типы модальности: целевые придаточные – деонтическую модальность, условные – гипотетическую, уступительные – контрастивную.

Количественные данные корпусных исследований подтверждают, что выбор конкретных модальных средств зависит от типа дискурса: в новостных сообщениях преобладает *conditionnel journalistique*, тогда как в аналитических статьях чаще встречаются вводные обороты и сложноподчиненные предложения с придаточными условия и уступки. Система синтаксических средств выражения модальности во французских деловых медиа представляет собой сложный, многоуровневый механизм, позволяющий автору тонко регулировать степень своей ответственности за высказывание и характер взаимодействия с читателем.

Выводы

Проведенное исследование, направленное на сопоставительный анализ синтаксических средств выражения модальности в русскоязычном и франкоязычном деловом медиадискурсе, позволяет сформулировать следующие выводы.

В русском и французском деловом медиадискурсе функционирует широкий спектр синтаксических конструкций, репрезентирующих модальные значения, которые могут быть типологизированы по формально-структурному принципу. К общим для обоих языков средствам относятся: конструкции с модальными глаголами и предикативами, инфинитивные конструкции, вводно-модальные слова и частицы, конструкции с условным и сослагательным наклонением, вопросительные конструкции, а также синтаксические приемы парцелляции и сегментации. Наличие указанных средств подтверждает универсальный характер категории модальности, реализующей отношение высказывания к действительности и позицию говорящего.

Выявлены также и различия в частотности и функциональной нагрузке отдельных конструкций, обусловленные типологическими особенностями языков и культурно-коммуникативными традициями. Для русского делового медиадискурса характерна высокая частотность конструкций с модальными глаголами и предикативами, выражающими долженствование, необходимость и императивность (должен, необходимо, нужно, следует), что отражает ориентацию русской деловой коммуникации на директивность, эксплицитность предписаний и четкую фиксацию обязательств. Во французском деловом дискурсе доминируют конструкции с условным наклонением *(conditionnel journalistique*), выполняющие функцию эпистемического дистанцирования и маркирующие неподтвержденную информацию, а также безличные конструкции (*il est nécessaire que, il s'avère que*), создающие эффект объективности и обобщенности высказывания.

Особую значимость в сопоставительном аспекте приобретает анализ вводных конструкций, маркирующих степень достоверности и источник информации. Во французском дискурсе зафиксирована высокая частотность оборотов, указывающих на источник сообщения (*selon les analystes, d'après les sources proches du dossier*), что свидетельствует о стремлении французских медиа к соблюдению принципа дистанцированности от передаваемой информации.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении эмпирической базы за счет включения материалов других типов дискурса (научного, политического, рекламного), а также в углубленном изучении синтаксической модальности, включением семантической и коммуникативной составляющей.

Литература

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – Москва: Наука, 1975. – С. 53–87.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – Москва: Флинта, 2008. – 202 с.
3. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 274 с.
4. Дускаева Л.Р., Корнилова Н.А. Модальность как категория медиатекста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 392–406.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – Москва: Наука, 1973. – 351 с.
6. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий). – Москва: МАКС Пресс, 2008. – 222 с.
7. Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 303–304.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
9. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва: Наука, 1980. – Т. II. Синтаксис. – 710 с.
10. Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики. – Москва: Флинта, 2005. – С. 87–98.
11. Bres, J. (2020). Le conditionnel. Encyclopédie grammaticale du français
12. Bres, J. (2018). Le conditionnel en français: un état de l'art. Langue française, 200, 5–17
13. Dendale, P. & Tasmowski, L. (2001). Le conditionnel en français. Metz: Université de Metz
14. Kronning, H. (2018). Epistemic modality and evidentiality in Romance. In Z. Guentchéva (ed.), Epistemic Modalities and Evidentiality
15. Talk in French. (2024). 30 Common French Expressions Used in Newspapers
16. Herbst, T. et al. (2018). Corpus-Driven Lexical Grammar. Grammar and Corpora 2016
17. Charaudeau, P. & Maingueneau, D. (2002). Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Seuil.
18. Confais, J.-P. (1995). Temps, mode, aspect: Les approches des morphèmes verbaux et leurs problèmes. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail.
19. Dendale, P. (1993). Le conditionnel de l'information incertaine: marqueur modal ou marqueur évidentiel? In G. Hilty (éd.), XXe Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes (pp. 165–180). Tübingen: Francke.
20. Dendale, P. & Tasmowski, L. (2001). Le conditionnel en français. Metz: Université de Metz.
21. Gosselin, L. (2010). Les modalités en français: La validation des représentations. Amsterdam: Rodopi.
22. Guentchéva, Z. (éd.). (2018). Epistemic Modalities and Evidentiality in Cross-Linguistic Perspective. Berlin: De Gruyter.
23. Herbst, T., Schmid, H.-J., & Faulhaber, S. (2018). Corpus-Driven Lexical Grammar. In Grammar and Corpora 2016 (pp. 45–68). Heidelberg: Heidelberg University Publishing.
24. Kronning, H. (2018). Epistemic modality and evidentiality in Romance: The example of French devoir. In Z. Guentchéva (éd.), Epistemic Modalities and Evidentiality in Cross-Linguistic Perspective (pp. 123–145). Berlin: De Gruyter.
25. 15 Le Querler, N. (1996). Typologie des modalités. Caen: Presses Universitaires de Caen.
26. Maingueneau, D. (2016). Analyser les textes de communication. Paris: Armand Colin.
27. Moeschler, J. & Reboul, A. (1994). Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. Paris: Seuil.
28. Riegel, M., Pellat, J.-C. & Rioul, R. (2018). Grammaire méthodique du français (7e éd.). Paris: Presses Universitaires de France.
29. Soutet, O. (2012). La syntaxe du français. Paris: Presses Universitaires de France (Que sais-je?).
30. Talk in French. (2024). 30 Common French Expressions Used in Newspapers.
31. Vet, C. (2001). Le conditionnel: un auxiliaire modal? In P. Dendale & L. Tasmowski (éds.), Le conditionnel en français (pp. 219–235). Metz: Université de Metz.
32. Wilmet, M. (2010). Grammaire critique du français (5e éd.). Bruxelles: De Boeck.

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN BUSINESS MEDIA OF RUSSIA AND FRANCE: A COMPARATIVE LINGUOPRAGMATIC ANALYSIS

Kobzeva O.V., Fedorova E.L.
National Research University Moscow State University of Civil Engineering, A.S. Pushkin State Institute of Russian Language"

This article examines the syntactic means of expressing modality in Russian-language and French-language business media discourse from a comparative perspective. The study identified syntactic constructions representing modal meanings in both languages: constructions with modal verbs and predicatives, infinitive constructions, parenthetical modal words and particles, constructions with the conditional and subjunctive moods, interrogative constructions, parcellation, and segmentation. It was established that Russian business discourse is dominated by constructions explicitly expressing obligation and imperativeness, while French is characterized by the extensive use of the conditional mood as a means of epistemic distancing and impersonal constructions that create an effect of objectivity. The identified differences are explained by culturally determined characteristics of business communication: Russian business language is focused on directiveness, while French business language is focused on hypotheticality and diplomacy. The results of the study can be applied in courses on business communication, media linguistics, and translation studies.

Keywords: syntactic modality, media discourse, modal verbs, syntactic representation, communicative-pragmatic functions.

References

1. Vinogradov V.V. On the Category of Modality and Modal Words in Russian // Vinogradov V.V. Selected Works. Studies in Russian Grammar. Moscow: Nauka, 1975. pp. 53–87.
2. Dobrosklonskaya T.G. Media Linguistics: A Systems Approach to Studying the Language of the Media. Moscow: Flinta, 2008. 202 p.
3. Duskaeva L.R. Dialogical Nature of Newspaper Speech Genres. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2004. 274 p.

4. Duskaeva L.R., Kornilova N.A. Modality as a Category of Media Text // Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. – 2017. – Vol. 14, No. 3. – P. 392–406.
5. Zolotova G.A. Essay on the Functional Syntax of the Russian Language. – Moscow: Nauka, 1973. – 351 p.
6. Klushina N.I. Intentional Categories of Journalistic Texts (Based on Periodicals). – Moscow: MAKS Press, 2008. – 222 p.
7. Lyapon M.V. Modality // Linguistic Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1990. – P. 303–304.
8. Paducheva E.V. Semantic Studies: Semantics of Tense and Aspect in Russian; Semantics of Narrative. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. – 464 p.
9. Russian grammar: in 2 volumes / chapter. ed. N. Yu. Shvedova. – Moscow: Science, 1980. – T. II. Syntax. – 710 s.
10. Solganik G. Ya. On the structure and most important parameters of journalistic speech (media language) // Language of modern journalism. – Moscow: Flinta, 2005. – pp. 87–98.
11. Bres, J. (2020). Le conditionnel. Encyclopédie grammaticale du français
12. Bres, J. (2018). Le conditionnel en français: un état de l'art. Langue française, 200, 5–17
13. Dendale, P. & Tasmowski, L. (2001). Le conditionnel en français. Metz: Université de Metz
14. Kronning, H. (2018). Epistemic modality and evidentiality in Romance. In Z. Guentchéva (ed.), Epistemic Modalities and Evidentiality
15. Talk in French. (2024). 30 Common French Expressions Used in Newspapers
16. Herbst, T. et al. (2018). Corpus-Driven Lexical Grammar. Grammar and Corpora 2016
17. Charaudeau, P. & Maingueneau, D. (2002). Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Seuil.
18. Confais, J.-P. (1995). Temps, mode, aspect: Les approches des morphèmes verbaux et leurs problèmes. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail.
19. Dendale, P. (1993). Le conditionnel de l'information incertaine: marqueur modal ou marqueur évidentiel? In G. Hilty (éd.), XXe Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes (pp. 165–180). Tübingen: Francke.
20. Dendale, P. & Tasmowski, L. (2001). Le conditionnel en français. Metz: Université de Metz.
21. Gosselin, L. (2010). Les modalités en français: La validation des représentations. Amsterdam: Rodopi.
22. Guentchéva, Z. (éd.). (2018). Epistemic Modalities and Evidentiality in Cross-Linguistic Perspective. Berlin: De Gruyter.
23. Herbst, T., Schmid, H.-J., & Faulhaber, S. (2018). Corpus-Driven Lexical Grammar. In Grammar and Corpora 2016 (pp. 45–68). Heidelberg: Heidelberg University Publishing.
24. Kronning, H. (2018). Epistemic modality and evidentiality in Romance: The example of French devoir. In Z. Guentchéva (éd.), Epistemic Modalities and Evidentiality in Cross-Linguistic Perspective (pp. 123–145). Berlin: De Gruyter.
25. Le Querler, N. (1996). Typologie des modalités. Caen: Presses Universitaires de Caen.
26. Maingueneau, D. (2016). Analyser les textes de communication. Paris: Armand Colin.
27. Moeschler, J. & Reboul, A. (1994). Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. Paris: Seuil.
28. Riegel, M., Pellat, J.-C. & Rioul, R. (2018). Grammaire méthodique du français (7e éd.). Paris: Presses Universitaires de France.
29. Soutet, O. (2012). La syntaxe du français. Paris: Presses Universitaires de France (Que sais-je?).
30. Talk in French. (2024). 30 Common French Expressions Used in Newspapers.
31. Vet, C. (2001). Le conditionnel: un auxiliaire modal? In P. Dendale & L. Tasmowski (éds.), Le conditionnel en français (pp. 219–235). Metz: Université de Metz.
32. Wilmet, M. (2010). Grammaire critique du français (5e éd.). Bruxelles: De Boeck.

Цифровой детокс как социальная практика в условиях цифровизации общества

Левковский Аким Максимович,
аспирант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет
E-mail: akim.levkovsky@yandex.ru

Терещенко Андрей Андреевич,
аспирант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет
E-mail: andrey300700t@gmail.com

Статья посвящена анализу феномена цифрового детокса в контексте процессов цифровой трансформации современного общества. Особое внимание уделяется рассмотрению цифрового детокса не только как индивидуальной стратегии саморегуляции медиапотребления, но и как социальной практики, возникающей в ответ на институционально закреплённую цифровизацию труда, образования и повседневной коммуникации. Целью исследования является социологическая интерпретация цифрового детокса как формы социальной адаптации к условиям постоянной онлайн-доступности. Методологической основой исследования выступает анализ научной литературы и концептуальных подходов к изучению цифрового отключения, медиасопротивления и практик регулирования цифрового взаимодействия. В статье рассматриваются социальные предпосылки распространения практик цифрового детокса, связанные с ростом цифровой нагрузки, ускорением коммуникационных процессов и размыванием границ между личным и рабочим временем. Показано, что цифровой детокс может проявляться на различных уровнях социальной организации – индивидуальном, коллективном и институциональном. При этом подчеркивается противоречивый характер данной практики, развивающейся в условиях институциональной необходимости постоянной цифровой включенности. Сделан вывод о том, что цифровой детокс выступает адаптационным механизмом регулирования цифровой вовлеченности и отражает трансформацию повседневных социальных практик в условиях цифровизации общества.

Ключевые слова: цифровизация общества, цифровой детокс, цифровое отключение, медиапотребление, социальные практики, цифровая культура, повседневность, цифровая перегрузка.

Введение

На сегодняшний день российское общество находится в стадии глубокой цифровой трансформации. Цифровизация перестала быть лишь технологическим процессом и приобрела характер структурного изменения социальной организации. Цифровые технологии сегодня определяют различные сферы жизни человека, начиная от социальных взаимодействий и заканчивая культурными смыслами и их значениями [1, с. 190].

Одним из главных показателей цифровизации общества является рост проникновения интернета и мобильных технологий в повседневную жизнь. Цифровизация становится повседневной нормой, обеспечивающей включенность человека в экономические, социальные, образовательные и культурные процессы [2, с. 6]. При этом формируются гибридные модели социальности, которые сочетают в себе онлайн– и офлайн-взаимодействие.

Также значимые изменения коснулись многих сфер общественной жизни. В трудовой сфере дистанционная и гибридная занятость получили широкое распространение во время пандемии COVID-19 [3, с. 72]. Это свидетельствует об институционализации удалённой работы, как устойчивой организационной модели. Результатом этого становится размытие границы между личным и рабочим временем. Изменения затрагивают и сферу государственного управления. Развитие цифровых сервисов и перевод административных процедур в онлайн формируют новую модель взаимодействия граждан и государства. Получение государственных услуг всё чаще требуют наличие цифровых компетенций и регулярного присутствия в цифровом пространстве. В сфере образования цифровые платформы становятся системообразующим элементом учебного процесса. Дистанционное обучение и цифровые инструменты усиливают зависимость образования от цифровой инфраструктуры. Цифровая среда всё сильнее интегрируется в повседневный ритм жизни обучающихся и преподавателей.

Таким образом, цифровые технологии переходят из категории вспомогательных инструментов в статус структурного элемента социальной организации. Вместе с тем углубление цифровизации сопровождается возникновением новых форм социальной нагрузки. Растёт размывание границ между трудовой и личной жизнью, увеличивается объём информационных потоков.

Обозначенные тенденции свидетельствуют о формировании социального противоречия. С одной стороны, цифровизация выступает условием функционирования социальных институтов и расширяет возможности коммуникации. С другой, необходимость постоянной цифровой включённости приводит к возникновению новых форм социальной нагрузки и усиливает потребность в контроле над режимом цифрового взаимодействия.

В ответ на данное противоречие формируются практики, направленные на регуляцию цифрового присутствия. Одной из таких практик является цифровой детокс, который предполагает временный отказ от взаимодействия с цифровой средой. Несмотря на растущий интерес к теме цифрового детокса, в отечественной социологии данный феномен пока не получил достаточной концептуализации. Существующие исследования сосредоточены на психологических аспектах цифровой зависимости, в то время как социальные основания цифрового детокса остаются недостаточно изученными. Следовательно, возникает необходимость в рассмотрении цифрового детокса не только как индивидуальной стратегии использования технологий, но и как социальную практику, формирующуюся в условиях институционализированной цифровизации повседневной жизни.

Теоретические подходы к исследованию цифрового детокса

В западной научной литературе практики ограничения цифрового взаимодействия анализируются в рамках концепций «digital disconnection» и «media resistance». Данные подходы рассматривают отказ от постоянной цифровой включённости как социальную реакцию на рост медиапотребления и расширение цифровой инфраструктуры. В данном контексте ограничение взаимодействия с цифровым пространством интерпретируется как элементы культурных и нормативных процессов, которые связаны с переосмыслением роли технологий в повседневной жизни[4, с. 1580–1581, 5, с. 1279].

С социологической точки зрения социальные практики представляют собой устойчивые формы поведения, воспроизводимые в повседневной деятельности и регулируемые социальными нормами, ожиданиями и культурными установками. В этом смысле цифровой детокс можно рассматривать как совокупность действий, направленных на сознательное ограничение использования цифровых технологий. Эмпирические исследования подтверждают, что подобные формы поведения постепенно приобретают устойчивый характер и цифровой детокс нередко реализуется в виде временных ограничений использования социальных сетей, отказа от мобильных устройств на определённый период времени или сознательного сокращения онлайн-активности[6]. Подобные практики сопровождаются перераспределением времени в пользу офлайн-коммуникации и различных форм досуга.

Наряду с индивидуальными практиками в научной литературе фиксируются процессы институционализации цифрового детокса. Ограничение цифровой коммуникации проявляется в корпоративных инициативах по регулированию рабочих сообщений вне рабочего времени, формировании сообществ по снижению цифровой нагрузки и распространении офлайн-форм досуга. Это позволяет рассматривать цифровой детокс как механизм регуляции повседневных коммуникаций в цифровом обществе. В более широком смысле практики ограничения цифрового взаимодействия участвуют в трансформации структуры повседневной жизни. Они способствуют формированию новых норм цифрового потребления, ориентированных на более осознанное использование технологий.

Масштаб распространения практик ограничения цифрового взаимодействия напрямую связан с ростом интенсивности использования интернета и цифровых технологий. По данным всероссийского опроса, проведённого ВЦИОМ в 2023 году, ежедневное использование интернета характерно для 74% респондентов[7]. При этом 66% опрошенных отмечают необходимость периодически ограничивать своё присутствие в цифровом пространстве. Это позволяет нам говорить об осознании пользователями проблемы избыточной цифровой нагрузки. Согласно исследованию ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в 2024 году, 40,8% россиян старше 14 лет хотя бы иногда сознательно ограничивают свою онлайн-активность[8]. Подобные практики чаще встречаются среди молодёжи и пользователей с высоким уровнем цифровых навыков. Это свидетельствует о том, что цифровой детокс является распространённой формой саморегуляции медиапотребления. Сравнительные международные исследования цифровых практик также демонстрируют схожие тенденции. Так, в США практики временного отключения от цифровых технологий чаще характерны для молодых пользователей с высоким уровнем образования и интенсивным использованием интернета[9]. Возможность сознательного ограничения цифрового взаимодействия в таких условиях рассматривается как особый социальный ресурс.

Обзор зарубежных исследований также показывает, что коллективные формы цифрового детокса часто оказываются более эффективными, чем индивидуальные ограничения[10]. Совместные практики способствуют более устойчивому снижению цифровой зависимости и увеличению длительности периодов отказа от цифровых устройств. Исследования цифрового благополучия подтверждают значительную роль социального контекста в выборе стратегий отключения от цифровой среды[11]. Выбор стратегии отключения зависит в значительной степени от субъективного ощущения контроля над медиапотреблением и положением пользователя в системе цифровых взаимодействий.

Социальная природа цифрового детокса проявляется и на институциональном уровне. В ряде стран за работником закрепляется право на временное отключение от цифровых коммуникаций. Одним из наиболее известных примеров является французский закон о «праве на отключение», который вступил в силу в 2017 году[12, с. 100]. Аналогичные инициативы реализуются и на корпоративном уровне. Так, компания Volkswagen ещё в 2011 году ввела автоматическую блокировку отправки рабочих писем вне рабочего времени, а компания Daimer внедрила систему автоматического удаления входящих писем во время отпусков сотрудников[13, с. 115]. Исследования корпоративных программ цифрового благополучия показывают, что подобные меры могут повышать эффективность организаций и снижать расходы, связанные со стрессом и выгоранием сотрудников [14, с. 2]. Эти данные свидетельствуют о том, что практики цифрового детокса могут приобретать институциональный характер и становится элементом корпоративной политики.

Дополнительное понимание социальной природы цифрового детокса дают исследования мотивации пользователей. Отечественные исследования практик цифрового детокса показывают, что решение об ограничении использования цифровых технологий обусловлено более широкими социальными факторами. В исследовании Ворониной Н.С. и Королёвой Ю.А. были выявлены четыре основных мотива цифрового детокса: цифровое выгорание, стремление сократить объем потребляемого контента, обеспокоенность вопросами конфиденциальности и нонконформизм[15]. Последний мотив имеет особую важность с социологической точки зрения, поскольку он отражает стремление индивида дистанцироваться от доминирующих моделей медиапотребления и подчеркнуть собственную автономию в цифровой среде. Опросы молодежи показывают, что готовность к цифровому детоксу связана с особенностями социального доверия и характером межличностных связей[6, с. 577–578]. Так, чем ниже уровень доверия к окружающим, тем легче респонденты принимают решение о временном отказе от цифровых коммуникаций. В других теоретических интерпретациях подобных практик цифровой детокс рассматривается как элемент формирующегося «общества саморегуляции» [5, с. 1270]. В рамках данной концепции индивиды берут на себя ответственность за управление рисками цифровой среды. Тем самым они стремятся восстановить баланс между цифровой и офлайн-реальностью.

Представленные данные позволяют нам сделать вывод, что практики цифрового детокса формируются в рамках более широких социальных процессов, связанных с трансформацией структуры повседневной жизни в условиях цифровизации. Наблюдаемые формы ограничения цифрового взаимодействия подтверждают гипотезу о социальной природе цифрового детокса. Эти ограничения обусловлены не только индивидуальными мотивациями индивидов, но и институциональными нормами, культурными ожиданиями и структурными особенностями цифрового общества.

Типология практик цифрового детокса

Анализ существующих исследований показывает, что практики цифрового детокса характеризуются значительным разнообразием. Наиболее распространённой формой является индивидуальное ограничение медиапотребления, направленное на снижение времени использования смартфонов и социальных сетей. Исследования демонстрируют, что подобные практики могут способствовать улучшению психологического благополучия и снижению уровня тревожности[16, с. 3]. Схожая интерпретация присутствует и в работах, посвящённых социально-психологическим механизмам активности индивидов в цифровой среде. Цифровой детокс позволяет индивидам ограничивать интенсивность цифрового взаимодействия без внешнего контроля со стороны институциональных акторов[17, с. 185–186]. Можно говорить о том, что значительная часть эмпирических исследований фиксирует цифровой детокс как индивидуальную стратегию управления медиапотреблением, реализуемую на уровне повседневных практик человека. Вместе с тем цифровой детокс рассматривается и как элемент более широкой динамики цифровой культуры, в которой практики отказа или ограничения медиапотребления сосуществуют с процессами гиперподключенности и зачастую воспроизводят существующие социальные структуры[4, с. 1574]. Так, в работе Сювертсен Т. цифровой детокс рассматривается как форма «media resistance», которая связана с поиском аутентичности и стремлением пользователей дистанцироваться от избыточной медиатизации повседневности[5, с. 1272].

Кроме индивидуальных практик, исследователи выделяют коллективные формы цифрового отключения. Они реализуются в рамках сообществ и организованных программ сокращения использования цифровых устройств. Коллективное участие в подобных инициативах повышает эффективность ограничения экранного времени [18, с. 7]. Исследования цифровых сообществ демонстрируют формирование специальных групп и платформ, которые ориентированы на совместные практики цифрового детокса. Так, анализ деятельности сообщества «Tablo» показывает, что вокруг идеи цифрового детокса формируется устойчивые сообщества, которые организуют офлайн-встречи и взаимодействия, которые направлены на восстановление очных форм коммуникации[19]. В данном случае цифровой детокс выступает уже не только как индивидуальная стратегия, но и как форма коллективной социальной практики.

Наконец, наблюдаются процессы институционализации цифрового детокса. В условиях дистанционной занятости и постоянной онлайн-доступности регулирование цифровой коммуникации становится предметом организационной и правовой политики. В рамках концепции достойного труда право работника на ограничение цифровой доступности рассматривается как важный элемент баланса между работой и личной жизнью [20, с. 5570].

Представленный анализ показывает, что практики цифрового детокса не являются однородным феноменом и реализуются на различных уровнях. Они могут проявляться как на уровне индивидуальных стратегий саморегуляции медиапотребления, так и в форме коллек-

тивных практик или институциональных механизмов регулирования цифрового взаимодействия. В связи с этим необходимо рассматривать цифровой детокс как многоуровневую социальную практику. На основе анализа существующих исследований можно выделить три уровня практик цифрового детокса:

• индивидуальный уровень, связанный с практиками саморегуляции медиапотребления и осознанного ограничения времени использования цифровых устройств;

• коллективный уровень, который предполагает участие в сообществах и организованных формах совместного ограничения цифровой активности;

• институциональный уровень, включающий нормативные и организационные механизмы регулирования цифровой коммуникации в рамках трудовых и социальных институтов.

Предложенная типология позволяет рассматривать цифровой детокс как многоуровневую социальную практику, отражающую процесс адаптации общества к условиям цифровой трансформации.

Социальные эффекты и структурные ограничения цифрового детокса

Цифровой детокс оказывает влияние не только на индивидуальное благополучие, но и на структуру социальных взаимодействий. Одним из наиболее заметных эффектов является перераспределение повседневного времени. Ограничение использование цифровых устройств высвобождает временные ресурсы, которые могут перенаправляться на офлайн-занятия, включая личные встречи с друзьями и различные формы досуга[21, с. 3852]. Ограничение цифровой коммуникации способствует увеличению непосредственных социальных контактов. Исследования показывают, что, практики цифрового детокса сопровождаются увеличением частоты очных встреч и более активным участием в реальных социальных взаимодействиях[22, с. 9]. Помимо этого, участие в практиках цифрового детокса может сопровождаться изменением цифровой идентичности. Ограничение использования цифровых медиа способствует развитию более осознанного отношения к онлайн-поведениям и формированию стратегий саморегуляции медиапотребления[23, с. 6]. Это может приводить к переосмыслению границ между онлайн– и офлайн– аспектами идентичности и изменению способов самопрезентации в цифровой среде.

Можно сказать, что цифровой детокс влияет на структуру повседневной жизни. Перераспределение времени, усиление офлайн-взаимодействий и повышение осознанности цифрового потребления позволяют рассматривать данную практику как один из элементов трансформации повседневной культуры в условиях цифровизации.

Несмотря на распространение практик цифрового детокса, их развитие происходит в условиях усиливающейся цифровизации социальных институтов. Это формирует структурное противоречие между стремлением индивидов ограничить цифровое взаимодействие и требованием социальных институтов к постоянной онлайн-доступности. В трудовой сфере распространение гибридной и дистанционной занятости приводит к росту давления. Сотрудники должны «быть всегда на связи» и оперативно реагировать на рабочие запросы даже вне формальных рабочих часов[24, с. 1653]. Похожие процессы наблюдаются и в сфере образования. В России развитие цифрового образования связано с реализацией национальных программ и проектов, направленных на создание цифровой образовательной среды, расширение онлайн-форматов обучения и внедрение цифровых инструментов в образовательный процесс[25]. В результате цифровые технологии становятся неотъемлемой частью учебной деятельности, а полное дистанцирование от цифровых каналов коммуникации практически невозможно для обучающихся и преподавателей. Дополнительным фактором также выступает развитие электронного государственного управления. Внедрение систем электронного правительства трансформирует взаимодействие государства, бизнеса и граждан, переводя значительную часть административных процедур в цифровой формат[26, с. 269]. Согласно современным оценкам, большинство россиян (86,7%) старше 15 лет получают государственные услуги полностью либо частично в онлайн-формате[27]. Это свидетельствует о глубокой интеграции цифровых сервисов в повседневные практики взаимодействия с государственными институтами. Таким образом, участие в цифровой коммуникации становится необходимым условием доступа к базовым социальным услугам.

Данные процессы показывают, что цифровое присутствие становится институционально закреплённой нормой. Это создаёт структурное противоречие между растущей потребностью в ограничении цифровой нагрузки и требованиями социальной среды, предполагающими постоянную цифровую включенность. Именно это противоречие определяет специфику современных практик цифрового детокса и ограничивает возможности их устойчивой институализации.

Несмотря на растущий интерес исследователей к феномену цифрового детокса, существующие исследования характеризуются рядом ограничений, включая краткосрочный характер эмпирических наблюдений, отсутствие единой методологической рамки и фрагментарность данных. Это указывает на необходимость дальнейших теоретических и эмпирических исследований социальных эффектов цифрового детокса.

Заключение

Цифровой детокс следует рассматривать в контексте более широких процессов цифровой трансформации современного общества. Расширение использования цифровых коммуникационных технологий, цифровизация труда, образования и государственного управления приводят к структурным изменениям социальной реальности. В ней постоянная онлайн-доступность постепенно закрепляется как социальная норма, которая определяет характер коммуникации, распределение времени и формы повседневной активности.

Одновременно с этим институализация цифровых технологий порождает новые формы социальной нагрузки, связанные с ускорением коммуникации, размытием границ между личным и рабочим временем и ростом требований к постоянной цифровой включенности. Практики цифрового детокса формируются как ответ на возникающую цифровую нагрузку. В социологической перспективе цифровой детокс можно рассматривать не только как индивидуальную стратегию саморегуляции, но и как социальную практику, включающую устойчивые модели поведения, нормативные ожидания и определенные символические значения.

Анализ показывает, что практики цифрового детокса проявляются на различных уровнях социальной организации: как индивидуальные стратегии управления медиапотреблением, как коллективные формы взаимодействия в рамках сообществ и как институциональные механизмы регулирования цифровой доступности. Тем самым цифровой детокс постепенно приобретает черты институциализирующейся социальной практики, направленной на адаптацию индивидов к условиям интенсивной цифровизации. В то же время развитие цифрового детокса происходит в условиях структурного противоречия между потребностью индивидов в ограничении цифровой нагрузки и институциональными требованиями постоянной онлайн-доступности. Цифровизация ключевых социальных институтов делает полный отказ от цифрового взаимодействия практически невозможным, вследствие чего практики цифрового детокса носят преимущественно фрагментарный и временный характер.

Таким образом, цифровой детокс представляет собой адаптационную социальную практику, формирующуюся в условиях институционально закрепленной цифровой среды. Это указывает на необходимость дальнейших теоретических и эмпирических исследований, направленных на изучение долгосрочных эффектов и институциональных форм регулирования цифрового взаимодействия.

Литература

1. Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 175–192.

2. Иванов Д.В. Информатизация и цифровизация: от экзотики и социальных изменений к рутине социальных практик // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 2. С. 4–9. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-1.

3. Заполева Е. О., Симонова А.А., Пить В.В. Социологический анализ удаленной работы как нового формата современной занятости населения в России // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 68–75.

4. Kaun A. Ways of seeing digital disconnection: A negative sociology of digital culture // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2021. Vol. 27. No. 6. P. 1571–1583.

5. Syvertsen T., Enli G. Digital detox: Media resistance and the promise of authenticity // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2020. Vol. 26. No. 5–6. P. 1269–1283.

6. Ефимова Г. З., Семенов М.Ю. Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 572–581. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581.

7. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (дата обращения: 07.03.2026).

8. Щербаков Р.А. Цифровой детокс. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. URL: https://issek.hse.ru/news/961645571.html (дата обращения: 07.03.2026).

9. Nguyen M. H., Hargittai E. Digital inequality in disconnection practices: voluntary nonuse during COVID-19 // Journal of Communication. 2023. Vol. 73. No. 5. P. 494–510. DOI: 10.1093/joc/jqad021.

10. Radtke T., Apel T., Schenkel K., Keller J., von Lindern E. Digital detox: An effective solution in the smartphone era? A systematic literature review // Mobile Media & Communication. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 190–215.

11. Vanden Abeele M.M., Nguyen M.H. Digital media as ambiguous goods: Examining the digital well-being experiences and disconnection practices of Belgian adults // European Journal of Communication. 2024. Vol. 39. No. 2. P. 122–144.

12. Pansu L. Evaluation of "Right to Disconnect" legislation and its impact on employees' productivity // International Journal of Management and Applied Research. 2018. Vol. 5. No. 3. P. 99–119. DOI: 10.18646/2056.53.18-008.

13. Samek Lodovici M., Ferrari E., Paladino E. et al. The impact of teleworking and digital work on workers and society. Luxembourg: European Parliament, 2021. 186 p. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/662904/IPOL_STU(2021)662904_EN.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

14. Amirabdolahian S., Paré G., Tams S. Digital wellness programs in the workplace: Meta-review // Journal of Medical Internet Research. 2025. Vol. 27. e70982. DOI: 10.2196/70982.

15. Воронина Н. С., Королева Ю.А. Цифровой детокс от социальных сетей среди студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2025. № 2. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049925020095.

16. Marciano L., Jindal S., Viswanath K. Digital detox and well-being // Pediatrics. 2024. Vol. 154. No. 4. e2024066142.

17. Ржевская Ю. Е., Грязнов А.Н. Социально-психологические факторы активности молодежи в цифровой среде: теоретический синтез и векторы исследований // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 181–189. DOI: 10.34670/AR.2025.43.92.018.

18. Setia S., Gilbert F., Tichy M.L. et al. Digital detox strategies and mental health: A comprehensive scoping review of why, where, and how // Cureus. 2025. Vol. 17. No. 1. e78250. DOI: 10.7759/cureus.78250.

19. Coppola M. Digital detox communities as a form of resistance to perpetual connectedness: The case of social eating // SocietàMutamentoPolitica. 2025. Vol. 16. No. 32. P. 131–142. DOI: 10.36253/smp-16183.

20. Abdul Wahab H., Abdul Rahman R., Othman S.Z., Nik Mahmod N.A.K. Decent work in the digital age: The right to disconnect under the international labour framework // Lex Localis – Journal of Local Self-Government. 2025. Vol. 23. Suppl. 6. P. 5567–5577. DOI: 10.52152/gg4r9h72.

21. Olson J. A., Sandra D.A., Chmoulevitch D. et al. A nudge-based intervention to reduce problematic smartphone use: Randomised controlled trial // International Journal of Mental Health and Addiction. 2023. Vol. 21. P. 3842–3864. DOI: 10.1007/s11469-022-00826-w.

22. Ramadhan R. N., Rampengan D.D., Yumnanisha D.A. et al. Impacts of digital social media detox for mental health: A systematic review and meta-analysis // Narra Journal. 2024. Vol. 4. No. 2. e786. DOI: 10.52225/narra.v4i2.786.

23. Anandpara G., Kharadi A., Vidja P. et al. A comprehensive review on digital detox: A newer health and wellness trend in the current era // Cureus. 2024. Vol. 16. No. 4. e58719. DOI: 10.7759/cureus.58719.

24. Mahadevan J., Mayer C.H., Bos-Nehles A., Syed J. The remote work transformation: new actors, new contexts, new implications // The International Journal of Human Resource Management. 2025. Vol. 36. No. 10. P. 1653–1665. DOI: 10.1080/09585192.2025.2536965.

25. Гаирбекова П.И. Актуальные проблемы цифровизации образования в России // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=30673 (дата обращения: 09.03.2026). DOI: 10.17513/spno.30673.

26. Баранов Н.С. Электронное правительство как инструмент в государственном управлении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 264–271.

27. Щербаков Р.А. Цифровизация государственных услуг. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1039474722.html (дата обращения: 09.03.2026).

DIGITAL DETOX AS A SOCIAL PRACTICE IN THE CONTEXT OF SOCIETAL DIGITALIZATION

Levkovsky A.M., Tereshchenko A.A.
Southwest State University

The article examines the phenomenon of digital detox within the broader context of the digital transformation of contemporary society. Particular attention is paid to interpreting digital detox not only as an individual strategy of regulating media consumption but also as a social practice that emerges in response to the institutionalized digitalization of work, education, and everyday communication. The aim of the study is to provide a sociological interpretation of digital detox as a form of social adaptation to the conditions of constant online connectivity. The methodological basis of the research is a review and analysis of academic literature and conceptual approaches to digital disconnection, media resistance, and practices of regulating digital interaction. The article explores the social factors that contribute to the spread of digital detox practices, including increasing digital overload, the acceleration of communication processes, and the blurring of boundaries between personal and working time. It is shown that digital detox can manifest itself at different levels of social organization – individual, collective, and institutional. At the same time, the contradictory nature of this practice is emphasized, as it develops under conditions where constant digital connectivity is institutionally required. The study concludes that digital detox functions as an adaptive mechanism for regulating digital engagement and reflects broader transformations of everyday social practices in the context of the digitalization of society.

Keywords: digitalization of society, digital detox, digital disconnection, media consumption, social practices, digital culture, everyday life, digital overload.

References

1. Dobrinskaya D.E. Digital society in the sociological perspective // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2019. Vol. 25. No. 4. pp. 175–192.

2. Ivanov D.V. Informatization and digitalization: from exoticism and social change to the routine of social practices // Research Result. Sociology and Management. 2021. Vol. 7. No. 2. pp. 4–9. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-1.

3. Zapoleva E. O., Simonova A.A., Pit V.V. Sociological analysis of remote work as a new format of modern employment in Russia // Digital Sociology. 2022. Vol. 5. No. 3. pp. 68–75.

4. Kaun A. Ways of seeing digital disconnection: A negative sociology of digital culture // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2021. Vol. 27. No. 6. pp. 1571–1583.

5. Syvertsen T., Enli G. Digital detox: Media resistance and the promise of authenticity // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2020. Vol. 26. No. 5–6. pp. 1269–1283.

6. Efimova G. Z., Semenov M. Yu. Digital detox among youth (based on the example of social media use) // RUDN Journal of Sociology. 2020. Vol. 20. No. 3. pp. 572–581. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581.

7. Digital detox – 2023: internet use and taking breaks from it // Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (access date: 07.03.2026).

8. Shcherbakov R.A. Digital detox. Moscow: HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, 2024. URL: https://issek.hse.ru/news/961645571.html(access date: 07.03.2026).

9. Nguyen M. H., Hargittai E. Digital inequality in disconnection practices: voluntary nonuse during COVID-19 // Journal of Communication. 2023. Vol. 73. No. 5. pp. 494–510. DOI: 10.1093/joc/jqad021.

10. Radtke T., Apel T., Schenkel K., Keller J., von Lindern E. Digital detox: An effective solution in the smartphone era? A systematic literature review // Mobile Media & Communication. 2022. Vol. 10. No. 2. pp. 190–215.

11. Vanden Abeele M.M., Nguyen M.H. Digital media as ambiguous goods: Examining the digital well-being experiences and disconnection practices of Belgian adults // European Journal of Communication. 2024. Vol. 39. No. 2. pp. 122–144.

12. Pansu L. Evaluation of "Right to Disconnect" legislation and its impact on employees' productivity // International Journal of Management and Applied Research. 2018. Vol. 5. No. 3. pp. 99–119. DOI: 10.18646/2056.53.18-008.

13. Samek Lodovici M., Ferrari E., Paladino E. et al. The impact of teleworking and digital work on workers and society. Luxembourg: European Parliament, 2021. 186 p. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/662904/IPOL_STU(2021)662904_EN.pdf (access date: 07.03.2026).

14. Amirabdolahian S., Paré G., Tams S. Digital wellness programs in the workplace: Meta-review // Journal of Medical Internet Research. 2025. Vol. 27. e70982. DOI: 10.2196/70982.

15. Voronina N. S., Koroleva Yu.A. Digital detox from social networks among university students // Social Sciences and Contemporary World. 2025. No. 2. pp. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049925020095.

16. Marciano L., Jindal S., Viswanath K. Digital detox and well-being // Pediatrics. 2024. Vol. 154. No. 4. e2024066142.

17. Rzhevskaya Yu. E., Gryaznov A.N. Socio-psychological factors of youth activity in the digital environment: theoretical synthesis and research vectors // Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Research. 2025. Vol. 14. No. 11A. pp. 181–189. DOI: 10.34670/AR.2025.43.92.018.

18. Setia S., Gilbert F., Tichy M.L. et al. Digital detox strategies and mental health: A comprehensive scoping review of why, where, and how // Cureus. 2025. Vol. 17. No. 1. e78250. DOI: 10.7759/cureus.78250.

19. Coppola M. Digital detox communities as a form of resistance to perpetual connectedness: The case of social eating // SocietàMutamentoPolitica. 2025. Vol. 16. No. 32. pp. 131–142. DOI: 10.36253/smp-16183.

20. Abdul Wahab H., Abdul Rahman R., Othman S.Z., Nik Mahmod N.A.K. Decent work in the digital age: The right to disconnect under the international labour framework // Lex Localis – Journal of Local Self-Government. 2025. Vol. 23. Suppl. 6. pp. 5567–5577. DOI: 10.52152/gg4r9h72.

21. Olson J. A., Sandra D.A., Chmoulevitch D. et al. A nudge-based intervention to reduce problematic smartphone use: Randomised controlled trial // International Journal

of Mental Health and Addiction. 2023. Vol. 21. pp. 3842–3864. DOI: 10.1007/s11469-022-00826-w.

22. Ramadhan R. N., Rampengan D.D., Yumnanisha D.A. et al. Impacts of digital social media detox for mental health: A systematic review and meta-analysis // Narra Journal. 2024. Vol. 4. No. 2. e786. DOI: 10.52225/narra.v4i2.786.

23. Anandpara G., Kharadi A., Vidja P. et al. A comprehensive review on digital detox: A newer health and wellness trend in the current era // Cureus. 2024. Vol. 16. No. 4. e58719. DOI: 10.7759/cureus.58719.

24. Mahadevan J., Mayer C.H., Bos-Nehles A., Syed J. The remote work transformation: new actors, new contexts, new implications // The International Journal of Human Resource Management. 2025. Vol. 36. No. 10. pp. 1653–1665. DOI: 10.1080/09585192.2025.2536965.

25. Gairbekova P.I. Current problems of digitalization of education in Russia // Modern Problems of Science and Education. 2021. No. 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=30673 (access date: 09.03.2026). DOI: 10.17513/spno.30673.

26. Baranov N.S. Electronic government as a tool in public administration // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2025. No. 2. pp. 264–271.

27. Shcherbakov R.A. Digitalization of public services. Moscow: HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1039474722.html (access date: 09.03.2026).

Социальное познание в свете традиции и традиционных ценностей

Митин Алексей Васильевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: panther.00@bk.ru

Полозова Ирина Владимировна,
доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье рассматриваются основания современных социальных наук в свете традиционного подхода и традиционных ценностей. Показывается, что современное социальное знание возникает в эпоху Модерна и связано по своему происхождению с отказом от традиции. Традиционная перспектива состоит в том, чтобы рассмотреть социально-политические явления, разведенные по ведомствам различных наук в единстве и в отношении к традиционным ценностям.

Ключевые слова: социальная философия, социальные науки, традиционные ценности, традиция, Модерн, общество.

В статье, связанной с продолжением наших рассуждений об основаниях социальной философии [6], мы рассмотрим социальное знание в перспективе традиционных ценностей и традиции в целом, что предполагает также обозначение его статуса по отношению к Модерну.

Современное социальное знание возникает в эпоху Модерна и связано с отказом от традиции, состоящей в том, чтобы рассматривать явления с точки зрения вечности и в их отношении к ценностям. В Новое время происходит эмансипация знания от традиции, обусловленная торжеством научного метода, результатом которой явилось развитие позитивного знания, возникновение эмпирических наук и разведение их по отдельным предметным областям. Возникновение позитивных наук об обществе в данное время является не случайным. Данный процесс является следствием секуляризации, означающей лишение знания трансцендентной перспективы. Социальное познание Нового времени было ориентировано на то, чтобы изучать общество таким же образом, как изучаются природные явления, то есть на основе эмпирических научных методов, сквозь призму безразличных к содержанию количественных характеристик. В значительной мере социальное познание ориентировалось на естественные науки, такие как физику и биологию, нейтральные по отношению к традиции и ценностям.

В традиции социальное знание изначально было соединено с сакральным, с которым связывалось само исходное понимание общества [9, с. 16], а также с политическим, обозначающим присутствие в обществе некоторого организующего начала, восходящего к высшей ценности трансцендентного порядка. Политическое знание по отношению к социальному является гораздо более традиционным в силу того, что политика изначально виделась имеющей теологическое измерение [11]. С традицией в полной мере была связана идея сакральной природы власти. Верховная власть традиционно обосновывалась и понималась в свете высших ценностей, обусловливающих целостность общества, определяющих его иерархическую внутреннюю организацию, обусловленную близостью или удалением от трансцендентного источника ценностей [10, с. 107]. В традиционных обществах власть преимущественно понималась в свете ее делегирования от Верховного трансцендентного начала Универсума земному правителю, перед которым последний был в полной мере ответственен.

В традиционных обществах Востока Абсолют мог делегировать власть правителю непосредственно, как, например в ранних цивилизациях Китая, где Верховный правитель воспринимался в качестве сына Неба. В Западной христианской цивилизации на первом ее этапе между Абсолютом и земным правителем помещался институт Церкви или его верховный представитель, рассматриваемый в качестве преимущественного носителя власти. Вместе с тем, в средневековой Европе, в результате серьезного противостояния институтов Церкви и государства, со временем возникает также теологическое обоснование идеи светской власти, когда Государь рассматривается в качестве главы политического тела подобно тому, как в соответствии с христианским учением, Христос выступает главой мистического тела Церкви [2, с. 86].

Политическое тело правителя не понималось как тождественное его природному телу, и поэтому можно было перестать быть королем в политическом смысле. После физической смерти правителя данный политический статус переносился на другую персону. Более того, в эпоху направленных против королевской власти буржуазных революций Нового времени образ главы политического тела был перенесен на представительный орган – парламент [2, с. 91]. Следует отметить, что идея народовластия и народного суверенитета обосновывалась с помощью того же самого образа, то есть политического тела и его главы, в качестве которой представлялся народ [4, с. 118]. Идея общества как такового, в отрыве от его сакрального и политического измерения, традиции не была известна.

Независимая от верховной власти идея общества появляется в социальной мысли, начиная с эпохи буржуазных революций Нового времени, и в социальной философии данного периода общество и государство постепенно начинают противопоставляться друг другу. В мысли Т. Гоббса государство рассматривается в качестве вторичного образования, которое является результатом коллективного договора индивидов и, поэтому, служит порождением общества, существующего первоначально в естественном состоянии.

В философии Гегеля происходит дальнейшее теоретическое разделение государства и гражданского общества, что в недалеком будущем приводит к отделению друг от друга политического и собственно социального знания и расхождению их исследовательских перспектив. Период постгегелевской философии не случайно является временем возникновения социологии как науки. Институционализация политической науки происходит несколько позже, что связано со значительным количеством в исходном политическом знании философских предпосылок.

В данный период происходит и отделение социальной философии от онтологии, которая в прошлом выступала с неизбежностью в качестве основы социально-политической мысли. Государство и общество традиционно рассматривались как включенные в целостность Универсума, подчиняясь его общим принципам и закономерностям. Так, во всеобъемлющей системе мысли, представленной в философии Гегеля, общество занимает определенное место в поступательном развитии Абсолютной идеи, возникая на ступени объективного Духа, где оно выступает в качестве носителя морали и права, являющихся необходимыми формами в процессе раскрытия содержания верховного принципа Универсума.

Социологическое же знание, рождение которого совершается в XIX веке, предполагает сознательный отказ от всякой метафизики и соотносится лишь с фактами повседневной жизни. Приверженность социологии фактическому знанию была провозглашена в связи с обоснованием необходимости новой науки об обществе О. Контом. Практические нужды являлись решающими для появления современной науки об обществе, ориентированной на разрыв с традицией и описание того, что есть. Прагматическим духом новой науки обязан успех социологии в США. Ориентированность на факты повседневной жизни была особенно характерна, например, для Чикагской школы социологии.

Вместе с тем, социальное познание также предполагало наличие определенных теоретических обобщений, которые строились вполне в соответствии с духом своего времени и предполагали сознательное размежевание с какой-либо метафизикой. Наиболее востребованным в социологии оказалось заимствованное из естественных наук понятие системы, представляющее собой еще большую абстракцию по отношению к механицизму и органицизму – первым социологическим моделям общества, не обращающимся к метафизическим предпосылкам и сущностям и не предполагающим соотнесение с какой-либо ценностью.

Позитивистский подход противостоял, тем самым, позиции неокантианцев, деятельность которых приходилась на то же самое время, считавших, что основу гуманитарного и социального познания, в отличие от методов естественных наук, должны составлять ценности. Вместе с тем, позитивистский дух эпохи приводит к тому, что рассмотрение ценностей начинает осуществляться в их отдельности от бытия, в том числе и социального, о чем свидетельствует выделение в данный период особой науки о ценностях в корпусе философского знания.

Традиция, напротив, означает присутствие таких составляющих, как ценность, вечность и трансцендентность, в единстве. Примером может служить известное учение о государстве Платона, в котором социальное устройство видится соответствующим метафизическому и космическому порядку, а также соответствует психической структуре души. Особенно значимым с точки зрения традиционного подхода является соответствие социального порядка верховной ценности универсума, а именно – ценности блага, воплощению которой служит данный социальный и политический космос.

Традиционный подход в отношении к обществу предполагает наличие высшей ценности, которая рассматривается в качестве общественного идеала. Фактическое состояние общества, в отличие от позитивистской установки, не является первичным, но должно измеряться ценностной шкалой, определяющей его существующее положение. Для традиционного подхода, кроме того, требуется соответствующая онтология, для чего необходимо постулирование представление об универсуме, исходящее из присутствия в нем ценностного порядка, что предполагает наличие Духа, являющегося подлинной основой ценностей. Новое время, напротив, видит инобытие социального исключительно в природном мире, с которым вынужденно взаимодействует социум, в силу чего Модерн переносит представление об идеале в материальную, прежде всего, экономическую сферу.

Рассмотрение социального познания в свете традиционных ценностей, таким образом, представляет собой, в некотором роде, обратный процесс по отношению к его генезису в силу того, что по отношению к традиции современность рассматривается не как прогресс, но как упадок. Вместе с тем, речь не идет о простом возвращении в исходную точку, предшествующую разделению позиций и разведению перспектив. Необходимо учитывать причины, которые привели к размежеванию социальных и политических дисциплин, а также совместному отделению их от духовной реальности и от мира ценностей, и по возможности оказать им противодействие с опорой на духовную и цивилизационную традицию.

В данном отношении весьма уместным будет, например, обращение к отечественной философской мысли. Всеединство, отстаиваемое русской философией XIX века, не должно рассматриваться как исключительно декларируемый принцип, но может представлять собой руководство к осуществлению основанного на традиции социального познания. Еще И.В. Киреевский и В.С. Соловьев видели слабость западноевропейской мысли в ее отвлеченном рационализме и противопоставлении разума сердцу, разделении сфер разума, чувства и воли, отделении друг от друга материального и формального познания. Намеченная русской мыслью позиция состояла в том, чтобы рассматривать все культурные явления в единстве и подчинить рассудочное знание высшему духовному опыту, основанному на вере.

Подход к социальному познанию с точки зрения традиции потребует, поэтому, совмещение горизонтальной и вертикальной перспектив жизни общества. Социологические теории, например сохраняющая свои основополагающие позиции в социологии модель общества Т. Парсонса, не упразднили полностью политическую реальность, но сохранили ее в качестве одной из подсистем социума. Политическое в социологии, тем самым, видится как подчиненное тотальности социального, не имеющее собственной природы и не связанным с какой-либо трансцендентной реальностью. Вместе с тем, можно увидеть и в данной модели скрытое присутствие нежелательной для позитивистов метафизики, которое сохраняется, например, в признании за политической сферой функции целеполагания, состоящей в том, чтобы ставить цели обществу, что восходит к учению Аристотеля о целях как конечных причинах вещей.

В рождении социологии, кроме основной линии, связанной с позитивизмом, существовала еще одна, обязанная своим существованием немецкой философской традиции, идущей от И. Канта и неокантианцев Баденской школы к М. Веберу и Г. Зиммелю. Данная традиция активно привлекала понятие ценностей и, казалось бы, могла представлять серьезную альтернативу позитивистскому социальному познанию. Вместе с тем, понятие ценности у неокантианцев и их последователей социологов представлялось, в соответствии с учением Канта, в виде некоей априорной конструкции, которая противостояла социальной реальности, понимаемой вполне объективистски. Другим недостатком подхода, представленного альтернативной немецкой традицией, было указание на перспективность и желательность целерационального рассмотрения социальных явлений. Ценностно рациональный и традиционный подходы в рассмотрении действий личности хотя и описывались в социологии М. Вебера, но считались менее значимыми по отношению к целерациональному [5, с. 178]. Таким образом, существующий в немецкой мысли проект социального знания, предполагающего привлечение ценностей, не был в полной мере реализован.

Социальная философия с точки зрения традиции, кроме того, с необходимостью предполагает привлечение определенной онтологии, в которую в качестве ее важнейшего основания включены ценности. Построение теории общества должно предполагать соотнесение не с природой, понимаемой однобоко, исключительно как источник ресурсов для жизни общества, но с реальностью, обусловленную миром ценностей. Можно утверждать, что социальный мир не существует вне ценностей, хотя современная социальная мысль пытается мыслить его именно так, ограничивая его существование миром экономических благ. В системе Парсонса, правда, содержится указание на ценности, которые принадлежат нормативной подсистеме и выступают как регуляторы жизни общества, но их роль видится служебной, не предполагающей обозначение их онтологического статуса [7]. Напротив, в качестве горизонта социального знания, соотнесенного с традицией, требуется именно сопряженная с ценностями онтология.

Онтология данного типа была преобладающей в философии вплоть до Нового времени, ее классический вариант представлен в философской системе Платона. Развернутые варианты построенной в соответствии с христианским учением ценностной онтологии представлены в патристике и в византийской мысли (Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин). В качестве альтернативы утвердившейся в Новое время объективистской научной картины мира рождаются онтологические концепции немецкой философии М. Шелера и Н. Гартмана, предполагающие объективное бытие ценностей. В отечественной философской традиции начала XX века возникает идеал-реалистическое философское учение Н.О. Лосского, в котором ценности составляют незримую основу бытия [3], соотнесение с которой позволяет выстроить систему координат, имеющую значение, в том числе, и для социального знания.

Следует отметить, что для социума имеет значение мир ценностей, взятый в их целостности и совокупности. Все существующие ценности, так или иначе, находят свое отражение в обществе. Принципиальный же вопрос состоит в том, имеет ли смысл говорить об объективной иерархии ценностей, существующей независимо от общества или речь всегда идет о некой выстроенной в рамках самого общества системе ценностных координат?

Мы будем исходить из утверждения о реальном существовании ценностей в качестве идеальных онтологических основ миропорядка, предполагающих наличие трансцендентного источника, понимая, вместе с тем, что социум на различных этапах своего существования может либо включать мир ценностей полностью, либо, по какой-то причине, ограничивать их круг. Модерн предполагает ограничение мира ценностей за счет усечения его трансцендентной верхушки и замены ее верховной ценностью более низкого порядка, в качестве которой выступает природа, общество или человек [1, с. 295]. Мы показали выше, что верховной ценностью для социальных наук данного периода в качестве высшей ценности выступало общество, взятое в качестве абстракции, само по себе.

Традиционный подход призван вернуть трансцендентный источник в систему ценностных координат социума, не давая обществу замкнуться самому на себе, но соотнося его со всем ценностным порядком. Принципиальный момент состоит также в том, что в рамках традиционного подхода ценности полагаются не как находящиеся внутри общества, достоинство которых измеряется, так или иначе, общественной полезностью, но как предстоящие обществу, исходя из которых удостоверяется его собственная значимость.

Среди спектра ценностей, предлагаемых в качестве ориентиров для социальной философии, выделим два ценностных полюса, обозначение которых имеет особое значение в силу двойственности социального знания, наличия в нем таких тенденций, как социологического реализма, исходящего из приоритетности общества по отношению к индивиду, представленного в доминирующей в социальном знании позитивистской социологии, так и социологического номинализма, исходящего из первичности индивида по отношению к тотальности социального, являющегося отправным моментом для связанной с М. Вебером немецкой социологии. Такими ценностными полюсами для социального знания будут выступать, с одной стороны, ценность личности, а с другой стороны, ценность справедливости.

Справедливость соотносится с идеями блага и порядка и является важнейшей ценностью, которой традиционно поверялась правильность всей общественной жизни. На современном этапе ценность справедливости сохраняет свое значение лишь для правовой теории, выступая в качестве фундаментальной основы естественного права [8], но утрачивает свое определяющее значение для социальной теории в целом, за исключением теорий марксизма и неомарксизма, рассматривающих данную ценность преимущественно в отношении материальной и экономической сфер.

Ценность личности представляет собой другой, не менее значимый полюс социального знания. Современное социальное познание с одной стороны, нередко рассматривает индивида в качестве исходного момента построения социальных конструктов, например, в микросоциологических теориях, но собственная ценность личности при этом игнорируется и сводится исключительно к ее роли в социуме, к ее социальным ролям и статусам. Основанная на традиции социальная философия, напротив, должна восстановить личность в ее подлинном достоинстве, не имеющем, вместе с тем, ничего общего с идеей индивидуализма и эгоизма. Личность должна пониматься как духовная единица бытия и общества, обладающая уникальностью, тождественностью, собственной ценностью и идентичностью.

Социальная философия в ее традиционном измерении предполагает, таким образом, соотнесение и соответствие ценностей общества и личности. В качестве высшего ориентира социально-философской мысли необходимо восстановить представление об общественном идеале, не имеющего смысла в позитивистских теориях общества, но отнюдь не утратившего своего значения. Следует, поэтому, актуализировать и восстановить скрытую и стоящую за социальным знанием традицию через его сопряжение с базовыми традиционными ценностями.

Литература

1. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. – 368 с.
2. Канторович Эрнст Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 752 с.·
3. Лосский Н.О. Ценность и бытие // Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Изд-во Республика, 1994. – 456 с.·
4. Манов Филип. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 176 с.·
5. Милбанк Дж. Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума. – М.: Теоэстетика, 2022. – 736 с.
6. Митин А.В., Полозова И.В. Социальная философия: к вопросу об основоположениях // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 104–106.
7. Парсонс Т. Социальная система. – М: Академический проект, 2019. – 530 с.
8. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 512 с.
9. Хархордин О. Общество или дружество других. – СПб, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. – 160 с.
10. Щеглов А. Метафизика власти. – СПб: Алетейя, 2021. – 450 с.
11. Шмитт К. Политическая теология: сборник. – М.: Канон пресс, 2000. – 672 с.

SOCIAL COGNITION IN THE LIGHT OF TRADITIONAL VALUES

Mitin A.V., Polozova I.V.
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

This article examines the foundations of modern social science in light of the traditional approach and traditional values. It demonstrates that modern social science emerged in the Modern era and is rooted in a rejection of tradition. The traditional perspective seeks to examine sociopolitical phenomena, dispersed across various disciplines, as a unified whole and in relation to traditional values.

Keywords: social philosophy, social sciences, traditional values, tradition, Modernity, society.

References

1. Vysheslavtsev B.P. The Eternal in Russian Philosophy // Vysheslavtsev B.P. The Ethics of the Transfigured Eros. Moscow: Respublika, 1994, 368 p.
2. Kantorovich Ernst H. The Two Bodies of the King. A Study in Medieval Political Theology. 2nd ed., corrected. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014, 752 p.
3. Lossky N.O. Value and Being // Lossky N.O. God and the World's Evil. Moscow: Respublika Publishing House, 1994, 456 p.
4. Manov Philip. In the Shadow of Kings. Political Anatomy of Democratic Representation. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. – 176 p.
5. Milbank J. Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason. – Moscow: Teoesthetics, 2022. – 736 p.
6. Mitin A.V., Polozova I.V. Social Philosophy: On the Question of Fundamentals// Social and Humanitarian Knowledge. 2024. № 6. pp. 104–106.
7. Parsons T. The Social System. – Moscow: Academic Project, 2019. – 530 p.
8. Prodi P. History of Justice: From Forum Pluralism to the Modern Dualism of Conscience and Law. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. – 512 p.
9. Kharkhordin O. Society or Friendship of Others. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2024, 160 p.
10. Shcheglov A. Metaphysics of Power. St. Petersburg: Aletheia, 2021, 450 p.
11. Schmitt K. Political Theology: A Collection. Moscow: Canon Press, 2000, 672 p.

Значение физической культуры и спорта в профессиональной подготовке и сохранении здоровья студентов медицинских вузов

Плещёв Игорь Евгеньевич,
канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Николаев Роман Юрьевич,
канд. биол. наук., доцент, зав. кафедрой физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nikolaev.r.u@yandex.ru

Штабной Матвей Дмитриевич,
студент лечебного факультета, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: matvei-shtabnoi@yandex.ru

Шарафутдинова Алина Дмитриевна,
студент Института педиатрии и репродуктивного здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: asarafutdinova01@gmail.com

В статье рассматривается роль физической культуры и спорта как фундаментального фактора формирования профессиональных компетенций и сохранения здоровья студентов медицинских вузов. На основе анализа современных исследований и статистических данных выявляется корреляция между уровнем физической активности и эффективностью учебной деятельности. Особое внимание уделяется специфике обучения в медицинском университете, характеризующейся повышенными психоэмоциональными нагрузками и гиподинамией. Обосновывается необходимость внедрения адаптивных физкультурно-оздоровительных технологий для профилактики эмоционального выгорания и развития профессионально-значимых качеств будущего врача.

Ключевые слова: физическая культура, студенты-медики, здоровый образ жизни, профессиональные компетенции, гиподинамия, стрессоустойчивость, двигательная активность.

Введение

В условиях современного технического прогресса и цифровизации образования, проблема сохранения здоровья студенческой молодежи приобретает особую актуальность. Студенты медицинских вузов представляют собой специфическую социальную группу чей процесс обучения сопряжен с колоссальными интеллектуальными нагрузками, жестким дефицитом времени и высокой ответственностью [1].

Проблема усугубляется тем, что обучение в медицинском вузе длится дольше, чем в большинстве других учебных заведений, и требует постоянного статического напряжения (многочасовые лекции, практические занятия, работа в анатомических залах). Гиподинамия становится профессиональным спутником студента-медика, что ведет к росту соматических заболеваний и снижению адаптационного потенциала организма [2, 3]. В связи с этим физическая культура (ФК) должна рассматриваться не просто как учебная дисциплина, а как базовая стратегия сохранения кадрового ресурса системы здравоохранения.

Современные студенты сталкиваются с интенсивной учебной нагрузкой, дефицитом сна, сидячим образом жизни и психологическим стрессом, что приводит к росту гиподинамии, ожирения и психоэмоциональным расстройствам [4]. По данным ВОЗ, более 80% молодых людей в возрасте 18–25 лет не достигают рекомендуемого уровня физической активности (150 мин умеренной аэробной нагрузки в неделю). Это особенно актуально для студентов медицинских вузов, чья профессия требует высокой физической и умственной выносливости [3]. Зарубежные исследователи также как и российские социологи фиксируют распространенность среди студентов-медиков приема высвобождения времени для приоритетной учебной нагрузки за счет ограничения своей спортивной активности [5].

Физическая культура формирует важнейшие профессиональные навыки: понимание биомеханики реабилитационных методик и важность профилактики. Выявлено, что в среднем 64% студентов медицинских вузов активно занимались спортом до поступления, однако уровень их физической активности (ФА) резко падает в процессе обучения. Исследование проведенное в Сеченовском Университете (2021), в котором приняло участие 984 студента из 8 медвузов РФ показало, что число юношей, занимающихся спортом, снизилось на треть (средний показатель – 33,1%), девушек – на 20%, а среди отдельных групп студентов мужского пола вузов-участников исследования разрыв показателей довузовского и вузовского периода достигал 44,8% [6].

Физическое воспитание (ФВ) в высшей медицинской школе сегодня не должно рассматриваться лишь как вспомогательная дисциплина. Напротив, оно выступает в качестве инструмента превентивной медицины, позволяющего будущему врачу не только поддерживать личное здоровье, но и транслировать ценности активного долголетия своим пациентам, формируя имидж компетентного и атлетичного профессионала [1].

В статье рассматриваются современные методики интеграции двигательной активности в учебный процесс, а также влияние спорта на психологическую устойчивость обучающихся в условиях интенсивной образовательной среды.

Цель данной работы: проанализировать роль физической культуры как стратегического ресурса, обеспечивающего формирование профессионально-прикладных навыков у студентов-медиков.

Проблема здорового образа жизни рассматривается в различных трудах философов, психологов, медиков, педагогов и социологов, все они сходятся в том, что основная функция спорта и физической культуры (ФКиС) – это укрепление здоровья. По определению Всемирной организации здравоохранения, здоровье – это состояние духовного, социального и физического благополучия, а также отсутствие физических дефектов и болезней [2], в то же время физическая культура – это культура, представляющая собой специфический процесс и результат человеческой деятельности, средство и способ физического совершенствования человека для выполнения социальных обязанностей [7].

Влияние физической культуры на здоровье

Регулярные занятия ФКиС улучшают сердечно-сосудистую систему и иммунитет. Анализ наблюдений отечественных ученых показал, что

спорт укрепляет тело, повышает выносливость и снижает риск заболеваний у студентов [8]. Исследование проведенное в Китае Джиангом и Реном (2025) на 540 студентах факультета физического воспитания, выявило снижение метаболического синдрома на 35% при постоянных аэробных нагрузках в комбинации с физическими упражнениями (ФУ). Также, ими была доказана сильная взаимосвязь между физической активностью, эмоциональным интеллектом и академической успеваемостью среди студентов [9].

В медицинских вузах РФ только 46% студентов достигают оптимального уровня двигательной активности (10–12 тыс. шагов/день), что ассоциировано (коррелируется) с более высоким уровнем здоровья. При этом студенты-медики довольно низко оценили свою готовность консультировать пациентов по вопросам приверженности здоровому образу жизни в аспекте физической активности, в среднем (M±m), только на 5,6±0,3 балла из 10 возможных, при этом 48,2% не считают, что готовы к такой профилактической работе с населением [10].

Аль-Дрисом с коллегами (Саудовская Аравия) было проведено поперечное исследование среди 409 студентов-медиков, результаты показали значительную положительную связь между привычками студентов в отношении физической активности и высокими средними баллами (χ^2 = 10,65, p = 0,001). Кроме того, была обнаружена значительная связь между нормальным ИМТ и высокими средними баллами (χ^2 = 8,30; p = 0,016). Это ещё раз доказывает положительное влияние физической активности на академическую успеваемость и здоровье [11].

Интенсивная мышечная работа, также способствует оптимизации церебральной перфузии, улучшая доставку кислорода и глюкозы к нейронам. Аэробные нагрузки повышают метаболическую активность в теменных и височных долях, что критически важно для процессов обработки информации [12].

Психоэмоциональные эффекты

Учебный стресс затрагивает 40–50% студентов вузов, постоянно подвергающихся воздействию шума, депрессивных состояний и эмоционального выгорания, особенно на фоне экзаменационной сессии и клинической практики [2]. Физическая активность оказывает мощный антистрессовый эффект, активируя несколько нейрофизиологических факторов стимулируя выработку эндорфинов («гормонов счастья») и серотонина в лимбической системе, снижая уровень кортизола (основного стрессового гормона) на 20–30% уже после 30 минут умеренной аэробной нагрузки [1].

Российское проспективное исследование на 250 студентах медицинского вуза (2021), выявило статистические значимые признаки, где студенты, регулярно посещающие спортивные секции (≥3 раз в неделю) в результате демонстрируют повышенную эффективность внимания (тест Струпа: 92% против 78% в контрольной группе, p<0,01) и устойчивость по шкале Спилбергера (средний балл 32 против 45), эффективно «выплескивая» накопленную тревожность через физическую разрядку. Участники отмечали дополнительное улучшение настроения и снижение симптомов астении на 35% после 12-недельного курса лечения [13].

Зарубежный мета-анализ 10 рандомизированных исследований (Малайзия, 2025) с участием 514 студентов подтвердил, что вмешательства в виде физических упражнений демонстрируют значительный эффект в снижении тревожности среди студентов колледжа, с большим размером эффекта (d = –0,83). Тест на гетерогенность содержания вмешательства (I)2 = 0%) выявили высокую согласованность в конкретном содержании физических упражнений в разных исследованиях. Однако наблюдалась существенная гетерогенность в отдельных временных интервалах вмешательства (I).2 = 75%), частота вмешательства (I)2 = 75%), и период вмешательства (I2 = 72%), что указывает на значительные различия между исследованиями. Это доказывает, что структурированные программы ФУ, особенно упражнения, интегрирующие связь разума и тела, могут в наибольшей степени снизить тревожность у студентов [14].

В российских условиях 95% студентов медицинских вузов выражают интерес к спорту как самому себе и эмоциональному регулированию, однако барьеры включают дефицит времени (в среднем 60 часов в неделю на учебу) и слабую инфраструктуру [6]. Полученные данные совпадают с результатами исследования проведенного в Бразилии доктором Пелеяс с соавторами (2017) по изучению взаимосвязи ФА и качеством жизни у 1350 студентов-медиков из 22 бразильских медицинских колледжей выявившего, что 40% студентов, также связывают низкую ФА с недостаточностью свободного времени [15].

Групповые занятия (волейбол, футбол) дополнительно усиливают поддержку команды, снижая чувство голода на 22% (опросник шкалы одиночества Калифорнийского университета = UCLA Loneliness Scale) и повышая удовлетворенность учебным процессом [16]. Для студентов-медиков, сталкивающихся с эмоциональными нагрузками от работы с пациентами (выгорание до 50% на старших курсах), спорт формирует профессиональную резилиентность – ключевую компетентность для будущей практики. Долгосрочный эффект: через 2 года регулярных занятий снижается риск тревожных расстройств на 41% [17].

Психоэмоциональная стабильность, в свою очередь, создает основу для когнитивных улучшений, непосредственно влияющих на академическую нестабильность.

Мониторинг когнитивных функций

Системный мониторинг когнитивных факторов физической активности у студентов вузов представляет собой многоуровневый процесс, объединяющий нейропсихологические тесты, методы нейровизуализации, биохимический анализ и цифровые аналитические академические наблюдения, что позволяет объективно количественно оценивать динамику ключевых когнитивных доменов: внимания, рабочей памяти, исполнительных функций и скорости обработки информации в ответ на регулярные физические нагрузки.

Оценка когнитивных эффектов спортивных состязаний у студентов требует стандартизированных инструментов для объективного измерения изменений во внимании, памяти, исполнительных функциях и академической наблюдательности (посещаемости, вовлечённости в процесс). В качестве результатов исследования нейропсихологических батарей: тест Струпа (Stroop Test) на селективное внимание (норма <30 сек, спортсмены – 22–25 сек, p<0,01), таблицы Шульте (время прохождения 25±3 сек против 35±5 сек у гиподинамических, улучшение на 28%) и тест на вербальную память Равена (прогресс +15–22% после 8 недель аэробики) [18, 19].

Регулярная физическая активность запускает каскад нейробиологических процессов, способствующих нейропластичности – способности мозга к структурным и функциональным изменениям. Одним из ключевых механизмов является усиление выработки нейротрофического фактора мозга BDNF (Brain-Derived Neurotrophic Factor), белка, который поддерживает выживание существующих нейронов и стимулирует рост новых синапсов, особенно в гиппокампе – области, отвечающей за память и обучение [19]. Доказано, что аэробные нагрузки повышают уровень BDNF на 20–30%, стимулируя нейрогенез в гиппокампе и префронтальной коре [20].

Физическая культура и спорт – стратегическая необходимость для студентов, подтверждённая исследованиями. Интеграция и разработки целенаправленных программ физического воспитания в медицинских вузах положительно влияет на личностные характеристики и повышает квалификацию будущих специалистов.

Заключение

Физическая культура и спорт являются неотъемлемым элементом высшего медицинского образования. Они решают комплекс задач: от биологического сохранения здоровья до формирования социально-профессионального облика будущего врача. Невозможно оспорить тот факт, что физически активный студент более стрессоустойчив, работоспособен и уверен в себе.

Для успешной реализации профессионального потенциала студенты медицинских вузов должны осознавать, что забота о собственном теле – это не только личное дело, но и часть профессионального долга. Оптимизация двигательного режима, использование современных спортивных методик и цифровая поддержка активности, позволят будущим медикам не только успешно завершить обучение, но и сохранить долголетие в своей нелегкой профессии. Таким образом, физическая культура должна стать фундаментом, на котором строится здание медицинского мастерства.

Литература

1. Ушакова И. А., Мандриков В.Б., Замятина Н.В. Мотивации к занятиям физической культурой российских и зарубежных студентов-медиков // Вестник ВолгГМ У. – 2011. – № 1(37). – С. 28–30.

2. Гудимов С. В., Осетров И.А., Плещев И.Е., Рипачева Е.Ю. Соматическое здоровье студентов медицинского университета в течение учебного года // Пациентоориентированная медицина и фармация. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 5–11. – DOI 10.37489/2949–1924–0002. – EDN TKXIXW.

3. Ганбарова С.И. Роль физической культуры в жизни студентов медицинского университета // Молодой ученый. – 2025. – № 21 (572). – С. 615–616. – URL: https://moluch.ru/archive/572/125818.

4. Шмакова О. В., Акименко Г.В. Ценностное отношение к здоровому образу жизни студентов медицинского Вуза // Дневник науки. 2021. № 12 (60). С. 1–11.

5. Глыбочко П. В., Есауленко И.Э. и др. Здоровье студентов медицинских вузов России: проблемы и пути их решения. Сеченовский вестник. – 2017. – 2 (28). – С. 4–11.

6. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Решетников В.А., Михайловский В.В. Спорт в жизни студентов медицинских вузов России // Социология медицины. – 2021. – Т. 20. – No. 2. – С. 55–63. https://doi.org/10.17816/socm100988

7. Соломченко М.А. Физическое воспитание студентов вузов с применением средств лечебной физической культуры // Наука-2020. – 2020. – № 3 (39). – С. 108–114.

8. Натарова А. А., Васильева М.В. Здоровье студентов как важное условие получения профессионального образования // Символ науки. – 2016. – № 4–4.

9. Jiang Y, Ren S. The effects of physical exercise on college students' academic achievement: the chain mediating role of emotional intelligence and academic mood. Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1642778

10. Иевлева О.В. Двигательная активность студентов-медиков как индикатор их приверженности здоровому образу жизни // Российский вестник гигиены. – 2021. – № 2. – С. 35–39. DOI: 10.24075/rbh.2021.009

11. Al-Drees A, Abdulghani H, Irshad M, et al. Physical activity and academic achievement among the medical students: A cross-sectional study. Med Teach. 2016;38 Suppl 1: S66-S72. doi:10.3109/0142159X.2016.1142516

12. Плещев И. Е., Савгачев В.В., Шубин Л.Б., Клебан П.П. Медицинская реабилитация пациентов с последствиями травм нижних конечностей // Врач. – 2025. – Т. 36, № 12. – С. 103–107. – DOI 10.29296/25877305–2025–12–24. – EDN HYBWIB.

13. Юдина М. А., Сорокина В.В. Влияние занятий в спортивных секциях на стрессоустойчивость и тревожность у студентов медицинского вуза // Молодежный инновационный вестник. – 2021. – Т. 10. – № S1. – С. 486–488.

14. Chen P, Mazalan NS, Koh D and Gu Y (2025) Effect of exercise intervention on anxiety among college students: a meta-analysis. Front. Psychol. 16:1536295. doi: 10.3389/fpsyg.2025.1536295

15. Peleias M, Tempski P, Paro HB, et al. Leisure time physical activity and quality of life in medical students: results from a multicentre study. BMJ Open Sport Exerc Med. 2017;3(1): e000213. doi:10.1136/bmjsem-2016-000213

16. Russell DW. UCLA Loneliness Scale (Version 3): reliability, validity, and factor structure. J Pers Assess. 1996;66(1):20–40. doi:10.1207/s15327752jpa6601_2

17. Сапожников С.А. Изучение приверженности к физической активности студентов медицинского университета // Медицинский алфавит. – 2023. – № (26). – С. 46–49. https://doi.org/10.33667/2078–5631–2023–26–46–49

18. Пихаев Р., Гаджиев Д., Цицкиев Э., Бетмирзаев А. Влияние физической активности на когнитивные функции организма // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – Т. 15. – № . 7–2. – С. 51–60, doi:10.25726/02735-9353-4677-m.

19. Hilger-Kolb J., Loerbroks A., Diehl K. 'When I have time pressure, sport is the first thing that is cancelled': A mixed-methods study on barriers to physical activity among university students in Germany // J Sports Sci. 2020. Vol. 38, N 21. P. 2479–2488. doi: 10.1080/02640414.2020.1792159

20. Дадашова А. Т., Хатизова А.А. Анализ спортивной деятельности студентов медицинского университета // Международный журнал гуманитарных и медицинских наук. – 2023. – № . 11–2 (86). – С. 206–209. – DOI:10.24412/2500-1000-2023-11-2-206-209

THE IMPORTANCE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN PROFESSIONAL TRAINING AND MAINTAINING THE HEALTH OF MEDICAL STUDENTS

Pleshchev I.E., Nikolaev R.J., Shtabnoy M.D., Sharafutdinova A.D.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article examines the role of physical culture and sports as a fundamental factor in the formation of professional competencies and maintaining the health of medical university students. Based on the analysis of modern research and statistical data, a correlation is revealed between the level of physical activity and the effectiveness of educational activities. Special attention is paid to the specifics of studying at a medical university, characterized by increased psycho-emotional stress and physical inactivity. The necessity of introducing adaptive physical culture and wellness technologies for the prevention of emotional burnout and the development of professionally significant qualities of a future doctor is substantiated.

Keywords: physical education, medical students, healthy lifestyle, professional competencies, physical inactivity, stress tolerance, physical activity.

References

1. Ushakova I. A., Mandrikov V.B., Zamyatina N.V. Motivation for physical education of Russian and foreign medical students // Bulletin of VolgSM U. 2011. № 1(37). Pp. 28–30.

2. Gudimov S. V., Osetrov I.A., Pleshchev I.E., Ripacheva E.Y. Somatic health of medical university students during the academic year // Patient-oriented medicine and pharmacy. 2023. Vol. 1. No. 1. pp. 5–11. DOI 10.37489/2949–1924–0002.

3. Ganbarova S.I. The role of physical culture in the life of medical university students // Young Scientist. 2025. № . 21(572). Pp. 615–616. URL: https://moluch.ru/archive/572/125818.

4. Shmakova O. V., Akimenko G.V. Value-based attitude to a healthy lifestyle of medical university students // Diary of science. 2021. No. 12 (60). pp. 1–11.

5. Glybochko P. V., Esaulenko I.E., Popov V.I., Petrova T.N. The health of students of medical universities in Russia: problems and solutions. Sechenovsky Bulletin. 2017. 2 (28). Pp. 4–11.

6. Reshetnikov A. V., Prisyazhnaya N.V., Reshetnikov V.A., Mikhailovsky V.V. Sport in the life of students of medical universities in Russia // Sociology of Medicine. 2021. Vol. 20. No. 2. pp. 55–63. https://doi.org/10.17816/socm100988

7. Solomchenko M.A. Physical education of university students with the use of therapeutic physical culture // Science-2020. 2020. № 3 (39). Pp. 108–114.

8. Natarova A. A., Vasilyeva M.V. Students' health as an important condition for obtaining professional education // A symbol of science. 2016. № 4–4.

9. Jiang Y, Ren S. The effects of physical exercise on college students' academic achievement: the chain mediating role of emotional intelligence and academic mood. Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1642778

10. Ievleva O.V. Physical activity of medical students as an indicator of their commitment to a healthy lifestyle // Russian Bulletin of Hygiene. 2021. No. 2. pp. 35–39. DOI: 10.24075/rbh.2021.009

11. Al-Drees A, Abdulghani H, Irshad M, et al. Physical activity and academic achievement among the medical students: A cross-sectional study. Med Teach. 2016;38 Suppl 1: S66-S72. doi:10.3109/0142159X.2016.1142516

12. Pleshchev I. E., Savgachev V.V., Shubin L.B., Kleban P.P. Medical rehabilitation of patients with the consequences of lower limb injuries // Doctor. 2025. Vol. 36. No. 12. pp. 103–107. DOI 10.29296/25877305–2025–12–24.

13. Yudina M. A., Sorokina V.V. The influence of sports classes on stress tolerance and anxiety in medical university students // Youth Innovation Bulletin. 2021. Vol. 10. No. S1. pp. 486–488.

14. Chen P, Mazalan NS, Koh D and Gu Y (2025) Effect of exercise intervention on anxiety among college students: a meta-analysis. Front. Psychol. 16:1536295. doi: 10.3389/fpsyg.2025.1536295

15. Peleias M, Tempski P, Paro HB, et al. Leisure time physical activity and quality of life in medical students: results from a multicentre study. BMJ Open Sport Exerc Med. 2017;3(1): e000213. doi:10.1136/bmjsem-2016-000213

16. Russell DW. UCLA Loneliness Scale (Version 3): reliability, validity, and factor structure. J Pers Assess. 1996;66(1):20–40. doi:10.1207/s15327752jpa6601_2

17. Sapozhnikov S.A. Studying the commitment to physical activity of medical university students // The Medical alphabet. 2023. No. (26). Pp. 46–49. https://doi.org/10.33667/2078–5631–2023–26–46–49

18. Pikhaev R., Gadzhiev D., Tsitskiev E., Betmirzaev A. The influence of physical activity on the cognitive functions of the body // Education management: theory and practice. 2025. Vol. 15. No. 7–2. pp. 51–60. doi:10.25726/02735-9353-4677-m.

19. Hilger-Kolb J., Loerbroks A., Diehl K. 'When I have time pressure, sport is the first thing that is cancelled': A mixed-methods study on barriers to physical activity among university students in Germany // J Sports Sci. 2020. Vol. 38, No. 21. P. 2479–2488. doi: 10.1080/02640414.2020.1792159

20. Dadashova A. T., Khatizova A.A. Analysis of athletic activity of medical university students // International Journal of Humanities and Medical Sciences. 2023. No. 11–2 (86). Pp. 206–209. DOI:10.24412/2500-1000-2023-11-2-206-209

Проблема патриотического воспитания молодежи в современном российском обществе

Раджабов Осман Раджабович,
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова

Раджабов Раджаб Османович,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ДГУ

В статье рассматриваются актуальные проблемы патриотического воспитания молодежи в современном российском обществе. Анализируются теоретические основы патриотического воспитания в трудах известных мыслителей и ученых отечественной науки, включая К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, В.И. Лутовинова и др. Исследуются основные противоречия системы патриотического воспитания в условиях трансформации социальных институтов, глобализации и цифровизации общества.

Особое внимание уделяется анализу государственной политики в сфере патриотического воспитания, роли образовательных учебных заведений, семьи и общественных организаций в формировании патриотических ценностей у подрастающего поколения. Автор обосновывает необходимость комплексного подхода к патриотическому воспитанию, учитывающего современные социокультурные реалии и особенности молодежной среды.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, молодежь, патриотизм, гражданственность, национальное самосознание, духовно-нравственное воспитание, государственная молодежная политика.

Патриотическое воспитание молодежи является одной из важнейших задач современного российского общества и государства в связи с социально-экономическими и политическими трансформациями, глобализацией и информатизацией общества. Проблема патриотического воспитания находится на стыке педагогики, психологии, социологии и политологии, что обусловливает необходимость ее комплексного междисциплинарного анализа. Необходимость исследования данной проблемы обусловлена рядом факторов. Во-первых, происходит духовная трансформация современного российского общества, общественно-политической и культурной жизни страны, утрачиваются прежние идеалы и ценности. Во-вторых, от молодежи зависит политическое, экономическое и культурное процветание государства. В-третьих, в молодежной среде отмечается снижение роли и значения патриотизма как базовой ценности российского народа и его героической истории.

Проблема патриотического воспитания имеет глубокие исторические корни в отечественной педагогической науке. Основоположником научного подхода к патриотическому воспитанию справедливо считается выдающийся русский педагог К.Д. Ушинский. В своих трудах он обосновал принцип народности как основу национального воспитания. По убеждению ученого, воспитание должно строиться на родном языке, истории, национальных традициях, обычаях и культурных ценностях народа. Он утверждал, что «воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях» [1].

К.Д. Ушинский подчеркивал, что патриотизм формируется с раннего детства через изучение истории своего народа, освоение родного языка, знакомство с народными обычаями и традициями. Педагог доказывал, что система воспитания, построенная в интересах народа, развивает и укрепляет в детях ценнейшие психологические черты и моральные качества – патриотизм и национальную гордость, любовь к труду. Эти идеи К.Д. Ушинского легли в основу отечественной системы патриотического воспитания и сохраняют свою актуальность в современных условиях.

Значительный вклад в развитие теории и практики патриотического воспитания внес выдающийся советский педагог А.С. Макаренко. В своих работах он разработал систему коллективного воспитания на основе трудовой деятельности, дисциплины и коллективной ответственности. Педагог утверждал, что воспитание патриотизма начинается с формирования у молодого человека чувства долга перед коллективом, обществом, государством и Родиной.

Ключевым элементом педагогической системы А.С. Макаренко была идея перспективы – постановка перед воспитанниками общественно значимых целей, реализация которых формирует чувство причастности к общему делу, коллективного труда и соответственно коллективного мировоззрения, ответственности за судьбу коллектива и страны. Он подчеркивал важность воспитания через практическую деятельность, через участие в созидательном труде на благо общества [2]. В его педагогике патриотическое воспитание тесно связывалось с трудовым, нравственно-духовным и гражданским воспитанием, что обеспечивало целостное формирование личности.

Развитие гуманистических традиций в отечественной педагогике связано с именем В.А. Сухомлинского. В своих трудах он обосновал концепцию воспитания гражданина и патриота на основе уважения к личности ребенка, развития его духовного мира, нравственных качеств. В.А. Сухомлинский отстаивал идею о том, что патриотизм начинается с любви к малой родине – родному краю, его природе, истории, культуре [3]. Он подчеркивал, что патриотическое воспитание должно быть направлено на формирование у детей эмоционально-ценностного отношения к Родине, гордости за достижения своего народа, готовности служить Отечеству.

В школе В.А. Сухомлинского дети изучали историю родного села, ухаживали за памятниками, занимались краеведческой работой. Особое значение педагог придавал воспитанию на примерах героической истории своего народа, на традициях старших поколений. Он утверждал, что «человек – наивысшая ценность» [4], и патриотическое воспитание должно быть человеко-центрированным, развивающим в каждом ребенке чувство собственного достоинства, гражданской ответственности.

В современной российской науке значительный вклад в разработку проблемы патриотического воспитания внес доктор философских наук, профессор В.И. Лутовинов. В своих работах он обосновал концепцию патриотического воспитания в условиях трансформации российского общества, определил патриотическое воспитание как «систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, соответствующих социальных и государственных институтов (прежде всего семьи и образовательной сферы), общественных организаций и объединений по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [5].

Ученый подчеркивает, что современное понимание патриотизма требует учета социокультурных изменений в обществе, и отмечает: «Социальный мир XXI века, в который вступает Россия, требует своего собственного осмысления, связанного со сменой вектора общественного развития, норм и ценностей, уклада жизни. Одним из характерных проявлений духовной опустошенности и низкой культуры в обществе, особенно среди молодежи, явилось резкое падение роли и значения патриотизма как одной из ценностей нашего народа и его героической истории» [6]. Для решения этой проблемы, по мнению В.И. Лутовинова, необходимо создание новой системы патриотического воспитания, учитывающей реалии постсоветского периода.

Анализ современного состояния патриотического воспитания молодежи позволяет выделить ряд системных проблем и противоречий. Первая группа проблем связана с кризисом системы патриотического воспитания в постсоветский период. Распад СССР привел к разрушению прежней коммунистической идеологической системы, в рамках которой патриотическое воспитание занимало центральное место. Пионерская и комсомольская организации, военно-патриотические клубы, система допризывной подготовки молодежи – все эти институты либо прекратили существование, либо претерпели радикальные изменения.

В условиях идеологического вакуума 1990-х годов патриотическое воспитание практически исчезло из образовательных программ школ и вузов. Как отмечают исследователи, у современной молодежи отсутствует та школа патриотического воспитания, которая была у их родителей и дедов. Это обязывает педагогов разрабатывать новые подходы, методики и технологии патриотического воспитания, адекватные современным условиям. Формирование у молодых людей патриотических чувств в настоящее время зависит от комплекса социальных, культурных и информационных факторов. Необходим системный и многоплановый подход, объединяющий усилия государства, образовательных учреждений, общественных организаций и самой молодежи [11].

Многие проблемы обусловлены влиянием глобализации и вестернизации на сознание молодежи. Массированное воздействие западной массовой культуры через средства массовой информации, интернет, социальные сети приводит к размыванию национальной идентичности, утрате связи с отечественными культурными традициями. В молодежной среде распространяются космополитические настроения, наблюдается пренебрежительное отношение к истории и культуре собственной страны, преклонение перед западным образом жизни. Методы и формы патриотического воспитания остались нам в наследство от советского периода, а реальная жизнь требует новых подходов и принципов.

Третья проблема связана с коммерциализацией и прагматизацией общественного сознания. В условиях рыночной экономики на первый план выходят ценности индивидуального успеха, материального благополучия, карьерного роста. Патриотизм как альтруистическая ценность, предполагающая готовность служить обществу и государству, жертвовать личными интересами ради общего блага, не вписывается в господствующую систему ценностей. Молодые люди задают вопрос: «Что я получу от государства, если буду патриотом?»

Четвертая проблема – формализация патриотического воспитания в образовательных учреждениях. Зачастую патриотическое воспитание сводится к проведению формальных мероприятий: торжественных линеек, классных часов, конкурсов патриотической песни. При этом отсутствует системная работа по формированию патриотических ценностей, не используется потенциал учебных дисциплин, внеучебной деятельности, молодежных организаций. Педагоги недостаточно методически подготовлены к осуществлению патриотического воспитания в современных условиях.

Пятая проблема обусловлена противоречивой ролью средств массовой информации и интернета. С одной стороны, СМИ и новые медиа предоставляют широкие возможности для патриотического воспитания: трансляция документальных фильмов о героическом прошлом, интервью с ветеранами, освещение достижений страны в различных сферах. С другой стороны, в информационном пространстве значительный объем контента направлен на дискредитацию, фальсификацию отечественной истории, героев, национальных символов. Молодежь сталкивается с противоречивыми оценками исторических событий, что затрудняет формирование целостного патриотического мировоззрения. У современной молодежи не хватает критического мышления чтобы осознать происходящие события.

Шестая проблема связана с кризисом института семьи как важнейшего агента патриотического воспитания детей школьного возраста. Снижение воспитательного потенциала семьи, утрата межпоколенческих связей, ослабление внимания родителей к духовно-нравственному развитию детей негативно сказываются на формировании патриотических чувств. Во многих семьях не сложились традиции изучения семейной истории, сохранения памяти о предках, их вкладе в развитие страны.

Осознание важности патриотического воспитания для обеспечения национальной безопасности и консолидации общества привело к формированию государственной политики в этой сфере. С начала 2000-х годов в России реализуется серия государственных программ патриотического воспитания граждан. Первая государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» заложила основы современной системы патриотического воспитания. Последующие программы (2006–2010, 2011–2015, 2016–2020, 2020–2025 годы) развивали и совершенствовали эту систему [7].

В настоящее время патриотическое воспитание включено в национальный проект «Образование» в рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и «Развитие образования» до 2030 г. декларируют патриотизм как приоритетное направление [9]. Цели проекта – создание единой системы патриотического воспитания в образовательных организациях, формирование у молодежи чувства сопричастности к историческому героическому прошлому России и гордости за современную историю, научные открытия.

Важную роль в реализации государственной политики патриотического воспитания играют общественные организации и движения. В 2016 году было создано Всероссийское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия», призванное систематизировать патриотическое движение, объединить все организации и органы, занимающиеся допризывной подготовкой граждан. Численность участников движения составляет сотни тысяч молодых людей во всех 89 субъектах Российской Федерации. Вступить в «Юнармию» может любой школьник от 11 до 18 лет на добровольной основе.

Также функционирует Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь», деятельность которой направлена на формирование чувства сопричастности к историческому героическому прошлому России, способствует творческой, научной и профессиональной реализации молодежи. Активно развивается поисковое движение, участники которого занимаются поиском и захоронением останков погибших защитников Отечества, увековечением их памяти.

В системе образования реализуются различные направления патриотического воспитания: героико-патриотическое, национально-патриотическое, гражданско-патриотическое, военно-патриотическое, краеведческое. Проводятся мероприятия, приуроченные к государственным праздникам и памятным датам, ведется пропаганда достижений российской науки, культуры, отечественного спорта, трудовых свершений граждан, героизма, подвигов участников ВОВ и СВО.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд перспективных направлений совершенствования системы патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

1. Необходима разработка новой концепции патриотического воспитания, учитывающей современные социокультурные реалии, особенности молодежной среды, вызовы цифровой эпохи. Патриотическое воспитание не должно навязывать готовые идеологические формулы, оно должно создавать условия для осознанного выбора молодыми людьми патриотических ценностей как личностно значимых.

2. Требуется усиление роли образовательных организаций в патриотическом воспитании. Необходимо обеспечить системный характер патриотического воспитания, его интеграцию в учебный процесс и внеучебную деятельность. Важно использовать потенциал всех учебных дисциплин (истории, философии, политологии, основ Российской государственности, литературы, обществознания, географии и др.) для формирования патриотических ценностей. Особое значение имеет изучение отечественной истории, в ходе которого происходит осмысление

исторического прошлого народа, формируется ценностное отношение к отечественной культуре.

3. Необходимо повышать профессиональную компетентность педагогов в области патриотического воспитания. Требуется разработка современных образовательных программ подготовки и повышения квалификации педагогических кадров, обучение их технологиям патриотического воспитания в условиях цифровизации образования.

4. Важно укреплять взаимодействие образовательных организаций и семьи в патриотическом воспитании. Необходимо возродить традиции семейного воспитания, изучать семейную историю, формировать семейные архивы. Целесообразно создать в образовательных организациях родительские университеты, клубы, где родители могли бы получать знания и практические навыки патриотического воспитания детей. «Помимо традиционной роли семьи и системы образования, значительное влияние оказывает медиасреда, которая может служить и инструментом государственной идеологии, и пространством для открытой дискуссии» [10].

5. Требуется активизировать краеведческую работу как важнейшее направление патриотического воспитания, изучать историю малой родины, ее природу, культуру, знакомить с земляками – героями, учеными, деятелями культуры. Все это в целом создает эмоционально-ценностную основу патриотизма. Необходимо развивать школьные музеи, организовывать поисковую деятельность, экспедиции, создавать краеведческие проекты.

6. Важно развивать волонтерское движение как форму практической реализации патриотизма. Участие молодежи в социально значимых проектах, помощь ветеранам, благоустройство территорий, сохранение исторической памяти формируют активную гражданскую позицию, чувство ответственности за судьбу страны.

7. Необходимо эффективно использовать возможности информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей для патриотического воспитания, создать патриотический контент, интерактивные образовательные ресурсы, виртуальные музеи, что позволит охватить широкую аудиторию молодежи, использовать привычные для нее каналы коммуникации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что патриотическое воспитание молодежи является важнейшей задачей современного российского общества и государства, от решения которой зависят национальная безопасность, социальная стабильность и культурное развитие страны.

Анализ трудов классиков отечественной науки и современных исследователей показал, что российская педагогическая наука обладает богатым теоретическим наследием в области патриотического воспитания. Принципы народности, коллективизма, связи воспитания с жизнью, уважение к личности ребенка, сформулированные классиками педагогики, сохраняют свою актуальность и требуют творческого развития применительно к современным условиям.

Сегодня система патриотического воспитания сталкивается с серьезными вызовами: кризисом традиционных институтов социализации, влиянием глобализации и вестернизации, коммерциализацией общественного сознания, противоречивой ролью средств массовой информации. Преодоление этих проблем требует комплексного подхода, объединяющего усилия государства, образовательных организаций, семьи, общественных организаций.

Государственная политика в сфере патриотического воспитания, реализуемая через систему государственных программ, создание специализированных молодежных организаций и движений, интеграция патриотического воспитания в национальный проект «Образование» создают необходимые условия для формирования патриотических ценностей у подрастающего поколения. Вместе с тем требуется дальнейшее совершенствование этой системы с учетом специфики современной молодежной среды, развития новых форм и методов патриотического воспитания.

Перспективными направлениями развития системы патриотического воспитания являются: разработка новой концепции, адекватной современным реалиям; усиление роли образовательных организаций; повышение профессиональной компетентности педагогов; укрепление взаимодействия с семьей; активизация краеведческой работы; развитие волонтерского движения; эффективное использование информационно-коммуникационных технологий.

Реализация комплексного подхода к патриотическому воспитанию, основанного на лучших традициях отечественной педагогики и учитывающего современные вызовы, позволит сформировать у молодого поколения глубокое чувство патриотизма, гражданской ответственности, готовности служить Отечеству и способствовать его процветанию.

Литература

1. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Педагогические сочинения: в 6 т. – М.: Педагогика, 1988. – Т. 1. – С. 194–256.

2. Макаренко А.С. Педагогическая поэма // Собрание сочинений: в 8 т. / под ред. М.Д. Виноградовой, А.А. Фролова. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 1. – 368 с.

3. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям // Избранные педагогические сочинения: в 3 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 1. – 560 с.

4. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина // Избранные педагогические сочинения: в 3 т. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 2. – 384 с.

5. Лутовинов В.И. В патриотизме молодежи – будущее России. – М.: Фонд Андрея Первозванного, 1999. – 207 с.

6. Лутовинов В.И., Радионов Е.Г. Патриотическое воспитание молодежи в современных условиях: проблемы и направления их решения. – М.: Луч, 2004. – 168 с.

7. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы: Государственная программа // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52. – Ст. 7765.

8. Ипполитова Н.В. Патриотическое воспитание в современных условиях: особенности, подходы, подготовка будущих учителей: монография. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2007. – 217 с.

9. Федеральный проект «Патриотическое воспитание». – Режим доступа: https://edu. gov. ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения: 01.08.2025).

10. Мищенко Д.Н. Системная модель управления профессиональной мобильностью российской молодежи в эпоху глобальной информатизации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. № 4 (16). – С. 71–78. http://doi. org/10. 17213/2075–2067–2023–4–71–78

11. Плетнев М.Г., Сотникова А.М. Патриотизм как ценность российской молодежи: теоретические аспекты» Управление. 2025. Т. 13, № 3 / Политический дискурс

THE PROBLEM OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Radjabov O.R., Radjabov R.O.
DagGAU named after M.M. Dzhambulatov, DSU

The article examines current problems of patriotic education of youth in modern Russian society. The theoretical foundations of patriotic education in the works of Soviet and Russian scientists are analyzed, including K.D. Ushinsky, A.S. Makarenko, VA. Sukhomlinsky, V.I. Lutovinov. The main challenges and contradictions of the patriotic education system are investigated in the context of transformation of social institutions, globalization and digitalization of society. Special attention is paid to the analysis of state policy in the field of patriotic education, the role of educational institutions, families and public organizations in the formation of patriotic values among the younger generation. The author substantiates the need for an integrated approach to patriotic education that takes into account modern sociocultural realities and the characteristics of the youth environment.

Keywords: patriotic education, youth, patriotism, citizenship, national identity, spiritual and moral education, state youth policy.

References

1. Ushinsky K.D. On Nationality in Public Education // Pedagogical Works: in 6 volumes. – Moscow: Pedagogy, 1988. – Vol. 1. – pp. 194–256.

2. Makarenko A.S. Pedagogical Poem // Collected Works: in 8 volumes / edited by M.D. Vinogradova, A.A. Frolov. – Moscow: Pedagogy, 1984. – Vol. 1. – 368 p.

3. Sukhomlinsky V.A. I Give My Heart to Children // Selected Pedagogical Works: in 3 volumes. – Moscow: Pedagogy, 1979. – Vol. 1. – 560 p.

4. Sukhomlinsky V.A. The Birth of a Citizen // Selected Pedagogical Works: in 3 volumes. – Moscow: Pedagogy, 1980. – Vol. 2. – 384 p.

5. Lutovinov V.I. The Future of Russia Is in the Patriotism of Youth. – Moscow: St. Andrew the First-Called Foundation, 1999. – 207 p.

6. Lutovinov V.I., Radionov E.G. Patriotic Education of Youth in Modern Conditions: Problems and Directions for Their Solution. – Moscow: Luch, 2004. – 168 p.

7. Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2016–2020: State Program // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. № 52. – Article 7765.

8. Ippolitova N.V. Patriotic education in modern conditions: features, approaches, training of future teachers: monograph. – Chelyabinsk: Publishing house of ChSPU, 2007. – 217 p.

9. Federal project «Patriotic education». – Access mode: https://edu. gov. ru/national-project/projects/patriot/ (date of access: 01.08.2025).

10. Mishchenko D.N. A systemic model for managing the professional mobility of Russian youth in the era of global informatization // Bulletin of the South-Russian State Technical University. Series: Social and Economic Sciences. 2023. № 4 (16). – P. 71–78. http://doi.org/10. 17213/2075–2067–2023–4–71–78

11. Pletnev M.G., Sotnikova A.M. Patriotism as a Value of Russian Youth: Theoretical Aspects. Management. 2025. Vol. 13, № 3 / Political Discourse

Трансформация художественных практик в эпоху цифровизации: сопоставление традиционного и цифрового искусства

Скатерщикова Алла Викторовна,
старший преподаватель, кафедра истории и философии,
РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: allatra@yandex.ru

Статья посвящена сопоставлению традиционного и цифрового искусства через анализ изменений, затронувших способы создания, предъявления и восприятия художественного произведения в цифровую эпоху. Актуальность темы связана с быстрым расширением цифровых художественных форм, переосмыслением границ между материальным объектом, экранной визуальностью и сетевой циркуляцией изображения. Научная новизна работы состоит в систематизации отечественных публикаций последних лет вокруг трех линий: трансформации художественного языка, изменения коммуникативного статуса произведения и перестройки профессиональной практики художника. Цель исследования – выявить, какие свойства традиционного искусства сохраняются при переходе в цифровую среду, а какие получают иное содержание. Методическая база опирается на анализ научных публикаций, сопоставление исследовательских позиций, классификацию и логико-аналитическое обобщение. В исследовательский корпус вошли русскоязычные работы 2022–2025 гг., посвященные цифровым художественным практикам, цифровой живописи, алгоритмической эстетике, медийному обращению искусства и общим культурным сдвигам. Практическая полезность результатов связана с их применением при подготовке искусствоведческих, культурологических и педагогических публикаций, где требуется строгий понятийный развод традиционных и цифровых форм искусства.

Ключевые слова: цифровое искусство, традиционное искусство, художественные практики, цифровая живопись, алгоритмическая эстетика, визуальная коммуникация, медиаискусство, сетевое распространение, художественный язык, цифровизация культуры.

Введение

Переход художественной культуры в цифровую среду изменил не отдельные технические приемы, а сам строй художественной практики. Материальный носитель перестал быть единственным условием существования произведения; экспозиция все чаще совмещается с экранной формой показа; авторская работа смещается от ручной обработки материала к управлению программной средой, интерфейсом и алгоритмом. На этом фоне сопоставление традиционного и цифрового искусства приобретает исследовательскую остроту, поскольку вопрос касается уже не простого различия инструментов, а перераспределения художественных функций между телесным жестом, цифровым кодом, медиаплатформой и зрительским участием.

Цель исследования – выявить направления трансформации художественных практик в цифровую эпоху при сопоставлении традиционного и цифрового искусства.

Задачи исследования:

1. установить, какие свойства традиционного искусства сохраняются в цифровых формах, а какие получают иное содержание;
2. проследить, как меняется статус художественного произведения в условиях сетевой репрезентации, интерактивности и алгоритмической обработки изображения;
3. определить, какие следствия данная трансформация имеет для профессиональной деятельности художника и для описания современного художественного процесса.

Научная новизна работы связана с тем, что отечественные публикации последних лет рассмотрены не как разрозненный набор наблюдений о цифровом искусстве, а как единый аналитический массив, позволяющий развести три уровня преобразований: морфологический, коммуникативный и институционально-профессиональный. Такой ракурс дает возможность точнее показать, где цифровая художественная практика наследует традицию, где вступает с ней в напряжение, а где формирует самостоятельный тип художественной организации.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили десять русскоязычных научных публикаций, посвященных цифровизации искусства и сопоставлению традиционных и цифровых художественных форм. П.И. Быкова [1] рассматривает цифровое искусство как медиакоммуникационный феномен и прослеживает его присутствие в российских медиа. А.А. Дружинина [2] описывает современные художественные практики последнего десятилетия через призму расширения цифровых технологий. А.И. Корыгин [3] связывает цифровизацию изобразительного искусства с изменением профессиональной подготовки художника-педагога. Л.Н. Нагорная [4] исследует коммуникативный потенциал цифрового искусства и культурно-исторические модели его функционирования. А.А. Сокровищук [5] обобщает современные реалии цифровых преобразований в сфере культуры и искусства. В статье О.М. Тарланова [6] пандемийный период трактуется как ускоритель digital-перехода в художественной сфере. О.И. Уймина [7] анализирует статус цифровых арт-практик и цифрового объекта в поле алгоритмической эстетики. М. Чичилейшвили, Б.А. Нурбосынова [8] сопоставляют традиционное визуальное искусство и цифровую художественную среду. А.В. Шунков, Л.Г. Тараненко, О.В. Дворовенко [9] рассматривают цифровизацию культуры и искусства как широкий культурный процесс. Т.В. Юсупхаджиева, Т.В. Ганова, З.Д. Маказиева [10] раскрывают соотношение цифровой живописи и традиционного художественного дизайна.

Методический инструментарий опирается на анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление исследовательских позиций, классификацию, логико-аналитическое развертывание и синтез. Такой набор приемов позволил связать разнородные публикации в единую схему и проследить переход от изменения инструмента к изменению художественной формы, канала репрезентации и профессиональной практики.

Результаты

Сопоставление исследовательских позиций позволяет установить, что цифровизация не устраняет традиционное искусство, а перестраивает условия его продолжения. В работах последних лет цифровая художе-

ственная практика описывается как форма, выросшая на почве прежних изобразительных принципов, но функционирующая уже в иной технологической и медиальной среде. Отсюда вытекает первый аналитический вывод: граница между традиционным и цифровым искусством проходит не по линии «старое – новое», а по линии различной организации художественного процесса. Традиционная модель связывает произведение с материальным носителем, ручным жестом и устойчивой пространственной локализацией; цифровая – с программной обработкой, сетевой циркуляцией, множественным воспроизведением и зависимостью от интерфейса показа [2; 5; 8; 9]. При этом цифровая форма не отменяет композицию, образность, авторское решение и художественную интенцию, а переводит их в иную среду производства и предъявления [5; 8; 10].

Второй результат связан с переосмыслением художественного языка. Для традиционного искусства решающим остается взаимодействие автора с материалом: холстом, краской, графическим листом, пластической фактурой. Цифровое искусство переносит центр работы на операции выбора, комбинирования, редактирования, слоения, тиражирования и программного преобразования изображения. В публикациях о цифровой живописи подчеркивается, что цифровой художник опирается на знания традиционного рисунка, цвета, пластики и композиции, но использует программную среду как рабочее поле, где скорость исправления, копирования и вариативности резко возрастает [3; 10]. Следовательно, цифровой художественный язык строится на сохранении базовых эстетических принципов при изменении технологического режима их воплощения [3; 8; 10].

Существенное различие между традиционным и цифровым искусством обнаруживается в статусе художественного объекта. В материальной художественной культуре произведение соотнесено с оригиналом, единственностью и физическим присутствием. В цифровой среде объект получает иную онтологию: он существует как файл, поток данных, экранная проекция, интерактивная система, звуковизуальная среда или алгоритмически генерируемая композиция. По этой причине анализ цифрового искусства выходит за пределы старого понимания произведения как завершенного и статичного предмета. В исследовании алгоритмической эстетики цифровой арт-объект рассматривается как процессуальная форма, где художественный результат зависит от вычислительной логики, параметров системы и способа пользовательского взаимодействия [7]. В работах о цифровых художественных практиках данная сдвижка прослеживается через рост иммерсивных, сетевых и генеративных форм, для которых событие восприятия столь же существенно, как и сам визуальный образ [2; 4; 7].

Отдельную линию анализа образует коммуникативная функция искусства. Традиционная модель предполагает дистанцию между произведением и зрителем, даже когда она нарушается музейной или выставочной режиссурой. Цифровое искусство, напротив, чаще строится как поле контакта, отклика и включенного присутствия. Исследования показывают, что цифровые художественные формы развиваются параллельно с медийной средой, где произведение сразу оказывается сообщением, медиасобытием и объектом сетевого распространения [1; 4]. В медиаописании цифровое искусство получает дополнительный слой существования: оно не просто выставляется, а обсуждается, пересылается, тиражируется в новостных и социальных каналах, превращаясь в узел визуальной коммуникации [1]. С этой точки зрения цифровизация меняет не только художественную форму, но и сам путь искусства к аудитории, поскольку распространение, интерпретация и потребление изображения срастаются в едином медиальном цикле [1; 4; 9].

Сетевой режим существования произведения ведет к пересмотру критериев художественной ценности. Для традиционного искусства устойчивыми остаются категории оригинальности, материальной подлинности, мастерства исполнения, времени ручной работы. Для цифрового – к ним прибавляются интерактивность, программная сложность, медиальная мобильность, адаптивность к экранной среде и потенциал многократного обращения. В ряде публикаций подчеркивается, что цифровое произведение получает преимущество в скорости распространения, охвате аудитории и способности к обновлению, тогда как традиционное сохраняет более тесную связь с уникальностью и телесной фактурой художественного жеста [8; 10]. Отсюда возникает напряжение между воспроизводимостью и ценностью: цифровая форма облегчает тиражирование, но именно данное свойство заставляет пересматривать основания художественной исключительности [7; 8; 10].

Заметный сдвиг прослеживается и в институциональной судьбе искусства. Пандемийный период, по наблюдениям исследователей, резко ускорил включение цифровых каналов в художественную жизнь: выставка, обсуждение, публичный показ, обучение и профессиональная коммуникация начали активнее перемещаться в экранную и сетевую плоскость [6]. Данный переход не сводился к временной замене офлайн-форматов. Он закрепил привычку к цифровому присутствию искусства, усилил интерес к гибридным форматам и сделал медиаплатформы полноправной площадкой художественного обращения [5; 6; 9]. Следовательно, цифровизация выступила не внешним приложением к художественному процессу, а фактором его институциональной перестройки [5; 6].

Профессиональная практика художника в цифровую эпоху меняет собственную структуру. В традиционной модели мастерство закреплялось за владением материалом и техникой исполнения. В цифровой художественной среде профессиональная квалификация связывается с двойной компетенцией: сохранением фундаментальной художественной подготовки и уверенным владением программными, экранными и сетевыми инструментами [3; 10]. Исследования о цифровой живописи и подготовке художника-педагога показывают, что полноценная работа в современной среде требует соединения традиционной изобразительной школы с цифровой грамотностью, без которой художник оказывается оторванным от актуального художественного процесса [3; 10]. Тем самым цифровизация затрагивает уже не периферию художественного образования, а сам профиль профессионального формирования автора [3].

Параллельно меняется отношение к авторству. В традиционном искусстве фигура автора обычно соотнесена с единичным источником художественного высказывания. В цифровых практиках авторская инстанция нередко распределяется между художником, программной средой, алгоритмом и зрительским участием. В исследованиях алгоритмической эстетики и современных цифровых художественных форм данный сдвиг описан как переход от произведения-вещи к произведению-процессу, где итоговая конфигурация образа зависит от серии технических и коммуникативных операций [2; 7]. При таком положении авторство сохраняется, но теряет прежнюю замкнутость: художник уже не просто создает форму, а проектирует систему ее появления, трансляции и вариативного восприятия [2; 4; 7].

Наконец, сопоставление корпуса источников позволяет сделать вывод о разнонаправленности связи между традиционным и цифровым искусством. С одной стороны, цифровая среда продолжает фундаментальные художественные принципы – композиционное мышление, образное обобщение, работу с выразительными средствами, культурную память формы [8; 10]. С другой стороны, цифровое искусство формирует такие свойства, которые не сводятся к обновленному набору инструментов: интерактивность, событийность, алгоритмическая динамика, сетевое бытование, медиальная многоканальность [1; 4; 7]. Следовательно, цифровое искусство точнее рассматривать как особый тип художественной практики, возникший на базе традиции, но вышедший за ее пределы по способу существования произведения, по каналу его обращения и по устройству авторского труда.

Обсуждение

Проведенный анализ показывает, что отечественная литература о цифровом искусстве развивается по двум траекториям. Первая сосредоточена на технологическом обновлении художественной формы и фиксирует расширение выразительных средств, рост интерактивности, распространение сетевых и экранных форм. Вторая стремится удержать преемственность с традиционной эстетикой и подчеркивает зависимость цифровой практики от академической художественной школы, композиционного мышления и ручной культуры образа. Напряжение между данными траекториями не следует трактовать как простое расхождение мнений. Речь идет о двух разных масштабах анализа: один описывает изменение носителя и режима циркуляции произведения, другой – устойчивость художественных оснований.

Сильной стороной работ, ориентированных на преемственность, выступает отказ от упрощенной схемы, где цифровое искусство представлено как полное отрицание традиции. Такая позиция позволяет избежать технократического редукционизма и показать, что цифровая живопись, генеративная графика или медиаобъект не возникают вне истории изобразительной культуры. Вместе с тем данная линия нередко смещает внимание к вопросу инструмента и педагогической подготовки, вследствие чего собственная эстетическая специфика цифрового объекта получает менее подробное раскрытие. По этой причине сохраняется лакуна между описанием цифрового искусства как «продолжения школы» и анализом его онтологической самостоятельности.

Работы, сосредоточенные на коммуникативной и алгоритмической стороне цифрового искусства, напротив, точнее схватывают специфику новой художественной среды. Они убеждают, что цифровой объект нельзя исчерпывающе описать через старые категории оригинала, завершенности и материального присутствия. На первый план выходит зависимость художественного опыта от платформы, интерфейса, сетевого распространения и параметров алгоритма. Вместе с тем здесь проявляется и ограничение: в части публикаций акцент на медиальности и циркуляции изображения ослабляет разговор о художественном

качестве, о различии между технологической новизной и подлинной эстетической продуктивностью.

Особого внимания заслуживает различие между цифровизацией искусства и собственно цифровым искусством. В ряде публикаций данные явления описываются рядом, хотя между ними пролегает методологическая граница. Цифровизация искусства связана с переводом уже существующих художественных практик в новые каналы хранения, показа, распространения и профессионального общения. Цифровое искусство относится к тем формам, где цифровая среда задает сам принцип художественного производства. Когда данное различие стирается, исследовательская картина теряет точность: музейная оцифровка, онлайн-экспозиция и генеративный арт начинают рассматриваться как одно и то же. Между тем для строгого сопоставления традиционного и цифрового искусства подобное смешение нежелательно.

Отдельная исследовательская лакуна связана с проблемой критериев художественной ценности. Отечественные публикации убедительно описывают технологические возможности цифровых форм, их коммуникативную подвижность и образовательный потенциал, но гораздо реже предлагают стройную систему критериев, пригодную для оценки художественного результата в алгоритмической и интерактивной среде. Отсюда возникает необходимость дальнейшей разработки понятийного аппарата, который позволил бы отличать простую медиатехнологическую эффектность от эстетически состоятельного цифрового произведения.

Еще один ограничитель связан с отраслевой фрагментацией исследований. Часть работ обращена к визуальному искусству, часть – к медиа и культурной коммуникации, часть – к художественному образованию и профессиональной подготовке. Подобная разобщенность обогащает поле наблюдений, но затрудняет построение единой теории трансформации художественных практик. Перспективным направлением становится объединение искусствоведческого, культурологического и медиааналитического подходов в рамках общей модели, где произведение рассматривалось бы одновременно как образ, как технически организованный объект и как коммуникативное событие.

Заключение

Проведенное сопоставление позволило установить, что цифровая эпоха не отменяет традиционное искусство, а переводит художественную деятельность в иные условия производства, показа и восприятия. Первая задача решена через выявление устойчивых и изменившихся свойств художественной формы: композиция, образность, авторская интенция и культурная память сохраняются, тогда как носитель, режим воспроизводства, способ репрезентации и степень интерактивности получают иное содержание.

Вторая задача решена через анализ статуса произведения в цифровой среде. Произведение перестает мыслиться лишь как единичный материальный объект и все чаще предстает как файл, процесс, событийная среда или алгоритмически организованная визуальная система. Вследствие данного сдвига усиливается коммуникативная подвижность художественного объекта, расширяется участие зрителя, меняются основания художественной исключительности.

Третья задача решена через описание изменений в профессиональной практике художника. Современная художественная деятельность опирается на соединение традиционной изобразительной школы с владением цифровыми инструментами, сетевыми каналами распространения и новыми форматами художественного показа. На этой почве цифровое искусство предстает как самостоятельный тип художественной практики, выросший из традиции, но обладающий собственной логикой существования.

Литература

1. Быкова, П.И. Цифровое искусство как новый канал коммуникации и предмет репрезентации в российских медиа / П.И. Быкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 3(141). – С. 37. – DOI 10.23670/IRJ.2024.141.66.

2. Дружинина, А.А. Цифровые технологии и современные художественные практики в искусстве последнего десятилетия / А.А. Дружинина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 51–57. – DOI 10.14529/ssh250106.

3. Корыгин, А.И. Влияние цифровизации изобразительного искусства на процесс подготовки учителей изобразительного искусства / А.И. Корыгин // Sustainable Development Forum – 2023: сборник статей. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая наука», 2023. – С. 15–22. – DOI 10.46916/28062023–3–978–5–00215–038–0.

4. Нагорная, Л.Н. Коммуникативный потенциал цифрового искусства: культурно-исторические парадигмы и практики / Л.Н. Нагорная // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 5(121). – С. 76–84.

5. Сокровищук, А.А. Цифровые трансформации в культуре и искусстве: современные реалии / А.А. Сокровищук // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2025. – № 2. – С. 230–239. – DOI 10.28995/2686–7249–2025–2–230–239.

6. Тарланов, О.М. Пандемия как катализатор digital процессов в искусстве / О.М. Тарланов // Arts Academy. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 126–137. – DOI 10.56032/2523–4684.2022.1.1.126.

7. Уймина, О.И. Цифровые арт-практики и арт-объекты: статус в алгоритмической эстетике / О.И. Уймина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2025. – № 1(82). – С. 154–164. – DOI 10.54398/1818–510X.2025.82.1.015.

8. Нурбосынова, Б.А. Трансформация традиционного визуального искусства в цифровую эпоху / Б.А. Нурбосынова, М. Чичилейшвили // Arts Academy. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 13–25. – DOI 10.56032/2523–4684.2024.1.9.13.

9. Шунков, А.В. Феномен цифровизации культуры и искусства в России / А.В. Шунков, Л.Г. Тараненко, О.В. Дворовенко // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – № 2(20). – С. 105–128. – DOI 10.20323/2658–7866–2024–2–20–105.

10. Юсупхаджиева, Т.В. Исследования в области искусства цифровой живописи и традиционного художественного дизайна / Т.В. Юсупхаджиева, Т.В. Ганова, З.Д. Маказиева // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 6. – С. 165–169.

THE TRANSFORMATION OF ARTISTIC PRACTICES IN THE AGE OF DIGITALIZATION: A COMPARISON OF TRADITIONAL AND DIGITAL ART

Skaterschikova A.V.
Plekhanov Russian University of Economics

This article compares traditional and digital art by analyzing the changes that have affected the creation, presentation, and perception of artistic works in the digital age. The relevance of this topic lies in the rapid expansion of digital artistic forms and the reconfiguration of the boundaries between the material object, screen visuality, and the online circulation of images. The scientific novelty of this work lies in its systematization of recent Russian publications around three themes: the transformation of artistic language, the changing communicative status of the work, and the restructuring of the artist's professional practice. The goal of the study is to identify which properties of traditional art are preserved in the transition to the digital environment, while others acquire new meanings. The methodological framework is based on an analysis of scientific publications, a comparison of research positions, classification, and logical-analytical generalization. The research corpus includes Russian-language works published between 2022 and 2025, focusing on digital artistic practices, digital painting, algorithmic aesthetics, the media appeal of art, and general cultural shifts. The practical utility of the results lies in their application in art history, cultural studies, and pedagogical publications that require a rigorous conceptual distinction between traditional and digital art forms.

Keywords: digital art, traditional art, artistic practices, digital painting, algorithmic aesthetics, visual communication, media art, online dissemination, artistic language, digitalization of culture.

References

1. Bykova, P.I. Digital Art as a New Communication Channel and an Object of Representation in Russian Media / P.I. Bykova // International Research Journal. – 2024. – No. 3 (141). – P. 37. – DOI 10.23670 / IRJ.2024.141.66.

2. Druzhinina, A.A. Digital Technologies and Contemporary Artistic Practices in the Art of the Last Decade / A.A. Druzhinina // Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities. – 2025. – Vol. 25, No. 1. – P. 51–57. – DOI 10.14529 / ssh250106.

3. Korygin, A.I. The Impact of Digitalization of Fine Arts on the Process of Training Fine Arts Teachers / A.I. Korygin // Sustainable Development Forum – 2023: Collection of Articles. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership «New Science», 2023. – Pp. 15–22. – DOI 10.46916/28062023–3–978–5–00215–038–0.

4. Nagornaya, L.N. The Communicative Potential of Digital Art: Cultural and Historical Paradigms and Practices / L.N. Nagornaya // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2024. – No. 5(121). – Pp. 76–84.

5. Sokrovishchuk, A.A. Digital Transformations in Culture and Art: Modern Realities / A.A. Sokrovishchuk // Bulletin of the RSUH. Series: Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies. – 2025. – No. 2. – Pp. 230–239. – DOI 10.28995/2686–7249–2025–2–230–239.

6. Tarlanov, O.M. The Pandemic as a Catalyst for Digital Processes in Art / O.M. Tarlanov // Arts Academy. – 2022. – Vol. 1, No. 1. – Pp. 126–137. – DOI 10.56032/2523–4684.2022.1.1.126.

7. Uimina, O.I. Digital Art Practices and Art Objects: Status in Algorithmic Aesthetics / O.I. Uimina // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. – 2025. – No. 1(82). – P. 154–164. – DOI 10.54398/1818–510X.2025.82.1.015.

8. Nurbosynova, B.A. Transformation of Traditional Visual Art in the Digital Age / B.A. Nurbosynova, M. Chichileishvili // Arts Academy. – 2024. – Vol. 9, No. 1. – P. 13–25. – DOI 10.56032/2523–4684.2024.1.9.13.

9. Shunkov, A.V. The Phenomenon of Digitalization of Culture and Art in Russia / A.V. Shunkov, L.G. Taranenko, O.V. Dvorovenko // The World of Russian-Speaking Countries. – 2024. – No. 2(20). – P. 105–128. – DOI 10.20323/2658–7866–2024–2–20–105.

10. Yusupkhadzhieva, T.V. Research in the Field of Digital Painting and Traditional Art Design / T.V. Yusupkhadzhieva, T.V. Ganova, Z.D. Makazieva // Journal of Applied Research. – 2023. – No. 6. – P. 165–169.

Социальная роль общей гигиены и экологии в современном обществе: эпидемиология и профилактика

Плещёва Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Корнева Мария Ивановна,
старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: lorkorneva@rambler.ru

Баширова Нурана Саявуш кызы,
студент Института педиатрии и репродуктивного здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nuranabashirova@yandex.ru

Статья посвящена анализу ключевой социальной роли гигиены и экологии в современном обществе, их влиянию на формирование и поддержание здоровья населения в эпоху глобализации, урбанизации и климатических изменений. Особое внимание уделяется вопросам эпидемиологии и профилактики – основам противодействия росту инфекционных, алиментарных и хронических заболеваний. Рассматриваются механизмы воздействия экологических факторов на здоровье, современные профилактические стратегии, роль просвещения и мотивации к сохранению санитарных норм.

Материал основан на анализе отечественной и зарубежной литературы, учитывающей динамику санитарно-эпидемиологического благополучия и общественного участия в формировании безопасной среды. Показано, что интеграция гигиенических и экологических знаний, междисциплинарное сотрудничество и государственная поддержка просветительских инициатив позволяют выстроить эффективную систему профилактики, минимизировать влияние негативных факторов среды и обеспечить устойчивое развитие общества.

Ключевые слова: общественная гигиена, эпидемиология, профилактика, экология, санитарная культура, гигиеническое просвещение, социальное здоровье.

Введение

В XXI веке вопросы социальной гигиены и экологии приобрели наивысшую актуальность. Мировой опыт и научные данные свидетельствуют, что состояние окружающей среды определяется деятельностью человека и становится едва ли не главным детерминантом здоровья населения. Современная эпидемиология однозначно указывает на прямую связь между уровнем загрязнения воздуха, воды, почвы и ростом хронических и инфекционных заболеваний среди населения. Социальная роль гигиенических и экологических практик выходит за рамки отдельных профилактических мероприятий и становится инструментом национальной безопасности, основой профилактики и сохранения здоровья [1].

Гигиена – фундаментальная наука, интегрирующая медицинские, экологические и социологические знания, формирует систему защиты здоровья через профилактические мероприятия, регулирование санитарного состояния среды и формирование санитарной культуры. Экология, как научное направление, анализирует взаимосвязь между организмом и средой, определяет факторы риска, формирует средовые подходы профилактики. На пересечении этих наук возникают мощные инструменты обеспечения устойчивого развития [2].

Специалисты ВОЗ подчёркивают, что до 24% случаев преждевременной смертности связаны с воздействием управляемых экологических факторов. В условиях нарастающего технологического и экологического риска формирование и поддержание корректной санитарной среды становится интердисциплинарной задачей, требующей не только клинических решений, но и широкой социальной мобилизации на уровне образовательных, инфраструктурных и законодательных инициатив [3].

Гигиена и эпидемиология: научные основы и социальное значение

Современное общество сталкивается с многогранными вызовами. Помещения, вода, продукты питания, воздух, химические агенты и шум – всё это источники потенциальной опасности для человека и популяционного здоровья. Гигиена как система знаний и практик включает в себя меры, направленные на снижение вредных факторов и обеспечение санитарной безопасности.

Эпидемиологический надзор – это неотъемлемая составная часть гигиены, позволяющая выявлять и предупреждать распространение инфекционных болезней, а также отслеживать динамику хронических патологий, ассоциированных с экологическими воздействиями. Мониторинг санитарного состояния окружающей среды, раннее выявление факторов риска, научно обоснованное информирование и обучение населения, являются основными инструментами снижения заболеваемости [4].

Крайне важным направлением профилактики выступает контроль загрязненности воздуха и воды. Загрязнение воздуха твердыми частицами, оксидами азота, диоксинами, метанолом и другими токсинами стоит в ряду ведущих причин роста частоты сердечно-сосудистых, респираторных и онкологических заболеваний. Недостаточно чистая вода – причина множества эпидемий холеры, брюшного тифа, вирусных гепатитов, паразитарных и бактериальных инфекций, ухудшающих популяционное здоровье и увеличивающих нагрузку на медицинские системы [5].

На практике значимый эффект достигается при комплексном сочетании инженерных, социальных и нормативно-правовых подходов: модернизации систем очистки воздуха и воды, ликвидации несанкционированных свалок, урегулировании промышленных выбросов, равномерном доступе к медицинской и санитарной помощи [6].

Формирование санитарной культуры представляет собой сложный многоуровневый процесс, который включает в себя не только передачу знаний о правилах гигиены, но и выработку устойчивых поведенческих паттернов, основанных на понимании важности профилактики заболеваний и поддержания здоровой среды обитания. Гигиеническое просвещение должно начинаться с раннего детского возраста и продолжаться на протяжении всей жизни человека, адаптируясь к различным возрастным группам и социальным категориям населения [7].

Система образования играет фундаментальную роль в этом процессе. В дошкольных учреждениях необходимо формировать первич-

ные навыки личной гигиены через игровые формы обучения, создание мотивирующей среды и позитивного примера взрослых. В школьном возрасте программы должны включать более глубокое изучение анатомии человека, основ физиологии, принципов здорового питания, значимости физической активности и профилактики вредных привычек [8].

Особое внимание следует уделять подготовке педагогических кадров, способных не только передавать теоретические знания, но и служить примером здорового образа жизни. Межпредметная интеграция позволяет включать вопросы гигиены и экологии в различные учебные дисциплины: от естественных наук до социологии и обществознания [6].

Гигиена питания и качество продуктов также относятся к базовым аспектам здоровья. Контроль за содержанием нитратов, пестицидов, биологических и химических загрязнителей минимизирует риск массовых алиментарных отравлений и хронических патологий, связанных с накоплением токсинов в организме [5].

Особое значение имеет санитарно-гигиеническое просвещение и формирование мотивации у широких слоёв общества к личной гигиене: регулярное мытьё рук, поддержание чистоты в быту, профилактика пищевых отравлений и инфекций ЖКТ. Международные исследования подтверждают, что усиление образовательных инициатив в области гигиены позволяет значительно снизить заболеваемость инфекционными заболеваниями [8].

Система профилактики инфекционных болезней выстраивается по принципам первичной, вторичной и третичной профилактики:

первичная – санитарное просвещение, обеспечение безопасной среды, вакцинация, гигиена рук, контроль за питанием;

вторичная – раннее выявление и изоляция инфицированных, эпидемиологический надзор, активное наблюдение групп риска;

третичная – предотвращение осложнений, быстрое реагирование на вспышки, реабилитация и восстановление после перенесённых заболеваний.

Особое место занимает борьба с внутрибольничными инфекциями, где важен риск-ориентированный подход к эпидемиологической диагностике, целевому образовательному процессу и применению новых методов дезинфекции и стерилизации.

Неинфекционные заболевания (НИЗ) – основная причина смертности в развитых странах. Среди них ведущими остаются болезни сердечно-сосудистой системы, онкология, хронические респираторные заболевания и диабет. Их профилактика нацелена на минимизацию поведенческих и средовых факторов риска: отказ от курения, контроль за питанием, увеличение физической активности, борьба со стрессом, снижение влияния загрязнений [7].

Первичная профилактика включает коррекцию поведенческих привычек, формирование мотивации к здоровому образу жизни, снижение психосоциального стресса, создание благоприятной образовательной среды, обеспечение доступа к качественным медицинским услугам. Вторичная – скрининг опасных состояний, ранняя диагностика, организацию систем массовых обследований и вакцинации [3].

Социально-экономическое неравенство существенно влияет на доступ к качественной медицине, знаниям и безопасной среде, что формирует общественные полярности в уровне здоровья и заболеваемости. Защита уязвимых групп – одна из центральных задач программ по укреплению здоровья общества.

Социальные аспекты и формирование санитарной культуры

Формирование санитарной культуры невозможно без комплексных просветительских и образовательных программ, нацеленных на формирование ответственности и активности граждан в вопросах личного и общественного здоровья, привитие привычек личной гигиены с раннего возраста и распространение информации о значимости санитарных норм. В системе образования должны быть внедрены специальные курсы и мероприятия по санитарии, здоровому образу жизни, предотвращению вредных привычек, поддержанию чистоты и рациональному обращению с отходами [9].

Успешность формирования санитарной культуры во многом зависит от понимания психологических механизмов мотивации и изменения поведения. Исследования показывают, что простое информирование о рисках недостаточно для устойчивых поведенческих изменений. Необходимы комплексные подходы, включающие мотивационные и социально – когнитивные подели, основанные на теории поведения [10].

Социально-когнитивные модели поведения: Применение теории социального научения позволяет использовать механизмы моделирования поведения, самоэффективности и социальной поддержки. Важно создавать позитивные примеры в ближайшем социальном окружении, демонстрировать достижимость целей по улучшению здоровья и формировать групповую поддержку здоровых привычек [11].

Мотивационное интервьюирование: Этот подход основан на выявлении внутренней мотивации человека к изменениям, разрешении амбивалентности и поддержке автономии в принятии решений о здоровье. Особенно эффективен для работы с поведенческими факторами риска неинфекционных заболеваний.

Теория запланированного поведения: Учитывает отношение к поведению, субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль. Позволяет разрабатывать целевые интервенции для различных компонентов намерения изменить поведение [12].

Формирование санитарной культуры происходит в условиях значительного социального неравенства, что создает дифференцированные возможности для различных групп населения. Социально-экономический статус семьи, уровень образования, место проживания, этническая принадлежность существенно влияют на доступ к качественной информации о здоровье и возможности её практического применения.

Социально-экономические барьеры. Семьи с низким доходом часто сталкиваются с ограничениями в доступе к качественным продуктам питания, безопасному жилью, медицинским услугам и образовательным программам. Это создает замкнутый круг, где плохие социально-экономические условия ведут к ухудшению здоровья, что в свою очередь снижает экономические возможности семьи [13].

Образовательное неравенство. Различия в качестве образования приводят к неравномерному распределению знаний о здоровье в обществе. Важно развивать специальные программы для групп с низким уровнем грамотности, использующие визуальные материалы, простой язык и культурно-адаптированные подходы [11].

Территориальное неравенство. Жители сельских районов и малых городов часто имеют ограниченный доступ к современным медицинским и образовательным ресурсам. Развитие телемедицины, мобильных образовательных программ и выездных форм работы может частично компенсировать эти ограничения.

Повышение социальной значимости гигиены возможно только при поддержке государства, межведомственном и общественном участии в разработке и реализации программ профилактики. Для этого требуются межсекторальные взаимодействия специалистов в области медицины, образования, юриспруденции, IT, урбанистики, архитектуры [1].

Совершенствование санитарного благополучия невозможно без повышения экологической ответственности всех слоёв общества. Важно развивать волонтёрские, просветительские, образовательные проекты по раздельному сбору отходов, поддержанию чистоты дворов и подъездов, созданию зелёных зон, информированию о новых санитарных и экологических инициативах [2].

Особое значение имеет развитие институтов общественного контроля и партнёрских отношений между гражданами, бизнесом и органами власти, а также учётом мнения профессиональных ассоциаций в вопросах санитарии.

Технологические инновации в формировании санитарной культуры

Цифровая трансформация общества создаёт принципиально новые возможности для формирования санитарной культуры, выходящие за рамки традиционных образовательных подходов. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют создавать персонализированные, интерактивные и доступные решения для широких слоёв населения, что особенно важно в условиях растущих требований к эффективности профилактических программ [14].

Развитие цифровых экосистем здоровья открывает возможности для создания комплексных решений, объединяющих образовательный контент, инструменты самоконтроля и системы поддержки принятия решений. Современные платформы способны анализировать индивидуальные данные пользователей (возраст, пол, медицинскую историю, образ жизни, географическое положение) и предоставлять персонализированные рекомендации по поддержанию здоровья и соблюдению гигиенических норм.

Искусственный интеллект и машинное обучение позволяют создавать адаптивные образовательные программы, которые корректируют содержание и методы подачи информации в зависимости от индивидуального прогресса пользователя. Это особенно эффективно для формирования долгосрочных поведенческих изменений, поскольку учитывает психологические особенности восприятия и мотивации каждого человека [15].

Широкое распространение смартфонов и планшетов делает санитарное просвещение доступным для различных социально-

экономических групп населения. Мобильные приложения для здоровья могут включать функции напоминаний о гигиенических процедурах, трекеры привычек, образовательные модули в формате микрообучения, калькуляторы рисков и системы мотивации.

Особую ценность представляют приложения, работающие в офлайн-режиме или при низкоскоростном интернет-соединении, что критически важно для обеспечения равного доступа к информации о здоровье в различных географических регионах. Технологии дополненной реальности позволяют создавать иммерсивные образовательные системы, демонстрирующие невидимые процессы (например, распространение микроорганизмов) и последствия несоблюдения гигиенических норм [16].

Интеграция игровых механик в процесс формирования санитарной культуры опирается на принципы поведенческой экономики и психологии мотивации. Системы баллов, достижений, социального сравнения и прогрессивных вызовов активируют внутренние мотивационные механизмы, делая процесс обучения и изменения поведения более привлекательным и устойчивым.

Эффективность геймификации особенно высока в работе с детьми и подростками, для которых игровая форма является естественным способом освоения новых навыков. Виртуальные симуляторы позволяют отрабатывать правильную технику мытья рук, безопасного приготовления пищи, оказания первой помощи в безрисковой среде с немедленной обратной связью.

Цифровые социальные сети создают новые возможности для формирования сообществ здоровья, где люди могут обмениваться опытом, получать поддержку и участвовать в коллективных инициативах по улучшению санитарного состояния своих территорий. Краудсорсинговые платформы позволяют гражданам участвовать в мониторинге экологической обстановки, сообщать о санитарных нарушениях и координировать волонтёрские активности [16].

Социальные технологии также эффективны для преодоления стигмы и предрассудков, связанных с определёнными заболеваниями или гигиеническими практиками. Анонимные консультации, группы поддержки и образовательные кампании в социальных сетях способствуют открытому обсуждению вопросов здоровья и формированию более инклюзивной санитарной культуры [15].

Крупные города осуществляют переход к концепции «здоровых городов», интегрируя экологические и гигиенические стандарты во все уровни планирования и урбанистики. Особое внимание уделяется созданию здоровьесберегающих пространств, развитию сети медицинской помощи, инновационным методам скрининга и профилактики хронических болезней, межведомственным программам снижения загрязнения.

Реализация междисциплинарных проектов, развитие эпидемиологического образования, подготовка кадров, раскрытие потенциала гражданского общества – залог дальнейшего повышения санитарно-эпидемиологического благополучия и устойчивого развития социума.

Выводы

Социальная роль общей гигиены и экологии в современном обществе определяет вектор устойчивого развития, здоровья и качества жизни населения. Эффективное объединение знаний, практик и мотивации обеспечивает профилактику большинства массовых заболеваний и снижение негативного воздействия среды. Без постоянных инвестиций в санитарную культуру, просвещение, технологические инновации и законодательную поддержку невозможны ни современное здравоохранение, ни устойчивое общество будущего.

Литература

1. Прусакова А. В., Прусаков В.М. Оценка медико-экологического компонента качества жизни по уровню риска заболеваемости массовыми неинфекционными заболеваниями //Acta biomedica scientifica. – 2019. – № 4(2). – С. 46–52. doi:10.29413/ABS.2019-4.2.6

2. Попова А. Ю., Онищенко Г.Г., Ракитский В.Н., Кузьмин С.В., Кучма В.Р. Гигиена в обеспечении научно-технологического развития страны и санитарно-эпидемиологического благополучия населения (к 130-летию Федерального научного центра гигиены имени Ф.Ф. Эрисмана) // Гигиена и санитария. – 2021. – № 100 (9). – С. 882–889. https://doi.org/10.47470/0016–9900–2021–100–9–882–889

3. Fuller R, Landrigan P. J, Balakrishnan K, et al. Pollution and health: a progress update. Lancet Planetary Health 2022; 6: 535–47. https://doi.org/10.1016/S2542–5196(22)00090–0

4. Zarocostas J. Millions of deaths from environmental causes are preventable, says WHO. BMJ. 2006;332(7555):1412. doi:10.1136/bmj.332.7555.1412-b

5. Ракитский В. Н., Михеева Е.Н., Гречина М.С. Биологический мониторинг как метод гигиенической оценки воздействия пестицидов на работающих // Гигиена и санитария. – 2021. – № 100 (9). – С. 1004–1008. https://doi.org/10.47470/0016–9900–2021–100–9–1004–1008

6. Glowicz J. B, Landon E, Sickbert-Bennett E. E, et al. SHEA/IDSA/APIC Practice Recommendation: Strategies to prevent healthcare-associated infections through hand hygiene: 2022 Update. Infect Control Hosp Epidemiol. 2023;44(3):355–376. doi:10.1017/ice.2022.304

7. Lawrence A. Evaluating the Effectiveness of Public Health Measures During Infectious Disease Outbreaks: A Systematic Review. Cureus. 2024;16(3): e55893. Published 2024 Mar 10. doi:10.7759/cureus.55893

8. McGeehin M. A, Qualters J. R, Niskar A.S. National environmental public health tracking program: bridging the information gap. Environ Health Perspect. 2004;112(14):1409–1413. doi:10.1289/ehp.7144

9. Ананьева Е. А., Месяц Е.А., Миндлина Т.Б. Воспитание экологической грамотности школьников. Мониторинг водных объектов города // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – № 2. – С. 101–105. – DOI 10.17513/snt.38501. – EDN ESMLMU.

10. Bloomfield S.F, Ackerley L.M. Developing resilience against the threat of infectious diseases and anti-microbial resistance: Putting targeted hygiene into practice in home and everyday lives. Public Health Pract (Oxf). 2023;5:100362. doi:10.1016/j.puhip.2023.100362

11. Плещев И.Е., Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Шкребко-Федотовская Д.А. Динамика социальных норм: мотивы соблюдения, факторы изменения и интегративные модели // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 7. – С. 432–436. – EDN LVZAJA.

12. Berendes D, Martinsen A, Lozier M, et al. Improving water, sanitation, and hygiene (WASH), with a focus on hand hygiene, globally for community mitigation of COVID-19. PLOS Water. 2022;1(6):10.1371/journal.pwat.0000027. doi:10.1371/journal.pwat.0000027

13. Pieters M. M, Fahsen N, Hug C, Ishida K, Cordon-Rosales C, Lozier M.J. A Quasi-Experimental Pre-Post Assessment of Hand Hygiene Practices and Hand Dirtiness Following a School-Based Educational Campaign. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2025; 22(8):1198. https://doi.org/10.3390/ijerph22081198

14. Haleem A., Javaid M., Qadri M.A., Suman R., Understanding the role of digital technologies in education: A review. Sustainable Operations and Computers. 2022. Vol. 3. Pp. 275–285. https://doi.org/10.1016/j.susoc.2022.05.004.

15. Плещев И. Е., Николаев Р.Ю., Жигалов С.А., Плещева Т.Н. Будущее образования в цифровом мире: инновационные платформы и социальная интеграция // Социология. – 2025. – № 8. – С. 160–165. – EDN CILPQO.

16. Vakaliuk T. A., Spirin O.M., Lobanchykova N.M., Martseva L.A., Novitska I. V, Kontsedailo V.V. Features of distance learning of cloud technologies for the quarantine organisation's educational process. Journal of Physics: Conference Series. 2021. Pp. 1840. DOI 10.1088/1742–6596/1840/1/012051

THE SOCIAL ROLE OF GENERAL HYGIENE AND ECOLOGY IN MODERN SOCIETY: EPIDEMIOLOGY AND PREVENTION

Pleshcheva T.N., Korneva M.I., Bashirova N.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article analyzes the key social role of hygiene and ecology in modern society, their impact on the formation and maintenance of public health in the era of globalization, urbanization and climate change. Special attention is paid to the issues of epidemiology and prevention – the basics of countering the growth of infectious, nutritional and chronic diseases. The mechanisms of the impact of environmental factors on health, modern preventive strategies, the role of education and motivation to maintain sanitary standards are considered.

The material is based on an analysis of domestic and foreign literature that takes into account the dynamics of sanitary and epidemiological well-being and public participation in the formation of a safe environment. It is shown that the integration of hygienic and environmental knowledge, interdisciplinary cooperation and government support for educational initiatives make it possible to build an effective prevention system, minimize the impact of negative environmental factors and ensure the sustainable development of society.

Keywords: public hygiene, epidemiology, prevention, ecology, sanitary culture, hygienic education, social health.

References

1. Prusakova A.V., Prusakov V.M. Assessment of the medical and ecological component of quality of life by the risk of morbidity from mass non-communicable diseases //Acta biomedica scientifica. 2019. No. 4(2). Pp. 46–52. doi:10.29413/ABS.2019-4.2.6

2. Popova A. Yu., Onishchenko G.G., Rakitskiy V.N., Kuzmin S.V., Kuchma V.R. Hygiene in ensuring the scientific and technological development of the country and the sanitary and epidemiological well-being of the population (on the occasion of the 130th anniversary of the F.F. Federal Scientific Center for Hygiene Erisman) // Hygiene and san-

itation. 2021. No. 100(9). pp. 882–889. https://doi.org/10.47470/0016–9900–2021–100–9–882–889

3. Fuller R, Landrigan P. J, Balakrishnan K, et al. Pollution and health: a progress update. Lancet Planetary Health 2022; 6: 535–47. https://doi.org/10.1016/S2542–5196(22)00090–0

4. Zarocostas J. Millions of deaths from environmental causes are preventable, says WHO. BMJ. 2006;332(7555):1412. doi:10.1136/bmj.332.7555.1412-b

5. Rakitskiy V. N., Mikheeva E.N., Grechina M.S. Biological monitoring as a method of hygienic assessment of the impact of pesticides on workers // Hygiene and Sanitation. 2021. No. 100 (9). Pp. 1004–1008. https://doi.org/10.47470/0016–9900–2021–100–9–1004–1008

6. Glowicz J. B, Landon E, Sickbert-Bennett E. E, et al. SHEA/IDSA/APIC Practice Recommendation: Strategies to prevent healthcare-associated infections through hand hygiene: 2022 Update. Infect Control Hosp Epidemiol. 2023;44(3):355–376. doi:10.1017/ice.2022.304

7. Lawrence A. Evaluating the Effectiveness of Public Health Measures During Infectious Disease Outbreaks: A Systematic Review. Cureus. 2024;16(3): e55893. Published 2024 Mar 10. doi:10.7759/cureus.55893

8. McGeehin M. A, Qualters J. R, Niskar A.S. National environmental public health tracking program: bridging the information gap. Environ Health Perspect. 2004;112(14):1409–1413. doi:10.1289/ehp.7144

9. Ananyeva E. A., Monts E.A., Mindlina T.B. Education of ecological literacy of schoolchildren. Monitoring of the city's water bodies // Modern science-intensive technologies. 2021. No. 2. pp. 101–105. DOI 10.17513/snt.38501.

10. Bloomfield S.F, Ackerley L.M. Developing resilience against the threat of infectious diseases and anti-microbial resistance: Putting targeted hygiene into practice in home and everyday lives. Public Health Pract (Oxf). 2023;5:100362. doi:10.1016/j.puhip.2023.100362

11. Pleshchev I.E., Shubin L.B., Savgachev V.V., Shkrebko-Fedotovskaya D.A. Dynamics of social norms: motives for compliance, factors of change and integrative models // Socio-humanitarian knowledge. 2025. No. 7. pp. 432–436.

12. Berendes D, Martinsen A, Lozier M, et al. Improving water, sanitation, and hygiene (WASH), with a focus on hand hygiene, globally for community mitigation of COVID-19. PLOS Water. 2022;1(6):10.1371/journal.pwat.0000027. doi:10.1371/journal.pwat.0000027

13. Pieters M. M, Fahsen N, Hug C, Ishida K, Cordon-Rosales C, Lozier M.J. A Quasi-Experimental Pre-Post Assessment of Hand Hygiene Practices and Hand Dirtiness Following a School-Based Educational Campaign. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2025; 22(8):1198. https://doi.org/10.3390/ijerph22081198

14. Haleem A., Javaid M., Qadri M.A., Suman R., Understanding the role of digital technologies in education: A review. Sustainable Operations and Computers. 2022. Vol. 3. Pp. 275–285. https://doi.org/10.1016/j.susoc.2022.05.004.

15. Pleshchev I. E., Nikolaev R. Yu., Zhigalov S.A., Pleshcheva T.N. The future of education in the digital world: innovative platforms and social integration // Sociology. 2025. No. 8. pp. 160–165.

16. Vakaliuk T. A., Spirin O.M., Lobanchykova N.M., Martseva L.A., Novitska I. V, Kontsedailo V.V. Features of distance learning of cloud technologies for the quarantine organisation's educational process. Journal of Physics: Conference Series. 2021. Pp. 1840. DOI 10.1088/1742–6596/1840/1/012051

Метафорическая концептуализация искусственного интеллекта в текстах российских СМИ

Тан Вэньжань,
бакалавр, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 2254353709@qq.com

В статье рассматривается метафорическая концептуализация искусственного интеллекта в текстах российских средств массовой информации. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью ИИ в общественной жизни и необходимостью анализа языковых механизмов его репрезентации в медиадискурсе. Цель работы заключается в выявлении и систематизации основных моделей метафорического осмысления ИИ и определении их когнитивных и социокультурных функций. Методологическую основу исследования составляют положения теории концептуальной метафоры, когнитивной лингвистики, медиалингвистики и дискурс-анализа. В результате выделены антропоморфная, технократическая, конфликтная, партнёрская и эволюционно-прогностическая модели репрезентации ИИ. Установлено, что метафоризация выполняет когнитивную, оценочную, идеологическую и прогностическую функции, участвуя в формировании общественного восприятия цифровых технологий и конструировании образа технологического будущего. Делается вывод о системном характере метафорического моделирования ИИ в российском медиапространстве.

Ключевые слова: метафорическая концептуализация, искусственный интеллект, медиадискурс, когнитивная лингвистика, концептуальная метафора.

Введение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта в XXI веке привело к существенным трансформациям в сфере экономики, политики, образования, медицины и коммуникации. Искусственный интеллект постепенно выходит за пределы узкоспециализированной научной области и становится значимым фактором общественной жизни, оказывающим влияние на способы организации труда, принятия решений и конструирования социальных практик. В этих условиях возрастает роль средств массовой информации как ключевого посредника между научно-технологическим дискурсом и массовым сознанием. Именно медиадискурс формирует первичные интерпретационные рамки, через которые широкая аудитория осмысливает феномен ИИ, его возможности, риски и перспективы.

Особое значение в этом процессе приобретает метафора как когнитивный механизм структурирования знания. Современная когнитивная лингвистика рассматривает метафору не как стилистическое украшение текста, а как фундаментальный способ концептуализации действительности, обеспечивающий перенос структур из одной области опыта в другую. В медиадискурсе метафора выполняет функцию смыслового «моста», позволяя объяснять сложные технологические процессы через более доступные и культурно освоенные модели. Тем самым она становится инструментом не только когнитивного упрощения, но и аксиологической интерпретации, закрепляя определённые оценки и ожидания.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного анализа метафорических моделей, посредством которых искусственный интеллект репрезентируется в российских СМИ. Несмотря на наличие работ, посвящённых концептуализации ИИ в медийном пространстве и изучению метафоры в политическом и медиадискурсе, комплексное описание когнитивных и социокультурных функций метафоризации ИИ в контексте российских СМИ остаётся недостаточно разработанным. Между тем именно в медиасреде формируются устойчивые образы технологии как угрозы, как ресурса модернизации, как партнёра человека или как символа будущего. Эти образы влияют на общественное восприятие цифровой трансформации и на формирование стратегических нарративов развития.

Объектом исследования являются тексты российских средств массовой информации, в которых репрезентируется искусственный интеллект. Предметом исследования выступают модели метафорической концептуализации ИИ и их функциональная роль в медиадискурсе. Цель работы заключается в выявлении и описании основных метафорических моделей репрезентации искусственного интеллекта в российских СМИ, а также в определении их когнитивных и социокультурных функций. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: проанализировать теоретические основания исследования метафоры в когнитивной парадигме; систематизировать типовые модели метафорической концептуализации ИИ; определить их аксиологический и идеологический потенциал; выявить роль метафоры в формировании образа технологического будущего.

Методологическую основу исследования составляют положения теории концептуальной метафоры, принципы когнитивной лингвистики, медиалингвистический подход к анализу языка СМИ, а также элементы дискурс-анализа. Комплексное использование данных подходов позволяет рассматривать метафоризацию ИИ как результат взаимодействия когнитивных механизмов и дискурсивных стратегий, направленных на конструирование социально значимого образа технологии.

Научная новизна работы заключается в системном описании метафорических моделей репрезентации искусственного интеллекта в российских СМИ с акцентом на их функциональную многомерность. В отличие от исследований, сосредоточенных преимущественно на отдельных аспектах концептуализации, в данной статье метафоризация ИИ рассматривается как целостный механизм формирования общественного знания, включающий когнитивный, оценочный, идеологический и прогностический уровни. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении роли метафоры в цифровом медиадискурсе, практическая в возможности применения полученных выводов при анализе современных технологических нарративов и стратегий публичной коммуникации.

Теоретические основы исследования метафорической концептуализации

Теоретическая база настоящего исследования формируется в русле когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как инструмент концептуализации и интерпретации действительности. В центре внимания оказывается метафора не как стилистическое украшение речи, а как фундаментальный механизм мышления, посредством которого человек структурирует абстрактные явления через более конкретный и телесно освоенный опыт. Подобное понимание метафоры получило системное обоснование в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём», где доказывается, что метафорические структуры пронизывают повседневное сознание и предопределяют способы понимания мира [1]. Согласно их концепции, метафора представляет собой когнитивное отображение между двумя областями опыта доменом-источником и доменом-целью. Первый характеризуется большей наглядностью и эмпирической освоенностью, второй – абстрактностью и сложностью. Перенос структурных элементов источника на цель формирует устойчивые модели осмысления, которые затем получают языковую реализацию.

Применительно к исследованию медиарепрезентации искусственного интеллекта данное положение имеет принципиальное значение. ИИ как сложный технологический феномен не обладает непосредственной чувственной очевидностью для массового адресата, поэтому его осмысление в СМИ неизбежно опосредовано метафорическими моделями. Через домены-источники «человек», «механизм», «угроза», «партнёр», «революция» и др. формируются различные способы интерпретации искусственного интеллекта, задающие определённые когнитивные и оценочные рамки. Таким образом, метафорическая концептуализация в медиатексте выступает средством когнитивного упорядочивания новой реальности и одновременно инструментом её аксиологической интерпретации.

Развитие идеи системного анализа метафорических моделей в отечественной лингвистике связано с работами А.П. Чудинова, который рассматривает метафору как важнейший механизм конструирования социальной и политической реальности [2]. Исследователь подчёркивает, что метафорические образы в публичной коммуникации не только отражают, но и формируют представления адресата о социально значимых явлениях. Данное положение особенно релевантно для анализа образа искусственного интеллекта в СМИ, поскольку медиадискурс функционирует в пространстве общественного мнения и активно участвует в формировании коллективных оценок технологических процессов. Метафорические модели, закрепляясь в повторяющихся языковых формулах, создают устойчивые когнитивные схемы восприятия ИИ как угрозы, как помощника, как конкурента человека или как символа прогресса.

Понятие концептуализации в когнитивной лингвистике трактуется как процесс и результат структурирования знаний о мире в сознании человека. В «Кратком словаре когнитивных терминов» под редакцией Е.С. Кубряковой подчёркивается, что концептуализация предполагает формирование ментальных репрезентаций, организованных в виде когнитивных моделей, фреймов и сценариев [3]. Концепт как единица ментального уровня получает языковую объективацию через совокупность лексических, грамматических и дискурсивных средств. Следовательно, исследование медиатекстов позволяет реконструировать те когнитивные структуры, которые лежат в основе общественного понимания искусственного интеллекта.

Когнитивные модели представляют собой относительно устойчивые способы осмысления объекта, включающие типичные признаки, роли и отношения. Они могут реализовываться в форме фреймов структурированных схем знаний о типичных ситуациях, а также сценариев, описывающих динамику событий. Например, при концептуализации ИИ как «конкурента человека» активируется сценарий соревнования, предполагающий наличие соперников, победы и поражения; при интерпретации ИИ как «помощника» актуализируется фрейм сотрудничества и распределения функций. Языковая репрезентация этих моделей проявляется в выборе номинаций, глагольных предикатов, оценочных эпитетов и синтаксических конструкций, формирующих целостный образ явления.

Особое значение для настоящего исследования имеет понимание медиа-дискурса как пространства формирования и трансляции концептов. С позиций критического дискурс-анализа, представленного в трудах Т. А. ван Дейка, дискурс рассматривается как форма социальной практики, связанная с воспроизводством власти и идеологических установок [4]. Медиатексты не являются нейтральными отражениями реальности: они структурируют информацию в соответствии с определёнными стратегиями представления, задают интерпретационные рамки и тем самым влияют на массовое сознание. В этом контексте метафора выступает одним из ключевых инструментов идеологического воздействия, поскольку позволяет скрыто закреплять определённые оценки и ценностные ориентиры.

Специфика СМИ-дискурса проявляется в его публичности, ориентированности на широкую аудиторию, динамичности и прагматической направленности. Он сочетает информативную и оценочную функции, что обусловливает активное использование метафор как средства упрощения сложной информации и усиления экспрессивного эффекта. При описании искусственного интеллекта медиатексты не только сообщают факты, но и формируют эмоциональный фон восприятия от технооптимистического до техноскептического. Таким образом, метафорическая концептуализация ИИ в российских СМИ должна рассматриваться как результат взаимодействия когнитивных механизмов и дискурсивных стратегий, направленных на конструирование определённого образа технологического будущего.

В совокупности положения теории концептуальной метафоры, когнитивного понимания концептуализации и дискурсивного анализа медиатекста образуют целостную методологическую основу исследования. Они позволяют выявить устойчивые метафорические модели репрезентации искусственного интеллекта, описать их когнитивную структуру и определить их роль в формировании общественного восприятия данного феномена в современном российском медиапространстве.

Основные модели метафорической концептуализации ИИ в российских СМИ

Переходя от теоретико-методологических оснований к описанию типовых способов осмысления искусственного интеллекта в медиадискурсе, следует подчеркнуть, что метафорическая концептуализация ИИ в текстах российских СМИ проявляется как совокупность устойчивых интерпретационных схем, обеспечивающих «перевод» технологически сложного и во многом абстрактного явления в область социально и культурно узнаваемых представлений. В современной метафорологии, развивающейся в когнитивном направлении, подобные схемы рассматриваются как модели, конкурирующие и сосуществующие в дискурсе, а также как результат взаимодействия классической теории концептуальной метафоры с альтернативными подходами, уточняющими роль контекста, прагматики и жанровой специфики медиатекстов [5]. В данном разделе предлагается теоретически обоснованное выделение ключевых моделей метафорической концептуализации ИИ, характерных для российских СМИ, без обращения к статистическим процедурам: важным является не количественное распределение, а функционально-семантическая логика самих моделей и их дискурсивная роль.

Одной из наиболее продуктивных в медиадискурсе является антропоморфная модель, в рамках которой искусственный интеллект представляется как «разум», «помощник», «эксперт», «собеседник». Эта модель опирается на перенос признаков человеческого субъекта на техническую систему и проявляется в персонификации: ИИ «понимает», «советует», «ошибается», «учится», «принимает решения». Подобная гуманизация выполняет двоякую функцию. С одной стороны, она снижает когнитивную сложность технологического объекта, делая его доступным массовому пониманию через привычные категории личности, общения и компетентности. С другой стороны, антропоморфизация усиливает эффект агентности ИИ, закрепляя в общественном сознании представление о самостоятельной «воле» и «намерениях» алгоритмических систем. В этом контексте релевантны выводы исследований постгуманистического направления, где подчёркивается размывание границ между человеческим и нечеловеческим агентом в современных социальных практиках и дискурсах: медиапредставления могут нормализовать мысль о распределённой субъектности, в которой технологии становятся участниками социального взаимодействия [6]. Следовательно, антропоморфная метафоризация в СМИ не только объясняет ИИ, но и участвует в переопределении самого понятия субъекта в условиях цифровизации.

С антропоморфной моделью в медиапространстве тесно сопряжена, но функционально ей противопоставлена технократическая модель, где ИИ концептуализируется как «инструмент», «механизм», «система». В рамках данной модели акцент переносится на рациональность, управляемость и эффективность: ИИ описывается как средство оптимизации процессов, повышения точности, ускорения принятия решений. Такая концептуализация поддерживает прагматику технологического модернизационного дискурса и формирует представление о нейтральности и «объективности» алгоритмов. Вместе с тем технократическая метафорика в СМИ часто становится основой для управленческих и политико-коммуникативных стратегий: именно через образы «инструмента будущего» или «технологии развития» создаются

нарративы перспектив, проектируемые на общество. Отмечаемая в исследованиях проблематика «политики будущего» и способов её информационного сопровождения указывает на то, что образы будущего в публичной коммуникации формируются не только фактологически, но и через семантические конструкции, задающие желаемые горизонты ожиданий [7]. В таком ракурсе технократическая модель ИИ выполняет функцию легитимации технологических решений, закрепляя в медиадискурсе идею предсказуемого и управляемого прогресса.

Одновременно с рационализирующими интерпретациями в российских СМИ устойчиво присутствует метафора угрозы, в рамках которой ИИ осмысливается как «вызов», «опасность», «угроза», а также как фактор конкуренции человека и машины. Эта модель активирует конфликтные сценарии: соперничество на рынке труда, риски контроля и надзора, технологическая зависимость, возможность ошибок и катастрофических последствий. В дискурсивном плане «угроза» нередко становится способом драматизации информационного повода и усиления эмоционального вовлечения адресата. Однако в более широком смысловом горизонте метафора угрозы участвует в конструировании будущего как проблемного пространства, требующего мобилизации и регуляции. Исследования метафорических образов будущего в медиадискурсе показывают, что будущее часто репрезентируется через напряжённые оппозиции и предупреждающие сценарии, где метафора служит механизмом не просто описания, а нормативного прогнозирования и оценки [8]. Соответственно, «опасный ИИ» в российских СМИ может выступать семантическим узлом, в котором пересекаются страхи утраты контроля, конкуренции и неопределённости технологических трансформаций.

На фоне конфликтной рамки логически выделяется метафора партнёрства, задающая кооперативную модель взаимодействия человека и ИИ. В этой перспективе ИИ концептуализируется как «союзник», «коллега», «помощник», то есть как ресурс, расширяющий возможности человека и дополняющий его компетенции. Существенно, что данная модель смещает акцент с замещения на комплементарность: ИИ «поддерживает», «подсказывает», «помогает принимать решения», «снимает рутинную нагрузку». В медиадискурсе партнёрская метафорика часто работает как компенсатор по отношению к угрозам: она снижает уровень тревожности и формирует образ управляемого, «встроенного» в человеческие практики интеллекта. Показательно, что в исследованиях, посвящённых использованию искусственного интеллекта в задачах имиджевого моделирования, подчёркивается инструментально-коммуникативная роль ИИ как средства конструирования публичного образа и оптимизации медиастратегий: в таких случаях ИИ мыслится не как автономный конкурент, а как технологический партнёр, обслуживающий цели субъекта коммуникации [9]. Следовательно, партнёрская модель в российских СМИ способна выполнять функцию нормализации и «одомашнивания» ИИ, переводя его из зоны экзистенциального риска в зону практической полезности.

Наконец, обобщающей и во многом рамочной для перечисленных моделей выступает метафора развития и эволюции, представляющая ИИ как «революцию», «прорыв», «будущее». В данной концептуализации искусственный интеллект включается в большой нарратив технологического прогресса, а отдельные новости о разработках, внедрениях и регуляторных инициативах интерпретируются как элементы поступательного движения. Эта модель особенно важна для медиадискурса, поскольку она обеспечивает связность разрозненных сообщений и формирует «линейную» картину изменений: от настоящего к будущему через инновации. В то же время «революционная» метафорика часто усиливает символический статус технологии, придавая ей признаки исторической неизбежности и универсальности. Тем самым создаётся когнитивный фон, в котором и антропоморфизация (ИИ как новый «разум»), и технократическая инструментализация (ИИ как «система эффективности»), и тревожные сценарии угроз (ИИ как «опасность»), и партнёрская кооперация (ИИ как «союзник») оказываются частными вариантами более общего представления о переходе общества в новую технологическую эпоху.

В результате можно заключить, что метафорическая концептуализация искусственного интеллекта в российских СМИ строится вокруг нескольких базовых моделей, каждая из которых выполняет специфические когнитивные и прагматические функции: объяснительную (упрощение сложного), оценочную (задавание аксиологического вектора), прогностическую (конструирование образов будущего) и регулятивную (нормализация или проблематизация технологии). Именно на пересечении этих функций и формируется дискурсивный образ ИИ как значимого фактора современности и будущего, что обеспечивает логический переход к дальнейшему рассмотрению социокультурных эффектов метафоризации и её роли в формировании массового восприятия технологических процессов.

Когнитивные и социокультурные функции метафоризации ИИ

Метафорическая концептуализация искусственного интеллекта в российских СМИ реализуется не только как система устойчивых образов, но и как функциональный механизм организации общественного знания. В медиалингвистическом подходе подчёркивается, что язык СМИ представляет собой особую форму социальной практики, в которой информационная, оценочная и идеологическая функции неразделимы [10]. Следовательно, анализ метафоризации ИИ должен учитывать не только когнитивную природу метафоры, но и её роль в конструировании социокультурных смыслов.

Прежде всего метафора выполняет когнитивную функцию, связанную с упрощением сложных технологических понятий и формированием ментальных моделей. Искусственный интеллект как технологический феномен характеризуется высокой степенью абстрактности и профессиональной специализированности. Для массового адресата он становится понятным через перенос признаков из более освоенных областей опыта. Исследование Е.Н. Галичкиной показывает, что в российском медийном дискурсе ИИ концептуализируется через устойчивые семантические схемы, которые структурируют представления аудитории о его функциях, возможностях и границах применения [11]. Метафорические обозначения («мозг», «помощник», «инструмент», «система») создают когнитивные рамки, в пределах которых интерпретируется вся последующая информация. Тем самым метафора выступает механизмом общественного усвоения нового знания.

Однако когнитивная редукция сложности неизбежно сопряжена с оценочной функцией. Выбор домена-источника предопределяет аксиологический вектор интерпретации. В медиадискурсе оценочность является системной характеристикой, встроенной в способы номинации и интерпретации фактов. Антропоморфные и партнёрские модели, как правило, формируют позитивную аксиологию, усиливая доверие и ощущение контролируемости технологии. Напротив, метафоры угрозы и конкуренции актуализируют негативные коннотации, связанные с риском, неопределённостью и утратой контроля. Таким образом, через метафоризацию ИИ в общественном сознании закрепляются определённые эмоционально-ценностные установки, влияющие на отношение к цифровым трансформациям.

Оценочная функция закономерно перерастает в идеологическую. Метафорические конструкции в СМИ участвуют в формировании стратегических нарративов, задающих нормативные представления о направлении общественного развития. Исследования метафорических образов будущего демонстрируют, что через метафору создаются модели желаемого и нежелательного сценария социального движения [12]. В контексте искусственного интеллекта это проявляется в оппозиции технооптимизма и техноскептицизма. В первом случае ИИ описывается как ресурс модернизации, драйвер эффективности и инновационного роста; во втором – как источник рисков, требующий контроля и регуляции. Сходные механизмы идеологического моделирования выявлены в работах, посвящённых репрезентации государств и коллективных субъектов в политическом дискурсе, где метафора структурирует представление о стратегических целях и исторической миссии [13]. В применении к ИИ это означает, что медиатексты не только информируют о технологиях, но и закрепляют определённую интерпретационную матрицу цифрового развития.

Особое значение приобретает прогностическая функция метафоризации. Искусственный интеллект в СМИ почти неизбежно связывается с образом будущего: он обозначается как «прорыв», «революция», «новый этап», «цифровая эпоха». В исследованиях, посвящённых формированию образов будущего в публичной коммуникации, подчёркивается, что подобные метафоры обладают мобилизационным потенциалом и задают горизонты ожиданий. Они делают будущее наглядным и эмоционально насыщенным, превращая абстрактные прогнозы в символически оформленные сценарии. В результате инновации получают статус культурной ценности и символического капитала, а сам ИИ оказывается встроенным в нарратив исторической неизбежности технологического прогресса.

Таким образом, метафоризация искусственного интеллекта в российских СМИ выполняет комплекс взаимосвязанных функций. Когнитивная функция обеспечивает доступность и структурирование знания; оценочная –формирует эмоционально-ценностный фон восприятия; идеологическая – закрепляет стратегические модели цифрового развития; прогностическая – конструирует образ будущего и усиливает символическую значимость инноваций. Их взаимодействие позволяет рассматривать метафорическую концептуализацию ИИ как один из ключевых механизмов социального осмысления технологической реальности в современном российском медиадискурсе.

Заключение

Проведённое исследование показало, что метафорическая концептуализация искусственного интеллекта в российских СМИ представляет собой системный и многомерный процесс, в котором пересекаются когнитивные механизмы, дискурсивные стратегии и социокультурные установки. Анализ позволил выявить ряд устойчивых моделей репрезентации ИИ, среди которых особое место занимают антропоморфная, технократическая, конфликтная (модель угрозы), партнёрская и эволюционно-прогностическая. Каждая из этих моделей опирается на определённые домены-источники и формирует специфические интерпретационные рамки, задающие способы понимания технологического феномена. В медиадискурсе данные модели функционируют не изолированно, а во взаимодействии, что обусловливает многослойность и внутреннюю противоречивость образа искусственного интеллекта: он одновременно может выступать как автономный субъект, как управляемый инструмент, как источник риска и как символ исторического прогресса. Тем самым подтверждается положение о том, что метафора в СМИ выполняет не только объяснительную, но и конструирующую функцию, участвуя в формировании общественной картины технологической реальности.

Функциональный анализ показал, что метафоризация ИИ реализует комплекс взаимосвязанных задач. На когнитивном уровне она обеспечивает доступность и структурирование сложного знания, формируя ментальные модели, через которые массовая аудитория осмысливает алгоритмические технологии. На оценочном уровне метафора задаёт аксиологический вектор интерпретации, закрепляя позитивные или негативные установки в отношении цифровых трансформаций. На идеологическом уровне метафорические конструкции участвуют в формировании стратегических нарративов развития, в рамках которых искусственный интеллект включается в более широкий дискурс модернизации, конкурентоспособности или, напротив, риска и необходимости контроля. Наконец, на прогностическом уровне метафоризация конструирует образ будущего, придавая технологическим процессам символическую значимость и историческую перспективу. В совокупности эти функции свидетельствуют о том, что метафора выступает одним из ключевых инструментов социального осмысления инноваций в современном медиапространстве.Полученные результаты позволяют рассматривать медиадискурс как важнейшую площадку формирования общественного восприятия искусственного интеллекта и подтверждают продуктивность когнитивно-дискурсивного подхода к анализу цифровых технологий. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с сопоставительным анализом различных типов дискурса (политического, экспертного, сетевого), изучением динамики метафорических моделей во временном аспекте, а также с межкультурным сопоставлением способов концептуализации ИИ в разных языковых сообществах. Это позволит углубить понимание механизмов языкового конструирования технологической реальности и уточнить роль метафоры в трансформации современного общественного сознания.

Литература

1. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004. – 252 с.
2. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – 245 с.
4. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 8 с.
5. Новицкая И.В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. – 2019. – № 46. – С. 76–101.
6. Катерный И.В. Постгуманизм: критический анализ социальных и дискурсивных практик: дис. … наук. – 2022. – 433 с.
7. Домбровская А. Ю., Огнев А.С. Возможности проективного эксперимента в формировании стратегии информационного сопровождения политики будущего // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 108–123.
8. Зарипов Р.И. Метафорические образы будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года на материале французских СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 699–713.
9. Скворцова Н.С. Метафорическое моделирование имиджа политика с применением искусственного интеллекта (на материале британской прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 11. – С. 4738–4746.
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта, 2008. – 203 с.
11. Галичкина Е.Н. Концептуализация искусственного интеллекта в российском медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 5. – С. 124–137.
12. Солопова О. А., Будаев Э.В., Бойко А.В. Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР // Политическая лингвистика. – 2020. – № 6 (84). – С. 96–107.
13. Мэйци Л., Солопова О.А. Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 98–105.

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIAN MEDIA TEXTS

Tang Wenran
Heilongjiang University

The article examines the metaphorical conceptualization of artificial intelligence in Russian media texts. The relevance of the study is determined by the growing role of AI in contemporary social life and the need to analyze the linguistic mechanisms of its representation in media discourse. The aim of the research is to identify and systematize the main models of metaphorical interpretation of AI and to determine their cognitive and socio-cultural functions. The methodological framework is based on conceptual metaphor theory, cognitive linguistics, media linguistics, and discourse analysis. The study identifies anthropomorphic, technocratic, conflict-based, partnership, and evolutionary-prognostic models of AI representation. It is established that metaphorization performs cognitive, evaluative, ideological, and prognostic functions, contributing to the formation of public perceptions of digital technologies and the construction of the image of the technological future. The findings demonstrate the systemic character of metaphorical modeling of AI in Russian media discourse.

Keywords: metaphorical conceptualization, artificial intelligence, media discourse, cognitive linguistics, conceptual metaphor.

References

1. Lakoff, D., and Johnson, M. Metaphors We Live By. Moscow: URSS, 2004, 252 p.
2. Chudinov, A.P. Metaphorical Mosaic in Contemporary Political Communication. Yekaterinburg, 2003, 248 p.
3. Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z., Luzina, L. G., et al. A Brief Dictionary of Cognitive Terms. Moscow, 1996, 245 p.
4. Dijk, T. A. van. Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication. Moscow: Librocom Book House, 2013, 8 p.
5. Novitskaya I.V. Theory of Conceptual Metaphor and the Development of Alternative Concepts within the Framework of the Cognitive Direction of Metaphorology (Based on Materials from Modern English Studies) // Language and Culture. – 2019. – No. 46. – P. 76–101.
6. Katerny I.V. Posthumanism: A Critical Analysis of Social and Discursive Practices: Diss. … sciences. – 2022. – 433 p.
7. Dombrovskaya A. Yu., Ognev A.S. The Potential of a Projective Experiment in Forming a Strategy for Information Support of Future Politics // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2025. – Vol. 20, No. 1. – P. 108–123.
8. Zaripov R.I. Metaphorical Images of Russia's Future in the Context of the 2020 Constitutional Reform Based on French Media // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. – 2021. – Vol. 12, No. 3. – Pp. 699–713.
9. Skvortsova N.S. Metaphorical Modeling of a Politician's Image Using Artificial Intelligence (Based on the British Press) // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. – 2025. – Vol. 18, No. 11. – Pp. 4738–4746.
10. Dobrosklonskaya T.G. Media Linguistics: A Systems Approach to Studying the Language of the Media. – Moscow: Flinta, 2008. – 203 p.
11. Galichkina E.N. Conceptualization of Artificial Intelligence in Russian Media Discourse // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. – 2024. – Vol. 23, No. 5. – P. 124–137.
12. Solopova O. A., Budaev E.V., Boyko A.V. Metaphorical Image of Russia's Future in China's Non-Institutional Political Internet Discourse // Political Linguistics. – 2020. – No. 6 (84). – P. 96–107.
13. Meiqi L., Solopova O.A. Metaphorical Modeling of China's Image in Modern Political Discourse // Political Linguistics. – 2021. – No. 2 (86). – P. 98–105.

Современное российское общество: преодоление ключевых социальных проблем

Тепикин Виталий Владимирович,
канд. ист. наук, профессор Российской академии естественных наук
E-mail: vit.tepikin@yandex.ru

Статья посвящена анализу ключевых социальных проблем, стоящих перед современным российским обществом, и путям их преодоления. Рассматриваются такие аспекты, как демографические вызовы, социальное неравенство, проблемы здравоохранения, образования и экологии. Особое внимание уделяется государственным программам, гражданским инициативам и научным исследованиям, направленным на решение этих проблем. Статья опирается на актуальные статистические данные, социологические исследования и экспертные оценки, предлагая комплексный взгляд на динамику социальных изменений в России.

Автор признаёт демографическую ситуацию в стране до сих пор одной из наиболее острых. Отталкиваясь от периода критического демографического спада 1990-х годов, он убедительно показывает усилия власти в мерах поддержки молодых семей, стимулирования деторождения, поднятия престижа многодетности, констатируя при этом противостояние демографическому росту высокого уровня смертности. По выявленной статистике убыль населения России в первой четверти XXI века преимущественно провоцируется сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, последствиями пандемии COVID-19. Не хватает, особенно в провинции, высокотехнологичной медицинской помощи. В социальном неравенстве населения, замедляющем формирование среднего класса России, автор видит порождение напряжённости, с которой нельзя не считаться. Притом, согласно статье, следует выстраивать преодоление неравенства как между отдельными социальными группами, так и между регионами, для чего требуются продуманные структурные реформы, которые должны включать в себя решение и других вышеуказанных проблем.

Ключевые слова: российское общество, социальные проблемы, демография, неравенство, здравоохранение, образование, экология.

Современное российское общество находится в состоянии динамичных трансформаций, обусловленных как внутренними процессами, так и глобальными вызовами. Период постсоветской модернизации привёл к формированию новой социальной структуры, изменению ценностных ориентаций и появлению ряда острых социальных проблем. Понимание этих проблем и поиск эффективных путей их преодоления являются ключевыми задачами для устойчивого развития страны. Данная статья ставит своей целью систематизировать и проанализировать основные социальные вызовы, с которыми сталкивается Россия, а также оценить эффективность предпринимаемых усилий по их разрешению.

Демографическая ситуация в России остаётся одной из наиболее острых социальных проблем. Снижение рождаемости, высокая смертность (особенно среди трудоспособного населения) и старение населения создают серьёзные риски для экономического роста и социальной стабильности [1]. После периода демографического спада 1990-х годов наблюдался некоторый рост рождаемости, во многом благодаря реализации национальных проектов и программ поддержки семей. Ключевым инструментом стал «материнский капитал», введённый в 2007 году [2]. Эта мера, по мнению ряда исследователей, оказала значительное влияние на увеличение числа вторых и последующих рождений [3]. Однако, начиная с середины 2010-х годов, рождаемость вновь демонстрирует тенденцию к снижению, что связывается с сокращением числа женщин репродуктивного возраста, изменением репродуктивных стратегий и экономическими факторами [4]. В ответ на эти вызовы государство продолжает расширять меры поддержки семей. В 2020 году программа материнского капитала была продлена и распространена на рождение первого ребёнка, а также увеличен размер маткапитала [5]. Вводятся новые льготы для многодетных семей, программы ипотечного кредитования с государственной поддержкой. Тем не менее, для устойчивого роста рождаемости необходим комплексный подход, включающий улучшение жилищных условий, развитие инфраструктуры для детей, повышение доходов населения и формирование благоприятной социальной среды для семей с детьми [6].

Высокий уровень смертности, особенно от неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистые, онкологические), а также от внешних причин (ДТП, отравления, самоубийства), остаётся серьёзной проблемой. Пандемия COVID-19 также оказала значительное влияние на показатели смертности, выявив уязвимости системы здравоохранения. Для преодоления этой проблемы реализуются национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография», направленные на модернизацию первичного звена здравоохранения, развитие высокотехнологичной медицинской помощи, профилактику заболеваний и формирование здорового образа жизни. Особое внимание уделяется борьбе с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, а также снижению смертности от ДТП.

Однако, несмотря на значительные инвестиции, сохраняются проблемы доступности качественной медицинской помощи в регионах, дефицита кадров, а также недостаточного уровня профилактической работы с населением. Эффективное преодоление высокой смертности требует не только развития медицинской инфраструктуры, но и системной работы по формированию культуры здорового образа жизни, борьбе с вредными привычками и повышению экологической безопасности.

Социальное неравенство, проявляющееся в значительной дифференциации доходов, доступе к качественным услугам и возможностям, является одной из наиболее острых проблем российского общества. Оно порождает социальную напряжённость, препятствует формированию среднего класса и замедляет экономическое развитие [7].

По данным Росстата, коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения к 10% наименее обеспеченного) в России остаётся высоким, хотя и демонстрирует некоторую стабилизацию в последние годы. Значительное неравенство наблюдается не только между различными социальными группами, но и между регионами. Крупные города, особенно Москва и Санкт-Петербург, концентрируют значительную часть экономических ресурсов и высокооплачиваемых рабочих мест, в то время как многие регионы сталкиваются с оттоком населения и стагнацией.

Для сокращения неравенства доходов государство реализует ряд мер, включая повышение минимального размера оплаты труда (МРОТ), индексацию пенсий, социальных выплат, а также адресную социальную поддержку малоимущих граждан [8]. В рамках национальных проектов «Производительность труда и поддержка занятости» и «Малое и среднее предпринимательство» предпринимаются попытки стимулировать экономический рост в регионах и создавать новые рабочие места. Но для достижения более существенных результатов необходимы структурные реформы, направленные на диверсификацию экономики, развитие конкуренции, повышение прозрачности распределения ресурсов и борьбу с коррупцией.

Неравенство проявляется также в доступе к качественному образованию, здравоохранению и другим социальным услугам. Различия в качестве образования между городскими и сельскими школами, между элитными и обычными учебными заведениями, создают неравные стартовые возможности для молодёжи. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере здравоохранения, где доступ к высокотехнологичной медицинской помощи и квалифицированным специалистам зачастую зависит от места жительства и уровня дохода.

Для решения этой проблемы реализуются программы по модернизации региональных систем образования и здравоохранения, развитию телемедицины и дистанционного обучения. В рамках национального проекта «Образование» предпринимаются усилия по созданию современных образовательных центров, поддержке талантливых детей и повышению квалификации педагогов. При этом для преодоления глубоко укоренившегося неравенства в доступе к социальным услугам требуется не только увеличение финансирования, но и совершенствование механизмов распределения ресурсов, повышение эффективности управления и развитие гражданского контроля за качеством предоставляемых услуг.

Система образования в России переживает период реформ, направленных на повышение её качества, доступности, соответствия потребностям современного рынка труда. Но сохраняется ряд проблем, требующих системного подхода. Одной из ключевых я бы назвал разрыв между качеством подготовки выпускников и требованиями работодателей. Многие выпускники вузов и колледжей испытывают трудности с трудоустройством по специальности, что указывает на недостаточную адаптацию образовательных программ к реалиям экономики. Кроме того, всё ещё наблюдаются снижение престижа рабочих профессий и отток талантливой молодёжи из регионов в крупные образовательные центры.

Несмотря на формальную доступность образования, сохраняются проблемы, связанные с качеством образовательных услуг в отдалённых регионах и сельской местности. Цифровизация образования, активно развивающаяся в последние годы, особенно в условиях пандемии COVID-19, открывает новые возможности для преодоления этих барьеров [9]. Внедрение дистанционных образовательных технологий, создание онлайн-курсов и цифровых образовательных платформ позволяет расширить доступ к качественному контенту и экспертным знаниям. При этом цифровизация также бросает новые вызовы [10], связанные с обеспечением равного доступа к интернету и цифровым устройствам, подготовкой педагогов к работе в цифровой среде и разработкой эффективных методик дистанционного обучения. Для успешного преодоления этих проблем необходимо не только инвестировать в цифровую инфраструктуру, но и развивать цифровую грамотность населения, создавать инклюзивные цифровые образовательные среды, учитывающие потребности различных групп учащихся.

Экологические проблемы в России, обусловленные как историческим наследием индустриализации, так и современными вызовами, оказывают значительное влияние на здоровье населения и качество жизни. Одной из наиболее острых проблем мне видится загрязнение атмосферного воздуха в промышленных городах, загрязнение водных ресурсов и накопление твёрдых коммунальных отходов (ТКО). Недостаточно развитая система переработки отходов приводит к образованию многочисленных свалок, что негативно сказывается на экологии и здоровье граждан.

Россия, как страна с обширной территорией и разнообразными климатическими зонами, сталкивается с последствиями изменения климата (учащение экстремальных погодных явлений, таяние вечной мерзлоты и изменение биоразнообразия). Изменения создают вполне конкретные риски для экономики, инфраструктуры, здоровья населения. В ответ на эти вызовы Россия разрабатывает и реализует стратегии адаптации к изменению климата, включая меры по снижению выбросов парниковых газов, развитию возобновляемых источников энергии, по защите населения и инфраструктуры от климатических рисков. Важным направлением является также развитие научного потенциала в области климатологии и экологии, а также международное сотрудничество по вопросам изменения климата. Для эффективного противодействия климатическим изменениям необходим, на мой взгляд, комплексный подход, включающий не только технологические решения, но и изменение моделей потребления, развитие «зелёной» экономики и повышение осведомлённости населения о климатических рисках.

Литература

1. Демографический ежегодник России. 2023: Статистический сборник / Росстат. М.: Росстат, 2023. – 350 с.
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 28.12.2022).
3. Вишневский А.Г. Демографические тенденции в России: прошлое, настоящее, будущее // Мир России. Социология. Этнология. 2010. № 1. С. 3–25.
4. Синявская О.В. Демографические тренды и политика народонаселения в России // Вопросы экономики. 2019. № 10. С. 5–24.
5. Указ Президента РФ от 11.03.2020 № 196 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей при рождении детей».
6. Каравай А.В. Факторы, влияющие на репродуктивное поведение российских семей // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 87–96.
7. Григорьев Л.М. Российское общество: трансформация и новые вызовы. М.: Весь Мир, 2022. – 300 с.
8. Смирнова О.П. Региональное развитие и преодоление социального неравенства в России. М., Форум, 2023. – 270 с.
9. Козлов Р.В. Влияние пандемии COVID-19 на социальные процессы в России. М.: КноРус, 2021. – 260 с.
10. Новиков С.А. Социальные риски и безопасность в современном российском обществе. М.: Дашков и К°, 2026. – 330 с.

MODERN RUSSIAN SOCIETY: OVERCOMING KEY SOCIAL PROBLEMS

Tepikin V.V.
Russian Academy of Natural Sciences

This article focuses on analyzing the key social issues facing modern Russian society and exploring ways to address them. It examines aspects such as demographic challenges, social inequality, healthcare issues, education, and environmental concerns. The article pays special attention to government programs, civil initiatives, and scientific research aimed at solving these problems. It relies on current statistical data, sociological studies, and expert assessments, providing a comprehensive view of the dynamics of social changes in Russia. The author acknowledges that the country's demographic situation remains one of the most pressing issues. Starting from the period of the critical demographic decline in the 1990s, he convincingly demonstrates the government's efforts to support young families, encourage childbirth, and raise the prestige of large families, while acknowledging the challenges posed by high mortality rates. According to the identified statistics, Russia's population decline in the first quarter of the 21st century is primarily caused by cardiovascular and oncological diseases, as well as the consequences of the COVID-19 pandemic. There is a lack of high-tech medical care, especially in the provinces. The author sees the social inequality of the population, which slows down the formation of Russia's middle class, as a source of tension that cannot be ignored. Moreover, according to the article, it is necessary to overcome the inequality both between individual social groups and between regions, which requires well-thought-out structural reforms that should also address the other issues mentioned above.

Keywords: Russian society, social problems, demography, inequality, healthcare, education, and ecology.

References

1. Demographic Yearbook of Russia. 2023: Statistical Collection / Rosstat. Moscow: Rosstat, 2023. – 350 p.
2. Federal Law No. 256-FZ of December 29, 2006, «On Additional Measures of State Support for Families with Children» (as amended on December 28, 2022).
3. Vishnevsky A.G. Demographic Trends in Russia: Past, Present, and Future // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2010. No. 1. Pp. 3–25.
4. Sinyavskaya O.V. Demographic Trends and Population Policy in Russia // Economic issues. 2019. No. 10. Pp. 5–24.
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 196 dated March 11, 2020, «On Additional Measures of State Support for Families with Children».
6. Karavay A.V. Factors Influencing the Reproductive Behavior of Russian Families // Sociological Research. 2021. No. 5. Pp. 87–96.
7. Grigoriev L.M. Russian Society: Transformation and New Challenges. Moscow: The Whole World, 2022. – 300 p.
8. Smirnova O.P. Regional Development and Overcoming Social Inequality in Russia. Moscow: Forum, 2023. – 270 p.
9. Kozlov R.V. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Social Processes in Russia. Moscow: KnoRus, 2021. – 260 p.
10. Novikov S.A. Social Risks and Security in Contemporary Russian Society. Moscow: Dashkov and Co., 2026. – 330 p.

Геймификация как инновационное направление в обучении студентов вузов на современном этапе

Турчина Жанна Евгеньевна,
к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina-09@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Шарова Ольга Яновна,
к.м.н., доцент кафедры сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: moja03@yandex.ru

Лисовская Наталья Михайловна,
к.м.н., доцент кафедры сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: diltiazem@bk.ru

Спирина Александра Александровна,
преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: Aspirinka-007@yandex.ru

В статье исследована проблема внедрения геймификации как инновационного направления в обучении студентов вузов. Отмечено, что традиционные методы преподавания часто не обеспечивают должного уровня активности студентов, что обусловливает потребность в интеграции новых подходов к организации учебного процесса. Геймификация рассматривается как эффективный инструмент привлечения студентов к активной учебной деятельности путем использования игровых механик, которые формируют положительную эмоциональную среду и обеспечивают систематическое и глубокое усвоение знаний. Целью статьи является теоретическое обоснование и практический анализ возможностей применения технологий геймификации в процессе обучения. В процессе исследования охарактеризованы основные подходы к определению сущности геймификации, проанализированы методы ее внедрения в учебный процесс, предложена классификация методов в соответствии с характером деятельности студентов, способа подачи учебного материала, уровня творческой активности и степени интегрированности геймификации. Обобщенные результаты исследования свидетельствуют о том, что применение геймификации существенно повышает уровень мотивации студентов, активизирует их познавательную деятельность, способствует развитию навыков самостоятельного обучения и критического мышления. Установлено, что эффективность геймификации обучения напрямую зависит от обоснованного отбора игровых элементов, их соответствия учебным целям и адаптации к уровню подготовки студентов. Подчеркнута важность соблюдения принципов целеустремленности, системности и адаптивности при внедрении геймификации в образовательный процесс.

Ключевые слова: геймификация, игровые технологии, методика обучения, мотивация студентов, интерактивные платформы.

Введение

В современной системе образования все больше внимания уделяется внедрению инновационных подходов, способствующих активизации познавательной деятельности учащихся. Одним из перспективных направлений совершенствования учебного процесса признается геймификация – использование игровых элементов в педагогической практике для стимулирования познавательной активности, повышения заинтересованности студентов и улучшения качества усвоения знаний [1]. Актуальность интеграции геймификации в процесс обучения обусловлена необходимостью преодоления трудностей, связанных с традиционным механическим усвоением знаний, что часто сопровождается снижением мотивации студентов [2].

Целью статьи является теоретическое обоснование и анализ возможностей использования геймификации как инновационного направления в обучении студентов вузов. В рамках исследования предполагается определить эффективность технологий геймификации, очертить основные преимущества и потенциальные вызовы их применения в образовательном процессе, а также предложить направления совершенствования преподавания на основе интеграции игровых элементов.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе литературы, посвященной вопросам геймификации обучения. Критериями отбора литературных источников стали период публикации (2020–2025 гг.), а также язык публикации (английский, русский). Использовались методы анализа научной литературы, сравнительного и системного анализа.

Результаты исследования

Исследователи определяют геймификацию как процесс применения игровых механик, дизайна и мышления в неигровых контекстах для привлечения конечных пользователей к решению проблем [3].

К основным аспектам геймификации относятся:

1) динамика – использование сценариев, которые привлекают внимание пользователя и требуют реакции в реальном времени;

2) механика – использование элементов сценария, характерных для геймплея, например, виртуальные вознаграждения, статусы, баллы, виртуальные товары и т.п.;

3) эстетика – создание общего игрового впечатления, которое способствует эмоциональному включению;

4) социальное взаимодействие – широкий спектр техник, обеспечивающий взаимодействие между пользователями, характерное для игровых технологий [4].

В контексте преподавания геймификация имеет целью создание положительной эмоциональной среды, которая обеспечивает высокую вовлеченность студентов и формирует внутреннюю мотивацию к обучению [5].

Под геймификацией обучения (далее – ГО) ученые понимают использование игр, игровых техник и игровых практик в образовательных целях с целью стимулирования мотивации и привлечения студентов к активному обучению. Этот подход базируется на идее, что элементы игры, такие как баллы, достижения, уровни, лидерские доски, могут сделать процесс обучения более интересным, увлекательным и мотивирующим.

Согласно мнению ряда ученых [6], ГО обеспечивает:

1) выполнение заданий, направленных на формирование и оценку компетенций;

2) мониторинг уже имеющихся, а также требующих развития компетенций;

3) итоговое формирование требуемых компетенций в ходе игрового процесса [6].

Ценность ГО состоит в том, что она привлекает студентов к процессу обучения благодаря соревновательному характеру игры, основанному на человеческой потребности в конкуренции и повышении статуса. Таким образом, главным преимуществом ГО является ее мотивационный аспект.

Внедрение ГО в образовательный процесс вуза требует соблюдения следующих принципов:

1) принцип целеустремленности, согласно которому игровая деятельность должна соответствовать образовательным задачам,

2) принцип системности, который заключается в том, что ГО должна охватывать все этапы работы с учебным материалом;

3) принцип адаптивности, который подразумевает необходимость гибкого подхода к выбору учебной игры в зависимости от индивидуальных особенностей студентов [7].

Соблюдение вышеперечисленных принципов обеспечит повышение эффективности учебного процесса.

На основании анализа литературы [8, 9, 10], выделены основные характеристики ГО, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1. Основные характеристики геймификации

№	Характеристика ГО	Результат
1	индивидуализация обучения (учет индивидуальных потребностей и уровня знаний студентов)	развитие мотивации и самоорганизации обучения, стимулирование интереса к обучению
2	проблемно-ориентированное обучение	формирование навыков принятия решений в условиях неопределенности, развитие критического мышления
3	социальное взаимодействие и командная работа	развитие коммуникативных навыков, навыков сотрудничества и взаимной поддержки, формирование здоровой конкуренции и учебной мотивации
4	наличие оперативной обратной связи	повышение мотивации и позитивного отношения к учебе, благодаря возможности оперативного оценивания результатов обучения
5	оценивание посредством визуализации учебных достижений (бейджей, баллов и т.п.)	повышение удовлетворенности от полученных результатов и мотивации к продолжению игровой деятельности
6	эмоциональная связь с учебным материалом	повышение заинтересованности в обучении

Использование геймификации в процессе обучения осуществляется путем сочетания традиционных и инновационных методов. К традиционным методам обучения относятся объяснительно-иллюстративный, репродуктивный и проблемно-поисковый методы, которые направлены на постепенное усвоение знаний посредством демонстрации примеров, многократного воспроизведения образцов и активного привлечения студентов к анализу изучаемых явлений [9].

В то же время интеграция элементов геймификации позволяет значительно активизировать эти методы, трансформируя их в более динамичные и мотивационно ориентированные формы работы.

В зависимости от уровня творческой активности студентов, методы ГО можно классифицировать на репродуктивные (применение готовых игровых упражнений) и продуктивные (создание собственных игр, заданий или квестов студентами самостоятельно или в группах). Практика показывает, что именно продуктивные методы ГО способствуют более глубокому усвоению знаний и развитию критического мышления.

Отдельно целесообразно выделить классификацию методов ГО по степени интегрированности геймификации в учебный процесс. В этом контексте различают частичную и полную ГО. Так, частичная ГО реализуется путем включения игровых элементов на отдельных этапах занятия. Полная ГО предполагает построение всего учебного курса или отдельного блока в виде игры. Такой подход способствует глубокой интеграции учебного содержания в сознание учащихся через последовательное выполнение игровых миссий. Эффективность той или иной модели зависит от учебной цели, уровня подготовки студентов и специфики учебного контента.

В рамках практической реализации геймификации в процессе обучения исследователи выделяют следующие методы ГО:

– имитационные методы предполагают участие студентов в ролевых играх, в которых они смогут использовать на практике полученные знания в смоделированных ситуациях. Например, целесообразным является проведение ролевой игры, во время которой студенты выступают в роли адвокатов и прокуроров, аргументируя правильность или неправильность выполнения заданий ранее проведенного теста. Участие в ролевых играх способствует развитию у студентов речевой аргументации и критического анализа [11];

– тренировочные методы представляют собой многократное повторение игровых упражнений с целью закрепления знаний. Примером тренировочных методов ГО является командный квест, где каждое правильно выполненное задание позволяет перейти к следующему этапу учебной игры. Этот подход обеспечивает сочетание индивидуальной работы и командного взаимодействия, оказывая позитивное влияние на усвоение учебного материала [9];

– репродуктивные методы предусматривают выполнение заранее подготовленных игровых заданий и ориентированы на применение в ходе игры ранее полученных знаний [8];

– продуктивные методы предусматривают самостоятельное создание студентами учебных материалов. Одним из вариантов является задача подготовить собственную викторину на платформе Kahoot и провести ее для других членов студенческой группы. Благодаря этому у студентов формируются навыки самостоятельной работы и творческой деятельности;

– фронтальные методы предусматривают привлечение группы студентов к решению поставленных игровых задач. В частности, использование игр в формате интерактивной платформы Quizizz позволяет студентам конкурировать за правильные ответы, используя ограниченный ресурс баллов. Благодаря игровому взаимодействию в процессе командной работы, у студентов повышается эффективность получения знаний и стимулируется развитие стратегического мышления [8];

– индивидуализированные методы способствуют развитию автономности студентов. Примером является использование ресурсов платформы ISL Collective для подготовки персонализированных упражнений в соответствии с уровнем знаний каждого студента, что позволяет учитывать индивидуальные темпы усвоения учебного материала каждым студентом и определить необходимость в дополнительной проработке того или иного учебного материала.

При этом, чередование командных и индивидуальных форм работы, а также постепенное усложнение игровых заданий способствуют сохранению интереса студентов к учебной игре.

Использование геймификации способствует коммуникативно-деятельностному характеру обучения и способствует мотивации и повышению качества обучения. Все это определяет функции учебной игры как средства психологического, социально-психологического и педагогического воздействия на личность.

Однако успешная организация учебного процесса с использованием технологий геймификации требует предварительного изучения особенностей студенческой аудитории, определения основных ценностей целевой аудитории, четко сформулированной цели и основных задач еще до этапа создания гейм-групп, определения ожидаемых целей и результатов среди студентов и подбора оптимальных способов и видов игровой активности, соответствующих всем особенностям участников [1].

Таблица 2. Организационно – педагогические условия

№	Организационно-педагогические условия	Описание
1	Определение учебных целей геймификации	Учебные цели ГО составляют основу разработки игрового контента, позволяют преподавателю использовать игровые элементы в соответствии с желаемым результатом. Учебные цели ГО должны быть конкретными (specific), измеряемыми (measurable), достижимыми (achievable), актуальными (relevant) и ограниченными по срокам (time-bound).
2	Разработка игрового алгоритма	При проектировании учебной игры необходимо определить поэтапную последовательность действий всех ее участников
3	Определение характеристик игроков	Для назначения игрокам выполнения тех или иных игровых действий необходимо дифференцировать участников учебной игры по психологическим типам и уровню имеющихся знаний, определить их потребности и мотивацию к выполнению определенных действий
4	Содействие конкуренции или сотрудничеству	Включение элементов конкуренции (таблицы лидеров, рейтингов) или сотрудничества (работа в команде, групповые квесты) способно повысить уровень вовлеченности и интерес к игровой деятельности
5	Соблюдение баланса сложности	Игровые задания должны быть достаточно сложными, чтобы заинтересовать студентов, но при этом соразмерными их возможностям и уровню знаний, чтобы не демотивировать студентов

С появлением цифровых технологий инструменты геймификации стали более разнообразными, предлагая участникам различные способы для эффективного использования элементов игры. В условиях цифровизации к компонентам геймификации относят внешние

атрибуты: аватар пользователя, уровни игры, виртуальные предметы, виртуальные вознаграждения. В связи с чем, инновационный аспект геймификации заключается в применении цифровой мотивации. Современное поколение с раннего детства является частью цифровой среды, позволяющей эффективно выполнять большинство рутинных задач с помощью разнообразных цифровых устройств [12].

Для реализации эффективного внедрения ГО необходимо учитывать также ее организационно-педагогические условия, которые представлены в табл. 2.

Заключение

На основании результатов исследования можно сделать вывод, что геймификация обучения является одним из наиболее перспективных и инновационных подходов к преподаванию учебных дисциплин в условиях высшей школы. Успешность геймификации учебного процесса возможна при наличии постоянного контроля результатов обучения и обеспечения баланса между развлекательным и обучающим аспектами игры. В статье показано, что геймификация обучения не только повышает учебную мотивацию студентов, но и способствует активизации их когнитивной деятельности и формированию навыков практического использования имеющихся знаний в приближенных к реальным условиях, обеспечивает создание эмоционально позитивной среды обучения.

Литература

1. Жуйкова С.А. Геймификация как инновационная образовательная технология обучения в вузе // Педагогика и психология: академический журнал. 2025. № 4 (11). С. 19–22.
2. Липатова С. Д., Хохолева Е.А. Геймификация как педагогическая технология активизации учебной мотивации студентов вуза // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № . 1 (37). С. 44–51.
3. Sailer M., Homner L. The gamification of learning: A metaanalysis // Educational Psychology Review. 2020. Vol. 32(1). pp. 77–112.
4. Kucher T. Principles and best practices of designing digital game-based learning environments // International Journal of Technology in Education and Science (IJTES). 2021. Vol. 5(2). pp. 213–223.
5. Абоимова И.С., Бакшеев А.И., Александрова И.Б., Ракитянская А.И., Анкудинов Н.В. Культура современной молодежи: социальный аспект и основные тенденции развития // Социология. 2023. № 3. С. 257–262.
6. Емалетдинова Г.Э. Цилицкий В.С., Шершукова Н.В., Калимуллин Д., Виноградова И.В. Геймификация как метод обучения: особенности и возможности // Московский экономический журнал. 2022. № 3. С. 72–81.
7. Alsadoon E., Alkhawajah A., Suhaim A. Effects of a gamified learning environment on students' achievement, motivations, and satisfaction // Heliyon. 2022. Vol. 8(8). e10249. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10249
8. Hebebci M.T., Alan S. Gamification in education: An overview of the literature // A. Csiszárik-Kocsir & P. Rosenberger (Eds.), Current Studies in Social Sciences. 2021. pp. 174–194.
9. Sailer M., Homner L. The gamification of learning: A metaanalysis // Educational Psychology Review. 2020. Vol. 32(1). pp. 77–112.
10. Козачек А.В., Махмудов И.А., Денисова О.И., Бакшеев А.И. Повышение учебной мотивации студентов средствами геймификации // ЦИТИСЭ. 2025. № 4 (46). С. 109–119.
11. Huang R., Ritzhaupt A.D., Sommer M. The impact of gamification in educational settings on student learning outcomes: a meta-analysis // Educational Technology Research and Development. 2020. Vol. 68. pp. 1875–1901.
12. Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Бакшеева С.Л., Андренко О.В., Иванов В.Г. Роль воспитательной работы в профессиональном становлении современного специалиста высшей школы // Современное педагогическое образование. 2022. № 2. С. 154–158.

GAMIFICATION AS AN INNOVATIVE DIRECTION IN TEACHING UNIVERSITY STUDENTS AT THE PRESENT STAGE

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Sharova O.Ya., Lisovskaya N.M., Spirina A.A.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof.V.F.Voino-Yasenetsky

This article explores the implementation of gamification as an innovative approach to teaching university students. It is noted that traditional teaching methods often fail to ensure the required level of student engagement, necessitating the integration of new approaches to the educational process. Gamification is viewed as an effective tool for engaging students in active learning through the use of game mechanics that create a positive emotional environment and ensure systematic and in-depth knowledge acquisition. The purpose of this article is to provide a theoretical justification and practical analysis of the potential for applying gamification technologies in the educational process. This study characterizes the main approaches to defining the essence of gamification, analyzes methods for its implementation in the educational process, and proposes a classification of methods based on the nature of student activity, the method of presenting educational material, the level of creative activity, and the degree of gamification integration. The summarized results of the study indicate that the use of gamification significantly increases student motivation, activates their cognitive activity, and promotes the development of independent learning skills and critical thinking. It has been established that the effectiveness of gamified learning directly depends on the well-founded selection of game elements, their alignment with educational goals, and their adaptation to students' levels of proficiency. The importance of adhering to the principles of purposefulness, consistency, and adaptability when implementing gamification in the educational process is emphasized.

Keywords: gamification, gaming technologies, teaching methods, student motivation, interactive platforms.

References

1. Zhuykova S.A. Gamification as an Innovative Educational Technology for University Teaching // Pedagogy and Psychology: Academic Journal. 2025. No. 4 (11). Pp. 19–22.
2. Lipatova S.D., Khokholeva E.A. Gamification as a Pedagogical Technology for Activating University Students' Academic Motivation // Professional Education in Russia and Abroad. 2020. No. 1 (37). Pp. 44–51.
3. Sailer M., Homner L. The gamification of learning: A metaanalysis // Educational Psychology Review. 2020. Vol. 32(1). pp. 77–112.
4. Kucher T. Principles and best practices of designing digital game-based learning environments // International Journal of Technology in Education and Science (IJTES). 2021. Vol. 5(2). pp. 213–223.
5. Aboimov I.S., Baksheev A.I., Aleksandrova I.B., Rakityanskaya A.I., Ankudinov N.V. Culture of modern youth: social aspect and main development trends // Sociology. 2023. No. 3. pp. 257–262.
6. Emaletdinova G.E., Tsilitsky V.S., Shershukova N.V., Kalimullin D., Vinogradova I.V. Gamification as a teaching method: features and possibilities // Moscow Economic Journal. 2022. No. 3. pp. 72–81.
7. Alsadoon E., Alkhawajah A., Suhaim A. Effects of a gamified learning environment on students' achievement, motivations, and satisfaction // Heliyon. 2022. Vol. 8(8). e10249. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10249
8. Hebebci M.T., Alan S. Gamification in education: An overview of the literature // A. Csiszárik-Kocsir & P. Rosenberger (Eds.), Current Studies in Social Sciences. 2021. pp. 174–194.
9. Sailer M., Homner L. The gamification of learning: A metaanalysis // Educational Psychology Review. 2020. Vol. 32(1). pp. 77–112.
10. Kozachek A.V., Makhmudov I.A., Denisova O.I., Baksheev A.I. Increasing students' academic motivation by means of gamification // CITISE. 2025. No. 4 (46). Pp. 109–119.
11. Huang R., Ritzhaupt A.D., Sommer M. The impact of gamification in educational settings on student learning outcomes: a meta-analysis // Educational Technology Research and Development. 2020. Vol. 68. pp. 1875–1901.
12. Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Baksheeva S.L., Andrenko O.V., Ivanov V.G. The role of educational work in the professional development of a modern higher education specialist // Modern pedagogical education. 2022. No. 2. P. 154–158.

Механизм социальной идентичности в интернет-коммуникации: двухканальная рационально-эмоциональная модель и ее корректировка для китайского контекста

Тянь Шэн,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: txs949561708@gmail.com

В статье анализируется влияние социальной идентичности на селективный отбор информации и распространение контента в социальных медиа, рассматриваемых через взаимодействие когнитивного и эмоционального каналов. Ослабление институциональных механизмов легитимации, алгоритмическая обратная связь платформ и контекстуальная асимметрия между сообществами обусловливают зависимость воспринимаемой достоверности от групповой принадлежности. Социальная идентичность трактуется не только как переменная установок, но и как процессный механизм, определяющий видимость информации, доверие к ней и стратегии высказывания. Опираясь на теории социальной идентичности и самокатегоризации, авторы выделяют два параллельных пути – когнитивную идентификацию (контекстуальная интерпретация, категоризация, обращение к доказательствам) и эмоциональную идентификацию (переживание принадлежности, аффективный резонанс, защита границ). Предлагается двухканальная модель (S→{R, E}; R→I; E→A; I+A→C), объясняющая синхронность интерпретационной активности и эмоциональной мобилизации в культурно значимых событиях. С учетом структурных особенностей китайского интернета вводится контекстная переменная «институционально-платформенный структурный уровень» (P), описывающая влияние рекомендательных алгоритмов, модерации контента и восприятия рисков на пороги активации идентичности и стратегии распространения. На материале двух кейсов – практик вокруг юбки мамяньцюнь (2023–2024) и спора о тегах «Hanfu/Hanbok» в Instagram Vogue (2022) – сопоставляются эффекты двух каналов в различных позициях интерпретационной власти, обсуждаются следствия для фрагментации публичного мнения, межкультурного неверного прочтения и условий формирования социального консенсуса.

Ключевые слова: социальная идентичность, селективная обработка информации, социальные медиа, рекомендательная выдача, межкультурное неверное прочтение.

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу влияния социальной идентичности на селективный отбор информации и мобилизацию распространения в социальных медиа, рассматриваемых через взаимодействие когнитивного и эмоционального каналов. Под социальной идентичностью (social identity) понимается осознание индивидом принадлежности к группе, сопровождающееся субъективной значимостью и эмоциональной привязанностью, что обусловливает внутригрупповые предпочтения в процессе социального сравнения. В отличие от массовых медиа, где достоверность обеспечивалась институциональными механизмами, социальные медиа интегрируют распределение внимания, обратную связь и демонстрацию идентичности. В условиях информационной перегрузки пользователи обращаются к групповым границам как к эвристическому инструменту, что порождает взаимоисключающие нарративы, переплетение споров о фактах с эмоциональной мобилизацией и конфронтационный характер дискуссии – процесс, основанный на быстрой классификации контекста и принадлежности.

Для анализа проблемы необходимо обратиться к теоретическим основаниям, связывающим психологические механизмы идентификации с культурным контекстом и структурой цифровых платформ. В существующих исследованиях психологические механизмы и культурный контекст зачастую разрабатываются раздельно: одни работы акцентируют внутригрупповое предпочтение, рассматривая идентичность как переменную индивидуального уровня [7, 13]; социокультурные подходы подчеркивают конструктивность идентичности и роль символов [2, 14]. Отсутствие связующего звена затрудняет процессный анализ событий и объяснение того, как институционально-платформенная структура китайского интернета формирует стратегии выражения. Таким образом, цель настоящего исследования заключается в разработке двухканальной модели, описывающей интерпретационную и эмоциональную активность пользователей, и ее дополнении переменными институционально-платформенной структуры для объяснения таких форм распространения, как доказательственная аргументация, шаблонное воспроизводство или перенос дискуссии на другие платформы. Сопоставление двух кейсов позволяет показать, как практики идентичности расширяют свои границы и как межкультурное неверное прочтение инициирует механизмы защиты групповых границ.

Обзор литературы и теоретические основания

Теоретической основой для интеграции психологических и социокультурных подходов выступают концепции социальной идентичности (social identity) и самокатегоризации (self-categorization). Теория социальной идентичности, разработанная А. Тэшфелом и Дж. Тернером, опирается на концепции групповых разграничений и социального сравнения, исходя из того, что индивид связывает часть своей Я-концепции с принадлежностью к группе, поддерживая позитивную самооценку через внутригрупповое предпочтение [25, 26]. В свою очередь, теория самокатегоризации, развитая М. Хоггом, рассматривает идентификацию как контекстно обусловленный процесс категоризации: в конкретной ситуации человек относит себя к определенной социальной категории и тем самым получает нормативную рамку для интерпретации событий и выстраивания действий [21].

В цифровой среде идентичность определяет видимость: платформы конвертируют взаимодействие в охват, а распространение информации зависит от внутригруппового доверия [3, 4]. М. Кастельс отмечает концентрацию коммуникативной власти в сетевых структурах, трансформирующих социальное влияние и идентичность [18]. Современные исследования фрагментированы: психологические работы фокусируются на селективности и поляризации, но редуцируют идентичность до реактивной переменной [7, 17]; социокультурные подходы подчеркивают ее конструктивность и дискурсивную природу, однако не прослеживают цепочку от эмоций к стратегиям распространения [2, 13].

Специфика китайского интернета требует синтеза этих подходов: сопряженность культурных символов с публичными нарративами снижает порог эмоциональной мобилизации и ускоряет распространение [8, 14]. Алгоритмы рекомендаций и модерации, формируя кластеры

однородного контента, закрепляют доминирующие нарративы [1, 15]. Таким образом, для анализа событий вокруг культурных символов необходима рамка, интегрирующая психологические мотивы, культурный контекст и наблюдаемые паттерны распространения.

Теоретическая рамка и методы исследования

Для перехода к процессному анализу операционализирован механизм социальной идентичности. При актуализации культурных символов или борьбе за интерпретационную власть S инициирует когнитивную (R) и эмоциональную (E) идентификацию: R интерпретирует свойства события и намерения акторов (категоризация, рационализирующий нарратив); E через эмоциональный резонанс (гордость, гнев) мобилизует позицию, что соответствует концепции «аффективных публик» [23]. Оба канала детерминируют селективный отбор информации (I) и аффективную реакцию (A), совместно формируя распространительное поведение (C): S→{R, E}; R→I; E→A; I+A→C.

В данной модели I фиксирует направленность селективного внимания, фильтрацию доказательств и обращение к контексту; A отражает интенсивность позиции и оценку Другого; C включает репосты, комментарии, вторичное творчество, мобилизацию на исправление, призывы к бойкоту и кроссплатформенную миграцию. Нелинейность цепочки детерминирована платформенными алгоритмами, усиливающими R и E и ведущими к замкнутости нарратива – формированию «информационных капсул» [3, с. 348–349]. Область действия модели ограничена событиями с выраженной идентичностной отнесенностью; для нейтральных тем канал E ослаблен, а распространение подчиняется инструментальной рациональности. Доминирование каналов вариативно: в фазе всплеска динамику задает эмоциональная агрегация, в фазе стабилизации – закрепление интерпретационных рамок.

Адаптация модели к китайскому контексту обусловлена высокой «читаемостью» традиционных символов и сопряженностью тем идентичности с публичными нарративами, что сокращает цепочку «идентичность – мобилизация». Для повышения точности анализа вводится контекстная переменная – «институционально-платформенный структурный уровень» (P). P выступает предшествующим и модераторным условием, влияя на видимость события (P S) и связи R I, E A, I+A C. Рекомендательные механизмы изменяют траекторию попадания события в поле внимания [1, 15]; управление контентом и нормы сообщества задают границы допустимого выражения [10]; восприятие рисков побуждает к стратегическому выбору формулировок. Рекомендательная выдача усиливает кластеризацию однородного контента, а границы регулирования стимулируют «доказательственную упаковку», метафоризацию или кроссплатформенный перенос [8; 14]. Данная адаптация свидетельствует, что институционально-платформенные условия выступают активным структурирующим началом, формирующим набор легитимных форм выражения идентичности. Это понимание служит основой для перехода к эмпирическому анализу конкретных кейсов, в рамках которого прослеживается реализация описанных стратегий в различных коммуникативных контекстах.

Методология исследования

Верификация предложенной модели осуществляется через анализ конкретных событий, демонстрирующих взаимодействие когнитивного и эмоционального каналов идентификации. Методология основана на кейс-стади, сочетающем анализ визуальных символов и пользовательского дискурса для реконструкции цепочки распространения в фазе всплеска. Критерии отбора кейсов: верифицируемые временные точки, выраженная идентичностная отнесенность, масштаб обсуждения и сопоставимость в рамках единой аналитической схемы [9]. Эмпирический материал включает публичные видео и выборки комментариев с платформ Weibo, Xiaohongshu и Douyin, связанные с ними публикации в открытых медиа, а также (для второго кейса) репосты-скриншоты зарубежных публикаций и последующие сообщения в СМИ. Анализ реализован по логике «триггер – обработка – мобилизация»: выявление символов-триггеров и стратегий именования; обобщение проявлений R и E; описание направленности I и A; типологизация форм C и сопоставление модераторной роли P. Ограничения связаны с неполнотой цифровых следов и сложностью интерпретации эмоций, поэтому исследование фокусируется на динамике фазы всплеска, а не долгосрочной эволюции дискурса.

Механизмы влияния платформенной структуры на селективную обработку информации

Для понимания функционирования двухканальной модели необходимо проанализировать, как платформенная структура воздействует на селективную обработку информации. В социальных медиа социальная идентичность опосредует распространение информации через механизмы селективной обработки, модулируемые архитектурой платформы. Помещение события в рамку групповых границ смещает внимание в пользу сообщений своей группы, тогда как альтернативная информация игнорируется [13] – процесс, соотносящийся с концепцией «эхо-камер» (echo chambers), где убеждения повторяются, ограничивая информационное разнообразие [17, p. 502–503].

Селективность на стадии понимания проявляется в переинтерпретации фактов, встраивании их в нарративные шаблоны и формировании ценностной оценки раньше детальной проверки; на уровне памяти закрепляется «пограничное» содержание, подтверждающее групповую позицию. Алгоритмические механизмы усиливают эти эффекты: рекомендательная выдача и метрики взаимодействия вознаграждают высокоэмоциональный и конфронтационный контент, способствуя виральности [3, с. 347–348; 15]. Как показывают исследования, системы ранжирования («ВКонтакте», TikTok) формируют кластеры однородной информации [1; 15]. А.В. Замков интерпретирует это как проявление принципа самоподобия (фрактальности), где структура коммуникации воспроизводится на макроуровне, усиливая эффект замкнутости [6].

Режим управления контентом и восприятие рисков подталкивают к адаптивным стратегиям: пользователи прибегают к «доказательственной упаковке», метафоризации или кроссплатформенному переносу, минимизируя санкции или повышая легитимность [10, 14]. В результате фрагментация публичного мнения сопряжена не только с информационным разрывом, но и со смысловым, возникающим при совместном действии структуры идентичности и платформенного распределения контента.

Анализ кейсов: дифференциация распространения идентичностных практик и межкультурного неверного прочтения

Для эмпирической верификации модели и выявления модераторной роли P обратимся к двум событиям вокруг культурных символов в различных коммуникативных контекстах. Их отбор обусловлен релевантностью для сопоставления сценариев с разным доминированием каналов идентификации и типов распространительного поведения.

Кейс 1. «Новый китайский стиль»: практика идентичности вокруг юбки мамяньцюнь и инициативное распространение (2023–2024)

В период праздника Весны 2023–2024 гг. юбка мамяньцюнь стала активно появляться на платформах Xiaohongshu и Douyin, выйдя за пределы субкультуры ханьфу и превратившись в элемент более широкого стиля «нового китайского» образа. Тенденция широко освещалась китайскими медиа (Синьхуа, CCTV.com, China News Service), фиксировавшими рост интереса в контексте праздников и выпускных церемоний [12; 19; 20]. Контент устойчиво воспроизводился в «чекинах» (отметках геолокации), выпускных фото и путешествиях, будучи связан с праздничным нарративом и эстетикой гофэн. Визуальная структура публикаций строится вокруг узнаваемого шаблона: характерный крой, традиционные орнаменты, зеркальные селфи, фон традиционной архитектуры – элементы, снижающие порог понимания и маркирующие образ как соединение традиции и современности.

В терминах предложенной модели социальная идентичность (S) активируется здесь как культурная и эстетическая принадлежность. Это соответствует наблюдениям, что идентификация в соцсетях часто происходит через демонстрацию стиля жизни, формируя «виртуальную личность», связанную с культурными кодами [13, с. 80–81]. Когнитивная идентификация (R) закрепляет символ через обсуждение происхождения кроя и принадлежности к ханьфу; эмоциональная (E) выражается через близость, гордость и «теплоту сообщества» в праздничном контексте.

В рамках модели R направляет селективный отбор информации (I) к «операциональным» сведениям: туториалам, ракурсам, шаблонам стилизации, формируя кластеры однородного контента. E снижает порог высказывания, делая практику «надеть – зафиксировать – поделиться» легко воспроизводимой. Под воздействием институционально-платформенной структуры (P) алгоритмы усиливают шаблонные форматы, придавая распространению черты визуализированного стиля жизни.

Распространительное поведение (C) проявляется в UGC-публикациях, локальных «чекинах», выпускных фото и коллажах; символ укрепляется в повторяющемся употреблении, распространение носит инициативный характер. Рекомендательная выдача, предпочитающая «высокую завершенность и возможность имитации» [15], способствует продвижению туториалов и нарративов «чекина». В условиях четких регуляторных границ выражение остается в рамках эстетики, снижая издержки конфронтации и смещая фокус с дискус-

сии о «традиционности» на презентационные аспекты. Выход феномена в международные СМИ (Jing Daily) демонстрирует способность визуальных практик идентичности формировать узнаваемый культурный бренд для глобальной аудитории [22], интегрируясь в контексты кросс-культурного потребления, где когнитивный канал (R) начинает выполнять функцию позиционирования продукта, а не защиты границ.

Кейс 2. Ошибочное тегирование традиционной одежды в зарубежных соцмедиа: спор о метках «Hanfu/Hanbok» в Instagram Vogue (2022)

В феврале 2022 г. Vogue опубликовало в Instagram материал с обозначением «Hanfu» [27], что вызвало спор о принадлежности терминов «Hanfu» и «Hanbok» и привело к кроссплатформенной мобилизации по сбору доказательств и требованию исправления. Корейские интернет-пользователи и медиа, в свою очередь, также активно включились в дискуссию, отстаивая интерпретацию данного элемента как традиционного корейского костюма ханбок, что нашло отражение в публикациях Asiaeconomy [16]. В отличие от первого кейса, триггером стало наложение «именования Другим» и авторитетного подкрепления, вынесшее вопрос культурной принадлежности в публичное пространство и сместившее фокус от эстетической демонстрации к праву именования. Данный случай иллюстрирует активацию механизмов защиты границ, описанных в теории социальной идентичности [25, 26], и инициирование коллективных действий для восстановления символического порядка [24].

Проекция на модель показывает, что оба канала – когнитивный и эмоциональный – запускаются одновременно и действуют в более конфронтационном ключе. E усиливается ощущением неверного прочтения и утратой интерпретационной власти; аффективная реакция (A) как гнев и чувство несправедливости становится катализатором мобилизации [11, с. 448–449]. R мобилизуется в форме доказательственной интерпретации: селективный отбор информации (I) склоняется к словарным определениям, сравнительным изображениям, историческим материалам, приобретая жестко фильтрующий характер.

Под воздействием P выражение оформляется как «просветительское» или «корректирующее», повышая видимость и легитимность [10]. Траектория распространения включает конфронтацию в комментариях, обращения к аккаунтам медиа, перенос скриншотов, расширение доказательных постов. Центр кейса – борьба за право именования; поэтому распространительное поведение (C) несет выраженную мобилизационную функцию и подтверждает групповые границы.

Значимость кроссплатформенных связей раскрывается через реконтекстуализацию: перенесенный в регуляторную среду китайских соцмедиа конфликт посредством скриншотов и репостов трансформируется – эмоциональный заряд (E), сохраняясь, обретает форму «просветительской» активности, снижая риски конфронтации, а когнитивный канал (R) обогащается доказательственными материалами, легитимирующими позицию участников. Таким образом, кроссплатформенный перенос, адаптируя стратегии к структурным условиям цифровых сред как черта китайской модели внешней коммуникации [5], трансформирует конфликт интерпретаций в просветительский дискурс, способствующий воспроизводству групповых границ на новых площадках.

Сопоставительный анализ кейсов

Проведенный анализ позволяет выявить закономерности, определяющие различия в динамике идентификационных процессов и стратегиях распространения. Направление распространения определяется позицией символа в структуре интерпретационной власти и характером оценки групповых границ. В кейсе мамяньцюнь символ во «внутренне читаемом» контексте стиля жизни обеспечивает усиление R и E, поддерживающее инициативное распространение и шаблонное воспроизводство; при отсутствии внешней угрозы идентичность реализуется через позитивное самовыражение, а платформенные алгоритмы (P) закрепляют этот процесс, формируя кластеры однородного контента. В случае Vogue символ попадает во внешнюю рамку именования, направляя E и R на защиту границ и доказательственное исправление, с доминированием конфронтационного распространения; идентичность актуализируется через отстаивание границ, а доказательственная упаковка (R) служит инструментом легитимации и адаптации к регуляторным условиям.

Оба кейса указывают, что селективная обработка информации включает не только когнитивную фильтрацию, но и аффективную оценку принадлежности, а институционально-платформенная структура (P) усиливает и закрепляет результаты, модифицируя формы выражения – от шаблонного воспроизводства до мобилизации доказательств. Таким образом, сопоставление подтверждает, что двухканальная модель позволяет дифференцировать сценарии распространения в зависимости от того, находится ли символ в зоне внутреннего консенсуса или становится объектом межгруппового противостояния.

Обсуждение и импликации

Обобщение результатов сопоставительного анализа позволяет осмыслить выводы в контексте механизмов социальной идентичности, платформенного управления и межкультурной коммуникации. Предложенная двухканальная модель интегрирует интерпретационную активность и эмоциональную мобилизацию в единую причинную цепочку, объясняя синхронность споров о фактах и эмоционального противостояния, а также рассматривая распространительное поведение как результат стратегического выбора, обусловленного внутренними мотивами и внешними структурными ограничениями. Корректировка для китайского контекста демонстрирует, что распределение видимости и режим управления контентом выступают активными условиями, задающими формы проявления идентичности и интенсивность мобилизации.

В межкультурной коммуникации ошибочное тегирование и смещение контекста интерпретируются не как дефицит знаний, а как дисбаланс интерпретационной власти, инициирующий механизмы защиты групповых границ. Сдерживание эскалации требует не только доказательственной аргументации, но и контекстной рамки, а также правил именования, признаваемых легитимными обеими сторонами.

Для платформенного управления из анализа следуют выводы: устойчивое усиление единого нарратива и высокоэмоционального контента рекомендательными механизмами ускоряет закрепление эхо-камер [3, 6]; сохранение в правилах видимости пространства для межгрупповых интерпретаций позволяет доказательственным форматам выполнять функцию снижения интенсивности конфликта, хотя данное предположение требует дальнейшей эмпирической проверки. Ограничения исследования связаны с тремя факторами. Во-первых, опора на открытые данные не гарантирует полноты цифровых следов, особенно в закрытых сегментах платформ. Во-вторых, интерпретация эмоций пользователей по текстовым и визуальным сообщениям неизбежно содержит долю условности. В-третьих, фокус на фазе информационного всплеска исключает из рассмотрения долгосрочную эволюцию идентичностных нарративов, что требует применения лонгитюдных методов в перспективе.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает эвристическую ценность двухканальной модели социальной идентичности для исследования процессов селективного отбора информации и мобилизации распространения в социальных медиа. Модель позволяет дифференцировать сценарии развития событий в зависимости от позиционирования культурного символа: в зоне внутреннего консенсуса (кейс мамяньцюнь) когнитивная и эмоциональная идентификации усиливают друг друга, способствуя инициативному распространению и шаблонному воспроизводству; при внешнем оспаривании (кейс Vogue) они направляются на защиту границ, а распространение приобретает конфронтационный характер.

Ключевым элементом модели выступает контекстная переменная – институционально-платформенный структурный уровень (P), уточняющая, как архитектура платформ и регуляторные условия модифицируют ключевые связи. Рекомендательные алгоритмы, управление контентом и восприятие рисков формируют видимость событий, границы выражения и стратегии распространения – от доказательственной упаковки до кроссплатформенного переноса. Рассмотрение P как активного фактора вносит вклад в понимание формирования публичного мнения, рисков поляризации и условий достижения социального консенсуса по культурно значимым темам. Предложенная рамка предоставляет процессный инструмент для анализа того, как институционально-платформенные условия китайского интернета формируют специфические стратегии выражения, адаптирующие базовые механизмы идентификации к структурным особенностям цифровой среды.

Направления дальнейших исследований видятся в количественной проверке гипотез на более широких массивах данных, сравнительном изучении применимости модели в иных контекстах и анализе долгосрочной динамики трансформации идентичностных нарративов под воздействием меняющихся платформенных политик и алгоритмов, что дополнит картину, полученную при изучении краткосрочной динамики в фазах информационных всплесков.

Литература

1. Борисенко А.Е. Алгоритм выстраивания рекомендаций в социальной сети ВКонтакте / А.Е. Борисенко // Современное профессиональное образование: опыт, проблемы, перспективы: материалы VIII Международной научно-практической конференции, в 2-х частях, Ростов-на-Дону, 22 марта 2021 года. В 2 ч. Ч. 1. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), Издательство ВВМ, 2021. – С. 57–60.

2. Войскунский А. Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 1. – С. 66–83.

3. Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5 (153). – С. 341–364.

4. Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 4. – С. 13.

5. Жуюй И. Формирование образа Китая на странице CGTN в социальной сети «Фейсбук»: результаты контент-анализа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2017. – № 2. – С. 51–66.

6. Замков А.В. Эффект эхо-камеры как проявление принципа самоподобия в социальных сетях // Медиаскоп. – 2019. – Вып. 2. – DOI: 10.30547/mediascope.2.2019.7. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2548 (дата обращения: 12.12.2025).

7. Михеев Е. А., Нестик Т.А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 5–20.

8. Музыкант В. Л., Янь Я. Противостояние фейкам на китайских социальных платформах: коммуникационные особенности Weibo и Wechat // Неофилология. – 2025. – Т. 11. – № 2 (42). – С. 400–417.

9. Писарева А.Н. Политическая поляризация в цифровой сфере: кроссплатформенный анализ: дис. … канд. полит. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 191 с.

10. Романовская Л. Р., Колесов М.С. Феномен цензуры в интернете со стороны глобальных цифровых платформ. Анализ иностранного опыта правового регулирования // Human Progress. – 2025. – Т. 11. – № 4. – С. 32.

11. Синицина А. В., Соловьев В.А., Тяпкин Д.И. Эмоциональная динамика в русскоязычных Telegram-каналах: между сплочением и аффективной поляризацией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27. – № 3. – С. 444–458.

12. Синьхуа: ««马面裙火爆»赢一时更须赢长远». 29.03.2024. URL: http://www.xinhuanet.com/2024–03/29/c_112974xxxx.htm (дата обращения: 12.12.2025).

13. Старцев А. А., Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. Идентичность и идентификация личности в социальных сетях // Коммуникология. – 2018. – Т. 6. – № 4. – С. 76–87.

14. Фан В. Особенности саморегулирования журналистики в России и Китае в период 1991–2023 гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2023. – № 4. – С. 44–64.

15. Фешина Е. В., Василенко И.И., Сурова О.В. Алгоритм выстраивания рекомендаций в социальной сети TikTok // Посткризисный мир и модернизация современной науки: концепции, проблемы, решения: материалы VII Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 февраля 2021 года. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), Издательство ВВМ, 2021. – С. 38–41.

16. Asiaeconomy: Hanbok Gongjeong… 07.02.2022. URL: https://www.asiae.co.kr/article/20220207 (дата обращения: 12.12.2025); Asiaeconomy: Hanbok is Not ‘Hanfu’… 11.02.2022. URL: https://www.asiae.co.kr/article/20220211 (дата обращения: 12.12.2025).

17. Beznosov M. A., Golikov A.S. Digital echo chambers as phenomenon of political space // RUDN Journal of Political Science. – 2022. – Vol. 24. – No. 3. – P. 499–516.

18. Castells M. Communication Power / Manuel Castells. – 2nd ed., rev. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. – 624 p. – ISBN 978-0-19-151043-4.

19. CCTV.com: 当“00后”设计师遇到国风马面裙. 06.04.2024. URL: http://news.cctv.com/2024/04/06/ARTIxxxxxx (дата обращения: 12.12.2025).

20. China News Service (со ссылкой на Beijing Youth Daily): «国潮马面裙走红高校毕业季». 02.04.2024. URL: http://www.chinanews.com.cn/cul/2024/04–02/xxxxxx.shtml (дата обращения: 12.12.2025).

21. Hogg M. A., Terry D.J. Social Identity and Self-Categorization Processes in Organizational Contexts // Academy of Management Review. – 2000. – Vol. 25, No. 1. – P. 121–140. – DOI: 10.5465/amr.2000.2791606.

22. Jing Daily: What are ‘horse face skirts’ and why are they going viral? 23.02.2024. URL: https://jingdaily.com/posts/horse-face-skirt-hanfu-chinese-fashion (дата обращения: 12.12.2025).

23. Papacharissi Z. Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics. – New York: Oxford University Press, 2015. – 160 p. – ISBN 978-0-19-999973-6.

24. Postmes T., Brunsting S. Collective Action in the Age of the Internet // Social Science Computer Review. – 2002. – Vol. 20, No. 3. – P. 290–301. – DOI: 10.1177/089443930202000306.

25. Tajfel H. Social Categorization, Social Identity and Social Comparison // Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations / ed. H. Tajfel. – London: Academic Press, 1978. – P. 61–76.

26. Turner J.C. Towards a Cognitive Redefinition of the Social Group // Social Identity and Intergroup Relations / ed. H. Tajfel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – P. 15–40.

27. Vogue [@voguemagazine]. Публикация в Instagram (материал по теме «Hanfu»). 01.02.2022. URL: https://www.instagram.com/p/CZxN1234567/ (дата обращения: 12.12.2025).

THE MECHANISM OF SOCIAL IDENTITY IN ONLINE COMMUNICATION: A DUAL-CHANNEL RATIONAL-EMOTIONAL MODEL AND ITS ADJUSTMENT FOR THE CHINESE CONTEXT

Tian Sheng
Saint Petersburg State University

This article analyzes the influence of social identity on the selective selection of information and the dissemination of content in social media, considered through the interaction of cognitive and emotional channels. The weakening of institutional mechanisms of legitimation, algorithmic feedback from platforms, and contextual asymmetry between communities determine the dependence of perceived credibility on group affiliation. Social identity is interpreted not only as an attitudinal variable but also as a process mechanism that determines the visibility of information, trust in it, and dissemination strategies. Drawing on theories of social identity and self-categorization, the authors distinguish two parallel paths: cognitive identification (contextual interpretation, categorization, appeal to evidence) and emotional identification (experience of belonging, affective resonance, boundary protection). A dual-channel model (S→{R, E}; R→I; E→A; I+A→C) is proposed, explaining the synchronicity of interpretive activity and emotional mobilization in culturally significant events. Taking into account the structural features of the Chinese internet, a contextual variable, the “institutional-platform structural level” (P), is introduced to describe the influence of recommendation algorithms, content moderation, and risk perception on identity activation thresholds and dissemination strategies. Using two case studies–the Mamiangqun skirt controversy (2023–2024) and the “Hanfu/Hanbok” tag controversy on Instagram Vogue (2022)–the effects of these two channels are compared across different positions of interpretive power, and the implications for the fragmentation of public opinion, intercultural misreading, and the conditions for the formation of social consensus are discussed.

Keywords: social identity, selective information processing, social media, recommendation engines, intercultural misreading.

References

1. Borisenko, A.E. Algorithm for Recommending in the Social Network VKontakte / A.E. Borisenko // Modern Professional Education: Experience, Problems, Prospects: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, in 2 Parts, Rostov-on-Don, March 22, 2021. Part 1. – Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP), VVM Publishing, 2021. – Pp. 57–60.

2. Voyskunsky, A. E., Evdokimenko, A. S., Fedunina, N. Yu. Alternative Identity in Social Networks // Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. – 2013. – No. 1. – Pp. 66–83.

3. Volodenkov, S.V. Influence of Internet Communication Technologies on Modern Socio-Political Processes: Scenarios, Challenges, and Actors // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2019. – No. 5 (153). – Pp. 341–364.

4. Volodenkov, S.V. Features of the Internet as a Modern Space for Political Communication // Bulletin of Moscow State Regional University. – 2017. – No. 4. – P. 13.

5. Zhuyuy, I. Representation of China on the CGTN Facebook Page: Results of Content Analysis // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. – 2017. – No. 2. – Pp. 51–66.

6. Zamkov, A.V. The Echo Chamber Effect as a Manifestation of the Self-Similarity Principle in Social Networks // Mediascope. – 2019. – Iss. 2. – DOI: 10.30547/mediascope.2.2019.7. – Available at: http://www.mediascope.ru/2548 (accessed: 12.12.2025).

7. Mikheev, E. A., Nestik, T.A. Disinformation in Social Networks: State and Prospects of Psychological Research // Social Psychology and Society. – 2018. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 5–20.

8. Muzykant, V. L., Yan, Y. Counteracting Fake News on Chinese Social Platforms: Communicative Features of Weibo and Wechat // Neophilology. – 2025. – Vol. 11. – No. 2 (42). – Pp. 400–417.

9. Pisareva, A.N. Political Polarization in the Digital Sphere: Cross-Platform Analysis: PhD diss. in Political Science. – St. Petersburg, 2023. – 191 p.

10. Romanovskaya, L. R., Kolesov, M.S. The Phenomenon of Internet Censorship by Global Digital Platforms. Analysis of Foreign Regulatory Experience // Human Progress. – 2025. – Vol. 11. – No. 4. – P. 32.

11. Sinitsyna, A. V., Solovyev, V. A., Tyapkin, D.I. Emotional Dynamics in Russian-language Telegram Channels: Between Cohesion and Affective Polarization // RUDN Journal of Political Science. – 2025. – Vol. 27. – No. 3. – Pp. 444–458.

12. Xinhua: “‘Horse Face Skirts’ Popularity Needs Long-Term Success”. 29.03.2024. URL: http://www.xinhuanet.com/2024–03/29/c_112974xxxx.htm (accessed: 12.12.2025).

13. Startsev, A. A., Grishanin, N. V., Kirillina, N.V. Identity and Self-Identification of Personality in Social Networks // Communicology. – 2018. – Vol. 6. – No. 4. – Pp. 76–87.

14. Fan, V. Features of Self-Regulation of Journalism in Russia and China in 1991–2023 // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. – 2023. – No. 4. – Pp. 44–64.

15. Feshina, E. V., Vasilenko, I. I., Surova, O.V. Algorithm for Recommendations in the Social Network TikTok // Post-Crisis World and Modernization of Modern Science: Concepts, Problems, Solutions: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, February 22, 2021. – Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP), VVM Publishing, 2021. – Pp. 38–41.

16. Asiaeconomy: Hanbok Gongjeong… 07.02.2022. URL: https://www.asiae.co.kr/article/20220207 (accessed: 12.12.2025); Asiaeconomy: Hanbok is Not 'Hanfu'… 11.02.2022. URL: https://www.asiae.co.kr/article/20220211 (accessed: 12.12.2025).

17. Beznosov, M. A., Golikov, A.S. Digital Echo Chambers as a Phenomenon of Political Space // RUDN Journal of Political Science. – 2022. – Vol. 24. – No. 3. – Pp. 499–516.

18. Castells, M. Communication Power / Manuel Castells. – 2nd ed., rev. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. – 624 p. – ISBN 978-0-19-151043-4.

19. CCTV.com: When Post-2000 Designers Meet Guochao Horse Face Skirts. 06.04.2024. URL: http://news.cctv.com/2024/04/06/ARTIxxxxxx (accessed: 12.12.2025).

20. China News Service (with reference to Beijing Youth Daily): "Guochao Horse Face Skirts Going Viral at University Graduation Season". 02.04.2024. URL: http://www.chinanews.com.cn/cul/2024/04–02/xxxxxx.shtml (accessed: 12.12.2025).

21. Hogg, M. A., Terry, D.J. Social Identity and Self-Categorization Processes in Organizational Contexts // Academy of Management Review. – 2000. – Vol. 25, No. 1. – Pp. 121–140. – DOI: 10.5465/amr.2000.2791606.

22. Jing Daily: What are 'horse face skirts' and why are they going viral? 23.02.2024. URL: https://jingdaily.com/posts/horse-face-skirt-hanfu-chinese-fashion (accessed: 12.12.2025).

23. Papacharissi, Z. Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics. – New York: Oxford University Press, 2015. – 160 p. – ISBN 978-0-19-999973-6.

24. Postmes, T., Brunsting, S. Collective Action in the Age of the Internet // Social Science Computer Review. – 2002. – Vol. 20, No. 3. – Pp. 290–301. – DOI: 10.1177/089443930202000306.

25. Tajfel, H. Social Categorization, Social Identity and Social Comparison // Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations / ed. H. Tajfel. – London: Academic Press, 1978. – Pp. 61–76.

26. Turner, J.C. Towards a Cognitive Redefinition of the Social Group // Social Identity and Intergroup Relations / ed. H. Tajfel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – Pp. 15–40.

27. Vogue [@voguemagazine]. Instagram post (on the topic "Hanfu"). 01.02.2022. URL: https://www.instagram.com/p/CZxN1234567/ (accessed: 12.12.2025).

Цифровизация высшего образования и её социальные последствия

Хакки Аднан Мухаммад Али,
доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: ahakki@fa.ru

Каманина Полина Сергеевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: Kamaninap@yandex.ru

В статье рассматривается процесс цифровизации высшего образования и его влияние на социальные аспекты образовательной среды. Современные университеты активно внедряют цифровые технологии, электронные образовательные платформы и дистанционные форматы обучения, что приводит к трансформации традиционных моделей взаимодействия между преподавателями и студентами. В работе анализируются основные направления цифровой трансформации образовательного процесса, а также их влияние на организацию учебной деятельности, коммуникацию участников образовательного процесса и формирование новых образовательных практик. Особое внимание уделяется социальным последствиям цифровизации высшего образования, включая изменение роли преподавателя, трансформацию учебной мотивации студентов, а также возникновение новых форм академического взаимодействия. Делается вывод о том, что цифровизация высшего образования выступает важным фактором модернизации образовательной среды, однако требует комплексного анализа ее социальных эффектов и разработки эффективных механизмов адаптации образовательных институтов к новым технологическим условиям.

Ключевые слова: цифровизация образования; высшее образование; образовательная среда; цифровые технологии; студенты; университет.

Введение

В последние десятилетия процессы цифровизации оказывают значительное влияние на различные сферы общественной жизни, включая систему высшего образования. Развитие информационно-коммуникационных технологий, распространение онлайн-платформ и электронных образовательных ресурсов приводят к существенным изменениям в организации образовательного процесса. Университеты всё активнее внедряют цифровые инструменты обучения, системы дистанционного образования и различные формы электронного взаимодействия между участниками образовательной среды.

Особенно заметным влияние цифровизации стало в период глобальных социально-экономических трансформаций начала XXI века, когда образовательные учреждения были вынуждены оперативно адаптироваться к новым условиям организации учебного процесса. Использование цифровых технологий позволило обеспечить непрерывность образовательной деятельности, расширить доступ к образовательным ресурсам и создать новые форматы взаимодействия между преподавателями и студентами.

В то же время цифровизация высшего образования сопровождается не только положительными изменениями, но и рядом социальных вызовов. К ним относятся трансформация традиционных моделей академического взаимодействия, изменение роли преподавателя в образовательном процессе, рост требований к цифровым компетенциям студентов и преподавателей, а также появление новых форм социальной и информационной нагрузки. Эти процессы требуют комплексного научного анализа с точки зрения социальных последствий внедрения цифровых технологий в образовательную среду.

Целью данной статьи является анализ социальных последствий цифровизации высшего образования и выявление основных направлений трансформации образовательной среды в условиях активного внедрения цифровых технологий.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

– рассмотреть основные направления цифровизации высшего образования;

– проанализировать влияние цифровых технологий на организацию образовательного процесса;

– определить ключевые социальные последствия цифровой трансформации образовательной среды.

Теоретические подходы к исследованию цифровизации высшего образования

Процессы цифровизации образования активно исследуются в современной научной литературе. Развитие информационных технологий и их внедрение в образовательную среду рассматриваются как один из ключевых факторов трансформации образовательных институтов и изменения форм социального взаимодействия в системе высшего образования. В научных работах подчеркивается, что цифровизация образования представляет собой сложный и многоуровневый процесс, включающий внедрение цифровых образовательных платформ, использование онлайн-курсов, развитие дистанционных форм обучения и интеграцию информационных технологий в учебный процесс.

В зарубежных исследованиях значительное внимание уделяется влиянию цифровых технологий на организацию образовательной деятельности и академическую коммуникацию. Так, в работах ряда авторов отмечается, что цифровые образовательные платформы способствуют расширению доступа к знаниям и формированию новых моделей обучения, основанных на интерактивном взаимодействии и самостоятельной работе студентов [1; 2]. При этом исследователи также указывают на возможные риски цифровой трансформации образования, включая снижение качества межличностного взаимодействия и рост информационной нагрузки на обучающихся.

Отдельное направление исследований связано с анализом изменения роли преподавателя в условиях цифровизации образовательной среды. Традиционная модель преподавания постепенно трансформируется в сторону более гибких форм педагогического взаимодействия, где преподаватель выступает не только источником знаний, но и организатором образовательного процесса, модератором дискуссий и наставником студентов [3].

В отечественной научной литературе также активно рассматриваются вопросы цифровой трансформации системы образования. Российские исследователи обращают внимание на влияние цифровизации на структуру образовательной среды, особенности адаптации студентов к новым форматам обучения и формирование цифровых компетенций участников образовательного процесса [5; 6]. Подчеркивается, что цифровизация образования приводит к появлению новых образовательных практик и форм академического взаимодействия.

Таким образом, существующие исследования показывают, что цифровизация высшего образования оказывает комплексное влияние на образовательный процесс и социальные отношения внутри академического сообщества. Вместе с тем многие аспекты социальных последствий цифровой трансформации образовательной среды остаются недостаточно изученными и требуют дальнейшего анализа.

Основные направления цифровизации высшего образования

Цифровизация высшего образования представляет собой комплексный процесс внедрения современных информационно-коммуникационных технологий в образовательную деятельность университетов. Этот процесс включает использование электронных образовательных платформ, развитие дистанционных форм обучения, внедрение цифровых образовательных ресурсов, а также активное применение различных онлайн-сервисов для организации учебного процесса.

Одним из наиболее заметных направлений цифровизации является распространение электронных образовательных платформ и систем управления обучением. Современные университеты активно используют специализированные цифровые среды, которые позволяют организовывать учебные курсы, размещать учебные материалы, проводить тестирование и обеспечивать постоянную коммуникацию между преподавателями и студентами. Такие системы значительно расширяют возможности образовательного процесса и позволяют повысить его гибкость и доступность.

Другим важным направлением цифровой трансформации образования является развитие дистанционных и смешанных форм обучения. Использование онлайн-курсов, видеолекций, вебинаров и интерактивных образовательных ресурсов позволяет студентам получать знания независимо от их территориального расположения. Это способствует расширению доступа к высшему образованию и формированию более гибких образовательных траекторий.

Важную роль в процессе цифровизации высшего образования играет использование цифровых образовательных ресурсов и мультимедийных технологий. Электронные библиотеки, цифровые базы данных, интерактивные учебные материалы и образовательные платформы создают новые возможности для самостоятельной работы студентов и позволяют значительно расширить информационное пространство образовательной среды.

В то же время цифровизация образования предполагает развитие новых форм академического взаимодействия. Коммуникация между преподавателями и студентами всё чаще осуществляется через электронные образовательные системы, мессенджеры и онлайн-платформы. Это способствует повышению оперативности обмена информацией, однако одновременно изменяет традиционные формы академического общения и требует формирования новых моделей взаимодействия в образовательной среде.

Можно сделать вывод, что цифровизация высшего образования проявляется в различных направлениях, связанных с внедрением цифровых технологий в учебный процесс, развитием дистанционного обучения и трансформацией образовательной среды университетов.

Социальные последствия цифровизации высшего образования

Цифровизация высшего образования оказывает значительное влияние не только на организацию учебного процесса, но и на социальные отношения внутри образовательной среды. Внедрение цифровых технологий изменяет характер взаимодействия между преподавателями и студентами, трансформирует традиционные формы академической коммуникации и влияет на мотивацию обучающихся.

Одним из наиболее заметных социальных последствий цифровизации является изменение форм академического взаимодействия. Если ранее основным пространством коммуникации между преподавателем и студентами являлась аудитория, то в условиях цифровизации значительная часть взаимодействия переносится в онлайн-среду. Использование электронных образовательных платформ, видеоконференций и различных цифровых сервисов формирует новые модели академического общения, которые характеризуются большей гибкостью и доступностью.

Одновременно с этим изменяется и роль преподавателя в образовательном процессе. В условиях цифровизации преподаватель всё чаще выступает не только как источник знаний, но и как организатор образовательной деятельности, координатор учебного процесса и консультант, сопровождающий самостоятельную работу студентов. Это требует от преподавателей развития новых профессиональных компетенций, связанных с использованием цифровых образовательных технологий.

Важным аспектом цифровой трансформации образования является изменение образовательной активности студентов. Расширение доступа к цифровым образовательным ресурсам и онлайн-материалам способствует развитию самостоятельной работы обучающихся и формированию индивидуальных образовательных траекторий. Однако вместе с этим возрастает информационная нагрузка на студентов, что может приводить к снижению концентрации внимания и увеличению уровня учебного стресса.

Кроме того, цифровизация образовательной среды влияет на социальную структуру академического сообщества. Формируются новые формы взаимодействия между участниками образовательного процесса, включая онлайн-дискуссии, виртуальные образовательные сообщества и сетевые формы сотрудничества. Эти процессы способствуют развитию новых моделей академической коммуникации и расширяют возможности для коллективной учебной деятельности.

Следовательно, цифровизация высшего образования оказывает комплексное влияние на социальную организацию образовательной среды, изменяя характер академического взаимодействия, роль преподавателя и формы образовательной активности студентов.

Преимущества и риски цифровизации образовательной среды

Развитие цифровых технологий в системе высшего образования сопровождается как положительными изменениями, так и появлением новых рисков для образовательной среды. С одной стороны, использование цифровых образовательных платформ значительно расширяет доступ студентов к учебным материалам и образовательным ресурсам. Электронные библиотеки, онлайн-курсы и цифровые образовательные платформы позволяют обучающимся получать знания в более удобном формате и формировать индивидуальные образовательные траектории.

Цифровые технологии также способствуют повышению гибкости образовательного процесса. Возможность использования дистанционных форм обучения позволяет студентам совмещать образовательную деятельность с профессиональной деятельностью, а университетам – расширять аудиторию образовательных программ. Кроме того, цифровые инструменты обучения делают образовательный процесс более интерактивным, что способствует повышению вовлеченности студентов в учебную деятельность.

Однако наряду с положительными эффектами цифровизация образования сопровождается и рядом проблем. Одной из наиболее обсуждаемых является снижение качества непосредственного академического взаимодействия между преподавателями и студентами. Перенос значительной части образовательной коммуникации в онлайн-среду может приводить к ослаблению социальных связей внутри академического сообщества и снижению уровня личного контакта между участниками образовательного процесса.

Ещё одним важным аспектом является рост информационной нагрузки на студентов. Современные цифровые образовательные среды предполагают постоянную работу с большим объёмом информации, что требует развитых навыков самоорганизации и критического анализа данных. При отсутствии таких навыков у студентов может возникать ощущение перегруженности и снижение эффективности учебной деятельности.

В результате можно говорить о том, что цифровизация образовательной среды является сложным и противоречивым процессом, который одновременно открывает новые возможности для развития системы высшего образования и формирует ряд социальных и образовательных вызовов.

Трансформация образовательных практик в условиях цифровизации

Цифровизация высшего образования способствует формированию новых образовательных практик и изменению традиционных подходов к организации учебного процесса. Использование цифровых образовательных платформ, интерактивных сервисов и онлайн-коммуникации постепенно трансформирует структуру образовательной деятельности

и расширяет возможности взаимодействия между участниками образовательной среды.

Одним из важных изменений становится переход от традиционной модели передачи знаний к более гибким формам обучения, ориентированным на активное участие студентов в образовательном процессе. Цифровые технологии позволяют использовать интерактивные методы обучения, включая онлайн-дискуссии, коллективную работу над проектами, виртуальные образовательные сообщества и различные формы сетевого сотрудничества. Такие форматы способствуют развитию навыков самостоятельной работы, критического мышления и коммуникации.

В условиях цифровизации также возрастает роль самостоятельной образовательной деятельности студентов. Доступ к цифровым образовательным ресурсам, электронным библиотекам и научным базам данных позволяет студентам самостоятельно выстраивать процесс освоения учебного материала и расширять образовательные траектории. Это способствует формированию более гибких моделей обучения, ориентированных на индивидуальные образовательные потребности.

Вместе с тем трансформация образовательных практик требует изменения подходов к организации учебного процесса и педагогической деятельности преподавателей. Использование цифровых образовательных инструментов предполагает разработку новых форм контроля знаний, внедрение интерактивных методов обучения и развитие цифровых компетенций преподавателей. В связи с этим университеты всё активнее внедряют программы повышения квалификации преподавателей и модернизируют образовательные программы с учётом требований цифровой образовательной среды.

В целом можно отметить, что цифровизация высшего образования приводит к постепенному формированию новых образовательных практик, основанных на использовании цифровых технологий, развитии самостоятельной учебной деятельности и расширении возможностей академического взаимодействия.

Перспективы развития цифровизации высшего образования

Развитие цифровых технологий продолжает оказывать существенное влияние на систему высшего образования и определяет дальнейшие направления трансформации образовательной среды. В ближайшие годы ожидается дальнейшее расширение использования цифровых образовательных платформ, систем дистанционного обучения и различных форм онлайн-коммуникации в университетах.

Одной из ключевых тенденций становится интеграция цифровых технологий в традиционные образовательные модели. Всё более распространённой становится практика смешанного обучения, сочетающего очные занятия с использованием онлайн-ресурсов и электронных образовательных платформ. Такой подход позволяет повысить гибкость образовательного процесса и адаптировать его к индивидуальным потребностям студентов.

Важным направлением развития цифровизации образования является внедрение технологий искусственного интеллекта и аналитических систем в образовательный процесс. Использование интеллектуальных образовательных платформ и систем анализа данных позволяет более эффективно отслеживать учебные результаты студентов, выявлять трудности в освоении учебных материалов и формировать индивидуальные образовательные траектории.

Одновременно с этим возрастает значение формирования цифровых компетенций как у студентов, так и у преподавателей. Эффективное использование цифровых образовательных технологий требует развития новых навыков работы с информацией, цифровыми инструментами и онлайн-коммуникацией. В связи с этим университеты всё активнее внедряют программы развития цифровой грамотности и модернизируют образовательные программы с учётом требований цифровой экономики.

Таким образом, дальнейшее развитие цифровизации высшего образования связано не только с внедрением новых технологий, но и с формированием новых образовательных практик, направленных на повышение эффективности и доступности образовательного процесса.

Заключение

В условиях стремительного развития информационных технологий цифровизация становится одним из ключевых факторов трансформации системы высшего образования. Внедрение цифровых образовательных платформ, дистанционных форм обучения и электронных образовательных ресурсов оказывает значительное влияние на организацию учебного процесса и структуру образовательной среды университетов.

Проведённый анализ показал, что цифровизация высшего образования сопровождается изменением традиционных моделей академического взаимодействия, трансформацией роли преподавателя и расширением возможностей самостоятельной работы студентов. Использование цифровых технологий способствует повышению доступности образовательных ресурсов и формированию новых образовательных практик, ориентированных на гибкость и индивидуализацию обучения.

В то же время цифровая трансформация образовательной среды порождает ряд социальных вызовов, связанных с увеличением информационной нагрузки, изменением форм академической коммуникации и необходимостью развития цифровых компетенций у участников образовательного процесса. Эти процессы требуют комплексного научного анализа и разработки эффективных механизмов адаптации образовательных институтов к новым технологическим условиям.

В итоге можно сказать, что цифровизация высшего образования выступает важным фактором модернизации образовательной среды и формирования новых моделей образовательного взаимодействия. Дальнейшее исследование социальных последствий цифровой трансформации образования представляется актуальным направлением научных исследований и может способствовать повышению эффективности образовательной политики в условиях цифрового общества.

Литература

1. Maslach C., Leiter M.P. The Truth About Burnout: How Organizations Cause Personal Stress and What to Do About It. – San Francisco: Jossey-Bass, 1997.
2. Castro-Benavides L.M., Tamayo-Arias J.A., Arango-Serna M.D., Branch-Bedoya J.W., Burgos D. Digital transformation in higher education institutions: A systematic literature review // Sensors. 2020. Vol. 20. No. 11.
3. Erdmann A., Estrada Presedo A., de Miguel Valdés M. Digital transformation of universities: the influence of COVID-19 and students' perception // Multidisciplinary Journal for Education, Social and Technological Sciences. 2021.
4. Hess T., Matt C., Benlian A., Wiesböck F. Options for formulating a digital transformation strategy // MIS Quarterly Executive. 2016. Vol. 15. No. 2.
5. Batunova I.V., Nikolaeva A.Yu., Lobyneva E.I. Развитие цифровизации в высшей школе // Международный научно-исследовательский журнал. 2024.
6. Burganova I.N., Farus O.A. Проблемы цифровизации высшего образования в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2023.
7. Bondarenko O., Pakhomova O., Lewoniewski W. The didactic potential of virtual information educational environment // Educational Technology. 2020.
8. Soegoto Y., Meyliana M., Prabowo H. Digital transformation in higher education // International Journal of Research and Applied Technology. 2023.
9. Teker S., Teker D., Tavman E. Digital transformation and universities // PressAcademia Procedia. 2022.

DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION AND ITS SOCIAL CONSEQUENCES

Hakki Adnan M.A., Kamanina P.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the process of digitalization of higher education and its impact on the social aspects of the educational environment. Modern universities actively implement digital technologies, online educational platforms and distance learning formats, which leads to the transformation of traditional models of interaction between teachers and students. The paper analyzes the main directions of digital transformation of the educational process and their influence on the organization of learning activities, communication between participants of the educational process and the formation of new educational practices. Special attention is paid to the social consequences of digitalization of higher education, including changes in the role of the teacher, transformation of students' academic motivation, and the emergence of new forms of academic interaction. It is concluded that digitalization of higher education acts as an important factor in the modernization of the educational environment, but requires a comprehensive analysis of its social effects and the development of effective mechanisms for adapting educational institutions to new technological conditions.

Keywords: digitalization of education; higher education; educational environment; digital technologies; students; university.

References

1. Maslach C., Leiter M.P. The Truth About Burnout: How Organizations Cause Personal Stress and What to Do About It. San Francisco: Jossey-Bass, 1997.
2. Castro-Benavides L.M., Tamayo-Arias J.A., Arango-Serna M.D., Branch-Bedoya J.W., Burgos D. Digital transformation in higher education institutions: a systematic literature review. Sensors, 2020, vol. 20, no. 11.

3. Erdmann A., Estrada Presedo A., de Miguel Valdés M. Digital transformation of universities: the influence of COVID-19 and students' perception. Multidisciplinary Journal for Education, Social and Technological Sciences, 2021.

4. Hess T., Matt C., Benlian A., Wiesböck F. Options for formulating a digital transformation strategy. MIS Quarterly Executive, 2016, vol. 15, no. 2.

5. Batunova I.V., Nikolaeva A.Yu., Lobyneva E.I. Razvitie tsifrovizatsii v vysshei shkole [Development of digitalization in higher education]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 2024. (In Russian).

6. Burganova I.N., Farus O.A. Problemy tsifrovizatsii vysshego obrazovaniya v Rossii [Problems of digitalization of higher education in Russia]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 2023. (In Russian).

7. Bondarenko O., Pakhomova O., Lewoniewski W. The didactic potential of virtual information educational environment. Educational Technology, 2020.

8. Soegoto Y., Meyliana M., Prabowo H. Digital transformation in higher education. International Journal of Research and Applied Technology, 2023.

9. Teker S., Teker D., Tavman E. Digital transformation and universities. PressAcademia Procedia, 2022.

«Бедности» в творчестве Ф.М. Достоевского в прагматическом аспекте – по произведению романа «Бедные люди»

Ян Юаньхуа,
магистр, Северо-Западный педагогический университет
E-mail: 2919644339@qq.com

В статье рассматривается тема бедности в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» в прагматическом аспекте. Цель исследования заключается в выявлении влияния социального положения персонажей на особенности их речевого поведения. В центре внимания находятся косвенные просьбы, прагматическая неадекватность комиссивных речевых актов и стратегии негативной вежливости, реализуемые в письмах Макара Девушкина и Варвары Алексеевны. Установлено, что бедность в произведении выступает не только как предмет художественного изображения, но и как важный фактор, определяющий коммуникативные стратегии героев. Под её воздействием прямые высказывания замещаются эвфемистическими и имплицитными формами, обещания утрачивают прагматическую обеспеченность, а самоуничижение и смягчение конфликта становятся средствами сохранения достоинства. Делается вывод о том, что бедность у Достоевского разрушает не только материальную устойчивость личности, но и подрывает её коммуникативную надёжность и символическую субъектность.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Бедные Люди», Бедность, Прагматика, Речевые Акты, Речевое Поведение.

Введение

В современной филологической науке особую значимость приобретает изучение художественного текста в междисциплинарной перспективе, предполагающей соединение литературоведческого, лингвистического и прагматического подходов. В этом отношении творчество Ф.М. Достоевского представляет собой особенно плодотворный материал для исследования, поскольку в его произведениях социальные конфликты и внутренние переживания персонажей последовательно раскрываются через специфику речевого поведения. Одной из центральных тем, формирующих художественный мир писателя, выступает бедность, которая у Достоевского предстает не только как социально-экономическое состояние, но и как фактор, глубоко влияющий на коммуникативные стратегии героев, их самовосприятие и способы взаимодействия с окружающими.

Особый интерес в данном аспекте представляет роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди», в котором тема нужды получает разностороннее художественное воплощение в эпистолярной форме. Письмо как способ организации повествования позволяет выявить тончайшие особенности речевых актов персонажей, раскрыть скрытые механизмы косвенного выражения просьбы, прагматической деформации обещания, а также использования стратегий негативной вежливости и самоуничижения. В условиях хронической бедности язык героев утрачивает нейтральность и становится пространством постоянного баланса между необходимостью сообщить о своей нужде и стремлением сохранить достоинство.

Актуальность настоящего исследования определяется возрастающим интересом к прагматике художественного текста, к проблемам речевого поведения в ситуации социального неравенства, а также необходимостью дальнейшего осмысления того, каким образом социальный статус персонажа влияет на функционирование речевых актов в литературном произведении. Научная новизна работы заключается в рассмотрении темы бедности в романе «Бедные люди» не только как предмета идейно-художественного изображения, но и как прагматического фактора, определяющего специфику коммуникации героев. Цель исследования состоит в выявлении того, каким образом бедность влияет на речевые стратегии Макара Девушкина и Варвары Алексеевны, трансформируя просьбы, обещания и формы вежливости в особые способы языкового самосохранения и социально-психологической адаптации.

Стратегия косвенных просьб

Подобные речевые стратегии закономерны с точки зрения лингвистической прагматики. Как отмечает Б.Ю. Норман, «лингвопрагматика изучает употребление языка с учетом возрастных, половых, общественно-статусных и профессиональных особенностей общающихся, а также конкретных условий и целей речевого акта» [1]. В этом смысле бедность выступает значимым социально-статусным фактором, детерминирующим выбор косвенных и эвфемистических форм высказывания.

Данное положение соотносится с наблюдениями Е.Н. Роготневой, подчёркивающей необходимость «строить речь с применением различных способов в зависимости от условий общения: выбирать языковые средства, фигуры речи и т.п. (риторический аспект)» [2]. В условиях хронической нужды сами условия коммуникации приобретают характер статусного давления, что предопределяет обращение к косвенным формам просьбы и эвфемистическим способам выражения материальной зависимости.

Теория речевых актов, прежде всего разработанная Джоном Сёрлем в труде «An Essay in the Philosophy of Language», исходит из того, что язык представляет собой не только средство передачи информации, но и форму действия: «The unit of linguistic communication is not, as has generally been supposed, the symbol, word or sentence, but rather the production of the symbol or word or sentence in the performance of the speech act» [3]. Следовательно, коммуникативное поведение героев следует понимать как систему действий, детерминированных социальными условиями их существования. Данное положение подтверждается концепцией В.И. Карасика, согласно которой «коммуникативное поведение выражается в текстах, возникающих в ситуациях

общения и характеризующих участников общения как принадлежащих этнокультурной и социокультурной общности и как индивидуумов» [4]. В эпистолярном дискурсе романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» подобные характеристики проявляются через косвенные просьбы, эвфемистические формы и стратегии самоуничижения, обусловленные социальным статусом бедности.

Особую роль в данном контексте играет эпистолярная форма романа «Бедные люди», формирующая специфическое коммуникативное пространство смыслообразования. Как отмечает Дж.Г. Альтман, «The basic formal and functional characteristics of the letter … significantly influence the way meaning is consciously and unconsciously constructed» [5]. Эпистолярность тем самым выступает не нейтральной формой повествования, а активным механизмом конструирования смысла.

В этом коммуникативном пространстве бедность оказывает глубокое воздействие на речевое поведение персонажей, особенно в сфере выражения просьбы. Под её влиянием просительные высказывания героев обнаруживают отчётливые признаки прагматической деформации. Нужда вынуждает Девушкина и Варвару Алексеевну прибегать к косвенным и эвфемистическим формам высказывания, маскируя подлинные потребности и избегая прямого обнажения своего материального положения, что позволяет им сохранять внешнюю социальную респектабельность в процессе общения. Подобная коммуникативная стратегия выступает не только средством сокрытия материальной нехватки, но и результатом сложного прагматического баланса между стремлением сохранить социальное достоинство и необходимостью удовлетворения базовых жизненных потребностей.

В повествовательной линии Макара Девушкина бедность вынуждает героя трансформировать прямые просительные высказывания в завуалированные, эвфемистические формы, позволяющие избежать впечатления унизительного попрошайничества. В ситуации крайней материальной нужды Девушкин, намереваясь занять деньги, сознательно избегает эксплицитного формулирования просьбы, подменяя её описанием жизненных обстоятельств и апелляцией к угрозе социального неблагополучия. Так, в письме от 4 августа он пишет Варваре Алексеевне: «Ведь беда не занять! Хозяйка меня чуть с квартиры не гонит и обедать мне давать не соглашается… а ну как из начальства-то кто-нибудь заметит подобное неприличие? Беда, Варенька, беда, просто беда!» (письмо от 4 августа) [6]. Здесь просьба о помощи не оформляется в прямой речевой акт, а рассеивается в цепочке жалоб и тревожных допущений, в которых акцент смещается с материальной потребности на страх утраты внешнего приличия и служебной репутации.

Подобная речевая стратегия демонстрирует внутренний разлом, переживаемый бедным человеком между необходимостью выживания и стремлением сохранить символическое достоинство. Девушкин избегает прямого вербализования собственной финансовой несостоятельности, предпочитая размытые и имплицитные формулировки, которые позволяют ему не выступать в позиции открытого просителя. Характерно, что имплицитность его просьбы становится очевидной лишь в ответном письме Варвары Алексеевны, которая, фактически расшифровывая его коммуникативное намерение, пишет: «Купите себе там, что вам более нужно, чтобы хоть до завтра прожить как-нибудь» (письмо от 5 августа) [Там же 6].

Таким образом, значение просьбы оказывается не выраженным самим субъектом речи, а реконструированным адресатом.

Эвфемизация и косвенность в речевом поведении Макара Девушкина выступают не просто стилистическим приёмом, но механизмом защиты идентичности в условиях социально обусловленной нужды. Бедность здесь вынуждает героя одновременно артикулировать своё затруднительное положение и маскировать его, поддерживая социально значимую «маску достоинства». В результате просьба о помощи превращается в сложную коммуникативную конструкцию, где материальная нужда присутствует лишь имплицитно, а сохранение самоуважения становится не менее значимой целью, чем само выживание.

Аналогичным образом Варвара Алексеевна Доброселова, выражая собственные насущные жизненные потребности, также прибегает к имплицитным речевым стратегиям, избегая прямого артикулирования материальной нужды. В её письмах экономические затруднения не оформляются в виде эксплицитной просьбы о помощи, а репрезентируются через описание конкретных бытовых обстоятельств, приобретающих символическое значение. Так, в письме от Июля 29-го Варвара Алексеевна, приглашая Макара Девушкина к себе, подчёркивает: «Вы об этом обо всём ничего не пишете и как будто с намерением умалчиваете» [Там же 6] и далее предлагает ему «всегда приходить к нам обедать» [Там же 6], тем самым косвенно указывая как на собственную нестабильность жизненного положения, так и на взаимную материальную уязвимость сторон.

Особо показательно, что в ситуации острой нужды Варвара Алексеевна сама формулирует просьбу в смягчённой и частично маскированной форме. Так, в письме от 4 августа она пишет: «Ради бога, Макар Алексеевич, как только можно скорее займите сколько-нибудь денег; я бы ни за что не попросила у вас помощи в теперешних обстоятельствах, но если бы вы знали, каково моё положение!» [Там же 6]. Несмотря на внешнюю прямоту глагола занять, данное высказывание сопровождается системой оправданий, эмоциональных вставок и объяснений, которые размывают сам акт просьбы и переводят его из плоскости требования в плоскость вынужденного признания.

В данном фрагменте Варвара Алексеевна не столько просит о помощи, сколько демонстрирует крайность своего положения, подчёркивая, что обращение к адресату является для неё морально затруднительным и нежелательным. Таким образом, материальная нужда репрезентируется не напрямую, а через прагматическую структуру высказывания, в которой просьба маскируется под исповедь и эмоциональное самооправдание. Подобная имплицитность позволяет Варваре Алексеевне одновременно сигнализировать о необходимости поддержки и сохранять символическую автономию, избегая образа полностью зависимого и униженного субъекта. Бедность в данном случае проявляется не столько в содержании речи, сколько в способе её организации, где прагматическая размытость служит механизмом сохранения достоинства.

Давление бедности вынуждает персонажей вступать в своеобразную идентификационную «игру» в процессе осуществления просьбы. И Макар Девушкин, и Варвара Алексеевна Доброселова в своих просительных речевых актах прибегают к различным языковым стратегиям, стремясь найти баланс между сохранением «респектабельности» и удовлетворением насущных жизненных потребностей. Несмотря на тяжёлое материальное положение, посредством эвфемизации и косвенных форм выражения они по возможности избегают прямой демонстрации собственной уязвимости, стараясь поддерживать социальное достоинство и позитивный образ «я» в коммуникативном пространстве. Подобная прагматическая деформация речи выступает не только способом сокрытия материальной нужды, но и отражением внутренней борьбы за идентичность и механизмом самозащиты личности.

В письмах Макара Девушкина, даже когда он затрагивает тему собственных лишений, его речь сохраняет оттенок теплоты, уважения и эмоциональной деликатности, особенно в коммуникации с Варварой Алексеевной. Он стремится не выглядеть униженным или зависимым, переводя фокус высказывания с собственной нужды на заботу об адресате. Так, в письме от 25 апреля он пишет: «Сегодня я весь день все только об вас и думаю. У меня за вас, родная моя, все сердце изныло… Ведь вот, душечка моя, я вот знаю, что у вас теплого салопа нет…» [Там же 6]. В данном фрагменте Девушкин, находясь сам в состоянии материальных затруднений, не артикулирует собственную нужду напрямую, а, напротив, акцентирует внимание на положении Варвары Алексеевны.

Подобная речевая стратегия демонстрирует стремление героя сохранить чувство собственного достоинства и избежать позиции просителя. Его забота выражается мягкими, эмоционально окрашенными формулировками, в которых уменьшительно-ласкательная лексика и интонация участия маскируют глубину его личных лишений. Имплицитно сообщая о трудностях существования, Девушкин одновременно выстраивает коммуникативное пространство уважения и моральной поддержки, где внимание к адресату становится способом сохранения собственной респектабельности. Таким образом, даже в ситуации бедности его речь не приобретает просительного характера, а оформляется как этически выверенное и эмоционально тёплое высказывание.

Посредством подобных эвфемистических и имплицитных средств персонажи не только стремятся замаскировать материальную нехватку, но и демонстрируют глубинный идентификационный конфликт, возникающий в пространстве социального взаимодействия. Бедность вынуждает их вести сложную прагматическую переговорную игру между самозащитой и социальными ожиданиями, в которой язык становится ключевым инструментом сохранения достоинства и выживания в условиях нужды.

Прагматическая неадекватность (дефицит уместности) комиссивных речевых актов

М.М. Бахтин в своём исследовании, посвящённом творчеству Ф.М. Достоевского – «Проблемы поэтики Достоевского», – указывает на принципиальную незавершённость персонажей в произведениях писателя. Их характерологические черты и жизненный опыт предстают как процессуально открытые, незавершённые. Сознание героя, по мысли исследователя, «не опредмечивается, не закрывается, не становится

простым объектом авторского сознания» [7]. Это в полной мере относится к одному из ключевых персонажей, анализируемых в настоящей работе, – Макару Девушкину. Он не является героем с предзаданной судьбой в традиционном понимании; напротив, его поведение и личностные качества трансформируются под воздействием жизненных обстоятельств, в конечном счёте направляя его к неопределённому, открытому финалу. Подобно тому как бедность влияет на просительные речевые акты Девушкина, она же обусловливает и деформацию его комиссивных высказываний – прежде всего обещаний. Между актом обещания и фактической невозможностью его выполнения герой оказывается в состоянии своеобразного «парадокса речевого акта».

Согласно теории «условий искренности» Дж. Сёрля, иллокутивная сила обещания определяется, помимо прочего, наличием у говорящего реальной возможности выполнить взятое на себя обязательство. Обещание предполагает не только намерение, но и доступ к материальному ресурсу действия. Однако перманентный характер бедности лишает Макара Девушкина подобной возможности: его обещания постепенно утрачивают прагматическую валидность, превращаясь в формально произносимые, но фактически не обеспеченные высказывания.

Показательным в этом отношении является письмо от 10 сентября, в котором Девушкин, получив денежную сумму, стремится продемонстрировать способность к финансовой ответственности и тем самым создать иллюзию восстановленной платёжеспособности: «Посылаю вам сорок пять рублей ассигнациями, двадцать рублей хозяйке даю, у себя тридцать пять оставляю: на двадцать платье поправлю, а пятнадцать оставлю на житьё-бытьё…» [Там же 6]. На первый взгляд, данное высказывание предполагает возможность исполнения ранее данных обещаний.

Однако дальнейшее распределение средств выявляет иную прагматическую логику: полученные деньги немедленно вовлекаются в систему вынужденных расходов, связанных с элементарным выживанием и поддержанием внешней респектабельности. Денежный ресурс не аккумулируется и потому оказывается структурно недоступным для реализации обещаний. В результате между словом и возможностью его осуществления возникает устойчивый разрыв.

Таким образом, бедность трансформирует саму природу обещания: иллокутивная форма сохраняется, однако её перлокутивная надёжность разрушается. Несмотря на искреннее стремление Девушкина сдержать данное слово, социально-экономическая нужда делает выполнение обязательств практически невозможным. Это приводит к постепенной эрозии доверия и демонстрирует, каким образом материальная нищета выступает прагматическим фактором, подрывающим механизм обещания как социально значимого речевого акта. Речевая надёжность Макара Девушкина утрачивает свою убедительность, а сам герой всё глубже погружается в состояние внутреннего самообмана, продолжая верить в осуществимость собственных слов в ситуации, где реальность систематически лишает их исполнения.

Сходным образом и Варвара Алексеевна в своих письмах формулирует комиссивные высказывания, связанные с отказом от помощи и стремлением сохранить самостоятельность. В условиях хронической нужды подобные высказывания приобретают характер моральной установки, направленной на защиту собственного достоинства. Так, в письме от 4 августа Варвара Алексеевна подчёркивает: «Я бы ни за что не попросила у вас помощи в теперешних обстоятельствах, но если бы вы знали, каково моё положение!» [Там же 6]. Данное высказывание имплицитно фиксирует обещание воздерживаться от обращения за поддержкой, даже при осознании тяжести собственного положения.

Однако дальнейшее развитие событий демонстрирует несостоятельность подобного комиссивного намерения. Уже в следующем письме Варвара Алексеевна оказывается вовлечённой в ситуацию вынужденного обмена помощи, признавая невозможность полного самообеспечения: «Посылаю вам тридцать копеек серебром; больше никак не могу. Купите себе там, что вам более нужно, чтобы хоть до завтра прожить как-нибудь» [Там же 6] Здесь отказ от помощи фактически утрачивает силу: жизненные обстоятельства вынуждают героиню вступить в зависимую коммуникативную позицию, несмотря на ранее заявленную установку на самостоятельность.

Несостоятельность данного обещания наглядно демонстрирует глубинное воздействие бедности на речевое поведение персонажей. Комиссивное высказывание Варвары Алексеевны утрачивает прагматическую наполненность не вследствие неискренности, а по причине экзистенциальной ситуации, в которой человек низшего социального слоя лишён реальной возможности самообеспечения. Её слово сохраняет формальную структуру обещания, однако теряет перформативную силу, а отказ от помощи – практический смысл. Тем самым бедность выступает фактором, разрушающим не только экономическую автономию, но и способность субъекта поддерживать устойчивые речевые обязательства.

Ослабление достоверности речевых актов под воздействием бедности проявляется не только на уровне межличностной коммуникации, но и приобретает более глубокое социальное измерение. Если в частной переписке Макара Девушкина эрозия доверия обусловлена структурной невозможностью исполнения комиссивных обязательств, то на более широком уровне она трансформируется в утрату социально признанной коммуникативной легитимности.

В условиях социальной стратификации и имущественного неравенства речевые акты представителей низших слоёв оказываются лишёнными необходимого социального капитала, который обеспечивает их перформативную действенность. Обещания Макара Девушкина постепенно утрачивают не только практическую реализуемость, но и иллокутивную силу как таковую: разрыв между словом и возможностью его осуществления закрепляется в сознании адресата и воспроизводится в социальном восприятии бедного субъекта.

Таким образом, в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» бедность разрушает не только материальное бытие личности, но и подрывает языковую действенность её высказываний. Коммуникативная надёжность Девушкина обесценивается, а доверие к его словам постепенно размывается. Данный феномен раскрывает двойственную природу бедности: она не только погружает человека в состояние материальной нехватки, но и лишает его символической кредитоспособности в социальном взаимодействии, вводя его в пространство речевой несостоятельности и кризиса доверия. В этом смысле бедность выступает не просто экономическим обстоятельством, а фактором, системно деформирующим функционирование речевых актов и подтачивающим саму возможность признания слова как социально обязательного действия.

Стратегии негативной вежливости

Согласно теории лица, разработанной П. Браун и С. Левинсоном в труде «Универсалии в употреблении языка: вежливость», индивиды в процессе социального взаимодействия прибегают к различным коммуникативным стратегиям, направленным на поддержание собственного лица; при этом, как подчёркивают исследователи, «the uses of each are tied to social determinants, specifically the relationship between speaker and addressee and the potential offensiveness of the message content» [8]. Данные положения дополняются концепцией «работы по сохранению лица» (face-work), предложенной Эрвингом Гоффманом в книге «Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу». Как отмечает Э. Гоффман, «By face-work I mean to designate the actions taken by a person to make whatever he is doing consistent with face. Face-work serves to counteract «incidents» – that is, events whose effective symbolic implications threaten face» [9]. Особенно значимыми подобные стратегии становятся в условиях социального давления и заниженного статусного положения, когда вероятность «инцидентов», угрожающих лицу субъекта, существенно возрастает.

Кроме того, китайские исследователи Хэ Цзыжань и Чэнь Синьжэнь в коллективной монографии «Современная прагматика» подробно интерпретируют теорию Браун и Левинсона, уделяя особое внимание функционированию стратегий негативной вежливости. Как отмечают авторы, «так называемое негативное лицо представляет собой стремление члена общества к тому, чтобы его действия не подвергались вмешательству, то есть к сохранению свободы действий и автономии принятия решений» [10]. В обобщённом виде данные подходы позволяют утверждать, что негативная вежливость используется для избегания прямого конфликта и коммуникативной конфронтации, особенно в ситуациях статусного неравенства и социального давления.

Данные наблюдения находят подтверждение и в лингвистических исследованиях художественного пространства произведений Ф.М. Достоевского. Как А.М. Клюшина отмечается, «представленные отрывки произведений подтверждают идею безысходного положения и отсутствия жизненных перспектив персонажа, находящегося в бедственном положении, доходящем до крайности» [11]. В таком контексте стратегии речевого самоуничижения могут рассматриваться не только как средство смягчения коммуникативных конфликтов, но и как отражение глубинной идентификационной установки персонажа.

В романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» Макар Девушкин систематически реализует стратегии негативной вежливости как способ поддержания собственной идентичности в условиях хронической нужды. В ситуациях социального давления он прибегает к речевому самоуничижению, стремясь заранее нейтрализовать возможные коммуникативные конфликты. Характерным примером служат устойчивые формулы самоснижения, которыми Девушкин регулярно подписывает письма, именуя себя «покорнейшим слугой», а также высказывания,

в которых он подчёркивает собственную интеллектуальную и социальную неполноценность: «Я, Варенька, старый, неучёный человек; смолоду не выучился…» [Там же 6]. Посредством подобных самодискредитирующих формул Девушкин вербализует собственный низкий социальный статус и одновременно снижает степень угрозы лицу адресата. Однако в долгосрочной перспективе данная стратегия приводит к интериоризации униженного положения: бедность перестаёт восприниматься как внешнее обстоятельство и начинает функционировать как элемент личностной идентичности. Это особенно наглядно проявляется в обобщающих суждениях героя – «бедные люди капризны», – где социальная нужда представляется как неустранимая и «естественная» характеристика определённого слоя.

Таким образом, стратегия негативной вежливости, первоначально направленная на смягчение коммуникативного давления, парадоксальным образом способствует закреплению маргинализированной идентичности. Речевая самодискредитация позволяет Девушкину временно избегать конфликта, но одновременно лишает его возможности выйти за пределы навязанной социальной роли, превращая бедность в устойчивый дискурсивный и идентификационный маркер.

Помимо стратегии самоуничижения, Макар Девушкин прибегает и к тактике смягчения конфликта как способу противостояния социальному давлению. Особенно отчётливо данная стратегия проявляется в ситуациях взаимодействия с квартирной хозяйкой, настаивающей на уплате долга за жильё. В письмах Девушкина подобные эпизоды систематически описываются в редуцированной форме: агрессивное и иерархически обусловленное давление со стороны хозяйки репрезентируется им как «шум» и словесная раздражительность.

Характерно, что, фиксируя крики и брани хозяйки, Девушкин не разворачивает конфликт и не стремится к оправданию или сопротивлению, а подчёркивает собственную пассивную позицию слушающего и терпящего субъекта. Подобная манера описания переводит ситуацию социального принуждения в плоскость обыденной бытовой ссоры, тем самым снижая субъективную интенсивность переживаемого давления и позволяя герою сохранить психологическую устойчивость.

Однако данная стратегия смягчения конфликта носит амбивалентный характер. С одной стороны, она позволяет герою избежать прямой конфронтации и временно защитить собственное лицо, реализуя принципы негативной вежливости и коммуникативного самосохранения. С другой стороны, подобная редукция маскирует подлинный масштаб социального принуждения и демонстрирует ограниченность возможностей сопротивления представителя низшего социального слоя. Бедность в данном случае не только провоцирует уступчивость в коммуникации, но и вынуждает субъекта к систематическому самоограничению, превращая отказ от конфликта в устойчивую форму социального поведения.

Более того, посредством речевой уступчивости и дискурсивной ретуши конфликта герой стремится сохранить краткосрочное коммуникативное равновесие. В результате давление, оказываемое на него, постепенно нормализуется в его сознании, воспринимаясь как неотъемлемая часть повседневного существования. Тем самым бедность способствует утрате способности к сопротивлению несправедливости, превращая принуждение в «естественный» элемент жизненного опыта.

Однако чрезмерная эксплуатация стратегий лица приводит к отчуждению идентичности: Макар Девушкин постепенно интериоризирует роль «униженного» субъекта. Бедность проявляется не только как материальная нехватка, но и оказывает глубокое воздействие на самовосприятие и духовный мир личности. В условиях нужды и социального давления речевое поведение Девушкина постепенно утрачивает потенциал сопротивления: бедность становится не просто жизненным ярлыком, но и когнитивной рамкой его самоидентификации.

Так, в письме от 9 сентября Девушкин воспринимает оказанную ему материальную помощь со стороны начальника как событие, затрагивающее его нравственное и экзистенциальное самочувствие, что наглядно демонстрирует, каким образом бедность деформирует представление субъекта о собственной ценности. Полученную поддержку он интерпретирует не как элемент обычного социального или служебного взаимодействия, а как акт морального спасения, сопровождаемый выраженной религиозно-оценочной лексикой. Характеризуя произошедшее, Девушкин пишет:

«Этим поступком они мой дух воскресили, жизнь мне слаще навеки сделали, и я твёрдо уверен, что я как ни грешен перед всевышним, но молитва о счастии и благополучии его превосходительства дойдёт до престола его!..» [Там же 6].

Подобная языковая сакрализация помощи выявляет глубинную эрозию самосознания личности: бедность постепенно лишает человека устойчивого чувства собственной ценности, вследствие чего поддержка и благодеяние начинают восприниматься не как форма нормальных социальных отношений, а как исключительное нравственное «воскресение». В когнитивной картине мира Девушкина помощь начальника приобретает характер экзистенциального восстановления, компенсирующего утрату самоуважения, вызванную хронической нуждой.

В целом можно заключить, что систематическое использование стратегий лица – прежде всего самоуничижения и смягчения конфликта – позволяет Девушкину временно избегать социальных столкновений, однако одновременно способствует закреплению его маргинализированной идентичности. Бедность оказывает на него давление не только в материальном, но и в экзистенциально-психологическом измерении: она постепенно лишает его способности к сопротивлению, интериоризируется как часть самосознания и превращается в устойчивый компонент идентичности. Через язык бедность размывает его достоинство и самоощущение, вовлекая героя в замкнутый круг символической зависимости, из которого практически невозможно вырваться.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» бедность выступает не только как предмет художественного изображения, но и как значимый прагматический фактор, непосредственно влияющий на речевое поведение персонажей. Под её воздействием коммуникативные акты Макара Девушкина и Варвары Алексеевны подвергаются системной деформации: прямые просьбы замещаются косвенными и эвфемистическими формами, обещания утрачивают прагматическую обеспеченность, а стратегии вежливости и самоуничижения становятся способом сохранения достоинства в условиях социальной уязвимости. Тем самым бедность определяет не только содержание высказываний героев, но и сам характер их речевого взаимодействия.

Вместе с тем исследование позволяет заключить, что бедность в художественном мире Достоевского разрушает не только материальную устойчивость личности, но и подрывает коммуникативную надёжность субъекта. Невозможность исполнить обещание, зависимость от помощи и разрыв между словом и реальным действием приводят к ослаблению иллокутивной силы высказываний и постепенной утрате социального доверия. Следовательно, прагматический анализ романа «Бедные люди» позволяет глубже раскрыть внутреннюю драму «бедного человека», для которого нужда становится не только формой социального существования, но и причиной речевой несостоятельности, затрагивающей его личностную и символическую субъектность.

Литература

1. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. – Минск: БГУ, 2009. – С. 5.
2. Роготнева Е.Н. Речевая коммуникация. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – С. 4.
3. Сёрл Дж. Речевые акты: эссе по философии языка. – Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 1969. – С. 10.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 5.
5. Альтман Дж.Г. Эпистолярность: подходы к форме. – Колумбус: Изд-во Университета штата Огайо, 1982. – С. 7.
6. Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – Т. 1. – С. 75.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 4.
8. Браун П., Левинсон С. Вежливость: некоторые универсалии в языковом употреблении. – Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 1987. – С. 2.
9. Гоффман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. – Нью-Йорк: Anchor Books, 1967. – С. 12.
10. Хэ Цзыжань, Чэнь Синьжэнь. Современная прагматика. – Пекин: Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2004. – С. 46.
11. Клюшина А.М. Формирование темы бедности в художественном пространстве произведений Ф.М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, вып. 2. – С. 472–476.

POVERTY» IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY FROM A PRAGMATIC PERSPECTIVE: BASED ON THE NOVEL POOR FOLK

Yang Yuanhua
Northwest Normal University

The article examines the theme of poverty in Fyodor Dostoevsky's novel Poor Folk from a pragmatic perspective. The aim of the study is to identify the influence of the characters' social status on the specific features of their speech behavior. The analysis focuses on indirect requests, the pragmatic insufficiency of commissive speech acts, and strategies of negative politeness manifested in the letters of Makar Devushkin and Varvara Dobroselova. It is established that poverty in the novel functions not only as an object of artistic representation but also as an important factor shaping the communicative strategies of the characters. Under its influence, direct utterances are replaced by euphemistic and implicit forms, promises lose their pragmatic validity, and self-deprecation as well as conflict mitigation become means of preserving personal dignity. The study concludes that, in Dostoevsky's artistic world, poverty destroys not only the material stability of the individual but also undermines communicative reliability and symbolic subjectivity.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Poor Folk, Poverty, Pragmatics, Speech Acts, Speech Behavior.

References

1. Norman B. Yu. Linguistic Pragmatics (based on Russian and other Slavic languages): a course of lectures. – Minsk: BSU, 2009. – P. 5.

2. Rogotneva E.N. Speech Communication. – Tomsk: Tomsk Polytechnic University Press, 2011. – P. 4.

3. Searle J. Speech Acts: An Essay on the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – P. 10.

4. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. – Volgograd: Peremena, 2002. – P. 5.

5. Altman J.G. Epistolarity: Approaches to Form. – Columbus: The Ohio State University Press, 1982. – P. 7.

6. Dostoevsky, F.M. Poor People // Dostoevsky, F. M., Complete Works: in 30 volumes. – Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1972. – Vol. 1. – P. 75.

7. Bakhtin, M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. – Moscow: Sovetsky Pisatel, 1963. – P. 4.

8. Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Use. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 2.

9. Goffman, E. The Ritual of Interaction: Essays on Face-to-Face Behavior. – New York: Anchor Books, 1967. – P. 12.

10. He Ziran, Chen Xinren. Modern Pragmatics. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2004. – P. 46.

11. Klyushina A.M. Formation of the Theme of Poverty in the Artistic Space of F.M. Dostoevsky's Works // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. – 2023. – Vol. 16, issue 2. – P. 472–476.

Развитие кадрового потенциала как необходимое условие достижения технологического суверенитета

Алборова Марианна Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры Института экономики, математики и информатики Президентской академии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: alborova2205@mail.ru

Карасёва Дарья Максимовна,
эксперт цифровой кафедры, Московский государственный институт международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: dashakara@yandex.ru

Статья посвящена важности развития человеческого капитала в контексте расширения возможностей реализации нового технологического уклада. Авторы обращают внимание на усиление потребности общества в высококвалифицированных кадрах, необходимых для развития национальной экономики в условиях быстрого технологического развития. В статье подчеркивается значение подготовки кадров для сохранения научно-технологической базы и инновационного развития страны. Авторы анализируют ключевые тенденции глобального технологического развития. Авторы считают, что образование, реализующее фундаментальный междисциплинарный подход, даст широкие перспективы для подготовки кадров, способных понимать новые вызовы цифровой эпохи и готовых предложить качественные решения в сложных ситуациях. Образование играет ключевую роль в повышении качества и конкурентоспособности человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, социально-трудовые отношения, институты развития человеческого капитала, индекс развития человеческого капитала, интеллектуальный потенциал человека.

Введение

Генезис нового технологического уклада сопровождается вниманием к вопросу развития человеческого капитала. Качественное усложнение технических процессов и скорость внедрения инноваций обострили проблему дефицита кадров, повысили значение высококвалифицированного персонала необходимого для развития национальной экономики.

Современное общество живет в высокотехнологическом мире, который требует стратегической и устойчивой политики развития человеческого потенциала, поскольку разработка, производство и продвижение инновационного продукта требует повышения уровня не только системы образования, но и нового уровня мышления. Именно сегодня необходимы кадры с высокой мотивированностью, умением инициировать, ответственным подходом к делу и любознательностью, которая приводит к стремлению постоянно учиться и саморазвиваться.

Актуальные направления развития современного технологического мира

Переходный период с конца XX в. до начала XXI в. ознаменован формированием основ системного кризиса цивилизации, вызванного переходом от индустриального общества к постиндустриальному [*Краснов*, 2020, с. 38]. Этот процесс требовал значительных ресурсов и стимулировал запрос на технологические изменения. В результате возникла необходимость в новом подходе к человеку и его способностям, как созидательным, так и интеллектуальным, чтобы адаптироваться к стремительно меняющемуся миру глобального цифрового пространства.

Осознание риска ограниченности ресурса выявило необходимость в совершенствовании технологий, способных восстанавливать их или создавать заново, расходуя значительно меньше средств на разработку и внедрение нового продукта. Постепенно сформировались основы для развития аддитивных технологий. Подобные инновации уже находят свое применение в сферах медицины, машиностроения, промышленности, решая вопрос дефицита необходимых материалов, и, в то же время, ограничивая, путем увеличения времени процесса аддитивного производства [*Бирюков, Алборова,* 2020]. Проблема ограниченности ресурсов указывает на возможный вариант решения вопроса – *достижение конкурентного технологического преимущества путем значительного повышения возможностей человеческого капитала, создание инновационных технологий, способных снизить нагрузку на природные ресурсы и сформировать базу для ресурсозамещающих решений, что, в свою очередь, приведет к борьбе за умы и идеи, способные к инициированию инноваций*.

В этих условиях все более очевидными становятся следующие тренды:

- наличие энергии и ресурсов, базовых основ для устойчивого развития;
- глобальное вовлечение в технологическое развитие всех стран и регионов, что привело к цифровым разрывам, появились страны, имеющие технологии и страны, зависящие от поставщиков инновационных разработок, что, в свою очередь, обострило вопрос государственной суверенности.

В этих условиях ключевым становится вопрос подготовки новой системы образования, повышения квалификации и переквалификации кадров, поскольку именно человек, грамотно и эффективно реализующий свой потенциал может сохранить накопленную научную базу в стране и развить ее.

В исторической ретроспективе важно также отметить, что создание техносферы привело к глобальной трансформации цивилизации, что в свою очередь сформировало риски сохранения самой природы. В условиях кризиса важно определить приоритеты: что развивать и сохранять, какие задачи тактические, а какие стратегические. Необходимо не только решать текущие задачи, но и обеспечить будущее, избегая потерь. Определение стратегических приоритетов поможет обеспечить стабильную эволюцию, сосредоточившись на создании новых технологий, основанных на результатах фундаментальной науки, способных изменить окружающую среду.

В XX в. было множество примеров успешного решения тактических и стратегических задач. Например, в 1945 г. Советский Союз завершил войну с Германией, достигнув этого благодаря значительному развитию военных технологий и ежедневным усилиям для достижения победы. В то же время в стране велись уникальные работы в области ядерных технологий, что впоследствии позволило Советскому Союзу установить баланс сил в ядерном противостоянии с США, которые первыми разработали и применили атомную бомбу в 1945 г. История атомного проекта СССР фактически началась с распоряжения Государственного комитета обороны от 28 сентября 1942 г. об организации работ по урану, тогда же было принято решение о начале проведения исследований в области атомной энергии. 12 апреля 1943 г., в тяжелейшие годы войны, требующие решения срочных тактических задач, был открыт Курчатовский институт, разработки которого заложили основы для стратегической научной перспективы и обеспечения безопасности страны [*Сказочкин*, 2019]. Таким образом, сочетание решения тактических и стратегических задач позволило сохранить настоящее и обеспечить безопасность будущего.

Важно отметить, что научные школы, созданные в XX в., заложили основы для уникальных фундаментальных исследований и подготовили кадры для технологического суверенитета нашей страны. При этом решение тактических приоритетов развития индустриальной цивилизации сформировало базу для высокотехнологической науки, что привело к стратегической перспективе страны и обеспечению ее безопасности.

Столь широкий спектр новых вызовов требует и качественно нового подхода к синтезу научных знаний. В последнее время все больше усилий направляется на развитие смежных наук, таких как биофизика, биохимия, наноэлектроника и др. Науки объединяются на основании глубинного, фундаментального знания, накопленного за последние 200 лет, в итоге формируется новый уровень сингулярного знания, позволяющий решать уникальные технологические задачи [*Алборова*, 2019].

Все эти процессы требуют развития человеческого капитала, формирования инновационных научных школ, технопарков, расширения научного диапазона знаний, компетенций и навыков. По мнению Член-корреспондента РАН, Президента Курчатовского института М.В. Ковальчука: *«На передний план выходит формирование новой стратегической цели на основе приоритета научно-технологического развития, опирающегося на опережающее развитие междисциплинарных научных исследований»* (Михаил Ковальчук…).

Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г.: *«…с учётом демографических вызовов, с которыми мы столкнулись, высокой потребности, а если говорить прямо, дефицита кадров для нас критически важно кардинально повысить производительность труда – это одна из ключевых задач»* (Послание президента…). Повышение производительности труда может быть достигнут путем внедрения цифровых технологий в управление, роста энерго– и ресурсоэффективных экономических предложений и реализации таких предложений, роботизации и автоматизации промышленных мощностей.

Современные научно-технологические решения

В настоящее время формируется новый стратегический приоритет на базе технологического освоения результатов множественных междисциплинарных исследований. Необходим научно-технологический прорыв на основе опережающего развития фундаментальных исследований, междисциплинарности. На современном этапе активно развиваются следующие направления в науке и технологиях:

1. *Нанотехнологии* – методология конструирования материалов любого применения путем атомно-молекулярного конструирования;
2. *Биотехнологии* – конструирует материалы в биологическом мире, что позволяет создать гибридный материал;
3. *Информационные технологии* (в частности микроэлектроника) формирует нано или микроэлектромеханическую систему;
4. *Когнитивные технологии* – информационные технологии, изучающие сознание человека и принятия решения;
5. *Социо-гуманитарные технологии* – позволяющие анализировать и влиять на развитие нового общества.

Развитие инновационных направлений на фоне расширения возможностей искусственного интеллекта, увеличения объемов Больших данных, разработок в области квантовых технологий выводит человечество на качественно новый уровень эволюции. В эпоху информационных технологий необходимо учиться проводить исследования, инициировать новые разработки и воплощать их в производственном процессе, использовать результаты, анализировать риски и быть ответственным за долговременные итоги разработанной технологии [*Горбанев*, 2016].

Для становления инновационного общества нужны уникальные талантливые, творческие созидатели. Причем сделать это без привлечения большей части населения практически невозможно. Как показали кризисы 2020 г. (пандемия COVID-19) и 2022–23 гг. (обострение международной ситуации) полагаться на привлечение и использование рабочей силы из других стран не всегда возможно. Так, единственным наиболее эффективным путем стратегического развития суверенного государства, которое должно успешно реализовываться в конкурентной технологической среде, остается сохранение и наращивание собственного человеческого капитала.

Человеческий капитал: теория и практика

Понятие «человеческий капитал» было введено в научный оборот во второй половине XX в. [*Горбанев*, 2016]. Развитие индустриальной цивилизации, завершение Второй мировой войны, которая привела к катастрофическим жертвам, разрушение колониального мира – все эти исторические вызовы обострили вопросы значимости человека как уникального ресурса для эволюции цивилизации. В этих условиях появились научные труды, связанные с аналитикой исследования вопроса о макроэкономическом подходе к оценке развития человеческого капитала. Например, в работах Т.У. Шульца (*Schultz,* 1981), Г. Беккера (*Becker*, 1964), У. Петти (*Pettys,* 1682), А. Маршалла (*Marshall,* 1890) хорошо обосновано значение развития человеческого капитала как базовой основы для устойчивого экономического роста.

В трудах экономистов У. Шульца и Г. Беккера отмечается, что человеческий капитал должен быть основой устойчивого развития экономики. Они убеждены, что вложение в развитие человеческого капитала принесет значительно больше прибыли, чем инвестиции в недвижимость или ценные бумаги. При этом базовыми факторами, повышающими способность человека к эффективному труду, являются: доступность образования, высокий уровень качества здравоохранения, наличие профессионального опыта, знаний и компетенций, возможность трудовой и академической мобильности [*Маршалл*, 2012].

На современном этапе, в дополнение к вышеуказанным факторам важно наличие благ, необходимых для удовлетворения как физиологических, так и культурных потребностей. Человеческий капитал является важным фактором развития общества в целом и экономики в частности. Несмотря на высокий уровень замены некоторых профессий роботами, появляется много рабочих мест для тех, кто разбирается в цифровой специфике и для тех, кто сможет оптимизировать работу с технологиями. Следовательно, повышаются требования для занятого населения Российской Федерации.

Важно помнить, что человек может достичь наивысших результатов в развитии своих способностей только при активной поддержке и внимании со стороны всех общественных институтов, которые должны участвовать в формировании личности человека как индивида, способного успешно взаимодействовать в социально-экономических процессах. Это значит, что государство, инвестирующее в развитие человека, имеет стабильные перспективы для устойчивой качественной эволюции. Под инвестициями в человека в условиях современной постиндустриальной цивилизации при ее вызовах и рисках мы имеем ввиду продуманную демографическую политику, высокий уровень качественного образования и здравоохранения населения, предоставление широких возможностей для развития науки, спорта и творчества [*Foss*, 2012]. Эти базовые основы дают возможность накапливать знания, навыки и компетенции необходимые для формирования профессионального опыта.

Человеческий капитал необходимо рассматривать как основу для развития общества в целом и стимулирования прогресса во всех производственных процессах, в частности (Human capital…). Высокий уровень компетенций, навыков и умений экономически активного населения – это качественный шанс на устойчивый рост благополучия граждан страны. Это особенно актуально в условиях построения инновационной экономики, при которой человеческий капитал становится ключевым фактором устойчивости инновационного общества.

Дополнительно следует учитывать современные подходы американской научной школы к проблематике человеческого капитала в условиях технологической трансформации. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Ромер подчеркивает, что устойчивый экономический рост определяется не только накоплением знаний, но и институциональной средой, стимулирующей инновационную активность и инвестиции в образование (Romer, 1990). В рамках теории эндогенного роста образование рассматривается как стратегический фактор долгосрочной конкурентоспособности государства.

Современные исследования американских аналитических центров, в частности Brookings Institution, акцентируют внимание на рисках технологической поляризации рынка труда и необходимости масштабных программ переквалификации в условиях цифровизации экономики (Muro et al., 2019). По мнению американских исследователей, именно инвестиции в STEM-образование и развитие когнитивных навыков становятся ключевым условием сохранения технологического лидерства США.

Именно сегодня формируется новое поколение, рожденное в эпоху Цифры, меняется уровень восприятия, тип грамотности, все меньше остается молодых людей, способных к прочтению и аналитике больших теоретических материалов, усиливающаяся информационная лавина мешает концентрироваться, вовлекает в клиповость, маркерность образов, в которых растет новое общество. Уже сегодня эксперты отмечают резкое снижение уровня долговременной памяти, навыков работы с поиском информации. Выросло поколение, которое приучено получать готовую информацию, сгенерированную на основе работы технологии искусственного интеллекта. Это приводит нас к пониманию многомерности изменений, которые могут иметь как позитивные результаты, так и негативные.

Общество постепенно разбивается на несколько уровней. С одной стороны, условия научно-технологического прогресса ожидают людей с инновационным мышлением, которые смогут создавать, развивать и продвигать технологии нового поколения. С другой стороны, множество готовых решений снижает потребность к пытливости ума. Информационное пространство дает широкие возможности для развития знаний и интеллекта, но при этом позволяет оставаться на крайне низком уровне знания, мышления, общения.

Современное постиндустриальное общество сформировало новые направления развития всех сфер деятельности человека. Активно внедряющиеся инновации и распространение механизмов цифровой экономики создали основы для становления информационного общества.

Процесс информатизации – закономерное следствие глобального развития цивилизации, который обусловлен целым рядом объективных факторов. В ведущих странах мира постепенно формируется и новое цифровое общество 5.0, которое акцентирует внимание на создании инновационно мыслящего поколения [*Алборова*, 2019]. Фактически складываются условия для глобальной трансформации социально-экономических основ посредством использования цифровых технологий, таких как Big Data, Интернет вещей или искусственный интеллект [*Бирюков*, 2020].

Интеллектуальная стратификация общества все больше проявляется на фоне технологического разрыва между странами. При анализе проблематики значения человеческого капитала в новой цивилизации необходимо иметь широкий подход, позволяющий исследовать проблему с разных точек зрения. Для рассмотрения вопроса об эффективности человека в экономических условиях важно отметить значение индекса человеческого капитала и человеческого развития.

Индекс человеческого капитала (ИЧК) – формула расчета которого предложена специалистами Всемирного банка в 2018 г., является интегральным показателем объема человеческого капитала, который ребенок сможет накопить к совершеннолетию, с учетом уровня здравоохранения и образования в его стране проживания.

Для анализа экономического развития стран важно учитывать и **индекс человеческого развития** (**ИЧР**) – интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных государств и их регионов (Проект развития…).

В июле 2023 г. в ООН был представлен отчет по проблематике глобального индекса многомерной бедности 2023 г., а также обсуждены пути преодоления глобальной бедности, в рамках отчета «О развитии человеческого потенциала» (ПРООН) (Глобальный индекс…, 2023). Всего было проанализировано 110 стран, охватывающих 6,1 млрд чел., т.е. 92% населения развивающихся стран. Было выявлено, что 1,1 млрд бедных людей проживают в странах Африки. Вопросы развития человеческого капитала в этих странах решаются крайне медленно.

Важно отметить, что формирование и накопление человеческого капитала – это комплексный и долгий инвестиционный процесс, основные вложения в него должно делать государство. Именно трудоспособное население в возрасте от 20 до 55 лет обеспечивает развитие страны, поэтому необходима как грамотная молодежная политика, направленная на поддержку юного поколения, так и эффективная политика, реализующаяся крупные инфраструктурные проекты, создающие новые рабочие места. Человеческий капитал – это уникальное богатство страны, ключевое конкурентное преимущество в современной цифровой экономике.

Таким образом, формирование инновационной экономики потребовало усиленного внимания к развитию человеческого потенциала. Важно отметить, что место человеческого капитала в экономических процессах становится определяющим, ключевой основой для социально-экономического развития в условиях активно развивающейся инновационной экономики.

На современном этапе актуализируется значение коммерческих и государственных институтов, которые непосредственно включены в решение вопросов подготовки высококвалифицированных специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками [Научно-технологическое развитие…, 2023].

Эффективность применения человеческого труда напрямую зависит от качества и уровня его профессиональной подготовки и умения получать и реализовывать новые востребованные навыки и знания. Сегодня предприятия и компании стремятся реорганизовывать труд и внедрить новые методы управления для максимально эффективного использования своих нематериальных активов, развивать человеческий капитал на базе новых профессиональных навыков.

На современном этапе все чаще поднимается вопрос о повышении эффективности системы образования, поскольку технологии развиваются быстрее, чем человек проходит цикл обучения, а значит, необходимо не только учить классическому набору знаний, но и формировать цифровую грамотность и умение ориентироваться в актуальных тенденциях и трендах развития индустрии 4.0. Ситуация обостряется в связи с активной роботизацией производства. Изменение рынка труда приводит к технологической безработице.

Технологическая безработица и прекариат

Технологическая безработица (т.е. потеря рабочих мест под воздействием новых технологий) реальна, но рассматривается она как краткосрочное явление и на современных рынках труда она присутствует постоянно. Краеугольным камнем в данном вопросе является быстрая адаптация нового поколения к новым метаморфозам, экономическим изменениям и инновационным технологиям.

У технологической безработицы есть и глубокие социальные основания, ведь это явление социального мира, при котором достигнутый уровень технологий позволяет отказаться от труда людей в пользу труда технологий (автоматизация процессов производства, управления и обслуживания). Замещение человека техникой происходит очень активно, и сдержать в полном ее объеме этот запущенный человеком механизм не представляется возможным, рано или поздно наступит тот самый переходный период, и он будет по-настоящему тяжелым [*Бондаренко*, 2022].

Научно-технический прогресс все активнее поляризует рынок труда, очевидно, что труднее всего эти процессы отражаются на среднем классе. Сегодня все больше проявляется глубокая дифференциация общества, которая усугубляется в соответствии с развитием новых отраслей и профессиональных групп. Следствием расширения цифровой пропасти становится разница между теми, кто сможет успешно включиться в процессы, связанные с технологическим прогрессом и теми, кто не поспевает за ним.

Данные перспективы актуализируют вопрос глобальной трансформации образования, которое должно выйти на качественно новый уровень и начать формировать знания, умения и навыки для конкурентноспособного развития человеческого капитала, исходя из востребованности цифрового общества. Важно подготовить кадры к неминуемому техническому прогрессу, именно образование рассматривается в данном контексте как источник для повышения качества и востребованности человеческого капитала в изменяющихся условиях. Отсюда и значение инвестиций в человеческий капитал, и как следствие долгосрочная стратегическая инвестиционная политика ведущих стран мира, которую необходимо реализовывать для обеспечения устойчивого развития общества. При анализе современных изменений нельзя не отметить и формирующиеся окна возможностей.

Окно возможностей – возникновение ограниченной во времени ситуации, создающей условия для занятия значимых позиций на глобальных и внутренних рынках, технологических прорывов, интеграции в мировые цепочки создания добавленной стоимости, решения крупных социально-экономических проблем.

Важно отметить, что эти процессы в условиях глобализации имеют устойчивую форму международного взаимодействия. Развитие науки и техники невозможно удержать в рамках границ одного государства. Расширение глобальных экономических процессов, активное распространение транснациональных компаний приведут их к активизации

международных обменов в области образования для общечеловеческого развития.

Глобальное изменение подхода к системе подготовки кадров может привести к совершенствованию системы формирования и использования человеческого капитала. Работа в этом направлении потребует снижения административных барьеров, необходимости формирования более гибкого и свободного сетевого взаимодействия во всех сферах. Использование всех механизмов государственного аппарата для расширения возможностей профессиональной переподготовки кадров позволит избежать и еще одной социальной проблемы – формирования нового класса – *прекариата*.

Этот социальный класс все больше увеличивает свою численность и характеризуется как временно занятое население с нестабильным доходом и постоянным риском попасть в ряды безработных. Этот социальный класс стал возможным в результате расширения неолиберальной политики ведущих государств мира и глобализации, технологических изменений и т.д.

Прекариат не относится к среднему классу, так как у этих людей нет стабильного заработка, нет статуса и социальных пособий, получаемых представителями среднего класса. На современном этапе во многих странах мира четверть взрослого населения стали социально-обездоленными. Важно отметить, что среди подобной категории людей есть и родители, которые не устроены, они не могут не только дать образование своим детям, но и в целом обеспечить условия для достойного уровня жизни. Это, в свою очередь, приводит к формированию многопоколенной проблемы.

Основаниями столь сложного положения выступают следующие факторы. *Во-первых,* это упрощение системы высшего и профессионального образования. Во всем мире сегодня наблюдается обесценивание образования, товаризация его, превращение в систему услуг, что изменяет подход человека к процессу формирования знаний. *Во-вторых,* молодежь становится сегодня свидетелем глобальной дифференциации: с одной стороны, становление технологически обновленного мира, с другой стороны, недоступность этого мира, сложность в адаптации к изменениям. *В-третьих,* прекариат расширяется и за счет дискриминации этнических меньшинств. Ситуация усугубилась из-за снижения уровня и качества жизни в странах Востока и Африки, что стало следствием разрушения целых государств, гибели социальных структур в этих странах привело к расширению «легкой пехоты капитализма» беженцев и мигрантов.

Анализируя проблемы появления этой новой социальной группы, необходимо отметить тенденцию расширения численности прекариата в странах Западной Европы в геометрической прогрессии. Важно упомянуть и исторический аспект, чем больше проходит времени, тем меньше в странах западного мира остается носителей ценностей старой Европы. Общество ведущих стран старого мира меняется кардинально и на всех уровнях. Эти проявления все больше ведут к многоуровневому социальному конфликту, и если ранее исследователи говорили о революционных и социальных кризисах внутри отдельно взятых стран, то сегодня стоит вопрос о глобальных противоречиях в мире.

Проблема технологической безработицы и прекариата остается одной из критических в условиях формирования и развития инновационной цивилизации. Решать эти вопросы надо комплексно, подключая государственные институты и инициативы гражданского общества.

Следует акцентировать внимание на том, что современный мир трансформируется глобально и ежедневно, скорость распространения технологий определяет динамику развития государств, их способность к выживаемости, конкурентоспособности, умению обеспечить свой стратегический национальный интерес и свою безопасность. В этих условиях человеческий потенциал страны определяет ее будущее.

Цифровая эпоха востребует адекватный человеческий капитал, то есть людей, способных творить, проектировать, управлять и поддерживать сложные социальные и технологические процессы и при этом ценить жизнь других и быть ответственными за собственные действия и поступки.

Важно помнить о том, что в центре «мягкой мощи» государства стоит творческий человек – носитель знаний и главный участник их овеществления в виде технологий, инициатор и ключевой управляющий инновационной парадигмы развития.

В XXI веке мы все больше осознаем, что многочисленные научные открытия приводят ведущие государства к модернизации всех сфер жизни человека, а глобализация придает этому обновлению общемировой характер. Именно сегодня мы все больше говорим о синергетичности знаний, развитии нано-, био-, инфо– и когнитивных технологий, которые обеспечивают условия для прорывного старта человечества.

Человечество проживает период кардинального перехода от традиционных технологий к новому типу экономики, в связи с чем, вопрос о формировании обновленной производственно-технологической базы и качественно нового уровня образования остается актуальным. Стимулом для изменения подходов к подготовке кадров является и развитие новых технологических направлений, изменивших нашу жизнь.

Так, например, активное развитие нанотехнологий привело к появлению уникальной возможности создавать модели и контролировать процессы, происходящие на наноуровне. Появилась и потребность в разработке новых материалов. Решение этого вопроса наиболее остро проявляется в условиях значительного истощения природных ресурсов.

Внедрение разработок, связанных с нанотехнологиями в производство товаров, сегодня характеризуется принципиально новыми свойствами. Широко представлены на современном этапе прежде всего в сфере наноэлектроники, фотоники, нанобиотехнологий, медицинских товаров и оборудования, нейроэлектронных интерфейсов, наноэлектромеханических систем. Данные инновационные разработки, внося значительный вклад в изменение всего технологического уклада. Развитие нано-, инфо-, био– и когнитивных технологий становится основой для повышения продолжительности жизни человека и ее качества.

Особого внимания заслуживает китайский подход к развитию человеческого капитала в контексте технологического суверенитета. В официальных стратегических документах КНР, включая программу «Made in China 2025», подчеркивается приоритет подготовки высококвалифицированных инженерных и научных кадров как основы национальной инновационной системы. Китайские исследователи, в частности Джастин Ифу Линь, отмечают, что инвестиции в человеческий капитал являются необходимым условием перехода от модели догоняющего развития к инновационно-ориентированной экономике (Lin, 2012).

В научных публикациях Tsinghua University и Chinese Academy of Social Sciences подчеркивается, что цифровая трансформация требует синхронизации образовательной реформы, промышленной политики и стратегического планирования, направленного на формирование национальной технологической автономии (Li & Liu, 2018). Китайская модель делает акцент на долгосрочном государственном инвестировании в исследовательские университеты и технологические кластеры.

Масштабы перемен, которые сегодня реализуются в промышленности и производительной сфере, действительно, беспрецедентны. Общество стоит на пороге глубоких преобразований, которые коснутся каждого. Поэтому вопрос государственного стратегического планирования развития человеческого капитала становится ключевым в процессе успешной эволюции народов, государств, общества в целом.

Таким образом, подчеркивается значимость глобальной реформы образования, направленной на адаптацию к новым требованиям цифровой эпохи. Необходимо подготовить кадры к быстрому технологическому прогрессу, поэтому образование играет ключевую роль в повышении качества и конкурентоспособности человеческого капитала. Инвестиции в образование становятся стратегической необходимостью для обеспечения устойчивого развития общества. Международный опыт США и Китая подтверждает, что долгосрочная государственная стратегия развития человеческого капитала становится ключевым элементом обеспечения технологического лидерства.

Литература

1. Глобальный индекс многомерной бедности 2023 года https://hdr.undp.org/content/2023-global-multidimensional-poverty-index-mpi#/indicies/MPI (дата обращения: 24.08.2023).
2. Михаил Ковальчук объяснил суть нового технологического развития РФ // Известия URL: https://iz.ru/news/651317 (дата обращения: 27.03.2024).
3. Becker, Gary S., Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, 1964.
4. Human Capital Project: Year 2 Progress Report (English). Washington, D.C.: World Bank Group. http://documents.worldbank.org/curated/en/483491602866728302/Human-Capital-Project-Year-2-Progress-Reportђ
5. Marshall, Alfred (1890). Principles of Economics. Vol. 1 (First ed.). London: Macmillan. Retrieved 2012–12–07.
6. Pettys W. Quantulumcunque concerning Money, 1682.
7. Schultz, Theodore W. Investing in People: The Economics of Population Quality. 1st ed. University of California Press, 1981.

8. Алборова М.Б. Человек в условиях киберНЕстабильности / М.Б. Алборова // Специальный выпуск журнала «Международная жизнь». Международная конференция «Киберстабильность: подходы, перспективы, вызовы». – Москва, 16–17 декабря 2019.

9. Бирюков А.В. Международные научно-технологические отношения в цифровую эпоху. М.: Аспект Пресс, 2020.

10. Бирюков А.В., Алборова М.Б. Переход от техно-гуманитарного дисбаланса к техно-гуманитарной гармонии как вызов информационного общества / А.В. Бирюков, М.Б. Алборова // Журнал «Глобальный научный потенциал». – № 12 (117). 2020.

11. Бондаренко М.С. Социальная сфера как институциональная среда производства человеческого капитала и сфера осуществления инвестиций в человеческий капитал / М.С. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2022. – № 1(19). – С. 165–179.

12. Горбанев, В. Человеческий капитал и постиндустриализация / В. Горбанев // Мировое и национальное хозяйство. – 2016. – № 4(39). – С. 5.

13. Когденко В.Г. Оценка компонентов интеллектуального и социально-репутационного капитала: [презентация] / В.Г. Когденко. – Текст: электронный. – URL: https://finance.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/205591519.

14. Крутских А.В. Две гиперпандемии на одно человечество – слишком много! // Журнал «Международная жизнь». Выпуск 7. Июль 2020. – с. 12–15.

15. Маршалл, А. Принципы политической экономии / А. Маршалл. – Москва: Директ-Медиа, 2012.

16. Научно-технологический прогресс и современные международные отношения: В двух томах. Том 1: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.В. Бирюкова; отв. ред. М.Б. Алборова, А.В. Крутских. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 368 с.

17. Петти, У. Меркантилизм. Кое-что о деньгах / У. Петти. – Москва: Директ-Медиа, 2007.

18. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585.

19. Проект развития человеческого капитала // Всемирный банк URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital

20. Сказочкин А. В. «Атомный проект» СССР: некоторые управленческие аспекты // Управление наукой: теория и практика. 2019. № 1.

21. Современное государство: цивилизационные факторы влияния: Учебное пособие / Ю.К. Краснов. – М.: Прометей, 2020. С. 38.

22. Фурсов А. Наше «время Босха» – М.: Издательство «Наше завтра», 2023–384 с.

23. Aramides E.D. Information technology support for the knowledge and social process of innovation management / E.D. Aramides, N. Karacapilidis // Strategic Management Journal. – 2006. – Vol. 27. – P. 621–639.

24. Becker, Gary S., Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, 1964.

25. Foss N.J. Human resource management practices and innovation / N.J. Foss, K. Laursen. – Text: electronic // SMG Working Paper. – 2012. – № 5. -URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2149464.

26. Romer, P.M. (1990). Endogenous Technological Change. Journal of Political Economy, 98(5), Part 2, pp. S71–S102.

27. Muro, M., Maxim, R., Whiton, J. (2019). Automation and Artificial Intelligence: How machines are affecting people and places. Brookings Institution.

28. Lin, J.Y. (2012). New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy. Washington, DC: World Bank.

29. Li, X., Liu, C. (2018). Human Capital, Technological Innovation and Economic Growth in China. China Economic Review, Vol. 49, pp. 1–15.

30. State Council of the People's Republic of China (2015). Made in China 2025.

HUMAN RESOURCES DEVELOPMENT AS A PREREQUISITE FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Alborova M.B., Karaseva D.M.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the development of human capital as a fundamental prerequisite for achieving technological sovereignty in the context of the emerging technological paradigm. The authors analyse global technological trends and emphasise the growing demand for highly qualified personnel capable of ensuring national economic resilience. Special attention is paid to interdisciplinary education, digital transformation and the risks associated with technological unemployment. The paper also briefly considers American and Chinese approaches to human capital development, highlighting the strategic role of education and state policy in maintaining technological competitiveness. The authors conclude that systemic investment in education and innovation institutions is a necessary condition for sustainable socio-economic development in the digital era.

Keywords: human capital, social and labour relations, human capital development institutions, human capital development index, human intellectual potential.

References

1. Global Multidimensional Poverty Index 2023 https://hdr.undp.org/content/2023-global-multidimensional-poverty-index-mpi#/indicies/MPI (accessed on August 24, 2023).

2. Mikhail Kovalchuk explained the essence of Russia's new technological development // Izvestia URL: https://iz.ru/news/651317 (accessed on March 27, 2024).

3. Becker, Gary S., Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, 1964.

4. Human Capital Project: Year 2 Progress Report (English). Washington, D.C.: World Bank Group. http://documents.worldbank.org/curated/en/483491602866728302/Human-Capital-Project-Year-2-Progress-Report

5. Marshall, Alfred (1890). Principles of Economics. Vol. 1 (First ed.). London: Macmillan. Retrieved 2012–12–07.

6. Pettys W. Quantulumcunque concerning Money, 1682.

7. Schultz, Theodore W. Investing in People: The Economics of Population Quality. 1st ed. University of California Press, 1981.

8. Alborova M.B. Man in the Conditions of Cyber Instability / M.B. Alborova // Special issue of the journal "International Affairs". International conference "Cyberstability: Approaches, Prospects, Challenges". – Moscow, December 16–17, 2019.

9. Biryukov AV International Scientific and Technological Relations in the Digital Age. Moscow: Aspect Press, 2020.

10. Biryukov AV, Alborova MB Transition from Techno-Humanitarian Imbalance to Techno-Humanitarian Harmony as a Challenge of the Information Society / AV Biryukov, MB Alborova // Journal "Global Scientific Potential". – No. 12 (117). 2020.

11. Bondarenko MS Social Sphere as an Institutional Environment for the Production of Human Capital and the Sphere of Investment in Human Capital / MS Bondarenko // Actual Problems of Civil Law. – 2022. – No. 1 (19). – P. 165–179.

12. Gorbanev, V. Human capital and post-industrialization / V. Gorbanev // World and national economy. – 2016. – No. 4 (39). – P. 5.

13. Kogdenko, V.G. Assessment of the components of intellectual and social-reputational capital: [presentation] / V.G. Kogdenko. – Text: electronic. – URL: https://finance.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/205591519.

14. Krutskikh, A.V. Two hyperpandemics for one humanity – too many! // International Affairs Magazine. Issue 7. July 2020. – pp. 12–15.

15. Marshall, A. Principles of Political Economy / A. Marshall. – Moscow: Direct-Media, 2012.

16. Scientific and Technological Progress and Modern International Relations: In two volumes. Volume 1: Textbook for Universities / General editor: A.V. Biryukov; responsible editors: M.B. Alborov, A.V. Krutskikh. – Moscow: Aspect Press Publishing House, 2023. – 368 p.

17. Petty, W. Mercantilism. Something about Money / W. Petty. – Moscow: Direct-Media, 2007.

18. Presidential Address to the Federal Assembly // Official website of the President of Russia URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585.

19. Human Capital Development Project // World Bank URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital

20. Skazochkin A. V. "Atomic Project" of the USSR: Some Management Aspects // Science Management: Theory and Practice. 2019. No. 1.

21. The Modern State: Civilizational Factors of Influence: A Textbook / Yu.K. Krasnov. – Moscow: Prometheus, 2020. P. 38.

22. Fursov A. Our "Time of Bosch" – Moscow: Publishing House "Our Tomorrow", 2023–384 p.

23. Aramides E.D. Information technology support for the knowledge and social process of innovation management / E.D. Aramides, N. Karacapilidis // Strategic Management Journal. – 2006. – Vol. 27. – P. 621–639.

24. Becker, Gary S., Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, 1964.

25. Foss N.J. Human resource management practices and innovation / N.J. Foss, K. Laursen. – Text: electronic // SMG Working Paper. – 2012. – No. 5. -URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2149464.

26. Romer, P.M. (1990). Endogenous Technological Change. Journal of Political Economy, 98(5), Part 2, pp. S71–S102.

27. Muro, M., Maxim, R., Whiton, J. (2019). Automation and Artificial Intelligence: How machines are affecting people and places. Brookings Institution.

28. Lin, J.Y. (2012). New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy. Washington, DC: World Bank.

29. Li, X., Liu, C. (2018). Human Capital, Technological Innovation and Economic Growth in China. China Economic Review, Vol. 49, pp. 1–15.

30. State Council of the People's Republic of China (2015). Made in China 2025.

Трансформация этносоциальной структуры региона под влиянием процессов миграции (на примере Саратовской области)

Барышная Наталия Александровна,
доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор кафедры социологии, Российский государственный социальный университет
E-mail: baryshnayan@yandex.ru

В статье исследуется трансформация этносоциальной структуры Саратовской области под влиянием миграционных процессов и изменений миграционного законодательства в 2010–2024 гг. Актуальность темы обусловлена демографическими вызовами региона – устойчивой депопуляцией (снижение населения с 2,49 млн в 2015 г. до 2,39 млн в 2024 г., прогноз до 1,93 млн к 2046 г.), дефицитом трудовых ресурсов и ростом доли мигрантов.
На основе статистических данных Росстата, региональных нормативных актов и отчетов МВД применены методы статистического анализа динамики населения, сравнительно-правового анализа миграционных политик (интеграционной и рестриктивной) и контент-анализа документов. Выявлены ключевые тренды: сокращение численности русских, традиционных этносов при росте «новых» мигрантских сообществ; умеренная региональная стратегия, балансирующая привлечение мигрантов в строительство и сельское хозяйство с секторальными ограничениями.
Саратовская область демонстрирует компромиссный подход, смягчающий демографические риски без жестких запретов, характерных для других регионов. Предложены рекомендации по оптимизации миграционной политики для устойчивого развития этносоциальной структуры.

Ключевые слова: миграционная политика, Саратовская область, этносоциальная структура, трудовые мигранты, депопуляция, региональный рынок труда.

Введение

В последние годы Россия находится в сложных геополитических условиях – пандемия COVID-19 и ее последствия, специальная военная операция на Украине, экономические санкции. В современной России идет процесс адаптации к новым вызовам и проблемам, которые оказывают существенное влияние на отношение населения к окружающей социально-культурной, политической и экономической среде.

Одним из наиболее острых вызовов стала демографическая ситуация, обусловленная продолжающейся депопуляцией и старением населения. Наиболее критично это проявляется в существенном сокращении численности экономически активного населения. В обозримой перспективе, при сохраняющихся трендах, этот фактор из фонового способен стать одним из ключевых, определяющих текущую социально-экономическую и политическую повестку дня. В этих условиях вопросы воспроизводства численности населения и стабилизации числа занятых в реальном секторе экономики напрямую связаны с привлечением трудовых ресурсов как из-за рубежа, так и из трудоизбыточных регионов России.

Характер миграционных процессов в современной России за последние десятилетия претерпел существенные изменения. Появились новые географические и функциональные трафики миграционных потоков, изменилась сама их структура. Как отмечает К.С. Мокин, если 20–25 лет назад во входящих миграционных потоках доминировали те, кто возвращался в страну первичной социализации, то в современных потоках преобладают лица, рассматривающие Россию главным образом как место получения более высокого дохода, и лишь отчасти – как пространство реализации жизненных стратегий [2]. В этих условиях федеральные органы власти пересматривают инструменты работы с трудовыми мигрантами, смещая акцент со спонтанного, основанного на земляческих связях рекрутирования к целевому организованному набору.

Проблематика миграции и ее влияния на принимающие сообщества активно разрабатывается в отечественной науке. Значительный вклад внесли исследования В.И. Мукомеля [3], К.С. Мокина, а также коллективные работы под руководством В.А. Тишкова, посвященные адаптации и интеграции инокультурных мигрантов [4]. Однако большинство работ сосредоточено на федеральном уровне или рассматривает крупнейшие агломерации. Региональные кейсы, особенно в субъектах с выраженными депопуляционными процессами, остаются менее изученными, что затрудняет выработку сбалансированных подходов к управлению миграцией на местном уровне.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления противоречивой ситуации, сложившейся в регионах России. С одной стороны, на федеральном уровне взят курс на ужесточение миграционной политики, с другой стороны, регионы, особенно с высоким уровнем депопуляции, объективно нуждаются в притоке трудовых мигрантов для поддержания экономической активности и восполнения потерь населения. Это противоречие порождает научную проблему: каким образом региональные власти, находясь в жестких рамках федеральных требований, выстраивают собственную миграционную политику, и как эти решения влияют на этносоциальную структуру территории.

В рамках статьи мы рассмотрим процесс концептуализации миграционной политики на примере Саратовской области как отдельного кейса. Саратовская область выбрана как наиболее типичная административно-территориальная единица Европейской части России по демографическим, социально-экономическим, этносоциальным показателям. При этом область является показательным субъектом в отношении реализации трансграничного сотрудничества с Республикой Казахстан, организации регулирования транзитного миграционного потока трудовых мигрантов из стран Средней Азии в центральные регионы РФ. Отдельным фокусом выделяются процессы этнодемографического замещения коренного населения региона под влиянием входящих миграционных потоков, ожидаемые вызовы и угрозы процессам гражданского нациестроительства.

Методология исследования

Методологическая основа исследования базируется на системном подходе, позволяющем рассматривать миграционные процессы во взаимосвязи с демографической, экономической и этносоциальной динамикой региона. Целью статьи является анализ трансформации этносоциальной структуры Саратовской области под влиянием миграционных процессов и изменений миграционного законодательства, а также выявление региональных стратегий регулирования миграции в условиях противоречия между федеральными рестриктивными мерами и объективной потребностью в трудовых ресурсах.

В работе использован комплекс общенаучных и специальных методов. Статистический анализ динамических рядов позволил обработать данные Росстата и Саратовстата за 2010–2024 гг. (расчет темпов роста, сальдо миграции, долевых показателей). Сравнительный анализ применен при сопоставлении итогов Всероссийских переписей населения 2010 и 2020/2021 гг. по национальному составу, а также для сравнения миграционной политики Саратовской области с соседними регионами. Контент-анализ нормативных правовых актов (федеральных законов, постановлений Правительства РФ и Губернатора Саратовской области, ведомственных приказов МВД) позволил выявить векторы законодательного регулирования. Кейс-стади (case study) реализован через рассмотрение Саратовской области как типичного и одновременно показательного субъекта РФ, позволяющего выявить общие и специфические черты адаптации федеральной миграционной политики на региональном уровне.

Эмпирическая база исследования включает несколько групп источников.

Во-первых, это официальные статистические данные: показатели численности и структуры населения Саратовской области (общей, городской, сельской) за 2015–2024 гг., сведения о естественном движении населения и миграционных потоках по муниципальным образованиям, демографический прогноз Росстата до 2046 г., а также итоги Всероссийских переписей населения 2010 и 2020/2021 гг. по национальному составу, с акцентом на динамику численности русских, традиционных этнических групп (татары, украинцы, казахи) и новых мигрантских сообществ (таджики, узбеки, дунгане).

Во-вторых, нормативно-правовые акты: Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в редакциях 2023–2024 гг.), Постановление Правительства РФ от 07.12.2015 № 1327, Постановление Губернатора Саратовской области от 27.04.2024 № 99, а также иные региональные акты, регулирующие квотирование и ограничения в сфере занятости мигрантов.

В-третьих, ведомственные и аналитические материалы: аналитические справки МВД России о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции, отчеты Министерства труда и социальной защиты РФ, публикации международных организаций [1].

Дополнительно привлечена научная литература, включая труды В.И. Мукомеля, К.С. Мокина, В.А. Тишкова и других исследователей по проблемам адаптации и интеграции мигрантов. Для критической оценки полноты учета населения в ходе Всероссийской переписи 2020/2021 гг. использованы данные пост-переписных социологических опросов, проведенных независимыми исследовательскими группами в Саратовской области.

Обработка статистических данных осуществлялась с применением инструментов Microsoft Excel (расчет относительных и абсолютных показателей, построение таблиц). Временные рамки исследования охватывают период с 2010 г. (базовый год предыдущей переписи) по 2024 г. (последние доступные данные на момент подготовки статьи), с прогнозным горизонтом до 2046 г. для демографических трендов.

Такой комплексный подход обеспечил репрезентативность выводов и обоснованность предлагаемых рекомендаций по оптимизации миграционной политики на региональном уровне.

Результаты исследования

Демографическая ситуация и роль миграции в восполнении населения

Проведенный анализ демографических показателей Саратовской области за 2015–2024 гг. свидетельствует о сохранении устойчивых депопуляционных тенденций, характерных для большинства регионов Центральной России, но с более выраженной интенсивностью. На 1 января 2024 г. численность постоянного населения составила 2 385 163 чел., что на 4,3% ниже уровня 2015 г. (2 493 024 чел.) [6]. При этом в регионе фиксируется прогрессирующее старение населения: доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась с 26,2% в 2015 г. до 26,0% в 2024 г. (при одновременном сокращении доли детей и подростков), а коэффициент демографической нагрузки (число иждивенцев на 1000 лиц трудоспособного возраста) превысил 720‰ (табл. 1). Таким образом, нагрузка на экономически активное население остается крайне высокой.

Таблица 1. Численность и структура населения Саратовской области, 2015–2024 гг. (на 1 января)

	На 01 января отчетного периода									
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
все население	2493024	2487529	2479260	2462950	2440815	2421895	2395111	2360959	2404944	2385164
в трудоспособном возрасте	1438716	1415293	1393945	1368935	1342850	1355314	1334715	1346832	1371579	1386677
старше трудоспособного возраста	654048	665057	674261	682124	688376	661161	660462	620373	645323	620207
младше трудоспособного возраста	400260	407179	411054	411891	409589	405420	399934	393754	388042	378279
ИТОГО: иждивенцы	1054308	1072236	1085315	1094015	1097965	1066581	1060396	1014127	1033365	998468

Источник: Саратовстат, данные на 01.01 соответствующего года.

Естественная убыль населения остается ключевым фактором сокращения численности. За январь – октябрь 2023 г. число умерших (32 600 чел.) превысило число родившихся (15 806 чел.) в 2,1 раза, что дало естественную убыль 16 794 чел. По предварительным данным, за 2024 г. этот показатель сохранится на уровне 16,5–18,0 тыс. чел. Рождаемость компенсирует лишь 27–33% убыли, что указывает на исчерпание потенциала естественного воспроизводства.

В этих условиях миграция выступает единственным краткосрочным источником компенсации демографических потерь. Однако миграционный прирост не только не покрывает естественную убыль, но и сам часто является отрицательным. В 2023 г. миграционная убыль составила 2 987 чел. (прибыло 48 870, выбыло 51 857). При этом внутрирегиональная подвижность частично маскирует отток в другие субъекты РФ: из региона выехало 18 307 чел. в другие регионы России, что на 2 339 чел. больше, чем прибыло из них. Положительное сальдо зафиксировано только по внутриобластным перемещениям в городскую местность (+1 007 чел.), тогда как сельская местность потеряла 3 994 чел. (табл. 2) [6].

Таблица 2. Итоги миграции населения Саратовской области за 2023 г. (чел.)

Тип местности	Прибывшие	Выбывшие	Миграционный прирост / убыль
Всего	48 870	51 857	–2 987
Городская	34 644	33 637	+1 007
Сельская	14 226	18 220	–3 994

Источник: Саратовстат.

Особого внимания заслуживает международная миграция. В 2023 г. из стран дальнего и ближнего зарубежья в регион прибыло 5 729 чел., выбыло 5 518 чел., что дало небольшое положительное сальдо (+211 чел.). Основными странами исхода стали Таджикистан (1 446 чел.), Казахстан (744 чел.), Азербайджан (689 чел.). При этом поток из Узбекистана сократился на 207 чел. по сравнению с 2022 г., а из Таджикистана, напротив, вырос на 196 чел. Такая динамика отражает переориентацию миграционных траекторий под влиянием изменения законодательства и экономической конъюнктуры.

Прогнозные оценки Росстата показывают, что при сохранении существующих параметров рождаемости и смертности (без учета миграции) численность населения области к 2046 г. сократится до 1 933 801 чел., то есть на 18,9% относительно уровня 2024 г. (табл. 3). Даже при оптимистичном сценарии миграционного прироста восполнение потерь потребует устойчивого ежегодного притока не менее 8–10 тыс. мигрантов, что в 3–4 раза выше текущих значений.

Таблица 3. Прогноз численности населения Саратовской области (без учета миграции)

Год	2025	2030	2035	2040	2045	2046
Ожидаемая численность (тыс. чел.)	2 356,6	2 234,5	2 123,3	2 028,4	1 948,2	1 933,8

Источник: Росстат, демографический прогноз 2023 (низкий вариант).

Таким образом, демографический анализ подтверждает, что без устойчивого миграционного притока регион обречен на дальнейшее сокращение численности населения и, что более важно, на уменьшение доли трудоспособных граждан, что создает прямые угрозы для экономического развития.

Трансформация этносоциальной структуры

Сравнение итогов Всероссийских переписей населения 2010 и 2020/2021 гг. выявляет существенные изменения в этническом составе региона. Наиболее значимым является абсолютное сокращение численности русских – на 167 682 чел. (–7,8%). Это самый высокий показатель убыли среди всех этнических групп региона. Одновременно наблюдается резкое снижение численности традиционных для области этносов: украинцев (–70,8%), мордвы (–63,2%), чувашей (–56,1%), немцев (–55,6%), марийцев (–54,4%). Такая динамика обусловлена как ассимиляционными процессами, так и миграционным оттоком в другие регионы РФ и за рубеж [6].

Таблица 4. Динамика численности основных этнических групп в Саратовской области

Национальность по Переписи	Численность по Преписи-2010, чел.	Численность по Переписи-2020/21, чел.	Сальдо, чел.	Сальдо, %
Русские	2151215	1983533	-167682	-7,8
Казахи	76007	64 065	-11942	-15,7
Татары	52884	37 806	-15078	-28,5
Армяне	23841	18465	-5376	-22,5
Украинцы	41942	12 254	-29688	-70,8
Азербайджанцы	14868	12 362	-2506	-16,9
Чеченцы	5738	5 748	+10	+0,2
Чуваши	12261	5 384	-6877	-56,1
Мордва	10917	4 021	-6896	-63,2
Немцы	7579	3367	-4212	-55,6
Узбеки	2909	3358	+449	+15,4
Таджики	1686	2993	+1307	+77,5
Корейцы	4206	2746	-1460	-34,7
Цыгане	3350	2731	-619	-18,5
Башкиры	3489	2 129	-1360	-39,0
Марийцы	2927	1 335	-1592	-54,4
Евреи	2250	1 148	-1102	-49,0
Дунгане	760	1 740	+980	+128,9
Грузины	1898	1 248	-650	-34,2
Езиды	1352	1254	-98	-7,2
Не указали национальность	64878	231304	+166426	+256,5

Источник: Итоги Всероссийских переписей населения 2010 и 2020/2021 гг. (Саратовстат).

Крайне показательным является рост числа лиц, не указавших национальность: с 64 878 чел. в 2010 г. до 231 304 чел. в 2020/21 гг. (рост на 256,5%). Если в 2010 г. доля «отказников» составляла 2,6% от общего числа ответивших, то в 2021 г. – уже 9,7%. Экспертные опросы, проведенные после переписи, свидетельствуют, что в ряде случаев переписчики сознательно опускали этот вопрос, а часть респондентов, особенно из числа мигрантов, предпочитала не идентифицировать себя этнически из-за опасений дискриминации. Данный факт затрудняет точную оценку реальных масштабов трансформации этнического состава, но даже официальная статистика фиксирует устойчивый тренд на сокращение доли «титульного» населения и увеличение присутствия этнических групп, связанных с новейшей миграцией.

Влияние законодательных изменений и региональная политика

Анализ нормативной базы показывает, что на федеральном уровне в 2023–2024 гг. произошел концептуальный сдвиг в сторону ужесточения миграционной политики. Введены квоты для иностранцев в отдельных видах экономической деятельности, расширены полномочия регионов по установлению запретов на привлечение патентных мигрантов, ужесточены требования к экзаменам по русскому языку и знанию законодательства. Одновременно усилилась риторика, направленная на минимизацию оседания мигрантов и их изоляцию от принимающего сообщества.

Саратовская область, несмотря на острую потребность в трудовых ресурсах, включилась в реализацию федеральных требований, но выбрала относительно мягкий вариант ограничений. Постановлением Губернатора от 27.04.2024 № 99 на 2024 г. установлен запрет на привлечение иностранных граждан, работающих на основании патента, в трех сферах: деятельность легковых такси и арендованных легковых автомобилей с водителем; деятельность сухопутного пассажирского транспорта (городские и пригородные перевозки); деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков. При этом ограничения не распространяются на иностранцев с разрешением на временное проживание, видом на жительство, участников программы переселения соотечественников, признанных беженцами, а также граждан стран ЕАЭС (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения).

Сравнение с соседними регионами показывает, что саратовские власти сознательно сохранили доступ мигрантов в ключевые отрасли реального сектора. По оценкам регионального министерства экономического развития, в строительной отрасли доля мигрантов достигает 25–30%, в сельском хозяйстве – 15–20%, и введение полных запретов привело бы к дефициту кадров и остановке инвестиционных проектов.

Однако, несмотря на селективный характер ограничений, сам факт их введения оказывает психологическое воздействие и сигнализирует о принятии рестриктивной повестки.

Последствия для рынка труда и социальной структуры

Выявленные изменения в этническом составе и миграционной политике имеют разнонаправленные последствия для рынка труда и социальной стабильности. С одной стороны, сохранение доступа мигрантов к рабочим местам в строительстве, промышленности и сельском хозяйстве позволяет предприятиям сохранять объемы производства и реализовывать инфраструктурные проекты. Например, в Балаковском и Энгельсском районах, где сосредоточены крупные промышленные комплексы, доля трудовых мигрантов среди рабочих специальностей достигает 35–40%. Без их участия реализация многих инвестиционных программ оказалась бы под угрозой.

С другой стороны, концентрация мигрантов в ограниченном сегменте рынка труда (преимущественно низкоквалифицированные и тяжелые профессии) ведет к формированию этнических ниш занятости, что может способствовать социальной изоляции и анклавизации. Данные опросов работодателей показывают, что 68% из них предпочитают нанимать мигрантов целыми бригадами по земляческому принципу, что снижает трансакционные издержки, но препятствует интеграции. В результате мигранты оказываются вытеснены на периферию социально-экономической жизни региона, их взаимодействие с местным населением минимизируется, что усиливает взаимное недоверие.

Кроме того, значительный отток молодежи и квалифицированных кадров из региона создает «демографическую яму», которую невозможно заполнить только за счет низкоквалифицированных мигрантов. В среднесрочной перспективе это приведет к деградации человеческого капитала и снижению инновационного потенциала региона.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о глубоком противоречии между объективной потребностью региона в миграционном притоке, с одной стороны, и ужесточением законодательства, а также нарастанием мигрантофобских настроений, с другой. Региональная власть пытается балансировать, сохраняя доступ мигрантов к ключевым отраслям, но отсутствие последовательной интеграционной политики и преобладание рестриктивных мер на федеральном уровне ограничивают ее возможности. Без разработки и реализации системной программы социокультурной адаптации мигрантов, деэт-

низации публичного дискурса и стимулирования внутренней миграции квалифицированных кадров ситуация будет только обостряться.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют не только констатировать трансформацию этносоциальной структуры Саратовской области, но и осмыслить их в контексте более широких теоретических дискуссий о миграционной политике, адаптации мигрантов и институциональных противоречиях, характерных для современной России.

Прежде всего, выявленные тенденции подтверждают и уточняют концептуальные положения, сформулированные в работах К.С. Мокина. Исследователь отмечает, что если два десятилетия назад миграционные потоки формировались преимущественно за счет возвращающихся на родину соотечественников, то сегодня доминируют трудовые мигранты, ориентированные на временный заработок, а не на долгосрочное укоренение [2]. Данные по Саратовской области полностью согласуются с этим тезисом: подавляющее большинство мигрантов из стран Средней Азии приезжают на патентной основе, не связывая с регионом перспектив постоянного проживания. Это подтверждается и структурой въезда: за 2023 г. лишь 5 729 иностранных граждан оформили пребывание в регионе с целью работы или учебы, причем значительная их часть ориентирована на сезонную или вахтовую занятость. Следовательно, в регионе воспроизводится модель «незавершенной миграции», при которой мигранты не интегрируются в принимающее сообщество, а остаются в маргинальном положении, что противоречит долгосрочным интересам экономического развития.

В свою очередь, теоретические построения В.И. Мукомеля о мигрантофобии как институционализированном социальном движении находят эмпирическое подтверждение в материалах исследования. Мукомель подчеркивает, что ксенофобские настроения перестали быть уделом лишь маргинальных групп, а превратились в значимый фактор политической и административной повестки [3]. Более того, сам факт принятия Постановления № 99 (пусть и с ограниченным перечнем запрещенных видов деятельности) следует рассматривать не только как экономическую меру, но и как политический сигнал, направленный на консолидацию электората. Это создает риск подмены рациональной демографической и экономической политики популистскими решениями, ориентированными на сиюминутную поддержку.

Важным теоретическим сюжетом, который требует обсуждения, является противоречие между объективной потребностью региональной экономики в трудовых мигрантах и ужесточением законодательных норм, ограничивающих их привлечение [5]. Как показал анализ, Саратовская область испытывает острый дефицит рабочей силы в строительстве, сельском хозяйстве, промышленности – именно в тех отраслях, где доля мигрантов составляет от 20% до 40%. Введение полных запретов в этих сферах, как это сделано в ряде других регионов (например, в Самарской области), привело бы к остановке инвестиционных проектов, росту издержек и снижению конкурентоспособности. Региональные власти осознают эту дилемму и пытаются балансировать, сохраняя доступ мигрантов к ключевым отраслям. Однако федеральные требования к ужесточению контроля и расширению перечня запрещенных видов деятельности постоянно возрастают. Таким образом, возникает институциональная ловушка: регион вынужден принимать меры, противоречащие его экономическим интересам, что в долгосрочной перспективе чревато деградацией человеческого капитала и утратой производственного потенциала.

Еще одно значимое противоречие касается качества эмпирической базы. Официальные данные Всероссийской переписи населения 2020/2021 гг., на которые мы опирались при анализе этнического состава, вызывают обоснованные сомнения у экспертного сообщества. Рекордный рост числа лиц, не указавших национальность (на 256,5%), а также расхождения между данными переписи и пост-переписными опросами (по оценкам независимых исследователей, от 15 до 25% населения области не было учтено) свидетельствуют о системных ошибках в процедуре сбора данных. Особенно это критично для оценки численности мигрантских сообществ: как показывают исследования В.А. Тишкова и его коллег, многие представители «новых» этнических групп сознательно скрывают свою национальную принадлежность из-за опасений дискриминации [4]. Следовательно, реальные масштабы трансформации этносоциальной структуры региона могут быть значительно выше тех, что отражены в официальной статистике. Это накладывает дополнительные ограничения на использование переписных данных и требует осторожности при формулировании выводов.

Обсуждение последствий региональной политики ограничений выводит нас к проблеме анклавизации и сегрегации на рынке труда. Введение запретов для патентных мигрантов в сферах, предполагающих непосредственный контакт с населением (такси, общепит, пассажирские перевозки), объективно выталкивает мигрантов в ниши, где взаимодействие с местным сообществом минимизировано. Это усиливает их изоляцию, способствует формированию замкнутых этнических анклавов, как в местах проживания, так и в сферах занятости. Как отмечает В.И. Мукомель, такая политика де-факто легитимирует сегрегацию, создавая предпосылки для роста межэтнической напряженности [3]. В Саратовской области, где уже сейчас фиксируется высокая концентрация мигрантов в строительстве и сельском хозяйстве, дальнейшее сужение легальных возможностей для их трудоустройства может привести к росту неформальной занятости, нарушений миграционного законодательства и, как следствие, к криминализации миграционной сферы.

В то же время необходимо признать, что региональная власть пока сохраняет определенную гибкость. Исключения для граждан ЕАЭС, обладателей РВП и ВНЖ, а также для участников программы переселения соотечественников позволяют частично смягчить жесткость запретов. Более того, сохранение доступа мигрантов в реальный сектор экономики свидетельствует о прагматичном подходе, ориентированном на поддержание производственной базы. Однако без системной интеграционной политики, включающей языковую и социокультурную адаптацию, профилактику дискриминации и развитие институтов гражданского общества, такие точечные меры не смогут предотвратить негативные социальные последствия.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что в Саратовской области сформировалась сложная конфигурация факторов, где демографический императив вступает в противоречие с рестриктивным законодательным трендом, а объективные потребности экономики сталкиваются с нарастающей мигрантофобией. Преодоление этих противоречий требует не столько ужесточения или либерализации как таковых, сколько перехода от реактивной политики к стратегическому планированию, в котором миграция рассматривается не как временная мера, а как долгосрочный ресурс развития. Это, в свою очередь, предполагает деэтнизацию миграционного дискурса, смещение акцента с этнокультурных различий на вопросы гражданской лояльности, правовой защищенности и социально-экономической интеграции.

Выводы

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели – проанализировать трансформацию этносоциальной структуры Саратовской области под влиянием миграционных процессов и изменений миграционного законодательства, а также выявить региональную стратегию регулирования миграции в условиях противоречия между федеральными рестриктивными мерами и объективной потребностью в трудовых ресурсах. На основе системного анализа демографических данных, этнической статистики и нормативно-правовых актов сформулированы следующие выводы.

Депопуляция в Саратовской области приобрела устойчивый, необратимый характер. Естественная убыль населения (16–18 тыс. чел. в год) лишь на четверть компенсируется рождаемостью, а миграционный прирост не только не покрывает естественные потери, но и сам часто является отрицательным. При сохранении текущих трендов численность населения к 2046 г. может сократиться почти на 20%. В этих условиях миграция остается единственным краткосрочным источником восполнения населения и трудовых ресурсов, однако ее масштабы (менее 6 тыс. прибывших из-за рубежа в 2023 г.) недостаточны для стабилизации демографической ситуации.

Этносоциальная структура региона претерпевает значительные изменения. В межпереписной период (2010–2021) численность русских сократилась на 7,8% (почти 168 тыс. чел.), а традиционных этнических групп (украинцев, мордвы, чувашей, немцев) – на 55–70%. Одновременно зафиксирован рост численности мигрантских сообществ из стран Средней Азии: таджиков (+77,5%), узбеков (+15,4%), дунган (+128,9%). Официальные данные, однако, могут занижать реальные масштабы этих изменений из-за высокого процента (9,7%) лиц, не указавших национальность, и системных недоучетов в ходе переписи 2020/2021 гг.

Федеральная миграционная политика в 2023–2024 гг. характеризуется усилением рестриктивного вектора: расширение региональных полномочий по запрету привлечения патентных мигрантов, введение квот, ужесточение контроля. В ответ на это региональные власти Саратовской области избрали умеренную стратегию: ограничения (Постановление № 99) были введены лишь в трех видах экономической деятельности (такси, пассажирские перевозки, общепит) и не затронули ключевые отрасли реального сектора (строительство, сельское хозяйство, промышленность), где доля мигрантов достигает 20–40%. Такой подход свидетельствует о попытке региональной власти балан-

сировать между требованиями федерального центра и объективными потребностями экономики, сохраняя доступ к трудовым ресурсам.

Принятые меры, однако, не решают системных проблем. Сохранение рестриктивной риторики и ограничений в публично-контактных сферах способствует выталкиванию мигрантов в сегментированные ниши занятости, усиливая их изоляцию и создавая предпосылки для анклавизации и сегрегации на рынке труда. Одновременно нарастание мигрантофобских настроений в обществе (фиксируемое как в публичном дискурсе, так и в поисковых запросах) формирует запрос на дальнейшее ужесточение, что вступает в противоречие с долгосрочными демографическими и экономическими интересами региона.

Отсутствие системной интеграционной политики (языковая, социокультурная адаптация, профилактика дискриминации, развитие институтов гражданского общества) при одновременном дефиците квалифицированных кадров и оттоке молодежи ведет к деградации человеческого капитала и снижению инновационного потенциала региона. Региональные власти фактически ограничиваются ситуативным регулированием, не формируя стратегического видения миграции как долгосрочного ресурса развития.

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью мониторинга интеграции новых этнических групп в принимающее сообщество, включая оценку эффективности языковых и адаптационных программ, анализ социально-экономического положения мигрантов и их семей. Отдельного внимания заслуживает изучение эффективности организованного набора (оргнабора) как альтернативы стихийной миграции, а также сравнительный анализ практик регулирования миграции в регионах Поволжья с учетом дифференциации их демографических и экономических характеристик. Важным направлением остается критическая оценка качества статистической базы и разработка методик, позволяющих более точно учитывать миграционную и этническую составляющую в условиях растущей латентности миграционных процессов.

Литература

1. Доклад о миграции в мире 2022. Международная Организация по Миграции (МОМ), Женева / Под ред. М. Маколифф, А. Триандафиллиду. Женева: МОМ, 2021.
2. Мокин, К.С. Траектории социальных лифтов мигрантов в России: пути адаптации и интеграции в принимающие сообщества / К.С. Мокин // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. – 2024. – № 1. – С. 72–86.
3. Мукомель, В.И. Воспоминания о будущем: миграционная политика как зеркало межнациональных отношений и проблем демографического развития / В.И. Мукомель // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. – 2024. – № 1. – С. 4–18.
4. Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. – М.: Росинформагротех, 2009. – 432 с.
5. Ромодановский К. О., Мукомель В.И. Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 5–18.
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области – Демография. URL: https://64.rosstat.gov.ru/dem?ysclid=lrklb1zkyb252766888 (дата обращения: 23.03.2026).

TRANSFORMATION OF THE ETHNO-SOCIAL STRUCTURE OF A REGION UNDER THE INFLUENCE OF MIGRATION PROCESSES (USING THE EXAMPLE OF THE SARATOV REGION)

Baryshnaya N.A.
Russian State Social University

The article examines the transformation of the ethno-social structure of the Saratov Region under the influence of migration processes and changes in migration legislation in 2010–2024. The relevance is due to demographic challenges: depopulation, labor shortages, and migrant share growth.

Based on Rosstat data, regional regulations, and МВД reports, statistical analysis of population dynamics, comparative-legal analysis of migration policies (integration and restrictive), and content analysis of documents were applied. Key trends: decline in Russians, traditional ethnic groups, growth of «new» migrant communities; moderate regional strategy balancing migrant attraction in construction/agriculture with sectoral restrictions.

The Saratov Region shows a compromise approach mitigating demographic risks without rigid bans typical for other regions. Policy optimization recommendations are proposed.

Keywords: migration policy, Saratov region, ethno-social structure, labor migrants, depopulation, regional labor market.

References

1. McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.) World migration report 2022. International Organization for Migration (IOM), Geneva. 2021. – 574 p.
2. Mokin K. Trajectories of social lifts of migrants in Russia: ways of adaptation and integration into host communities. // Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the FNSC RAS. 2024. № 1, Pp. 72–86.
3. Mukomel V. Memories of the future: migration policy as a mirror of interethnic relations and problems of demographic development. // Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the Federal Research Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2024. № 1, Pp. 4–18.
4. Romodanovsky K. O. & Mukomel V.I. Regulation of migration processes: problems of transition from reactive to systemic policy. // Social Sciences and modernity. 2015. № 5, Pp. 5–18.
5. Stepanov V. A. (ed.) New ethnic groups in Russia. Ways of civic integration. Moscow: Rosinformagrotech, 2009. – 432 p.
6. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Saratov Region – Demography. URL: https://64.rosstat.gov.ru/dem?ysclid=lrklb1zkyb252766888 (date of access: 23.03.2026).

Проблемы реализации государственной программы Российской Федерации «доступная среда» (на материалах опроса жителей Свердловской области)

Белозерова Ксения Руслановна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: belozerova-kr@ranepa.ru

Ванаева Эльнара Ильфатовна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: vanaeva-ei@ranepa.ru

Одинаев Мухаммаджон Аъзамович,
магистрант, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: 2001wolfs@gmail.com

В эпоху стремления к социальной справедливости и равенству, проблема доступности среды приобретает особое значение. Государство обязано обеспечивать реализацию фундаментальных прав каждого гражданина – права на получение качественного медицинского обслуживания, доступ к образованию и возможность трудоустройства. Для успешной реализации программ важно создать условия, способствующие взаимодействию различных социальных групп и культурному диалогу внутри общества. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» с 2011 года системно трансформирует российскую инфраструктуру, адаптируя ее для людей с ОВЗ. В рамках рассматриваемой программы реализовано большое количество инициатив, направленных на улучшение не только доступности социальных объектов, но и доступности получения образования. В этой связи для авторов статьи наибольшую значимость приобретает оценка проведенных мероприятий со стороны населения. В статье представлен анализ результатов проведенного авторами социологического исследование практической реализации государственной программы Российской Федерации «Доступная среда». Опрос проводился среди жителей Свердловской области старше 18 лет в количестве 400 человек. Особое внимание уделяется оценке эффективности мероприятий по обеспечению доступности социальной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья на территории рассматриваемого региона.

Ключевые слова: доступная среда, социальная группа людей с ОВЗ, адаптация, доступность.

Десятилетний период реализации Государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» (2011–2021) – отмеченный финансовыми вливаниями и бюрократическими отчетами – это по сути, опыт трансформации социального сознания и материальной инфраструктуры. Если на заре программы превалировал патерналистский подход, ориентированный на «помощь» людям с инвалидностью, то к ее завершению вектор сместился к инклюзивному дизайну и созданию равных возможностей, что, безусловно, является одним из важнейших социологических достижений. Это был период, когда декларативные заявления начали обретать реальные контуры в городской среде, в образовательных учреждениях и в сфере услуг.

Декада – это достаточный срок для подведения серьезных итогов, а не просто констатации фактов. Государственная программа «Доступная среда» стала своего рода социальным катализатором, ускорившим процессы адаптации общества к потребностям людей с ОВЗ.

Несмотря на значительный прогресс в реализации мер поддержки лиц с инвалидностью, проблема улучшения условий жизни данной категории граждан остается актуальной и требует дальнейшего совершенствования подходов, механизмов и инструментов государственного регулирования.

Существующие практики демонстрируют необходимость систематизации усилий органов власти различных уровней, усиления взаимодействия между государственными структурами, общественными организациями и коммерческими предприятиями, а также повышения эффективности использования ресурсов, выделяемых на решение вопросов доступности объектов инфраструктуры и услуг.

Исследование современных тенденций развития законодательства, нормативных актов и международных стандартов позволяет выявить направления оптимизации системы предоставления социальных гарантий лицам с ОВЗ, определить перспективные пути решения проблем инклюзии и адаптации и разработать рекомендации по повышению качества жизни в условиях современной социально-экономической ситуации.

Для достижения цели и решения задач исследования был проведен социологический опрос (далее – анкетирование) жителей Свердловской области старше 18 лет [8]. Объем выборочной совокупности 400 человек.

Тип выборки: вероятностный (случайный отбор).

Выбор такого метода обусловлен тем что, такой опрос позволит получить первичную информацию о предмете исследования. При этом такой способ также позволяет исключить внешнее влияние, так как анкетирование будет производиться индивидуально, анонимно и дистанционно.

Проводился анонимный электронный опрос путем рассылки анкеты через Интернет, размещения в пабликах в социальных сетях.

В рамках исследования использовались следующие методы анализа данных – анализ, синтез, описание и сравнение.

Для проведения исследования выбрана количественная стратегия исследования.

Выбор количественной стратегии исследования обусловлен несколькими факторами:

– объектом исследования выступает большая по численности группа – население Свердловской области старше 18 лет;
– анализ планируется осуществлять с помощью статистических методов, в том числе выборочный метод;
– результаты планируется получить в виде шкал и показателей.

Предварительно в ходе исследования были сформулированы следующие рабочие гипотезы.

Основная рабочая гипотеза

Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» существенно повышает доступность и качество доступной среды для людей с ограниченными возможностями.

Дополнительные гипотезы

Более 70% респондентов считают, что реализация программы улучшила доступ к инфраструктуре и услугам здравоохранения.

Меньше 15% опрошенных заявили, что вообще не ощутили изменений благодаря программе «Доступная среда».

Результаты анкетирования

Исследование показало высокий уровень заинтересованности общества в вопросах защиты прав и благополучия граждан с особенностями здоровья. Следовательно, формирование конструктивной общественной дискуссии и поддержка активных гражданских позиций становятся важнейшими инструментами продвижения социально-инклюзивных практик и устранения существующих барьеров для полноценной интеграции людей с ограниченными возможностями.

Далее проанализируем ответы на некоторые вопросы в рамках анкетирования (рис. 1).

Рис. 1. Данные по ответам на вопрос Как Вы оцениваете доступность общественных мест (например, магазины, учреждения, транспорт) для людей с ограниченными возможностями в Вашем городе?

Анализируя итоги проведенного анкетирования, посвященного уровню доступности объектов городской инфраструктуры для людей с ОВЗ, было выявлено неоднородность мнений респондентов. Наибольшее количество положительных отзывов поступило от тех, кто оценил ситуацию как «очень высокую» (29%) и «высокую» (26%). Вместе с тем, значительная доля опрошенных высказала мнение, характеризующее доступность как среднюю (22%). Такое восприятие отражает существующую проблему частичной доступности городских объектов и потребность в дальнейшем развитии необходимой инфраструктуры. Следует отметить, что 15% респондентов указали на низкую доступность публичных пространств, подчеркивая тем самым существование серьёзных препятствий, мешающих полноценной включенности инвалидов в социальную жизнь городского сообщества. 8% от общего числа опрошенных, отметили крайне низкий уровень доступности общественных мест (рис. 2).

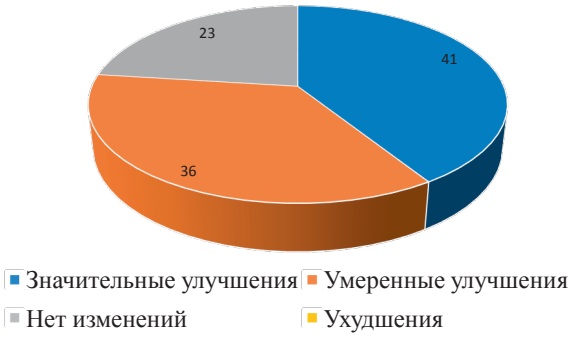

Рис. 2. Данные по ответам на вопрос Какие изменения Вы заметили в качестве жизни людей с ограниченными возможностями после внедрения государственной программы «Доступная среда»?

Около половины опрошенных (41%) отмечают значительные позитивные изменения в условиях жизнедеятельности людей с ОВЗ. Примерно треть участников исследования (36%) сообщают о наличии умеренных улучшений, что также является положительным сигналом. Вместе с тем, около четверти респондентов (23%) указывают на отсутствие заметных перемен в области повышения качества жизни инвалидов (рис. 3).

Рис. 3. Данные по ответам на вопрос Влияет ли государственная программа «Доступная среда» на уровень занятости людей с ограниченными возможностями?

Исследование общественного мнения относительно воздействия государственной программы «Доступная среда» выявило значительный интерес к вопросам трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья. Подавляющая часть респондентов (56,2%) убеждена, что данная инициатива оказывает положительное влияние на уровень занятости указанной категории граждан. Небольшая группа опрошенных (13,5%) выразила противоположную точку зрения, полагая, что программа негативно сказывается на трудовом потенциале. Значительная доля респондентов (22,3%) отметила отсутствие какого-либо заметного влияния программы на занятость, что отражает низкую вовлеченность отдельных категорий граждан в процессы формирования и реализации подобной социальной политики либо недостаток объективной информации о деятельности программы. Около 8% участников опроса предпочли воздержаться от однозначного ответа, подчеркивая таким образом многогранность изучаемого явления (рис. 4).

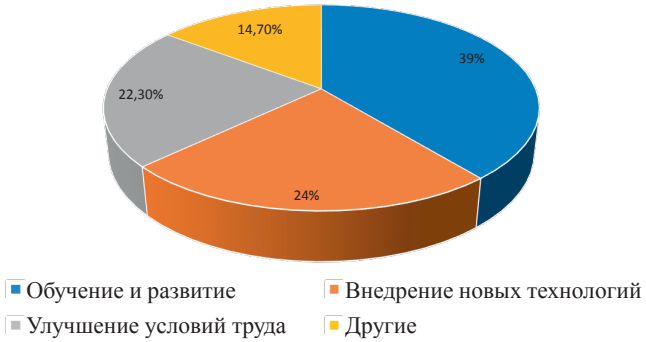

Рис. 4. Данные по ответам на вопрос Какие меры для повышения производительности труда людей с ограниченными возможностями вы считаете наиболее эффективными?

Согласно проведенному опросу, среди предложенных мер для повышения производительности труда людей с ОВЗ наибольшего внимания заслуживают Обучение и развитие сотрудников (39%). Данная мера способствует приобретению ими профессиональных компетенций, повышению квалификации и адаптации к современным требованиям рынка труда. Следующим важным направлением признается Внедрение новых технологий (24%), позволяющее повысить производительность труда посредством автоматизации рабочих процессов, упрощения доступа к информационным ресурсам и оптимизации трудовой деятельности. Улучшение условий труда занимает третье место по уровню предпочтений (22,3%), отражая значимость комфортных и безопасных условий работы для эффективной реализации трудового потенциала работников с особенностями здоровья. Наименее востребованной категорией оказались прочие меры (14,7%), включающие различные дополнительные мероприятия по поддержке и мотивации персонала (рис. 5).

Рис. 5. Данные по ответам на вопрос Что бы Вы предложили улучшить в рамках государственной программы «Доступная среда»?

Наиболее распространенной рекомендацией (28%) стало предложение оптимизировать существующие процессы реализации программы, что предполагает устранение бюрократических препятствий, ускорение процедур и согласования проектов. Значительный блок предложений касается регулярного проведения тематических мероприятий (23%), направленных на привлечение внимания общественности к проблемам доступности среды, формирование культуры толерантности и расширение круга сторонников идеи инклюзивной среды. Важная позиция – взаимодействие с государственными органами (27%), предполагающая активное вовлечение региональных властей, федеральных

структур и представителей местного самоуправления в реализацию мероприятий программы. Четвертое направление рекомендаций связано с необходимостью обучения специалистов, работающих в сфере доступной среды, и внедрением современных информационных технологий (13%). Остальные рекомендации охватывают индивидуальных мнений (9%), включая изменения законодательной базы, поддержку НКО и другие нестандартные подходы (рис. 6).

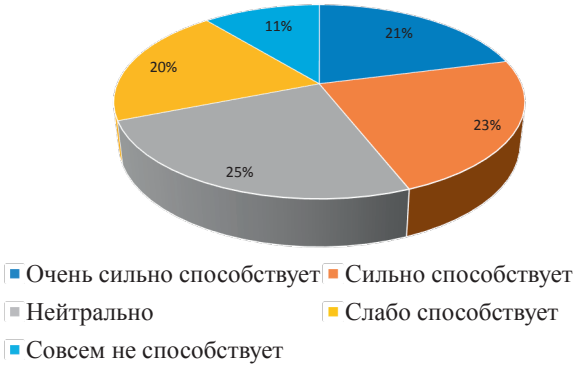

Рис. 6. Данные по ответам на вопрос Как Вы считаете, насколько государственная программа «Доступная среда» способствует социальной интеграции людей с ограниченными возможностями?

Согласно опросу, каждый пятый респондент (21%) выразил мнение, что программа оказывает значительное влияние на процесс социальной интеграции данной категории граждан. Еще четверть участников исследования (23%) также оценили позитивное воздействие программы как сильное. Вместе с тем почти четвертая часть аудитории (25%) придерживается нейтральной позиции относительно эффективности рассматриваемых мероприятий. Вместе с тем доля тех, кто видит слабое содействие государства (20%), свидетельствует о наличии объективных проблем, связанных с недостаточной эффективностью отдельных аспектов реализации программы. Однако число граждан, считающих программу абсолютно неэффективной, минимально всего лишь (11%) одиннадцатипроцентная группа высказала негативное отношение к проводимым мероприятиям (рис. 7).

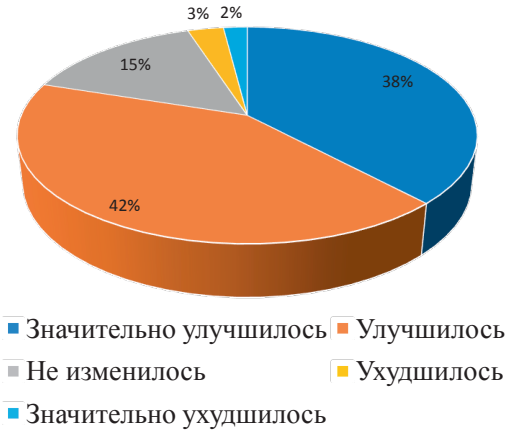

Рис. 7. Данные по ответам на вопрос Как Вы оцениваете качество жизни людей с ограниченными возможностями до и после внедрения государственной программы «Доступная среда»?

Проведенный опрос показал, что реализация программы «Доступная среда» существенно повысила уровень удовлетворенности качеством жизни лиц с ОВЗ. Подавляющая часть респондентов отметила улучшение своего положения благодаря внедрению соответствующих инициатив. Более трети опрошенных (38%) указали, что внедрение программы значительно способствовало улучшению условий жизнедеятельности инвалидов. Почти половина участников исследования (42%) признают наличие умеренных положительных изменений в качестве своей повседневной жизни. Эти данные свидетельствуют о доверия общества к государственным мерам поддержки и подтверждают целесообразность проводимых реформ.

Однако важно отметить, что около пятнадцати (15%) процентов респондентов отметили отсутствие значимых перемен в условиях собственной жизни после начала функционирования программы. Негативные оценки («ухудшение») зафиксированы крайне редко (всего 5%), что подтверждает общую эффективность реализуемых государственных проектов (рис. 8).

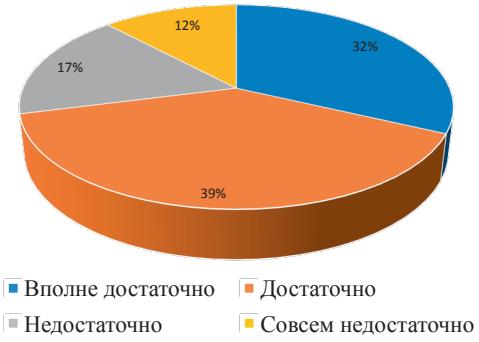

Рис. 8. Данные по ответам на вопрос Как Вы считаете, достаточно ли финансирования выделяется на реализацию государственной программы «Доступная среда»?

Анализируя итоги общественного мнения относительно достаточности финансирования государственной программы «Доступная среда», отметим устойчивый консенсус среди значительной части населения страны. Более половины опрошенных выразили уверенность в адекватности выделяемых ресурсов, характеризуя финансирование как вполне достаточное (32%) либо достаточно (39%). Тем не менее, значительный процент респондентов (около одной пятой) выражают сомнения в полном объеме предоставленного финансирования, считая средства недостаточными (17%) или даже совсем недостаточными (12%). Подобная поляризация взглядов подчеркивает необходимость углубления анализа бюджетных приоритетов и возможных направлений перераспределения финансовых потоков.

Основные проблемы, выявленные в ходе социологического опроса

Отсутствие комплексного подхода

Одной из ключевых сложностей остаётся фрагментарность принимаемых мер. Часто усилия концентрируются лишь на отдельных аспектах обустройства городов и социальных услуг, игнорируя взаимосвязанность различных элементов инфраструктуры. Например, благоустроены подъезды зданий, но отсутствует удобная инфраструктура внутри помещений, либо обустроены пандусы, но отсутствуют лифты для колясочников. По мнению И.Е. Шарамыгины: «для полноценной жизни инвалидов необходимо удовлетворение таких потребностей, как беспрепятственное передвижение, общение и социализация в обществе, свободный доступ к социально-бытовым, культурным и прочим объектам, возможность получения образования, включая высшее и трудоустройство» [11, с. 144].

Низкий уровень координации межведомственных взаимодействий

Проблемы возникают вследствие недостаточной согласованности действий различных ведомств и структур, участвующих в процессе реализации программы. Разобщённость ответственности ведёт к дублированию функций, замедляет принятие управленческих решений и повышает издержки, возникающие в ходе осуществления конкретных мероприятий. Необходимость централизованного контроля и управления процессом обеспечивает координацию действий и минимизирует риски возникновения конфликтных ситуаций.

Неправильная приоритизация целей

Реализация мероприятий часто ориентирована преимущественно на формальное выполнение нормативов и стандартов, без учёта реальных потребностей целевой аудитории. Уделяется недостаточно внимания изучению предпочтений и пожеланий самих пользователей, что снижает практическое значение внедряемых решений. Некоторые проекты благоустройства, кажущиеся эффективными с точки зрения чиновников, не соответствуют действительным нуждам людей с ограниченными возможностями и становятся бесполезными инвестициями.

Система мониторинга и обратной связи

Несмотря на важную роль системы мониторинга и обратных связей в оценке успешности реализации проекта, такие механизмы остаются слаборазвитыми. Большинство субъектов не располагают адекватными инструментами для сбора достоверной информации о результатах выполненных мероприятий, отсутствии чётких критериев оценки деятельности исполнителей и объективных показателей достижения поставленных целей. Опросные методы, применяемые для оценки доступности среды, отличаются субъективизмом и низким охватом целевой группы, не позволяя выявить реальную степень удовлетворения потребностей инвалидов.

Сложности организации инклюзивного образования и трудоустройства

Программа затрагивает не только физическую среду обитания, но и социально-экономические аспекты, такие как образование и занятость. Несмотря на активные попытки решить проблему образовательной и профессиональной интеграции инвалидов, многие образовательные учреждения и работодатели продолжают испытывать сложности в приспособлении учебных процессов и рабочих мест к особенностям восприятия и поведения людей с ограниченными возможностями. Государство должно усилить поддержку образовательных учреждений и работодателей, обеспечить развитие механизмов карьерного роста и продвижение профессиональных компетенций работников-инвалидов.

Отставание правовой базы

Законодательство в части регулирования права на доступную среду нуждается в совершенствовании. Законодательные акты, регулирующие стандарты и нормы проектирования и эксплуатации объектов инфраструктуры, требуют обновления и приведения в соответствие с международными стандартами и передовыми технологиями. Без чёткого правового поля, определяющего ответственность всех сторон за реализацию положений программы, достижение заявленных целей становится затруднительным. И.Р. Руйга и М.В. Ефремова пишут: «формирование доступной среды для инвалидов, несмотря на существующую правовую основу, соответствующую нормам международного права, в Российской Федерации находится на недостаточном уровне» [9, с. 74].

При всей значимости программы «Доступная среда» в деле защиты интересов людей с ограниченными возможностями, её реализация осложняется множеством факторов, связанных с отсутствием единого стратегического видения, дефицитом финансов, несовершенством законодательства и слабостью организационных инструментов. Для устранения указанных проблем необходима систематическая коррекция стратегии, усиление роли общественного контроля, укрепление правовых основ и поддержка научно-методической составляющей программы.

Литература

1. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда». Итоги реализации государственной программы Российской Федерации «Доступная среда». [Электронный ресурс] URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0 (дата обращения: 03.05.2025).
2. Информационно – аналитический портал государственной программы Российской Федерации «Доступная среда». [Электронный ресурс] URL: https://zhit-vmeste.ru/normativnye-pravovye-akty/dokumenty-programmy-dostupnaya-sreda/241670/ (дата обращения: 19.04.2025).
3. Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2021 года № 3711-р. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс»
5. Отчет о ходе реализации и об оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Доступная среда». [Электронный ресурс] URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/handicapped/1357 (дата обращения: 03.05.2025).
6. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Паспорт государственной программы Российской Федерации «Доступная среда». [Электронный ресурс] URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0 (дата обращения: 20.04.2025).
7. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. Инвалиды. Безбарьерная среда: некоторые важные результаты и показатели 2016 года. [Электронный ресурс] URL: http://government.ru/info/27282/ (дата обращения: 20.04.2025).
8. Предварительная оценка численности населения муниципальных образований на 1 января 2024 года и в среднем за 2023 год (человек) [Электронный ресурс] URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Предварит_числ_МО_2024.pdf (дата обращения: 04.05.2025).
9. Руйга И.Р., Ефремова М.В. Проблемы формирования доступной среды для маломобильных групп населения на региональном уровне: нормативно-правовой аспект // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2015. № 18. С. 74–81.
10. Федорова О.А. Основные подходы к проблеме социальной интеграции инвалидов в современном обществе / О.А. Федорова // Современные проблемы науки. – 2013. – № 1. С. 14–18.
11. Шарамыгина И.Е. Право инвалидов на доступную среду: опыт, проблемы и пути их решения // Реализация Конвенции ООН о правах инвалидов: опыт, проблемы, пути их решения: сб. науч. ст., материалов междунар. науч.-практ. конф. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2017. С. 143–146.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE STATE PROGRAM OF THE RUSSIAN FEDERATION «ACCESSIBLE ENVIRONMENT» (BASED ON A SURVEY OF RESIDENTS OF THE SVERDLOVSK REGION)

Belozerova K.R., Vanaeva E.I., Odinaev M.A.
Ural Institute of Management – Branch of RANEPA

In the era of striving for social justice and equality, the problem of environmental accessibility is of particular importance. The state is obliged to ensure the realization of the fundamental rights of every citizen – the right to receive quality health care, access to education and employment opportunities. For the successful implementation of programs, it is important to create conditions conducive to interaction between various social groups and cultural dialogue within society. Since 2011, the State Program of the Russian Federation «Accessible Environment» has been systematically transforming the Russian infrastructure, adapting it for people with disabilities. Within the framework of this program, a large number of initiatives have been implemented aimed at improving not only the accessibility of social facilities, but also the accessibility of education. In this regard, for the authors of the article, the assessment of the carried out activities by the population is of the utmost importance. The article presents an analysis of the results of a sociological study conducted by the authors of the practical implementation of the state program of the Russian Federation «Accessible Environment». The survey was conducted among 400 residents of the Sverdlovsk region over 18 years of age. Particular attention is paid to assessing the effectiveness of measures to ensure the accessibility of the social environment for persons with disabilities in the territory of the region.

Keywords: accessible environment, social group of people with disabilities, adaptation, accessibility.

References

1. State Program of the Russian Federation «Accessible Environment». Results of the Implementation of the State Program of the Russian Federation «Accessible Environment». [Electronic resource] URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0 (Accessed on May 3, 2025).
2. Information and Analytical Portal of the State Program of the Russian Federation «Accessible Environment». [Electronic resource] URL: https://zhit-vmeste.ru/normativnye-pravovye-akty/dokumenty-programmy-dostupnaya-sreda/241670/ (Accessed on April 19, 2025).
3. Concept for the Development of a Comprehensive Rehabilitation and Habilitation System for Persons with Disabilities, Including Children with Disabilities, in the Russian Federation through 2025: Order of the Government of the Russian Federation № 3711-r of December 18, 2021. Accessed from the reference and legal system «ConsultantPlus».
4. On approval of the state program of the Russian Federation «Accessible Environment» for 2011–2020: Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.12.2015 № 1297. Accessed from the reference and legal system «ConsultantPlus».
5. Report on the progress of implementation and evaluation of the effectiveness of the state program of the Russian Federation «Accessible Environment». [Electronic resource] URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/handicapped/1357 (Accessed on 03.05.2025).
6. Official website of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Passport of the state program of the Russian Federation «Accessible Environment». [Electronic resource] URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0 (Accessed on 20.04.2025).
7. Official website of the Government of the Russian Federation. Disabled People. Barrier-Free Environment: Some Key Results and Indicators of 2016. [Electronic resource] URL: http://government.ru/info/27282/ (Accessed on 20.04.2025).
8. Preliminary Population Estimates of Municipalities as of 1 January 2024 and on Average for 2023 (people) [Electronic resource] URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Предавит_числ_МО_2024.pdf (Accessed on 04.05.2025).
9. Ruyga I.R., Efremova M.V. Problems of Creating an Accessible Environment for People with Limited Mobility at the Regional Level: Regulatory and Legal Aspect // Public and Municipal Administration in the 21st Century: Theory, Methodology, Practice. 2015. № 18. Pp. 74–81.
10. Fedorova O.A. Main Approaches to the Problem of Social Integration of Persons with Disabilities in Modern Society / O.A. Fedorova // Modern Problems of Science. – 2013. – № 1. Pp. 14–18.
11. Sharamygina I.E. The Right of Persons with Disabilities to an Accessible Environment: Experience, Problems, and Solutions // Implementation of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities: Experience, Problems, and Solutions: Coll. of scientific articles, materials of the international. scientific and practical. conf. Kemerovo: Kemerovo State University. 2017. Pp. 143–146.

Последствия социально-демографического кризиса в ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом» на примере ЗАТО Саров

Большаков Андрей Олегович,
аспирант кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

В рамках статьи рассматривается текущее социально-демографическое состояние закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), входящих в структуру ГК «Росатом» на примере ЗАТО Саров, с учетом специфики организации и функционирования данных территорий. Как отправная точка исследования описано современное состояние проблематики социально-демографического развития как на территории Российской Федерации, и в частности в рамках закрытых-административно-территориальных образований атомного профиля, функционирующих в стране, так и не территории Европы. Кроме того, обозначены риски, связанные с сохранением описанных трендов и негативной динамики в рамках ЗАТО, входящих в структуру ГК «Росатом» в связи с особой важностью таких территорий для страны, в том числе в разрезе их потенциала. Дана краткая актуальная характеристика закрытых городов и описаны особенности данных муниципалитетов на территории современной России. Проводится анализ текущей социально-демографической ситуации в ЗАТО Саров, основываясь на широком спектре официальных данных органов власти приведенного муниципалитета, истории миграционных потоков данной территории, а также полевого исследования, которое было проведено в 2023 году. По итогам анализа выделены ключевые проблемные вопросы, которые негативно влияют на социально-демографическую ситуацию в рамках данного ЗАТО, а также описаны ключевые тренды социально-демографического развития ЗАТО Саров в последние годы. Одним из основных проблемных аспектов является отток молодого активного населения с территории ЗАТО Саров в более крупные и развитые городские агломерации как региона, так и страны в целом. Кратко охарактеризованы последствия сохранения текущей негативной динамики, а также предложены варианты улучшения сложившейся социально-демографической ситуации для указанного ЗАТО с возможностью масштабирования на иные моногорода со схожей структурой, спецификой и текущей ситуацией в данном ключе. В частности, предложены решения для повышения привлекательности территории и улучшения уровня жизни населения с учетом специфики и возможностей закрытых административно-территориальных образований, входящих в структуру ГК «Росатом». Реализация предложенных в рамках данной статьи решений потенциально положительно скажется на социально-демографической ситуации в приведенном в рамках данной статьи закрытом городе.

Ключевые слова: ЗАТО, закрытый город, население ЗАТО, ЗАТО, входящие в структуру ГК «Росатом», ЗАТО Саров, социально-демографический кризис, муниципальная политика, социальная политика.

Введение

Проблематика социально-демографических проблем для территории России и практически всех развитых государств, в частности Европы в последние годы актуализируется все больше. Для России данная проблематика обрела особое значение, поскольку сейчас на государственном уровне принимается целый ряд решений и мер для стимулирования рождаемости населения, увеличения продолжительности жизни, а также аккумуляции молодежи как на территории страны, так и в регионах. Для регионов последний аспект стоит на особой позиции и является одной из ключевых задач региональной политики.

В свою очередь для ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований) на территории нашей страны данная проблематика является особо острой, поскольку с 1990-х годов сложилась ситуация с активной миграцией активного и молодого населения из «закрытых городов», что привело к «старению» данных территориальных образований. Поэтому актуальная социально-демографическая ситуация накладывает дополнительный негативный эффект в ЗАТО. Потенциально это может привести к целому ряду новых проблем, поскольку большая часть ЗАТО на территории нашей страны связаны со структурами ГК «Росатом» и именно на данных территориях разрабатывается целый ряд передовых технологий как в гражданских сферах, так и в военных. А в связи с текущей ситуацией есть перспективы кадрового дефицита или проблем с обеспечением научных центров и производств на данных территориях, что может пагубно сказаться на всей отрасли.

Что такое ЗАТО. Специфика данных территорий

Для более детального понимания генезиса данной проблемы и описания возможных путей решения мы рассмотрим данную проблематику на одном конкретно взятом примере, а именно ЗАТО Саров, как одном из наиболее потенциально привлекательных для молодежи научных центров.

Но сперва необходимо разобраться с тем, что из себя представляют ЗАТО и в чем их специфика. Итак, сама аббревиатура ЗАТО расшифровывается как закрытое административное территориальное образование. Но для большего понимания стоит рассмотреть определение данного типа объектов, приведенное в Законе РФ от 14.07.1992 № 3297–1 (ред. от 15.04.2022) «О закрытом административно-территориальном образовании»: Закрытым административно-территориальным образованием признается имеющее органы местного самоуправления административно-территориальное образование в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов, для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан [1, с. 1]. Если же изложить понятие ЗАТО менее нормативным и более доступным языком, то можно сказать, что ЗАТО (Закрытое административное территориальное образование), – закрытый населенный пункт (в основном город), на территории которого расположены те или иные стратегические объекты, имеющие определенный уровень секретности. Также подобные структуры именуются закрытыми городами.

Следовательно, к особенностям таких территорий можно отнести:

1) Физическую закрытость, наличие охраняемого периметра и особые требования по физической и информационной безопасности;

2) Модель управления при которой на функционирование территорий влияет целый ряд государственных и негосударственных структур. В частности, в принятии решений активно участвуют органы исполнительной власти практически на всех уровнях, федеральная служба безопасности, а также ГК «Росатом», которая влияет на принятие решений также на всех уровнях;

3) Специфическая экономическая модель, поскольку данные территории по структуре схожи с моногородами, следовательно, большая

часть населения и экономики муниципалитета связана или напрямую зависит от деятельности градообразующего предприятия;

4) Специфический социально-демографический состав населения, сформировавшийся исходя из потребностей градообразующего предприятия и сложившегося в более ранние годы социума.

Специфика социально-демографической ситуации в ЗАТО Саров

Теперь ознакомимся с вводными данными касательно состава населения ЗАТО Саров. Площадь ЗАТО Саров насчитывает 249 кв. км. Саров расположен в Нижегородской области, и является наиболее близким к Москве ЗАТО в структуре ГК Росатом. Градообразующим предприятием является Российский федеральный ядерный центр Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ) деятельность которого связанна с атомной промышленностью, энергетикой, высокими технологиями и военными проектами в данном русле. Кроме того, Саров является также одним из центров духовной жизни страны. В итоге мы получаем специфическую картину сосуществования сильного религиозного и научного центра в одном месте, которые при этом стремительно развиваются, не препятствуя друг-другу, а в чем-то даже содействуя. Также город является Территорией опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), большинство промышленных площадок которого на данный момент уже заняты дочерними структурами ГК «Росатом», а также несколькими производствами обрабатывающей и пищевой промышленности.

Численность населения ЗАТО Саров на 01.01.2025 составляет 93,5 тысяч человек (по данным отчета главы города Сарова о результатах своей деятельности и деятельности администрации города Сарова за 2024 год), на 01.01.2024 численность населения составляла 94084 человек (по данным отчета главы города Сарова о результатах своей деятельности и деятельности администрации города Сарова за 2023 год). В возрастной структуре населения города преобладает население в трудоспособном возрасте. Его доля составляет 60,1% (на 01.01.24 данный показатель составлял 56,86%). Доля населения моложе трудоспособного возраста – 17,3% (на 01.01.2024 данный показатель составлял 16,3%), старше трудоспособного возраста – 22,6% (на 01.01.2024 данный показатель составлял 26,89%). По соотношению доли населения в возрасте от 0–14 и 60+ структура населения Сарова относится к регрессивному типу, при котором доля лиц в возрасте 60 лет и старше (23%) превышает долю лиц в возрасте от 0 до 14 лет (15,3%) и характеризуется в основном естественной убылью населения. Средний возраст жителей города составляет 40,08 лет, мужчин – 37,96, женщин – 43,35. Кроме того, согласно международным критериям, население города считается довольно возрастным, т.к. доля людей в возрасте 65 лет и более во всем населении составляет 22,6%.

Если рассмотреть данный аспект в динамике, базируясь на инфрмации содержащейся в отчетных документах администрации ЗАТО Саров, то мы получим следующую картину (рис. 1, 2).

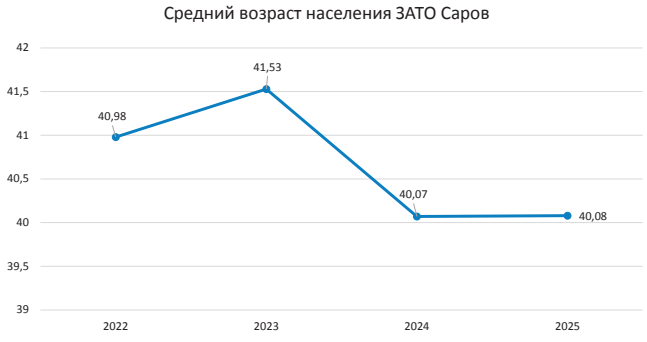

Рис. 1.

Если ознакомится с данными приведенными в графиках выше, то мы можем увидеть, что общая численность населения убывает вне зависимости от миграционных процессов связанных с трудоустройством новых специалистов в градообразующие структуры. Средний возраст населения после значительного отрицательного скачка в 2023 году постепенно стабилизируется и отражает специфику территории, связанную с деятельностью градообразующего предприятия.

Поскольку население, в основном, занято в градообразующих структурах, и связанных с ними организациях, по сути, обеспечивающих их функционирование, а подобные города имеют закрытую структуру (являются режимными объектами), то можно, например, говорить о вероятности оттока инициативной молодежи, или же в целом – инициативного населения, которое не видит перспектив реализации своих идей и инициатив в рамках таких территорий, что как было отмечено выше, произошло в 1990-х годах при кризисе ЗАТО, и сейчас с учетом уже сложившегося депрессивного образа ЗАТО также имеет место, что отмечают многие исследователи данной проблематики говоря как раз о периоде кризиса отрасли. Так несмотря на то что масштабы эмиграции из ЗАТО атомной отрасли не были велики, этот процесс стал индикатором трансформации местного сообщества и настроений отдельных групп населения. Отсутствие возможности в полной мере реализовать свой потенциал, обеспечить адекватные условия жизни в меняющихся реалиях стало причиной эмиграции научных работников и высококвалифицированных специалистов. Выезжали, как правило, наиболее квалифицированные и активные, преимущественно молодые жители данных закрытых городов. Данная тенденция по сути сохранилась и сейчас, поскольку не многие представители молодежи, при достижении определенных возможностей, выбирают остаться или вернуться в родные закрытые города. Это, в свою очередь, сказывается и на общем, во многом, депрессивном отношении, настроении жителей данной территории к своему городу, что приводит, в основном, к замедлению темпов жизни, отсутствию инициативы в развитии территории. Также молодежь мигрирует из закрытых муниципалитетов в поиске более высокого уровня городской, событийной и культурной инфраструктуры и стремится к иному качеству и уровню жизни.

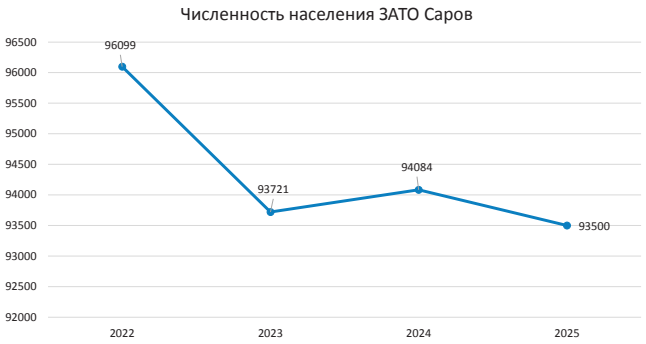

Рис. 2.

Также в 2023 году на территории ЗАТО Саров было проведено небольшое социологическое исследование, результаты которого нам могут быть интересны для выявления причин сложившейся проблемы:

Начнем с того, что посмотрим на то с чем ассоциируется город Саров у его жителей. Довольно часто в образах жителей города фигурирует деревня, ассоциации с тюрьмой (клетка, зона), деятельность градообразующего предприятия и его наименование, безопасность, а также дом и уют в данном ключе. В целом преобладает довольно негативная для города коннотация. Также основные проблемы, которые выделяются населением ЗАТО Саров это закрытость территории, плохое состояние дорог, высокие цены и отсутствие перспектив и досуга. Кроме того, жители города в большей степени видят город таким же и ничем не изменившимся через 5 и 10 лет. Также почти половина респондентов (45%) хотела бы переехать из Сарова в другой город, зачастую более крупный, где больше перспектив для личного развития, возможностей и сопоставимое количество опрошенных (38%) не хотело бы переезжать в другой город, поскольку их все устраивает, что связано с тем, что большинству респондентов (52%) нравится жить и работать в ЗАТО Саров.

Проблемы социально-демографического развития ЗАТО Саров

С учетом приведенных данных опроса и факторов, которые мы описали немного выше мы можем сказать, что в целом описанные нами факторы влияют на население ЗАТО Саров и отражается на представлениях жителей города. В частности, фактор закрытости территории присутствует в образах жителей, а также фигурирует как фактор генерирующих большинство проблем или неудобств для населения Сарова. В целом закрытость территории действительно является основным фактором, влияющим на население ЗАТО Саров при чем в негативном ключе, хотя стоит также отметить, что для некоторых жителей данный фактор является частично позитивным, ввиду того, что по их мнению за счет этого сохраняется безопасность и относительный покой на территории города. Также мы видим, что многие жители выделяют проблему ценообразования, которая является проявлением влияния того, что экономика территориального образования напрямую связана, а в некоторых вопросах и зависит от градообразующего предприятия и во многом замкнутости экономики таких территорий. Кроме того, мы видим влияние специфического демографического и кадрового состава в том, что в городе мало вариантов досуга, отдыха и развлечений. В частности, в основном все событийные мероприятия

направленны на представителей старшего поколения и семей с детьми. Многие также не видят перспектив для развития в таких городах, следовательно, мы имеем проблему оттока молодежи и в целом активного населения, что также проявляется и в довольно узком рынке труда, что также обусловлено тем, что в ЗАТО довольно проблемно и неудобно вести малый или средний бизнес, который никак не связан с деятельностью градообразующего предприятия. Что в свою очередь показывает нам, что статус или механизм ТОСЭР при наличии на территории города высококвалифицированных кадров, специфических научных центров на данный момент не показывает себя эффективным в плане привлечения и образования на территории ЗАТО Саров некоего наукоемкого бизнес-кластера, что также связано и с тем, что данный город является закрытым, что как не является позитивным аспектом для развития высокотехнологичного и наукоемкого бизнеса.

Резюмируя сказанное выше можно вычленить ряд проблемных вопросов, культивирующих негативную социально-демографическую ситуацию в ЗАТО Саров:

1) Имидж и отношение населения к территории. Как показывает практика в умах жителей ЗАТО часто фигурируют негативные образы по отношению к территории;

2) Монопрофильность в экономике территории. Данный аспект часто выражается в управленческих решениях и проблемах в сфере предпринимательства как мелкого так среднего;

3) Устаревшая городская и социальная инфраструктура, а также проблемы в культурной и событийной среде, относительно слабая молодежная политика;

4) Проблемы с самореализацией населения, отсутствие перспектив для представителей не градообразующей сферы, узкий рынок труда.

Последствия негативной социально-демографической динамики в ЗАТО Саров. Пути разрешения сложившейся проблемной ситуации

В итоге, говоря о последствиях сложившейся ситуации, связанной с социально-демографическим кризисом в ЗАТО и если вся динамика в данном русле сохранится в примерно сопоставимых показателях, то мы получим стабильное снижение численности населения за счет миграционных процессов и естественных процессов, средний возраст населения будет плавать примерно около 40 лет, отражая основной костяк жителей территории. Это может негативно сказаться на развитии муниципалитета, рекрутинге новых кадров для градообразующего предприятия, в целом развитии научных центров и качестве среды, что в дальнейшем негативно скажется на уровне жизни.

В целом представители органов власти на разных уровнях, а также руководство ГК «Росатом» сообща предпринимают возможные меры по стабилизации ситуации, что также видно исходя из динамики численности населения. Здесь и дополнительные возможности по образованию вне закрытой территории, но вблизи ее, на базе рядом расположившегося профильного филиала МГУ им. Ломоносова, и активная внутренняя жизнь для сотрудников градообразующего предприятия, это и работа по улучшению качества жизни в ЗАТО, развитие организаций дополнительного образования, совершенствование объектов социальной инфраструктуры, что в итоге работает на имидж территории.

Рассмотрим какие еще меры можно предпринять, для улучшения имиджа территории, частично возвращения ее былого статуса, и, следовательно, привлечении активной молодежи. Во-первых, необходимо вести работу по созданию современных и комфортных городских общественных пространств разной направленности, и в целом провести анализ городской среды с целью выявления потенциальных точек интереса, потребностей населения, текущего состояния, проблем, а также вариантов их решения и путей модернизации среды. По сути данная работа уже ведется администрацией на ключевых общественных пространствах города, но есть вопросы, например, к отсутствию единой концепции дворовых территорий и территорий районного значения, также есть трудности с разработкой и реализацией велоинфраструктуры. Здесь же не маловажным является проблематика модернизации транспортной инфраструктуры в целом. Во-вторых, необходимо работать над поддержанием существующего жилищного фонда и внесение территории в разнообразные преференциальные программы по жилью, что привлечет молодых специалистов. В-третьих, более сильная поддержка местного малого и среднего бизнеса с целью большей диверсификации экономики муниципалитета, большей кадровой палитры и привлечения дополнительных средств в бюджет. В-четвертых, провести модернизацию социального и образовательного ядра муниципалитета, что повысит качество жизни и образования. Далее это развитие культурной и событийной сферы для насыщения мероприятиями всех категорий населения, поскольку досуговая часть жизни, как отмечают жители ЗАТО достаточно страдает. Также как вариант по самореализации можно рассмотреть развитие дополнительного образования или, например, создание профессионального училища ориентированных на подготовку кадров в сфере IT и условно креативных индустрий. Все это в совокупности может положительно сказаться на имидже территории и качестве жизни населения, что в итоге положительно скажется на численности населения, за счет нивелирования миграционных процессов, ввиду привлечения молодежи.

Литература

1. Закон РФ от 14.07.1992 № 3297–1 (ред. от 15.04.2022) «О закрытом административно-территориальном образовании» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/51a4172d67bb0dd16ac30805dcbfda8b22baf893/;

2. Федеральный закон от 22.11.2011 № 333-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О закрытом административно-территориальном образовании» и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О закрытом административно-территориальном образовании» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122004/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100012;

3. Большаков А.О. Специфические факторы, влияющие на общественно-поведенческие паттерны жителей ЗАТО // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: сборник научных трудов: Издательство Омского государственного университета. 2022. С. 179–183.

4. Кильдеева Ю.Р. Правовой статус закрытых административно-территориальных образований // Наука. Общество. Государство. – 2013. № 1(1) – С. 1–34;

5. Константинова Альфия Гумаровна Эмиграция из закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности в 1990-е годы: Тенденции и последствия // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 4.

6. Мельникова Н. В. «Атомная» идентичность жителей закрытых атомных городов России // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3 (84).

7. Редюшев А.А. Проблемы социально-экономического развития закрытых административно-территориальных образований // Менеджмент и Бизнес-Администрирование – М.: ИД «Экономическая газета», № 3, 2008. – сс. 32–35.

8. Отчёт главы города Сарова о результатах своей деятельности и деятельности администрации города Сарова за 2021 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://duma-sarov.ru/wp-content/uploads/2022/06/49_2022–7.pdf?ysclid=lges08k7gg303240172;

9. Отчёт главы города Сарова о результатах своей деятельности и деятельности администрации города Сарова за 2022 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://duma-sarov.ru/wp-content/uploads/2023/06/38_2023–7_.pdf;

10. Отчёт главы города Сарова о результатах своей деятельности и деятельности администрации города Сарова за 2023 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adm-sarov.ru/city/economy/strategicheskoe-planirovanie/otchet-glavy-administratsii-goroda-sarova-o-deyatelnosti-administratsii-goroda-sarova/Отчет%20главы%202023.pdf;

11. Отчёт главы города Сарова о результатах своей деятельности и деятельности администрации города Сарова за 2024 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://duma-sarov.ru/wp-content/uploads/2025/08/50_2025–7.pdf;

12. Официальный сайт администрации города Сарова [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adm-sarov.nobl.ru/;

13. Официальный сайт городской Думы города Сарова [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://duma-sarov.ru/.

THE CONSEQUENCES OF THE SOCIO-DEMOGRAPHIC CRISIS IN CLOSED ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL ENTITIES (ZATOS) WITHIN THE STRUCTURE OF THE ROSATOM STATE CORPORATION, USING THE EXAMPLE OF THE CLOSED ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL ENTITY OF SAROV

Bolshakov A.O.
Institute of International Relations and World History Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article examines the current socio-demographic status of closed administrative-territorial association (CATA) within the Rosatom State Corporation, using the example of Sarov, taking into account the specific organization and functioning of these territories. As a starting point, the study describes the current state of socio-demographic development

issues both within the Russian Federation, and specifically within closed administrative-territorial associations operating in the nuclear sector within the country, and in Europe. Furthermore, the risks associated with the continuation of these trends and negative dynamics within CATA within the Rosatom State Corporation are identified, given the particular importance of such territories for the country, including their potential. A brief, current overview of closed cities is provided, along with a description of the characteristics of these municipalities in modern Russia. This article analyzes the current socio-demographic situation in the closed administrative-territorial association Sarov, drawing on a wide range of official data from the municipal authorities, the history of migration flows in the area, and a field study conducted in 2023. The analysis identifies key issues that negatively impact the socio-demographic situation within this CATA, and describes key trends in the socio-demographic development of CATA Sarov in recent years. One of the key challenges is the outflow of young, active people from CATA Sarov to larger, more developed urban agglomerations in both the region and the country as a whole. The consequences of continued negative dynamics are briefly described, and options for improving the current socio-demographic situation in this CATA are proposed, with the potential to be applied to other single-industry towns with a similar structure, specific features, and current situation. Specifically, solutions are proposed for increasing the attractiveness of the territory and improving the population's standard of living, taking into account the specifics and capabilities of closed administrative-territorial associations within the Rosatom State Corporation. The implementation of the solutions proposed in this article will potentially have a positive impact on the socio-demographic situation in the closed city described in this article.

***Keywords**:* CATA, closed city, population of CATA, CATA included in the Rosatom State Corporation, CATA Sarov, socio-demographic crisis, municipal policy, social policy.

References

1. Law of the Russian Federation of July 14, 1992 No. 3297–1 (as amended on April 15, 2022) "On Closed Administrative-Territorial Entities" [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/51a4172d67bb0dd16ac30805dcbfda8b22baf893/;

2. Federal Law of 22.11.2011 No. 333-FZ (latest revision) "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Closed Administrative-Territorial Entity" and Article 1 of the Federal Law "On Amendments and Additions to the Law of the Russian Federation "On Closed Administrative-Territorial Entity" [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122004/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100012;

3. Bolshakov A.O. Specific factors influencing the socio-behavioral patterns of residents of closed administrative-territorial entities // Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience: collection of scientific papers: Publishing House of Omsk State University. 2022. P. 179–183.

4. Kildeeva Yu.R. Legal status of closed administrative-territorial entities // Science. Society. State. – 2013. No. 1 (1) – P. 1–34;

5. Konstantinova Alfiya Gumarovna Emigration from closed administrative-territorial entities of the nuclear industry in the 1990s: Trends and consequences // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2020. No. 4.

6. Melnikova N. V. "Atomic" identity of residents of closed nuclear cities of Russia // Scientific Notes of OSU. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2019. No. 3 (84).

7. Redyushev A.A. Problems of socio-economic development of closed administrative-territorial entities // Management and Business Administration – M .: Publishing House "Economic Newspaper", No. 3, 2008. – pp. 32–35.

8. Report of the head of the city of Sarov on the results of his activities and the activities of the Sarov city administration for 2021 [Electronic resource] – Access mode: http://duma-sarov.ru/wp-content/uploads/2022/06/49_2022–7.pdf?ysclid=lges08k7gg303240172;

9. Report of the head of the city of Sarov on the results of his activities and the activities of the Sarov city administration for 2022 [Electronic resource] – Access mode: https://duma-sarov.ru/wp-content/uploads/2023/06/38_2023–7_.pdf;

10. Report of the Head of the City of Sarov on the Results of His/Her Activities and the Activities of the Sarov City Administration for 2023 [Electronic resource] – Access mode: https://adm-sarov.ru/city/economy/strategicheskoe-planirovanie/otchet-glavy-administratsii-goroda-sarova-o-deyatelnosti-administratsii-goroda-sarova/Отчет%20главы%202023.pdf;

11. Report of the Head of the City of Sarov on the Results of His/Her Activities and the Activities of the Sarov City Administration for 2024 [Electronic resource] – Access mode: https://duma-sarov.ru/wp-content/uploads/2025/08/50_2025–7.pdf;

12. Official website of the Sarov City Administration [Electronic resource] – Access mode: https://adm-sarov.nobl.ru/;

13. Official website of the City Duma of Sarov [Electronic resource] – Access mode: https://duma-sarov.ru/.

Отношение молодежи к государственной службе в вооруженных силах Российской Федерации и в министерстве чрезвычайных ситуаций

Бычков Петр Иванович,
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) Военного университета МО РФ
E-mail: pbychkov64@yandex.ru

Статья посвящена анализу отношения молодежи к государственной службе в Вооруженных Силах Российской Федерации и в Министерстве чрезвычайных ситуаций. На высокий рейтинг государственной службы на современном этапе влияют социальные и политические процессы и понимание молодежью своих перспектив и возможностей. Авторы приходят к выводу, что планомерная работа ведомств по популяризации своей деятельности создали положительный имидж профессии и существенно влияют на ее выбор молодежью на этапе профессионального становления личности.

Ключевые слова: государственная служба, военно-профессиональная деятельность, Министерство обороны, Министерство чрезвычайных ситуаций.

Введение

Военная служба – это государственная служба, поэтому все ее элементы: подготовка кадров, боевая подготовка, служба войск являются объектами контроля со стороны государства.

Взаимоотношения военной службы, государственной службы строго регламентированы и формализованы, прописаны в приказах, директивах и наставлениях. Государственная служба тесно пересекается с другими социальными институтами общества: семьей и образованием.

Военно-профессиональная деятельность сотрудников Министерства обороны и Министерства чрезвычайных ситуаций принадлежит к специфической форме активности человека, особенностью которой являются условия деятельности: риски для жизни, строгая иерархия, владение оружием, боевое дежурство.

Результаты исследования

Основными субъектами военно-профессиональной деятельности являются молодые люди в возрасте от 18 лет. Крайне важным для любого человека является выбор ведущего рода деятельности, зависящий от периодов жизни. То есть ведущая деятельность может меняться в зависимости от жизненной ситуации.

Многие отечественные ведущие исследователи – психологи, социологи, педагоги [1, 2, 3, 4, 5, 6], считают необходимым и целесообразным выделение ведущего рода профессиональной деятельности и его влияния на личностно-профессиональное развитие. Однако следует констатировать тот факт, что достаточных экспериментальных доказательств того, что может составить ведущий род деятельности на каждом этапе развития личности на данный момент не существует.

Исследователи считают, что определяющим свойством ведущего рода деятельности молодого поколения может стать характеристика его субъектной активности, предопределенная профессиональным содержанием.

Таким образом, форму активности, которая раскрывает его субъективное отношение к профессиональной деятельности можно назвать ведущим родом деятельности человека.

Так как человек в своем личностном развитии проходит через закономерное изменение соответствующих родов ведущей деятельности, то существует возможность построить несколько вариантов периодизации развития человека и выделить несколько этапов его военно-профессионального становления (рис. 1).

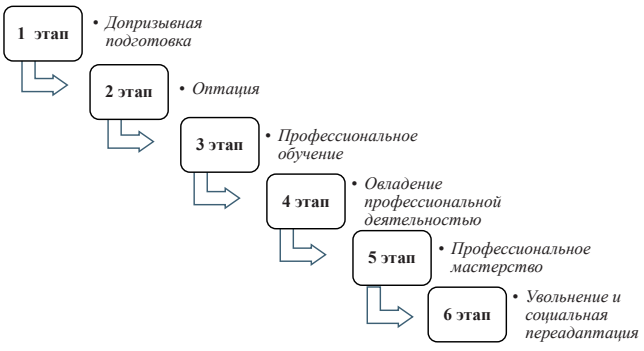

Рис. 1. Этапы профессионального становления представителя силового ведомства

Процесс профессионального становления предполагает прохождение человеком, выбравшем в качестве траектории своего жизненного пути службу в государственных силовых структурах шести этапов:
– допризывная подготовка,
– оптация,
– профессиональная учеба,
– овладение профессиональной деятельностью (первичная и вторичная профессионализация),
– профессиональное мастерство,
– увольнение и социальная переадаптация [7, 8].

Значительный интерес в плане влияния на выбор своего профессионального пути современной молодежью и влияние социальных ин-

ститутов на этот выбор представляют, прежде всего, этапы допризывной подготовки и оптации.

I. Этап допризывной подготовки.

Основной формой допризывной подготовки является начальная военная подготовка (НВП). До определенного времени она осуществлялась факультативно, либо совсем не проводилась, по причине отсутствия профильных педагогов. Однако, начиная с 2023 года по инициативе Минпросвещения России и Минобороны России начальная военная подготовка в рамках курса «Обеспечение безопасности и жизнедеятельности» стала обязательной программой для общеобразовательных и профессионально-технических учебных заведений.

В ходе допризывной подготовки юноши и девушки получают представления о воинском строе, поворотах на месте и в движении, учатся быть подтянутыми. Занятия по Общевоинским уставам дают представления о воинской дисциплине, воинских званиях, должностных лицах в армии и на флоте, размещении военнослужащих. Особой популярностью у молодых людей пользуются занятия по огневой подготовке. Упражнения по стрельбе приучают к внимательности, дисциплине, выдержке.

Еще одной задачей начальной военной подготовки является вооружить учащихся знаниями в области обороны. Красной нитью через всю данную образовательную программу проходит военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Начальная военная подготовка преследует цель подготовить молодых людей к защите Отечества. Не зависимо от того пойдет ли человек служить по призыву, будет ли поступать в военное учебное заведениях, либо находиться в мобилизационном резерве.

На данном этапе юношами и девушками формируется личная позиция относительно траектории своего профессионального пути, начинается творческий поиск призвания и ощущение потребности выбора определённой профессии, более четко определяются социальные устремления.

На современном этапе органами государственной власти вопросам допризывной подготовки стало уделятся повышенное внимание. Принимаются меры к возрождению общественно-политических и патриотических организаций с широким охватом юношей и девушек.

Так, в настоящее время на федеральном уровне активно возрождают военно-патриотические мероприятия Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение Первых» [9]. Автору данной статьи самому, в силу служебной необходимости, пришлось присутствовать в качестве военного эксперта, в 2024 году на финальной игре военно-спортивной игре, организуемого «Движением Первых» в Нижегородской области. Поражал не только уровень и размах организации данного мероприятия (он был высок, так с приветственным словом к участникам выступил заместитель руководителя администрации Президента Российской Федерации С.В. Кириенко), но и сам моральный дух участников, их настрой на победу в соревнованиях.

Минобороны России инициировало общественно-политические и патриотические проекты: многие воинские части (корабли) взяли шефство над общеобразовательными школами, активно работает с движением «Юнармия» [10].

МЧС России более 15 лет проводит планомерную деятельность по военно-патриотическому воспитанию молодежи: организация работы по пропаганде профессии пожарного, создание кадетских корпусов, школ, классов, кружков «Юный спасатель», соревнования «Школа безопасности» и «Юный спасатель» [11]. МЧС России проводит работу среди подростков и молодежи совместно с Общероссийской общественной организацией «Российский союз спасателей» и Всероссийской общественной молодежной организацией «Всероссийский студенческий корпус спасателей».

В современном обществе стало нормой и традицией проведение таких совместных мероприятий, как:

– показательные выступления воинов;
– вахты памяти;
– посещения школьниками воинских частей, полигонов;
– военно-спортивные игры.

II. Этап оптации (выбор профессии). Данный этап характеризуется тем, что у юношей и девушек происходит активное овладение системой значимых ценностных представлений о своем жизненном и профессиональном пути.

На основе анализа своих возможностей, предпочтений, степени развития профессионально качеств происходит самооценка личной профессиональной пригодности, идут активные попытки самоорганизации и самоусовершенствования. Формируются основы социальной и профессиональной направленности, выстраиваются система личностных отношений с друзьями и взрослыми.

На выбор профессии молодых людей влияют как объективные, так и субъективные факторы, такие, как предрассудки о престижности профессии, выбор под влиянием семьи и друзей, перенос отношения к человеку на его профессию, увлечение только внешней стороной профессии, неверное представление о характере труда, неумение разобраться в своих личных качествах и способностях.

У молодежи в этом возрасте формируется устойчивое понимание о престижности профессий (рис. 2), выбор карьеры уже зависит от сферы интересов и понимания своих перспектив и возможностей. Молодые люди на протяжении последних пяти лет наиболее престижной профессией считают работу в IT-сфере и в медицинской сфере (по 32%), существенно на порядок выше возросло за перечисленные годы число тех, кто считает престижной профессию военнослужащего силового ведомства (с 9% до 18%) (в последующие годы ВЦИОМ данных открытых исследований не проводил).

В целом 68% граждан страны в 2024 году по данным другого аналитического центра (ФОМ) считают профессию военнослужащего престижной (в 2022 году – 53%, в 2024 году – 60%) (в последующие годы ФОМ подобных открытых исследований не проводил).

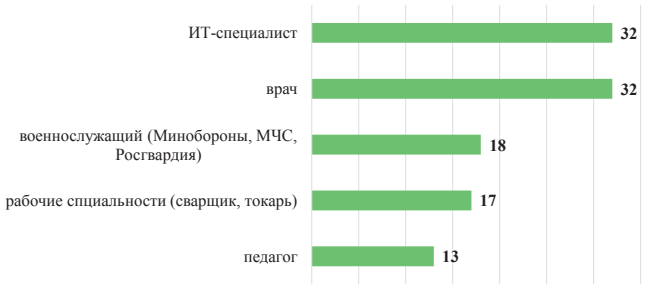

Рис. 2. Престиж профессий в сентябре 2024 г. по данным ВЦИОМ (в % от общего числа респондентов)

В тоже время юноши и девушки, престижность профессии тесно увязывают с ее доходностью. По мнению относительного большинства молодых людей, самой доходной профессией на данный момент являются специальности, связанные с ИТ-сферой (30%). За последние пять лет существенно, по мнению молодежи возросла доходность врачей и военнослужащих, а юристов, наоборот – упала (рис. 3).

Рис. 3. Доходность профессий в сентябре 2024 г. по данным ВЦИОМ (в % от общего числа респондентов)

Заключение

В определенной степени на подобную оценку престижности «силовых» профессий у молодых людей повлияли современные политические процессы. Безусловно, в дальнейшем данная зависимость требует детального исследования. Подобная оценка молодежью профессии военнослужащего и сотрудника МЧС создает благоприятные условия для организации допризывной подготовки в общеобразовательных, профессионально-технических и высших учебных заведениях нашей страны (рис. 4).

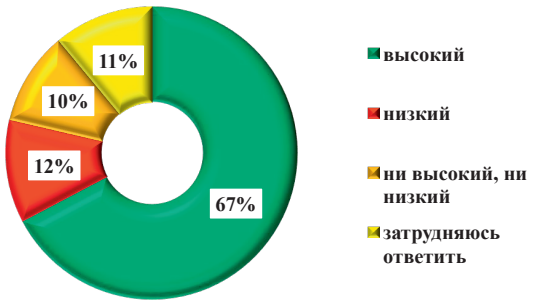

Рис. 4. Престиж профессии военнослужащего и сотрудника МЧС среди молодежи

С 2009 г. ВЦИОМ фиксирует высокий интерес к работе силовых ведомств. В этом же году россияне назвали самым эффективным ведомством, которое справляется со своими задачами – МЧС, положительную оценку работе министерства дали 45% опрошенных [12].

В 2016 г. ВЦИОМ проводил исследование рейтинга силовых ведомств [13, 14]. Деятельность всех силовых ведомств оценивается позитивно, но выше других оценивается деятельность Министерства обороны и Министерства чрезвычайных ситуаций (в последующие годы подобные открытые исследования не проводились). В 2017 г. был составлен рейтинг открытости в работе федеральных органов исполнительной власти, утвержденной распоряжением Правительства РФ 30 января 2014 года. Этот рейтинг возглавило Министерство чрезвычайных ситуаций – более 92% опрошенных россиян также положительно ответили на вопрос, справляется ли МЧС с поставленными перед ними задачами.

Очевидно, что престижность профессии формируется не только за счет ее доходности, но и за счет благоприятного, десятилетиями создаваемого имиджа самой профессии, персоналий, министерств и ведомств, к которым относятся профессии военнослужащего и сотрудника МЧС. Это подтверждает исследование 2021 г., по результатам которого россияне считаю настоящими героями врачей и спасателей МЧС (52% и 42% соответственно) [15].

Литература

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи: учебник; М: МИИТ. 2009. 332 с.
2. Балл Г.А. Психология в рациогуманистической перспективе / Избранные работы, – К, Издательство «Основа». – 2006, 406 с.
3. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности / М: ПЕР СЭ А и Пи Армедиа, 2024.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Академия педагогических наук СССР, 1984. – Т. 1.
5. Зеер Э.Ф. Психология профессии; Учебное пособие для студентов вузов. – Екатеринбург: Деловая книга 2003. – 336 с.
6. Волкова В.А. как найти дело по душе. Практическое руководство по профориентации (цифровая книга) VK com wail 13070452_45377 (дата обращения: 31.05.2025).
7. Фонарев А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала / А.Р. Фонарев. – М.: РАО; Московский психологосоциальный ин-т.; Воронеж: МПСИ, 2005.
8. Осёдло В.И. Теоретические основы профессионального становления офицера // Психология и право. – 2012. – № 2.
9. Официальный сайт Движения первых // URL: https://будьвдвижении.рф/directions. (дата обращения: 18.03.2024).
10. Движение Юнармия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Движения Юнармии // URL: https://www.yunarmy.ru/(дата обращения: 18.03.2024).
11. Главное управление МЧС по Пермскому краю. [Электронный ресурс] // URL: https: //5 9.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/3191299?ysclid=mck6xdqsze587056342 (дата обращения: 01.07.2025).
12. ВЦОИМ НОВОСТИ [Электронный ресурс] ВЦОИМ НОВОСТИ [Электронный ресурс] // URL: https: //wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejting-otkrytosti-i-effektivnosti-silovykh-vedomstv-rossii (дата обращения: 02.07.2025).
13. ВЦОИМ НОВОСТИ [Электронный ресурс] // URL: https: //wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejting-otkrytosti-federalnykh-organov-ispolnitelnoj-vlasti-2016 (дата обращения: 01.07.2025).
14. ВЦОИМ НОВОСТИ [Электронный ресурс] // URL: https: // analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-silovykh-vedomstv (дата обращения: 01.07.2025).
15. ВЦОИМ НОВОСТИ [Электронный ресурс] // URL: https: //wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-geroi-nashego-vremeni (дата обращения: 01.07.2025).

ATTITUDE OF YOUNG PEOPLE TOWARDS PUBLIC SERVICE IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS

Bychkov P.I.
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the attitude of young people to public service in the Armed Forces of the Russian Federation and in the Ministry of Emergency Situations. Social and political processes and the understanding of young people of their prospects and opportunities influence the high rating of public service at the current stage. The authors conclude that the systematic work of the agencies to promote their activities has created a positive image of the profession and has a significant impact on the choice of the profession by young people at the stage of professional development of the individual.

Keywords: public service, military professional activity, Ministry of Defense, Ministry of Emergency Situations.

References

1. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. Sociology of Youth: textbook; Moscow: MIIT. 2009. 332 p.
2. Ball G.A. Psychology in a rationalistic perspective / Selected works, – K, Osnova Publishing House. – 2006, 406 p.
3. Bodrov V.A. Psychology of professional suitability / Moscow: PER SE A i Pi Armedia, 2024.
4. Vygotsky L.S. Collected works: in 6 volumes / L.S. Vygotsky. – Moscow: USSR Academy of Pedagogical Sciences, 1984. – Vol. 1.
5. Zeer E.F. Psychology of the profession; Textbook for university students. – Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2003. – 336 p.
6. Volkova V.A. How to Find a Job You Love. A Practical Guide to Career Guidance (digital book) VK com wail 13070452_45377 (date of access: 31.05.2025).
7. Fonarev A.R. Psychological Features of the Personal Development of a Professional / A.R. Fonarev. – Moscow: RAO; Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MPSI, 2005.
8. Osedlo V.I. Theoretical Foundations of the Professional Development of an Officer // Psychology and Law. – 2012. – № 2.
9. Official website of the Movement of the First // URL: https://будьвдвижения.рф/directions. (date of access: 18.03.2024).
10. Yunarmiya Movement [Electronic resource] // Official website of the Yunarmiya Movement // URL: https://www.yunarmy.ru/ (date of access: 03/18/2024).
11. Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations for Perm Krai. [Electronic resource] // URL: https: //5 9.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/3191299?ysclid=mck6xdqsze587056342 (date of access: 07/01/2025).
12. VTsOIM NEWS [Electronic resource] VTsOIM NEWS [Electronic resource] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejting-otkrytosti-i-effektivnosti-silovykh-vedomstv-rossii (accessed: 02.07.2025).
13. VTsOIM NEWS [Electronic resource] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejting-otkrytosti-federalnykh-organov-ispolnitelnoj-vlasti-2016 (accessed: 01.07.2025).
14. VTsOIM NEWS [Electronic resource] // URL: https://analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-silovykh-vedomstv (date of access: 01.07.2025).
15. VTsOIM NEWS [Electronic resource] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-geroi-nashego-vremeni (date of access: 01.07.2025).

Социальные технологии в системе управления структурой дополнительного образования вуза в условиях цифровизации общества

Воронов Виктор Александрович,
кандидат социологических наук, директор академии менеджмента и агробизнеса ФГБОУ ВО СПбГАУ
E-mail: voronov_v@spbgau.ru

Никулина Наталья Николаевна,
кандидат педагогических наук, заведующий кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО СПбГАУ
E-mail: nikulina.spbgau@yandex.ru

В статье систематизированы основные социальные противоречия в управлении дополнительного профессионального образования: проблема ролевой идентичности преподавателя (конфликт академической и рыночной ориентации), проблема бюрократической инерции (дублирование отчетности, рост нагрузки при внедрении цифровых инструментов), проблема неиспользования данных цифрового следа для принятия решений. Для преодоления выявленных разрывов предложена трехуровневая модель интеграции социальных технологий: на стратегическом уровне – форсайт-сессии с работодателями в онлайн-среде; на операционном уровне – цифровое портфолио преподавателя и краудсорсинг образовательного контента; на уровне сопровождения – предиктивная аналитика отсева слушателей и гибридная модель «цифрового тьютора». Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости перехода от техноцентричной модели цифровизации к социоцентричной, где цифровые инструменты выступают средой реализации социальных технологий, направленных на гармонизацию взаимодействия субъектов образовательного процесса. Практическая значимость состоит в возможности использования предложенных процедурных моделей руководителями подразделений дополнительного профессионального образования для повышения адаптивности и конкурентоспособности образовательных программ.

Ключевые слова: социальные технологии, цифровизация образования, управление вузом, дополнительное профессиональное образование, организационная структура, конкурентоспособность образовательных программ.

Современный этап развития общества характеризуется кардинальными трансформациями социального ландшафта, детерминированными процессами цифровизации, которые проникают во все сферы жизнедеятельности, включая систему высшего образования. Для университетов это порождает вызов двойного порядка: с одной стороны, возникает общественный запрос на подготовку кадров, обладающих компетенциями для функционирования в условиях цифровой экономики, с другой – объективно требуется перестройка собственных управленческих механизмов вуза, их адаптация к новым технологическим и коммуникационным реалиям. В этой структуре особое место занимают подразделения дополнительного профессионального образования (институты, факультеты, центры ДПО). Они первыми сталкиваются с необходимостью интеграции цифровых инструментов в образовательный и управленческий процессы. Однако, данные эмпирических наблюдений и анализа открытых источников свидетельствуют, что именно в сегменте дополнительного профессионального образования (ДПО) наиболее остро проявляется разрыв между высоким уровнем технического оснащения и инерционностью социальной организации процессов [1].

Цель исследования мы видим в выявлении и теоретическом обосновании потенциала социальных технологий как инструмента оптимизации управления структурой дополнительного образования вуза в контексте цифровой трансформации.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют работы в нескольких предметных полях. Фундаментальные основы изучения социальных технологий как инструмента управления заложены в трудах В.Н. Иванова, В.И. Патрушева, В.В. Щербины, которые рассматривают их как совокупность методов целенаправленного воздействия на социальные системы и процессы [2]. Социологические аспекты управления образовательными системами нашли отражение в исследованиях Г.Е. Зборовского, В.И. Добренькова, А.И. Кравченко, акцентирующих внимание на институциональных изменениях в высшей школе [3]. Проблематика цифровой трансформации образования активно разрабатывается такими авторами, как Р.Г. Стронгин, Д.Е. Прокудин, которые анализируют влияние информационно-коммуникационных технологий на организационную структуру университетов. Вопросы функционирования и развития ДПО в современных условиях поднимаются в работах С.Д. Резника, В.А. Гуртова и др. [4]. Но проблема применения социальных технологий для преодоления организационных разрывов в управлении структурами ДПО именно под влиянием цифровизации остается недостаточно изученной и требует специального социологического анализа.

Методологическую основу работы составляют структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Р. Мертон), позволяющий рассмотреть структуры ДПО как социальную систему, и концепция сетевого общества М. Кастельса, объясняющая трансформацию социальных связей под влиянием цифровых технологий [5].

Новизна исследования заключается в обосновании необходимости перехода от техноцентричной модели цифровизации управления ДПО к социоцентричной, где цифровые инструменты рассматриваются не как самоцель, а как среда для реализации социальных технологий, направленных на гармонизацию взаимодействия субъектов образовательного процесса (администрации, преподавателей, слушателей, работодателей).

В современной социологии управления категория «социальные технологии» занимает важное место, выступая связующим звеном между теоретическими моделями и практикой управленческой деятельности. Опираясь на определение В.Н. Иванова и В.И. Патрушева, мы рассматриваем социальные технологии как совокупность методов, процедур и операций целенаправленного воздействия на социальные системы и процессы, обеспечивающую достижение заданных параметров функционирования и воспроизводство социальных практик [6]. Применительно к системе профессионального образования социальные технологии приобретают специфические черты. Объектами управленческого воздействия выступают конкретные социальные группы со своими интересами, ценностями и моделями поведения. В контексте структуры ДПО вуза такими субъектными группами являются следующие.

1. Административно-управленческий персонал (руководители программ, методисты, менеджеры), обеспечивающий организацию и продвижение образовательных продуктов.

2. Профессорско-преподавательский состав и тьюторы, выступающие носителями знания и трансляторами компетенций.

3. Слушатели программ ДПО, чьи образовательные запросы непосредственно связаны с потребностями рынка труда.

4. Внешние партнеры (работодатели, профессиональные ассоциации, отраслевые институты), выступающие как заказчики и потребители результатов образовательной деятельности.

Эффективность управления ДПО напрямую зависит от качества социальных взаимодействий между этими группами, и именно социальные технологии призваны это качество обеспечить.

Процессы цифровизации общества выступают мощным экзогенным фактором, модифицирующим условия функционирования всех социальных институтов, включая образование. Для структур ДПО цифровая трансформация выражается во внедрении принципиально новых элементов в организационную среду:

– переход на цифровые платформы (LMS, Moodle, системы управления контентом) меняет не только форму доставки знаний, но и характер коммуникации. Обучение перестает быть жестко привязанным к месту и времени, что требует пересмотра методов педагогического контроля и сопровождения;

– цифровая среда создает техническую возможность для построения индивидуальных маршрутов обучения. Однако реализация этой возможности упирается в социальные факторы: готовность преподавателей к тьюторству, способность администраторов гибко формировать учебные группы и расписание;

– требование мгновенной актуализации знаний вступает в противоречие с традиционными процедурами утверждения учебно-методических материалов, существующими в вузах.

Указанные изменения не являются чисто техническими. Они вторгаются в сложившийся социальный порядок, порождая новые роли (например, «продюсер образовательного контента»), новые нормы (публичность результатов работы), новые конфликты (между требованием гибкости и сохранением академических стандартов).

Традиционная модель управления вузом базируется на принципах бюрократической рациональности, к ее характеристикам относятся иерархичность, формализованность процедур, разделение функций, ориентация на стабильность и предсказуемость. Вместе с тем те ее свойства, которые обеспечивали стабильность вступают в противоречие с требованиями цифровой экономики, предъявляемыми к ДПО (гибкость, адаптивность, клиентоориентированность, скорость реакции).

Возникает ситуация институционального диссонанса, когда формальная структура перестает адекватно отражать реальные процессы и потребности. В этой связи социальные технологии приобретают роль медиатора – механизма, позволяющего «перевести» требования цифровой среды на язык социальных взаимодействий и адаптировать бюрократическую структуру к новым реалиям без ее полного разрушения. Как отмечает А.И. Пригожин, именно социальные технологии позволяют преодолевать разрывы между формальной организацией и неформальными практиками, между целями системы и интересами индивидов [7].

Для верификации теоретических положений и выявления реальных социальных противоречий в управлении структурами ДПО авторами было проведено социологическое исследование в 2024–2025 гг. Эмпирическую базу составили результаты авторского исследования, включающего серию глубинных интервью с руководителями и сотрудниками структур ДПО ряда федеральных и национальных исследовательских университетов (N=32, 2024–2025 гг.), а также контент-анализ локальных нормативных актов и стратегий цифрового развития образовательных организаций. Выбор осуществлялся по критерию наличия развитой структуры ДПО и активной политики цифровизации.

Методологическая стратегия исследования основывалась на подходе, позволяющем реконструировать субъективные смыслы, которыми руководствуются участники образовательного процесса, и выявить латентные социальные механизмы, не фиксируемые количественными методами. Были применены следующие методы сбора данных.

1. Глубинное полуструктурированное интервью с руководителями и ключевыми сотрудниками структур ДПО (n = 15). В выборку вошли: директора институтов ДПО (5 чел.), их заместители по учебной и методической работе (5 чел.), руководители образовательных программ (4 чел.), менеджеры и методисты, отвечающие за цифровое сопровождение (3 чел.). Интервью включало блоки вопросов о восприятии цифровых изменений, трудностях внедрения новых технологий, изменениях в коммуникации с преподавателями и слушателями, оценке эффективности существующих управленческих практик.

2. Контент-анализ локальных нормативных актов исследуемых вузов позволил рассмотреть положения о структурных подразделениях ДПО, регламенты организации учебного процесса с применением дистанционных технологий, должностные инструкции сотрудников, стратегии цифровой трансформации университетов.

3. Наблюдение (включенное и невключенное) за процессом организации учебных программ, совещаниями и коммуникацией в цифровых средах (корпоративные мессенджеры, платформы LMS).

Триангуляция данных, полученных из разных источников, позволила выделить три ключевых блока социальных противоречий, системно воспроизводящихся в структурах ДПО исследуемых вузов.

1. Институциональный диссонанс. В управлении структурами ДПО наблюдается конфликт между бюрократической логикой вуза (стабильность, формализация, иерархия) и сетевой логикой цифровой среды (гибкость, скорость, горизонтальные связи). Этот диссонанс воспроизводится на всех уровнях: ролевом (преподаватель), процессуальном (коммуникации) и информационном (использование данных).

2. Симулякризация цифровизации. Часто цифровые инструменты внедряются формально, без соответствующей перестройки социальных отношений и процедур. Возникает ситуация, описанная еще Ж. Бодрийяром, когда знак (наличие цифровой платформы) подменяет реальность (реальную эффективность управления).

3. Дефицит социальных технологий. Основные проблемы связаны не с отсутствием техники, а с отсутствием отработанных, легитимных и принятых субъектами процедур взаимодействия в цифровой среде. Именно этот дефицит обусловливает низкую эффективность управленческих инноваций.

На основе полученных данных нами разработана структурно-функциональная модель управления, включающая три контура.

1. Контур стратегического управления (цифровой маркетинг, анализ рынка труда) структурами ДПО призван обеспечивать долгосрочную конкурентоспособность образовательных программ и их соответствие динамично меняющимся запросам экономики. В структуре предлагаемой модели управления стратегический контур выполняет следующие функции: мониторинг и прогнозирование изменений на рынке труда; определение перспективных направлений развития образовательных продуктов; формирование партнерской сети с ключевыми работодателями и отраслевыми ассоциациями; согласование целей и ценностей развития ДПО между вузом и внешней средой.

В качестве ключевой социальной технологии, позволяющей реализовать функции стратегического контура в цифровой среде, предлагается использование формата форсайт-сессий с работодателями, проводимых в онлайн-режиме. Выбор данной технологии обусловлен ее потенциалом в решении выявленных ранее проблем: преодоление разрыва между образовательным предложением и рыночным спросом, синхронизация академических и бизнес-логик, формирование горизонтальных партнерских сетей.

Форсайт представляет собой систему методов экспертной оценки долгосрочных перспектив развития, включающую не только прогнозирование, но и активное воздействие на будущее через согласование позиций заинтересованных сторон [8]. Применительно к сфере образования форсайт-сессии позволяют:

– выявить профессии и компетенции, которые будут востребованы в долгосрочной перспективе и определить разрывы между существующими образовательными программами и будущими запросами рынка;

– сформировать «дорожные карты» обновления содержания образования и укрепить социальное партнерство между вузом и бизнесом.

Перевод форсайт-сессий в онлайн-формат порождает социальные эффекты, которые при правильной организации могут стать значимым ресурсом управления, а именно: расширение географии и состава участников; фиксация и сохранение результатов благодаря тому, что онлайн-платформы позволяют автоматически документировать ход обсуждения; асинхронный режим участия; снижение коммуникативных барьеров.

Вместе с тем, онлайн-формат требует специальной методической проработки: модерации, удержания внимания, чередования форматов работы, технической поддержки. На основе анализа существующих практик [9] и с учетом специфики исследуемых вузов может быть предложена следующая процедурная последовательность.

Этап 1. Подготовительный (цифровой мониторинг). Сбор и анализ открытых данных о тенденциях рынка труда (анализ вакансий, отчеты отраслевых агентств, научные публикации). Определение пула экспертов. Рассылка цифровых анкет для предварительного сбора мнений и формулирования проблемного поля.

Этап 2. Основная сессия (синхронная онлайн-коммуникация). Пленарное заседание: презентация текущего состояния и выявленных трендов. Работа в малых группах в виртуальных комнатах с использованием цифровых досок для генерации идей о будущих компетенциях и форматах обучения.

Этап 3. Пост-коммуникация и институционализация результатов (асинхронная), которая заключается в рассылке участникам записи сессии и материалов, формировании аналитического отчета и «дорожной карты» обновления образовательных программ.

Таким образом, социальная технология форсайт-сессий с работодателями в онлайн-среде выступает действенным инструментом реализации стратегической функции управления ДПО, позволяя синхронизировать образовательное предложение с потребностями рынка труда и формировать партнерскую сеть, способную к коллективному конструированию будущего.

2. Контур операционного управления – операционный уровень управления структурами ДПО, который охватывает повседневную деятельность по организации и сопровождению учебного процесса.

Эмпирическое исследование выявило ряд острых проблем именно на операционном уровне: ролевой конфликт преподавателя, вынужденного совмещать функции лектора, методиста и «цифрового продюсера»; бюрократическая нагрузка, связанная с двойным учетом и отчетностью; неиспользование данных цифрового следа для оперативной коррекции. Эти проблемы носят системный характер и требуют внедрения социальных технологий, способных перестроить рутинные практики взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Одной из таких технологий является «цифровое портфолио» преподавателя, которое в контексте управления ДПО представляет собой динамичную социально-технологическую систему, выполняющую следующие функции:

– аккумуляция и визуализация профессиональных достижений, т.к. портфолио фиксирует не только формальные квалификации, но и реальный опыт преподавателя в цифровой среде (разработанные онлайн-курсы, созданные видеолекции, результаты обратной связи от слушателей, участие в вебинарах и экспертных сессиях);

– основа для дифференцированной оплаты труда, т.к. позволяет перейти от уравнительной почасовой оплаты к более гибким схемам, учитывающим сложность и трудоемкость создания цифрового контента, а также востребованность преподавателя у слушателей;

– средство профессиональной рефлексии и развития.

Внедрение цифрового портфолио как социальной технологии предполагает перестройку организационных процедур.

Этап 1. Разработка регламента и критериев. Определяется, какие именно элементы входят в портфолио (обязательные и вариативные), как часто оно обновляется, кто имеет доступ к разным разделам.

Этап 2. Интеграция с существующими цифровыми системами. Портфолио должно автоматически пополняться данными из LMS (разработанные курсы), из систем видеоконференцсвязи (записи вебинаров), из баз данных публикаций.

Этап 3. Обучение и сопровождение преподавателей и методистов, создание службы поддержки, разработка инструкций.

Этап 4. Использование в управленческих решениях. Данные портфолио начинают учитываться при формировании штатного расписания, расчете стимулирующих выплат, выдвижении на конкурсы и премии.

Внедрение данной технологии позволяет решить проблему ролевой идентичности преподавателя, выявленную в эмпирическом исследовании и создает условия для легитимации новых ролей (цифровой продюсер, тьютор, модератор) и их включения в систему мотивации [10].

Вторая ключевая технология операционного уровня – краудсорсинг образовательного контента – привлечение широкого круга участников (как внутренних – преподаватели разных кафедр, так и внешних – практикующих специалистов, представителей бизнеса, выпускников) к созданию, обновлению и экспертизе учебных материалов [11].

Необходимость такой технологии обусловлена противоречием, выявленным в ходе исследования: с одной стороны, контент программ ДПО должен обновляться с высокой скоростью, с другой стороны, традиционная модель, при которой разработка курса закреплена за одним преподавателем или узкой кафедральной группой, не обеспечивает этой скорости. Кроме того, академический контент часто отстает от практики, поскольку преподаватели не всегда имеют доступ к актуальным производственным и бизнес-кейсам.

Краудсорсинг позволяет:

– привлекать к разработке внешних экспертов – носителей актуального практического знания;

– проводить открытое рецензирование и тестирование материалов;

– создавать «банки контента», из которых можно оперативно компоновать программы под конкретные запросы заказчиков.

Реализация краудсорсинга как социальной технологии требует специальной организационной инфраструктуры и процедур.

Этап 1. Постановка задачи и приглашение участников. На цифровой платформе формулируется запрос. Приглашения рассылаются целевым группам: профильные кафедры, ассоциации выпускников, компании-партнеры.

Этап 2. Модерация и сопровождение. Краудсорсинг не является стихийным процессом. За каждым запросом закрепляется модератор (методист или руководитель программы), который уточняет требования, отвечает на вопросы, стимулирует активность, следит за сроками.

Этап 3. Сбор и систематизация предложений. Поступившие материалы (тексты лекций, кейсы, видео) аккумулируются в базе, проходят оценку на соответствие формальным требованиям.

Этап 4. Экспертиза и отбор. Создается экспертная группа, которая оценивает качество поступившего контента.

Этап 5. Интеграция в программу и вознаграждение. Отобранные материалы включаются в учебные программы, а авторы получают признание.

Цифровое портфолио преподавателя и краудсорсинг контента не являются изолированными инструментами. Они взаимно дополняют друг друга.

Таким образом, операционный контур управления ДПО в условиях цифровизации трансформируется от иерархической модели «приказ-исполнение-отчетность» к сетевой модели «вовлечение-координация-признание», где ключевую роль играют социальные технологии, делающие видимым вклад каждого участника и обеспечивающие коллективное производство актуального знания.

3. Контур сопровождения (взаимодействие со слушателями) в системе управления ДПО ориентирован на обеспечение качества образовательного опыта слушателей на протяжении всего цикла обучения – от момента первого контакта с программой до постпродакшн-коммуникаций (поддержка выпускников, сбор обратной связи). В условиях цифровизации и усиления рыночной конкуренции на рынке ДПО именно качество сопровождения становится значимым фактором, влияющим на удержание слушателей, их удовлетворенность [12].

В предлагаемой модели контур сопровождения выполняет следующие функции: мониторинг образовательной активности слушателей и выявление групп риска; превентивное реагирование на признаки учебных затруднений; оперативное консультирование и техническая поддержка; персонализированная навигация по образовательным траекториям; сбор и анализ обратной связи для улучшения программ.

Нам представляется эффективным использование предиктивной аналитики, которая представляет собой совокупность методов статистического анализа и машинного обучения, направленных на выявление вероятности наступления тех или иных событий в будущем на основе исторических данных [13]. В контексте управления ДПО речь идет о прогнозировании рисков отчисления (отсева) слушателей на ранних стадиях обучения, когда еще возможно вмешательство и коррекция ситуации.

Ключевое отличие предиктивной аналитики от традиционного мониторинга успеваемости заключается в том, что она позволяет выявлять неявные, латентные факторы риска, которые не фиксируются стандартными формами контроля (экзаменами, зачетами). Такими факторами могут быть снижение частоты входов в LMS, пропуск дедлайнов, низкая активность в форумах, резкое уменьшение времени просмотра видеолекций, неудачные попытки прохождения тестов и др.

Реализация предиктивной аналитики предполагает создание организационных процедур, превращающих прогнозы в управленческие действия.

Этап 1. Сбор и структурирование данных. На данном этапе обеспечивается интеграция всех цифровых источников данных о слушателе.

Этап 2. Построение прогнозной модели. С использованием методов машинного обучения разрабатывается модель, выявляющая корреляции между различными паттернами активности и фактами отчисления.

Этап 3. Разработка триггеров и пороговых значений. Определяются критические значения показателей, при превышении которых слушатель автоматически зачисляется в «группу риска».

Этап 4. Интеграция с процессами сопровождения. Сигналы о слушателях из группы риска направляются ответственным сотрудникам через удобные интерфейсы.

Этап 5. Обратная связь и дообучение. Фиксируются результаты вмешательств (удалось ли удержать слушателя, какие действия оказались эффективными), что позволяет постоянно улучшать точность прогнозов и качество рекомендаций.

Вторая ключевая технология контура сопровождения – «цифровой тьютор», представляющий собой гибридную систему, объединяющую автоматизированные сервисы (чат-боты) с возможностью оперативного подключения живых специалистов (тьюторов, технической поддержки).

В предлагаемой модели цифровой тьютор выполняет функции информационно-справочной, навигационной, мотивационной поддержки, триггерной коммуникации, эскалации сложных запросов. Процедура внедрения включает несколько этапов.

Этап 1. Проектирование сценариев. На основе анализа реальных обращений слушателей разрабатываются типовые сценарии диалогов.

Этап 2. Выбор платформы и разработка бота. Используются доступные платформы для создания чат-ботов.

Этап 3. Обучение персонала. Сотрудники службы сопровождения проходят обучение работе в гибридном режиме (быстро включаться в диалог, перехваченный у бота, и использовать данные из предыдущей переписки).

Этап 4. Запуск и мониторинг. После запуска ведется постоянный мониторинг эффективности: доля успешно обработанных ботом запросов, уровень удовлетворенности пользователей, скорость реакции.

Этап 5. Постоянное дообучение. На основе логов диалогов, которые не были распознаны ботом, обновляется база знаний и сценарии.

Внедрение гибридной цифрового тьютора позволяет получить ряд значимых социальных эффектов: доступность поддержки 24/7, снижение нагрузки на персонал, снижение тревожности слушателей, сбор данных о типовых проблемах.

Предиктивная аналитика и цифровой тьютор работают как единый комплекс, предиктивная аналитика выявляет слушателей в зоне риска и инициирует проактивные коммуникации, а цифровой тьютор (автоматизированная часть) реализует эти коммуникации, отправляя персонализированные сообщения, предлагая помощь, напоминая о ресурсах. В случае, если диалог с ботом не решает проблему или выявляет сложную ситуацию, подключается живой тьютор, имеющий доступ ко всей предыстории.

Такая интеграция создает замкнутый контур управления сопровождением: от сбора данных через прогноз и автоматизированную коммуникацию к человеческому вмешательству и обратной связи, улучшающей систему в целом. Это позволяет реализовать принцип проактивной персонализированной поддержки, который становится ключевым фактором качества в цифровом ДПО.

Таким образом, предложенная модель интеграции социальных технологий в управление ДПО охватывает три ключевых контура:
– стратегический (форсайт-сессии с работодателями в онлайн-среде), обеспечивающий синхронизацию с рынком труда и формирование партнерских сетей;
– операционный (цифровое портфолио преподавателя и краудсорсинг контента), направленный на оптимизацию организации учебного процесса, мотивацию преподавателей и актуализацию содержания;
– сопровождения (предиктивная аналитика отсева и гибридный цифровой тьютор), обеспечивающий проактивную поддержку слушателей и повышение качества их образовательного опыта.

Каждая из предложенных технологий представляет собой не просто внедрение цифрового инструмента, а перестройку социальных взаимодействий между субъектами образовательного процесса. В совокупности они формируют социально-технологическую платформу управления, способную преодолеть выявленные ранее противоречия: между академической и рыночной логиками, между бюрократической инерцией и требованиями гибкости, между наличием данных и их использованием для принятия решений.

Предложенная модель управления, основанная на принципах сетевого взаимодействия, предиктивной аналитики и цифрового профилирования, способна повысить адаптивность и конкурентоспособность вузовских программ ДПО.

Литература

1. Воронов, В.А. Качество современного образования: традиции и инновации, опыт и перспективы// Традиции и инновации современного образования: Часть 2. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции 29 октября 2025 г. / отв. ред. И.С. Петронюк, В.И. Саморуков. – СПб., 2025. – С. 76–83.

2. Патрушев, В.И. Актуальные проблемы социального управления / В.И. Патрушев // Сборник трудов XXI Международной конференции «Афанасьевские чтения»– Москва: Российский государственный социальный университет, 2024. – С. 291–300.

3. Актуальные проблемы социологического анализа в системе государственного и муниципального управления / С.А. Барков, Н.А. Барышная, Т.М. Бормотова [и др.]. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2024. – 248 с.

4. Резник, С.Д. Преподаватель вуза: технологии и организация деятельности / С.Д. Резник, О.А. Вдовина. – 3-е издание. – Москва: «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. – 334 с.

5. Castells M. The Rise of the Network Society. – Wiley-Blackwell, 2010. – 656 p.

6. Социальные технологии развития современных обществ / Г.Т. Галиев, И.З. Гимаев, Т.Г. Галиева, В.И. Патрушев. – Издание второе, переработанное и дополненное. – Уфа: «Ак ИдельПресс», 2014. – 277 с.

7. Пригожин, А.И. Социология организаций / А.И. Пригожин; отв. ред. Д.М. Гвишиани. – 2-е изд., доп. – Москва: Ленанд, 2015. – 255 с.

8. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. – 2007. – Т. 1. – № 1. – С. 8–15.

9. Жарова, Т.Ю. Форсайт-технологии как ресурс образовательной деятельности: опыт реализации / Т.Ю. Жарова, Е.В. Щербакова // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2024. – Т. 1. – С. 230–232.

10. Петронюк, И.С. Индивидуальный подход при реализации программ дополнительного профессионального образования / И.С. Петронюк // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 3(112). – С. 135–136.

11. Хэйвуд Р. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса / пер. с англ. – М.: Интеллектуальная Литература, 2021. – 288 с.

12. Плоткина, Т.Ю. Анализ восприятия онлайн-курсов студентами в контексте управления цифровой трансформацией высшего учебного заведения: опыт Финансового университета / Т.Ю. Плоткина // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 3(59). – С. 916–921.

13. Siegel E. Predictive Analytics: The Power to Predict Who Will Click, Buy, Lie, or Die. – John Wiley & Sons, 2016. – 368 p.

SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF THE UNIVERSITY'S ADDITIONAL EDUCATION STRUCTURE IN THE CONTEXT OF SOCIETY'S DIGITALIZATION

Voronov V.A., Nikulina N.N.
St. Petersburg State Agrarian University

The article systematizes the main social contradictions in the management of additional professional education: the problem of a teacher's role identity, the problem of bureaucratic inertia, and the problem of not using digital trace data for decision-making. To overcome these gaps, a three-level model of social technology integration is proposed. At the strategic level, this includes foresight sessions with employers in an online environment. At the operational level, it includes a teacher's digital portfolio and crowdsourcing of educational content. At the support level, there is predictive analytics for filtering out students and a hybrid model of a «digital tutor». The novelty of the research lies in substantiating the need to transition from a technocentric model of digitalization to a sociocentric one, where digital tools serve as a medium for implementing social technologies aimed at harmonizing the interaction of educational process participants. The practical significance lies in the possibility of using the proposed procedural models by heads of additional professional education units to increase the adaptability and competitiveness of educational programs.

Keywords: social technologies, digitalization of education, university management, additional professional education, organizational structure, and competitiveness of educational programs.

References

1. Voronov, V.A. The Quality of Modern Education: Traditions and Innovations, Experience and Prospects. Traditions and Innovations in Modern Education: Part 2. Collection of Scientific Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference, October 29, 2025 / Ed. I.S. Petronyuk, V.I. Samorukov. – St. Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions, 2025. – Pp. 76–83.

2. Patrushev, V.I. Actual Problems of Social Management / V.I. Patrushev // Collection of Papers from the XXI International Conference – Moscow: Russian State Social University, 2024. – Pp. 291–300.

3. Actual Problems of Sociological Analysis in the System of State and Municipal Administration / S.A. Barkov, N.A. Baryshnaya, T.M. Bormotova [et al.]. – Moscow: Moscow University for the Humanities, 2024. – 248 p.

4. Reznik, S.D. University Teacher: Technologies and Organization of Activities / S.D. Reznik, O.A. Vdovina. – 3rd edition. – Moscow: Limited Liability Company «Scientific Publishing Center INFRA-M», 2025. – 334 p.

5. Castells M. The Rise of the Network Society. – Wiley-Blackwell, 2010. – 656 p.

6. Social Technologies for the Development of Modern Societies / G.T. Galiev, I.Z. Gimaev, T.G. Galieva, V.I. Patrushev. – Second edition, revised and supplemented. – Ufa: «Ak IdelPress», 2014. – 277 p.

7. Prigogine, A.I. Sociology of Organizations / A.I. Prigogine; ed. D.M. Gvishiani. – 2nd ed., suppl. – Moscow: Lenand, 2015. – 255 p.

8. Sokolov A.V. Foresight: A Look into the Future // Foresight. – 2007. – Vol. 1. – № 1. – P. 8–15.

9. Zharova, T. Yu. Foresight technologies as a resource for educational activities: implementation experience / T. Yu. Zharova, E.V. Shcherbakova // Formation of a humanitarian environment at the university: innovative educational technologies. Competence-based approach. – 2024. – Vol. 1. – Pp. 230–232.

10. Petronyuk, I.S. Individual approach in the implementation of continuing professional education programs / I.S. Petronyuk // The world of science, culture, education. – 2025. – № 3 (112). – Pp. 135–136.

11. Haywood, R. Crowdsourcing: collective intelligence as a tool for business development / translated from English. – Moscow: Intellectual Literature, 2021. – 288 p.

12. Plotkina, T. Yu. Analysis of students' perception of online courses in the context of managing the digital transformation of a higher education institution: the experience of the Financial University / T. Yu. Plotkina // Natural Sciences and Humanities Research. – 2025. – № 3 (59). – Pp. 916–921.

13. Siegel, E. Predictive Analytics: The Power to Predict Who Will Click, Buy, Lie, or Die. – John Wiley & Sons, 2016. – 368 p.

Стратегия креативных индустрий и креативной экономики России: анализ текущего состояния и прогноз развития до 2036 года

Берест Валерия Адлеровна,
кандидат искусствоведческих наук, завкафедрой теории и истории культуры ФГСН РУДН

Ворохоб Юлия Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории культуры ФГСН РУДН

В статье представлен комплексный анализ проекта Стратегии развития креативной экономики Российской Федерации на период до 2036 года, разработанного во исполнение поручений Президента и Правительства РФ. На основе материалов стратегических сессий и данных научных исследований проводится оценка концептуальных основ, текущего макроэкономического состояния сектора и архитектурных принципов реализации государственной политики. Выявлены ключевые структурные диспропорции, включая региональную асимметрию и низкий уровень экспорта. В работе прогнозируются целевые показатели развития отрасли, анализируются отраслевые задачи и механизмы реализации, а также оцениваются риски. Особое внимание уделено формированию экосистемы креативной экономики и инструментам поддержки интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: креативная экономика, креативные индустрии, государственная политика, стратегическое планирование, человеческий капитал, интеллектуальная собственность, региональное развитие, экосистема креативной экономики, цифровая трансформация.

Введение

Креативная экономика в современных условиях рассматривается как один из ключевых драйверов устойчивого социально-экономического развития в условиях цифровой трансформации, глобальных вызовов и перехода к антропоцентричной модели роста. В Российской Федерации в последние годы наблюдается системное формирование государственной политики в сфере креативных индустрий, завершившееся разработкой проекта Стратегии развития креативной экономики на период до 2036 года. Документ был одобрен по итогам стратегической сессии под председательством Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина 24 июня 2025 года и разработан во взаимосвязи с Федеральным законом от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации».

Актуальность исследования обусловлена необходимостью не только фиксации декларируемых целей, но и осмысления вариантов их реализуемости, внутренней согласованности в междисциплинарных проектах и соответствия современным вызовам. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении Стратегии как интегрального элемента национальной политики, направленной на достижение национальных целей развития, включая устойчивую экономику, цифровую трансформацию и раскрытие человеческого потенциала. Целью данной статьи является проведение комплексного анализа проекта Стратегии с выявлением ключевых целей, задач, структурных особенностей и механизмов реализации, а также определение научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию подходов к управлению креативным сектором.

Концептуальные и нормативно-правовые основы стратегии

Разработка Стратегии развития креативной экономики Российской Федерации на период до 2036 года стала результатом системного эволюционного процесса, начавшегося с постепенного осознания государством потенциала креативного сектора как самостоятельного направления социально-экономического развития. Ключевым импульсом к формированию целостной государственной политики в данной сфере стало поручение Президента Российской Федерации, оформленное по итогам стратегической сессии июня 2025 года. Эта сессия, проведённая в рамках подготовки к Санкт-Петербургскому международному экономическому форуму, обозначила креативную экономику в качестве одного из приоритетных направлений национального развития. В процессе разработки Стратегии был задействован широкий круг заинтересованных сторон: от федеральных органов исполнительной власти до экспертного сообщества и представителей бизнеса, включая Экспертный совет по креативной экономике при Государственной Думе, Союз креативных кластеров, АНО «Креативная экономика», НИУ ВШЭ и другие организации.

Центральным методологическим достижением Стратегии является формирование единого, унифицированного понятийного аппарата, призванного устранить терминологическую неопределённость и создать прочную концептуальную основу для последующего нормативного регулирования и практической реализации мер поддержки. В документе чётко определены ключевые категории, такие как «креативная экономика», «креативная (творческая) индустрия», «экосистема креативной экономики», «креативный продукт» и «креативный кластер». Креативная экономика трактуется как совокупность экономических отношений, возникающих в процессе создания, производства, распространения и потребления креативных продуктов и услуг, основанная на использовании творческого потенциала, человеческого капитала и интеллектуальной собственности.

Введение термина «экосистема» имеет принципиальное значение. Во-первых, оно обеспечивает согласованность с международной практикой: аналогичные концепции используются в документах ООН, ЮНЕСКО и БРИКС, что облегчает интеграцию российской креативной экономики в глобальные процессы. Во-вторых, это позволяет выстроить комплексную политику, охватывающую все звенья цепочки создания стоимости – от идеи до экспортной реализации. В-третьих, экосистемный подход способствует межотраслевой кооперации, поскольку мно-

гие креативные продукты находятся на стыке нескольких индустрий. Стратегия разработана в тесной увязке с действующей нормативно-правовой базой, включая Основы государственной культурной политики, Стратегию пространственного развития РФ и Стратегию научно-технологического развития РФ, что обеспечивает синергию усилий различных министерств и ведомств.

Цель Стратегии сформулирована как содействие созданию условий для формирования и продвижения конкурентоспособных креативных продуктов, развитию человеческого капитала и повышению качества жизни граждан. Эта формулировка отражает переход от чисто экономического подхода к антропоцентрической модели, где человек выступает одновременно как создатель, потребитель и бенефициар креативной экономики. Для достижения указанной цели определены девять основных задач, включающих создание эффективной системы управления, развитие инфраструктуры поддержки, стимулирование спроса, развитие человеческого капитала и укрепление институтов защиты интеллектуальных прав.

Современное состояние и структурные особенности креативной экономики России

По данным Росстата за 2024 год, валовой добавленный продукт (ВДС) креативной экономики составил 7,5 трлн рублей, что соответствует 4,1% ВВП страны. Численность занятых достигла 4,6 млн человек, или 6,2% от общей занятости. При этом отмечается высокая отраслевая и региональная дифференциация. Сектор демонстрирует высокую динамику роста: за период с 2017 по 2024 год ВДС креативных индустрий увеличился на 65%, тогда как ВДС всей экономики – лишь на 9,8%. Это свидетельствует о том, что креативная экономика развивается примерно в 4 раза быстрее, чем экономика страны в целом, однако при этом проявляет повышенную чувствительность к внешним шокам и макроэкономическим колебаниям.

Структура ВДС по отраслям характеризуется выраженной поляризацией. Пять крупнейших индустрий формируют 75% всего ВДС креативной экономики. Лидером является программное обеспечение с долей 29,6%, за ним следуют реклама и пиар (14,3%), исполнительские искусства (12,1%), гастрономия (11,6%) и архитектура (7,8%). В то же время пять «догоняющих» индустрий – дизайн, мода, музыка, народные художественные промыслы (НХП) и видеоигры – в совокупности обеспечивают менее 1,5% ВДС, несмотря на значительный потенциал роста. Например, ВДС НХП составляет всего 5,16 млрд руб., а видеоигры – менее 0,01%, что подчеркивает необходимость целенаправленной государственной поддержки этих сегментов.

Региональное распределение креативной активности характеризуется крайне высокой концентрацией. Более 52,9% ВДС креативной экономики производится в Москве, а 77,6% – сосредоточено в десяти субъектах РФ. Остальные регионы, несмотря на наличие значительного культурного, этнографического и творческого потенциала, остаются маргинализированными в экономическом измерении. Эта асимметрия обусловлена концентрацией образовательных, исследовательских и инфраструктурных ресурсов в столице, наличием развитых рынков труда и капитала, а также слабостью региональных экосистем поддержки.

Экспортный потенциал остается недостаточно реализованным. Объем экспорта креативных товаров и услуг в 2024 году составил 5,7 млрд долларов США, что соответствует 1,2% от общего экспорта РФ. Для сравнения: в Великобритании этот показатель достигает 4,87%, а в Китае – 31,9%. Такая низкая экспортная активность объясняется наличием комплекса барьеров, включая информационные (незнание процедур), деловые (слабые связи, нет защиты ИС) и финансовые (нет доступа к капиталу) ограничения. Кроме того, наблюдается низкая капитализация интеллектуальной собственности: при большом количестве регистраций объектов ИС, лишь 5% компаний активно используют механизмы их защиты и коммерциализации. С 2022 года также наблюдается усиление пиратства и контрафакта, особенно в цифровых средах.

Архитектура целей, задач и механизмов реализации стратегии до 2036 года

Стратегия предусматривает достижение ряда количественных целевых показателей к 2030–2036 годам. Ключевым макроэкономическим ориентиром является увеличение доли креативной экономики в ВВП России до 6% к 2030 году. В долгосрочной перспективе, к 2036 году, планируется рост валового добавленного продукта до 17 трлн рублей. Внешнеэкономический блок Стратегии ориентирован на существенное наращивание присутствия российских креативных продуктов на глобальном рынке: планируется увеличение объема креативного экспорта до 12 млрд долларов США, что должно поднять долю отрасли в общем экспорте страны до 3,5%.

Социально-инфраструктурные цели направлены на деконцентрацию отрасли и повышение информированности общества. К 2036 году предполагается наличие не менее одного креативного кластера в каждом субъекте Российской Федерации, что должно способствовать развитию регионов. Также поставлена задача обеспечить информированность 50% граждан о креативной экономике России. Важным индикатором зрелости отрасли станет повышение уровня защиты интеллектуальных прав: планируется, что 30% креативных компаний будут иметь зарегистрированную интеллектуальную собственность, а объем инвестиций в эту сферу вырастет на 100%. Ожидается также увеличение количества креативных компаний на 25% и рост числа выпускников креативных специальностей на 20%.

Для реализации этих целей предложена многоуровневая система задач, объединенных в шесть ключевых треков. Трек «Управление» направлен на формирование единой системы координации, совершенствование статистики и классификаций (ОКВЭД, ОКПД, ТН ВЭД, ОКЗ), а также создание Государственной информационной системы поддержки креативных индустрий. Трек «Предпринимательство» фокусируется на поддержке жизненного цикла креативного бизнеса, включая развитие бизнес-акселераторов, внедрение системы «простых шагов» для регистрации ИС и оказание экспортной поддержки через Экспортный акселератор креативных индустрий.

Трек «Инфраструктура» нацелен на создание материальной и нематериальной среды для развития креативных проектов. Это включает масштабирование сети Центров креативных индустрий (ЦКИ) и креативных кластеров, приспособление объектов культурного наследия под коммерческие цели, а также создание R&D-центра «Креатех» на базе МГТУ им. Н.Э. Баумана для инженерной и технологической поддержки производства креативной продукции. Трек «Кадры и человеческий капитал» решает проблему структурного дефицита компетенций через проведение форсайта профессий, интеграцию предпринимательских компетенций в образовательные программы и запуск «Школ креативных индустрий» для ранней профориентации подростков.

Трек «Интеллектуальная собственность» обеспечивает правовую и технологическую защиту главного актива креативной экономики посредством внедрения принципа «единого окна» при регистрации ИС, регулирования статуса цифрового депонирования и усиления борьбы с пиратством. Трек «Региональная политика» направлен на преодоление территориальной асимметрии через диверсификацию региональных экономик за счёт креативного сектора и повышение привлекательности городов через развитие креативной среды.

Отраслевые задачи детализированы по каждой из 16 выделенных индустрий и распределены между профильными федеральными органами исполнительной власти. Минцифры России отвечает за ПО, видеоигры, музыку, рекламу, медиа и книжное дело. Минкультуры России курирует исполнительские искусства, кино и ТВ. Минпромторг России отвечает за НХП, дизайн, моду и гастрономию. Минстрой России занимается архитектурой и урбанистикой, Росархив – культурным наследием, а Минэкономразвития России – арт-индустрией и отдыхом. Для каждой индустрии определены специфические задачи. Например, в арт-индустрии акцент сделан на институционализацию рынка и урегулирование статуса цифрового искусства, в НХП – на освоение премиального сегмента и интеграцию в туризм, в видеоиграх – на создание региональных кластеров и защиту от пиратства.

Риски реализации и механизмы обеспечения

Реализация Стратегии сопряжена с рядом внутренних и внешних рисков, требующих постоянного мониторинга и превентивных мер. К внутренним рискам относятся экономические и инвестиционные ограничения, такие как недостаток финансирования и низкая капитализация интеллектуальной собственности. Существенные вызовы присутствуют в кадровой сфере: несоответствие системы образования запросам отрасли, демографические тенденции и риски структурной безработицы из-за внедрения искусственного интеллекта. Внешние риски обусловлены геополитической ситуацией, включая эскалацию санкционного давления, проблемы в логистике и валютных операциях, а также макроэкономической нестабильностью, влияющей на реальные располагаемые доходы населения.

Для минимизации данных рисков предусмотрен организационный механизм в виде Координационного совета из представителей федеральных органов исполнительной власти и иных организаций, вовлеченных в развитие креативной экономики. Система мониторинга будет расширена за счет отслеживания не только количественных показателей, таких как валовая добавленная стоимость и экспорт, но и качественных метрик, включая инвестиции в интеллектуальную соб-

ственность. Механизмы обеспечения реализации предполагают финансирование со значительным привлечением частных средств за счет государственно-частного партнерства и венчурных фондов, а также информационное обеспечение через государственные информационные системы и портал «Мой бизнес». Стратегия будет регулярно актуализироваться на основе обратной связи от органов власти и профессионального сообщества.

Заключение

Стратегия развития креативной экономики Российской Федерации на период до 2036 года задает концептуальную рамку для трансформации отрасли из совокупности точечных инициатив в системный сектор национальной экономики. Анализ текущего состояния показывает, что, несмотря на высокие темпы роста, сектор сталкивается с проблемами региональной концентрации, низкого уровня экспорта и слабой защиты интеллектуальных прав. Прогноз развития, основанный на целевых показателях Стратегии, предполагает удвоение вклада отрасли в экономику к 2030 году и качественное изменение ее структуры за счет развития регионов и технологического суверенитета.

Успех реализации зависит от эффективности механизмов государственной поддержки, способности образовательной системы адаптироваться к новым профессиям и решения вопросов защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации. Реализация заявленных целей позволит не только обеспечить устойчивый экономический рост, но и повысить качество жизни граждан через создание комфортной среды и реализацию человеческого потенциала. Формирование глобально конкурентоспособной, устойчивой и технологически развитой экосистемы креативной экономики станет важным вкладом в достижение национальных целей развития Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации».
2. Стратегия развития креативной экономики Российской Федерации на период до 2036 года: Проект документа. – М., 2025.
3. Презентация «Стратегия развития креативной экономики Российской Федерации на период до 2036 года». – М., 22.12.2025.
4. Материалы стратегической сессии по направлению «Креативная экономика» под председательством Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина. – СПб., 24.06.2025.
5. Данные Росстата о валовой добавленной стоимости и занятости в креативных индустриях за 2024 год.
6. Данные ИСИЭЗ НИУ ВШЭ о состоянии креативной экономики России. – М., 2024.
7. Данные Российского экспортного центра (РЭЦ) об объеме экспорта креативных товаров и услуг. – М., 2024.

STRATEGY FOR CREATIVE INDUSTRIES AND THE CREATIVE ECONOMY OF RUSSIA: ANALYSIS OF THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT FORECAST TO 2036

Berest V.A., Vorokhob Yu.A.
Peoples' Friendship University of Russia

This article presents a comprehensive analysis of the draft Strategy for the Development of the Creative Economy of the Russian Federation through 2036, developed in pursuance of the instructions of the President and the Government of the Russian Federation. Based on materials from strategic sessions and research data, the article assesses the conceptual framework, the current macroeconomic state of the sector, and the architectural principles for implementing state policy. Key structural imbalances, including regional asymmetries and low export levels, are identified. The paper forecasts target indicators for industry development, analyzes industry objectives and implementation mechanisms, and assesses risks. Particular attention is paid to the formation of a creative economy ecosystem and instruments for supporting intellectual property.

Keywords: creative economy, creative industries, public policy, strategic planning, human capital, intellectual property, regional development, creative economy ecosystem, digital transformation.

References

1. Federal Law No. 330-FZ of August 8, 2024, "On the Development of Creative Industries in the Russian Federation."
2. Strategy for the Development of the Creative Economy of the Russian Federation through 2036: Draft Document. Moscow, 2025.
3. Presentation "Strategy for the Development of the Creative Economy of the Russian Federation through 2036." Moscow, December 22, 2025.
4. Proceedings of the strategic session on the Creative Economy chaired by Chairman of the Government of the Russian Federation M.V. Mishustin. St. Petersburg, June 24, 2025.
5. Rosstat data on gross value added and employment in the creative industries for 2024.
6. HSE ISSEK data on the state of the creative economy in Russia. – Moscow, 2024.
7. Data from the Russian Export Center (REC) on the volume of creative goods and services exports. – Moscow, 2024.

Занятость и выбор молодежью профессии в условиях глобальных трансформаций

Иванов Сергей Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет

Иванова Дарья Вячеславовна,
кандидат социологических наук., доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич,
доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: 195805@mail.ru

Обеспечение занятости молодежи сегодня является одной из ключевых проблем для современного российского общества. Особую значимость приобретают обеспечение сбалансированного спроса и предложения на рабочую силу, в том числе молодежь. Задача социальных партеров видится в разработке согласованных действия по учету интересов и потребностей молодежи, выходящей на рынок труда. На основе данных социальной статистики анализируется отраслевая структура занятости. Определяются наиболее проблемные отрасли, связанные с насыщением спроса на рынке труда. Особое внимание обращается на необходимость подготовки кадров с учетом потребностей инновационной экономики. В рамках проведенного социологического опроса проводится анализ мотивов выбора профессии молодежи. Вскрываются основные тренды, связанные с обеспечением рациональной занятости молодежи.

Ключевые слова: рынок труда молодежи, спрос, предложение, занятость, безработица, образование, профессия, социальное партнерство.

Современное общество переживает существенную глобальную трансформацию, которая выражается в доминанте знаний и информации. Именно они становятся основными драйверами социально-экономического развития. На этом фоне отмечаемый рост благосостояния и образования основной части населениях развитых странах привел к изменению социально-экономической составляющей в мотивации хозяйственной деятельности. Для человека все более значимой выступает потребность в работе, которая становится не только источником получения средств существования, но и саморазвития.

В информационном обществе размываются границы между трудом и активным досугом. Новые методы организации труда все чаще интегрируются в практику и позволяют обеспечить все большую свободу. Эффективное использование свободного времени и востребованная деятельность выступают как основные факторы личностного успеха, вместе с тем нельзя исключать повышенные социальные риски в условиях наблюдаемых социально-экономических трансформаций. Молодежь как наиболее активная социальная группа не является тому исключением и наиболее контрастно воспринимает на себе все социальные изменения.

Повышение уровня образованности населения, особенно в контексте модернизации производства, является ключевым трендом. В этой связи отмечаемое сегодня снижение уровня участия молодежи в рабочей силе является следствием целой группы условий. С одной стороны, молодежь, ориентируется на более продолжительное обучение после окончания средней школы. С другой стороны, необходимо в расчет принимать наблюдаемые изменения отраслевой и региональной структуры занятости. Кроме того, важно учитывать и «производственные» характеристики, например, такие как наличие профессионального образования, производительность труда, опыт работы. Норма отдачи от полученного образования, как правило, зависит от вида трудовой деятельности, возможной мотивации индивида, наконец, от сформированного личностного потенциала.

Предполагается, что получаемое образование должно раскрыть имеющийся потенциал у молодого человека, прирастить его познавательные способности. Иными словами, образование рассматривается как определенный элемент социальной мобильности индивида. При этом сформированные профессиональные компетенции должны окупаться на рынке труда, в противном случае инвестиции в образование не приведут к планируемым результатам. По-существу, образование рассматривается как один из видов человеческого капитала. Однако отсутствие стимулов для работы по ряду специальностей способствует тому, что многие выпускники вузов вынуждены уходить в более «престижные» отрасли, малый бизнес и получать второе дополнительное образование.

Одна из главных особенностей современной экономической ситуации у нас в стране обусловлена глобальными изменениями в ряде отраслей экономики. Это сопровождается обширными структурными изменениями, сопряженными со снижением общего уровня эффективности и усилением неустойчивости экономики. Не исключением является рынок труда и занятость. Они во многом позволяют вскрыть основные тенденции в социально-экономическом развитии в контексте трансформации социума.

Рыночные условия повысили престижность профессионального образования (высшего и среднего профессионального). В то же время заметно сократилась доля занятых в экономике, которые не имеют профессионального образования. На фоне дефрагментации и примитивизации структуры занятости указанная проблема более чем актуальная. Данные официальной статистики также показывают, что потребность в работниках, имеющих только общее образование, за годы реформ сократилась в несколько раз. Однако отмечаемые проблемы, связанные с трудоустройством молодежи, имеющей высшее образование, свидетельствуют не только об издержках перехода молодых в самостоятельную жизнь, но и о наличии структурных диспозиций между предложением и спросом на труд. По существу, фиксируемый сценарий развития рынка труда свидетельствует о том, что механизмы, влияющие на подстройку рабочих мест под потребности и экономические требования молодого поколения работников, пока не в полной мере сложились. Поиск ответов на вопросы, в отношении трудоустройства

молодежи тесно связан с количественным анализом отраслевой структуры занятости населения и перспективной динамики ее изменения.

Какова же реальная ситуация в сфере занятости населения? Согласно данным ФСГС, в 2024 году в экономике России было занято 74,2 млн человек, что на 4,1% больше, чем в 2020 году. Наблюдаемые изменения в структуре занятости, предопределяются модификацией отраслевой структуры. Изменение спроса на рабочую силу существенно модифицировало структуру занятости. Так, за период 2020–2024 гг. отмечалась умеренная тенденция к росту численности лиц, занятых в экономике России. В 2024 году в отечественной экономике было занято 74,2 млн. человек, что на 4,3% больше, чем в 2020 году. Более половины общей численности лиц, занятых в экономике – работники крупных и средних организаций [1].

Динамика численности занятых по ряду видов экономической деятельности претерпевает определенные изменения. Так, за рассматриваемый период существенно возросла доля занятых, работающих: в строительстве (на 7,5%); в предоставлении услуг по проживанию и питанию (на 19,7%); в сфере информации и связи (на 11,7%); в профессиональной, научной и технической деятельности (на 17,2%); в образовании (на 7,6%); в здравоохранении и предоставлении социальных услуг (на 8,6%); в искусстве, развлечении и отдыхе (на 9,6%), в предоставлении прочих видов услуг (на 26,2%), в предоставлении услуг домашних хозяйств, собственного потребления (на 98,8%). Наибольшее сокращение рассматриваемого показателя наблюдалось в организациях сельского, лесного и рыбного хозяйства (на 12,9%); организациях водоснабжения, контроля над сбором, распределения отходов (на 4,3%); организациях электроснабжения, подачи газа, пара и воздушного кондиционирования (на 5,6%), организациях, занимающихся операциями с недвижимым имуществом (на 3,2%).

Если сравнивать отраслевую структуру занятости в РФ и в ряде развитых стран, то очевидна все же умеренная доля занятых в сфере информации и связи, социальном обеспечении, а также ведении домашних хозяйств и предоставлении услуг собственного потребления. Потенциал для дальнейшего развития здесь, безусловно, имеется.

По ряду отраслей все же отмечаются небольшие изменения. Так, удельный вес занятых в РФ в сфере информации и связи в 2024 году в общей численности занятых ненамного увеличился и составил 2,1% против 1,9% в 2020 году. За исследуемый период уменьшился удельный вес занятых в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, в общей численности занятых на 1%. Ненамного изменился удельный вес занятых и в оптовой и розничной торговле, ремонте моторных транспортных средств и мотоциклов – 14,8% (в 2024 г.) против 15,5% (в 2020 г.).

В целом же в структуре занятости отмечаются ряд проблемные зон, в которых фиксируется резкое снижение эффективности использования производственного потенциала и рабочей силы. Как можно заметить, спрос на работников, включая молодые кадры, в ряде отраслей промышленности, которые были в последние годы одним из ключевых драйверов роста, постепенно насыщается.

В частности, эксперты подтверждают, что в обрабатывающих производствах на фоне сжатия индустрии в 2025 году зафиксировано значительное сокращение объемов мощностей, сокращения закупок ресурсов, а также снижения эффективности использование производственного потенциала и рабочей силы. Значительный спад зафиксирован в производстве автотранспортных средств, в добыче полезных ископаемых продолжался понижательный тренд. Это обусловлено удорожанием затрат, что ведет к нехватке доходов необходимых для поддержания и расширения производства. Снизить такое «влияние» можно на основе перевооружения на современной технологической основе имеющегося производственного аппарата, изменения структуры и содержания работы [2]. В то же время для современного производства нужны квалифицированные кадры.

Молодежь представляет на рынке труда особую группу социального риска. При практически сохраняющихся темпах прироста рабочей силы вступление молодежи в трудоспособный возраст происходит в условиях сокращения даже имеющегося числа рабочих мест. Согласно экспертной оценке, только за период 2015–2023 гг. численность занятой молодежи в возрасте 20–24 года уменьшилась на 5%. В рамках формирующегося общества потребления фиксируется существенное увеличение доли молодежи, задействованной в торговле, финансах, сфере услуг. Вместе с тем, падает доля молодых специалистов, занятых в реальных секторах экономики. На этом фоне происходит определенное увеличение численности занятых в некорпоративном секторе экономики.

Фиксируется тенденция к уменьшению численности обучающихся в вузах по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Только в 2023 году численность обучающихся составила 942,7 тыс. человек, по сравнению с 2015 годом она уменьшилась на 13,4% [3]. Молодёжь зачастую ориентируется на получение доступного среднего профессионального образования, которое может принести необходимые результаты при минимальных издержках. Согласно ФСГС, только за период 2015–2022 гг. прием на программы среднего образования увеличился на 34,8% и составил в 2022 году 942,7 тыс. человек [4].

Важным принципом регулирования молодежной занятости населения в условиях международных санкций является нахождение компромисса между экономическими и социальными результатами, который достигается на основе баланса интересов между социальными партнерами. При этом роль государства в этих условиях является ключевой. Осуществляемое государством бюджетное управление во многом рассматривается как инструмент социальной поддержки. Среди мер реализуемой социально-экономической политики отдельно стоит выделить: создание новых рабочих мест, повышение профессиональной квалификации и подготовки кадров; развитие инфраструктуры рынка труда; мотивация и охрана труда. Перспективы увеличения молодежной занятости сегодня связаны с дальнейшим развитием высокотехнологичных отраслей экономики.

Согласно перспективному прогнозу Министерства труда и социального развития РФ на ближайшие пять лет, больше всего рынок труда будет нуждаться в специалистах в сфере персональных услуг, информационно-коммуникационных технологиях, некоторых сферах обрабатывающей промышленности, в логистике и складском хозяйстве, гостиничном и ресторанном бизнесе, науке и здравоохранении. Прирост численности прогнозируется в высокотехнологичных отраслях, в сфере исследований и разработок, здравоохранении и т.д. [5].

Однако такое перспективное развитие обусловливается сочетанием целого ряда факторов: развития рынка труда (от работодателя к соискателю), предлагаемых продукции и услуг, созданием дополнительных рабочих мест, обеспечение конкурентоспособности экономики, наконец, качественным изменением рабочей силы. Последний фактор самым непосредственным образом влияет на накопление специфических знаний и навыков. В этой связи важным моментом, предопределяющим прогрессивное изменение, является преодоление рассогласования между рынком труда и системой образования, обеспечение необходимой трудовой мотивации молодых специалистов.

Нельзя исключать и того, что на протяжении исследуемого периода предложение труда молодежи качественно изменилось. Многие причины данной тенденции связаны с субъективными факторами, определяющими трудовую мотивацию молодежи. Например, для оценки экономического поведения человека известные специалисты Р. Дж. Эренбург и Р.С. Смит, определяют спрос на труд на основе трех факторов: возможные альтернативные (рыночные) издержки; уровень благосостояния; набор социальных предпочтений. Исходя из разной комбинаций данных факторов, в оценке поведения индивида можно выделить эффект дохода и эффект замещения. Разное их сочетание определяет различные стратегии поведения молодого человека [6]. Тем не менее, для современного поколения молодежи достаточно четко выделяется дифференциация по предпочтениям и интересам. В свою очередь уровень благосостояния самым непосредственным образом связан с линейкой предоставленных возможностей. Даже при схожем ВВП на душу населения в разных станах трекинги поведения индивидов отличаются – в зависимости от стоимости транспортных услуг, недвижимости, социальных услуг, продуктов питания и т.д.

Тактика поведения связана с эффектом обеспечения комфортных условий жизнедеятельности, требуемого уровня и качества жизни. С учетом имеющихся сегодня ограничений по заработной плате, определенная доля молодежи готова жертвовать своим доходом, ради свободного времени, а в ряде случаев получения стабильной занятости. По существу «культура труда» уступает место умению эффективно использовать свое свободное время. Компенсировать потерю одного часа своего свободного времени может зачастую достаточно высокая заработная плата. Если же требуемый для компенсации доход выше предлагаемой заработной платы, то индивид скорее выберет вариант без дополнительной работы.

По мнению Ю.Н. Попова и А.В. Шевчука, в последние годы произошло определенное снижение значимости дефиниций труда в системе жизненно важных ценностей человека [7]. В большей степени это связывается с предоставляемой свободной в выборе сферы деятельности, а также размыванием значимости материального благополучия домохозяйства.

Очевидно, проблема видится в том, в какой мере социально-экономическая политика сфокусирована на решение проблем молодежи. В настоящее время выход молодежи на рынок труда занимает более длительный отрезок времени для адаптации, чем это было у предшествующих поколений. Поэтому решение вопроса видится в совмещении получаемого образования с процессом обучения на про-

изводстве, использование программы ученичества, режима неполного рабочего времени, как это применяется в ряде стран, например, в Австрии, Дании, Германии, Голландии, Великобритании, Австралии, Канаде.

Жесткий рынок труда отражает формирующийся дефицит рабочей силы, затрагивающий все виды экономической деятельности, усугубленный структурной перестройкой ряда отраслей экономики. Особый вопрос связан с ухудшающейся демографической ситуацией и относительно высокой эмиграцией населения. Сочетание этих позиций, влекут за собой нарастание ограничений со стороны труда, которые не всегда можно компенсировать ростом производительности. Профильные эксперты прогнозируют, что дефицит рабочей силы может еще больше увеличиться в ближайшие годы и может достичь 2,5–5 миллионов работников. Это, безусловно, создает проблемы для экономического роста и доступности рабочей силы во многих отраслях [8]. Очевидно, в долгосрочной перспективе на фоне уменьшения численности рабочей силы возрастет уровень занятости населения с текущих 62% до 88%. Определенный резерв роста связан, не только с демографией, но и с повышением эффективности труда как неполно, так и неформально занятых работников.

Предметом особого изучения в рамках обеспечения рациональной занятости является безработица. Справедливости ради отметим, что уровень безработицы в целом по РФ снизился до исторически низкого уровня в 2,1% в 2025 года (2,4% в 2024 г.). Это немного ниже мирового уровня – 5%. Например, по расчетам экспертов в Германии этот уровень составил 3,4%, в Бразилии – 6,8%, Великобритании – 4,4%, Италии – 6,5%, Индии – 4,2%, Канаде – 6,4%, США – 4%, Франции – 7,4%, ЮАР – 32,3%. Примечательно, что средняя продолжительность поиска работы у безработных женщин в 2025 году сократилась и была равна 5,6 месяца, а у мужчин – 5,4 месяца.

На этом фоне у нас в стране уменьшилась и ее структурную компонента -молодежная безработица до 7,5%. Заметим, что в Великобритании этот уровень составил 11%, во Франции – 16%. В то же время низкая безработица говорит о том, что большинство желающих все же находят работу.

Таким образом, важно говорить о том, что в экономике формируется определенный трудовой потенциал. А вот затраты, обусловленные его поддержанием, во многом связаны с необходимостью обеспечения высокой загрузкой производственного аппарата и рабочей силы. В противном случае в условиях фиксируемой турбулентности экономика может утратить возможность стать социально-ориентированной и развиваться на собственной основе, обеспечивающей импортозамещение.

Возрастает актуальность воспроизводства инновационной экономики с определенным социально-экономическим укладом. Очевидно, перспективная структура отраслевой занятости во многом будет определяться современными молодыми кадрами и выбранным сценарием общественного развития. В этой связи одна из задач нашего исследования заключалась в определении особенностей поведения молодежи при выборе той или иной профессии. Когда молодые люди задумываются о выборе профессии, они зачастую находятся в стадии неопределенности. Это обусловлено тем, что у них еще не сформирован ценностный выбор, либо отсутствуют стабильные источники информации о будущей специальности. В этом контексте существующие социальные институты призваны разрабатывать наиболее эффективные трекинги профессионального развития личности. Поэтому вопрос о мониторинге профессиональной мотивации молодых людей для социальных партнеров в лице государства и бизнеса более чем значимый.

Для современной молодежи институт образования существенно повысил свою значимость. Причем шансы на профессиональный успех во многом предопределяется накопленным потенциалом и ожиданиями индивида. Иными словами, сегодня речь идет о тех показателях, которые в наибольшей степени подконтрольны индивиду, чем те которые относятся к группе статусных и предопределяемых результатами выполняемой деятельности. Одна из гипотез нашего исследования состояла в подтверждении положения о том, что личностные оценки молодежи во многом предопределяют возможность успешного выбора профессии (специальности).

Интерес представляет результаты социологического исследования, проведенного лабораторией социальных технологий кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ. Объектом исследования выступали студенты первых курсов, СПО, бакалавриата, БВО магистратуры, представляющие различные структурные подразделения МПГУ. Возраст респондентов – от 17 до 23 лет. Метод исследования: онлайн-анкетирование. Опросный этап исследования проходил в сентябре-октябре 2025 года. Объем выборки составил 2 865 респондентов. Цель исследования заключалась в выявлении уровня удовлетворенности первокурсников качеством работы системы профессиональной ориентации в МПГУ для повышения качества профориентационной работы. Программа опроса предполагала выявление мотивов выбора профессии обучающимися разных направлений подготовки и разного уровня осведомленности о выбранном направлении подготовки.

В ходе опроса респондентам просили отметить мотивы выбора профессии. Ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Распределение мотивов выбора профессии обучающимися в зависимости от уровня осведомленности о выбранном направлении подготовки, %

Мотивы выбора профессии / специальности	Низкий уровень осведомленности	Средний уровень осведомленности	Высокий уровень осведомленности	Всего
Мне интересно содержание будущей профессиональной деятельности	44	58	65	59
Я чувствую, что это мое призвание, хочу и могу этим заниматься	28	49	53	48
Эта профессия позволяет приносить пользу обществу, является социально значимой	32	46	45	44
Эта профессия позволяет раскрыть мои способности	24	34	44	37
Эта профессия позволяет реализовать мои личные ценности	23	30	29	29
Эта профессия считается престижной и уважаемой в обществе	14	18	19	18
В этой профессии высокий уровень заработной платы	15	14	16	15
Специалисты в этой области уверенно чувствуют себя на рынке труда	13	13	15	13
На это направление подготовки я мог(ла) пройти по баллам ЕГЭ	23	12	7	11
Так посоветовали или настояли мои родители/родственники	16	9	5	8
Мой выбор был скорее случайным	19	6	3	7
Я последовал(а) примеру друзей или знакомых	8	5	5	5
Другое	5	1	1	2

Результаты опроса дают основание полагать, что значимое большинство обучающихся приоритет отдает личностным мотивам выбора будущей профессии. На интерес содержания будущей профессиональной деятельности указало больше половины всех участников опроса. Приблизительно каждый второй участник опроса отметил, что выбранная профессия является призванием, и они могут и хотят этим заниматься. Чуть меньше тех, участников опроса, кто указал на то, что выбранная профессия позволят приносить пользу людям (44%).

А вот оценка внешней мотивации у респондентов оказывается более умеренной. В пользу этого говорит тот факт, что небольшая доля опрошенных выделяет в качестве мотива выбора профессии высокий уровень заработной платы (15%), престиж и уважение в обществе (18%). Примечательно, что выбор профессии для различных групп опрошенных напрямую не связан с приобретением уверенности на рынке труда. Лишь только 13% считают, что специалисты в этой области уверенно чувствуют себя на рынке труда.

Наименьшая доля опрошенных при выборе профессии следует мнениям представителей референтных групп: друзей/знакомых (5%), родителей/родственников (8%).

Критичного влияния уровня осведомленности о выбранном направлении подготовки на распределение ответов не наблюдается. Интересно отметить, что некоторые позиции набирают почти одинаковое количество как неосведомленных, так и осведомленных, среди них: специалисты в этой области уверенно чувствуют себя на рынке труда (13% против 15%), в этой профессии высокий уровень заработной платы (15% против 16%). Тем не менее, стоит отметить значимые расхождения в ответах по позиции «я чувствую, что это мое призвание, хочу и могу этим заниматься» (28% против 53%), «мне интересно содержание будущей профессиональной деятельности» (44% против 65%), «эта профессия позволяет раскрыть мои способности» (24% против 44%). Обращает на себя внимание, что для приблизительно каждого пятого респондента из группы неинформированных о профессии выбор был случайным. В группе информированных о профессии таковых оказалось всего лишь 3%.

Результаты опроса дают основание говорить о том, что со стороны представителей молодежи наблюдается запрос на выбор интересной профессии, которая будет способствовать личностному развитию. Уверенность в выборе профессии для молодого поколения строится на личностном комфорте и самовыражении, а не на стремлении в полной мере ориентироваться на социально значимое окружение. Этот позитивный тренд, на наш взгляд, будет и дальше актуализироваться. В этой связи от социальных партнеров требуется дальнейшая работа не только по привлечению молодежи, но и ее закреплению на рабочих местах.

Не все молодые люди могут успешно адаптироваться на рынке труда. Во многом это обусловлено недостаточной информированностью о будущей профессии. Отмечается и значительная дифференциация молодых людей в отношении профессиональной мотивации. Проблема видится в необходимости создания современной системы подготовки и переподготовки специализированных кадровых ресурсов для ресурсодефицитных отраслей. Очень важно также создание и расширение внедренческой инфраструктуры, которая позволила бы наиболее полнее включить молодежь в профессиональную деятельность.

Литература

1. Рынок труда, занятость и заработная плата. – URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 08.01.2026).
2. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. – URL: https://issek.hse.ru/news/1066343386.html?ysclid=mk42hgbbyw487019364
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 / Статистический сборник. – М., 2023. – 1126 с.
4. Рыбакова И.С. Динамика занятости молодежи с высшим образованием в России. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-zanyatosti-molodezhi-s-vysshim-obrazovaniem-v-rossii(дата обращения: 08.01.2026).
5. Прогноз потребности в рабочей силе стал ориентиром для выпускников школ и вузов. – URL: https://rg.ru/2025/10/15/kurs-prolozhen.html?ysclid=mk43a64kdt883808719 (дата обращения: 08.01.2026).
6. Эренберг Р., Дж., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М., 1996. – 800 с.
7. Попов Ю.Н., Шевчук А.В. Введение в социологию труда и занятости. – М., 2005. – С. 143.
8. В 2025 году уровень безработицы в РФ составили 2,1%, в мире – 5% – URL: https://rg.ru/2025/10/20/v-rosstate-obiasnili-kak-poschitali-rekordno-nizkij-uroven-bezraboticy-v-rossii.html?ysclid=mk3tg9a528283183888 (дата обращения: 08.01.2026).

EMPLOYMENT AND CAREER CHOICES OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.
Moscow Pedagogical State University

Ensuring the employment of young people is one of the key problems for modern Russian society. Ensuring a balanced supply and demand for labor, including young people, is of particular importance. The task of social partners is to develop coordinated actions to take into account the interests and needs of young people entering the labor market. The sectoral structure of employment is analyzed based on social statistics data.
The most problematic industries related to the saturation of demand in the labor market are identified. Special attention is paid to the need to train personnel in accordance with the needs of the innovative economy. A sociological survey was conducted to analyze the motives behind young people's choice of profession. The main trends related to ensuring rational employment for young people are revealed.

Keywords: youth labor market, demand, supply, employment, unemployment, education, profession, social partnership.

References

1. Labor Market, Employment, and Wages. – URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (date of access 08.01.2026).
2. Labor Market of Individual Sectors of the Russian Economy: Current Situation and Expected Focus of Change. – URL: https://issek.hse.ru/news/1066343386.html?ysclid=mk42hgbbyw487019364
3. Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2023 / Statistical Digest. – Moscow, 2023. – 1126 p.
4. Rybakova I.S. Dynamics of Employment of Young People with Higher Education in Russia. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-zanyatosti-molodezhi-s-vysshim-obrazovaniem-v-rossii (accessed 08.01.2026).
5. The labor demand forecast has become a benchmark for school and university graduates. – URL: https://rg.ru/2025/10/15/kurs-prolozhen.html?ysclid=mk43a64kdt883808719 (accessed 08.01.2026).
6. Ehrenberg R., J., Smith R.S. Modern Labor Economics. Theory and Public Policy. – Moscow, 1996. – 800 p.
7. Popov Yu.N., Shevchuk A.V. Introduction to the Sociology of Labor and Employment. – M., 2005. – P. 143.
8. In 2025, the unemployment rate in the Russian Federation was 2.1%, in the world – 5% – URL: https://rg.ru/2025/10/20/v-rosstate-obiasnili-kak-poschitali-rekordno-nizkij-uroven-bezraboticy-v-rossii.html?ysclid=mk3tg9a528283183888 (date of access 08.01.2026).

Динамика социальных архитектур в социологии управления: циклы переконфигурации и историко-культурная инерция

Калмыков Николай Николаевич,
кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России
E-mail: kalmykov@kalmykovnn.ru

Предметом статьи выступает динамика социальных архитектур, рассматриваемая в предметном поле социологии управления с позиций морфогенетической интерпретации. Социальная архитектура трактуется как конфигурация многослойной среды, образуемая сопряжением четырёх аналитически различимых слоёв – институционального, пространственного, нормативно-семиотического и цифрового, – которые в совокупности задают распределение возможностей и ограничений для действующих акторов. Теоретическая реконструкция циклов переконфигурации таких архитектур и выявление роли историко-культурной инерции в ограничении управляемых трансформаций составляют основную цель работы. Опираясь на сопоставление морфогенетического подхода, теорий структурации и исторического институционализма, автор выстраивает фазовую модель морфогенетического цикла – от относительной стабилизации через накопление межслоевых дисбалансов к структурной переконфигурации и последующей институционализации новой конфигурации. Показано, что инерция формируется посредством самоподкрепляющихся институциональных и культурно-символических механизмов, обусловливающих зависимость от предшествующей траектории и сужающих обратимость изменений. Для социологии управления предлагаемая модель означает, что управление правомерно рассматривать как редизайн среды, результативность которого определяется параметрами инерции и фазой циклической перестройки.

Ключевые слова: социальные архитектуры; социология управления; социоархитектоника; морфогенез; переконфигурация среды; историко-культурная инерция; зависимость от траектории.

Введение

Социология управления испытывает потребность в объяснительных схемах, способных описывать не только устойчивое функционирование институтов и практик, но и трансформацию самих конфигураций условий действия [12; 13]. Прикладные описания изменений чаще всего выстраиваются в логике «реформы» – локального переключения правил или процедур. Между тем в ситуациях, когда трансформация затрагивает одновременно институциональные правила, пространственные режимы, нормативно-семиотические коды и цифровые процедуры координации, аналитически продуктивнее говорить о смене социальной архитектуры как целостной конфигурации. Описание механизмов, посредством которых меняется распределение возможностей и ограничений, а вслед за ним – устойчивые паттерны и социальные траектории, становится, по существу, центральной задачей. Статья обращена к темпоральной логике подобных изменений и предлагает модель их циклической переконфигурации. Социоархитектоника понимается здесь как метатеоретическая рамка для интерпретации переходов между состояниями социальной среды. Социальная архитектура рассматривается не как набор отдельных институтов или пространственных решений, а как конфигурация взаимосвязанных слоёв – институционального, пространственного, нормативно-семиотического и цифрового, – по-разному организующих возможности действия в разные периоды. Результат представляет собой теоретическую модель цикла, фиксирующую переход от устойчивости к накоплению дисбалансов, далее – к переконфигурации и институционализации нового порядка.

Подобная постановка вопроса существенна для социологии управления по нескольким причинам. Анализ смещается с отдельных управленческих решений на конфигурацию среды, в пределах которой эти решения обретают или утрачивают результативность. Предметом рассмотрения оказывается не только содержание воздействия, но и то, каким образом институциональные, пространственные, нормативно-семиотические и цифровые параметры среды задают границы управляемости и формируют характер ответных социальных траекторий. Тип исследования – теоретико-модельный; методологическая процедура включает концептуальную реконструкцию релевантных объяснительных линий (морфогенетический подход, теории структурации, исторический институционализм) и теоретическое моделирование фаз цикла переконфигурации. Эмпирические данные не используются. Теоретико-методологическая рамка соединяет: (а) морфогенетическую перспективу [1]; (б) теории структурации, связывающие устойчивость средовых конфигураций с практиками и агентностью [2; 3]; (в) исторический институционализм с его акцентом на самоподкрепляющихся механизмах инерции [4–7]. Ни одно из этих направлений до сих пор не предложило развёрнутого описания фазовой организации переконфигураций многослойной среды, включающей цифровые процедуры и инфраструктуры координации [6; 11]. Научная новизна статьи заключается в том, что предлагается:

– модель морфогенетического цикла переконфигурации социальных архитектур;
– аналитическое различение механизмов изменений и механизмов историко-культурной инерции;
– управленческая интерпретация циклов как смены распределения возможностей и ограничений, определяющей паттерны и траектории в социальных системах.

Материалы и методы исследования

В социоархитектонической перспективе социальная архитектура определяется как конфигурация многослойной среды, включающей:

– институциональный слой, задающий правила, режимы координации и распределение полномочий [8; 9];
– пространственный слой, фиксирующий формы и доступность взаимодействий и определяющий тем самым геометрию координации (плотность контактов, распределение центров и периферий, инфраструктурные барьеры и каналы доступа);
– нормативно-семиотический слой, задающий критерии легитимности, интерпретационные схемы и рамки допустимости, т.е. совокупность норм, символических кодов и способов интерпретации, через

которые определяются основания признания или отклонения практик и решений [3; 10];
– цифровой слой, охватывающий процедуры и инфраструктуры, формализующие доступ, контроль и распределение ресурсов [11]. Перечисленные слои аналитически различимы, однако в действительности взаимообусловлены; устойчивость архитектуры обеспечивается согласованностью механизмов воспроизводства в каждом из них и устойчивыми трансляциями между ними.

Из этого следует, что изменение одного слоя само по себе не равнозначно переконфигурации всей архитектуры. Формальная институциональная реформа может не дать структурного эффекта, если пространственные режимы доступа, символические критерии легитимности и цифровые процедуры продолжают воспроизводить прежнюю конфигурацию. Вместе с тем межслоевые сопряжения способны становиться точками ускорения изменений в тех ситуациях, когда напряжение в одном слое перестаёт компенсироваться адаптациями в остальных. Роль пространственного слоя в морфогенетической динамике проявляется двояко: пространственная организация может порождать межслоевые дисбалансы и одновременно выступать «материальным якорем» инерции в фазах переконфигурации. Социальная архитектура, таким образом, не сводится ни к отдельному институту, ни к структуре отношений. Институт задаёт регулятивный узел, структура фиксирует порядок отношений, тогда как архитектура описывает конфигурацию нескольких слоёв среды и способ их совместного действия, задавая для акторов порядок допустимых действий, ограничений и режимов координации.

Динамика социальных архитектур не укладывается в простую дихотомию «стабильность/изменение». Аналитически необходимо различать структурные условия, взаимодействия акторов в этих условиях и результаты, которые либо воспроизводят, либо трансформируют архитектуру [1]. Морфогенетическая перспектива описывает изменение как процесс во времени, где устойчивость и трансформация – фазы единой динамики. Существенные изменения чаще всего имеют характер переконфигурации взаимосвязей между слоями; формальные изменения правил, не подкреплённые перенастройкой режимов легитимации и цифровых процедур, нередко приводят к воспроизводству прежних паттернов в новых формальных оболочках [2; 11].

Переконфигурация как перераспределение возможностей и ограничений. Переконфигурация социальной архитектуры представляет собой изменение связки слоёв, вследствие которого переопределяются правила доступа к ресурсам и статусам, допустимые и ожидаемые практики, режимы координации и контроля, символические основания легитимации. В причинной схеме «среда паттерны траектории» переконфигурация выступает первичным механизмом. Для аналитической строгости необходимо различать механизмы изменения и механизмы инерции – первые делают переконфигурацию возможной, вторые закрепляют траекторию и обеспечивают воспроизводство архитектуры.

Результаты и обсуждение

Основания фазовой модели. Архитектура – интегративная конфигурация; напряжения в одном слое могут компенсироваться адаптациями в других, не приводя к немедленному перелому. По мере накопления межслоевых дисбалансов, однако, согласованность режимов координации и легитимации снижается, а вероятность порогового перехода возрастает [4; 6; 7]. Отсюда – фазовая структура процесса, в которой периоды относительной устойчивости сменяются фазами структурной перестройки и закрепления новой конфигурации. Цикличность означает повторяемость фазовой последовательности, но не содержания: различные архитектуры проходят через сходные фазы, существенно различаясь по составу дисбалансов и результатам переконфигурации.

Фаза 1 – относительная стабилизация. Слои среды согласованы: институциональные правила поддерживают предсказуемость координации, нормативно-семиотические коды задают устойчивые критерии легитимности, цифровые процедуры закрепляют протоколы участия и распределения [8–11]. Формируются повторяемые паттерны и типовые траектории; изменения реализуются преимущественно как корректировки внутри действующей архитектуры.

Фаза 2 – накопление межслоевых дисбалансов. Дисбалансы возникают при нарушении согласованности слоёв: расхождение формальных правил и практик, конфликт нормативных ожиданий и цифровых процедур контроля, пространственные ограничения, блокирующие реализацию институциональных целей, нестыковки режимов легитимности и фактического распределения ресурсов [6; 7; 11]. Архитектура ещё сохраняет целостность, но напряжение приобретает воспроизводимый характер.

Необходимо различать сам дисбаланс и порог переконфигурации. Дисбаланс – накопленное несоответствие между слоями среды; порог – момент, когда архитектура утрачивает способность компенсировать это несоответствие без изменения собственной конфигурации. Различные архитектуры обладают неодинаковой «ёмкостью компенсации».

Фаза 3 – переконфигурация. Наступает, когда прежние режимы координации и легитимации утрачивают способность воспроизводиться. Перестройка затрагивает связку слоёв: изменения институциональных правил сопровождаются переопределением символических оснований легитимности и (или) трансформацией цифровых режимов доступа [1; 2; 7; 11]. Центральный эффект – перераспределение возможностей и ограничений. Порог перехода может быть описан как момент, когда накопленные несогласованности перестают компенсироваться внутри архитектуры и воспроизводятся как систематические сбои координации и легитимации.

Переход к переконфигурации зависит не только от интенсивности кризиса, но и от конфигурации инерции. В одних случаях архитектура задерживается в фазе накопления дисбалансов; в других – те же дисбалансы приводят к разрыву, поскольку компенсаторные механизмы исчерпываются одновременно в нескольких слоях. Агентность действует в пределах структурных ограничений, используя окна возможностей при разрыве прежних согласованностей [2]. Направление и пределы изменений задаются тем, какие механизмы инерции сохраняют работоспособность [4; 5].

Фаза 4 – институционализация новой конфигурации. Закрепление новой архитектуры осуществляется через нормализацию практик, стабилизацию правил и процедур, восстановление предсказуемых ожиданий, переоформление оснований легитимности [8; 9]. В цифровом слое институционализация включает встраивание новых правил в протоколы доступа и контроля [11]. На этой основе конфигурация приобретает способность к воспроизводству и переводит систему к следующему периоду стабилизации.

Фазовая модель позволяет описывать динамику социальных архитектур как морфогенетический процесс, в котором изменение определяется переконфигурацией многослойной среды и перераспределением возможностей и ограничений. Модель создаёт основания для управленческой интерпретации динамики, соотнесённой с фазами, механизмами инерции и типами дисбалансов.

Понятие историко-культурной инерции. Историко-культурная инерция – совокупность самоподкрепляющихся институциональных и символических механизмов, закрепляющих предшествующую траекторию и очерчивающих границы допустимых переконфигураций [4; 5]. Инерция не упраздняет изменений, но определяет их вероятностный коридор.

Институциональная инерция проявляется в росте издержек переключения и эффектах координации: инфраструктуры, компетенции, рутины фиксируют акторов в существующих режимах [4; 8]. По мере развития архитектуры многие решения приобретают встроенный характер, что усиливает траекторную зависимость [9]. Даже целенаправленные изменения нередко приводят к гибридным конфигурациям, в которых новые правила сосуществуют с наследуемыми практиками [6; 7].

Культурно-символическая инерция: нормативно-семиотический слой задаёт устойчивые критерии легитимности и интерпретации, через которые оцениваются управленческие вмешательства [3; 10]. Сохранение символических кодов при формальных изменениях может приводить к воспроизводству привычных форм действия в новых институциональных оболочках.

Институциональная и культурно-символическая инерция воздействуют на морфогенетическую динамику по-разному. Первая, как правило, влияет на темп и издержки изменений; вторая затрагивает легитимность и глубину перестройки.

Траекторная зависимость означает, что циклы переконфигурации не представляют собой последовательность независимых проектов: новая архитектура наследует элементы прежней конфигурации [4; 5]. Наследование ограничивает обратимость изменений, формируя устойчивые «якоря» траектории. В управленческом анализе это требует учитывать не только целевую конфигурацию, но и структуру наследования как фактор, модифицирующий результаты редизайна.

Факторы темпа циклов. Темп переконфигураций определяется сочетанием параметров – плотностью институциональных связей, степенью формализации правил, уровнем цифровой встроенности процедур, конфликтностью нормативных кодов, ресурсной обеспеченностью акторов [6; 8; 11]. Ускорение вероятно, когда дисбалансы затрагивают несколько слоёв одновременно; замедление характерно при высокой степени самоподкрепления.

Управление как редизайн среды. Модель уточняет управленческое понимание социальных изменений. Управление выступает как работа с конфигурацией среды – изменяются правила, процедуры, режимы координации и символические основания, от которых зависит воспроизводство социальных траекторий [8; 9; 12; 13]. Объектом управления становится не отдельная практика, а взаимосвязь тех слоёв среды, которые делают одни способы действия устойчивыми, а другие – маргинальными.

Результативность управленческих вмешательств определяется фазой цикла и параметрами инерции. В фазе стабилизации вмешательства дают эффект локальных корректировок. В фазе накопления дисбалансов воздействия способны либо усилить адаптационные механизмы, либо повысить вероятность переконфигурации [6; 7]. Формальная институциональная реформа может оказаться малоэффективной, если источник напряжения локализован в пространственном, символическом или цифровом слое среды. В фазе переконфигурации открывается окно возможностей, но возрастает неопределённость [4; 5]. Управление, ориентированное на структурные изменения, должно учитывать момент вмешательства и структуру инерции.

Диагностические следствия (теоретический уровень). На уровне теоретико-модельной постановки можно выделить параметры, пригодные для диагностики вероятности переходов между фазами: индикаторы межслоевых дисбалансов, показатели самоподкрепления, степень траекторной зависимости, уровень цифровой формализации процедур [4; 8; 11]. Данные параметры задают минимальный диагностический контур для оценки возможности переконфигурации среды и способности управленческого вмешательства повлиять на её исход.

Выводы

1. Социальные архитектуры правомерно рассматривать как конфигурации многослойной среды, задающие распределение возможностей и ограничений и формирующие воспроизводимые паттерны и траектории.

2. Морфогенетическая динамика социальных архитектур описывается фазовой моделью цикла переконфигурации: стабилизация → накопление межслоевых дисбалансов → переконфигурация → институционализация новой конфигурации.

3. Переконфигурация выступает механизмом перераспределения возможностей и ограничений, изменяя режимы доступа к ресурсам, допустимые практики и основания легитимности.

4. Историко-культурная инерция ограничивает диапазон и темп изменений посредством самоподкрепляющихся институциональных и символических механизмов, формируя зависимость от предшествующей траектории.

5. Для социологии управления модель уточняет трактовку управления как редизайна среды; результативность редизайна определяется фазой цикла, структурой инерции и характером наследования.

6. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой модели на сравнительных кейсах социальных архитектур и уточнением индикаторов межслоевых дисбалансов и параметров траекторной зависимости.

Статья носит теоретико-модельный характер; применимость предложенной схемы требует последующей проверки на эмпирических материалах и сравнительных кейсах.

Литература

1. Archer M.S. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

2. Sewell W. H. A Theory of Structure: Duality, Agency and Transformation // American Journal of Sociology. 1992. Т. 98. № 1. С. 1–29. DOI: 10.1086/229967.

3. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.

4. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000. Т. 94. № 2. С. 251–267. DOI: 10.2307/2586011.

5. Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. 2000. Т. 29. № 4. С. 507–548. DOI: 10.1023/A:1007113830879.

6. Hall P. A., Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. Т. 44. № 5. С. 936–957. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb00343.x.

7. Mahoney J., Thelen K. Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency and Power / под ред. J. Mahoney, K. Thelen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

8. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

9. Scott W.R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests and Identities. Los Angeles: SAGE Publications, 2014.

10. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

11. van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. Oxford: Oxford University Press, 2018.

12. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Канон+, 2014.

13. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М.: URSS, 2009.

DYNAMICS OF SOCIAL ARCHITECTURES IN THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT: RECONFIGURATION CYCLES AND HISTORICAL-CULTURAL INERTIA

Kalmykov N.N.

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the dynamics of social architectures within the sociology of management and advances their morphogenetic interpretation as designed configurations of a multi-layered social environment. Within the socio-architectonic framework, a social architecture is treated as a coupled arrangement of institutional, spatial, normative-semiotic and digital layers that shape the distribution of opportunities and constraints for social actors. The aim is to theorize reconfiguration cycles of social architectures and to explain how historical-cultural inertia constrains controllable transformations. By combining the morphogenetic approach, structuration-related theories and historical institutionalism, the paper proposes a phase model of the morphogenetic cycle that includes relative stabilization, accumulation of inter-layer imbalances, structural reconfiguration and subsequent institutionalization of a new configuration. It is argued that inertia is produced by self-reinforcing institutional and symbolic mechanisms, generating path dependence and limiting reversibility. Implications for the sociology of management are formulated: management can be conceptualized as redesigning the environment, yet its effectiveness depends on the parameters of inertia and the timing of cyclical restructuring.

Keywords: social architectures; sociology of management; socio-architectonics; morphogenesis; environmental reconfiguration; historical-cultural inertia; path dependence.

References

1. Archer M.S. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. 1995. Cambridge University Press.

2. Sewell W. H. A Theory of Structure: Duality, Agency and Transformation. American Journal of Sociology, 1992. 98(1), 1–29. https://doi.org/10.1086/229967

3. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. 1984. Polity Press.

4. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. American Political Science Review, 2000. 94(2), 251–267. https://doi.org/10.2307/2586011

5. Mahoney J. (2000). Path Dependence in Historical Sociology. Theory and Society, 29(4), 507–548. https://doi.org/10.1023/A:1007113830879

6. Hall P. A., & Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Institutionalisms. Political Studies, 1996. 44(5), 936–957. https://doi.org/10.1111/j.1467–9248.1996.tb00343.x

7. Mahoney J., & Thelen K. (Eds.). (2010). Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency and Power. Cambridge University Press.

8. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. 1990. Cambridge University Press.

9. Scott W.R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests and Identities. 2014. SAGE Publications.

10. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. 1977. Cambridge University Press.

11. van Dijck J., Poell T., & de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. 2018. Oxford University Press.

12. Tikhonov A. V. (Ed.). Sociology of Management: Fundamental and Applied Knowledge. 2014. Moscow: Kanon+.

13. Tikhonov A.V. Sociology of Management: Theoretical Foundations. 2009. Moscow: URSS.

Статистика как инструмент управления восприятием действительности

Карманов Михаил Владимирович,
д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики,
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Karmanov.MV@rea.ru

Кузнецов Владимир Иванович,
д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики,
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Kuznetsov.VI@rea.ru

Тема. Формируемые статистикой информационные ресурсы должны давать объективное представление о происходящих событиях и реально отражать действительность. Между тем, можно наблюдать перевоплощение статистики из инструмента объективного отображения в инструмент управления восприятием действительности. В гражданском обществе это вызывает недоверие к статистике. Авторы рассматривают причины и приемы превращения статистики в инструмент управления восприятием действительности. Цель. Выявить причины и рассмотреть приемы превращения статистики в инструмент управления восприятием действительности. Методология. Применяются методы теоретического исследования в форме обобщения, сравнения и специальных аналитических процедур. Область применения полученных результатов. Материал может быть полезен при анализе статистической информации, чтении лекций по статистике. Результаты. В статье приводится обзор литературы, посвященный проблемам объективности и достоверности статистической информации. Отмечается, что при помощи статистики можно воздействовать на целевую аудиторию и добиваться определенных целей. В этом случае статистику можно рассматривать в качестве инструмента управления восприятием действительности. Обращается внимание на необходимость повышения статистической грамотности населения; выявляются приемы, снижающие объективность оценки действительности и позволяющие формировать определенное общественное мнение. Выводы. Попытки ненадлежащего использования количественных данных (статистический вакуум, статистический шквал, статистическое преувеличение позитива, статистическое преуменьшение негатива, статистический эквилибр) способствуют формированию стереотипа недоверия к статистике.

Ключевые слова: статистика, статистическая информация, статистическая грамотность, стереотип недоверия к статистике

Статистика как одна из форм проявления общественной деятельности во все времена вызывала и, безусловно, продолжает вызывать повышенное внимание со стороны самых различных и достаточно широких слоев населения [1]. При этом спектр ее понимания простирается в большом диапазоне, начиная с позитивной оценки роли цифр (показателей) для принятия тех или иных жизненных решений [2], и, заканчивая тесной приверженностью к стереотипу недоверия к статистике, как к образчику тотальной и запредельной лжи в соответствии с известным и весьма популярным высказыванием Б. Дизраэли [3].

Один из выше обозначенных полюсов, а именно стереотип недоверия к статистике крайне интересен сам по себе, потому что, с одной стороны, потенциально «программирует» общественное мнение относительно сферы сбора, обработки и анализа количественных данных, а, с другой стороны, подготавливает позиции для строго определенного восприятия действительности, о чем и пойдет речь в данной статье.

Так уж повелось исторически, что, если надо сформировать собственное мнение в отношении чего-либо, то есть два пути: положиться на распространенную точку зрения или самостоятельно вникнуть в сущность объекта внимания. По многим причинам (образование, эрудиция, жизненный опыт, наличие свободного времени и др.) выбор первого из имеющихся вариантов мнений всегда несколько проще, чем творческий и обычно трудный поиск своего подхода. Особенно ярко это проявляется тогда, когда конкретный человек не может понять почему его представления о количественных характеристиках тех или иных общественных явлений и процессов не соответствуют оценкам официальной статистики. Вот именно здесь в большинстве случаев и возникает большой соблазн приобщиться к стереотипу недоверия к статистике, потому как это намного проще нежели чаще всего длительное и кропотливое разбирательство в причинах выявленного несоответствия. А преодолеть этот достаточно широко распространенный поведенческий шаблон получается далеко не у всех потребителей статистической информации, таким образом подсознательно склоняющихся к заранее известному выводу [4].

Другая сторона рассматриваемого стереотипа, связанная с управлением восприятия действительности в нужном свете, по праву вызывает самостоятельный интерес, потому что изначально нацелена на негативное отношение как к самой официальной статистической практике, так и к специалистам, занимающимся ее организацией, развитием и интерпретацией результатов количественного учета.

В рамках стереотипа недоверия к статистике, в первую очередь, ставится под сомнение адекватность абсолютно любой информации, которая поступает в открытый доступ со стороны органов государственной статистики. При этом в качестве доминанты в общественное сознание непрерывно транслируется мысль, что статистический учет по определению несовершенен и не способен реально отображать картину бытия [5]. Параллельно проводится более глубокая интеллектуальная интервенция, доказывающая что статистика искажается сознательно с целью достижения определенных целей (например, для сокрытия низкой эффективности управления процессами в самых различных сферах общественной жизни). И то, и другое наносит большой вред, потому что нарушает и так весьма хрупкое социальное равновесие, повышает градус напряженности в гражданском обществе, все время акцентируя внимание на искусственной виртуализации информационного пространства, которая преподносится как догма, не требующая фактических доказательств.

В основании фундамента стереотипа недоверия к статистике лежат несколько краеугольных элементов, среди которых, несомненно, находятся:

- относительное несовершенство методик и сложность статистического учета;
- низкая статистическая грамотность населения;
- социальная манипуляция и др.

Остановимся более подробно на каждой из позиций представленного перечня. Статистика заведомо является сферой научно-практической деятельности, где количественной оценке подлежат массовые, изменчивые и в ряде случаев неоднородные общественные явления и процессы. Это означает, что если объект исследования не встречается в массовом порядке, то статистический инструментарий частично утрачивает свое значение, так как он призван выявлять тенденции и закономерности в достаточно больших совокупностях.

Например, когда некое социально-экономическое явление имеет место ограниченное число раз (скажем, всего один или два раза) многие приемы и методы статистического изучения сразу утрачивают свою актуальность, особенно в плане выявления существующих взаимосвязей. Примерно такая же ситуация складывается с характеристикой изменений во времени. Если объект исследования статичен, то отпадает необходимость реализации важнейшей статистической задачи, связанной с оценкой динамических трансформаций. Отдельно стоит учитывать важность анализа структурных особенностей и структурных сдвигов, чтобы раскрыть и измерить дифференциацию исследуемых явлений и процессов в разрезе отдельных признаков.

Однако, в совокупности, массовые, изменчивые и возможно неоднородные объекты заведомо генерируют ряд серьезных теоретических и практических проблем, касающихся организации и проведения статистического учета. В результате любые даже самые совершенные и постоянно уточняемые методики статистического наблюдения позволяют лишь в большей или в меньшей степени приблизиться к истине, то есть обеспечить не максимально возможную точность количественных измерений, а некоторое ее подобие. Это обстоятельство не укрывается от внимания квалифицированных пользователей статистической информации, которые, несомненно, осознают и вероятностный характер определенных статистических индикаторов, и наличие некоторых погрешностей, и другие специфические моменты, касающиеся мира цифр [6]. В той или в иной степени данные особенности в обязательном порядке льют воду на мельницу популярности стереотипа недоверия к статистике.

Его распространенность в современном обществе в значительной мере усиливается и за счет существования неквалифицированных или малоквалифицированных пользователей статистической информации, а по существу за счет недостаточно высокого уровня статистической грамотности населения.

Статистическая грамотность членов общества, предполагающая умение не только найти достоверную количественную информацию, но и понять ее истинное содержание, а также правильно использовать для решения собственных практических задач [7], в настоящее время, к большому сожалению, вызывает серьезные затруднения у значительной части населения нашей страны.

Объективно такое положение дел вызвано целым рядом причин. Прежде всего, требуется четко отдавать себе отчет в том, что любые статистические действа (поиск, использование, анализ данных и т.п.) требуют должного уровня специальной подготовки, которая не возникает сама по себе и не всегда достигается даже упорным самообразованием. Например, Интернет как бескрайний источник самой разнообразной информации, пользующийся популярностью у самых широких слоев населения, дает огромные возможности, которые с позиций статистики содержат множество подводных камней, способных запутать даже самых искушенных исследователей цифровых хитросплетений. Еще больше проблем возникает при попытках использования статистического инструментария, включая современные аналитические пакеты прикладных программ, когда потребитель самоуверенно полагается на собственные знания и трактовки возможностей применения тех или иных статистических методов. Ну, и, наконец, венцом статистического «совершенства» можно назвать попытки дилетантов или недостаточно статистически подкованных аналитиков интерпретировать результаты собственных вычислений или официально опубликованных показателей, содержание которых они не понимают в силу слабой теоретической подготовки.

В итоге недостаточная статистическая грамотность населения не просто порождает, но и преумножает питательную среду для массового распространения и глубокого укоренения стереотипа недоверия к самой статистике, к ее данным и к ее способностям вскрывать количественные закономерности развития общества.

В этом процессе в двадцать первом веке все большее и большее место занимает социальная манипуляция, которая носит уже не локальный, а тотальный характер [8]. Ее содержание сводится к тому, что существуют методы, способы и приемы сознательного формирования взглядов, вкусов и настроений членов социума, которые в конечном счете выливаются в строго определенное общественное мнение. Среди них важнейшее место принадлежит статистике, а точнее статистическим данным, которые используются для создания некоторого подобия действительности и его глубокого внедрения в сознание людей. Например, на конкретном цифровом материале разъясняются радужные перспективы сомнительных социально-экономических проектов. Причем социальная манипуляция давно уже приобрела трансграничный характер, так как ее инструментарий используется не только против населения стран противников или конкурентов (в формате гибридных, ментальных и информационных войн), но и против собственных граждан, особенно когда речь заходит о борьбе политических партий и т.п.

В этих условиях современная статистика осуществляет все более и более очевидный дрейф в направлении превращения из инструмента адекватного отражения и познания реального мира в инструмент управления восприятием действительности [9].

Известно, что традиционно сложилось представление о статистике как о своеобразном зеркале бытия, которое отражает то, что происходит в обществе со всеми достоинствами и недостатками. Однако по мере осознания того обстоятельства, что совершенно не обязательно достигать определенного результата, а важнее убедить население, граждан, обывателей и т.д. в его достижении зеркало статистики все чаще и чаще стали ставить под таким углом зрения, чтобы целенаправленно управлять восприятием действительности.

Для реализации подобного сценария применяются несколько приемов, среди которых достаточно широкое распространение получили:

- статистический вакуум;
- статистический шквал;
- статистическое преувеличение позитива;
- статистическое преуменьшение негатива;
- статистический эквилибр (по аналогии с цирковым номером).

Статистический вакуум представляет собой умышленное серьезное ограничение или даже чаще полное устранение доступа к конкретной статистической информации, касающейся тех или иных общественных явлений или процессов. В этом случае в ход пускается известный принцип – нет объекта, нет проблемы. Практически это означает то, что из информационного пространства осознанно изымаются статистические данные, которые могут вызван ненужный социальный резонанс, либо создаются существенные преграды на пути поиска и получения соответствующих количественных сведений. В результате восприятие действительности людьми формируется в условиях отсутствия цифровых аргументов, которые могут способствовать истинному пониманию положения дел. Кроме того, чтобы направить процесс формирования общественного мнения в нужном направлении достаточно часто в информационное пространство вбрасываются конкретные выводы и заключения комментаторов, авторитетных экспертов и т.п., собственная проверка которых сильно затруднена или вообще невозможна по названной выше причине. Таким образом, достигается либо понижение градуса социальной напряженности по уже имевшей место в прошлом проблеме, либо вообще ситуация становится нормальной или обыденной (не вызывающей отрицательной реакции) вследствие отсутствия информации о проблеме вообще (ее просто нет).

Статистический шквал выступает в качестве своеобразной альтернативы статистическому вакууму. При использовании данного приема наоборот в информационное пространство сознательно вбрасывается максимально возможное количество статистических показателей (обширные статистические данные), которые призваны сформировать чрезмерную, тяжеловесную и запутанную картину бытия. Чтобы достичь поставленной цели на суд общества выносится излишне детализированная статистическая информация, обильно сдобренная косвенными индикаторами, имеющими опосредованное отношение к объекту иллюстрации. В результате интенсивного информационно-статистического воздействия на головы граждан обрушивают такие объемы количественных данных, которые не только сложно охватить, но и просто систематизировать и понять простому человеку, имеющему обычный и далеко не всегда высокий уровень статистической грамотности. У большинства пользователей информации, с одной стороны, это отбивает любую охоту тратить время на то, чтобы разобраться в многочисленных хитросплетениях статистического бытия. С другой стороны, именно вал данных создает уверенное впечатление, что достигнуто много мелких и частных разнообразных результатов, а это уже само по себе настраивает на позитивное восприятие действительности. Иными словами, в информационном «лесу» заблудиться тем проще, чем мощнее потоки предлагаемых цифровых материалов, которые только для несведущих людей представлены хаотично, а на самом деле дозированы и смодерированы так как нужно инициаторам и организаторам статистического шквала.

Преувеличение позитива и преуменьшение негатива служат давно сложившимися и проверенными временем пропагандистскими приемами управления восприятием действительности самых широких и самых разнообразных слоев населения.

Преувеличение, а в ряде случаев и откровенная гиперболизация позитивных результатов социально-экономического развития за счет привлечения тех или иных статистических данных в настоящее время носит столь распространенный характер, что практически не вызывает раздражения гражданского сообщества, которое просто приучено к информационному воздействию подобного рода. В статистическом формате алгоритм подобного действа сводится к тому моменту, что интерпретация одних и тех же благополучных показателей может производиться совершенно по-разному. Начиная от простой констатации роста (или падения,

если это обратный индикатор) уровня, размера, масштаба, интенсивности и т.п. отдельных явлений или процессов, и, заканчивая умышленной констатацией актуальности, глубины, серьезности, необыкновенной важности и т.п. достигнутых результатов. При этом в ход пускаются не объективные ориентиры, а личностные, субъективные оценки популярных личностей или известных аналитических организаций, подающих при помощи цифр ситуацию в более радужном свете, чем это есть на самом деле.

Преуменьшение негативных результатов социально-экономического развития в принципе осуществляется по схожему сценарию с той лишь разницей, что здесь на передний край выдвигаются статистические показатели, которые последовательно выводят на размышления, что полученный итог, конечно, неблагоприятный, неудовлетворительный, но не смертельный и содержит предпосылки для начала трансформации в правильном направлении. В данном случае пропагандисты стараются либо скрыть, либо не акцентировать внимание на самых провальных количественных параметрах. Но главное же заключается в том, что и как в случае с преувеличением позитива проводится такая информационно-статистическая реконгсценировка, которая позволяет управлять восприятием действительности, а точнее сознательно перенаправлять его в строго определенную сторону.

Статистический эквилибр является весьма специфическим приемом воздействия на общественное сознание, потому что фактически, находясь в рамках правового поля (то есть ничего не нарушая), позволяет «жонглировать» цифрами так как это выгодно поставщику статистических аргументов. Он включает множество различных подходов, а поэтому остановимся лишь на некоторых из них, которые наиболее часто встречаются в открытом информационном пространстве. Например, если для иллюстрации происходящих процессов приходится привлекать графики, диаграммы и т.п., то всегда имеется возможность при одном и том же масштабе так вытянуть (или сузить) изображение, что он будет либо круто уходить вверх или вниз, либо делать это крайне медленно, от чего зависит визуальное восприятие характера и скорости изменения действительности. Кроме того, в современных графических редакторах активно применяется версия, когда для экономии места нижняя часть изображений специально обрезается, в результате чего пропадает возможность увидеть истинное полное соотношение размеров сопоставляемых объектов. Пожалуй, еще более распространенным методом статистической эквилибристики выступает выбор «оптимальной» базы сравнения. Он заключается в том, что в имеющемся ряду динамики всегда имеется возможность выбрать за базу сравнения тот год, по сравнению с которым ситуация выглядит гораздо лучше или хуже в зависимости от того, что нужно в данном конкретном случае. Предположим, по сравнению с прошлым годом имеется рост (или спад) на 10%, а по сравнению с позапрошлым годом соответственно на 20%. Следовательно, при желании имеется возможность, умолчав про выбор базы сравнения, или даже немного отойдя от статистических традиций, выбрать более выгодный исходный ориентир.

В результате названных и других подобных небольших «фокусов» при помощи статистики совершенно спокойно можно управлять восприятием действительности, лишь немного усиливая те акценты, которые глубже проникают в массовое общественное сознание [10].

В заключение, к большому сожалению, приходится признать, что трансформация [11], а точнее перевоплощение статистики из инструмента отображения в инструмент управления восприятием действительности носит не хаотичный и не вялотекущий характер. Данный процесс, скорее всего, представляет собой сознательно созданный и устойчивый тренд, который призван решать конкретные задачи информационно-статистического воздействия на широкие слои населения. В его рамках происходит дальнейшее развитие, распространение и укрепление стереотипа недоверия к статистике, которая в глазах гражданского сообщества все чаще и чаще предстает в образе лженауки, лукавой прислужницы массовой пропаганды, ориентированной не на познание окружающего нас мира, а на формирование строго определенного общественного мнения о нем, его явлениях и процессах, а также результатах их развития.

Литература

1. Пашинцева Н.И. Официальная статистика – необходимое звено информационной системы демократичного общества // Вопросы статистики. 2010, № 10, С. 8–10.
2. Денисенко Р.М. Статистика: место и роль в развитии общества // Сибирский торгово-экономический журнал. 2014, № 1 (19), С. 120–122.
3. Миргородская Е.О., Сухинин С.А. Лукавая статистика: ангажированность информации. В сборнике: Ломоносовские чтения-2018. Секция экономических наук. Цифровая экономика: человек, технологии, институты Сборник тезисов выступлений. 2018, С. 748–750.
4. Антохонова И.В. Статистика и эволюция спроса в обществе на анализ данных. В сборнике: Всероссийская научно-практическая конференция «Статистика и вызовы современности». Федеральная служба государственной статистики, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). 2015, С. 20–22.
5. Андреева М.Р. А не «лукавые ли цифры»? // Менеджер здравоохранения. 2009, № 8, С. 44–45.
6. Деружинский Г.В. О восприятии современным обществом института государственной статистики // Вопросы статистики. 2015, № 12, С. 50–58.
7. Суринов А.Е. Повышение статистической грамотности: опыт российской статистики. Электронный ресурс: http: econorus.org›c2013/files/usoh.doc (Дата обращения 26.10.2018 г.).
8. Пода Т.А. Манипуляция как способ трансформации общественного сознания // Вестник национального авиационного университета. Серия: Философия. Культурология. 2014, Т. 2, № 20, С. 47–50.
9. Щетинина М.Ю. Статистические данные как средство манипуляции общественным сознанием. В сборнике: Современное государство: проблемы социально-экономического развития. Материалы 5-й международной научно-практической конференции. 2015, С. 93–94.
10. Нуриева С.Д., Чеджемов Г.А. Манипуляция массовым сознанием в современном обществе // Известия Института систем управления СГЭУ. 2017, № 1, С. 81–83.
11. Каркузаев Р.Н., Манукян Н.Ш. Статистика и ее восприятие в современном обществе // Вестник науки. 2024, Т. 3, № 1, С. 49–63.

STATISTICS AS A TOOL FOR MANAGING THE PERCEPTION OF REALITY

Karmanov M.V., Kuznetsov V.I.
Russian Economic University named after. G.V. Plekhanov

Topic. Information resources generated by statistics should provide an objective view of current events and accurately reflect reality. Meanwhile, statistics is transforming from a tool for objective representation into a tool for managing perceptions of reality. This leads to mistrust of statistics in civil society. The authors examine the reasons and methods for transforming statistics into a tool for managing perceptions of reality. Objective. To identify the reasons and examine the methods for transforming statistics into a tool for managing perceptions of reality. Methodology. Theoretical research methods are used in the form of generalization, comparison, and specialized analytical procedures. Scope of application of the obtained results. The material can be useful in analyzing statistical information and lecturing on statistics. Results. The article provides a literature review devoted to the problems of objectivity and reliability of statistical information. It is noted that statistics can be used to influence target audiences and achieve specific goals. In this case, statistics can be viewed as a tool for managing perceptions of reality. Attention is drawn to the need to improve the statistical literacy of the population; Techniques are identified that reduce the objectivity of reality assessments and allow for the formation of certain public opinion. Conclusions. Attempts to misuse quantitative data (statistical vacuum, statistical flurry, statistical exaggeration of the positive, statistical understatement of the negative, statistical equilibria) contribute to the formation of a stereotype of distrust in statistics.

Keywords: statistics, statistical information, statistical literacy, stereotype of mistrust of statistics

References

1. Pashintseva N.I. Official statistics – a necessary link in the information system of a democratic society // Questions of statistics. 2010, No. 10, pp. 8–10.
2. Denisenko R.M. Statistics: Place and role in the development of society // Siberian trade and economic journal. 2014, No. 1 (19), pp. 120–122.
3. Mirgorodskaya E.O., Sukhinin S.A. Crafty statistics: biased information. In the collection: Lomonosov Readings-2018. Economic Sciences Section. Digital economy: people, technologies, institutions Collection of abstracts of presentations. 2018, pp. 748–750.
4. Antokhonova I.V. Statistics and the evolution of demand for data analysis in society. In the collection: All-Russian Scientific and Practical Conference "Statistics and Modern Challenges". Federal State Statistics Service, Moscow State University of Economics, Statistics, and Informatics (MESI). 2015, pp. 20–22.
5. Andreeva M.R. Aren't the Numbers "Deceitful"? // Healthcare Manager. 2009, no. 8, pp. 44–45.
6. Deruzhinsky G.V. On the Perception of the Institute of State Statistics by Modern Society // Questions of Statistics. 2015, no. 12, pp. 50–58.
7. Surinov A.E. Improving Statistical Literacy: The Experience of Russian Statistics. Electronic resource: http: econorus.org›c2013/files/usoh.doc (Accessed October 26, 2018).
8. Poda T.A. Manipulation as a Method of Transforming Public Consciousness // Bulletin of the National Aviation University. Series: Philosophy. Cultural Studies. 2014, Vol. 2, No. 20, pp. 47–50.
9. Shchetinina M. Yu. Statistical Data as a Means of Manipulating Public Consciousness. In the collection: The Modern State: Problems of Socio-Economic Development. Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference. 2015, pp. 93–94.
10. Nuriyeva S.D., Chedzhemov G.A. Manipulation of Mass Consciousness in Modern Society // Bulletin of the Institute of Control Systems of SSEU. 2017, No. 1, pp. 81–83.
11. Karkuzaev R.N., Manukyan N. Sh. Statistics and Its Perception in Modern Society // Science Herald. 2024, Vol.3, No.1, pp.49–63.

Алгоритмическое управление как новый режим контроля: как цифровые метрики меняют автономию и стресс сотрудников

Ковалевский Вацлав Сергеевич,
аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: kovatslav@yandex.ru

Ковалевская Мария Игоревна,
аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: romanenko-mariya22@yandex.ru

В статье рассматривается влияние алгоритмического управления на автономию и стресс сотрудников организации. На основе эмпирических данных исследования предлагается анализ влияния цифрового контроля, основанного на сборе данных и анализе поведения сотрудников организации, на организационную культуру и психологический климат в коллективе. В статье особое внимание уделяется парадоксальной природе алгоритмической свободы, объединяющей свободу и контроль.

Ключевые слова: алгоритмическое управление, цифровизация труда, контроль, автономия, стресс, метрики производительности.

Современные технологии стремительно интегрируются в сферу управления персоналом, формируя новую парадигму взаимодействия работодателей и работников. Эмпирические исследования демонстрируют, что одной из ключевых областей становится использование алгоритмов в автоматизации процессов принятия решений и оценки эффективности труда. Применение этой практики получило название «алгоритмическое управление» [1,2].

Алгоритмическое управление представляет собой форму организационного контроля, при которой ключевые управленческие функции – распределение задач, оценка эффективности, мониторинг производительности и даже дисциплинарные меры – реализуются посредством программных систем и алгоритмов анализа данных. В отличие от традиционных моделей менеджмента, где решения принимаются руководителями, здесь основную роль играют автоматизированные системы, обрабатывающие большие массивы данных о поведении работников и их производственных показателях.

Исследование Lee и соавторов показывает, что алгоритмические системы управления формируют новую модель взаимодействия между человеком и организацией. Работники часто взаимодействуют не с непосредственным руководителем, а с цифровой платформой, которая определяет их задачи, приоритеты и показатели эффективности. Это изменяет структуру организационной власти, поскольку контроль становится менее персонализированным и более автоматизированным [1].

Согласно результатам опроса, проведенного среди работников организаций, в которых используется алгоритмическое управление, 72% респондентов отмечают, что у них снижается чувство независимости в принятии решений относительно своего рабочего процесса. Постоянный мониторинг работы снижает чувство личной автономии [3].

Исследования в области информационных систем также подчеркивают двойственный характер алгоритмического управления. С одной стороны, цифровые платформы способны повысить эффективность распределения задач и снизить транзакционные издержки. С другой стороны, высокая степень алгоритмического контроля может приводить к усилению давления на работников и снижению их субъективного ощущения автономии [3].

Согласно результатам эмпирического исследования, 65% работников, которые подверглись опросу, отмечают, что у них повышается уровень тревожности и беспокойства в связи с необходимостью постоянного соответствия ожиданиям алгоритмических систем.

По мнению Benlian и соавторов, алгоритмическое управление характеризуется наличием как «светлых», так и «темных» сторон. К преимуществам относят повышение прозрачности оценки труда и снижение субъективности управленческих решений. Однако среди негативных эффектов исследователи выделяют усиление цифрового надзора, рост психологического давления и формирование состояния неопределенности, поскольку критерии оценки могут изменяться алгоритмом без явного объяснения работнику [3].

Эмпирические данные подтверждают наличие «парадокса автономии», в котором работник формально обладает выбором заданий и планированием своего рабочего времени, но фактически подчиняется алгоритмам, которые определяют его карьеру.

Концепция «парадокса автономии» была подробно рассмотрена Mazmanian и соавторами. Авторы показывают, что цифровые технологии, изначально предназначенные для расширения гибкости труда, на практике нередко приводят к усилению рабочей нагрузки и постоянной доступности сотрудников. В результате работники получают больше формальной свободы, однако одновременно возрастают ожидания их постоянной вовлеченности и оперативности реагирования [4].

В ходе эмпирического исследования, посвященного водителям такси, работающим через платформы типа Uber, установлено, что необходимость поддержания высокого рейтинга и соблюдения временных рамок заметно снижает степень свободы.

Подобные эффекты особенно ярко проявляются в платформенной экономике. Платформы используют системы рейтингов, автоматического распределения заказов и алгоритмического прогнозирования спроса. Эти механизмы стимулируют работников постоянно поддерживать высокий уровень производительности, поскольку даже неболь-

шое снижение рейтинга может привести к уменьшению количества заказов или временной блокировке аккаунта [2].

Дополнительный аналитический ракурс дают исследования в области трудового права и социологии технологий. Например, в работе Забелиной О.В. и Пилипчук Н.В. [5] алгоритмическое управление рассматривается как трансформация традиционных форм работодателя в сторону «распределенного цифрового субъекта управления», в котором формально работник несет ответственность за организацию своего труда, тогда как фактически платформы осуществляют управленческие функции.

Авторы подчеркивают, что в условиях платформенной занятости происходит размывание границ между самозанятостью и трудовыми отношениями. Платформы позиционируют работников как независимых исполнителей, однако одновременно применяют механизмы контроля, характерные для традиционного работодателя: устанавливают правила выполнения задач, контролируют качество работы и применяют санкции через алгоритмические системы [5].

С точки зрения Юдиной М.А. [6], в фокусе социологии технологий алгоритмическое управление может рассматриваться как социотехнический режим, в котором алгоритмы не только функционируют как инструменты управления, но и в определенной степени выступают как активные «акторы» организационного порядка.

Юдина отмечает, что алгоритмы в современных организациях выступают не просто инструментами обработки данных, но и элементами институциональной структуры управления. Они задают правила поведения, формируют систему ожиданий и создают новые формы дисциплинарной власти, основанные на анализе цифровых следов работников [6].

Подчеркивается, что алгоритмические системы способствуют формированию стандартизированных моделей поведения посредством системы метрик, рейтингов и предиктивной аналитики.

Использование метрик производительности приводит к тому, что сотрудники начинают ориентироваться на количественные показатели, даже если они не всегда отражают реальную ценность выполняемой работы. Это может приводить к так называемому «метрическому смещению», когда работники оптимизируют свои действия не для достижения организационных целей, а для повышения показателей, фиксируемых алгоритмической системой [3].

Это способствует к интернализации контроля: сотрудники начинают самостоятельно корректировать свое поведение, ориентируясь на прогнозируемые реакции системы. Следовательно, стресс не только становится продуктом внешнего наблюдения, но и результатом постоянной саморегуляции в условиях алгоритмической неопределенности.

Кроме того, внедрение алгоритмического управления оказывает определенное влияние на форму рабочего пространства: традиционные формы общения замещаются электронными платформами, что затрудняет формирование доверия как в коллективе, так и в отношениях с руководством [2]. Это приводит к чувству социальной изоляции и усилению эмоционального напряжения.

Исследования в области цифровой социологии показывают, что переход к платформенным формам взаимодействия снижает интенсивность неформальных коммуникаций между работниками. В результате уменьшается уровень социальной поддержки внутри коллектива, что может усиливать чувство изоляции и повышать уровень эмоционального напряжения [2].

Опрос показал, что 58% сотрудников ощущают себя менее вовлеченными в коллективные процессы после внедрения алгоритмического управления.

Таким образом, рассмотренные исследования показывают, что алгоритмическое управление влияет не только на структуру трудового процесса, но и на социальную динамику внутри организаций. Трансформация коммуникаций, усиление цифрового мониторинга и ориентация на количественные метрики формируют новую организационную культуру, в которой ключевую роль играют данные и алгоритмические оценки [1;3].

Следовательно, алгоритмическое управление представляет собой многоуровневый механизм управления, оказывающий комплексное воздействие на рабочую среду.

Современные исследования подчеркивают необходимость разработки новых подходов к регулированию алгоритмического управления. Это включает повышение прозрачности алгоритмов, обеспечение возможности оспаривания автоматизированных решений и разработку этических стандартов использования данных работников. Подобные меры могут способствовать снижению негативных психологических последствий и формированию более сбалансированной модели взаимодействия человека и алгоритмических систем управления [3;5].

Хотя технология может повысить эффективность труда, ее применение сопряжено с существенными рисками снижения автономии и увеличения стресса среди работников. Для минимизации негативных последствий необходимо разработать сбалансированное управление алгоритмическими системами, позволяющее поддерживать равновесие между управленческим контролем и свободой самореализации работников.

Литература

1. Lee, M.K., Kusbit, D., Metsky, E., & Dabbish, L. (2015). Working with machines: The impact of algorithmic and data-driven management on human workers. Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems, 1603–1612.
2. Jarrahi, M.H., Sutherland, W., Nelson, S.B., & Sawyer, S. (2019). Platformic management, boundary resources for gig work, and worker autonomy. Computer Supported Cooperative Work.
3. Benlian, A., Wiener, M., Cram, W.A., et al. (2022). Algorithmic management: Bright and dark sides, practical implications, and research opportunities. Business & Information Systems Engineering, 64(6), 825–839.
4. Mazmanian, M., Orlikowski, W.J., & Yates, J. (2013). The autonomy paradox: The implications of mobile email devices for knowledge professionals. Organization Science, 24(5), 1337–1357.
5. Забелина, О.В., Пилипчук, Н.В. (2025). Алгоритмическое управление трудом в сфере платформенной занятости: проблемы и перспективы регулирования. Российский журнал трудового права, Том 12, № 9, стр. 1–20.
6. Yudina, M.A. (2024). Algorithmic management in the focus of sociology of technology. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, Том 24, № 3, стр. 734–746.

ALGORITHMIC MANAGEMENT AS A NEW MODE OF CONTROL: HOW DIGITAL METRICS TRANSFORM EMPLOYEE AUTONOMY AND STRESS

Kovalevsky V.S., Kovalevskaya M.I.
Lomonosov Moscow State University

The article examines the impact of algorithmic management on employee autonomy and stress levels. Drawing on empirical research data, it explores mechanisms of digital control based on data collection and behavioral analytics. The study analyzes the consequences of implementing digital performance metrics for organizational culture and employees' psychological well-being. Particular attention is paid to the paradoxical nature of algorithmic freedom, which combines flexibility with intensified control.

Keywords: algorithmic management, digitalization of labor, control, autonomy, stress, performance metrics.

References

1. Lee, M. K., Kusbit, D., Metsky, E., & Dabbish, L. (2015). Working with machines: The impact of algorithmic and data-driven management on human workers. Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems, 1603–1612.
2. Jarrahi, M. H., Sutherland, W., Nelson, S. B., & Sawyer, S. (2019). Platformic management, boundary resources for gig work, and worker autonomy. Computer Supported Cooperative Wor.
3. Benlian, A., Wiener, M., Cram, W. A., et al. (2022). Algorithmic management: Bright and dark sides, practical implications, and research opportunities. Business & Information Systems Engineering_, 64(6), 825–839.
4. Mazmanian, M., Orlikowski, W.J., & Yates, J. (2013). The autonomy paradox: The implications of mobile email devices for knowledge professionals. Organization Science, 24(5), 1337–1357.
5. Zabelina, O.V., Pilipchuk, N.V. (2025). Algorithmic labor management in platform employment: Problems and prospects of regulation. Russian Journal of Labor Law, Vol. 12, No. 9, pp. 1–20.
6. Yudina, M.A. (2024). Algorithmic management in the focus of sociology of technology. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology, Vol. 24, No. 3, pp. 734–746.

Институт здравоохранения в социальном пространстве вузов Дальнего Востока: современные тенденции, вызовы и перспективы развития

Конобейская Анжела Владимировна,
аспирант, Высшая школа социальных и политических наук,
Тихоокеанский государственный университет
E-mail: kangel15@mail.ru

В статье анализируется роль здравоохранения как социального института и фактора сбережения здоровья студентов в образовательном пространстве вузов Дальнего Востока. Отмечается противоречие между государственными приоритетами развития человеческого потенциала в макрорегионе и реальными показателями здоровья молодежи. На основе результатов авторского опроса студентов дальневосточных вузов, а также анализа концепций (И.А. Гареева, И.В. Журавлева, П.Ф. Кику) обоснована необходимость переосмысления традиционных подходов к профилактическим мероприятиям в вузах, в частности, включения механизмов социального контроля и сервисного сопровождения. Подчеркивается, что реализация обновленных национальных проектов по сбережению здоровья в условиях Дальнего Востока требуют всестороннего включения медицинских сервисов в повседневные практики обучающихся. Сделан вывод, что университет становится базовой площадкой, способной обеспечивать сохранность здоровья молодого поколения региона.

Ключевые слова: институт здравоохранения, здоровый образ жизни, студенческая молодежь, социальное пространство вуза, Дальний Восток, сервисное сопровождение, человеческий капитал.

Введение

Несмотря на то, что укрепление человеческого потенциала официально признано стратегическим приоритетом развития Дальнего Востока, на практике реализация этих задач нередко сталкивается с серьезными барьерами. Прогрессирующее ухудшение состояния здоровья молодежи на фоне снижения численности данного сегмента общества вызывает сегодня обоснованное беспокойство [1, 16]. Так, за период с 2015 по 2025 гг. доля лиц наиболее продуктивного возраста в макрорегионе снизилась на 21,6% (с 481,4 до 377,2 тысяч человек) [6]. Социологические данные и официальная статистика свидетельствуют о том, что процесс сокращения молодежи в структуре населения Дальнего Востока идет более интенсивно, чем в среднем по России: 5,8% против 4,3% соответственно [4].

Особую значимость приобретает состояние здоровья студенческой молодежи, которое в современных социально-экономических условиях Дальнего Востока трансформируется из личного биологического ресурса в значимый элемент человеческого капитала региона. Адаптация студентов к новым условиям происходит ценой большого напряжения отдельных систем организма. По имеющимся данным, сегодня от 30 до 55% всего студенческого контингента дальневосточных вузов имеют хронические заболевания. При этом отмечается, что их здоровье к моменту окончанию высшего учебного заведения ухудшается [7].

Общероссийские и региональные исследования предоставляют данные о том, что современная структура причин заболеваемости студенчества определяется их образом жизни – как его объективными условиями, так и субъективным отношением к сохранению своего здоровья [16]. Именно поэтому в настоящее время формирование здорового образа жизни молодежи выступает приоритетным направлением государственной политики, что закреплено в обновленных национальных проектах России «Продолжительная и активная жизнь» и «Новые технологии сбережения здоровья» [13], а также стратегических концепциях и нормативных актах [21], включая Концепцию демографической политики Дальнего Востока [17].

Формирование привычек здорового образа жизни происходит внутри институциональной среды региона, где ведущая роль принадлежит семье, образованию, медицине и средствам массовой информации. В идеальной модели именно эти институты закладывают фундамент профилактического поведения, где институт здравоохранения, по определению А.В. Решетникова, выступает системообразующим звеном, задающим профессиональные стандарты и нормы для всех остальных общественных структур [18].

Однако на практике медицинское сопровождение часто остается формальным. Как отмечает профессор И.А. Гареева, ориентированная на лечение система здравоохранения игнорирует превентивные меры, из-за чего ответственность за здоровье студентов перекладывается на образовательные учреждения [1]. Вузы становятся основными площадками для формирования здорового образа жизни молодежи, восполняя дефицит профилактической медицины в регионе [5].

То есть, деятельность института здравоохранения в социальном пространстве вуза перестает быть вспомогательной. Она приобретает статус регулятора, обеспечивая воспроизводство здорового поколения. В социальном пространстве вуза эта деятельность осуществляется через две ключевые функции. Первая – социальный контроль, осуществляемый через мониторинг рисков, диспансеризацию и гигиеническое нормирование. Эти меры формируют у студентов нормативные представления о сохранении здоровья. Вторая функция – это сервисное сопровождение, которое обеспечивает доступность первичной профилактики и консультативной помощи непосредственно в месте обучения [18].

Теоретический анализ функций контроля и сервисного сопровождения позволил сформулировать гипотезы, проверка которых легла в основу нашего исследования, эмпирическую базу которого составили результаты социологического опроса, проведенного автором в 2024 году среди студентов крупнейших вузов Дальнего Востока (ТОГУ, ДВФУ, КнАГУ и др.). Общий объем выборочной совокупности составил 1068 человек. Исследование реализовано методом онлайн анкетирования с использованием квотной выборки, репрезентативной

по полу, курсу и профилю обучения респондентов. В ходе исследования анализировались самооценка здоровья, вовлеченность в практики здорового образа жизни и оценка эффективности работы вузовских медицинских подразделений.

Для Дальнего Востока с его климатическими условиями и удаленностью медицинских центров, университетское здравоохранение становится основным инструментом адаптации студентов. Все больше внимания здесь уделяется диагностической функции, а также развитию высокотехнологичных методов обследования, позволяющим выявлять заболевания на ранних стадиях [19]. Но несмотря на это, для молодежи данного региона качественная медицинская помощь часто остается труднодоступной, что ограничивает эффективность всей системы профилактики.

Результаты нашего исследования подтверждают эту проблему. Рост показателей заболеваемости среди учащейся молодежи свидетельствует о том, что институт здравоохранения перестал влиять на формирование активных самосохранительных стратегий [9]. Вместо системного воздействия на ценностные ориентации студентов, медицинские учреждения нередко оказывают помощь уже на стадии явных признаков заболевания. В этой связи формируется недоверие к официальной медицине: 52,1% респондентов в ситуации недомогания практикуют самолечение, игнорируя профессиональную помощь в пользу рекомендаций ближайшего социального окружения (40,5%) или из сети Интернет (5,9%).

На уровне высших учебных заведений предпринимаются попытки активизировать личностные ресурсы молодежи, но на практике усилия медицинских служб часто не приводят к качественному изменению образа жизни. В научных публикациях все чаще обсуждается необходимость создания таких моделей, которые изменили бы отношение студента к своему здоровью [7]. Однако важно выявить конкретные причины, по которым медицинская составляющая в вузах Дальнего Востока пока не становится значимым стимулом для формирования здорового образа жизни, оставаясь во многом формальной структурой.

В целом, на государственном уровне предпринимаются системные шаги по укреплению здоровья студентов, отраженные в нормативных документах. Еще в начале 2000-х годов профильным министерством предлагалось создание Центров содействия укреплению здоровья, а также внедрение специализированных лекционных курсов. Эти рекомендации легли в основу локальных стратегий многих вузов страны.

Масштабным примером такой институциональной поддержки стала Межвузовская научная программа формирования здорового образа жизни в медицинской среде (2017–2020 гг.), реализованная в рамках проекта «Здоровье каждого – богатство страны!». Участие в ней приняли ведущие вузы Москвы, Казани, Волгограда, Воронежа, Красноярска [11]. Результатом этого проекта стало создание многофункциональных моделей охраны здоровья, где медицинская помощь интегрирована в образовательную среду.

В ряде ведущих вузов (ВГМУ, ВолгГМУ, МГМУ) успешно функционируют академические центры здоровья и кабинеты психологической помощи, обеспечивающие студенту доступ к ранней диагностике и профилактике заболеваний. Эти структуры позволяют дифференцированно подходить к оздоровлению, с учетом психофизического состояния обучающегося Примером максимальной институциональной интеграции является опыт Ульяновского государственного университета (УлГУ), где созданный Центр медицины и экологии объединяет мощный научный потенциал с новейшими технологиями телемедицины [20].

Однако реальная практика показывает, что разрабатывать и реализовывать такие масштабные программы могут только крупные вузы, имеющие существенную поддержку со стороны государства [2]. Для большинства же университетов, особенно находящихся в удаленных регионах Дальнего востока, подобные модели все еще остаются недоступными из-за отсутствия необходимой базы и кадрового дефицита.

Значимым этапом институциональной поддержки стал Всероссийский конкурс «Вуз – территория здоровья», который побудил многие учебные заведения разрабатывать программы под собственные ресурсы и профиль. Успешным примером служит Оренбургский государственный университет (ОГУ), где мониторинг здоровья трансформировался в постоянную цифровую среду. Использование ИТ-технологий и элементов искусственного интеллекта позволяет вузу не только отслеживать состояние студентов, но и предлагать им индивидуальные маршруты оздоровления.

Опыт Ижевского (ИжГУ) и Ивановского (ИвГУ) государственных университетов демонстрирует схожий вектор развития с акцентом на управленческие механизмы. Профилактика здесь внедрена в учебный процесс через систему цифровых паспортов здоровья, что позволяет формировать персональные рекомендации на основе данных мониторинга. В такой системе социологический контроль перестает быть формальностью, становясь инструментом своевременного выявления рисков в молодежной среде [11].

При этом, сопоставление этих моделей с ситуацией на Дальнем Востоке выявляет серьезное отставание. Если в вузах западных регионов работа медицинских центров носит комплексный характер – от гигиенического просвещения до охраны репродуктивного здоровья, то в дальневосточных учебных заведениях единые модели профилактики практически отсутствуют. Как отмечает М.Ф. Рзянкина, в вузах ДФО подобные практики зачастую носят характер разовых экспериментов, не перерастая в постоянно действующую инфраструктуру по охране здоровья студентов [19].

В итоге мы наблюдаем выраженное ресурсное неравенство. В то время как в федеральных центрах внедряются современные медицинские технологии, в дальневосточных вузах часто отсутствует даже необходимая база для системной работы с молодежью. Студент зачастую остается без адресной поддержки, что подтверждается нашими данными, согласно которым 60,1% респондентов не видят ощутимого эффекта от текущих мер, принимаемых в вузе. Таким образом, декларируемая государственная поддержка здорового образа жизни на региональном уровне часто ограничивается дефицитом материальных возможностей как университета, так и самого обучающегося.

Рост числа участников всероссийских конкурсов и проведение масштабных студенческих форумов говорит о том, что на институт образования официально возложена задача по сохранению физического, психического и нравственного здоровья молодежи. Однако анализ мероприятий, осуществляемых в вузах Дальнего Востока, показывает, что за призовыми местами в смотрах и конкурсах часто скрывается преобладание краткосрочных форматов.

Так, в качестве примера, можно рассмотреть опыт Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ), регулярно входящего в число призеров участников Всероссийского конкурса «Вуз здорового образа жизни». Отсутствие собственной развитой инфраструктуры приводит к тому, что образовательная организация часто смещает акцент в формировании здорового образа жизни на проведение акций и флешмобов с привлечением специалистов-медиков [16].

Традиция проведения тематических круглых столов сохраняется в Амурском гуманитарно-педагогическом университете (АмГПГУ). Несмотря на участие психологов, наркологов и представителей медицинских центров, такие встречи носят характер разовых мероприятий по профилактике вредных привычек и зависимостей. Реализация данных программ напрямую зависит от профильных специалистов. Поэтому дефицит собственных врачебных кадров в технических и гуманитарных вузах вынуждает внедрять доступные формы профилактики [12]. Результаты нашего исследования также подтверждают преобладание эпизодических форм работы в вузах. Студенты чаще всего указывали на проведение семинаров и лекций о поведенческих рисках (40,5%), разовых встречах со специалистами (22,3%), массовых профилактических акциях, таких как «День здоровья» и другие (16,2%).

Несмотря на то, что привлечение специалистов из региональных медицинских центров повышает качество просветительской работы за счет их компетенции, все же приглашенный эксперт остается внешним участником, не включенным в повседневную жизнь вуза. В результате после завершения лекции студенты лишены оперативной обратной связи, а возникающие вопросы остаются без ответов. Это подчеркивает институциональную разобщенность вуза и системы здравоохранения, где профилактика не перерастает в постоянное сопровождение [8].

Анализ практики дальневосточных вузов позволяет выделить группу медицинских учебных заведений, где работа по сохранению здоровью выстроена наиболее системно. Так, в Амурской государственной медицинской академии (АГМА) и Дальневосточном государственном медицинском университете (ДВГМУ) реализуются долгосрочные программы, направленные на создание единых информационных баз и проведение лечебно-профилактических мероприятий. Важным преимуществом данных вузов является наличие собственной клинической базы в АГМА, а также диагностических и стоматологических подразделений в ДВГМУ, что позволяет не просто декларировать ценности здорового образа жизни, но и обеспечивать студентов системной помощью непосредственно в образовательной среде [14].

Добровольческое движение также помогло направить потенциал студентов на решение региональных задач профилактики. На базе ТГМУ (г. Владивосток), ДВГМУ (г. Хабаровск), АГМА (г. Благовещенск), ДВФУ (Владивосток) созданы региональные штабы, которые превращают просветительскую работу в социальную практику. Это способствовало тому, что вузы становятся активными участниками массовых

медицинский акций [10]. Будущие медики не только осваивают теорию, но и транслируют ценности здоровья населению.

Но такая модель интеграции медицины и образования остается характерной чертой лишь профильных вузов. Успех профилактических программ во многом обеспечен специальной подготовкой самих студентов и наличием ведомственных клиник. Для большинства гуманитарных и технических университетов региона такие ресурсы недоступны, а их взаимодействие с системой здравоохранения часто ограничивается лишь формальными осмотрами. Это подтверждается и данными опроса, которые показали, что лишь 40,1% студентов отмечают проведение медосмотров, 14,3% – флюорографическую диагностику, 12,2% – вакцинацию, а диспансерное обследование отметили всего 4,7%. Примечательно, что каждый четвертый опрошенный (25,6%) вообще не слышал о проведении подобных мероприятий в своем вузе. Поэтому неудивительно, что почти 61% опрошенных не чувствуют поддержки своего здоровья со стороны учебного заведения.

Заключение

Таким образом, институт здравоохранения на Дальнем Востоке неравномерно влияет на формирование здорового образа жизни студентов. Несоответствие между федеральными задачами и их реализацией на местах приводит к тому, что системная профилактика замещается разовыми мероприятиями. Если в профильных медицинских центрах (ДВГМУ, АГМА) охрана здоровья встроена в образовательную среду, то для большинства технических и гуманитарных университетов она остается внешней процедурой. Привлечение сторонних специалистов не решает проблему, так как отсутствие постоянного медицинского персонала в штате вуза лишает студента оперативной обратной связи. Низкая осведомленность и дефицит адресной помощи делают принимаемые меры малоэффективными.

Преодоление ресурсного неравенства требует перехода от эпизодического контроля к созданию постоянной системы наблюдения и внедрению цифровых сервисов [7]. Это позволит заменить формальные разовые осмотры адресным подходом, при котором медицинское сопровождение учитывает состояние конкретного студента. Доступные цифровые каналы связи помогут сократить дистанцию между врачом и обучающимся, переводя отчетные мероприятия в практическую помощь по сбережению здоровья молодежи Дальнего Востока.

Литература

1. Гареева, И.А. Здоровый образ жизни студенческой молодежи как социальная ценность // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 4 (93). – С. 136–144.

2. Горбунов, В. И., Вознесенская, Г. В., Романова, М.В. Опыт формирования здоровьесберегающей среды в Ульяновском государственном университете // Ульяновский медико-биологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 118–128.

3. Грицина, О.П. Состояние здоровья детей и подростков дальневосточного федерального округа / О.П. Грицина, А.К. Яценко, Л.В. Транковская [и др.] // Российский вестник гигиены. 2023. № 4. С. 29–34.

4. Демографический ежегодник России. 2023: Стат.сб. / Росстат. – М., 2023. – 256 с.

5. Журавлева, И. В., иванова, Л.Ю. Студенты: поведенческие риски и ценностные ориентации в сфере здоровья // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 132–148.

6. Здравоохранение Дальнего Востока. № 2. 2025. URL: https://zdrav.ipksz.ru

7. Кику, П.Ф. Оценка влияния факторов образа жизни на здоровье студентов Дальнего Востока / П.Ф. Кику, Л.В. Веремчук [и др.] // Здоровье населения и среда обитания. – 2021. – № 5 (338). – С. 22–27.

8. Киреева, Г.В. Доступность и качество медицинской помощи в оценках студенческой молодежи Приморского края // Теория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2022. – Т. 14., № 3. – С. 185–198.

9. Киреева, Г.В. Самосохранительное поведение молодежи в цифровой среде университета: барьеры и противоречия // Социодинамика. – 2024. – № 2. – С. 25–38.

10. Кузнецов, В.В. Роль медицинского волонтерства в формировании профессиональных компетенций и культуры здоровья студентов ТГМУ // Титовские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. – Владивосток: Изд-во ТГМУ, 2023. – С. 44–48.

11. Межвузовская программа формирования здорового образа жизни студентов, профилактики и контроля заболеваемости в молодежной среде на период 2017–2020 г. URL: http://sovetrektorov.ru/upload/iblock/ea3/f.

12. Междисциплинарный круглый стол «Здоровье молодежи – будущее России» прошел в АмГПГУ [Электронный ресурс] // Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет: официальный сайт. – 2024. – 12 апр. – URL: // https://amgpgu.ru (дата обращения: 02.03.2026).

13. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. – URL: https://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.09.2025).

14. Охрана и укрепление здоровья студентов ФГБОУ ВО Амурская ГМА: программа по оздоровлению и пропаганде здорового образа жизни: [электронный документ]. – Благовещенск: Амурская ГМА. [2024]. – URL: https://amurgma. ru (дата обращения: 24.02.2026).

15. Рабочая программа воспитания ФГБОУ ВО «БГПУ» на 2025/2026 учебный год: [электронный документ]. – Благовещенск: БГПУ, 2025. – URL: www.bgpu.ru (дата обращения: 25.02.2026);

16. Ракицкая, Е.В. Здоровье подростков Дальневосточного федерального округа: современные тенденции, вызовы и пути преодоления // Дальневосточный медицинский журнал. – 2022. – № 3. – С. 72–80.

17. Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 N 1298-р (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». URL: http://government.ru/docs/28228/ (дата обращения 10.12.2024).

18. Решетников, А.В. Социология медицины: учебник / А.В. Решетников. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2021. – 368 с.

19. Рзянкина, М. Ф., Москвин, А.А. Формирование у студентов дальневосточных вузов установок на здоровый образ жизни // Известия ТулГ У. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 116–125.

20. Стаценко, М. Е., Федотов, С.В. Роль Центра здоровья в формировании мотивации к здоровому образу жизни у студентов медицинского вуза // Вестник ВолгГМ У. – 2022. – № 3 (83). – С. 142–150.

21. Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326 (дата обращения: 24.03.2025).

THE INSTITUTE OF HEALTHCARE IN THE SOCIAL SPACE OF UNIVERSITIES IN THE FAR EAST: CURRENT TRENDS, CHALLENGES, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Konobeyskaya A.V.
Pacific National University

Introduction. The article analyzes the role of healthcare as a social institution and a factor in preserving student health within the educational environment of Far Eastern universities. It highlights a contradiction between state priorities for human potential development in the macro-region and the actual health indicators of the youth. Based on the results of the author's survey of students at Far Eastern universities, as well as an analysis of concepts by I.A. Gareeva, I.V. Zhuravleva, and P.F. Kiku, the study substantiates the need to rethink traditional approaches to preventive measures in higher education. Specifically, it emphasizes the inclusion of social control mechanisms and service support. It is emphasized that the implementation of updated national health preservation projects in the Far East requires the comprehensive integration of medical services into the daily practices of students. The study concludes that the university is becoming a foundational platform capable of ensuring the health preservation of the younger generation in the region.

Keywords: healthcare institute, healthy lifestyle, student youth, university social space, Far East, service support, human capital.

References

1. Gareeva, I.A. Healthy lifestyle of student youth as a social value // Power and administration in the East of Russia. – 2020. – No. 4 (93). – P. 136–144.

2. Gorbunov, V. I., Voznesenskaya, G. V., Romanova, M.V. Experience of forming a health-preserving environment at Ulyanovsk State University // Ulyanovsk Medical and Biological Journal. – 2021. – No. 1. – P. 118–128.

3. Gritsina, O.P. Health status of children and adolescents in the Far Eastern Federal District / O.P. Gritsina, A.K. Yatsenko, L.V. Trankovskaya [et al.] // Russian Bulletin of Hygiene. 2023. No. 4. – P. 29–34.

4. Demographic yearbook of Russia. 2023: Statistical collection / Rosstat. – M., 2023. – 256 p.

5. Zhuravleva, I. V., Ivanova, L. Yu. Students: Behavioral Risks and Value Orientations in Health // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – P. 132–148.

6. Healthcare of the Far East. No. 2. 2025. URL: https://zdrav.ipksz.ru.

7. Kiku, P.F. Assessing the Impact of Lifestyle Factors on the Health of Students in the Far East / P.F. Kiku, L.V. Veremchuk [et al.] // Population Health and Habitat. – 2021. – No. 5 (338). – P. 22–27.

8. Kireeva, G.V. Availability and Quality of Health Care as Assessed by Student Youth in Primorsky Krai // Theory of New Possibilities. Bulletin of Vladivostok State University. – 2022. – Vol. 14., No. 3. – P. 185–198.

9. Kireeva, G.V. Self-preservation behavior of young people in the digital environment of the university: barriers and contradictions // Sociodynamics. – 2024. – No. 2. – Pp. 25–38.

10. Kuznetsov, V.V. The role of medical volunteering in the formation of professional competencies and a health culture of TSMU students // Titovskie readings: materials of the regional scientific and practical conference. – Vladivostok: TSMU Publishing House, 2023. – Pp. 44–48.

11. Interuniversity program for the development of a healthy lifestyle among students, prevention and control of diseases among young people for the period 2017–2020. URL: http://sovetrektorov.ru/upload/iblock/ea3/f.

12. Interdisciplinary round table "Youth Health – the Future of Russia" was held at Amur State Pedagogical University [Electronic resource] // Amur State University of Humanities and Pedagogical Sciences: official website. – 2024. – April 12. – URL: // https://amgpgu.ru (date of access: 02.03.2026).

13. "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036": Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309. – URL: https://publication.pravo.gov.ru (date of access: 24.09.2025).

14. Protection and improvement of health of students of FGBOU VO Amur State Medical Academy: program for health improvement and promotion of a healthy lifestyle: [electronic document]. – Blagoveshchensk: Amur State Medical Academy. [2024]. – URL: https://amurgma. ru (date of access: 24.02.2026).

15. Working program of education of FGBOU VO "BSPU" for the 2025/2026 academic year: [electronic document]. – Blagoveshchensk: BSPU, 2025. – URL: www.bgpu.ru (date of access: 25.02.2026).

16. Rakitskaya, E.V. Adolescent Health in the Far Eastern Federal District: Current Trends, Challenges, and Ways to Overcome Them // Far Eastern Medical Journal. – 2022. – No. 3. – P. 72–80.

17. Order of the Government of the Russian Federation of June 20, 2017 N 1298-r (as amended on November 29, 2023) "On Approval of the Concept of the Demographic Policy of the Far East for the Period through 2025". URL: http://government.ru/docs/28228/ (date of access December 10, 2025).

18. Reshetnikov, A.V. Sociology of Medicine: Textbook / A.V. Reshetnikov. – Moscow: GEOTAR-Media, 2021. – 368 p.

19. Rzyankina, M. F., Moskvin, A.A. Formation of Healthy Lifestyle Attitudes in Students of Far Eastern Universities // Bulletin of Tula State University. Humanities. 2025. Issue 1. P. 116–125.

20. Statsenko, M. E., Fedotov, S.V. The Role of the Health Center in Forming Motivation for a Healthy Lifestyle among Medical University Students // Bulletin of VolGM U. – 2022. – No. 3 (83). – P. 142–150.

21. Decree of the President of the Russian Federation of June 6, 2019 No. 254 "On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation through 2025". URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326 (date of access: 03/24/2025).

Обоснование критериев оценки влияния интернет-контента на современную российскую молодёжь

Крупенко Мария Анатольевна,
магистр, соискатель, независимый исследователь
E-mail: mmmasha1999@yandex.ru

Статья посвящена изучению обоснования и выявления критериев оценки влияния интернет-контента на современную российскую молодежь. Цель исследования – рассмотреть и обосновать основные критерии оценки влияния интернета в отрыве от популярного стереотипа вредоносной информации в интернете. Усиление процессов цифровизации, внедрение современных ИКТ во все аспекты жизнедеятельности личности радикально изменило структуру общества и предопределило возникновение как новых возможностей, так и новых вызовов. Сам факт скоростного и многопотокового потребления информации значительно повлиял на уклад жизни, процессы труда и отдыха, учебы и трудоустройства. Под влиянием усиления процесса цифровизации, проникновения ИКТ осуществляется кардинальное изменение всех аспектов жизнедеятельности личности. При этом, проблема разработки, обоснования системы критериев, которые позволят осуществлять оценивание влияния интернет-контента на поведение личности, на сегодняшний день остается нерешенной. Трудности связаны с противоречивостью самого процесса оценивания, который субъективен по своей сути, сложностью информационных сообщений в сети, а также различиями самих пользователей. Одна и та же информация может приводить к личностному росту одного и вызвать психологическую травму у другого. Решение проблемы обоснования критериев оценивания контента видится в учете его влияния на психологическое состояние, выбор тех или иных стратегий поведения конкретных групп молодых пользователей.

Ключевые слова: Интернет-контент, современная молодежь, клиповое мышление, скорость восприятия, «деструктивный» контент.

Вопрос о влиянии интернет-контента на молодёжь рассматривается в отечественной и зарубежной науке практически с момента появления интернета как коммуникационной сети, в которой размещается максимальный объем информации и присутствует возможность общения между людьми, находящимися в различных географических точках. Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена тем фактом, что «влияние интернета как средства массовой коммуникации на молодёжь России исследовано фрагментарно и еще системно не осмыслено» [1, с. 185]. Вместе с тем бытуют стереотипные представления, часто тиражируемые в средствах массовой информации, об интернете как источнике негативной и деструктивной информации, пропаганды различных отрицательных явлений и тенденций и пр.

Так, С.Н. Мартышенко отмечает, что «интернет предоставляет для молодёжи не только новые возможности, но и несет новые угрозы. Вместе с неоспоримым преимуществом интернета, таким, как быстрый доступ к информации, дистанционное обучение и многое другое, при активном использовании виртуальных средств массовой коммуникации в молодёжной среде наблюдаются различные формы девиантного поведения, а также социально-психологическая деформация личности. Растет количество молодых пользователей интернета, у которых наблюдаются определённая потеря связи с реальным миром, информационные перегрузки, технострессы» [1, с. 186]. Е.В. Бродовская и соавторы выделяют различные стратегии поведения молодёжи в интернете, отмечая среди них, в том числе, деструктивные [2], а Е.И. Климушко, опираясь на студенческую молодёжь, выделяет факторы позитивного и негативного бытования молодого человека в интернете [3], среди которых преобладает так называемое «клиповое мышление». Последнее является ключевым фактором подверженности молодёжи так называемому «информационному шторму» – молодые люди легко поддаются внешнему влиянию, воспринимают информацию некритически, часто руководствуются в своих решениях непроверенными источниками [4].

Вопрос об анализе интернет-контента приобретают особенную актуальность в связи с его значимым влиянием на социализацию молодёжи: отмечается появление интернет-«затворников», людей, которые практически не выходят во внешний мир, не общаются ни с кем непосредственно (только с помощью мессенджеров и онлайн-приложений), не выходят даже в магазины, используя доставку еды и всех необходимых товаров на дом [5].

Одним из наиболее важных критериев, радикально определяющим отношение к информации, ее потреблению и передаче, является так называемое «клиповое мышление», под которым подразумевается восприятие многопотоковой информации (одновременное общение в мессенджерах, написание текста, просмотр фильма, прослушивание музыки и пр.) и неспособность сосредоточиться на каком-либо одном потоке информации более 7–10 секунд.

Понятие «клипового мышления» было сформулировано задолго до повсеместного распространения информационных источников. Первым о мозаичности мышления современного человека заговорил французский социолог Абраам Моль в исследовании «Социодинамика культуры» [6], причём на тот момент такое восприятие и осмысление мира было связано отнюдь не с постоянным присутствием в руках человека смартфона, а с распространением средств массовой информации, в частности телевидения, искажающих естественное восприятие и формирование картины мира. Человек «до-телевизионной» эпохи видел и воспринимал как важное, существенное, неотчуждаемое то, что он видит своими глазами и переживает сам, а также формируемый его воображением мир, основанный на прочитанных им текстах. У начитанных и глубоко погруженных в текст людей, таких, как люди из высшего общества, уделяющие большое время чтению, мог происходить некоторый перекос: вымышленный мир казался им более реальным, чем мир, окружающий их. Об этом, к примеру, упоминает Умберто Эко [7], говоря о большей реальности прочитанного текста по сравнению с окружающим миром. Однако следует помнить, что такое восприятие мира не было ведущим, а было свойственно лишь ограниченному кругу людей, погружённых в чтение книг.

Телевидение, в отличие от письменного текста, не требует использования семиотического декодирования, позволяя воспринимать ин-

формацию непосредственно, в виде визуального ряда, не используя воображение. Если до массового распространения телевидения человек визуально воспринимал знакомых ему людей (своих близких, коллег, соседей и пр.), имеющих непосредственное влияние на его жизнь, то феномен телевидения привел к распространению визуального восприятия посредством современных технологий людей, которые в реальности человеку не знакомы и могут никогда ему не встретиться (популярные певцы, телезвёзды, актеры и пр.). Это приводит к искажению приоритетов и зарождению мозаичного мышления: используя СМИ как основной источник знаний о мире, человек может интересоваться судьбой киногероя, переживать о семейных неурядицах популярного актера или певца, которые, по факту, никак не влияют на его жизнь.

Углубление мозаичного мышления и перерождение его в клиповое следует связать с зарождением и развитием всеохватного информационного поля, которое представляет собой интернет. Тенденция, основы которой были заложены распространением телевидения, стала развиваться еще более активно: современные технологии дают возможность визуально воспринимать не только жизнь телезвёзд, но и жизнь самых обычных людей, имеющих свой блог, выкладывающих фото и видео в социальные сети, ведущих прямые эфиры и пр. При этом виртуальный мир становится, в некотором смысле, реальнее, чем непосредственно реальный мир: всё большее количество людей посвящает своё время погружению в социальные сети, в ущерб непосредственному контакту с родственниками, друзьями и коллегами. Ключевым моментом в развитии этой тенденции стало распространение компактных устройств выхода в интернет: планшетов и смартфонов. Телевидение как способ передачи информации предполагало «точку входа» в информационное поле: человек не мог носить телевизор с собой повсюду, а погружался в его контент только в то время, когда, к примеру, находился дома и отдыхал от работы. Смартфон дезавуировал само понятие «точки входа» в виртуальный мир: человек находится в информационном поле практически круглосуточно, при этом постоянно переключаясь от одного типа информации к другому.

Формирование клипового мышления повлияло на другие формы информации и изменило подачу материала на телевидении и в кинематографе. Современный фильм с точки зрения монтажа сам напоминает видеоклип: быстрое переключение планов и кадров создает эффект «мелькания». То же можно наблюдать и в телепередачах: современная манера съемки предполагает постоянную смену визуального ряда: речь ведущего перебивается вставками фотографий или видео, мнением эксперта, другими фрагментами, переключающими внимание. Такая тактика проникла даже в письменный текст, там, где его восприятие в электронном формате позволяет подстроиться под особенности прочтения современным человеком: в так называемый «лонгрид» вставляются фотографии, инфографики, видеофрагменты и пр.

Соответственно, одним из главнейших критериев влияния интернета на современную молодежь становится скорость и динамика восприятия информации, проникающая во все сферы образования и взаимодействия с молодыми людьми.

В то же время, необходимо отметить, что на сегодняшний день единство в понимании и обосновании критериев оценки влияния интернет-контента на личность отсутствует. В религиозных обществах критерии оценки смыслового содержания задавались религиозными догматами [8]; в светских государствах отражаются в нормах общественной морали и права, сформированных в результате культурно-исторического развития социума [9; 10; 11]. Однако сегодня в условиях постинформационного, как отмечают исследователи, обоснование критериев оценивания влияния интернет-контента становится актуальной проблемой, поскольку «без системы критериев оценки информации народ «рассыпается» в состояние населения» [12; 13, с. 278]. Иными словами, обоснование системы критериев, которые позволят оценить влияние интернет-контента на сознание молодежи, становится необходимым условием выживания и поступательного эволюционного развития российского общества и государства.

Высокая значимость и актуальность заявленной проблематики сопровождается не менее высокой трудностью выявления и обоснования такой системы. Разумеется, речь не идет об относительно простой оценке контента, который, к примеру, нарушает нормы действующего законодательства, ряда международных нормативных актов. В такой ситуации размещенная информация однозначно оценивается как негативная, оказывающая деструктивное воздействие на личность и должна быть удалена.

Однако уже на уровне соответствия контента моральным нормам возникают противоречия: то, что позитивно оценивается, оказывает позитивное влияние на одних, может оказывать прямо противоположное влияние на других. О.С. Иванов с соавторами приводит пример размещения на видеохостинге «YouTube» роликов с препарированием трупов. Как отмечают исследователи, «по влиянию на психическую сферу среднестатистического человека подобная информация – это сильный эмоциогенный (вплоть до дистрессогенности и психологической травмы) материал, способный в отдельных случаях привести зрителя к аффективным реакциям и длительному нарушению психического благополучия» [13, с. 279]. Но эти же материалы могут использоваться в образовательных целях, готовить, например, судмедэкспертов качественно выполнять свою работу. Т. е. одна и та же информация может стать причиной психологической травмы одного пользователя и профессионального роста другого.

Во многом противоречивость оценки информации обусловлена ее сущностью, оценка – «приписывание положительных или отрицательных свойств объекту речи» [14, с. 7]. Иными словами, она чаще всего субъективна, зависит и от особенностей контента, и от личностных особенностей реципиента, и от условий протекании коммуникативной ситуации, и от контекста. В свою очередь, противоречивый характер оценки существенно затрудняет обоснование критериев для оценивания влияния контента на сознание молодежи.

Существенные трудности с выработкой критериев обусловлены также сущностью интернет-контента: современные информационные сообщения – это синтез различных семиотических систем, в его создании принимают участие текст, видео, графика, звук. Более того, в сообщении можно условно выделить главное и фон, «второй план». Соответственно, в процессе оценивания следует уделить внимание и главному, сообщению и «второму плану». При этом, их зачастую сложно разграничить, не то, что оценить.

В процессе разработки критериев оценивания влияния контента на молодых людей следует учитывать характер информации, возможности ее влияния на пользователей. В наиболее общем виде вся информация, весь контент, размещенный в сети, может быть условно сведен к «деструктивному» («токсичному», «вредоносному»), конструктивному («саногенному») [13]. Отдельно следует подчеркнуть, что нейтрального контента не существует. В рамках данного исследования мы придерживаемся позиции, сформулированной О.С. Ивановым с соавторами, согласно которой ««нейтральной» информации не существует, поскольку всякая информация, с которой субъект так или иначе соприкоснулся, «записывается» в структуре нейронной сети его мозга и, вне зависимости от степени её осознанности личностью и доступности на уровне сознания субъекта, неизбежно влияет на его мышление, мировосприятие и поведение. То есть влияет на психическое здоровье человека и его поведение» [13, с. 278].

Соответственно, представляется возможным на основании учета критерия влияния на личность реципиента говорить о негативном, позитивном влиянии контента на сознание молодых людей. Однако даже такая максимально простая схема оценивания влияния интернет-контента на поведение личности не упрощает решения проблемы обоснования критериев для реализации процедур оценивания.

Условно, в качестве критериев, позволяющих позитивно оценить влияние интернет-контента на самосознание, поведение молодых людей, можно назвать те, которые отражают личностное развитие, формирование социально одобряемых личностных качеств. В данном случае к таким критериям могут быть отнесены показатели уровня сформированности информационной грамотности, навыков критического осмысления информации, представленной в сети, профессионального и личностного развития. В качестве критериев позитивного оценивания влияния интернет-контента на молодежь может также выступать вовлеченность в деятельность просоциальных молодежных течений, включая, к примеру, волонтерство, участие в социально полезных видах общественной деятельности и т.д. При этом, обоснование и разработка критериев оценивания влияния интернет-контента должна учитывать особенности молодежи как социально-демографической группы, а также регион, сферу деятельности молодых людей. К примеру, в качестве критериев, позволяющих сделать вывод о положительном влиянии контента на студенческую молодежь, могут выступать свидетельствующие о повышении уровня усвоения знаний, умений и навыков в процессе обучения. Для работающей молодежи критерии, позволяющие сделать вывод о положительном влиянии контента, могут быть представлены теми, которые отражают развития профессиональных компетенций, компетентности в целом.

В качестве критериев, позволяющих сделать вывод о негативном влиянии интернет-контента на молодых людей, следует назвать те, которые влекут за собой формирование асоциальных, антисоциальных стратегий поведения личности. Иными словами, в качестве критериев, позволяющих сделать вывод о негативном влиянии интернет-контента на самосознание личности, следует назвать показатели ухудшения личностного состояния или дестабилизации системы взаимодействий личности с окружающей социокультурной средой. К сожалению, при-

меров негативного влияния интернета множество, начиная от печально известного «Синего кита»[1] [15] до уже неоднократно обсуждавшейся в научной (и не только) литературе роли интернета, социальных сетей в «цветных революциях» [16, с. 70]. В качестве критериев, которые могут быть использованы для реализации негативного оценивания влияния интернет-контента на молодежь, можно назвать ухудшение эмоционального состояния личности, стремление к уходу в себя, изоляции от внешнего мира. Часто испытывают стремление избежать общения, остаться наедине с собой 72% молодых людей [20]. Все чаще человек живет не в реальном, но в медийном пространстве, что сопровождается изоляционизмом, отчужденностью личности от общества, влечет за собой риски интернет-аддикции, возникновения депрессий, негативных эмоциональных переживаний.

К негативным последствиям влияния интернет-контента, погружения молодого человека в виртуальный мир следует также отнести снижение уровня эмпатии, способности личности проявлять сочувствие к другим [17], крайне выраженный эгоизм личности.

Интернет-сообщества сегодня могут выступать пространством для анонимного распространения самого различного контента, для объединения людей, преимущественно молодого возраста, в антисоциальные течения. Информационные площадки сегодня могут использоваться для пропаганды девиантного способа жизни, вовлечения молодых людей в противозаконную деятельность, в деятельность различных сетевых сообществ. Как отмечают исследователи, «в условиях отсутствия или слишком размытых (что на практике равнозначно отсутствию) критериев «нормы» возникают ситуации, когда ссылаясь на «права человека», «общеевропейские ценности» и «большую значимость для общества» толерантной модели поведения, в коллективное бессознательное активно внедряется мысль, что девиации – это не просто варианты нормы, но и чуть ли не образцы для подражания» [13, с. 278; 18]. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что вышесказанное не обозначает необходимости «закручивания гаек», нарушения «прав человека» и т.д., но еще раз наглядно отображает актуальность разработки критериев оценивания контента.

К сожалению, часто противоречивый контент, например, информация об ЛГБТ-сообществах[2] вызывает осуждение одной части населения и защиту со стороны другой: «попытки отдельных лиц и объединений граждан публично заявлять о своих опасениях по поводу бесконтрольной рекламы и пропаганды в СМИ различных девиаций среди широких слоёв населения встречают, порой яростное, сопротивление и активное противодействие со стороны бенефициаров такой рекламы и пропаганды» [13, с. 278]. Т. е. в качестве критерия, который позволит оценить контент как деструктивный, можно назвать нацеленность на разделение, усиление стратификации общества.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что критерии для реализации как позитивного, так и негативного оценивания влияния интернет-контента на самосознание и поведение личности будут существенно отличаться в зависимости от группы молодежи, на которую оказывает влияние анализируемый и оцениваемый контент. Сама проблема разработки совокупности критериев, которые позволили бы осуществить однозначное оценивание влияния как позитивное или деструктивное, на сегодняшний день является нетривиальной задачей, которая, к сожалению, пока еще не разрешена [13, с. 277].

Причем, важно подчеркнуть, что непосредственно технические аспекты распознавания «деструктивного», «токсичного» контента не вызывают проблем: «современные технические средства измерения физических параметров объектов, процессов и явлений позволяют в качественной и количественной форме охарактеризовать комплексы этих параметров: длительность непрерывного предъявления контента; частота мелькания (монитора); соотношение пиксельных областей разных цветовых тонов на изображениях; контраст; яркость; контуры разных объектов на изображении и их взаимные перемещения во времени (смена сюжетов на кадрах); частота кадров; соотношение графического, видео- и символьного (текстового) содержимого на дисплее и т.д.» [13, с. 276; 19]. Основная проблема связана с неоднозначностью семантического наполнения и восприятия контента, отличиями воздействия на личность реципиента, существенными отличиями самих молодых людей.

Т. е. проблема разработки критериев оценивания влияния интернет-контента на личность молодого человека может быть решена исключительно при учете особенностей каждой отдельной группы молодежи.

К примеру, в качестве критериев, которые позволят сделать вывод о положительном влиянии интернета на молодого человека, обучающегося в языковом вузе, можно назвать следующие:

1) установление дистанционного общения, конструктивной коммуникации с представителями страны изучаемого языка;

2) вовлеченность в деятельность образовательных и профессиональных сообществ в сети;

3) повышение уровня сформированности знаний, умений и навыков, связанных с последующей реализацией профессиональной деятельности на основании взаимодействия с другими обучающимися, специалистами;

4) вовлечение в просоциальные движения, например, организация взаимодействия с волонтерскими организациями страны изучаемого языка.

Разумеется, указанными критериями все совокупность признаков, которые позволят сделать вывод о положительном влиянии контента на сознание личности, не ограничивается, приведены лишь наиболее очевидные показатели.

В целом, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что общепризнанным фактом в современной научной литературе является противоречивое влияние интернета на жизнь российского и глобального социума. Цифровизация, ИКТ давно стали неотъемлемой частью нашей повседневности, кардинально преобразовав каждый аспект жизнедеятельности. Наряду с огромными преимуществами, которые дает интернет для обучения, образования, трудоустройства, участия в жизни социума, общения, развлечений, он же влечет за собой существенные угрозы и риски. Более того, эти риски настолько масштабны и глубоки, что могут повлечь за собой утрату государственности как таковой. При этом, несмотря на огромное множество работ, направленных на изучение положительных и отрицательных эффектов цифровизации, по сегодняшний день проблема обоснования системы критериев для реализации однозначного оценивания влияния как положительного, конструктивного или отрицательного, деструктивного остается не разрешенной. Причем, трудности связаны не с техническими параметрами, аспектами информации и особенностей ее репрезентации, а непосредственно с семантическими, а также отличиями самих пользователей сети. То, что оказывает положительное влияние на одного, могут вызвать психологическую травму у другого. Все это существенно затрудняет разработку систему критериев оценивания влияния интернет-контента на личность молодого человека. Разрешение указанной проблемы представляется возможным при максимально полном учете каждой отдельной молодежной группы, а также выявления критериев, которые позволят оценить поведенческие стратегии личности, обусловленные влиянием интернет-контента, как социально одобряемые или социально порицаемые. Т. е. следующим этапом работы должно стать выявление целевой группы молодых людей, последующая разработка системы критериев.

Литература

1. Мартышенко С.Н. Влияние интернета на формирование коммуникационной среды современной молодежи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 185–189.

2. Молодежь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-поведения / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма [и др.] // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 1. С. 37–58.

3. Климушко Е.И. Исследование отношения студенческой молодежи к интернет-коммуникации // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2019. № 19–3. С. 158–165.

4. Старицына О.А. Клиповое мышление как условие успешности информационных войн // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 335–339.

5. Чванова М.С., Анурьева М.С., Киселева И.А. Влияние интернета на социализацию молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 5 (169). С. 23–36.

6. Моль А. Социодинамика культуры. М.: ЛКИ, 2008. 416 с.

7. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. – URL: http://www.gumer. info/bibliotek_ Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (дата обращения: 24.10.2024).

8. Маликов Р.И. Завещания татарских мулл и раздел наследства прихожан по канонам мусульманского права в среднем Поволжье в конце XIX – начале XX века// Манускрипт. 2020. Т. 13. № 1. С. 33–38.

9. Афаунов А.З., Чхвимиани Э.Ж., Данилов Д.*В*. Правовой менталитет Российского общества: особенности генезиса, тенденции изменений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 175–179.

[1] Символика, связанная с «игрой», запрещена в РФ.

[2] Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений запрещена в РФ.

10. Карнаушенко Л.В. Влияние национального менталитета на правовой менталитет жителей России // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 106–110.

11. Светлана С.В. Права и свободы человека в Российской Федерации и их защита органами исполнительной власти в контексте духовно-культурной безопасности личности, общества и государства: мировоззренческий выбор. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019 № 6 (58). С. 104–115. doi:10.17803/2311-5998.2019.58.6.104-115.

12. Круглов А.В. Социальная толерантность и социальная нетерпимость: теоретико-методологическая концептуализация// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 1. С. 40–42.

13. Обоснование критериев оценки влияния интернет-контента на психологическое здоровье потребителя информации/ О.С. Иванов, С.В. Пилькевич, К.О. Гнидко [и др.] // Социология. 2020. № 5. С. 275–282.

14. Синепупова О.С. Оценочная «картина мира» в публицистическом дискурсе (на материале печатных СМИ): автореф. дисс. канд. филол. наук. Москва, 2006. 13 с.

15. Клейберг Ю.А. Деструктивная интернет-игра «Синий кит» как девиантологический феномен: постановка проблемы// Пензенский психологический вестник. 2017. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Деструктивная-интернет-игра-«Смний-кит»-как-Александрович/3e5e1a3fcff7e50902b44733d7c5b66f109e69c7 (дата обращения: 01.11.2024).

16. Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. https://doi.Org/10.14515/monitoring.2022.2.2078.

17. Shalini M., Cheng L. The iPhone Effect: The Quality of In-Person Social Interactions in the Presence of Mobile Devices // Environment and Behavior. 2014. № 48. P. 275–298.

18. Соболева И, Бахметьев Я. «Меня как будто вытолкали за ворота»: реакция ЛГБТ на запрет «пропаганды гомосексуализма» // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 217–232.

19. Дюк В.А., Сенкевич Ю.И., Цветков О.В. Исследование влияния фазоконтрастных визуальных стимулов на спектральные характеристики ЭЭГ// Биотехносфера. 2011. № 5–6 (17–18). С. 11–17.

20. Свободное время и как мы его проводим. ВЦИОМ. 22.07. 2022. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svobodnoe-vremja-i-kak-my-ego-provodim (дата обращения: 01.10.2024).

JUSTIFICATION OF THE CRITERIA FOR ASSESSING THE IMPACT OF INTERNET CONTENT ON MODERN RUSSIAN YOUTH

Krupenko M.A.
Independent researcher

The article considers the issue of the impact of Internet content on modern youth through the prism of social changes caused by key criteria. The purpose of the study is to consider the main criteria for assessing the impact of the Internet in isolation from the popular stereotype of harmful information on the Internet. The emergence of electronic existence and dissemination of information, the possibility of remote communication at the speed of information exchange with which only oral dialogue in direct contact was possible a hundred years ago, radically changed the structure of society and predetermined the emergence of both new opportunities and new challenges. The very fact of high-speed and multi-stream consumption of information has significantly affected the way of life, the processes of work and leisure, study and employment. Under the influence of the intensification of the digitalization process, the penetration of ICT, a radical change in all aspects of the life of the individual is taking place. At the same time, the problem of developing and substantiating a system of criteria that will allow assessing the impact of Internet content on individual behavior remains unresolved to date. The difficulties are associated with the inconsistency of the evaluation process itself, which is subjective in nature, the complexity of information messages on the network, as well as the differences in the users themselves. The same information can lead to personal growth for one and cause psychological trauma for another. The solution to the problem of substantiating the criteria for evaluating content is seen in taking into account its impact on the psychological state, the choice of certain behavior strategies for specific groups of young users.

Keywords: Internet content, modern youth, precariat, clip thinking, speed of perception.

References

1. Martyshenko S.N. The influence of the Internet on the formation of the communication environment of modern youth // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2020. Vol. 9. № 1 (30). P. 185–189.

2. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A., Karzubov D.N. The youth of Russia in the digital space: the grounds for differentiating the strategies of Internet behavior // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2019. Vol. 14. № 1. p. 37–58. (In Russ.)

3. Klimushko E.I. A study of the attitude of student youth to Internet communication // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. 2019. № 19–3. p. 158–165. (In Russ.)

4. Staritsyna O.A. Clip thinking as a condition for the success of information wars // Azimuth of scientific research: economics and management. 2018. Vol. 7. № 1 (22). p. 335–339. (In Russ.)

5. Chvanova M.S., Anureva M.S., Kiseleva I.A. The influence of the Internet on the socialization of youth // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2017. Vol. 22. № 5 (169). p. 23–36. (In Russ.)

6. Mol A. Sociodynamics of culture. Moscow: LKI, 2008. 416 p.

7. Eco U. From the Internet to Gutenberg: text and hypertext. – URL: http://www.gumer. info/bibliotek_ Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (Accessed 24.10.2024).

8. Malikov R.I. Wills of Tatar mullahs and the division of the inheritance of parishioners according to the canons of Muslim law in the middle Volga region in the late 19th – early 20th centuries. In: Manuscript. 2020. Vol. 13. № 1. p. 33–38. (In Russ.)

9. Afaunov A.Z., Chkhvimiani E.Zh., Danilov D.V. Legal mentality of Russian society: features of genesis, trends of changes. In: Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. p. 175–179. (In Russ.)

10. Karnaushenko L.V. The influence of national mentality on the legal mentality of Russian residents. In: Society and Law. 2020. № 1 (71). p. 106–110. (In Russ.)

11. Svetlana S.V. Human rights and freedoms in the Russian Federation and their protection by executive authorities in the context of spiritual and cultural security of the individual, society and the state: ideological choice. In: Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2019, № 6 (58). p. 104–115. doi: 10.17803/2311-5998.2019.58.6.104-115. (In Russ.)

12. Kruglov A.V. Social tolerance and social intolerance: theoretical and methodological conceptualization. In: Bulletin of the Saratov University. New series. Sociology Series. Political Science. 2020. Vol. 20. № 1. p. 40–42. (In Russ.)

13. Ivanov O. S., Pilkevich S.V., Gnidko K.O. [et al.]. Justification of the criteria for assessing the impact of Internet content on the psychological health of the information consumer / OIn: Sociology. 2020. № 5. p. 275–282. (In Russ.)

14. Sinepupova O.S. Evaluative «picture of the world» in journalistic discourse (based on print media): author's abstract. diss. candidate of philological sciences. Moscow, 2006. 13 p. (In Russ.)

15. Kleiberg Yu.A. Destructive Internet game «Blue Whale» as a deviantological phenomenon: problem statement. In: Penza Psychological Bulletin. 2017 https://www.semanticscholar.org/paper/Destructive-Internet-game-»Smniy-whale»-kak-Aleksandrovich/3e5e1a3fcff7e50902b44733d7c5b66f109e69c7 (date of access: 01.11.2024). (In Russ.)

16. Omelchenko E. L., Lisovskaya I.V. Youth as a barometer of the future? Youth agenda in modern Russia through the opinions of experts on youth policy. In: Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2022. № 2. p. 66–92. https://doi.Org/10.14515/monitoring.2022.2.2078. (In Russ.)

17. Shalini M., Cheng L. The iPhone Effect: The Quality of In-Person Social Interactions in the Presence of Mobile Devices. In: Environment and Behavior. 2014. № 48. p. 275–298.

18. Soboleva I., Bakhmetev Ya. «It was as if I was pushed out the gate»: LGBT reaction to the ban on «homosexual propaganda». In: Journal of Social Policy Studies. 2014. Vol. 12. № 2. p. 217–232. (In Russ.)

19. Dyuk V. A., Senkevich Yu. I., Tsvetkov O.V. Study of the influence of phase-contrast visual stimuli on the spectral characteristics of EEG. In: Biotekhnosfera. 2011. № 5–6 (17–18). p. 11–17. (In Russ.)

20. Free time and how we spend it. VTsIOM. 22.07. 2022. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svobodnoe-vremja-i-kak-my-ego-provodim (accessed: 01.10.2024).

Социальная стандартизация в устойчивом развитии российских компаний

Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института гуманитарных и социальных наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: nmlavr@yandex.ru

Николаев Даниил Дмитриевич,
аспирант, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: nikolaevdd09@mail.ru

Устойчивое развитие в современных условиях сложности и неопределенности – вызов и необходимость. Социальные стандарты на институциональном уровне регулируют отношения между государством и обществом, в т.ч. по отношению к природе. На уровне российских компаний социальные стандарты служат ориентирами качества в управлении деятельностью, эффективностью, репутацией, в реализации внутренней и внешней социальной политики. Целью статьи стал анализ современной социальной стандартизации в устойчивом развитии российских компаний и их нефинансовой отчетности.
В качестве эмпирической базы использована информация Национального Регистра нефинансовых отчетов, предоставленных российскими компаниями. Результаты анализа позволили сделать выводы о динамике социальной стандартизации в области устойчивого развития российских компаний, о целесообразности дальнейшего изучения лучших практик применения стандартов предприятиями и организациями, зарегистрированными в РФ.

Ключевые слова: устойчивое развитие, качество, российские компании, социальные стандарты, социальная стандартизация, нефинансовая отчетность.

Постановка исследовательской задачи

Устойчивое развитие организаций и предприятий представляет собой синтез решений управляющих, направленных на сохранение целостности, на качественные и количественные изменения в достижении целей, а также исполнения решений сотрудниками. Управленческие решения в устойчивом развитии должны соответствовать требованию [21] максимальной минимизации ущерба от хозяйственной деятельности, наносимого окружающей среде с учетом социальных факторов. Такое развитие коррелирует с Целями устойчивого развития (ЦУР ПРООН), приверженность к которым в мире растет. Доля российских компаний, разделяющих эти цели составила 43% в 2019 г. Соответственно, более 50% российских компаний не были вовлечены в достижение ЦУР (рис. 1).

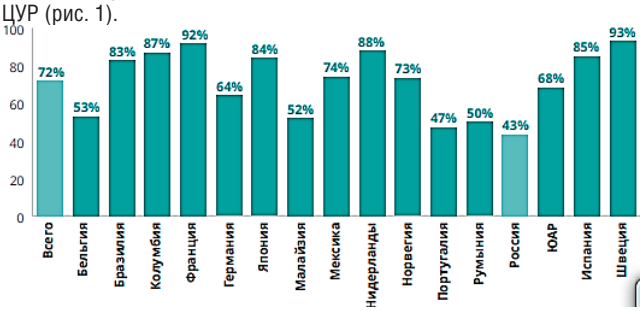

Рис. 1. Доля компаний, отметивших свою приверженность Целям устойчивого развития [3, с. 88]

Устойчивость, как динамический баланс сохранения организаций и предприятий в развитии, складывается из устойчивого потребления и устойчивого производства. В логике концепции А. Тойнби «вызов-ответ» для обеспечения движения к лучшему качественному состоянию организации как целого, требуются ориентиры. Роль таковых выполняют стандарты, как юридические требования соответствовать определенному качеству и как социально одобряемые и поэтому поддерживаемые нормы поведения. Именно в таком контексте в данной статье авторы проанализировали социальную стандартизацию в устойчивом развитии российских компаний, как предприятий и организаций, зарегистрированных в РФ. С этой целью решены задачи: 1) концептуализации социальной стандартизации в устойчивом развитии компаний; 2) определения современного семейства стандартов обеспечения социальной устойчивости российских компаний и их нефинансовой отчетности.

Решение задачи 1. *Концептуализация социальной стандартизации в устойчивом развитии компаний*

Под стандартизацией официально «понимается деятельность по разработке (ведению), утверждению, изменению (актуализации), отмене, опубликованию и применению документов по стандартизации и иная деятельность, направленная на достижение упорядоченности в отношении объектов стандартизации (ст. 2 Закона)» [22]. Социальная стандартизация как процесс и его результаты – социальные стандарты являются видовыми по отношению к стандартизации и стандартам. Поэтому социальный стандарт (от англ. standard – образец, норма) рассматривается как эталон для сверки с ним других социальных объектов.

Социальная стандартизация как процесс создания и регулирования социальной деятельности компаний ограничивает излишнее многообразие, сберегает потребление ресурсов, обеспечивает безопасность, институциализацию норм деятельности, т.е. направлена на устойчивое развитие в принципе. Социально-нормативный подход вскрывает как правовую, так и социологическую природу данного социального процесса [15]. С позиций социально-девиантного подхода объясняется подвижность и стабильность социальных норм и отклонений, а с позиции хабитуализации, – как социальные стандарты «освобождают» людей для инновационных преобразований через типизацию действий.

Социальная стандартизация применяется в регулировании уровня и качества жизнедеятельности. Уровень жизни регулируется государством через установление минимальных социальных гарантий [5, 19]. Социальные стандарты являются здесь элементами общественного договора государства с обществом. Применяются в качестве инструмен-

тов управления социальной сферой и человеческим капиталом [11, 14, 20].

В системе управления социальным развитием страны и социальной сферы социальные стандарты выполняют роль научно-обоснованных социальных гарантий определенного качества населению и будущим поколениям, имеют конкретное стоимостное выражение с целью достижения приемлемого уровня обеспечения и удовлетворения потребностей категорий граждан [4, 18]. Помимо социальной сферы, в отраслевом разрезе разработка и применение социальных стандартов связаны с профессиональной деятельностью. Социальная стандартизация в обеспечении качества жизни и деятельности раскрываются как во внутренней социальной политике компаний [9], так и во внешней среде для потребителей их товаров и услуг. В отношении внутренней и внешней социальной политики компании формируют и применяют социальные стандарты на индивидуальном уровне для формализации должностных функций, для личностной идентичности с корпоративной культурой [7, 17]. Обеспечение социальных гарантий внутри компаний является социальной нормой корпоративной культуры.

Во внешнем окружении компании конструируют образ жизни определенного уровня и качества через практики. Заданные стандарты социально ответственного поведения внутри компаний и стимулирование их соблюдения за пределами рабочих мест способствуют устойчивому развитию. Специалисты отмечают превалирование социальных отраслей в этом процессе и образовательных учреждений в изменении стандартов жизни общества [16]. Социальные стандарты объективируют качество жизни в субъективных оценках населения [6]. Таким образом социальная стандартизация выполняет роль социального института, удовлетворяя запросы людей на определенные уровень и качество жизни.

Мировой и российский опыт деятельности организаций и предприятий демонстрирует осознание потребности в социально-ответственном поведении [8, 13]. В Национальном стандарте определено, что целью социальной ответственности является содействие устойчивому развитию. Индикаторы устойчивого развития [1] российских компании также подвергаются социальной стандартизации. Существенной является квалиметрия социальных стандартов для оценки качества социальных услуг [2] и других видов деятельности. «Если раньше использование стандартов служило для компании мощной рекламой, то сейчас неприменение этих стандартов уже является для нее антирекламой» [10]. Социальной нормой становится практика предоставления нефинансовой отчетности компаниями [12]. Такая отчетность делает прозрачным вклад руководства и персонала организаций в устойчивое развитие, способствует росту доверия к ним со стороны потенциальных сотрудников и местных сообществ на территориях присутствия.

Решение задачи 2. *Определение современного семейства стандартов обеспечения социальной устойчивости российских компаний, их нефинансовой отчетности*. Семейство стандартов представляет собой совокупность международных и национальных стандартов, а также регламентов компаний, которые связаны иерархически, целевым образом и функционально взаимно дополняют друг друга. Модельный вариант современного семейства стандартов обеспечения социальной устойчивости российских компаний представлен на рисунке 2.

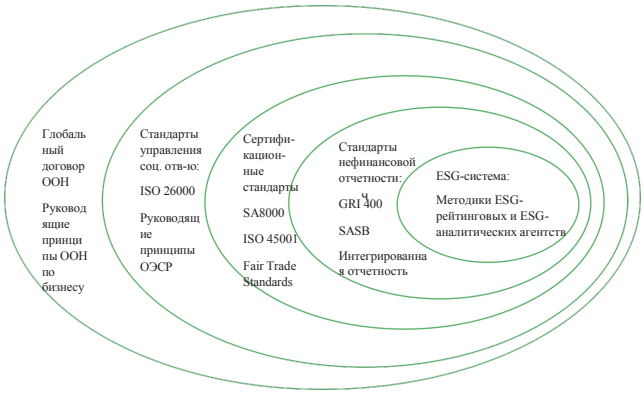

Рис. 2. Модель семейства стандартов обеспечения социальной устойчивости российских компаний

В стандарте Торгово-промышленной палаты РФ «Социальная отчетность предприятий и организаций, зарегистрированных в РФ» нефинансовая отчетность российских компаний направлена на разрешение проблем, связанных с финансированием социальной сферы, уплаты налоговых отчислений, справедливой оплатой труда работников и рядом других. Руководствуясь указанным стандартом, компании демонстрируют нефинансовые отчеты в качестве публичного доказательства эффективного управления репутацией и ответственной конкуренции. Публичная нефинансовая отчетность представляет собой совокупность сведений и показателей, отражающих цели, механизмы и результаты деятельности организаций по существенным вопросам социальной ответственности и устойчивого развития. Национальный регистр корпоративных нефинансовых отчетов Российского союза промышленников и предпринимателей является банком данных добровольных нефинансовых отчетов организаций, действующих на территории Российской Федерации. По состоянию на февраль 2026 г. банк включал социальные (401, СО), экологические (123, ЭО), интегрированные (546, ИО) отраслевые отчеты, отчеты в области устойчивого развития (778, ОУР). С 2001 г. 303 российские компании представили 1848 отчетов (табл. 1) [23].

Таблица 1. Данные о нефинансовых отчетах российских компаний по отраслям, ед.

Отраслевая принадлежность компаний	Число компаний	Количество отчетов				
		ИО	ОУР	СО	ЭО	Итого
Нефтегазовая	26	31	163	9	33	236
Энергетика	62	241	108	47	41	437
Металлургическая и горнодобывающая	30	52	113	64	3	232
Производство машин и оборудования	9	24	9	1	0	34
Химическая, нефтехимическая, парфюмерная	16	52	47	15	20	134
Деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная	6	8	8	4	18	38
Производство пищевых и других потребительских товаров	19	7	50	26	0	83
Телекоммуникационная и связь	17	17	44	28	0	89
Финансы и страхование	39	34	107	69	0	210
ЖКХ и бытовое обслуживание	5	4	5	14	1	24
Транспорт, дорожное строительство и логистические услуги	15	29	34	10	6	79
Строительство	11	15	15	0	1	31
Сельское и лесное хозяйство	1	0	0	0	0	0
Торговля, ритейл	8	21	25	0	0	46
Здравоохранение и спорт	5	2	11	3	0	16
Прочие виды производства, услуг	13	1	28	18	0	47
Некоммерческие организации	10	8	8	49	0	65
Отраслевые отчеты	4	0	1	33	0	34
Образование, здравоохранение	7	0	2	11	0	13

Отчетность и получаемые социальные эффекты стимулируют организации к усилению прозрачности воздействия их деятельности на окружающую среду и общество, укрепляют репутацию, система-

тизируют процесс внедрения в управленческую практику, повышают общий уровень информированности и объективность оценки вклада в общественное развитие. В общей совокупности нефинансовых отчетов в разрезе отраслей (17) в большей мере представлены энергетика (437 отчетов), нефтегазовая (236), металлургическая и горнодобывающая (232), финансы и страхование (210), химическая и парфюмерная (134). В библиотеке нефинансовых отчетов по социальной ответственности представлен 401 документ. Лидируют такие отрасли, как финансы и страхование (69), металлургическая и горнодобывающая (64), энергетика (47), телекоммуникационная и связь (28) [24]. Некоммерческие организации представили 49 отчетов. Доля нефинансовых отчетов по социальной ответственности в библиотеке по состоянию на 16 февраля 2026 г. – 21,7% (401 отчет). С помощью данных отчетов отслеживается участие российских компании в обучении персонала, благотворительной и инвестиционной деятельностях.

Заключение

Анализ современной социальной стандартизации в устойчивом развитии российских компаний и их нефинансовой отчетности показал, что социальная стандартизация в этой области находится в активной фазе институциализации. Особенно это проявляется в регулировании формальных трудовых отношений и конструирования социальных гарантий уровня и качества жизни без угрозы для окружения.

Социальная стандартизация и приверженность к публичной отчетности в области социальной ответственности российских компаний становится гарантией доверия, обладает потенциалом установления норм общественной безопасности в области устойчивого развития. Российские компании в 17-ти отраслях представили 1848 нефинансовых отчетов. Таким образом они демонстрируют обществу прозрачность своей деятельности. Стратегически важной является задача вовлечения в систематическую нефинансовую отчетность максимально возможного числа российских компаний во всех отраслях жизнедеятельности.

Литература

1. Аванесов, Е.К. Качество жизни и стандартизация индикаторов устойчивого развития / Е.К. Аванесов // Экономика качества. 2014. № 5. С. 1–11. EDN RWZMFN.
2. Албегова И.Ф., Серова Е.А., Шаматонова Г.Л. Социальная квалиметрия, оценка качества и стандартизация социальных услуг. 2015.
3. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2017–2018 гг. выпуска. Е.Н. Феоктистова, Л.В. Аленичева, Г.А. Копылова, М.Н. Озерянская, Д.Р. Пуртова, Н.В Хонякова. М.: РСПП, 2019. 104 с.
4. Беглова Е.И. Социальные стандарты качества жизни в системе управления социальным развитием страны //Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 8 (40). С. 30–39.
5. Белоусова С.В. Социальный стандарт как модель поведения государства в социальной сфере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 1. С. 18–23.
6. Беляева Л.А. Качество жизни в субъективных оценках населения: Россия в европейском контексте // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 4. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-680
7. Бурнашев К.Э. Формирование личности в аспекте теории социальной стандартизации //Социальное время 2023. С. 19–26.
8. Виноградов Д.А. Российская практика стандартизации в области социальной ответственности бизнеса //Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 142–145.
9. Долгорукова И.В. Современные подходы к разработке стандартов корпоративной социальной политики предприятия //Социальная политика и социология. 2012. № 2. С. 93–104.
10. Иванова Г.Н., Кузьмина С.Н. Оценка эффективности использования стандартизации для социально-экономических систем // Экономика Северо- Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. № 3. С. 104–119.
11. Кайль Я.Я. Стандартизация и регламентация государственных и муниципальных услуг как инструмент эффективного управления регионом // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2009. № 1. С. 63–71.
12. Карагод В.С. Основные способы стандартизации корпоративной социальной отчетности // Все для бухгалтера. 2006. № 10. С. 12–16.
13. Конарева Л.А. Стратегия реализации социальной ответственности в XXI веке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 2. С. 117–127.
14. Лаврова Е.Л. Социальный стандарт как инструмент управления человеческим капиталом // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 2. С. 175–181.
15. Родионов В.Н. Практическое применение закона о стандартизации // Стандарты и качество.2016, № 1. С. 28–29.
16. Сметанина Т.В. Междисциплинарный инструментарий в подтверждении роли социальных организаций в установлении образа жизни и поведения социальных объектов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. Т. 12. № 3. С. 70–76.
17. Стрыгина В.В. Профиль должности как системообразующий метод стандартизации должностей предприятия // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 1. С. 116–136.
18. Такмакова Е.В. Роль социальной стандартизации в реализации социальной политики и развитии отраслей социальной сферы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 41–46.
19. Тарасов Н.Г., Молчанова Е.С. Уровень жизни и государственные социальные стандарты // Никоновские чтения. 2004. № 9. С. 100–102.
20. Эмиров Н.Д. Социальные стандарты как инструмент управления социальной сферой // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2011. № 21 (238). С. 155–163.
21. См.: «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утверждена Указом Президента РФ от 01.04.1996 № 440.
22. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102374687&intelsearch=%EE%F2+29+%E8%FE%ED%FF +2015%E3.+%B9162-%D4%C7 (дата обращения: 12.01.2026).
23. Национальный регистр нефинансовых отчетов российских компаний. – URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения: 10.01.2026).
24. Официальный сайт РСПП // https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения: 10.01.2026).

SOCIAL STANDARDIZATION IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN COMPANIES

Lavrenyuk-Isaeva N.M., Nikolaev D.D.
Ufa University of Science and Technology

Sustainable development in modern conditions of complexity and uncertainty is a challenge and a necessity. Social standards at the institutional level regulate the relations between the state, society, and nature. At the level of Russian companies, they serve as quality benchmarks in the management of activities, efficiency, reputation, and in the implementation of internal and external social policies. The purpose of the article is to analyze modern social standardization in the sustainable development of Russian companies and their non-financial reporting.

Information from the National Register of Non-Financial Reports provided by Russian Companies was used as an empirical basis. The results of the analysis allowed us to draw conclusions about the structure and dynamics of social standardization in the field of sustainable development of Russian companies, and the expediency of further studying the best practices of applying standards by enterprises and organizations registered in the Russian Federation.

Keywords: sustainable development, quality, Russian companies, social standards, social standardization, non-financial reporting.

Referenses

1. Avanesov E.K. Quality of life and standardization of indicators of sustainable development // Economics of Quality is an online magazine. 2014. № 1. pp. 5–14.
2. Albegova I.F., Serova E.A., Shamatonova G.L. Social qualimetry, quality assessment and standardization of social services. 2015.
3. Analytical review of corporate non-financial reports: 2017–2018 issue. E.N. Feoktistova, L.V. Alenicheva, G.A. Kopylova, M.N. Ozeryanskaya, D.R. Purtova, N.V. Honyakova. Moscow: RSPP, 2019. 104 p.
4. Beglova E.I. Social standards of quality of life in the country's social development management system // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 8 (40). pp. 30–39.
5. Belousova S.V. Social standard as a model of state behavior in the social sphere // National interests: priorities and security. 2007. № 1. pp. 18–23.
6. Belyaeva L.A. Quality of life in subjective assessments of the population: Russia in the European context // Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology. 2018. № 4. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-680
7. Burnashev K.E. Personality formation in the aspect of the theory of social standardization //Social Time 2023. pp. 19–26.
8. Vinogradov D.A. Russian standardization practice in the field of social responsibility of business // Problems of the modern economy. 2013. № 2 (46). pp. 142–145.
9. Dolgorukova I.V. Modern approaches to the development of corporate social policy standards. // Social policy and sociology. 2012. № 2. pp. 93–104.
10. Ivanova G.N., Kuzmina S.N. Evaluation of the effectiveness of standardization for socio-economic systems // The economy of the North-West: problems and prospects of development. 2015. № 3. pp. 104–119.

11. Kayl Ya.Ya. Standardization and regulation of state and municipal services as a tool for effective regional management // Bulletin of the Volgograd State University. Economy. 2009. № 1. pp. 63–71.

12. Karagod V.S. The main ways of standardizing corporate social reporting // Everything for an accountant. 2006. № 10. pp. 12–16.

13. Konareva L.A. Strategy of social responsibility implementation in the 21st century // USA and Canada: economics, politics, culture. 2009. № 2. pp. 117–127.

14. Lavrova E.L. The social standard as a tool for managing human capital. Society. Inclusion. 2017. № 2. pp. 175–181.

15. Rodionov V.N. Practical application of the law on standardization // Standards and Quality.2016, № 1. pp. 28–29.

16. Smetanina T.V. Interdisciplinary tools in confirming the role of social organizations in establishing the lifestyle and behavior of social objects // Human resources and Intellectual resources management in Russia. 2023. Vol. 12. № 3. pp. 70–76.

17. Strygina V.V. Position profile as a system-forming method of standardizing positions of an enterprise // Social psychology and society. 2013. Vol. 4. № 1. pp. 116–136.

18. Takmakova E.V. The role of social standardization in the implementation of social policy and the development of social sectors // Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and social Sciences. 2011. № 6. pp. 41–46.

19. Tarasov N.G., Molchanova E.S. Standard of living and state social standards // Nikon readings. 2004. № 9. pp. 100–102.

20. Emirov N.D. Social standards as a tool for managing the social sphere // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2011. № 21(238). Pp. 155–163.

21. See: «The Concept of the Russian Federation's Transition to Sustainable Development» approved by Presidential Decree № 440 dated April 1, 1996.

22. Federal Law № 162-FZ «On Standardization in the Russian Federation» dated June 29, 2015 [Electronic resource]. – Access mode: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102374 687&intelsearch=%EE%F2+29+%E8%FE%ED%FF+2015%E3.+%B9162-%D4%C7 (accessed on 12.01.2026).

23. National Register of Non-Financial Reports of Russian Companies. – URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (accessed on 10.01.2026).

24. Official website of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs // https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (accessed on 10.01.2026).

Повышение цифровой грамотности сельского населения как фактор устойчивого развития России

Ленёва Татьяна Евгеньевна,
кандидат педагогических наук, доцент, менеджер кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: telenyova@fa.ru

В статье раскрываются причины цифрового неравенства и подчеркнута необходимость повышения цифровой грамотности сельского населения для устойчивого развития России.

Ключевые слова: цифровизация, сельская местность, информационное общество, цифровая грамотность.

Интенсивная глобализация и становление цифровой экономики выдвигают на первый план проблему повышения качества жизни граждан, определяющую социальный уровень и служащую ключевым ориентиром государственной политики современной России. Вместе с тем цифровая трансформация общества обостряет различия в социально-экономическом росте городских и сельских территорий, усиливая риски, связанные с недостаточным развитием цифровых технологий в аграрных регионах. Такое положение формирует дополнительные барьеры на пути устойчивого развития и нивелирования социального неравенства, выражающегося в различии уровней доступа к современным цифровым услугам, образованию, медицине и другим аспектам жизни.

Основные цели и приоритеты политики Российской Федерации в области цифровых технологий, направленные на развитие информационного общества и формирование цифровой экономики, изложены в Указах Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества на период 2017–2030 годов» [11] и № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [10].

Создание конкурентной, устойчивой и безопасной инфраструктуры высокоскоростной сети Интернет, доступной гражданам, бизнесу и органам власти является приоритетным направлением Федерального проекта «Информационная инфраструктура», включённого в национальную программу «Цифровая экономика» [8].

Целью запущенного в 2018 году проекта является не только обеспечение устойчивого сигнала в малонаселённых сельских поселениях и труднодоступных районах, но и быстрое распространение цифровых технологий в основных отраслях экономики и социальной жизни, предоставление доступа к сети Интернет объектам критической инфраструктуры. Для этого предусмотрена интеграция населённых пунктов с уровнем покрытия менее 75% в программу, предполагающую соответствующие инженерные мероприятия по развитию инфраструктуры базовых станций.

Административно-территориальная структура России включает около 80% сельских поселений, где проживает примерно четверть населения страны. Большинство сельских регионов постепенно замедляют темпы развития по сравнению с крупными городскими агломерациями. Усугубляющийся дисбаланс ведет к риску массовой депопуляции деревень, вызванному миграционными потоками граждан разного возраста в крупные города с целью улучшения жилищных условий, получения качественных образовательных услуг, трудоустройства и медицинского обслуживания. Уменьшение численности сельского населения снижает экономический потенциал региона, что влечет снижение объемов финансирования коммунальных служб и социальной инфраструктуры, увеличивая существующий разрыв между уровнем развития городских и сельских территорий.

Масштабность территории России, разнообразие природно-климатических условий и наличие труднодоступных районов определяют особую значимость цифрового разрыва, снижающего доступность социальных благ, предусмотренных Конституцией Российской Федерации каждому гражданину.

Ряд исследователей изучали проблематику цифрового неравенства, возникающего вследствие неравномерного доступа к информации, данным, знаниям, информационным и коммуникационным технологиям в сети Интернет [2; 4; 6; 9; 10].

Данные подходы целесообразно рассматривать в рамках трехуровневой модели цифровизации.

1. Уровень материально-технического оснащения и обеспеченность технологиями, позволяющими подключаться к глобальной сети.

2. Уровень цифровой грамотности и компетентности в области цифровых технологий.

3. Уровень получения пользователями социальных преимуществ от рационального и эффективного использования цифровых инструментов в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Первый уровень модели цифровизации отражает состояние технического оснащения и доступности глобального информационного пространства. Статистика Росстата показывает значительный рост внедрения цифровых технологий за последние десять лет [7]. Количество

подключённых образовательных учреждений достигает 50,3 тыс., медицинских пунктов 26,5 тыс., культурных объектов 9,8 тыс., жилых хозяйств более 61 млн. С 2020 года Минцифры реализует проект устранения цифрового разрыва, охватывая свыше 8,5 тыс. небольших селений зонами бесплатного доступа к интернету и интегрировав их в сеть мобильной связи [3].

Во время пандемии COVID-19 остро встал вопрос доступа к цифровым технологиям, поскольку гражданам городов и деревень пришлось перейти на электронные услуги, особенно в образовании, требующие наличия персональных средств связи и надежного Интернет-соединения. Полученный опыт помог выявить существующие проблемы и обозначил пути их решения.

В настоящее время наблюдается постепенное уменьшение разрыва на первом уровне трехступенчатой модели цифровизации, однако параллельно фиксируется рост разрыва на втором уровне.

Актуальной становится задача изучения второго уровня цифровизации – повышения цифровой грамотности и компетенций сельских жителей, выступающих основой для эффективного образовательного процесса.

За последние годы наблюдался планомерный рост уровня цифровой грамотности россиян, однако по состоянию на 2026 год ситуация изменилась, впервые показатели начали снижаться, причиной чего стал стремительный прогресс технологий, к которому значительная часть граждан оказывается неспособна своевременно адаптироваться. Отставание создает риск формирования разрыва между развитием технологий и возможностями населения их полноценно осваивать и применять, причём, наиболее уязвимой категорией оказались сельские жители.

Исследования 2025 года показали, что более половины взрослого сельского населения (51,2%) обладает низкой цифровой подготовкой, тогда как высокий уровень демонстрируют лишь 6,5%. Недостаточность цифровых навыков снижает мотивацию к использованию интернет-сервисов и тормозит приобретение новых профессиональных компетенций [5].

Самоизоляция в период пандемии высветила значительные трудности значительной части населения с низким уровнем компьютерной грамотности, не умеющей пользоваться сайтами государственных служб и онлайн-платформами даже при стабильном интернет-соединении.

Продолжение наблюдаемой негативной тенденции грозит усилением технологического неравенства, угрозой цифровой безопасности и снижению конкурентоспособности страны в условиях глобализации и цифровой трансформации. Необходимость повышения уровня цифровой грамотности становится приоритетной задачей государственной политики, направленной на обеспечение устойчивого развития России.

Это требует комплексного подхода к просвещению различных групп сельских жителей, начиная с простых навыков работы с компьютером (редактирование текста, копирование файлов, работа с электронной почтой и таблицами) и постепенно переходя к обучению эффективным действиям в сети Интернет (оформление заявок на госуслуги, осуществление онлайн-покупок).

Цифровой разрыв между городским и сельским населением привел к существенному снижению доступности цифровых сервисов предоставления государственных услуг, вызвав значительное усиление экономического неравенства. Этот феномен является характеристикой третьего уровня цифровизации, создающего ситуацию взаимозависимости: социально-экономически слабые группы сталкиваются с нарастающим цифровым дефицитом, ухудшая таким образом собственное положение относительно возможностей получения необходимых общественных благ во всех ключевых сферах жизнедеятельности общества, такими как экономика, социальные институты, здравоохранение, образовательная система, промышленный сектор, жилищное строительство, городская инфраструктура, транспортные сети, энергетика и сфера финансовых услуг, а также агропромышленный комплекс России, традиционно локализованный в регионах и сельской местности.

По состоянию на начало 2025 г., доступность широкополосного Интернета (скоростью свыше 10 Мбит/с) достигает почти абсолютного охвата городского населения (до 97%). Однако в сельских районах аналогичный показатель значительно ниже – около 85%, что свидетельствует о наличии значительных территориальных различий. Особенно показательно исследование Министерства цифрового развития, согласно которому регулярно пользуются электронными государственными услугами только 42% сельских жителей против подавляющей доли городских пользователей (87%).

Несмотря на положительные сдвиги в техническом оснащении и федеральном образовании, направленные на уменьшение цифрового неравенства, они не обеспечивают полной интеграции жителей городов и сельской местности в цифровую среду. Правительство принимает меры по развитию спутникового телевидения, поддержке операторов связи и совершенствовании нормативной базы, однако остаются сотни населённых пунктов с минимальной активностью потребителей Интернет-трафика и незначительным числом пользователей цифровых сервисов.

Таким образом, важно стремиться достичь не только количественных показателей подключения отдалённых районов к сети Интернет, но и качественных, подчёркивающих значимость ликвидации «цифровых пустынь» – территорий, формально оснащённых необходимыми коммуникационными структурами, но фактически не обеспечивающими полноценное пользование цифровыми услугами.

Для устойчивого развития сельских территорий важно остановить усиленную миграцию из деревни не только молодого поколения, но и продуктивных, компетентных членов общества, таких как педагоги, медики и профессионалы сферы ИТ-технологий, предотвратить кадровый голод в агропромышленном секторе, затрагивающий важные профессии операторов машинного доения, зоотехников, ветеринаров и других профильных специалистов.

Сегодня простого наличия мобильных устройств с возможностью подключения к глобальной сети оказывается недостаточно для эффективного освоения виртуального пространства. Ведущую позицию занимают высококачественная цифровая инфраструктура и стабильно функционирующая телеком-инфраструктура, особенно актуальная для удаленных сельских территорий. Создание оптимальной инженерно-технической базы закономерно предопределяет успешную реализацию масштабирования и разнообразия широкополосных сетей передачи данных, базирующихся на новейших технологиях мобильной связи поколения LTE (4G). Подобная мера обеспечивает возможность устойчивого технологического прогресса и способствует ускоренному развитию общественного устройства в эпоху преобладания цифровых инноваций.

Реализация стратегий снижения цифрового неравенства осложняется необходимостью одновременного решения нескольких ключевых проблем: протяжённость территории и состояние транспортной инфраструктуры создают сложности при создании новой волоконно-оптической сети и разворачивании базовых станций; ограничение дальности сигнала беспроводных подключений, технические неисправности и низкая стабильность спутниковой связи негативно влияют на доступность интернет-ресурсов; низкий интерес операторов связи к инвестициям в слаборазвитые и труднодоступные регионы из-за медленной окупаемости вложений; бюрократические препоны и неслаженность взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных структур снижают эффективность расходования средств, выделенных на цифровую модернизацию; недостаточность регулирования рынка препятствует предотвращению монопольных практик в сфере телекоммуникаций; несоответствие цен на Интернет-услуги уровню доходов населения усиливает цифровое неравенство, увеличивая финансовую нагрузку на жителей сельских районов; международные санкции ухудшают доступ к современному оборудованию и технологиям, увеличивая затраты на цифровую инфраструктуру.

Эффективное сокращение цифрового неравенства между городом и сельской местностью требует объединенных действий правительства, частного сектора и общественности, направленных на реализацию следующих направлений.

1. Повышение информированности граждан о выгодах получения государственных услуг и совершения онлайн-покупок, укрепление доверия к осуществлению финансовых сделок через сеть Интернет, разработке специализированных руководств и учебных пособий по правильному взаимодействию с цифровыми ресурсами.

2. Организация образовательной программы для сельских жителей по освоению информационных технологий, предусматривающей овладение умениями пользоваться электронными госуслугами и инструментами электронного предпринимательства, проведение тематических занятий и консультаций по повышению цифровой грамотности среди молодого поколения и старшей возрастной группы и.

3. Предоставление финансовой поддержки гражданам, проживающим в сельской местности, путем: введения целевой субсидии и специального тарифа на доступ к сети Интернет; установления обоснованных и разумных тарифов на телекоммуникационные услуги для семей с несовершеннолетними детьми; выделения грантов и премий начинающим фермерским предприятиям и мелким хозяйствам; разработки системы налоговых послаблений и особых режимов для организаций, инвестирующих в цифровую трансформацию аграрного сектора; стимулирование притока частных инвестиций в перспективные проекты, нацеленные на цифровую модернизацию сельского хозяйства.

4. Расширение и развитие современной технической инфраструктуры, состоящее в увеличении плотности покрытия сигналом четвёртого и пятого поколений (LTE и 5G) в сельской местности, строительстве и обслуживании надёжных высокоскоростных каналов связи на основе оптоволокна.

Интегрированный подход, реализуемый совместными усилиями государства, бизнеса и общества, способен ликвидировать цифровое неравенство и обеспечить россиянам равных условий доступа к преимуществам цифровой эпохи, независимо от географии проживания. Современная государственная политика решает острую проблему территориального и цифрового размежевания путём реализации концепции «Страна без провинции» – равное развитие сельских территорий, доступ к качественным медицинским услугам, образованию и культурным ресурсам. Интеграция создаёт благоприятные условия для жизни и трудоустройства граждан, ликвидируя устаревшие представления о сельской местности и превращая каждый регион в современное конкурентноспособное пространство.

Литература

1. Асмолов, А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы / А.Г. Асмолов. – Москва: Просвещение, 2012. – 288 с.

2. Власюк, Л.И. Цифровое неравенство российских регионов: стратегические возможности и угрозы / Л.И. Власюк // Экономика промышленности. – 2023. – № 1 (16). – С. 59–68. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ideas.repec.org/a/ach/journl/y2023id1129.html (дата обращения: 17.02.2026).

3. Воронина, Н.Д. Гаджетам все возрасты покорны: как россияне используют смартфоны и другую «умную» технику и какие риски видят в ней / Н.Д. Воронина, Н.С. Михайлова, Д.Е. Карева и др. – [Электронный ресурс]. – Москва, 2023. – Режим доступа: https://www.hse.ru/hheb/news/1097521512.html (дата обращения: 18.02.2026).

4. Груздева, М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов / М.А. Груздева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 13, № 5. – С. 90–104. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vklyuchennost-naseleniya-v-tsifrovoe-prostranstvo-globalnye-trendy-i-neravenstvo-rossiyskih-regionov (дата обращения: 19.02.2026).

5. Ефремов Г. Россияне сдают позиции. В стране впервые за семь лет упала цифровая грамотность // CNews.ru: [Электронный ресурс]. – Москва, 2026. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2026–03–02_rossiyane_sdayut_pozitsiipo (дата обращения: 02.03.2026).

6. Костяев, А.И. Цифровое неравенство между городским и сельским населением / А.И. Костяев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-mezhdu-gorodskim-i-selskim-naseleniem (дата обращения: 24.02.2026).

7. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Москва, 2023. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 17.02.2026).

8. Национальный проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»« (утверждён президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04 июня 2019 г. № 7). – [Электронный ресурс]. – Москва, 2019. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii (дата обращения: 17.02.2026).

9. Пибаева, Е.А. Цифровое неравенство и его преодоление как гарантия равного доступа к образованию в Российской Федерации / Е.А. Пибаева // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 10 (167). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-i-ego-preodolenie-kak-garantiya-ravnogo-dostupa-k-obrazovaniyu-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 22.02.2026).

10. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – [Электронный ресурс]. – Москва, 2024. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 20.02.2026).

11. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – [Электронный ресурс]. – Москва, 2017. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 16.02.2026).

12. Robinson, L., Ragnedda, M., & Schulz, J. Digital inequalities: contextualizing problems and solutions. Journal of Information, Communication and Ethics in Society, 18(3), 323–327. DOI: 10.1108/JICES-05-2020-0064. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1108/JICES-05–2020–0064 (дата обращения: 17.02.2026).

INCREASING THE DIGITAL LITERACY OF THE RURAL POPULATION AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIA

Leneva T.E.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article reveals the digital inequality causes and emphasizes the necessity to develop the rural population digital skills in order to achieve sustainable development in Russia.

Keywords: digitalization, rural areas, information society, digital skills.

References

1. Asmolov, A.G. Optics of enlightenment: sociocultural perspectives / A.G. Asmolov. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2012. 288 p.

2. Vlasyuk, L.I. Digital inequality in Russian regions: strategic opportunities and threats / L.I. Vlasyuk // Industrial economics. – 2023. – № 1 (16). – Pp. 59–68. – [Electronic resource]. – Access mode: https://ideas.repec.org/a/ach/journl/y2023id1129.html (date of request: 02/17/2026).

3. Voronina, N.D. All ages are submissive to gadgets: how Russians use smartphones and other «smart» technology and what risks they see in it / N.D. Voronina, N.S. Mikhailova, D.E. Kareva et al. – [Electronic resource]. – Moscow, 2023. – Access mode: https://www.hse.ru/hheb/news/1097521512.html (date of request: 02/18/2026).

4. Gruzdeva, M.A. Inclusion of the population in the digital space: global trends and inequality in Russian regions / M.A. Gruzdeva // Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2023. – Vol. 13, № 5. – pp. 90–104. – [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/vklyuchennost-naseleniya-v-tsifrovoe-prostranstvo-globalnye-trendy-i-neravenstvo-rossiyskih-regionov (date of request: 02/19/2026).

5. Efremov G. Russians are losing ground. Digital literacy has fallen in the country for the first time in seven years // CNews.ru [Electronic resource]. – Moscow, 2026. – Access mode: https://www.cnews.ru/news/top/2026–03–02_rossiyane_sdayut_pozitsiipo (date of request: 03/02/2026).

6. Kostyaev, A.I. Digital inequality between urban and rural populations / A.I. Kostyaev // Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2024. – № 3. – [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-mezhdu-gorodskim-i-selskim-naseleniem (date of reference: 02/24/2026).

7. Monitoring the development of the information society in the Russian Federation. – [Electronic resource]. – Moscow, 2023. – Access mode: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (date of request: 02/17/2026).

8. National Project «National Program «Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol № 7 dated June 04, 2019). – [Electronic resource]. – Moscow, 2019. – Access mode: https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii (date of request: 02/17/2026).

9. Pibayeva, E.A. Digital inequality and its overcoming as a guarantee of equal access to education in the Russian Federation / E.A. Pibayeva // Actual problems of Russian law. – 2024. – № 10 (167). – [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-i-ego-preodolenie-kak-garantiya-ravnogo-dostupa-k-obrazovaniyu-v-rossiyskoy-federatsii (date of request: 02/22/2026).

10. Decree of the President of the Russian Federation № 309 dated May 7, 2024 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036». – [Electronic resource]. – Moscow, 2024. – Access mode: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (date of reference: 02/20/2026).

11. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 № 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030". – [Electronic resource]. – Moscow, 2017. – Access mode: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (date of request: 02/16/2026).

12. Robinson, L., Ragnedda, M., & Schulz, J. Digital inequalities: contextualizing problems and solutions. Journal of Information, Communication and Ethics in Society, 18(3), 323–327. DOI:10.1108/JICES-05-2020-0064. – [Electronic resource]. – Access mode: https://doi.org/10.1108/JICES-05–2020–0064 (date of request: 02/17/2026).

Источники, механизмы и направления развития государственной молодежной политики в Российской Федерации

DOI 10.34823/SGZ.2026.3.262007

Магаррамов Магаррам Джабраилович,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН); профессор кафедры гражданского права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: m.magarram@gmail.com

Казиев Низами Эмирович,
кандидат философских наук, профессор, главный научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН)
E-mail: rcidnc@mail.ru

Применяя эмпирические методы, диалектическую методологию выявлены некоторые контуры источников, механизмов и направление развития государственной молодежной политики в трансформирующемся российском обществе.
Основная гипотеза работы состоит в том, что результативность и эффективной такой политики детерминирован эффективным развитием экономики, его хозяйственного механизма, их социальной ориентированностью, способностью властно-политических институтов учитывать в своей работе многоуровневый характер противоречий как источников развития указанной разновидности политики, их своевременного снятия, проведение мероприятий, направленных на реализацию механизмов ее совершенствования и обновления для обеспечения единства народов страны, повышения статуса патриотизма и подлинной гражданственности, развития морального и правового сознания, общей, нравственной и правовой культуры граждан.

Ключевые слова: источники, механизмы и направления развития государственной молодежной политики, противоречия, как источники развития, снятие противоречий, эффективная социально ориентированная экономика, патриотизм и подлинная гражданственность, моральное и правовое сознание, нравственная и правовая культура.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что выявление источников, механизмов и направления развития государственной молодежной политики в рамках отечественной гуманитарной науки остается почти неисследованным вопросом, в то время как многие проблемы нашего общества имплицитно присущи ей отсутствием опредмечивания источников, механизмов и направления развития государственной молодежной политики. Необходимостью их выявления, научно-философского анализа связана актуальность темы статьи, ее содержание и концепция в целом.

Методология работы в большей степени опирается на использовании потенциала социальной диалектики, ее объективных законов, предопределяющих источники, механизмы и направления развития государственной молодежной политики в Российской федерации.

Предмет исследования составляют общественные отношения, возникающие в российском обществе и государстве, детерминированные объективными потребностями в сознательной их регуляции для достижения гармонии между личностью, обществом и государством, установлении социального мира и благополучия каждого россиянина, изжития из сознания людей симптомов национализма, ксенофобии и иных социально неприемлемых, деструктивных проявлений.

Объектом социально-философского анализа являются процессы, связанные с источниками, механизмами и направлениями развития государственной молодежной политики с экспликацией их к отдельным аспектам различных сфер российского общества.

Практическая значимость работы очевидна в свете необходимости совершенствования государственной молодежной политики в аспекте определения ее источников, механизмов реализации и совершенствования, а также направления развития в современных условиях трансформации российского общества.

В трансформирующемся российском обществе за постсоветский период его развития накопилась многоуровневая гамма противоречий, в рамках которых так или иначе участвует российская молодежь и во многих случаях именно она является главным его субъектом. Можно условно выделить эти противоречия в некую иерархию, в соответствии с которой можно обнаружить их а) на уровне тождества; б) различия; в) существенного различия и г) конфликта. Отрадно, что благодаря рациональной и взвешенной молодежной политики нашего государства эти противоречия не доведены до стадии конфликта, но проблемы остаются и они предопределены объективными и субъективными детерминантами, сознательный учет которых помогает власти их снять. Очевидно, что объективные противоречия, проистекающие в обществе, в молодежной среде – это главный источник развития государственной молодежной политики и ее перехода из одного качественного состояния в другое, то есть тот прогресс, который уже имеется в этом срезе политики является результатом целенаправленных действий вышей политической власти в области молодежной политики, достигнутый ею с учетом объективных обстоятельств и был направлен на снятие уже упомянутых противоречий, не доведенных до стадии конфликта. Здесь молодежная политика, как разновидность формы общественного сознания, была реализована не на эмпирическом и идеологическом уровнях, а на научном, с учетом объективных законов развития и функционирования российского общества. Лаконично выражаясь, источником движения, развития и совершенствования государственной молодежной политики являются внутренние противоречия в современном российском обществе, в рамках которых имманентно участвует молодежь, со своими целями, задачами, действиями, поступками и поведением, с одной стороны, с другой – объективные условия ее существования, которые, порой, могут отличаться от ее самости и форм реализации интересов. Но очевидно одно – российская власть понимает проблемы своей молодежи, учитывает их объективный характер и проводит целый комплекс мероприятий, направленный на удовлетворение интересов молодежи во имя гармонизации межнациональных (межэтнических), межрелигиозных отношений, воцарению во всем обществе атмосферы дружбы народов, конфессиональной толерантности.

Доказательством этого тезиса является тот неоспоримый факт, что в Федеральном законе «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» в 5 отдельных строках выде-

ляются финансовые средства на совершенствование государственной молодежной политики Российской Федерации. Ведь очевидно, что такая политика была бы не особо результативной, если не было бы такого государственного финансирования. Так, на финансовую поддержку Федерального агентства по делам молодежи на 2026 г. из федерального бюджета выделено 771 544 59,1 рублей, а на 2026 г. – 755 252 06,6 рублей и на 2028–757 736 11,6 рублей. Такой финансовый патронаж государством молодежной политики, безусловно, способствует снятию целой гаммы противоречий, но в то же самое время, каждое снятое противоречие рождает новое на более высоком уровне и последующие мероприятия государства и общества по их снятию укладывается в общую магистральную линию источников развития и совершенствования государственной молодежной политики. Природа этих противоречий тесно связана с известными сферами развития российского общества – экономической, социальной, политической, духовно-нравственной, правовой и др.

Понятно, что во все исторические времена молодежь со своими семьями испытывают трудности, прежде всего, при решении жилищных вопросов, ибо отсутствие жилья влечет за собой целый клубок противоречий, проблем, с которыми без поддержки государства молодежи трудно справиться. Понимая такое положение дел, как объективную реальность, российское государство за последнее время делает все, чтобы жилищное бремя для молодежи стало не особо тяжким. Так, на встрече с депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин подчеркнул, что по состоянию на 26 февраля 2026 года благодаря своевременной помощи государства один миллион восемьсот пятьдесят тысяч российских молодых семей решили свои жилищные проблемы, что государство и далее поддержит молодежь и их семьи в этом и в целом ряде других направлений жизни и деятельности. Очевидно, что статистические данные миром не управляют, но показывают, как он управляется или если такие данные взять в целом, в их связи – это не только упрямая, но и, безусловно, доказательственная вещь. Того, что российская власть проводит социально-ориентированную молодежную политику, заботится о подрастающем поколении сограждан, удовлетворяет их жизненные запросы, создает благоприятные условия для полноценного осуществления жизни и деятельности людей, осуществляет социальный и финансовый патронаж в приоритетных направлениях развития российского общества и государства.

Страна установила правопорядок, в соответствии с которым до 2030 года будет выплачиваться материнский капитал с индексацией на уровень инфляции, причем семьям с детьми будет предоставлена возможность получить остатки материнского капитала без определения цели их использования. Общий объем выделенных на эти задачи средств за три года составит более 1,8 трлн рублей. Узаконена 6% жилищная ипотека для молодых семей, в которых до достижения возраста семнадцати лет детям выплачиваются до 17 тысяч рублей, а женщины, вставшие на учет в ранние сроки беременности, выплачивается неплохое денежное пособие.

При вынесении Правительством РФ в Государственную Думу РФ проекта федерального бюджета на 2026–2028 годы, поправок в Бюджетный и Налоговый кодексы РФ, основными приоритетами властей стало исполнение социальных обязательств, развитие здравоохранения и образования, а также поддержка семей с детьми. «Бюджетная политика на трехлетний период направлена на решение ключевых задач страны. В первую очередь – это социальная поддержка граждан, прежде всего семей с детьми», – заявил премьер-министр Михаил Мишустин.

Заявлено, что важнейшим направлением бюджетных расходов станут меры по повышению демографии. «Детский бюджет» на три года превысит 10 трлн рублей. В частности, проектом бюджета предусматривается предоставление с 2026 года нуждающимся россиянам с двумя и более детьми ежегодной семейной выплаты в виде возмещения части уплаченного НДФЛ.

Более 2 трлн рублей в новом бюджете заложены на программы улучшения жилищного обеспечения семей с детьми – это субсидирование ставки, по ипотеке для всех семей с детьми (около 1,8 трлн. рублей), а также единовременные выплаты по 450 тыс. рублей многодетным семьям с тремя и более детьми на частичное погашение ипотеки (всего – более 300 млрд. рублей) [1].

Основными контурами направлений государственной молодежной политики, на наш взгляд являются следующие.

Совершенствование работы правомочных субъектов по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию; посредством СМИ и Интернет пространства шире пропагандировать произведения науки, культуры и искусства, тема и идея которых направлены на привитие молодежи ценностей патриотизма, духовно-нравственного, правового совершенствования и подлинной гражданственности.

Патриотическое и духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, их социализация в обозначенном ключе осуществляется в рамках институтов семьи, образования и воспитания, а также СМИ и Интернет-сайтов в рамках которых должна размещаться информация, посвященная обозначенным вопросам. Сегодня крайне важно систематически отслеживать и блокировать те сайты, в которых содержится информация о насилии, разврате, национальной и религиозной ненависти, ксенофобии (юдофобии, русофобии, кавказофобии и других). Ибо еще юношеское, неокрепшее сознание, их ум как губка впитывает из СМИ и Интернет-сайтов, как позитивную, так и негативную информацию. В результате такие каналы детерминирующие поведение молодежи, как заражение, внушение и подражание формируют как позитивный, так и негативный социальный импринтинг, проявляющийся в форме правомерного и противоправного поведения. Поэтому СМИ необходимо часто информировать молодежь о героях специальной военной операции, их подвигах на полях сражений, государственном патернализме над их семьями, специальных мерах государственной поддержки семей – участников СВО и т.д.

Стране нужны такие кинокартины, как «Малыш», выпущенная режиссером Андреем Симоновым, первая презентация которой состоялась в 26 февраля 2026 года. Идея кинокартины в том, что именно патриотизм и героизм защитников Донбасса является живым примером для всей российской молодежи, ибо защита Отечества является священным долгом каждого гражданина страны.

В общеобразовательных школах на внеклассных мероприятиях необходимо чаще организовывать встречи с ветеранами – воинами Великой Отечественной войны, воинами-афганцами, воинами – участниками СВО. Это тот неполный перечень мер, которые должны быть реализованы в рамках образовательных учреждений, как панацея борьбы с космополитизмом и привитию молодежи идеалов патриотизма и подлинной гражданственности.

В отличие от 90-х годов прошлого столетия государство занято патернализмом институтов культуры и искусства. Так, в Федеральном законе «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» на мероприятия Министерства культуры РФ на 2026 г. выделено 250 781 125, 5 рублей, а на 2027 г. – 272 139 424, 2 рублей и на 2028–282 266 394, 3 рублей. Размер этих средств, безусловно, будет увеличиваться вместе с ростом и совершенствованием эффективности экономики страны.

Достижение среди российской молодежи межнационального и межконфессионального согласия посредством профилактики экстремизма и терроризма с привитием ей правовых и духовно-нравственных ценностей. Достижение такого согласия является одним из главных императивов времени, поскольку во все исторические времена недруги России стремились посеять межнациональную, межконфессиональную рознь и вражду между ее народами для удовлетворения своих меркантильных, шкурных интересов. Именно отсутствие межнационального и межрелигиозного согласия, в известной мере, приводит и к межконфессиональным и межрелигиозным разногласиям и, как результат, в обществе имелись случаи межнациональной, межэтнической розни, религиозно-политического экстремизма и терроризма.

Эффективная государственная защита прав и охраняемых законом интересов молодежи и ее легитимных организаций. Это в основном осуществляют через системы правоохранительных и правоприменительных органов. На сегодняшний день в России насчитывается 7 тыс. 700 мировых судей, 26 тыс. 676 судей федеральных судов общей юрисдикции, 72 тыс. 033 работников их аппаратов, 4 тыс. 835 судей федеральных арбитражных судов, 322 работника аппарата Конституционного Суда РФ, 1392 работника аппарата Верховного Суда РФ, 6630 работников судебного департамента при Верховном Суде РФ и его управлениях в субъектах РФ. Это все без учета персонала по охране и обслуживанию зданий, транспортного хозяйства. Понятно, что основная часть этих людей это представители российской молодежи в возрасте до 40 лет. И именно им государство вменяет в обязанности защитить права и охраняемые законом интересы граждан и организаций. Поэтому крайне важно, чтобы они, прежде всего, имели высокий уровень правового и морального сознания, высокий уровень общей нравственной и правовой культуры. Поскольку именно в них молодое поколение и остальные граждане видят образец высокой порядочности, возвышенной справедливости и гуманистичности. Эти работники и другие государственные и муниципальные служащие не должны допускать такой порядок вещей, как говорят в простонародье: «закон, что дышло, куда повернул – туда и вышло, закон, что паутина: шмель проскочит, а муха завязнет». Отсюда и симптомы в обществе в фор-

ме правового нигилизма и аномии действующего права, чего нельзя допускать, ибо сила и величие права состоит в том, что равная мера и равный масштаб, закрепляемый посредством права, делает его универсальным регулятором общественных отношений, одной из форм реализации справедливости вообще и социальной справедливости, в частности.

Результативная социальная поддержка молодежи, ее наиболее обездоленных слоев. Наше государство по Конституции РФ является социальным. А это значит, что социальная защита подрастающего поколения сограждан является высшей и непререкаемой ценностью для общества и государства. Благодаря усилиям высшего политического руководства страны делается достаточно много в плане социального патернализма над молодежью и сама молодежь у нас в стране является активной, креативной, стремящейся улучшить свой жизнь и быт, образ жизни в семье, на улице, в образовательных учреждениях, на работе, в рамках формальных и неформальных групп. Степень социальной поддержки молодежи, ее результативность напрямую связаны с состоянием российской экономики, многосторонней, системной и вдумчивой работой органов социальной защиты населения, индивидуальным подходом к каждому молодому человеку, к каждой молодой семье, испытывающим трудности и прочие жизненные обременения и, прежде всего, финансовые.

Государственная и муниципальная финансовая поддержка позитивных инициативных проектов молодежи. Такая поддержка необходима, прежде всего, потому, что венчурная, креативная инициатива – это идеи-новации, в своей сущности могущие позитивно преобразить существующие разновидности общественных отношений. Это один из действенных рычагов, посредством которых общество избавляется от застоя, закостенелости и, вместе с тем, поддержка таких проектов – это государственная и муниципальная поддержка творческих инициатив молодежи, которая не просто приводит к инновациям, но и в то же самое время способствует реализации каждым молодым человеком своей самости, способностей к труду и созиданию в его рамках. Это также снимает, в известной мере, проблему привития молодежи психологии здорового образа жизни посредством труда, созданием условий для его реализации.

Минимизация молодежной безработицы, поддержка сноровки молодежи к занятию предпринимательской деятельностью, формальное и реальное генерирование идеи студенческих строительных отрядов, социальная поддержка молодых семей, решение их жилищных проблем. Как нам кажется, и это доказано жизненной практикой, безработица является неизбежным спутником капиталистических производственных отношений, которые уже оформились у нас в стране. И, к большому сожалению, почти каждый безработный молодой человек – это потенциальный и реальный правонарушитель. Стало быть необходимо сделать реальные, практические шаги к минимизации случаев безработицы. Единственный путь в этом направлении – это создание новых производственных мощностей, в которых страна объективно нуждается, в рамках которых будет трудоустроена российская молодёжь. Необходимо и далее поддерживать молодежь, стремящаяся заниматься предпринимательской деятельностью. Важно в рамках ВУЗов, как и в хорошие советские времена, создавать студенческие строительные отряды, посредством которых решались бы производственные проблемы страны, с одной стороны, с другой – сами студенты могли бы получить за свой труд справедливое денежное вознаграждение и, с третьей – это было бы реализацией на практике педагогического принципа совмещения обучения и образования с трудовой деятельностью.

Экономическая поддержка государством процесса развития сельских территорий для минимизации процесса урбанизации молодежи в города и поддержки сельского образа жизни для соответствующей части молодежи. В это связи следует подчеркнуть, что недавняя идея некоторых политиков страны относительно оптимизации сельских поселений в стране, посредством их объединения, является нечем иным, как миной замедленного действия под гармонично существующее местное самоуправление в стране. Такое объединение, если его реально произвести, неизбежно повлечет за собой рост молодежной безработицы в российских селах, сделает жизнь сельчан дискомфортной, ибо в ряде случаев за какой-нибудь справкой необходимо будет ездить достаточно далеко и проблемы села, наверно, лучше знают и решают представители местной администрации, а не другие. Вместе с тем, в соответствии с ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в системе публичной власти» в редакции 2025 года, в рамках сел и других населенных пунктов помимо должности главы администрации, вводится общественная должность старосты муниципального образования, представитель которого на практике видимо будет мешать главе администрации исполнять свои обязанности, поскольку введением должности «старосты села» подрывается неформальный принцип единоначалия в системе органов местного самоуправления.

Активная пропаганда в СМИ и коммуникации, интернет-сайтах традиционных российских семейных ценностей, семейного образа жизни. В свете той семейной политики, которая проводится властями стран Западной Европы и в недавнем прошлом США, следует подчеркнуть, что она никуда не годится, поскольку ею нарушаются все писанные и неписанные морально-нравственные ценности человечества. Поэтому, поддержка традиционных российских семейных ценностей – это реализация аксиологических установок традиционных вероисповеданий в нашей стране относительно брака и семьи, – это, с одной стороны, с другой – традиционные российские семейные ценности переданы нам нашими отцами и дедами не для того, чтобы их подвергли ревизии. Они проверены временем, испытаны образом их жизни и существования, доказали свою непревзойденность, ценность и значимость и благодаря им мы есть такие, какими нас знают, какими мы должны быть на самом деле и такими, чтобы с нас брали пример народы перечисленных стран. А между тем, с приходом к власти администрации Дональда Трампа, американцы, взяв пример с России, стали на государственном уровне поддерживать и пропагандировать традиционные семейные ценности.

Правовая и нравственная социализация молодежи. Государством проводится огромная работа в этом направлении и это оправдано и востребовано реалиями современной жизни. Трудно себе представить гармонично развивающееся общество и государство, в котором вопросам правовой и нравственной социализации молодежи не будет обращаться никакое внимание. Подчеркнем, что начиная с дошкольных образовательных учреждений до самых высших каждой семьей, педагогами-наставниками систематически проводится соответствующая работа в направлении достижения в стране высокого уровня правового и морального сознания, правовой и нравственной культуры. Необходимо и далее говорить о гуманизации и гуманитаризации отечественного образования посредством привития представителям молодежи знаний основ правоведения и этики. Именно эти дисциплины в обязательном порядке должны быть в качестве одних из основных в ФГОС для общеобразовательных школ, хотя бы в 10–11 классах. Ведь именно посредством правовых и нравственных знаний реализовывают жизненную истину о том, что посей поступок, пожнешь привычку, посей привычку, пожнешь характер, посей характер – пожнешь судьбу. А без знаний это правило не будет работать или заработает с существенными перебоями.

Подготовка и переподготовка кадров для работы с молодежью. Следует подчеркнуть, что в советское время в нашей стране существовала Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ и имелись зональные комсомольские школы в республиках, краях и областях, где готовились достаточно компетентные кадры для работы с союзной и вне союзной молодежью. Это те люди, которые добились при населении в стране почти 300 миллионов человек самой низкой молодежной преступности, были лидерами строительных студенческих отрядов, возводили БАМ и многие другие стройки общесоюзного значения. Сегодня правопреемником указанного учебного заведения является Московский гуманитарный университет, который имеет высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, аспирантуру и докторантуру, прекрасную базу для подготовки высококвалифицированных специалистов, обширный аудиторный фонд, бассейн, современный спортивный комплекс, тир, лыжную базу, великолепно обустроенные общежития. Одним словом, это учебное заведение могло бы получить через федеральное агентство по молодежной политике возмездный государственный заказ на подготовку и переподготовку лидеров молодежных организаций. Почему именно этот ВУЗ? Да потому, что он имеет достаточно компетенций в этой области, имеет длинную советскую историю подготовки молодежных кадров, соответствующие материальные и идеальные условия для осуществления этой деятельности, которых почти нет ни в одном другом учебном заведении современной России.

Предупреждение правонарушений со стороны молодежи. К большому сожалению, в нашей стране сохраняются молодежные правонарушения в форме административных проступков и преступлений. Юные и неокрепшие души становятся заложниками взрослых преступников и часто со стороны оборотней и националистов с территории сопредельной Украины. Террористические акты, планируемые и осуществляемые ими в отношении высокопоставленных военных, происходят не без их участия и в качестве исполнителей, во многих случаях выступают представители российской молодежи или молодые люди, временно проживающие на территории России, из сопредельных стран – участников СНГ.

На расширенной коллегии МВД России, состоявшейся 4 марта 2026 года, где принимал участие Президент РФ В.В. Путин, было подчёркнуто, что в 2025 году в стране возросла молодежная преступность и самому юному преступнику исполнилось 10 лет. Также отмечалось, что, к сожалению, наших юных сограждан в антиобщественную и антигосударственную деятельность вовлекают старшие по возрасту граждане. В этой связи необходимо отметить, что юридическая ответственность за такие действия нормами административного и уголовного законодательства в нашей стране должна быть ужесточена и, вместе с тем, важно еще снизить возраст наступления уголовной ответственности, усилить профилактическую работу среди населения, межведомственное взаимодействие правоохранительных органов, больше вовлекать молодежь в занятие спортом и общественные движения. Отрадно отметить, что в Федеральном законе «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» на мероприятия по развитию физической культуры и спорта государством на 2026 год выделено 216 345, 4 тыс. рублей, а на 2027–242 233 9, 8 тыс. рублей и на 2028 г. – 281 126 8, 4 тыс. рублей. Таким образом, очевидна позитивная динамика выделения денежных средств на популяризацию и развитие в стране массового спорта.

Государственная поддержка научных исследований, ориентированных на анализ проблем молодежной политики и выработку соответствующих рекомендаций по снятию имеющихся и ожидающихся проблем в этой области. Остановимся на этом немного подробно. На встрече Председателя Правительства РФ Михаила Мишустина с генеральным директором российского научного фонда Владимиром Беспаловым, состоявшемся 4 февраля 2026 года, было отмечено, что нашей страной по состоянию на конец 2025 года для проведения фундаментальных научных исследований было выделено более 40 миллиардов рублей. Для их проведения было привлечено 40 тысяч ученых из 80 субъектов Российской Федерации.

С 2023 года для достижения технологического лидерства проводятся прикладные научные исследования по электронике и микроэлектронике. А с 2026 года упор делается на исследования по биоэкономике (800 проектов), на разработку медицинского оборудования и медицинской техники.

Владимир Беспалов подчеркнул, что в 2026 году на исследования, проводимые молодыми учеными в возрасте до 40 лет, выделено 6,5 миллиардов рублей, а это сумма до 2028 года будет доведена до 8,2 миллиардов рублей. Одним словом, грантовые исследования, выполняемые молодыми учеными в России, составляют 70% из всех исследований, финансируемых российским научном фондом [2].

Денис Сергеевич Секиринский считает, что необходимо реализовать положения из «треугольника Лаврентьева», суть которого в необходимости соединения науки, образования и производства». С его же слов сегодня каждый второй российский исследователь моложе 40 лет, а примерно 75% родителей приветствуют выбор научной карьеры своими детьми» [3].

Остается актуальным вопрос о состоянии учебной литературы, в соответствии с которым происходит обучение в российских школах. Особенно учебников по истории. В этой связи вице-президент РАН академик Сергей Михайлович Алдошин отметил: «Приняты соответствующие поправки в Федеральный закон о РАН, и теперь экспертиза учебников происходит очень интенсивно и быстро, поскольку некоторые учебники, по которым преподают сейчас, не просто бесполезны, а зачастую опасны. Академическую экспертизу прошло свыше 300 учебников и образовательных программ. Более того Академия наук сама подключилась к написанию учебников, и это очень важно» [4]. На этой приятной ноте и завершим наше исследование, сформулировав несколько обобщающих выводов.

1. Определение источников, механизмов и направлений развития государственной молодежной политики Российской Федерации необходимо для ее обновления и совершенствования с учетом тех трансформаций, которые происходят в нашей стране за постсоветский период ее развития. Высота, которую предстоит обрести нашей стране очерчена в Основном законе – Конституции РФ, то есть сделать Россию подлинно правовым, демократическим, гуманистическим и социальным государством, где жизнь, интересы и личная безопасность молодежи, помимо прочих слоев населения, должны быть высшей и непререкаемой ценностью. В то же самое время молодежь, как важная и составная часть общества, должна быть социально ответственной, креативной, уважающей права и охраняемые законом интересы граждан, организаций, публично-правовых образований, институтов гражданского общества и властно-политических институтов.

В исследовании обозначены лишь некоторые контуры источников, механизмов и направлений развития государственной молодежной политики, поэтому требуют все более глубинных научных исследований, опираясь на эмпирические данные, практику ее реализации, а также теоретических и научно-практических обобщений. В силу сказанного, опредмеченная в исследовании проблема имеет достаточно многогранный характер, требует выявления имманентных, объективных и субъективных основ, определяемых эвристическим и когнитивным потенциалом исследователей вопроса и, в силу сказанного, остается актуальным и требует проведения дополнительных научных работ.

2. Военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения россиян имело месту быть в недалеком советском прошлом, оправдало себя в то время, показало ценность и значимость для общества и государства. В силу сказанного должна быть преемственность в формах и методах патриотического воспитания с учетом современных новаций и реалий, требующие вовлечения в эту работу семью, работников образовательной сферы, участников Великой Отечественной войны, воинов-афганцев и воинов-участников специальной военной операции. Это правда и аксиома.

Россия в современном мире имеет много врагов, желающих превратить ее в третьестепенную державу, расчленить на многие карликовые государства и потом овладеть ее общенациональными богатствами, а население сделать пассивным созерцателем происходящего, превратить его в бесправное орудие труда. Такие крупные попытки были у Наполеона, Гитлера и имеются у трансатлантических поджигателей войны между Россией и Украиной. Практика показала и показывает, что только молодые, патриотически настроенные граждане страны полноценно могут ее защищать от врагов, быть в авангарде боевых действий, подавать героический пример всем остальным, пожертвовать собой ради Отечества и народов проживающих в нем. Все это не простые слова, а реалии нашей с вами жизни. Один только Дагестан дал России 18 Героев Отечества, которые бок о бок несут тяжелое бремя СВО с россиянами, принимающими участие в этой операции. Сегодня время Героев и их пример мужества, крепости духа, отваги и самопожертвования есть непревзойденный эталон для подрастающего поколения сограждан. Пока в стране есть патриотизм и подлинная гражданственность, ей не страшны никакие враги. Враг уже повергнут в тот момент, когда патриотизм в стране стал не просто лозунгом, а руководством для действий ради интересов Отечества.

3. В год Единства народов России крайне важно подчеркнуть, что там, где национализм и отсутствие веротерпимости, нет места дружбе народов и там, где нет дружбы народов и отсутствует веротерпимость, – ожидает скорую гибель государства. По этой причине одним из главных направлений государственной молодежной политики страны, вероятно, должна быть проведение работы соответствующими субъектами, направленной на возведение в культ лозунга о необходимости дружбы народов и веротерпимости межу всеми религиозными конфессиями многонациональной России. Необходимо дать бой националистам и ксенофобам всех мастей – русофобам, юдофобам, кавказофобам и другим. Ведь бывший СССР, как многонациональное и многокофессиональное государство, было сильно, помимо прочего, еще и тем, что совершенно сознательно была создана единая общность людей – советский народ. Именно он прошел через суровое горнило Великой Отечественной войны и стал народом-победителем.

Основными маркерами укрепления единства народов России видимо являются: высокопроизводительная, социально ориентированная экономика, толерантное массовое общественное сознание, высокий уровень морального и правового сознания и адекватный срез нравственной и правовой культуры.

4. Правовая социализация молодежи необходима для воцарения в стране режима высокого уровня правового сознания с экспликацией к аналогичному уровню правовой культуры, предполагающей наличие соответствующих правовых знаний, обретаемые в школе, среднеспециальных и высших учебных заведениях, правомерное поведение сопровождающееся соблюдением действующих нормативно-правовых актов, высокое к ним уважение и креативность в процессе их обновления и совершенствования посредством соответствующих правовых механизмов, с учетом веления времени.

5. Нравственно одобряемое поведение – это та высота, которую необходимо обрести современной российской молодежи, в том числе посредством проведения соответствующих мероприятий в рамках реализации основных положений государственной молодежной политики. Нравственное взросление российской молодежи возможно усилиями семьи, образовательных учреждений, публично-правовых образований, институтов гражданского общества и властно-политических институтов.

Литература

1. Болотов С. Читать и считать // Российская газета. Неделя. 2026. № 228. С. 3.

2. Беседа М. Мишустина с В. Беспаловим // Россия 24. 2026. 4 февраля.
3. Образование как точная наука // Наука в Сибири // Газета сибирского отделения РАН. 2025. 4 сентября № 36. С. 1.
4. Образование как точная наука // Наука в Сибири // Газета сибирского отделения РАН. 2025. 4 сентября № 36. С. 1.
5. Образование как точная наука // Наука в Сибири // Газета сибирского отделения РАН. 2025. 4 сентября № 36. С. 5.

SOURCES, MECHANISMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF STATE YOUTH POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Magarramov M.D., Kaziyev N.E.
Russian Academy of Sciences (RAS), All-Russian State University of Justice (RSUJ)

Using empirical methods and dialectical methodology, we have identified some of the sources, mechanisms, and development directions of state youth policy in a transforming Russian society.
The main hypothesis of the study is that the effectiveness and efficiency of such policy are determined by the efficient development of the economy, its economic mechanisms, their social orientation, and the ability of political institutions to consider the multi-level nature of contradictions as sources of this type of policy, their timely resolution, and the implementation of measures aimed at implementing mechanisms for its improvement and renewal to ensure the unity of the country's peoples, enhance the status of patriotism and genuine citizenship, develop moral and legal awareness, and the general, ethical, and legal culture of citizens.

Keywords: sources, mechanisms, and development directions of state youth policy; contradictions as sources of development; resolving contradictions; an effective, socially oriented economy; patriotism and genuine citizenship; moral and legal awareness; and ethical and legal culture.

References

1. Bolotov, S. Reading and Counting // Rossiyskaya Gazeta. Week. 2026. № 228. P. 3.
2. Conversation between M. Mishustin and V. Bespalov // Rossiya 24. 2026. February 4.
3. Education as an Exact Science // Science in Siberia // Newspaper of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2025. September 4, № 36. P. 1.
4. Education as an Exact Science // Science in Siberia // Newspaper of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2025. September 4, № 36. P. 1.
5. Education as an Exact Science // Science in Siberia // Newspaper of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2025. September 4, № 36. P. 5.

Новая когнитивная ниша: синтез биологических и технологических акторов (российские студенты об особенностях познания с использованием ИИ)

Николаев Михаил Сергеевич,
кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: nh3ch4@yandex.ru

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на экспликацию особенностей формирования новой когнитивной ниши, в которой синтезируются познавательные инструменты разной природы: биологической и технологической. Исследование позволило выявить тенденцию активного проникновения технологий ИИ в учебные процессы (студенты обращаются к использованию ИИ при выполнении учебных задач в 47% случаев). Результаты исследования показали, что формирующаяся когнитивная ниша обладает сложным системным характером. В ее основе лежат когнитивные практики гибридного характера, основанные на взаимодействии биологических и технологических акторов по типу множественных нелинейных обратных связей. Данную тенденцию отмечают 68% респондентов, оценивая свое взаимодействие с ИИ как партнерское. Автором обнаружено противоречие, в соответствии с которым с одной стороны, респонденты отказываются признавать ИИ полноценным актором когнитивного процесса, преобразующим познавательные способности человека, а с другой, они признают факт систематического делегирования ИИ многих мыслительных навыков (генерация новых идей, классификация, структурирование информации и др.). Большинство студентов демонстрируют инструменталистское понимание сущности технологий ИИ, не осознавая сложный характер обратного преобразующего влияния, возникающего в процессе их использования.

Ключевые слова: новая когнитивная ниша, мезокосм, технологии ИИ, биологические акторы, технологические акторы.

Введение

В соответствии с идеями эволюционной эпистемологии – авторитетной гносеологической доктрины, познавательный аппарат человека сформировался в процессе адаптации к условиям внешнего мира, той среды, в которой эволюционировал наш биологический вид. Г. Фоллмер – немецкий физик и философ, один из основоположников эволюционной эпистемологии, ввёл понятие «микрокосм», с помощью которого он характеризует область реальности, которую человек способен воспринимать, фиксировать посредством имеющихся у него познавательных способностей.

Мезокосм – это когнитивная ниша, в которой познавательные усилия человека являются эффективными и приносящими результаты по освоению и присвоению реальности. По Фоллмеру, это мир средних измерений, который фиксируется посредством метров, килограммов, годов и т.п. Структуры нашего восприятия согласуются именно с такими масштабами, а наши когнитивные инструменты конгруэнтны им.

Современные цифровые технологии серьезным образом меняют эпистемическую ситуацию (особенно ее методологическую составляющую), трансформируя привычную для человека когнитивную нишу, привнося в нее совершенно новые инструменты получения и развития знания. Возникают новые акторы (не-люди), участвующие в процессах познания, и одновременно присваивающие когнитивные функции, которые традиционно принадлежали человеку и реализовывались исключительно человеком. В этой связи возникают новые характеристики познавательной деятельности: утрата иерархичности, линейности, предсказуемости. Это требует рефлексии, направленной на выявление условий формирования новой когнитивной ниши, сочетающей в себе два вида реальности (материальную и цифровую) и два вида субъектности (человеческой и не-человеческой).

Целью статьи является социологический анализ, направленный на экспликацию особенностей формирования новой когнитивной ниши, в которой синтезируются познавательные инструменты разной природы: биологической и технологической.

Методы

Теоретико-методологическими основаниями исследования выступает концепция эволюционной биологии Г. Фоллмера [1], ее ключевые понятия позволяют выстроить объяснительную схему в соответствии с которой мышление человека в ходе социально-культурного развития преодолевает адаптационные пределы мезокосма и создает человеческий мир культуры (антропокосм). В этом контексте современные технологии искусственного интеллекта являются порождением антропокосма. Ее положения были использованы для выявления особенностей, характерных для новой когнитивной ниши, которая носит гибридный характер, поскольку сочетает в себе как биологических, так и технологических носителей познавательной активности.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты стандартизированного интервью, которое проводилось в январе-феврале 2026 г. среди студентов Казанского федерального университета. Цель интервью – получение пользовательского мнения по проблемам использования технологий ИИ в познавательной деятельности. В опросе приняли участие сорок студентов в возрасте 18–22 лет, обладающие разнообразным опытом в области использования технологий ИИ и обучающиеся по направлениям подготовки «Информационные технологии», «Физика», «Биология», «Социология», «Журналистика» (по 8 студентов каждого направления, из них мужчин – 50%, женщин – 50%). Применялась стратифицированная выборка с контролем возраста, пола, направления подготовки. При этом важными критериями выбора респондентов выступили: наличие опыта регулярного использования технологий ИИ в учебной деятельности, получаемая респондентом специальность.

Результаты

1. Современные исследователи все чаще отмечают неинструментальный характер технологий ИИ. Британский исследователь, специалист в области ИИ в образовании К. Порайска-Помста обосновывает идею целенаправленного создания технологий ИИ, применяемых в сфере

образования, как способа воздействия, изменяющего человеческое мышление и поведение [2]. В этой связи технологии ИИ могут быть интерпретированы как самостоятельный, автономный агент, который независимо от потребностей и интересов пользователей решает собственные задачи по преобразованию человеческого мышления и изыскивает для этого самые разнообразные ресурсы.

На вопрос: «Считаете ли вы, что работа в системе «Человек-ИИ» носит характер партнерского взаимодействия?», 68% студентов дали утвердительный ответ, отметив, что обсуждают с ИИ возможные решения проблем, просят совета, благодарят его и даже проявляют эмоциональное отношение (злятся на него). Последнее, скорее всего, свидетельствует о склонности к антропоморфизации ИИ. Эта часть респондентов считает, что человек и ИИ нуждаются друг в друге: ИИ существенно облегчает процесс обучения, а человек совершенствует машинное обучение не только в технологическом плане, но и учит ИИ этическим нормам «ИИ должен знать, что хорошо, что плохо»). Один респондент отметил, что «выполняет роль ревьюера в отношении ИИ». 32% студентов считают, партнерства нет («для этого надо доверие, а ИИ на это не способен», «человек потребитель ИИ», «человек извлекает выгоду, эксплуатируя ИИ»).

На вопрос: «Можно ли считать, что нейросети выполняют в познавательных практиках исключительно роль инструмента?» 87% респондентов ответили утвердительно, 13% дали неоднозначные ответы или признали тот факт, что компетенции ИИ шире, чем просто инструментальные. Среди них: «В какой-то мере мы для ИИ инструменты», «ИИ больше, чем инструмент, так как подает идеи, которые не запрашивали напрямую», «Его влияние и функции могут быть шире и сложнее, чем инструмент». Полученные ответы показывают, что большинство респондентов не осознают обратного влияния технологий ИИ, которое имеет место в познавательных практиках, и демонстрируют их сугубо инструменталистское понимание.

2. Познавательные практики, опосредованные использованием ИИ, носят преимущественно нелинейный, гипертекстовый характер. В отличие от традиционных познавательных практик, воплощающих в себе идею иерархичности, когнитивная деятельность, детерминированная цифровыми инструментами, может быть представлена посредством концепта «ризома», который ввели философы постмодернисты [3].

Ризома – это нелинейный способ организации элементов в структуру, у которой нет единого корня (фундаментального основания), нет центра, нет начала и конца. Подобным образом утроена сеть Интернет: здесь нет «главного» сайта, нет единственно верной траектории, следуя которой можно достичь истинное знание. Это пространство, где доминирует горизонтальная связность, а иерархии размываются, поэтому познание зачастую происходит как движение по спонтанно возникающим путям-ссылкам.

В подобной ситуации неизбежно возникает кризис значимости, связанный с отсутствием эпистемического авторитета. Если «все связано со всем», а ссылка на солидное академическое издание находится на расстоянии одного перемещения (гипер-ссылки) от новостей шоу-бизнеса, спорта, развлекательного контента, то ценностная иерархия в информационном поле исчезает. Важное и неважное, главное и второстепенное больше не имеют четких границ, а познание приобретает характер бесконечного горизонтального движения по поверхности огромного океана данных, без попытки проникнуть в глубину и обрести хоть какую-то истину.

В ходе интервью респондентам был задан вопрос: «Как вы принимаете решение, – какой информации, какому источнику в Интернете доверять? Есть ли для вас наиболее значимые/авторитетные источники (авторы), на чем основан их авторитет?». На него были получены разноплановые ответы, среди которых чаще всего (70%) назывались: рекомендации преподавателей, научный авторитет, квалификация автора, рецензируемость, цитируемость, ссылки на достоверные данные. В 30% случаев на выбор источника влияют здравый смысл, нормы морали, большая фанбаза, просмотр обсуждений.

На вопрос «Что вы предпочитаете: искать необходимую информацию в традиционной библиотеке или воспользоваться технологиями ИИ/другими цифровыми ресурсами? Почему? Имеет ли для вас значение способ размещения/организации информации (традиционный линейный и цифровой)» были получены следующие ответы. 83% респондентов предпочитают пользоваться цифровыми ресурсами. Среди причин назывались удобство, быстрота, возможность проработать большой объем информации. 6% студентов предпочитают искать информацию в традиционной библиотеке (чаще по гуманитарным предметам). Для 11% цифровые ресурсы и традиционная библиотека имеют равнозначное значение.

Цифровой нелинейный способ размещения информации удобен для 70% респондентов, поскольку он более функционален (возможность производить неограниченное количество манипуляций, быстро перемещаться между документами, решать технические задачи, быстро искать информацию). 30% опрошенных предпочитают традиционный линейный способ размещения информации (чтение больших текстов, один респондент указал на возможность более глубокого вчитывания, обдумывания).

3. Современные цифровые технологии радикально меняют роль человека познающего и потребляющего информацию. Сам способ организации информации в Интернете в виде связанной сети «гнезд» и неограниченная возможность осуществлять в ней навигацию, накладывают на человека новую функцию – быть соавтором тех текстов, с которыми он вступает в познавательные отношения. Именно он определяет, с какого «гнезда» начать движение, что пропустить, а где задержаться, поверить источнику или проверить и что-то уточнить. Тем самым человек вынужден создавать свой собственный текст, собирать собственную версию события, реальности.

Использование внешних ресурсов памяти, вычислительные технологические мощности, расширяют наши когнитивные возможности, позволяют оперировать данными, выходящими далеко за пределы «мезокосма». При этом граница между «я знаю» и «я могу найти» становится все более размытой, если человек пребывает в состоянии подключенности к сети.

В ходе интервью респондентам был задан вопрос: «Считаете ли вы, что ИИ является актором, который доминирует над вами в познавательных практиках, вынуждает вас перестраивать их или осваивать новые функции/роли?». Ответы распределились следующим образом. Подавляющее большинство респондентов (90%) считают технологии ИИ исключительно полезным инструментом, который помогает в познании и никак не влияет на познавательные способности человека и предлагает что-либо только с разрешения человека. 10% опрошенных считают (скорее интуитивно), что технологии ИИ – это «нечто большее, чем инструмент», «он предпринимает попытки доминирования», один респондент отметил, что использование ИИ «в перспективе может плохо сказаться на умственных способностях».

На вопрос: «Стремитесь ли вы сформировать целостное понимание проблемы в процессе работы с разнородной, противоречивой информацией, которую вы получаете, используя технологии ИИ?» респонденты дали следующие ответы. 65% опрошенных отметили, что это очень трудно и они «не знают как эту целостность получить», 30% студентов к этому не стремятся («просто проверяют достоверность информации через альтернативные ресурсы»), 5% стараются к этому стремиться («анализирую, выявляю закономерности, сопоставляю»).

Преобразующее действие используемых студентами технологий ИИ в процессе обучения не осознается ими в полной мере, либо не осознается вообще. Они не считают ИИ полноценным актором процесса познания, который способен влиять на его логику, признавая только собственную субъектность в познании. Обнаруживается проблема целостности получаемого знания. По результатам исследования можно предположить, что большая часть получаемой информации при участии ИИ в том числе, носит разрозненный, партикулярный характер, что не позволяет сформировать системное видение проблемы.

Обсуждение

Проведенное исследование подтверждает, что современные цифровые технологии вносят революционные изменения в мезокосм человека, в пределах которого традиционно формировался его познавательный аппарат и вырабатывалось знание. Когнитивная деятельность современной студенческой молодежи (целевая аудитория исследования) осуществляется в принципиально иных условиях, совокупность которых формирует новую когнитивную нишу. Ее сущность определяется интеграцией биологических и технологических акторов – носителей познавательной активности.

Наиболее влиятельным технологическим актором являются системы ИИ. Сегодня исследователи отмечают что «стандартные модели ИИ представляют собой полностью автономного агента, задача которого, безраздельно находить способы максимизации достижения предустановленной цели, независимо от реальных текущих или долгосрочных потребностей или контекстов пользователей» [2]. При этом их преобразующее воздействие (в лучшую или худшую сторону) на человеческое мышление и поведение остаётся открытым вопросом [2].

Австралийские исследователи отстаивают идею формирования новой гибридной практики (teaming interactions), где результат рождается из синергии человека и ИИ, а не из действий каждого по отдельности. Они противопоставляют подход collaborative HAI» teaming (где ИИ – агент-партнёр) подходу создания всё более автономных систем,

замещающих человека («push for more and more autonomous AI»). При таком подходе «акцент смещается с создания машин, которые могут точнее имитировать человека, на разработку искусственного интеллекта, способного совместно с людьми работать над общей целью, используя взаимодополняющие сильные и слабые стороны. Таким образом, человек и машина могут создать нечто, что ни один из них не смог бы сделать в одиночку» [4].

В контексте их рассуждений в основе новой когнитивной ниши лежит не простое взаимодействие, синтезирующее возможности человека и ИИ, а системное взаимодействие гибридного, циклического характера по типу обратной связи. Опыт предыдущего взаимодействия (эпизода) меняет условия следующего. ИИ как актор постоянно влияет на состояние сети (команды) и сам изменяется под её влиянием (через обновление данных, алгоритмов, интерфейса).

Отечественные авторы, исследующие развитие субъектности студентов при взаимодействии с генеративным искусственным интеллектом, отмечают: «Взаимодействие человека и ИИ подразумевает сотрудничество (HumanAI Collaboration), при котором люди и системы ИИ активно способствуют достижению общих результатов, совместно принимают решения, обучаются друг у друга и адаптируются друг к другу» [5, с. 9].

В этой части наше исследование солидаризируется с подобной позицией, согласно его результатам, большинство респондентов отметило партнерские отношения, которые возникают между ними и системами ИИ в процессах познания.

ИИ как активного актанта, меняющего саму логику деятельности, рассматривают авторы еще одного коллективного исследования: «ИИ (ChatGPT и другие модели) меняет саму идею поиска: раньше он осуществлялся с помощью реальных технических средств (библиотечные каталоги) и рекомендаций специалистов, а сейчас идет в основном в электронных поисковых системах… технологии ИИ заменяют идею поиска информации идеей получения ответа» [6, с. 9].

Выводы

Технологии искусственного интеллекта становятся современной формой познавательных практик молодежи, активно формируя новую когнитивную нишу. В данной работе была предпринята попытка раскрыть особенности использования студентами систем ИИ в образовательном процессе. Выдвинутые гипотезы в целом подтвердились. Проведенное исследование показало, что сегодня можно говорить о складывающейся тенденции неизбежного присутствия технологий ИИ в когнитивной деятельности студентов. По результатам исследования каждая вторая учебная задача реализуется с применением генеративных нейросетей. ИИ представляет собой серьезный ресурс не только инструментального порядка, он демонстрирует способность детерминировать и преобразовывать когнитивные процессы.

Согласно результатам исследования, студенты все чаще делегируют познавательные операции системам искусственного интеллекта, поручая им генерацию новых идей, развитие и дополнение собственных мыслей, классификацию материала, структурирование информации. Подавляющее большинство представителей учащейся молодежи, принявших участие в интервью, отмечает важность технологий ИИ для познавательной деятельности. На вопрос «Какой объем в полученном вами знании по той или иной проблеме можно отнести к вашим когнитивным усилиям, а какой к заслугам технологий ИИ в процентном соотношении» 80% опрошенных оценили объем участия ИИ в 40%.

При этом большинство участников интервью демонстрируют поверхностное понимание сущности складывающейся коллаборации «Человек-ИИ», и не склонны считать ИИ полноценным актором процесса познания, обладающим обратным влиянием на познающего субъекта. И это можно расценивать как противоречие, возникающее в оценке студентами роли технологий ИИ в образовании, которое указывает на необходимость дальнейшего изучения последствий возникновения новой когнитивной ниши, синтезирующей биологические и технологические ресурсы.

Следует отметить, что данное исследование не направлено на формирование обобщающей картины познавательной деятельности студентов с использованием технологий ИИ, оно носит локальный характер и сосредоточено на студентах Казанского федерального университета. Необходима дальнейшая верификация полученных выводов на более широких выборках.

Литература

1. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https:// gtmarket.ru/library/basis/4660 (дата обращения: 12.01.2026).
2. Porayska-Pomsta K.A Manifesto for a Pro-Actively Responsible AI in Education [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/ 10174445/1/s40593–023–00346–1.pdf (дата обращения: 10.02.2026).
3. Делез Ж., Гватари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
4. McGrath M.J., Duenser A., Lacey J., Paris C. Collaborative human-AI trust (CHAI-T): A process framework for active management of trust in human-AI collaboration [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://arxiv.org/pdf/2404.01615 (дата обращения: 10.02.2026).
5. Гнедых Д.С., Бордовская Н.В., Кошкина Е.А., Посохова С.Т., Хромова М.А., Исхакова М.П. Развитие субъектности студентов при взаимодействии с генеративным искусственным интеллектом: систематизация научных представлений// Образование и наука. – 2025. – Т. 27, № 8. – С. 9–34.
6. Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 335–353.

A NEW COGNITIVE NICHE: THE SYNTHESIS OF BIOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL ACTORS (RUSSIAN STUDENTS ON THE FEATURES OF COGNITION USING AI)

Nikolaev M.S.
Kazan (Volga region) Federal University

This article presents the results of a sociological study aimed at explicating the features of an emerging cognitive niche that synthesizes cognitive tools of different origins: biological and technological. The study revealed a trend of active integration of AI technologies into educational processes (students use AI to accomplish learning tasks in 47% of cases). The findings indicate that the developing cognitive niche possesses a complex systemic nature. It is based on hybrid cognitive practices involving the interaction of biological and technological actors through multiple, non-linear feedback loops. This trend is noted by 68% of respondents, who assess their interaction with AI as a partnership. The author identifies a contradiction: on the one hand, respondents refuse to recognize AI as a full-fledged actor in the cognitive process that transforms human cognitive abilities; on the other hand, they acknowledge the systematic delegation of numerous cognitive skills to AI (e.g., generating new ideas, classifying and structuring information). Most students demonstrate an instrumentalist understanding of the essence of AI technologies, failing to recognize the complex transformative feedback effect that arises in the process of their use.

Keywords: new cognitive niche, mesocosm, AI technologies, biological actors, technological actors.

References

1. Follmer G. Evolutionary Theory of Knowledge: Innate Structures of Cognition in the Context of Biology, Psychology, Linguistics, Philosophy, and Theory of Science. Available at: https://gtmarket.ru/library/basis/4660 (accessed: 12.01.2026). (In Russ.)
2. Porayska-Pomsta K. A manifesto for a pro-actively responsible AI in education. International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2023. Available at: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10174445/1/s40593–023–00346–1.pdf (accessed: 10.02.2026).
3. Deleze G., Gvatari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel, 2010. 895 p. (In Russ.)
4. McGrath M.J., Duenser A., Lacey J., Paris C. Collaborative human-AI trust (CHAI-T): A process framework for active management of trust in human-AI collaboration. arXiv. 2024. Available at: https://arxiv.org/pdf/2404.01615 (accessed: 10.02.2026).
5. Gnedykh D.S., Bordovskaia N.V., Koshkina E.A., Posokhova S.T., Khromova M.A., Iskhakova M.P. Development of student subjectivity in interaction with generative artificial intelligence: systematization of scientific concepts. Obrazovanie i Nauka. 2025. Vol. 27, № 8. P. 9–34. (In Russ.)
6. Aleshkovskii I.A., Gasparishvili A.T., Narbut N.P., Krukhmaleva O.V., Savina N.E. Russian students on the opportunities and limitations of using artificial intelligence in education. Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2024. Vol. 24, № 2. P. 335–353. (In Russ.)

Исторические этапы трансформации экономической политики и элитарный досуг

Пономарева Марина Александровна,
кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MAPonomareva@fa.ru

Кузнецова Анна Вячеславовна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 254516@edu.fa.ru

В работе рассматривается экономическая политика государства как фактор формирования элитарного досуга, а также историческая трансформация данного явления – от придворного института до формы культурного досуга, отражающей социальный статус и экономические возможности участников.
Рассматривается трансформация социального статуса соколиной охоты – от княжеской и царской регалии в допетровский период до постепенного угасания традиции в XVIII–XIX веках в связи с распространением ружейной охоты и изменением культурных приоритетов. Особое место уделено культурному наследию соколиной охоты. Автор прослеживает эволюцию восприятия соколиной охоты как элемента национальной идентичности и ее современное возрождение в контексте сохранения нематериального культурного наследия и экономической составляющей. Статья основана на анализе широкого круга источников, включая архивные материалы, законодательные акты, эпистолярное наследие и мемуарную литературу, что позволяет реконструировать целостную картину развития соколиной охоты как значимого явления российской истории и культуры. На основе исторического анализа автором предлагается концепция создания современной школы соколиной охоты как элитарной образовательно-досуговой экосистемы, а также представлены расчёты затрат на её организацию и содержание, обосновывающие экономическую эффективность проекта.

Ключевые слова: соколиная охота, элитарный досуг, экономическая эффективность, придворная культура, историческое наследие.

Введение

Элитная аудитория в современной России – это не просто люди с высоким доходом. Это личности, ищущие не столько «развлечение», сколько эксклюзивный опыт, статус, смыслы и глубокую личную трансформацию в процессе досуга. Позиционирование должно строиться на уникальных принципах, соответствующих именно вкусам элитарного слоя российского общества. Согласно данным Международной Ассоциации Соколиной Охоты (IAF), в мире насчитывается около 75 000 сокольников. Для сравнения, только в России, по данным Росстата, более 6,5 миллионов владельцев легковых автомобилей бизнес-класса и выше. Сама численность членов клубов демонстрирует эксклюзивность данных организаций. Поэтому роль должна играть ограниченность количества членов, чтобы даже числом людей, состоящих в школе, показывалась элитарность. Любой может купить яхту. Но лишь избранные могут стать частью сакрального сообщества. Членство в школе предоставляет доступ не только к тренировкам, но и к закрытым мероприятиям: выездным охотам в уникальных локациях (например, в Карелии или на плато Укок), участию в международных соколиных фестивалях, лекциям приглашенных историков и биологов мирового уровня, доступ к закрытому онлайн-ресурсу с архивными материалами.

Создается не просто клуб по интересам, а социальный капитал. Это платформа для взаимодействии в уникальной, некоммерциализированной среде. Для сравнения: членство в гольф-клубе – это, в первую очередь, бизнес-среда. Членство в школе соколиной охоты – это среда на основе общего глубокого увлечения и статуса. По исследованию «Лаборатории Касперского» об образе жизни состоятельных россиян (2021), 68% опрошенных представителей элиты отмечают высокую значимость хобби, связанных с историей и традициями, для формирования репутации. Поэтому имеет смысл разработка и патентование собственной методики обучения, основанной на исторических русских традициях соколиной охоты (например, с использованием особых пород птиц, характерных для России – кречет, балобан), но дополненной современными знаниями зоопсихологии и биомеханики.

Это интеллектуальное лидерство, которое невозможно скопировать. Позиционирование: «Мы не учим соколиной охоте вообще. Мы учим *русской* соколиной охоте».

Это отвечает тренду на осознанность и этичное отношение к животным. Клиент покупает не развлечение, где птица – это инструмент, а опыт построения уникальных отношений с одним из самых совершенных хищников планеты. Это эмоциональное УТП, которое резко отличает школу от стереотипов об охоте.

Основная часть

Исследование трансформации экономической политики элитного досуга в России требует особого внимания. В ходе исследования была сформирована финансовая модель проекта, включающая детальный анализ операционных расходов, поскольку содержание школы соколиной охоты относится к категории затратных, но при грамотной организации высокодоходных предприятий. Ежемесячные расходы на поддержание деятельности школы (рисунок 1) составляют в среднем около 700 тысяч рублей, и эта сумма складывается из нескольких ключевых составляющих.

Таблица 1. Структура ежемесячных расходов (в цифрах)[1]

Статья расходов	Сумма (руб./мес.)	Доля
Корма и ветобслуживание птиц	150 000	21%
Заработная плата персонала	300 000	43%
Содержание инфраструктуры	120 000	17%
Корма для мероприятий	40 000	6%
Маркетинг	40 000	6%
Непредвиденные расходы	50 000	7%
ИТОГО	**700 000**	**100%**

Прежде всего, это содержание ловчих птиц, которое требует около 150 тысяч рублей ежемесячно – сюда входят полноценное кормление

[1] Составлено автором

свежими перепелами, суточными цыплятами и грызунами, регулярное ветеринарное обслуживание, витаминные препараты, а также своевременное обновление амуниции. Значительную статью расходов представляет оплата труда квалифицированного персонала, на которую уходит порядка 300 тысяч рублей в месяц, поскольку работа с хищными птицами требует присутствия профессиональных сокольников ежедневно, включая выходные и праздничные дни, а проведение мастер-классов и сопровождение гостей невозможно без опытных инструкторов, помимо которых в штате также предусмотрены административные сотрудники и бухгалтер на условиях аутсорсинга.

Содержание инфраструктуры, включая вольеры, тренировочные поля и помещения для приема гостей, обходится примерно в 120 тысяч рублей ежемесячно, что покрывает коммунальные платежи, дезинфекцию, уборочные материалы и текущий ремонт. Отдельно закладываются средства на закупку кормовой базы для показательных выступлений и охотничьих дней – около 40 тысяч рублей, а также на маркетинговое продвижение в закрытых клубах и элитарных сообществах, ведение социальных сетей и профессиональную фотосъемку, что требует еще примерно 40 тысяч рублей ежемесячно. Резерв на непредвиденные ситуации составляет около 50 тысяч рублей. При оптимистичном сценарии развития, когда школа выходит на полную загрузку через два-три года, ежемесячный доход может достигать 2,1 миллиона рублей, что обеспечивает чистую прибыль около 1,4 миллиона рублей и позволяет окупить стартовые инвестиции в размере примерно 16 миллионов рублей менее чем за год, а именно за 11–12 месяцев. Такая финансовая модель демонстрирует высокую инвестиционную привлекательность проекта при условии сохранения элитарного позиционирования и строгого контроля качества предоставляемых услуг, что особенно важно в сегменте, ориентированном на состоятельную аудиторию, ищущую не просто обучение, но уникальный досуг, интеграцию с природой и приобщение к историческим традициям.

Соколиная охота занимала особое место в истории русской культуры и государственного церемониала, поскольку она объединяла практические, символические и дипломатические функции. В период правления династии Романовых (1613–1917 гг.) данная форма охотничьей деятельности прошла путь от важнейшего элемента придворной жизни и государственного занятия до культурного наследия, сохранившего преимущественно символическое значение [2]. Анализ развития соколиной охоты позволяет рассматривать её как опциональный институт, отражающий трансформацию государственной власти, экономических приоритетов и культурных ценностей Российской державы [3].

Соколиная охота основывалась на использовании ловчих птиц – соколов, кречетов и ястребов, специально обученных для добычи дичи [10]. Особое значение имели кречеты, добывавшиеся в северных регионах. Их высокая стоимость, сложность транспортировки и ограниченность ресурсов превращали их в престижный объект владения, связанный с элитой правящего слоя [1].

После избрания Михаила Фёдоровича Романова на престол в 1613 году государство стремилось восстановить утраченную во время смутного времени систему церемониалов и символов власти [4]. Восстановление царских охот, включая соколиную, стало одним из инструментов демонстрации стабильности власти [2]. Центральное место в системе занимал Сокольничий приказ – административная структура Московского государства, отвечавшая за организацию охотничьих мероприятий, содержание ловчих птиц и координацию действий служилых людей. Приказ выполнял функции управления ресурсами, контроля за обучением специалистов и обеспечения материально-технической базы. Их деятельность регулировалась строгими инструкциями, отражёнными в архивных документах. Сокольничий – придворный чин, отвечавший за организацию охоты и содержания птиц – занимал важное место в дворцовой иерархии. Сокольничие являлись не только практиками, но и чиновниками, обладавшими определённым статусом при дворе [13].

Особый расцвет соколиной охоты приходится на правление царя Алексея Михайловича Романова (1645–1676 гг.), при котором данная практика приобрела окончательно оформленный придворный и государственный характер [6]. Центральным документом этого периода является «Урядник сокольничего пути», представляющий собой регламент, фиксирующий организационные принципы проведения охоты, обязанности участников и правила содержания ловчих птиц. Соколиная охота при Алексее Михайловиче была не просто развлечением, а важной частью государственной репрезентации [16]. Охотничьи выезды сопровождались строгим соблюдением ритуалов и демонстрировали статус монарха, его связь с традициями московского государства и преемственность власти. Значительное внимание уделялось к регламентированию экипировки, подготовке конного состава, распределению ролей среди участников и даже порядку расположения лиц во время охоты. Такая детализация свидетельствует о превращении охоты в своеобразный церемониальный акт, где каждая деталь имела символическое значение. Также существовали специальные хозяйства – соколиные дворы, где содержались ловчие птицы, включая кречетов, сапсанов и других представителей семейства соколиных. За птицами закреплялся штат специалистов, осуществлявших кормление, тренировку и ветеринарный уход. Государство обеспечивало поставки птиц из северных и восточных регионов, прежде всего из Сибири и Поморья, где велся их целенаправленный отлов [13]

После смерти Алексея Михайловича в 1676 г. соколиная охота сохранила статус важного элемента придворной культуры, однако характер её развития начал постепенно изменяться под влиянием политических обстоятельств и трансформации придворной жизни. При царе Фёдоре Алексеевиче (1676–1682 гг.) система организации сокольничества, сформированная ранее, продолжала функционировать. Сохранялась деятельность Сокольничего приказа [13]. В этот период продолжалась практика доставки ловчих птиц из северных территорий. Особенно ценились кречеты, добываемые в районах Русского Севера и Сибири; они направлялись ко двору в качестве обязательной государственной повинности. Упоминания о поставках встречаются в документах приказного делопроизводства, где фиксируются маршруты транспортировки и расходы на содержание птиц. Кречеты высоко ценились благодаря своим охотничьим качествам и использовались как в собственно охоте, так и в дипломатических целях. Передача ловчих птиц иностранным правителям продолжалась и после смерти Алексея Михайловича, оставаясь элементом внешнеполитического церемониала [2]

При регентстве царевны Софьи Алексеевны (1682–1689 гг.) соколиная охота не утратила своей значимости, хотя источники отмечают уменьшение количества крупных торжественных выездов, что связывается с внутриполитической нестабильностью и борьбой придворных группировок. Тем не менее функционирование сокольничих служб сохранялось, а штат обслуживающего персонала продолжал получать жалование и содержание [13].

Одной из особенностей последнего этапа развития соколиной охоты до начала реформ Петра I стало постепенное усиление влияния западноевропейских охотничьих практик. При дворе возрастал интерес к другим формам охоты, включая псовую и ружейную, что в дальнейшем определило изменение приоритетов. Однако до конца 1680-х годов соколиная охота оставалась престижным занятием, связанным с демонстрацией царского статуса и соблюдением традиций московского двора. Организационная система, сформированная при Алексее Михайловиче, продолжала функционировать без радикальных изменений, обеспечивая преемственность придворного ритуала вплоть до начала петровских преобразований.

Начало XVIII века стало переломным этапом в истории соколиной охоты, поскольку реформы Петра I сопровождались масштабной модернизацией государственного аппарата, армии, культуры и придворного быта [7]. Политика европеизации привела к переосмыслению традиционных форм досуга и церемониала, включая царские охоты. В результате соколиная охота, достигшая институционального расцвета во второй половине XVII века, столкнулась с постепенной трансформацией своего статуса и функций [10]

Пётр I стремился внедрить европейские модели управления и культуры, ориентируясь на практики западноевропейских дворов [3]. Это означало изменение символического значения ряда традиций, которые ранее служили ключевыми элементами московского придворного уклада. Соколиная охота, тесно связанная с традициями Московского царства, утратила часть своего идеологического значения, поскольку новые формы придворной активности основывались на военных манёврах, морских путешествиях и научных экспериментах. Однако традиция не исчезла полностью, а адаптировалась к новым условиям. Сокольничьи продолжали существовать как специалисты, но их роль постепенно смещалась в сторону обслуживания частных охот представителей аристократии. Это отражало более широкую тенденцию перераспределения культурных практик: государственные ритуалы уступали место индивидуальным формам досуга дворянства.

При Екатерине I (1725–1727 гг.) соколиная охота не занимала заметного места среди придворных развлечений. Основное внимание двора было сосредоточено на сохранении политической стабильности после смерти Петра I, а традиционные формы охоты не получили активного развития. При Петре II (1727–1730 гг.), который проявлял интерес к охоте в целом, большее распространение получила псовая охота, соответствовавшая европейским традициям, тогда как соколиная охота оставалась второстепенной [3].

Во время правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) охота сохраняла значение как элемент придворной культуры, однако источники

чаще упоминают масштабные загонные охоты и придворные развлечения западного типа. В этот период усиливается влияние европейских охотничьих традиций, включая использование огнестрельного оружия, что снижало практическую востребованность соколиной охоты. Несмотря на это, сохранялось содержание ловчих птиц при дворе, что указывает на сохранение традиции как символического наследия [11].

В правление Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) наблюдается определённый интерес к восстановлению элементов старомосковского церемониала, однако соколиная охота уже не возвращается к прежнему масштабу. Основное внимание уделялось придворным балам, театру и охоте с использованием огнестрельного оружия. Соколиная охота сохранялась как историческая традиция и часть культурной памяти двора, но не являлась центральным видом императорского досуга [2]

В экономическом плане содержание ловчих птиц оставалось затратным. Однако изменение приоритетов двора привело к снижению финансирования специализированных служб. Если в XVII веке добыча кречетов осуществлялась при прямой поддержке государства, то в XVIII веке всё большее значение приобретали частные инициативы. Дворяне и представители знати могли самостоятельно приобретать птиц, что способствовало коммерциализации отдельных аспектов традиции [7].

Важным фактором изменений стало распространение огнестрельного оружия. Развитие технологий охоты с использованием ружей изменило представления о практической эффективности различных способов добычи дичи. Огнестрельная охота требовала меньших затрат времени на обучение и позволяла достигать более стабильных результатов, что снижало практическую привлекательность соколиной охоты как средства добычи. В результате она всё больше превращалась в символический и эстетический элемент культуры.

Тем не менее, сохранялся интерес к соколиной охоте как к исторической традиции. Некоторые представители дворянства рассматривали её как связь с национальным прошлым и способом демонстрации принадлежности к старинной элите. Соколиная охота становилась своеобразным маркером культурной идентичности, противопоставляющим старомосковские традиции новым европейским влияниям. Это способствовало сохранению навыков дрессировки птиц и передачи знаний внутри узкого круга специалистов [11].

При Екатерине II (1762–1796 гг.) соколиная охота окончательно утратила статус государственной церемонии. Императрица ориентировалась на европейские модели культуры и управления, поэтому основное внимание уделялось охоте с использованием огнестрельного оружия, а также загонной и псовой охоте, популярной среди европейской аристократии. Соколиная охота сохранялась как традиция и редкое увлечение отдельных охотников, а не как элемент официального двора [2;3].

В правление Павла I (1796–1801 гг.) наблюдается интерес к восстановлению некоторых старых придворных традиций и церемониалов. Однако свидетельств о систематическом возрождении соколиной охоты нет. Основное внимание император уделял военной организации двора и рыцарской символике, а охотничьи практики развивались преимущественно в европейском формате. Соколиная охота не получила институционального восстановления и оставалась эпизодическим явлением [9].

При Александре I (1801–1825 гг.) охота продолжала играть важную роль в жизни российской знати, однако доминировали формы охоты, соответствующие европейским традициям начала XIX века. В этот период активно распространялось использование ружейной охоты, что снижало практическое значение ловчих птиц. Тем не менее интерес к соколиной охоте сохранялся в научной и описательной литературе, где она рассматривалась как часть исторического наследия России [12].

Во время правления Николая I (1825–1855 гг.) происходит усиление интереса к национальной истории и традициям, однако это не приводит к восстановлению придворной системы сокольничества. В охотничьей практике императорского двора преобладали другие виды охоты, особенно организованные военные и парадные выезды [3].

При Александре II (1855–1881 гг.) и последующих императорах XIX века соколиная охота окончательно превращается в историческую традицию, утратившую практическую значимость в императорском быту. Распространение огнестрельного оружия, изменение охотничьих технологий и трансформация досуга высшего общества привели к исчезновению ловчей охоты как регулярной практики. Однако в научных трудах и музейных коллекциях возрастает интерес к изучению сокольничества как элемента национального наследия [12]. Описания соколиной охоты включаются в исторические исследования, посвящённые московскому царскому двору и традициям XVII века.

При Александре III (1881–1894 гг.) и Николае II (1894–1917 гг.) соколиная охота уже не являлась частью официальной придворной жизни. Основные виды императорской охоты включали ружейную охоту и крупные загонные мероприятия. Тем не менее интерес к соколам сохранялся среди отдельных любителей и натуралистов, а ловчие птицы становились объектом научного изучения орнитологов. К началу XX века соколиная охота воспринималась прежде всего как историко-культурный феномен, связанный с эпохой московских царей и ранних Романовых [2;3;12].

История соколиной охоты в России в период династии Романовых демонстрирует постепенную трансформацию её функций – от важного элемента государственной репрезентации к культурно-историческому феномену. В XVII веке соколиная охота выступала значимой частью политической символики московского государства. При первых Романовых, особенно в правление Алексея Михайловича, она представляла собой строго регламентированную систему, включавшую государственные учреждения, специализированные службы и сложную иерархию участников. Охотничьи выезды выполняли одновременно несколько задач: демонстрацию власти монарха, поддержание придворной традиции и укрепление дипломатических связей посредством обмена ловчими птицами [13].

Переход к XVIII веку сопровождался структурными изменениями государственной системы и придворной культуры. Реформы Петра I привели к ликвидации приказной системы управления и пересмотру многих традиционных форм двора. В результате соколиная охота утратила статус официального государственного института. Изменение охотничьих предпочтений было связано с европеизацией российской элиты и распространением огнестрельного оружия, что повысило популярность ружейной и псовой охоты. Эти процессы совпали с общими тенденциями модернизации, в рамках которых средневековые формы церемониала постепенно заменялись новыми моделями аристократического досуга [7;8;10].

В период дворцовых переворотов XVIII века соколиная охота сохранялась преимущественно как традиция, не имея прежнего организационного масштаба. Придворная культура сместила акцент в сторону театрализованных развлечений, балов и европейских охотничьих практик. Отсутствие системной государственной поддержки привело к постепенному сокращению числа специалистов-сокольничих и исчезновению инфраструктуры, характерной для XVII века. При этом историческая память о сокольничестве продолжала сохраняться в описаниях придворного быта и исторических хрониках [9;15].

Во второй половине XVIII–XIX веках происходила окончательная переоценка значения соколиной охоты. Она перестала восприниматься как актуальная форма элитного досуга и начала рассматриваться как элемент национальной традиции. Интерес к ней проявлялся прежде всего в историко-этнографических исследованиях и трудах, посвящённых московской старине. В условиях развития науки и музейного дела соколиная охота стала частью культурного наследия, отражающего особенности социальной структуры и ценностных ориентиров прежних эпох [12].

К началу XX века соколиная охота существовала главным образом в историческом и символическом измерении. Несмотря на исчезновение её практического применения при императорском дворе, она сохраняла значение как важный элемент исторической идентичности России. Исследователи рассматривали её как пример сложной системы взаимодействия человека и природы, а также как показатель статуса и социальной иерархии в традиционном обществе. Таким образом, эволюция соколиной охоты в период Романовых отражает более широкие процессы трансформации российского общества–переход от средневековой церемониальности к модернизированным формам культуры и досуга [8;9].

Заключение

Проведённое исследование истории развития соколиной охоты в России в период правления династии Романовых (1613–1917 гг.) позволяет проследить её эволюцию от важного государственного института к культурно-историческому наследию. В XVII веке соколиная охота являлась значимым элементом придворной жизни и выполняла функции политической репрезентации, дипломатического взаимодействия и символического утверждения власти монарха. Особый расцвет наблюдался в правление Алексея Михайловича, когда была сформирована чёткая организационная структура, закреплённая нормативными документами, включая регламенты проведения охотничьих мероприятий и распределение обязанностей участников. Наличие специализированных служб, развитой инфраструктуры содержания ловчих птиц и системы их поставок свидетельствует о высоком уровне институционализации сокольничества.

После смерти Алексея Михайловича соколиная охота сохраняла значение как придворная традиция, однако политические изменения

конца XVII века и последующие реформы Петра I привели к постепенному снижению её роли. Ликвидация приказной системы управления, европеизация двора и распространение огнестрельного оружия способствовали изменению охотничьих практик. В XVIII веке соколиная охота утратила статус обязательного государственного ритуала и превратилась в редкую форму досуга, сохранявшуюся преимущественно благодаря традиции.

Период дворцовых переворотов закрепил эту тенденцию: придворная культура ориентировалась на новые формы развлечений, а организационные структуры сокольничества окончательно исчезли. В правление Екатерины II и последующих императоров соколиная охота существовала главным образом как историческая память и элемент национальной культуры. Распространение ружейной охоты и изменение социальных предпочтений окончательно вытеснили её из практики императорского двора.

В XIX – начале XX века соколиная охота воспринималась уже не как актуальная форма охоты, а как часть исторического наследия России. Она сохранялась в научных исследованиях, исторических описаниях и музейных коллекциях, отражая ценности прежней эпохи и социальную символику традиционного общества. Таким образом, развитие соколиной охоты в период династии Романовых демонстрирует закономерный переход от института государственной церемонии к культурному феномену, представляющему важный источник для изучения истории придворной культуры, социальной иерархии и трансформации досуга российской элиты.

Литература

1. Забелин И. Е. «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Государев двор, или дворец». – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 306 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-10477-6.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 / [предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимина]. – Мысль, 1987. – 430
3. История России с древнейших времен: В 15 кн. – Москва: Соцэкгиз, 1959–1966. – 15 т.; 23 см.
4. Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изуч. обществ. строя и сослов. отношений в Смут. время / С.Ф. Платонов; – 5-е изд. – Москва: Памятники ист. мысли, 1995. – 469 с., [1] л. портр.: карт.; 22 см. – (Памятники исторической мысли).; ISBN 5-88451-007-1: Б. ц.
5. Скрынников Р.Г. История российская, IX–XVII вв. / Р.Г. Скрынников. – Москва: Весь мир, 1997. – 496 с
6. Богословский М.М. Петр I: мат-лы для биографии / акад. М.М. Богословский; под ред. проф. В.И. Лебедева. Первое заграничное путешествие. Ч. 1–2. 9 марта 1697–25 августа 1698 г. / 5 т.; 22 см. – [Москва]; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940–1948, 1941. – 623 с.
7. Павленко Н.И. Пётр Первый – 10-е издание, издательство «Молодая гвардия». ISBN - 978–5–235–05176–8. Страниц – 432
8. Вернадский Г.В. Московское царство. М.: ЛЕАН, Аграф, 2001 г.
9. Н.И. Костомаров Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей Москва «Эксмо»2009.-1024с
10. Сабанеев, Л.П. Русская охота / Л.П. Сабанеев. – Москва: Просвещение-Союз, 2025. – 208 с. – (История России). – ISBN 978-5-00185-659-7
11. Сабанеев, Л.П. Охотничьи звери / Л.П. Сабанеев; [составитель Е.А. Калганов]. – Москва: Физкультура и спорт, 1988. – 480 с.: ил. – (Человек и природа)
12. Анофриев, Н.Ю. Русская охотничья библиотека: Полный список книг и брошюр с краткими о каждой из них отзывами / Н.Ю. Анофриев. – Брест-Литовск, 1905. – 160 с.
13. Милюков, П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.): [сборник] / П.Н. Милюков. – Москва: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1901. – [2], VI, 314 с.
14. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841–1842. Т. 1: 1334–1598 гг. / главный редактор И. Григорович. – Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. – 602 с. разд. паг., 1 табл. ил.
15. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. – Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова, 1910. – Т. 23. – С. 120–121
16. Книга глаголемая урядник // Собрание писем царя Алексея Михайловича: с приложением Уложения сокольничья пути с пояснительною к нему заметкою С.Т. Аксакова с портретом царя и снимками его почерка. – Москва, 1856. – С. 87–248

HISTORICAL STAGES OF ECONOMIC POLICY TRANSFORMATION AND ELITE LEISURE ACTIVITIES

Ponomareva M.A., Kuznetsova A.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The paper examines the economic policy of the state as a factor in the formation of elite leisure, as well as the historical transformation of this phenomenon from a court institution to a form of cultural leisure that reflects the social status and economic opportunities of its participants. The paper examines the transformation of the social status of falconry from a princely and royal regalia in the pre-Petrine period to the gradual decline of the tradition in the 18th and 19th centuries due to the spread of gun hunting and changes in cultural priorities. Special attention is given to the cultural heritage of falconry. The author traces the evolution of the perception of falconry as an element of national identity and its modern revival in the context of preserving intangible cultural heritage and its economic component. The article is based on an analysis of a wide range of sources, including archival materials, legislative acts, epistolary heritage, and memoir literature, which allows for the reconstruction of a holistic picture of the development of falconry as a significant phenomenon in Russian history and culture. Based on this historical analysis, the author proposes a concept for creating a modern falconry school as an elite educational and leisure ecosystem, and presents calculations of the costs associated with its organization and maintenance, which demonstrate the economic feasibility of the project.

Keywords: falconry, elite leisure, economic efficiency, court culture, historical heritage.

References

1. Zabelin I. E. “The Domestic Life of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries. The Sovereign’s Court, or Palace.” – Moscow: Izdatelstvo Yurait, 2020. – 306 p. – (Anthology of Thought). – ISBN 978-5-534-10477-6.
2. Klyuchevsky V.O. Course in Russian History. Part 1 / [foreword by V.L. Yanin, V.A. Alexandrov; afterword and commentary compiled by V.A. Alexandrov, V.G. Zimina]. – Mysl, 1987. – 430
3. History of Russia from Ancient Times: In 15 Books. – Moscow: Sotsekgiz, 1959–1966. – 15 volumes; 23 cm.
4. Platonov S.F. Essays on the History of the Time of Troubles in the Muscovite State in the 16th-17th Centuries: An Experience of Studying Social Structure and Estate Relations during the Time of Troubles / S.F. Platonov; – 5th ed. – Moscow: Monuments of Historical Thought, 1995. – 469 p., [1] p. of port.: map; 22 cm. – (Monuments of Historical Thought); ISBN 5-88451-007-1: Big c.
5. Skrynnikov R.G. Russian History, 9th-17th Centuries / R.G. Skrynnikov. – Moscow: Ves’ mir, 1997. – 496 p.
6. Bogoslovsky M.M. Peter I: Materials for a Biography / Academician M.M. Bogoslovsky; edited by prof. V.I. Lebedeva. The First Journey Abroad. Part 1–2. March 9, 1697 – August 25, 1698 / 5 vols.; 22 cm. – [Moscow]; Leningrad: State Social-Economic Publishing House, 1940–1948, 1941. – 623 p.
7. Pavlenko N.I. Peter the Great – 10th edition, Molodaya Gvardiya Publishing House. ISBN - 978–5–235–05176–8. Pages – 432
8. Vernadsky G.V. Muscovite Kingdom. Moscow: LEAN, Agraf, 2001
9. N. I. Kostomarov Russian history in the biographies of its main figures Moscow “Eksmo” 2009.-1024s
10. Sabaneev, L.P. Russian hunting / L.P. Sabaneev. – Moscow: Education-Union, 2025. – 208 p. – (History of Russia). – ISBN 978-5-00185-659-7
11. Sabaneev, L.P. Hunting animals / L.P. Sabaneev; [compiled by E.A. Kalganov]. – Moscow: Physical culture and sport, 1988. – 480 p.: ill. – (Man and nature)
12. Anofriev, N. Yu. Russian hunting library: Complete list of books and brochures with brief reviews of each of them / N. Yu. Anofriev. – Brest-Litovsk, 1905. – 160 p.
13. Milyukov, P.N. The oldest discharge book of the official edition (up to 1565): [collection] / P.N. Milyukov. – Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1901. – [2], VI, 314 p.
14. Historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission: in 5 volumes. – St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty’s Chancellery, 1841–1842. Vol. 1: 1334–1598 / editor-in-chief I. Grigorovich. – St. Petersburg: Printing House of the Expedition for the Procurement of State Papers, 1841. – 602 p. sec. pag., 1 table, ill.
15. The Ermolinskaya Chronicle // Complete Collection of Russian Chronicles. – St. Petersburg: M.A. Alexandrov Printing House, 1910. – Vol. 23. – Pp. 120–121
16. The Book Called the Uryadnik // Collection of Letters of Tsar Alexei Mikhailovich: with the Appendix of the Law on the Falconry Route with an explanatory note by S.T. Aksakov, a portrait of the Tsar, and photographs of his handwriting. – Moscow, 1856. – Pp. 87–248

Ревенко Наталья Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: kaf-gsp-zav@bukep.ru

Пыхтин Николай Олегович,
аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: Pukhtin.nik@mail.ru

Рогов Егор Александрович,
аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: rogevogor@gmail.com

Важнейшей целью государственной семейной политики в современной России является приоритетное развитие многодетных семей. В предлагаемой статье рассматриваются условия процесса перехода к многодетности в российских семьях, представлен анализ эмпирических данных, включая результаты всероссийских опросов и переписей населения. Авторы исследуют тенденции трансформации структуры современной семьи, мотивы репродуктивного поведения и условия роста благополучия многодетных семей как основу решения демографической проблемы в современной России.

Ключевые слова: многодетная семья, демографический кризис, репродуктивное поведение, депопуляция, старение населения, семейная политика, национальные проекты.

Крепкая семья входит в состав ценностного ядра российского социокультурного мира, являясь его неотъемлемой составной частью и традиционной ценностью, о чем говорится и в Указе Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Конституция РФ также стоит на защите семьи и семейных ценностей, материнства, отцовства и детства [1]. «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»« [15] большое внимание уделяет вопросам семейной политики. В нем говорится, что «именно семья и дети являются гарантией будущего России» [15], а закрепление мер социальной поддержки семьи позволит в будущем улучшить демографическую ситуацию в стране. Обновленная Конституция носит ярко выраженный просемейный характер «(ст.7 ч. 2, ст. 38, ст. 67.1 ч. 4, ст. 72, ч. 1, п. ж 1), при этом речь идет исключительно о традиционной семье: «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» [1].

Традиционная семья в России практически во все времена была многодетной. Однако в 90-е годы XX века в связи с крупнейшей геополитической катастрофой – распадом СССР – наметились отрицательные тенденции в демографической политики. Смертность значительно превышала рождаемость.

Начиная с 2015 года ситуация в Российской Федерации складывается таким образом, что естественный прирост населения практически прекращается. Вместо этого идет постоянный спад рождаемости, преобладает депопуляция и старение населения. Все эти негативные тенденции являются проявлением демографического кризиса, из которого необходимо выходить, принимая конкретные меры.

Государство акцентирует внимание на том, что решить демографическую проблему может в первую очередь семейная политика, направленная на поддержку многодетных семей. «Большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии» [16], – такую задачу поставил Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 года. «Необходимо приложить все усилия, чтобы сделать **многодетную** семью эталоном российского общества» [10].

В Указе Президента РФ от «23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» дано четкое определение многодетной семьи. Многодетная семья в современном российском обществе – это семья, воспитывающая трех и более детей» [11] (родных или приемных). С 2024 года статус многодетной семьи присваивается бессрочно, а социальная поддержка предоставляется до достижения старшим ребенком 18 лет или 23 лет при условии его обучения на очной форме [2]. Роль таких семей в обществе многогранна: они в значительной степени влияют на демографическую ситуацию, формируют социальные ценности и становятся объектом активной государственной поддержки.

На данный момент в России доминирует 1,5-детная семья и многие эксперты полагают, что, если не осуществить демографическую мобилизацию, то к концу столетия нас станет в 2 раза меньше» [8, с. 230]. А этого нельзя допустить.

Совершенно очевидно, что именно многодетные семьи играют ключевую роль в решении демографической проблемы. В условиях снижения рождаемости в России их поддержка становится приоритетом государственной политики.

Российские ученые активизировали свои исследования по проблемам и перспективам многодетных семей. М.А. Бочанов, О.Н. Борисова, Е.Н. Васильева, Х.О. Вотановская, М.А. Голева, Е.Е. Гришина, И.В. Павлюткин, М.Н Кириллова, О.В. Кучмаева, Т.К. Ростовская, Х.Н. Садыкова и многие другие включились в процесс осмысления и анализа состояния многодетности в России.

Актуальность исследования заключается в необходимости выявления тенденций развития современной многодетной семьи и ее взаи-

мосвязи с демографической ситуацией, с одной стороны, и, здоровьем населения, с другой, а также в необходимости разработки комплексной социально-демографической политики по улучшению демографической ситуации и росту рождаемости в российском обществе с учетом всех тенденций и вызовов.

Можно сказать, что история развития общества – это история развития семьи как социального института, который трансформируется и претерпевает существенные изменения вместе с обществом. Семья является мощным транслятором ценностей и исторической памяти от поколения к поколению.

Большинство европейских стран сегодня переживают кризис семьи и демографические проблемы, идет процесс старения населения. В России же, где семья является базовым условием существования самого российского общества, 89% россиян предпочитают семейный образ жизни. По данным Росстата, для 70% россиян семья и регистрация брака входят в пятерку наиболее важных для них жизненных целей. Однако глобальные социальные изменения, рост мобильности населения, процессы урбанизации, цифровизации и культурной трансформации ведут за собой расшатывание «семейных устоев» [13].

В связи с процессами цифровизации и компьютеризации в обществе все отчетливее прослеживается виртуализация семейных отношений, особенно в неполных и дистантных семьях. В неполных семьях фактически происходит замещение одного из родителей (отца или матери) его образом, так виртуальные партнеры и виртуальные роли замещают недостаток или отсутствие реальных. Существующие базовые компоненты брачно-семейных отношений, такие как любовь, забота, супружество, родство и родительство не воспроизводятся, а симулируются. Получается, что «мы живем в эпоху семьи образов и образов семьи» [9, с. 12]. Важнейшие социальные институты – брак, родство, воспитание – виртуализируются, а семья становится менее устойчивой, растет количество конфликтных, неблагополучных семей и разводов, сходит на нет значение репродуктивной функции.

Для современной городской семьи свойственна, как правило, потребность не в детях, а в одном ребенке, если она вообще есть. Исследования российских ученых показывают, что сегодня наличие детей в семье является во многих случаях психотравмирующим фактором, который снижает уровень удовлетворенности браком.

Таким образом, получается, что достижения информационного общества создают препятствия на пути развития многодетности в современном обществе и ослабляют роль и значение семьи.

Особенно этот процесс ощущается в странах, относящих себя к западноевропейской цивилизации. В Европе также распространяются и широко пропагандируются однополые браки, что категорически запрещено в России.

В Российской Федерации в настоящее время идут поиски такой модели семейной политики, которая бы в полной мере отвечала требованиям и потребностям сегодняшнего дня. Во всех ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию, начиная с 2000 года, говорится о том, что успех российской политики во всех сферах тесно связан с решением острейших демографических проблем, которые невозможно решить без развития многодетности. Современная семейная политика нацелена на изменение и сохранение уровня жизни семей, повышение благосостояния и улучшение их социального самочувствия.

За последние десятилетия образцы и стандарты западной культуры и идеологии стремительно распространились в России, пытаясь подменить наши русские традиционные духовно-нравственные, в том числе и семейные ценности своими, которые существенно отличаются от традиционных ценностей российской семьи. Индивидуализм пришел на смену коллективизму, который во все времена был традиционным в российском обществе. Возросло число неполных семей, сократилось количество многопоколенных семей, увеличилась доля однодетных и бездетных семей. Обычным стало сожительство без регистрации брака, а отсюда и рост числа рождений детей вне брака. Соответственно возросли и масштабы социального сиротства или сиротства детей при живых родителях, что, конечно же, недопустимо.

Понимая всю сложность демографической ситуации в современной России, государство стремится всячески поощрять деторождение, разрабатывая программы и национальные проекты по реализации многодетности как мощнейшего фактора увеличения численности населения.

С 2024 года в России установлены единые федеральные меры поддержки многодетных семей. В государственных программах определены меры социальной поддержки для них. Им гарантируются государственные пособия и выплаты в связи с рождением и воспитанием детей: материнский капитал, единовременные и ежемесячные пособия при рождении детей, компенсации за детский сад и другие; поддержка в сфере трудовых отношений: право брать оплачиваемые отпуска, запрет на привлечение к сверхурочной или ночной работе без письменного согласия; льготы в сфере образования и здравоохранения: приоритетное зачисление в детские сады, бесплатное питание в школах, бесплатные лекарства для детей до 6 лет, компенсация расходов на школьную и спортивную форму. Важны также жилищные программы, субсидии на покупку жилья, льготные ипотеки, право на бесплатный земельный участок. Существует также целый ряд культурных льгот. Многодетные матери могут рассчитывать на досрочное назначение страховой пенсии. Региональные власти имеют право дополнять федеральные меры поддержки с учётом местных особенностей [7].

По данным на 2025 год в стране насчитывалось около 2,9 млн многодетных семей, в которых воспитывалось более 9,2 млн. детей. При этом уровень бедности среди таких семей в 2024 году составил примерно 20%, что почти в два раза меньше по сравнению с 2020 годом [14]. И сегодня, как мы уже говорили, поддержка благополучия многодетных семей объявлена национальной целью.

Однако убыль населения наблюдается, к счастью, не во всех регионах России. В республиках Северного Кавказа, например, в Республиках Чечня и Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике, а также в Якутии и Бурятии уровень рождаемости достаточно высокий. «Наиболее же регрессивными с точки зрения рождаемости регионами являются Ленинградская, Смоленская, Саратовская, Рязанская, Волгоградская области и Мордовия» [5]. Ученые подсчитали, что наибольший спад рождаемости, при сохранении сегодняшних тенденций, придется на 2030–2031 годы. Суммарный коэффициент рождаемости снизится до минимума.

Нисходящая демография приводит в конечном итоге к сокращению трудоспособного населения, а это не может ни отражаться на экономическом развитии. «Так, согласно среднему варианту прогноза численность населения в возрасте от 20 до 59 лет с 2022 по 2030 гг. уменьшится примерно на 2,6 млн человек» [8, с. 230]. Это, безусловно, окажет негативное влияние на рынок труда.

«Сейчас нагрузка на 1000 лиц трудоспособного возраста составляет примерно 570 молодых и пожилых, к 2030 году она увеличится как минимум до 730, и это не предел» [8, с. 231].

Несмотря на растущую государственную поддержку, остаются проблемы с реализацией льгот для многодетных семей на региональном уровне, бюрократические барьеры и недостаточная информированность семей о доступных мерах помощи.

Отношение к многодетности в нашем обществе носит двойственный характер. С одной стороны, «опрос ВЦИОМ, проведенный в апреле 2023 года показывает, что россияне совсем не против многодетности. Так, при наличии одного ребенка завести второго хотят 54% опрошенных; а при наличии двух детей родить третьего – 39%. Четвертого ребенка хотят лишь 7% опрошенных. Следует отметить, что при предположении о повышении уровня и качества жизни, показатели сразу же значительно возрастают» [8, с. 130].

Социологические опросы показывают, что людей, живущих в глубинке, более привлекает многодетность, чем жителей мегаполисов. «Если в Москве и Санкт-Петербурге этот показатель составляет только 61%, то в небольших населенных пунктах до 100 тыс. человек и селах он достигает 72%. Максимум желающих иметь большую семью приходится на Северо-Кавказский федеральный округ, примерно 84%» [12].

В процессе исследования для рассмотрения отношения к многодетности среди молодежи, которой и предстоит решать демографическую проблему, нами было проведено анкетирование студентов первого курса Белгородского университета кооперации, экономики и права. Их вниманию была предложена анкета из 12 вопросов. Среди респондентов были дети из малодетных и многодетных семей. Но и тех и других в первую очередь волновали жилищные условия, материальная помощь и материальная обеспеченность как важнейшие условия многодетности. При этом выяснилось, что дети из многодетных семей чаще страдают от недостатка внимания со стороны родителей, а это сказывается на их заниженной самооценке. Интересно, что дети из малодетных семей чаще хотели бы иметь много детей, а из многодетных – наоборот. В целом, в их представлении вполне можно совмещать многодетность и карьеру, личную свободу и тесные семейные отношения. Примерно 1/3 часть студентов настроены только на профессиональную карьеру, считая, что о создании семьи надо думать только после достижения карьерного роста. Каждый второй опрошенный не согласен с тем, что родители, воспитывающие трех и более детей, приносят себя в жертву.

С января 2025 года по 2030 год в Российской Федерации наряду с другими реализуется национальный проект «Семья». Национальные проекты являются сегодня средством стратегического планирования и содержат основные национальные цели развития государства. «Се-

мья» – это приоритетная программа комплексной поддержки всех поколений: от молодых родителей и их детей до бабушек и дедушек. Она включает льготную ипотеку, выплаты, развитие культурной инфраструктуры, медицину и уход за пожилыми, нацелена» [14], прежде всего, на решение демографических проблем, связанных с увеличение рождаемости, сохранением здоровья нации. В результате его реализации к 2030 году количество многодетных семей планируется увеличить на 15% [14].

Необходимо не только добиваться роста материального благосостояния, но и создавать в обществе обстановку, повышающую значимости многодетной семьи как опоры государства, основы патриотизма и традиционных семейных ценностей, которые формируются в процессе социализации. Комплексный подход в эффективной поддержке многодетных семей безусловно включает в себя и работу с общественным мнением.

Совершенно очевидно, что без здоровой многодетной семьи, пропаганды традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни невозможно достичь гармоничного развития общества, социальной стабильности и решения демографических проблем.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, любое издание после июля 2020 г. – Текст: непосредственный.
2. Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408317271/
3. Бочанов, М.А. Многодетные семьи в фокусе государственной политики: современный опыт и перспективы/ М.А. Бочанов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2024. Т. 13. № 2(47). С. 178–181.
4. Вотановская, Х.О. Инвестиции в традиционные ценности: благополучная многодетная семья как национальная идея / Х.О. Вотановская // Современные вопросы устойчивого развития общества в эпоху трансформационных процессов: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции, Москва, 16 октября 2023 года. – Москва: Алеф, 2023. С. 60–65.
5. Гришина, Е.Е. Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов / Е.Е. Гришина // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 1. С. 45–60.
6. Зимовина, Е.П. Семья и дети в системе ценностей студенческой молодёжи / Е.П. Зимовина, М.Н. Храмова // Вопросы управления. 2024. Т. 18. № 3. С. 24–37.
7. Карпенко, О.А. Формирование, функционирование, воспроизводство и накопление семейного человеческого потенциала и капитала / О.А. Карпенко, Л.В. Левченко // Учёные записки Тамбовского отделения РоСМ У. 2024. № 34. С. 19–32.
8. Основы российской государственности: учебное пособие / авт. колл.: А.П. Швырев, В.В. Лапин, С.В. Рогачев и др. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 252 с. – ISBN 978-5-85006-519-5.
9. Ревенко, Н.В. Виртуализация семьи / Н.В. Ревенко, А.А. Бучек. – Текст: непосредственный // Социология и психология перед вызовом цифровизации: материалы Международной научно-практической конференции (16 марта 2022); АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород: Издательство БУКЭП, 2022. – С. 7–13. – ISBN 978-5-8231-1083-9.
10. Ростовская, Т.К. Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Е.Н. Васильева // Вопросы управления. 2024. Т. 18. № 3. С. 9–23.
11. Русанова, Н.Е. Материнство и семья: от многодетности до «соло-мамы» // Всероссийская с международным участием конференция (Симпозиум): Женское лицо нового миропорядка, Москва, 18 марта 2025 года.
12. Семья и дети в России (статистический сборник Росстата в партнёрстве с Общественной палатой РФ), 2024.
13. Современные социологические теории семьи и семейная политика: учебное пособие / Г.А. Ельникова, Н.В. Ревенко. Белгород: Издательство БУКЭП, 2023. 221 с. – ISBN 978-5-8231-1138-6.
14. Национальный проект «Семья 2025». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie.
15. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280/page/1
16. Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024. URL: http:// http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431

LARGE FAMILIES: A DEMOGRAPHIC ASPECT

Revenko N.V., Pykhtin N.O., Rogov E.A.
Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law

The most important goal of state family policy in contemporary Russia is the priority development of large families. This article examines the conditions for the transition to large families in Russian families and presents an analysis of empirical data, including the results of national surveys and censuses. The authors examine trends in the transformation of the modern family structure, the motives for reproductive behavior, and the conditions for improving the well-being of large families as a basis for addressing the demographic problem in contemporary Russia.

Keywords: large family, demographic crisis, reproductive behavior, depopulation, population aging, family policy, national projects.

References

1. Constitution of the Russian Federation, any edition after July 2020. – Text: direct.
2. Decree of the President of the Russian Federation of January 23, 2024, № 63 «On measures of social support for large families». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408317271/
3. Bochanov, M.A. Large families in the focus of state policy: current experience and prospects / M.A. Bochanov // Azimut of scientific research: economics and management. 2024. Vol. 13. № 2 (47). Pp. 178–181.
4. Votanovskaya, H.O. Investments in traditional values: a prosperous large family as a national idea / H.O. Votanovskaya // Contemporary Issues of Sustainable Development of Society in the Era of Transformation Processes: Collection of Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 16, 2023. – Moscow: Alef, 2023. Pp. 60–65.
5. Grishina, E.E. Financial Situation of Large Families and Factors of Their Income Growth / E.E. Grishina // Financial Journal. 2024. Vol. 16. № 1. Pp. 45–60.
6. Zimovina, E.P. Family and Children in the Value System of Student Youth / E.P. Zimovina, M.N. Khramova // Management Issues. 2024. Vol. 18. № 3. Pp. 24–37.
7. Karpenko, O.A. Formation, Functioning, Reproduction and Accumulation of Family Human Potential and Capital / O.A. Karpenko, L.V. Levchenko // Scientific Notes of the Tambov Branch of the Russian Scientific and Medical University. 2024. № 34. Pp. 19–32.
8. Fundamentals of Russian Statehood: A Textbook / Authors' Collective: A.P. Shvyrev, V.V. Lapin, S.V. Rogachev, et al. – Moscow: Publishing House «Delo» RANEPA, 2023. 252 p. – ISBN 978-5-85006-519-5.
9. Revenko, N.V. Virtualization of the Family / N.V. Revenko, A.A. Buchek. – Text: direct // Sociology and Psychology Facing the Challenge of Digitalization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (March 16, 2022); ANO VO «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law». – Belgorod: BUKEP Publishing House, 2022. – Pp. 7–13. – ISBN 978-5-8231-1083-9.
10. Rostovskaya, TK Large Families in Modern Russian Society: The Demographic Aspect / TK Rostovskaya, OV Kuchmaeva, EN Vasilyeva // Management Issues. 2024. Vol. 18. № 3. Pp. 9–23.
11. Rusanova, NE Motherhood and Family: From Large Families to «Solo Moms» // All-Russian Conference with International Participation (Symposium): The Female Face of the New World Order, Moscow, March 18, 2025.
12. Family and Children in Russia (statistical collection of Rosstat in partnership with the Public Chamber of the Russian Federation), 2024.
13. Modern Sociological Theories of Family and Family Policy: A Study Guide / G.A. Elnikova, N.V. Revenko. Belgorod: BUKEP Publishing House, 2023. 221 p. – ISBN 978-5-8231-1138-6.
14. National Project «Family 2025». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie.
15. Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 № 1-FKZ «On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280/page/1
16. Address of the President of the Russian Federation of February 29, 2024. URL: http:// http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431

Молодежная политика Москвы – вертикаль управления, основные направления, механизмы реализации

Сухарев Егор Сергеевич,
аспирант, Российский технологический университет (МИРЭА)

Потемкина Юлия Геннадьевна,
магистрант, Нижегородский государственный университет им. Н.Н. Лобачевского
E-mail: jpotemkina3@gmail.com

Статья посвящена комплексному социологическому анализу системы управления молодежной политикой в городе Москве как ключевого элемента городской стратегии социального развития. Цель исследования состоит в выявлении структурных особенностей вертикали управления, определении основных направлений реализации государственной молодежной политики и анализе механизмов взаимодействия органов власти различных уровней с молодежными объединениями. Методологическая основа работы включает анализ нормативно-правовой базы, контент-анализ документов профильных департаментов, экспертные интервью с представителями органов управления, изучение практик реализации молодежных программ за 2020–2024 гг. Теоретический фундамент исследования опирается на социологические концепции социального развития молодежи, рискологическую теорию, концепции социальной регуляции и институционального подхода. Показано, что управленческая вертикаль в Москве выстроена по линейно-функциональному принципу с центром координации в Комитете общественных связей и молодежной политики города и децентрализацией полномочий на окружной и районный уровни. Выявлены основные направления: социальная интеграция, профессиональная социализация, развитие предпринимательства, поддержка творческих инициатив, патриотическое воспитание. Исследование механизмов реализации продемонстрировало трансформацию от патерналистской модели к партисипаторной с активным вовлечением молодежи в принятие решений через советы, грантовую поддержку, проектную деятельность.

Ключевые слова: молодежная политика, социология управления, Москва, вертикаль управления, механизмы социальной интеграции, молодежные организации.

Введение

Современная молодежная политика Москвы – многоуровневая система социального управления, направленная на социализацию и интеграцию молодого поколения в городские процессы. Актуальность анализа связана с тем, что молодежь – более 3,2 миллиона человек в возрасте 14–35 лет, является важным ресурсом развития города и одновременно наиболее уязвимой группой в условиях быстрого изменения общества. В последние годы подходы к управлению молодежью переходят от патерналистской модели, где государство лишь поддерживает, к партисипаторной, предусматривающей активное участие молодежи в принятии решений [4]. Этот переход отражает более широкие тенденции в взаимодействии государства и гражданского общества, вызывая проблему эффективности управленческих механизмов молодежной политики. Социологически, молодежная политика Москвы – интересный объект исследования из-за сложной системы взаимодействия федеральных, региональных и местных властей с молодежными организациями, требующей координации интересов; из-за постоянных новаций в формах работы с молодежью; а также из-за противоречий между заявленными целями политики и реальными потребностями молодежи [11].

Теоретическую основу исследования составляют концепции отечественной социологии молодежи. Концепция социального развития, основанная на структурно-функциональном подходе, рассматривает молодежь как особую социально-демографическую группу в процессе социализации, с уникальными статусами и ролями. Рискологическая концепция акцентирует внимание на условиях социальной неопределенности, в которых формируется современная молодежь, требуя от системы управления гибкости и адаптивности [2]. Теория социальной регуляции в отечественной социологии анализирует взаимодействие государственных институтов и молодежных практик, показывая, что молодежная политика – система механизмов для обеспечения позитивной социализации [8]. В международной практике существуют разные модели молодежной политики, от патерналистской до либертарианской. В Москве модель эволюционирует от патерналистской к партисипаторной, предполагающей активное участие молодежи в разработке и реализации программ через консультации, проекты и советы [11].

Проблема исследования – анализ институциональных механизмов реализации молодежной политики в крупном мегаполисе. Вопросы включают структуру управления, распределение полномочий, соответствие деятельности запросам молодежи и механизмы вовлечения молодежи в управление. Ответы важны как для совершенствования практики управления в Москве, так и для других регионов, поскольку столичный опыт часто служит моделью для развития 13]. Материалы исследования включают анализ нормативно-правовой базы федерального и регионального уровня, включая Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и Закон города Москвы от 15.12.2021 № 36 «О молодежной политике в городе Москве», документы Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) и Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы, аналитические материалы профильных департаментов за период 2020–2024 годов [16; 17]. Методологический инструментарий исследования включает контент-анализ нормативных документов и программных материалов, структурно-функциональный анализ системы управления, сравнительный анализ практик реализации молодежной политики в различных административных округах Москвы, что позволяет получить целостную картину функционирования системы молодежной политики столичного мегаполиса.

Модель управления молодежной политикой в Москве: структура, вертикаль, теоретические основания

Система управления молодежной политикой в Москве – многоуровневая структура, в которой взаимодействуют федеральные, региональные и муниципальные органы, с четким разграничением полномочий. На федеральном уровне ведущий орган – Росмолодежь, подчиненное Правительству РФ, отвечающее за оказание госуслуг, управление имуществом и координацию региональных органов. С 2024 года руково-

дит Григорий Гуров, возглавляющий национальный проект «Молодежь и дети», что отражает рост значимости этого направления в государственной политике [4]. Нормативной основой деятельности являются Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике» 2020 года и Стратегия до 2030 года, утвержденная в 2024 году, которая трактует молодежную политику как часть государственной политики по реализации прав и свобод молодых граждан. Росмолодежь реализует масштабные проекты, такие как Всемирный фестиваль, форумы «Таврида» и «Территория смыслов», конкурсы «Большая перемена», программы поддержки предпринимательства и патриотического воспитания, создавая единое пространство возможностей для молодежи [16].

На региональном уровне в Москве главным органом управления является Комитет общественных связей и молодежной политики, подчиненный заммэра и руководству города. Его возглавляет Екатерина Драгунова, которая курирует всю молодежную политику. Комитет разрабатывает стратегию развития молодежной сферы, координирует подведомственные учреждения, взаимодействует с молодежными организациями и реализует грантовые проекты. Особенностью московской модели является проектный офис «Молодежь Москвы», созданный в 2020 году, который действует по восьми направлениям: «Карьера», «Спорт», «Город героев» и другим [4]. Проектный офис поддержал более 3000 инициатив и организовал свыше 5000 мероприятий, взаимодействуя с 750 тысячами студентов вузов и 177 тысячами колледжистов Москвы, что отражает масштаб охвата. Нормативной основой является Закон города Москвы от 15.12.2021 № 36 «О молодежной политике» в редакции от 08.05.2024, определяющий молодежь как граждан 14–30 лет, проживающих или обучающихся в Москве, и устанавливающий принципы реализации политики и полномочия органов власти [17].

Закон предусматривает создание молодежных советов при власти, участвуют в экспертизе решений, мониторинге и разработке рекомендаций по развитию и финансированию молодежной политики [18].

На административных округах работают окружные управления, реализующие городскую молодежную политику с учетом местных особенностей. В каждом из 12 округов есть структуры, координирующие молодежные центры и программы. На муниципальном уровне действуют более ста молодежных учреждений – центры, коворкинги и креативные пространства, предлагающие услуги в сфере образования, трудоустройства, досуга и психологической поддержки [10].

Московская система управления сочетает линейно-функциональную структуру, которая обеспечивает ясность обязанностей, с элементами проектного управления через офис «Молодежь Москвы», что дает гибкость и быстрые реакции на запросы молодежи, но требует высокой координации [5].

Современную модель управления молодежной политикой в Москве основывают социологические концепции, в том числе теория социального развития молодежи и рискологическая теория. Концепция социального развития, связанная с марксизмом и функционализмом, сохраняет связь с социальной структурой и противостоит увлечениям молодёжными девиациями. Она показывает, как социология изменилась по тематике, понятиям и направлениям исследований [15]. Рискологическая концепция рассматривает риск как ситуативную характеристику в условиях неопределенности, выступая источником развития молодежи, особенно в быстроменяющемся мегаполисе [2]. Теория социальной регуляции анализирует механизмы согласования государственных институтов и молодежных практик, где эффективность зависит от соответствия политики реальным стратегиям молодых людей [8].

Московская модель управления молодежной политикой эволюционирует от патерналистской к партисипаторной, где молодежь участвует в принятии решений через советы, краудсорсинг и проекты [11].

Распределение полномочий и зон ответственности между различными уровнями управления в московской модели характеризуется определенной логикой, где федеральный уровень отвечает за разработку стратегических направлений государственной молодежной политики, определение приоритетов, координацию деятельности региональных органов, реализацию федеральных программ и проектов всероссийского масштаба, формирование единой информационной системы молодежной политики. Региональный уровень осуществляет адаптацию федеральной стратегии к условиям столичного мегаполиса, разрабатывает городские программы, координирует деятельность окружных управлений и подведомственных учреждений, распределяет бюджетные средства, реализует грантовую поддержку молодежных НКО, взаимодействует с вузами и колледжами, организует крупные городские молодежные мероприятия [13]. Окружной уровень отвечает за реализацию городских программ на территории административного округа, координацию работы районных молодежных центров, организацию окружных мероприятий, взаимодействие с префектурой и органами местного самоуправления, при этом окружные управления анализируют потребности молодежи на территории, разрабатывают программы с учетом территориальной специфики, осуществляют мониторинг эффективности деятельности учреждений. Муниципальный уровень осуществляет непосредственное взаимодействие с молодежью, предоставление услуг, организацию мероприятий, реализацию конкретных проектов и программ, при этом учреждения работают в тесном контакте с образовательными организациями, НКО, бизнесом, обеспечивая доступность молодежной инфраструктуры для жителей районов [14]. Однако децентрализация полномочий на уровень префектур и управ создает риски дублирования функций и размывания бюджетной ответственности, фрагментация финансовых потоков по различным главным распорядителям бюджетных средств затрудняет оценку совокупного эффекта реализуемых мер, жесткость бюджетного процесса ограничивает возможность оперативного перераспределения средств в ответ на возникающие вызовы, что является характерной проблемой для иерархических систем управления [11].

Основные направления и программы реализации молодежной политики

Анализ молодежной политики Москвы выявляет ключевые направления, определяющие деятельность органов и организаций. Главное – социальная интеграция и гражданское воспитание, включающие программы по формированию гражданской идентичности, ответственности и активности через советы при органах власти, волонтерские инициативы и социальные проекты [3]. Важную роль в этом направлении играет Московский студенческий совет, объединяющий сто председателей студенческих советов вузов, клуб проректоров Москвы, состоящий из более ста специалистов по молодежной политике, система амбассадоров проекта «Молодежь Москвы» в университетах, которые представляют проект в своих вузах, рассказывая о программах и событиях в городе для развития и поддержки молодых людей, формируя команды единомышленников и организовывая собственные мероприятия. Важную роль играет Московский студенческий совет из председателей вузов и клуб проректоров Москвы, а также система амбассадоров проекта «Молодежь Москвы», которые продвигают программы и организуют мероприятия [21]. Второе направление – патриотическое воспитание – включает программы по изучению истории, памяти, работе с ветеранами и патриотические слеты. Третье – профессиональная социализация и занятость через проект «ВРаботе», карьеры, ярмарки, стажировки, тренинги и наставничество, связывающее молодых специалистов с работодателями [7]. Четвертое направление – развитие молодежного предпринимательства – включает акселераторы, бизнес-инкубаторы, обучение, гранты и поддержку стартапов, в том числе через систему «Инновации и стартапы» Мэра Москвы [6]. Пятое – творческое развитие и культурные инициативы – включает поддержку проектов в сфере искусства, медиа и дизайна, а также работу творческих пространств и мастерских. Шестое – развитие молодежных субкультур и уличных движений – реализуется через проект «На районе», включающий рэп-батлы, стрит-данс, экстремальные виды спорта, воркаут и aims to интегрировать уличные культуры в систему городских активностей [6]. Седьмое направление – спорт и здоровый образ жизни – включает организацию спортивных соревнований, таких как студенческое соревнование «Лига универов», развитие массового спорта, пропаганду здорового образа жизни, профилактику асоциального поведения. Восьмое направление – развитие коммуникативных навыков и медиаграмотности – реализуется через проекты «Дебаттл», посвященный ораторскому мастерству, «Stand Up лига», медиашколы, которые развивают навыки публичных выступлений, критического мышления, работы с медиа [9].

Институциональные формы реализации молодежной политики включают молодежные советы при органах власти, которые участвуют в экспертизе решений, мониторинге и разработке рекомендаций по развитию города и финансированию молодежных программ [17]. Молодежные центры и пространства представляют собой сеть учреждений, включающую молодежные многофункциональные центры, коворкинги, творческие пространства, спортивные площадки, эти учреждения предоставляют бесплатный доступ к инфраструктуре от контент-ферм до кулинарных студий, организуют образовательные программы, мероприятия, консультации, при этом пространства созданы по запросам молодежи для реализации их проектов и творчества, залы легко трансформируются под любой запрос и необходимость. Молодежные общественные объединения в Москве представлены развитой сетью молодежных НКО, студенческих организаций, волонтерских движений, при этом закон определяет молодежные объединения как некоммерческие организации, не менее пятидесяти процентов членов, которых составляет молодежь, эти организации являются ключевыми

партнерами государства в реализации молодежной политики, получают грантовую поддержку, участвуют в разработке программ [18]. Проектные офисы, среди которых ключевую роль играет «Молодежь Москвы», представляют собой инновационную организационную форму, сочетающую гибкость проектного подхода с устойчивостью институциональной структуры, офис работает как платформа для генерации и реализации молодежных инициатив, координирует деятельность различных проектов по восьми направлениям, за время работы организовал более полутора тысяч мероприятий, в которых приняли участие свыше миллиона человек [12].

Система грантовой поддержки молодежных инициатив представляет собой важный механизм стимулирования социальной активности, где гранты Мэра Москвы для социально ориентированных НКО включают специальную номинацию «Молодежь Москвы», которая является наиболее популярной среди всех номинаций. В 2024 году конкурс грантов продемонстрировал высокий уровень активности молодежных организаций, из более семисот заявок было отобрано двести двадцать девять проектов-победителей, из них пятьдесят пять проектов в номинации «Молодежь Москвы», при этом почти треть победителей составили организации, впервые получающие грантовую поддержку, что свидетельствует об обновлении состава активных акторов молодежной политики. Гранты предоставляются на суммы до пяти миллионов рублей для организаций с опытом работы более года и до пятисот тысяч рублей для начинающих НКО, начавших деятельность более полугода назад, при этом поддержка охватывает широкий спектр направлений от патриотических инициатив до проектов в сфере здорового образа жизни, от социального волонтерства до инновационных стартапов. Среди победителей конкурса в номинации «Молодежь Москвы» выделяется Фонд новых технологий в образовании «Байтик», реализующий проект ранней профориентации в сфере информационных технологий для шестиклассников, где ребята изучают программирование, робототехнику, моделирование и цифровое творчество в детском IT-технопарке, что отражает приоритет развития технологических компетенций молодого поколения [19].

Конкретные программы и проекты молодежной политики Москвы демонстрируют разнообразие форм работы с различными сегментами молодежной аудитории, при этом особую популярность получили инициативы, сочетающие образовательный и развлекательный компоненты. Проект «Дебаттл», посвященный ораторскому мастерству, изменил жизнь многих участников, например, студент Московского государственного технологического университета «Станкин» изначально воспринимал участие в этом проекте как эксперимент, но благодаря развитию ораторских и коммуникативных навыков его заметили в администрации школы, где после победы в онлайн-сезоне дебатов ему предложили должность советника директора по вопросам воспитательной части. Лига КВН «Молодежь Москвы» объединяет команды кавээнщиков на базе университетов Москвы, студенты готовятся в течение сезона и показывают свои лучшие номера на ежегодном фестивале, при этом самые талантливые попадают на большую сцену КВН, например, команда «Имени Жеки Ватрухина» из Московского финансово-промышленного университета «Синергия» за год участия в лиге достигла впечатляющих успехов, став чемпионами лиги в 2024 году и получив путевку на тридцать шестой Международный фестиваль «КиВиН-2025» в Сочи [20]. Студенты из различных административных округов создают уникальные проекты, отражающие их интересы и таланты, например, студенты Северо-Западного административного округа, вдохновленные любовью к истории и культуре, создали проект «Настоящее прошлое», в рамках которого проводятся иммерсивные экскурсии по знаковым местам Москвы, их инициатива помогла молодежи узнать об истории России семнадцатого века и деятелях культуры, которые творили в центре города. Масштабные городские мероприятия, организуемые в рамках молодежной политики, включают фестиваль «День молодежи», форум-выставку «Город. Карьера. Бизнес», акцию «Вам, любимые», фестиваль «День первокурсника», мероприятия ко Дню Победы и Дню защитника Отечества, которые собирают десятки тысяч участников и создают единое пространство для коммуникации и самореализации молодежи столицы [9].

Механизмы реализации молодежной политики: от патернализма к партисипации

Реализация молодежной политики в Москве основана на системах межведомственной координации, контроля ресурсов и выполнения программ. Основной механизм – межведомственная координация, осуществляется Комитетом общественных связей и молодежной политики через рабочие группы и совещания. Проектный офис «Молодежь Москвы» работает с 144 вузами и 111 колледжами, постоянно взаимодействуя с Департаментом образования [9]. Механизм программно-целевого управления строится на формулировании целей, задач и показателей эффективности на разных уровнях. Проектное управление, реализуемое офисом, отличается гибкостью и результативностью: за время работы поддержано более трех тысяч инициатив и организовано свыше пяти тысяч мероприятий [1]. Механизм общественного участия представляет собой важную особенность современной модели управления, предполагающую активное вовлечение молодежи в процессы принятия решений через молодежные советы, общественные слушания, краудсорсинговые платформы, например «Город идей», где молодежные совещательно-консультативные органы участвуют в экспертизе управленческих решений, разрабатывают рекомендации по приоритетным направлениям развития, по финансовому обеспечению молодежной политики [17].

Трансформация от патерналистской модели к партисипаторной представляет собой ключевую тенденцию развития молодежной политики Москвы в последние годы, при этом патерналистская модель предполагает, что государство выступает основным актором, определяющим содержание политики и «спускающим» решения сверху вниз, молодежь рассматривается преимущественно как объект воздействия, пассивный получатель благ и услуг [4]. Партисипаторная модель, напротив, предполагает активное участие молодежи в разработке и реализации программ, совместное проектирование решений с бенефициарами, молодежь рассматривается как субъект политики, партнер государства в решении социальных задач, при этом переход к партисипаторной модели обусловлен несколькими факторами: возрастанием образовательного уровня и социальной активности молодежи, развитием гражданского общества и молодежных НКО, необходимостью повышения эффективности молодежной политики через учет реальных потребностей и запросов целевой аудитории. Проявлениями партисипаторного подхода в московской практике являются создание и развитие системы молодежных советов при органах власти различных уровней, где молодежь участвует в обсуждении и экспертизе решений, использование краудсорсинговых платформ для сбора предложений и идей от молодежи, например платформа «Город идей», где жители могут предлагать свои инициативы по организации мероприятий для молодежи, развитие проектной деятельности, где молодые люди сами разрабатывают и реализуют социальные проекты с поддержкой государства через гранты и ресурсы. Проектный офис «Молодежь Москвы» воплощает принципы партисипаторного подхода, поскольку его деятельность строится на постоянном изучении запросов молодежи, создании возможностей для реализации молодежных инициатив, формировании сообществ по интересам, поддержке самоорганизации молодежи [11].

Механизмы вовлечения молодежи включают советы при органах власти, такие как Московский студенческий совет – объединяющий 100 председателей вузов, и систему амбассадоров «Молодежь Москвы», распространяющих информацию и организующих мероприятия [12]. Краудсорсинговые платформы, как «Город идей», собирают предложения по мероприятиям, услугам и проектам, а эксперты отбирают лучшие идеи, за которые голосует публика. Гранты стимулируют молодежные инициативы и НКО, развивая навыки презентации и аргументации [19]. Развитие предпринимательства осуществляется через акселераторы, бизнес-инкубаторы и конкурсы стартапов, создавая условия для самореализации и вклада в экономику города [7].

Механизмы обратной связи и оценки эффективности молодежной политики включают различные инструменты мониторинга и анализа, позволяющие оценивать результаты деятельности, выявлять проблемы, корректировать программы. Социологические опросы молодежи проводятся для изучения потребностей, интересов, ценностных ориентаций, оценки удовлетворенности качеством предоставляемых услуг, при этом результаты опросов используются для корректировки содержания программ, форм работы с молодежью [8]. Мониторинг реализации программ включает сбор данных о достижении плановых показателей, охвате целевой аудитории, выполнении мероприятий, освоении бюджетных средств, система показателей эффективности включает количественные индикаторы – число участников мероприятий, количество созданных молодежных объединений, объем предоставленных грантов – и качественные индикаторы, связанные с оценкой изменений в установках и поведении молодежи. Экспертные оценки представителей молодежных организаций, специалистов, работающих с молодежью, позволяют получить качественную информацию о проблемах и перспективах развития молодежной политики, выявить узкие места в системе управления, сформулировать рекомендации по совершенствованию [15]. Анализ успешных кейсов, историй молодых людей, реализовавших свои проекты, достигших успеха благодаря участию в программах молодежной политики, позволяет выявить эффективные практики, механизмы влияния программ на траектории развития молодежи, использовать этот опыт для тиражирования лучших прак-

тик [20]. Цифровые платформы и информационные системы используются для сбора и анализа больших данных о молодежи, их участии в программах, предпочтениях, что позволяет получить более полную картину молодежной среды, выявить тренды, сегментировать аудиторию для адресной работы, при этом цифровизация не должна подменять собой реальную работу, а служить инструментом повышения эффективности управленческих решений [8].

Заключение

Проведенное исследование системы управления молодежной политикой в городе Москве позволяет сформулировать ряд выводов о структуре, содержании и механизмах реализации данного направления социальной политики столичного мегаполиса. Вертикаль управления молодежной политикой в Москве выстроена по линейно-функциональному принципу с четким разграничением полномочий между федеральным уровнем, представленным Росмолодежью, региональным уровнем, центром которого является Комитет общественных связей и молодежной политики города Москвы, окружным уровнем с его управлениями по административным округам и муниципальным уровнем, включающим сеть молодежных центров и учреждений. Важной особенностью московской модели является сочетание традиционной иерархической структуры с элементами проектного управления, воплощенными в деятельности проектного офиса «Молодежь Москвы», что обеспечивает, с одной стороны, устойчивость и преемственность, с другой – гибкость и оперативность реагирования на запросы молодежи [5]. Теоретической основой современной модели управления выступают социологические концепции социального развития молодежи и рискологическая теория, которые позволяют рассматривать молодежь не как пассивный объект воздействия, а как активного субъекта социальных процессов, действующего в условиях неопределенности и множественности жизненных траекторий, что требует от системы управления создания не столько жестких предписаний, сколько возможностей для самореализации и поддержки в ситуации выбора [2].

Основные направления реализации молодежной политики охватывают широкий спектр сфер жизнедеятельности молодежи: от социальной интеграции и гражданского воспитания до профессиональной социализации и содействия занятости, от развития молодежного предпринимательства до поддержки творческих инициатив и молодежных субкультур. Институциональные формы реализации включают молодежные советы, молодежные центры и пространства, молодежные общественные объединения, проектные офисы, систему грантовой поддержки, при этом особенностью московского опыта является масштаб охвата целевой аудитории: более трех миллионов молодых москвичей, взаимодействие с семистами пятьюдесятью тысячами студентов ста сорока четырех вузов и ста семьюдесятью семью тысячами учащихся ста одиннадцати колледжей, реализация более пяти тысяч мероприятий [12]. Анализ конкретных программ и проектов демонстрирует разнообразие форм работы с различными сегментами молодежной аудитории: от лиги КВН до проектов содействия занятости, от исторических экскурсий до граффити-проектов, от рэп-батлов до бизнес-акселераторов, что свидетельствует о стремлении охватить максимально широкий спектр интересов и потребностей молодежи [9].

Ключевой тенденцией развития молодежной политики Москвы является трансформация от патерналистской модели, где государство определяет содержание политики и спускает решения сверху вниз, к партисипаторной модели, предполагающей активное вовлечение молодежи в процессы принятия решений, совместное проектирование решений с бенефициарами. Механизмы реализации партисипаторного подхода включают молодежные советы различных уровней, краудсорсинговые платформы, грантовую поддержку молодежных инициатив, развитие проектной деятельности, при этом эффективность данных механизмов подтверждается высоким уровнем активности молодежи: более семисот заявок на конкурс грантов, создание и реализация тысяч молодежных инициатив, участие миллионов молодых москвичей в мероприятиях [11]. Однако переход к партисипаторной модели не завершен и сталкивается с рядом проблем: сохраняются риски имитации участия, когда формально созданные структуры не имеют реального влияния на решения; недостаточно развиты механизмы обратной связи, позволяющие оперативно корректировать программы на основе запросов молодежи; децентрализация полномочий создает риски дублирования функций и размывания ответственности; жесткость бюджетного процесса ограничивает возможности оперативного перераспределения ресурсов [13]. Перспективы развития молодежной политики Москвы связаны с дальнейшим совершенствованием механизмов партисипации, расширением возможностей для молодежного участия в управлении, развитием цифровых инструментов взаимодействия государства и молодежи, укреплением роли молодежных общественных объединений как партнеров государства в реализации молодежной политики. Необходимо развитие механизмов координации между федеральным и региональным уровнями управления, между различными департаментами, между государственными структурами и молодежными НКО, при этом особое внимание следует уделить развитию горизонтальных связей между молодежными организациями, созданию сетевых структур, обмену опытом и ресурсами [14]. Важным направлением является совершенствование системы мониторинга и оценки эффективности молодежной политики, переход от формальных количественных показателей к качественным индикаторам, характеризующим реальные изменения в жизни молодежи, развитие инструментов предиктивной аналитики для выявления тенденций и вызовов, требующих управленческого реагирования. Московский опыт управления молодежной политикой представляет значительный интерес для других регионов России, при этом важно учитывать специфику столичного мегаполиса с его ресурсными возможностями, концентрацией образовательных и культурных учреждений, высоким уровнем урбанизации, что требует адаптации московских практик к условиям других регионов с учетом их социально-экономических и демографических особенностей [21].

Литература

1. Авачёв А. В., Убушаева Б.Г., Новиков И.Э. Реализация молодёжной политики в городе Москве // Муниципальная академия. 2022. № 1. С. 33–40.
2. Блинов А.Б. Особенности реализации молодёжной политики в моногороде // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № S2 (44). С. 88–91.
3. Бычкова Л. В., Машкина Н.А. Деятельность муниципальных органов власти в сфере управления молодёжной политикой (на примере города Курска) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 6–1. С. 294–304.
4. Валиева С.С. Теоретические аспекты молодёжной политики на муниципальном уровне // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8–1 (83). С. 107–110.
5. Галямина А. А., Пугачёва Н.А., Аксютина Ю.В. Реализация муниципальной молодёжной политики (на примере г. Перми) // Города и местные сообщества. 2022. Т. 1. С. 136–144.
6. Зубова О.С. Вопросы государственной молодёжной политики в стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 7–1. С. 117–127.
7. Киритив А.М. Система управления молодёжной политикой в современной России // Социально-гуманитарные технологии. 2022. № 4 (24). С. 25–31.
8. Корчагина А. В., Пашоликов М.С., Фролова Н.Н. Молодёжная политика: понятие, инструменты и проблемы реализации в России // Проблемы современной экономики. 2025. № 1 (93). С. 87–89.
9. Кудяков П.М. Совершенствование молодёжной политики региона // Рефлексия. 2023. № 5. С. 72–75.
10. Ларин В.А. Совершенствование управление молодёжной политикой на региональном уровне // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 10–2 (92). С. 34–37.
11. Максютина Е. В., Абдуллина Э.И., Максимова А.С., Кочкина Е.А. Управление молодёжной политикой на муниципальном уровне // Экономика и предпринимательство. 2025. № 1 (174). С. 639–645.
12. Михайлова Н. В., Габдуллин К.А. Молодёжная политика как фактор стабильности государства // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 9 (171). С. 9–17.
13. Петроградская А.А. Актуальные вопросы муниципальной молодёжной политики на современном этапе // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 452–453.
14. Силин Д.Е. Молодёжная политика в современной России: механизм формирования политической активности среди молодёжи // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 6 (94). С. 152–157.
15. Титова С. В., Фролова И.И., Тихонова М.М. Сущность государственной молодёжной политики // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 4–2. С. 129–139.
16. О молодёжной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (часть I). ст. 2.
17. О молодёжной политике в городе Москве: Закон г. Москвы от 15.12.2021 № 36 (ред. от 08.05.2024) // Ведомости Московской городской Думы. 2022. № 1. ст. 36.
18. О молодёжи: Закон г. Москвы от 30.09.2009 № 39. Утратил силу с 01.01.2022 на основании Закона г. Москвы от 15.12.2021 № 36.

19. Убушаева Б. Г., Новиков И.Э. Роль Московского городского отделения Всероссийской общественной организации «Молодая гвардия Единой России» в формировании и реализации молодёжной политики в городе Москве // Муниципальная академия. 2022. № 3. С. 48–54.

20. Щеглов В. С., Волконская А.Г. Принципы стратегии государственной молодёжной политики в Российской Федерации // Самара АгроВектор. 2023. Т. 3. № 4. С. 28–34.

21. Барсукова Т. И., Шматова А.Н. Социолого-управленческий анализ молодёжной политики в муниципальных округах Ставропольского края // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 4. С. 161–165.

YOUTH POLICY OF MOSCOW – GOVERNANCE VERTICAL, MAIN DIRECTIONS, IMPLEMENTATION MECHANISMS

Sukharev E.S., Potemkina Yu.G.
Institute of Management Technologies (MIREA), National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article is devoted to a comprehensive sociological analysis of the youth policy management system in Moscow as a key element of the city's social development strategy. The purpose of the study is to identify structural features of the management vertical, determine the main directions for implementing state youth policy, and analyze the mechanisms of interaction between government bodies at various levels with youth organizations. The methodological basis includes analysis of the regulatory framework, content analysis of departmental documents, expert interviews with management representatives, and study of youth program implementation practices for 2020–2024. The theoretical foundation relies on sociological concepts of youth social development, risk theory, concepts of social regulation and institutional approach. The management vertical in Moscow is built on a linear-functional principle with coordination center in the Committee for Public Relations and Youth Policy and decentralization of powers to district and municipal levels. Main directions are identified: social integration, professional socialization, entrepreneurship development, creative initiatives support, patriotic education. The study demonstrated transformation from paternalistic model to participatory one with active youth involvement in decision-making through councils, grant support, and project activities.

Keywords: youth policy, sociology of management, Moscow, management vertical, social integration mechanisms, youth organizations.

References

1. Avachev A. V., Ubushaeva B.G., Novikov I.E. Implementation of Youth Policy in the City of Moscow // Municipal Academy. 2022. № 1. pp. 33–40.

2. Blinov A.B. Features of the Implementation of Youth Policy in a Single-Industry Town // Proceedings of the Afanasyev Readings. 2023. № S2 (44). pp. 88–91.

3. Bychkova L. V., Mashkina N.A. Activities of Municipal Authorities in the Sphere of Youth Policy Management (using the City of Kursk as an Example) // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. № 6–1. pp. 294–304.

4. Valieva S.S. Theoretical Aspects of Youth Policy at the Municipal Level // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2023. № 8–1 (83). P. 107–110.

5. Galyamina A. A., Pugacheva N.A., Aksyutina Yu.V. Implementation of Municipal Youth Policy (on the Example of Perm) // Cities and Local Communities. 2022. Vol. 1. P. 136–144.

6. Zubova O.S. Issues of State Youth Policy in the Strategies of Socioeconomic Development of the Subjects of the Russian Federation // Issues of Russian and International Law. 2024. Vol. 14. № 7–1. P. 117–127.

7. Kiritiv A.M. Youth Policy Management System in Modern Russia // Social and Humanitarian Technologies. 2022. № 4 (24). P. 25–31.

8. Korchagina A. V., Pasholikov M.S., Frolova N.N. Youth Policy: Concept, Tools, and Implementation Problems in Russia // Problems of Modern Economy. 2025. № 1 (93). Pp. 87–89.

9. Kudyakov P.M. Improving Regional Youth Policy // Reflection. 2023. № 5. Pp. 72–75.

10. Larin V.A. Improving Youth Policy Management at the Regional Level // Economy and Business: Theory and Practice. 2022. № 10–2 (92). Pp. 34–37.

11. Maksyutina E. V., Abdullina E.I., Maksimova A.S., Kochkina E.A. Youth Policy Management at the Municipal Level // Economy and Entrepreneurship. 2025. № 1 (174). Pp. 639–645.

12. Mikhailova N. V., Gabdullin K.A. Youth Policy as a Factor in State Stability // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2022. № 9 (171). Pp. 9–17.

13. Petrogradskaya A.A. Current Issues of Municipal Youth Policy at the Current Stage // Eurasian Law Journal. 2022. № 5 (168). Pp. 452–453.

14. Silin D.E. Youth Policy in Modern Russia: The Mechanism for Forming Political Activity Among Young People // Skif. Issues of Student Science. 2024. № 6 (94). Pp. 152–157.

15. Titova S. V., Frolova I.I., Tikhonova M.M. The Essence of State Youth Policy // Science of Krasnoyarsk. 2023. Vol. 12. № 4–2. pp. 129–139.

16. On Youth Policy in the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2020 № 489-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. № 1 (Part I). Art. 2.

17. On Youth Policy in the City of Moscow: Law of the City of Moscow of 15.12.2021 № 36 (as amended on 08.05.2024) // Vedomosti of the Moscow City Duma. 2022. № 1. Art. 36.

18. On Youth: Law of the City of Moscow dated September 30, 2009, № 39. Repealed effective January 1, 2022, based on Law of the City of Moscow dated December 15, 2021, № 36.

19. Ubushaeva B. G., Novikov I.E. The Role of the Moscow City Branch of the All-Russian Public Organization «Young Guard of United Russia» in the Formation and Implementation of Youth Policy in the City of Moscow // Municipal Academy. 2022. № 3. pp. 48–54.

20. Shcheglov V. S., Volkonskaya A.G. Principles of the Strategy of State Youth Policy in the Russian Federation // Samara AgroVector. 2023. Vol. 3. № 4. pp. 28–34.

21. Barsukova T. I., Shmatova A.N. Sociological and managerial analysis of youth policy in municipal districts of Stavropol Krai // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2023. № 4. P. 161–165.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности как ресурс управления в современной России

Фомичева Татьяна Владимировна,
канд. социол. наук, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления Российского государственного социального университета
E-mail: fomitchevatv@mail.ru

В публикации традиционные российские духовно-нравственные ценности рассматриваются как ресурс управления с точки зрения эволюции понятия в аспектах государственного управления и с точки зрения организации управленческой деятельности (управления на основе ценностей) на уровне конкретных организаций. Исторический аспект рассмотрения позволяет выделить периоды институционализации данного понятия. Значимость категории «традиционные российские духовно-нравственные ценности» возрастает по мере институционализации и внедрения данной категории в правовое поле РФ. По состоянию на текущую дату данная категория интегрирована в правовое поле Российской Федерации.

Ключевые слова: ценности, традиционные российские духовно-нравственные ценности, ресурс управления, ценностное сознание.

Введение

Необходимо отметить, что в современной России в целом наблюдается устойчивый интерес к ценностной проблематике. Зачастую она рассматривается комплексно, интегративно, как «ресурс управления». На уровне функционирования организаций и предприятий (в ракурсе развития проблематики корпоративных ценностей), а также на уровне государственного управления (в ракурсе возможного разрешения демографических проблем России, например). Это связано со смысловым потенциалом ценностей, который оказывает влияние на сознание конкретной личности. Связана важность восприятия ценностной проблематики также и с теми внешнеполитическими условиями, в которых сейчас находится наша страна. Необходимость внедрения и дальнейшего развития ценностного и технологического суверенитета России обуславливают важность изучения современной ситуации. Значимость этого влияния определяет вектор дальнейшего изучения ценностной проблематики.

Президент России видит в ценностной составляющей путь к возможному постепенному и поэтапному решению существующих демографических проблем России (депопуляции). В России утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента России от 09.11.2022 г. № 809 [8]) в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [11].

Традиционные ценности трактуются в Указе следующим образом: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [8]. Выделены следующие традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [8]. Появление данного документа даёт новый импульс, вектор осмыслению, восприятию и развитию социокультурных и традиционных ценностей в современной России. В Указе подчеркивается, что особая роль в укреплении традиционных ценностей принадлежит православию [8].

Ценностное (стратегическое) управление в рамках организации – концепция, связанная с миссией конкретной организации, с ориентацией организации на выделенные ей приоритетные ценности, которые декларируются как нормативная база для развития организации, ее бизнес-процессов и деятельности в целом [13]. Ценностное управление в организации предполагает ориентацию на цели организации, траекторию (стратегию) её развития, корпоративную культуру в целом [14]. В дальнейшем, ценностное управление помогает мотивировать сотрудников организации для новых профессиональных достижений.

Методика

Проведён контент-анализ нормативных документов (включая стратегические, программные документы: Указы Президента РФ; Федеральные законы РФ и пр.) за период с 2012 по 2026 гг. с целью выявить траекторию развития концепции «традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Результаты

К вопросу об эволюции понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности»: государственное управление

С одной стороны, управление человеческими ресурсами охватывает широкий пласт проблем в рамках России: от управления кадрами до образовательных проектов, организации занятости населения и пр.

Термин «традиционные российские духовно-нравственные ценности» за период примерно с 2020 года по 2026 год проходит период от размытого понимания в риторике политических деятелей до конкретного юридического формирования понятия.

В период с 2012 г. по 2020 г. понятие условно использовалось косвенно как культурный ориентир в Федеральном законе «Об образовании» [12] и в Посланиях Президента в контексте «общечеловеческих ценностей» с акцентом на патриотизм (этап формирования);

После выхода из печати статьи В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» [3] ценности становятся фундаментом национальной идентичности. В «Стратегии национальной безопасности» (2015) [10] они впервые официально связываются с защитой суверенитета (этап институционализации с 2012 г. по 2020 г.);–традиционные российские духовно-нравственные ценности появляются в документе и поименованы.

Поправки в Конституцию РФ [2] закрепили преемственность истории, веру в Бога и защиту института брака как ценности, что сделало их обязательным элементом правового поля (этап конституционного закрепления 2020–2022гг);

Появление Указа Президента России от 09.11.2022 г. № 809 [8], определившего конкретный перечень «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и механизмы противодействия «деструктивной идеологии» определили этап нормативной детализации с 2022г по настоящее время.

Указ Президента России от 09.11.2022 г. № 809 [8], в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [11], дал старт «Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», что, в свою очередь даёт возможность интегрировать традиционные российские духовно-нравственные ценности в контекст проблематики государственного управления. Одними из важнейших целей государственного управления в ракурсе традиционных российских духовно-нравственных ценностей являются: защита культурного суверенитета населения России; противодействие (противовес) деструктивной идеологии (ценностям и антиценностям, противоречащим российским духовно-нравственным ценностям); формирование идеологии (как укрепление российской идентичности). Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» включается в правоприменительную практику, являясь в той или иной степени элементом правовой политики российского государства. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации были перечислены потенциальные угрозы, в связи с возможной утратой «традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов» [5]. Также проблематика «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» затрагивается еще в ряде документов: в Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы [7]; в Доктрине информационной безопасности [6]; в «Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы» [1] и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года …[9].

Демографические проблемы, их разрешение предполагается связать с традиционными ценностями, их развитием и приоритетом их в сознании россиян. По данным исследований ВЦИОМ за 2023–2025 годы абсолютным приоритетом является такая ценность как «крепкая семья» (2023–68%; 2024–67%; 2025–68% от общего числа опрошенных). На втором месте ценность «историческая память и преемственность поколений»–(2023–31%; 2024–32%; 2025–33% от общего числа опрошенных). На третьем месте по значимости ценность «гордость за страну» (2023–31%; 2024–37%; 2025–30% от общего числа опрошенных) [4].

Традиционные российские духовно-нравственные ценности в аспектах управления в организациях

Корпоративная и организационная культура являются органичным контекстом проявления традиционных ценностей. Ценности являются тем «стержнем», конструктом, который формирует структуру организации, стабилизирует её и обосновывает её движение вперед.

Важно, чтобы система корпоративных ценностей конкретного предприятия была функционально разделяема всеми сотрудниками, интегрирована в их ценностное сознание реально, а не нормативно-декларативно. При условии комплексной интеграции системы корпоративных ценностей в ценностное сознание сотрудников снижается необходимость постоянного контроля и оценки поведения сотрудников на предприятии, сотрудники сами берут на себя часть контролирующих функций за счет самоконтроля и успешно реализуемых исполнительской и трудовой дисциплины.

Управление ценностями позволяет сформировать корпоративную культуру организации, имидж компании, стиль руководства, стиль взаимодействия сотрудников компании.

Ценности как основа корпоративной культуры закладывают правила взаимодействия в трудовом коллективе, правила взаимодействия с клиентами и поставщиками, с внешней средой организации, корпоративные ценности формируют уникальный стиль компании, образ во внешней среде.

Ценности одновременно являются инструментом для принятия решений, ориентирами для выбора правильного решения. Используются ценностные шкалы, корпоративные системы ценностей при работе с персоналом организации: при подборе персонала, мотивации принимаемых управленческих решений, ротации кадров.

Особую роль система корпоративных ценностей может иметь при необходимости повышения производительности труда на предприятии, мотивации сотрудников для достижения наилучших результатов в труде, достижении нормативов и перевыполнении производственных планов.

Заключение

Проблематика традиционных российских традиционных духовно-нравственных ценностей может быть рассмотрена на различных уровнях значимости: от уровня проблем государственного управления и включения термина «традиционных духовно-нравственных ценностей» в правоприменительную практику, в правовую политику российского государства (использование на уровне «терминальной ценности») и до использования данного термина «традиционных духовно-нравственных ценностей» на уровне «инструментальной ценности»–как ресурса управления в организациях: для формирования корпоративной культуры, инструмента для управления персоналом предприятия; фактора повышения производительности труда, исполнительской и трудовой дисциплины, социального и нормативного контроля на предприятиях и организациях, в трудовых коллективах.

Литература

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утверждено Президентом РФ 28.12.2018 г. пр.-2665) // Сайт Министерство Просвещения РФ. Банк документов. [Электронный ресурс] URL: https://docs.edu.gov.ru/document/9b10cfca04e68a28b78e4db382df5232/ (Дата обращения 24.11.2024)

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс]: URL: http://kremlin.ru/acts/constitution/item (Дата обращения 24.11.2024)

3. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/politics/2012–01–23/1_national.html (Дата обращения 24.11.2024)

4. Традиционные ценности: ожидания и реальность // ВЦИОМ новости. 08.07.2025 URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (Дата обращения 18.12.2025)

5. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1 (Дата обращения 24.11.2024)

6. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460/page/1 (Дата обращения 24.11.2024)

7. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (Дата обращения 24.11.2024)

8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»// Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (Дата обращения 18.11.2024)

9. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Сайт МЧС России [Электронный ресурс] URL: https://mchs.gov.ru/dokumenty/2633 (Дата обращения 24.11.2024)

10. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (Дата обращения 07.03.2026)

11. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс]: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630 (Дата обращения 24.11.2024)

12. Федеральный закон от 29.12.2012 г. «Об образовании» № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: URL: https://open-dpo.obrnadzor.gov.ru/data/npa/273.pdf (Дата обращения 10.03.2026 г.)

13. Фомичева Т.В. К вопросу об историографии традиционных российских духовно-нравственных ценностей: управленческий аспект // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 11. С. 28–31/

14. Фомичева Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2 (212). С. 80–84

TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS A RESOURCE OF MANAGEMENT IN MODERN RUSSIA

Fomicheva T.V.
Russian State Social University

This publication examines traditional Russian spiritual and moral values as a management resource, considering the evolution of the concept within public administration and the organization of management activities (values-based management) at the level of specific organizations. The historical perspective allows us to identify periods of institutionalization of this concept. The significance of the category "traditional Russian spiritual and moral values" increases with its institutionalization and integration into the legal framework of the Russian Federation. As of today, this category is integrated into the legal framework of the Russian Federation.

Keywords: values, traditional Russian spiritual and moral values, management resource, value consciousness.

References

1. Kompleksnyj plan protivodejstviya ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2019–2023 gody (utverzhdeno Prezidentom RF 28.12.2018g. pr.-2665) // Sajt Ministerstvo Prosveshcheniya RF. Bank dokumentov. [Elektronnyj resurs] URL: https://docs.edu.gov.ru/document/9b10cfca04e68a28b78e4db382df5232/ (Data obrashcheniya 24.11.2024)

2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs]: URL: http://kremlin.ru/acts/constitution/item (Data obrashcheniya 24.11.2024)

3. Putin V.V. Rossiya: nacional'nyj vopros // Nezavisimaya gazeta. 23.01.2012. [Elektronnyj resurs] URL: https://www.ng.ru/politics/2012–01–23/1_national.html (Data obrashcheniya 24.11.2024)

4. Tradicionnye cennosti: ozhidaniya i real'nost' // VCIOM novosti. 08.07.2025 URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (Data obrashcheniya 18.12.2025)

5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1 (Data obrashcheniya 24.11.2024)

6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.12.2016 g. № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460/page/1 (Data obrashcheniya 24.11.2024)

7. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.05.2017 g. № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (Data obrashcheniya 24.11.2024)

8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej»// Oficial'noe opublikovanie pravovyh aktov [Elektronnyj resurs] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (Data obrashcheniya 18.11.2024)

9. Ukaz Prezidenta RF ot 29.05.2020 № 344 «Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda» // Sajt MCHS Rossii [Elektronnyj resurs] URL: https://mchs.gov.ru/dokumenty/2633 (Data obrashcheniya 24.11.2024)

10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.12.2015 g. № 683 O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (Data obrashcheniya 07.03.2026)

11. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 g. № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs]: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630 (Data obrashcheniya 24.11.2024)

12. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012g. «Ob obrazovanii» № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // [Elektronnyj resurs]: URL: https://open-dpo.obrnadzor.gov.ru/data/npa/273.pdf (Data obrashcheniya 10.03.2026g.)

13. Fomicheva T.V. K voprosu ob istoriografii tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej: upravlencheskij aspekt // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2024. № 11. S. 28–31/

14. Fomicheva T.V., Kataeva V.I. Cennosti rossiyan v kontekste cifrovizacii rossijskoj ekonomiki // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2019. № 2 (212). S. 80–84

Социопространственное развитие территории как фактор преодоления межтерриториальных неравенств

Харченко Константин Владимирович,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kvkharchenko@fa.ru

В статье обосновывается концепция социопространственного развития регионов и муниципальных образований, которая призвана устранить противоречие между социально-экономическим и территориальным планированием и, в конечном счете, способствовать сглаживанию межтерриториальных неравенств. На основе логического анализа, синтеза ключевых подходов, анализа муниципальных практик показано, что пространственное развитие не может быть эффективным без его проекции на социальные отношения, тогда как целевые группы, формируемые для участия в стратегическом планировании и управлении, должны быть определенным образом позиционированы в пространстве. В рамках социопространственного подхода обоснованы принципы приоритета качества жизни населения, управляемости социальных процессов, конструирования целевых групп, равноценности а) городских и сельских территорий, б) физического и виртуального пространства, в) социальных процессов и субъективных смыслов. Даны характеристики социопространственных процессов. В результате обосновано понятие социопространственного потенциала, которое формируется на стыке научных представлений о пространственном потенциале и потенциале целевых групп населения. Превратить данный потенциал в актуальный ресурс территории позволяет управление ее социопространственным развитием, которое включает управление средой проживания, развитием дворовых и общественных территорий. Приведенные типовые управленческие меры применительно к каждому из обозначенных направлений позволяют осмыслить накопленные способы преодоления межтерриториальных неравенств и повысить эффективность управления на перспективу.

Ключевые слова: социопространственное развитие, социопространственные процессы, социопространственный потенциал, стратегическое планирование, соучаствующее проектирование, межтерриториальные неравенства.

Введение

В настоящее время социально-экономическому развитию территорий посвящены стратегии и государственные (муниципальные) программы; пространственное развитие находит отражение в архитектурно-планировочных документах. При этом нередко наблюдается отсутствие согласованности между процессами стратегического (социально-экономического) и пространственного планирования: в стратегиях не находят предметного выражения вопросы пространственного развития, а генеральные планы разрабатываются без учета реально располагаемых социальных и экономических ресурсов.

Изложенные в стратегических документах положения, касающиеся социально-экономического развития, без учета пространственного фактора либо теряют связь с реальностью по причине невнимания к пространственным ограничениям и «конфликта интересов» различных социальных групп, либо влекут за собой межтерриториальные неравенства. Такие неравенства выражаются в непропорциональной концентрации ресурсов на различных сегментах территории и неравномерной нагрузке на окружающую среду, в результате чего возникает проблема геопространственной неоднородности.

Планирование пространственного развития также не может быть эффективным без его проекции на социальные отношения.

Вопрос о взаимосвязи между социальными отношениями и пространством в различной мере поднимался и рассматривался в работах Г. Зиммеля, П.А. Сорокина, Т. Парсонса, П. Штомпки, однако наиболее рельефно он освещён в концепции социального пространства П. Бурдьё [2].

П. Бурдьё последовательно проводит тезис о взаимосвязи и взаимопроникновении физического («конкретного») и социального («абстрактного») пространств, результатом которого является как «овеществленное социальное пространство», так и «присвоенное физическое пространство».

Социальное пространство образует «структура рядоположенности социальных позиций» [2: 50], т.е. оно есть продукт социального неравенства, или, по терминологии П. Бурдьё, «неравного распределения отдельных видов капитала», который трактуется в предельно широком смысле, включая экономический, культурный, социальный, символический капитал.

Социальное пространство стремится найти воплощение в физическом пространстве, «реализоваться в нем более или менее полно и точно» [2: 53], в том числе путем использования акторами приемов символического насилия. Наиболее зримое выражение этого процесса – расселение привилегированных слоев общества в престижных сегментах территории, с одной стороны, и сосредоточение людей без ресурсов в депрессивных районах, или «гетто», с другой. Эти процессы могут быть либо стихийными, либо управляемыми, т.е. становиться предметом манипулирования.

Капитал определяет способность людей властвовать над пространством: господствовать в присвоенном пространстве, быстро перемещаться, находиться одновременно в нескольких местах за счет телекоммуникаций либо организации работы своих представителей. Дефицит же капитала, напротив, приковывает человека к заданному месту.

Важной представляется мысль П. Бурдьё о влиянии на социальное пространство как объективных, так субъективных факторов, или, ближе к авторской терминологии, реальностей первого и второго порядка. К первым относятся структуры – капитал, социальные поля и практики, ко вторым же – социальные представления, ментальная обусловленность действия, т.е. габитус.

Концепция социального пространства П. Бурдьё задает основы исследования влияния социальных факторов на пространственные отношения. Вместе с тем, эти идеи нуждаются в дальнейшем развитии в связи с современными тенденциями развития общества и применительно к задачам стратегического планирования социально-экономического и пространственного развития территории. Ведущей тенденцией в данной области является появление виртуального пространства в результате развития информационных технологий, которое на сегодняшний день создает серьезную конкуренцию физическому пространству и становится ареной борьбы за символический, да и материальный капитал.

Итак, чтобы анализировать не абстрактное, а «овеществленное», или объективированное, социальное пространство, представляется продуктивным расширение использования в социологической науке атрибутивной категории «социопространственного», которая в отдельных работах уже фигурирует применительно к среде, архитектурной единице, отношениях, практиках, неравенствах, идентичности.

Сегодня архитектурная среда все чаще начинает рассматриваться не только в плане морфологии, стилистических особенностей и историко-культурного значения, но и как продукт социокультурных систем [7]. Социопространственная среда, по мнению А.В. Жоголевой, вбирает в себя множество факторов: экологическая обстановка, архитектура, производство, туризм, безопасность, культура, «дух места» и целый ряд других, которые определяются типом городского устройства (сословный, индустриальный, постиндустриальный город) и качеством управления [7]. Социопространственная единица в архитектуре означает единицу проектирования – модуль, включающий жилые дома, торговые и социальные объекты, от компактности которого зависит удобство проживания, в особенности на северных территориях [6].

Социопространственные отношения, с позиции Б. Джессопа и соавторов, охватывают территории, места, масштабы и социальные сети [18]. В рамках анализа социопространственных практик, предпринятого Т. Кенна и Г. Максимюк, поднимаются важные вопросы влияния информационных технологий на отношение людей к городским пространствам [19].

Социопространственные неравенства, которым по факту уделено много внимания в работах П. Бурдье, в данной терминологии анализируются, в частности, в статье А. Мишель и А. Рибардьер, через категории плотности, достаточности и доступности городских ресурсов, распределенных в пространстве [22]. Термин «социопространственная идентичность» фигурирует в работах Э.М. Думновой. Автор рассматривает данное понятие как отождествление субъектом себя с определенной нацией, социальной группой, территорией и природно-географическими условиями их развития как с неразрывным целым [4–5]. При этом другие исследователи предпочитает пользоваться термином «пространственная идентичность», что в данном случае не меняет смысла, поскольку речь идет об изначально субъективном феномене.

В целом можно говорить о том, что обозначение явлений через признак «социопространственный» достаточно востребовано для научной интерпретации как архитектурных решений, связанных с социальными практиками, так и социальных отношений, локализованных в пространстве. Вместе с тем, на данный момент отсутствует системное использование данного атрибута для обозначения особого вектора анализа социальных и пространственных процессов, способствующего повышению эффективности управления комплексным и устойчивым развитием территории.

Социопространственный подход к исследованиям экономических и социальных явлений на региональном и муниципальном уровнях может стать продуктивным для науки и востребованным на практике, поскольку предполагает идентификацию специфических социопространственных процессов и выявление соответствующего социопространственного потенциала развития территории.

В связи с этим цель работы – обосновать концепцию социопространственного развития территории, практическое внедрение которой позволит сглаживать межтерриториальные неравенства за счет снятия противоречия между социально-экономическим планированием и разработкой архитектурно-планировочных документов.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые систематизированы принципы социопространственного подхода к исследованию межтерриториальных неравенств, выведена специфика социопространственных процессов и социопространственного потенциала, определены основные направления управления социопространственным развитием.

В ходе исследования использовались такие методы, как логический анализ, структурно-функциональный анализ, синтез ключевых понятий и подходов, индукция и дедукция, анализ муниципальных практик преодоления межтерриториальных неравенств.

Социопространственный подход

Постановка задачи социопространственного развития территории требует особого подхода к интерпретации социальных фактов, который мы предлагаем называть социопространственным подходом.

Социопространственный подход предполагает выделение пространственного среза социально-экономических отношений, а затем соотнесение его с объективными социальными процессами и субъективными смыслами. Социально-экономический анализ рассматривает, прежде всего, степень развитости сфер жизнедеятельности, которые применительно к региону или муниципалитету можно сгруппировать по четырем направлениям: экономика; человек; среда и инфраструктура; управление и самоуправление. Развитость сфер характеризуется, среди прочего, объемами производства и инвестиций, направленностью миграционных процессов, числом объектов социальной сферы, социальной активностью населения. Пространственный анализ акцентирует «доступность» благ и услуг не как уровень их достаточности, а как степень равномерности распределения по территории. Отсюда для пространственного среза ключевыми являются понятия удаленности, транспортной связности, каркаса, «точек притяжения».

Социопространственный подход основан на следующих принципах.

1. Приоритет «качества жизни» населения над критериями экономической эффективности. Под качеством жизни мы понимаем не высшую степень достаточности всех благ одновременно, а разумный выбор в пользу гармоничного удовлетворения широкого круга потребностей человека – в том числе в здоровье и долголетии, эстетике среды, социальном признании и самоактуализации. Отсюда приоритет качества жизни означает приоритет «развития» территории над безудержным экономическим «ростом», что требует принимать в расчет экологические ограничения. Развитие должно основываться на принципах всесторонности, сбалансированности, целостности, равновесности и безопасности и таким образом исключать закрепление социальных, экономических и иных диспропорций.

2. Принцип равноценности городских и сельских территорий. В некоторой мере этот принцип связан с предыдущим, поскольку сельская территория не создает на данный момент максимум добавленной стоимости, но обеспечивает гармонию между человеком и средой обитания. К сожалению, у таких актуальных научных направлений, как урбанистика, градостроительство, градоустройство, «умный город» отсутствуют аналоги применительно к селу. При этом сейчас, особенно в связи со сложной эпидемиологической обстановкой, технологии инфраструктурного обеспечения сельских территорий особенно необходимы, поскольку более равномерное распределение населения по территории является залогом долголетия, здоровой жизни и самоактуализации личности.

3. Принцип управляемости социальных процессов. Ценность социопространственного подхода возрастает, если он не ограничивается описанием моделей социального взаимодействия в пространстве, а предполагает выход на управленческие решения – в отношении того, как активизировать на конкретных пространствах желательные социальные процессы. Отсюда социопространственный подход очень важен в процессе стратегического планирования социально-экономического развития регионов и муниципальных образований.

4. Принцип конструирования целевых групп. По существу, этот принцип является одним из воплощений принципа управляемости социальными процессами. В отличие от социальных групп, существующих на территории объективно, но не обязательно участвующих в ее развитии, целевые группы конструируются субъектом управления целенаправленно, о чем как раз и говорит данный термин, т.е. чаще всего для целей, определенных в региональной либо муниципальной стратегии. При этом целевые группы могут формироваться, в том числе, из сплоченных социальных групп; из разрозненных индивидов со сходными социально-профессиональными и иными характеристиками; даже из тех, кто не проживает на данной территории, но так или иначе с ней связан.

5. Принцип равного учета физического и виртуального пространства. Развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к укреплению позиций виртуального пространства в общественной жизни, с чем уже нельзя не считаться при управлении пространством региона и муниципальных образований. Отсюда как пространственный анализ, так и планирование управленческих мер в отношении некоторой территории уже не может ограничиваться лишь физическим пространством и требует учета социальных процессов, происходящих в виртуальном пространстве. Также социопространственный поход позволяет акцентировать случаи взаимопроникновения пространств данных типов.

6. Принцип рассмотрения пространства как вместилища не только социальных процессов, но и субъективных смыслов. Наблюдающееся в последние десятилетия возрастание значимости субъективного фактора обусловливает необходимость его учета и при анализе пространственных процессов. Субъективные смыслы формируют отношение людей и социальных групп к пространству и, в конечном счете, территориальную и пространственную идентичность [21]. В основе такой идентичности лежат пространственные стереотипы (например, представления о престижных и непрестижных районах, слово «деревня»

в уничижительном смысле), изучение которых позволяет предугадывать поведение социальных групп.

Итак, социопространственный подход предполагает сосредоточить внимание на том, как характеристики пространства влияют на социальные процессы и как социальные факты, связанные с объективным и субъективным миром, определяют вектор освоения пространства.

Социопространственные процессы

Для разработки управленческих мер в отношении социопространственного развития необходима, прежде всего, идентификация объекта управления, который, по логике нашего изложения, следует обозначить термином «социопространственные процессы». Социопространственный процесс – это последовательность событий, приводящая к изменению социального пространства; это процесс, предполагающий изменение структуры либо функций пространства под воздействием социальных групп либо социальных условий.

Социопространственные процессы могут различаться по масштабу, времени возникновения, скорости протекания, направленности на интеграцию людей в пространстве либо, напротив, на их разобщение.

Примерами масштабных социопространственных процессов являются следующие.

1. Заселение пространства социальными группами со сходными характеристиками. Данный процесс был характерен для Средневековья, о чем свидетельствуют улицы ремесленников одной специальности, названия слобод Стрелецкое, Пушкарное, Драгунское и т.п.

2. «Социальная атомизация» людей и общностей в пространстве [1] – противоположный процесс, наблюдавшийся, в частности, в России 1990-х годов, который породили «рыночные ценности» 1990-х годов вкупе с неблагоприятной криминогенной обстановкой.

3. Снижение внимания к общественной деятельности по месту жительства по причине роста значимости частного интереса. Это приводит к заметным различиям между старательным обустройством приватных зон – квартир, дворов частных домовладений – и депрессивным состоянием территорий за их пределами, в особенности лестничных площадок.

4. Нарастание диспропорций между субъективной значимостью виртуального и физического пространства. Исследователи обращают внимание на то, что люди, использующие гаджеты в общественных местах, остаются не вовлеченными в общественную жизнь «молчаливыми зрителями». Феномен «публичной приватности» снижает ценность публичных пространств в традиционном смысле. Уделяя внимание виртуальному пространству, люди теряют интерес к реальному миру (прежде всего, к «третьему месту», за исключением семьи и работы), который утрачивает для них субъективную значимость. В некоторых случаях это приводит к страху перед реальным миром и принимает крайние формы «абстиненции». В то же время, возникает «множественная социальная реальность на одном месте». Физические пространства записываются, фотографируются и транслируются он-лайн. Интернет-медиа способствуют моментальному сбору в общественных пространствах больших групп людей, причем иногда с деструктивными намерениями [19].

5. Экстерриториальное мировосприятие. Термин «экстерриториальность» мы используем здесь условно, так как в настоящее время он применяется преимущественно в юридических науках и подразумевает действие юридических норм надгосударственного, транснационального значения [13], а также получение отдельных государственных услуг без привязки к территории проживания. В нашем случае экстерриториальность означает выстраивание человеком своей жизненной стратегии без привязки к окружающему пространству, что, с одной стороны, открывает больше возможностей для индивида, но с другой, приводит к снижению его мотивации участвовать в развитии территории по месту жительства. При этом «ненужность» реального мира явно противоречит тому, что именно физическая среда является материальной основой социальной и виртуальной реальности, а значит, она должна быть экологически чистой, гармоничной и рационально организованной.

Социопространственный подход позволяет переосмыслить известные социальные процессы – с учетом их локализации, а также экономические процессы, затрагивающие пространство – с учетом их значимости для социальных групп.

Так, урбанизация в данном смысле – это, скорее, не смена характера занятости, образа жизни и ценностных ориентиров, а повышение концентрации людей в городском пространстве. При изучении миграции важна не интеграция мигрантов, их социально-демографические характеристики либо стратегии трудоустройства, а, например, вынужденный либо добровольный дауншифтинг – переезд квалифицированных работников в сельскую местность.

Локальные социопространственные процессы можно разглядеть, если рассматривать территорию как арену столкновений государственного (муниципального), коммерческого и общественного интереса. К таковым процессам можно отнести следующие.

1. Приватизация и коммерциализация общественных территорий [16] – пристройка балкона или лоджии; строительство жилья в парковых зонах; строительство торговых центров на месте зон отдыха, захват земельных участков, находящихся на береговой полосе водоемов.

2. Противодействие нежелательному для социальных групп использованию территории – например, экологические протесты против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес Архангельской области.

3. Складывание маргинальных пространств либо тяготение маргинальных социальных групп к депрессивным пространствам. В городах это могут быть заводские районы и иные окраинные территории; в селах также встречаются случаи маргинализации пространства по причине переезда социально-неблагополучных семей в более дешевое жилье, а также некоторых этнических групп и сектантов. В результате маргинализации образуются сегменты территории, выпадающие из орбиты управления и причиняющие вред жителям как внутри данных территорий, так и за их пределами.

Итак, задача субъектов управления состоит в сглаживании диспропорций, обусловленных как глобальными, так и локальными социопространственными процессами.

Социопространственный потенциал

Изучение социопространственных процессов с социально-управленческих позиций позволяет выявлять социопространственный потенциал территории как основу ее развития с учетом рассмотренного подхода.

«Социопространственный потенциал» является понятием-надстройкой над потенциалом территории вообще, а также пространственным и социальным потенциалом.

Потенциал территории – это важнейшая ее характеристика с позиции социального управления. Именно потенциал обеспечивает характер и масштаб развития, без которого, согласно второму закону термодинамики, в любой системе возрастает энтропия. Отсюда неблагоприятными являются ситуации, когда потенциал низок, т.е. развивать нечего и не из чего, а также когда потенциал исчерпан, если система на данный момент совершенна, но отсутствует видение ее дальнейшего развития.

Понятие потенциала территории включает как объективную, так и субъективную составляющие. Объективная составляющая выражается в труднооспоримых фактах, выраженных количественно – например, объем разведанных запасов полезных ископаемых. Субъективная составляющая предполагает позицию субъекта управления в части того, что именно и в какой мере целесообразно развивать. Смена власти может привести к изменению понимания драйверов развития территории.

По общей модели, потенциал территории вообще включает а) неизвлеченные ресурсы; б) незадействованные ресурсы; в) «недостроенные» ресурсы. Именно субъект управления решает, где искать ресурсы; что задействовать сейчас, а что оставлять в резерве; в «достройку» чего целесообразно вкладываться.

Исходя из данного понимания структуры потенциала, пространственный потенциал составляют а) неосвоенные пространства; б) пространства, не используемые вообще либо по прямому назначению, а также используемые менее их возможной вместимости либо проектной мощности; в) места, где возможно создание дополнительных пространств (например, путем строительства дамб, отсыпки, мелиорации); захламленные пространства, требующие санитарной очистки (земли); объекты незавершенного строительства; здания, требующие реконструкции.

По той же логике потенциал целевых групп населения включает нераскрытые либо неиспользуемые: интеллектуальный потенциал; потенциал самоорганизации населения; потенциал обеспечения безопасности (казаки), сельскохозяйственной кооперации, ремесленничества; потенциал народной культуры; потенциал доверия. К «недоформированному» потенциалу можно отнести потенциал более тесной интеграции целевых групп (например, молодых архитекторов; организаторов производства; волонтеров); потенциал их обучения универсальным навыкам (общественному самоуправлению, социальному предпринимательству и др.).

Наложение на предложенную структуру пространственного потенциала и потенциала целевых групп позволяет сформировать понима-

ние элементов социопространственного потенциала. К неизвлеченным либо неиспользуемым ресурсам в зависимости от конкретной ситуации могут быть отнесены, среди прочего: потенциал гостеприимства местных жителей для развития сельского туризма; потенциал территориального общественного самоуправления (ТОС) для решения местных проблем; интеллектуальный и организаторский потенциал жителей для преобразования среды; потенциал дворовых территорий для культурных и воспитательных мероприятий; потенциал помещений бюджетных организаций для развития ТОС. Недоформированные ресурсы социопространственного потенциала – это, в частности, территории общественных пространств, которые могут быть адаптированы под нужды конкретных целевых групп, а также территории промзон, ревитализация которых [10] позволит активизировать общественную и культурную жизнь.

Итак, соединение пространственного потенциала и потенциала целевых групп дает системный эффект. Реализация социопространственного потенциала предполагает деятельность по двум встречным направлениям. Первое направление предполагает формирование пространств для удовлетворения потребностей целевых групп и усиления желательных социальных процессов. Второе направление состоит в конструировании целевых групп для гармоничного заполнения пространств либо повышения эффективности их использования. При этом оба указанных направления направлены на преодоление межтерриториальных неравенств.

Управление социопространственным развитием

Управление социопространственным развитием территории представляет собой целенаправленное воздействие на социопространственные процессы с учетом принципов социопространственного подхода, направленное на преодоление межтерриториальных неравенств.

В данном случае важно уловить тонкую грань, отделяющую социопространственное развитие как от пространственного, так и от социального. Так, к обозначенному предмету внимания не относится формирование инвестиционных площадок, выделение земельных участков под личные и коммерческие нужды без привязки к социальным группам, а также поддержка добровольчества (волонтерства) и социально-ориентированных некоммерческих организаций без привязки к конкретной территории.

Управление социопространственным развитием включает управление средой проживания в масштабе всей территории административной единицы, а также управление развитием дворовых и общественных территорий – с обязательным акцентом на реализацию интересов целевых групп.

Управление средой проживания в масштабе всей территории муниципального образования в интересах целевых групп может включать такие меры, как выделение земельных участков под застройку представителям целевых групп; государственную поддержку индивидуального жилищного строительства и создание условий для развития родовых поместий [12]; стимулирование строительства элитного жилья в низкорейтинговых районах – так называемая джентрификация [9; 17].

Управление дворовыми территориями в аспекте социопространственного развития включает, как правило, изменение конструктивных особенностей и архитектурных элементов двора, если при этом просматривается социально-значимая цель. Среди таких мероприятий отметим строительство детских площадок как фактор повышения рождаемости, строительство спортивных площадок в целях формирования здорового образа жизни, замена глухих ограждений прозрачными в целях повышения эстетики городской среды. В отдельный блок следует выделить меры по поддержке территориального общественного самоуправления в масштабе двора. В отличие от общественных объединений, ТОСы относятся к конкретной территории (имеют утвержденные границы) и способны реализовывать широкий круг направлений деятельности – от содействия в обеспечении безопасности до культурных мероприятий и благотворительности.

Управление общественными территориями в целях социопространственного развития должно строиться на внедрении в сознание жителей значимости концепта «третьего места» – значимого пространства между семьей (домом) и корпорацией – местом работы или учебы [14; 20]. В данном аспекте управленческие меры могут включать реновацию и виртуализацию общественных пространств в интересах привлечения молодых людей, увеличения степени привязанности жителей к своему городу и району [16, с. 126]; установление приоритета в пространстве одних целевых групп перед другими, например пешеходов перед автомобилистами; устройство сельских парков; приспособление сегментов общественного пространства под интересы определенных целевых групп; «обмен территориями» между целевыми группами, а также усиление субъективной значимости отдельных общественных территорий путем стимулирования их репрезентации в литературном, художественном и ином творчестве.

В современную цифровую эпоху значимость «третьего места» повысится, если органы местного самоуправления будут проводить мероприятия, предусматривающие комбинирование активности в виртуальном и физическом пространстве. Например, обсуждение концепции какого-либо знакового для территории события может происходить в виртуальном пространстве, а кульминационный момент – в физическом пространстве. Особо следует отметить, что социопространственному развитию территории способствует так называемое соучаствующее проектирование – совместное с целевыми группами определение направлений развития территории [3; 9; 23]. В рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» рекомендуются такие способы общественного участия, как обсуждение регулирующих документов – правил благоустройства, государственных и муниципальных программ, возможность подачи предложений по благоустройству конкретных территорий и обсуждения дизайн-проектов, трудовое и финансовое участие заинтересованных лиц в реализации проектов по благоустройству, а также общественный контроль. На данный момент механизмы соучаствующего проектирования проработаны довольно качественно. Использование данного механизма не только в связи с реализацией данного федерального проекта, но и в процессе стратегического планирования развития регионов и муниципальных образований будет способствовать преодолению межтерриториальных диспропорций, что обеспечит необходимый баланс между социально-экономическим и пространственным развитием территорий.

Заключение

Таким образом, категория «социопространственное развитие» видится нам ориентиром и для научных работ, посвященных территориальному и социально-экономическому развитию регионов и муниципальных образований, и для практической деятельности в сфере стратегического планирования. Изменения в современном обществе ведут к диспропорциям в использовании пространства. В особенности наблюдается приоритетное развитие городов и городских агломераций по сравнению с сельскими территориями [15]; виртуальное пространство по своей популярности (и даже возможностям капитализации) начинает доминировать над физическим пространством.

В таких условиях необходима не просто фиксация социопространственных процессов, но и разработка способов повышения их управляемости. Создавая либо преобразовывая общественные и иные пространства, управленцы должны представлять возможные сценарии социального взаимодействия, чтобы не получить обратного эффекта. В некоторых случаях целесообразно выделять специфические целевые группы под задачи пространственного развития и формировать на их основе сплоченные и устойчивые социальные общности. В конечном счете, следует стремиться к обеспечению гармонии социально-экономических отношений с окружающим природным, антропогенным и социальным пространством, что будет способствовать преодолению межтерриториальных неравенств.

В дальнейших исследованиях может быть расширена сфера применения социопространственного подхода, более детально описаны преимущества его использования для обеспечения стратегического развития регионов и муниципальных образований. Также через категорию социопространственных отношений могут быть осмыслены такие известные управленческие практики, как развитие территориального общественного самоуправления, территориальный маркетинг и брендинг, развитие внутреннего и въездного туризма.

Литература

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. – 2010. – № 1 (309). – С. 109–115.

2. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства // Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 49–63.

3. Гамурак А.В. Новый формат общественных пространств сквозь призму соучаствующего проектирования // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2019. – № 2 (11). – С. 58–64.

4. Думнова Э.М. Менталитет и ментальность в структуре социопространственной идентичности // Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 2. № 2 (20). – С. 6–19.

5. Думнова Э.М. Социопространственная идентичность как результат идентификационных практик глобализирующегося социума:

синергетический подход // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12. № 2–1. – С. 83–95. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-83-95.

6. Елькина О.В., Зорин А.Н. Концептология систематизации социопространственных единиц в экстремальных климатических условиях единопространственной комфортной средой // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. – 2012. – Т. 1. – С. 454–457.

7. Жоголева А.В. Принципы архитектурного формирования социопространственной среды современного исторического города // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2009. – № 3. – С. 43–49.

8. Касаткина С.С. Соучаствующее проектирование в развитии пространств городов России (философский анализ) // Градостроительное право. – 2020. – № 1. – С. 43–45.

9. Мироненко О.В., Калашник Д.К., Милавски С. Джентрификация в сфере развития неблагоприятных городских территорий // Техническая эстетика и дизайн-исследования. – 2020. – Т. 2. № 2. – С. 37–46.

10. Нестерова Н.Н. Ревитализация городов: пути решения проблем возрождения территорий // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2016. – № 1. – С. 154–155.

11. Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9. № 1. – С. 18–25.

12. Позаненко А.А. Факторы, определяющие успешность поселения родовых поместий // ЭКО. – 2020. – № 2 (548). – С. 143–157.

13. Самарин А.А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 1 (102). – С. 115–124.

14. Темкина В.В. «Третьи» места в пространстве города: новые коммуникативные практики // Информация–Коммуникация–Общество. – 2016. – Т. 1. – С. 325–328.

15. Харченко К.В. Проблемы управления развитием городских агломераций: взгляд из г. Белгорода // Муниципальный мир. – 2009. – № 1–2. – С. 49–57.

16. Чуй Я.В. К вопросу о некоторых тенденциях изменения общественных пространств городов в конце XX – начале XXI веков // Academia. Архитектура и строительство. – 2015. – № 4. – С. 125–128.

17. Bhattacharjee, S. Comprehending the gentrification of a suburb: the case of Mulund, Mumbai // GeoJournal. 2021. Vol. 86. P. 133–143. doi: 10.1007/s10708-019-10067-5

18. Jessop B., Brenner N., Jones M. Theorizing Sociospatial Relations // Society and Space. 2008. Vol. 26 (3). P. 389–401. doi: 10.1068/d9107

19. Kenna T., Maksymiuk G. Socio-Spatial Practices: An Introduction and Overview. In: Smaniotto Costa C. et al. (eds) CyberParks – The Interface Between People, Places and Technology. Lecture Notes in Computer Science, 2019, vol. 11380. Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-13417-4_6

20. Lee N. Understanding and Analyzing the Characteristics of the Third Place in Urban Design: A Methodology for Discrete and Continuous Data in Environmental Design. In: Yuan P.F., Yao J., Yan C., Wang X., Leach N. (eds) Proceedings of the 2020 DigitalFUTURE S. CDRF 2020. Springer, Singapore, 2021. doi: 10.1007/978-981-33-4400-6_11

21. Lidskog R., Uggla Y. & Soneryd L. Making Transboundary Risks Governable: Reducing Complexity, Constructing Spatial Identity, and Ascribing Capabilities. AMBIO. 2011. Vol. 40. P. 111–120 doi: 10.1007/s13280-010-0123-3

22. Michel A., Ribardière A. Identifying urban resources to read sociospatial inequalities // EchoGéo. 2017. Vol. 39. doi: 10.4000/echogeo.14943

23. Sanoff H. Democratic Design: Participation Case Studies in Urban and Small Town Environments. VDM Verlag Dr. Müller, 2010. ISBN 978-3639288308.

SOCIOSPATIAL TERRITORIAL DEVELOPMENT AS A TOOL FOR OVERWHELMING INTER-TERRITORIAL INEQUALITIES

Kharchenko K.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article substantiates the concept of sociospatial development of regions and municipalities, which is designed to eliminate the contradiction between socio-economic and territorial planning and, ultimately, contribute to smoothing inter-territorial inequalities. Based on logical analysis, synthesis of key approaches, analysis of municipal practices, it is shown that spatial development cannot be effective without its projection on social relations, whereas target groups formed to participate in strategic planning and management must be positioned in a certain way in space. Within the framework of the sociospatial approach, the principles of the priority of the quality of life of the population, the controllability of social processes, the construction of target groups, the equivalence of a) urban and rural territories, b) physical and virtual space, c) social processes and subjective meanings are substantiated. The characteristics of sociospatial processes are given. As a result, the concept of sociospatial potential is substantiated, which is formed at the junction of scientific ideas about spatial potential and the potential of target groups. The management of the sociospatial development making it possible to turn this potential into an actual resource of the territory includes the management of the living environment, as well as the management of the development of courtyards and public territories – with a mandatory emphasis on the realization of the interests of target groups. The described typical management measures in relation to each of the designated areas allow us to comprehend the accumulated ways of overcoming interterritorial inequalities and improve the effectiveness of management in the future.

Keywords: sociospatial development, sociospatial processes, sociospatial capacity, strategic planning, democratic design, inter-territorial inequalities.

References

1. Babintsev V.P., Reutov E.V. Self-organization and «atomization» of youth as relevant forms of sociocultural reflection. Sociological Studies. 2010. № 1 (309). pp. 109–115.

2. Bourdieu P. Physical and Social Spaces. In: Bourdieu P. Sociology of Social Space. Translated from French; ed. by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteiya, 2007. pp. 49–63.

3. Gamurak A.V. A new format of public spaces through the prism of participatory design. Humanitarian Studies of Central Russia. 2019. № 2 (11). pp. 58–64.

4. Dumnova E.M. Mentality and mindset in the structure of sociospatial identity. Ideas and Ideals. 2014. Vol. 2. № 2 (20). pp. 6–19.

5. Dumnova E.M. Sociospatial identity as a result of identification practices in a globalizing society: a synergetic approach. Ideas and Ideals. 2020. Vol. 12. № 2–1. pp. 83–95. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-83-95.

6. Elkina O.V., Zorin A.N. Conceptology of the systematization of sociospatial units in extreme climatic conditions through a unified comfortable spatial environment. In: New Ideas of the New Century: Proceedings of the International Scientific Conference of FAD PNU. 2012. Vol. 1. pp. 454–457.

7. Zhogoleva A.V. Principles of architectural formation of the sociospatial environment of a modern historical city. Bulletin of Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. 2009. № 3. pp. 43–49.

8. Kasatkina S.S. Participatory design in the development of urban spaces in Russia (philosophical analysis). Urban Planning Law. 2020. № 1. pp. 43–45.

9. Mironenko O.V., Kalashnik D.K., Milavski S. Gentrification in the development of disadvantaged urban territories. Technical Aesthetics and Design Research. 2020. Vol. 2. № 2. pp. 37–46.

10. Nesterova N.N. Urban revitalization: ways to solve the problems of territorial regeneration. Bulletin of the Tula Branch of the Financial University. 2016. № 1. pp. 154–155.

11. Okunev I. Yu. Territorial and spatial identity: conceptualization of basic concepts. Comparative Politics. 2018. Vol. 9. № 1. pp. 18–25.

12. Pozanenko A.A. Factors determining the success of family estate settlements. ECO (Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast). 2020. № 2 (548). pp. 143–157.

13. Samarin A.A. Law and extraterritoriality in the context of globalization. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. № 1 (102). pp. 115–124.

14. Temkina V.V. «Third places» in the urban space: new communication practices. Information – Communication – Society. 2016. Vol. 1. pp. 325–328.

15. Kharchenko K.V. Problems of managing the development of urban agglomerations: a view from Belgorod. Municipal World. 2009. № 1–2. pp. 49–57.

16. Chui Ya.V. On some trends in the transformation of urban public spaces in the late 20th – early 21st centuries. Academia. Architecture and Construction. 2015. № 4. pp. 125–128.

17. Bhattacharjee, S. Comprehending the gentrification of a suburb: the case of Mulund, Mumbai // GeoJournal. 2021. Vol. 86. P. 133–143. doi: 10.1007/s10708-019-10067-5

18. Jessop B., Brenner N., Jones M. Theorizing Sociospatial Relations // Society and Space. 2008. Vol. 26 (3). P. 389–401. doi: 10.1068/d9107

19. Kenna T., Maksymiuk G. Socio-Spatial Practices: An Introduction and Overview. In: Smaniotto Costa C. et al. (eds) CyberParks – The Interface Between People, Places and Technology. Lecture Notes in Computer Science, 2019, vol. 11380. Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-13417-4_6

20. Lee N. Understanding and Analyzing the Characteristics of the Third Place in Urban Design: A Methodology for Discrete and Continuous Data in Environmental Design. In: Yuan P.F., Yao J., Yan C., Wang X., Leach N. (eds) Proceedings of the 2020 DigitalFUTURE S. CDRF 2020. Springer, Singapore, 2021. doi: 10.1007/978-981-33-4400-6_11

21. Lidskog R., Uggla Y. & Soneryd L. Making Transboundary Risks Governable: Reducing Complexity, Constructing Spatial Identity, and Ascribing Capabilities. AMBIO. 2011. Vol. 40. P. 111–120 doi: 10.1007/s13280-010-0123-3

22. Michel A., Ribardière A. Identifying urban resources to read socio-spatial inequalities // EchoGéo. 2017. Vol. 39. doi: 10.4000/echogeo.14943

23. Sanoff H. Democratic Design: Participation Case Studies in Urban and Small Town Environments. VDM Verlag Dr. Müller, 2010. ISBN 978-3639288308.

Процессная модель в сфере социального обслуживания на примере концепции «ИИ-Компаньона»

Цинченко Галина Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС
E-mail: galina_ts55@mail.ru

Кузнецов Арсений Дмитриевич,
аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС, заведующий отделением пункта проката ГБУ СОН «ЦСПСиД «Аист»
E-mail: rollboy@bk.ru

Целью статьи является разработка концепции комплексной процессной модели «ИИ-Компаньона» – социотехнического инструмента, направленного на упрощение процедуры заключения социального контракта, способного целенаправленно повышать субъектность и функциональную грамотность получателей помощи. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: провести обзор существующих подходов к цифровизации сферы социального обслуживания; выявить ключевые барьеры, с которыми сталкиваются получатели услуг; сформулировать теоретическую рамку, объединяющую концепции субъектности, «подталкивания» и «цифровой социальной работы»; разработать концептуальную модель «ИИ-Компаньона» и описать ее функции.
Предметом исследования выступают инструменты и методы цифровой социальной работы на базе искусственного интеллекта. В исследовании использованы такие методы, как: сравнительный анализ, обобщение, Data-Driven подход, качественный подход, основанный на литературных источниках, с опорой на теорию социального капитала, цифрового разрыва, структурного функционализма. Разработана двухкомпонентная структура «ИИ-компаньона», сочетающая инструментально-сопроводительную и социально-педагогическую функции, описана тройственная роль искусственного интеллекта как помощника, наставника и агрегатора данных.

Ключевые слова: социальный контракт, искусственный интеллект, функциональная грамотность, субъектность, цифровая социальная работа, государственные услуги, цифровизация, Data-Driven подход, ИИ-Компаньон.

Введение

Глобальный тренд на цифровую трансформацию государственного управления, описываемый концепцией «Государство как платформа» (Government as a Platform), фундаментально меняет архитектуру взаимодействия власти и общества [2]. В Российской Федерации этот процесс приобрел системный характер: цифровизация проникает во все сферы жизнедеятельности, трансформируя не только макроэкономические процессы, но и повседневные практики каждого домохозяйства [10]. Особую остроту и социальную значимость эти изменения приобретают в сфере социальной защиты, где внедрение принципов «Социального казначейства» призвано сделать помощь максимально адресной, оперативной и безбарьерной [9].

Вопросы эффективности государственной социальной политики остаются предметом постоянных дискуссий как в теоретическом, так и в практическом поле. Стратегическим вектором развития определено кардинальное снижение уровня бедности и создание системы всесторонней поддержки рождаемости [7]. Амбициозность поставленных задач подтверждается целевыми индикаторами, закрепленными в Едином плане по достижению национальных целей развития (табл. 1) [3].

Таблица 1. Динамика целевых показателей снижения уровня бедности в РФ (2021–2036 гг.)

Статистический индикатор	2021 (факт)	2023 (факт)	2030 (цель)	2036 (цель)
Уровень бедности (общий), %	11,1	8,5	6,5	5,0
Уровень бедности среди многодетных семей, %	38,1	27,2	12,0	8,0

Как демонстрируют данные таблицы, перед государственной системой стоит вызов по снижению уровня бедности многодетных семей более чем в два раза к 2030 году. Для достижения этих показателей сформирован комплексный инструментарий. Он включает как «пассивные» меры финансовой поддержки (единое пособие, индексация выплат, введение с 2026 года семейной налоговой выплаты в виде возврата НДФЛ), так и меры активной политики занятости. Ключевым механизмом среди последних выступает социальный контракт – соглашение, нацеленное не просто на временную финансовую поддержку, но на стимуляцию экономической самостоятельности граждан и преодоление бедности через активные действия [1].

Однако детальный анализ структуры заключенных контрактов вскрывает серьезный социологический вызов. По данным на октябрь 2025 года, наиболее востребованным направлением является не поиск работы, а открытие собственного дела – этот путь выбрали 41,7% участников (более 77 тыс. граждан). На втором месте находится содействие в трудоустройстве (33%), на третьем – развитие личного подсобного хозяйства (13%). Как отмечает министр труда и социальной защиты РФ, социальный контракт в данном случае выступает как «дорожная карта», требующая от гражданина не только желания, но и серьезной организационной работы: составления бизнес-плана, поиска рынков сбыта, получения юридической помощи и взаимодействия с представителями бизнес-сферы.

С социологической точки зрения, успех социального контракта напрямую зависит от уровня субъектности получателя. В парадигме «активационной социальной политики» человек рассматривается не как пассивный объект поддержки, а как деятельный участник [5]. Но в условиях, когда состояние бедности сопряжено с феноменом «выученной беспомощности», требование проявить предпринимательскую инициативу без должного сопровождения может привести к фрустрации [6].

Анализ существующей практики цифровизации (перевод услуг на портал «Госуслуги», внедрение чат-ботов) показывает, что существующие инструменты ориентированы преимущественно на техническую оптимизацию процессов и сокращение издержек администрирования. Современные методики оценки цифровизации фокусируются на количественных KPI (число услуг, скорость ответа), создавая искаженное представление об эффективности и оставляя «за скобками» качественный опыт пользователя [8]. Даже внедрение нейросетевых

технологий не решает проблему, если пользователь не обладает компетенциями для формулирования корректного запроса на профессиональном языке [12].

Цель данной статьи – обосновать необходимость перехода от технократической модели цифровизации к концепции «цифровой социальной работы». Авторами предлагается социотехническая модель ИИ-инструмента, который способен компенсировать дефицит компетенций уязвимых групп населения. Такой инструмент должен выступать не просто справочником, а интеллектуальным наставником, обеспечивающим реальную, а не номинальную доступность сложных форм социальной поддержки, необходимых для достижения национальных целей развития.

Методология исследования

Методологическую базу работы составил комплексный качественный подход, объединяющий методы теоретического обобщения и сравнительного анализа текущих практик цифровизации государственных услуг. Концептуализация институциональных барьеров, с которыми сталкиваются уязвимые группы населения, проведена с опорой на теорию социального капитала (П. Бурдье) и концепцию цифрового разрыва. Для разработки архитектуры «ИИ-Компаньона» применялся структурно-функциональный анализ, позволивший операционализировать социологические теории в конкретные технологические функции. Проектирование макроуровня взаимодействия гражданина и государства базируется на принципах Data-Driven подхода, рассматривающего агрегацию пользовательского опыта как фундамент для перехода к доказательной социальной политике.

Обзор существующих подходов к цифровизации социальной помощи

Для глубокого социологического понимания причин, по которым цифровизация становится барьером для уязвимых групп, необходимо обратиться к теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Ключевым в его концепции является различие между «Системой» и «Жизненным миром» [11].

«Система» функционирует на основе инструментальной рациональности (деньги, власть, бюрократия) и стремится к эффективности и управляемости в то время, как жизненный мир – это сфера повседневности, смыслов, ценностей и неформального общения, где люди ищут взаимопонимание.

Согласно Хабермасу, патология современного общества заключается в «колонизации жизненного мира» системой, где бюрократическая логика вторгается в повседневность, подавляя естественную коммуникацию. Внедрение виртуального помощника «Макс» является классическим примером такой технологической колонизации.

С социологической точки зрения, данный интерфейс воспроизводит институциональную логику «Системы», требуя от пользователя владения специфическим «бюрократическим кодом». Архитектура бота, построенная на сценарном подходе и распознавании ключевых слов (тэгов), не предполагает диалога в хабермасовском смысле (ориентации на взаимопонимание). Она нацелена на инструментальный результат (обработка запроса).

Для преодоления выявленного семантического и цифрового разрыва необходим отход от технократического проектирования. Разработка эффективной модели социального ИИ требует теоретического переосмысления самой природы взаимодействия уязвимого гражданина и цифрового государства. В рамках решения социологической проблемы исследования необходимо концептуализировать это взаимодействие через три взаимосвязанных теоретических подхода, которые легли в основу проектируемой модели.

A. Преодоление дефицита агентности (М. Селигман). Социальная пассивность получателей помощи, которую администраторы часто трактуют как иждивенчество, рассматривается нами через призму теории выученной беспомощности.

B. Управление когнитивной нагрузкой через «подталкивание» (Р. Талер, К. Санстейн). Для преодоления когнитивных барьеров и страха ошибки наиболее релевантной представляется теория либертарианского патернализма и концепция «подталкивания» (Nudging). Она предполагает влияние на поведение людей через изменение «архитектуры выбора» [4].

C. Компенсация дефицита капиталов (П. Бурдье). Фундаментальным основанием для анализа неравенства выступает теория форм капитала. Требования системы социального контракта являются неявным цензом, отсекающим тех, у кого отсутствуют специфические ресурсы [13].

Для системного представления того, как социологические теории трансформируются в функциональные требования к ИИ, нами разработана матрица соответствия (табл. 2).

Таблица 2. Матрица операционализации социологических теорий в функционал ИИ-Компаньона

Социологический барьер (Проблема)	Теоретическое основание (Линза)	Механизм социальной эксклюзии в текущей модели	Функция ИИ-Компаньона (Решение)
Пассивность и фатализм	Теория выученной беспомощности (М. Селигман)	Отказ системы воспринимается как подтверждение собственной неполноценности. Отсутствие понятной обратной связи блокирует повторные попытки	Терапевтическая функция: интерпретация отказов («Это не отказ, а запрос уточнений»). Дробление большой задачи на малые достижимые шаги (геймификация успеха)
Когнитивная перегрузка	Теория подталкивания (Nudging) (Р. Талер)	«Туннельный эффект» бедности мешает планированию, появляется страх ошибки	Ассистивная функция: предустановленные «архитектуры выбора» (готовые шаблоны бизнес-планов). Проактивные напоминания о сроках отчетности
Низкая правовая грамотность	Культурный капитал (П. Бурдье)	Незнание бюрократического кода («язык Системы»). Неспособность к самопрезентации в документах	Переводческая функция: «Субтитры» к законам. Перевод запроса с языка жизненных нужд на язык административных регламентов. Замещение дефицита компетенций
Социальная изоляция	Социальный капитал (П. Бурдье)	Отсутствие «слабых связей» (знакомых юристов, экспертов). Некому верифицировать правильность действий	Экспертная функция: ИИ как «искусственная социальная связь». Доступ к базе верифицированных знаний, ранее доступной только обеспеченным слоям
Трансакционные издержки	Экономический капитал (П. Бурдье)	Финансовые потери на поездки в ведомства для исправления мелких ошибок (проблема «последней мили»)	Аудиторская функция: предиктивная проверка документов до визита. Гарантия результативности очного обращения

Представленная матрица демонстрирует, что разработка ИИ-Компаньона выходит далеко за рамки технической задачи по программированию чат-бота. В логике научной специфики, речь идет о проектировании нового социального института-медиатора.

Текущая модель цифровизации («Макс» как справочник) воспроизводит социальную стратификацию: она удобна для ресурсных групп, но дисфункциональна для уязвимых. Предлагаемая модель социального ИИ направлена на структурную коррекцию неравенства. ИИ-Компаньон берет на себя роль «институционального помощника», временно замещая отсутствующие у гражданина виды капитала (культурный, социальный) и снижая требования к его агентности на входе в систему.

Архитектура замещения компетенций: от информирования к наставничеству

Опираясь на выявленные дисфункции и теоретическую матрицу барьеров, мы предлагаем концепцию «ИИ-компаньона по социальному контракту». Это специализированный интеллектуальный агент, интегрируемый в личный кабинет пользователя на портале «Госуслуги».

Модель реализует двухконтурную архитектуру, где каждый контур решает специфический класс социологических проблем.

Контур А: инструментально-сопроводительный (снижение издержек).

Функция предиктивного аудита: система проводит верификацию пакета документов в цифровом виде до физического визита. Используя алгоритмы компьютерного зрения (OCR) и межведомственные запросы, ИИ сообщает пользователю вероятность успеха: «Документы в порядке, визит займет 15 минут» или «В справке № 2 ошибка, не тратьте время на поездку, вот инструкция по исправлению».

Эффект: визит в ведомство становится плановой процедурой, что позволяет расходовать экономический и психоэмоциональный капиталы только при гарантии результата.

Контур Б: социально-педагогический (Развитие субъектности). Ядром концепции является образовательная функция, превращающая ИИ из секретаря в социального наставника.

Функция семантического перевода: используя большие языковые модели (LLM), адаптированные под социальную лексику, бот осуществляет «перевод» нормативных актов с бюрократического кода на общегражданский язык.

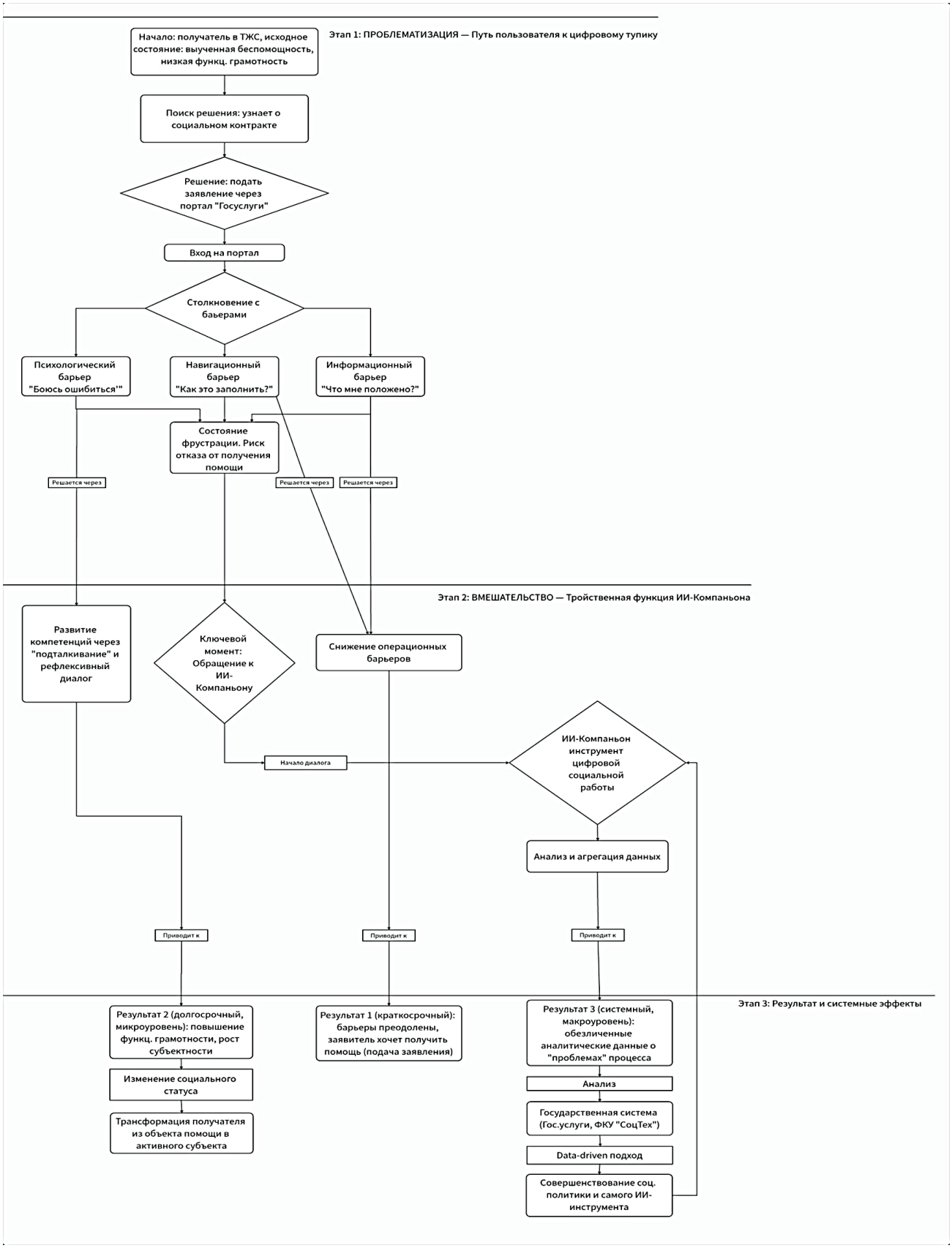

Рис. 1. Процессная модель внедрения ИИ-компаньона

Функция «наджинга» (Nudging): ИИ не просто ждет отчета, а проактивно предлагает инструменты планирования. Например: «Вы получили первую выплату. Скачать шаблон для учета расходов, чтобы потом было легко отчитаться?».

Эффект: ИИ временно замещает отсутствующие компетенции (габитус), но делает это в обучающем режиме. По мере прохождения этапов контракта пользователь усваивает алгоритмы взаимодействия с государством, что ведет к постепенному росту его собственной функциональной грамотности.

Макроуровень: переход к Data-Driven социальной политике

Внедрение ИИ-Компаньона генерирует системный эффект, выходящий за рамки индивидуальной помощи. Агрегация обезличенных диалогов и логов ошибок позволяет сформировать уникальный массив данных для оператора системы – ФКУ «СоцТех».

В настоящее время государство видит только «воронку отказов», но не знает причин отсева на ранних этапах (почему человек открыл

форму и закрыл ее). ИИ-Компаньон делает этот процесс прозрачным, выступая инструментом обратной связи. Анализ запросов («что спрашивают люди?») и точек затруднения («на каком вопросе зависают?») позволяет выявлять системные дефекты нормативной базы. Это открывает возможность для перехода к доказательной социальной политике и управлению на основе данных (Data-Driven).

Разработанная комплексная процессная модель (Рис. 1) демонстрирует, как технологическое решение конвертируется в социальные эффекты через три последовательных этапа.

1. Этап «Проблематизация» (диагностика дефицитов): на данном этапе система фиксирует исходное состояние пользователя, характеризующееся «институциональной ловушкой». Пользователь обладает высоким уровнем мотивации (нужда), но низким запасом капиталов (культурного, экономического). Фиксируются ключевые барьеры: семантический (непонимание языка бюрократии) и ресурсный (невозможность преодолеть «последнюю милю»).

2. Этап «Процесс» (компенсаторное вмешательство): здесь активируется двухконтурная архитектура ИИ-Компаньона.

Инструментальный контур выполняет функцию «институционального помощника», снижая трансакционные издержки (предиктивная проверка документов).

Педагогический контур реализует стратегии «наджинга» (Nudging), мягко корректируя поведение пользователя и обучая его алгоритмам взаимодействия с государством.

3. Этап «Выход» (социальные эффекты): результатом работы системы становится не просто оказанная услуга (получение денег), а качественное изменение статуса субъекта.

На микроуровне: происходит рост субъектности и функциональной грамотности получателя (преодоление выученной беспомощности).

На макроуровне: достигается снижение дисфункциональности системы (уменьшение ненужных визитов) и формирование массива данных для перехода к доказательной социальной политике.Резюмируя представленную на рисунке структуру (рис. 1), можно констатировать, что ИИ-Компаньон выступает не просто как технологическая надстройка, а как механизм рекурсивной связи между государством и гражданином. Визуализированная модель подтверждает переход от линейной логики оказания услуг к циклической модели адаптивного управления. Именно замыкание контура обратной связи превращает «глухую» бюрократическую машину в проницаемую, обучающуюся социотехническую систему, способную эволюционировать в ответ на реальные потребности общества.

Заключение

Проведенное в рамках данной статьи исследование позволяет сформулировать ряд теоретических и практических выводов, значимых для социологии и социальной структуры.

Во-первых, анализ текущей практики цифровизации социальной сферы (на примере внедрения чат-ботов типа «Макс») выявил феномен «вторичного цифрового разрыва». Перенос бюрократических процедур в цифровую среду без их семантической адаптации создает смысловой барьер, который отсекает наиболее уязвимые группы населения. Технократическая оптимизация, игнорирующая дефицит культурного и социального капитала у целевой аудитории, приводит к дисфункции социального института (в терминах Р. Мертона), когда формальная доступность услуги сопровождается ее фактической недоступностью для нуждающихся.

Во-вторых, теоретическая реконструкция проблемы показала, что отказы в получении помощи часто обусловлены не отсутствием прав, а феноменом «выученной беспомощности» и высокими трансакционными издержками этапа «последней мили». В этих условиях цифровая система должна брать на себя не только административные, но и компенсаторные функции.

В-третьих, предложенная концепция «ИИ-Компаньона» представляет собой новый тип институционального посредника. Реализация данной модели знаменует переход к парадигме «цифровой социальной работы». В этой логике ИИ выступает инструментом выравнивания стартовых возможностей: он временно замещает недостающие компетенции гражданина (функция «наставника»), позволяя ему успешно интегрироваться в систему господдержки. Это трансформирует отношения «гражданин-государство» от патерналистской модели (опека объекта) к партнерской (активация субъекта).

В-четвертых, с практической точки зрения, внедрение подобных интеллектуальных систем является необходимым условием достижения стратегических показателей Национального проекта «Семья». Как было показано во введении, снижение уровня бедности многодетных семей до 12% к 2030 году невозможно без вовлечения граждан в сложные формы занятости (соцконтракт на ИП). ИИ-Компаньон является тем технологическим рычагом, который делает массовое предпринимательство доступным для людей с низким уровнем стартовой подготовки.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении лежат в плоскости этической экспертизы и лонгитюдного анализа. Необходимо эмпирически верифицировать влияние алгоритмических «подталкиваний» на долгосрочную автономность личности: не формирует ли «умный помощник» новую форму зависимости, когда гражданин теряет способность действовать без цифровых подсказок? Тем не менее, эволюция социального государства в цифровую эпоху безальтернативно требует движения от пассивных автоматизированных систем к эмпатичным интерфейсам, способным понимать и развивать человека.

Литература

1. Барбашина С.Е. Социальный контракт (правовой аспект) // Научный альманах «В зеркале права»: сборник научных трудов. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 93–96.

2. Государство как платформа: Люди и технологии / под редакцией М.С. Шклярук. – Москва: РАНХиГС, 2019. – 111 с.

3. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

4. Жильцов В.А., Пахомов А.П. «Nudge» – теория «мягкого подталкивания» // EESJ. – 2016. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nudge-teoriya-myagkogo-podtalkivaniya/viewer (дата обращения: 09.01.2026).

5. Кемеров В.Е. Субъект, субъективность, субъектность // Социология. – 2024. – № 1. – С. 4–10.

6. Климович Е.А. Теория «выученной беспомощности» Мартина Селигмана // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. – 2022. – № 2 (42). – С. 50–56.

7. Константинов Н.С. Национальный проект семья как один из инструментов демографической политики // Лучшая исследовательская статья 2025: Сборник статей XIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 июня 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 27–32.

8. Михуля Д.Ю. Методические подходы к оценке цифровизации публичного управления и государственных услуг // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2024. – № 2. – С. 54–70. – DOI: https://doi.org/10.17308/econ.2024.2/11829.

9. «Социальное казначейство»: все выплаты в одном окне. Как это будет работать // Национальные проекты. – URL: https://национальныепроекты.рф/news/sotsialnoe-kaznacheystvo-vse-sotsialnye-vyplaty-v-odnom-okne-kak-eto-budet-rabotat/ (дата обращения: 05.10.2025).

10. Тюрина Ю.А. Россия в формировании нового миропорядка и технологического будущего. Итоги работы IX Международного Невского форума // Управленческое консультирование. – 2025. – № 4. – С. 189–199.

11. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / перевод с немецкого. – Москва: Весь Мир, 2022. – 880 с.

12. Шахмаметьева А.Р., Писарева А.И. Чат-боты как инструмент повышения удобства использования портала государственных услуг // Colloquium-Journal. – 2019. – № 11–1 (35). – С. 154–162.

13. Parsell C., Eggins E., Marston G. Human Agency and Social Work Research: A Systematic Search and Synthesis of Social Work Literature // British Journal of Social Work. – 2015. – Vol. 47, № 1. – DOI: https://doi.org/10.1093/bjsw/bcv145.

A PROCESS MODEL IN THE FIELD OF SOCIAL SERVICES USING THE AI COMPANION CONCEPT

Tsinchenko G.M., Kuznetsov A.D.
North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of the article is to develop the concept of a comprehensive process model of «AI–Companion» – a sociotechnical tool aimed at simplifying the procedure for concluding a social contract, capable of purposefully increasing the subjectivity and functional literacy of recipients of assistance. To achieve this goal, the following tasks were identified: to review existing approaches to digitalization of the social services sector; identify key barriers faced by service recipients; formulate a theoretical framework combining the concepts

of subjectivity, «nudging» and «digital social work»; develop a conceptual model of the «AI companion» and describe its functions.

The subject of the study is the tools and methods of digital social work based on artificial intelligence. The study used such methods as: comparative analysis, generalization, Data-Driven approach, a qualitative approach based on literary sources, relying on the theory of social capital, digital divide, structural functionalism. As a result of the study, the following results were obtained: based on a review of theoretical approaches, definitions of key concepts for this study were formulated. A two-component structure of the «AI-companion» has been developed, combining instrumental-accompanying and socio-pedagogical functions, the triple role of artificial intelligence as an assistant, mentor and data aggregator is described.

Keywords: social contract, artificial intelligence, functional literacy, subjectivity, digital social work, public services, digitalization, data-driven approach, AI Companion.

References

1. Barbasina, S.E. Social contract (legal aspect) // Scientific almanac «In the mirror of law»: collection of scientific works. – Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2025. – Pp. 93–96.

2. The State as a Platform: People and Technology / edited by M.S. Shklyaruk. – Moscow: RANEPA, 2019. – 111 p.

3. Unified Plan for Achieving the National Development Goals of the Russian Federation until 2030 and for the Period until 2036 // Official website of the Government of the Russian Federation. – URL: http://static.government.ru/media/files/ZsnFlCpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf (accessed on: 20.10.2025).

4. Zhiltsov V.A., Pakhomov A.P. «Nudge» – the theory of «gentle nudging» // EESJ. – 2016. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nudge-teoriya-myagkogo-podtalkivaniya/viewer (accessed: 09.01.2026).

5. Kemerov V.E. Subject, subjectivity, subjectivity // Sociology. – 2024. – № 1. – P. 4–10.

6. Klimovich E.A. Martin Seligman's theory of «learned helplessness» // Bulletin of Minsk State Linguistic University. Series 2: Pedagogy, psychology, foreign language teaching methods. – 2022. – № 2 (42). – P. 50–56.

7. Konstantinov N.S. The national project «Family» as one of the instruments of demographic policy // Best Research Article 2025: Collection of articles of the XIII International Research Competition, Penza, June 30, 2025. – Penza: Science and Education (IP Gulyayev G. Yu.), 2025. – P. 27–32.

8. Mikhula D. Yu. Methodological approaches to assessing the digitalization of public administration and government services // Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. – 2024. – № 2. – P. 54–70. – DOI: https://doi.org/10.17308/econ.2024.2/11829.

9. »Social Treasury": all payments in one window. How it will work // National Projects. – URL: https://национальныепроекты.рф/news/sotsialnoe-kaznacheystvo-vse-sotsialnye-vyplaty-v-odnom-okne-kak-eto-budet-rabotat/ (accessed: 05.10.2025).

10. Tyurina Yu.A. Russia in the formation of a new world order and technological future. Results of the IX International Nevsky Forum // Management Consulting. – 2025. – № 4. – P. 189–199.

11. Habermas, J. Theory of Communicative Action / translated from German. – Moscow: Ves Mir, 2022. – 880 p.

12. Shakhmametieva, A.R., Pisareva, A.I. Chatbots as a tool for improving the usability of the public services portal // Colloquium-Journal. – 2019. – № 11–1 (35). – P. 154–162.

13. Parsell C., Eggins E., Marston G. Human Agency and Social Work Research: A Systematic Search and Synthesis of Social Work Literature // British Journal of Social Work. – 2015. – Vol. 47, № 1. – DOI: https://doi.org/10.1093/bjsw/bcv145.

Гражданское воспитание в России: управленческие дисфункции и модель суверенной идентичности

Шокина Ольга Александровна,
соискатель кафедры государствоведения, РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: o.a.shokina@yandex.ru

Статья посвящена анализу управленческих проблем системы гражданского воспитания в Российской Федерации и разработке концептуальной модели формирования суверенной гражданской идентичности. Исследование выполнено в логике социологии управления и основано на результатах экспертного интервью с участием специалистов в сфере образования, государственной службы и общественной деятельности. В ходе анализа выявлены ключевые проблемы гражданского воспитания, включая методологическую неоднородность гуманитарных дисциплин, формализацию образовательных практик, влияние альтернативных медийных дискурсов, споры об исторической интерпретации, риски цифровой среды и угрозы экстремизма. Обоснована необходимость переосмысления гражданского воспитания на основе принципа суверенитета и идеи России как государства-цивилизации. Предлагаемая модель направлена на формирование устойчивой гражданской идентичности, интегрирующей патриотическое самосознание и практическую гражданственность в условиях внешнего и внутреннего давления.

Ключевые слова: гражданское воспитание, гражданская идентичность, суверенитет, государство-цивилизация, социология управления, образовательная политика, патриотизм, экстремизм.

Проблема образовательной политики актуальна для всей России, в т.ч. и для новых регионов [7, с. 140]. При этом, России нужен не «слепой патриотизм» [11, с. 67], а ясное гражданское сознание.

Работа выполнена в рамках социологии управления [4], которая рассматривает специфику управления в образовательной сфере.

Эмпирическую базу составили 90 экспертных интервью (октябрь-декабрь 2024 г.) со специалистами в сфере образования, госслужбы и общественной деятельности. Выборка формировалась целенаправленно с учетом профессионального опыта и вовлеченности экспертов в реализацию гражданского воспитания. Материалы анализировались в логике социологии управления как индикатор типовых управленческих практик и дисфункций системы, а не как сумма индивидуальных оценок.

Ключевой замысел данной статьи заключается в том, чтобы выявить управленческие дисфункции гражданского воспитания и предложить модель формирования суверенной гражданской идентичности. В России уже реализуются курс «Основы российской государственности» и проект «ДНК России», однако их эффективность можно и нужно совершенствовать.

Внесем некоторую терминологическую ясность в наше исследование. Эксперты сходятся в следующем суждении: «Основным компонентом гражданственности является патриотизм. Как подчеркивает И.Е. Дискин, «…гражданственность… должна быть прочно «склеена» с патриотизмом». Именно эти компоненты лежат в основе консолидации и стабильности любого общества. Более того, без минимальных основ социальной консолидации перспективы реализации социокультурной модернизации представляются иллюзорными» [Цит. по: 6, с. 125]. Корректное разграничение гражданского и патриотического воспитания в нашей интерпретации состоит не в противопоставлении, а в прояснении функций: патриотическая – учит помнить и чувствовать («Я русский, россиянин, люблю свою страну»); гражданская линия учит действовать в публичном пространстве («Я люблю свою страну, а значит защищаю ее не только словом, но и делом»).

В книге 1917 г. «Рассвет нового патриотизма: учебный (тренинговый) курс по гражданственности» канадский исследователь Дж. Хант пишет: «Повсюду наблюдается одно и то же расхождение между тем, чего требует теория демократии, и тем, что обнаруживает ее практика. Запомните – и в этом заключается суть вопроса – теория демократии предполагает у граждан свободной страны значительно более высокий уровень здравого смысла, рассудительности, честных намерений и преданности общественному благу, чем тот, который требуется или даже ожидается от подданного деспотической монархии или олигархии» [15, p. 17]. Когда-то, как мы видим, западный мир здраво оценивал проблематику демократии, и как далеко он от нее ушел сейчас. Главное, что важно для нас в идеях Ханта – это то, что он критик апатичного или эгоистичного гражданина, использующего демократию в своих интересах (типичный современный либеральный политик), в то время как истинный гражданин – активный и нравственный.

Вместе взятые патриотизм и гражданственность, в нашем понимании, обеспечивают и смысл, и инструменты участия в социальности. Такое понимание позволяет избегать идеологизации и политизации тонкой ткани общественных отношений. Следовательно, формирование полноценной гражданской позиции не может быть оторвано от формирования патриотического самосознания. Гражданственность и патриотизм взаимозависимы. Тем не менее, для удобства мы будем говорить не о гражданского-патриотическом воспитании, а о гражданском воспитании.

Исходя из нашего анализа экспертных интервью, мы можем выделить следующие проблемы, характерные для современного российского гражданского воспитания.

Методологическая неоднородность гуманитарных дисциплин

Мы наблюдаем коллизию между мировоззренческой моделью, утверждаемой в курсе «Основы российской государственности» и плюралистическими методологиями других гуманитарных дисциплин. Авторы «Основы российской государственности» предлагают понимание

России как государства-цивилизации, в то время как в университетских программах параллельно изучаются альтернативные концепции исторического процесса. Сейчас стоит добиться большего соответствия социальной реальности и текстов учебных пособий, что ясно осознается экспертами: «Мне эта тема в рамках курса показалась просто каким-то встраиванием существующей нынешней политической реальности в процесс обучения. То есть необходимо было, чтобы мы поняли терминологию, осознали, какой подход сейчас в приоритете, ну то есть цивилизационный, и осознали, что Россия – цивилизация» (Эксперт 22). В целом эксперты приветствуют хорошее методическое обеспечение курса «Основы российской государственности»: «Поэтому сегодня существуют такие программы, как «ДНК России», «Основы российской государственности». Каждому преподавателю России дали готовый курс, дали готовую удочку, чтобы он выучил, пошел и давал нужное содержание. Где не может сам, с обращением к открытым методическим и образовательным курсам обществознания» (Эксперт 8).

Однако это не снимает проблему альтернативных подходов. На практике возникает как минимум два предложения: 1. запретить альтернативы; 2. подать концепцию России как государства-цивилизации так, чтобы она была воспринята как наиболее адекватная модель для описания текущей ситуации, подчеркнуть не только идеальные качества концепции, но и ее прагматизм. Второй путь сложный, но наиболее действенный стратегически: «Разница в том, что историю нужно знать, а основы российской государственности понимать» (Эксперт 17).

Риск формализации преподавания

Великий русский гуманист граф Л.Н. Толстой писал: «Если учитель имеет только любовь к делу, – он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, – он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель» [10, с. 195]. Ключевая роль преподавателя гражданского воспитания усиливает еще одну проблему: не всегда педагоги действительно разделяют продвигаемые ценности, имеют любовь к педагогике.

В ряде случаев преподаватели формально отрабатывают часы, избегая воспитательной составляющей. Как заметил один эксперт: «Желательно, чтобы человек искренне или хотя бы убедительно разделял те ценности, которые он будет транслировать, те постулаты, которые он должен будет так или иначе внедрять» (Эксперт 9). Или как говорит другой эксперт: «Все грустно очень. Везде очковтирательство, отработка ТЗ, отработка человеко-часов. Молодежь ходит туда, слушает просто, потому что это нужно типа в будущем для карьеры, абсолютно не верят в то, что говорят, это я уже точно знаю, проверял, специально изучал это в неформальных встречах политологов, историков» (Эксперт 20). Причем это сожаление эксперта касается всех: и преподавателей, и слушателей.

Конфликт между государственным патриотическим дискурсом и альтернативными медийными влияниями

Эксперты подчеркивают воздействие внешних информационных потоков, конкурирующих с государственным дискурсом. При отсутствии медиаграмотности молодежь оказывается уязвима к альтернативным идеологиям, привлекательность которых зачастую выше, чем у стандартных учебных материалов. Как отмечает один из участников интервью, «есть еще более старшее поколение, которое включает телевизор, и в двух третях новостей я слышу о том, какой Байден придурок, о том, какой Зеленский дурак… но давайте мы будем показывать свою страну и положительные вещи, которые есть» (Эксперт 9).

Как отмечает китайский исследователь Л. Хунган, в российских СМИ патриотизм связывается прежде всего с защитой национальных интересов, тогда как в американских с мировым лидерством и продвижением ценностей [13, с. 638]. Российским медиаменеджерам стоит расширить подачу патриотизма: не только как защиту страны, но и как возможность для молодежи реализовывать свои идеи на глобальном уровне – от «мы вместе» к «с Россией ты сила».

Конфликт между государственным патриотическим дискурсом и альтернативными влияниями усиливается трансформацией медиапотребления молодежи, ориентированной на цифровые платформы и блогосферу, где формируются идентификационные смыслы. В этих условиях приоритетом должно стать не ужесточение ограничений, а развитие взаимодействия с лидерами цифрового мнения и поддержка социально значимого контента, а также внеинституциональных форм социализации, таких как культурные и семейные традиции.

Споры об исторической интерпретации

Отдельные положения учебных текстов вызывают научные споры, в частности в трактовке национальных движений и политической истории. Игнорирование этих дискуссий снижает доверие к материалам. Важно избегать как идеализации, так и очернения Российской империи и большевистского периода, формируя установку на принятие истории во всей ее сложности. Патриотическое воспитание должно сочетать критическое осмысление прошлого с позитивной идентификацией через обращение к достижениям отечественной науки, культуры и государства. Такое историческое сознание превращает абстрактную гордость за прошлое в мотивацию к созидательной деятельности в настоящем и будущем.

Недостаточное внимание к этнокультурному многообразию России

Унифицированный образовательный нарратив не всегда демонстрирует, каким образом этнокультурное разнообразие интегрируется в общую гражданскую идентичность. В этом контексте продуктивна позиция В.А. Тишкова: Россия может пониматься одновременно как нация и как цивилизация, а идентичности «русский» и «россиянин» сосуществуют и не исключают друг друга [8, с. 21]. Следовательно, гражданское воспитание должно усиливать включенность различных этнокультурных кодов в единую гражданскую рамку при уважении культурных традиций и правового порядка страны.

Цифровая грамотность и информационная безопасность как новые вызовы

Как нам представляется, цифровизация представляет как благо, так и зло для граждан России. Дигитальный мир как мир электричества: электричество может приносить пользу, но может и вред при неумелом использовании.

«Пока мы не умеем работать с блогерами, учимся. Что-то создается, какие-то институты. Это не только мы. Это во всем мире происходит. Правительства пока не научились с этим работать. Это сила огромная. И молодежь, конечно, проводя огромную часть времени, воспитывается там тоже на модели их поведения» (Эксперт 21). Надо признать, что современная молодежь получает значительную часть информации вне образовательных учреждений – в соцсетях, новостных лентах интернета и цифровых субкультурах. Уровень цифровой грамотности студентов неоднороден, и система гражданского воспитания часто недооценивает этот фактор. Наблюдаются следующие проблемы: недостаток методик по оценке цифрового контента; уязвимость к манипуляциям, фейкам, деструктивным сообществам; отсутствие системной подготовки преподавателей по цифровой педагогике.

В итоге цифровая среда становится альтернативным воспитателем, зачастую доминирующим над официальной образовательной повесткой. В России и Китае, цифровизация одновременно расширяет инструменты гражданского воспитания и выявляет институциональную неготовность педагогических и управленческих структур к работе в цифровой среде [5, с. 191].

Угроза экстремизма и радикализации молодежи

Эксперты отмечают рост скрытых и открытых форм политической и религиозной радикализации, куда вовлекается часть подростков и молодых людей. Следует отметить, что число «зарегистрированных преступлений террористического характера увеличилось на 75% за девять месяцев 2025 года в России по сравнению с аналогичным периодом 2024 года». Из данных МВД РФ следует, что «в январе – сентябре 2025 года зарегистрированы 4467 преступлений террористического характера (+75,0%) и 1760 преступлений экстремистской направленности (+28,1%)» [1]. При этом существующая система гражданского воспитания недостаточно ориентирована на профилактику экстремизма, понимание механизмов групповой радикализации, развитие навыков противодействия манипуляции, создание позитивных альтернативных молодежных практик.

С молодежью существует такая проблема: «Наблюдается некая дисперсность. Они четко знают, что я хочу от них услышать. Говорят одно, думают другое, делают третье» (Эксперт 11). Формальный характер некоторых курсов, отсутствие живого обсуждения спорных тем и недостаток доверия к преподавателям усиливают риск ухода молодежи в закрытые онлайн-сообщества, где ее учат поджигать дома и взрывать автомобили.

В условиях описанных рисков особое значение приобретает развитие институционально организованных и ценностно модерируемых форм молодежной коммуникации. Речь идет о создании закрытых (в том числе цифровых) сообществ с контролируемым доступом,

функционирующих на основе доверия, диалога и профессионального сопровождения со стороны педагогов, психологов и специалистов по профилактике экстремизма. Подобные сообщества могут выполнять превентивную функцию, обеспечивая безопасное пространство для обсуждения социально значимых и конфликтных тем.

Демографическая и социально-экономическая проблематика как вызов гражданскому воспитанию

Учебные материалы нередко описывают идеализированные модели развития, не объясняя механизмов их достижения. Разрыв между целями и реальными проблемами снижает аргументированность воспитательной системы. Обучающиеся нередко фиксируют разрыв между нормами, представленными в учебных материалах, и собственной социальной повседневностью. Так, по словам одного из экспертов, молодежь указывает на противоречия между целями государства и его реальными возможностями: «Если государство хочет, чтобы мы рожали, но ипотека недоступна, у нас нет возможности, чтобы обеспечить семью, ребенка. Они боятся того, что негде жить. У них финансовые, экономические проблемы стоят в приоритете, как барьер к повышению рождаемости» (Эксперт 12). Подобное несоответствие снижает доверие к нормативному содержанию гражданского воспитания. Как подчеркивает другой эксперт, современные молодые люди выросли «в высоком разнообразии, имеющие запрос на это разнообразие и на свободу… с одной стороны, запрос на патернализм… с другой стороны, уже не понимающее, что за любое «хочу» ты что-то должен отдавать… В ценностной системе очень мало представлено «надо» классическое» (Эксперт 13). Надо рожать? Надо. И создавать условия для этого самому себе, ожидая помощи от государства, но не требуя ее сиюминутно.

Дополнительно следует отметить, что в системе школьного образования недостаточно артикулированы ценностные ориентиры, связанные с семьей, родительством и многодетностью, что снижает символический и нормативный статус данных жизненных стратегий в глазах обучающихся. Отсутствие устойчивой пропаганды семейных ценностей в образовательной среде, подкрепленной не декларативными установками, а обсуждением реальных социально-экономических условий их реализации, негативно отражается на демографических установках молодежи. Особенно уязвимой в этом контексте оказывается категория молодых женщин, для которых недостаточная институциональная и социальная защищенность материнства (в том числе резкое снижение доходов в период декретного отпуска и неопределенность жилищных перспектив) формирует ощущение повышенных рисков и препятствует принятию решений о рождении детей. В результате ценностные требования, транслируемые государством, воспринимаются как слабо соотносимые с повседневным опытом и экономической реальностью, что усиливает разрыв между нормативностью гражданского воспитания и практиками жизненного выбора молодежи.

Учитывая вышеуказанные проблемы, предлагаемая модель гражданского воспитания представляет собой такую управленческую модель, которая описывает распределение функций целеполагания, реализации, контроля и адаптации в системе формирования гражданской идентичности и базирующуюся на принципе суверенитета. По нашему мнению, такая модель позволит не только устранить пробелы в гражданском воспитании, но также сможет стать ключевым структурирующим элементом гражданской идентичности.

Прежде чем переходить к формулированию модели гражданского воспитания, мы предлагаем остановиться также на таких важных понятиях, как «суверенитет», «цивилизация», «государство-цивилизация».

Выдающийся отечественный социолог А.Ф. Филиппов и ведущий эксперт в вопросе социально-философского анализа по поводу понятия «суверенитет» пишет: «Смысл слова «суверенитет» ясен: это высшая власть. Поэтому суверенен в государстве тот, за кем, хотя бы на словах, она признается. В международных отношениях суверенитет есть признание, опять же – хотя бы на словах, независимости внутренней суверенной власти от внешних политических сил, от других государств, а еще более точно – независимость внутренних суверенов одних государств от внутренних суверенов других. Утверждение «такая-то страна есть суверенное государство» означает, что верховная власть в этой стране принимает решения, которые не продиктованы верховной властью других стран». Все доступно и понятно, однако есть проблемы, на которые Филиппов обращает внимание: «Международное право и международные организации могут быть проблемой для тех, кто принимает суверенные решения, а внутренний суверенитет может быть проблемой для международного права и международных организаций» [12, с. 145]. Александр Фридрихович приводит ряд интересных предложений, как следует современным государствам понимать суверенитет, однако они не так значимы в контексте данной работы и подробно останавливаться на них мы не будем. Значимо для нас то, что суверенитет – это высшая власть, способная «объявить чрезвычайное положение» [Там же, с. 156]. Собственно, это и делает власть властью, властью высшей.

В рамках социологии управления суверенитет в настоящем исследовании рассматривается не как политическая категория, а как управленческий принцип, определяющий границы автономии принятия решений и легитимность управленческого воздействия в сфере гражданского воспитания.

На международном уровне высшая власть предполагает либо взаимодействие, либо конкуренцию (вплоть до военных действий) с другими видами высших властей, государств и стран. Таким образом, задача граждан признавать эту высшую власть, ее автономию от других, а также быть лояльными этой высшей власти (иначе зачем быть гражданином в стране, высшая власть которой тебя не устраивает?). Если мы не леволиберальные экстремисты, мы спокойно воспримем тезис о том, что признавать суверенитет – значит быть лояльным власти.

Что касается понятий «цивилизация» и «государство-цивилизация», то частично мы затрагивали этот вопрос выше. В данной части конкретизируем следующее. Цивилизацию можно рассматривать как упадок культуры [14], однако мы смотрим на цивилизацию позитивно: цивилизация – это синтез романтизма и технократизма, одна из высших форм развития человеческого общежития.

Что же такое «государство-цивилизация»? В контексте нашего исследования мы опираемся на концепцию локальной цивилизации, которая позволяет рассматривать Россию как самобытный цивилизационный феномен [2, с. 80; 3, с. 132].

«Понятие государства-цивилизации дает возможности конструировать нашу политическую идентичность, достраивать ее новыми элементами» [9], – хотя эта идея чаще связана с международным контекстом, она важна и для внутренней политики, где гражданское воспитание становится ключевым элементом формирования идентичности.

Создавая современную модель российского гражданского воспитания, мы должны осознавать, что нынешняя система гражданского воспитания развивается в условиях усложняющейся международной обстановки, усиления конкуренции идентичностей и роста влияния цифровых форм коммуникации. Эти процессы обнаруживают не только новые возможности, но и существенные риски.

Основанием для такой модели в настоящей работе предлагается принцип суверенитета, который интерпретируется не только в политико-правовом, но и в цивилизационном, а также социоуправленческом смысле. Суверенитет выступает фундаментом гражданской идентичности, а гражданское воспитание – механизмом конструирования цивилизационного самосознания в рамках идеи государства-цивилизации. Суверенитет – это не абстрактная юридическая категория, а ценностное основание гражданской идентичности, которое препятствует атомизации общества и формирует долгосрочный общественный консенсус.

В контексте нашей работы речь идет о разработке модели суверенной идентичности, под которой понимается устойчивая система ценностных, символических и поведенческих ориентаций, обеспечивающих признание автономии высшей власти, принятие цивилизационной самобытности России и готовность к практической гражданской деятельности.

В предлагаемой нами модели патриотизм трактуется как эмоциональная связь человека с Родиной, а гражданственность – как практическое действие, направленное на укрепление общества и государства. Гражданское воспитание выступает механизмом синтеза этих двух основ: патриотизм обеспечивает эмоциональный фундамент, а гражданственность – деятельностную реализацию. Суверенитет же задает ценностный вектор и формирует нормативную рамку.

Включение идеи государства-цивилизации в гражданское воспитание позволяет формировать цивилизационную идентичность: представление о России как о уникальном цивилизационном феномене, основанном на единстве духовных ценностей, исторической памяти и политической субъектности.

В целом, у концепции государства-цивилизации есть и педагогический потенциал. Государство-цивилизация – это не только носитель общей исторической памяти, но и институт культурной преемственности. Идея цивилизационной идентичности предполагает осознание субъектом принадлежности не просто к государству, а к историко-культурному типу, обладающему собственной системой ценностей. Данная концепция может выступать не только теоретической рамкой, но и практическим основанием для переосмысления системы гражданского воспитания. Ее педагогический потенциал требует институционального и управленческого оформления.

Предлагаемая нами концептуальная модель гражданского воспитания выстраивается как управленческая архитектура, ориентирован-

ная на устранение выявленных дисфункций и укрепление суверенной гражданской идентичности в условиях внешнего и внутреннего давления. Модель включает восемь уровней, каждый из которых отвечает на один или несколько системных вызовов.

1. Ценностный уровень. Цель данного уровня – обеспечение методологического единства гуманитарного знания и формирование общего ценностного основания. В управленческом плане данный уровень выполняет функцию стратегического целеполагания, задавая нормативные ориентиры и ценностные рамки функционирования системы гражданского воспитания.

2. Институционально-педагогический уровень. Данный уровень определяет организацию образовательного процесса, включая подготовку педагогов; отвечает за институциональную реализацию поставленных целей и формирование кадрового потенциала системы гражданского воспитания.

3. Коммуникативно-медийный уровень. Цель – создать конкурентоспособную среду патриотического медийного контента. В управленческом измерении данный уровень обеспечивает координацию и направленность информационных потоков, формируя публичную легитимацию целей и ценностей гражданского воспитания.

4. Исторический уровень. Направлен на сглаживание острых углов в истории, поддержание символической стабильности гражданской идентичности.

5. Этнокультурный уровень. Данный уровень направлен на укрепление национальной солидарности. Выполняется интегративная функция, обеспечивается включение этнокультурного многообразия в единую гражданскую идентичность.

6. Цифровой уровень. Предполагает развитие цифровой грамотности как ключевой компетенции современности. Цифровой уровень направлен на снижение информационных рисков и адаптацию системы гражданского воспитания к условиям цифровой среды.

7. Уровень противодействия экстремизму. Этот уровень обеспечивает профилактику управленческих рисков, связанных с радикализацией молодежи и вовлечением ее в деструктивные практики.

8. Рефлексивно-адаптационный уровень. Этот уровень не следует путать с первым уровнем. Суть рефлексивно-адаптационного уровня в соединении двух социальных тканей: ценностей и реальных практик. В рамках социологии управления данный уровень выполняет функцию обратной связи и адаптации системы гражданского воспитания к изменяющимся социальным условиям и практикам.

Какие компетенции должен усвоить гражданин, прошедший обучение в рамках нового курса по гражданскому воспитанию? Во-первых, ценностная компетенция – понимание суверенитета, идентичности, государства-цивилизации. Во-вторых, гражданско-деятельностная компетенция – способность к социальному участию, волонтерству, проектной деятельности. В-третьих, историко-культурная компетенция – системное знание истории без крайностей. В-четвертых, национально-культурная компетентность – навыки позитивного межкультурного взаимодействия. В-пятых, информационно-аналитическая компетентность – устойчивость к внешним манипуляциям. В-шестых, психологическая устойчивость – защита от радикализации и экстремизма. В-седьмых, правовая компетентность – понимание роли государства как института защиты суверенитета. В-восьмых, гражданско-адаптивная компетенция – это способность выявлять и анализировать разрыв между ценностными идеалами общества и социальной реальностью, при этом конструктивно преобразовывать это понимание в практические действия по улучшению среды на локальном уровне через легитимные механизмы обратной связи и социального проектирования.

Гражданское воспитание представляет собой непрерывный процесс социализации, реализуемый на разных этапах жизненного пути и обеспечивающий преемственность ценностных установок и практик. Его эффективность определяется согласованностью трансляции гражданских и патриотических смыслов в рамках ключевых социальных институтов.

На дошкольном этапе гражданское воспитание носит имплицитный характер: формируются базовые установки доверия, солидарности и принятия правил коллективного взаимодействия в семье и ближайшем окружении. Школьный и профессионально-образовательный этапы обеспечивают переход к осознанному усвоению правовых и социальных норм. В школе закрепляются представления о правах, обязанностях и институтах государства, а в системе профессионального и высшего образования гражданственность реализуется через проектную деятельность, волонтерство и иные формы социального участия. На трудовом этапе ценности закрепляются через профессиональные нормы, корпоративную культуру и участие в общественно значимых инициативах, что способствует устойчивости гражданской идентичности во взрослом возрасте.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что эффективность гражданского воспитания определяется не интенсивностью идеологического воздействия, а непрерывностью и согласованностью ценностной трансляции. Ценности, будучи встроенными в институциональные практики на всех этапах социализации, перестают восприниматься как внешнее навязывание и начинают функционировать как элементы естественного социального порядка.

Перечисленное – нормативный идеал социализации гражданина, который должен формироваться государством с использованием описанной нами модели.

Литература

1. В России за 2025 год число террористических преступлений выросло на 75% // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20251123/terrorizm-2056934978.html (дата обращения: 24.11.2025).
2. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9.
3. Ильинская С.Г. «Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления // Общественные науки и современность. 2021. № 6.
4. Осипова М.А. Социология управления: проблемы определения предметной области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2009. № 1.
5. Пэй Г. Проблемы и перспективы гражданского воспитания в условиях цифровизации: опыт Китая и России // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 110. № 3.
6. Рожкова Л.В., Васильева Н.Д. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121).
7. Самаркина И.В., Башмаков И.С., Кузьменко Н.П. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3.
8. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023.
9. Тимофеев И. Государство-цивилизация и политическая теория // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gosudarstvo-tsivilizatsiya-i-politicheskaya-teoriya/ (дата обращения: 24.11.2025).
10. Толстой Л.Н. Общие замечания для учителя // В кн.: Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах. Том 22. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1957.
11. Фахретдинова А.П. Тенденции развития гражданского образования и формирования гражданской компетентности в России и за рубежом // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56).
12. Филиппов А.Ф. С–Суверенитет // Россия в глобальной политике. 2020. Том 18. № 1(101).
13. Хунган Л. Актуализация темы патриотизма в СМИ России, США: сравнительный анализ // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2023. № 3.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993.
15. Hunt J.D. The Dawn of a New Patriotism: A Training Course in Citizenship. Toronto: The Macmillan Company of Canada, Limited, 1917.

CIVIC EDUCATION IN RUSSIA: MANAGERIAL DYSFUNCTIONS AND THE MODEL OF SOVEREIGN IDENTITY

Shokina O.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines managerial problems in the system of civic education in the Russian Federation and proposes a conceptual model for the formation of a sovereign civic identity. The study is conducted within the framework of the sociology of management and is based on the results of expert interviews involving specialists in education, public administration, and civil society. The analysis identifies key challenges in civic education, including methodological heterogeneity in the humanities, the formalization of educational practices, the influence of alternative media discourses, disputes over historical interpretation, digital environment risks, and threats of extremism. The article substantiates the need to rethink civic education on the basis of the principle of sovereignty and the concept of Russia as a state-civilization. The proposed model aims to foster a stable civic identity that integrates patriotic consciousness with practical civic engagement under conditions of both external and internal pressure.

Keywords: civic education, civic identity, sovereignty, state-civilization, sociology of management, educational policy, patriotism, extremism.

References

1. In Russia, the Number of Terrorist Crimes Increased by 75% in 2025 // RIA Novosti. – URL: https://ria.ru/20251123/terrorizm-2056934978.html (accessed: 24.11.2025).

2. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. State-Civilization: Concept, Essence, Structure // Education and Law. 2023. № 9.

3. Ilyinskaya S.G. «Civilization» as a Local Phenomenon: The Initial Stage of Theoretical Understanding // Social Sciences and Modernity. 2021. № 6.

4. Osipova M.A. Sociology of Management: Problems of Defining the Subject Area // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2009. № 1.

5. Pei G. Problems and Prospects of Civic Education in the Context of Digitalization: The Experience of China and Russia // Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 110. № 3.

6. Rozhkova L.V., Vasilyeva N.D. Civic Consciousness and Patriotism as the Foundations of Social Consolidation of Russian Society // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2014. № 3 (121).

7. Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kuzmenko N.P. Formation of Civic Identity in the System of Educational Policy in the Context of the Transformation of the Political Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. № 3.

8. Tishkov V.A. Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia. Moscow: IEA RAS, 2023.

9. Timofeev, I. «State-Civilization and Political Theory» // Valdai International Discussion Club. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gosudarstvo-tsivilizatsiya-i-politicheskaya-teoriya/ (accessed: 24.11.2025).

10. Tolstoy, L.N. «General Remarks for the Teacher» // In: The Complete Works of L.N. Tolstoy in 90 Volumes. Vol. 22. Moscow: State Publishing House «Khudozhestvennaya Literatura», 1957.

11. Fakhretdinova, A.P. «Trends in the Development of Civic Education and the Formation of Civic Competence in Russia and Abroad» // Prospects of Science and Education. 2022. № 2 (56).

12. Filippov, A.F. C – Sovereignty // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. № 1(101).

13. Hongan L. Actualization of the Theme of Patriotism in the Media of Russia and the USA: A Comparative Analysis // International Journal of Applied Sciences and Technologies «Integral». 2023. № 3.

14. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1993.

15. Hunt J.D. The Dawn of a New Patriotism: A Training Course in Citizenship. Toronto: The Macmillan Company of Canada, Limited, 1917.

До-рефлексивная координация как механизм городской повседневности

Янин Кирилл Дмитриевич,
канд. филос. наук, доцент кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ)
E-mail: yshamana3ryki@mail.ru

Цель статьи – концептуализация до-рефлексивной координации как базового механизма устойчивости и порядка городской повседневности. Современные исследования города часто объясняют согласованность взаимодействий институтами или инфраструктурой, однако значительная часть повседневных контактов горожан, особенно в условиях высокой плотности, осуществляется вне рефлексивного контроля. Опираясь на теоретический синтез феноменологической социологии (Э. Гуссерль, А. Шюц), интеракционизма (И. Гофман) и социальных теоретиков (А. Лефевр, П. Штомпка), выделяются ключевые компоненты до-рефлексивной координации: телесные навыки («кинестетическая память»), перцептивные ожидания (мгновенная интерпретация намерений других) и практическое знание пространства (превращение координат в осмысленные «места»). Показано, что пространственная организация города (аффордансы, социальные ритмы) и гибридные виртуальные среды выступают одновременно условием и результатом работы этих механизмов. Делается вывод, что до-рефлексивная координация выполняет функции оперативной синхронизации и воспроизводства социального порядка, выступая фундаментальным «клеем» между структурными условиями города и конкретными действиями индивидов.

Ключевые слова: городская повседневность, до-рефлексивность, социальные практики, координация действий, телесность, городское пространство, повседневные взаимодействия, фреймы, социально одобренное знание.

Введение

Современный город – пространство высокой плотности взаимодействий. Миллионы ежедневных действий требуют постоянной координации между людьми, которые по большей части не знакомы друг с другом. Пешеходы расходятся на узких тротуарах, пассажиры выходят из переполненного метро, автомобили вливаются в многоуровневые развязки – и эта сложнейшая система функционирует с устойчивостью. Люди синхронизируют свои действия, избегают конфликтов, пользуются инфраструктурой, и в подавляющем большинстве случаев эта координация происходит без явных переговоров, формализованных правил и сознательного анализа ситуации.

Традиционно устойчивость городского порядка объясняется институтами и системами регулирования – от законов до планирования. Однако такие объяснения охватывают лишь часть механизмов городской жизни. Значительная доля взаимодействий осуществляется на уровне практического действия, не требующего рефлексивного осмысления. Ранее нами было показано, что городская повседневность – это «устойчивая и общая для всех система представлений о мире, которая выражается в предсказуемости поведения людей, пространственных и временных ритмах, узнаваемости объектов и ситуаций» [5, с. 25]. Но как эта система реализуется в конкретных действиях? Как абстрактная «предсказуемость» превращается в реальную способность тысяч незнакомых людей избегать столкновений?

Отсюда исследовательский вопрос: каким образом осуществляется координация действий в городской повседневности, если большинство взаимодействий происходит без явного регулирования? Ответ лежит в анализе до-рефлексивных механизмов, опосредующих связь между структурными условиями (архитектурой, нормами, культурными кодами) и конкретным поведением индивидов. Новизна подхода – в рассмотрении до-рефлексивной координации не как атрибута индивидуального действия или микроинтеракции, а как системного механизма синхронизации, связывающего микроуровень телесных практик с макроуровнем пространственной организации города.

Теоретические основания анализа до-рефлексивной координации

Для понимания координации без явного согласования необходимо обратиться к наследию феноменологии и интеракционизма. Ранее мы подробно рассматривали вклад Э. Гуссерля, А. Шюца и И. Гофмана в формирование понятия повседневности [5]; именно эти авторы заложили фундамент для понимания ее до-рефлексивных основ.

Э. Гуссерль ввел понятие «жизненного мира» как сферы изначальных, до-рефлексивных очевидностей восприятия [1], задающих ощущение привычности, позволяющее ориентироваться и строить ожидания. А. Шюц конкретизировал эту идею, определив повседневность как «мир здравого смысла» – социокультурный мир, фундаментальным принципом воспроизводства которого выступает социальное распределение знания [14].

Наиболее детальный инструмент анализа ситуационного порядка предложил И. Гофман. Фрейм у него – ответ на вопрос «Что сейчас происходит?» и одновременно руководство к действию, организующее восприятие без рефлексивного усилия [12] [5, с. 24]. Важно и гофмановское понятие вовлеченности: фреймы содержат нормативные ожидания относительно глубины включенности индивида, и нарушение этой требуемой вовлеченности разрушает общий фрейм, вызывая дискомфорт [12, с. 273]. Тем самым до-рефлексивная координация предстает не просто автоматизмом, а сложной системой взаимных ожиданий, воспроизводящейся в микровзаимодействиях.

Взгляд А. Лефевра на повседневность как на «общий знаменатель» различных систем (финансовой, политической и др.) важен для понимания того, как до-рефлексивные механизмы связывают разные сферы городской жизни [7]. Описанные им ритмы города (утренний кофе, вечерние пробки) – это форма до-рефлексивной координации во времени, создающая предсказуемые паттерны, в которые встраиваются действия миллионов.

Наконец, П. Штомпка, декларируя поворот к «третьей социологии», утверждает, что изучение межличностного пространства, наполненного наблюдаемыми практиками, является единственной «реальной реальностью» [6]. Исследование до-рефлексивной координации

идеально вписывается в эту парадигму, позволяя уйти от противопоставления структуры и действия и сосредоточиться на том, как социальная реальность воспроизводится в рутинных взаимодействиях тела, объектов и пространства [13].

Таким образом, теоретическая традиция дает фундамент для анализа до-рефлексивной координации как механизма, укорененного в «жизненном мире», опирающегося на «социально одобренное знание», организуемого системой «фреймов» и проявляющегося в устойчивых пространственно-временных «ритмах» города.

Компоненты до-рефлексивной координации в городской среде

Для понимания механизмов городской повседневности необходимо операционализировать понятие до-рефлексивного уровня действия. До-рефлексивность – это форма действия, осуществляемая без сознательного анализа и явной формулировки правил, на основе практических навыков, телесных схем и накопленного опыта. Оно протекает автоматически, но остается осмысленным и ситуативно-адекватным. Можно выделить три ключевых компонента системы до-рефлексивной координации, отличая ее как от полностью автоматических реакций, так и от стратегических решений: это уровень практик, где социальные нормы трансформируются в телесно закрепленные привычки.

Первый и фундаментальный компонент – телесные навыки. Городская среда буквально «вписывается» в тело: мы учимся ходить, не глядя под ноги, оценивая препятствия периферическим зрением, автоматически подстраивая шаг под движение окружающих. У.Х. Уайт показал, что в плотной толпе люди движутся, почти не касаясь друг друга, благодаря тончайшей настройке движений [17]. Телесные навыки включают и пользование инфраструктурой (эскалатор, поручни, двери), что переходит в автоматизмы и образует «кинестетическую память» города. Эта память воплощена в мускульных усилиях и координации; именно тела «договариваются» в пешеходных потоках без вербальных согласований.

Второй компонент – перцептивные ожидания. Они позволяют мгновенно интерпретировать микродвижения других (направление взгляда, положение корпуса) и прогнозировать их действия. Как отмечал Гофман, в ситуациях «лицом к лицу» мы постоянно считываем впечатления других, и этот процесс протекает до-рефлексивно [11]. Мы не формулируем умозаключений, а просто корректируем поведение. Перцептивные ожидания формируются повторяющимся опытом и являются частью «социально одобренного знания» [14], мгновенно структурирующего восприятие.

Третий компонент – практическое знание пространства, выходящее за рамки формальных карт. Оно формируется в повседневном использовании среды как совокупность неявных, телесно освоенных представлений о функционировании городских мест. Это созвучно понятию «ментальной карты» К. Линча, который акцентировал значимые ориентиры: пути, границы, узлы [4]. Однако практическое знание – не статичный образ, а динамическая схема ориентации: понимание, где вечером людно, где можно срезать путь, куда лучше не ходить в час пик. Й.-Ф. Туан различал абстрактное «пространство» (space) и пережитое, освоенное «место» (place) [16]. Практическое знание превращает абстрактное пространство в конкретные, наполненные смыслом места. В этом контексте до-рефлексивную координацию следует отличать от более широкого понятия рутинности: рутинные действия могут сохранять элементы осознанного контроля.

Пространственная организация как условие и результат координации

Городское пространство – не нейтральный фон, а активный участник организации взаимодействий, выступающий одновременно условием и результатом до-рефлексивной координации. Современные исследования рассматривают пространство через совокупность практик его повседневного использования [8, 9].

На микроуровне архитектурные детали обладают аффордансами (Дж. Гибсон) – свойствами среды, «подсказывающими» способы взаимодействия: скамейка предлагает сидение, широкая лестница – место встречи. Эти подсказки считываются до-рефлексивно. Пространство задает и сценарии поведения: широкий тротуар позволяет останавливаться у витрин, узкий – вынуждает уступать дорогу; переход со светофором диктует четкий ритм, без светофора – запускает сложную до-рефлексивную координацию «водитель-пешеход» на основе зрительного контакта. У.Х. Уайт показал, как удачно спроектированные общественные пространства «провоцируют» желаемые формы поведения [17]. Архитектура, таким образом, выступает материализованным «социально одобренным знанием», делающим координацию более предсказуемой.

Пространственная организация неразрывно связана с темпоральной. Город живет в ритмах, которые также являются формой до-рефлексивной координации. Лефевр противопоставлял цикличное (природное) и линейное (индустриальное) повторение [3]. Утренний час пик, дневное затишье, воскресная тишина в офисных кварталах – повторяющиеся паттерны, встраивающиеся в повседневные практики. Городские ритмы синхронизируют действия миллионов людей, даже когда те не осознают этого; способность адаптироваться к ним – важная часть до-рефлексивной компетенции горожанина.

Виртуальное пространство и новый уровень координации

В структуре городской повседневности нами был выделен наименее изученный виртуальный аспект [7]. Виртуальное пространство не отменяет до-рефлексивные механизмы, но создает для них новую, гибридную среду.

Цифровые интерфейсы сами становятся объектами до-рефлексивного использования: сверка с навигатором даже на знакомом маршруте – уже новый телесный навык. Одновременно виртуальное пространство активно структурирует поведение в физическом городе. Приложения с картами загруженности, информация о транспорте, онлайн-бронирование формируют новые паттерны решений на основе «виртуального знания» [7, с. 21]. Получив информацию, мы действуем в физическом пространстве, опираясь на прежние до-рефлексивные механизмы: корректируем путь, но в потоке автоматически подстраиваемся под скорость других машин. Панорамы улиц в онлайн-картах позволяют сформировать практическое знание о незнакомом месте до его посещения, подготавливая перцептивные ожидания.

Курьеры, работающие в службах доставки – яркий пример трансформации повседневности: их траектории движения по городу оптимизируются алгоритмами, но движение по конкретным тротуарам и взаимодействие с пешеходами подчиняется тем же законам до-рефлексивной координации. Виртуальное пространство в этом случае не разрушает, а усложняет до-рефлексивную координацию, добавляя новые слои информации и требуя выработки уже гибридных телесных и перцептивных навыков.

До-рефлексивная координация как механизм городской повседневности

Обобщив все вышесказанное, определим до-рефлексивную координацию как ключевой механизм функционирования городской повседневности. Рассмотренные элементы – телесные практики, перцептивные ожидания и практическое знание пространства – образуют целостную систему, превращающую город из хаотичного скопления людей в упорядоченную социальную реальность. Эта система выполняет три важные функции.

Во-первых, это оперативность и эффективность взаимодействий. До-рефлексивные механизмы обеспечивают мгновенную реакцию без остановки для анализа и переговоров, что критично в условиях высокой плотности и скорости городской жизни. Это напрямую связано с «предсказуемостью поведения», лежащей в основе определения повседневности [5, с. 25].

Другая функция – это устойчивость и воспроизводство городского порядка. Рутинные практики создают стабильные паттерны поведения, воспроизводящиеся изо дня в день и передающиеся новым участникам через наблюдение. Это обеспечивает преемственность городской жизни и соответствует идее Шюца о социальном распределении знания [14].

Наконец, это возможность взаимодействия между незнакомыми людьми. В отличие от малых сообществ, где координация держится на личных связях, в городе до-рефлексивная координация (через разделяемые телесные схемы и общие фреймы) позволяет согласовывать действия при полном отсутствии знакомства. Именно она делает возможным то, что Гофман называл «порядком взаимодействия».

До-рефлексивная координация соединяет абстрактные структурные условия города с конкретными действиями индивидов. Она опосредует влияние структур, преломляя их через телесные схемы и практическое знание, и одновременно воспроизводит эти структуры через рутинные практики. В этом смысле городская повседневность есть длящийся процесс до-рефлексивной координации.

Методологические возможности изучения до-рефлексивной координации

Предложенная концепция до-рефлексивной координации требует соответствующих эмпирических стратегий. Поскольку речь идет о практиках, протекающих на уровне телесных навыков и неявного знания, их анализ нуждается в методах, фиксирующих микроуровень взаимодействий и динамику повседневных действий.

Наиболее перспективна визуальная социология. В отличие от опросов, фото- и видеофиксация позволяет изучать реальные паттерны поведения в естественном контексте. Видеоанализ пешеходных потоков, транспорта и общественных пространств дает возможность детально исследовать телесные микродвижения, дистанции, темп и способы взаимной ориентации – то есть механизмы до-рефлексивной синхронизации без явного договаривания. Этнографическое наблюдение, фиксирует устойчивые сценарии использования пространства: перемещение по тротуарам, поведение в очередях, взаимодействие с инфраструктурой. Длительное включенное наблюдение может выявить повторяющиеся паттерны телесных практик, которые остаются незаметными для самих участников, и описывает «фоновые» механизмы социального порядка.

Отдельное направление – кинетический и проксемический анализ взаимодействий. Эти методы позволяют изучать пространственные дистанции, направления движения и телесную координацию в транспортных узлах, лифтах, на платформах метро, выявляя неявные правила, обеспечивающие координацию в условиях высокой плотности.

Также не забудем про виртуальный слой городской жизни. Анализ цифровых следов и гибридных практик открывает возможности исследования новых форм ориентации и «виртуализацию» повседневности. Использование навигаторов и онлайн-карт формирует гибридные навыки, где цифровые подсказки интегрируются в телесные и перцептивные схемы, создавая новые уровни до-рефлексивной координации на стыке физического и виртуального.

Наконец, исследование ситуаций нарушения привычных паттернов (перегруженность, чрезвычайные события, эпидемиологические ограничения, которые, как было показано ранее, приводят к временной дестабилизации привычных практик [2]) делает до-рефлексивные механизмы более заметными. Анализ временной дестабилизации позволяет отчетливее выявить их роль в поддержании социального порядка.

Таким образом, исследование до-рефлексивной координации требует методологического синтеза визуальных, этнографических и пространственно-аналитических подходов, позволяющего перейти от теоретической модели к эмпирическому анализу конкретных городских практик.

Заключение

В статье, продолжающей цикл исследований городской повседневности, мы перешли от анализа ее теоретических оснований к исследованию внутреннего механизма функционирования. Устойчивость и предсказуемость городской жизни обеспечивается не только институциональным контролем, но в значительной степени – системой до-рефлексивной координации.

Опираясь на феноменологическую социологию и интеракционизм, мы выделили ключевые компоненты этой системы: телесные навыки, перцептивные ожидания и практическое знание пространства. Пространственная организация города и виртуальное измерение выступают одновременно условием и результатом этих механизмов.

До-рефлексивная координация позволяет синхронизировать действия горожан без переговоров, делая возможным взаимодействие незнакомых людей и устойчивое функционирование городских систем. Анализ через призму до-рефлексивных практик расширяет понимание социальной организации города, показывая ее корни не только в «вертикальных» структурах, но и в «горизонтальных» повседневных действиях, что созвучно Штомпка о межличностном пространстве как «реальной реальности» [15].

Разрабатываемая нами концепция позволяет рассматривать городскую повседневность как процесс непрерывной до-рефлексивной синхронизации, смещая фокус на скрытые практические механизмы согласованности поведения в условиях высокой плотности контактов.

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении связаны с эмпирической верификацией модели. Требуется использование стратегий, фиксирующих микроуровень взаимодействий: визуальная социология, этнографические наблюдения, кинетический и проксемический анализ пешеходных потоков. Это позволит перейти от теоретической реконструкции к изучению конкретных городских локусов.

Особый интерес может представлять трансформация до-рефлексивной координации в условиях технологических изменений и нарушения привычных паттернов, что соответствует современным урбанистическим исследованиям, где повседневные практики рассматриваются как ключевой уровень формирования социальности [10].

Литература

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
2. Карчагин Е. В., Назарова М.П., Янин К.Д. Городская повседневность в условиях пандемии COVID-19 // Социология города. 2020. № 4. С. 42–50.
3. Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 3. С. 33–36.
4. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.
5. Назарова М. П., Янин К.Д. Городская повседневность в фокусе социальных теорий XX века // Социология города. 2023. № 4. С. 20–26.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005.
7. Янин К.Д. Структура городской повседневности // Социология города. 2024. № 4. С. 17–22.
8. Botha L., Druta O., van Wesemael P. Prefiguring the Caring City: Everyday Practices and Postcapitalist Possibility in Neighborhood Living Rooms. Urban Planning, 2025.
9. Harani A., Riskiyanto R., Kusuma A. et al. The Livability of Urban Environment Based on the Spatial Arrangement of Local Practice. City, Territory and Architecture, 2025.
10. Hardwicke J., Hill K., Ryan D. The Significance of Urban Greenspaces in Everyday Life. International Review of Sociology, 2025.
11. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Harmondsworth: Penguin, 1959.
12. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. New York: Harper and Row, 1974.
13. Mlejnek M., Lütke P. The Interweaving of Everyday and Structural Perspectives. Urban Planning, 2023.
14. Schutz A. Collected Papers I: The Problem of Social Reality / ed. by M. Natanson. The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.
15. Sztompka P. The Focus on Everyday Life: A New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16, № 1. P. 23–37.
16. Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
17. Whyte W.H. The Social Life of Small Urban Spaces. Washington: Conservation Foundation, 1980.

PRE-REFLEXIVE COORDINATION AS A MECHANISM OF URBAN EVERYDAY LIFE

Yanin K.D.
Volgograd State Technical University (VSTU)

The aim of the article is to conceptualize pre-reflexive coordination as a fundamental mechanism ensuring the stability and order of urban everyday life. Contemporary urban studies often explain the coordination of social interactions through institutions or infrastructure, yet a significant part of everyday contacts among city dwellers, especially in high-density conditions, occurs outside of reflexive control. Based on a theoretical synthesis of phenomenological sociology (E. Husserl, A. Schutz), interactionism (E. Goffman), and heorists of everyday life (H. Lefebvre, P. Sztompka), the article identifies the key components of pre-reflexive coordination: bodily skills («kinesthetic memory»), perceptual expectations (instant interpretation of others' intentions), and practical knowledge of space (transforming coordinates into meaningful «places»). It is shown that the spatial organization of the city (architectural affordances, social rhythms) and hybrid virtual environments act simultaneously as a condition for and a result of these mechanisms. The conclusion is drawn that pre-reflexive coordination performs the functions of operational synchronization and the reproduction of social order, acting as the fundamental «glue» between the structural conditions of the city and the concrete actions of individuals.

Keywords: urban everyday life, pre-reflexivity, social practices, coordination of actions, corporeality, urban space, everyday interactions, frames, socially approved knowledge.

References

1. Husserl, E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2004.
2. Karchagin, E. V., Nazarova, M. P., Yanin, K.D. Everyday Life in the Urban Environment during the COVID-19 Pandemic // Sociology of the City. 2020. № 4. Pp. 42–50.
3. Lefebvre, A. Everyday Life and Everyday Life // Sociological Review. 2007. Vol. 6, № 3. Pp. 33–36.
4. Lynch, K. The Image of the City / translated from English by V.L. Glazychev; edited by A.V. Ikonnikov. Moscow: Stroyizdat, 1982.
5. Nazarova M. P., Yanin K.D. Urban Everyday Life in the Focus of 20th-Century Social Theories // Sociology of the City. 2023. № 4. Pp. 20–26.
6. Sztompka P. Sociology. Analysis of Contemporary Society / translated from Polish by S.M. Chervonnaya. Moscow: Logos, 2005.

7. Yanin K.D. The Structure of Urban Everyday Life // Sociology of the City. 2024. № 4. Pp. 17–22.
8. Botha L., Druta O., van Wesemael P. Prefiguring the Caring City: Everyday Practices and Postcapitalist Possibility in Neighborhood Living Rooms. Urban Planning, 2025.
9. Harani A., Riskiyanto R., Kusuma A. et al. The Livability of Urban Environment Based on the Spatial Arrangement of Local Practice. City, Territory and Architecture, 2025.
10. Hardwicke J., Hill K., Ryan D. The Significance of Urban Greenspaces in Everyday Life. International Review of Sociology, 2025.
11. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Harmondsworth: Penguin, 1959.
12. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. New York: Harper and Row, 1974.
13. Mlejnek M., Lütke P. The Interweaving of Everyday and Structural Perspectives. Urban Planning, 2023.
14. Schutz A. Collected Papers I: The Problem of Social Reality / ed. by M. Nathanson. The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.
15. Sztompka P. The Focus on Everyday Life: A New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16, № 1. P. 23–37.
16. Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
17. Whyte W.H. The Social Life of Small Urban Spaces. Washington: Conservation Foundation, 1980.

Социально-экофилософская картина мира как семиотическая система

Абрамцева Елена Геннадиевна,
ст. пр. кафедры иностранных языков № 2 Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: scundy@mail.ru

В статье рассматривается социально-экофилософская картина мира в семиотическом аспекте и содержание тех ее знаков, которые включают в себя природные, правовые и культурно-смысловые контексты. Анализируется то, каким образом культурные коды и правовые нормы формируют системно-организованную систему знаков с ее ценностными ориентирами в общественном сознании. Особое внимание уделено семиотическому подходу, позволяющему трактовать природу как текст, транслирующий идею экологической ответственности. Обосновывается необходимость формирования картины мира, в которой человек воспринимает себя не противопоставленным природе, а включённым в её смысловое пространство. Приведены структурная таблица и схема взаимодействия уровней социально-экофилософской системы.

Ключевые слова: социально-экофилософская картина мира, семиотика, природа как текст, экологическая идентичность, семиосфера, культурные коды, экологическое право, интерпретация, нормативно-правовая система, экологическая культура.

Современная социальная философия все чаще обращается к комплексному анализу взаимодействия общества, природы и культуры через призму экологических проблем. При этом особый интерес представляет семиотический подход, позволяющий рассмотреть не только материальную, но и символическую сторону этого взаимодействия. В рамках такого подхода социально-экофилософская картина мира понимается как семиотическая система, в которой правовые нормы, культурные символы и практические действия человека в отношении окружающей среды тесно переплетены и взаимно влияют друг на друга [3, с. 35–36; 5, с. 12].

Взаимодействие природы и общества с давних пор являлось предметом философских размышлений: от античных натурфилософов до современных экофилософских школ [1]. В античности природа рассматривалась как космос – гармоничная и упорядоченная система, в которой человек занимает подчиненное место. С переходом к Новому времени, когда произошло формирование научно-технического прогресса, природа стала все чаще восприниматься в качестве объекта изучения, контроля и эксплуатации.

В отечественной философии в XX веке акцент постепенно сместился на диалектическое осмысление и концептуализацию взаимодействий человека и природы. Отмечалось, что человек не может действовать в отрыве от естественных законов: он зависит от них и обязан встраивать свою деятельность в логику природы. Однако глобальные экологические проблемы, возникшие во второй половине XX века, требовали не просто признания ценности природы, но и поиска практических путей гармонизации отношений между человеком и окружающей средой.

Значительный вклад в формирование экологического правосознания вносят нормативно-правовые акты, закрепляющие идею о необходимости бережного отношения к окружающей среде. Конституция Российской Федерации провозглашает право каждого на благоприятную окружающую среду и возлагает на государство обязанность по ее охране [2, с. 42]. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» устанавливает основные принципы рационального природопользования [7, с. 3], а Федеральный закон «Об экологической экспертизе» регулирует процедуру оценки проектов на предмет их соответствия экологическим нормам [8, с. 1].

Эти акты выступают важнейшим звеном в семиотической системе социально-экофилософского миропонимания, поскольку фиксируют в правовом поле определенные ценностные смыслы и требования. Они не просто декларируют конкретные нормы, но и задают семиотические ориентиры для общества, указывая, что природа обладает юридической значимостью и требует охраны [7, с. 34; 8, с. 14].

Семиотика рассматривает культуру как систему знаков, обладающих определенными кодами, по которым происходит генерация и интерпретация смыслов [9, с. 56]. Применительно к экологической проблематике это означает, что природа и общество могут быть осмыслены как часть непрерывного процесса коммуникации: природа «передает» нам сигналы о своем состоянии (изменение климата, утрата биоразнообразия), а человек отвечает либо адаптацией, либо игнорированием или отрицанием [3, с. 47].

С точки зрения Ю.М. Лотмана, вся человеческая культура пребывает в «семиосфере» – особом пространстве, в котором взаимодействуют различные знаковые системы [4, с. 32]. Находясь в этой семиосфере, человеческое сообщество интерпретирует природные явления, придавая им символическое значение. Так, лес может выступать одновременно в роли экономического ресурса, сакрального пространства или эстетического символа красоты [4, с. 145–146].

Культурные коды по отношению к природе формируются и передаются через искусство, массовые коммуникации, систему образования, религию и фольклор. У. Эко указывает на то, что интерпретация любого знака потенциально бесконечна: каждый новый контекст переосмысливает знак, превращая его в более сложную структуру [9, с. 98–100].

В художественной картине мира (например, в живописи, кино, литературе) экологические мотивы могут подчеркивать трагичность разрушения природы либо, напротив, прославлять ее красоту и величие [5, с. 29]. Эти мотивы, закрепляясь в коллективной памяти, спо-

собствуют выработке у общества специфических ценностных установок, которые затем получают отражение в нормативно-правовых актах и повседневных практиках [7, с. 48; 4, с. 4].

Социально-экофилософскую картину мира можно рассматривать на трех основных уровнях.

1. Онтологический уровень – природа предстает как объективная реальность, существующая независимо от сознания человека. Человек вынужден учитывать естественные законы, поскольку его бытие физически зависит от окружающей среды.

2. Социально-философски-правовой уровень – общество создает институты, регулирующие взаимодействие людей с природой. Правовые акты (Конституция, федеральные законы) служат формальным выражением общественных ценностей [2, с. 72; 7, с. 22].

3. Культурно-семиотический уровень – культура порождает знаки и символы, в которых природа может наделяться разными значениями: эстетическим, религиозным, этическим и т.д. [3, с. 65; 5, с. 42].

Для большей наглядности представим это соотношение в таблице 1.

Таблица 1. Уровни анализа социально-экофилософской картины мира и их ключевые характеристики

Уровень	Ключевая характеристика	Примеры
Онтологический	Природа как независимая реальность	Естественные процессы, экосистемные законы [1, с. 143]
Социально-философски-правовой	Законодательное закрепление экологических норм	Конституция РФ [2], Закон «Об охране окружающей среды» [7]
Культурно-семиотический	Символическое осмысление природных явлений	Художественные образы, массовое сознание [3, с. 112]

Таким образом, социально-экофилософская картина мира возникает в точке пересечения объективных законов природы, социальных институтов и знаково-символической реальности культуры.

Нормативно-правовые документы, такие как Федеральный закон «Об охране окружающей среды», играют особую роль, поскольку они не только задают правила и нормы, но и транслируют определенные смыслы обществу [7, с. 15]. В совокупности с государственной политикой и медийными сообщениями они формируют часть «смыслового поля», в рамках которого общество оценивает экологические действия как приемлемые или недопустимые [8, с. 11].

Таким образом, законодательство становится мощным «знаковым ресурсом»: оно овеществляет этические и философские представления об ответственности человека перед природой, превращая их в формализованные требования и санкции [7, с. 42].

В концепции семиотики природа может пониматься как «текст», который человек «читает» и «интерпретирует» на разных уровнях – от непосредственного ощущения ландшафта до научного изучения экосистем [3, с. 78]. Каждый природный объект (дерево, река, животное) способен выполнять роль знака, символизирующего экологическое состояние или культурное наследие.

В работе Ю.М. Лотмана «Семиосфера» указано, что любой текст обретает смысл только в процессе взаимодействия с интерпретатором [4, с. 74]. Природа обретает свое значение лишь постольку, поскольку человек вписывает ее в культурные и ценностные рамки: видит в лесе ресурсы или «зеленое сердце» планеты, в реке – транспортную артерию или сакральный символ очищения [4, с. 192–193].

В современной обществе коммуникация с природой (как с «текстом») происходит не только на личном уровне, но и в рамках социальных институтов: государства, системы образования, религии, СМИ [6, с. 158]. Эти институты оформляют и тиражируют экологические образы и смыслы, способствуя их закреплению в массовом сознании.

Например, государственные органы выпускают информационные кампании о важности раздельного сбора мусора, ссылаясь на законы и экологические нормы [7, с. 54]. Средства массовой информации создают образы глобальной экологической катастрофы или, напротив, продвигают позитивные сценарии «зеленого будущего». Все это формирует «мозаичное» пространство смыслов, где человек ориентируется, опираясь на существующие культурные коды [3, с. 104; 5, с. 87].

Для обобщающего представления взаимодействия уровней социально-экофилософской картины мира можно воспользоваться условной схемой, показывающей, как социально-филосовски-правовые, культурные и онтологические аспекты сходятся в семиотической системе.

Из схемы видно, что онтологический уровень (реальная природа) задает исходные условия существования, социально-правовой уровень накладывает на эти условия юридические рамки, а культурно-семиотический уровень формирует множество смыслов, образов и интерпретаций. В итоге рождаются конкретные социальные практики, направленные либо на эксплуатацию, либо на охрану и гармонизацию отношений с природой [1].

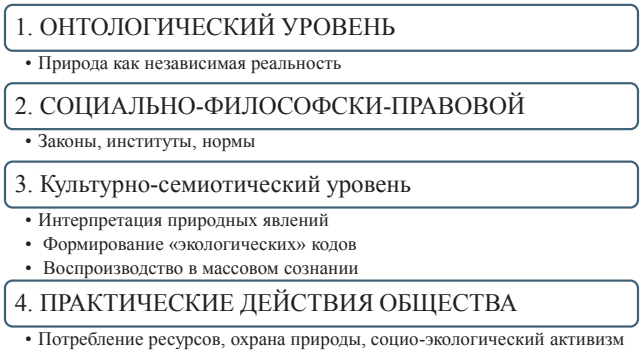

Рис. 1. Взаимодействие уровней социально-экофилософской картины мира и их влияние на практику

Важнейшим результатом семиотического взаимодействия является формирование эко-идентичности – особого типа самоопределения человека в отношении окружающей среды [5, с. 215]. Когда человек осознает природу как значимую часть собственного существования (и не только как ресурс), он начинает действовать, исходя из ценностей экологической устойчивости и ответственности.

Эко-идентичность оформляется в процессе «перевода» природных сигналов на язык культуры. Так, информацию о загрязнении воды мы не только воспринимаем биологически, но и наполняем ее этическими смыслами: «Загрязнять воду – это плохо, это нарушает права других людей и будущих поколений». В результате формируется система норм, согласно которой экологическая безответственность осуждается, а бережное отношение к природе поощряется [7, с. 72].

Столь важная для общества ценность, как природосбережение, попадает в фокус права, создаются специальные институты надзора и регулирования, вводятся «зеленые» стандарты [8, с. 29]. Вместе с тем само наличие законов не гарантирует безусловного соблюдения экологических норм. Здесь культура и символические факторы выступают ключевыми элементами, побуждающими людей соблюдать требования закона не из страха перед наказанием, а из внутренней убежденности в правильности экологически ответственного поведения [6, с. 244].

Таким образом, правовой и семиотический аспекты экологического взаимодействия взаимно усиливают друг друга, формируя социально-экофилософскую картину мира, где природа – неотъемлемая часть моральной и правовой системы координат человека [9, с. 234].

Одной из ключевых проблем является фрагментарность экологических смыслов, тиражируемых в СМИ и социальных сетях. Разные группы интересов используют экологическую риторику для собственных целей, что может приводить к «размыванию» единой картины и возникновению скептицизма [3, с. 123; 6, с. 275].

Необходим комплексный междисциплинарный подход, включающий философию, социологию, культурологию, правоведение и экологические науки. Такой подход должен обеспечивать согласованность дискурсов и формировать целостную «повестку дня», способствующую реальному изменению отношения к природе [5, с. 304].

Формирование эко-культуры во многом зависит от системы образования, которая может транслировать экологические коды с самых ранних этапов обучения [6, с. 112]. Важно не только давать научные знания о природе, но и развивать у обучающихся ценностное отношение к ней, подкрепленное культурно-историческими примерами, художественными образами, практическим опытом волонтерской и проектной деятельности [5, с. 199–200].

Усиление экофилософского мировоззрения экологических компонентов в государственных программах просвещения, поддержанных правовыми нормами [7, с. 74], позволит сформировать более устойчивые поведенческие стереотипы у граждан.

В рамках социально-экофилософской парадигмы человек не только стремится ограничить разрушение природы, но и искать пути совместного развития. Технологический прогресс может стать союзником, если он будет ориентирован на принципы экологической устойчивости [8, с. 19]. Развитие возобновляемых источников энергии, «умных» систем переработки отходов и эко-дизайна отражает идею гармоничного сосуществования человека и природы, вписан-

ную в культурно-символические формы современного общества [9, с. 310].

Заключение

Социально-экофилософская картина мира как семиотическая система представляет собой сложную взаимосвязь трех важнейших уровней: онтологического, социально-правового и культурно-семиотического. Природа, с одной стороны, выступает объективной реальностью, а с другой – субъектом символического восприятия, формирующегося в семиосфере культуры [4, с. 224]. Нормативно-правовая база (Конституция РФ, Федеральные законы об охране окружающей среды и об экологической экспертизе) структурирует эти отношения, закрепляя в обществе понимание ценности природы и необходимости ее защиты [2, с. 72; 7, с. 18; 8, с. 7].

Однако без культурно-символического осмысления законам не удается полностью реализовать свой потенциал. Именно культура транслирует образы природы, опираясь на которые люди формируют эко-идентичность и принимают решения о своем повседневном поведении [3, с. 132; 5, с. 258]. В свою очередь, социальные институты и образование закрепляют экологические ценности, поддерживая их в массовом сознании [6, с. 300].

Таким образом, изучение социально-экофилософской картины мира в семиотическом аспекте позволяет понять, как природа становится частью смысловой ткани культуры, а правовые нормы превращаются в знаки, побуждающие общество к экологической ответственности. Перспективы данного направления связаны с развитием междисциплинарных исследований, совершенствованием экологического законодательства и формированием целостной системы просвещения, способной воспитать у граждан новое, гармоничное отношение к окружающей среде.

Литература

1. Баркова Э.В. Экофилософское мировоззрение как ресурс развития человеческого капитала и преодоления рисков современного бытия // Человеческий капитал. 2023. № 3(171). С. 62–68.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237.
3. Лапшина Н.В. Социально-философские основы мозаики как семиотического элемента культуры: дисс. … канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2004. – 167 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
5. Мусат Р.П. Художественная картина мира в духовном универсуме современной эпохи: дисс. … д-ра филос. наук: 09.00.11. – Красноярск, 2016. – 343 с.
6. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
7. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2023) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
8. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2022) «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4556.
9. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. с итал. В.М. Алпатов. – М.: Республика, 1998. – 448 с.

SOCIO-ECOPHILOSOPHICAL PICTURE OF THE WORLD AS A SEMIOTIC SYSTEM

Abramtseva E.G.
Plekhanov Russian University of Economics

The article considers the socio-ecophilosophical worldview from a semiotic perspective and the content of its signs, which includes natural, legal and cultural-meaning contexts. It analyses how cultural codes and legal norms shape a systematically organised system of signs with its value orientations in public consciousness. Particular attention is paid to the semiotic approach that allows for interpretation of nature as a text conveying the idea of ecological responsibility. The necessity of forming a picture of the world where a person perceives himself not opposed to nature, but included in its meaningful space, is substantiated. The structural table and the scheme of interaction of levels of socio-ecophilosophical system are given.

Keywords: socio-ecophilosophical picture of the world, semiotics, nature as a text, ecological identity, semiosphere, cultural codes, ecological law, interpretation, normative-legal system, ecological culture.

References

1. Barkova E.V. Ecophilosophical worldview as a resource for the development of human capital and overcoming the risks of modern life // Human capital. 2023. № 3 (171). P. 62–68.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – № 237.
3. Lapshina N.V. Socio-philosophical foundations of mosaic as a semiotic element of culture: Cand. Candidate of Philosophy: 09.00.11. – M., 2004. – 167 s.
4. Lotman Y.M. Semiosphere. – SPb.: Art-SPB, 2000. – 704 s.
5. Musat R.P. Artistic picture of the world in the spiritual universe of the modern epoch: dissertation … Dr. philos. sciences: 09.00.11. – Krasnoyarsk, 2016. – 343 s.
6. Usmanova A.R. Umberto Eco: paradoxes of interpretation. – Moscow: LKI Publishing House, 2008. – 416 s.
7. Federal Law of 10.01.2002 № 7-FZ (ed. 28.12.2023) «On Environmental Protection» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 2. – Art. 133.
8. Federal Law of 23.11.1995 № 174-FZ (ed. of 27.12.2022) «On Environmental Expertise» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 48. – Art. 4556.
9. Eco U. The Absent Structure: Introduction to Semiology / per. from ital. V.M. Alpatov. – Moscow: Respublika, 1998. – 448 s.

Социальная справедливость в контексте экспертизы

Асташин Олег Георгиевич,
аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: Oleg_Astashin@mail.ru

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов социальной справедливости в контексте экспертизы. Анализируется концепция экспертизы как социального института, оказывающего влияние на распределение ресурсов, принятие решений и формирование общественного мнения. Особое внимание уделяется проблемам предвзятости, конфликта интересов, информационной асимметрии и доступности экспертного знания. Предлагаются пути повышения социальной справедливости в экспертизе через внедрение принципов прозрачности, участия, подотчетности и равенства доступа к экспертному знанию.

Ключевые слова: компетентность, независимость, экспертная деятельность, социальная справедливость, объективность.

Введение

В условиях современного общества, когда определение вектора дальнейшего развития требует порой узкоспециализированных знаний, возникает необходимость в привлечении экспертов для поиска оптимальных решений во всех сферах жизни: от здравоохранения и образования до экономики и экологии. Институт экспертизы в этих случаях выполняет функцию посредника, который позволяет объединить научные знания и заданные цели для принятия конкретных управленческих решений. Экспертиза – это, в первую очередь, предоставление объективной информации. Однако последующая интерпретация полученной информации, оценка, а также применяемый алгоритм отбора данных, которые тоже являются неотъемлемой часть экспертизы, могут быть использованы для оказания влияния на распределение ресурсов, формирование общественного мнения, принятие решений в интересах определенных групп. Таким образом, идеологические и нравственные установки экспертов детерминируют социальные последствия экспертизы и должны подвергаться оценке с точки зрения социальной справедливости.

Традиционно значение экспертизы в самых разных областях жизни общества основывается в первую очередь на профессионализме и объективности экспертов, которые репрезентируют правильное, истинное мнение. Однако в современных условиях широкого распространения «постправды», обстоятельств, в которых «объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [8, с. 9], экспертиза теряет свой статус нейтрального инструмента. Благодаря тому, какое важное место экспертные оценки занимают в жизни современного общества, фактически экспертиза становится инструментом формирования общественного мнения, а тем самым даже конструирования социальной реальности. Поэтому доверие к экспертам и результатам экспертизы должно быть основано на критическом осмыслении предпосылок экспертного знания, методов, применяемых экспертами, а также тщательном прогнозировании возможных последствий применения результатов.

Вместо технократического подхода, в условиях которого эксперты принимают решения основываясь на узкопрофессиональных знаниях, необходимо стремиться к вовлечению общественности в процесс экспертизы, чтобы учесть разнообразные ценности и интересы. По мнению Ю. Хабермаса, существенным в этом процессе является наличие делиберативной демократии [7] как таких социальных отношений, при которых нормативные решения получают легитимность тогда, когда они сформированы в условиях коммуникации, близкой к «идеальной речевой ситуации», то есть при равном доступе к обсуждению, свободе выражения и отсутствии внешнего принуждения. Хабермас связывает это с концептом публичной сферы – пространства, которое «дает возможность людям доступа к фактам, они могут спокойно их проанализировать и обдумать, а затем принять рациональное решение, что нужно сделать» [4, с. 99], а также с теорией коммуникативного действия, согласно которой рациональное общение становится источником нормативной силы.

Одна из знаменитых формулировок у Хабермаса звучит так: «На значимость могут претендовать только те нормы, которые получают (или могли бы получить) одобрение со стороны всех заинтересованных лиц как участников практического дискурса» [6, с. 146]. Следовательно, для Хабермаса делиберативная демократия – это не утопия согласия, а процедурная идеализация: требования к дискурсу (включённость, равенство, отсутствие принуждения, ориентированность на лучшие аргументы) служат критерием оценки реальных институтов и практик легитимации политических решений.

Нельзя отмести тот факт, что информация, предоставляемая экспертами, обладает потенциалом для злоупотреблений и манипуляций по ряду причин, коренящихся в самой природе знания и власти.

Во-первых, экспертное знание часто обладает асимметрией, то есть эксперт владеет информацией, недоступной или непонятной широкой публике. Эта информационная асимметрия создает почву для злоупотреблений, поскольку неспециалистам сложно критически оценивать экспертные заключения и распознавать предвзятость или ошибки [5, с. 64]. Эксперт, таким образом, получает потенциальную или символическую возможность формировать общественное мнение и влиять на принятие решений, опираясь на свой авторитет и кажу-

щуюся объективность, на что обратил внимание известный социолог Пьер Бурдьё: «Символическая власть – это власть конституировать реальность… способность конституировать нечто данное посредством высказываний, заставлять людей видеть и верить, подтверждать или трансформировать видение мира и, таким образом, воздействовать на мир и, следовательно, на сам мир…» [1, с. 166, 170].

Во-вторых, экспертиза как таковая не существует «в вакууме», а тесно переплетена с социальными, политическими и экономическими интересами. Поскольку невозможно абсолютно нивелировать субъективное восприятие, эксперты могут быть ангажированы, порой неосознанно, что приводит к предоставлению информации, выгодной определенным социальным группам или конкретным организациям.

Идеальный эксперт должен быть абсолютно объективен при анализе информации и опираться исключительно на проверенные данные. Тем не менее, его взгляды и убеждения, как и любого человека, бессознательно формируются на основе полученного образования, социального положения, принадлежности к определенному научному сообществу. И, хотя сам эксперт может искренне верить в свои убеждения, на его выводы влияет множество внешних факторов. Например, процесс финансирования исследований и экспертиз, где инвестор планирует получение определенных результатов, может создавать стимулы для некоторого искажения данных или предоставления «правильных», ожидаемых ответов.

Еще одно поле для воздействия на публику – упрощение сложного. Объяснение экспертом сложного процесса или явления простыми и однозначными категориями может приводить к манипуляциям. Простое экспертное заключение, представляющее имеющуюся проблему в виде однозначного экспертного мнения, игнорируя альтернативные точки зрения и нюансы, вызовет больше доверия у публики, так как будет понятно большинству, но может потерять в объективности.

Этот процесс «упрощения» реальности позволяет легко манипулировать общественным мнением и направлять его в нужное русло.

Проблема социальной справедливости в контексте экспертизы неотделима от понятия социального неравенства. В условиях использования экспертизы как инструмента работы с общественным мнением, возможно формировать векторы развития общества, которые потенциально могут либо сокращать социальное неравенство, либо усугублять его. При анализе имеющихся проблем и моделировании вариантов их решений с помощью экспертизы появляется возможность создания фундамента для решения социальных вопросов и улучшения качества жизни общества [2, с. 63].

Необходимо учитывать, что экспертиза, в первую очередь, это набор знаний и компетенций, которые приобретаются путем длительного и дорогостоящего обучения, а необходимость постоянного обновления и наращивания экспертного знания, требует доступа к определенным ресурсам и возможностям. Такое положение вещей способствует концентрации экспертизы в руках привилегированных групп, имеющих доступ к большему количеству ресурсов, и, как следствие, может привести к усилению их влияния и власти. Парадокс социального неравенства в экспертизе состоит в том, что те слои населения, которые не имеют доступа к специализированным знаниям, но наиболее в них нуждаются для того, чтобы успешно конкурировать на рынке труда и участвовать в принятии важных решений, оказываются, в большинстве своем, лишены возможности приобрести необходимую экспертизу. В результате формируется своего рода замкнутый круг, когда экспертиза становится инструментом поддержания социального неравенства, то есть, те, кто уже обладает знаниями и влиянием, имеют больше возможностей для дальнейшего развития и укрепления своих позиций, в то время как те, кто находятся в неблагоприятном положении, остаются за бортом.

Выявляя и анализируя глубинные причины социального неравенства, разрабатывая рекомендации и стратегии для борьбы с ним, экспертиза может стать эффективным средством для преодоления этого социального феномена и его последствий. Примером проводимой экспертной работы, с которым мы все знакомы, является разработка и внедрение прогрессивной системы налогообложения. Имея целью улучшение жизни всех членов общества, эксперты в области экономики и финансов проводят экспертизу фискальной политики государства и предлагают изменения в системе сборов. Оперируя полученными и проанализированными данными, эксперты доказывают, что есть возможность обеспечить более справедливое распределение налоговой нагрузки между различными группами населения, например, перекладывая ее с бедных на богатых. Введение прогрессивного налогообложения позволяет получить дополнительные средства, из которых возможно финансирование различных социальных программ. Субсидирование государством образования, здравоохранения, развитие социального обеспечения приводит к улучшению качества жизни, особенно для наиболее уязвимых слоев населения. Однако, реализация такой системы требует не только экспертных знаний, но и политической воли и общественного консенсуса.

Одним из факторов, который находит своё отражение практически в любой сфере жизни и непосредственно влияет на принятие решений, является конфликт интересов. Институт экспертизы не является исключением. Однако именно в экспертизе такой конфликт может способствовать нарушению социальной справедливости. Столкновение личных интересов эксперта, профессиональных или финансовых, с общественными, может повлиять на его объективность и беспристрастность при проведении экспертизы.

Такой конфликт – это прямой путь к нарушению требований социальной справедливости. Эксперт, который не может обрабатывать информацию и выносить суждения объективно, находится под влиянием собственных интересов. В этой ситуации существует риск получить пристрастное и несправедливое экспертное заключение, которым будут ущемлены права и интересы определенных социальных групп или дискриминированы отдельные лица. Например, работая на компанию, деятельность которой загрязняет окружающую среду, эксперт, для защиты интересов работодателя, в своём заключении может занизить степень ущерба, нанесенного окружающей среде и здоровью людей. Последствием такого нарушения объективности станет невозможность пострадавшим от загрязнения получить компенсацию и помощь, а виновные смогут избежать ответственности.

Для исключения ситуаций, при которых может произойти конфликт интересов, необходима строгая регламентация деятельности экспертов, установление требований к их независимости, а также контроль за соблюдением ими этических норм. Хороший результат для получения объективной всесторонней экспертной оценки дает многокомпонентный подход, привлечение экспертов с различными точками зрения и опытом. Следует также обеспечивать прозрачность всех этапов экспертной деятельности, от выбора экспертов до публикации результатов экспертизы, что будет способствовать контролю качества экспертизы со стороны общества и избеганию условий, при которых может возникнуть конфликт интересов.

Прозрачность экспертной деятельности, как один из важнейших компонентов, тесно связана с идеей открытого общества, в котором граждане имеют право знать, как принимаются решения, влияющие на их жизнь, и участвовать в их обсуждении [3, с. 98–104].

Сама по себе прозрачность предполагает отказ от элитарности и закрытости экспертного знания, признание ценности различных точек зрения и готовность к критическому переосмыслению собственных убеждений. Важным условием является максимальная объективность процесса отбора, исключение влияния личных связей, избегание политических предпочтений. Далее, на этапе проведения экспертизы, также необходимо обеспечивать возможность доступа к информации для всех заинтересованных сторон, раскрытие данных и методов, используемых экспертами, допущений, сделанных в процессе составления заключения.

При публикации результатов экспертизы важно дать возможность заказчику или просто широкой аудитории понимания использованных методов и анализируемых данных, обозначить четкие выводы и рекомендации по исследуемому вопросу. Открытый доступ к экспертным заключениям, с указанием имен экспертов, обоснованные и представленные, в понятной для широкой аудитории форме выводы, – все это работает на повышение уровня социальной справедливости для всех групп населения, которая включает доступ к экспертным знаниям, для их дальнейшего использования в повседневной жизни.

Итак, основная задача экспертной деятельности – способствовать принятию аргументированных, взвешенных решений, наиболее соответствующих поставленным перед экспертизой задачам и целям. Базовым принципом экспертной работы является ответственность эксперта перед обществом за результат своей деятельности. Для принятия справедливых решений необходимо стремиться к объективному и беспристрастному анализу данных при проведении экспертных исследований.

Литература

1. Bourdieu P. On Symbolic Power / Bourdieu P. Language and Symbolic Power, (ed. John B. Thompson), Harvard University Press, 1991. Pp. 163–170.

2. Гусарова З.В. Социальная экспертиза как технология социального управления // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11. С. 62–65.

3. Зимин А.И. Карл Поппер и его теория открытого общества // Вестник литературного института им. А.М. Горького. 2015. № 1. С. 98–104.

4. Макаревич Э.Ф. Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса как модель медиа-влияния в новой реальности //PolitBook. 2020. № 3. С. 98–119.

5. Маслов Д.К. Проблема доверия экспертному знанию // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 63–70.

6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.

7. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 104 с.

8. Шевченко А.А. «Постправда» как новый «режим истины» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 8–14.

SOCIAL JUSTICE IN THE CONTEXT OF EXPERTISE

Astashin O.G.
Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to the study of some aspects of social justice in the context of expertise. The concept of expertise as a social institution that influences the distribution of resources, decision-making, and the formation of public opinion is analyzed. Special attention is paid to the problems of bias, conflict of interest, information asymmetry, and the availability of expert knowledge. Ways to improve social justice in expertise are proposed through the implementation of the principles of transparency, participation, accountability, and equal access to expert knowledge.

Keywords: competence, independence, expert activity, social justice, objectivity.

References

1. Bourdieu P. On Symbolic Power / Bourdieu P. Language and Symbolic Power, (ed. John B. Thompson), Harvard University Press, 1991. Pp. 163–170.

2. Gusarova Z.V. Social Expertise as a Technology of Social Management // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2019. № 11. Pp. 62–65.

3. Zimin A.I. Karl Popper and His Theory of the Open Society // Bulletin of the A.M. Gorky Literary Institute. 2015. № 1. Pp. 98–104.

4. Makarevich E.F. J. Habermas's Concept of the Public Sphere as a Model of Media Influence in the New Reality // PolitBook. 2020. № 3. Pp. 98–119.

5. Maslov D.K. The Problem of Trust in Expert Knowledge // Bulletin of Tomsk State University. 2020. № 453. pp. 63–70.

6. Habermas, J. Moral Consciousness and Communicative Action. St. Petersburg: Nauka, 2001. 382 p.

7. Habermas, J. New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics. Moscow: Novoye Literary Obozreniye, 2023. 104 p.

8. Shevchenko, A. A. «Post-Truth» as a New «Regime of Truth» // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, № 4. pp. 8–14.

Религиозные культы острова Пасхи через призму общественного развития

Башелханов Анатолий Юрьевич,
кандидат ист. наук, преподаватель социально-гуманитарных наук, Байкальский колледж недропользования
E-mail: Anatol.Bashelkhanov@mail.ru

Статья посвящена особенностям образования и развития религиозных культов на острове Пасхи. На основе анализа географических и социальных факторов, оказавших влияние на содержание религиозных культов на острове, выявляются закономерности в их развитии. Автор статьи использует в работе данные, в том числе, из новейших археологических и иных научных исследований по теме, позволяющих по-новому взглянуть на историю освоения острова. Обращается внимание на особенности представлений древних людей о взаимосвязи с природой, воспринимаемой в качестве одухотворенной субстанции, что помогает глубже понять причины зарождения и развития религиозных культов на острове.

Ключевые слова: религия, религиозный культ, статуя, моаи, остров Пасхи, человек-птица, полинезийцы, индейцы, структура общества, социум.

Остров Пасхи (или Рапа-Нуи) – это пример развития общественных отношений в относительно замкнутой системе. С момента заселения острова в XII–XIII вв. предками современных рапануйцев до открытия его европейцами в XVIII в. островитяне редко взаимодействовали, а, возможно, вообще не имели контактов с внешним миром [1, с. 115]. Географически остров находится на большом удалении от материков и других населенных людьми островов. Расстояние от острова до ближайшего побережья Южной Америки составляет 3514 км, а до ближайшего населённого острова Питкэрн на западе – 2075 км.

Культура, сохранившаяся на острове, демонстрирует, в очередной раз то, как сочетание разных факторов влияет на ее уникальность. На острове были установлены большие человекоподобные каменные статуи – моаи, вызвавшие большой интерес в современном обществе. Также у островитян существовал культ человека-птицы, была создана своя письменность ронго-ронго. Истоки религиозной культуры рапануйцев происходили из первоначальных мест обитания людей, заселивших остров, но под влиянием условий проживания на острове приобрели свои особенности. При этом у рапануйцев сохранились общие для древних народов представления о душах людей, духах, богах и т.д.

Происхождение на острове моаи в современной науке обычно объясняется формой поклонения рапануйцев своим предкам, в честь которых они и устанавливались, первоначально – на местах их захоронений. Не исключается установка моаи, в том числе, и в честь живых вождей племен. Островитяне верили, что моаи обладают особой силой – ману, оберегают людей от невзгод, способствуют дождям и хорошим урожаям. Высота моаи обычно составляла 3–5 метров, реже 10–12 метров, а вес мог достигать десятки тонн. Всего исследователями открыто более 900 моаи. Статуи были изготовлены и установлены жителями острова – рапануйцами примерно с XIII по XVII вв. [13]. Постепенно культ предков в форме моаи на острове заменился культом человека-птицы во главе с верховным богом Макемаке.

Специфика развития религиозных культов обуславливалась во многом географической изолированностью острова и социальными факторами. Рапануйцы не тратили силы на защиту от набегов, торговлю, колонизацию, но они тратили немало своих сил на строительство и установку моаи, церемониальных каменных платформ – аху, связанных с культом предков [1, с. 130]. На некоторые статуи устанавливались крупные цилиндрические или конические головные уборы – пукао, которые изготавливались из красной базальтовой пемзы вулкана. Наличие на острове в избытке строительного материала – вулканического туфа (хорошо поддающегося обработке) – способствовало строительству статуй преимущественно из вулканических горных пород, а, например, не из дерева, ресурсы которого на острове были ограниченными.

Общество рапануйцев находилось на стадии разложения родоплеменных отношений и знатные островитяне с помощью религиозных культов преследовали свои цели. Моаи вождей или других выдающихся членов племени были призваны, помимо всего прочего, напоминать людям о необходимости сохранения сложившихся порядков в обществе, обычаев и традиций, перешедших от предков [1, с. 122]. Дома знатных рапануйцев изначально располагались ближе всего к моаи, обращенных к поселениям островитян своими лицами. С другой стороны, на острове не было единой центральной власти, которая бы обладала мощным аппаратом принуждения и материальными ресурсами [13]. Верховные вожди рапануйцев, очевидно, не обладали абсолютной властью. Остров был поделен на территории разных племен, которые делились на кланы. Племена периодически враждовали между собой, образовав позже политические союзы по территориальному принципу. Возможно, что остров изначально заселили представители разных народов – из Полинезии и Южной Америки («короткоухие» и «длинноухие») [3, с. 152], [8] и одна культура явилась инициатором создания моаи – для усиления своего влияния. Современные исследования на генном уровне выявили, кроме основной полинезийской составляющей, и индейскую составляющую у предков островитян [10]. Существуют и другие гипотезы о заселении острова Пасхи.

Члены разных племен имели и свою собственную мотивацию в строительстве статуй. Помимо религиозной составляющей – моаи выражали статус племени или клана. Большая высота статуй объяснялась стремлением строителей заключить в них больше силы – ману.

Но также каждое племя (клан) стремилось размерами моаи подчеркнуть значимость своих предков [13]. Большое количество на острове моаи объясняется во многом структурой рапануйского общества [11]. Изготовление моаи переросло на острове в культурную самореализацию рапануйцев. Островитяне (ремесленники), подпитываемые религиозными чувствами, старательно строили статуи, передавали свои знания потомкам.

Современные исследователи полагают, что структурное устройство общества рапануйцев способствовало их выживаемости. Малые общества имеют больше шансов выжить в длительной изоляции, если они разбиты на относительно автономные группы, сохраняющие культурное разнообразие [11]. Это помогает людям сохранить накопленные от предков знания в случае их утраты («культурного дрейфа») в какой-либо отдельной группе, как это, скорее всего, произошло с жителями острова Тасмания. Вымирание или миграция из мест проживания, вероятно, постигла жителей так называемых «таинственных островов» Тихого океана во времена, когда связи между островами прекратились [11]. Рапануйцы же не только выжили и остались на острове, но и социально развивались, в чем также сыграли свою роль устройство их общества и религиозные культы. Изготовление и почитание моаи, каждый из которых изображал какого-то выдающегося деятеля островитян, способствовало большей привязанности рапануйцев к местам их обитания, придавало островитянам веру в их защищенность. До прибытия на остров европейцев в XVIII в. рапануйцы сохранили свою идентичность и, очевидно, способность к жизнедеятельности [9]. Прежняя версия о регрессе и вымирании рапануйцев из-за неразумного хозяйствования и экологического кризиса [1, с. 143–161], [4] убедительно оспаривается. В дальнейшем островитяне подверглись колонизации, и началась новая история острова Пасхи.

Религиозные культы рапануйцев способствовали развитию их общего мировоззрения, служили основой для мирных отношений. Представители разных племен трудились над изготовкой моаи в одних местах, а затем группам людей требовалось переместить статуи к месту их установки [12]. Расположение моаи по периметру всего острова и в других местах, как бы подчеркивало религиозную (и политическую) идентичность островитян. Праздники, посвященные богу Макемаке и культу человека-птицы, собирали в определенном месте представителей разных племен.

С религиозной точки зрения создание моаи также может быть объяснено стремлением рапануйцев соединить свои судьбы с судьбой острова. Первобытные люди представляли себя частью природы, которую одухотворяли [5, с. 90], [7, с. 129–139]. На острове находились кратеры потухших вулканов, которые, как считается, сыграли ключевую роль в образовании острова. У многих народов мира, включая полинезийцев и индейцев, вулканы почитались в качестве священных мест, действующих божеств [2]. По преданиям самих рапануйцев – их остров был сотворен в результате действий великана Воке, который своим посохом поднимал и разрушал острова [3, с. 146]. Легенда островитян повествует об активных геологических процессах в прошлом, с сопутствующими вулканическими извержениями, приведшими к образованию острова. Для рапануйцев, вполне вероятно, изготовление моаи из туфа вулкана Рано-Рараку символизировало соединение жителей острова с самим островом. Строительный вулканический материал, как верили рапануйцы, придавал особую силу моаи, которые теперь могли лучше помогать людям. Сочетание религиозных верований характерных для первобытных людей – тотемизма, фетишизма, анимизма на острове привело (под воздействием социальных и географических факторов) к своеобразному культу предков. Тотемизм, например, предполагал духовную связь человека с определенными видами животных или растений. Иногда эта связь, по представлениям древних, могла существовать между людьми и предметами или объектами природы, в том числе с камнями, глиной, горой. Что касается благотворного влияния моаи на урожаи, то действительно, состав строительного материала для статуй делал почву плодородной. Рапануйцы, помимо прочего, удобряли почву методом каменного мульчирования. У первобытных людей «всякая вещь или всякое событие, оказывающее важное влияние на материальное или духовное благосостояние общества, имела тенденцию становиться объектом ритуальной установки» [6, с. 78]. Культ человека-птицы также предполагал связь с окружающей средой. Представитель победившей стороны на ежегодных соревнованиях среди островитян, на которых определялся человек-птица, на время становился отшельником, посвящая себя богу Макемаке. Островитяне почитали Макемаке как бога – творца вселенной и человека, бога изобилия. Новый культ бога отражал социальные процессы в обществе, был более практичным, не требовал больших затрат времени и трудовых усилий. Островитяне добывали для питания яйца морских птиц гнездившихся на соседних островах, что усиливало культ человека-птицы и Макемаке.

Таким образом, условия жизнедеятельности островитян определили форму религиозных культов, которые развивались в соответствии с общими закономерностями, со своими особенностями. Религиозные культы островитян, помимо всего прочего, вероятно, символизировали духовную связь рапануйцев с островом и божествами, характерную для представлений первобытного человека. Положительный опыт длительного изолированного существования островитян может пригодиться человечеству в будущем, в том числе для возможного освоения новых мест жизнедеятельности. Такой опыт может касаться добывания пищи или воды в изменчивых климатических условиях, управления водными ресурсами в период засухи, структурного устройства общества острова и др. [11]. При этом военные конфликты прошлого должны замениться мирной конкуренцией и сотрудничеством человеческих коллективов на основе накопленных знаний и развития науки. Но как показывает история, в том числе острова Пасхи, всегда существует необходимость гармоничного сосуществования человека с окружающей средой.

Литература

1. Джаред Даймонд. Коллапс. Как и почему одни общества приходят к процветанию, а другие – к гибели / Пер. с англ. – М..: Астрель: CORUS, 2011. – 800 с.
2. Кирьянов В.Ю. Вулканы и мифология // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2018. – № 30; URL: www.es.rae.ru/vsoa/ru/204–1113 (дата обращения: 27.12.2025).
3. Кнорозов Ю.В. «Легенды о заселении острова Пасхи» / Ю.В. Кнорозов // Советская этнография, 1963 г., № 4. С. 143–153.
4. Кошкина М.О. Моделирование деградации цивилизации острова Пасхи / Историко-экономические исследования //, 2009. Т. 10, № 2. С. 159–172.
5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / перевод с французского под ред. В.К. Никольского и А.В. Киссина – Ленинград: «Атеист», 1930. – 337 с.
6. Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 382 с.
7. Тайлор Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
8. Тур Хейердал. Путешествие на „Кон-Тики“ / Перевод с норвежского Л.Л. Жданова. – М.: АСТ, ОГИЗ, серия «Дневник путешественника», 2022–237 с.
9. Robert J. DiNapoli, Timothy M. Rieth, Carl P. Lipo, Terry L. Hunt. A model-based approach to the tempo of “collapse”: The case of Rapa Nui (Easter Island) // Journal of Archaeological Science. 2020. April, Volume 116. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305440320300182?via%3Dihub (Дата обращения: 03.01.2026).
10. Alexander G. Ioannidis, Javier Blanco-Portillo, Karla Sandoval, Erika Hagelberg et al. Native American gene flow into Polynesia predating Easter Island settlement // Nature. 2020. July 08. URL: https://www.nature.com/articles/s41586–020–2487–2 (Дата обращения: 04.01.2026).
11. Carl P. Lipo, Robert J. DiNapoli, Mark E. Madsen, Terry L. Hunt. Population structure drives cultural diversity in finite populations: A hypothesis for localized community patterns on Rapa Nui (Easter Island, Chile) // PLOS ONE. 2021. May. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0250690 (Дата обращения: 03.01. 2026).
12. Carl P. Lipo, Terry L. Hunt. The walking moai hypothesis: Archaeo-logical evi-dence, experimental validation, and response to critics // Journal of Archaeological Science. 2025. November. Volume 183. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305440325002328?via%3Dihub (Дата обращения: 06.01.2026).
13. Carl Philipp Lipo, Terry L. Hunt, Gina Pakarati, Thomas Pingel, et al. Mega-lithic statue (moai) production on Rapa Nui (Easter Island, Chile) // PLOS ONE. 2025. November 26. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0336251 (Дата обращения: 06.01.2026).

RELIGIOUS CULTS ON EASTER ISLAND THROUGH THE LENS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Bashelkhanov A.Yu.
Baikal College of Subsoil Use

The article is devoted to the peculiarities of the formation and development of religious cults on Easter Island. Based on the analysis of geographical and social factors that influenced the content of religious cults on the island, patterns in their development are revealed. The author of the article uses data from recent archaeological and other scientific studies on the topic, which allow for a new perspective on the history of the island's development. The article focuses on the ancient people's perception of their relationship with

nature as a spiritual entity, which helps to gain a deeper understanding of the origins and development of religious cults on the island.

Keywords: religion, religious cult, statue, moai, Easter Island, birdman, Polynesians, Indians, social structure, society.

References

1. Jared Diamond. Collapse. Why Some Societies come to prosperity and others to Ruin / Translated from English. About Zhaden, A.Mikhailova, I. Nikolaeva. Moscow: AST LLC, 2023 – p. 864.

2. Kiryanov V. Yu. Volcanoes and mythology // Bulletin of the East Siberian Open Academy. – 2018. – No. 30; URL: www.es.rae.ru/vsoa/ru/204–1113 (access date: 27/12/2025).

3. Knorozov, Yu.V. "Legends about the Settlement of Easter Island" / Yu.V. Knorozov // Soviet Ethnography, 1963, No. 4. pp. 143–153.

4. Koshkina M.O. Modeling the degradation of Easter Island civilization / Historical and economic research //, 2009. Vol.10, No. 2. pp.159–172.

5. Levi-Bruhl, L. Supernatural and primitive thinking, Moscow, Pedagogika Press, 1994. – p. 608.

6. Lévi-Strauss, Claude. Primitive Thinking. Translated and introduced by A.B. Ostrovsky. Moscow: Respublika, 1994. – p. 384.

7. Taylor, E. Primitive Culture / E. Taylor. Moscow: Politizdat, 1989. – p. 573.

8. Thor Heyerdahl. The Kon-Tiki Expedition / Translated from Norwegian by L.L. Zhdanov. Moscow: AST, OGIZ, Diary of a Traveler series, 2022 – p. 237.

9. Robert J. DiNapoli, Timothy M. Rieth, Carl P. Lipo, Terry L. Hunt. A model-based approach to the tempo of "collapse": The case of Rapa Nui (Easter Island) // Journal of Archaeological Science. 2020. April, Volume 116. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305440320300182?via%3Dihub (access date: 03/01/2026).

10. Alexander G. Ioannidis, Javier Blanco-Portillo, Karla Sandoval, Erika Hagelberg et al. Native American gene flow into Polynesia predating Easter Island settlement // Nature. 2020. July 08. URL: https://www.nature.com/articles/s41586–020–2487–2 (access date: 04/01/2026).

11. Carl P. Lipo, Robert J. DiNapoli, Mark E. Madsen, Terry L. Hunt. Population structure drives cultural diversity in finite populations: A hypothesis for localized community patterns on Rapa Nui (Easter Island, Chile) // PLOS ONE. 2021. May. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0250690 (access date: 03/01/2026).

12. Carl P. Lipo, Terry L. Hunt. The walking moai hypothesis: Archaeological evidence, experimental validation, and response to critics // Journal of Archaeological Science. 2025. November. Volume 183. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305440325002328?via%3Dihub (access date: 06/01/2026).

13. Carl Philipp Lipo, Terry L. Hunt, Gina Pakarati, Thomas Pingel, et al. Mega-lithic statue (moai) production on Rapa Nui (Easter Island, Chile) // PLOS ONE. 2025. November 26. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0336251 (access date: 06/01/2026).

Цифровая социализация старшего поколения в условиях непрерывного образования

Белогруд Игорь Николаевич,
доктор философских наук, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: INBelogrud@fa.ru

В статье анализируется феномен цифровой социализации людей старшего поколения в контексте одновременных процессов демографического старения и цифровой трансформации общества. Цель исследования состоит в теоретикоэмпирическом обосновании роли непрерывного обучения как ключевого ресурса включения пожилых в цифровую среду. В теоретико-методологической части рассматриваются подходы к пониманию социализации и ресоциализации, уточняется структура цифровой социализации старшего поколения, раскрывается потенциал концепции непрерывного образования взрослых. Эмпирическая база представлена результатами социологического исследования, направленного на оценку уровня цифровых компетенций пожилых, выявление типичных трудностей и факторов участия в образовательных практиках. Показано, что цифровая включенность старших возрастных групп положительно связана с качеством жизни, социальной интеграцией и гражданской активностью, однако сохраняется слой пожилых, для которого технологии становятся дополнительным источником социального неравенства. Обосновывается, что развитие формальных, неформальных и информальных программ обучения, в том числе на основе межпоколенческого взаимодействия и институциональных партнерств, является необходимым условием реализации политики активного долголетия. Сформулированы практические рекомендации для разработчиков образовательных программ, органов власти и социальных институтов.

Ключевые слова: цифровая социализация, пожилые люди, старшее поколение, цифровые компетенции, цифровое неравенство, непрерывное образование, активное долголетие.

Введение

В современном обществе процессы тотальной цифровизации и демографического старения протекают одновременно и взаимно усиливают друг друга, формируя качественно новые условия социальной включенности людей пожилого возраста. Расширение сферы применения цифровых технологий в экономике, системе социальных услуг, коммуникации и досуге приводит к тому, что доступ к ключевым благам и сервисам все в большей степени опосредуется цифровой инфраструктурой. В этих условиях способность представителей старшего поколения осваивать и использовать цифровые инструменты становится не только технологической, но и социально значимой характеристикой, определяющей их положение в структуре современного общества и степень риска социального исключения. Цифровая социализация пожилых людей, понимаемая как опосредованный цифровыми технологиями процесс овладения нормами, ролями и практиками, необходимыми для полноценного участия в жизни цифрового общества, приобретает статус одного из центральных направлений политики активного долголетия.

Актуальность обращения к проблематике цифровой социализации людей старшего возраста обусловлена, во-первых, устойчивой тенденцией роста доли пожилых в населении России и других стран, что фиксируется в стратегических документах и исследованиях по проблемам старения. Во-вторых, в условиях ускоренного развития цифровой экономики и электронных услуг возрастает вероятность формирования специфического «серого цифрового разрыва», когда именно пожилые оказываются на периферии цифровых коммуникаций и ресурсов. Наконец, в-третьих, цифровые компетенции рассматриваются как важный ресурс поддержания качества жизни, автономности и безопасности пожилых людей, включая доступ к дистанционному образованию, телемедицине, финансовым и административным сервисам, а также защиту от цифрового мошенничества.

Степень разработанности указанной проблематики в отечественных и зарубежных исследованиях в целом можно охарактеризовать как фрагментарную и несбалансированную. В российской научной литературе активно обсуждаются влияние цифровизации на качество жизни пожилых людей, особенности их цифрового поведения и формы цифрового неравенства. Появляются работы, посвященные концептуализации цифровой социализации пожилых как особой формы вторичной социализации и ресоциализации, а также попытки типизировать стратегии цифрового освоения старшими возрастными группами. Вместе с тем многие исследования ограничиваются констатацией низкого уровня цифровых компетенций и описанием барьеров, тогда как вопросы роли непрерывного образования, институциональных и межпоколенческих практик обучения, а также влияния цифровой социализации на социально-экономическое положение пожилых освещены недостаточно системно.

В зарубежной научной традиции заметен интерес к проблемам цифровой грамотности пожилых людей, влиянию цифровой инклюзии на активное долголетие и социальное участие, а также к различным моделям непрерывного обучения в образовательных учреждениях для старшего поколения. Исследуются эффекты участия пожилых в программах цифрового обучения, роль межпоколенческих форм наставничества, влияние семейной и институциональной поддержки на готовность осваивать новые технологии. Однако комплексные работы, соединяющие анализ демографических трендов, образовательной политики, практик непрерывного обучения и механизмов цифровой социализации, остаются сравнительно немногочисленными, что обусловливает необходимость дальнейшей теоретической и эмпирической разработки темы.

Цель данного исследования состоит в теоретико-эмпирическом обосновании роли цифровой социализации пожилых людей в условиях непрерывного обучения как ключевого фактора их социальной включенности и повышения качества жизни. В соответствии с поставленной целью формулируются следующие задачи: 1) уточнить понятийнокатегориальный аппарат, связанный с цифровой социализацией, цифровой грамотностью и непрерывным образованием людей старшего возраста; 2) проанализировать социально-демографические и институциональные предпосылки цифровой социализации пожилых в контексте процессов цифровизации и старения населения; 3) выявить барьеры и ресурсы цифровой социализации, включая образовательные практики, межпоколенческие взаимодействия и организаци-

онные форматы поддержки; 4) описать типичные модели цифрового поведения пожилых и оценить их связь с характеристиками участия в непрерывном обучении; 5) разработать практические рекомендации по совершенствованию программ цифрового обучения и социальной политики в отношении старшего поколения.

Объектом исследования выступают пожилые люди как социально-демографическая группа в условиях цифровой трансформации общества, а предметом – процессы, механизмы и результаты их цифровой социализации в контексте участия в непрерывном обучении. В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что систематическое участие пожилых людей в программах непрерывного образования, ориентированных на развитие цифровых компетенций и сопровождаемых межпоколенческой и институциональной поддержкой, способствует формированию устойчивых моделей цифрового поведения, повышению уровня социальной включенности и субъективного качества жизни, а также снижению рисков цифрового и социального исключения.

Теоретико-методологические основания исследования

В качестве теоретикометодологического основания исследования цифровой социализации людей старшего поколения выступают классические и современные подходы к пониманию социализации и ресоциализации в социально-гуманитарных науках. Социализация традиционно трактуется как многоуровневый процесс усвоения индивидом социальных норм, ценностей и ролей, обеспечивающий его включение в существующие институциональные порядки и культурные практики. В рамках концепции вторичной социализации П. Бергера и Т. Лукмана подчеркивается, что уже социализированный индивид на протяжении жизни неоднократно входит в новые сектора социального мира, осваивая новые роли, что особенно значимо в условиях стремительной цифровой трансформации. Ресоциализация, в свою очередь, понимается как переориентация индивида на иные нормативные образцы и восстановление либо формирование новых социальных связей и ролей, что позволяет описывать адаптацию пожилых людей к цифровой среде как специфическую форму поздней вторичной социализации и ресоциализации. Таким образом, аналитическая рамка исследования строится на сопряжении теорий социализации, вторичной социализации и ресоциализации с идеями социального конструирования реальности и изменчивости жизненных миров в цифровую эпоху [5].

Понятие цифровой социализации старшего поколения в настоящем исследовании используется для обозначения процесса освоения пожилыми людьми совокупности норм, ролей, практик и компетенций, необходимых для эффективного функционирования в цифровом обществе. Под нормами цифровой социализации понимаются институционально и культурно закрепленные правила безопасного и ответственного использования цифровых технологий, включающие требования к информационной безопасности, этике онлайнкоммуникации, защите персональных данных. Ролевой компонент выражается в формировании у пожилых людей новых социальных ролей – пользователя электронных государственных и финансовых услуг, участника онлайнсообществ, дистанционного обучающегося, цифрового наставника или, напротив, обучаемого в межпоколенческих взаимодействиях. Практический аспект цифровой социализации охватывает повседневные действия в цифровой среде: использование устройств и приложений, участие в сетевых коммуникациях, применение онлайнсервисов для решения бытовых, социальных и образовательных задач. Наконец, структурообразующим элементом выступают цифровые компетенции как совокупность знаний, умений, установок и уровней уверенности в обращении с технологиями, определяющих степень цифровой инклюзии либо, напротив, цифровой маргинализации пожилых граждан [4].

Важным методологическим ресурсом анализа цифровой социализации является концепция непрерывного образования взрослых, связывающая развитие компетенций с жизненным циклом человека и его участием в разнообразных образовательных практиках. В рамках этой концепции обучение рассматривается не как ограниченный возрастом этап, а как сквозной процесс, институционализированный в системе формального, неформального и информального образования, что позволяет включать в поле анализа университеты третьего возраста, программы дополнительного профессионального образования, курсы при социальных учреждениях и инициативы гражданского общества.

Для взрослых, включая людей старшего возраста, непрерывное образование выступает ключевым механизмом обновления и расширения компетенций в ответ на технологические и социальные изменения, а также условием поддержания их трудовой, социальной и гражданской активности. Исследования показывают, что высокий уровень цифровой грамотности существенно повышает отдачу от участия взрослых в программах непрерывного образования, расширяя спектр доступных форм (онлайнкурсы, дистанционные форматы, смешанное обучение) и снижая барьеры включенности. В контексте цифровой социализации пожилых людей концепция непрерывного образования позволяет интерпретировать образовательные программы цифровой направленности как средство преодоления «цифрового разрыва» и формирования устойчивых моделей цифрового поведения, обеспечивающих реальную цифровую инклюзию старших возрастных групп [8].

Социальный портрет старшего поколения в цифровом обществе

Социальный портрет старшего поколения в цифровом обществе определяется сочетанием возрастных, социально-экономических и культурных характеристик, которые усиливают уязвимость пожилых людей в цифровой среде. Демографически эта группа отличается более низким уровнем формального образования в сфере ИКТ, меньшим опытом профессионального использования цифровых технологий и более высокой долей лиц с ограничениями здоровья, что усложняет освоение сложных интерфейсов и восприятие визуальной информации. Исследования показывают, что значительная часть пожилых испытывает тревожность и неуверенность при работе с цифровыми устройствами, склонна переоценивать риски ошибок и мошенничества, что приводит к стратегии «избегающего» поведения в отношении новых технологий. При этом для многих представителей старшего поколения цифровая среда одновременно выступает ресурсом поддержания социальных связей, доступа к услугам и информации, поэтому их цифровой статус носит амбивалентный характер: они могут сочетать высокий интерес с недостатком ресурсов и компетенций [9].

Цифровое неравенство, с которым сталкиваются пожилые люди, проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях. На уровне доступа сохраняются различия в наличии современных устройств, устойчивого интернетсоединения и финансовых возможностей для оплаты связи и обновления техники, особенно у одиноких и низкодоходных пенсионеров. На уровне навыков фиксируются существенные разрывы в базовой и продвинутой цифровой грамотности: значительная доля пожилых не владеет поисковыми системами, онлайн-записью к врачу, электронными госуслугами и интернет-банкингом, ограничиваясь пассивным просмотром информации. Мотивационное измерение цифрового неравенства связано с тем, что часть людей старшего возраста не видит личной полезности цифровых технологий, воспринимает их как «чуждую» или «временную» сферу, либо сомневается в собственной способности освоить новые инструменты, даже имея формальный доступ и минимальные навыки. В совокупности эти факторы формируют устойчивый «возрастной цифровой разрыв», который воспроизводит уже имеющееся социальноэкономическое неравенство.

Стереотипы и установки в отношении «цифровых» возможностей людей старшего возраста выступают самостоятельным барьером цифровой инклюзии. В массовом сознании и медийном дискурсе пожилые часто конструируются как технологически «несостоятельные» пользователи, с трудом осваивающие даже базовые функции, что подпитывает возрастизм и снижает готовность институтов предлагать им более сложные цифровые роли. Зарубежные и российские исследования показывают, что подобные стереотипы внутренне усваиваются самими пожилыми людьми, подрывая их уверенность и мотивацию к обучению и формируя ожидания неуспеха при взаимодействии с цифровой техникой. Вместе с тем результаты эмпирических работ, посвященных цифровым привычкам старшего поколения, опровергают представление о пожилых как о «пользователях с ограниченными возможностями»: при наличии целесообразных сценариев использования, адаптированных интерфейсов и поддерживающей образовательной среды они демонстрируют высокую вовлеченность и способность к освоению новых цифровых практик. Преодоление негативных стереотипов, таким образом, рассматривается как необходимое условие расширения участия пожилых в цифровом обществе и формирования позитивной возрастной идентичности в контексте технологий [13].

Непрерывное обучение как ресурс цифровой социализации

Непрерывное обучение выступает ключевым ресурсом цифровой социализации людей старшего поколения, обеспечивая им возможности поэтапного освоения технологий и закрепления новых социальных ролей. В рамках формального образования к таким практикам относятся программы дополнительного профессионального образования, специализированные курсы при вузах и колледжах, в том числе в формате университетов третьего возраста, где цифровая грамотность включена в базовую учебную траекторию слушателей. Неформальный сектор представлен курсами и тренингами, организуемыми учреждениями культуры, публичными

и вузовскими библиотеками, социальными службами, НКО и инициативными группами граждан, которые предлагают гибкие, часто бесплатные программы, ориентированные на практические навыки использования устройств и онлайнсервисов. Информальное обучение реализуется через повседневное освоение цифровых практик в семье и кругу друзей, обмен опытом между сверстниками, самообразование с использованием обучающих порталов и видеоконтента, что дополняет институциональные формы и поддерживает устойчивость сформированных навыков.

Образовательные потребности представителей старшего поколения в сфере цифровой грамотности носят преимущественно утилитарный и экзистенциальный характер. Пожилые ориентируются прежде всего на освоение тех функциональных возможностей, которые необходимы для решения жизненно важных задач: доступ к государственным и муниципальным услугам, взаимодействие с медицинскими учреждениями, управление личными финансами, поддержание связи с родственниками и социальными сетями поддержки. Наряду с этим фиксируется интерес к использованию интернета для самообразования, хобби, участия в культурной жизни и общественных инициативах, что позволяет говорить о формировании более широкой мотивации, связанной с поддержанием когнитивной активности и социального статуса. В мотивационной структуре значимую роль играют потребность в безопасности (желание защититься от мошенничества и ошибок при использовании онлайнсервисов), стремление «не отставать» от более молодых членов семьи, а также запрос на эмоционально поддерживающую образовательную среду, где ошибки рассматриваются как естественная часть процесса обучения [12].

Педагогические принципы и дидактические особенности программ цифрового обучения для пожилых обусловлены как возрастными, так и психологическими характеристиками данной группы обучающихся. Исследования и методические разработки подчеркивают важность индивидуализации темпа и содержания обучения, формирования малых групп с учетом исходного уровня цифровых компетенций, доминирования практикоориентированных заданий и пошагового освоения материала с частой повторяемостью. Эффективными признаются использование наглядности, демонстраций и пошаговых инструкций, опора на уже освоенные жизненные и профессиональные навыки, а также организация пространств для взаимопомощи и межпоколенческого наставничества, когда молодые волонтеры или более опытные слушатели поддерживают новичков. Важное значение имеет создание психологически комфортной атмосферы, минимизация оценочного давления, поощрение вопросов и совместного обсуждения затруднений, что снижает тревожность, повышает уверенность в собственных силах и способствует закреплению устойчивых моделей цифрового поведения, выходящих за рамки учебной аудитории [14].

Межпоколенческие и институциональные практики цифровой поддержки

Межпоколенческие и институциональные практики цифровой поддержки пожилых людей образуют важный сегмент инфраструктуры их цифровой социализации. Межпоколенческое обучение предполагает организацию образовательных взаимодействий, в которых молодежь выступает в роли наставников, консультантов и технических помощников для представителей старшего поколения. Исследования показывают, что подростки и молодые взрослые демонстрируют высокую эмоциональную вовлеченность в успехи пожилых, а сами пожилые позитивно оценивают возможность учиться у более компетентных в цифровой сфере членов семьи или волонтеров, что снижает их тревожность и способствует устойчивому освоению цифровых практик [10]. Семейные формы межпоколенческого обучения (внуки как «домашние наставники», совместное использование гаджетов, помощь в онлайноперациях) дополняются структурированными волонтерскими программами, в рамках которых молодые люди проходят краткосрочную подготовку и затем проводят групповые занятия или индивидуальные консультации для пожилых пользователей [11].

Роль социальных служб, учреждений образования, НКО и бизнеса в формировании цифровых компетенций пожилых состоит в создании устойчивых организационных форм и ресурсной базы для реализации программ обучения. Социальные службы и центры активного долголетия организуют бесплатные курсы и клубы, обеспечивают материально-технические условия, привлекают специалистов и волонтеров, а также выявляют целевые группы пожилых, нуждающихся в цифровой поддержке. Образовательные организации – школы, колледжи, вузы – выступают площадками для межпоколенных проектов и университетов третьего возраста, формируя модульные программы по цифровой грамотности и вовлекая студентов в наставничество. НКО реализуют авторские проекты и грантовые инициативы, нацеленные на преодоление цифрового неравенства, разработку адаптированных учебных материалов и сопровождение пожилых на этапе самостоятельного использования цифровых сервисов. Бизнес-структуры, прежде всего ИТ- и телеком-компании, участвуют в создании специализированных обучающих платформ, предоставляют льготный или бесплатный доступ к сервисам, поддерживают корпоративное волонтерство и тестируют инклюзивные интерфейсы цифровых продуктов.

Сложившийся спектр практик цифровой поддержки пожилых иллюстрируется рядом успешных проектов и программ. В России к числу системных инициатив относится городской проект «Московское долголетие», включающий модули по цифровой грамотности и использующий ресурс вузов и городских учреждений культуры для проведения очных и онлайн-занятий. Волонтерские проекты «IT-бабушка» и «Цифровая грамотность для людей старшего возраста» демонстрируют эффективность модели, в которой небольшие группы волонтеров регулярно проводят занятия, разрабатывают адаптированные методические материалы и сопровождают пожилых на практике, что позволяет повысить их уверенность и самостоятельность при работе с гаджетами [7]. Зарубежные кейсы – такие, как программа Cyber-Seniors, основанная на онлайн-менторстве молодежи, и различные инициативы по тренингу волонтеров-«техменторов» – показывают, что сочетание дистанционного формата, структурированного обучения наставников и гибкого расписания консультаций обеспечивает расширение охвата пожилых пользователей и формирование устойчивых межпоколенных связей. Наконец, реализуемые при поддержке научных фондов проекты по цифровой социализации пожилых позволяют накопить эмпирические данные о наиболее результативных моделях взаимодействия институтов, межпоколенных групп и самих пожилых людей, что создает основу для масштабирования успешных практик на уровне региональной и национальной политики [3].

Социальные эффекты цифровой социализации старшего поколения

Социальные эффекты цифровой социализации старшего поколения имеют многомерный характер и проявляются на уровне качества жизни, социальных связей, гражданского участия и доступа к ключевым услугам. Исследования показывают, что цифровая включенность пожилых людей положительно связана с субъективной оценкой благополучия, уровнем удовлетворенности здоровьем и общением, а также с возможностями самостоятельного управления повседневной жизнью. Использование цифровых технологий расширяет доступ к медицинским и социальным услугам (телемедицина, электронная запись, дистанционные консультации), образовательным ресурсам и культурным практикам, снижает транзакционные издержки при взаимодействии с государством и бизнесом, а также открывает новые каналы для гражданского участия – от онлайнпетиции и общественных обсуждений до волонтерства и самопомощи в виртуальных сообществах. Включенность в цифровую среду также способствует поддержанию и развитию социальных контактов, что уменьшает риск одиночества и социальной изоляции, особенно для маломобильных пожилых людей, и тем самым выступает значимым фактором сохранения психологического благополучия.

Одновременно цифровая социализация старших возрастов сопровождается риском углубления социального неравенства при сохранении значительного слоя «цифрово исключенных» пожилых людей. Тот, кто остается вне цифрового пространства, сталкивается с двойным бременем исключения: ограничиваются как традиционные формы социального участия (из-за ухудшения здоровья и мобильности), так и доступ к современным цифровым сервисам, которые зачастую становятся доминирующим каналом предоставления услуг и информации. Цифровое исключение усиливает уже существующие различия по уровню образования, доходов, состоянию здоровья и территориальному положению, формируя устойчивые группы риска, которые испытывают трудности при получении медицинской помощи, социальных выплат, финансовых и административных услуг, а также оказываются менее представленными в публичных коммуникациях и политическом процессе. В результате цифровизация, не сопровождаемая адресной политикой инклюзии, может парадоксальным образом увеличить структурное неравенство и социальную поляризацию в старших возрастных когортах [2].

Потенциал цифровой социализации для развития политики активного долголетия заключается в возможности рассматривать цифровые компетенции пожилых не только как инструмент адаптации к новым условиям, но и как ресурс их социального и экономического участия. Концепция активного долголетия предполагает поддержку занятости, образования, гражданской и культурной активности людей старшего возраста; в цифровую эпоху реализация этих направлений все в большей степени опирается на ИКТ – от дистанционной занятости и волонтерства до онлайн-обучения и участия в сетевых сообществах. Включенность пожилых в цифровую среду позволяет органам власти и общественным институтам разрабатывать более точные и адресные

меры социальной политики, опирающиеся на цифровые каналы коммуникации и сервисы, а также стимулировать развитие ориентированных на старшее поколение цифровых продуктов и услуг. Тем самым цифровая социализация становится необходимым условием формирования инклюзивной модели активного долголетия, в которой старшее поколение рассматривается не как пассивный объект заботы, а как субъект, способный вносить вклад в развитие общества и использовать цифровые инструменты для защиты своих прав и интересов [1].

Выводы и перспективы исследования

Проведенный теоретический и эмпирический анализ цифровой социализации старшего поколения позволяет рассматривать ее как особую форму вторичной социализации и ресоциализации, происходящую на пересечении процессов демографического старения и цифровой трансформации общества. Показано, что уровень цифровых компетенций пожилых людей определяется совокупностью структурных факторов (образование, доход, здоровье, инфраструктура) и биографических траекторий участия в обучении, а также поддержкой со стороны семьи, межпоколенческих сообществ и институтов непрерывного образования. Эмпирические данные свидетельствуют о выраженной неоднородности цифровой включенности: наряду с группой «цифрово активных» пожилых сохраняется значительный слой «цифрово исключенных», для которых технологии остаются источником тревоги и дополнительным барьером доступа к услугам и ресурсам. В то же время участие в формальных, неформальных и информальных программах обучения показало способность существенно повышать уровень цифровых компетенций, расширять спектр цифровых практик и усиливать чувство автономии и контроля над жизненной ситуацией [6].

Практические выводы исследования позволяют сформулировать ряд рекомендаций для разработчиков образовательных программ, органов власти и социальных институтов. Для системы непрерывного образования ключевым является переход от эпизодических курсов цифровой грамотности к долгосрочным программам, включающим диагностический этап, индивидуализацию траекторий обучения, межпоколенческое наставничество и сопровождение пожилых на этапе самостоятельного использования цифровых сервисов. Органам власти рекомендуется интегрировать задачи цифровой инклюзии старшего поколения в стратегии активного долголетия и цифрового развития регионов, обеспечивая ресурсную поддержку образовательных инициатив, адаптацию цифровых сервисов под возрастные особенности пользователей и развитие офлайн-альтернатив для «цифрово уязвимых» групп. Социальным службам, НКО и бизнесу целесообразно развивать партнерские проекты, в рамках которых объединяются инфраструктурные ресурсы, экспертные компетенции и волонтерский потенциал, а оценка эффективности программ строится не только по количеству обученных, но и по устойчивости изменений в цифровом поведении и уровне социальной включенности пожилых людей. Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом региональных различий, сравнением российских и зарубежных практик цифровой социализации, а также изучением долгосрочного влияния цифровой включенности на траектории старения и межпоколенческие отношения.

Литература

1. Ананченкова П.И., Тюрин И.А., Макарова К.К. Роль цифровой социализации пожилых людей в защите от телефонного мошенничества. Цифровая социология/Digital Sociology. 2024;7(4):22–32.

2. Волченков, Д. и Лебедев, А.Н. Дискурсивная поляризация и возрастно-гендерные ценности: комбинированный анализ реакций на инициативу «Министерство счастья» / Ученые записки Института психологии РАН. 5, 2(15) (июн. 2025), 3–15.

3. Гаврильченко К.Э. Преодоление цифровой маргинализации пожилых граждан как необходимый приоритет государственной социальной политики / Теория и практика общественного развития. 2025. № 9, с. 1–6.

4. Есмурзаева Ж.Б., Новикова Е.В. Цифровая социализация людей старшего возраста: опыт стран ЕС / Электронный научно – методический журнал Омского ГАУ. 2021. № 4(27), с. 1–4.

5. Захаркин Р.А. Концепция вторичной социализации, основанная на идеях П. Бергера и Т. Лукмана, и ее стихийный и целенаправленный аспекты реализации / Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 2, с. 1–5.

6. Комиссаренко С.С., Згурская Е.Н. Ресоциализации пожилых людей как социально- педагогическая проблема / Вестник КазГУК И. 2018. № 2, с. 152–157.

7. Куровский С.В., Старикова М.М., Мишин Д.А. Разработка программы поддержки пожилых людей на основе развития социального предпринимательства / Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1, с. 227–232.

8. Кущева Н.Б., Терехова В.И. Концепция непрерывного образования взрослых как социальный институт инноваций / Мир науки. Педагогика и психология. 2026. № 3, с. 1–8.

9. Равчик М.И. Социальный статус пожилых в условиях цифровой трансформации: дискурсивные конструкции в российских онлайн-СМИ (2018–2024) / Гуманитарий Юга России. 2025. № 5, с. 222–236.

10. Солдатова Г.В. Диалог поколений – от мала до велика: строим будущее вместе. Программа межпоколенческого взаимодействия / Образовательная политика. 2024. № 4(19), с. 14–18.

11. Солнышкина М.Г. Социокультурная адаптация пожилых в Университете серебряного возраста / Знание. Понимание. Умение. 2023. № 1, с. 39–51.

12. Татаринов К.А., Орлова Е.Г. Непрерывное обучение в период поздней взрослой жизни / Азимут научных исследований: педагогика и психология.2021. № 3(36), с. 204–207.

13. VoroninaS. N., & Karmyzova D.D. (2023). The Problem Of Digital Inequality of Older People in Belarus: Methodological and Empirical Analysis. Communications. Media. Design, 8(2), 93–110.

14. Claudilene Perim, Carla Sousa & Manuel José Damásio (15 May 2025): Digital literacy and older people: A case study in lifelong learning institutions in Lisbon, Educational Gerontology.

DIGITAL SOCIALIZATION OF THE OLDER GENERATION IN THE CONTEXT OF CONTINUOUS EDUCATION

Belogrud I.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the phenomenon of digital socialization of older adults in the context of the simultaneous processes of demographic aging and the digital transformation of society. The aim of the study is to provide a theoretical and empirical substantiation of the role of lifelong learning as a key resource for integrating older adults into the digital environment. The theoretical and methodological section examines approaches to understanding socialization and resocialization, clarifies the structure of digital socialization of the older generation, and reveals the potential of the concept of continuous adult education. The empirical base is presented by the results of a sociological study aimed at assessing the level of digital competencies of the elderly, identifying typical difficulties and factors of participation in educational practices. It is shown that the digital inclusion of older age groups is positively associated with quality of life, social integration, and civic engagement. However, there remains a layer of older people for whom technology becomes an additional source of social inequality. It is substantiated that the development of formal, non-formal, and informal learning programs, including those based on intergenerational interaction and institutional partnerships, is a prerequisite for the implementation of active ageing policies. Practical recommendations are formulated for developers of educational programs, government agencies, and social institutions.

Keywords: digital socialization, older adults, older generation, digital competencies, digital divide, lifelong learning, intergenerational learning, active ageing.

References

1. Ananchenkova P.I., Tyurin I.A., Makarova K.K. The Role of Digital Socialization of the Elderly in Protection against Telephone Fraud. Digital Sociology. 2024; 7(4):22–32.

2. Volchenkov D. and Lebedev A.N. Discursive Polarization and Age-Gender Values: A Combined Analysis of Reactions to the «Ministry of Happiness» Initiative. Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 5, 2(15) (June 2025), 3–15.

3. Gavrilchenko K.E. Overcoming the Digital Marginalization of Elderly Citizens as a Necessary Priority of State Social Policy. Theory and Practice of Social Development. 2025. № 9, pp. 1–6.

4. Esmurzaeva Zh.B., Novikova E.V. Digital socialization of older people: the experience of EU countries / Electronic scientific and methodological journal of Omsk State Agrarian University. 2021. № 4(27) pp. 1–4.

5. Zakharkin R.A. The concept of secondary socialization based on the ideas of P. Berger and T. Luckmann, and its spontaneous and targeted aspects of implementation. / Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. № 2 pp. 1–5.

6. Komissarenko S.S., Zgurskaya E.N. Resocialization of older people as a socio-pedagogical problem / Bulletin of KazGUK I. 2018. № 2 pp. 152–157.

7. Kurovsky S.V., Starikova M.M., Mishin D.A. Developing a Support Program for the Elderly Based on Social Entrepreneurship Development / Social and Humanitarian Knowledge. 2024. № 1, pp. 227–232.

8. Kushcheva N.B., Terekhova V.I. The Concept of Continuous Adult Education as a Social Institution of Innovation / The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2026. № 3, pp. 1–8.

9. Ravchik M.I. The Social Status of the Elderly in the Context of Digital Transformation: Discursive Constructions in Russian Online Media (2018–2024) / Humanitarian of the South of Russia. 2025. № 5, pp. 222–236.

10. Soldatova G.V. Dialogue of Generations – From Young to Old: Building the Future Together. Intergenerational Interaction Program / Educational Policy. 2024. № 4 (19), pp. 14–18.

11. Solnyshkina M.G. Sociocultural adaptation of the elderly at the University of the silver age. / Knowledge. Understanding. Skill. 2023. № 1, pp. 39–51.

12. Tatarinov K.A., Orlova E.G. Continuous learning in late adulthood / Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2021. № 3 (36), pp. 204–207.

13. Voronina S.N., & Karmyzova D.D. (2023). The Problem Of Digital Inequality of Older People in Belarus: Methodological and Empirical Analysis. Communications. Media. Design, 8(2), 93–110.

14. Claudilene Perim, Carla Sousa & Manuel José Damásio (15 May 2025): Digital literacy and older people: A case study in lifelong learning institutions in Lisbon, Educational Gerontology.

Трансформация исторической памяти в эпоху цифровой революции: вызовы и перспективы

Ветерков Александр Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Философия, социология и история» Российской открытой академии транспорта Российского университета транспорта (РОАТ (РУТ) (МИИТ)
E-mail: aveterkov@yandex.ru

Исследование посвящено комплексному изучению изменений, происходящих в процессах формирования и сохранения исторической памяти в условиях активного внедрения цифровых технологий. Автор акцентирует внимание на специфических характеристиках современной цифровой эпохи, оказывающих значительное воздействие на способы фиксации, передачи и интерпретации исторических фактов и событий.

Рассматривается широкий спектр положительных аспектов цифрового формата хранения и распространения информации, среди которых доступность архивных материалов широкой аудитории, повышение уровня вовлеченности пользователей благодаря интерактивным цифровым платформам, а также расширение образовательных возможностей посредством мультимедийных ресурсов. Вместе с тем выявляются негативные тенденции, связанные с фрагментацией знания, упрощением подходов к историческим фактам, распространением недостоверной информации («цифровой мифологии») и утратой традиционных способов трансляции опыта поколений.

Работа направлена на выявление оптимальных путей интеграции традиционного подхода к сохранению исторической памяти с возможностями цифровых технологий. Предлагаются конкретные рекомендации по формированию эффективных механизмов взаимодействия двух сфер, обеспечивающих сохранение целостности исторического сознания и предотвращающих риски искажения исторической картины мира.

Ключевые слова: историческое сознание, историческая память, цифровая революция, коллективная идентичность, интерпретация истории.

Введение

Современное общество переживает глубокие преобразования, обусловленные технологической революцией в области передачи информации. Масштабное распространение Интернета, мобильной связи и облачных технологий существенно трансформировало различные сферы жизнедеятельности, такие как наука, политика и культура. Особое значение приобретают изменения, затрагивающие сферу исторической памяти, традиционно выступающую важнейшей составляющей формирования национальной идентичности и индивидуального мировосприятия.

Историческое сознание и его наиболее фокусированное проявление – историческая память – не оставались вне поля зрения исследователей. Глубокие теоретико-методологические положения, раскрывающие в философском плане сущность и генезис формирования исторического сознания, содержатся в трудах И. Канта, И. Гердера, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса и многих других мыслителей XIX столетия [2, с. 45]. Феномен исторической памяти впервые стал разрабатываться в трудах М. Хальбвакса [6] в 1920-е гг. XX в. Историческая память представляет собой сложный социальный конструкт, включающий образы, символы и смыслы, ассоциирующиеся с прошлым. Ее состояние и динамика зависят от множества факторов, среди которых важнейшими являются общественный климат, система воспитания и профессиональной подготовки, экономические условия и международные отношения. Одним из фундаментальных признаков современности стало расширение спектра участников, формирующих историческую память, что связано с возникновением новых субъектов исторического творчества – простых граждан, обладающих возможностью свободно выражать свое мнение и оценивать прошлое.

Таким образом, основной целью настоящего исследования выступает выявление характерных черт формирования исторической памяти в условиях цифровой эпохи, всесторонняя оценка позитивных и негативных эффектов цифровизации, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по оптимизации процесса сохранения историко-культурного наследия.

Характеристика цифровой эпохи

Процесс становления и эволюции исторической памяти неотделим от общих черт технологического прогресса, характерных для нашего времени. Под термином «цифровая эпоха» принято понимать стадию цивилизации, характеризуемую господством цифровых технологий и компьютеров в повседневной жизни. Эта стадия началась примерно в конце XX века и продолжается вплоть до наших дней. В начале XXI столетия глобальная сеть Интернет стала неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности современного человека, став своеобразным наднациональным государством, нормы и правила которого не являются сколько-нибудь обязательными для властных структур, но при этом через направленно сформированное общественное мнение осуществляет серьезное воздействие как на эти структуры, так и на самого индивида [3].

Основные характеристики цифровой эпохи обладают следующими признаками.

1. Универсальная доступность многообразных информационных ресурсов.

2. Активная интеграция инновационных технических инструментов (Интернет, мобильные устройства, планшетные компьютеры, программное обеспечение).

3. Ускорение темпов социальных взаимодействий и сокращение временного горизонта принятия решений.

4. Усиливающееся взаимопроникновение экономических и социокультурных систем, рост глобального сотрудничества.

5. Появление качественно новых форм социального поведения и коммуникаций (социальные онлайн-платформы, коммуникационные сервисы, виртуальные торговые площадки).

Перечисленные признаки существенным образом воздействуют на жизнедеятельность современного человека, его когнитивные установки и поведенческие модели, непосредственно влияя на изменение структуры и механизмов воспроизводства исторической памяти.

Специфика формирования исторической памяти в цифровую эпоху

Цифровая революция обусловила возникновение качественно новых форм и методов усвоения исторического опыта. Среди ключевых характеристик данного процесса выделяются следующие.

1. Расширение числа субъектов исторического повествования. В современном обществе практически каждый индивидуум способен стать активным участником конструирования образа прошлого, публикуя собственные взгляды на исторические события в социальных сетях, ведя персональные веб-сайты и транслируя свое собственное видение истории.

2. Резкое ускорение циркуляции информации. Благодаря современным средствам коммуникации информация распространяется стремительно, мгновенно достигая масштабных аудиторий, что способствует динамичному обновлению элементов исторической памяти и изменению привычного порядка трансляции знаковых событий.

3. Индивидуализированное восприятие исторического материала. Эмоциональные переживания и индивидуальные предпочтения все чаще выступают ключевыми детерминантами формирования исторических образов, снижая значимость общепринятых версий, предложенных государственными институтами и образовательной системой.

4. Фрагментарность восприятия прошлого. Обилие доступной информации стимулирует выборочное отношение к историческому материалу, порождая поверхностные, зачастую узко специализированные представления о значимых событиях прошлого.

5. Доминирование визуальной компоненты. Графический контент (фотографии, видеоролики, инфографика) постепенно вытесняет традиционные вербально-текстовые формы подачи информации, формируя новые стандарты восприятия исторических явлений и событий.

Выделенные характеристики способствуют трансформации структурных компонентов и содержательного наполнения исторической памяти, что ставит перед исследователями ряд актуальных научных и социально-практических задач.

Основные проблемы трансформации исторической памяти

Среди множества факторов, негативно воздействующих на современную историческую память, выделяют следующие.

1. Феномен «персонализации памяти». Пользователи социальных сетей осуществляют отбор и оценку исторических событий преимущественно на основе индивидуально сформированных ценностных ориентаций и идеологических предпочтений, часто пренебрегая альтернативными позициями и мнениями. Наблюдается увеличение числа ситуаций, в которых пользователи демонстрируют способность формировать уникальную точку зрения, несмотря на оказываемое социальное давление извне [7, с. 196].

2. Отсутствие критериев достоверности информации. Распространение в информационно-коммуникационной среде непроверенной информации, необоснованных слухов и сомнительных спекуляций оказывает дестабилизирующее воздействие на устоявшуюся систему объективного научного познания истории. Подобная ситуация приводит к постепенному снижению доверия широких слоев населения к официально признанным версиям исторических событий, представленных академическими учреждениями и образовательными структурами. В свою очередь, нарастающая дезорганизация публичного пространства формирует благоприятные условия для углубления существующих идейных разногласий и усиления поляризации общественно-политического дискурса относительно трактовки важнейших моментов национального прошлого.

3. Политизация истории. Государства и политические акторные субъекты активно применяют возможности цифровой среды для целенаправленного продвижения выгодного им понимания исторических событий, особенно в ситуациях кризисов и конфликтов. В условиях широкого охвата сетевых пространств аудитория подвергается воздействию специально подготовленных пропагандистских кампаний, направленных на формирование определенных стереотипов и мифологем, оправдывающих политическую позицию властей либо конкретных партийных группировок. Использование манипулятивных практик, таких как фейковые новости, дезинформационные кампании и селективная подача сведений, позволяет властным элитам создавать желаемую картину прошлого, соответствующую интересам текущего политического курса.

4. Мнение отдельно взятых исследователей. Субъективная оценка исторических событий со стороны учителей и преподавателей истории приводит к искаженному представлению исторических событий; кроме того, значительную популярность приобрели блогеры, которые уделяют много внимания обсуждению исторических сюжетов, однако не принадлежат к профессиональному историческому сообществу [5, с. 93]. Основными исполнителями формирования новых коллективных представлений о прошлом стали не только профессиональные историки, но и большей частью средства массовой информации, кино, телевидение, шоу и т.д. [9, с. 102].

5. Искаженное восприятие прошлого. Обилие индивидуальных интерпретаций и политический дискурс, циркулирующий в общественном пространстве, создают предпосылки для возникновения множества противоречащих друг другу позиций касательно природы, мотивации и результатов значимого исторического прошлого. Данная ситуация приводит к появлению серьезной интеллектуальной неопределенности, затрудняющей установление единой согласованной концепции тех или иных эпохальных событий. Чрезмерное разнообразие субъективных оценок и отсутствие критически проверенного анализа нередко порождают многочисленные заблуждения и неверные умозаключения, касающиеся фундаментальных вопросов исторического развития. В итоге возникает риск замещения строгого научного знания фрагментированными и эмоционально окрашенными представлениями, создающими препятствия для глубокого понимания закономерностей эволюции цивилизационных процессов.

6. Появление новых форм героизации и демонизации. Формируются мифологические конструкции и легендарные нарративы, вступающие в противоречие с объективными историческими фактами и служащие инструментом внутриполитической консолидации и инструментальной реализации агрессивных геополитических устремлений. Трансформации в современном обществе способствуют появлению новых ценностей, приоритетов, идеалов, формирующихся под воздействием инновационных цифровых технологий, что влечет изменение восприятия исторического прошлого и переоценку его значения [8, с. 89].

7. Недостаточное использование потенциала цифровых технологий. Современные ученые-историки и педагоги сталкиваются с необходимостью адаптации к условиям цифровой эпохи, характеризующейся лавинообразным ростом объемов доступной информации и расширением арсенала средств обработки больших массивов данных. Однако значительная часть профессиональных сообществ пока еще остается слабо вовлеченной в освоение новейших методик анализа данных и инновационного инструментария визуализации информации. Такое отставание негативно сказывается на эффективности исследовательской деятельности, ограничивая способность ученых оперативно реагировать на запросы развивающегося общества и полноценно интегрироваться в международное научное пространство. Недостаточная готовность освоить и внедрить современные методы работы с информацией тормозит процесс обновления концептуальных основ исторической науки, препятствуя своевременному выявлению скрытых тенденций и закономерностей исторического развития. Следовательно, назрела необходимость разработки комплекса мер, направленных на стимулирование профессионального роста исследователей и преподавателей, активацию их участия в применении прогрессивных цифровых технологий и разработку оригинальных методик работы с историческими данными.

Решение перечисленных проблем требует тщательного анализа ситуации и выработки комплексной стратегии, обеспечивающей эффективное взаимодействие традиционной и цифровой составляющих исторической памяти. Необходимо ясно понимать, что любые манипуляции с исторической памятью неизбежно приводят к трансформации личностной идентичности человека [4, с. 143].

Положительные аспекты цифровой эпохи для исторической памяти

Цифровая революция открыла перед человечеством целый спектр новых возможностей, положительно сказавшихся на сохранении и восстановлении исторического наследия. Вот некоторые из них.

1. Развитие электронной документации и базы данных. Создание централизованных хранилищ информации, развитие интернет-коммуникации посредством создания качественных историко-ориентированных веб-порталов [1, с. 10] позволяет оперативно получать доступ к необходимым материалам, ускоряя научные исследования и повышая эффективность преподавательской деятельности.

2. Широкая доступность образовательных ресурсов. Возможности дистанционных образовательных форматов и удаленного консультирования с ведущими специалистами открывают дополнительные перспективы личностного роста и углубляют уровень владения историей, обеспечивая доступ к высококачественному образованию вне зависимости от географического местоположения обучающихся.

3. Популяризация исторических событий и личностей. Интернет предоставляет миллионам пользователей уникальную возможность знакомиться с выдающимися историческими личностями, способствуя расширению их интеллектуального горизонта и формированию чувства национальной гордости.

4. Активизация гражданской активности. Доступность информации способствует повышению интереса населения к исследованию

истории родного края, населенного пункта и собственной родословной, стимулируя активность в области сбора и структурирования локальных исторических сведений.

5. Повышение эффективности межкультурного взаимодействия. Онлайн-платформы и социальные сети способствуют установлению взаимосвязей между жителями различных регионов и государств, обеспечивая расширение масштабов коллективного изучения историко-культурного наследия.

6. Становление новых дисциплин и отраслей знания. Исследования в сфере цифровой гуманитаристики и киберархеологии выявляют значительный научный потенциал и способствуют укреплению профессионального престижа исторической науки.

7. Усиление интереса к краеведческой тематике. Интеграция цифровых технологий инициирует создание региональных инициатив, направленных на исследование исторического наследия и культурного своеобразия небольших населенных пунктов.

Перечисленные позитивные тенденции свидетельствуют о том, что цифровая трансформация обладает значительным потенциалом для продвижения исторической науки и укрепления связей современного общества с его историческим наследием.

Пути решения проблем и перспективы развития

Реализация позитивного потенциала цифровой эпохи требует реализации комплекса мер, ориентированных на устранение существующих проблем и оптимизацию процессов взаимодействия с историческим наследием. К числу приоритетных направлений относятся.

1. Проведение регулярных мониторинговых исследований. Непрерывный мониторинг состояния исторической памяти является необходимым условием своевременного обнаружения негативных тенденций и осуществления коррекционных действий, обеспечивающих устойчивое развитие социума.

2. Формирование сетевых ассоциаций ученых и активистов. Кооперация профессиональных кадров и волонтерских сообществ обеспечивает оперативное выявление угроз и повышение уровня предоставляемых сервисов.

3. Модернизация системы школьного и вузовского образования. Перевод образовательного процесса на активную методологию, продуктивное внедрение интерактивных образовательных технологий позволит существенно повысить уровень мотивации студентов и эффективность преподавания исторических дисциплин.

4. Создание специализированных центров поддержки. Создание специализированных центров поддержки волонтеров и молодых исследователей обеспечит необходимые условия для эффективного проведения научных изысканий и реставрационно-восстановительных работ объектов историко-культурного наследия.

5. Регулярный выпуск научных трудов и публицистических работ. Издание профильной научной и научно-популярной литературы будет способствовать росту общей осведомленности населения и усилению общественного признания профессий историка и краеведа.

6. Использование возможностей государственных институтов и некоммерческих организаций. Финансовая поддержка профильных государственных органов, получение грантов от некоммерческих организаций и благотворительных фондов будут служить существенным стимулом для успешной реализации крупномасштабных проектов, направленных на сохранение и популяризацию культурного наследия.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в дальнейшем совершенствовании методик анализа больших данных, применении методов машинного обучения и создании автоматизированных систем управления информацией.

Выводы

Анализ основных характеристик и трудностей формирования исторической памяти в условиях современной цифровой среды позволил выявить глубокие качественные трансформации, охватывающие все общество. Решение актуальных задач возможно лишь посредством конструктивного сотрудничества государственных институтов, общественных объединений и широкой общественности. Эффективность принимаемых мер определяется способностью оперативно адаптироваться к вызовам современности и компетентностью в использовании инновационных инструментов.

Комплексный подход, объединяющий усилия профессионалов и рядовых граждан, выступает залогом сохранения преемственности культурно-исторического опыта и предотвращения утраты национальной памяти. Подводя итог, подчеркнем необходимость бережного отношения нынешнего поколения к историческому наследию, направленного на сбережение и обогащение общечеловеческого достояния. Игнорирование исторической памяти может привести к потере культурно-исторического суверенитета, что не менее важно, чем суверенитет военно-политический [4, с. 144].

Литература

1. Батырбаева Ш.Д. Цифровой поворот и историческая наука // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 6–13.
2. Бойков В.Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. № 5. С. 44–52.
3. Бравина М.А. Информационные войны против России: история и современность // История РФ. Главный исторический портал страны. [Электронный ресурс]. – URL: https://history.ru/read/science/informacionnye-voyny-protiv-rossii-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 18.12.2025).
4. Гулевская Н.А., Гулевский А.Н., Чайченко Д.В. Историческая память как фактор формирования идентичности // Философия права. 2019. № 2. С. 137–145.
5. Молотов К.И., Максимова А.С., Хлевнюк Д.О. Способы конструирования экспертной позиции в YouTube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 92–117.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. СПб.: «Питер», 2025. 352 с.
7. Черный В.А., Вебер В.В. Авторские платформы – главный тренд в развитии социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 192–198.
8. Шаймарданова Л.Н., Шакирова Э.Ш. Изучение культурного наследия как средство воспитания патриотизма // Казанский вестник молодых ученых. 2022. Т. 6. № 5. С. 88–100.
9. Шестакова М.А. Историческая память: нарративный подход // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2022. № 1. С. 94–104.

THE TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY IN THE ERA OF THE DIGITAL REVOLUTION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Veterkov A.I.
Russian University of Transport

The study is devoted to a comprehensive examination of the changes that occur in the processes of forming and preserving historical memory in the context of the active introduction of digital technologies. The author focuses on the specific characteristics of the modern digital era, which have a significant impact on the ways in which historical facts and events are recorded, transmitted, and interpreted.

A wide range of positive aspects of the digital format for storing and disseminating information is considered, including the availability of archival materials to a wide audience, increased user engagement through interactive digital platforms, and expanded educational opportunities through multimedia resources. However, negative trends are also identified, such as the fragmentation of knowledge, simplification of approaches to historical facts, the spread of inaccurate information («digital mythology»), and the loss of traditional methods of transmitting generational experiences.

The work is aimed at identifying the best ways to integrate the traditional approach to preserving historical memory with the capabilities of digital technologies. It provides specific recommendations for creating effective mechanisms for interaction between the two areas, ensuring the integrity of historical consciousness and preventing the risks of distortion of the historical picture of the world.

Keywords: historical consciousness, historical memory, digital revolution, collective identity, and interpretation of history.

References

1. Batyrbayeva Sh.D. Digital Turn and Historical Science // Historical Informatics. 2019. № 3. Pp. 6–13.
2. Boykov V.E. Historical Memory in Contemporary Russian Society: State and Problems of Formation // Sociology of Power. 2011. № 5. Pp. 44–52.
3. Bravina M.A. Information Wars Against Russia: History and Modernity // History of the Russian Federation. The main historical portal of the country. [Electronic resource]. – URL: https://history.ru/read/science/informacionnye-voyny-protiv-rossii-istoriya-i-sovremennost (accessed: 18.12.2025).
4. Gulevskaya N.A., Gulevsky A.N., Chaichenko D.V. Historical Memory as a Factor in the Formation of Identity // Philosophy of Law. 2019. № 2. Pp. 137–145.
5. Molotov K.I., Maksimova A.S., Khlevnyuk D.O. Methods of Constructing an Expert Position on YouTube: Videos by Popular Historian Bloggers on Stalin's Repressions // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. № 5. Pp. 92–117.
6. Halbwachs M. Social Frames of Memory. St. Petersburg: Peter, 2025. 352 p.
7. Cherny V.A., Weber V.V. Author's Platforms as the Main Trend in the Development of Social Networks // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. № 5. Pp. 192–198.
8. Shaimardanova L.N., Shakirova E. Sh. Studying Cultural Heritage as a Means of Promoting Patriotism // Kazan Bulletin of Young Scientists. 2022. Vol. 6. № 5. Pp. 88–100.
9. Shestakova M.A. Historical Memory: A Narrative Approach // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2022. № 1. Pp. 94–104.

Ценностный фильтр модернизации: аксиологический синтез и трансформация идентичности в Таджикистане

Гарибшоев Гарибшо Киматшоевич,
кандидат философских наук, доцент зав.кафедрой философии и политологии Хорогского Госуниверситета им. М. Назаршоева
E-mail: garibsho60@mail.ru

В статье исследуется динамика трансформации социальной идентичности и морального сознания в условиях транзитивного общества Таджикистана. Автор анализирует переход от советской универсалистской модели к национально-ориентированному самопознанию сквозь призму «аксиологического фильтра». В работе синтезируются идеи восточного перипатетизма (Ибн Сина, Носир Хусрав) и современной социологии транзита (Ш. Шоисматуллоев, В. Ядов). Особое внимание уделяется интегративному потенциалу этнокультурной специфики Горно Бадахшанской Автономной Области (ГБАО) и роли исторической памяти в лице Шириншо Шотемура как фактора консолидации таджикской нации. Обосновывается концепция «укорененного модернизма» как стратегии сохранения культурного ядра в эпоху глобализации.

Ключевые слова: социальная онтология, транзитивное общество, Таджикистан, ГБАО, Шириншо Шотемур, аксиологический синтез, незавершенная индивидуализация, самопознание, знание.

«Знание без дела – что дерево без плода»
Носир Хусрав

В современной социальной философии мировоззрение рассматривается не как пассивная сумма знаний, а как *аксиологическая матрица,* определяющая границы социального действия. Эти границы, фундированные системой «допустимого» и «должного», удерживают общество от хаоса (аномии) в периоды глубоких перемен. Научная интерпретация этого феномена позволяет рассматривать национальную идентичность как «аксиологический фильтр», который предотвращает состояние аномии (социального хаоса). В условиях социального транзита Таджикистана мировоззрение выступает не столько информационным ресурсом, сколько *динамическим регулятором стабильности.*

Для современного Таджикистана, находящегося в состоянии длительного социального транзита, проблема идентичности приобретает *онтологический статус.* Без обретения устойчивых смысловых опор общество рискует утратить внутреннюю целостность, что делает невозможным стабильное развитие. Социальное время нелинейно и попытки форсированной вестернизации часто приводят к обратному эффекту, то есть назад в архаику. В этой связи вопрос «качества» транзита становится первичным по отношению к его «скорости». Соответственно, оптимальный темп модернизации определяется скоростью, с которой новые институты (государство, право) успевают легитимироваться в сознании граждан.

Специфика этого процесса в регионе, по мнению профессора Ш. Шоисматуллоева заключается в феномене «*незавершенной индивидуализации*». Личность конструирует свое «Я», не разрывая органической связи с коллективом (авлод, махалля) [1, с. 142]. В условиях дефицита развитых институтов государственной социальной защиты традиционные структуры локального уровня продолжают выполнять страховочную функцию. Следовательно, задача модернизации состоит не в механическом разрушении этих связей, а в их трансформации: превращении «закрытой» солидарности (исключительно для своих) в «открытую» гражданскую сопричастность, становящуюся основой для общенациональной интеграции.

В контексте таджикистанского транзита процесс самопознания личности перемещается в плоскость социальной онтологии. Философская традиция региона, опирающаяся на гносеологию Ибн Сины и этический рационализм Носира Хусрава, постулирует единство знания и морали. У Ибн Сины «деятельный разум» выступает не только источником познания, но и субстанцией, гармонизирующей человеческую природу, а интеллектуальное совершенствование неразрывно связано с очищением нравов, с позиции современной модернизации означающий, что техническая грамотность без этического базиса лишена онтологической устойчивости [2, с. 142]. Носир Хусрав интерпретирует процесс познания как путь к подлинному освобождению личности и «раскрытие» истины возможно лишь через единство слова и дела. В условиях социального транзита это положение мудреца приобретает особую актуальность. Преодоление аномии возможно лишь тогда, когда «знание становится внутренним убеждением, определяющим социальную ответственность индивида» [3, с. 96].

В восточном перипатетизме категория «интеллект» (*aql*) рассматривается не как инструмент утилитарного расчета, а как способность к различению добра и зла. Как отмечает М. Диноршоев, разум для восточных мыслителей является «не только познавательной силой, но и высшим судьей человеческих поступков, интегрирующим теоретическую истину и практическую мораль» [2, с. 184].

В качестве основы затянувшегося социального транзита фиксируется разрыв этой классической связи. Разрыв свидетельствует о том, что структурные изменения опережают антропологическую готовность личности к принятию новой ответственности, в результате чего «старое» содержание успешно колонизирует «новые» формы». Внешне внедряются новые правила, но фактически сохраняются старые практики. Для преодоления этого барьера необходимо возвращение к парадигме «укорененного модернизма», где техническая компетенция сопряжена с национальными этическими кодами.

Другим препятствием выступает «аксиологическая аномия», описанная В.А. Ядовым, это состояние возникшее в условиях системной

трансформации, когда старые ценности и нормы уже не работают, а новые еще не институционализированы [4, с. 321–322]. Для преодоления этого разрыва, необходимо восстановление связи между мировоззрением и самосознанием, поскольку именно «внутренняя этическая вертикаль личности определяет устойчивость всей социальной системы» [6, с. 69].

Трансформация идентичности в Таджикистане начала свой путь от «человека советского» к поиску «формирование субъектности» в новой реальности. Ключевой концепцией здесь выступает «*единение» (вахдат)*. Однако его устойчивость зависит от того, станет ли он повседневной практикой справедливости или останется декларативным лозунгом. Главной преградой на этом пути остается местнический интерес, зачастую превалирующий над общенациональным.

Опираясь на теорию «нарративной идентичности» П. Рикёра, мы можем рассматривать нацию как «общий рассказ», которое объединяет прошлое, настоящее и будущее разных групп в единое целое. По нему идентичность – это не застывшая данность, а «постоянно воссоздаваемая история, где самость обретает единство через повествование, объединяющее разрозненные эпизоды прошлого в связное целое» [5, с. 174]. В этом смысле социокультурный ландшафт ГБАО с его лингвистическим многообразием и специфической этической системой является значимым нематериальным активом нации. В условиях глобализации этот локальный колорит не разъединяет, а напротив, способствует формированию *многомерной* национальной идентичности, расширяя горизонты культурной дипломатии.

В структуре морального сознания современного Таджикистана категории «*адаб*» (этико-эстетический регламент) и «*инсоф*» (внутренняя справедливость) выполняют роль фундаментальных констант. Однако текущая динамика социального транзита выявляет системное противоречие, как традиционные этические фильтры (»адаб», «инсоф») вступают в конфликт с деформированными механизмами профессионального отбора. Приоритет лояльности над квалификацией свидетельствует о временной потере *ценностных ориентиров модернизации*, что требует пересмотра подходов к формированию кадрового резерва на основе возвращения к национальным идеалам служения обществу. Для реактивации этого ядра необходим переход от абстрактных норм к живым социальным идеалам.

Фигура Героя Таджикистана Шириншо Шотемура приобретает в этом контексте значение национального этического эталона. В его деятельности воплощен синтез региональной самобытности и безусловного служения общенациональным интересам. Ревитализация образа Ш. Шотемура в современном дискурсе выступает мощным инструментом трансформации пассивной исторической памяти в вектор *гражданской субъектности*. В данном контексте категория «долга перед основателями государства» концептуализируется как переход от созерцательного отношения к прошлому к актуальной социальной ответственности за будущее страны [6, с. 72].

С позиций системного анализа научный подход подтверждает, что регионализм и местничество являются следствием *структурных диспропорций* в распределении материальных и символических ресурсов. Следовательно, стратегическим условием консолидации нации становится переход к последовательной меритократии. Институционализация прозрачной системы социальной мобильности, в которой статус и позиция индивида детерминированы исключительно его интеллектуальным капиталом и профессиональными достижениями, представляет собой единственный научно обоснованный механизм преодоления фрагментации общества и легитимации принципа справедливости в государственном строительстве.

Концепция «укорененного модернизма» предполагает использование высоких технологий без утраты смысловой глубины. Это требует осознанного отказа от слепого потребления глобальных суррогатов в пользу инвестиций в собственное наследие. Основным вызовом здесь является готовность общества к интеллектуальному усилию: переходу от комфортного конформизма к ответственной работе по сохранению своей культурной и социальной самобытности. Образование как медиатор идентичности. В этой связи образование в Таджикистане должно рассматриваться не как транслятор утилитарных навыков, а как стратегический инструмент рефлексивной субъектности, способный конвертировать классический этический капитал в актуальную гражданскую ответственность. Только через синтез технологической компетенции и национальных ценностных кодов возможно формирование личности, обладающей устойчивым аксиологическим иммунитетом против деструктивного влияния глобальной аномии.

Таким образом, «укорененный модернизм» находит свое практическое завершение в торжестве меритократии, где образовательная система выступает гарантом того, что социальный прогресс Таджикистана будет определяться не механическим импортом чужеродных форм, а органическим развитием собственного интеллектуального и нравственного потенциала.

Литература

1. Шоисматуллоев, Ш. Таджикистан в зеркале преемственности и смены поколений. Ш. Шоисматуллоев. – 2-е издание. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 320 с.
2. Диноршоев М.Д. Избранные труды: в 3-х тт. Т. 1. Философия Ибн Сины и ее значение в развитии восточной перипатетики. – Душанбе: Дониш, 2010. – 420 с.
3. Хусрав Н. Кушоиш ва ра оиш (Раскрытие и освобождение) / Под ред. Х. Шарифова. – Душанбе: Нодир, 2003. – 120 с.
4. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. –2-е изд. -М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
5. Рикёр П. Я-сам как другой / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
6. Гарибшоев Г.К. Взаимосвязь мировоззрения и самосознания личности в условиях социального транзита // Сборник статей республиканской научно-теоретической конференции. – Хорог, 2025. – С. 68–74.

VALUE FILTER OF MODERNIZATION: AXIOLOGICAL SYNTHESIS AND TRANSFORMATION OF IDENTITY IN TAJIKISTAN

Garibshoev G.K.
Khorog State University named after M. Nazarshoev

The article examines the dynamics of the transformation of social identity and moral consciousness in the transitional society of Tajikistan. The author analyzes the transition from the Soviet universalist model to nationally oriented self-awareness through the prism of an «axiological filter». The work synthesizes the ideas of Eastern Peripateticism (Ibn Sina, Nosir Khusrav) and contemporary sociology of transition (Sh. Shoismatulloev, V. Yadov). Particular attention is paid to the integrative potential of the ethnocultural specificity of GBAO and the role of historical memory in the person of Shirin Shoatemur as a factor in the consolidation of the Tajik nation. The concept of «rooted modernism» as a strategy for preserving the cultural core in the era of globalization is substantiated.

Keywords: social ontology, transitional society, Tajikistan, GBAO, Shirincho Shotemur, axiological synthesis, incomplete individualization, self-knowledge, knowledge.

References

1. Shoismatulloev, Sh. Tajikistan in the Mirror of Continuity and Change of Generations. Sh. Shoismatulloev. 2nd edition. Dushanbe: Irfon, 2008. – 320 p.
2. Dinorshoev, M.D. Selected Works: in 3 volumes. Vol. 1. The Philosophy of Ibn Sina and its Significance in the Development of Eastern Peripatetics. Dushanbe: Donish, 2010. – 420 p.
3. Khusrav, N. Kushoish va rahoish (Revelation and Liberation) / Ed. by H. Sharifov. Dushanbe: Nodir, 2003. – 120 p.
4. Yadov, V.A. Self-Regulation and Forecasting of Social Behavior of the Individual: Dispositional Concept. 2nd edition. -M.: TsSPiM, 2013. – 376 p.
5. Ricoeur P. I am like another / Translated from French. – M.: Publishing house of humanitarian literature, 2008. – 416 p.
6. Garibshoev G.K. The relationship between worldview and self-awareness of an individual in the context of social transition // Collection of articles of the Republican scientific-theoretical conference. – Khorog, 2025. – Pp. 68–74.

Конструирование этничности: от сущности к границе

Деревянченко Юрий Иванович,
кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
E-mail: der@bk.ru

В статье обосновывается необходимость перехода от эссенциалистского понимания этничности к конструктивистской парадигме выстраивания границ (boundary making) в современных межкультурных исследованиях. Анализируются ограничения эссенциалистского подхода, связанные с «группизмом» (Р. Брубейкер), и демонстрирует эвристический потенциал конструктивистской альтернативы, представленной в работах Ф. Барта, А. Виммера, К. Чандры и Е. Варшавера. Ключевым методологическим принципом предлагаемого подхода выступает деэтнизация дизайна исследования, предполагающая отказ от восприятия этнических групп как изначально заданных единиц анализа и переход к изучению процессов актуализации этничности в конкретных институциональных контекстах. В заключении намечаются перспективы дальнейшего развития конструктивистской повестки, включая интеграцию категориального, смыслового и нормативного аспектов этничности.

Ключевые слова: парадигма выстраивания границ, деэтнизация исследования, этничность, конструктивизм, эссенциализм, межкультурное взаимодействие, ситуативный эссенциализм.

Введение

Проблематика межэтнических и межкультурных отношений занимает одно из центральных мест в современной социологии. Глобализация, массовые миграционные процессы, трансформация национальных государств и возрождение националистических движений в различных регионах мира актуализируют потребность в адекватном теоретическом и методологическом инструментарии для изучения этнических отношений и межкультурного взаимодействия. Вместе с тем теория и методология межэтнических исследований на протяжении уже нескольких десятилетий определяется идейным противостоянием двух фундаментальных подходов – эссенциалистского (примордиалистского) и конструктивистского.

Необходимость обновления теоретического арсенала этносоциологии обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, традиционные концептуальные модели исследования межкультурного взаимодействия: «плавильный котел», «мультикультурализм» и другие, – выросшие на эссенциалистской почве, демонстрируют сегодня свою методологическую и практическую ограниченность. Во-вторых, процессы аккультурации и культурной гибридизации размывают традиционные этнокультурные рамки, делая проблематичным само определение этнической принадлежности исследуемых социальных общностей. В-третьих, в условиях современного информационного общества социальные отношения в значительной мере обусловлены медийной средой, формирующей практики и стереотипы межкультурного взаимодействия, что требует учета новых факторов этнизации. В-четвертых, как показывают междисциплинарные обзоры последних лет, оппозиция «эссенциализм – конструктивизм» не исчерпывает всего разнообразия представлений о природе этнических и расовых различий: исследования фиксируют множество промежуточных и ситуативных форм использования эссенциалистской и конструктивистской логики, что требует более дифференцированного подхода к анализу этнических установок [1].

Целью настоящей статьи является анализ парадигмы выстраивания границ (англ. boundary making; нем. Grenzziehungsparadigma) как перспективного теоретико-методологического основания межкультурных исследований, а также обоснование принципа деэтнизации дизайна эмпирического исследования.

Эссенциалистский подход и его ограничения

Эссенциалистское понимание этничности подразумевает, что границы между этническими группами и контуры их культур можно точно установить и достоверно описать. Этнические группы при подобном подходе в эмпирическом исследовании выступают как самоочевидные единицы наблюдения и анализа, обладающие четко фиксируемыми культурными признаками: языком, религией, традициями и обычаями, устойчивыми представлениями о собственной и чужой культуре, формирующими этническую идентичность. Подразумевается, что этнические и культурные различия следует сохранять и передавать по наследству; они достаточно жестко закреплены, что соответствует ценностям и нормам традиционных и индустриальных обществ, функционирующих на основе строгих нормативных предписаний.

Эссенциализм в понимании этничности имеет глубокие корни в интеллектуальной традиции Нового времени. Еще И.Г. Гердер концептуализировал культуры как независимые, гомогенные и разделенные непроницаемыми границами образования [2]. Именно этот образ – культуры как замкнутого, самодостаточного «резервуара» – был унаследован социальными науками и долгое время определял логику исследования межэтнических отношений. Монокультурализм, основанный на данной традиции, нередко использовался и как политический инструмент – средство конструирования национальной идентичности и легитимации государственного строительства.

Однако сегодня эссенциалистский подход в своем практическом применении сталкивается с рядом серьезных проблем. Представления о жестко заданных культурных рамках ведут к культурной изоляции и социальной сегрегации этнических групп, сдерживают культурный обмен, оказывают репрессивное влияние на групповую и персональную идентичность, подчиняя их требованиям культурной однородности. Как отмечает С. Бенхабиб, социальные группы, формирующиеся вокруг этнических признаков идентичности, требуют от государства

и его органов правового признания и предоставления ресурсов для сохранения и защиты своих культурных особенностей, включая контроль за соблюдением этих особенностей всеми членами своей этнической общины [3].

Систематическую критику эссенциалистских допущений в социологии этнических отношений предложил Р. Брубейкер в работе «Этничность без групп» [4]. Он ввел понятие группизма – тенденции воспринимать социальный мир как состоящий из дискретных, четко ограниченных, внутренне однородных групп, которые выступают базовыми единицами социальной жизни и главными протагонистами социальных конфликтов [4, с. 23].

Р. Брубейкер показывает, что группизм строится на трех неявных, но крайне проблематичных допущениях. Первое из них – реификация: этническая группа трактуется как субстанция, реально существующий в социальном мире объект. Второе допущение – внутренняя гомогенность: предполагается, что все члены группы разделяют общие интересы, чувства, ценности, идентичность. Третье допущение – четкая ограниченность: группа представляется имеющей ясные границы, позволяющие однозначно определить, кто внутри, а кто вне ее. Эти допущения формируют серьезные эпистемологические и политические последствия.

В сфере научного анализа группизм порождает тавтологичность и телеологичность объяснений: история группы реконструируется ретроспективно так, будто она всегда существовала и закономерно пришла к нынешнему состоянию. Однако проблема не исчерпывается академической сферой. В области политики группизм легитимирует этнонационалистические проекты, принимая их постулаты за описание реальности. Он обосновывает эссенциалистскую политику: если группы «реальны», то им «положены» территории, квоты, представительство. В крайних формах эта позиция создает основу для «этнических чисток», представляемых как размежевание естественных общностей.

В сфере повседневной жизни группизм укрепляет стереотипы, маргинализирует людей со сложной, множественной идентичностью и создает давление на индивидов, заставляя их выбирать сторону в ситуациях межгруппового напряжения. Защита культурных особенностей, таким образом, нередко оборачивается репрессивными требованиями по отношению к самим носителям этих культурных черт.

Эмпирические исследования подтверждают, что эссенциалистские представления связаны со стереотипизацией, предубеждениями и поддержкой социальных иерархий среди представителей доминирующих групп [5; 6]. Вместе с тем для этнических меньшинств эссенциализм может выполнять мобилизующую функцию, укрепляя коллективную идентификацию и поддержку политик позитивной дискриминации, – что делает картину более сложной, чем простое отождествление эссенциализма с негативными последствиями.

Конструктивистская альтернатива

Конструктивистское понимание этничности рассматривает этнические общности как результат процесса социального конструирования, основанного на культурной идентификации и самоидентификации. Этнические группы в данной перспективе не являются изначальными, «естественными» образованиями – они конституируются в ходе социального взаимодействия посредством установления и поддержания символических границ.

Одной из наиболее актуальных и продуктивных версий конструктивизма является парадигма выстраивания границ. Ее истоки связаны с работой норвежского антрополога Ф. Барта, который в 1969 году впервые ввел концепт «границы» для определения критериев этничности, предложив коллегам проанализировать этнографические материалы с новых теоретических позиций. Результаты этих совместных усилий получили отражение в ставшем классическим сборнике «Этнические группы и социальные границы» [7]. Ключевая идея Ф. Барта состояла в том, что не культурное содержание, а социальные границы между группами являются определяющим фактором этничности.

Тем не менее эта идея долгое время оставалась слабо востребованной за пределами антропологии. Более того, даже после того, как конструктивизм «триумфально победил специально для этой цели концептуализированные «примордиализм» и «эссенциализм»», исследования этничности перестали продвигаться вперед, увязнув в полемике с уже побежденным противником [8, с. 31–32]. Этот теоретический застой начал преодолеваться лишь с появлением двух крупных «пост-брубейкерианских» проектов.

Первый из них связан с именем А. Виммера. В 1996 году его статья «Культура: переформулируя основные социально-антропологические понятия» положила начало более чем двадцатилетней исследовательской программе [9]. В ее рамках А. Виммер предложил рассматривать этнические границы как двуединый феномен, имеющий категориальный (социальные классификации и коллективные репрезентации) и социальный аспекты (разделение мира на «своих» и «чужих» и поведенческие модели, вытекающие из этого разделения) [10].

Центральным элементом подхода А. Виммера стала детальная типология стратегий, с помощью которых индивидуальные и коллективные акторы могут видоизменять этнические границы. К их числу относятся: расширение границ (включение новых групп), сужение (исключение определенных категорий), инверсия этнической иерархии, стабилизация существующих границ, их запечатывание (блокирование ассимиляции), стирание (снижение значимости) и другие.

Принципиальным в этой парадигме является тезис, что выбор конкретной стратегии не случаен, а определяется структурными характеристиками социального поля, в котором разворачивается классификационная борьба. Три ключевые характеристики этого поля (институциональный порядок, распределение власти и конфигурация политических сетей) задают для акторов горизонт возможных стратегий и предрасположенность к одной из них [11]. Таким образом, этнические границы предстают не просто когнитивными конструктами, а продуктом институционально и властно опосредованных переговоров.

При всей продуктивности проекта А. Виммера его ключевой концепт «этническая граница» обнаруживает ряд ограничений. Как отмечает Е. Варшавер, «всякий раз, когда оно используется для описания тех или иных сетевых конструкций или дискурсивных ходов, остается непонятным, что именно, – какие риторические ходы или конструкции сетей – в каждом случае является границей» [8, с. 38]. Будучи полезной пятьдесят лет назад в качестве прорывной метафоры, «этническая граница», по всей видимости, исчерпала свой эвристический потенциал как самостоятельный теоретический концепт.

Второй крупный проект связан с именем политолога К. Чандры, которая сосредоточила внимание на различении «номинальных» и «активированных» этнических идентичностей [12]. Номинальные идентичности – это все идентичности, которые теоретически может «принять на себя» человек на основании имеющихся у него атрибутов (цвет кожи, язык, фамилия); активированные – те, использует в своей повседневной жизни. Основную задачу К. Чандра видит в изучении изменений категориального ряда и их детерминант. Важное достижение К. Чандры – указание на необходимость рассматривать этничность как переменную, а не как константу. Вместе с тем К. Чандра «почти полностью игнорирует смыслы категорий, которые – а не категории perse – определяют то, как этничность структурирует отношения и поведение в целом» [8, с. 43]. Иными словами, остается неясным, что именно делает активированную идентичность значимой для носителя и его взаимодействий с другими.

Именно это «слепое пятно» пытается закрыть альтернативная схема, предложенная Е. Варшавером. В его модели каждый контекст характеризуется конструкцией этничности, состоящей из трех базовых элементов: этнические категории (доступные в данном контексте способы именовать, различать и группировать людей по этническому принципу), атрибуты (все разнообразие смыслов, связанных с категорией: стереотипы, типичные описания, ассоциированные практики) и нормы (правила поведения для носителей категории и в отношении носителей). Индивиды соединяются с конструкцией этничности через механизм идентификации, причем не обязательно со «своей» категорией, а с конструкцией в целом или ее частями [8]. Данная схема позволяет учесть то, что оставалось за рамкой как у А. Виммера, так и у К. Чандры: смысловое наполнение этнических категорий, которое в конечном счете определяет, как этничность реально структурирует поведение и социальные взаимодействия.

Предложенная оптика одновременно проясняет и теоретический спор между основными парадигмами этнических исследований. Они не являются взаимоисключающими альтернативами, а скорее фиксируют разные измерения единого процесса. Как отмечает Л.С. Перепелкин, «конструируемая группа обычно проникается чувством общего происхождения и солидарности, а также стремится «перетянуть» на себя часть ресурсов» [1, с. 60]. Конструктивистский тезис о создаваемости границ не отменяет того, что после их институционализации они начинают действовать как примордиальные (переживаться как данность) Конструируемая элитами этническая граница, однажды проведенная и институционально закрепленная, порождает вполне реальные и субъективно переживаемые чувства принадлежности, солидарности и исключительности.

Конструктивизм, таким образом, не отрицает субъективную реальность этнических переживаний, но переносит аналитический фокус с онтологии группы, вопроса о том, что она такое, на процессы ее производства и воспроизводства – вопросы о том, как, кем, при каких условиях и с какими последствиями она конструируется.

Деэтнизация дизайна межкультурного исследования

Из рассмотренных теоретических подходов вытекает важное методологическое следствие: эмпирическое исследование не должно воспроизводить этнические группы как заранее заданные и самоочевидные единицы анализа. Именно поэтому парадигма выстраивания границ предлагает принцип деэтнизации дизайна исследования, предполагающий смещение внимания с фиксированных этнических категорий на контексты, практики и механизмы, в рамках которых этничность актуализируется, приобретает социальную значимость или, напротив, утрачивает ее. А. Виммер настаивает на принципиальном изменении логики эмпирического исследования: в качестве объекта не должны изначально заявляться «этнические группы» как предзаданные категории. Вместо этого следует изучать те социальные пространства и институциональные среды, в которых происходит производство этнических границ или возникает противопоставление по культурным основаниям: городские районы, сельские поселения, рабочие места, образовательные учреждения и другие локальные контексты.

Деэтнизация предполагает новую методологию изучения процессов возникновения, развития и распада этнических групп, в которой наблюдаемыми явлениями выступают четыре категории объектов.

1. Географические пространства: регион, город, городской квартал. Выбор таких пространственных единиц акцентирует внимание на социальных категориях, определяющих повседневный процесс группообразования. Использование пространственных единиц исследования культурных взаимодействий демонстрирует, что хотя большинство групп, населяющих определенную территорию, могут быть этнически гомогенны, построенные жителями социальные сети не отражают этнических черт их участников. Так, исследования показывают, что турки в Германии проявляют не больше доверия к «чужим» туркам, чем к немцам [13].

2. Индивиды: индивидуальные практики манифестации принадлежности или непринадлежности к этнической группе. Среди мигрантов немало индивидов, которые манифестируют «непринадлежность» к своей этнической группе: не живут в квартале среди «своих», не посещают этнические клубы и кафе, выбирают партнеров – представителей иных этнических групп и т.д.

3. Институциональные поля: надэтнические взаимодействия в церкви, в школе, на рабочем месте. Исследование институциональных полей делает возможной спецификацию институциональных условий для возникновения этничности как принципа социальной дифференциации, позволяя выявить, каким образом межкультурное этническое взаимодействие обусловлено социальными факторами.

4. Цепочки событий: события, определяющие повседневный процесс группообразования, разворачивающийся во времени и фиксируемый через последовательность коммуникативных и практических актов [11, 14].

Таким образом, деэтнизация исследования означает отказ от восприятия этнических групп как изначально данных и неизменных единиц анализа и переход к изучению процессов и контекстов, в которых этничность актуализируется, производится и воспроизводится в качестве значимого принципа социальной дифференциации.

Продуктивность деэтнизированного подхода подтверждается и российскими эмпирическими данными. Показательны результаты исследования О. Вендиной и Э. Паина: в Перми, где фокус-группы формировались по социальному признаку (волонтеры, рабочие, менеджеры), разница «жизненной философии, базовых принципов и установок» между социальными группами «превзошла все ожидания» – в том числе в том, что касается отношения к меньшинствам и мигрантам [15, с. 68]. Напротив, в Ростове-на-Дону, где фокус-группы были организованы по условному этническому признаку, сами участники указывали на неадекватность этнической рамки: на предложение «разделить этносы по степени влиятельности» последовали реплики «Ну как можно по национальности выделять?» [15, с. 98]. Эти наблюдения наглядно демонстрируют, что социальные переменные могут обладать большей объяснительной силой, нежели этнические категории, и что сами информанты нередко указывают на искусственность этнической рамки, навязываемой исследовательским дизайном.

Вместе с тем полный отказ от использования этнических категорий в эмпирическом инструментарии невозможен в тех случаях, когда предметом исследования является именно динамика этнических установок, измеряемых в рамках устоявшихся методик. Однако и здесь деэтнизированная оптика сохраняет свою эвристическую ценность: она требует рефлексии по поводу того, как именно вводятся этнические различения, какие допущения о гомогенности групп они имплицитно несут и в какой степени сама методика может конструировать ту реальность, которую призвана описывать.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о состоянии и перспективах теоретико-методологического обеспечения межкультурных и межэтнических исследований.

Во-первых, эссенциалистский подход, при всей его операциональности, порождает ряд теоретических и практических проблем: воспроизводство этнических стереотипов в исследовательской практике, закрепление социальной сегрегации, подавление индивидуальной свободы в конструировании идентичности. Вместе с тем необходимо учитывать, что эссенциалистские и конструктивистские представления не являются монолитными: исследования фиксируют спектр промежуточных позиций и ситуативное переключение между ними, что делает бинарную оппозицию «эссенциализ – конструктивизм» аналитически недостаточной. Для этнических меньшинств эссенциализм может выполнять мобилизующую функцию, укрепляя коллективную солидарность, – и эта амбивалентность должна учитываться при разработке исследовательских программ.

Во-вторых, парадигма выстраивания границ, разработанная Ф. Бартом и развитая А. Виммером, предоставляет продуктивную альтернативу эссенциализму, переключая аналитическое внимание с «сущности» этнических групп на процессы производства, поддержания и трансформации социальных границ. Однако, как показывает критический анализ [8], сам концепт «этнической границы» обладает ограниченной описательной способностью и нуждается в дополнении – прежде всего в направлении учета смыслового содержания этнических категорий (атрибутов и норм), которое является ключевым медиатором между категоризацией и поведением. Схема, предложенная Е. Варшавером [8, с. 45–46], представляет собой перспективный шаг в этом направлении.

В-третьих, принцип деэтнизации дизайна исследования открывает возможности для преодоления методологического «группизма» для изучения процессов этнизации социальных отношений в их локальной специфике. Как показывают российские эмпирические данные [15], социальные переменные (профессиональная принадлежность, тип занятости, волонтерская активность) могут обладать большей объяснительной силой, нежели этнические категории, а сами информанты нередко указывают на искусственность этнической рамки, навязываемой исследовательским дизайном. Деэтнизация, однако, не означает полного отказа от использования этнических категорий в эмпирическом инструментарии: она предполагает отказ от их использования в качестве исходной аналитической рамки и переход к их рассмотрению как переменной, значимость которой устанавливается эмпирически.

Литература

1. Перепелкин Л.С. Конструктивизм в этнологии: теория и практика // Вопросы социальной теории. 2013–2014. Т. VII. Вып. 1–2. С. 59–72.
2. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. М.: Наука, 1977. 703 с.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. М.: Логос, 2003. 350 с.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
5. Williams M.J., Eberhardt J.L. Biological Conceptions of Race and the Motivation to Cross Racial Boundaries // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 94. № 6. P. 1033–1047.
6. Yalcinkaya N.S., Estrada-Villalta S., Adams G. The (Biological or Cultural) Essence of Essentialism: Implications for Policy Support Among Dominant and Subordinated Groups // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. Art. 900.
7. Barth F. (Ed.). Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference. Boston: Little, Brown and Co., 1969. 153 p.
8. Варшавер Е.А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 31–58.
9. Wimmer A. Kultur. Zur Reformulierung eines sozialanthropologischen Grundbegriffs // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1996. Bd. 48. S. 401–425.
10. Wimmer A. Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making // Ethnic and Racial Studies. 2008. Vol. 31. № 6. P. 1025–1055.
11. Wimmer A. Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. New York: Oxford University Press, 2013. 293 p.
12. Chandra K. (ed.) Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press, 2012. 520 p.
13. Cetre S., Algan Y., Grimalda G., Murtin F., Pipke D., Putterman L., Schmidt U., Siegerink V. Ethnic bias, economic achievement and trust be-

tween large ethnic groups: A study in Germany and the U.S // Journal of Economic Behavior & Organization. 2024. Vol. 224. P. 996–1021.

14. Wimmer A. Ethnische Grenzziehungen in der Immigrationsgesellschaft. Jenseits des Herder´schen Commonsense // Migration und Integration. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2008. S. 57–80.

15. Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.

CONSTRUCTING ETHNICITY: FROM ESSENCE TO BOUNDARY

Derevyanchenko Yu.I.
F.M. Dostoevsky Omsk State University

This article substantiates the need to shift from an essentialist understanding of ethnicity to a constructivist paradigm of boundary making in contemporary intercultural studies. It analyzes the limitations of the essentialist approach, associated with «groupism» (R. Brubaker), and demonstrates the heuristic potential of the constructivist alternative presented in the works of F. Barth, A. Wimmer, K. Chandra, and E. Varshaver. The key methodological principle of the proposed approach is the de-ethnicization of the research design, which entails abandoning the perception of ethnic groups as predetermined units of analysis and instead focusing on the study of the processes of ethnicity's actualization in specific institutional contexts. The conclusion outlines prospects for the further development of the constructivist agenda, including the integration of the categorical, semantic, and normative aspects of ethnicity.

Keywords: boundary-building paradigm, de-ethnicization of research, ethnicity, constructivism, essentialism, intercultural interaction, situational essentialism.

References

1. Perepelkin L.S. Constructivism in Ethnology: Theory and Practice // Voprosy sotsial'noy teorii [Problems of Social Theory]. 2013–2014. Vol. VII. Issues 1–2. Pp. 59–72.

2. Herder I.G. Ideas for the Philosophy of Human History / Translated from German. Moscow: Nauka, 1977. 703 p.

3. Benhabib S. The Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era / Translated from English. Moscow: Logos, 2003. 350 p.

4. Brubaker R. Ethnicity without Groups. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 408 p.

5. Williams M.J., Eberhardt J.L. Biological Conceptions of Race and the Motivation to Cross Racial Boundaries // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 94. № 6. Pp. 1033–1047.

6. Yalcinkaya N.S., Estrada-Villalta S., Adams G. The (Biological or Cultural) Essence of Essentialism: Implications for Policy Support Among Dominant and Subordinated Groups // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. Art. 900.

7. Barth F. (Ed.). Ethnic groups and boundaries: the social organization of cultural difference. Boston: Little, Brown and Co., 1969. 153 p.

8. Varshaver E.A. «Stop kicking the dead horse of primordialism»: Current agendas in constructivist studies of ethnicity // Sociological Review. 2022. T. 21. № 3. P. 31–58.

9. Wimmer A. Kultur. Zur Reformulierung eines sozialanthropologischen Grundbegriffs // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1996. Bd. 48. S. 401–425.

10. Wimmer A. Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making // Ethnic and Racial Studies. 2008. Vol. 31. № 6. P. 1025–1055.

11. Wimmer A. Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. New York: Oxford University Press, 2013. 293 p.

12. Chandra K. (ed.) Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press, 2012. 520 p.

13. Cetre S., Algan Y., Grimalda G., Murtin F., Pipke D., Putterman L., Schmidt U., Siegerink V. Ethnic bias, economic achievement and trust between large ethnic groups: A study in Germany and the U.S. // Journal of Economic Behavior & Organization. 2024. Vol. 224. P. 996–1021.

14. Wimmer A. Ethnische Grenzziehungen in der Immigrationsgesellschaft. Jenseits des Herder´schen Commonsense // Migration und Integration. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2008. P. 57–80.

15. Vendina, O., Pain, E. Multiethnic City. Problems and Prospects of Managing Cultural Diversity in Major Cities. Moscow: Sector, 2018. 184 p.

Зло в человеке: антропологическая интерпретация В.В. Зеньковского в контексте русской философской традиции

Донских Ксения Юрьевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ФГБОУ ВО «РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: ks.donskih@rgau-msha.ru

Статья посвящена анализу проблемы зла в творчестве русского философа В.В. Зеньковского, на примере его работы «Зло в человеке». Целью исследования, является попытка выявления антропологической специфики понимания зла в концепции мыслителя и определение ее места в отечественной религиозно-философской традиции. Показано, что Зеньковский рассматривает зло не как самостоятельную онтологическую субстанцию и не как логическую проблему теодицеи, а как внутренний разлад духовной личности, возникающий в пространстве свободы. Зло проявляется как деформация ценностей и утрата связи с Богом, как проявление «темной самости». Подобная трактовка придает проблеме зла персоналистский характер. Обосновывается тезис о том, что в русской, православной традиции, зло осмысляется как трагедия внутреннего самоопределения человека. Выявляется значение концепции Зеньковского для понимания связи свободы, ответственности и духовной целостности личности.

Ключевые слова: проблема зла, русская религиозная философия, В.В. Зеньковский, свобода, личность, образ Божий.

Проблема зла играет в русской философии важную роль. В отличии от западной традиции, с ее рационально-теодицейным пониманием зла [2], русская мысль рассматривает его как не логическую трудность, а скорее как личную трагедию человека, как надлом внутреннего человеческого духа. Здесь, проблема зла, оказывается не внешней, а глубоким духовным корнем личности.

Особое место в разработке проблематики зла отечественной мысли, имеет работа В.В. Зеньковского «Зло в человеке». В ней, автор отвлекается от метафизической плоскости и переносит данную проблему в пространство внутреннего духовного опыта человека. По его мнению, зло не может быть понято ни как самостоятельная бытийная субстанция, ни как просто отсутствие добра. Оно раскрывается, как раскол внутри личности, нарушение духовного центра человека. Это связано с тем, что зло как проблема неразрывно связано с религией. Человек склонен заигрывать со злом и симпатизировать ему. Именно поэтому, по мнению Зеньковского важно понять глубину и трагичность зла в человеке.

Для выявления места данной концепции в русской традиции, необходимо проанализировать не только антропологический взгляд на проблему зла у В.В. Зеньковского, но и провести сравнительный анализ со взглядами других русских мыслителей «золотого века» философии.

В отечественной традиции XIX–XX веков, проявляется устойчивая тенденция к персонализации различных метафизических проблем. В отличии от европейской мысли, где вопрос о зле в человеке рассматривался в большей степени в контексте теодицеи, русские мыслители смещают его в область духовной антропологии. Так, у Вл. Соловьева, зло определяется в рамках метафизики всеединства [6]. Оно связано с отпадением тварного от полноты бытия и нарушением богочеловеческой перспективы. Зло здесь сопряжено с историей мира, трагедией разорванности и задачей воссоединения в всеединстве. Н.А. Бердяев связывает зло с свободой. Она первична и имеет трагическую глубину. Зло здесь, ее неизбежный спутник, поскольку свобода допускает отпадение от Бога. У С.Н. Булгакова зло рассматривается в связи с поврежденностью тварного мира и несоответствием между замыслом и фактическим состоянием. Речь идет о драме тварности и возможности ее преображения. С.Л. Франк [4] не полагает зло субстанцией, но при этом, оно является «темной» силой, которую невозможно исчерпать логическим анализом.

Позиция Зеньковского отличается строгостью: он, в отличии от Бердяева, не выводит зло из трансцендентальной свободы, которая предшествует бытию, и в то же время, не ограничивается описанием разрыва всеединства. Человек, как носитель зла, интересует его с внутренней стороны жизни, как духовная личность. Его антропологический поворот в этом вопросе, знаменует собой осознанный отказ от рассмотрения зла, как чего-то внешнего. По его мнению, зло не навязывается человеку откуда-то из вне, оно скорее раскрывается как некая возможность проявления человека, укорененная в его свободной природе. Проблема зла приобретает характер драмы, которая разыгрывается в человеческом «я».

В своей статье, Зеньковский исходя из анализа отношения ко злу с древних времен, последовательно отвергает субстанциальное понимание зла. Он критикует западную католическую и протестантскую традиции по многим вопросам, отдавая предпочтение в решении проблемы зла православию. По его мнению, зло не может обладать самостоятельным бытием и не может рассматриваться как позитивная сущность. При этом, он не признает и трактовку зла, как отсутствие или недостаточность добра. Зло для него абсолютно реально. Не имея собственного основания, оно способно укореняться в душе человека и деформировать его духовную составляющую, извращая личность.

Одним из ключевых в анализе у Зеньковского, является понятие духовного центра. Человек, создан по образу и подобию Бога, обладает внутренней иерархической структурой, в которой высшие духовные ценности должны определять направление всей жизни [1, с. 66]. Зло возникает тогда, когда эта иерархия нарушается. Человек свободен и именно свобода делает возможным отклонение от подлинного центра духовности – Бога. Итогом становится то, что человек поддается своим низменным желаниям, в результате чего возникает зло, прояв-

ляющееся как «темная самость». Относительное благо здесь возводится в абсолют, а частное поставлено на место высшего. Таким образом, зло – это не нарушение нормы, а разрушение внутренней иерархии личности, духовная деформация. Это проявляется в утрате человеком своей целостности, неспособности удерживать внутреннее духовное единство. В этом, по мнению Зеньковского, и состоит подлинная трагедия зла.

Хотя, свобода и занимает в его философской концепции важное место, тем не менее, ее трактовка лишена какой-либо гиперболизации. Она не мыслится им как предбытийная стихия или первичная безосновность. У него свобода укорена в самой духовной природе личности. Она раскрывается в бытии, при самоопределении. Человеческая свобода может проявляться и как влечение к добру, так и к злу [5, с. 135]. Зло, это не обязательное следствие свободы, она всего лишь дает человеку выбор ценностей, которые могут оказаться ложными. В таком случае, человек начинает строить своё внутреннее бытие вокруг относительного блага, абсолютизируя его. Важно заметить, что зло у Зеньковского – это не ошибка познания. Человек может понимать и осознавать свой выбор и поступки, при этом, избирая ложное направление. Из этого следует вывод, что зло укоренено не в разуме, а в духовном строе личности. Это подчёркивает персоналистский характер его анализа: зло есть акт внутреннего самоискажения «Бесспорно и ясно, что все злые помыслы, дурные страсти, эгоизм и самоутверждение, вообще вся «темная самость», влекущая человека к удовлетворению своих запросов и желаний, ограниченность духовного зрения, слабость живой любви к людям, все вообще, что покоряет нас злу и греху, все это не от плоти, не от чувственной сферы в нас, а от того, что «где сокровище наше, там и сердце наше». Не чувственная сфера создает грех, подчиняя себе духовную сферу нашу, но наоборот само сердце наше, наши духовные движения ищут того, чтобы отдаться чувственной жизни. Грех вообще лишь выражается в том, что чувственность владычествует над духом, но источник этого плена – в самом духе, в самом сердце, которое уже не Бога и жизни в Нем ищет, а видит свое сокровище в себе, в самоутверждении, в мире, вообще во всем кроме Бога. Этот уход от Бога и есть причина того, что в нас «возникает» темная самость» [3, с. 337]. Такое понимание позволяет избежать крайностей. С одной стороны, зло не получает статуса самостоятельного онтологического принципа; с другой – оно не обесценивается как иллюзия. Его реальность трагична именно потому, что она осуществляется через свободу личности. Человек ответствен за зло не внешне, а внутренне: оно становится выражением его духовного самоопределения.

Другим важным моментом концепции Зеньковского, является мысль о раздвоении личности, как форме существования зла. Зло не уничтожает духовную природу человека, но разрастаясь в ней, приводит к внутреннему расколу: «Темная духовность в человеке есть сила, питающаяся за счет добра, излучаемого всегда образом Божиим в человеке» [3, с. 342]. Человек одновременно остаётся носителем устремлённости к добру и субъектом деформированного самоутверждения: «Как может жить в человеке рядом светлая духовность с ее устремлением к Богу и темная духовность с ее стремлением к самоутверждению, к «самости», к жизни без Бога и вне Бога?» [3, с. 337]. Подобная двойственность намного глубже, чем просто психологический конфликт. Речь идет о гораздо более глубоком разрыве личности, в котором смещаются акценты и духовный центр, приводящие к состоянию внутренних конфликтов: «Зло в человеке имеет таким образом корень в темной самости, которая и есть действие первородного греха. Свет в человеке, его первозданная сила не отменены, не исчезли, но они ослаблены благодаря возникновению темной самости» [3, с. 341]. Таким образом, зло – это не сколько действия и поступки, сколько состояние. Поэтому борьба со злом не может ограничиться лишь внешней регуляцией поведения, для победы, необходимо восстановление духовного центра личности, возврат к Богу. Человек не должен забывать, что «в его сердце, в духовной его жизни, в его внутреннем мире не должно закрывать того, что под этим раздвоением остается нерастраченной единящая сила образа Божия» [3, с. 342].

Анализ, проведенный Зеньковским, позволяет определить важную черту русской философской традиции: зло определяется как внутренняя трагедия отдельной личности. Любое проявление зла, осмысляется через судьбу человека. Оно переживается не просто как нарушение духовной целостности, но как утрата подлинных оснований бытия. Поэтому, проблематика зла в человеке, неразрывно связана не только с темой свободы и ответственности, но покаяния с духовным возрождением. Зло у Зеньковского, не возводится в абсолют, но остается реальностью, возможной из-за свободной воли человека. Это своеобразное испытание личности, которое может не только выявить глубину этой свободы, но и обнаружить ее уязвимость [7, с. 275]. Зло связано со свободой, но не выводится из нее как необходимость. Оно возникает в результате искажения внутреннего духовного мира человека, утраты связи с Богом. Это внутренний, полный драматизма кризис личности, который требует духовного преодоления.

Литература

1. Бобров В. В. «Педагогические интуиции» В.В. Зеньковского, их роль в становлении и развитии личности // ИТС. 2014. № 4 (77).
2. Горохов П. А., Южанинова Е.Р. Феномен зла в философских концепциях Средневековья // Философская мысль. 2021. № 4.
3. Зеньковский В.В. Зло в человеке // Собр. Соч. в 2 т. М: Русский путь, 2008. Т. 2.
4. Зеньковский В.В. Учение С.Л. Франка о человеке // Собр. Соч. в 2 т. М: Русский путь, 2008. Т. 1.
5. Лазарев Валентин «Очевидное-невероятное» в видении добра и зла // Философская антропология. 2016. № 1.
6. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989.
7. Суходуб Т.Д. В.В. Зеньковский как критик современной культуры и цивилизации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2008. № 1.

EVIL IN THE HUMAN BEING: V.V. ZENKOVSKY'S ANTHROPOLOGICAL INTERPRETATION WITHIN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL TRADITION

Donskikh K.Yu.
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

The article examines the problem of evil in the works of the Russian philosopher V.V. Zenkovsky, focusing on his study «Evil in the Human Being». The aim of the research is to identify the anthropological specificity of Zenkovsky's understanding of evil and to determine its place within the Russian religious-philosophical tradition. It is demonstrated that Zenkovsky does not interpret evil as an independent ontological substance or merely as a logical problem of theodicy. Rather, he understands it as an inner disintegration of the spiritual personality arising within the sphere of freedom. Evil manifests itself as a deformation of values and a loss of communion with God, as an expression of the «dark self». Such an interpretation gives the problem of evil a distinctly personalist character. The article substantiates the thesis that within the Russian Orthodox tradition evil is primarily conceived as a tragedy of inner self-determination. The significance of Zenkovsky's conception is revealed in its articulation of the relationship between freedom, responsibility, and the spiritual integrity of the person.

Keywords: problem of evil; Russian religious philosophy; V.V. Zenkovsky; freedom; personality; image of God.

References

1. Bobrov, V.V. Zenkovsky's «Pedagogical Intuitions» and Their Role in the Formation and Development of Personality // ITS. 2014, № 4 (77).
2. Gorokhov, P. A., Yuzhaninova, E.R. The Phenomenon of Evil in Philosophical Concepts of the Middle Ages // Philosophical Thought. 2021, № 4.
3. Zenkovsky, V.V. Evil in Man // Collected Works in 2 volumes. Moscow: Russky Put, 2008, Vol. 2.
4. Zenkovsky, V. V. S.L. Frank's Teachings on Man // Collected Works. in 2 volumes. Moscow: Russkiy Put, 2008. Vol. 1.
5. Lazarev Valentin. «The Obvious-Incredible» in the Vision of Good and Evil // Philosophical Anthropology. 2016. № 1.
6. Soloviev V.S. Readings on God-Manhood // Soloviev V.S. Works: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Pravda, 1989.
7. Sukhodub T.D. V.V. Zenkovsky as a Critic of Contemporary Culture and Civilization // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2008. № 1.

Кириллова Инна Константиновна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: KirillovaIK@mgsu.ru

В статье рассматривается эволюция философских представлений о городском образовании в эпоху перехода от традиционных городских форм к гибридным пространствам. Автор анализирует концепции цифрового (digital city), умного (smart city) и когнитивного (cognitive city) города, определяя основные характеристики каждого этапа. Особое внимание уделяется проблемам гибридной реальности как города, так и горожанина. В статье рассматриваются проблемы идентичности, ментальной безопасности и антропологического кризиса, возникающие в условиях гибридной реальности. Автор приходит к выводу о необходимости перехода от технодетерминизма к антропоцентричной модели городского развития.

Ключевые слова: городское пространство, умный город, цифровой город, когнитивный город.

В настоящее время город становится гибридным образованием. В нем идет активный процесс интеграции материального с цифровым, локального с глобальным, виртуального с реальным. Согласно прогнозам Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, 68% населения всего мира будет проживать в городах к 2050 году. В документах подчеркивается, что речь идет не столько о количественном росте, сколько о качественном изменении всей городской среды [1]. В этих условиях, значимость для формирования и развития городских сообществ и личности в ближайшем будущем приобретает и философское осмысление феноменов цифрового города, трансформация идентичности горожанина, умной городской среды.

Противоречие между стремительным технологическим развитием городской среды и недостаточной изученностью его влияния на способы существования человека в городе является проблемой нашего исследования. Особую значимость, на наш взгляд, придает осознание того, что внедрение технологических инноваций происходит без самого горожанина, т.е. без учета человеческого фактора (как он оценивает, интерпретирует и планирует свое присутствие в стремительно меняющейся цифровой городской среде).

Целью данной статьи является анализ трансформации городской среды в эпоху инновационных городских пространств.

Цифровой город (digital city). Концептуальными предшественниками цифрового города в 60–70 гг. XX века исследователи отмечают такие проекты как: 1. Fun Palace (Дворец развлечений), 1963 – архитектор Седрик Прайс. Данный проект не был реализован, но заложил основы интерактивной, адаптивной архитектуры, что позволяло человеку конструировать свое пространство. Здесь архитектура и человек связаны кибернетической связью [2]. 2. Instant City (Кочующий город), 1968–1970 – проект Питера Кука из группы Archigram – создание события с помощью аудиовизуальных средств информации и развлечений. В данном проектом была разработана концепция архитектуры сетей, которая стала предшественником интернета [3].

Концепция цифрового города была основана на рубеже XX–XXI веков с развитием информационных и интернет-технологий, их интеграции в повседневную городскую жизнь. Дополненное информационными системами, цифровыми сервисами городское пространство являлось по своей сути физическим пространством. Главная идея заключалась в том, что город становится более доступным, управляемым, благодаря инновационным цифровым технологиям, но при этом они являются лишь надстройкой над физическим пространством. Например, Цифровой город – De Digital Stad, Амстердам, 1994 (DDS) – метафора города в цифровом пространстве. Структура сайта была разработана по аналогии с городом – виртуальные кафе, ратуша, дома для пользователей, но технически с ним не была связана. Здесь культурный и социальный слой был наложен поверх физического города [4, 5]. Проект «Инфоград», Москва, 1998 – информационная карта города, с помощью которой легко было ориентироваться в физическом пространстве, но управлять им не могла. Энциклопедия и путеводитель были надстроены над реальностью, а не встроены в нее [6]. Цифровые города конца XX века были попыткой общества создать новую публичную сферу в зарождающемся интернете. По замыслу создателей были ориентированы на вопросы демократии, доступа к информации и самоорганизации сообществ. Таким образом, концепция цифрового города заключалась в повышении качества жизни через набор электронных услуг с использованием интернета и виртуальных сред. Однако, по-прежнему, город понимался как физическое пространство, а цифровые технологии рассматривались лишь как инструменты.

Умный город (smart city). В первоначальной версии умного города понимался как «всеобъемлющее, веб-ориентированное представление или воспроизведение нескольких аспектов или функции конкретного реального города» [7]. Парадигма умного города стала доминировать после 2010 как концепция устойчивого развития в контексте информационной инфраструктуры- системы сбора информации, анализ больших данных для оптимизации городского управления, транспорта, энергопотребления и т.д. Однако ранние версии умного города имели IBM-центричный характер, преимущественно технологическое измерение городского развития. Проект Songdo International Business District, 2015 г. – «Умный город Сонгдо» в Южной Корее стал практическим воплощением данного подхода. Несмотря на технологическое совер-

шенство того времени, город, все же, столкнулся с существенными трудностями: количество жителей оказалось ниже ожидаемого. Исследователи отмечают, что при проектировании города социальный фактор не был учтен в полной мере. Город, прежде всего, был ориентирован на технологии, а не на потребности реальных горожан [8].

Опыт города Miami Dade (Майами-Дейд, США) может служить примером более зрелого подхода. Здесь исследователи говорят о концепции «нового умного города», согласно которой технологии должны быть интегрированы в социальные процессы города и ориентированы на потребности жителей [9].

Необходимо подчеркнуть, что концепция «Умного города» под влиянием критики развивалась в нескольких направлениях. В первую очередь, редукционизм и технодетерминизм, т.е. в действительности сложная социальная реальность города была переведена к наборам данных и алгоритмам оптимизации. Например, национальная программа *Smart Nation Initiative*, которая реализуется в Сингапуре с 2014 года, показала существенный спад на рынке труд. Возникает вопрос о том, как обеспечить баланс между социальной инклюзивностью и технологической эффективностью [10]. Во-вторых, проблема усиления контроля и надзора за каждым горожанином. В-третьих, вопрос о том, кто же является выгодополучателем от внедрения «умных технологий»- горожанин или корпорации.

В своей работе «*Everyday urbanisms and the importance of place: Exploring the elements of the emancipatory smart city*» Н. Одендал отмечает, что коммерческие проекты «умного города» представляют собой «*город в коробке» (city in the box)*- универсальное технологическое решение, которое можно импортировать в различные локальные контексты без учета их специфики. Проекты, которые были разработаны в Силиконовой долине, уверенно предлагаются и для Сингапура, и для Кении. Экономические, культурные и социальные условия государства и города, при этом, игнорируются [9].

Ответом на критику и, в определенном смысле, ограничения концепции стало появление концепции «*интеллектуального города» (intelligent city)*. Исследователи-урбанисты подчеркивают, что «интеллектуальный город» понимается как более сложная система, в которой технологии становятся не самоцелью, а, именном, средством, инструментом для развития человеческого потенциала и социального взаимодействия [11].

Данный подход реализован в проекте CITI– Sence (Барселона, 2012). В рамках проекта жители являются активными участниками экологического мониторинга. Этот подход демонстрирует переход от модели «город-как-платформа», которой управляют корпорации, к модели «город-как-сообщество», где технологии являются инструментом коллективной деятельности [12].

Cognitive city. В последние годы наиболее перспективной и философски насыщенной представляется концепция «*когнитивного города».* М. Ханиф, эксперт в области когнитивных городов и смешанной реальности, утверждает, что их главная цель – трансформация реактивных систем, которые предоставляют услуги по запросу, в проактивные городские среды, способным понимать потребности человека и адаптироваться к ним [13].

Важно подчеркнуть, что важнейшей характеристикой когнитивного города является – антропоцентричность. В центр когнитивного опыта город ставит человека. Такой город должен обладать способностью понимать индивидуальные потребности человека, предоставлять персонализированные эффективные и безопасные городские услуги, адаптировать городские системы и инфраструктуру. Также отмечается необходимость двухсторонних отношений: город не только понимает человека, но и помогает человеку понимать город [13].

Особое внимание уделяется основным компонентам технологической основы когнитивного города:

1. *Искусственный интеллект (AI)*-построение безопасной и точной модели индивидуальных потребностей, а также согласованное управление комплексом городских сервисов;

2. *Дополненная реальность (AR)*-создание человекоцентричного, естественного интерфейса для взаимодействия с персонализированными когнитивными сервисами;

3. *Городская операционная система*- интегрируют AR и AI с физической инфраструктурой, также обеспечивает безопасный доступ к ним.

Ярким примером реализации принципов когнитивного города является европейский проект *CORESpace*, который был запущен в 2026 году при поддержке Европейского Союза [14]. Проект разрабатывает и внедряет набор адаптивных цифровых и физических инструментов, которые интегрируют AI-планирование, цифровые двойники и механизмы партисипативного проектирования для оптимизации использования городского пространства и поддержки климатической нейтральности [14]. Кроме того, основная цель проекта – вовлечение граждан и инклюзивное принятие решений, в отличие от прежних направленных на технологии инициатив. Необходимо отметить, что проект объединяет 45 партнеров и 9 европейских городов, среди которых Лондон, Салоники, Тарту, Верона и др. [14].

Идея «*смешанной реальности» (mixed reality)* как фундаментальная характеристика когнитивного города представляет особый интерес. Предполагается, что идет создание новых типов опыта, не существующих ни в физической, ни в виртуальной реальности. М. Ханиф рассматривает город не как место потребления услуг, а как пространства для самовыражения и творчества. По его мнению, когнитивные города позволят человеческому творчеству свободно проявляться:»*Our perception of realty in cognitive cities will be unchained from the tethers that restrict us today, allowing our full human creativity to roam freely*» [13]. Автор предлагает «*7 ключей*» для реализации идеи когнитивного города, которые выступают как средства освобождения человеческого творчества [13]:

1. *City-wide Spatial Anchor Systems*- городские пространственные привязки;
2. *City AR Rules-Engines* -городские AR-регуляторы;
3. *Mixed Reality Urban Design* -проектирование смешанной реальности;
4. *Digital Public Spaces* -цифровые общественные пространства;
5. *AR + AI Data Halos*- «Ореолы» прозрачности данных;
6. *Wireless Power Points*- беспроводные источники питания;
7. *City Operating System*- городская операционная система.

Предложенные компоненты представляют собой системную архитектуру, в которой каждый элемент выполняет строго определенную функцию.

Таким образом, обобщение рассмотренных подходов позволяет утверждать, что современный город функционирует как сложная система- *гибридная реальность*. В этой системе физическая инфраструктура, цифровые сервисы и человеческие практики образуют единую динамически развивающуюся целостность.

Современная философия занимается вопросами гибридной реальности, фокусируя внимание на том, что она является новым онтологическим образованием, которое вызывает ряд опасений и требует осмысления с точки зрения философско-антропологического подхода. Так, О.И. Шюц фиксирует формирование гибридной реальности как процесс объединения реального и виртуального, физического и цифрового миров [15]. Согласно справедливому замечанию С.Н. Соколова обеспечение защиты человека от угроз, которые готовит гибридная реальность, должно базироваться на анализе степени воздействия цифровой среды на аксиологическую матрицу личности. Из этого следует, что современный человек призван не только определить свое положение в гибридной реальности, но и отстоять его, сохранив свою ценностную идентичность [16]. А.А. Ковалев подчеркивает фундаментальные проблемы идентичности, которые провоцирует гибридная реальность, ставя перед человеком задачу определения соотношения между физическим и виртуальным «Я». Коммуникация в реальном и цифровом пространствах становится основой для выстраивания новой модели существования, в которой он не имеет опыта. Таким образом, человек сегодня – это не только биопсихосоциодуховное существо (по Сидорову П.И., Совершаевой Е.П.), но и цифровое. Именно на этом базисе строится целостная идентичность человека [17]. Несомненно, развитие искусственного интеллекта ставит под угрозу человека и его возможности в будущем, поскольку в ближайшей перспективе обгонит человеческий интеллект. Как следствие, возникновение антропологического кризиса: неспособность человека адаптироваться к новой реальности и потеря своего места в ней [17]. Гибридная реальность ведет к образованию гибридного общества – социальной системы, в которой физический человек выстраивает коммуникацию в виртуальной реальности …с искусственными субъектами (техносубъектами)» [17]. В структуре безопасности человека ментальная безопасность занимает приоритетное место. Б.В. Марков предостерегает, отказ от сохранения традиционных форм духовного производства неизбежно приведет «к душевной пустоте» в обмен на технический комфорт [18].

Философское осмысление гибридной реальности города опирается на концептуальный аппарат теории ассамбляжа, позволяющей преодолеть редукционизм как технократических, так и сугубо гуманитарных подходов. В рамках этой парадигмы город понимается как сложная сборка гетерогенных элементов – материальных (здания, улицы, инфраструктура) и выразительных (знаки, символы, коды), человеческих и нечеловеческих акторов, локальных практик и глобальных потоков. Цифровые технологии в этой сборке обретают принципиально иной статус: они выступают не внешней надстройкой, а внутренним структурообразующим элементом, определяющим саму ткань города.

Технологическое и гуманитарное измерения оказываются неразрывно связанными: город «учится» у своих жителей, адаптируясь к их практикам, а жители, в свою очередь, строят свою идентичность через взаимодействие с интеллектуализированной городской средой.

Литература

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. World Urbanization Prospects: The 2018 Revision. New York: UN, 2019
2. Mathews S. From Agit-Prop to Free Space: The Architecture of Cedric Price. London: Black dog Publishing, 2007.
3. Cook P. Archigram. New York: Princeton Architectural Press, 1999.
4. Lovink G. The Digital Evolves and Erodes// Network Cultures. URL: https://networkcultures.org/geertlovink-archive/interviewed/the-digital-city-evolves-and-erodes/
5. UNESCO.DDS (De Digitale Stad)-The Digital City. URL: https://www.unesco.org/en/memory-world/dds-de-digitale-stad/digital-city
6. Хасянов М.К. Проект «Инфоград»: современные технологии для населения// Информационное общество, 1999, № 2, С. 56–58.
7. Hall R.E., Bowerman B., Braveman J. et.al. The Vision of a Utopian Smart City // LabGov.city.2025
8. LabGov. «Songdo, we have a problem!»: Promises and Perils of a Utopian Smart City// LabGov.2025
9. Odendaal N. Everyday urbanisms and the importance of place: Exploring the elements of the emancipatory smart city // Urban Studies. 2021. Vol. 58. № 3. P. 639–654.
10. Kim J.W. Technological Determinism in Smart Cities: AI's Role in Urban Transformation and Workforce Disruption in Singapore, IGEE Proc. 2025;2(1):20–30 doi: https://doi.org/10.69841/igee.2025.008
11. Balfagih Z. From Smart to Cognitive Cities: The Evolution in Urban Intelligence //IGI Global.2024
12. Ajuntament de Barcelona. Citi-Sence: Citizen Science Office //Barcelona Science.2024.
13. Hanif M. Cognitive Cities: Blending AI, AR &the Built Environment // AR Insider. 2024. 27 November. URL: https://arinsider.co/2024/11/27/cognitive-cities-blending-ai-ar-the-built-environment/
14. European Commision. CORESpaces: COdesign urban REaim and dynamic Spaces management for cognitive and socially connected cities. CORDIS. 2026. URL: https://cordis.europa.eu/project/id/101239095
15. Шюц А. О множественной реальности / пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.
16. Соколова С.Н. Безопасность человека в информационном обществе и гибридная реальность // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 94–101.
17. Ковалев А.А. Ментальные вызовы как философско-антропологическая проблема в условиях гибридной реальности // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 3. С. 106–113. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12–3.08.
18. Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 23–33.

THE EVOLUTION OF MODERN URBAN CONCEPTS

Kirillova I.K.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article examines the evolution of philosophical ideas about urban education in the era of transition from traditional urban forms to hybrid spaces. The author analyzes the concepts of digital city, smart city, and cognitive city, identifying the key characteristics of each stage. Particular attention is paid to the challenges of hybrid reality for both the city and its residents. The article examines issues of identity, mental security, and anthropological crisis arising in the context of hybrid reality. The author concludes that a transition from technodeterminism to an anthropocentric model of urban development is necessary.

Keywords: urban space, smart city, digital city, cognitive city.

References

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. World Urbanization Prospects: The 2018 Revision. New York: UN, 2019
2. Mathews S. From Agit-Prop to Free Space: The Architecture of Cedric Price. London: Black dog Publishing, 2007.
3. Cook P. Archigram. New York: Princeton Architectural Press, 1999.
4. Lovink G. The Digital Evolves and Erodes // Network Cultures. URL: https://networkcultures.org/geertlovink-archive/interviewed/the-digital-city-evolves-and-erodes/
5. UNESCO.DDS (De Digitale Stad)-The Digital City. URL: https://www.unesco.org/en/memory-world/dds-de-digitale-stad/digital-city
6. Khasyanov M.K. The Infograd Project: Modern Technologies for the Population // Information Society, 1999, № 2, Pp. 56–58.
7. Hall R.E., Bowerman B., Braveman J. et.al. The Vision of a Utopian Smart City // LabGov.city.2025
8. LabGov. «Songdo, we have a problem!»: Promises and Perils of a Utopian Smart City // LabGov.2025
9. Odendaal N. Everyday urbanisms and the importance of place: Exploring the elements of the emancipatory smart city // Urban Studies. 2021. Vol. 58. № 3. Pp. 639–654.
10. Kim J.W. Technological Determinism in Smart Cities: AI's Role in Urban Transformation and Workforce Disruption in Singapore, IGEE Proc. 2025;2(1):20–30 doi: https://doi.org/10.69841/igee.2025.008
11. Balfagih Z. From Smart to Cognitive Cities: The Evolution in Urban Intelligence // IGI Global.2024
12. Ajuntament de Barcelona. Citi-Sence: Citizen Science Office //Barcelona Science.2024.
13. Hanif M. Cognitive Cities: Blending AI, AR & the Built Environment // AR Insider. 2024. 27 November. URL: https://arinsider.co/2024/11/27/cognitive-cities-blending-ai-ar-the-built-environment/
14. European Commission. CORESpaces: COdesign urban REaim and dynamic Spaces management for cognitive and socially connected cities. CORDIS. 2026. URL: https://cordis.europa.eu/project/id/101239095
15. Schütz A. On Multiple Reality / translated from English by A. Korbut // Sociological Review. 2003. Vol. 3, № 2. Pp. 3–34.
16. Sokolova S.N. Human Security in the Information Society and Hybrid Reality // Bulletin of Polesie State University. Series of Social and Humanitarian Sciences. 2020. № 1. Pp. 94–101.
17. Kovalev A.A. Mental Challenges as a Philosophical and Anthropological Problem in the Context of Hybrid Reality // Bulletin of the Humanitarian University. 2024. Vol. 12, № 3. Pp. 106–113. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12–3.08.
18. Markov B.V. The Image of Man in the Post-Anthropological Era // Questions of Philosophy. 2011. № 2. Pp. 23–33.

Философский контекст проблемы искусственного интеллекта

Кузьменкова Татьяна Леонидовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия, социология и история», Российский университет транспорта РУТ (МИИТ)
E-mail: tatyana_smol@mail.ru

В современной жизни проблема искусственного интеллекта (ИИ), его использование человеком и обществом в различных сферах деятельности, является достаточно актуальной. Объектом данного исследования выступает искусственный интеллект во всём многообразии проявлений. Статья является попыткой выявить и уточнить философскую сущность ИИ, проанализировать его на основе онтологического, гносеологического, философско-антропологического и социально-философского подходов. Для процесса внедрения и применения искусственного интеллекта характерна дихотомичность, проявляющаяся в положительных и отрицательных последствиях. Наиболее полную картину взаимодействия и взаимовлияния искусственного интеллекта и естественного даёт философско-антропологический подход, он также позволяет определить дальнейшие тенденции развития ИИ и предложить меры по минимизации отрицательных последствий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технология, цифровые технологии, нейросети, естественный интеллект, этика.

Современный этап развития характеризуется техногенностью, одна из черт которой – широкое внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизни человека и общества, включая личную жизнь, общественную, профессиональную и научную деятельность. Актуальность проблемы искусственного интеллекта обусловлена тем, что искусственное сегодня стало самостоятельной реальностью и стремительно проникает в область естественного. В свою очередь процесс взаимодействия искусственного и естественного весьма дихотомичен. С одной стороны искусственная реальность дополняет естественную, а с другой – становится с ней несовместимой, вступает в противоречие, вплоть до острого конфликта и взаимного отрицания. Такая ситуация порождает постановку проблемы «выживания» человека и человечества в сложившихся условиях. Вышесказанное ставит вопрос о необходимости осмысления ИИ с философской позиции.

Проблема исследования искусственного интеллекта в философском контексте включает анализ и уточнение сущности ИИ, рассмотрение его со стороны различных философских подходов, определение положительных и отрицательных сторон, выявление дальнейших перспектив развития и применения. Методологической базой исследования является системный подход, который позволяет взглянуть на искусственный интеллект как сложную многоуровневую самоорганизующуюся и непрерывно изменяющуюся систему, сравнительный анализ и контент анализ философских и иных источников, а также историко-философский анализ, дающий полное представление о стадиях развития ИИ.

Философская проблема искусственного интеллекта относится к области философии науки, которая возникла и начала дисциплинарно оформляться во второй половине XIX века. В это же время К.Е. Дюринг ввёл в научный оборот категорию «философия науки», которую можно было сопоставить с «наукоучением». Современная философия науки рассматривает науку в эпистемологическом, социокультурном, институциональном, функциональном, аксиологическом и прикладном аспектах. Ряд исследователей выделяют философию искусственного интеллекта в отдельную отрасль философии науки [4, 1] и с этим вполне можно согласиться. Так, А.Ю. Алексеев определяет философию ИИ как самостоятельную сферу фундаментальных знаний, которая «специфизирована основным вопросом «Может ли машина мыслить?» и конституирована особым методологическим аппаратом, выполняющим роль аналогичную функциям общефилософских категорий» [1, с. 4–5]. Исследование ИИ в рамках философии науки позволяет не только осуществить его рефлексию, но и выявить фундаментальные, социокультурные, институциональные вопросы, связанные с его существованием, функционированием и развитием.

Появление термина «искусственный интеллект» связано с именем американского ученого, программиста, философа и логика Джона Маккарти. Обращение исследователей к проблеме искусственного интеллекта и осмысление её относится к середине XX века. У истоков стояли А. Тьюринг, Н. Винер, У. Маккалох, Ф. Розенблат и многие другие. Но предпосылки зарождения дискуссии о различие человека и машины гораздо глубже, они заложены еще в трудах Р. Декарта и Г.В. Лейбница. В философии сложилось несколько подходов к влиянию техники на человека: от положительного (Ф. Дессауэр, Э. Капп, О. Шпенглер и др.), до крайне негативного. Так, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Н.А. Бердяев говорили об угрозе и порабощении человека. О том, что «настаёт время, когда будут совершенные машины… но человека больше не будет» [3]. Такая традиция нелинейности и противоречивости, а также плюралистичность подходов существует в философии и применительно к искусственному интеллекту, сопоставлению его с естественным интеллектом, определению положительных и отрицательных моментов и последствий.

Существуют различные дефиниции понятия «искусственный интеллект». От области информатики, моделирующей процессы познания и мышления, интеллектуальных устройств, машин и программ до представлений о познании и разуме человека, делающих возможной постановку вопросов о моделировании интеллекта. Исследования ИИ, как и сам ИИ, прошли в своем развитии несколько этапов. Первый этап – 1950–60-ые гг. – время становления исследовательских программ, формулирования и постановки задач, разработки методов, применяемых как в процессе создания ИИ, так и в его исследованиях.

Второй этап – 1960–70-ые гг. – наука об ИИ становится «классической» наукой. Проводится разработка фундаментальных теорий, проводятся международные конференции, разрабатываются университетские учебные курсы. Третий этап – 1980–1990-ые гг. использование ИИ на практике в различных сферах деятельности [6]. Сейчас мы переживаем четвертый этап. Искусственный интеллект стал объективной реальностью, он вышел за сферы профессионального применения, широко используется человеком в личной жизни, зачастую подменяя реальность виртуальной средой. Этот этап рождает новые проблемы, связанные с обеспечением информационной безопасности, разработкой и внедрением принципов информационной этики.

Рассматривая проблему искусственного интеллекта и все вопросы с ним связанные в философском контексте, необходимо выделить несколько аспектов: онтологический, гносеологический, философско-антропологический и социально-философский. Онтологический аспект позволяет определить и уточнить сущность искусственного интеллекта и цифровых технологий, неразрывно связанных с ним. ИИ – это сложное и многомерное явление, имеющее определенную структуру и уровни, которое предстаёт во всем многообразии и различных проявлениях, это абстрактная конструкция, которая не имеет под собой реальных предметов. На современном этапе ИИ представляет собой часть бытия, существования человека, живущего в определенное время, в конкретном обществе и диалектически с ним взаимосвязанного. Понятие «искусственный интеллект» можно применить к особому роду технических систем, а также для обозначения сферы жизни и деятельности людей. Следуя точке зрения Дж. Сёрла [8], ИИ можно разделить на два вида: слабый и сильный. Слабый способен выполнять узко поставленные задачи, например, классифицирует и ищет структуры в данных, распознает изображения, переводит тексты, используется в диагностической медицине и др. Сильный способен имитировать человека, в том числе осознавать.

Гносеологический аспект за основу берет познание феномена искусственного интеллекта, позволяет определить и выявить, как сознание и мышление связано с ним, с помощью каких познавательных средств и приемов идет процесс по его созданию и совершенствованию. Одними из главных вопросов, относящихся к данному подходу, являются вопросы о взаимовлияние искусственного и естественного интеллекта, а также угрозы естественному интеллекту, исходящие от ИИ, выявление отрицательных последствий от его использования и их минимизация. Существуют проблемы сопоставления мышления, естественного интеллекта и искусственного интеллекта. ИИ создан человеком и его появление связано, в первую очередь, с активизацией умственных способностей человека, систематизацией уже имеющихся знаний и появлением новых. В рамках гносеологического подхода можно выявить и проанализировать методы, применяемые в цифровых науках.

Философско-антропологический аспект позволяет ставить и решать задачи, связанные с воздействием искусственного интеллекта на жизнь человека, на процессы усвоения, формирования и трансформации ценностной системы личности, а также затрагивать вопросы, касающиеся прав и свобод человека, социальной справедливости, моральных норм и принципов. Все более широкое использование ИИ в разных видах деятельности и жизни в целом, увеличивает количество вопросов, относящихся к нормам этики и морали. Группа авторов считает, что в условиях развития ИИ и интернет-технологий, человек быстро меняется [7]. А так как возможности ИИ велики, нейросети способны увеличивать скорость работы и точность, в том числе из-за способности обрабатывать и анализировать большие данные, беспокойство вызывает вопрос: если человек создаст интеллект, превосходящий интеллект человека, с какими проблемами человек тогда сможет столкнуться и справится ли он с этими проблемами [5]? Но, сопоставляя ИИ и сознание, можно увидеть мнение, согласно которому машины никогда не смогут сравняться с сознанием человека, так как его в принципе повторить невозможно. Философско-антропологический подход даёт базу для понимания проблемы взаимоотношений между человеком и технологиями и помогает выявить противоречия между ними, ведь создав искусственный интеллект, человек бросил вызов самому себе и своему существованию, так как ИИ в некоторых случаях оказывается более совершенен, чем его создатель, а это ставит под вопрос уникальность человеческой личности. Человек, создав ИИ, получил возможность увидеть себя в зеркале.

Человек является одновременно производителем и потребителем информации. Он работает с информацией: синтезирует, анализирует, интерпретирует, перерабатывает, систематизирует. В этих процессах происходит формирование и совершенствование критического мышления. В условиях необходимости постоянной актуализации информации требуется постоянное обновление знаний и навыков. Но индивид развивается и через общение, социальное взаимодействие, через использование коммуникативных навыков, что делает необходимым развитие соответствующих умений, в том числе умения коллективной работы.

Социально-философский аспект проблемы искусственного интеллекта позволяет осознать степень его воздействия на общество, влияние на социальные процессы, на развитие и трансформацию социальных структур, а также подойти к исследованию ИИ с позиций целостности социальной жизни. Процесс внедрения и использования ИИ является сложным и противоречивым. Новые технологии помимо позитивного, всегда несут определенные риски (коммуникативные, социальные, этические), и искусственный интеллект не стал исключением. Он приводит не только к положительным последствиям: быстрый доступ к информации, работа с большими данными, создание более инклюзивной среды, когда люди с ограниченными возможностями получают, например, доступ к образованию и др. Существует целый ряд минусов: неравенство в доступе к информационным технологиям, отсутствие информационной безопасности и приватности данных, нарушение интеллектуальной собственности и авторских прав, потеря индивидуальности и оригинальности, утрата представления о ценностях и др. Отрицательные проявления делают неизбежным обращение к этической проблематике и разработке основных принципов и кодекса этики ИИ [2]. Этику ИИ можно рассматривать как составляющую часть философской этики, возникшую сравнительно недавно и детерминированную процессами компьютеризации, информатизации и цифровизации. Этика искусственного интеллекта или цифровая этика является областью знаний, включающей в себя исследования моральных, социальных и культурных вопросов существования ИИ.

Таким образом, четвертая промышленная революция, ставшая современной реальностью и породившая процессы цифровизации всех сфер жизни общества, сделала искусственный интеллект базовым трендом в развитии технологий. Сегодня искусственный интеллект достаточно широко применяется в нашей жизни, и мы можем наблюдать различный спектр последствий, связанных с его использованием: технологических, моральных, экзистенциальных, интеллектуальных. Такое положение вещей ставит серьезные задачи перед человеком и обществом. Философский анализ, предложенный выше, и рассмотрение ИИ с позиций онтологического, гносеологического, философско-антропологического и социально-философского подходов, способен расширить горизонты знания и предложить пути к решению целого ряда проблем, связанных с существованием, функционированием и развитием ИИ. Но наибольшим потенциалом для гармоничного развития искусственного интеллекта обладает философская антропология, так как она даёт возможность человеку объективно взглянуть и оценить влияние и риски ИИ на его жизнь, жизнь общества, усилить положительное и минимизировать отрицательное.

Литература

1. Алексеев, А.Ю. Философия искусственного интеллекта – концептуальный статус комплексного теста Тьюринга / А.Ю. Алексеев // Автореф. дис. … д-ра фил. наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Лобачевского. – М., 2016. – 44 с.

2. Алексеева, И.Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика / И.Ю. Алексеева // Философия и общество. – 2024. – № 3. – С. 69–85.

3. Бердяев, Н.А. Человек и машина. Электронный ресурс [Режим доступа] https://xpa-spb.ru/libr/Berdyaev-NA/chelovek-i-mashina-1933.html (дата обращения: 27.02.2026).

4. Глуздов, Д.В. Философия искусственного интеллекта и философия науки / Д.В. Глуздов // Журнал философских исследований. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 32–42.

5. Левицкая, И.А. Философские аспекты проблем существования искусственного интеллекта / И.А. Левицкая / В сборнике: Современные тенденции и инновации в науке и производстве. Материалы XIII международной научно-технической конференции. Междуреченск, 2024.- Электронный ресурс [Режим доступа] https://elibrary.ru/download/elibrary_74033563_86356027.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2001. – Электронный ресурс [Режим доступа] https://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/660/iskusstvennyj-intellekt.htm (дата обращения: 01.03.2026).

7. Розин, В.М. Две концепции искусственного интеллекта: реалистическая и утопическая / В.М. Розин // Философская мысль. – 2023. – № 2. – С. 102–114.

8. Сёрл, Дж. Разум мозга – компьютерная программа? Электронный ресурс [Режим доступа] https://psychosearch.ru/teoriya/

psikhika/338-searle-john-razum-mozga-kompyuternaya-programma (дата обращения: 10.03.2026).

THE PHILOSOPHICAL CONTEXT OF THE PROBLEM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Kuzmenkova T.L.
Russian University of Transport (MIIT)

In modern life, the issue of artificial intelligence (AI) and its use by humans and society in various fields is quite pressing. The object of this study is artificial intelligence in all its diverse manifestations. This article attempts to identify and clarify the philosophical essence of AI, analyzing it based on ontological, epistemological, philosophical-anthropological, and socio-philosophical approaches. The process of implementing and applying artificial intelligence is characterized by a dichotomy, manifested in positive and negative consequences. A philosophical-anthropological approach provides the most comprehensive picture of the interaction and mutual influence of artificial and natural intelligence. It also allows us to identify future trends in AI development and propose measures to minimize negative consequences.

Keywords: artificial intelligence, technology, digital technologies, neural networks, natural intelligence, ethics.

References

1. Alekseev A.Y. Philosophy of Artificial Intelligence – Conceptual Status of the Turing Test / A.Y. Alekseev // Author's abstract of doctoral dissertation in Philosophy. Moscow State University named after M.V. Lobachevsky. Moscow, 2016, 44 p.

2. Alekseeva I. Yu. Ethics of artificial intelligence as applied ethics / I. Yu. Alekseeva // Philosophy and Society, 2024, № 3, pp. 69–85.

3. Berdyaev N.A. Man and Machine. Electronic resource [Access mode] https://xpa-spb.ru/libr/Berdyaev-NA/chelovek-i-mashina-1933.html (date of access: 27.02.2026).

4. Gluzdov D.V. The Philosophy of Artificial Intelligence and the Philosophy of Science / D.V. Gluzdov // Journal of Philosophical Studies, 2021, Vol. 7, № 1, pp. 32–42.

5. Levitskaya I.A. Philosophical aspects of the problems of the existence of artificial intelligence / I.A. Levitskaya / In the collection: Modern trends and innovations in science and production. Materials of the XIII International Scientific and Technical Conference. Mezhdurechensk, 2024. Electronic resource [Access mode] https://elibrary.ru/download/elibrary_74033563_86356027.pdf (date of access: 03.03.2026).

6. New Philosophical Encyclopaedia: in 4 Volumes, 2001. Electronic resource [Access mode] https://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/660/iskusstvennyj-intellekt.htm (date of access: 01.03.2026).

7. Rozin V.M. Two concepts of artificial intelligence: realistic and utopian / V.M. Rozin // Philosophical Thought, 2023, № 2, pp. 102–114.

8. Searle J. Is the brain's mind a computer program? Electronic resource [Access mode] https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-razum-mozga-kompyuternaya-programma (date of access: 10.03.2026).

Назаров Муслим Гатам оглы,
доктор философских наук, заведующий кафедрой «Социальные науки и образование» Азербайджанского университета кооперации
E-mail: muslimnazarov@mail.ru

В статье рассматривается взаимодействие цифровизации с индивидуальным существованием в информационном обществе, аспекты, связанные с изменением параметров социальных отношений и пространства, а также направления трансформации ценностей в реалиях цифровизации. Показано, что изучение изменения аксиологических основ человеческого существования в политической, социальной, экономической и духовной сферах жизни в современном обществе, использование информационных технологий, больших данных позволяет влиять на людей и контролировать как их социальное поведение, так и индивидуальное самосознание. Рассматриваются и сравниваются с аксиологической точки зрения ресурсы естественного и искусственного интеллекта. Автор также приходит к выводу, что цифровые технологии, наряду с ранее несуществовавшими факторами социальных изменений, могут вывести массовое информационное общество на новый этап. Соответственно, задача социально-философской мысли по поиску форм и методов сохранения индивидуальных аспектов в человеке становится одной из самых острых задач социального развития. На основе системного подхода сделан вывод о необходимости гуманизации цифрового общества, имеющего непреходящее идеологическое значение для современной эпохи, вступившей на путь цифровизации и создания цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая аксиология, общество, культура, виртуальная среда, равенство, гуманизм.

Introduction

The period of accelerating digitalization of the world is a period that emphasizes the radical changes in our understanding of the relationship between man and technology, nature and culture, man and nature, nature and technology – the period of autonomous cultural development, freedom from the natural and technical dependence. We have already tried to describe the realities of the digital world, various transformations of meanings and processes, and these descriptions are mainly focused on the negative aspects of digitalization, its objectifying power.

One of the defining features of fundamental social relations is the ever-widening spread of digital technologies, which play the role of a necessary, and in some cases, inevitable mediator between individuals and social institutions, individuals and the state. «The global economy is increasingly becoming digital. Investments in digital technologies and capital are causing profound changes in our society» [5, p. 243].

In addition, leading social institutions (economic, state, political) increasingly require interaction not with the individual himself, but with his «digital twin», which is a systematically virtualized image. An increasing amount of human social activity moves online and takes on a virtualized character, which in turn leads to the digitization of its parameters as a component of the «digital profile».

In the context of the emergence of a digital society, a radical ideological transformation is taking place, which leads to the formation of a new system of human axiological directions and, as a result, the emergence of digital axiology. Digital axiology, while adding new meaning to many traditional cultural values, is built by developing fundamentally new value directions that are a product of the digital era. The newly reflected and re-presented set of axiological relations enriches the problematic area of digital axiology with a number of new conceptual designations.

The speed of digital transformation is unprecedented. Digital technologies have rapidly entered our lives and have become the basis of science, education, economics, industry and the information sphere, significantly changing various aspects of human life, including habits, mentality and lifestyle. The transformation of society in the digital era affects traditional social institutions and paradigms under the influence of objective processes taking place in the global world. The digital era fundamentally changes this paradigm, changing, first of all, the value and semantic direction. Tradition, ritual, based on repetition, continuity, stability, and unambiguous meaning, are being replaced by uncertainty and completeness.

Digital transformation, then, is a process of exceptional speed and breadth, not a simple phenomenon. It is a complex set of constantly evolving, interconnected, and often unexpected events that expand the capabilities and increase the value of traditional methods, making them more accessible, useful, and usable.

The role of philosophy in the context of digitalization of society

Today, digital transformation covers various aspects of human society, including the economy, education, healthcare, public administration and much more. The structural elements of the digital transformation of society are:

1. Development of digital infrastructure, such as broadband Internet and high-speed communication networks, providing access to the Internet anytime and anywhere.

2. Digitalization of business processes and organizations. Digital technologies can help automate and optimize business processes, increase efficiency and service quality, create new opportunities for the development of production and the introduction of new technologies.

3. Digital skills and education. In order to effectively interact with digital innovations, a person must have a certain level of qualifications and skills, including programming, analytical thinking and other skills necessary for working in the digital era.

4. Digital security and data protection. In the context of digital transformation, personal data protection and cybersecurity have become especially important. With the development of digital technologies, new threats and risks arise related to data leakage, cyberattacks and other problems. Therefore, it is important to ensure reliable data protection and educate people on the basics of digital security [10, p. 20].

Digitalization has penetrated all areas of human life. Therefore, it can be concluded that digital transformation has great potential to improve the qual-

ity of life of people and solve a number of social problems. Modern people have access to a wide range of digital resources, including data, software and other materials that can be processed using digital technologies [4, p. 157]. They are fundamental building blocks of digital transformation and innovation and contribute to advances in education (many professions are now available online), healthcare (telemedicine and medical decision support systems are widespread) and public services (all public services, doctor appointments and tax payments are available through government portals).

Since philosophy has not only a methodological function, but also an ontological one, one of the main tasks of philosophy in the era of digitalization is to interpret new processes taking place in the understanding of human existence. Virtual realities, social networks and other online platforms are changing the way people communicate and interact. Philosophy shapes thinking and helps us understand how these changes are reflected in our self-awareness and value orientations.

Digital innovations are innovative ideas, products or processes based on the use of digital technologies. They represent new ways of using information and communication technologies to solve problems, improve and create new opportunities [7, p. 141]. Digital innovations cover various areas such as artificial intelligence, big data and more. Advances in the information environment, despite their youth and lack of development in some areas such as legal regulation, environmental compliance and economic issues, have become commonplace and routine in our society. The modern digital society requires not only cutting-edge developments, but also a philosophical understanding of their application. «It is known from the history of philosophy that philosophy is in one way or another connected with the concrete activity of people, capable of influencing this activity. Philosophy was used in the search for the ultimate limits of human existence based on human knowledge» [1, p. 4].

Without philosophical thinking, society simply cannot independently determine the humanistic and ideological component of everything that exists and risks falling into excessive scientificity and relativism. Therefore, modern humanities pay special attention to understanding the essence of digitalization. Philosophy has always aimed to determine the essence of man, his cognitive abilities and the spiritual and ethical aspects of his life.

In addition, the term «digital philosophy» is already present in some scientific works. Its purpose is to study many topical issues of the digital society, for example, the digital reform of the main philosophical areas (digital ontology, epistemology, ethics, anthropology, social philosophy, etc.), the problematic aspects of the application of innovative digital technologies from the prism of philosophical views, and others.

The main directions and concepts developed in digital philosophy today include the following.

1. Digital Ethics: This direction examines the ethics of the use of digital technologies, including ethical issues related to privacy, data security, data manipulation, and the development of artificial intelligence.

2. Philosophy of Technology: This field examines issues related to the nature of technology, its impact on people and society, as well as the ethical and philosophical problems of applying new digital technologies to various areas of human activity.

3. Social Media and Internet Philosophy: This field studies the socio-philosophical and ethical aspects of social media use, the impact of the Internet on communication and society, and issues of digital identity and personhood in the online environment.

4. Philosophy of Artificial Intelligence: This field focuses on ethical and philosophical issues related to artificial intelligence, its autonomy, responsibility, and possible consequences for society and individuals.

5. Philosophy of Digital Culture: This field analyzes the impact of digital culture on the formation of modern society, communication, knowledge, and human self-determination in the digital environment.

The concept of digital philosophy seeks a unique approach to studying and understanding digital transformation in the context of cultural and socio-philosophical traditions. Philosophy seeks to integrate interdisciplinary approaches and methods from the social and technical sciences to understand the digital society and its ethical, social and economic consequences. One of the main goals of digital philosophy is to contribute to the formation of an ethical course for the development of digital transformation and to ensure the sustainable and humane development of society in the digital world.

Since these dilemmas have acquired unprecedented importance, this is precisely the task of philosophy: they are № longer just objects of philosophical thought, but fundamental conditions for humanity to live in the modern world, in the society and culture of the digital age.

Thus, we can conclude that philosophy is not only an integral form of scientific knowledge, but also an integral form of digital scientific knowledge and information progress in general. This connection is confirmed by the following aspects.

1. Despite the skepticism of some scholars about philosophy, it has kept up with the times. Modern philosophy investigates the fundamental principles and structures of the digital world and digital objects. This helps us understand how digital information is provided, transmitted and processed, and how it relates to the real world.

2. Philosophy analyzes the methods, assumptions and limitations of digital sciences such as computer science, information science and artificial intelligence. It explores questions about the nature of digital knowledge, its validity and reliability.

3. Philosophy helps to identify and resolve ethical issues related to digital science. These issues may include data privacy and security, the autonomy of algorithms and artificial intelligence, as well as the social and moral consequences of the use of digital technologies.

4. Philosophy is the only field of knowledge that can comprehensively examine the consequences of the development of digital technologies. It helps to analyze issues of social justice, anthropology and social dynamics in the context of a digital society.

5. Philosophy explores the nature of beauty in the digital world, aesthetic algorithms and aesthetic aspects of digital art, such as virtual reality.

Philosophy complements modern scientific knowledge, facilitating the understanding and study of the digital environment and the digital transformation of society. A philosophical approach helps us understand the broad philosophical and ethical issues related to digital science and facilitates their understanding and development.

The category of value in philosophy

Value expresses the definition of an object of material and spiritual reality, emphasizes its positive and negative significance for a person. Value is everything that determines its significance for a person, its personal and social meaning. Stable value orientations take on the character of norms and determine the behavior of members of society. The value-based attitude of an individual to himself and the world is realized in emotions, will, determination, goal-setting and ideal creativity. Real facts, events, properties are not only perceived and understood by us, but also evaluated, arouse feelings of empathy, admiration, love and, conversely, hatred. A certain object has value not only due to its objective properties, but also due to our attitude towards it, which combines both the perception of these properties and the characteristics of our tastes.

Each object enters the cycle of social life and performs a function historically assigned to man, and therefore has social value. Values can be not only material, but also spiritual: works of art, scientific achievements, moral standards. People constantly evaluate everything they encounter in terms of their needs and interests.

Axiology (value, dignity) is the study of values, moral formations that are of unconditional importance to a person, guide and inspire him, determine his behavior throughout his life.

The main philosophical aspects of value formation:

• Digital anthropology: Humanity is reimagined through interaction with machines and algorithms. Here, identity is formed not only in real space, but also in virtual space, changing the concept of «real» human essence.

• Ethics of algorithms (algorithmic axiology): The ethics of decisions made by algorithms becomes an important philosophical issue. The transfer of value judgments to artificial intelligence and decision-making algorithms forms the ethics of «correct» behavior.

• Philosophy of digital culture: The values of speed (acceleration), interactivity and virtual reality, where access to information is considered more important than the information itself.

• Axiological shift: The transition from material values to the values of «digital capital» (online influence, reach, unique content).

• Philosophical thought: In the context of digitalization, preserving humanistic values is necessary to prevent the complete dehumanization of man.

In the digital age, philosophical thought is called upon to find a balance between technological progress and the preservation of the «human» in man.

The philosophical foundations of the formation of values in a digital society are based on the following: axiological transformation, speed, accessibility to information, network interaction and anthropological changes. Digital philosophy examines how technology, algorithms and virtual reality reshape concepts of morality, aesthetics and human existence. New values such as «digital efficiency», «transparency» and «personalization» emerge, which often conflict with traditional humanistic values.

It can be assumed that in the future, the robotization of existence will have other negative consequences that will actively affect people and society.

Conclusion

Taking into account the above, it can be noted that the true progress of society is impossible without the improvement of the individual himself, the development of his spirituality and intellectual abilities. Only a society consisting mainly of such individuals can be called truly humane and, therefore, progressive.

In conclusion, artificial intelligence raises a number of important philosophical issues. These issues are related to the nature of consciousness, action, free will, value alignment and bias. The solution of these issues is important for ensuring the development and application of digital technologies in a way that benefits society.

Литература

1. Abbasova Q.Y., Hajiyev Z.C. Social philosophy. Textbook. Baku, 2012, 480 p.
2. Mammadova E.B. Economic foundations of social work. Teaching materials. Baku-2024, 762 p.
3. M.H. Nazarov. Philosophy of social work. Teaching materials Bak «Laman Publishing Polygraphy» LLC. 2025, 436 p.
4. Yeltsova O.V., Emelyanova M.V. To the question about the concept of digital literacy // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University. I. Ya. Yakovleva. 2020. № 1 (106). С. 155–161.
5. Kupriyanovsky V.P., Namiot D.E., Sinyagov S.A., Dobrynin A.P. About work on digital economy // Modern information technology and IT education. 2016. Т. 12. № 1. С. 243–249.
6. Keshelava A.V., Budanov V.G., Rumyantsev V.Ю. Introduction to «Digital» economy. M., 2017. 28 p.
7. Magomaeva L.R. Digital innovations in the modern economy: spheres of implementation and effects // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 2.
8. Stotskaya T.G. Network society and virtual reality // Scientific view of the future. 2018. Т. 2. № 11. С. 71–76.
9. Timofeev A.B. Ethical relativism as a tendency to interpret values of culture // Научное мнение. 2019. № 3. С. 19–21.
10. Norqvist L. Analysis of the digital transformation of society and its impact on young people's lives // Connecting the dots: Young People, Social Inclusion and Digitalisation, Tallinn, Estonia, June 26–28, 2018. Tallinn, 2018. P. 1–30.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF DIGITAL VALUES IN MODERN SOCIETY

Nazarov M.H.
Azerbaijan Cooperative University

The article discusses the interaction of digitalization with individual existence in the information society, aspects related to the changing parameters of social relations and space, and the directions of value transformation in the realities of digitalization. It is shown that the study of changing the axiological foundations of human existence in the political, social, economic, and spiritual spheres of life in modern society, the use of information technologies, big data allows influencing people and controlling both their social behavior and individual self-awareness.

The resources of natural and artificial intelligence are considered and compared from an axiological point of view. The author also concludes that digital technologies, together with previously non-existent factors of social change, can take the mass information society to a new stage. Accordingly, the task of socio-philosophical thought to search for forms and methods of preserving individual aspects in man becomes one of the most acute tasks of social development. Based on a systematic approach, a conclusion is drawn about the necessity of humanizing the digital society, which has a lasting ideological significance for the modern era, which has embarked on the path of digitalization and the establishment of a digital economy.

Keywords: digitalization, digital axiology, society, culture, virtual environment, equality, humanism.

References

1. Abbasova Q.Y., Hajiyev Z.C. Social philosophy. Textbook. Baku, 2012, 480 p.
2. Mammadova E.B. Economic foundations of social work. Teaching materials. Baku-2024, 762 p.
3. M.H. Nazarov. Philosophy of social work. Teaching materials Bak «Laman Publishing Polygraphy» LLC. 2025, 436 p.
4. Yeltsova O.V., Emelyanova M.V. To the question about the concept of digital literacy // Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University. I. Ya. Yakovleva. 2020. № 1 (106). С. 155–161.
5. Kupriyanovsky V.P., Namiot D.E., Sinyagov S.A., Dobrynin A.P. About work on digital economy // Modern information technology and IT education. 2016. Т. 12. № 1. С. 243–249.
6. Keshelava A.V., Budanov V.G., Rumyantsev V.Ю. Introduction to «Digital» economy. M., 2017. 28 p.
7. Magomaeva L.R. Digital innovations in the modern economy: spheres of implementation and effects // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 2.
8. Stotskaya T.G. Network society and virtual reality // Scientific view of the future. 2018. Т. 2. № 11. С. 71–76.
9. Timofeev A.B. Ethical relativism as a tendency to interpret values of culture // Научное мнение. 2019. № 3. С. 19–21.
10. Norqvist L. Analysis of the digital transformation of society and its impact on young people's lives // Connecting the dots: Young People, Social Inclusion and Digitalisation, Tallinn, Estonia, June 26–28, 2018. Tallinn, 2018. P. 1–30.

Язык как форма социального бытия: философский и социолингвистический аспекты

Пигарева Алена Владимировна,
аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: elena_emlevskaya@mail.ru

Статья посвящена системно-целостному анализу языка как формы социального бытия. Рассматриваются философские концепции, трактующие язык как социально-онтологическое основание человеческого существования, условие мышления и форму этического взаимодействия с социумом. Социолингвистический аспект раскрывает язык как инструмент символической власти, индикатор социокультурной идентичности и фактор, воспроизводящий социальную стратификацию. Анализируются проблемы лингвоцида и пути его преодоления средствами экофилософии языка. Подчеркнута двойственная природа языка: он выступает как социально-онтологическая основа «Я», «дом бытия» человека и как пространство этической ответственности.

Ключевые слова: формы социального бытия, философия языка, социолингвистика, символическая власть, идентичность, этика, онтология, лингвоцид.

В современной социальной экофилософии язык рефлексируется как открыто-целостная живая система и не просто инструмент коммуникации. Глубинная основа языка заключает в себе общую фундаментальную форму социального порядка, которая отражает наше существование в обществе, структурируя восприятие реальности и организуя все формы социальных отношений. Двойственная природа языка ярко раскрывается в двух взаимодополняющих плоскостях, в философской и в социолингвистической, каждая из которых предлагает свой взгляд на то, как язык конституирует человека как социального субъекта. Так, ряд исследователей-феноменологов отмечают, что язык упорядочивает наш опыт через типизацию, делая его тем самым понятным и доступным для членов общества. Такая типизация превращает субъективные переживания в социальное априорное знание, обеспечивая интерсубъективность и устойчивость социального порядка. В этом смысле язык «навязывает необходимые способы понимания и устанавливает тот порядок, в котором они имеют смысл для членов общества» [1, с. 64]. Подобная функция языка находит подтверждение и у Гадамера, который утверждает: «языковой характер имеет человеческий опыт мира вообще», тем самым подчеркивая, что мир открывается человеку уже через призму языка, а не до или вне его [2, с. 527].

В философии XX века язык стал рассматриваться не только как инструмент социального взаимодействия, а стал осмысляться как условие самого мышления и бытия человека, как основание, в котором содержится не только познание, но и само существование. Центральной фигурой в этом процессе стал Мартин Хайдеггер, который в своем знаменитом «Письме о гуманизме» сформулировал ключевой тезис: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек» [3, с. 1]. Повседневная реальность демонстрирует: даже когда ребенок произносит первое слово, он вступает в социальный мир, где слово уже наделено определенным смыслом, эмоцией, нормой и ожиданием. Автор работы «Язык как средство конституирования повседневного жизненного мира» М.П. Шубина показывает, как язык отражает опыт, превращая личное переживание в общезначимую реальность. Автор в работе пишет: «Язык типизирует мои переживания и опыт, который вследствие этого становится доступным не только для меня, но и для других людей» [1, с. 64].

Данная конституирующая функция языка находит подтверждение и у Хайдеггера, который пишет, что язык не является лишь средством выражения мысли, а является «домом бытия», в котором человек уже находится. Данная мысль становится особенно очевидной в ситуациях, где язык исчезает или нарушается: при афазии, в межкультурном столкновении или в условиях языкового насилия. Например, широко известно, что немцы из разных земель могут не понять друг друга, несмотря на то, что являются жителями одной страны, или россияне имеют особенности диалекта, слова, которые употребляются не в каждом регионе. Именно социальное пространство, в котором находится человек, задает тон для взаимодействия между людьми [3]. Именно в данном контексте философская идея о языке как «доме бытия» пересекается с социолингвистикой Пьера Бурдье. Автор считает, что язык несет в себе совсем не нейтральный код, язык имеет глубинные механизмы воздействия и влияния, а значит, выступает как поле символической власти. Следовательно, феномен «легитимного языка» раскрывает суть этой власти, так как он признается различными институтами общества, что в дальнейшем делает его маркером социального капитала. Владение легитимным языком открывает доступ к престижным позициям, а отсутствие, наоборот, закрывает [4].

Именно через язык открывается нам мир, именно в языке формируется и сохраняется то, что есть. Мыслители и поэты, по Хайдеггеру, являются теми, кто бережно хранит это жилище, обеспечивая открытость существования. Таким образом, язык перестает быть инструментом и становится онтологическим основанием человеческого существования. Язык несет в себе и мир, и смысл, и самого человека как разумное существо, общество, бытие [3].

Как и для Мартина Хайдеггера, для Михаила Бахтина поэзия становится тем пространством, где язык обнаруживает свою подлинную природу. «В поэзии язык достигает наибольшей плотности и многозначности; здесь каждое слово несет в себе не только свое значение, но и весь контекст, всю историю языка» [5, с. 285]. Однако если Хайдеггер видит в языке место бытия, то М.М. Бахтин открывает в нем

этическое измерение: язык есть не просто среда, а активное событие встречи с Другим.

Для М.М. Бахтина слово не рождается в изоляции, а является ответом на чужое слово и одновременно выступает как обращение к другому, ожидание его ответа. «Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее безответности», пишет автор, подчеркивая, что смысл существует только в диалоге. Лишенное направленности на Другого, слово теряет свою онтологическую опору [6, с. 209].

Социальность языка у М.М. Бахтина обусловлена тем, что речь там, где контакт, а для контакта нужен язык. «Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собою без другого; я должен найти себя в другом, найдя другого в себе… Мое имя я получаю от других, и оно существует для других», утверждает автор, тем самым выводя язык за пределы индивидуального сознания и помещая его в центр межличностных и общественных отношений. Реальной единицей языкового бытия становится не слово в словаре и не абстрактная система, а высказывание [6, с. 213].

Несмотря на то, что в научной литературе нередко противопоставляют концепции М.М. Бахтина и Фердинанда де Соссюра, между ними можно обнаружить важное общее основание. Действительно, Соссюр проводил четкое разграничение между языком как системой и речью как индивидуальным актом, стремясь обеспечить научную строгость лингвистики. Однако он подчеркивал его конкретную, социальную реальность, Н.Г. Аветисян, С.К. Восканян пишут о концепции Ф. Соссюра:

«Язык есть социальный продукт, совокупность необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка».» [7, с. 73].

Таким образом, даже в рамках структурализма Соссюр видит язык как социально организованное явление, существующее в коллективном сознании.

Данное видение сближает его с М.М. Бахтиным. Разница между ними только в том, где именно проявляется эта реальность: для Ф. Соссюра в системе, для М.М. Бахтина в высказывании, в живом диалоге. У М.М. Бахтина, как отмечают Г.Н. и С.А. Манаенко, «структура высказывания является чисто социальной структурой… Индивидуальный речевой акт – contradictio in adjecto» (противоречие в определении) [8, с. 28].

Как отмечает Г.Н. и С.А. Манаенко, «Язык есть непрерывный процесс становления, осуществляемый социальным речевым взаимодействием говорящих» [8, с. 28].

Развивая идею М.М. Бахтина, которая звучит как человек, имеющий речь несет ответственность за свою речь, можно подойти к идее силы влияния языка на социум.

У Эммануэля Левинаса язык раскрывается не через систему знаков, а как этическое событие. В своей поздней работе «Иначе, чем быть» он вводит принципиальное различие между «сказанным» и «говорением». Как отмечает З.А. Сокулер, «сказанное неизбежно и сущностно искажает говорение, ибо снимает его временнóй и процессуальный характер» [9, с. 31].

Именно в «говорении» происходит встреча с Другим, чье лицо «содержит в себе императив языка». По Э. Левинасу, как пишет З.А. Сокулер, «формальная структура языка провозглашает этическую неприкосновенность Другого, его «святость»« [9, с. 37]. Эммануэль Левинас считает, что язык сущностно амбивалентен. Встреча с Другим происходит именно в языке, и эта встреча несет в себе требование признания, уважения и заботы. Лицо Другого, по Э. Левинасу, говорит до всяких слов, и язык становится ответом на этот немой этический вызов. Как пишет в своей работе О. Куминова, «говорение – это не передача содержания, а ответственность за Другого» [10, с. 92]. Язык, таким образом, становится не просто способом передачи информации, но и формой этического обязательства, первой философией, предшествующей любой метафизике.

Как отмечает И.Д. Верихов, анализируя концепцию Э. Левинаса, пишет, что лицо Другого содержит в себе императив языка [11 с. 45]. Слово рождается не из потребности выразить мысль, а из ответственности перед Другим, чье присутствие уже само по себе есть призыв.

Герменевтика Ганса-Георга Гадамера продолжает мысль о философском осмыслении языка, основанном на понимании. В своей фундаментальной работе «Истина и метод» он делает вывод, что «бытие, которое может быть понято, есть язык» [2, с. 527]. Мир выражает себя в языке, и наш опыт этого мира является «абсолютным» именно потому, что он языковой. Гадамер подчеркивает, что «весь язык в своем существе есть язык разговора» [2, с. 270]. Язык здесь – живая среда, в которой происходит встреча с традицией, с текстом и с другим человеком. Понимание, по Гадамеру, всегда исторично: оно осуществляется в рамках «горизонта ожидания», сформированного нашей культурой, опытом и языком. Именно поэтому язык выступает как мост между прошлым и настоящим, между индивидуальным и коллективным. Как пишет Е.И. Жук, анализируя Гадамера, «в языковом оформлении человеческого опыта мира происходит не измерение или учет уже наличествующего, но обретает голос само сущее в том виде, в каком оно в качестве изначимого являет себя человеку» [12, с. 40–41]. Язык выступает как всеохватывающая предвосхищающая истолкованность мира, то есть среда, в которой раскрывается сама действительность [12, с. 44]. «Речь каждого в беседе преображается: она включается в общий контекст и становится языком беседы… осуществляется не понимание Другого, а некое новое понимание смысла мира» [12, с. 46].

В продолжение философского раскрытия метафизической и экзистенциальной глубины языка, социолингвистика исследует его конкретные проявления в нашем обществе. Здесь языку отводится особая роль мощного социального инструмента, вплетенного в структуры власти, статуса и идентичности. Ключевую роль в этом направлении сыграла теория Пьера Бурдье, который ввел понятия «символической власти» и «легитимного языка».

Бурдье утверждает, что символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов. Она реализуется через воспроизводство «легитимного языка», который, будучи продуктом доминирующих классов, становится нормой для всех, маскируя под видом естественности социальное неравенство. Легитимный язык – это совокупность произношения, лексики, стиля речи, которые признаются авторитетными и престижными. Обладание этим языком становится формой «символического капитала», то есть ресурса, который открывает доступ к образованию, культуре и власти.

Бурдье пишет о концепции «габитуса» как системы глубинных, долговременных диспозиций, которые формируют наше восприятие, мышление и действия. Габитус, приобретенный в определенной социальной среде, программирует нас на использование определенного языкового кода. В «Практическом смысле» Бурдье показывает, как габитус порождает практические стратегии, в том числе и речевые, которые кажутся их носителю «естественными» и «очевидными». Таким образом, язык становится маркером социального происхождения и инструментом воспроизводства социальных различий. Школа, по Бурдье, играет ключевую роль в этом процессе, легитимизируя язык доминирующего класса и дискредитируя речь низших слоев [4].

Российская социолингвистика, представленная работами Леонида Петровича Крысина, дополняет эту картину эмпирическими данными и теоретическими обобщениями. В своих «Очерках по социолингвистике» Крысин Л.П. подчеркивает, что язык в современном обществе служит самым разнообразным конкретным целям и что его функционирование невозможно понять вне социального контекста [13].

Он изучает язык в его социальной дифференциации: как различные социальные группы используют свои языковые коды, социолекты и стили речи для выражения своей принадлежности и позиционирования в обществе. Крысин Л.П. показывает, что язык – это сложная система вариантов, каждый из которых связан с определенной социальной позицией и выполняет специфические коммуникативные функции [13].

Например, речь городских жителей отличается от речи сельских, молодежный сленг – от официально-делового стиля, профессиональный жаргон – от литературного языка. Данные различия не являются случайными: они отражают социальные границы, статусные различия и культурные особенности групп.

Язык играет ключевую роль в формировании идентичности, как индивидуальной, так и коллективной. Через язык человек осознает себя как часть определенной социальной группы: нации, класса, профессионального сообщества, поколения. Как отмечают М.В. Зайцева и Т.В. Григорьева, язык является важнейшим маркером национальной и культурной идентичности, особенно в условиях глобализации и миграции [14].

Ю.А. Петрова и В.Б. Черемина подчеркивают, что язык также участвует в конструировании гендерной идентичности: мужская и женская речь часто демонстрируют различные стилистические и прагматические особенности, отражающие социальные роли и ожидания. Например, женская речь чаще характеризуется использованием вежливых форм, вопросительных конструкций и эмоциональной лексики, что связано с социальными нормами, предписывающими женщинам быть заботливыми и уступчивыми [15].

Кроме того, язык выступает как носитель и хранитель культурного наследия. В этом контексте особую значимость приобретает подход, известный как лингвоэкология, представленный в работах Аррана Стиббе. Автор в своей книге «Эколингвистика: язык, экология и истории, которыми мы живем» утверждает, что язык несет в себе определенные «истории» или нарративы, которые формируют наше

мировоззрение и поведение. Некоторые из этих нарративов способствуют гармонии с природой и обществом, а другие несут разрушение и эксплуатацию. Таким образом, язык становится не только отражением культуры, но и активным агентом ее трансформации [16].

Язык не существует в отрыве от телесности. Речь – это акт, в котором участвуют голосовые связки, дыхание, мимика, жесты. Тело становится носителем языковых привычек, акцентов, интонаций. Как пишет Ольшанский, язык выступает как «культурный диалог», в котором телесность играет не последнюю роль. Телесный опыт речи формирует наше отношение к языку, к другому, к миру. Например, страх говорить на публике связан не только с когнитивной тревогой, но и с телесным напряжением, например, сжатием гортани, учащенным дыханием. Таким образом, тело и язык неразрывно связаны в акте социального бытия [17].

В условиях глобализации актуальной становится проблема лингвоцида, то есть уничтожения языков. Термин обозначает «комплекс мер административного характера, направленных на уничтожение языка». Лингвоцид является важнейшей частью этноцида, поскольку язык выступает носителем уникального мировоззрения, культуры, памяти народа. Н.Н. Трошина в своей работе подчеркивает, что «глобализация не является нейтральной по отношению к взаимодействию между языками, но всегда поощряет использование сильных языков, результатом которого является замена слабых языков на языки лидеров глобального мира» [18, с. 20]. Английский язык, обладая «экономической силой», вытесняет малые языки, что приводит к сокращению лингворазнообразия планеты. По данным ЮНЕСКО, сегодня в мире исчезает один язык каждые две недели. Происходит огромная утрата целых систем знания, эколингвистических практик, духовных традиций.

Несмотря на то, что иногда язык выполняет репрессивную функцию, он может выступать и как средство сопротивления. Диалогизм предполагает возможность «ответного слова», которое бросает вызов официальной речи. Карнавализация, смеховая культура, пародия – все это формы языкового сопротивления, которые подрывают монологическую власть. Однако язык не сводится лишь к механизму символического насилия. Как подчеркивает Э.В. Артишевский, освобождение человека начинается с освобождения его речи от готовых клише, стереотипов и идеологических штампов [19, с. 5]. В этом смысле язык становится не только формой социального бытия, но и инструментом эмансипации – пространством, где индивид может противостоять доминирующим дискурсам и обрести подлинный голос.

Таким образом, язык как форма социального бытия предстает не как единая структура, а как сложное, напряженное поле, в котором пересекаются онтологические, этические и социальные измерения. С одной стороны, это онтологическое основание человеческого пребывания в мире: «дом бытия», в котором человек не владеет языком, а обитает в нем; пространство диалога, где слово рождается в ответ на Другого и теряет смысл в безответности; условие понимания, в котором мир открывается как «языковой опыт».

С другой стороны, язык – это мощный социальный институт, вплетенный в структуры власти, иерархии и идентичности. Язык воспроизводит социальные различия через легитимные нормы, акценты, стили и даже грамматические формы: владение «правильным» языком становится маркером капитала, а его отсутствие является барьером. Феноменологическая социология дополняет эту картину, демонстрируя, как язык строится на повседневном опыте, превращая субъективное переживание в «социальное априорное знание».

В сердце полюсов заключено этическое измерение: язык как императив ответственности, как призыв, исходящий от лица Другого. Именно здесь язык перестает быть «домом», «инструментом», а становится актом этического выбора.

В этом многомерном пространстве, от поэзии М. Хайдеггера до социолингвистики Л.П. Крысина, от «говорения» Э. Левинаса до «легитимного языка» П. Бурдье, раскрывается подлинная природа языка. Язык выступает одновременно местом нашего пребывания, полем нашей борьбы и обязательством перед социумом.

Литература

1. Шубина М.П. Язык как средство конституирования повседневного жизненного мира // Омский научный вестник. Серия «Философия». 2013. № 1 (127). С. 5–15.

2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. М.А. Журинской [и др.]; ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

3. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 278–305.

4. Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова [и др.]. – М.: Алетейя, 2001. – 562 с.

5. Бахтин М.М. Собрание сочинений / М.М. Бахтин; под ред. С.Г. Бочарова, В.В. Кожинова. – М.: Русские словари, 2003. – 416 с. – (Собрание сочинений: в 6 т.; Т. 3). – ISBN 5-89172-205-0.

6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин; под ред. С.Г. Бочарова, В.В. Кожинова. – М.: Русские словари, 2003. – 848 с. – (Собрание сочинений: в 6 т.; Т. 5). – ISBN 5-89172-207-7.

7. Аветисян Н.Г., Восканян С.К. К вопросу о соотношении языка, культуры, мышления через призму лингвистических учений // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2. – С. 67–78.

8. Манаенко Г.Н., Манаенко С.А. М.М. Бахтин: «несвоевременные мысли» о лингвистике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2012. – № 14. – С. 26–36.

9. Сокулер З.А. Говорение и сказанное в учении Э. Левинаса: о том, что может и что не может быть выражено в языке // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2012. № 5. С. 26–40.

10. Куминова О. «Oral Discourse Is the Plenitude of Discourse»: Emmanuel Levinas's Philosophy of Language Applied to Reading // Levinas Studies. 2013. Vol. 8. P. 81–98.

11. Верихов И. Д.Э. Левинас и А. Бергсон в контексте проблемы языка // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12(26), ч. I. С. 44–48.

12. Жук Е.И. Ханс-Георг Гадамер о природе языка: проект феноменологической герменевтики // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 39–47.

13. Крысин Л.П. К85 Очерки по социолингвистике / Л.П. Крысин. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 360 с. ISBN 978-5-9765-4524-3

14. Зайцева М.В., Григорьева Т.В. Аксиологическая трансформация русского языкового сознания в контексте современных социальных процессов // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. Серия 3: Филология, педагогика, психология. 2020. № 3. С. 235.

15. Петрова Ю.А., Черемина В.Б. Процесс изменения и трансформации языкового сознания молодежи под влиянием глобализации // Философия. 2018. № 5. С. 73–80.

16. Stibbe A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. – London; New York: Routledge, 2015. – 210 p.

17. Ольшанский Д.А. Социальная и культурная функции языка: задачи философской социолингвистики // Актуальные проблемы культурологии. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – С. 3–12.

18. Трошина Н.Н. Экология языка: анализ, обзор / РАН, ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания; ред. Е.О. Опариной, М.Б. Раренко. – М.: ФГБУ «Центр гуманитарных научно-информационных исследований», 2020. – 54 с. – (Теория и история языкознания). – ISBN 978-5-248-00955-8.

19. Артишевский А.В. Социокультурные факторы трансформации языкового сознания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 13, № 4. С. 115–122. DOI: 10.24411/2070-0717-2019-10222.

LANGUAGE AS A FORM OF SOCIAL BEING: PHILOSOPHICAL AND SOCIOLINGUISTIC ASPECTS

Pigareva A.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to a comprehensive analysis of language as a form of social being. The paper examines philosophical concepts that treat language as an ontological basis of human existence, a condition of thought, and a form of ethical interaction with society. The sociolinguistic aspect reveals language as an instrument of symbolic power, an indicator of social and cultural identity, as well as a factor reproducing social stratification. Related problems of linguicide, language ecology, and the relationship between speech and embodiment are analyzed. The dual nature of language is emphasized: it acts as an ontological basis of the «I», a «house of being», a field of social struggle, and a space of ethical responsibility.

Keywords: forms of social being, philosophy of language, sociolinguistics, symbolic power, identity, ethics, ontology, linguicide.

References

1. Shubina, M.P. Language as a Means of Constituting the Everyday Lifeworld. Omsk Scientific Bulletin. Series «Philosophy», 2013, № 1 (127), Pp. 5–15.

2. Gadamer, H.-G. Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics. Translated from German by M.A. Zhurinskaya et al.; edited with an introduction by B.N. Bessonov. Moscow: Progress, 1988. 704 p.

3. Heidegger, M. Letter on Humanism. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika, 1993, Pp. 278–305.

4. Bourdieu, P. The Logic of Practice. Translated from French by A.T. Bikbov et al. Moscow: Aleteya, 2001. 562 p.

5. Bakhtin, M.M. Collected Works. Edited by S.G. Bocharov and V.V. Kozhinov. Moscow: Russkie Slovari, 2003. 416 p. (Collected Works in 6 vols., Vol. 3). ISBN 5-89172-205-0.

6. Bakhtin, M.M. Problems of Literature and Aesthetics. Edited by S.G. Bocharov and V.V. Kozhinov. Moscow: Russkie Slovari, 2003. 848 p. (Collected Works in 6 vols., Vol. 5). ISBN 5-89172-207-7.

7. Avetisyan, N.G., Voskanyan, S.K. On the Relationship between Language, Culture, and Thought through the Prism of Linguistic Theories. Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, 2022, № 2, Pp. 67–78.

8. Manaenko, G.N., Manaenko, S.A. M.M. Bakhtin: «Untimely Thoughts» on Linguistics. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 2012, № 14, Pp. 26–36.

9. Sokuler, Z.A. Saying and the Said in the Teaching of E. Levinas: On What Can and Cannot Be Expressed in Language. Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy, 2012, № 5, Pp. 26–40.

10. Kuminova, O. «Oral Discourse Is the Plenitude of Discourse»: Emmanuel Levinas's Philosophy of Language Applied to Reading. Levinas Studies, 2013, Vol. 8, Pp. 81–98.

11. Verikhov, I. D.E. Levinas and A. Bergson in the Context of the Problem of Language. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art Studies. Issues of Theory and Practice, 2012, № 12 (26), part I, Pp. 44–48.

12. Zhuk, E.I. Hans-Georg Gadamer on the Nature of Language: The Project of Phenomenological Hermeneutics. Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology, 2019, № 1, Pp. 39–47.

13. Krysin, L.P. Essays on Sociolinguistics. Moscow: FLINTA, 2021. 360 p. ISBN 978-5-9765-4524-3.

14. Zaitseva, M.V., Grigorieva, T.V. The Axiological Transformation of Russian Linguistic Consciousness in the Context of Contemporary Social Processes. Scientific Works of Kuban State Technological University. Series 3: Philology, Pedagogy, Psychology, 2020, № 3, p. 235.

15. Petrova, Yu.A., Cheremina, V.B. The Process of Change and Transformation of Youth Linguistic Consciousness under the Influence of Globalization. Philosophy, 2018, № 5, Pp. 73–80.

16. Stibbe, A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. London; New York: Routledge, 2015. 210 p.

17. Olshansky, D.A. Social and Cultural Functions of Language: Tasks of Philosophical Sociolinguistics. In: Current Problems of Cultural Studies. Yekaterinburg: Ural State University, 2001, Pp. 3–12.

18. Troshina, N.N. Ecology of Language: Analysis and Review. Russian Academy of Sciences, INION. Center for Humanitarian Scientific Information Research, Department of Linguistics; edited by E.O. Oparina and M.B. Rarenko. Moscow: Center for Humanitarian Scientific Information Research, 2020. 54 p. (Theory and History of Linguistics). ISBN 978-5-248-00955-8.

19. Artishevsky, A.V. Sociocultural Factors of the Transformation of Linguistic Consciousness. Bulletin of South Ural State University. Series «Linguistics», 2019, Vol. 13, № 4, Pp. 115–122. DOI: 10.24411/2070-0717-2019-10222.

Потенциал сибирского казачества в контексте идеологической безопасности России

Писачкин Дмитрий Владимирович,
кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры теории и методологии государственного управления,
Академия управления МВД России
E-mail: dmitrypisachkin@mail.ru

В основе статьи лежит авторская теоретико-методологическая схема, используемая для философского анализа феномена казачества в проекции идеологической и мировоззренческой безопасности. В статье рассматривается проблематика, связанная с коммуникацией этносов, проживающих в России. Этнокультура, характерная для каждой этнической группы, создает эклиптическое начало между объектами и способствует стратификации всего спектра народов России, что как следствие приводит к ослаблению конструкции идеологической безопасности государства. В работе использованы смысловые конструкции теорий институциональных матриц и национальной безопасности. В ходе научного исследования применялся метод диалектики и интегративный метод. Автор статьи рассматривает исторический пример казачества как изначально полиэтнической и мультиконфессиональной социальной группы, пришедшей в процессе единой профессиональной и хозяйственной деятельности к доминированию православия. Показательно, что казачество как социальная группа, объединенная государственной службой и ее обеспечением, выступало фактором консолидации и интеграции российского социума в разные исторические периоды.

Ключевые слова: Сибирское казачество, идеологическая безопасность, мировоззренческая безопасность, коренные народы Сибири, институт, культура.

«Дайте мне 20 тысяч казаков, и я
завоюю весь мир»
Наполеон Бонапарт

Рассматривая выделенные в эпиграфе слова Наполеона, хочется понять, что в действительности он подразумевал, высказывая подобную мысль. Данное изречение выглядит настолько неоднозначно и противоречиво, что является поводом для рефлексивного анализа.

Казаки почти всегда выступали в роли иррегулярной силы, и одного этого достаточно, чтобы профессиональный полководец не воспринимал их всерьез. Одной отваги, выносливости и умения владеть оружием мало, нужны профессиональная выучка, слаженность действий, умение воевать строем. Если рассматривать казаков через призму указанных характеристик, армия Наполеона значительно превосходила своего оппонента. Тогда что в действительности имел в виду император?

В России иррегулярные войска представляли собой казаков и инородческие части, которые в дальнейшем пополнились милицией и народным ополчением. Особое отличие иррегулярных формирований заключалось в высокой манёвренности в сочетании с плохим вооружением и низким уровнем обучения для действий в строю. Иррегулярные войска хорошо показывали себя в таких мероприятиях, как разведка, наблюдение, дозоры, набеги, засады, рейды по тылам противника и пр. [1, с. 154–162].

Завоеватель, привыкший одерживать победу на поле боя силой оружия, ставил во главу угла профессиональный уровень армии и ее оснащённость, а столкнулся со стихией. Партизанская война в сочетании с природными условиями явились основным фактором, против которого не знавшая поражений армия оказалась бессильной. Казаки – это тот образ, который олицетворял совокупность всей силы земли Русской, выраженной в целом спектре ипостасей. Говоря о казаках, Наполеон говорил о России как о чем-то не подвластном логике – нестандартном и в то же время наделенном гигантской силой, проявляющей себя стихийно. Россия – это особая цивилизация, она не подходит под общие стандарты. Воевать с Россией по стандартам можно, но победить нельзя. Казачество – это уникальное российское явление, детище особой цивилизации, которое в своем лице тождественно отражает ее неординарность и силу. Попытки создать подобные воинские формирования в Персии, Турции, Речи Посполитой, Великом княжестве Литовском заканчивались неудачей [2]. Данный факт свидетельствует об исключительности этого воинского сословия, его неотделимости от Руси – России. «Казачество, которое ранее представляло собой воинское сословие, у нас представлено как общественный институт, сохранивший атрибутику в историческом аспекте» [3, с. 87–92].

Казачество, существующее в современном мире, в своем становлении и многогранности испытало воздействие множества факторов. Основной движущей силой культурного формирования казачества является обратная связь, возникающая в процессе ассимиляции с коренными народами, населяющими с ним одну территорию. Каждая ветвь казачества достойна отдельного внимания и может быть рассмотрена как отдельный институт.

Казачество – это форма; в нашем случае содержание определяет прилагательное, отвечающее на вопрос «какое?». В качестве примера можно сравнить Кубанское и Сибирское казачества [4]. Насколько они коррелируют в пространственных характеристиках? Для проведения данного сравнения нужно сопоставить представителей коренного населения указанных географий: тувинца, бурята, тунгуса – с черкесом, карачаевцем, адыгейцем, и мы получим ответ на поставленный вопрос. Все национальные особенности указанных народов зеркально отражены в казачестве, в первом случае Сибирском, во втором – Кубанском. Что объединяет все казачества вместе и разделяет по отдельности?

Каждое казачество в системе образует свою самобытную подсистему, тождественную этническому менталитету социума, взаимодействующего с ним. Это процесс экстернализма – бытие определяет сознание [5]. Важнейшим фактором консолидации казачества является православие [6].

Так, например, российский писатель – публицист В.Е. Шамбаров [7] и российский учёный, писатель и историк Л.Н. Гумилёв [8] в своих трудах называли казаков «обрусевшими восточными народами». Иной

точки зрения придерживался русский историк С.М. Соловьёв [9], считавший их славянами, заселившими в XV в. пустующие земли Дикого поля.

Весь спектр народов России можно рассмотреть по секторам, на каждом локальном уровне необходимо выделить сердцевину – создать идеологическое ядро, в качестве которого может выступить рассматриваемый институт. Казачество способно отразить всю палитру этнических особенностей, установив при этом коммуникацию между компонентами, в качестве которых выступят конфессии, этносы и субэтносы. Таким образом, можно использовать потенциал казачества в контексте идеологической безопасности. Одним из примеров может послужить Сибирское казачество, которое обладает более значительным идеологическим потенциалом в сравнении со своими аналогами.

Наиболее ярким примером исторического значения казачества служит завоевание с последующим освоением Сибири, где казачьи войска занимали новые территории. Казаки не только силой оружия покоряли народы и приводили их под власть царя, но и старались разрешать конфликты мирным путём, используя дипломатию. В течение нескольких веков в качестве основных защитников Приамурья и Дальнего Востока выступали казаки, которые, наряду с защитой восточных рубежей страны реализовывали программу заселения края и хозяйственного освоения территорий. Следует отметить, что возложение вышеупомянутых обязанностей не было инициативой самих казаков; это было следствием политики царского режима, вектор которой был направлен на полное искоренение преемников Золотой Орды и расширение имперских владений на Востоке. Особый интерес представляет тот факт, что казаки выступали не только в роли карателей, но и в роли наместников, дипломатов, хозяйственников [10].

Коренное население Сибири – «инородцы» на начальном этапе покорения боролось за свою независимость с Российской империей. В дальнейшем, пополнив ее ряды, местные народы продолжали борьбу с казачеством за независимость и жизненное пространство. Тем не менее равномерное заселение края европейскими представителями, равно как и казаками, сказалось на жизненном укладе коренных этносов. Происходило изменение отношений между народами, повлекшее неизбежный естественный процесс ассимиляции населения. Представители разных этносов в процессе ассимиляции унаследовали друг от друга традиции и обычаи. В 1822 г. был принят Устав «Об управлении инородцев», определивший систему управления коренными народами Сибири. Согласно этому законодательному акту, инородцы делились на «оседлых», «кочевых» и «бродячих» [26, № 29126], согласно данному разделению определялся их статус. В соответствии с Уставом оседлые инородцы приравнивались к – мещанам и крестьянам. В процессе дальнейшего существования коренное население трансформировалось в полноправных участников всех сфер жизни сибирского общества. Проблемы комплектования личным составом силовых ведомств не обошли стороной и коренное население Сибири. Назначались представители этнических групп на службу в русские казачьи полки, также из них создавались целые национальные формирования (например, Бурятский казачий полк, Тунгусский казачий полк и др.). Принятие Устава послужило точкой необратимости, оказавшее важное историческое значение на складывающиеся в Сибири отношения между различными этносами.

Сибирь и казачество, насколько эти два явления имеют внутреннюю и внешнюю связи, можно узнать из истории. Расширение владений Российской империи «…за счет огромной территории Сибири было целиком и полностью заслугой атамана Ермака и его спутников из числа донских казаков. Это получилось скорее случайно, чем в результате тщательно разработанного плана открытий и завоеваний» [11, с. 52]. Особый интерес представляет тот факт, что покорение Сибири произошло именно спонтанно, минуя политическую волю. Учитывая, что указанное событие состоялось во времени и пространстве в значительной степени независимо от внешней движущей силы, из этого следует: природа определила бытие, и казачество приняло внутреннюю форму по отношению к Сибири – содержанию. Форма всегда двояка, она делится на внутреннюю и внешнюю по отношению к содержанию. Наиболее оптимальное сочетание происходит, когда внутренняя форма тождественна содержанию [5, с. 94].

Сибирское казачество имеет особый статус, оно является первооткрывателем, принявшим форму основного доминанта, выразившего себя в культурной, социальной, этнической, политической ипостасях по отношению к объекту – Сибири. Если все остальные казачества исторически выступали в форме надстройки, то Сибирское казачество обозначило себя в роли создателя самого базиса. Когда другие казачества были инородным телом, Сибирское казачество являлось самобытным организмом.

Рассматривая Сибирское казачество в проекции идеологической безопасности, стоит отметить: «Идеологическая безопасность – это часть политической безопасности. В то же время она играет критически важную роль в поддержании политической безопасности. Ядром национальной политической безопасности является безопасность режима и политической системы. Более того, поле идеологии всегда первым подвергается вызову со стороны внешних сил против безопасности режима политической системы» [12, с. 175–178].

Основными целями идеологической безопасности являются поддержание политической стабильности и сохранение национальной культуры.

«…При формировании идеологии необходимо учитывать, что она выражает субъектно-объектное отношение к действительности. Следовательно, нужно учитывать, что идеология имеет историческое содержание. Как понятие историческое она должна иметь базисные основы» [13, с. 141–144].

Идеология воинского сословия в контексте Сибирского казачества, представляет собой отдельный материал. Любое казачество в нашем случае можно использовать в качестве промежуточного звена, чтобы установить коммуникацию между объектами. Конечная цель концепции заключается в усилении идеологических – мировоззренческих начал в проекции безопасности. Казачество может выступить в роли идеологического интегратора всего спектра народов России.

Сибирское казачество отличается от других казачеств тем, что в дореволюционный период, диапазон выполняемых им задач был намного шире. Если основная задача других казачьих сообществ заключалась в охране государственной границы, то Сибирское казачество осуществляло также и полицейские – надзорные функции. Стоит отметить, что указанный выше Устав был первым в истории нормативным правовым актом регламентирующим деятельность сибирского городового казачества, закрепляющим его статус, структуру управления, права и обязанности. Сам факт возникновения нормативно правового акта поставил точку отсчета в правовом поле и определил дальнейшую концепцию развития социальной общности.

«Особый интерес представляет широкий комплекс обязанностей городовых казаков, подразделяющихся на полицейские и хозяйственные функции» [26, № 29131]. Стоит отметить, возложенный на Сибирское казачество комплекс мероприятий – представляет весь функциональный спектр государственной безопасности.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что казачество отражено в идентичном коде всех сибирских народностей. Рассматривая идентичный код через призму идеологической безопасности, задаемся вопросом: какое он имеет значение для последней? Если в качестве основной цели идеологической безопасности выступает поддержание политической стабильности, а во вторую очередь – сохранение национальной культуры, то стоит отметить: в обоих случаях идентичный код имеет первоочередное значение. Национальная культура лежит в основе идентичности народов, народностей, этносов, групп; культура создает платформу для коммуникации между социумом и властью. Стабильность правящего режима напрямую зависит не только от правящих элит, но и от структуры этнического формирования, его этоса-мировоззрения.

Идеологическая безопасность – это прежде всего превентивный комплекс мер, целью которого является недопущение внедрения идеологических конструкций, созданных враждебными политтехнологами – это мировоззренческая безопасность [14]. К комплексу указанных мер относится и экспертиза культов, в которых усматривается деструктивный сегмент, разоблачение сект, просвещение населения об опасности подобных идеологических конструкций, контроль и прогнозирование идейных процессов в обществе. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что должны возродиться исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти [27]. Как можно представить возрождение исконно российских идеалов без отражения их в идентичном коде населения? Программа популяризации исторической памяти по возрождению исконно российских идеалов – это и есть комплекс превентивных мер, проводимых в проекции национальной безопасности [15] – идеологической безопасности – мировоззренческой безопасности. А само казачество как общественный институт, рассмотренный в историческом контексте, в ракурсе духовной культуры, и есть тот самый материал, создающий идеологическую конструкцию, необходимую для реализации проекта.

Русский философ И.А. Ильин считал: «…то, что создавалось в России в XVIII и XIX веках, было именно светскою национальною культурою. России было дано великое задание – выработать русско-национальный творческий акт, верный историческим корням славянства и религиозному духу православия, – «имперский» акт такой глуби-

ны, ширины и гибкости, что бы все народы России могли найти в нем свое родовое лоно, свое оплодотворение и водительное научение» [16, с. 56]. «…Задача состоит в обеспечении возможности гармонизации человека (народа) и власти (государства) в рамках нации. Эта задача выражает содержание «русской идеи» в современной транскрипции» [17]; [18, с. 340–350].

Как показывает современность, идеологическая консолидация многонационального народа Российской Федерации должна проходить не путем внедрения идеологических моделей в сознание мультиконфессионального и полиэтнического населения, а реверсивным путем – приведения повседневности российского общества в соответствие с общими канонами традиционных религий и национальных обычаев народов России [19]. «…Другими словами, главное сохранить историческую ценность» [20, с. 45–55].

«Стратегия провозглашает, что решение задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации» [21, с. 14].

В России в настоящий момент нет аналога собирательному выражению термина «советский народ». Термин «россиянин» был популяризован в период правления первого президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, и обозначает сообщество граждан нашей страны различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности. «…на злобу приснопамятного ельцинского правления, передающее гамму оттенков, красок отечественного существования, национального строя вершения собственной истории, обусловленного типом обращения власти с подвластным подножием – могучим, но многострадальным российским народом» [22, с. 171–179]. В российском паспорте, в отличие от советского, национальность не указывается. Но как показывает практика, формальная нивелировка этносов положительного решения в аспекте национального вопроса не дала, а наоборот, обострила проблему. О чем свидетельствуют две чеченские компании, популяризации экстремизма в социуме и пр. Поэтому требуется укрепление духовного единства многонационального народа России не формальным, а содержательным путем [23, с. 174–180].

Указанный выше спектр по состоянию на настоящий момент состоит из 192 народов и народностей, которые между собой дифференцируются по вероисповеданию, языку и иным характеристикам. Ранее, в советское время, в обиход был введен официальный термин «советский народ», который означал единение всех этносов, населяющих территорию СССР, в единое формирование. Аналога указанного выше компилятора в России по сей день не нашлось. Поэтому возник целый ряд проблем, создающих угрозу национальной безопасности.

Рассматривая сибирское казачество в контексте идеологической безопасности, мы находим ключ к духовному единению коренного населения Сибири. Хотя с данным суждением могут не согласиться сибирские татары, о чем свидетельствует общественная дискуссия 2016 г. вокруг установления памятника Ермаку в городе Омске. Сам факт упомянутого протеста наиболее ярко подтверждает стратификацию, превалирующую в социуме на почве этнокультурных ценностей. Рассматривая данное событие через призму настоящего исследования, мы в очередной раз приходим к выводу, насколько глубоко пронизаны культура и история Сибири казачеством.

Протест татарского населения можно интерпретировать в адрес казачества, но только косвенно. Напрямую его можно связать только с личностью Ермака Тимофеевича, покорителя сибирских татар. Зададимся вопросом, могла ли татарская общественность реагировать иначе? «Ермак для сибирских татар – это разбойник, грабитель, напавший на их Родину, никакой он не национальный герой. Для русских он, может, и герой, но для татар – нет» [24, с. 57–66]. Об отношении татар к самому казачеству свидетельствует следующая ремарка: «Древний Черкесск, нынешняя Старо-Черкасская станица, вмещала в себе 11 станиц, в числе которых была одна татарская» [4, с. 119]. Исходя из выше изложенного следует что татары и казачество имеют общие исторические корни, и дихотомии между ними быть не может. Необходимо еще отметить, что образ казака-завоевателя, неоднократно трансформировался в наместника, дипломата, хозяйственника, духовника и пр.

Казачество – это первооснова идеологической, хозяйственной, этнической, социальной, культурной сущности Сибири. Все народы России имеют с казачеством историческую связь, оно инфильтрировало этос народа, в котором ассимилировалось. «Державное тело Европы в ходе колонизации оформлялось через завоевание, на Руси через союзничество» [25]. Как следствие, казачество отображено в идентичном коде любого этноса, проживающего в России, с которым оно делило жизненное пространство. Разница между казачествами заключается лишь в том, в какой степени они присутствует в культурном аспекте этносов. Из всего спектра казачеств, исходя из исторических предпосылок, сибирское является самым доминантным по отношению к коренным народам.

Для решения вопросов, возникающих в контексте идеологической безопасности, необходимо использовать потенциал именно сибирского казачества – яркого примера доминанта императивов – возрождения и сохранения культурно – нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации.

Литература

1. Пономарев П.А. Иррегулярные воинские формирования на службе в подразделениях внутренней стражи Российской империи в восточной Сибири (на примере института казачества) / П.А. Пономарев // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – Вып. 4 (Ч. 2). – С. 154–162.
2. Плеханов А.А. Казачество на рубежах Отечества / А.А. Плеханов, А.М. Плехакнов. – М.: Кучково поле, 2007. – 640 с.
3. Писачкин Д.В. Возрождение казачества как следствие модифицирования православия в постсоветском пространстве // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2025. № 11. – С. 87–92.
4. Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении/ К.К. Абаза. – М.: Центрополиграф, 2024. – 414 с.
5. Гулыга А.В. Гегель / А.В. Гулыга. –2-е изд., – М., Мол. Гвардия, 1981. – 303 с.
6. Андреев А.П. Казачье движение. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1993–3-Andreev-Panasyuk. (дата обращения: 17.02.2025).
7. Шамбаров В.Е. Казачество: История вольной Руси / В.Е. Шамбаров. – М.: Издательство Алгоритм, Эксмо, 2007. – 688 с.
8. Гумилёв Л.Н. От Руси до России / Л.Н. Гумилев. – М.: Изд-во Айрис-Пресс, 2016. – 318 с.
9. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: в 29 т. / С.М. Соловьев. – СПб.: Изд-во «Общественная польза», 1851–1879. Т. V, Ч. 2, Гл. 3.
10. Смирнов Н.Н. Забайкальское казачество / С.И. Рябова, Ю.Ф. Болдырева. – М.: Изд-во Вече, 2008. – 544 с.
11. Крессон У. Казаки. История «вольных людей» от Запорожской Сечи до коммунистической России / У. Кессон / пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центр полиграф, 2025. – 223 с.
12. Килимник Е.В. Идеологическая безопасность России / Е.В. Климник // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – № 6–1. – С. 175–178.
13. Маршак А.Л. Идеологическая безопасность нации: к вопросу о формировании новой идеологии Российского общества / А.Л. Маршак // Общество и право. – 2004. – № 4 (6). – С. 141–144.
14. Мелихов И.А. Писачкин Д.В. О необходимости теоретико-философского исследования понятия «мировоззренческая безопасность» / И.А. Мелихов, Д.В. Писачкин // Философия права. – 2025. – № 3 (114). – С. 215–223.
15. Мелихов А.И. Нация как объект обеспечения национальной безопасности / А.И. Мелихов, А.В. Харченко, Т.И. Андрющенко, Г.А. Никитина // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): мат-лы XIX междунар. науч.-теор. конф. В 2 ч. Ч. 1, Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / под ред. Н.С. Нижник; сост.: Н.С. Нижник, М.В. Савельева. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 421–428.
16. Ильин И.А. О русском национализме: сб. ст. / И.А. Ильин. – Симферополь: Изд-во «Родное слово», 2016. – 208 с.
17. Ильин В.В. Российская Империя: отжившее и живое: монография. Москва: Проспект, 2023. 383 с.
18. Писачкин В.А. Российская империя в современном мире // Российский гуманитарный журнал. – 2023. – Т. 12, № 6. С 340–350. – Изд. «Социально-гуманитарное знание» – С.П.б.
19. Писачкин Д.В., Литвинов Р.А. Реверсивное действие теории институциональных матриц в формировании казачьего сословия в развитии идеологической консолидации многонационального народа Российской Федерации // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 12. – С. 60–68.
20. Купарашвили М.Д. Постмодерн: Философия идентификация / М.Д. Купарашвили // Вестник Омского университета. – 2025. – № 2 (30). – С. 45–55.
21. Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозное основание национальной безопасности России / А.И. Хвыля-Олинтер. – М.: Академия управления МВД России 2012. – 420 с.

22. Ильин В.В. «Мядали мы вядали»: к 30-летию «Пьяного кучера» Л. Дербенева (философские сильвы о национальной тристии) // Российский гуманитарный журнал. – 2024. – Т. 13, № 4. С 171–179. – Изд. «Социально-гуманитарное знание» – С.П.б.

23. Писачкин Д.В. Геополитическая конъюнктура, как фактор возрождения русской национальной идеи / Д.В. Писачкин // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12. – С. 174–180.

24. Сергеева З.Х. Конфликты за культурно-символическое пространство и постколониальное мышление: анализ кейса / З.Х. Сергеева // Управление устойчивым развитием. – 2016. – № 4. – С. 56–64.

25. Ильин В.В. Россия и Запад: борьба миров. Москва: Проспект, 2025. 240 с.

26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. XXXVIII.

27. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 12.01.2026).

THE POTENTIAL OF THE SIBERIAN COSSACKS IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S IDEOLOGICAL SECURITY

Pisachkin D.V.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is based on the author's theoretical and methodological scheme used for the philosophical analysis of the phenomenon of Cossacks in the projection of ideological and ideological security. The article examines the issues related to the communication of ethnic groups living in Russia. The ethnoculture characteristic of each ethnic group creates an ecliptic between objects and contributes to the stratification of the entire spectrum of the peoples of Russia, which as a result leads to a weakening of the ideological security structure of the state. The semantic constructions of the theories of institutional matrices and national security are used in the work. In the course of scientific research, the dialectical method and the integrative method were used. The author of the article examines the historical example of the Cossacks as an initially multinational and multi-confessional social group that came to Orthodoxy through a single professional and economic activity. It is significant that the Cossacks, as a social group united by public service and its provision, acted as a factor in the consolidation and integration of Russian society in different historical periods.

Keywords: Siberian Cossacks, ideological security, ideological security, indigenous peoples of Siberia, institute, culture.

References

1. Ponomarev P.A. Irregular military formations serving in the units of the internal guard of the Russian Empire in Eastern Siberia (on the example of the Institute of Cossacks) / P.A. Ponomarev // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2018. –Issue 4 (Part 2). – pp. 154–162.

2. Plekhanov A.A. The Cossacks on the borders of the Fatherland / A.A. Plekhanov, A.M. Plekhaknov. – M.: Kuchkovo pole, 2007. – 640 p.

3. Pisachkin D.V. The revival of the Cossacks as a consequence of the modification of Orthodoxy in the post-Soviet space // Alma Mater (Bulletin of the Higher School). – 2025. № 11. – pp. 87–92.

4. Abaza K.K. Cossacks. Donets, Uralians, Cubans, Terets. Essays from the history of ancient Cossack life in a publicly available presentation / K.K. Abaza. – M.: Centropolygraf, 2024. – 414 p.

5. Gulyga A.V. Hegel / A.V. Gulyga. –2nd ed., Moscow, They say. Guardia, 1981. – 303 p.

6. Andreev A.P. The Cossack movement. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1993–3-Andreev-Panasyuk. (date of request: 02/17/2025).

7. Shambarov V.E. Cossacks: The History of free Russia / V.E. Shambarov. – M.: Algorithm Publishing House, Eksmo, 2007. – 688 p.

8. Gumilev L.N. From Rus to Russia / L.N. Gumilev, Moscow: Iris Press Publishing House, 2016. 318 p.

9. Solovyov S.M. The history of Russia from ancient times: in 29 volumes / S.M. Solovyov. St. Petersburg: Publishing house «Public Benefit», 1851–1879. Vol. V, Part 2, Chapter 3.

10. Smirnov N.N. Zabaikal Cossacks / S.I. Ryabova, Yu.F. Boldyreva. Moscow: Veche Publishing House, 2008. 544 p.

11. Cresson U. Cossacks. The history of the «free people» from the Zaporozhian Sich to Communist Russia / U. Kesson / translated from English by A.L. Andreev. Moscow: ZAO Center Polygraph, 2025. 223 p.

12. Kilimnik E.V. The ideological security of Russia / E.V. Klimnik // Greater Eurasia: development, security, cooperation. – 2023. – № 6–1. – pp. 175–178.

13. Marshak A.L. The ideological security of the nation: on the formation of a new ideology of Russian society / A.L. Marshak // Society and Law. – 2004. – № 4 (6). – Pp. 141–144.

14. Melikhov I.A. Pisachkin D.V. On the need for a theoretical and philosophical study of the concept of «ideological security» / I.A. Melikhov, D.V. Pisachkin // Philosophy of Law. – 2025. – № 3 (114). – Pp. 215–223.

15. Melikhov A.I. Nation as an object of ensuring national security / A.I. Melikhov, A.V. Kharchenko, T.I. Andryushchenko, G.A. Nikitina // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 100th anniversary of the formation of the USSR): materials of the XIX International scientific theory. conf. At 2 p.m., St. Petersburg, April 28–29, 2022 / edited by N.S. Nizhnik; comp.: N.S. Nizhnik, M.V. Savelyeva. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. pp. 421–428.

16. Ilyin I.A. On Russian nationalism: collection of articles / I.A. Ilyin. Simferopol: Rodnoe Slovo Publishing House, 2016. 208 p.

17. Ilyin V.V. The Russian Empire: obsolete and living: a monograph. Moscow: Prospekt, 2023. 383s.

18. Pisachkin V.A. The Russian Empire in the modern world // Russian Humanitarian Journal. – 2023. – Vol. 12, № 6. From 340–350. – Ed. «Socio-humanitarian knowledge» – S.P.B.

19. Pisachkin D.V., Litvinov R.A. The reverse effect of the theory of institutional matrices in the formation of the Cossack estate in the development of the ideological consolidation of the multinational people of the Russian Federation // Society: philosophy, history, culture. – 2025. – № 12. – pp. 60–68.

20. Kuparashvili M.D. Postmodernity: Philosophy of identification / M.D. Kuparashvili // Bulletin of Omsk University. – 2025. – № 2 (30). – Pp. 45–55.

21. Khvylya-Olinter A.I. The spiritual and religious foundation of Russia's national security / A.I. Khvylya-Olinter. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2012. 420 p.

22. Ilyin V.V. «We withered»: on the 30th anniversary of the «Drunken coachman» by L. Derbenev (philosophical arguments about national identity) // Russian Humanitarian Journal. – 2024. – Vol.13, № 4. From 171–179. – Ed. «Socio-humanitarian knowledge» – S.P.b.

23. Pisachkin D.V. The geopolitical conjuncture as a factor in the revival of the Russian national idea / D.V. Pisachkin // Society: philosophy, history, culture. – 2024. – № 12. – pp. 174–180.

24. Sergeeva Z.H. Conflicts over cultural and symbolic space and postcolonial thinking: a case study / Z.H. Sergeeva // Sustainable Development management. – 2016. – № 4. pp. 56–64.

25. Ilyin V.V. Russia and the West: the struggle of worlds. Moscow: Prospekt, 2025. 240 p.

26. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXXVIII.

27. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (date of access: January 12, 2026).

Проблема взаимосвязи социальной экологии и советской прессы

Фалько Евгений Александрович,
аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
корреспондент интернет-издания «Газета.Ru»
E-mail: efalko@mail.ru

В статье предложен взгляд на советскую прессу в ее конкретно историческом срезе (30-е годы XX века) с точки зрения социальной экологии. Автор выдвигает тезис о том, что советская журналистика, функционировавшая на основе марксизма-ленинизма, и была конкретным воплощением идей о справедливости, любви, внимания к человеку, его труду и идеям – то есть тех вещей, которые лежат в основе социальной экологии в современном философском дискурсе.

Ключевые слова: человек, социум, экология, пресса, СССР, марксизм.

Советская пресса в ее конкретном выражении строилась на достаточно прочной идеологической концепции качественного перехода от одного общества к другому, от одной общественно-экономической формации к другой, от капитализма к социализму. Именно в этой связи на страницах таких известных изданий, как «Известия», «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «Правда», целом ряде общественно-политических журналов и изданий говорилось об империалистическом характере ведущих западных стран, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, разоблачалась сама сущность капиталистического способа производства, где главный мотив – это прибыль, и вскрывались все противоречия между главными капиталистическими странами.

Помимо этого, одним из лейтмотивов советской прессы выступала проблема отношения к человеку, да и проблема человека в целом, ведь мы знаем, что социалистический человек в XX веке, а особенно в годы расцвета Советского Союза выступал как прогрессивный человек. В этой связи пропагандировалась мысль о том, что труд – основа жизни, подстегивалось социалистическое соревнование как альтернатива рыночной конкуренции, а ударников труда чествовали как героев на страницах журналов и газет. Вопрос труда отражает в себе человекоориентированный подход советского времени. Советская пресса строилась на марксистском подходе, идеях К. Маркса о присвоении прибавочного продукта, поэтому вопрос труда как взаимосвязанная с проблемой человека тема имела превалирующее значение.

В свете всего вышесказанного отметим, что, к примеру, детский журнал «Пионер» в 1939 году сравнивал само отношение к человеку, к обыкновенному рабочему, на котором и строится существование государства, в Российской империи и в Советском Союзе. Старые рабочие-путиловцы, писало издание, вспоминали, что «на заводе их никогда не называли по фамилиям, а только по номерам» [1, с. 18–28]. Эти номера были написаны крупным шрифтом на одежде, чтобы их было видно издалека. Справедливо сравнение такого подхода с тюремным. Напротив, в новом обществе 1930-х годов, социалистическом обществе, простой человек работает не на миллиардера, присваивающего результаты чужого труда, а на свое общество, указывал читателям журнал «Пионер». Именно в этом и состояла сама прогрессивность не только общества в целом, но и человека в частности. В культуре, искусстве, живописи, прессе человек в СССР предстает именно в таком, прогрессивном духе.

Основываясь на прочном идеологическом фундаменте марксизма-ленинизма, советская пресса, словом, несла в себе посыл общечеловеческих ценностей, необходимых для всестороннего развития личности человека. Любовь к труду, культивируемая с самого детства на страницах прессы и журналов, выступала ключевым аспектом воспитания личности. Речь также шла об образовании, любви к природе, творчестве, физическом развитии человека, уважении к людям.

Конкретным примером этому служит личность журналиста «Комсомольской правды» Василия Пескова, который долгое время работал корреспондентом названного издания. В небольшом очерке «Таежный тупик» [2] журналист описал уникальную историю семьи Лыковых – старообрядцев, которые еще в 1930-е годы ушли от «этого мира» на фоне всех событий, произошедших в первое тридцатилетие XX века. Они ушли в горный Алтай, туда, где никогда не ступала нога человека. В 70-е группа геологов разведывала гористую местность округи. Какого было их удивление, когда они с высоты полета вертолета увидели огород, избушку, протоптанные тропинки.

Сам Василий Песков узнал об уникальной истории Лыковых от местного краеведа Николая Устинова, что и предопределило последующую огласку их судьбы. Однако в рамках разговора о советской журналистике, ее человекоориентированном, социально-экологическом подходе и воспитании, необходимо обратить внимание на само отношение Василия Пескова, краеведов и геологов к отшельникам. Оно было человечным до глубины души.

«Семь лет подряд то зимою, то летом, то осенью – я старался бывать у Лыковых. И всегда в житье и судьбе их обнаруживалось что-нибудь новое, любопытное. Кое в чем Лыковым надо было и помогать. Я это делал с радостью, опираясь на участие своих друзей в Таштыпе и Абакане. Отчет о каждой поездке публиковался в «Комсомольской правде»», – писал он в «Таежном тупике», книге, в которую вошли газетные заметки Пескова о семье Лыковых.

Песков показывает историю и судьбу этой семьи, не давая личных оценок, хотя, очевидно, что как советский гражданин он был, безусловно, дальше от религии, чем Лыковы. Он демонстрирует тот самый принцип объективной отстраненности журналиста, сформулированный М.В. Ломоносовым. Как бы следуя концепции М.В. Ломоносова о журналистике [3], Песков «не спешит с осуждением» (одним из главных принципов журналистики, по Ломоносову, является объективная отстраненность [4, с. 41]). Напротив, он пытается понять этих людей и продемонстрировать советскому обществу, что старообрядцы – это не просто отсталые отшельники, живущие в «лесу», а люди с совершенно иным мышлением, концепцией и взглядом на мир.

Кроме того, подход Пескова демонстрирует результат и порождение советской системы воспитания и образования. Его сочувственный подход к конкретной истории семьи Лыковых позволяет предположить, что лозунги СССР о мире и братстве – это не просто пустые слова, а конкретный подход к формированию личности.

На основе марксистско-ленинских принципов внимания к человеку, его воспитанию и труду, соответствующей пропаганде этих принципов в советской печати **автор делает утверждение о принципиальной взаимосвязи социально-экологической концепции современной отечественной философии с марксистским подходом.** Советская пресса была конкретным выражением социально-экологического подхода к человеку и обществу, что отражалось, конечно, на страницах журналов и изданий.

Социально-экологическая концепция как одна из возможных методологических форм журналистики основывается на экофилософском подходе, оперирующим категориями «Эко», «Мир», «созидание», «сохранение» и так далее. Это направление в современном философском дискурсе четко коррелирует с общечеловеческими ценностями, такими как любовь, созидание, дружба, мир. Конкретной практической деятельностью журналистики на основе социальной экологии должно стать продвижение с помощью технических средств, «расширяющих» человека (по Маршаллу Маклюэну), такой парадигмы, которая была бы основана на идеях сохранения и созидания. Именно об этом и писала советская пресса, именно поэтому, думается, мы можем говорить о прочной взаимосвязи социальной экологии с журналистикой СССР.

«Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и «Вечерняя Москва» и другие издания четко показывают самосознание советской журналистики как социального института, поскольку «красной линией» сквозь весь период развития прессы СССР выступает вопрос внимания к человеку, стремление создать такой социально-экономический порядок вещей, при котором человеку будет жить комфортнее с точки зрения трудовых, культурных, социальных и других отношений. Разрешение этого вопроса на практике в социальной жизни и в информационной сфере Советского Союза выполнялось, как уже несколько раз говорилось выше, на основе марксистской идеологии как методологии развития человека и общества.

Внимание к человеку весьма ярко раскрывается в советской прессе 30-х годов, когда в начале этого десятилетия «Великая депрессия» стала одним из факторов прихода Гитлера к власти в Германия и вступления этой страны на путь национал-социализма, на практике не имевшего ничего общество с подлинным социализмом образца СССР 1930-х.

Как указывала читателям советская пресса, стадия мирового капитализма на момент 1930-х гг. характеризовалась образованием ограниченного числа акционерных обществ, объединяющих немногочисленную группу предпринимателей [5]. В частности, в Соединенных Штатах к тому времени ушли в небытие рассказы о мальчиках-рассыльных, которые оказались миллионерами в результате якобы личной энергии и способностей по принципу «они просто много работали». «Один за другим сходят могилу эти легендарные герои капитализма, о причудах которых ежедневно печатались в буржуазных газетах своеобразные бюллетени», – пишет «Вечерняя Москва». Здесь речь идет о дальнейшем процессе монополизации производства на Западе в этот период, что на практике ведет к отрицанию какой бы то ни было свободы самовыражения человека и развития его как личности.

На этом фоне важен контраст развития СССР с его индустриализацией с тем, что происходило в годы «Великой депрессии» в США и Европе – миллионы обездоленных и безработных, которым нечем кормить свои семьи, неопределенность действий властей тех стран, которые фактически впервые столкнулись с подобного рода кризисом. Не надо и говорить, что при расшатывании базиса расшатывается и надстройка, что на практике вело к культурной деградации человека.

Напротив, в СССР имела места, как писала «Правда», огромна тяга к культуре. «В каждой колхозной хате непременно найдете одну – две газеты. Колхозники выписывают журналы», – сообщало издание [6]. Кроме того, к примеру, рабочие «Ростсельмаша» каждый день делали перерывы на совместное чтение газет в целях составления представления о международной и внутренней повестке дел. Демократизм рабочих и их самосознание доходили до такого, что трудящиеся *в ходе перерыва приняли резолюцию в поддержку* сражающихся против фашистов в Испании тамошних рабочих и крестьян [7].

Заметим, что именно в такой деятельности, такой инициативности, таком расширении прав человека в сторону реального управления и реальных решений и состоит демократия, которая, к слову, также имеет социально-экологический подтекст. Ведь она подразумевает внимание к человеку, его мыслям, переживаниям и идеям.

Литература

1. Пичугин С. О коммунизме. «Пионер». Издательство ЦК ВКП(б) «Правда». 1939. № 5. С. 18.
2. Песков В.М. Таежный тупик. Молодая Гвардия. М. 1990. С. 2.
3. Ломоносов М.В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии // URL: https://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (дата обращения: 24.02.2026).
4. Фалько Е.А. Исторические формы становления журналистики в России XVIII–XX вв.: к исследованию самоопределения отечественной журналистики // Социально-гуманитарные знания. № 10. 2024. С. 39–47.
5. «Вечерняя Москва». 22 июля 1932. № 168 (2595). С. 1. // [Электронный ресурс] URL: https://yandex.ru/archive/search?text=%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F&dateFrom=1929&dateTo=1936&index=mass_media&updateDate=0&excludeSeen=0 (дата обращения: 24.02.2026).
6. «Правда». 14 декабря 1934. № 343 (6229). С. 1. // [Электронный ресурс] URL: https://yandex.ru/archive/search?text=%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F&dateFrom=1929&dateTo=1936&index=mass_media&updateDate=0&excludeSeen=0 (дата обращения: 24.02.2026).
7. «Правда». 4 августа 1936. № 213 (6819) // [Электронный ресурс] URL: https://yandex.ru/archive/search?text=%D1%84%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B7%D0%BC&dateFrom=1929&dateTo=1936&index=mass_media&updateDate=0&excludeSeen=0 (дата обращения: 24.02. 2026).

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL ECOLOGY AND THE SOVIET PRESS

Falko E.A.
Plekhanov Russian University of Economics

The article suggests looking at the Soviet press in its specific historical context (the 1930s) from the point of view of social ecology. The author puts forward the thesis that Soviet journalism, which functioned on the basis of Marxism-Leninism, was a concrete embodiment of the ideas of justice, love, attention to man, his work and ideas – that is, those things that underlie social ecology in modern philosophical discourse.

Keywords: man, society, ecology, press, USSR, Marxism.

References

1. Pichugin, S., On Communism. «Pioneer.» Pravda, Publishing House of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). 1939, № 5, p. 18.
2. Peskov, V.M., Taiga Dead End. Young Guard. Moscow, 1990, p. 2.
3. Lomonosov, M.V., An Analysis of the Duties of Journalists in the Presentation of Their Works, Intended to Maintain Freedom of Philosophy. Available at: https://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (Accessed: 24.02.2026).
4. Falko, E.A., Historical Forms of the Development of Journalism in Russia in the 18th-20th Centuries: Toward a Study of the Self-Determination of Domestic Journalism. Social and Humanitarian Knowledge. № 10, 2024, Pp. 39–47.
5. «Evening Moscow». July 22, 1932. № 168 (2595). P. 1. // [Electronic resource] URL: https://yandex.ru/archive/search?text=%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F&dateFrom=1929&dateTo=1936&index=mass_media&updateDate=0&excludeSeen=0 (accessed: February 24, 2026).
6. «Pravda». December 14, 1934. № 343 (6229). P. 1. // [Electronic resource] URL: https://yandex.ru/archive/search?text=%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F&dateFrom=1929&dateTo=1936&index=mass_media&updateDate=0&excludeSeen=0 (accessed: 24.02.2026).
7. «Pravda». August 4, 1936. № 213 (6819) // [Electronic resource] URL: https://yandex.ru/archive/search?text=%D1%84%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B7%D0%BC&dateFrom=1929&dateTo=1936&index=mass_media&updateDate=0&excludeSeen=0 (date accessed: February 24, 2026).

Специфика взаимодействия культуры и науки: социокультурный аспект

Фархетдинова Флида Фанавиевна,
кандидат филологических наук, доцент, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: flidaleo@mail.ru

Понятие культуры многогранно и охватывает все стороны человеческой жизни. Существуют разные подходы к ее пониманию, но все они едины в том, что культура является особой надприродной действительностью, включенность в которую отделяет человека от всех остальных живых существ. Особое место в культурной системе занимает наука, как сфера реализации познавательной активности человека. Являясь элементом культуры, наука формируется под воздействием социокультурных условий, это могут быть ценностные ориентиры общества, нормативные установления, табу. Они не статичны, а значит изменения социокультурного фона влияют на динамику развития науки и на характер отношения к нему. В контексте данных рассуждений попытаемся определить статус науки и способы взаимодействия с культурой в целом и с отдельными ее сферами в частности.

Ключевые слова: культура, наука, общество, человек, влияние, ценность.

История философского осмысления действительности знает различные мнения в понимании сущности культуры. В древности термин культура, введенный римским мыслителем Цицероном, означал «культуру души», «нечто облагороженное, усовершенствованное» [10]. В более позднее время Средневековья культуру трактовали в контексте Божественного свойства личности и мира. Культурологические теории XX–XXI веков так же рассматривали сущность культуры. М. Вебер считает, что «понятие культуры – ценностное понятие», о культуре можно говорить в контексте ценностей, выделяемых человеком на каждом этапе развития. Эмпирическая реальность является культурной, потому что её соотносят с ценностями и идеями [4]. Сторонники психоаналитического направления, основанного З. Фрейдом, считают культуру ограничением и системой запретов, призванных обуздать природные инстинкты человечества [9] и т.д. Несмотря на разнообразие трактовок, все они схожи в мысли о том, что культура – это надприродное явление, система, включенность в которую отделяет человека от всех остальных живых существ.

Сегодня культура, в широком смысле, может пониматься как совокупность созидательных действий, направленных на положительное преобразование окружающей действительности, что позволяет говорить о науке, как неотъемлемой сфере деятельности культурного человека. Характер и вектор взаимодействия культуры и науки разнонаправлен, т.к., с одной стороны, наука является производной культуры в целом, и культура определяет ход развития науки. Как отмечает О. Шпенглер, «нет универсальной науки, нет «науки вообще» – наука всегда вплетена в конкретную культуру, и в разных культурах – разная наука» [12]. С другой стороны, наука и ее открытия во многом влияют на облик конкретной исторической эпохи развития человечества. То есть происходит взаимовлияние.

Являясь элементом культуры, наука формируется под воздействием социокультурных условий, это могут быть ценностные ориентиры общества, нормативные установления, табу. Они не статичны, а значит изменения социокультурного фона влияют и на динамику развития науки, и на характер отношения к нему. Каждая эпоха предполагает определенный набор доминирующих ценностей, которые влияют на все сферы жизни. Культура первобытности более всего была близка к науке как к совокупности представлений о мире, доминировал синкретизм как тип мышления, выражавшийся в одновременном страхе перед миром, желании его познать и задобрить. Открытия, сделанные человеком в эпоху металлов, были бы невозможны без определенного уровня его «научного» познания мира в более древний период. Так, благодаря приручению огня и открытию человеком его свойств, стала доступна горячая обработка пищи. Такая еда лучше усваивалась, а значит развивался и мозг человека, формируя новый тип мышления.

В Средние века (как на Востоке, так и на Западе) такой доминантой была религия, которая не просто влияла на науку, а подавляла ее. Культуролог Й. Хейзинга отмечает, что преобладающее религиозное мировоззрение Средневековья оказало тормозящее влияние на развитие науки [11]. Близкое по духу отношение высказывает и А.Я. Гуревич, который считает, что «умозрительность, догматизм и авторитарность схоластики не способствовали развитию естественных наук» [5]. А научные знания если и присутствовали, то только в качестве подкрепления теологического мировоззрения. Например, гелеоцентрическая теория античности помогала поддерживать идею христианства, как центрообразующей для всей вселенной. В Новое время происходит «расцвет интереса к научным проблемам природы и человека» [7, с. 106] благодаря тому, что деятельность Церкви как института стала подвергаться жесточайшей критике, а значит ослабел и гнет религии, сделав человека свободным и открыв путь научному мышлению. Опыты и открытия, основанные на эксперименте (открытие законов механики, теория вероятности и т.д.), стали активно влиять на мысли людей и формировать новую шкалу ценностей. По сути в этот период мы наблюдаем влияние науки на культуру. Наука теперь становится сферой интеллектуальной реализации активной части общества. Промышленный переворот внес существенные изменения в быт и уклад жизни людей (урбанизация, механизация), придав науке статус социального института.

Характерным свойством культуры в целом и науки в частности является понятие свободы. В контексте культуры человек-творец во-

лен в своих фантазиях, это придает культурным процессам динамизм и гибкость, но, в то же время, уровень развития науки и техники становится камнем преткновения в реализации самых смелых замыслов, поскольку не обеспечивает технические условия для реализации. К примеру, некогда фантастический фильм «Терминатор» (реж. Дж.Кэмерон, 1984 г.), мог существовать только на экране, поскольку технологии не были столь развиты. Сегодня, когда наука шагнула далеко вперед, роботы становятся полноценными помощниками и даже друзьями человека. Творческое воображение человека становится платформой и основой для развития науки и научной мысли. В контексте научного познания под свободой понимается потенция исследователя самому определять объект познания и способы исследования, строить процесс изучения в соответствии со своими желаниями и потребностями, поскольку наука инновационно ориентирована. Она выделяется из остальной культуры своей динамикой, предельно быстрым обновлением. Деятельность науки регулируется принципиально познавательной целью [1, с. 184]. Но ученый несет ответственность перед обществом – он осознанно ограничивает свою свободу научного творчества, когда она становится источником неэтичного и противозаконного действия, когда противоречит идеям нравственности, гуманизма и справедливости [2, с. 172–174]. Этическая составляющая культуры опосредует научное и художественное творчество и свободу.

Этический аспект очень остро стоит в контексте ценностной нейтральности, которая всегда была и остается идеалом научного познания, особенно, когда речь идет о естественных науках [6]. Но сегодня мы не можем однозначно говорить о нейтральности науки, поскольку этические аспекты задают вектор развития науки, тормозя или ограничивая отдельные сферы. Происходит это потому, что научные открытия теперь не только спасают человека и помогают ему жить, но зачастую становятся источником угрозы для человечества. Например, на современном этапе развития науки, по-прежнему, остаются неоднозначными открытия в области клонирования, трансплантологии, суррогатного материнства, в области применения возможностей искусственного интеллекта (например, на этапе диагностики: дилемма между возможностями искусственного интеллекта, которые помогают избежать «человеческий фактор» в анализе данных, и ответственностью за ошибки, допущенные искусственным интеллектом). Очевидно, что такие изменения в этосе науки происходят в контексте глобальных проблем, вызванных неконтролируемым использованием научных разработок и открытий, подвергающих человечество опасности уничтожения физического и морального. Возможно, моральное уничтожение, под которым мы понимаем утрату идентичности, свободы воли и активности, человечеству грозит с большей вероятностью, ведь все чаще и интенсивнее размывается грань между человеком и машиной. Эта грань нивелируется с особой быстротой в условиях развития цифровых технологий, когда человек теряет себя и свою индивидуальность в потоке цифровой информации [8].

Другим аспектом взаимовлияния науки и культуры являются социально-политические условия. Они также оказывают влияние на облик культуры, а перед наукой ставят конкретные задачи. Знания, имевшие ранее теоретический характер, в условиях социальных катаклизмов получают практическую актуализацию. Происходит мобилизация интеллектуальных сил общества. Например, во время ВОВ были созданы советский вариант пенициллина (З. Ермолаева, 1942 г.), бронестекло (И. Китайгородский, 1943 г.) и т.д. Эти и многие другие разработки создавались в помощь армии, но нашли применение и в мирное время. Как отмечает М. Борн, немецкий физик и математик, наука обретает статус «государственной важности» и является «неотъемлемой и наиболее важной частью нашей цивилизации, а научная деятельность теперь понимается как непосредственный вклад в развитие цивилизации» [3]. Очевидно, что роль науки сегодня переосмыслена. В контексте всей человеческой культуры она перестает быть исключительно сферой познания мира и природы человеком. Человек уверен в своих силах, в отличие от своего древнего предка, и, во многом, наука сегодня – это сфера, обеспечивающая производительные силы социума, которые призваны приносить бытовую, технологическую, военно-промышленную пользу. Непрерывное улучшение научно-технической сферы формирует условия для наращивания технического потенциала. И если в прежние времена говорили о культурной среде пребывания человека, сегодня эта культурная среда трансформируется в научно-технологическую, в которой производительные силы находятся в приоритете, уступая место духовной культуре. Формируется общество потребителей, в котором монетизируется абсолютно все: время, идеи, внимание. Это рассуждение возвращает нас к классикам, например, О. Шпенглеру. В своей книге «Закат Европы» рассуждая о судьбах человечества, сравнивал культуру с живым организмом, движущимся от зарождения к увяданию, а цивилизация – это крайняя степень вырождения культуры, в которой техническое преобладает над духовным… [12]. Можем предположить, что факт возникновение технократии в культуре, увеличение практического аспекта науки является катализатором кризиса общества. Техника и технологии опосредуют всю жизнь человека и его связи с миром, природой, другим человеком и обществом. Наука и научные открытия становятся средствами преобразованию культуры.

Таким образом, культура как совокупность определенных ценностей и смыслов составляет основу исторической эпохи. Именно они задают социуму вектор развития, и существенно влияют на развитие науки и техники. В свою очередь, наука, как важнейшая сфера реализации человека, определяет уровень и условия жизни, открывая новые перспективы развития. Рассмотрение изменений в характере взаимодействия культуры и науки раскрывает не только и не столько траектории развития человечества, сколько ясно высвечивает проблемные аспекты жизни современного общества, умение их видеть может помочь избежать деградации общества и культуры.

Литература

1. Балим Г. М., Рыжов В.П., Рыжов Ю.В. Проблемы системного анализа культуры. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2003. – 184 с.
2. Баранов Г.В. Фактор морали в устойчивости науки // Интеллектуальный и научный потенциал XXI века: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. 1 февраля 2016 г., г. Уфа. В 4 частях; отв. ред. А.А. Сукиасян. – Уфа: Аэтерна, 2016. Часть 4. С. 64–65.
3. Борн М. Моя жизнь и взгляды. М.: Прогресс, 1973 г. Цитируется по Размышления Макса Борна (1882–1970) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.liveinternet.ru/users/4373400/post251920390/ (дата обращения: 12.03.2026).
4. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnost-sotsialno-nauchnogo-i-sotsialno-politicheskogo-poznaniya/viewer (дата обращения: 12.03.2026).
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Избранные труды. Т. 2. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 560 с.
6. Жукова Е.А. Трансформации системы «наука» в мире High-Tech // Вестник Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 7 (58). С. 53–57. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-sistemy-nauka-v-mire-high-tech?ysclid=mmyr7znvez318457609 (дата обращения: 12.03.2026).
7. Фархетдинова Ф.Ф. Философско-антропологический подход к пониманию свободы в Новое время // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». – 2025. – № 6. – С. 106–108.
8. Фархетдинова Ф.Ф. Философско-антропологические аспекты развития информационного общества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». – 2025. № 6. – С. 109–111.
9. Фрейд З. Недовольство культурой. – М.: Эксмо, 2013. – 226 с.
10. Цицерон М.Т. Тускуланские беседы. – М.: Рипол Классик, 2018. – 360 с.
11. Хейзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Азбука, 2021. – 720 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

THE SPECIFICS OF THE INTERACTION BETWEEN CULTURE AND SCIENCE: THE SOCIO-CULTURAL ASPECT

Farkhutdinova F.F.
Birsky branch of the Ufa University of Science and Technology

The concept of culture is multifaceted and encompasses all aspects of human life. There are different approaches to understanding culture, but they all agree that culture is a special, non-natural reality that separates humans from other living beings. Science occupies a special place in the cultural system as a sphere of human cognitive activity with its own value paradigm. As an element of culture, science is influenced by sociocultural conditions, such as societal values, norms, and taboos. They are not static, which means that changes in the sociocultural background affect the dynamics of science development and the nature of attitudes towards it. In the context of these discussions, we will try to determine the status of science and the ways in which it interacts with culture in general and with its individual spheres in particular.

Keywords: culture, science, society, person, influence, value.

References

1. Balim G. M., Ryzhov V.P., Ryzhov Yu.V. Problems of System Analysis of Culture. – Taganrog: TRTU Publishing House, 2003. – 184 p.

2. Baranov G.V. The Moral Factor in the Sustainability of Science // Intellectual and Scientific Potential of the 21st Century: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference on February 1, 2016, Ufa. In 4 parts; resp. ed. A.A. Sukiasyan. – Ufa: Aeterna, 2016. Part 4. Pp. 64–65.

3. Born M. My Life and Views. M.: Progress, 1973. Quoted by Reflections of Max Born (1882–1970) – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.liveinternet.ru/users/4373400/post251920390/ (accessed: 12.03.2026).

4. Weber M. «Objectivity» of Social Science and Social and Political Knowledge. – [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnost-sotsialno-nauchnogo-i-sotsialno-politicheskogo-poznaniya/viewer (accessed: 12.03.2026).

5. Gurevich A. Ya. Categories of Medieval Culture. Selected Works. Vol. 2. – Moscow: INION RAS, 1999. – 560 p.

6. Zhukova E.A. Transformations of the «science» system in the world of High-Tech // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2006. Issue 7 (58). Pp. 53–57. – [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-sistemy-nauka-v-mire-high-tech?ysclid=mmyr7znvez318457609 (accessed on March 12, 2026).

7. Farkhetdinova F.F. Philosophical and Anthropological Approach to Understanding Freedom in Modern Times. Modern Science: Current Issues in Theory and Practice. Series «Cognition». – 2025. – № 6. – Pp. 106–108.

8. Farkhetdinova F.F. Philosophical and anthropological aspects of the development of the information society // Modern science: actual problems of theory and practice. Series «Cognition». – 2025. № 6. – Pp. 109–111.

9. Freud Z. Dissatisfaction with culture. – Moscow: Eksmo, 2013. – 226 p.

10. Cicero M.T. The Tusculan conversations. – Moscow: Ripoll Classic, 2018. 360 p.

11. Huizinga Y. Autumn of the Middle Ages. – Moscow: Abc, 2021. – 720 p.

12. Spengler, O. The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History. 1. Gestalt and Reality / translated from German, with an introduction and notes by K.A. Svasyan. – Moscow: Mysl, 1993. – 663 p.

Проблема семантических разрывов: от теорий в гуманитарных науках к построению моделей для искусственного интеллекта

Чуганская Анфиса Анваровна,
кандидат психологических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук
E-mail: anfi.chuganskaya@yandex.ru

Современное развитие технологий искусственного интеллекта затрагивает множество аспектов включения инструментов анализа и генерации контента, связанного с социальными явлениями, коммуникацией, взаимодействием человека и роботов. Семантический разрыв понимается как разница в значении между конструктами, сконструированными в разных системах представлений или картин мира. Одной из сложных задач встает развитие инструментов и моделей для анализа социального взаимодействия и общения с учетом психологического контекста. Такая задача определяет направление изучения семантического содержания информации, включающей анализ не только языка, текстов, но и анализа изображений, видео. Вопрос о роли семантических разрывов в знаково-символической коммуникации имеет свои основания в лингвистической теории лакун. Среди направлений построения рассуждений искусственным интеллектом отдельно выделяется направление моделирования повседневных рассуждений по типу «здравого смысла». К теме семантического разрыва обращались в начале 2000-х в рамках исследования медиа и необходимости семантически точно обрабатывать данные. Дальнейшие исследования в области моделирования и распознавания сложных социальных явлений конкретизировало эту фундаментальную проблему в теме семантического разрыва. В информационных технологиях это понятие рассматривается как смысловая разница в описании с помощью разных знаковых систем, например, текста и изображения.

Ключевые слова: знак, картина мира, семантика, искусственный интеллект, рассуждения, философская антропология.

Введение

Современное развитие технологий искусственного интеллекта затрагивает множество аспектов включения инструментов анализа и генерации контента [5], связанного с социальными явлениями, коммуникацией, взаимодействием человека и роботов [1, 2, 5]. Одной из сложных задач встает развитие инструментов и моделей для анализа социального взаимодействия и общения, внедрения технологий искусственного интеллекта в образование [3]. Такая задача определяет направление изучения семантического содержания информации, включающей анализ не только языка, текстов, но и анализа изображений, видео.

А.М. Хейн описывает семантический разрыв как разницу в значении между конструктами, сконструированными в разных системах представлений или картин мира [14]. В системе формализации знаний эта проблема всегда касается социальных и психологических феноменов, т.к. этот класс явлений имеет нечеткие формулировки описания даже на естественном языке и контекстозависим от множества факторов. В процессе формализации, необходимом для построения алгоритмов для вычислительных систем, необходимо упрощение таких сложных явлений как общение, эмпатия, агрессия, установки до того порогового уровня точности, который позволяет не потерять смысл феноменов в большинстве случаев.

Исследования семантических разрывов и лакун в лингвистики, философской антропологии и психологии

Вопрос о роли семантических разрывов в знаково-символической коммуникации имеет свои основания в лингвистической теории лакун [7, 8]. Лингвисты обратили внимание, что «одно из актуальных направлений развития методики преподавания иностранных языков связано сегодня, на наш взгляд, с пристальным вниманием к проблемам межкультурной коммуникации, с усилением акцента на специфике национальных культур и особенностях национального восприятия окружающего мира» [8, с. 39].

Лексическая лакуна понимается как отсутствие в одном из языков наименования того или иного понятия или наличия семантической разницы в объеме понятий в разных языках [19]. Исследованием языковых лакун занимаются С.И. Титкова, В.Л. Муравьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Ю.С. Степанов и др. [7, 8, 19].

Разделяют несколько видов таких лакун:

- на уровне слова (отсутствие слова в другом языке),
- на уровне значения (неполный эквивалент понятия в другом языке, есть частичное пересечение значения),
- на уровне коннотации (несоответствие ассоциативного поля и отсутствие обозначаемого явления в другой культуре) [1].

Этнокультурные языковые особенности были обозначены в лингвистике тоже как лакуны. В научных исследованиях философско-антропологического и гуманитарного направлений лакуны понимаются как национально-специфические элементы культуры, отражающиеся в языке и речи [8, 19]. Лексические лакуны отражают отсутствие в лингвистической системе одного языка понятий или структур, присутствующих в координатах другой языковой системы [8].

При сопоставлении переводов художественных произведений лингвисты обратили внимание, что неизбежно имеет место утрата части семантического содержания в силу несоответствия лексико-семантических систем [4].

Таким образом, само наличие лексических лакун оказывается неразрывно связано с процессом сопоставления с понятиями и концептами [7]. Лексическая объективация по отношению к понятию не обязательно и зависит от коммуникативных факторов. Наличие не связано с наличием языковых единиц, так как понятия возникают как результат отражения действительности сознанием. Языковое обозначение любого концепта зависит от коммуникативных потребностей общества, оно производно от этих потребностей. В системе языка номинируется то, что становится в обществе предметом обсуждения, но не все то, что становится предметом мышления [7].

Для лингвистов значимыми являются языковые и речевые лакуны, в то время как в классификации смысловых разрывов присутствуют

культурологические лакуны и лакуны фоновых знаний [1]. Обращаясь к невербальным знаково-символическим системам, возможно учесть теорию лакун, в которой подчеркивается специфичность культурных общностей. Однако такая специфика может передаваться и во внеязыковой системе, каковой является система символов [7, 10].

Психологическим направлением, в котором визуальная интерпретация использовалась как способ изучения личностных процессов и использовался базовый механизм семантического разрыва как поля для проявления человека, были проективные методики [10, 15]. Метод Тематического апперцептивного теста (ТАТ) стал классической методикой, при которой испытуемому давались неоднозначные картинки с заданием объяснить их или составить на их основе подробный рассказ, предложенный американскими учеными К. Морганом и Г. Мюрреем в 1935 году [15]. ТАТ состоит из 31 черно-белого рисунка с разной степенью неопределенности как самих объектов, так и смысла ситуации. Каждая из картин в интерпретации имеет описание образа и типичные темы, которые проявляются в сюжетах. Фактически, в такой методике дается неоднозначная смысловая задача, в которой испытуемый завершает решение, основываясь на личном опыте. Существенный принцип, который интерпретируется в этой методике и важен для визуальной интерпретации, – это идентификация рассказчика с одним из действующих лиц. В то же время смысловое наполнение может варьироваться в зависимости от диспозиции, точки зрения автора, тем самым заполняя семантический разрыв личным опытом и образами из личной картины мира.

В исследовании понимания сюжетных картин советский психолог А.Р. Лурия выделяет три этапа: процесс анализа сюжета картины, отбор основных существенных элементов и их синтез для выявления смыслового содержания изображения [10]. А.Р. Лурия предлагал испытуемым сложные картины, в которых значение может быть понято через синтез значимых деталей и эмоционального содержания, что определяет семантическую сложность задачи. Так, одним из основных психодиагностических методов интерпретации одноактных сюжетных картин является «Разбитое окно» [10]. Задача испытуемого – объяснить, что происходит на картине. Успех решения задачи будет зависеть от полноты визуального анализа. Если не выделить такую деталь, как снежок в руке второго мальчика, то смысл картинки становится неочевидным.

Трудность объяснения смысла при анализе социальных взаимодействий связана с проблемой формирования объема анализируемых деталей картины и необходимостью соотнесения с существующим опытом человека, т.е. с теми заданными смысловыми отношениями, которые он усвоил в общении с другими людьми.

Рассуждения в моделях искусственного интеллекта

Вопрос построения рассуждений в технологиях искусственного интеллекта является одним из основных [6]. Первоначальные модели были построены на основе моделирования формальных логических правил и решения задач вывода по силлогизмам. Расширение исследований было связано с анализом деятельности человека и построения знаковой картины мира, где учитывалось моделирование картины мира субъекта [6].

Среди направлений построения рассуждений искусственным интеллектом отдельно выделяется направление моделирования повседневных рассуждений по типу «здравого смысла» [12, 20]. Одна из задач при разработке методов познания в области искусственного интеллекта связана с проблемой формализации области, которая получила название «здравый смысл» [20]. Е. Дэвис отмечает, что проблема повседневного мышления и его автоматизации занимает центральное место в современных исследованиях в области искусственного интеллекта. Здравый смысл – это набор фундаментальных категорий, который использует даже семилетний ребенок [12]. Е. Дэвис выделяет области конкретных задач, в которых невозможно будет продвигать современные автоматизированные методы без решения проблемы «здравого смысла». Он относит к ним обработку естественного языка, визуальную интерпретацию и робототехнику. В этой серии особое место занимают проблемы рассуждения в повседневной логике, основанные на визуальном опыте [18].

Если рассматривать предложения Е. Дэвиса в контексте визуальной интерпретации [12], то учет разнообразных перцептивных стимулов при разработке агентов с искусственным интеллектом и построение визуальных образов на основе правил логического вывода позволяют сформировать то, что Л.С. Выготский обозначил в психологии как естественные функции, общие для человека и животных. Более высокий уровень визуальной интерпретации, основанный на понимании смысла и рассуждениях, относится к уровню высших психических функций, специфичных именно для человека [10].

В техническом плане исследователи в области искусственного интеллекта также приходят к постановке такой задачи при обработке визуальной информации. Зеллерс Р., Биск Ю., Фархади А. и Чой Ю. рассматривают эту проблему как различие между распознаванием объектов и познанием, основанным на визуальной информации [20]. Для этих исследователей это получило название визуального здравого смысла (Visual Commonsense Reasoning) [20], для которых важно не сенсорное описание объектов, а формулирование выводов на основе увиденного и понимания смысла в изображаемом материале, действиях и цели людей в рамках коммуникации. Эту техническую задачу в рамках психологии можно переформулировать как задачу моделирования семантического уровня визуального восприятия и построения на их основе рассуждений [18, 20].

В рамках психологических направлений важной задачей стало использование больших языковых моделей для генерации недостающих данных и построения систем выявления сложных психологических феноменов при классификации текстовых данных. Например, исследователи изучали качество классификации копинг-стратегией по текстам [9]. Такие задачи ставят проблему оценки качества получаемых результатов в виду сложности и мультифакторной зависимости сложных социальных явлений, включая ориентацию на показатели полноты и точности результатов.

Направление изучения семантических разрывов в когнитивных науках и искусственном интеллекте

Проблема формализации данных возникла еще в первой половине XX века при разработке машины Тьюринга и формулировании теоремы Геделя о неполноте, указывающей на наличие ограничений при дедуктивных операциях и построении выводов на основе правил [11]. Это затронуло проблему недоказуемости истинности некоторых утверждений в формальных системах. Дальнейшие исследования в области моделирования и распознавания сложных социальных явлений конкретизировало эту фундаментальную проблему в теме семантического разрыва. В информационных технологиях это понятие рассматривается как смысловая разница в описании с помощью разных знаковых систем, например, текста и изображения.

В работе А.М. Хейна приводится пример проблемы семантического разрыва в инженерном роректировании [14]. Автор отмечает такие трудности, как выражение задач и потребностей пользователя на естественном языке и формализованный вариант инженерного решения с усечением части информации; при мультидоменном инженеринге есть различие функционального и физического представления данных.

К теме семантического разрыва обращались в начале 2000-х в рамках исследования медиа и необходимости семантически точно обрабатывать данные [13, 16]. В работе К. Дорай и С. Венкатеш предлагается рассмотреть проблему семантического разрыва как несоответствие между многообразием, богатством значений и интерпретацией автоматическими системами, которые проводят простые, низкоуровневые описания [13]. Авторы предлагают рассмотреть повышения семантической точности за счет анализа видео и более полного понимания информации за счет механизма пояснения и интерпретации информации для аудитории. Свой подход они называли компьютерной эстетикой медиа.

Проблема поиска изображений по содержанию стала основой исследования А.В.М. Смейлдерс с коллегами в начале 2000-х [16]. Авторы обсуждают проблему не только семантики, но и особенности сенсорной переработки информации. Исследователи вводят параметры культурной специфичности и значимости категоризации при работе с изображением. Авторы отмечают, что пользователи ищут именно семантическое сходство текстового контента и изображения, что объединяет разно модальную информацию в одну систему значений [16].

В рамках когнитивных наук отдельный подход к изучению модели психического (theory of mind, ToM) был предложен Дэннеттом для изучения представлений человека о причинах поведения другого [17]. Эта когнитивная модель ToM получила широкое распространение при проверке эффективности работы больших языковых моделей при решении коммуникативных задач и задач на социальное взаимодействие. Прикладные аспекты таких исследований развивались в рамках ассистирующих систем искусственного интеллекту [6] и развития моделей когнитивных ассистентов.

Заключение

Задача преодоления семантического разрыва имеет историю в рамках гуманитарных и когнитивных наук. Она не имеет полного решения, что связано с проблемой формализации знаний и мыслей. Однако теории лакун и семантической обработки воспринимаемых образов в психоло-

гии дают направления для построения новых моделей, которые включают место для развития инструментов преодоления смыслового разрыва.

Литература

1. Ахмад А.О., Балуян С.Р. Сопоставительный анализ лексических межъязыковых лакун русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. 3–2 (69). С. 60–62.

2. Глаголев В.С., Силантьева М.В. Проблема категоризации творчества в методологической призме «антропологии данных»: кейс ChatGP T. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, издательство Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург). 2024. № 1. С. 78–97.

3. Касаткин П.И., Силантьева М.В. Антропологический аспект глобальных моделей образования: поиски и решения // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 137–149. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.10

4. Кузнецов В.Г. Лексические лакуны и границы переводимости. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. 9 (781). С. 50–59.

5. Махмутова Е.Н., Данилова А.М., Соломенкова М.И. Психологические компоненты подготовки специалиста в контексте развития цифровой экономики в России // Ананьевские чтения – 2019: Психология обществу, государству, политике: материалы международной научной конференции, 22–25 октября 2019 г. / под общ. ред. А.В. Шаболтас, О.С. Дейнека. Ред. И.А. Самылов. СПб.: Скифия-Принт, 2019. С. 335–336.

6. Осипов Г.С., Панов А.И. Синтез рационального поведения когнитивного семиотического агента в динамической среде // Искусственный интеллект и принятие решений. 2020. № 4. С. 80–97.

7. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Методы исследования языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 55–67.

8. Титкова С.И. Языковая лакуна в практике преподавания РКИ (на опыте обучения русскому языку англоговорящих учащихся) // Русский язык за рубежном. 2007. № 3. С. 39–50.

9. Хлебникова А.А., Е.В. Битюцкая, Г.В. Калачев, Э.Э. Гасанов Автоматизация разметки текстов о жизненных трудностях с использованием больших языковых моделей // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2025. № 3 (79). С. 53–75.

10. Akhutina T.L.S. Vygotsky: cultural-historical and Natural-scientific approaches to internalization // Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology. 2004. № 3. P. 41–57.

11. Berto F. The Gödel Paradox and Wittgenstein's Reasons // Philosophia Mathematica. 2009. № 17(2). P. 208–219. doi:10.1093/philmat/nkp001.

12. Davis E. Logical Formalizations of Commonsense Reasoning: A Survey // Journal of Artificial Intelligence Research. 2017. № 59. P. 651–723.

13. Dorai C., Venkatesh S. Bridging the semantic gap with computational media aesthetics // IEEE MultiMedia. 2003. Vol. 10, № 2. P. 15–17. doi: 10.1109/MMUL.2003.1195157.

14. Hein A.M. Identification and Bridging of Semantic Gaps in the Context of Multi-Domain Engineering // Conference: 2010 Forum on Philosophy, Engineering & Technology. Colorado. URL: https://www.researchgate.net/publication/282574480_Identification_and_Bridging_of_Semantic_Gaps_in_the_Context_of_Multi-Domain_Engineering (дата обращения: 31.01.2026).

15. Morgan W. Origin and History of the Earliest Thematic Apperception Test Pictures // Journal of Personality Assessment 79:3, 422–445 (2002). DOI: 10.1207/S15327752JPA7903_03

16. Smeulders A.W. M. et al. Content-Based Image Retrieval at the End of the Early Years // IEEE Trans Pattern Anal Mach Intell. 2000. 22 (12). Pp. 1349–1380. doi:10.1109/34.895972.

17. Strachan J.W.A., Albergo D., Borghini G. et al. Testing theory of mind in large language models and humans // Nature Human Behavior. 2024. № 8. P. 1285–1295. DOI: 10.1038/s41562-024-01882-z

18. Vedantam R., Lin X., Batra T., Zitnick C.L., Parikh D. Learning Common Sense through Visual Abstraction // 2015 IEEE International Conference on Computer Vision (ICCV). 2015. P. 2542–2550.

19. Vinay J.-P. Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Montréal: Beauchemin. 1958. 331 p.

20. Zellers R., Bisk Y., Farhadi A., Choi Y. From Recognition to Cognition: Visual Commonsense Reasoning // 2019 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR). 2019. P. 6713–6724.

THE PROBLEM OF SEMANTIC GAPS: FROM THEORIES IN THE HUMANITIES TO BUILDING MODELS FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Chuganskaya A.A.
Federal Research Center «Computer Science and Control» of the Russian Academy of Sciences

The current development of artificial intelligence technologies involves many aspects of incorporating tools for analyzing and generating content related to social phenomena, communication, and human-robot interaction. Semantic gaps are understood as differences in meaning between constructs that are constructed in different systems of representation or worldviews. One of the challenging tasks is the development of tools and models for analyzing social interaction and communication, taking into account the psychological context. This task defines the direction of studying the semantic content of information, which includes the analysis of not only language and texts, but also images and videos. The question of the role of semantic gaps in sign-symbolic communication has its roots in the linguistic theory of lacunae. Among the areas of artificial intelligence reasoning, the modeling of everyday reasoning based on «common sense» stands out. The topic of semantic gap was addressed in the early 2000s as part of research on media and the need for semantic accuracy in data processing. Further research on modeling and recognizing complex social phenomena has further elaborated on this fundamental issue in the topic of semantic gap. In information technology, this concept is viewed as a semantic difference in the description using different sign systems, such as text and images.

Keywords: sign, worldview, semantics, artificial intelligence, reasoning, and philosophical anthropology.

References

1. Ahmad A.O., Baluyan S.R. Comparative Analysis of Lexical Interlingual Lacunas in Russian and English // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2017. № 3–2 (69). Pp. 60–62.

2. Glagolev V.S., Silanteva M.V. The Problem of Categorization of Creativity in the Methodological Prism of «Data Anthropology»: The Case of ChatGP T. // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin, published by the Leningrad State University named after A.S. Pushkin (Saint Petersburg). 2024. № 1. Pp. 78–97.

3. Kasatkin P.I., Silanteva M.V. Anthropological Aspect of Global Models of Education: Search and Solutions // Polis. Political Studies. 2017. № 6. Pp. 137–149. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.10

4. Kuznetsov V.G. Lexical lacunae and the limits of translatability. // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2017. № 9 (781). Pp. 50–59.

5. Makhmutova E.N., Danilova A.M., Solomenkova M.I. Psychological Components of Specialist Training in the Context of Digital Economy Development in Russia // Ananyev Readings 2019: Psychology for Society, State, and Politics: Proceedings of the International Scientific Conference, October 22–25, 2019 / edited by A.V. Shabaltas and O.S. Deyneka. Edited by I.A. Samylov. St. Petersburg: Scythia-Print, 2019, pp. 335–336.

6. Osipov, G.S., and Panov, A.I. Synthesis of Rational Behavior of a Cognitive Semiotic Agent in a Dynamic Environment. Artificial Intelligence and Decision-Making. 2020. № 4. Pp. 80–97. http://www.aidt.ru

7. Sternin I.A., Bykova G.V. Concepts and Lacunas // Methods of Researching Linguistic Consciousness. – Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1998. Pp. 55–67.

8. Titkova S.I. Language Lacuna in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language (Based on the Experience of Teaching Russian to English-Speaking Students) // Russian Language Abroad. 2007. № 3. Pp. 39–50.

9. Khlebnikova A.A., E.V. Bityutskaya, G.V. Kalachev, E.E. Gasanov Automation of Markup of Texts about Life Difficulties Using Large Language Models // Intelligent Systems. Theory and Applications. 2025. № 3 (79). Pp. 53–75.

10. Akhutina T.L.S. Vygotsky: cultural-historical and Natural-scientific approaches to internalization // Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology. 2004. № 3. P. 41–57.

11. Berto F. The Gödel Paradox and Wittgenstein's Reasons // Philosophia Mathematica. 2009. № 17(2). P. 208–219. doi:10.1093/philmat/nkp001.

12. Davis E. Logical Formalizations of Commonsense Reasoning: A Survey // Journal of Artificial Intelligence Research. 2017. № 59. P. 651–723.

13. Dorai C., Venkatesh S. Bridging the semantic gap with computational media aesthetics // IEEE MultiMedia. 2003. Vol. 10, № 2. P. 15–17. doi: 10.1109/MMUL.2003.1195157.

14. Hein A.M. Identification and Bridging of Semantic Gaps in the Context of Multi-Domain Engineering // Conference: 2010 Forum on Philosophy, Engineering & Technology. Colorado. URL: https://www.researchgate.net/publication/282574480_Identification_and_Bridging_of_Semantic_Gaps_in_the_Context_of_Multi-Domain_Engineering (дата обращения: 31.01.2026).

15. Morgan W. Origin and History of the Earliest Thematic Apperception Test Pictures // Journal of Personality Assessment 79:3, 422–445 (2002). DOI: 10.1207/S15327752JPA7903_03

16. Smeulders A.W.M. et al. Content-Based Image Retrieval at the End of the Early Years // IEEE Trans Pattern Anal Mach Intell. 2000. № 22 (12). Pp. 1349–1380. doi:10.1109/34.895972.

17. Strachan J.W.A., Albergo D., Borghini G. et al. Testing theory of mind in large language models and humans // Nature Human Behavior. 2024. № 8. P. 1285–1295. DOI: 10.1038/s41562-024-01882-z

18. Vedantam R., Lin X., Batra T., Zitnick C.L., Parikh D. Learning Common Sense through Visual Abstraction // 2015 IEEE International Conference on Computer Vision (ICCV). 2015. P. 2542–2550.

19. Vinay J.-P. Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Montréal: Beauchemin. 1958. 331 p.

20. Zellers R., Bisk Y., Farhadi A., Choi Y. From Recognition to Cognition: Visual Commonsense Reasoning // 2019 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR). 2019. P. 6713–6724.

Аффективная усталость и симуляция счастья в обществе избыточного потребления

Шакирова Елена Сергеевна,
соискатель, Донской государственный технический университет
E-mail: chakirova31997@mail.ru

В статье осуществляется социально-философский анализ феномена аффективной усталости в условиях общества избыточного потребления XXI века. Современность, характеризующаяся беспрецедентным уровнем материальной обеспеченности и расширением возможностей самореализации, парадоксальным образом сопровождается ростом эмоционального истощения и неспособности к устойчивому переживанию радости. Автор рассматривает данный парадокс как следствие перепроизводства не только товаров, но и смыслов, образов и эмоциональных сигналов, формирующих состояние постоянного информационного шума и гиперстимуляции.

Ключевые слова: общество потребления; аффективная усталость; кризис радости; гедонизм; информационный шум.

В публичном дискурсе современность (под современностью автор в данной статье понимает XXI век) часто описывается как эпоха беспрецедентного доступа к благам, возможностям и формам самореализации. Количество людей находящихся в крайней степени бедности минимальна, у большинства населения планеты есть доступ к продуктам питания и питьевой воде. В следствии такого развития событий базовые потребности человечества закрыты и обеспечены. Однако, чем больше наблюдается рост материальной обеспеченности, тем сильнее параллельно усиливается ощущение эмоционального истощения и неспособности к устойчивому переживанию радости. Данный парадокс требует социально-философского осмысления.

Современное общество избыточного потребления характеризуется не только перепроизводством товаров, но и перепроизводством смыслов, образов и эмоциональных сигналов, что в свою очередь привело к появлению такого понятия, как информационный шум. Радость перестает быть устойчивым экзистенциальным состоянием и становится частью медиального оборота – она демонстрируется, транслируется и потребляется. Постоянный информационный шум усиливает когнитивное напряжение, поскольку человек постоянно находится в состоянии обработки слишком большого объема информации вне зависимости от ее смысловой и ценностной нагрузки.

Ж. Бодрийяр утверждал, что в обществе потребления объекты утрачивают утилитарную функцию и превращаются в знаки [1]. Аналогичным образом счастье перестает быть внутренним состоянием и становится демонстрируемым символом успешности, одним из критериев социального одобрения. Высокая скорость получения информации, а как результат и дополнительных эмоций приводит к такому же скоростному эмоциональному провалу.

Социальные сети воспроизводят гиперреальность радости: визуальные репрезентации отдыха, продуктивности, самореализации создают иллюзию непрерывного благополучия. В такой среде радость существует прежде всего как медиа-образ, а не как глубинное переживание. Помимо этого, рядовому человеку достаточно трудно успевать за социальными «трендами»: от культа гиперпродуктивности к повсеместному замедлению. Субъект сталкивается не столько с отсутствием радости, сколько с её постоянной демонстрацией другими, а таже чувством того, что он всегда не успевает, что в совокупности усиливает чувство несоответствия.

При постоянном внутреннем давлении личности на саму себя и перманентном требовании максимальной эффективности от себя в том или ином аспекте субъект перестает воспринимать себя, как человека, трансформируясь в собственном сознании в долгосрочный проект. Культ гиперпродуктивизма приводит к тому, что самореализации начинает восприниматься только через призму эффективности и высоких достижений. Необходимость в бесконечном самосовершенствовании приводит к истощению, а любой отдых становится необходимым компонентом восстановления работоспособности [2]. В таких условиях зародились «контренды»: цифровой детокс, замедление и прочее. Но со временем и это стало нормативным явлением, определяющим рамку и паттерн поведения. Субъект может ощущать, что он и отдыхает «неправильно» – вновь сталкиваясь с кризисом несоответствия.

Хартмут Роза описывает современность как общество ускорения, где темп социальных изменений превышает способность субъекта к адаптации. Информационный шум и постоянная смена культурных кодов препятствуют формированию устойчивых форм резонанса – глубокой связи человека с миром. Радость требует времени и вовлечённости, тогда как ускорение дробит опыт на фрагменты. Субъект перестает ощущать плавность течение жизни, как следствие перестает наслаждаться самой жизнью. Временные рамки в его сознании сдвигаются, формируется ощущение постоянной и физической перегрузки, состояние поверхностной эмоциональной вовлечённости, лишённой длительности.

Индустрия позитивности транслирует идею, что радость – результат правильного выбора, дисциплины и осознанности. Структурные проблемы (нестабильность труда, социальная атомизация, неравенство) редуцируются до личной ответственности [3].

Аффективная усталость возникает из сочетания трёх факторов:

1. гиперстимуляции (избыток позитивных сигналов);

2. ускорения (быстрая смена нормативов);
3. самоэксплуатации (внутренний императив продуктивности).

Радость перестаёт быть спонтанным событием и превращается в требование соответствия культурному коду. В этом смысле кризис радости носит социально-политический характер: он отражает деформацию публичной сферы, атомизацию и ослабление коллективных форм смысла.

Ориентация общества потребления на постоянное извлечение удовольствия, прежде всего через акт приобретения, трансформировала саму структуру переживания счастья. Наслаждение перестало быть спонтанным следствием полноты жизни и стало организующим принципом социального порядка. В логике консьюмеризма удовольствие не просто разрешено – оно предписано. Французский мыслитель Паскаль Брюкнер, анализируя эту тенденцию, вводит понятие «принудительного счастья», указывая на парадокс: в современном обществе счастье утрачивает характер свободного состояния и превращается в обязанность [4].

Если в классической этике гедонизм предполагал стремление к удовольствию как к естественному человеческому побуждению, то в условиях позднего капитализма он приобретает нормативный статус. Быть счастливым – значит соответствовать культурному стандарту. Демонстрация удовлетворенности жизнью становится социальной валютой, подтверждением успешности и конкурентоспособности. Отсутствие видимых признаков счастья интерпретируется как личная неудача, признак недостаточной гибкости, продуктивности или психологической зрелости. Таким образом, гедонизм институционализируется и включается в механизм социальной стратификации [5].

В этой перспективе счастье перестает быть внутренним переживанием и становится элементом символического обмена. Оно подлежит демонстрации, измерению, визуализации. Гедонизм из области личного выбора перемещается в сферу культурного императива: необходимо не просто жить, но жить ярко, насыщенно, продуктивно и с неизменной улыбкой.

Однако подобная нормативизация наслаждения имеет обратную сторону. Когда счастье становится долгом, оно теряет спонтанность. Обязанность испытывать радость порождает тревогу. Тем самым возникает скрытое напряжение между декларируемым избытком удовольствий и внутренним ощущением нехватки. Парадокс общества избыточного потребления заключается в том, что чем интенсивнее пропагандируется наслаждение, тем менее устойчивым оно оказывается.

Постепенно гедонистическая установка трансформируется в режим постоянной стимуляции. Удовольствие требует обновления: новый товар, новый опыт, новый тренд. Радость оказывается кратковременной и быстро обесценивается, поскольку ее функция – поддерживать цикл потребления. В этой логике счастье становится не целью, а средством. Индивид включен в непрерывный процесс поиска все более сильных впечатлений, что приводит к эмоциональной гиперстимуляции.

Но гиперстимуляция не усиливает радость, а истощает ее. Непрерывный поток позитивных сигналов снижает их чувствительность: для достижения прежнего уровня удовлетворения требуется все более интенсивное воздействие. Возникает феномен аффективной инфляции – обесценивания переживания. Там, где счастье обязано быть постоянным, оно перестает ощущаться как событие.

В этом месте гедонизм переходит в усталость. Субъект устает не от страдания, а от требования быть счастливым. Усталость возникает как результат несоответствия между предписанной нормой и реальным аффективным состоянием. Парадоксальным образом культ наслаждения производит хроническое ощущение дефицита, недостатка эмоций, впечатлений, достижений.

Кроме того, принудительное счастье сопряжено с моральной ответственностью: если ты не испытываешь радости, значит, ты неправильно живёшь. Социальные и экономические факторы вытесняются из анализа, а проблема локализуется внутри субъекта. Это усиливает чувство вины и внутреннего давления. Индивид оказывается в ловушке: он обязан быть счастливым, но не располагает устойчивыми основаниями для переживания радости.

Таким образом, изначальная гедонистическая установка, направленная на максимизацию удовольствия, трансформируется в механизм аффективного истощения. Постоянная необходимость соответствовать образу успешного и радостного человека приводит к эмоциональному выгоранию.

Переход от гедонизма к аффективной усталости демонстрирует внутреннюю противоречивость общества потребления: стремление к бесконечному удовольствию оборачивается хронической неудовлетворенностью. Там, где счастье объявлено обязательным, оно утрачивает глубину и превращается в форму социальной дисциплины.

Аффективная усталость в обществе избыточного потребления обусловлена структурными особенностями позднего модерна: симуляцией, ускорением, эмоциональным капитализмом и моральным императивом продуктивности. В условиях, где счастье становится знаком и обязанностью, субъект утрачивает способность к глубокому переживанию. Кризис радости тем самым выступает индикатором более широкой трансформации социального порядка. Преодоление аффективной усталости требует не только индивидуальных стратегий замедления, но и переосмысления коллективных форм жизни и публичного взаимодействия.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006.
2. Хан Б.-Ч. Общество усталости. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019.
3. Иллуз Е. Холодные интимности: формирование эмоционального капитализма. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014.
4. Брюкнер П. Вечная эйфория. Эссе о принудительном счастье. [Электронный ресурс]. URL: https://www.livelib.ru/author/116776/top-paskal-bryukner (дата обращения: 31.07.2017).
5. Калабекова С.В. Гедонизм и «принудительное счастье» общества потребления // Политика и общество. 2018. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gedonizm-i-prinuditelnoe-schastie-obschestva-potrebleniya (дата обращения: 13.02.2026).

AFFECTIVE FATIGUE AND THE SIMULATION OF HAPPINESS IN A SOCIETY OF EXCESSIVE CONSUMPTION

Shakirova E.S.
Don State Technical University

The article provides a socio-philosophical analysis of the phenomenon of affective fatigue in a society of excessive consumption of the 21st century. Modernity, characterized by an unprecedented level of material security and expanding opportunities for self-realization, is paradoxically accompanied by an increase in emotional exhaustion and inability to sustain joy. The author considers this paradox as a consequence of the overproduction of not only goods, but also meanings, images and emotional signals that form a state of constant information noise and hyperstimulation.

Keywords: consumer society; affective fatigue; joy crisis; hedonism; information noise.

Referernces

1. Baudrillard J. Consumer society. His myths and structures. Moscow: Respublika, 2006.
2. Khan B.-Ch. The society of fatigue. Moscow: Adam Press, 2019.
3. Illuz E. Cold intimacies: the formation of emotional capitalism. Moscow: Publishing house “Delo” RANHiGS, 2014.
4. Brukner P. Eternal euphoria. An essay on forced happiness. [electronic resource]. URL: https://www.livelib.ru/author/116776/top-paskal-bryukner (date of access: 31.07.2017).
5. Kalabekova S.V. Hedonism and the “forced happiness” of consumer society // Politics and Society. 2018. No. 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gedonizm-i-prinuditelnoe-schastie-obschestva-potrebleniya (date of request: 02/13/2026).

Проект человека в отечественной философии начала XX века

Бабкова Оксана Михайловна,
преподаватель кафедры психологии образования и развития,
Нижневартовский государственный университет
E-mail: oksananv1@mail.ru

В исследовании представлен анализ теории А.А. Богданова, мыслителя раннего советского времени. Богданов рассматривает человеческую личность как динамический проект, трансформирующийся и развивающийся под воздействием общества и труда. Общество будущего, по Богданову – это общество, построенное на справедливых началах и на сознательности каждого человека. В обществе будущего, которое, в свою очередь, воздействует на каждого человека и совершенствует его, все члены социума осознанно и целенаправленно работают на достижение целей всеобщего благоденствия. В работе выявлены черты сходства философии Богданова с другими философскими течениями начала XX века.

Ключевые слова: общество, личность, материализм, идеализм, «проект человека» А.А. Богданова.

Введение

Философская антропология в рамках телесно-ориентированного подхода рассматривает личность человека диалектически, пытаясь раскрыть формы взаимосвязи ментальных процессов с телесными. Исследование духовной жизни индивида в телесном контексте позволяет предположить наличие прямого и опосредованного воздействия телесности на когнитивные процессы. С этой точки зрения внутренний мир личности и ее внешняя форма, т.е. тело, предстают как «разные формы манифестации единого общего качества жизненности: свойства быть живым» [Бескова, 2011, с. 16].

Проблематика диалектической взаимосвязи «духовность» – «телесность» актуальна в современных условиях, поскольку динамика технического и технологического развития, вмешательство техники не только в физическую, но и в интеллектуальную жизнь личности заставила по-новому взглянуть на онтологические вопросы о первичности материального и духовного в человеке.

Техника внедряется в человеческое тело и существенно расширяет его природные возможности. Примером может служить протезирование, восстановление утраченных функций некоторых органов и т.д. Тело человека и человеческая природа в целом уже не является изначально заданной константой. Об отказе от «образа человека», о радикальной трансформации человеческой природы говорят такие современные интеллектуальные и философские течения, как трансгуманизм, иммортализм, концепция технологической сингулярности. Представители этих направлений уверены в будущем бесконечном продлении существования разумных существ, в обретении ими поистине безграничных возможностей [15, 2023, с. 120].

Можно проследить преемственность данных течений с «проектом нового человека», который активно разрабатывался сто лет назад, в советской России. Оптимистично настроенные мыслители того времени, например, Александр Богданов, были уверены, что перед человеком в новом обществе, построенном на принципах социальной справедливости, раскрываются невиданные ранее перспективы в плане развития физических и духовных возможностей.

Целью данного исследования является рассмотрение философской концепции о «проекте нового человека», получившей развитие в начале XX века. Объект исследования – представления о человеке и обществе в русской философии начала XX века. Предмет исследования – теория Александра Богданова, рассматривающая человека как динамический, развивающийся проект.

Гипотеза исследования: «Человек как проект» Александра Богданова представляет собой строго материалистическое прочтение представлений о человеке, сформулированных представителями русской религиозной философии и «русского космизма». Из идеи о постоянном духовном развитии человека, которая прослеживалась в концепциях Н. Бердяева и Н. Федорова, А. Богданов изъял метафизическую составляющую.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили: работы А.А. Богданова «Тектология», «Краткий курс экономической науки», «Эмпириомонизм», а также публикации о философском и литературном наследии А.А. Богданова. Методы – историко-культурный, сравнительный анализ.

Результаты и обсуждение

На рубеже XIX–XX веков все направления русской философии (материалистические, религиозные, «русский космизм») уделяли особое внимание проблеме человека, его сущности и предназначению.

В религиозной философии человек рассматривался в соответствии с богословскими представлениями – как существо, сотворенное Богом для достижения божественной гармонии, но падшее вследствие неверно сделанного выбора. Николай Бердяев в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» заостряет внимание на духовной сущности человека, чье предназначение выше материальных и общественных достижений. Человек должен находиться в состоянии постоянного духовного роста и поиска истины. Кроме того, человек не может спастись в одиночку – истинным стремлением христианина должно быть дело общего спасения [5, с. 106].

Положительным проявлением свободной воли личности является творчество, которое, по Бердяеву, представляет собой третью ступень этики, «высшую этику». Творчество по своей сути божественно, ибо в нем продолжается сотворение мира. Творчество делает человека свободным и приближает к образу Творца, не просто трансформируя уже имеющийся мир, но создавая новый. Надлом человека, глубинное противоречие и трагедия его бытия состоит в том, что творчество не может быть полноценным в падшем мире, где оно подвержено физическим и общественным ограничениям. Наивысшим достижением духовного творчества, по Бердяеву, является бессмертие – но не бессмертие физического тела, а бессмертие человеческой личности, достигнувшей своего предназначения, т.е. единения и гармонии с Богом [5, с. 110].

В работе основоположника «русского космизма» Николая Федорова «Философия общего дела» представлена попытка объединения религии и науки, идеалистической и материалистической философии. Как и в концепции Н.А. Бердяева, целью человека провозглашается не только личное, но и общее спасение человечества. Религия не предназначена для развития и спасения конкретного индивида – это общественное дело, воздействие которого должно быть направлено на всех людей без исключения. Но, в отличие от Бердяева, идея Федорова о достижении «Царства Божия на земле» имеет другие обоснования [16, с. 96].

По представлениям философа, в будущем человек преобразится в новое, могущественное существо, которое будет повелевать силами природы не только на земле, но и в космосе. Наука, искусство и религия, по Федорову, станут единым целым и помогут человечеству достичь физического бессмертия. По Федорову, финальные слова из молитвы «Символ веры» «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» означают прямое пророчество о том, что человек «соберет отцов из атомов и молекул», то есть осуществит физическое воскрешение всех умерших людей в истории человечества и преодолеет смерть, станет бессмертным. Все это будет реализовано за счет достижений науки и прогресса, объединенных с религией и искусством. В этом есть определенная близость концепции Федорова и материалистической философии [16, с. 96].

В материалистической философии начала XX века преобладала концепция развития разумного человека из животного под влиянием природной среды, общественных отношений и практической деятельности. Концепция антропосоциогенеза (развития человека под влиянием социума) утверждает, что человек эволюционирует с того момента, когда появился труд и общество. Человеческий индивид духовно и физически адаптируется и к изменениям природной среды, и к общественным трансформациям.

В 1917 г. в связи с политическими событиями магистральным направлением философской мысли в России стал диалектический материализм. Материалистические философские направления, рассматривающие «человека будущего», получили распространение в Советской России в первые годы после революции 1917 года. Во главе советской России встали организаторы Октябрьской революции. Все они, будучи уже немолодыми по тем временам людьми, надеялись, что новое общество всеобщей справедливости сможет реализовать самые смелые фантазии человечества, в том числе – мечту о вечной жизни и вечной молодости. Концепт вечной жизни рассматривался и в философском, и в медико-физиологическом аспекте.

Одним из мыслителей, разрабатывавших данную тематику, был Александр Богданов (Малиновский), участник революционного движения, философ, ученый и врач, один из основателей московского государственного Института крови. Его единомышленниками в разработке проекта «Нового человека» был А.В. Луначарский, революционер, видный член руководства партии большевиков, первый народный комиссар просвещения Советской России. История дружбы между Богдановым и Луначарским восходит к так называемой Каприйской школе, которую пытались организовать в Италии члены РСДРП, так называемые «отзовисты», «ультиматисты» и «богостроители». Активное участие в организации Каприйской школы принимали писатель Максим Горький и видный революционер, рабочий-философ Никифор Виланов. Целью Каприйской школы было создание «новой интеллектуальной элиты», которая отличалась бы от старой исключительно пролетарским происхождением [17, с. 31]. Богданов был так называемым «недогматическим марксистом» и был в числе тех, кто создал эмпириокритицизм (философское атеистическое направление, основанное на учении Ницше). «Новый сверхчеловек» должен быть сформирован из «старого человека», и инструментом должна послужить «пролетарская культура».

Луначарский рассматривал народную культуру с религиозной точки зрения. Чтобы народ поверил в новую жизнь, ему нужен новый бог, которым и должен стать грядущий сверхчеловек. Только так можно перейти «из царства необходимости в царство свободы». Идея «пролетария-сверхчеловека» была воплощена Горьким в таких произведениях, как «Мать» (1906), «Исповедь» (1908) [2, с. 310].

Проект был признан утопическим, школа на Капри была закрыта, а Богданов с Луначарским были исключены из партии [7, с. 95].

Разочарование Богданова в «простом русском народе» произошло во время первой мировой войны, когда его в качестве врача отправили на фронт: он «…стал свидетелем того, как отступавшие немецкие войска оставляли после себя госпитали в полном порядке – со свежими, аккуратно сложенными комплектами белья и полотенец, вымытыми полами, а главное – с систематизированными запасами медикаментов, которых в русской армии катастрофически не хватало. Русские солдаты из наступавших войск первым делом планомерно уничтожали весь этот уют и порядок, приводили в негодность больничный инвентарь, включая и драгоценные медикаменты. При виде всего этого у Богданова произошел нервный срыв» [1, с. 449].

Тем не менее, после Октябрьской революции Богданов вновь вернулся к своему «проекту человека». А.А. Луначарский, хорошо знакомый с Богдановым по революционному движению, пригласил Богданова принять участие в создании новой пролетарской культуры [14, с. 7].

Богданов рассматривал проблему вечной жизни одновременно как философскую концепцию и как практический проект. Ключевой идеей его «Тектологии» является мысль об организационной природе человека. В соответствии с концепцией Богданова, человек является элементом в иерархии организационных форм, выступая и в качестве организующего субъекта, и в качестве организуемого объекта [8, с. 80].

В «Эмпириомонизме» человек представлен Богдановым как «устойчивый комплекс опыта». По мнению философа, формирование личности, «сборка» субъектности происходит под воздействием общественных отношений и практической деятельности. Личный опыт человека – это, как утверждает философ, «первичная реальность», воспринимаемая человеком, на основании которой и происходит «сборка личности» [11, с. 43].

Богданов говорит о том, что «сборка», или «собирание» индивида – это не что иное, как организационное моделирование, в котором механизмами выступают культура, язык, коллективная деятельность, символическое взаимодействие. Общество целенаправленно воздействует на человека, формируя и развивая его, как проект [10, с. 37].

Богданов не считал «Тектологию» чисто теоретической концепцией, он предполагал, что она будет выступать в качестве практической рекомендации в «строительстве человека социалистического будущего», в создании активной, инициативной, заинтересованной личности, способной к саморазвитию, самоконтролю и саморегуляции, осознанно и конструктивно взаимодействующей с другими людьми.

Терминология Богданова показательна: философ применительно к человеку употребляет такие технические определения, как «сборка», «замещение», «уравнивание», «системная устойчивость», «настройка», что свидетельствует о квазитехнологическом содержании его концепта личности. Это сближает идеи Богданова с современными трансгуманистическими течениями.

Помимо социально-философских работ, А.А. Богданов также создал ряд художественных произведений, таких как «Инженер Менни», «Красная звезда», в которых представлены утопические образы идеального общественного устройства. Это счастливая жизнь людей, сознательно созидающих новый мир на благо своих современников и будущих поколений. Данные произведения Богданова можно трактовать не только как художественное творчество, но и как своего рода социальное учение, в котором представлено общество будущего.

Для формирования общества будущего необходимы особые условия, нужна новая культура, построенная на принципах равенства и справедливости, потому что только такая культура может быть адекватна целям «сборки» нового человека [10, с. 57].

По мнению Богданова, одним из факторов общественного развития должна стать пролетарская культура: пролетариат, сбросив с себя иго угнетения, в условиях социальной справедливости способен создать принципиально новую культуру. Опорными точками этой культуры, по Богданову, должны являться: товарищество, свободный труд, разрушение фетишей и единство метода.

Пролетарская культура, как утверждал Богданов, будет преобразовывать мир посредством творческого процесса и станет инструментом формирования «нового общества», основанного на подлинном равенстве, справедливости и солидарности. Для человека из общества будущего не потребуется никакого принуждения или материальной заинтересованности – его мотивация к труду будет основана на стремлении работать для достижения целей всеобщего благоденствия. В отношениях «общество – личность» наступит полная гармония [9, с. 127].

Будучи материалистом, Богданов, разумеется, отрицал любые метафизические концепции общества и человека. Тем не менее, представ-

ления о цели развития человеческого общества у Богданова обнаруживают определенное сходство с русской религиозной философией, в которой реализовались религиозные и мистические представления о сущности «совершенного человека». С.Г. Гутова указывает на интерпретацию человеческого идеального образа в православной традиции. В центре православной антропологии находится учение о совершенном образе человека и непосредственно связанных с ним аскетических духовных практиках. Центральный путь таких практик представляет собой единство стремлений каждого конкретного человека к духовному совершенствованию и Божественного присутствия в мире. Духовное преображение ведет к достижению совершенства [Гутова 1, с. 271].

«Коллективная личность» современного мира совершенно особым образом коммуницирует с обществом: она преодолевает всякое стремление к изолированности и абсолютной самодостаточности, она отрицает отчуждение и реализует те способности и качества, которые необходимы для общество, и, следовательно, выходит за пределы своих интересов. Личность, которую общество не подавляет и не поглощает, стремится из своей автономии к подлинному единству с другими личностями и обретает на этом пути новые качества более совершенного человека, не противостоящего другим людям, а плодотворно сотрудничающего с ними [Гутова 2, с. 244].

«Общество будущего» Богданова перекликается с идеей Н.А. Бердяева о «персоналистской духовной демократии», в которой каждый человек не только имеет возможность для полной самореализации, но и осознанно стремится к этому. Бердяев в статье «О современном национализме» (1938) рассматривает нацию как «живой субъект» исторического процесса, уходящий своими корнями в «изначальное и вечное бытие». В нации преодолевается тлен и смертность жизни, она препятствует победе настоящего или будущего над прошлым. Также Бердяев в статье «Новое религиозное сознание и общественность» (1907) критикует субъективные интересы и относительную человеческую волю в современном ему обществе, поскольку, по Бердяеву, эти интересы вытесняют высшие безусловные ценности универсальной, объективной Божьей воли. Далее в «Философии неравенства» (1918) Бердяев обосновывает Божьей волей необходимость неравенства и утверждает, что неравенство органично общественному бытию и насильственное упразднение иерархии недопустимо. В «Самопознании» (1949) Бердяев доводит идею иерархичности до того, что применяет это понятие к отдельной человеческой личности: человек, по мнению Бердяева, состоит из целой иерархии различных «Я», от высшего, связанного с Богом, до самых примитивных и простейших.

Самореализация (реализация высшего, божественного «Я») осуществляется в творчестве. Братство свободных людей, признающих ценность каждого человека, деятельная любовь к ближнему, когда соблюдение нравственных законов и созидательный труд осуществляются не под принуждением, а по свободному выбору.

Некоторое сходство «проекта человека» Богданова прослеживается с концепцией будущего, представленной Н.Ф. Федоровым в «Философии общего дела». «Отцы» и «сыновья», по Федорову, становятся единым целым, поскольку нет более причин для разъединения.

Далее в таблице 1 представлена попытка классификации ряда направлений русской философской мысли начала XX века.

Таблица 1. Религиозная философия Бердяева, русский космизм Федорова, «человек как проект» Богданова: сходства и различия

Понятия	Религиозная философия Бердяева	Русский космизм Федорова	«Человек как проект» Богданова
Человек	Уникальная и неповторимая личность, наделенная свободой воли и творчества	Сознательно-творческое, хоть и несовершенное существо, находящееся в развитии	Является элементом в иерархии организационных форм, выступает в качестве организующего субъекта и одновременно – в качестве организуемого объекта
Общество будущего	Братство свободных людей, персоналистическая духовная демократия, полная свобода, возможности для самореализации в творчестве	Все поколения людей живы и представляют собой единое целое, поскольку нет причин для разъединения	Счастливая жизнь людей, сознательно созидающих новый мир на благо своих современников и будущих поколений
Цели	Духовное развитие личности	Гармонизация мира, соединение человека с природой и космосом, глубокое объединение людей	Социальная справедливость, достижение всеобщего благоденствия и счастья

Окончание

Понятия	Религиозная философия Бердяева	Русский космизм Федорова	«Человек как проект» Богданова
Идея бессмертия	Вечная жизнь человеческого духа в единении с Богом	Воскрешение всех мертвых от начала мира и вечная жизнь всех людей при помощи синергии религии, науки и искусства	Достижение бессмертия при помощи науки и технологий
Способ развития человека и общества	Творчество	Объединенные воедино религия, наука и искусство	Пролетарская культура

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что выдвинутая нами в начале исследования гипотеза подтверждается: наблюдаются определенные сходства между «проектом человека» А. Богданова и концепциями представителей других философских течений.

Человек в рамках тектологии («всеобщей организационной науки») Александра Богданова рассматривается не как нечто заданное природой, а как проект, который реализуется под воздействием целенаправленной организации и активного взаимодействия с социальной, культурной и трудовой средой.

Сходство концепции человека у Богданова с русской религиозной философией состоит в том, что в религиозных представлениях совершенство человека достигается практиками духовного совершенствования, направленными на единение под началом Божественного присутствия в мире.

В представлениях Н.А. Бердяева человек как божественная сущность реализуется в творчестве и созидательном труде, в братстве свободных людей, в деятельной любви к ближнему, в свободном выборе добра, осознанном соблюдении высоких требований нравственных законов.

«Философия общего дела» Н.Ф. Федорова представляет общество будущего как свободное, добровольное объединение всех людей в единое совершенное целое.

Как считал Богданов, сформировать общество будущего могла пролетарская культура – порождение пролетариата, сбросившего с себя иго угнетения. Социальная справедливость должна была дать толчок к формированию принципиально новой культуры, основанной на товариществе, свободном труде, разрушении фетишей и единстве метода.

В современных условиях, с учетом исторического опыта, можно назвать представления Богданова утопическими: реализация проекта «нового человека» в советском государстве не была успешной, идея физического бессмертия, которую он попытался воплотить, привела к смерти ученого во время эксперимента. Однако ключевые идеи Богданова – развитие человека под воздействием общества и труда, «живой опыт», осознанность деятельности, преодоление разъединенности общества – по-прежнему остаются востребованными и актуальными.

Литература

1. Александр Александрович Богданов / Под ред. М.В. Локтионова. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. 472 с.
2. Ариас-Вихиль М.А. «Русская революция готовилась на Капри». Михаил Первухин о русской колонии на Капри (по материалам архива А.М. Горького) // Studia Litterarum. 2017. № 1. С. 306–338.
3. Бабкова О.М. Концепция идеального общества в творчестве А.А. Богданова. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11–1 (25). С. 47–50.
4. Бабкова О.М. Человек как проект в творчестве Александра Богданова: философско-антропологический анализ. Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 8 (502). С. 81–86.
5. Бердяев Н. А. О назначении человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ, 2010. 478 с.
6. Бескова И.А. Природа и образы телесности / И.А. Бескова, Е.Н. Князева, Д.А. Бескова. М., 2011. 240 с.
7. Бессонов Б.Н. О книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2014. № 1 (9). С. 89–101.

8. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука: Тектология. М.: Экономика, 2003. 384 с.

9. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М.: Республика, 1996. 312 с.

10. Богданов А.А. Наука об обществе. М.: Политиздат, 1991. 256 с.

11. Богданов А.А. Эмпириомонизм. Три статьи о субъективизме. М.: Канон+, 2013. 208 с.

12. Гутова С.Г. Актуальные проблемы гуманитарных наук: Всероссийская научно-практическая конференция, Нижневартовск, 20 февраля 2021 года. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2021. 676 с. С. 267–273.

13. Гутова С.Г., Самохина Н.Н. Формирование коллективной личности в информационном обществе как элемент социокультурной динамики // СИСП. 2016. № 2–1 (26). С. 234–249.

14. Новиков С.Г. «Новый человек» 1920–1930-х годов: проект и его реализация // Известия ВГПУ. 2021. № 4 (157). С. 4–9.

15. Новопашин С.А. Влияние идей русского космизма в развитии философии трансгуманизма и постгуманизма // Социология. 2023. № . 2. С. 118–124.

16. Федоров Н.Ф. Философия общего дела / Николай Федоров. М.: Эксмо, 2008. 750 с.

17. Филина Ю.С. Российская политическая эмиграция в европейском контексте начала XX В. (по воспоминаниям художника Н. Прахова) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 1 (22). С. 30–38.

THE HUMAN PROJECT IN RUSSIAN PHILOSOPHY AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Babkova O.M.
Nizhnevartovsk State University

The purpose of the study is to analyze the theory of A.A. Bogdanov, an early Soviet thinker, revolutionary, scientist, and doctor. A hypothesis was put forward about the continuity of Alexander Bogdanov's concept with other trends in Russian philosophy at the turn of the 19th-20th centuries. From Bogdanov's point of view, the human personality is a dynamic project that transforms and develops under the influence of social relations and work. According to Bogdanov, the society of the future is a society built on fair principles and on the consciousness of each person. The society of the future should influence each person and improve it, according to Bogdanov, to build and assemble a person. In turn, all members of society consciously and purposefully work to achieve the goals of universal well-being. The hypothesis of the research is confirmed – the work reveals similarities between Bogdanov's philosophy and other philosophical movements of the early twentieth century.

Keywords: society, personality, materialism, idealism, A.A. Bogdanov's «the human project».

References

1. Alexander Alexandrovich Bogdanov / edited by M.V. Loktionov. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. 472 p.

2. Arias-Vihil M. A. «The Russian Revolution was being prepared in Capri». Mikhail Pervukhin on the Russian colony in Capri (based on the materials of the archive of A.M. Gorky) // Studia Litterarum. 2017. № 1. Pp. 306–338.

3. Babkova O.M. The concept of an ideal society in the works of A.A. Bogdanov. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2012. № 11–1 (25). Pp. 47–50.

4. Babkova O.M. Man as a project in the work of Alexander Bogdanov: philosophical and anthropological analysis. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2025. № 8 (502). Pp. 81–86.

5. Berdyaev N.A. On the purpose of man / Nikolai Berdyaev. – M.: AST, 2010. 478 p.

6. Beskova I.A. The nature and images of corporeality / I.A. Beskova, E.N. Knyazeva, D.A. Beskova. M., 2011. 240 pages.

7. Bessonov B.N. About V.I. Lenin's book «Materialism and Empirio-criticism» // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical sciences. 2014. № 1 (9). C. 89–101.

8. Bogdanov A.A. General organizational science: Tectology. Moscow: Ekonomika, 2003. 384 p.

9. Bogdanov A.A. A short course in economics. Moscow: Respublika, 1996. 312 p.

10. Bogdanov A.A. Science of society. Moscow: Politizdat, 1991. 256 p.

11. Bogdanov A.A. Empiriomonism. Three articles on subjectivism. Moscow: Canon+, 2013. 208 p.

12. Gutova S.G. Actual problems of the humanities: All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhnevartovsk, February 20, 2021. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2021. 676 p. Pp. 267–273.

13. Gutova S.G., Samokhina N.N. The formation of a collective personality in the information society as an element of socio-cultural dynamics // CISP. 2016. № 2–1 (26). Pp. 234–249.

14. Novikov S.G. «The new man» of the 1920s-1930s: the project and its implementation // Izvestiya VGPU. 2021. № 4 (157). Pp. 4–9.

15. Novopashin S.A. Influence of the ideas of Russian cosmism in the development of philosophy of transhumanism and posthumanism // Sociology. 2023. № . 2. Pp. 118–124.

16. Fedorov N.F. Philosophy of common cause / Nikolai Fedorov. Moscow: Eksmo, 2008. 750 p.

17. Filina Yu.S. Russian political emigration in the European context of the early 20th Century (based on the memoirs of the artist N. Prakhov) // Bulletin of the Russian State State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies. 2017. № 1 (22). Pp. 30–38.

Основные черты христианского мировоззрения в интерпретации протоиерея Александра Меня как духовно-нравственный компас христианина нашего времени

Денисов Андрей Евгеньевич,
кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: Count-Denisov@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды протоиерея Александра Меня на основные черты христианского мировоззрения. Автор подчеркивает актуальность христианского мировоззрения в наше время. В частности, затрагивается феномен «теории эволюционной модернизации» и ее опасность. Особое внимание уделяется важной роли христианских миссионеров в работе с населением. Основная часть статьи посвящена выделению основных черт христианского мировоззрения в интерпретации протоиерея Александра Меня и комментариям к ним.

Ключевые слова: Александр Мень, духовность, мировоззрение, миссионер, религия, Русская Православная Церковь, теория эволюционной модернизации, христианство.

Актуальность христианского мировоззрения и современные процессы

Актуальность изучения просветительской и миссионерской деятельности в современной России не вызывает сомнений. В мире, где происходит большая турбулентность и неопределенность, люди ищут опору в мире духовности, в некоторых иррациональных началах, которые бы действовали с определенным психико-терапевтическим эффектом на сознание людей. К сожалению, со временем это вылилось к переходу фокусу внимания с традиционных религий к новым религиозным движениям, часто даже вообще не религиозным. Эти разные новые религиозные движения часто обозначают под общим названием «нью-эйдж». Зародился этот феномен на Западном побережье США в конце 1960-х годов как часть контркультуры, противопоставлявшей себя потребительскому капитализму. Особенностью этих движений было то, что они объединили элементы восточной философии, духовных практик и альтернативной медицины [12, p. 1608]. Этот феномен быстро распространился по всему миру, в частности, и на Россию. Более того, течения, которые были уже достаточно подзабыты, вновь стали актуальны и привлекательны для населения нашей страны с конца 80-ых годов 20 века (например, разные варианты теософских концепций).

При том, что существует некоторый общественный запрос на духовность и осознанность, многие ученые фиксируют упадок традиционной религиозности. Можно, например, вспомнить известную работу Рональда Инглхарта «Неожиданный упадок религиозности в развитых странах» [4]. Если говорить вкратце о причинах, которых выделял Р. Инглхарт, то это вообще сам процесс секуляризации общества с параллельным снижением роста угроз безопасности в странах Северной Америки и Европы (с определенными исключениями, конечно) и сдвиг от норм рождаемости и репродуктивного поведения к нормам индивидуального выбора. На протяжении многих веков религиозные институты влияли на это, но в наше время их роль ослабевает. В частности, современные авторы пишут о «теории эволюционной модернизации». Она заключается в том, что традиционные нормы, поощряющие рождаемость, больше не являются необходимым условием для выживания общества и сейчас широко распространенные тенденции секуляризации вынуждают религиозные группы подстраиваться под них, отодвигая религиозные проявления и нормы в частную сферу [14, p. 360].

Поэтому, конечно, для нашего общества важно не допустить развитие этой эрозии в сознании нашего общества. С этой целью, например, было предложено ввести в учебный процесс преподавание такого предмета как «Основы Российской государственности», в рамках которого происходит формирование у студентов ценностей, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности [3, с. 31].

Важная роль христианских миссионеров

Если же обращаться к Русской Православной Церкви, то можно тоже услышать ее голос обеспокоенности за духовно-нравственное состояние людей в современном мире, в том числе, и в нашей стране. Примечательна в этом отношении статья епископа Можайского, Иосифа, где помимо всего прочего поднимается вопрос о том, что под влиянием разного рода факторов священники не только перестают открыто проповедовать полноту православного учения, но и сами начинают мыслить иначе [5, с. 45]. В частности, епископ Иосиф отмечает, что привычка к компромиссу может приводить к отступлению от твердого исповедания православной веры [5, с. 45]. Так что в этом тоже можно усмотреть своеобразный вариант «эволюционной модернизации», которую мы рассматривали выше.

Поэтому нам нужны настоящие христианские миссионеры, которые могли бы говорить о современных вещах современным языком для современных людей. Не для тех, кто уже и так «в теме», а те, кто ищет, но не может найти ответов, потому что банально не понимает.

Протоиерей Александр Мень является примером настоящего христианского миссионера, которых, к сожалению, не хватает в наше время. Вся его просветительская деятельность прошла в годы Совет-

ской власти, что накладывало свой неизгладимый отпечаток на его творчество и жизнь. После себя он оставил большое наследие, к которому, это стоит признать, в Русской Православной Церкви нет однозначного отношения. В частности, ряд богословов, ученых и священнослужителей обвиняли и обвиняют его в излишнем экуменизме и в романтичном отношению к христианству «без границ» [6, с. 183] (например, известный ученый А.И. Осипов и священник Даниил Сысоев). В данном случае, по-моему мнению, это просто показывает всегда существовавшую внутриорганизационную конкуренцию между условными группами «либералов», «консерваторов» и «фундаменталистов» в РПЦ.

Не буду в статье на этом подробно останавливаться, так как, лично по-моему мнению, без таких людей как протоиерей Александр Мень христианство не выжило бы в Советском Союзе и не было бы того духовного возрождения, который наступил в конце 80-ых годов 20 века. В статье я остановлюсь на основных чертах христианского мировоззрения, который выделил о. Александр Мень. Выделил их я на основании книги «Культурное и духовное восхождение» [8], которая уже вышла после его трагической кончины. В меру своих компетенций я рассмотрю эти основные черты и докажу, почему они являются духовно-нравственный компас христианина нашего времени. И более того, чем эти пункты христианского мировоззрения могут помочь нам в нашей жизни и в общественно-политическом процессе.

Основные черты христианского мировоззрения в интерпретации протоиерея Александра Меня

1. Христианин обретает опору своей веры в Боге, Им измеряется и оценивается все.

Очень важно, когда мы говорим об этом пункте, нам стоит здесь иметь ввиду, что все что мы видим и чувствуем это все не просто так. Да, у нас есть моменты искажения реальности через призму нашего опыта, нашей идентичности, некоторых земных солидарностей, но все что нас окружает это проявление любви Бога к нам. Особо отмечается у о. Александра Меня, что это не односторонний акт, а призыв ответить нам на Его любовь.

Это очень важно для нашей жизни в целом. У каждого из нас есть свой набор идентичностей (этнических, религиозных, гражданских, социальных, профессиональный и так далее). Исходя из этого, очевидно, что у нас в ходе нашей социализации складывается определенное мировоззрение. А вот уже несоответствие мировоззрений может объяснить, почему конфликты не поддаются разрешению. Но можно ли полностью отринуть наше мировоззрение? Большинство современных специалистов в области общественных наук говорит, что это не нужно и даже вредно. В любом случае, мировоззрение явно или неявно отражает ответы человека на ряд «важных вопросов», которые большинство из нас испытывает потребность или побуждение разрешить [13, p. 408]. Таким образом, это для нас удобно. Но важно стремиться и понять других.

2. Христианин видит в вере не отвлеченное убеждение, а всецелое доверие к Богу.

Здесь мы говорим о доверии, но с открытыми глазами. В частности, протоирей Александр Мень рассматривает Писание как абсолютную истину, но остерегаемся буквальных трактовок (особенно это касается Ветхого Завета) [8, с. 26–27]. Доверие заключается и в отсутствии желаний постоянного подтверждения. Мы не ждем знамений или каких-то знаков, мы и так доверяем Богу. Кроме этого, «зло», присутствующее в человеке, мы не трактуем только лишь как проявление его «звериной природы», а отмечаем, что внешнее зло существует, как некоторая метафизическая реальность.

Если же обращаться к нашей жизни, то чувство доверия у нас очень слабо выражено. Конечно, можно сказать, что у каждого есть свой негативный опыт социального взаимодействия, но без доверия невозможно строить какие-либо отношения в обществе. В знаменитой книге польского социолога П. Штомпки «Доверие – основа общества» отмечается, что доверие – это не только ваше ожидание и обязательство добросовестного и договорного поведения, но и ограничение своих интересов в пользу тех, кому вы доверяете, в частности, как вариант солидарности [10, с. 45]. Здесь мы видим отражение второго пункта христианского мировоззрения по о. Александру Меню. Мы все должны совершенствоваться, учиться доверять друг другу.

Вообще стоит сказать, что гражданское общество должно является ареной всеобщей солидарности. Особенно это должно быть верно для гетерогенных этноконфессиональных общностях. К сожжению, именно в них проблема этноцентризма стоит достаточно остро. Под этноцентризмом понимается наделение своей группы исключительными положительными характеристиками с четким демаркированием себя от других внешних этнических групп. Да, конечно, стоит отметить, что этноцентризм тоже бывает разным: гибким (без стремления наделить другие группы негативными качествами и стереотипами) и негибким (наделение других этнических групп негативными качествами и стереотипами, чаще всего с попыткой обозначить эти группы виновниками всех бед). Искоренить этноцентризм, на мой взгляд, невозможно, но можно придать ему гибкий характер. В частности, в нашей стране с этим достаточно все хорошо. Исследования института социологии РАН показывают, что результаты проведенного анализа отображают превалирование в 2023 г. доли носителей ингруппового фаворитизма, при этом не обладающих аутгрупповым негативизмом [2, с. 46]. К этому и стоит стремиться, к снижению недоверия к «другим» группам, которые не похожи на нас по каким-то определенным параметрам.

3. Христианин познает присутствие и действия Бога в Церкви, а также в жизни вообще, даже в самых простых, обыденных ее проявлениях.

Протоирей Александр Мень говорит здесь о том, что Церковь живет и возрастает силой Христовой [8, с. 27]. Тем самым подчеркивается, что земная организация дана нам в помощь к движению к Богу, но сама она только лишь инструмент. В частности, здесь можно вспомнить произведение блаженного Августина (Августина Аврелия) о «Граде Божьем», где он выделяет непосредственно «Град Божий» и «Град Земной». Первое – это некоторая мистическое пространство (прослеживается прямая аналогия с идеальным миром Эйдосом), где существуют все, кто любит Бога, где вечное блаженство, но это не земная категория. Второе – это, в целом, любое сообщество людей на земле (в обычной трактовке – это государственные институции). Как отмечают специалисты, блаженный Августин здесь имеет ввиду, что земной характер определяется не религиозной принадлежностью его граждан, а их духовной ориентацией на временные ценности [9, с. 44]. Однако, можно это расширить и на любые земные институты, в том числе и на Церковь. Здесь о. Александр Мень делает упор на то, что важно именно движение человека к Богу и это легче (но всего лишь «легче») сделать с помощью институции Земной Церкви.

В этой же связи можно затронуть вопрос и обрядов. Протоирей Александр Мень говорит о том, что обрядовые формы благочестия вторичны в сравнении с любовью к Богу и людям [8, с. 27]. В частности, это выражается и в том, что каноны и уставы в богослужении являются продуктами своего времени и оставаться неизменными со временем просто не смогут.

Отдельное внимание о. Александр Мень уделяет тому, что не надо бояться смотреть на прошлое Церкви с критических позиций. Мы уже отмечали, что его многие критиковали за экуменизм. Но, он действительно переживал за разделение ветвей христианства. Правда, есть мнение, что экуменизм с среде советской интеллигенции был вызван определенным «протестом». В частности, некоторые авторы утверждают, что со второй половины 1970-х годов часть православных диссидентов сблизилась с представителями других конфессий в рамках Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, с целью противостояния давления со стороны органов государственной власти [7, с. 114]. Нельзя утверждать, что такого не было, но, на мой взгляд, позиция протоирея Александра Меня выходит за границы этого «протеста» и носит мировоззренческий характер.

4. Христианин знает, что достоинство личности, ценность жизни и творчества оправдываются тем, что человек является творением Божием.

Здесь важно отметить, что права и свободы человека являются основой человеческого достоинства. Отдельное внимание в этом пункте стоит уделить вере в святость человеческой любви, если она соединена с ответственностью, в частности, в рамках семьи и брака. Если мы посмотрим на наш сегодняшний день, то увидим, что наше государство сейчас предпринимает беспрецедентные шаги по укреплению этих институтов. Это является основой любого общества.

Лично меня особенно привлекли мысли о. Александра Меня о том, что зараженность той или иной сферы грехом не может быть поводом для ее отторжения [8, с. 29]. В качестве подтверждения этого тезиса вспомним известное произведение М. Вебера «Политика как призвание и профессия» [1]. В нем делается различие политика «по призванию» и «по профессии». В основе деятельности политика «по призванию» непременно лежит личная ответственность за происходящее, человек действительно живет этим делом, стремится сделать что-то хорошее для общества. И это перекликается с другой мыслью протоирея Александра Меня, мыслью о возможности реализации христианского призвания человека во всем: в молитве, труде, созидании, действенном служении и нравственной дисциплине. Это подчеркивает, что не только воцерковленные «по всем правилам» люди важны и нужны Богу, но и те, кто в силу своих возможностей и способностей пытается делать этот мир лучше.

В этом контексте важно понимать взаимоотношение между разумом и наукой с верой. Миссионер прямо говорит, что это не противоречиво. Более того, религия, по его мнению, должна быть открыта ко всем проблемам мира, полагая что любая из них может быть осмыслена и оценена в свете веры. Примечательно, что в современной обществоведческой литературе уделяется особое внимание не только тому, что религиозность имеет значение в гуманитарной и социальной сферах, но и в том, как духовность и религия концептуализированы в областях информационного поведения и грамотности, а также в смежных областях, таких как взаимодействие человека и компьютера, медиа и цифровые исследования, религиоведение (включая социологию и антропологию религии или религиозный туризм) [11, p. 40].

5. Христианин верит в историю как поступательный процесс, который через испытания, катастрофы и борьбу восходит к грядущему сверхисторическому Царству Божию [8, с. 30].

Здесь не будем много описывать этот пункт, отметим лишь то, что о. Александр Мень отмечает, что пока не наступил последний Суд, человек призван трудиться на благо других.

Заключение

Подводя итоги статьи, хотелось бы отметить, что протоиерей Александр Мень является примером настоящего христианского миссионера, который был очень нужен именно в то время, в которое он жил. Многие люди приобщились к православному христианству и обрели духовно-нравственный компас в своей жизни благодаря ему. Конечно, как и любой большой личности, у Александра Меня были оппоненты, которые критиковали какие-то моменты его просветительской деятельности, но мы с вами рассмотрели основные ее черты и поняли важность ее для нашей повседневной и общественно-политической жизни.

Литература

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
2. Воронина Н.С. Этноцентризм в России: динамика, специфика и факторы влияния // Вестник Института социологии. 2025. Том 16, № 1. С. 30–49. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.2
3. Денисов А.Е. Политический аспект преподавания предмета «Основы Российской государственности»: возможности и перспективы для малых народов (на примере Кряшенского сообщества) // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 5. С. 31–38.
4. Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 238 с.
5. Иосиф епископ Можайский (Королев О.Г.) Православная духовность как фундамент российской цивилизации: традиции и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. Том 31, № 3. С. 32–55. DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-3-32-55
6. Комарицкая А.Я. Проблема «посмертной идентификации» о. Александра Меня // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 17. С. 181–188.
7. Макаркин А.В. Православие и либерализм в Российской политике // ПОЛИТИЯ: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2021. № 3. С. 99–124. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-102-3-99-124
8. Мень А.В. Культура и духовное восхождение. М.: Искусство, 1992. 495 с.
9. Храмешин С.Н. Концепция божественного права в политико-правовом учении блаженного Августина: православная интерпретация теократической модели государственности // Вопросы Российского и международного права. 2025. Том 15, № 4–1. С. 38–53.
10. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.
11. Caidi N., Nangia P., Samson H., Ekmekcioglu C., Olsson M. Spiritual and religious information experiences: An Annual Review of Information Science and Technology (ARIST) paper // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2026. Vol. 77, Issue 1. P. 40–61. DOI: 10.1002/asi.24983
12. Michael A. New age spiritualism, mysticism, and far-right conspiracy // Educational Philosophy and Theory. 2023. Vol.55, Issue 14. P. 1608–1616. DOI: 10.1080/00131857.2022.2061948
13. Seul J. On Negotiation Building Blocks and Bridging the Worlds We Build // Negotiation Journal. 2022. Vol. 38, Issue 3. P. 405–433. DOI: 10.1111/nejo.12408
14. Stephanie J., Michael R., Galperin B. An exploratory analysis of generational differences in the World Values Surveys and their application to business leaders // Ethics & Behavior. 2023. Vol. 33, Issue 5. P. 357–370. DOI: 10508422.2022.2086872

THE MAIN FEATURES OF THE CHRISTIAN WORLDVIEW IN THE INTERPRETATION OF ARCHPRIEST ALEXANDER MEN SERVE AS A SPIRITUAL AND MORAL COMPASS FOR CHRISTIANS IN OUR TIME

Denisov A.E.
Kazan (Volga region) Federal University

The article examines the views of archpriest Alexander Men on the main features of the Christian worldview. The author emphasizes the relevance of the Christian worldview in our time. In particular, the phenomenon of the «theory of evolutionary modernization» and its dangers are discussed. Special attention is paid to the important role of Christian missionaries in working with the population. The main part of the article is devoted to highlighting the main features of the Christian worldview in the interpretation of archpriest Alexander Men and providing comments on them.

Keywords: Alexander Men, spirituality, worldview, missionary, religion, Russian Orthodox Church, theory of evolutionary modernization, Christianity.

References

1. Weber M. Politics as a Calling and a Profession. Moscow: RIPOL classic, 2018. 288 p.
2. Voronina N.S. Ethnocentrism in Russia: Dynamics, Specificity, and Influencing Factors // Bulletin of the Institute of Sociology. 2025. Vol. 16, № 1, Pp. 30–49. DOI: 10.19181/vis.2025.16.1.2
3. Denisov, A.E. The Political Aspect of Teaching the Subject «Fundamentals of Russian Statehood»: Opportunities and Prospects for Small Peoples (Based on the Kryashen Community) // Ethnosociology and Interethnic Culture. 2025. № 5. Pp. 31–38.
4. Inglehart R. The Unexpected Decline of Religiousness in Developed Countries. St. Petersburg: European University Press, 2022. 238 p.
5. Joseph, Bishop of Mozhaisk (Korolev O.G.) Orthodox Spirituality as the Foundation of Russian Civilization: Traditions and Prospects // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2025. Vol. 31, № 3. Pp. 32–55. DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-3-32-55
6. Komaritskaya A. Ya. The Problem of «Posthumous Identification» of Fr. Alexander Men // RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies. 2011. № 17. Pp. 181–188.
7. Makarkin A.V. Orthodoxy and Liberalism in Russian Politics // POLITICS: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). 2021. № 3. Pp. 99–124. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-102-3-99-124
8. Men A.V. Culture and Spiritual Ascent. Moscow: Iskusstvo, 1992. 495 p.
9. Khrameshin S.N. The Concept of Divine Law in the Political and Legal Doctrine of St. Augustine: An Orthodox Interpretation of the Theocratic Model of Statehood // Issues of Russian and International Law. 2025. Vol. 15, № 4–1. Pp. 38–53.
10. Sztompka P. Trust is the Foundation of Society. Moscow: Logos, 2012. 440 p.
11. Caidi N., Nangia P., Samson H., Ekmekcioglu C., Olsson M. Spiritual and religious information experiences: An Annual Review of Information Science and Technology (ARIST) paper // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2026. Vol. 77, Issue 1. P. 40–61. DOI: 10.1002/asi.24983
12. Michael A. New age spiritualism, mysticism, and far-right conspiracy // Educational Philosophy and Theory. 2023. Vol.55, Issue 14. P. 1608–1616. DOI: 10.1080/00131857.2022.2061948
13. Seul J. On Negotiation Building Blocks and Bridging the Worlds We Build // Negotiation Journal. 2022. Vol. 38, Issue 3. P. 405–433. DOI: 10.1111/nejo.12408
14. Stephanie J., Michael R., Galperin B. An exploratory analysis of generational differences in the World Values Surveys and their application to business leaders // Ethics & Behavior. 2023. Vol. 33, Issue 5. P. 357–370. DOI: 10508422.2022.2086872

Взаимосвязь внутреннего конфликта и иррациональных установок у студентов-психологов

Шукшина Людмила Викторовна,
доктор философских наук, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: iudmila.shukshina@yandex.ru

Пожарская Елена Леонидовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Рыжова Татьяна Сергеевна,
студент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: tatiana.ryzhova25@mail.ru

В статье проанализированы теоретические аспекты и представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи внутреннего конфликта и иррациональных установок у студентов-психологов. Внутренний конфликт представляет собой разногласия между реальными и ожидаемыми элементами внутриличностной структуры. Иррациональные установки – это убеждения, которые представляют собой искаженные ошибки мышления, не соответствующие объективной реальности. Внутренний конфликт и иррациональные установки тесно связаны между собой, вызывая внутреннее напряжение и изменения в поведении. Изучение этой взаимосвязи позволяет разрабатывать эффективные психологические программы коррекции и профилактики дезадаптивных состояний, направленные на изменение иррациональных установок и разрешение внутренних конфликтов.

Ключевые слова: внутренний конфликт, иррациональные установки, рациональность мышления, студенты- психологи.

Актуальность исследования

Внутренний конфликт и иррациональные установки являются психологическими явлениями, которые влияют на развитие личности и профессиональных компетенций у студентов-психологов.

По классификации профессий Е.А. Климова относит психологов к категории «человек-человек». Представитель данной профессии должен обладать профессиональными компетенциями для успешного взаимодействия с клиентами. К необходимым качествам психолога принято относить понимание внутренней природы человека, его чувств и эмоций, способность распознать истинные мотивы определенного поведения, умение устанавливать контакт, обладание развитым речевым и невербальным аппаратом, эмоциональной устойчивостью и даже лидерскими способностями. Психолог работает с проблемами людей, которые их сильно тревожат, поэтому психолог должен не только слышать клиента, но и внимательно слушать, искать причинно-следственные связи, находить различные зацепки: можно сказать, что психолог должен обладать развитым эмоциональным интеллектом. Также важно, чтобы психолог обладал аналитическими навыками: способностью логически размышлять, планировать, прогнозировать и другое. К психологическим качествам, необходимым для представителей данной профессии необходимы высокий уровень развития концентрации и устойчивости внимания, высокий уровень переключения и распределения внимания, высокое развитие словесно-логической и образной памяти. К личностным качествам относят ответственность, интерес и доброжелательность к другому человеку, тактичность и воспитанность, стремление к самопознанию и саморазвитию, разносторонность и оригинальность. Есть качества, которые, в свою очередь, мешают психологической деятельности: эмоциональная нестабильность, агрессивность, замкнутость, низкая вовлеченность в процесс, низкий уровень развития интеллекта, ригидность мышления [4].

Наличие внутреннего конфликта сильно влияет на студентов-психологов. Его наличие связано со специфической мотивацией студентов-стремлением понять и разобраться в себе, что часто приводит не к тому результату, на который рассчитывает обучающийся. Этот конфликт может носить как деструктивный характер, вызывая повышенную тревожность и неуверенность в себе, так и конструктивный, побуждая к развитию и разрешению противоречий [7]. В центре внутреннего мира студентов-психологов часто находится конфликт самооценки: повышенная критичность к себе, завышенные требования и трудности в адаптации к жизненным ситуациям. Такой конфликт снижает уровень осмысленности жизни, препятствую постановке целей и задач [2].

Анализ научных исследований показывает, что у студентов-психологов внутренний конфликт более ярко выражен, чем у представителей технических профессий. Исследования также показывают, что наиболее преобладающими внутриличностными конфликтами являются: неадекватная самооценка, нереализованные желания и трудная адаптация. Между выраженностью внутреннего конфликта и осмысленностью жизни существует отрицательная корреляционная связь: чем выше конфликтность, тем ниже осмысленность жизни и наоборот [1].

По мнению К.Г. Юнга внутренний конфликт-столкновение потребностей, целей, мотивов и расхождение между реальными и идеальными представлениями человека о самом себе, окружающих и мире в целом [5]. Для студентов-психологов это в особенности характерно, потому что их профессиональная деятельность предполагает работу с внутренними противоречиями и контрастами.

Иррациональные установки также влияют на студентов-психологов и представляют собой когнитивные ошибки, которые не соответствуют объективной реальности и ведут к дезадаптации личности. К основным проявлениям иррациональных установок у студентов-психологов относят катастрофизацию, жесткие требования к себе и окружающим, а также низкую фрустрационную толерантность [3]. Все это ведет к стрессовому состоянию, и может способствовать развитию тревоги и депрессии.

Студенты-психологи первокурсники часто обладают такими установками, как катастрофизация, черно-белое мышление, долженствование, перфекционизм и др. [3]. Это снижает возможность к рациональному мышлению и продуктивному обучению.

Иррациональные установки формируют у студентов-психологов дезадаптационное положение: повышенная тревожность, склонность к депрессии и эмоциональная истощенность. Эти установки также негативно влияют на процесс обучения: снижают мотивацию, способность к узнаванию нового материала и коммуникации с преподавателями и сверстниками.

Коррекция иррациональных установок у студентов проводится с помощью методов рационально-эмоциональной терапии (РЭТ) и когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) [8]. Эти методы помогают выявлять и модифицировать деструктивные убеждения, развивать навыки рационального мышления и эмоциональной регуляции.

Иррациональные установки очень часто являются предпосылками для возникновения внутреннего конфликта, особенно когда иррациональные установки полностью противоречат реальности. Иррациональные установки чаще всего противоречат реальным возможностям человека или требованиям окружающей среде и ведут к формированию внутреннего конфликта. Например, установка на «перфекционизм», заключающаяся в стремлении личности к идеалу, часто вызывает внутренний конфликт и фрустрацию, потому что достичь совершенства во всем невозможно. Так же внутренний конфликт усиливает иррациональные установки. Когда у человека есть неразрешенные противоречия, он стремится найти выход из положения, прибегая к ложным убеждениям и неверным интерпретациям, чтобы снизить внутреннее напряжение и стресс, но принимает заведомо ложные утверждения за истинные [6].

Таким образом, внутренние конфликты и иррациональные установки тесно связаны между собой и создают «замкнутый круг», усиливая и подкрепляя друг друга. У студентов-психологов эти феномены возникают вследствие специфической мотивации и желания разобраться в себе и влияют на их учебную и профессиональную деятельность, ухудшая ее. Иррациональные установки противоречат объективной реальности, тем самым приводя к возникновению внутреннего конфликта. Внутренний конфликт, в свою очередь, приводит к ложным убеждениям, которые впоследствии формируют иррациональные установки, в которые человек начинает верить.

Цель исследования – изучение взаимосвязи иррациональных установок и внутреннего конфликта студентов-психологов.

Предмет исследования – взаимосвязь внутреннего конфликта и иррациональных установок.

Гипотеза исследования: имеется предположение о том, что у студентов-психологов уровень внутриличностной конфликтности связан с уровнем рациональности мышления

Выборка исследования составила 35 обучающихся – студентов бакалавриата направления «Психология» Высшей школы социально-гуманитарных наук РЭУ им. Плеханова. Всего в исследовании приняло участие 26 девушек и 9 юношей.

Результаты исследования

В данной работе применялись тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности А.И. Шипилов, опросник враждебности Басса-Дарки (BDHI) и методика диагностики иррациональных установок («Тест Эллиса», SPB).

Для исследования были выбраны наиболее выраженные характеристики выборки: основные шкалы такие, как «Общий уровень внутриличностной конфликтности», «Индекс агрессии», «Индекс враждебности», «Степень рациональности мышления» и результаты отдельных субшкал: наиболее выраженный «Конфликт неадекватной самооценки» и наиболее выраженная конфликтная структура «Самооценка», наиболее выраженные реакции «Обида» и «Чувство вины» и наиболее выраженные иррациональные установки «Катастрофизация» и «Должествование в отношении себя».

1. Для проверки нормальности распределения данных был выбран критерий Шапиро-Уилк p (табл. 1).

Таблица 1. Исследование нормальности распределения данных

Шапиро-Уилк p	Общий уровень внутриличностной конфликтности	Индекс агрессии	Индекс враждебности	Степень рациональности мышления
	0,205	0,017	0,042	0,062

Конфликт неадекватной самооценки	Самооценка	Обида	Чувство вины	Катастрофизация	Должеств. в отношении себя
0,002	0,052	0,024	0,021	0,058	0,131

Данные по шкалам «Общий уровень внутриличностной конфликтности», «Степень рациональности мышления», «Самооценка», «Должествование в отношении себя» и «Катастрофизация» имеют нормальное распределение ($p > 0,05$), а данные по шкалам «Индекс агрессии», «Индекс враждебности», «Конфликт неадекватной самооценки», «Обида», «Чувство вины» имеют ненормальное распределение ($p < 0,05$).

2. Для проверки гипотезы о том, что есть взаимосвязь между уровнем внутриличностной конфликтности и уровнем рациональности мышления был использован критерий корреляции Пирсона (табл. 2).

Таблица 2. Корреляционная матрица

Характеристика 1	Характеристика 2	Критерий	Значение	Уровень значимости, p
Общий уровень внутриличностной конфликтности	Степень рациональности мышления	Пирсон	–0,584	p < 001

Можно сделать вывод, что наблюдается средняя отрицательная корреляционная связь, которая означает, что чем выше уровень внутриличностной конфликтности, тем ниже степень рациональности мышления и наоборот.

3. Также с помощью критерия Кендал Tau-B были найдены следующие значимые корреляции между основными шкалами методик (табл. 3).

Таблица 3. Корреляционная матрица

	Общий уровень внутриличностной конфликтности	Индекс агрессии	Индекс враждебности
Индекс агрессии	0,532 p < .001		
Индекс враждебности	0,537 p < .001	0,779 p <. 001	
Степень рациональности мышления	–0,584 p <. 001	–0,492 p = 0.003	–0,524 p = 0.001

Между Общим уровнем внутриличностной конфликтности и индексом агрессии обнаружена средняя положительная корреляционная связь, которая означает, что чем выше уровень внутриличностной конфликтности, тем выше уровень агрессии и наоборот.

Между Общим уровнем внутриличностной конфликтности и индексом враждебности обнаружена средняя положительная корреляционная связь, которая означает, что чем выше уровень внутриличностной конфликтности, тем выше уровень враждебности и наоборот.

Между индексом агрессии и индексом враждебности обнаружена сильная положительная корреляционная связь, которая означает, что чем выше уровень агрессии, тем выше уровень враждебности и наоборот.

Между степенью рациональности мышления и индексом агрессии обнаружена средняя отрицательная корреляционная связь, которая означает, что чем выше уровень рациональности мышления, тем ниже уровень агрессии и наоборот.

Между степенью рациональности мышления и индексом враждебности обнаружена средняя отрицательная корреляционная связь, которая означает, что чем выше уровень рациональности мышления, тем ниже уровень враждебности и наоборот.

4. Между наиболее сильно выраженными характеристиками теста по выявлению уровня внутриличностной конфликтности – конфликтом неадекватной самооценки и конфликтной структурой «Самооценка» с помощью критерия Кендалл Tau-B была найдена положительная сильная корреляционная связь, которая означает, что чем больше выражен конфликт неадекватной самооценки, тем больше выражена конфликтная структура «Самооценка» и наоборот (табл. 4).

Таблица 4. Корреляционная матрица

Характеристика 1	Характеристика 2	Критерий	Значение	Уровень значимости
Конфликт неадекватной самооценки	Конфликтная структура «Самооценка»	Кендалл Tau – B	0,707	p < .001

5. Также между данными субшкалами и основной шкалой внутриличностной конфликтности был проведен корреляционный анализ с помощью критерия Tau – B (табл. 5).

Таблица 5. Корреляционная матрица

	Общий уровень внутриличностной конфликтности	Конфликт неадекватной самооценки
Конфликт неадекватной самооценки	0,617 p <. 001	
Конфликтная структура «самооценка»	0,809 p <. 001	0,707 p <. 001

Было обнаружено, что между уровнем внутриличностной конфликтности и уровнем конфликта неадекватной самооценки есть значимая положительная сильная корреляционная связь, которая означает, что чем выше уровень внутриличностной конфликтности, тем выше конфликт неадекватной самооценки и наоборот.

Было обнаружено, что между уровнем внутриличностной конфликтности и выраженностью наиболее конфликтной структуры «Самооценка» есть значимая положительная сильная корреляционная связь, которая означает, что чем выше уровень внутриличностной конфликтности, тем выше значение конфликтной структуры «Самооценка» и наоборот.

6. Между наиболее выраженными значениями по субшкалам «Обида» и «Чувство вины» из опросника враждебности Басса-Дарки не было выявлено значимой корреляционной связи. Но между основными шкалами и данными субшкалами этой методики были выявлены следующие корреляционные связи (табл. 6).

Таблица 6. Корреляционная матрица

	Индекс агрессии	Индекс враждебности	Обида
Индекс Враждебности	0,777 p < .001		
Обида	0,601 p < .001	0,701 p < .001	
Чувство вины	0.461 p = 0,005	0,508 p = 0,002	0,302 p = 0,078

– Положительная сильная корреляционная связь между индексом агрессии и обидой (чем выше уровень агрессии, тем выше уровень обиды и наоборот).
– Положительная средняя корреляционная связь между индексом агрессии и чувством вины (чем выше уровень агрессии, тем выше чувство вины и наоборот).
– Положительная сильная корреляционная связь между индексом враждебности и обидой (чем выше обида, тем выше враждебность и наоборот).
– Положительная сильная корреляционная связь между индексом враждебности и чувством вины (чем выше враждебность, тем выше чувство вины и наоборот).

7. Между основной шкалой «Степень рациональности мышления» и шкалой «Катастрофизация» и «Должествование в отношении себя» из методики диагностика иррациональных установок данными были выявлены сильные положительные значимые связи, которые означают, что чем выше степень рационализации мышления, тем выше устойчивость к иррациональной установке «Катастрофизация» и «Должествование в отношении себя» и наоборот (табл. 7).

Таблица 7. Корреляционная матрица

	Должествование в отношении себя	*Катастрофизация*
Степень рациональности мышления	0,683 p < .001	0,860 p < .001

8. Был проведен корреляционный анализ между наиболее выраженными субшкалами во всех трех методиках (табл. 8).

Таблица 8. Корреляционная матрица

	Конфликтная структура «Самооценка»	Конфликт неадекватной самооценки	Обида	Чувство вины
Катастрофизация	–0,406 p = 0,015	–0,365 p = 0,031	–0,362 p = 0,033	–0,442 p = 0,012
Должествование в отношении себя	–0,330 p = 0,003	–0,348 p = 0,004	–0,319 p = 0,006	–0,459 p < .001

Были найдены следующие значимые корреляционные связи.
– Отрицательная средняя корреляционная связь между катастрофизацией и должествованием в отношении себя и конфликтной структурой «самооценка», которая означает, что чем выше выраженность конфликтной структуры «Самооценка», тем ниже устойчивость к данным иррациональным установкам и наоборот.
– Отрицательная средняя корреляционная связь между катастрофизацией и должествованием в отношении себя и конфликтом неадекватной самооценки, которая означает, что чем выше выраженность конфликта неадекватной самооценки, тем ниже устойчивость к иррациональным установкам и наоборот.
– Отрицательная средняя корреляционная связь между катастрофизацией и должествованием в отношении себя и обидой, которая означает, что чем выше выраженность обиды, тем ниже устойчивость к иррациональным установкам и наоборот.
– Отрицательная средняя корреляционная связь между катастрофизацией и должествованием в отношении себя и чувством вины, которая означает, что чем выше выраженность чувства вины, тем ниже устойчивость к иррациональным установкам и наоборот

Выводы

Итак, большинство студентов-психологов обладают высоким уровнем внутриличностной конфликтности. Также наиболее выраженным в высокой степени является конфликт неадекватной самооценки и наиболее выражена конфликтная структура – «Самооценка». Исходя из этого можно предположить, что у студентов наблюдается наличие внутренних противоречий между ценностями, мотивами, потребностями. Из-за этого наиболее сильно выражен конфликт неадекватной самооценки, который показывает расхождение между реальными возможностями личности и ожидаемыми, что актуально для студентов в профессиональном самоопределении. Конфликтная структура «Самооценка» регулирует поведение и зависит от успеха или, наоборот, неуспеха действий, а ее неадекватность (заниженность или завышенность) усиливает внутреннюю конфликтность.

У студентов также наблюдаются повышенные индексы агрессии и враждебности, а также больше всего выражены реакции обиды и чувство вины. Можно предположить, что у студентов психологов наблюдается повышенная рефлексия над эмоциями и поведением, которая может усиливать внутренние конфликты, усиливая при этом агрессию и враждебность, в силу невозможности понять и разрешить что-то, а также усиливая чувство вины за невозможность изменить некоторые вещи. Чувство вины, как и обида могут возникать также вследствие неадекватности самооценки.

У студентов наблюдается также низкая степень рациональности мышления и больше всего выражена такая иррациональная установка, как «Катастрофизация», немного меньше выражена установка «Должествование в отношении себя». Это означает преобладание иррациональных установок над логическим анализом, приводящее к искаженной оценки реальности и своих возможностей. «Катастрофизация», в свою очередь, означает тенденцию преувеличивать негативные события, воспринимать их как катастрофу, а должествование в отношении себя означает завышенные ожидания и требования к себе, что усиливает тревогу и снижает рациональность мышления.

По результатам эмпирического исследования можно ответить, что все основные показатели, такие, как: общий уровень внутриличностной конфликтности, индекс агрессии, индекс враждебности и степень рациональности мышления взаимосвязаны. Чем выше уровень внутриличностной конфликтности, тем выше агрессия и враждебность и, в то же время, ниже степень рациональности мышления и наоборот.

Литература

1. Баляев С.И. Особенности проявления внутриличностных конфликтов у студентов различных направлений подготовки / С.И. Баляев, С.Н. Никишов, В.О. Куркина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – № 3. – С. 1–12.

2. Вейкман, А.Э. Самооценка студентов-психологов и ее проявление в межличностных взаимоотношениях / А.Э. Вейкман, В.Г. Моисеев // ModernScience. – 2021/ – № 4–1. С. 352–359.

3. Жилеева, А.А. Иррациональные установки студентов-психологов первого курса / А.А. Жилеева // Молодой ученый. – 2023. – № 23 (470). – С. 450–453.

4. Зотова, Н.Н. Индивидуально-личностные особенности и успешность профессиональной подготовки студентов психологов / Н.Н. Зотова, О.Н. Родина // Вестник Московского университета. – 2009. – № 14. – С. 53–66.

5. Красильников, А.И. Проблема внутреннего конфликта личности: социально – психологическая парадигма / А.И. Красильников // Известия Саратовского университета. – 2010. – № 17. – С. 78–83.

6. Николаева, В.И. Взаимосвязь внутреннего конфликта и иррациональных установок личности / В.И. Николаева, Н.В. Шевченко // Мировые цивилизации. – 2025. – Т. 10. – № 2. – С. 1–8.

7. Полухина О.П., Письменная Т.В. Влияние внутреннего конфликта на формирование личностной позиции студента-психолога / О.П. Полухина, Т.В. Письменная // Территория науки. – 2014. – № 1. – С. 35–41.

8. Эллис, А. Гуманистическая психотерапия. Рационально-когнитивный подход / А. Эллис – СПб.: Сова, 2022. – 272 с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNAL CONFLICT AND IRRATIONAL ATTITUDES AMONG PSYCHOLOGY STUDENTS

Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Ryzhova T.S.
Plekhanov Russian University of Economics

The article analyzes the theoretical aspects and presents the results of an empirical study of the relationship between internal conflict and irrational attitudes among psychology students. Internal conflict refers to the disagreement between the actual and expected elements of an individual's personality structure. Irrational attitudes are beliefs that represent distorted errors in thinking that do not correspond to objective reality. Internal conflict and irrational attitudes are closely related, causing internal tension and behavioral changes. Studying this relationship allows us to develop effective psychological correction and prevention programs for maladaptive states aimed at changing irrational attitudes and resolving internal conflicts.

Keywords: internal conflict, irrational attitudes, rational thinking, psychology students

References

1. Balyaev S.I. Features of the manifestation of intrapersonal conflicts in students of various fields of training / S.I. Balyaev, S.N. Nikishov, V.O. Kurkina // The World of Science. Pedagogy and Psychology. – 2022. – № 3. – P. 1–12.

2. Veikman, A.E. Self-esteem of psychology students and its manifestation in interpersonal relationships / A.E. Veikman, V.G. Moiseev // ModernScience. – 2021 / – № 4–1. P. 352–359. Veikman, A.E. Self-esteem of psychology students and its manifestation in interpersonal relationships / A.E. Veikman, V.G. Moiseev // ModernScience. – 2021 / – № 4–1. P. 352–359.

3. Zhileeva, A.A. Irrational attitudes of first-year psychology students / A.A. Zhileeva // Young scientist. – 2023. – № 23 (470). – P. 450–453.

4. Zotova, N.N. Individual and personal characteristics and success of professional training of psychology students / N.N. Zotova, O.N. Rodina // Bulletin of Moscow University. – 2009. – № 14. – P. 53–66.

5. Krasilnikov, A.I. The problem of internal personality conflict: a social and psychological paradigm / A.I. Krasilnikov // Bulletin of the Saratov University. – 2010. – № 17. – P. 78–83.

6. Nikolaeva, V.I. The relationship between internal conflict and irrational personality attitudes / V.I. Nikolaeva, N.V. Shevchenko // World civilizations. – 2025. – Vol. 10. – № 2. – P. 1–8.

7. Polukhina O.P., Pismennaya T.V. The influence of internal conflict on the formation of the personal position of a psychology student / O.P. Polukhina, T.V. Pismennaya // Territory of Science. – 2014. – № 1. – P. 35–41.

8. Ellis, A. Humanistic psychotherapy. Rational-cognitive approach / A. Ellis – St. Petersburg: Sova, 2022. – 272 p.

Инструменты анализа событий политологического характера в социосреде государственного управления

Белова Ирина Владимировна,
старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: belova-iv-@ranepa.ru

Современная политическая наука располагает широким набором инструментов для анализа событий, влияющих на функционирование системы государственного управления. Для федерального уровня особенно значимы подходы, позволяющие одновременно учитывать институциональные рамки, межуровневые взаимодействия, роль политических акторов, медиасреду и динамику общественных настроений. В статье показано, что продуктивный анализ таких событий требует не механического перечисления методов, а их осмысленного выбора в зависимости от исследовательской задачи, временного горизонта и типа используемых данных. Особое внимание уделяется системному, сетевому, дискурсивному, компаративному, элитологическому и коммуникативному инструментарию, а также возможностям их сочетания в исследованиях социосреды государственного управления. Обзор ориентирован на выявление аналитического потенциала каждого подхода и на уточнение условий, при которых их совместное применение даёт наиболее убедительный результат.

Ключевые слова: политологический анализ, государственное управление, федеральные события, федеративные системы, методологический плюрализм.

Введение

Современное обсуждение инструментов политологического анализа целесообразно начинать не с перечня методов, а с уточнения того, как в социальных науках понимается само государственное управление. В работах, посвящённых переходу от бюрократической модели к более сложным формам government и governance, показано, что меняется не только объект исследования, но и язык его описания [15]. Поэтому анализ событий федерального уровня сегодня требует выхода за рамки узко институционального чтения и включает внимание к управленческим практикам, общественным реакциям и каналам обратной связи. Именно эта смена исследовательской оптики объясняет, почему политическая наука обращается сразу к нескольким методологическим традициям.

Федеративная модель государственного устройства особенно наглядно демонстрирует междисциплинарный характер подобных исследований. В современной литературе предметное поле государственного управления рассматривается на пересечении политической науки, социологии, права и теории организации, что позволяет анализировать федеральные события не только как юридические акты, но и как процессы перераспределения ресурсов, полномочий и символического влияния [5]. Отсюда вытекает необходимость комбинировать классические политологические методы с инструментами смежных дисциплин. Без такого расширения исследовательского поля описание федеральных процессов неизбежно оказывается схематичным.

Развитие аналитического инструментария в политологии шло неравномерно: одни подходы формировались внутри теории институтов, другие – на основе эмпирических исследований конкретных обществ и политических ситуаций. Для российской исследовательской практики особенно важным стало обращение к конкретно-социологическим процедурам, поскольку именно они позволяют соотносить теоретические конструкции с наблюдаемыми фактами, данными опросов, экспертными оценками и описанием реальных кейсов [3]. В результате политологический анализ федеральных событий всё чаще строится как работа с разнородными данными, а не как простое воспроизведение готовых схем. Такой сдвиг делает проблему выбора метода не формальной, а содержательной.

Масштаб федеральных событий задаёт повышенные требования к аналитическому аппарату ещё и потому, что решения центра затрагивают всю систему общественно-политического управления и нередко имеют отложенные последствия. Исследования, посвящённые целям государственного управления в общественно-политической сфере, показывают, что оценка таких решений должна учитывать не только текущую политическую конъюнктуру, но и более широкий контекст внутренней и международной обстановки [12]. Это повышает значимость инструментов, способных связывать институциональные изменения, общественные ожидания и стратегические ориентиры государства. Поэтому задача систематизации подходов к анализу федеральных событий имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на сочетании методов, позволяющих провести системный обзор и критическое сопоставление основных политологических подходов к анализу событий федерального масштаба. В качестве базовой процедуры использован сравнительный анализ теоретических концепций и исследовательских школ, сложившихся в политической науке и смежных дисциплинах. Дополнительно применялся историко-генетический подход, позволяющий проследить эволюцию аналитических инструментов в контексте развития политологического знания. Для упорядочения материала использован метод типологизации, который дал возможность классифицировать рассматриваемые инструменты по предметной направленности, уровню анализа и характеру получаемых результатов.

Результаты и обсуждение

Прежде всего необходимо уточнить, что в контексте политической науки следует понимать под событием федерального масштаба. Речь идёт не только о формально закреплённых решениях федеральных органов власти, но и о таких политических процессах, которые меняют параметры управления общественно-политической сферой, задают новые правила взаимодействия между центром и регионами или пере-

распределяют управленческие возможности участников процесса [1]. Такое понимание позволяет включать в анализ институциональные, коммуникативные и поведенческие измерения одновременно. Для исследователя это принципиально важно, поскольку федеральные события почти никогда не исчерпываются юридической формой, в которой они были оформлены.

Одним из наиболее устойчивых оснований для анализа остаётся системный подход, рассматривающий политическую жизнь как взаимосвязанный процесс преобразования общественных запросов в управленческие решения. Для исследований федерального уровня этот подход ценен тем, что позволяет видеть не отдельный акт власти, а последовательность реакций, в которой решение соотносится с поддержанием порядка, воспроизводством управленческой устойчивости и перераспределением ожиданий в обществе [9]. Системная перспектива особенно полезна в ситуациях, когда требуется понять, почему одно и то же событие воспринимается как стабилизирующее одними группами и как источник напряжения – другими. Вместе с тем её продуктивность зависит от того, насколько исследователь способен дополнить общую схему конкретными данными о действиях институтов и акторов.

Сравнительный метод остаётся одним из наиболее надёжных способов понять, какие характеристики федерального события являются общими для разных политических систем, а какие связаны со спецификой конкретного государства. Сопоставление федераций позволяет проследить, как меняются отношения между центром и регионами, какие механизмы используются для согласования интересов и в каких условиях усиливаются тенденции централизации или децентрализации. Практическая ценность компаративистики состоит в том, что она помогает избегать поспешных выводов, основанных на единичном кейсе. В то же время корректность сравнения требует строгого отбора случаев и ясного понимания того, какие переменные действительно сопоставимы.

Политико-культурный подход обращает внимание на то, что федеральные решения воспринимаются обществом не в политическом вакууме, а через систему привычных ценностей, представлений о государстве и ожиданий по отношению к власти. В исследованиях о роли идеологии в системе государственного управления подчёркивается, что ценностные основания политики влияют и на характер общественной консолидации, и на пределы допустимых управленческих решений [8]. Для федеративных государств это особенно значимо из-за неоднородности региональных политических культур и различий в символических кодах. Такой инструмент полезен для объяснения того, почему формально одинаковые решения вызывают неодинаковую реакцию в разных частях страны.

Концепция вето-игроков позволяет аналитически описать, насколько сложен путь от политической инициативы к её институциональному закреплению. В федеративной системе число акторов, способных затормозить или заблокировать изменение статус-кво, как правило, велико: это могут быть палаты парламента, судебные органы, региональные руководители, отраслевые коалиции и иные центры влияния. Такой подход удобен для первичной оценки вероятности принятия решения и для объяснения причин политической инерции. Его ограничение состоит в том, что он лучше работает с формализованными процедурами, чем с неформальными договорённостями.

Событийный анализ особенно полезен в тех случаях, когда исследователь работает с серией политических эпизодов, а не с единичным решением. Методики анализа общественно-политической напряжённости показывают, что систематический учёт событий, их интенсивности, повторяемости и контекста позволяет выявлять неочевидные изменения в состоянии политической среды и фиксировать ранние признаки нарастания конфликтности [11]. Для федерального уровня это важно, поскольку масштабные процессы редко разворачиваются одномоментно и обычно состоят из цепочки связанных действий, заявлений и институциональных реакций. При этом качество результата напрямую зависит от прозрачности процедуры отбора событий и от надёжности исходных данных.

Процессуальное измерение федеральных событий удобно рассматривать через модель политического цикла, поскольку она позволяет разложить сложный процесс на несколько аналитически различимых стадий. Исследования президентских посланий Федеральному Собранию показывают, что уже на этапе формирования повестки дня можно наблюдать, какие темы получают статус общегосударственных приоритетов, как они символически оформляются и каким образом затем переводятся в плоскость управленческих решений [7]. Эта логика помогает связать дискурсивный уровень политики с последующими институциональными действиями. Вместе с тем цикл не следует понимать буквально как жёсткую линейную схему, поскольку реальные политические процессы часто возвращаются к предыдущим стадиям и развиваются асинхронно.

Конструктивистский подход позволяет увидеть, что федеративные отношения существуют не только как набор норм и процедур, но и как постоянно воспроизводимые представления о допустимом, легитимном и желательном. Работы, посвящённые проблеме государственной идеологии и её отсутствия в современной России, показывают, что конкурирующие ценностные рамки способны задавать разные модели интерпретации одних и тех же политических решений [6]. Для анализа федеральных событий это означает необходимость учитывать не только материальные интересы участников, но и их представления о политическом порядке, общественном единстве и границах возможного. Такой ракурс особенно продуктивен при изучении символических конфликтов и трансформации политической идентичности.

Политическое прогнозирование занимает пограничное положение между анализом текущего процесса и выработкой сценариев его дальнейшего развития. Сценарный подход, экспертные процедуры и моделирование полезны на федеральном уровне потому, что позволяют оценивать не только наиболее вероятный исход, но и диапазон альтернативных траекторий. Элитологический анализ позволяет обнаружить те связи и зависимости, которые не считываются из формальной институциональной схемы.

Политическая коммуникативистика даёт инструменты для анализа того, как федеральные события становятся частью массового восприятия и управленческой повестки. Исследование эволюции роли медиа в российских доктринах информационной безопасности 2000 и 2016 годов показывает, что медиасреда рассматривается не только как канал передачи информации, но и как пространство формирования угроз, норм и приоритетов государственной политики [2]. Поэтому при изучении федеральных событий важно анализировать не просто объём сообщений, а структуру повестки, способы фреймирования и соотношение официальных и неофициальных интерпретаций. Без этого трудно оценить, каким образом событие приобретает политический вес и закрепляется в общественном сознании.

Пространственный анализ позволяет включить в исследование территориальное измерение политики, без которого федеративные процессы часто выглядят абстрактно. География политического поведения, различия в региональных ресурсах, плотности коммуникаций и институциональной включённости напрямую влияют на то, как федеральные решения реализуются на местах и какие эффекты они порождают. Особенно полезны здесь методы картографирования, визуализации и сопоставления территориальных показателей, когда речь идёт об электоральной динамике, протестной активности или неоднородности управленческих практик. Пространственная оптика делает видимыми те различия, которые теряются при усреднённом описании страны.

Практика анализа показывает, что реальные события федерального масштаба почти никогда не укладываются в рамки одного подхода. Институциональное описание даёт представление о правилах и процедурах, сетевой анализ – о конфигурации взаимодействий, дискурсивный – о борьбе за смысл, элитологический – о центрах принятия решений, коммуникативный – о механизмах распространения и закрепления повестки. Поэтому методологический плюрализм следует понимать не как эклектичное смешение методов, а как последовательное соединение инструментов, каждый из которых отвечает на свой исследовательский вопрос. Чем яснее сформулирована задача, тем продуктивнее оказывается такое сочетание.

Выбор аналитического инструмента напрямую связан и с тем, как исследователь понимает соотношение структуры и агентности. В одних случаях решающую роль играют институциональные ограничения, распределение полномочий и устойчивые правила взаимодействия; в других – стратегии конкретных акторов, их способность менять повестку и использовать окно политических возможностей. Для федеральных событий обычно характерно сочетание обоих уровней, поэтому односторонние объяснения редко бывают убедительными. Методологически корректный анализ должен показывать, где именно заканчивается действие структуры и начинается пространство политического выбора.

Не менее важен вопрос о временном горизонте исследования. Данные об изменении общественного мнения в президентских циклах 2000–2021 годов показывают, что оценка эффективности государственного управления существенно зависит от того, рассматривает ли исследователь краткосрочную реакцию на событие или более длительную динамику общественных ожиданий [14]. В анализе федеральных процессов это означает необходимость различать немедленные эффекты, среднесрочные институциональные последствия и долгосрочные изменения политических установок. Осознанный выбор временной рамки помогает избежать ошибочного переноса выводов, полученных на одном уровне наблюдения, на другой.

В совокупности перечисленные инструменты образуют достаточно целостный, хотя и внутренне неоднородный аналитический аппарат

для исследования событий федерального масштаба. Его сильная сторона заключается не в универсальности отдельного метода, а в возможности соотносить разные типы данных, уровни анализа и исследовательские вопросы. Именно такая логика позволяет переходить от описания единичного политического эпизода к более глубокому объяснению механизмов государственного управления в социосреде. По мере накопления эмпирических материалов и развития цифровых методов значение этой комбинированной стратегии, вероятно, будет только возрастать.

Заключение

Проведённый обзор показывает, что политическая наука располагает не просто большим набором методов, а системой взаимодополняющих аналитических инструментов для исследования событий федерального масштаба. Их разнообразие связано с тем, что федеральная политика разворачивается одновременно в институциональном, коммуникативном, ценностном, элитном и территориальном измерениях. Поэтому вопрос о выборе метода нельзя сводить к формальной принадлежности к той или иной школе: он должен решаться через исследовательскую задачу и тип используемых данных.

Главный вывод состоит в том, что изолированное применение одного подхода редко даёт убедительный результат при анализе сложных федеральных процессов. События такого уровня затрагивают несколько контуров политической системы сразу – от нормотворчества и межуровневых отношений до медиарепрезентации и общественных ожиданий. Именно поэтому наибольшую объяснительную силу сохраняют исследования, в которых методы сочетаются осмысленно, а не механически.

Эффективность аналитической работы в конечном счёте зависит от качества операционализации понятий, корректности отбора эмпирического материала и способности исследователя соотнести теоретическую рамку с конкретной политической ситуацией. Для дальнейших исследований в этой области особенно важны накопление сопоставимых данных, более точная настройка междисциплинарных процедур и отказ от шаблонных описаний в пользу предметного анализа реально наблюдаемых процессов. Такой подход позволяет сделать политологическое изучение федеральных событий более доказательным, практически применимым и академически убедительным.

Литература

1. Чистобородов И.Г. Сущностные характеристики, отражающие закономерности государственного управления общественно-политической сферой // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 1. С. 75–81.

2. Кочкин А.В. Эволюция роли медиа в доктринах информационной безопасности Российской Федерации 2000 и 2016 годов // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. Т. 8. № 3. С. 80–104.

3. Донцов Д.О. Конкретно-социологическое исследование как эффективный теоретико-эмпирический механизм политологического анализа // Политконсультант. 2024. Т. 4. № 2.

4. Ильин В.А., Морев М.В. СВО и проблема внутренней мобилизации общества и элит // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 5. С. 9–39.

5. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Предметное поле государственного управления в системе политических наук // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184). С. 9–17.

6. Ильин В.А., Морев М.В. «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18. № 3. С. 9–39.

7. Багдасарян В.Э., Балдин П.П., Реснянский С.И. Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию как источник изучения исторической политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 2. С. 421–437.

8. Чернышов А.Н., Чернышова А.В. Необходимость идеологии в системе государственного управления: миф или реальность? (Опыт истории России) // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 4 (62). С. 51–69.

9. Сулимин А.Н. Категории стабильности и порядка в контексте реализации государственной политики // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. № 4. С. 81–88.

10. Сургуладзе В.Ш. Реально-политические аспекты оценки информационно-идеологического и символического значения интерпретаций роли личности в истории // Власть. 2025. Т. 33. № 5. С. 243–257.

11. Першуткин С.Н. Методики анализа общественно-политической напряженности: критическая рефлексия и новые ориентиры // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2022. № 1 (27). С. 96–107.

12. Чистобородов И.Г. Цель государственного управления в общественно-политической сфере с учетом международной обстановки // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 4 (26). С. 100–110.

13. Панкевич Н.В. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства // Антиномии. 2023. Т. 23. № 2. С. 47–76.

14. Ильин В.А., Морев М.В. Тенденции общественного мнения об эффективности государственного управления. Президентские циклы 2000–2021 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 9–32.

15. Макаров И.Н. От бюрократии к правительству: этапы и особенности интерпретаций государственного администрирования в социальных науках // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 5. С. 135–151.

TOOLS FOR ANALYZING EVENTS OF A POLITOLOGICAL NATURE IN THE SOCIAL ENVIRONMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION

Belova I.V.
North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Modern political science offers a broad set of tools for analyzing events that affect the functioning of public administration. At the federal level, the most useful approaches are those that simultaneously take into account institutional frameworks, intergovernmental relations, the role of political actors, the media environment, and shifts in public attitudes. The article argues that productive analysis of such events requires not a mechanical listing of methods but a reasoned selection of analytical strategies depending on the research problem, time horizon, and type of evidence. Particular attention is paid to systemic, network, discursive, comparative, elite, and communicative approaches, as well as to the possibilities of combining them in the study of the social environment of public administration. The overview is intended to clarify the analytical potential of each approach and the conditions under which their combination produces the most convincing results.

Keywords: politological analysis, public administration, federal events, federal systems, methodological pluralism.

References

1. Chistoborodov I.G. Essential characteristics reflecting the patterns of state governance of the socio-political sphere // Social and Political Sciences. 2025. Vol. 15. No. 1. Pp. 75–81.

2. Kochkin A.V. Evolution of the role of media in the information security doctrines of the Russian Federation of 2000 and 2016 // Communications. Media. Design. 2023. Vol. 8. No. 3. Pp. 80–104.

3. Dontsov D.O. Concrete sociological research as an effective theoretical and empirical mechanism of political science analysis // Political Consultant. 2024. Vol. 4. No. 2.

4. Ilyin V.A., Morev M.V. The special military operation and the problem of internal mobilization of society and elites // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. No. 5. Pp. 9–39.

5. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The subject field of state governance in the system of political sciences // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2023. No. 10 (184). Pp. 9–17.

6. Ilyin V.A., Morev M.V. "The constitutional prohibition of state ideology means a prohibition on revising the ideological postulates of liberalism": what 30 years of the absence of state ideology leads to // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2025. Vol. 18. No. 3. Pp. 9–39.

7. Bagdasaryan V.E., Baldin P.P., Resnyansky S.I. Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a source for studying Russia's historical policy // Bulletin of St. Petersburg University. History. 2021. Vol. 66. No. 2. Pp. 421–437.

8. Chernyshov A.N., Chernyshova A.V. The necessity of ideology in the system of state governance: myth or reality? (The experience of Russian history) // Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management. 2021. No. 4 (62). Pp. 51–69.

9. Sulimin A.N. Categories of stability and order in the context of state policy implementation // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2024. Vol. 24. No. 4. Pp. 81–88.

10. Surguladze V. Sh. Real-political aspects of assessing the information-ideological and symbolic significance of interpretations of the role of personality in history // Power. 2025. Vol. 33. No. 5. Pp. 243–257.

11. Pershutkin S.N. Methods for analyzing socio-political tension: critical reflection and new guidelines // Humanitarian Bulletin of the Military Academy of the Strategic Missile Forces. 2022. No. 1 (27). Pp. 96–107.

12. Chistoborodov I.G. The goal of state governance in the socio-political sphere taking into account the international situation // Citizen. Elections. Power. 2022. No. 4 (26). Pp. 100–110.

13. Pankevich N.V. Decentralized value-motivated communities: toward the renewal and institutional development of the state policy of unity // Antinomies. 2023. Vol. 23. No. 2. Pp. 47–76.

14. Ilyin V.A., Morev M.V. Trends in public opinion on the effectiveness of state governance. Presidential cycles 2000–2021 // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 9–32.

15. Makarov I.N. From bureaucracy to government: stages and features of interpretations of state administration in the social sciences // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2022. Vol. 17. No. 5. Pp. 135–151.

Влияние политических акторов на формирование общественной среды в условиях цифровизации коммуникационных процессов и трансформации институтов гражданского участия

Вититнев Сергей Федорович,
доктор исторических наук, профессор, Российский государственный социальный университет
E-mail: svititnev@yandex.ru

Бруз Владимир Виленович,
доктор исторических наук, профессор, Государственный университет просвещения
E-mail: vvb54@yandex.ru

Шмелева Анна Вячеславовна,
кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет
E-mail: lug-anna@yandex.ru

Статья посвящена анализу того, как цифровизация коммуникационных процессов меняет реальные механизмы воздействия политических акторов на общественную среду и каким образом в этих условиях преобразуются институты гражданского участия. В центре внимания находятся не только новые каналы передачи информации, но и более глубокие сдвиги, включая перераспределение коммуникативных ресурсов, изменение режимов публичной видимости, усиление значения платформенной инфраструктуры и зависимость участия от процедур цифровой медиации. Исследование построено на систематизации публикаций 2021–2025 гг., включённых в список литературы, что позволяет опереться не на декларативные рассуждения о «сетевом обществе», а на корпус работ, фиксирующих конкретные институциональные и коммуникационные эффекты. Показано, что цифровая среда не устраняет посредническую роль государства, партий, экспертных сообществ и общественных объединений, а переводит её в иную форму. Возникает гибридный порядок, в котором административные процедуры, сетевые практики самоорганизации и алгоритмические механизмы отбора контента действуют одновременно, иногда взаимно усиливая друг друга, а иногда вступая в противоречие. В статье выделены основные направления современной научной дискуссии: цифровое государство, электронное участие, государственно-общественная коммуникация, трансформация публичной политики, а также риски алгоритмизации и информационной безопасности. Сделан вывод о том, что в цифровой общественной среде решающим становится не сам факт присутствия актора в сети, а его способность соединять институциональный статус, коммуникативную компетентность, доступ к данным и умение переводить цифровую мобилизацию в политически значимый результат.

Ключевые слова: политические акторы, цифровизация, общественная среда, гражданское участие, политическая коммуникация.

Введение

Современная политическая наука всё менее склонна трактовать цифровизацию как внешний технологический слой, механически наложенный на уже сложившиеся институты. Гораздо продуктивнее рассматривать её как изменение самих условий политического взаимодействия, при котором обращение граждан, административная реакция, общественное обсуждение и символическое конструирование повестки оказываются включёнными в единый, но внутренне неоднородный коммуникационный контур. Меняются не только способы передачи информации, но и режимы допуска к публичности, ритмы реакции институтов, формы фиксации общественного запроса и сама логика его последующего движения. По этой причине анализ влияния политических акторов на общественную среду уже нельзя ограничивать вопросом о степени их присутствия в сети. Существеннее понять, кто определяет режимы видимости, устанавливает процедурные фильтры, задаёт критерии релевантности и получает возможность переводить частный запрос в публично значимую проблему [2].

Наиболее рельефно данный сдвиг проявляется в институтах гражданского участия. Электронные приёмные, платформы обсуждения, механизмы цифровых петиций, сервисы обратной связи и иные формы электронной демократии действительно снижают порог входа в коммуникацию и расширяют набор доступных действий для гражданина. Однако политическая результативность таких практик определяется не фактом технической доступности канала, а тем, включён ли он в понятную процедуру рассмотрения, обладает ли пользователь достаточной компетентностью и может ли цифровой отклик получить дальнейшее институциональное продолжение. Низкий порог участия облегчает вход в коммуникацию, но сам по себе ещё не создаёт ни представительности, ни устойчивого эффекта включённости. Именно здесь обнаруживается принципиальное различие между доступностью участия и его действенностью, на которое всё настойчивее указывают исследования электронной демократии [3].

Одновременно происходит перераспределение возможностей между различными политическими акторами. Государственные структуры усиливают позиции благодаря контролю над нормативными рамками и сервисной инфраструктурой, тогда как общественные объединения, экспертные сообщества и локальные инициативы получают дополнительные средства артикуляции проблем, адресной мобилизации и публичного давления. При этом рост коммуникативных возможностей не отменяет различий в ресурсах, а лишь переводит их в новую плоскость: значение приобретает не только способность высказываться, но и доступ к данным, устойчивым аудиториям, технологическим инструментам анализа и каналам институционального продвижения запроса. Существенна и зависимость от платформ, через которые распределяется внимание: чем сильнее она становится, тем заметнее новая асимметрия между формальным доступом к слову и реальной возможностью быть услышанным. В таком контексте взаимодействие государства и гражданского общества следует описывать как сложную систему взаимозависимостей, а не как односторонний процесс цифрового расширения участия [10].

Отсюда вытекает и научная проблема настоящего исследования. Она состоит не в констатации очевидного факта цифровой трансформации, а в объяснении того, каким образом цифровая среда меняет механизмы формирования общественной повестки, каким акторам она предоставляет сравнительные преимущества и где обнаруживаются её пределы. В отечественной литературе достаточно подробно разработаны отдельные аспекты цифрового государства, электронной демократии, публичной политики и коммуникации власти с обществом, однако интегральное описание этих процессов пока нередко подменяется общими формулами. Между тем без такого целостного взгляда трудно избежать и технологического детерминизма, и чрезмерного упрощения реальных институциональных процессов. Цель статьи заключается в том, чтобы на материале публикаций 2021–2025 гг. выявить устойчивые механизмы влияния политических акторов на общественную среду и показать, как они соотносятся с трансформацией институтов гражданского участия [15].

Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составили 15 научных публикаций 2021–2025 гг., включённых в список литературы и посвящённых цифровому государству, электронной демократии, политической коммуникации, гражданскому участию, публичной политике и вопросам информационной безопасности. Работа выполнена в жанре аналитического обзора с элементами проблемно-тематической классификации. На первом этапе все тексты были распределены по нескольким содержательным блокам: цифровое государство и электронное участие; коммуникация государства и гражданского общества; цифровая публичная политика; алгоритмическая медиация и риски устойчивости общественной среды. На втором этапе использовались сравнительный, структурно-функциональный и интерпретативный подходы, что позволило сопоставить представления авторов о роли государства, негосударственных акторов, экспертных сообществ и граждан. Дополнительно анализировались различия в том, как сами исследователи определяют границы участия, понимают политическую эффективность цифровых каналов и описывают источники новых асимметрий. В качестве единиц анализа рассматривались ключевые исследовательские акценты, типы политических акторов, описываемые механизмы влияния, а также ограничения цифрового участия, прямо фиксируемые авторами. Подобная схема соответствует современным методологическим подходам к изучению цифровых решений в политических процессах и позволяет избежать излишне описательного изложения материала [6].

Результаты и обсуждение

Анализ корпуса публикаций показывает, что исследовательская повестка 2021–2025 гг. заметно сместилась по сравнению с ранними дискуссиями о «полезности» цифровых инструментов. В центре внимания оказываются уже не отдельные сервисы и не абстрактные обещания технологического прогресса, а институциональные последствия цифровизации: изменение режима обратной связи, формирование новых практик публичной легитимации, перераспределение коммуникативных ресурсов и зависимость общественной среды от инфраструктурных посредников. Примечательно и то, что значительная часть рассматриваемых работ опирается на российский материал и потому позволяет обсуждать цифровую трансформацию не в отвлечённо-нормативном, а в конкретном административном и политическом контексте. Такой ракурс особенно важен для анализа властно-общественной коммуникативистики, где цифровые каналы рассматриваются как элементы реального политического процесса, а не как внешнее дополнение к нему [8].

Первая группа исследований сосредоточена на цифровом государстве и электронных форматах участия. Их авторы, как правило, фиксируют очевидные преимущества цифровых решений: сокращение времени взаимодействия с органами власти, расширение набора сервисов, повышение операционной прозрачности отдельных процедур. Однако позитивный эффект не абсолютизируется. Из работ этого блока следует, что сама по себе цифровая платформа не производит доверие, не гарантирует политическую включённость и не устраняет различий между социальными группами по уровню компетенций и доступу к инфраструктуре. Более того, внешняя удобность интерфейса нередко скрывает сложность внутренних процедур, остающихся для пользователя непрозрачными. Наиболее устойчивыми оказываются те механизмы, которые связаны не только с технической удобностью, но и с понятной административной логикой, позволяющей гражданину проследить дальнейшую судьбу обращения или инициативы. Именно в этом смысле цифровое правительство воздействует на демократические институты опосредованно – через изменение процедур, ожиданий и практик взаимодействия [1].

Отдельное направление работ посвящено государственной коммуникации в цифровой среде. Здесь цифровизация осмысляется шире, чем просто модернизация канала информирования: государство одновременно сообщает, интерпретирует, объясняет, реагирует на запросы и в определённой мере управляет восприятием политической повестки. Такая совмещённость ролей делает его наиболее заметным участником цифровой общественной среды, но одновременно порождает внутреннее противоречие между логикой открытости и логикой контроля. На практике один и тот же цифровой интерфейс может выполнять сервисную функцию, дисциплинировать коммуникацию и одновременно поддерживать символический образ открытого государства. Чем активнее органы власти используют платформы, социальные сети и сервисные интерфейсы для организации коммуникации, тем отчётливее становится вопрос о прозрачности модерации, границах допустимого регулирования и доверии к тем смысловым рамкам, которые предлагает официальный коммуникатор [7].

Публикации, посвящённые формированию цифровой социально-политической повестки, позволяют уточнить ещё один существенный момент. Цифровая среда действительно расширяет круг субъектов, способных обозначить проблему и добиться её первичной видимости, однако дальнейшее продвижение темы зависит от организационных и институциональных ресурсов. Особенно наглядно это проявляется на региональном материале. Именно в регионах быстрее обнаруживается разрыв между возможностью публично артикулировать запрос и способностью обеспечить его административное сопровождение, экспертную поддержку и устойчивое внимание со стороны власти. Региональная повестка чувствительна к качеству местных каналов обратной связи, к плотности общественных сетей и к готовности администраций признавать проблему до её выхода в кризисный режим. Поэтому рост цифровой видимости не следует автоматически отождествлять с расширением политического влияния: между первым и вторым лежит сложная последовательность процедур, коалиций и каналов перевода сигнала в решение [14].

При рассмотрении роли конкретных политических акторов необходимо учитывать различия их исходных позиций. Государственные институты описаны в проанализированном корпусе наиболее подробно, поскольку именно они формируют значительную часть нормативной и сервисной инфраструктуры. Политические партии, напротив, выступают не как единственные посредники между гражданином и властью, а как участники более конкурентной цифровой среды, где за внимание аудитории борются также медиа, платформы, экспертные сообщества и локальные инициативы. Это не означает исчезновения партийного посредничества, но меняет его характер: партия оказывается вынуждена сочетать идеологическую репрезентацию с оперативной коммуникацией, точечной мобилизацией и постоянной работой с цифровыми каналами обратной связи. Подобная трансформация особенно заметна в исследованиях взаимодействия граждан и институтов государственной власти, где цифровой контур задаёт новые требования к политическому посредничеству [5].

Негосударственные акторы – общественные объединения, профессиональные и экспертные сети, локальные инициативные группы, сетевые активисты – получают преимущества там, где проблему можно быстро сформулировать, тематически упаковать и вывести в режим общественного обсуждения без сложной бюрократической процедуры. Для них цифровая среда служит не столько заменой институциональной политики, сколько пространством предварительной консолидации, поиска союзников и формирования общественного резонанса. Вместе с тем устойчивость их влияния не следует переоценивать. Внимание аудитории нестабильно, цифровая мобилизация нередко носит волнообразный характер, а переход от сетевой проблематизации к переговорному и организационному формату требует специальных компетенций и ресурсов. Именно поэтому вопрос об эффективных технологиях взаимодействия власти и гражданского общества остаётся в центре исследовательского интереса [13].

Одним из наиболее заметных эффектов цифровизации становится изменение структуры информационной асимметрии. Если в предшествующий период ключевым преимуществом крупных политических акторов был контроль над массовыми каналами распространения информации, то теперь всё большее значение приобретают данные, аналитические инструменты, механизмы сегментации аудиторий и возможности алгоритмического продвижения сообщений. В результате неравенство не исчезает, а принимает иную форму. Более влиятельными оказываются те участники, которые способны не только выработать сообщение, но и точно настроить его циркуляцию, измерить реакцию различных групп, скорректировать стратегию в реальном времени и встроить контент в логики платформенного распространения. В политической коммуникации всё заметнее роль метрик вовлечённости, тестирования форматов и постоянной адаптации сообщения под особенности цифровой среды. Следовательно, цифровые решения становятся не нейтральным средством коммуникации, а самостоятельным политическим ресурсом [9].

Исследования гражданского участия показывают, что цифровая среда заметно расширила репертуар политических практик. К традиционным формам участия добавились электронные обращения, онлайн-петиции, общественные обсуждения на специализированных платформах, цифровые кампании солидарности, локальные сетевые сообщества и иные механизмы быстрого вовлечения. Для значительной части граждан именно такие форматы становятся первым опытом соприкосновения с публичной политикой, поскольку они не требуют длительного организационного включения и позволяют действовать в удобном для пользователя темпе. Вместе с тем электронное участие приобретает политический вес лишь в тех случаях, когда оно не замыкается на моменте подачи сигнала, а включается в цепочку рассмотре-

ния, обсуждения и принятия решений. Иначе говоря, доступность действия ещё не означает его институциональной результативности [11].

Вместе с тем расширение цифровых каналов не тождественно углублению участия. Низкий порог входа делает коммуникацию массовой, но далеко не всегда способствует формированию устойчивой гражданской субъектности. Подписать петицию, оставить комментарий или поддержать кампанию репостом значительно проще, чем включиться в длительную коллективную работу, согласование позиций и институциональный диалог. По этой причине цифровое участие следует рассматривать как внутренне неоднородный комплекс практик, в котором соседствуют содержательное вовлечение, кратковременная реакция, а иногда и ситуативная эмоциональная мобилизация. Для исследователя здесь важно не количество кликов как таковое, а способность виртуальной коммуникации переходить в реальные формы координации и совместного действия [4].

Самостоятельное направление в современной литературе образуют исследования алгоритмического посредничества и информационной безопасности. Они показывают, что публичная значимость сообщения всё чаще определяется не только его содержанием, но и логикой ранжирования, рекомендаций, модерации и технической фильтрации. В результате политическая конкуренция разворачивается не просто за поддержку граждан, а за место в распределении общественного внимания. Акторы, которые лучше приспосабливаются к метрикам вовлечённости, особенностям новостных лент и алгоритмам платформ, получают дополнительные преимущества в формировании повестки. При этом критерии отбора и скрытые правила приоритизации далеко не всегда видимы пользователю, а значит, слабо поддаются общественному оспариванию. Одновременно усиливаются риски фрагментации дискурса, манипулятивного продвижения контента и снижения прозрачности самих механизмов публичной видимости, что закономерно связывается в исследованиях с проблематикой информационной безопасности [12].

С алгоритмической медиацией связаны и более тонкие изменения структуры общественного дискурса. Цифровая среда облегчает образование устойчивых коммуникативных кластеров, внутри которых повышается интенсивность внутригруппового обмена и уменьшается готовность к содержательному восприятию внешних аргументов. Для политических акторов это создаёт двойственную ситуацию. С одной стороны, становится проще обращаться к относительно однородным аудиториям и выстраивать адресную мобилизацию. С другой стороны, усложняется производство общего пространства обсуждения, где различные группы могли бы соотносить свои позиции в рамках единой повестки. В предельных случаях общественная среда распадается на несколько параллельных режимов внимания, пересекающихся лишь в точках кризиса, конфликта или крупного политического события.

Принципиально важно, что изученные публикации не подтверждают ни радикально оптимистическую, ни заведомо пессимистическую интерпретацию цифровой трансформации. Они скорее подводят к выводу о контекстной обусловленности её последствий. Результат зависит от сочетания институционального дизайна платформ, качества административных процедур, цифровых компетенций пользователей, уровня доверия к операторам коммуникации и степени включённости онлайн-практик в реальные процессы принятия решений. Поэтому корректный исследовательский язык должен описывать не «влияние интернета вообще», а конкретные конфигурации платформенных, организационных и культурных факторов. Только в таком случае возможно адекватно понять, почему одни цифровые механизмы способствуют расширению участия, а другие закрепляют уже существующие асимметрии.

Сводя результаты анализа, можно сказать, что влияние политических акторов на формирование общественной среды определяется сочетанием по меньшей мере четырёх ресурсов. Во-первых, это институциональный статус, позволяющий закреплять правила, распределять процедуры и обеспечивать доступ к официальным каналам. Во-вторых, коммуникативная компетентность, то есть умение формулировать проблему, поддерживать внимание аудитории и задавать интерпретационные рамки. В-третьих, технологический ресурс, включающий доступ к платформам, данным, аналитике и инструментам адресного продвижения. Наконец, важна способность переводить цифровую мобилизацию в организационные последствия – переговоры, коалиции, административные решения, устойчивые формы участия. Конкретная значимость каждого из этих ресурсов меняется в зависимости от уровня политики, характера проблемы и степени кризисности ситуации. Отдельный ресурс редко обеспечивает доминирование сам по себе; политический эффект возникает прежде всего из их сочетания и конкретной конфигурации среды.

Таким образом, цифровая общественная среда предстает не как пространство автоматического выравнивания возможностей, а как гибридная система, где административные процедуры, сетевые практики самоорганизации и платформенные алгоритмы одновременно дополняют и ограничивают друг друга. Для анализа влияния политических акторов в такой системе недостаточно фиксировать объём публикаций, частоту сообщений или номинальное присутствие в сети. Существеннее оценивать, обеспечивает ли данная конфигурация коммуникации реальную обратную связь, репрезентативность участия, прозрачность принятия решений и возможность перехода от цифрового сигнала к институциональному действию. Именно качество этих переходов, а не сама цифровая оболочка процесса, позволяет судить о том, происходит ли в общественной среде расширение гражданского участия или лишь меняется форма прежних неравенств.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что влияние политических акторов на формирование общественной среды в условиях цифровизации целесообразно описывать не через простое противопоставление «традиционной» и «цифровой» политики, а через исследование гибридных режимов взаимодействия. Цифровые технологии не устраняют институты посредничества и не отменяют политическое представительство как таковое. Они изменяют способы его осуществления, перераспределяют ресурсы влияния и повышают значение тех акторов, которые умеют соединять институциональную позицию с эффективной работой в цифровых коммуникационных средах. Именно поэтому политические последствия цифровизации оказываются смешанными и требуют анализа в каждом конкретном институциональном контексте.

Трансформация институтов гражданского участия в этой перспективе выглядит неоднозначно. С одной стороны, цифровые каналы действительно расширяют доступ к коммуникации, ускоряют обратную связь и позволяют гражданам сравнительно быстро обозначать проблемы, требующие публичного рассмотрения. С другой стороны, сама доступность канала ещё не делает участие политически значимым. Там, где цифровой отклик не получает процедурного продолжения, не сопровождается организационной работой и не включается в контур принятия решений, он остаётся в пределах кратковременной реакции. Во многих случаях такие практики оказываются эпизодическими, фрагментарными и плохо связанными с устойчивыми формами коллективного действия. Поэтому оценка цифровизации требует различать массовость участия и его институциональную результативность.

Наиболее устойчивые позиции в цифровой общественной среде сохраняют государственные институты, поскольку именно они располагают нормативным ресурсом, сервисной инфраструктурой и наибольшими возможностями для закрепления процедур. Однако и негосударственные акторы не сводятся к периферийным участникам процесса. При благоприятных условиях они способны инициировать обсуждение, усиливать проблематизацию, формировать экспертные коалиции и добиваться общественного резонанса, особенно на локальном и региональном уровнях. Существенную роль в таких ситуациях нередко играют посредники – эксперты, отраслевые объединения, профессиональные сообщества, способные переводить общественный запрос на язык управленческих решений. Слабое место негосударственных участников состоит в другом: сетевое внимание трудно удерживать длительно, а превращение общественного отклика в управленческий результат требует доступа к институциональным каналам и устойчивых организационных усилий.

Ключевое значение в цифровой среде приобретает сочетание коммуникативной и технологической компетентности. Выигрывает не просто тот, кто обладает формальным статусом, а тот, кто способен работать с данными, понимать логику платформенной видимости, интерпретировать общественные ожидания и переводить коммуникацию в практические решения. По этой причине вопрос о прозрачности алгоритмов и подотчётности платформ выходит далеко за рамки технической дискуссии. Техническая непрозрачность в подобных условиях становится уже политической проблемой, поскольку затрагивает распределение внимания, доверия и возможностей участия. Он затрагивает основы публичного доверия, поскольку от непрозрачных механизмов ранжирования и модерации всё в большей степени зависит сама структура общественной видимости.

Дальнейшее изучение цифровой трансформации политической коммуникации, на наш взгляд, должно быть связано с более точным измерением результативности участия. Перспективным представляется сопоставление охвата цифровых каналов с качеством обратной связи, устойчивостью вовлечения, представительностью участников и фактическим влиянием на решения публичной власти. Такой подход позволяет уйти от декларативных оценок цифровизации и пере-

йти к академически корректному анализу того, как в новых коммуникационных условиях перераспределяются власть, ответственность и возможности гражданского участия. Именно здесь находится зона, в которой дальнейшие исследования могут дать не только теоретически значимые, но и практически применимые результаты.

Литература

1. Осинюк В.А. Влияние цифрового правительства на трансформацию демократических институтов в России. Информационные войны. 2022. № 3 (63). С. 33–35.

2. Семёнова Л.Н. Перспективы цифровизации политики. Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2022. № 21–1. С. 203–211.

3. Ильичева Л.Е., Пирожков Н.С. Механизмы электронной демократии в современной России: условия формирования и тенденции развития. Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 21–26.

4. Нятина Н.В., Григорик Н.Н., Молчанов А.А. Цифровизация социально-политического взаимодействия: мобилизация реальной и виртуальной коммуникации. Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 3 (7). С. 167–174.

5. Касаткин Д.В., Шакирова Д.Ф. Цифровая трансформация взаимодействия граждан и институтов государственной власти: теоретические аспекты тренда и перспективы его развития. Научные записки молодых исследователей. 2023. Т. 11. № 6. С. 64–70.

6. Литвинов А.А. Теоретико-методологические особенности изучения цифровых решений в политических процессах. Человек. Общество. Наука. 2024. Т. 5. № 4. С. 64–79.

7. Чумиков А.Н. Коммуникации государства и граждан в цифровой среде как факторы управления восприятием актуального политического контекста. PolitBook. 2023. № 4. С. 136–158.

8. Чекунова М.А. Новая властно-общественная коммуникативистика и политические последствия цифровой трансформации социума. Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 125–138.

9. Литвинов А.А. Роль цифровых решений в развитии современной политической коммуникации. Политологические записки. 2025. № 1 (1). С. 72–90.

10. Ильичева М.В. Коммуникативные процессы во взаимодействии государства и институтов гражданского общества: тренды изменений в условиях цифровизации. Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 39–46.

11. Петрова С.В. Электронное участие как механизм взаимодействия народа и государства. Журнал политических исследований. 2025. Т. 9. № 2. С. 25–41.

12. Силкин В.В. Информационная безопасность в условиях «новой социальной нормальности»: риски, модели и метрики. Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14. № 2 (67). С. 316–324.

13. Балиев И.В. Технологии эффективного взаимодействия власти и гражданского общества в информационно-коммуникационной среде. ФГУ Science. 2024. № 4 (36). С. 13–17.

14. Хмелев В.А. Гражданское участие в формировании цифровой социально-политической повестки дня в регионах России. Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 65–75.

15. Каримов Э.Р. Трансформация публичной политики в эпоху цифровизации: концептуальный анализ. Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 10 (110). С. 3433–3442.

THE INFLUENCE OF POLITICAL ACTORS ON THE FORMATION OF THE PUBLIC ENVIRONMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF COMMUNICATION PROCESSES AND THE TRANSFORMATION OF INSTITUTIONS OF CIVIL PARTICIPATION

Vititnev S.F., Bruz V.V., Shmeleva A.V.
Russian State Social University, State University of Education

The paper examines how the digitalization of communication processes reshapes the capacity of political actors to influence the public environment and alters the institutional forms of civic participation. The analysis proceeds from the assumption that digital change should not be reduced to the emergence of new communication channels. What is at stake is a broader reconfiguration of public interaction: the redistribution of communicative resources, the growing role of platform infrastructures, the dependence of visibility on algorithmic selection, and the uneven ability of citizens and organizations to convert online activity into institutionally meaningful outcomes. The study is based on a review and thematic systematization of publications from 2021–2025 included in the bibliography. Such an approach makes it possible to move beyond generalized rhetoric about digital society and to focus instead on effects that are actually described in recent scholarship. The findings indicate that digital environments do not eliminate political mediation. Rather, they transform it into a hybrid arrangement in which administrative procedures, networked practices of self-organization, expert interpretation, and platform interfaces operate simultaneously. The review also makes it possible to distinguish several recurring research clusters: digital government, electronic participation, state-society communication, public agenda formation, and the risks associated with algorithmic intermediation. In this setting, state institutions remain central actors, yet non-state organizations, local initiatives, and expert communities also gain new opportunities for agenda-setting and mobilization. The article concludes that the decisive factor is not mere online presence, but the capacity to combine institutional position, communicative competence, access to data, and the ability to translate digital engagement into durable political consequences.

Keywords: political actors, digitalization, public environment, civil participation, political communication.

References

1. Osinyuk V.A. Influence of digital government on the transformation of democratic institutions in Russia. Information Wars. 2022. No. 3 (63). Pp. 33–35.

2. Semyonova L.N. Prospects for the digitalization of politics. Scientific Works of the Republican Institute of Higher School. Philosophical and Humanitarian Sciences. 2022. No. 21–1. Pp. 203–211.

3. Ilyicheva L.E., Pirozhkov N.S. Mechanisms of electronic democracy in modern Russia: conditions of formation and trends of development. Social and Political Sciences. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 21–26.

4. Nyatina N.V., Grigorik N.N., Molchanov A.A. Digitalization of socio-political interaction: mobilization of real and virtual communication. Virtual Communication and Social Networks. 2023. Vol. 2. No. 3 (7). Pp. 167–174.

5. Kasatkin D.V., Shakirova D.F. Digital transformation of interaction between citizens and institutions of state power: theoretical aspects of the trend and prospects of its development. Scientific Notes of Young Researchers. 2023. Vol. 11. No. 6. Pp. 64–70.

6. Litvinov A.A. Theoretical and methodological features of studying digital solutions in political processes. Human. Society. Science. 2024. Vol. 5. No. 4. Pp. 64–79.

7. Chumikov A.N. Communications between the state and citizens in the digital environment as factors in managing the perception of the current political context. PolitBook. 2023. No. 4. Pp. 136–158.

8. Chekunova M.A. New power-public communicativistics and political consequences of the digital transformation of society. Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2021. Vol. 16. No. 2. Pp. 125–138.

9. Litvinov A.A. Role of digital solutions in the development of modern political communication. Political Science Notes. 2025. No. 1 (1). Pp. 72–90.

10. Ilyicheva M.V. Communicative processes in the interaction of the state and institutions of civil society: trends of changes in the conditions of digitalization. Power. 2021. Vol. 29. No. 2. Pp. 39–46.

11. Petrova S.V. Electronic participation as a mechanism of interaction between the people and the state. Journal of Political Studies. 2025. Vol. 9. No. 2. Pp. 25–41.

12. Silkin V.V. Information security in the conditions of "new social normality": risks, models and metrics. Eurasian Union: Issues of International Relations. 2025. Vol. 14. No. 2 (67). Pp. 316–324.

13. Baliev I.V. Technologies of effective interaction between power and civil society in the information and communication environment. FGU Science. 2024. No. 4 (36). Pp. 13–17.

14. Khmelev V.A. Civil participation in the formation of the digital socio-political agenda in the regions of Russia. Power. 2024. Vol. 32. No. 5. Pp. 65–75.

15. Karimov E.R. Transformation of public policy in the era of digitalization: conceptual analysis. Issues of Political Science. 2024. Vol. 14. No. 10 (110). Pp. 3433–3442.

Процесс определения и реализации региональной политики по обеспечению мобильности жителей крупного урбанизированного региона: путь в сто лет (на примере региона трех-штатного Нью-Йорка)

Вульфович Ревекка Михайловна,
доктор политических наук, профессор кафедры ГМУ Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
E-mail: prof_vulf@bk.ru

Эволюция транспортных систем является одной из ключевых проблем развития крупных урбанизированных регионов. Особую остроту она приобрела в XX столетии с ростом территории урбанизированных регионов усложнением структуры их пространства, стремительным увеличением скорости движения транспортных средств и их технологическим совершенствованием. В регионах, расположенных в устье рек с многочисленными островами, мобильность населения требует строительства многочисленных мостов и тоннелей, создания паромных переправ и т.п. Кроме того, в крупном урбанизированном регионе, как правило, стратегия развития определяется множественными экономическими и политическими акторами, группами интересов. Этот процесс может координироваться специальной организацией, способной проводить глубокий анализ актуального состояния в данной сфере и разрабатывать долгосрочную стратегию развития транспортной системы во взаимосвязи с другими системами, обеспечивающими поступательное движение к более высокому качеству жизни, а также социальной справедливости для всех жителей. Целью данного исследования является определение места и роли Региональной ассоциации планирования трех-штатного Нью-Йорка в определении и реализации политики в сфере обеспечения мобильности всех жителей двадцатимиллионного региона и стимулировании развития транспортных систем в целом в США.

Ключевые слова: мобильность, транспортная политика, урбанизированный регион, «живой регионализм», стратегическое планирование, актор, аналитика.

Введение

После окончания Первой мировой войны произошли серьезные подвижки в развитии многих регионах мира, но в США не требовалось восстановление разрушенных городов, на территории не происходило серьезных политических конфликтов. Это позволило уделять внимание развитию территорий и совершенствованию их инфраструктуры, для чего имелись достаточные ресурсы. Даже в период Великой депрессии крупные инфраструктурные проекты играли роль триггеров развития экономики и снижали уровень напряженности в ряде регионов, в том числе, в регионе Нью-Йорка. Целью данной статьи является историко-генетическое исследование политического процесса, лежащего в основе регионального планирования развития транспорта на территории, объединяющей 33 графства (округа) трех штатов США, и их муниципалитетов. Высокая мобильность – элемент оптимального единообразного качества жизни всего населения большой по площади и численности населения территории (территории 34 494 км², население около 20 млн человек). Хронология процесса на протяжении практически 100 лет будет служить канвой анализа ряда процессов: (1) развития системы принятия политических и административных решений в сложном конгломерате органов государственной власти федерального уровня, уровня штатов и органов местного самоуправления, координируемой специальной организационной структурой – Региональная ассоциация планирования (RPA – Regional Planning Association), сформированной различными акторами и группами интересов в начале этого долгого пути; (2) реализации принятых решений с привлечением федеральных средств, ресурсов штатов и местных бюджетов, а также хозяйствующих субъектов, т.е. кооперации всех участников; (3) эффективного анализа полученных результатов в ходе реализации решений специалистами РАП и (4) перехода на этой основе к формированию следующего плана для нового этапа развития с привлечением широкой общественности.

Методологические подходы к анализу формирования региональных транспортных систем и процесса их развития

Важным аспектом исследования транспортной системы как объекта региональной политики является масштаб и основные характеристики территории, на которой она создается и эволюционирует. Соответственно, регионализм как одно из научных направлений, имеющих долгую и противоречивую историю, предоставляет аналитические инструменты для формирования общей рамки подобного исследования. Для целей настоящего исследования могут быть использованы, прежде всего, основные положения «нового регионализма» в специфическом варианте, разработанном Ж.-П. Адди и Р. Кайлем уже в XXI столетии.

Концепция «живого» регионализма [10], разработанная авторами, отвечает на нормативные и идеологические дебаты вокруг нового регионализма в целом. В эпоху глобализированной регионализации региональные формы отличаются значительным разнообразием. Вместо идеологической конструкции или набора предсказуемых практик регионализм превращается в продукт дискурсов, территориальных отношений и технологий, в том числе и в сфере принятия политических решений. Концепция снимает противоречия между территориальной политикой, отражающей, генерирующей и направляющей стратегические решения в сфере организации пространства, и технологиями. Живой опыт регионализации проливает свет на возникающие объединения, многообразие повседневных потоков (о «пространстве потоков», его взаимодействии с «пространством мест» писал М. Кастельс [3]) и многоуровневые переговоры различных сообществ, которые создают реально существующий регион.

Когда речь идет об эволюции транспортной системы, технологии являются существенным фактором, как в смысле выбора вида транспорта (например, метро, легкорельсовый транспорт, скоростные автобусы), так и в плане принятия политических решений (например, при обсуждении методов государственного, рыночного и частного вмешательства, которые используются в институтах управления регионального масштаба).

Реально существующий регионализм в конкретной области будет отражать актуальное состояние системы в разные моменты времени, одновременно порождая новые стратегические публичные решения пространственного планирования.

Мы проведем, используя данную концепцию, историко-генетический анализ процесса эволюции политики по развитию транспортной системы региона трех-штатного Нью-Йорка продолжительностью в 100 лет, способствовавшей интенсивному развитию региональной экономики и повышению уровня единообразия качества жизни для двадцатимиллионного населения, отличающегося исключительной гетерогенностью.

Историко-генетический подход [5] позволит выстроить ретроспективу политики по развитию региона через призму беспрерывной эволюции транспортной системы, призванной обеспечивать оптимальную мобильность всех жителей для выполнения множественных функций региональной экономики и культурной среды в рамках устойчивого развития, не наносящего ущерба природной среде региона и не влияющей негативно на качество экологии и здоровья населения.

Создание Региональной ассоциации планирования (РАП): цели и основные акторы

РАП берет свое начало в 1920-е годы с учреждения Комитета по планированию развития Нью-Йорка и его окрестностей. Целью ассоциации было планирования развития региона и повышения качества жизни жителей, независимо от политико-административных границ. Первое заседание комитета состоялось 10 мая 1922 года с участием бизнесменов, политиков разных уровней, общественников.

В 1922 году эксперты по городскому планированию и общественные лидеры объединили усилия для проведения анализа и разработки комплексного плана, призванного сделать регион лучшим местом для работы и жизни. Спустя 100 лет РАП по-прежнему разрабатывает и продвигает идеи, направленные на улучшение экономического положения, устойчивости окружающей среды и качества жизни в метрополитенском регионе Нью-Йорк – Нью-Джерси – Коннектикут.

В 1923 год было объявлено о формирования плана развития города и его окрестностей в газете Нью-Йорк Таймс. В 1927 году опубликован региональный аналитический обзор Нью-Йорка и его окрестностей в 8 томах, а затем – серия из десяти технических заданий по производству, транспорту и общественному планированию, предшествовавших Первому региональному плану.

В 1929 РАП была создана официально для содействия планированию в округах, городах и поселках региона и воплощения в жизнь Первого регионального плана.

План стал крупным достижением в области городского планирования. Предыдущие усилия, как правило, были сосредоточены на отдельных городах, а не на больших территориях, охватывающих многие городские центры и простирающихся за пределы границ штатов. Первый региональный план был направлен на переустройство метрополитенского региона, организацию землепользования и предоставление транспортных возможностей всем жителям. В нем предлагалось создать сложную сеть автомобильных и железных дорог, парков, а также жилые и промышленные центры в качестве основы физического и социального развития территории.

РАП способствовала развитию городского планирования и воплощению идей, заложенных в первый план, в реальность. В начале XX века регион Нью-Йорк – Нью-Джерси – Коннектикут был процветающим центром торговли, производства и культуры. Население выросло примерно с 5,4 миллионов в 1900 году до 9 миллионов к 1920 году.

Но условия жизни, на которые жаловался Джейкоб Риис (известный фотограф и борц за социальную справедливость и интересы бедного населения Нью-Йорка на рубеже XIX и XXвв. [8]) в 1890 году, к 1920-м годам существенно не улучшились. Бедность и перенаселенность по-прежнему были характерны для многих районов Манхэттена. Бурно развивающаяся промышленность способствовала росту экономики, но стала бременем для жизни города: масштабы объектов, необходимых для транспортировки, складирования и производства, росли, а также росли сопутствующий шум, дорожное движение и загрязнение воздуха.

Появилось несколько новых технологий, которые существенно изменили городской ландшафт. Быстро развивалась сеть подземных и надземных переходов. Были построены новые железные дороги, которые соединили Манхэттен с северной частью штата Нью-Йорк, Коннектикутом, Лонг-Айлендом и Нью-Джерси. Личные автомобили становились все более доступными, были изобретены и применялись на городских улицах более прочные дорожные покрытия. Эти новые транспортные технологии изменили географию региона, значительно расширив зону, из которой можно было легко добраться до центра города.

Эволюция транспортной системы и ее влияние на развитие региона

С учетом масштаба региона и уровня разнообразия его пространства к моменту создания РАП мобильность стала одним из определяющих параметров уровня качества жизни. Первый региональный план определил развитие транспортной системы как одну из стратегических целей, а в дальнейшем оно проходило красной нитью через все документы [11].

В процессе реализации Плана до 1941 года было построено более 643км автомагистралей, выработаны рекомендации по созданию перехватывающих парковок в других районах. Для удовлетворения потребностей военного времени в 40-е годы было создано специальное Региональное управление военного транспорта. Результатом развития этого периода стало совершенствование аэропортов, строительство нового автобусного терминала на Манхэттене. Однако одновременно с повышением уровня мобильности жителей региона, а также безопасности общественного транспорта и его комфортности, развитие дорог и транспортной инфраструктуры имело и негативные последствия. После войны произошел массовый переезд в пригороды. Всего за 15 лет их население удвоилось: дорожная сеть способствовала «расползанию» (sprawl) города.

Эти обстоятельства были учтены в начале разработки Второго регионального плана в конце 1950-х годов. В исследовании РАП в 1961 году был сделан вывод о значении для экономики региона общественного транспорта. Главными рекомендациями были: реинвестирование в железные дороги, выделение федеральной помощи на развитие общественного транспорта, началась работа над модернизацией и субсидированием железнодорожного и автобусного сообщения. Особую роль сыграла поддержка федерального бюджета.

Большой вклад в развитие транспортной системы региона внесло в 1964 году принятие Федерального закона США «О городском общественном транспорте». В него было включено предложение РАП о федеральном финансировании капитальных затрат на общественный транспорт. Было поддержано создание Метрополитенского транспортного управления (МТУ) для всего региона трех-штатного Нью-Йорка.

После обсуждения развития Региона с привлечением широкой публики в 1968 году были опубликованы рекомендации Второго регионального плана, в рамках которого Федеральное правительство начало финансировать общественный транспорт, автомобильные дороги. Акцент Второго регионального плана на общественном транспорте проложил путь восстановлению системы метрополитена. Вектор развития был радикально изменен: он был ориентирован на компактную застройку для уменьшения разрастание территории, минимизации количества автомобильных поездок и защиты незастроенных пространств. Второй региональный план предусматривал активное сохранение природных ресурсов региона. В рамках совершенствования транспортной системы ставились такие цели, как уменьшение количества машин, расширение автобусной сети, строительство новых туннелей и метро.

Признаком изменения стратегических приоритетов стало опубликование в 1975 году аналитического отчета РАП, в котором рассматривались подходы к анализу транспортного движения в применении к потребностям пешеходов. Инициатива РАП стала толчком для проведения общенациональных исследований в данном направлении.

Исследования 1977 года содержали схемы землепользования и анализ плотности населения, необходимого для поддержки различных видов общественного транспорта, скоростных и местных автобусов, став ориентиром для территорий при выборе оптимальных для них видов транспорта,

В начале 80-х годов пример трех-штатного Нью-Йорка стал стимулом и образцом строительства систем рельсового транспорта в различных частях США, прежде всего, в Лос-Анджелесе и Вашингтоне D.C.

В 1986 году РАП по заказу МТУ провела исследование по стратегическому планированию транспортной системы. Была предложена кардинальная реконфигурацию метрополитена: создание метро в тех частях города, где его нет, но плотность населения достаточна для его поддержания, использование заброшенных или малоиспользуемых железнодорожных путей, экономящее затраты на прокладку туннелей.

Наряду с проблемами эффективности и экономичности в процессе развития учитывалось мнение жителей и их интересы. Так, в 1986 году было отменено решение о строительстве Западного шоссе в связи с опасениями за судьбу домохозяйств, по территории которых оно должно было пройти, и реки Хадсон.

В процессе обсуждения и принятия Третьего регионального плана (принят в 1996 году) были выявлены проблемы развития региона, в том числе недостаточные инвестиции в инфраструктуру, социальные противоречия и ухудшение состояния окружающей среды. Экономика, равенство и окружающая среда (economy, equality, ecology) – «три

точки Е» – составляют основу качества жизни, процветания и жизнеспособности.

Было предложено построить региональную скоростную железную дорогу (Rx) для устранения искусственных барьеров между тремя штатами и повышения пропускной способности до 250 000 новых пассажиров в часы пик.

Далеко не всегда идеи, заложенные в Региональные планы, реализовывались в течение периода действия плана. Идея строительства линии скоростного трамвая Хадсон-Берген была сформулирована в 1966 и 1985 гг. Компания NJ Transit начала работы в 2000 году. В настоящее время длина линии составляет почти 27,5км, по ней ежегодно проезжают более 15млн пассажиров.

В 2002 году началось строительство третьей линии Рельсовой системы Лонг Айленда (LIRR). Строительство было завершено в октябре 2022 года.

В 2004 году МТУ завершило разработку программы капиталовложений на 2005–2009 годы для модернизации системы. В эти 2010-х годах был разработан новый 10-летний стратегический план развития транспортной системы Нью-Джерси.

В начале 2000-х годов возникла острая потребность в дополнительном паромном сообщении, соединяющем Манхэттен с другими районами и Нью-Джерси. В 2019 году более 10 000 человек пользовались паромами в Нью-Йорке.

Пенсильванский вокзал – самый загруженный железнодорожный узел в Северной Америке. Железнодорожная компания Amtrak в партнерстве с New York Empire State Development Corporation начала строительство нового железнодорожного вокзала Мойнихан. Он открылся в январе 2021 года.

В 2005–07 гг. был разработан ряд транспортных мега-проектов при поддержке, возглавляемой РАП коалиции из более чем 40 общественных групп. В числе реализованных до 2015 года проектов: строительство новых станций и линий метро.

В 2008 году был сформирован Северо-Восточный железнодорожный альянс и разработана программа «Америка-2050» для обеспечения лидерства на Северо-Востоке и по всей территории США. В 2008 году был принят Федеральный «Закон об инвестициях и совершенствовании пассажирских железнодорожных перевозок». Amtrak было выделено 13 млрд долларов, в том числе 5 миллиардов долларов на проекты по текущему ремонту Северо-Восточного коридора. Была создана программа высокоскоростных междугородних пассажирских железнодорожных перевозок «Америка 2050», ориентированную на мегарегионы – крупные сети метрополий.

В 2009 году была завершена пешеходная реконструкция Таймс-сквер. За этим последовали другие пешеходные переходы, а также десятки улучшений, ориентированных на пешеходов, по всему Нью-Йорку. Были наконец реализованы идеи Второго плана.

В 2014 году были определены ключевые проблемы, влияющие на линию New Haven (Нью-Йорк – Коннектикут) – самую загруженную в США – и важнейшие капиталовложения, необходимые для возобновления ее надежного функционирования. На капитальный ремонт на 2013–2017 штат Коннектикут выделил 1млрд долларов, до 2020 года требовалось еще 3,6 млрд.

В 2014 году также состоялся Саммит лидеров в области транспорта, где обсуждались общие для всех городов мира проблемы и шел обмен стратегиями их решения. В преддверии публикации Четвертого регионального плана в 2017 году запущена инициатива 4C (4 Corridors). Регион был представлен в виде четырех коридоров: Хайлендс, пригороды, город и побережье, каждый из которых представляет собой общий набор потребностей и возможностей. В работе участвовали РАП, Фонд Рокфеллера и архитектурная школа Принстонского университета.

В том же году был обнародован Четвертый региональный план под лозунгом «План – залог справедливости. Заставить регион работать на благо всех нас». Он содержит конкретные рекомендации по содействию инклюзивному росту для всеобщего процветания, справедливости, улучшения здоровья и устойчивости в регионе. Более 150 организаций обязались участвовать в достижении этих целей. Годом позже в рамках Четвертого плана была разработана программа «Быстрое движение вперед» и опубликован отчет РАП, направленный на полную модернизацию городского транспорта Нью-Йорка.

Третий план лоббировал создание железнодорожной линии, соединяющей Бруклин, Квинс и Бронкс (проект Triboro), Работа над началась в январе 2020 года.

К концу 2010-х годов возникли серьезные проблемы с эксплуатацией туннелей под рекой Хадсон, и в 2018 году была создана коалиция «Build Gateway Now» (Построим путь немедленно) из широкого круга заинтересованных сторон для продвижения проекта их модернизации. Когда реализации проекта застопорилась, РАП предприняла усилия для демонстрации ключевым заинтересованным сторонам аварийное состояние туннелей.

В 2021 году РАП выступила как убежденный сторонник улучшения инфраструктуры региона и создания современной транспортной системы. Был поддержан ряд проектов. Новая железнодорожная станция Мойнихан, впервые предложенная в 1993 году для интеграции и расширения железнодорожной сети региона, открылась в январе 2021 года.

В 2022 году прошла выставка «Неизменное будущее: столетие регионального планирования», она представляла историю регионального планирования, предлагала обзор величайшей метрополии Америки и исследовала идею планирования: вдохновенное воображение – и детальное видение – города, региона и мира, которым еще предстоит возникнуть.

В 2025 январе года была введена плата за въезд в зону наиболее интенсивного движения в Нью-Йорк-Сити. РАП призывала к этому для создания эффективной транспортной системы, снижения загрязнения воздуха.

Уроки РАП для XXI века

Выделим основные этапы совершенствования транспортной системы региона Нью-Йорк – Нью-Джерси – Коннектикут и роль в этих процессах РАП, отметив, что мероприятия по развитию транспортной системы проводились в строгом соответствии с нормативным регулированием всех уровней власти – федерального, штатов, округов и муниципалитетов. В Первом плане особо подчеркивалось, что их полномочия полностью сохраняются. Учитывались интересы жителей отдельных частей региона: проводились опросы, общественные слушания, специальные мероприятия и кампании в средствах массовой информации.

1. РАП была создана по инициативе специалистов в сфере планирования, различных уровней власти, бизнесменов и общественных деятелей под давлением объективной необходимости обеспечить единообразие качества жизни на всей территории региона для всех категорий его жителей. Некоммерческий характер Ассоциации позволяет ей представлять интересы не конкретных бизнес-структур или властных институтов (прямое государственное или муниципальное финансирование отсутствует), но действовать в интересах всех слоев населения и социальных групп.

2. Транспортная система и ее инфраструктура с 20-х годов прошлого века являлась одним из главных предметов деятельности РАП. В Первом плане акцент был сделан на строительстве дорог, что привело к расползанию города и массовому оттоку населения в пригороды Нью-Йорк-Сити, то уже Второй план подчеркивал необходимость развития общественного транспорта, в первую очередь его рельсовых внеуличных подсистем, а также паромных переправ. Открытое официально в 1904 году метро Нью-Йорк-Сити является самым большим в мире по количеству станций, работает 24 часа в сутки, включает все уровни: подземный, наземный и надземный. Его развитие продолжается постоянно в течение всех периодов реализации региональных планов.

3. Не менее значимым является также развитие железнодорожного сообщения между тремя штатами. Каждый из них имеет собственное транспортное управление, стратегию развития транспорта на территории штата, однако связь с Нью-Йорк-Сити рассматривается как необходимый элемент обеспечения мобильности населения всего региона при удовлетворении его потребностей в приложении труда, социальном и культурном аспектах.

4. Основным направлением деятельности РАП является аналитическая деятельность, прогнозирование трендов развития и выявление рисков. Ассоциация разрабатывает рекомендации по различным направлениям, которые служить толчком для движения в США в целом. Рекомендации РАП включаются в федеральные законы, общенациональные программы, становятся образцом инноваций.

5. С участием РАП осуществляется планирование сохранения открытых пространств, создания больших парковых зон, охватывающих территорию всех трех штатов. Деятельность в рамках устойчивого развития рассматривается как неотъемлемая часть планирования.

6. Социальная справедливость и защита прав граждан, особенно категорий населения с низким уровнем доходов, проблемами с занятостью, пострадавших в результате наводнения и пандемии, является целью деятельности РАП. Общественный транспорт в этом контексте – одно из средств устранения барьеров в развитии.

7. Последовательная деятельность РАП на протяжении столетия демонстрирует возможности стратегического планирования как мощного инструмента регионального развития в режиме концепции реально существующего «живого» регионализма.

Заключение

«Нужны ли Санкт-Петербургскому региону вышеописанные ‹уроки›?» С нашей точки зрения, они позволяют посмотреть на процесс стратегического планирования с несколько иной, чем принято, точки зрения. В 2006 году в Санкт-Петербурге вышла книга по государственному планированию в городе федерального значения [1]. За прошедшие 20 лет повысился уровень интеграции с городом ближайших районов Ленинградской области. «Живой регионализм» становится все более реальным. Появились первые общие планировочные документы [6].

В Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года среди экономических зон – Ладожская зона, где предусмотрено развитие «промышленного пояса» вдоль реки Невы, совместных проектов с Ленинградской областью в области транспорта, инженерной инфраструктуры, строительства жилья и др. [7].

В 2013 году Правительством РФ совместно с Правительствами Санкт-Петербурга и Ленинградской области учреждена Автономная некоммерческая организация «Дирекция по развитию транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области» для повышения уровня координации действий федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области при реализации мероприятий по развитию транспортной системы. В настоящее время действует Стратегия развития транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области на период до 2030 [2]. В 2014 году экономистами Ленинградской области разработана Концепция комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга [4].

Руководители города и области в своих заявлениях подчеркивают отсутствие намерений по формированию единого субъекта РФ, одновременно акцентируя готовность к более тесной интеграции и кооперации в решении общих задач [9].

Площадь территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области – 85, 5тыс. км², что больше площади территории трех-штатного Нью-Йорка почти в 2,5 раза, а население российского региона в целом составляет 7,7млн человек, уступая американскому почти в 3 раза. Таким образом, многие проблемы в регионе Санкт-Петербурга существенно отличаются от тех, с которыми сталкивается Нью-Йорк. Тем не менее, интеграционные процессы в обоих случаях протекают достаточно интенсивно и имеют общую направленность.

При этом нельзя забывать, что Санкт-Петербург и прилегающая к нему территория (как бы мы ни определяли ее масштаб) является ядром Северо-Западного макрорегиона, интенсивное взаимодействие с субъектами которого является одним из условий интенсивного развития и выравнивания качества жизни на всей его территории.

Литература

1. Государственное планирование в СПб: теория и практика: учебное пособие / под ред. В.В. Бланка. – СПб: Изд. Дом «Петрополис», 2006. 406 с.

2. Дирекция по развитию транспорта Санкт-Петербурга и Ленинградской области [Электронный ресурс]. URL: https://spbtrd.ru/directional/ (дата обращения: 02.03.2026).

3. Кастельс М. Гл. 6.8. Пространство потоков и пространство мест // Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: Гос. ун-т. высш. шк. экономики, 2000. С. 394–398.

4. Концепция комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга / Коллектив авторов. – СПб., 2014. 115 с.

5. Котенко И.А., Мордвинова М.В. Историко-генетический подход в изучении развития города // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство: сборник статей 74 международной научно-технической конференции / под ред. М.И. Бальзанникова, К.С. Галицкова, Е.А. Ахмедовой. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. С. 41–44.

6. О Концепции пространственного развития Санкт-Петербургской городской агломерации // Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение научно-исследовательский и проектный центр Генерального плана Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. 2015 г. URL: https://www.gugenplan.spb.ru/RU/410 (дата обращения: 02.03.2026).

7. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 года № 355 «О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года» (с изменениями на 14 июня 2017 года). Раздел 6.2.3.5 Пространственное развитие Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://kzags.gov.spb.ru/media/upload/strategia_soc_econ_razvitia%20do%202030%20goda%20(1).pdf (дата обращения: 02.03.2026).

8. Риис Д.А. Социал-идеалисты с камерой // История фотографии [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20161220082240/http://photo.far-for.net/content.php?r=22&p=28 (дата обращения: 02.03.2026).

9. Смирнова С. До 2050 года: что новый петербургский Генплан нам готовит? [Электронный ресурс]. 30 декабря 2023 г. URL: https://stroygaz.ru/publication/projection/do-2050-goda-chto-novyy-peterburgskiy-genplan-nam-gotovit/ (дата обращения: 02.03.2026).

10. Addie J.-P. D., Keil R. Real existing regionalism: the region between talk, territory and technology // International Journal of Urban and Regional Research. 2015. Vol. 39. No. 2. P. 407–417. DOI: 10.1111/1468-2427.12179

11. Timeline – History of the Regional Planning Association [Электронный ресурс]. URL: https://rpa.org/history/timeline (дата обращения: 03.03.2026).

THE PROCESS OF DEFINING AND IMPLEMENTING A REGIONAL POLICY OF ENSURING THE MOBILITY OF RESIDENTS IN A LARGE URBANIZED REGION: A HUNDRED YEARS' JOURNEY (CASE THE THREE-STATE NEW YORK REGION)

Vulfovich R.M.

North-West Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The evolution of transport systems is one of the key challenges for the development of large urbanized regions. It became particularly acute in the 20th century with the growth of the territory of urbanized regions, the increasing complexity of the structure of their space, the rapid increase in the speed of vehicles and their technological improvement. In regions located at the mouth of rivers with numerous islands, the mobility of the population requires the construction of numerous bridges and tunnels, the creation of ferry crossings, etc. In addition, in a large urbanized region, as a rule, the development strategy is determined by multiple economic and political actors and interest groups. This process can be coordinated by a special organization capable of conducting an in-depth analysis of the current state in this area and developing a long-term strategy for the development of the transport system in conjunction with other systems that ensure progressive movement towards a higher quality of life, as well as social justice for all residents. The purpose of this study is to determine the place and role of the New York Tri-State Regional Planning Association in defining and implementing mobility policies for all residents of the region of twenty million and stimulating the development of transportation systems in the United States as a whole.

Keywords: mobility, transport policy, urbanized region, "living regionalism", strategic planning, actor, analytics.

References

1. State planning in St. Petersburg: theory and practice: a textbook. / ed. by V.V. Blank. – St. Petersburg: Publishing House "Petropolis", 2006. 406 p.

2. Directorate for Transport Development in St. Petersburg and the Leningrad Region [Electronic resource]. URL: https://spbtrd.ru/directional/ (date of access: 02.03.2026).

3. Castells M. Ch. 6.8. The space of flows and the space of places // The information age: economy, society and culture / trans. from English under scientific editorship O.I. Shkaratan. – Moscow: State University of Higher Economics, 2000. P. 394–398.

4. The concept of integrated development of the territories of the Leningrad region adjacent to the borders of St. Petersburg / Collective authors. – St. Petersburg, 2014. 115 p.

5. Kotenko I.A., Mordvinova M.V. Historical-genetic approach in the study of urban development // Traditions and innovations in construction and architecture. Urban development: collection of articles from the 74th international scientific and technical conference / ed. by M.I. Balzannikov, K.S. Galitskov, E.A. Akhmedova. – Samara: Samara State University of Architecture and Civil Engineering, 2017. P. 41–44.

6. On the concept of spatial development of the St. Petersburg urban agglomeration // St. Petersburg State Government Institution Scientific Research and Design Center of the Master Plan of St. Petersburg [Electronic resource]. 2015. URL: https://www.gugenplan.spb.ru/RU/410 (date of access: 02.03.2026).

7. Resolution of the Government of St. Petersburg of May 13, 2014 No. 355 "On the Strategy for economic and social development of St. Petersburg for the period up to 2030". Section 6.2.3.5 Spatial development of St. Petersburg [Electronic resource]. URL: https://kzags.gov.spb.ru/media/upload/strategia_soc_econ_razvitia%20do%202030%20goda%20(1).pdf (date of access: 02.03.2026).

8. Riis J.A. Social-idealists with a camera // The pistory of photography [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20161220082240/http://photo.far-for.net/content.php?r=22&p=28 (date of access: 02.03.2026).

9. Smirnova S. Until 2050: what is the new St. Petersburg General Plan preparing for us? [Electronic resource]. 30 Dec. 2023. URL: https://stroygaz.ru/publication/projection/do-2050-goda-chto-novyy-peterburgskiy-genplan-nam-gotovit/ (date of access: 02.03.2026).

10. Addie J.-P. D., Keil R. Real existing regionalism: the region between talk, territory and technology // International Journal of Urban and Regional Research. 2015. Vol. 39. No. 2. P. 407–417. DOI: 10.1111/1468-2427.12179

11. Timeline – History of the Regional Planning Association [Electronic resource]. URL: https://rpa.org/history/timeline (date of access: 03.03.2026).

Государство как цивилизация и политическая теория

Гомаль Максим Артурович,
аспирант, кафедры национальных и федеральных отношений ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: maks.gomal.95@mail.ru

Захарова Светлана Арменовна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: Zakharova-sa@ranepa.ru

В статье рассматривается содержательное наполнения термина «политическая теория» с точки зрения «большой тройки» подходов: либерализме, социализме и консерватизме. Каждая такая теория имеет свои концепции (интерпретации) международных отношений и внешней политики. Сдвиг в сторону понятия цивилизации может стать альтернативным направлением мысли, которое, однако, потребует тщательной интеллектуальной проработки. Однако до тех пор, пока такое исследование не будет завершено, реализм сохраняет свою актуальность как основа внешней политики. Новая концепция внешней политики России неожиданно для многих ввела в официальный обиход концепцию государства-цивилизации. Его появление может стать началом изменения концептуальных основ российского внешнеполитического мышления. Причем, изменения можно сопоставить как с постсоветскими доктринальными документами, так и с основными установками советского периода. Новая концептуальная основа сталкивается с серьезной конкуренцией с тремя основными политическими теориями. Исследования опирались на теорию политическая теория, концепцию устойчивого развития, теорию конкуренции, использовались методы регрессионного и корреляционного анализа, исторического и сопоставительного анализа. Политическая теория – это изучение значения и использования политических концепций. Она разделена на две основные ветви: нормативную и описательную. Нормативные теоретики сосредотачиваются на моральных аспектах политики, тогда как описательные теоретики сосредотачиваются на реальных практиках и событиях в политике.

Ключевые слова: государство-цивилизация, конкуренция, политика, политическая теория, консерватизм, реализм, социализм.

Введение

Тема исследования – политическая теория, под которой понимается система нормативных взглядов и идей о правильном устройстве властных отношений, целях, ценностях и средствах внутренней и внешней политики. В отличие от идеологии политическая теория содержит аргументы, которые могут подвергаться критике и обсуждению, тогда как идеология претендует на единственно верную точку зрения. Политическая теория требует научного осмысления и постоянного пересмотра. Идеология может формироваться на основе теории, опираясь на её концепции, однако не способна заменить её: в противном случае теория утрачивает жизнеспособность. Каждая политическая теория представляет собой систему понятий, включающую интерпретации таких категорий, как власть, авторитет, благо, свобода, справедливость и интерес.

Основные политические теории предлагают собственные интерпретации внешней политики и международных отношений, прямо или косвенно формируя парадигму внешнеполитического мышления. В современной политической мысли выделяются три основные теории: либерализм, социализм и консерватизм. Несмотря на многочисленные вариации, их базовые положения сохраняются.

Либеральную теорию можно охарактеризовать как рационалистическую, поскольку она исходит из идеи силы человеческого разума, способного сдерживать негативные проявления человеческой природы – агрессию, предрассудки, невежество и эгоизм, приводящие к гоббсовской «войне всех против всех»[1].

По аналогии с укрощением природных стихий с помощью технического прогресса, война, насилие и другие социальные пороки могут быть поставлены под контроль рационального политического порядка. В либеральной политической теории ключевым понятием становится общественный договор, воплощённый в системе правовых институтов государства.

Эти институты, с одной стороны, служат общественному благу и росту благосостояния, а с другой – обеспечивают свободу от деспотизма. Справедливость трактуется через универсальные правовые нормы. Источником государственного суверенитета выступает нация как политическое сообщество равноправных граждан. Национальное государство, во многом являющееся либеральной концепцией, стало мировым стандартом понимания государства. Нация делегирует власть избранным представителям, которые осуществляют её в соответствии с правовыми нормами[2].

Правовые нормы определяются рациональными и прозрачными для граждан процедурами. Верховенство права выступает механизмом контроля внутренней анархии и формирует сообщество равноправных граждан. Освобождение от сословных и классовых ограничений становится одной из ключевых ценностей национального государства.

Исторически эти идеи были тесно связаны с политической практикой. Они стали доктринальной основой буржуазных революций XVIII–XIX веков, приведших к радикальным изменениям в государственном устройстве. Массы населения были эмансипированы, а традиционные монархические и имперские порядки разрушены.

Либеральная концепция национального государства сохранила влияние и в период деколонизации: большинство новых государств приняли республиканскую форму правления, конституции и провозгласили народ источником суверенитета. Однако переход нередко сопровождался насилием и не всегда приводил к реализации либеральных идеалов: революционный хаос иногда порождал формальные республики, фактически представлявшие модернизированные формы деспотии.

Либеральная интерпретация международных отношений также носит рационалистический характер. Международная система рассматривается как анархичная, где сохраняется «война всех против всех» из-за отсутствия единого центра власти. Поэтому анархия должна быть ограничена через международные институты, поддерживаемые экономической взаимозависимостью государств, делающей войны невыгодными.

[1] Авцинова Г.И., Воронина Е.Ю. Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации // PolitBook. 2023. № 1. С. 46–57.

[2] Аналитический доклад «Российская идентичность в социологическом измерении». URL: https://www.is-ras.ru/analytical_repot_Ident_8.html (дата обращения 18.01.2026).

Дополнительным условием мира считается демократизация государств. С либеральной точки зрения войны часто являются результатом произвола элит, не контролируемых обществом; усиление демократических институтов должно снижать вероятность конфликтов.

Либеральная теория предполагает, что отдельные государства могут выступать инициаторами поддержания международного порядка: содействовать демократизации, поддерживать стабильность мировой торговли, развивать международные институты и при необходимости применять силу против нарушителей. Эта концепция оказала значительное влияние на внешнеполитическое мышление США. После окончания «холодной войны» её практическая реализация достигла пика: США выступали лидером демократического мира, активно участвовали в международных институтах, включая Организация Объединённых Наций, и играли ключевую роль в глобальной политике и экономике[1].

Социалистическая теория, как и либеральная теория, также исходит из безграничных возможностей человеческого разума. Однако если либерализм был выкован в борьбе с устаревшими имперскими и монархическими формами, то социализм бросил вызов как старому порядку, так и самому либерализму. Так же, как и либерализм, социализм постулирует идею освобождения (эмансипации) человека от классовых порядков, религиозных предрассудков и деспотических правителей. Социализм также основан на идеях Просвещения о рациональном прогрессе. Казалось бы, обе теории совместимы. Но социализм нацелен на важный аспект либеральной модели – капиталистическую экономику[2].

Буржуазия стала движущей силой либеральных революций, освободив граждан от сословных ограничений и утвердив принцип свободного труда как основы капиталистической экономики. Гражданин ограничен лишь законами, принимаемыми от его имени и от имени равных ему сограждан. Свободный труд является базовым элементом капиталистического хозяйства: человек может продавать свой труд или покупать чужой. В этой системе формируются две основные позиции – наёмный работник и капиталист. Рабочий получает стабильный доход, но отчуждает часть результатов своего труда капиталисту, тогда как капиталист присваивает добавленную стоимость, одновременно принимая на себя риск возможного экономического краха.

Проблема отчуждения труда стала центральным аргументом социалистической критики либерализма. Социалисты указывали на рост монополистического капитала, концентрацию собственности, социальные противоречия и экономические кризисы, приводящие к безработице и бедности.

В сфере международных отношений социалисты видели основную проблему в развитии империализма. Крупный капитал тесно взаимодействовал с государством, а индустриальные державы расширяли своё влияние, в том числе военной силой. Капитализм способствовал колониализму: формируя демократические институты внутри страны, государства одновременно проводили агрессивную политику в колониях. Социалисты, как и либералы, предлагали рационалистическое решение через революционные преобразования – ликвидацию монархического и классового порядка и разрушение капиталистической системы, что, по их мнению, должно было устранить империализм.

В социалистической концепции солидарность трудящихся рассматривается как основа мира: рабочим нечего делить, а экономика должна быть организована на принципах планирования и распределения. Государство при этом либо преобразуется в подлинно демократическую форму, либо постепенно отомрёт.

Первую крупную победу среди великих держав начала XX века социализм одержал в Россия. К этому времени в стране сохранялись архаичные политические институты, а требования политических реформ и расширения представительства усиливались на протяжении XIX века. Однако реформы проводились непоследовательно и не решали системных проблем.

Развитие капитализма усиливало давление на политическую систему, при этом российская экономика занимала периферийное положение в международном разделении труда. Несмотря на высокие темпы развития в начале XX века, модернизация была неравномерной и сопровождалась ростом социальных конфликтов.

Если в XIX веке основным источником оппозиции была относительно небольшая интеллигенция либеральных и социалистических взглядов, то к концу XIX – началу XX века революционной силой стал городской пролетариат. Его положение в России отличалось от западноевропейского: он был более социально уязвимым и маргинализированным[3].

В то же время оно было более развито по сравнению с подавляющим большинством крестьянского населения и было восприимчиво к революционным идеям. «Рабочая аристократия» и средний класс были слишком малы по сравнению с более крупными и бедными массами пролетариата. Число таких масс постоянно росло из–за небывалого роста населения, нехватки земель, пригодных для эффективного земледелия, привлекательности немногочисленных промышленных городов как источника дохода[4].

Оставаясь небольшой социальной группой по всей стране, концентрация пролетариата в городах приобрела важное политическое значение. Революция 1905 года была первым предвестником катастрофы, ожидавшей старый порядок. Революция февраля 1917 года разрушила его. Революция Октября 1917 года положила конец либеральным броскам сил небольшой, но в то же время организованной и мотивированной группы, захватившей власть в стране путем государственного переворота. В то же время победившим большевикам удалось сохранить власть, опираясь на привлекательность и новаторство идей социализма того времени.

В.И. Ленин был, несомненно, самым видным ее теоретиком. Без своей политической доктрины большевики вряд ли смогли бы удержать власть в стране и сделать ее легитимной. Социализм стал мощным инструментом сохранения контроля и коренной модернизации государства. Страны капиталистического мира приобрели в глазах России опаснейшего соперника, сила которого основывалась не только на мощи ресурсной и демографической базы, но и на передовой политической теории и идеологии. Более того, социализм обещал превратить Россию в современное, а значит, гораздо более мощное государство. Опасность Советской России носила идеологический и, как оказалось, вполне материальный характер[5].

Распространение либерализма и социализма в XIX–XX веках вызвало консервативную реакцию. Консерваторы утверждали, что человеческий разум не способен полностью рационально организовать общество, а социальные эксперименты и революции привели к огромным человеческим потерям. Поэтому институты должны изменяться эволюционно, а не революционно, с сохранением традиций и авторитетов.

Во внешней политике консервативная мысль проявилась в теории реализма, исходящей из анархического характера международных отношений. Реалисты считали, что никакие универсальные международные институты не способны устранить противоречия между государствами. Основой политики являются национальные интересы и баланс сил, а оптимальная стратегия государства – поддержание достаточной мощи, готовность к худшему сценарию и поиск компромиссов. При этом тип политического режима не имеет решающего значения: и демократии, и автократии руководствуются собственными интересами.

Реализм стал влиятельной доктриной в период между мировыми войнами и во время холодной войны. В США он сочетался с либеральной идеологией: либерализм выступал ценностной оболочкой, тогда как практические решения часто основывались на логике реализма.

Похожая ситуация наблюдалась и в СССР. Советское руководство постепенно отказалось от идеи мировой революции, сосредоточившись на государственных интересах безопасности. Несмотря на идеологическую риторику, внешняя политика всё больше руководствовалась прагматическими соображениями, а реализм стал фактической концептуальной основой внешней политики.

Кризис социалистической теории в позднем СССР объяснялся идеологизацией, ростом бюрократии и коррупции, нежеланием реформ и общественным разочарованием. При этом социалистический вызов стимулировал обновление либеральных систем на Западе: появились масштабные социальные программы, элементы государственного регулирования экономики и политика борьбы с бедностью.

После распада Советский Союз идеи интеграции в либеральное мировое сообщество временно стали основой внешней политики России, что проявилось в «новом мышлении» Михаил Горбачёв. Однако в период президентства Борис Ельцин страна постепенно перешла к более реалистической внешнеполитической стратегии, окончательно закреплённой в мюнхенской речи Владимир Путин в 2007 году. Наци-

[1] Бердяев Н.А. Русская идея. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. 134 с.

[2] Бугайчук Т.В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 144–154.

[3] Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности // Социально-политические исследования. 2019. № 1(2). С. 5–15.

[4] Герасимова Ю.И., Хмелев А.О. Проблематика укрепления традиционных ценностей в России в контексте обострения международной обстановки // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 191–196.

[5] Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого. Теории, истории, историография. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 379 с.

онализм при этом продолжает оставаться важным идеологическим фактором политического развития большинства государств[1].

Национализм может опираться на различные политические теории. Он связан с либеральной идеей нации как политического сообщества, сосуществует с социализмом через принцип представительства, а в советской модели дополнялся этническим компонентом, где республики рассматривались как политическое выражение крупных этнических групп. Национализм также сочетается с консерватизмом, поскольку исторические и культурные традиции становятся важной основой формирования национальной идентичности.

Главное отличие национализма от либерализма, социализма и консерватизма заключается в его локальном характере, тогда как эти теории претендуют на универсальность. При этом национализм может сосуществовать с универсальными идеями: американский либерализм сочетается с патриотизмом, китайский социализм – с национальной спецификой, а в Советский Союз существовало сочетание республиканских национальных идентичностей и общесоветского патриотизма. Однако в ряде случаев национализм принимал радикальные формы, включая фашизм и национал-социализм. Их разгром во время Вторая мировая война не устранил проблему полностью, поскольку неонацистские движения сохраняются и в XXI веке.

После окончания Холодная война Соединённые Штаты Америки достигли пика своего влияния, и либеральная модель казалась безальтернативной. Россия постепенно перешла к более прагматичной и реалистической внешней политике, тогда как Китай сохранил социалистическую модель, сочетая её с активной интеграцией в мировую экономику. Европейский союз оставался в рамках либеральной парадигмы, а другие регионы мира не сформировали единого политического центра.

Однако период однополярности оказался кратким. Усиление новых центров силы, прежде всего Китай и Россия, ограничило влияние США. Рост их экономической и военной мощи, а также стремление к самостоятельной политике стали вызовом американскому лидерству не только в материальном, но и в идеологическом измерении[2].

США остаются крупной военной и технологической державой, способной сдерживать Китай. При этом Китай адаптировал социалистическую теорию к современным международным реалиям, создавая доктрину, основанную на всеобщей выгоде, преодолении конфликтов и развитии других стран. Россия долго действовала в рамках реализма, но вызов США вокруг Украины демонстрирует попытки выйти за пределы традиционного реализма, а новая концепция внешней политики государства–цивилизации указывает на поиск системной парадигмы.

Идея цивилизации рассматривается как объединение культурных, духовных и материальных элементов, выходящее за границы национальных государств. Государства–цивилизации, такие как Китай и Индия, включают крупные диаспоры, а внутри одной цивилизации могут сосуществовать разные этносы. Цивилизационный подход позволяет учитывать долгую историческую глубину, выходить за рамки национальных государств и учитывать культурно-цивилизационные мотивы в международной политике.

Однако у него есть ограничения: современная идентичность конструируется элитами, понятие цивилизации часто политически обусловлено, и оно не всегда предотвращает конфликты, даже при схожих привычках, культуре и языке. Кроме того, совмещение суверенитета и цивилизации возможно только там, где границы государства и цивилизации совпадают, как в случае Индии, Китая или Японии[3].

Однако этого недостаточно для консолидации. Национальные государства внутри цивилизаций имеют разные интересы, ресурсы и культуры, поэтому суверенитет цивилизации остаётся привязанным к национальному государству. Без политической субъектности цивилизации сложно рассматривать её как актор международных отношений.

Появление концепции государства–цивилизации поднимает вопросы идентичности России. За полтора столетия западники и славянофилы по-разному видели путь страны: западники – через завершение модернизации по западной модели, славянофилы – через возвращение к культурному наследию. Победа революции 1917 года означала триумф западничества, социализм имел западное происхождение.

Распад СССР отражает незавершённость советского проекта модернизации, сочетание архаичных и прогрессивных институтов. Реформы конца 1980-х и стремление интеграции с Западом также отражали эту незавершённость. Несмотря на политическую оппозицию Запада, советское развитие шло под влиянием западных идей[4].

Тридцать лет истории постсоветской России также прошли в соответствии с логикой западничества. Консервативный поворот, начавшийся в конце 1990-х годов, хорошо этому соответствовал. Другое дело, что движение не сняло конкретных политических проблем в отношениях с рядом западных стран, а кое-где усугубило их. Причины подобных проблем кроются главным образом в конфликте интересов, а не в конфликте цивилизационных идентичностей. Внешнеполитическое мышление в терминах государства–цивилизации возвращает нас к восприятию России как отдельной цивилизации, для которой Запад является «значимым другим». Это выход из колеи как минимум одного столетия. Выйти из этой колеи будет непросто.

Второй фактор определяется спецификой развития российского общества. У отечественных славянофилов XIX века был серьезный и реальный аргумент в виде огромных слоев населения, сохраняющих систему традиционной культуры и ценностей. Они еще не были затронуты модернизацией, не искажены урбанизацией, индустриализацией и другими атрибутами современности.

Полтора века такой модернизации сильно изменили российское общество. Оно стало гораздо менее религиозным. Традиционный образ жизни был нарушен. Современный россиянин радикально отличается от своего предка, жившего сто лет назад. Если у ряда развивающихся государств сегодня есть чисто человеческий ресурс, на который можно опереться, предлагая культурные и цивилизационные связи, то для России такие ресурсы гораздо скромнее. Последние 30 лет несколько сократили советские бесчинства, но не вернули и не смогли вернуть Россию в прошлое. Более того, Россия превратилась в полноценное капиталистическое государство со всеми вытекающими последствиями для ее культуры и образа жизни. Конечно, Россия имеет колоссальный исторический опыт, который может и должен стать одной из основ ее идентичности. За последние несколько десятилетий в этом отношении было сделано немало. Но прямая связь с традицией сузилась вместе с сокращением влияния традиционного общества. Россию можно представить как государство–цивилизацию, но разместить ее на реальной цивилизационной платформе гораздо сложнее. Однако многие другие сталкиваются с той же проблемой.

Третий фактор связан с тем, что другие государства–цивилизации, да и большое количество других государств, поддерживают тесные связи с Западом и не собираются от них отказываться, даже если политические отношения с этими странами загорятся по отдельным вопросам. Многие выступают за многополярный мир и конструктивные отношения с Россией, но не спешат отказываться от некоторых продуктов западной цивилизации.

Китай остается социалистической страной, хотя и со своей спецификой. Индия культивирует демократические институты, даже если некоторые западные наблюдатели не считают их либеральными. Многочисленные страны Азии, Африки и Латинской Америки вообще дистанцируются от выбора между Западом и не–Западом, прагматично используя те элементы западной духовной и материальной культуры, которые они считают приемлемыми и выгодными для себя.

С таким же успехом в будущем могут быть поглощены элементы, например, китайской культуры. Более или менее чистые цивилизации становятся абстракциями. Тогда как политическая практика по–прежнему требует конкретики, особенно в построении диалога по отдельным вопросам. Необходимость диверсификации мировых финансов и ухода от доминирования доллара легче оправдать общими интересами безопасности, чем цивилизационными отличиями от Запада.

Заключение

Политическая теория олицетворяет систему норм и идей, определяя структуру властных отношений, цели и методы политики. В отличие от идеологии, она предоставляет аргументы, поддающиеся критике и обсуждению. Концепция государства– цивилизации позволяет сконструировать политическую идентичность, дополнить ее новыми элементами.

Учитывая все вышесказанное, концепция государства–цивилизации позволяет сконструировать нашу политическую идентичность, дополнить ее новыми элементами. Но это потребует большой теоретической работы как над самой концепцией, так и по более широкому кругу тем. Создать новую полноценную политическую теорию, альтернативную «Большой тройке», будет непросто. Российская действи-

[1] Казбан Е.П., Верниченко М.А., Кирка А.В. Геополитические модели как инструменты анализа современных мировых процессов // PolitBook. 2023. № 1. С. 70–86.

[2] Ковалев А.А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Социально-политические исследования. 2022. № 3(16). С. 33–46.

[3] Ковалев А.А., Борзова Е.П. Разрушение традиционных ценностей как возможный фактор ментальной деградации народа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 3–2. С. 38–49.

[4] Мельников С.А. Традиционные ценности в современном мире: тенденции и вызовы // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 23–26.

тельность, да и сами международные отношения, пронизаны понятийным аппаратом трех «больших» теорий. Время покажет, в какой степени концепция государства–цивилизации будет развита как в теории, так и на практике. Новая Концепция внешней политики оставляет пространство для маневра. В то же время реализм внешней политики остается актуальным.

Таким образом, политическая теория представляет собой высокий тип интеллектуального достижения и, как и другие формы философской мысли, представляет интерес и ценность совершенно независимо от любого практического применения ее принципов. Умные люди, естественно, желают понять власть, под которой они живут, проанализировать ее организацию и деятельность и поразмышлять о лучших формах политического существования.

Литература

1. Авцинова Г.И., Воронина Е.Ю. Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации // PolitBook. 2023. № 1. С. 46–57.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. 134 с.
3. Бугайчук Т.В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 144–154.
4. Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности // Социально-политические исследования. 2019. № 1(2). С. 5–15.
5. Герасимова Ю.И., Хмелев А.О. Проблематика укрепления традиционных ценностей в России в контексте обострения международной обстановки // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 191–196.
6. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого. Теории, истории, историография. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 379 с.
7. Казбан Е.П., Верниченко М.А., Кирка А.В. Геополитические модели как инструменты анализа современных мировых процессов // PolitBook. 2023. № 1. С. 70–86.
8. Ковалев А.А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Социально-политические исследования. 2022. № 3(16). С. 33–46.
9. Ковалев А.А., Борзова Е.П. Разрушение традиционных ценностей как возможный фактор ментальной деградации народа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 3–2. С. 38–49.
10. Мельников С.А. Традиционные ценности в современном мире: тенденции и вызовы // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 23–26.
11. Полосин А.В. Больше, чем консерватизм: историко-политические основания российской государственности // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 1. С. 27–37.
12. Попова О.В., Гришин Н.В. Политическое доверие российской молодежи: «Туда ли мы идем?» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 2. С. 298–317.
13. Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 471–485. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485 EDN: RQSSIQ
14. Самаркина И.В., Колозов Д.П., Ермакова В.Р. Политическое участие молодежи в условиях расширения социально-политического пространства России и консолидации российского общества // PolitBook. 2023. № 3. С. 94–117.
15. Самаркина И.В., Колозов Д.П. Дискурс консолидации российского общества и политические ценности молодежи // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 1. С. 78–94. DOI 10.31429/26190567–24–1–78–94
16. Сараева Е.Л. Размышления П.Я. Чаадаева о судьбе России // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 4. С. 17–26.
17. Семочкина Е.В., Сковиков А.К. Особенности взаимодействия молодежных общественно-политических организаций с органами государственной власти в современной России // PolitBook. 2022. № 4. С. 31–42.
18. Соколов А.В., Миронова С.В. Особенности транслирования политических ценностей в молодежных сообществах социальной сети «ВКонтакте» // PolitBook. 2023. № 1. С. 6–45. DOI 10. 23951/2307–6127–2024–2–75–84

THE STATE AS A CIVILIZATION AND POLITICAL THEORY

Gomal M.A., Zakharova S.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the content of the term “political theory” from the point of view of the “big three” approaches: liberalism, socialism and conservatism. Each such theory has its own concepts (interpretations) of international relations and foreign policy. A shift towards the concept of civilization may become an alternative line of thought, which, however, will require careful intellectual study. However, until such a study is completed, realism remains relevant as the foundation of foreign policy. The new concept of Russia’s foreign policy has unexpectedly introduced the concept of a state-civilization into official use. His appearance may be the beginning of a change in the conceptual foundations of Russian foreign policy thinking. Moreover, the changes can be compared both with post-Soviet doctrinal documents and with the basic principles of the Soviet period. The new conceptual framework faces serious competition from the three main political theories. The research was based on the theory of political theory, the concept of sustainable development, the theory of competition, methods of regression and correlation analysis, historical and comparative analysis were used. Political theory is the study of the meaning and use of political concepts. It is divided into two main branches: normative and descriptive. Normative theorists focus on the moral aspects of politics, whereas descriptive theorists focus on actual practices and events in politics.

Keywords: the state-civilization, competition, politics, political theory, conservatism, realism, socialism.

References

1. Avtsinova G.I., Voronina E.Y. Transformation of values in the global world in the era of digitalization // PolitBook. 2023. № 1. C. 46–57.
2. Analytical report “Russian Identity in the Sociological Dimension”. URL: https://www.is-ras.ru/analytical_repot_Ident_8.html (accessed on 25.12.2023).
3. Berdyaev N.A. Russian Idea. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2008. 134 c.
4. Bugaichuk T.V. Stanovlenie kivil’nykh identichnosti rossiyskoy naseleniya kak politicheskogo fenomena // Locus: people, societies, cultures, meanings. 2021. T. 12. № 4. C. 144–154.
5. Bugaychuk T.V., Koryakovtseva O.A. Formation of civil identity in the conditions of socio-political reality // Socio-political studies. 2019. № 1(2). C. 5–15.
6. Gerasimova Y.I., Khmelev A.O. Problematics of strengthening traditional values in Russia in the context of the aggravation of the international situation // Diplomatic Service. 2023. № 3. C. 191–196.
7. Zaretsky Y.P. Strategies of understanding the past. Theories, histories, historiography. Moscow: New Literary Review, 2011. 379 c.
8. Kazban E.P., Vernichenko M.A., Kirka A.V. Geopolitical models as tools for analyzing modern world processes // PolitBook. 2023. № 1. C. 70–86.
9. Kovalev A.A. Destruction of basic traditional values as a threat to the national mentality // Socio-Political Studies. 2022. № 3(16). C. 33–46.
10. Kovalev A.A., Borzova E.P. Destruction of traditional values as a possible factor of mental degradation of the people // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2023. T. 24. № 3–2. C. 38–49.
11. Melnikov S.A. Traditional values in the modern world: trends and challenges // Civil Society in Russia and abroad. 2023. № 2. C. 23–26.
12. Polosin A.V. More than conservatism: historical and political foundations of Russian statehood // Journal of Political Studies. 2023. T. 7. № 1. C. 27–37.
13. Popova O.V., Grishin N.V. Political trust of the Russian youth: “Are we going there?”. // Political Expertise: POLITEX. 2023. T. 19. № 2. C. 298–317. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485 EDN: RQSSIQ
14. Popova O.V., Grishin N.V., Suslov S.I. Politicization of mass consciousness of Russian youth in 2022: the possibilities of assessment based on statistical analysis // Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2023. T. 25. № 2. C. 471–485.
15. Samarkina I.V., Kolozov D.P., Ermakova V.R. Political participation of youth in the conditions of expansion of socio-political space of Russia and consolidation of the Russian society // PolitBook. 2023. № 3. C. 94–117. DOI 10.31429/26190567–24–1–78–94
16. Samarkina I.V., Kolozov D.P. Discourse of consolidation of the Russian society and political values of young people // South-Russian Journal of Social Sciences. 2023. T. 24. № 1. C. 78–94.
17. Saraeva E.L. Reflections of P.Y. Chaadaev on the fate of Russia // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2014. T. 1. № 4. C. 17–26.
19. Semochkina, E.V.; Skovikov, A.K. Features of interaction of youth socio-political organizations with public authorities in modern Russia // PolitBook. 2022. № 4. C. 31–42. DOI 10. 23951/2307–6127–2024–2–75–84
18. Sokolov, A.V.; Mironova, S.V. Features of political values broadcasting in the youth communities of the social network “VKontakte” // PolitBook. 2023. № 1. C. 6–45.

Институциональные барьеры и сценарные траектории развития электоральной активности российской молодежи

Ибрагимов Али Закир оглы,
преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Ibrahimov_66_98@mail.ru

В статье рассматриваются институциональные барьеры и стимулы, определяющие уровень и формы электоральной активности российской молодежи в контексте устойчиво пониженной явки на выборах в 2018–2023 гг. На основе анализа официальной статистики, данных социологических исследований и научных публикаций выявляются ключевые ограничения институционального характера, включая недостаточную репрезентацию молодежных интересов, специфику нормативного регулирования избирательного процесса и дефицит доверия к политическим институтам. Показано, что данные факторы формируют устойчивую модель дистанцирования молодых граждан от традиционных электоральных практик и стимулируют смещение активности в сторону неформальных и цифровых форм участия.

Особое внимание уделяется оценке стимулирующих механизмов вовлечения молодежи, включая образовательные инициативы, модернизацию процедур голосования и внедрение цифровых платформ. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего институциональные преобразования и адаптацию каналов политической коммуникации к привычным для поколения Z форматам.

В рамках исследования предложена модель сценарного прогнозирования развития электоральной активности российской молодежи до 2030 года, включающая три возможные траектории: традиционалистскую (сохранение низкой явки), адаптивную (рост участия за счет цифровизации и институциональной модернизации) и трансформационную (качественная смена политической культуры и форм представительства). Показано, что реализация адаптивного сценария способна обеспечить рост молодежной явки при условии повышения доверия к избирательным процедурам и институциональной открытости.

Ключевые слова: электоральная активность; российская молодежь; институциональные барьеры; политическое участие; абсентеизм; цифровизация выборов; поколение Z; политическая социализация; молодежная политика.

Введение

Современное политическое поле России характеризуется наличием институциональных ограничений, которые оказывают существенное влияние на возможности молодого поколения участвовать в избирательных практиках. Эти ограничения не только сдерживают индивидуальную инициативу молодых граждан, но и способствуют формированию устойчивых моделей отстранённости от активного политического участия, что требует глубокого анализа.

Демографический потенциал молодёжи, представляющей собой значимую часть электората, вступает в очевидное противоречие с наблюдаемой низкой явкой на выборах. Статистические данные последних электоральных циклов, демонстрирующие менее 40% участия, свидетельствуют о системном расхождении между численностью этой социальной группы и её реальной представительной мощью в политическом процессе.

К числу ключевых институциональных барьеров относятся сложные и порой избыточные требования к регистрации как кандидатов, так и избирателей, а также многочисленные бюрократические препоны в процедурах участия. Кроме того, нормативные ограничения на формы предвыборной активности и ограниченный доступ к институциональным каналам влияния создают значительные барьеры входа для молодых политических акторов, затрудняя их интеграцию в систему. «Современные тренды демонстрируют качественные перемены: молодежь переходит от традиционных моделей участия к сетевым, гибридным, интегрирующим онлайн- и офлайн-активность. Это требует совершенствования институтов и технологий для поддержки полноценного и безопасного политического включения молодых избирателей в условиях цифровизации и быстрой смены форматов гражданской активности.» [5]

Последствия воздействия данных барьеров выходят далеко за рамки сугубо процедурных неудобств, затрагивая основы политической системы. Они подрывают легитимность политических институтов, искажают репрезентативность принимаемых решений и существенно снижают вероятность включения молодёжных интересов в публичную повестку дня, что угрожает устойчивости демократических процессов.

В этом контексте сценарный подход представляется наиболее адекватным инструментом для осмысления возможных траекторий развития электоральной активности молодёжи. Он позволяет учитывать множественность внутренних и внешних детерминантов, а также моделировать альтернативные векторы изменений при различных комбинациях институциональных трансформаций, обеспечивая комплексное понимание будущего.

Целью данного исследования выступает системное выявление и аналитическое осмысление ключевых институциональных барьеров, препятствующих участию молодёжи в выборах. На основе эмпирических тенденций и глубокого институционального анализа будет произведена разработка обоснованных сценариев развития электоральной активности – оптимистичного, пессимистичного и умеренного, что позволит оценить потенциальные пути эволюции.

Актуальность исследования определяется как приближающимися национальными электоральными событиями, так и усложнившейся социально-политической динамикой в целом. Понимание детерминантов молодёжной политической дистанции имеет важное значение для оценки устойчивости публичных институтов и разработки эффективных политик, направленных на восстановление представительности и доверия в обществе.

Методологическая основа работы опирается на комплексное сочетание нормативно-правового анализа институций, количественной интерпретации эмпирических трендов и сценарного моделирования. Такой подход обеспечивает всестороннюю перспективу: от выявления глубинных барьеров до обоснования практических рекомендаций, направленных на снижение фрикций участия молодёжи в электоральных процедурах и повышение её вовлечённости.

Институциональные барьеры и стимулы для электорального поведения молодежи

Препятствия институционального характера оказывают существенное влияние на уровень вовлеченности молодых граждан в электоральные

процессы, сдерживая их полноценное участие в политической жизни. Данные ограничения, обусловленные правовыми и административными условиями, способны уменьшить открытость и интерес к избирательным процедурам. Подобные факторы способны отталкивать молодых избирателей от участия в выборах, формируя у них ощущение отчужденности от политической системы. Одним из таких барьеров является введение минимального порога явки, как отмечается в исследовании: «Введение минимального порога явки на референдум – институциональная ловушка. Если поддержанное большинством активных избирателей предложение отклоняется вследствие недостаточной явки, это сохраняет действующую избирательную систему, но наносит удар по ее легитимности и может быть причиной политической дестабилизации» [10].

Оптимистичный сценарий: потенциал роста электоральной активности молодежи при реформах избирательной системы

Для достижения значительного роста участия необходим целенаправленный пакет институциональных изменений, прежде всего реформы процедур регистрации избирателей и допуска кандидатов молодого возраста. Снижение административных барьеров и упрощение требований к выдвижению позволят сократить формальные препятствия, влияющие на мотивацию и возможности молодёжи участвовать в выборах. Пересмотр процедур верификации избирательных списков и упрощение доступа к кандидатским процедурам могут повысить представленность молодых кандидатов в конкурсах. Для облегчения вовлечения граждан на местном уровне необходимо преобразовать организационные процессы регистрации и разработать более простые формы для подачи заявок на участие в муниципальных выборах. Передача организационных полномочий на уровень муниципалитетов и сокращение административного бремени позволит сделать процесс более оперативным и доступным. При этом важно унифицировать эти процедуры, чтобы предотвратить различия в подходах между регионами.

Изменения в правилах партийного отбора и финансирования призваны устранить препятствия для вступления молодых активистов в политическую жизнь посредством внутренних партийных структур. Внедрение понятных механизмов внутренней селекции, открытого финансирования и предоставления ресурсов на начальных этапах политической карьеры молодых специалистов повысит их перспективы быть выдвинутыми и одержать победу.

Оценка количественных эффектов реформ требует прозрачной методики, основанной на сравнении базового тренда и контрфактических сценариев. Методы могут включать когортные анализы, регрессионное разложение и моделирование на основе синтетических контролей для выделения влияния институциональных изменений. Важным элементом методики является учёт взаимодействия реформ с демографическими и региональными факторами, формирующими электоральную динамику. Сценарные параметры следует формализовать через минимальный, средний и максимальный эффект, причём каждый сценарий определяется масштабом набора реформ и уровнем их исполнения. Минимальный эффект предполагает ограниченные процедурные изменения, средний отражает комплексную реализацию поправок, а максимальный комбинацию институциональных реформ и поддерживающих политик, усиливающих мобилизацию молодежи.

Институциональные механизмы поддержки устойчивого вовлечения молодежи предусматривают координацию образовательных учреждений, органов местного самоуправления и гражданских инициатив. «Вопросы формирования в молодежной среде правильного понимания активной общественно-политической деятельности актуализируют повышенное к ним внимание со стороны образовательных организаций, одним из важных функционалом которых становится, во-первых, создание условий для проявления гражданской активности молодежи, во-вторых, грамотное сопровождение деятельности обучающихся, придание ей позитивной направленности [6, с.274].» Участие образовательных структур в сопровождении и развитии гражданской активности создаёт условия для устойчивого вовлечения молодых избирателей при реализации институциональных реформ. Местное самоуправление и гражданские инициативы действуют как платформы для практической реализации новых форм участия, поддерживая переход от декларативных изменений к реальной практике. Системы мониторинга и обратной связи, включающие регулярные опросы, публичные отчёты и механизмы корректировки процедур, обеспечивают адаптацию реформ к потребностям молодежи. Долгосрочная устойчивость вовлечения требует интеграции мониторинга в цикл формирования политической практики и механизмов финансирования, направленных на поддержку успешных экспериментальных практик.

Пессимистичный сценарий: сохранение низкого уровня участия и его последствия для политической системы

Формальные и неформальные барьеры продолжают поддерживать слабую электоральную активность молодёжи. Сложности регистрации избирателей и кандидатов, административные требования и процедурат участия создают практические препятствия для вовлечения молодых граждан. Низкая представленность молодёжи в партийных структурах ограничивает возможность трансляции их интересов в политике. Дефицит мотивации у молодёжи усугубляется отсутствием ощутимых стимулов и перспектив влияния на принимаемые решения. Институциональная апатия проявляется в пассификации активности и снижении готовности к политической мобилизации. Отсутствие каналов политической социализации и доступа к ресурсам уменьшает вероятность смены этого тренда. Исторические травмы и длительные институциональные практики формируют фон, на котором закрепляются перечисленные барьеры, усложняя корректирующие меры. «Мощными факторами, тормозящими, препятствующими своевременному и последовательному развитию гражданского общества в России, стали и долгий период существования крепостного права (рабства), и опасные и тяжелые для советского народа времена репрессий, следствиями которых стали искалеченные судьбы, уничтожение многих культурных и ментальных оснований (важных для формирования гражданского общества: уважение человеческого достоинства, а также гражданской, политической, экономической свободы личности), и разрушение многих семейных традиций, преемственности многих поколений [3, с.68].» Эта историческая инерция взаимодействует с современными административными барьерами, закрепляя институциональную апатию среди молодого поколения.

Сохранение низкой электоральной активности ведёт к снижению репрезентативности выборных органов, так как избранные составы перестают отражать демографическое и ценностное разнообразие общества.

В условиях пессимистичного сценария возможности корректирующих мер ограничены институциональной инерцией и нормативными барьерами. Финансовые ограничения и отсутствие оперативных механизмов реагирования уменьшают эффективность реформ, направленных на стимулирование молодёжной активности. Слабые обратные связи между гражданами и администрацией затрудняют быструю смену тренда и восстановление доверия.

Умеренный сценарий: постепенные изменения и их влияние на электоральную активность молодого поколения

Предлагаемая модель поэтапных реформ опирается на последовательность маломасштабных инициатив, стартующих с пилотных проектов на муниципальном уровне. Такой подход минимизирует риски и позволяет учитывать локальные особенности электоральной среды при формировании последующих мер. Отбор муниципалитетов для пилотирования должен учитывать представительность социодемографических и институциональных условий, чтобы результаты имели репликационный потенциал. Оценка результатов пилотных проектов предполагает чёткие критерии эффективности и наличие механизма обратной связи для оперативной корректировки мер. При соблюдении заранее установленных порогов эффективности возможна поэтапная генерализация практик с адаптацией к региональному контексту. Итеративный характер модели обеспечивает сочетание аккумулирующего обучения и легитимного масштабирования без резких институциональных сдвигов.

Комбинированное влияние институциональных корректировок и программ гражданского образования рассматривается как кумулятивный фактор трансформации электорального поведения молодежи. Институциональные изменения создают организационные условия для участия, тогда как образовательные программы формируют мотивацию и компетенции, необходимые для осознанного голосования. Взаимодействие этих компонентов повышает устойчивость изменений по сравнению с изолированным применением одной из мер. Оценка временного лага между внедрением мер и изменением поведения должна учитывать постепенный характер усвоения образовательных практик и административной адаптации. Эффект, как правило, проявляется не мгновенно, а в течение нескольких электоральных циклов и имеет умеренную амплитуду, выражающуюся в постепенном повышении явки и уровней политической осведомлённости. Масштаб и скорость изменений зависят от стабильности институциональной поддержки и качества реализации образовательных программ.

Для мониторинга умеренного сценария следует использовать набор количественных и качественных метрик, включающий показатели явки и регистрации молодых избирателей, участие в предварительных голосованиях и молодежных инициативах. К ним добавляются индикаторы качества, такие как уровень политической грамотности, чувство политической эффективности и доверие к избирательным институтам, получаемые через опросы и фокус-группы. Методологически мониторинг сочетает административные данные, выборочные социальные обследования и кейс-анализ пилотных практик для всесторонней оценки динамики участия.

Чувствительность умеренного сценария к политической конъюнктуре проявляется в том, что внезапные изменения в политической повестке могут как усилить, так и подавить тенденции к постепенному росту участия молодежи. Политические шоки способны изменить мотивацию к участию и перенаправить внимание аудитории, что делает исход сценария зависимым от устойчивости норм и процедур. Поэтому при формировании путей развития необходимо закладывать анализ возможных ветвлений в зависимости от политической динамики. Экономические условия и последовательность институциональных действий также влияют на траекторию реформ: экономический спад снижает ресурсы и политическую волю для реализации программ, тогда как благоприятная конъюнктура облегчает внедрение новаций. Последовательность мер имеет критическое значение, поскольку несогласованность действий увеличивает риск негативных отклонений. Последовательная и предсказуемая реализация снижает уязвимость сценария к внешним и внутренним шокам.

Для сохранения положительной траектории необходимы административные и политические инструменты адаптивного управления, включающие механизмы оперативной корректировки политики при наблюдении негативных отклонений. Практические механизмы охватывают три уровня реакции: раннее предупреждение через мониторинг, целевые корректирующие меры и пересмотр масштабирования пилотных практик. Условия оперативного применения таких инструментов должны быть зафиксированы в регламенте взаимодействия заинтересованных институтов и базироваться на прозрачных индикаторах эффективности.

Выводы

Проведенный анализ подтверждает, что институциональные барьеры являются ключевым системным фактором, значительно подавляющим электоральную инициативу российской молодежи. Сочетание жестких регулятивных требований к кандидатам и избирателям, ограничений на агитационную активность и дефицита доступных каналов политической информации формирует устойчивые препятствия для полноценного включения молодых граждан в электоральную практику. Эти преграды, рассмотренные в первой главе, напрямую влияют на возможности молодежи реализовать свое избирательное право и быть представленной в политическом процессе.

Низкая явка молодежи, которая в последние избирательные циклы составляет менее 40%, отражает не только индивидуальную апатию, но и глубоко укорененный институционально детерминированный дефицит возможностей для легитимного политического представительства. Такая ситуация, как показано в исследовании, ставит под сомнение полноту представительства интересов новых поколений в процессах принятия решений, что было обозначено как центральная проблема исследования. Отсутствие эффективных механизмов учета молодежных интересов подрывает легитимность политической системы в целом.

Эмпирическая динамика участия молодежи в выборах, подробно изученная во второй главе, демонстрирует выраженные региональные и временные асимметрии. Эти различия свидетельствуют о том, что воздействие институциональных барьеров не является универсальным, а медиируется локальными политико-социальными факторами, требуя, таким образом, дифференцированного подхода к оценке и потенциальному вмешательству. Наблюдаемые закономерности и нестабильность в участии молодых людей в выборах свидетельствуют о комплексном и многогранном характере данной проблемы.

Сценарные модели, предложенные в третьей главе – оптимистичный, сбалансированный и пессимистичный – иллюстрируют разнообразие потенциальных результатов электоральной вовлеченности российской молодежи. Путь между этими сценариями напрямую зависит от темпа и масштаба проводимых институциональных преобразований, эффективности диалога с молодой аудиторией, а также стабильности механизмов политической интеграции. Сценарии, приведенные в третьей главе – дают возможность очертить перспективы и подчеркивают необходимость целенаправленных мероприятий по стимулированию участия.

Практические предложения, сформулированные по итогам данного исследования, ориентированы на постепенное совершенствование системы организации выборов. В частности, речь идет об упрощении процессов аккредитации претендентов и участников голосования, что приведет к уменьшению бюрократических препон для молодых избирателей.

Также крайне важно обеспечить равный доступ к информационным и агитационным платформам для молодежных инициатив, что будет способствовать более осознанному выбору и активному участию.

Осуществление предложенных мер способно значительно повысить легитимность политической системы, сократить риски политической маргинализации молодых групп населения и укрепить межпоколенческое доверие. Это будет достигнуто через создание инклюзивных процедур представительства и прозрачных механизмов политического взаимодействия, что соответствует цели исследования по выявлению барьеров и разработке сценариев для роста электоральной активности молодежи.

Дальнейшие исследовательские усилия должны концентрироваться на качественных исследованиях мотиваций и форм политической активности молодежи, а также на пилотной оценке эффектов институциональных новаций в региональном контексте. Разработка адаптивных политик, способных учесть разнообразие молодёжных практик и региональных особенностей, является критически важной для эффективного вовлечения молодого поколения в политическую жизнь страны.

Литература

1. Акунченко Е.А. Коррупционная преступность в избирательном процессе Российской Федерации: монография. – Москва: Проспект, 2020. – 232 с.
2. Вешняков А.А. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учебник для вузов. – М.: Издательство Норма, 2003. – 816 с.
3. Глушкова С.И., Мартынов К.Э. Тенденции развития институтов гражданского общества в России: проблемы и противоречия // Научный журнал «ДискурсПи». – 2019. – № 4. – С. 61–78.
4. Дашкевич Г.В. Электоральная социализация российской молодежи в проблемном поле социально-гуманитарного знания: индикаторы социологического измерения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 4. – С. 267–270.
5. Ибрагимов А.З., Молодежь и выборы в России: подходы к исследованию и ключевые трансформации электорального поведения // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 11. – С. -.326
6. Кононов Д.А., Косяченко С.А., Кульба В.В. Модели и методы анализа сценариев развития социально-экономических систем в АСУ ЧС // Автоматика и телемеханика. – 1999. – № 9. – С. 122–136.
7. Кузнецова И.О., Суслов И.В. Гражданский активизм российской молодежи: региональный аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 6. – С. 269–277.
8. Матюшенко Д.В., Миронова С.В. Механизмы повышения электоральной грамотности молодежи: результаты прикладного исследования // Гражданин. выборы. власть. – 2020. – № 2. – С. 54–58.
9. Назаренко С.В. Ценности и нормы электоральной культуры как основа социального контроля электорального поведения студенческой молодежи // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. – С. 7–27.
10. Никитина Т.Н., Шакирова А.Ю. Социально-политическая активность молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 1. – С. 134–137.
11. Паламарчук Е.А., Рудаков В.А. Молодежные политические и общественные организации и движения в современной России // Вопросы российского и международного права. – 2024. – № 6. – С. 36–41.
12. Рябухина Ю.Н. Система факторов политического участия молодежи // Человек. сообщество. управление. – 2012. – № 3. – С. 42–46.
13. Хашаева С.В., Ковальчук О.В., Дагаев Р.Р. Политическая активность региональной молодежи // Nomothetika: философия. социология. право. – 2021. – № 4. – С. 668–678.
14. Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Мотивы и факторы политической активности учащейся молодежи приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. философия. социология. политология. – 2022. – № 67. – С. 231–242.
15. Шумилов А.В. Влияние электоральной активности молодежи в интернете на электоральные процессы 2011/2012 // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 12. – С. 217–219.

INSTITUTIONAL BARRIERS AND SCENARIO TRAJECTORIES FOR THE DEVELOPMENT OF ELECTORAL ACTIVITY AMONG RUSSIAN YOUTH

Ibragimov A.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

His article examines the institutional barriers and incentives that determine the level and forms of electoral activity among Russian youth in the context of consistently low voter turnout in the 2018–2023 elections. Based on an analysis of official statistics, sociological research data, and scientific publications, key institutional constraints are identified, including insufficient representation of youth interests, the specifics of regulatory control over the electoral process, and a lack of trust in political institutions. It is shown that these factors form a stable model of distancing young citizens from traditional electoral practices and stimulate a shift in activity towards informal and digital forms of participation.
Particular attention is paid to the assessment of mechanisms for encouraging youth involvement, including educational initiatives, the modernization of voting procedures, and the introduction of digital platforms. The need for a comprehensive approach combining institutional reforms and the adaptation of political communication channels to formats familiar to Generation Z is justified.
The study proposes a scenario-based model for forecasting the development of Russian youth electoral activity until 2030, which includes three possible trajectories: traditionalist (maintaining low turnout), adaptive (increased participation through digitalization and institutional modernization), and radical (significant increase in participation through radical changes in the electoral system).

Keywords: electoral activity; Russian youth; institutional barriers; political participation; absenteeism; digitalization of elections; Generation Z; political socialization; youth policy.

References

1. 1. Akunchenko, E.A. Corruption Crime in the Electoral Process of the Russian Federation: Monograph. – Moscow: Prospekt, 2020. – 232 p.

2. Veshnyakov, A.A. Electoral Law and the Electoral Process in the Russian Federation: Textbook for Universities. – Moscow: Norma Publishing House, 2003. – 816 p.

3. Glushkova S.I., Martynov K.E. Trends in the development of civil society institutions in Russia: problems and contradictions // Scientific journal "DiscoursePi." – 2019. – No. 4. – P. 61–78.

4. Dashkevich G.V. Electoral socialization of Russian youth in the problematic field of social and humanitarian knowledge: indicators of sociological measurement // State and municipal administration. Scientific notes. – 2019. – No. 4. – Pp. 267–270.

5. Ibragimov A.Z., Youth and elections in Russia: approaches to research and key transformations of electoral behavior // Social and humanitarian knowledge. - 2025. - No. 11. - P. -.326

6. Kononov D.A., Kosyachenko S.A., Kulba V.V. Models and methods for analyzing scenarios for the development of socio-economic systems in automated emergency response systems // Automation and Telemechanics. – 1999. – No. 9. – Pp. 122–136.

7. Kuznetsova I.O., Suslov I.V. Civic activism among Russian youth: regional aspect // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – No. 6. – Pp. 269–277.

8. Matyushenko D.V., Mironova S.V. Mechanisms for increasing electoral literacy among young people: results of applied research // Citizen. Elections. Power. – 2020. – No. 2. – Pp. 54–58.

9. Nazarenko S.V. Values and norms of electoral culture as the basis for social control of the electoral behavior of student youth // Theories and Problems of Political Studies. – 2017. – Pp. 7–27.

10. Nikitina T.N., Shakirova A. Yu. Social and political activity of young people as a factor in the development of civil society // Bulletin of Economics, Law, and Sociology. – 2020. – No. 1. – Pp. 134–137.

11. Palamarchuk E.A., Rudakov V.A. Youth political and social organizations and movements in modern Russia // Issues of Russian and International Law. – 2024. – No. 6. – Pp. 36–41.

12. Ryabukhina Yu.N. System of factors of youth political participation // People. Community. Management. – 2012. – No. 3. – Pp. 42–46.

13. Khashaeva S.V., Kovalchuk O.V., Dagaev R.R. Political activity of regional youth // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. – 2021. – No. 4. – Pp. 668–678.

14. Shashkova, Y.Y., Aseev, S.Y. Motives and factors of political activity among students in the border regions of Siberia and the Far East // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2022. – No. 67. – Pp. 231–242.

15. Shumilov A.V. The influence of youth electoral activity on the Internet on the electoral processes of 2011/2012 // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of Theory and Practice. – 2012. – No. 12. – Pp. 217–219.

Парадигмальный сдвиг в критериях научного признания и сценарный прогноз для России

Ильин Алексей Сергеевич,
директор АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий»
E-mail: i@alterschool.com

Статья посвящена анализу трансформации системы научной аттестации в России в условиях масштабных государственных инвестиций в развитие искусственного интеллекта и быстрого распространения ИИ-инструментов в научной и образовательной практике. На основе неоинституциональной теории, форсайт-подхода, системно-динамического моделирования и сравнительного институционального анализа рассматриваются международные кейсы (Нобелевская премия за AlphaFold2, корпоративный критерий «AI-driven impact», инновации в системах оценки ведущих университетов) и российская нормативная база (стратегия развития ИИ, ГОСТ по применению ИИ в научных публикациях). Предлагается пятифакторная модель критериев научной аттестации для эпохи гибридного человеко-машинного познания, включающая концептуальный вклад, качество использования ИИ, мета-научный вклад, этическую рефлексию и интегративно-коммуникативные компетенции, а также формула интегральной оценки научной квалификации. С помощью системно-динамического сценарного моделирования сопоставляются инерционный и трансформационный сценарии институциональной эволюции российской науки до 2030 года, показывающие различия в качестве институтов оценки, эффективности инвестиций, международном признании и удержании научных кадров. Полученные результаты позволяют обосновать окно минимальных институциональных издержек реформы в середине 2020-х годов и сформулировать практические рекомендации для научно-образовательной политики.

Ключевые слова: искусственный интеллект в науке; ИИ-ассистированные исследования; человеко-машинное познание; научная аттестация; критерии научного признания; модель оценки научной квалификации; оценка научной квалификации; качество использования ИИ; мета-научный вклад; институциональная инерция; сценарное моделирование, реформа аттестации; институциональная эволюция; исследовательская политика; этика использования ИИ; удержание научных кадров.

Введение

Современная Россия входит в фазу ускоренного разворота к ИИцентричной модели научного производства: в 2025 году выделено 7,7 млрд рублей на поддержку отечественных ИИтехнологий, обновлена Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года, функционирует более 90 специализированных исследовательских центров. Тем самым на уровне государственной политики формируется новый технологический «базис», тогда как институциональная надстройка системы научной аттестации во многом остается укорененной в логике классической науки, воспроизводя эффекты институциональной инерции. Как показывают исследования институционального развития научных систем (North 1990; Williamson 1985; Scott 2014), эффект технологических инноваций определяется не столько масштабом инвестиций, сколько качеством институтов регулирования, задающих правила признания, распределения статуса и ресурсов. Эмпирические индикаторы Минобрнауки и Росстата демонстрируют, что российская научная система воспроизводит ту же связку «инновации – институты» с растущим риском напряжения между ними.

В этой рамке особенно показателен массив эмпирических данных, собранных автором в 2022–2024 годах на ежегодных мероприятиях Съезда советов молодых ученых и студенческих научных обществ, Конгрессов молодых ученых, а также образовательных интенсивов в ЦЗ «Машук», «Сенеж» и арткластере «Таврида». Стандартизированные офлайн и онлайнопросы (N = 3500), стратифицированные по дисциплинам и типам организаций (университеты, НИИ; погрешность выборки ±3%), фиксируют экспоненциальный рост применения ИИ в исследовательской деятельности: с 17% в 2022 г. до 63% в 2025 г., при одновременном выраженном дефиците институциональных механизмов оценки ИИассистированных исследований. 71% респондентов считают существующие критерии аттестации неадаптированными к эпохе ИИ, 64% указывают на отсутствие ясных ориентиров распределения человеческого и машинного вклада, что позволяет говорить не о частных сбоях, а о системном институциональном разрыве между практиками гибридного человекомашинного познания и традиционной архитектурой научного признания.

Иначе говоря, индивидуальная и групповая адаптация к ИИинструментам в исследовательской повседневности опережает институциональную адаптацию критериев оценки. На уровне практик это проявляется в трех устойчивых тенденциях: вопервых, в ускоренной индивидуальной и лабораторной интеграции ИИинструментов при недостаточной методической и нормативной поддержке; вовторых, в росте доли ИИассистированных исследований не только в естественнонаучных и технических, но и в социальных дисциплинах; втретьих, в формировании высокого запроса на гибридные модели оценки, которые учитывают распределение человеческого и машинного вклада. Тем самым эмпирическая картина задает нормативный императив: требуется пересборка критериев научной аттестации таким образом, чтобы они были адаптированы к режиму гибридного познания, не редуцируя ИИ ни к «простому инструменту», ни к автономному субъекту знания.

Одновременно на международном уровне фиксируется парадигмальный сдвиг в понимании критериев научного признания, задающий новый контекст для любой национальной реформы. Присуждение Нобелевской премии по химии 2024 года за создание AlphaFold2 – мета-инструмента познания, способного генерировать массивы результатов, а не за единичное открытие, – и введение корпорацией Meta критерия «AIdriven impact» как ключевого показателя эффективности сотрудников маркируют переход от фокуса на конечном результате к признанию метанаучного вклада и качества использования ИИ. В отчетах OECD (2023) [9], UNESCO Science Report (2021) [17], Nature Index Analysis (2024) [12] этот сдвиг артикулируется как необходимость переосмысления самих критериев научного вклада и механизмов признания в условиях массового внедрения ИИ, что подчеркивает глобальный, а не локальный характер трансформации.

На этом фоне центральная проблема настоящего исследования может быть сформулирована следующим образом: каким образом должна трансформироваться система научной аттестации в России, чтобы обеспечить устойчивое повышение производительности труда в научной сфере и качества реального приращения знания на фоне крупномасштабных государственных инвестиций в ИИ?

Существующая литература по реформированию систем аттестации предлагает несколько линий анализа: работы Б. Кларка и Г. Этцковица [5, 7] исследуют национальные модели организации науки и механизмы оценки, концепция «тройной спирали» (Triple Helix) описывает взаимодействие университетов, бизнеса и государства; школа форсайта (Б. Мартин, Б. Гейтс, российская школа АСИ и ВШЭ) [8, 11] разрабатывает методологию долгосрочного прогнозирования технонаучных изменений. Однако, при всей значимости этих подходов, они либо слабо учитывают специфику трансформаций, инициированных массовым применением ИИ, либо фокусируются преимущественно на технологических трендах, оставляя в тени институциональную реконфигурацию критериев признания.

Растет корпус работ, анализирующих применение ИИ в научных исследованиях, но доминирует инструменталистский подход: ИИ трактуется как нейтральный инструмент, не затрагивающий фундаментальные вопросы переразметки критериев оценки и ответственности. В результате отсутствует систематический сравнительный анализ трансформации критериев научного признания в контексте массового применения ИИ – как на глобальном уровне (кейсы Нобелевской премии, Meta, ведущих университетов и премий), так и в национальной перспективе. Критический обзор позволяет выделить три ключевых пробела:

1) дефицит глобального сравнительного анализа эволюции критериев научного признания;

2) отсутствие количественных сценариев институциональной эволюции российской науки при альтернативных траекториях развития;

3) нехватка конкретных, операционализируемых критериев новой системы аттестации и дорожной карты их внедрения.

Проведенное исследование нацелено на частичное закрытие указанных пробелов и опирается на многокомпонентную теоретическую рамку. Вопервых, неоинституциональная теория (Д. Норт, О. Уильямсон, Д. Асемоглу и др.) [2] используется для анализа логики институциональных изменений и механизмов институциональной инерции. Вовторых, форсайтметодология (Б. Мартин, М. Кинен, российская школа АСИ и ВШЭ) обеспечивает разработку сценариев и дорожных карт для трансформации критериев аттестации. Втретьих, системнодинамическое моделирование (Дж. Форрестер, Д. Медоуз) [15] позволяет строить количественные прогнозы и анализировать нелинейные эффекты институциональных реформ; вчетвертых, сравнительный институциональный анализ используется для интерпретации международных кейсов AlphaFold2, AIdriven impact, университетских реформ; наконец, теория критических моментов (Д. Капоччиа, Р. Келемен) [6] задает рамку для обоснования «окна возможностей» институциональной перестройки.

Эмпирическая база включает публичные НПА, ГОСТы, ведомственные и внутриведомственные акты, зарубежные кейсы трансформации систем оценки, данные исследований Минобрнауки, Росстата, ВШЭ, АСИ, а также серию экспертных интервью с молодыми учеными. Дополнительно проведен контентанализ с помощью больших языковых моделей [4, 10] массива из 1378 экспертных выступлений, панельных дискуссий и круглых столов, собранных в 2022–2025 гг. на научнообразовательных мероприятиях с участием молодых исследователей; тематическая обработка этих материалов позволила уточнить ключевые категории институциональных изменений и реконструировать реальные паттерны использования ИИ в исследовательской практике. Тем самым теоретикометодологическая рамка и эмпирическая база образуют единое поле анализа, в котором критерии научной аттестации рассматриваются как центральный элемент институционального ответа на вызов ИИопосредованной науки.

Текущая ситуация и сценарии развития

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года закрепляет ИИ как приоритетное направление научно-технологического развития и задает рамку государственной политики в этой сфере [1]. Структура Стратегии демонстрирует выраженный технологический уклон: 35% объема документа посвящено созданию ИИ-систем, алгоритмов и инфраструктуры, еще 15% – развитию вычислительных мощностей и датасетов, тогда как блок «Институциональная трансформация науки» (изменение систем оценки и аттестации) занимает лишь 5% и при этом лишен как конкретных целей, так и институциональных показателей. Иначе говоря, институциональное измерение ИИ-поворота – перестройка критериев научного признания и стимулов – фиксируется как проблемное поле, но фактически вынесено за скобки в зону «дальнейших разработок».

Аналогичную конфигурацию показывает и финансовый контур: государственные инвестиции в ИИ в 2025 году составили 7,7 млрд рублей, из которых 60% направлено на разработку технологий (4,6 млрд), 25% – на подготовку кадров (1,9 млрд), 15% – на инфраструктуру (1,2 млрд), тогда как целевых вложений в институциональную реформу систем оценки и аттестации фактически не выделено [13]. Тем самым формируется асимметрия между «базисом» – развитием технологий, инфраструктуры и кадров – и «надстройкой» – институтами научного признания, которые продолжают функционировать по логике до-ИИ-эпохи. В терминах неоинституциональной теории это означает высокий риск институционального разрыва: несоответствие между масштабом технологических инвестиций и скоростью адаптации правил игры, определяющих статус, карьерные траектории и распределение ресурсов в науке.

Первой попыткой нормативной реакции на массовое использование ИИ в научной деятельности становится новый ГОСТ, регламентирующий применение ИИ в научных публикациях и вступивший в силу с 01.01.2025 [3]. Его требования концентрируются на процедурной прозрачности: обязательная маркировка использования ИИ, описание способа применения, указание версии и разработчика системы, а также фиксация ответственности за автором. Сравнительный анализ с потенциальными направлениями дальнейшего регулирования показывает, что ГОСТ покрывает лишь слой декларативной отчетности (что и где указать), но не затрагивает сущностные вопросы: как оценивать интеллектуальный вклад в гибридных человеко-машинных конфигурациях, как распределять ответственность и каким образом встраивать этические стандарты и критерии качества в систему аттестации (табл. 1).

Таблица 1. Требования ГОСТа и возможности регулирования

Аспект регулирования	Требование ГОСТа	Перспектива регулирования
Прозрачность	Указать факт использования ИИ	Детализация вклада ИИ на каждом этапе
Оценка вклада	Не регулируется	Критерии оценки интеллектуального вклада при использовании ИИ
Ответственность	Формальная (автор отвечает)	Распределение ответственности в гибридных системах
Верификация	Не регулируется	Механизмы проверки корректности декларирования
Этика	Общие формулировки	Конкретные этические стандарты для разных типов использования ИИ
Критерии качества	Не регулируются	Новые критерии оценки научной квалификации

Если сопоставить действующий ГОСТ с перспективными регулятивными возможностями, обнаруживается системный лакунарный профиль: прозрачность ограничена фиксацией факта использования ИИ, без детализации вклада на этапах исследования; оценка вклада, верификация и критерии качества в принципе не регулируются, этическая составляющая остается на уровне общих формулировок. На международном фоне (MIT 2024: AI contribution statement, Stanford 2024: AI Transparency Score, Tsinghua 2023: AI Ethics Committee) [12, 14, 16] российский нормативный подход соответствует первой стадии нормативной адаптации: признано, что ИИ надо декларировать, но не сформированы инструменты оценки интеллектуального вклада и распределения ответственности. Возникшая нормативная конструкция является необходимым, но явно недостаточным условием институциональной адаптации к гибридному человеко-машинному познанию.

На основе анализа можно спрогнозировать в следующем периоде государственного регулирования усилия, направленные на преодоления рисков институционального разрыва (несоответствие между объемом технологических инвестиций и уровнем развития институтов). Прогнозируем, что регуляторы научной политики в горизонте ближайших 2–3 лет начнут процесс проектирования большой реформы научной аттестации.

В этой перспективе особое значение приобретают символические решения, задающие «верхний этаж» пирамиды научного признания. Присуждение Нобелевской премии по химии 2024 года Дэвиду Бейкеру, Демису Хассабису и Джону Джамперу за создание нейросети AlphaFold2 представляет собой качественно новый прецедент: признание не единичного открытия (структуры ДНК, новой частицы), а мета-инструмента, способного генерировать массивы научных результатов. Традиционная парадигма до 2024 года предполагала, что объектом признания является конкретный результат, а методы и инструменты занимают вспомогательную позицию; post-AlphaFold-парадигма выдвигает на первый план создание инструментов познания, обладающих мультипликативным эффектом и самостоятельной ценностью (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ: традиционные Нобелевские премии vs. AlphaFold

Параметр	Традиционные премии (пример: структура ДНК, 1962)	AlphaFold (2024)	Сдвиг
Объект признания	Конкретное открытие (двойная спираль ДНК)	Инструмент познания (ИИ-система)	Мета-уровень
Количество результатов	1 структура	Миллионы предсказанных структур	Порядковый
Воспроизводимость	Требует повторения эксперимента	Система доступна всем	Демократизация
Время получения	Годы работы	Минуты вычислений	Гипероскорение
Институциональная принадлежность	Академический университет	Корпоративная лаборатория (Google DeepMind)	Размывание границ
Характер вклада	Содержательный (новое знание о природе)	Методологический (новый способ познания)	Парадигмальный сдвиг

Сравнительный анализ традиционных Нобелевских премий и кейса AlphaFold демонстрирует целый «веер» сдвигов: от единичного результата к миллионам предсказанных структур; от длительных циклов исследования к минутам вычислений; от классического академического университета к корпоративной лаборатории (Google DeepMind); от сугубо содержательного вклада к методологическому – новому способу познания. На этом фоне неизбежно возникает вопрос: если доверительная инстанция глобального научного признания признает мета-инструменты как объекты высшей легитимации, не должна ли трансформироваться вся пирамида научной оценки – от международных премий до национальных систем присуждения ученых степеней? Именно этот сдвиг задает один из ключевых аргументов в пользу выделения мета-научного вклада как самостоятельного критерия аттестации в предлагаемой модели. Корпоративный сектор усиливает эту тенденцию, формируя альтернативные (и зачастую более быстрые) лаборатории институционального эксперимента. В 2025 году компания Meta вводит критерий «AI-driven impact» как центральный показатель эффективности сотрудников, где оценивается не просто факт использования ИИ, а способность превращать ИИ-инструменты в ощутимые результаты, повышение эффективности и создание инновационных решений. Если традиционная академическая модель опирается преимущественно на количественные метрики (число публикаций, индекс Хирша, импакт фактор) и долгий временной горизонт, то модель Meta смещает фокус к качеству использования ИИ, сочетанию качественных и количественных индикаторов, учету инновационности, этического измерения (10% оценки) и мультипликативного эффекта (20%) (табл. 3).

Таблица 3. Сравнение критериев оценки: традиционная академическая модель vs. Meta

Аспект	Традиционная академическая модель	Meta: AI-driven impact
Фокус оценки	Объем производства (число публикаций)	Качество использования ИИ для результата
Измеряемые параметры	Количественные (h-index, IF)	Качественные + количественные
Временной горизонт	Долгосрочный (годы накопления публикаций)	Среднесрочный (квартальная/годовая оценка)
Учет качества использования ИИ	Не учитывается	Центральный критерий
Инновационность	Косвенно (через peer review)	Прямая оценка
Этическое измерение	Периферийное	Эксплицитный критерий (10%)
Мультипликативный эффект	Не учитывается	20% оценки

Тем самым возникает альтернативное пространство нормирования исследовательского труда, где критериальным ядром становится именно «качество использования ИИ», а не только объем воспроизводимой продукции. Корпоративный сектор в этом смысле создает прецедент институциональной логики, адекватной эпохе ИИ, и воздействует на академическое поле через конкуренцию за таланты, формирование новых карьерных траекторий и норм эффективности. Параллельно ведущие университеты мира – MIT, Stanford, ETH Zurich, Tsinghua, Cambridge – разворачивают собственные конфигурации адаптации: от декларативных практик (AI contribution statement, AI Transparency Score) через оценочные подходы (градуированная оценка авторства) к институционализации (этические комитеты по ИИ), тогда как российские вузы пока ограничиваются нормативным внедрением ГОСТа (табл. 4).

Таблица 4. Инновации в системах оценки ведущих университетов (2023–2025)

Университет	Страна	Инновация	Год	Масштаб
MIT	США	Pilot: AI contribution statement (декларация вклада ИИ)	2024	Пилот (5 факультетов)
Stanford	США	AI Transparency Score (балл прозрачности использования ИИ)	2024	Обязательно для CS
ETH Zurich	Швейцария	Градуированная оценка авторства	2025	Пилот
Tsinghua University	Китай	AI Ethics Committee для всех диссертаций с ИИ	2023	Обязательно
Cambridge	Великобритания	Обсуждение новых критериев (комитет создан)	2024	Стадия разработки
Российские вузы	Россия	Внедрение ГОСТа по ИИ	2025	Обязательно

Методологически эти практики можно сгруппировать в четыре блока инноваций: декларативный (прозрачность использования ИИ), оценочный (градуированная оценка человеческого/машинного вклада), институциональный (специализированные комитеты) и нормативный (ГОСТ и локальные акты). Российские университеты тем самым оказываются перед пространством выбора: либо ограничиться минимально необходимой нормативной адаптацией, либо двигаться к комплексным моделям, где оценка научной деятельности явно интегрирует фактор ИИ и этико-институциональное измерение. Аналогичные тенденции прослеживаются и в трансформации крупнейших научных премий: от чисто содержательных критериев (новое знание о природе) к смешанным, включающим оценку новых инструментов познания и социального влияния, что подтверждает глобальный характер тренда. Любопытна практика трансформации критериев некоторых значимых научных премий (табл. 5).

Таблица 5. Трансформация критериев крупнейших научных премий

Премия	Традиционные критерии	Новые критерии (2020+)	Признание ИИ-вклада
Нобелевская (химия, 2024)	Конкретные открытия	Создание инструментов познания	Да (AlphaFold)
Breakthrough Prize	Фундаментальные открытия	Сохраняются	Частично
Научная премия Сбера (РФ)	Достижения в ИИ и цифровых технологиях	Сохраняются	Да
ACM A.M. Turing Award	Вклад в computer science	+ Социальное влияние	Косвенно
Fields Medal (математика)	Математические открытия	Сохраняются	Нет

Движение от чисто содержательных критериев (новое знание о природе) к смешанным критериям (новое знание + новые инструменты познания + социальное влияние). На основе анализа более полусотни кейсов (университеты, корпорации, фонды) можно зафиксировать глобальный тренд.

В этой конфигурации новых норм и практик возникает потребность в системной, операционализируемой модели критериев аттестации, соотносимой с режимом гибридного человеко-машинного познания. Предлагаемая пятифакторная модель формируется на пересечении международного опыта, философско-методологических оснований внедрения ИИ в науку и институционального анализа и разработана

в результате трехступенчатого процесса агрегации данных: 1) теоретического выделения категорий на основе неоинституциональной теории; 2) индуктивного уточнения факторов на материале тематического анализа 112 экспертных интервью (СМУ-СНО-Конгресс, 2022–2024); 3) рангового экспертного оценивания (n = 145, коэффициент согласия Кендалла τ = 0,71). Это обеспечивает одновременно теоретическую и эмпирическую валидность модели и позволяет рассматривать ее как мета-рамку для реформы критериев научной аттестации в России.

В центр модели помещается пять факторов: (Ф1) концептуальный вклад и проблематизация, (Ф2) качество использования ИИ, (Ф3) мета-научный вклад, (Ф4) научная этика и ответственность, (Ф5) интегративные и коммуникативные компетенции, каждый из которых снабжен набором измеримых индикаторов и весовыми коэффициентами. Принципы построения модели включают комплексность (охват всех существенных измерений научного вклада), операциональность (каждый фактор имеет набор индикаторов и процедур оценки), адаптивность (возможность корректировки весов под дисциплинарную специфику), прозрачность (эксплицитность критериев и процедур) и этичность (интеграция этических аспектов использования ИИ). Логико-структурная схема фиксирует функциональное распределение: Ф1 задает направление исследования, Ф2 определяет качество методологического инструментария (включая ИИ), Ф3 усиливает системные эффекты, Ф4 ограничивает риски, Ф5 обеспечивает интеграцию результатов в междисциплинарное и социальное пространство.

Рассмотрим каждый фактор детально.

Фактор 1 – концептуальный вклад и проблематизация – описывает способность исследователя формулировать нетривиальные научные проблемы, концептуализировать предметную область и задавать перспективные направления исследования; это измерение принципиально укоренено в человеческом опыте и не может быть полностью делегировано ИИ. Индикаторы Ф1 (новизна проблематизации, междисциплинарность, концептуальная глубина, перспективность, вклад в теорию) оцениваются через экспертную оценку, анализ цитирований и прогнозные процедуры, что позволяет фиксировать не только текущий статус, но и потенциальный вклад в развитие теоретических оснований области. В STEM-областях относительный вес Ф1 может быть ниже, однако именно он обеспечивает устойчивость и направленность исследовательской траектории, не сводимой к эксплуатационной оптимизации ИИ-инструментов (табл. 6).

Таблица 6. Индикаторы фактора «Концептуальный вклад»

Индикатор	Описание	Метод оценки
Новизна проблематизации	Степень нетривиальности поставленной проблемы	Экспертная оценка
Междисциплинарность	Интеграция знаний из различных областей	Анализ цитирований, экспертиза
Концептуальная глубина	Теоретическая проработанность	Экспертная оценка
Перспективность	Потенциал открытия новых направлений	Экспертный прогноз
Вклад в теорию	Развитие теоретических оснований области	Анализ цитирований теоретических положений

Фактор 2 – качество использования ИИ-инструментов – выводит ИИ из статуса «черного ящика» или «магического ускорителя» в пространство методологически ответственного применения. Здесь ключевыми становятся адекватность выбора инструментов (соответствие ИИ-средств исследовательской задаче), инновационность применения, критическая оценка результатов, прозрачность использования и воспроизводимость (наличие кода, данных, инструкций). Таким образом, оценивается не просто факт присутствия ИИ в исследовании, а уровень методологической зрелости исследователя в работе с ИИ, что особенно важно в условиях риска автоматизированного производства псевдонаучного контента (табл. 7).

Фактор 3 – мета-научный вклад – институционализирует тот самый сдвиг, который проявился в кейсе AlphaFold: создание инструментов, методологий, алгоритмов и инфраструктур, способных генерировать массивы нового знания или радикально повышать эффективность исследований. Индикаторы Ф3 включают разработку ИИ-систем и методологий, мультипликативный эффект (число пользователей), повышение эффективности (ускорение/удешевление исследований), открытость (open source, документация) и устойчивость (долгосрочная применимость). Тем самым мета-научный вклад выводится из «невидимого фона» на уровень явного критерия аттестации, что соответствует логике post-AlphaFold-парадигмы (табл. 8).

Таблица 7. Индикаторы фактора «Качество использования ИИ»

Индикатор	Описание	Метод оценки
Адекватность выбора инструментов	Соответствие ИИ-инструментов задаче	Экспертная оценка методологии
Инновационность применения	Креативность использования ИИ	Анализ новизны подхода
Критическая оценка результатов	Способность верифицировать ИИ-результаты	Анализ процедур валидации
Прозрачность	Детализация использования ИИ	Полнота описание ИИ процедур
Воспроизводимость	Возможность репликации с ИИ	Наличие кода, данных, инструкций

Таблица 8. Индикаторы фактора 3: Мета-научный вклад

Индикатор	Описание	Метод оценки
Создание инструментов	Разработка ИИ-систем, алгоритмов, методологий	Оценка функциональности и новизны
Мультипликативный эффект	Число исследователей, использующих созданный инструмент	Метрики использования
Повышение эффективности	Ускорение/удешевление исследований	Сравнительный анализ
Открытость	Доступность инструмента для научного сообщества	Открытый код, документация
Устойчивость	Долгосрочная применимость инструмента	Прогнозная экспертиза

Фактор 4 – этическая рефлексия и ответственность – фиксирует, что массовое применение ИИ в науке неизбежно продуцирует этические риски: предвзятость моделей, непрозрачность процедур, угрозы конфиденциальности и манипулятивные практики. Индикаторы Ф4 (идентификация рисков, меры митигации, прозрачность процесса, социальная ответственность, соблюдение этических стандартов) ориентированы на проверяемость: анализ этического раздела работы, оценка предпринятых мер, наличие процедурной прозрачности, работа этических комитетов. Тем самым этическая компетентность перестает быть факультативным дополнением и становится необходимым условием ответственной науки в эпоху ИИ (табл. 9).

Таблица 9. Индикаторы фактора 4: Этическая рефлексия

Индикатор	Описание	Метод оценки
Идентификация рисков	Выявление этических рисков применения ИИ	Анализ этического раздела работы
Меры митигации	Конкретные действия по снижению рисков	Оценка предпринятых мер
Прозрачность процесса	Открытость процесса использования ИИ	Программная оценка
Социальная ответственность	Учет социальных последствий	Анализ обсуждения импликаций
Соблюдение этических стандартов	Следование установленным нормам	Проверка этического комитета

Таблица 10. Индикаторы фактора 5: Интегративные компетенции

Индикатор	Описание	Метод оценки
Междисциплинарность	Интеграция методов из разных дисциплин	Анализ методологии
Научная коммуникация	Публикации для разных аудиторий	Разнообразие публикаций
Коллаборация	Работа в междисциплинарных командах	Анализ соавторств
Трансляция знания	Популяризация, обучение	Лекции, курсы, блоги
Международная интеграция	Участие в международных проектах	Анализ коллабораций

Фактор 5 – интегративные и коммуникативные компетенции – отражает требования междисциплинарной, сетевой и социально подотчетной науки. Сюда входят междисциплинарность (интеграция методов), научная коммуникация (работа с разными аудиториями), коллаборация (участие в междисциплинарных командах), трансляция знания (образовательные и популяризаторские практики) и международная интеграция (участие в глобальных проектах). В совокупности Ф5 фиксирует способность исследователя встраивать результаты ИИ-ассистированных исследований в более широкие научные и социальные контексты, превращая индивидуальный вклад в элемент коллективного научного действия (табл. 10).

Интегральная оценка научной квалификации задается формулой:

где Фi – нормированные (0–100) баллы по каждому фактору. Веса определены по результатам рангового экспертного оценивания (N = 145, т Кендалла = 0,71), что свидетельствует о высокой согласованности суждений экспертов и придает модели дополнительную легитимность. Таблица соответствия интегральной оценки и уровня квалификации (от «выдающегося» уровня 85–100 баллов, рекомендующего докторскую степень и профессорскую позицию, до уровней, при которых присуждение степени не рекомендуется) превращает модель из абстрактной концепции в инструмент практической селекции и аттестации

При этом модель остается дисциплинарно адаптивной: в фундаментальных науках оправдано повышение веса Ф1 до 35–40%; в прикладных науках и инженерии – усиление Ф3 до 30%; в социально чувствительных областях – увеличение роли Ф4 до 20–25%. Такая гибкость позволяет избегать унифицирующей «одной мерки для всех» и одновременно удерживать общую рамку, в которой гибридное человеко-машинное познание оценивается не только по объему публикаций, но и по качеству концептуализации, использованию ИИ, мета-научному вкладу, этической ответственности и интегративным компетенциям.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2024 № 124).
2. Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. Institutional Change and Institutional Persistence // NBER Working Paper. 2020. № 27852. 45 p.
3. ГОСТ Р 71657–2024. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения. – М.: Стандартинформ, 2024.
4. GigaChat. Большая языковая модель Сбера для обработки естественного языка. Версия 2025. – URL: https://gigachat.ai (дата обращения: 10.01.2026).
5. Clark B.R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Oxford: IAU Press / Pergamon, 1998. 280 p.
6. Capoccia G., Kelemen R.D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // World Politics. 2007. Vol. 59, № 3. P. 341–369.
7. Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. New York: Routledge, 2008. 166 p.
8. Martin B.R. The Origins, History and Character of Knowledge Assessment // Technology Analysis & Strategic Management. 1995. Vol. 7, № 2. P. 163–172.
9. Perplexity AI. Система искусственного интеллекта для поиска и анализа информации. Версия 2025. – URL: https://www.perplexity.ai (дата обращения: 10.01.2026).
10. Фирсов А.Н. Трансформация человеческой субъектности в эпоху ИИ: от когнитивного долга к синергетической эмерджентности // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 209–225.
11. Gates B. The Age of AI Has Begun [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gatesnotes.com/The-Age-of-AI-Has-Begun (дата обращения: 10.01.2026).
12. Nature Portfolio. Nature Index 2024 Research Leaders. – URL: https://www.nature.com/nature-index/annual-tables/2024 (дата обращения: 10.01.2026).
13. Росконгресс. Искусственный интеллект: достижения 2024 года, планы на 2025 год: аналитический доклад. М.: Росконгресс, 2025. 32 с. – URL: https://roscongress.org/materials/iskusstvennyy-intellekt-dostizheniya-2024-goda-plany-na-2025-god/ (дата обращения: 10.01.2026).
14. Stanford CRFM. Foundation Model Transparency Index (FMTI) 2024. Stanford: Stanford HAI, 2024. – URL: https://crfm.stanford.edu/fmti/May-2024/index.html (дата обращения: 10.01.2026).
15. Meadows D.H. Thinking in Systems: A Primer. White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2008. 240 p.
16. Tsinghua University. AI Ethics Committee Guidelines for Dissertations and Research. Beijing: Tsinghua University Press, 2023. 28 p.
17. UNESCO. UNESCO Science Report: The Race against Time for Smarter Development. Paris: UNESCO, 2021. 704 p. – URL: https://en.unesco.org/themes/science-report-2021 (дата обращения: 10.01.2026).

PARADIGMATIC SHIFT IN SCIENTIFIC RECOGNITION CRITERIA AND SCENARIO FORECAST FOR RUSSIA

Ilin A.S.
Creative industries research center

The article analyzes the transformation of Russia's scientific attestation system amid substantial state investments in artificial intelligence development and the rapid proliferation of AI tools in research and educational practices. Drawing on neoinstitutional theory, foresight methodology, system dynamics modeling, and comparative institutional analysis, it examines international cases (Nobel Prize for AlphaFold2, corporate «AI-driven impact» criterion, innovations in evaluation systems of leading universities) alongside Russia's regulatory framework (AI development strategy, GOST standards for AI use in scientific publications). A five-factor model of scientific attestation criteria is proposed for the era of hybrid human-machine cognition, encompassing conceptual contribution, AI utilization quality, meta-scientific contribution, ethical reflection, and integrative-communicative competencies, along with an integral scientific qualification assessment formula. System dynamics scenario modeling compares inertial and transformational trajectories of Russian science's institutional evolution through 2030, revealing differences in evaluation institution quality, investment efficiency, international recognition, and talent retention. The findings substantiate a window of minimal institutional reform costs in the mid-2020s and provide practical policy recommendations for science and education governance

Keywords: artificial intelligence in science; AI-assisted research; human-machine cognition; scientific attestation; scientific recognition criteria; scientific qualification assessment model; scientific qualification evaluation; AI utilization quality; meta-scientific contribution; institutional inertia; scenario modeling; attestation reform; institutional evolution; research policy; AI ethics; talent retention.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 № 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation» (as amended on February 15, 2024 № 124).
2. Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. Institutional Change and Institutional Persistence // NBER Working Paper. 2020. № 27852. 45 p.
3. GOST R 71657–2024. Artificial Intelligence Technologies in Education. Functional Subsystem for Creating Scientific Publications. General Provisions. – M.: Standartinform, 2024.
4. GigaChat. Large Language Model by Sber for Natural Language Processing. Version 2025. – URL: https://gigachat.ai (accessed: January 10, 2026).
5. Clark B.R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Oxford: IAU Press / Pergamon, 1998. 280 p.
6. Capoccia G., Kelemen R.D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // World Politics. 2007. Vol. 59, № 3. P. 341–369.
7. Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. New York: Routledge, 2008. 166 p.
8. Martin B.R. The Origins, History and Character of Knowledge Assessment // Technology Analysis & Strategic Management. 1995. Vol. 7, № 2. P. 163–172.
9. Perplexity AI. Artificial Intelligence System for Search and Information Analysis. Version 2025. – URL: https://www.perplexity.ai (accessed: January 10, 2026).
10. Firsov A.N. Transformation of Human Subjectivity in the AI Era: From Cognitive Debt to Synergetic Emergence // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. № 9. P. 209–225.
11. Gates B. The Age of AI Has Begun [Electronic resource]. – URL: https://www.gatesnotes.com/The-Age-of-AI-Has-Begun (accessed: January 10, 2026).
12. Nature Portfolio. Nature Index 2024 Research Leaders. – URL: https://www.nature.com/nature-index/annual-tables/2024 (accessed: January 10, 2026).
13. Roscongress. Artificial Intelligence: 2024 Achievements and 2025 Plans: Analytical Report. M.: Roscongress, 2025. 32 p. – URL: https://roscongress.org/materials/iskusstvennyy-intellekt-dostizheniya-2024-goda-plany-na-2025-god/ (accessed: January 10, 2026).
14. Stanford CRFM. Foundation Model Transparency Index (FMTI) 2024. Stanford: Stanford HAI, 2024. – URL: https://crfm.stanford.edu/fmti/May-2024/index.html (accessed: January 10, 2026).
15. Meadows D.H. Thinking in Systems: A Primer. White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2008. 240 p.
16. Tsinghua University. AI Ethics Committee Guidelines for Dissertations and Research. Beijing: Tsinghua University Press, 2023. 28 p.
17. UNESCO. UNESCO Science Report: The Race against Time for Smarter Development. Paris: UNESCO, 2021. 704 p. – URL: https://en.unesco.org/themes/science-report-2021 (accessed: January 10, 2026).

Генеративные модели искусственного интеллекта в политической коммуникации: практики, эффекты и классификация рисков

Калинин Даниил Михайлович,
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: dmkalini@mail.ru

Статья посвящена анализу генеративных моделей искусственного интеллекта как нового инструмента политической коммуникации. Рассматриваются теоретические основания генеративной парадигмы, кейсы электорального и медиаполитического применения, а также конструктивные, смежные и деструктивные сценарии использования синтетического контента. На материале американских и российских примеров показано, что генеративные модели одновременно удешевляют производство политического сообщения, расширяют возможности персонализации и визуализации, но также повышают риски манипуляции, имитации общественного мнения и эрозии доверия к публичной сфере. В качестве научного результата предлагается классификация практик применения генеративных моделей в политической коммуникации и уточняется отличие генеративного ИИ от традиционных ИИ-систем в политико-технологическом контексте.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, политическая коммуникация, deepfake, синтетический контент, электоральные кампании, цифровая мобилизация, политические технологии, классификация рисков.

Актуальность исследования определяется тем, что генеративные модели искусственного интеллекта в кратчайшие сроки превратились из специализированного технологического инструмента в самостоятельный фактор политической коммуникации, способный воздействовать на производство, тиражирование и интерпретацию политически значимого контента [19]. Их применение уже не ограничивается технической сферой: генеративные текстовые, аудио-, видео- и визуальные модели используются в электоральных кампаниях, информационном сопровождении политических акторов, цифровой мобилизации, символическом конструировании политической повестки и одновременно – в создании манипулятивных материалов, включая deepfake-контент.

Степень разработанности темы носит междисциплинарный характер. Технологические основания современной генеративной парадигмы восходят к классическим работам Джона Маккарти [6] и Иэна Гудфеллоу [5]. Практические последствия распространения генеративных моделей для электоральных процессов и цифровой среды подробно раскрываются в исследованиях Хани Фарида [4; 5]. Логика риск-ориентированного анализа применительно к новым цифровым технологиям соотносится с подходом Дж. Блэк и Р. Болдуина [2].

Цель исследования состоит в выявлении политико-коммуникационных эффектов интеграции генеративных моделей в современную политическую среду и в систематизации основных форм их применения. Методологическую основу составили сравнительно-политический анализ, кейс-стади, контент-анализ публичных материалов и метод аналитической типологизации, позволивший разграничить позитивные, смежные и деструктивные практики.

Политико-коммуникационные кейсы

Современная политическая действительность изменилась настолько сильно, что инструменты воздействия на неё создаются быстрее, чем общество и институты успевают их осваивать. Показательным примером стало включение генеративных моделей в электоральную коммуникацию в США [10]. Республиканская партия США [15] разместила на YouTube видеоролик Beat Biden [1], обозначив его как созданный с использованием AI; в комментариях представителей партии этот эпизод подавался как первая крупная попытка подобного использования [16]. Политически значим здесь не только сам ролик, но и факт удешевления и ускорения производства контента: синтетическое видео сокращает потребность в актёрах, аренде, массовке и техническом постпродакшене, а значит – снижает барьеры входа в медиаполитическое соревнование [18].

Российская практика демонстрирует близкую тенденцию. На нижегородских губернаторских выборах кандидат И. Померанцев строил заметную часть своей кампании на генеративных инструментах, используя текстовые модели для регулярных публикаций и визуальные сервисы для оформления образа кампании [9]. Для политической коммуникации это означает переход от единичных экспериментальных эпизодов к системной автоматизации части агитационного производства.

Однако ускорение и удешевление производства политического сообщения не тождественно исключительно негативному эффекту. Относительно «белое» использование генеративных моделей связано с автоматизацией отдельных процессов: созданием роликов, текстов, иллюстраций, цифровых аватаров и вспомогательных аналитических материалов без подмены фактов и без имитации действий реального субъекта. Деструктивный вариант той же технологической логики проявляется в deepfake-контенте, когда синтетическая имитация используется для фальсификации высказываний, образов и событий.

Риск deepfake особенно велик в условиях высокой политической турбулентности. Исследования Х. Фарида, посвящённые выборам в США, показывают, что генеративные технологии создают качественно новый масштаб угрозы для доверия к публичной коммуникации [4]. Показателен и кейс фейковой новости о «взрыве у Пентагона», быстро распространившейся в сетевой среде и продемонстрировавшей, насколько синтетический визуальный контент способен воздействовать на восприятие политической реальности [8]. Тем самым deepfake следует рассматривать не как частный медиасбой, а как инструмент под-

рыва легитимности, дезориентации аудитории и навязывания ложной повестки [4].

Вместе с тем генеративные модели используются и в конструктивных, мобилизационных или символических форматах. В российском контексте это видно на примерах аудиоконтента: патриотический альбом «Горгород навсегда» [7], песня «Смоленские звёзды» [12], а также более ранние коммерческие проекты с «нейромелодией», реализованные совместно с Platforma [13] и T2 [14] и описанные в отраслевых медиа [11]. Платформа SUNO [3] и сходные сервисы сделали производство подобного материала массовым и дешёвым, а следовательно, политические акторы получили новый инструмент эмоционального вовлечения аудитории.

Именно эта двойственность – между расширением творческих и организационных возможностей и ростом манипулятивного потенциала – требует не моральных оценок ad hoc, а аналитической типологии. Для политической науки важно не просто фиксировать наличие генеративных моделей, а различать, когда они поддерживают коммуникацию и принятие решений, когда находятся в смежной зоне, а когда превращаются в средство искажения политического процесса.

Классификация практик и пределы генеративной автоматизации

На основе рассмотренных кейсов и логики политико-коммуникационного применения генеративных систем можно выделить три группы практик: позитивные, смежные и деструктивные. К позитивным относятся инструменты, повышающие доступность аналитики, упрощающие коммуникацию с гражданами и расширяющие возможности наглядного представления данных. Смежная группа включает модели, потенциал которых зависит от контекста использования и институциональных ограничителей. Деструктивная группа охватывает фабрикацию фактов, имитацию субъектов, создание ложных социальных настроений и иные формы подрыва доверия (табл. 1).

Таблица 1. Виды практик политических генеративных моделей

Генеративная текстовая модель (ГТМ)	Генеративная видео модель (ГВМ)	Генеративная аудио модель (ГАМ)	Модель, генерирующая изображения (МГИ)
«Auto Conclusion» Создание независимых аналитических заключений на основе непредвзятой выборке данных	«SpeechSynth» Создание авторских роликов для продвижения повестки без задействования акторов не участвующих в разработке ролика или использования недостоверных фактов	«VocalReplica» Создание песен с перепевом известных мотивов для поддержания чувства солидарности у граждан	«New Moments» Создание авторских изображений для продвижения повестки без задействования акторов не участвующих в создании изображения или использования недостоверных фактов
«AI behavior» Подражание манере повествования	«deepfake» Использования недостоверных фактов на видео	«NewSong» Создание авторского контента для продвижения своей повестки без использования негативных интенций в отношении других акторов политического взаимодействия	«deepfake» Использования недостоверных фактов на фото
«AI avatar» Создание цифрового аватара[1] может как показать потенциальную позицию давно ушедшего политика, так и стать тренажером для риторики (дебатов)	«AI transformer» Модель осуществляющая взаимодействие с гражданами от лица генеративной текстовой модели в видео формате	«AIPropogandist» Создание аудио рядов с агрессивно настроенными тонами, нацеленными на подрыв авторитета субъекта, упоминающегося в аудиоряде	«VisualPolicy» Создание инфографики для упрощения понимания информации
«Fake human» Создание адаптивных социальных ботов для создания ложных настроений в социальных сетях (АСБ)	-	-	«PolicySim» Визуализация последствий решения исходя из данных предоставленных текстовой генеративной моделью
«Fake Conclusion» Создание предвзятых аналитических заключений на основе очищенной выборки данных	-	-	-
«PolicyGen» Анализ аудитории и написание речей для получения максимального фидбека, помощь спичрайтерам	-	-	-
«DialogueBot» Модель для взаимодействия с гражданами и максимального реагирования в чат формате	–	–	–
«BilDraft» Модель для автоматического анализа и редактирования законодательных инициатив	–	–	–
«FactFrame» Проверка информации на достоверность в частности в политических компаниях	–	–	–
«FutureView» Система для политических прогнозов на основе непредвзятой выборки.	–	–	–
«FutureView» Система для политических прогнозов на сфабрикованной выборки	–	–	–

Представленная типология показывает, что генеративные модели нельзя описывать как однородное явление. Одна и та же технологическая логика может обслуживать как общественно полезные, так и деструктивные сценарии. Следовательно, предметом анализа должен выступать не только тип модели, но и политический контекст, намерение субъекта, характер создаваемого контента и последствия его распространения.

Для уточнения места генеративных моделей в политических технологиях важно сопоставить их с традиционными ИИ-системами. В отличие от классических систем, ориентированных на распознавание, прогнозирование и принятие решений по заранее заданным правилам, генеративные модели производят новый контент – тексты, изображения, аудио, видео и код – и потому становятся не только инструментом анализа, но и инструментом символического производства [17] (табл. 2).

Таблица 2. Сводная сравнительная таблица ИИ

Категории	Традиционный ИИ	Генеративный ИИ
Основные характеристики	Специфические задачи	Возможность создания новых данных
Основные характеристики	Изучает данные и принимает решения или делает прогнозы	Использование исходных данных для создания нового, оригинального контента
Основные характеристики	Работает в рамках заранее определенного набора правил	Может генерировать текст, изображения, музыку и код

Окончание

Категории	Традиционный ИИ	Генеративный ИИ
Метод обучения	Контролируемое обучение	Неконтролируемое обучение
Метод обучения	Требуется помечать данные для обучения	Не требует маркированных данных для обучения
Ограничения	Ограниченность конкретными задачами	Требуются большие объемы данных для обучения
Ограничения	Невозможность создания нового, оригинального контента	Сгенерированный контент может быть недостаточно последовательным и точным
Ограничения	Для обучения может потребоваться большой объем помеченных данных	Сложно контролировать специфику генерируемого контента
Примеры	ИИ, играющий в шахматы	OpenAI's GPT-5
Примеры	Фильтры спама в электронной почте	ИИ для передачи стиля DeepArt
Примеры	Голосовые помощники (Алиса, Siri, Alexa)	Создание контента (рассказы, искусство, музыка)
Примеры	Рекомендательные системы (Netflix, Amazon)	Создание фейков и дипфейков
Примеры	Поисковые алгоритмы (Google)	Индивидуальные ответы ИИ

Сопоставление традиционного и генеративного ИИ имеет прямое политическое значение. Традиционные системы чаще используются как инфраструктура управления и анализа данных, тогда как генеративные модели встраиваются непосредственно в коммуникацию, политическое воображение и медиасреду. Они способны не просто поддерживать принятие решений, но и формировать саму среду восприятия этих решений.

Заключение

Генеративные модели уже стали мощным инструментом политической коммуникации как для политиков, так и для политтехнологов. Снижение порога входа в эту сферу расширяет арсенал политического действия, но одновременно увеличивает вероятность имитации, манипуляции и искусственного производства доверия или недоверия. Поэтому принципиально важно не только фиксировать распространение генеративных моделей, но и различать позитивные, смежные и деструктивные практики их применения. Предложенная классификация позволяет рассматривать генеративный ИИ как предмет системного политологического анализа и может использоваться как основание для дальнейшей разработки нормативных и надзорных механизмов.

Литература

1. Beat Biden // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kLMMxgtxQ1Y (дата обращения: 10.11.2025).

2. Black J., Baldwin R. Really Responsive Risk-Based Regulation // Law & Policy. 2010. Vol. 32, № 2. P. 181–213. URL: https://doi.org/10.1111/j.1467–9930.2010.00318.x (дата обращения: 14.03.2026).

3. Create SUNO // SUNO. URL: https://suno.com/create (дата обращения: 10.11.2025).

4. Farid H. This Month in Generative AI: Election Season [Электронный ресурс] // Content Authenticity Initiative. 2024. February. URL: https://www.ischool.berkeley.edu/news/2024/hany-farid-writes-about-election-deepfakes-content-authenticity-initiative (дата обращения: 14.03.2026).

5. Goodfellow I. J., Pouget-Abadie J., Mirza M., Xu B., Warde-Farley D., Ozair S., Courville A., Bengio Y. Generative Adversarial Nets // Advances in Neural Information Processing Systems 27 / ed. by Z. Ghahramani, M. Welling, C. Cortes, N.D. Lawrence, K.Q. Weinberger. Red Hook, NY: Curran Associates, Inc., 2014. P. 2672–2680. URL: https://papers.nips.cc/paper/5423-generative-adversarial-nets (дата обращения: 14.03.2026).

6. McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27, № 4. P. 12–14. URL: https://doi.org/10.1609/aimag.v27i4.1904 (дата обращения: 14.03.2026).

7. Norimyxxxo «Горгород навсегда» // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bRxPcuMzxHU (дата обращения: 10.11.2025).

8. В Twitter распространился дипфейк со взрывом у Пентагона // Forklog. URL: https://forklog.com/news/ai/v-twitter-rasprostranilsya-dipfejk-so-vzryvom-u-pentagona (дата обращения: 10.11.2025).

9. Два депутата, пенсионер и «айтишник»: кто и зачем вписан в сценарий губернаторских выборов-2023 // Говорит независимое информационное агентство «Нижний». URL: https://govoritnn.ru/dva-deputata-pensioner-itishnik-kto-i-zachem-vpisan-v-scenarii-gubernatorskih-vyborov-2023/ (дата обращения: 10.11.2025).

10. Дональд Трамп победил на выборах президента США // BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/articles/cn8gz8pn989o (дата обращения: 10.11.2025).

11. Нейросеть написала музыку по фотографиям и геоданным российских городов // Sostav. URL: https://www.sostav.ru/publication/platforma-54468.html (дата обращения: 10.11.2025).

12. Нейросеть написала песню про Смоленск // Readovka67. URL: https://readovka67.ru/news/199787 (дата обращения: 10.11.2025).

13. О компании Platforma // Platforma. URL: https://platforma.id/about (дата обращения: 10.11.2025).

14. О компании Tele2 (T2 после ребрендинга) // T2. URL: https://msk.t2.ru/?pageParams=askForRegion%3Dtrue (дата обращения: 10.11.2025).

15. Открытый ресурс НКРП США // Национальный комитет республиканской партии США. URL: https://www.gop.com/ (дата обращения: 10.11.2025).

16. Первый взгляд: RNC критикует Байдена в рекламе, созданной искусственным интеллектом // AXIOS. URL: https://www.axios.com/2023/04/25/rnc-slams-biden-re-election-bid-ai-generated-ad (дата обращения: 10.11.2025).

17. Понятный гайд по ИИ: сравниваем традиционный и генеративный искусственный интеллект // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/itglobalcom/articles/752150/ (дата обращения: 10.11.2025).

18. Туманян Г. Парламентские партии и нейросети: конец эпохи ручного креатива? // Актуальные комментарии. 28.04.2023. URL: https://actualcomment.ru/parlamentskie-partii-i-neyroseti-konets-epokhi-ruchnogo-kreativa-2304281054.html (дата обращения: 10.11.2025).

19. Федулова А. В., Щегунов Н.А. Нейросети в современной политике // Симбирский научный Вестник. 2023. № 2 (48). С. 117–120.

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODELS IN POLITICAL COMMUNICATION: PRACTICES, EFFECTS, AND RISK CLASSIFICATION

Kalinin D.M.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article analyzes generative artificial intelligence models as a new instrument of political communication. It examines the theoretical foundations of the generative paradigm, cases of electoral and media-political application, as well as constructive, adjacent, and destructive scenarios for the use of synthetic content. Drawing on American and Russian examples, the study shows that generative models simultaneously reduce the cost of producing political messages and expand the possibilities for personalization and visualization, while also increasing the risks of manipulation, imitation of public opinion, and erosion of trust in the public sphere. As a scholarly contribution, the article proposes a classification of practices for applying generative models in political communication and clarifies the distinction between generative AI and traditional AI systems in the political-technological context.

Keywords: generative artificial intelligence, political communication, deepfake, synthetic content, electoral campaigns, digital mobilization, political technologies, risk classification.

References

1. Beat Biden. YouTube. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=kLMMxgtxQ1Y (accessed: 10.11.2025).

2. Black, J., Baldwin, R. Really Responsive Risk-Based Regulation. Law & Policy, 2010, vol. 32, № 2, pp. 181–213. Available at: https://doi.org/10.1111/j.1467–9930.2010.00318.x (accessed: 14.03.2026).

3. Create SUNO. SUNO. Available at: https://suno.com/create (accessed: 10.11.2025).

4. Farid, H. This Month in Generative AI: Election Season [Electronic resource]. Content Authenticity Initiative, 2024, February. Available at: https://www.ischool.berkeley.edu/news/2024/hany-farid-writes-about-election-deepfakes-content-authenticity-initiative (accessed: 14.03.2026).

5. Goodfellow, I. J., Pouget-Abadie, J., Mirza, M., Xu, B., Warde-Farley, D., Ozair, S., Courville, A., Bengio, Y. Generative Adversarial Nets. In: Ghahramani, Z., Welling, M., Cortes, C., Lawrence, N. D., Weinberger, K. Q. (eds.). Advances in Neural Information

Processing Systems 27. Red Hook, NY, Curran Associates, Inc., 2014, pp. 2672–2680. Available at: https://papers.nips.cc/paper/5423-generative-adversarial-nets (accessed: 14.03.2026).

6. McCarthy, J., Minsky, M. L., Rochester, N., Shannon, C. E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. AI Magazine, 2006, vol. 27, № 4, pp. 12–14. Available at: https://doi.org/10.1609/aimag.v27i4.1904 (accessed: 14.03.2026).

7. Norimyxxxo «Gorgorod Forever». YouTube. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=bRxPcuMzxHU (accessed: 10.11.2025).

8. A Deepfake of an Explosion near the Pentagon Spread on Twitter. Forklog. Available at: https://forklog.com/news/ai/v-twitter-rasprostranilsya-dipfejk-so-vzryvom-u-pentagona (accessed: 10.11.2025).

9. Two Deputies, a Pensioner, and an «IT Specialist»: Who Was Included in the Scenario of the 2023 Gubernatorial Elections and Why. Govorit Independent News Agency «Nizhny». Available at: https://govoritnn.ru/dva-deputata-pensioner-itishnik-kto-i-zachem-vpisan-v-scenarii-gubernatorskih-vyborov-2023/ (accessed: 10.11.2025).

10. Donald Trump Won the U.S. Presidential Election. BBC News. Available at: https://www.bbc.com/russian/articles/cn8gz8pn989o (accessed: 10.11.2025).

11. A Neural Network Wrote Music Based on Photographs and Geodata of Russian Cities. Sostav. Available at: https://www.sostav.ru/publication/platforma-54468.html (accessed: 10.11.2025).

12. A Neural Network Wrote a Song about Smolensk. Readovka67. Available at: https://readovka67.ru/news/199787 (accessed: 10.11.2025).

13. About Platforma. Platforma. Available at: https://platforma.id/about (accessed: 10.11.2025).

14. About Tele2 (T2 after Rebranding). T2. Available at: https://msk.t2.ru/?pageParams=askForRegion%3Dtrue (accessed: 10.11.2025).

15. Open Resource of the U.S. Republican National Committee. Republican National Committee. Available at: https://www.gop.com/ (accessed: 10.11.2025).

16. First Look: RNC Criticizes Biden in an AI-Generated Advertisement. AXIOS. Available at: https://www.axios.com/2023/04/25/rnc-slams-biden-re-election-bid-ai-generated-ad (accessed: 10.11.2025).

17. A Clear Guide to AI: Comparing Traditional and Generative Artificial Intelligence. Habr. Available at: https://habr.com/ru/companies/itglobalcom/articles/752150/ (accessed: 10.11.2025).

18. Tumanyan, G. Parliamentary Parties and Neural Networks: The End of the Era of Manual Creativity? Aktualnye Kommentarii, 28.04.2023. Available at: https://actualcomment.ru/parlamentskie-partii-i-neyroseti-konets-epokhi-ruchnogo-kreativa-2304281054.html (accessed: 10.11.2025).

19. Fedulova, A. V., Shchegunov, N.A. Neural Networks in Contemporary Politics. Simbirsk Scientific Bulletin, 2023, № 2 (48), pp. 117–120.

Формирование экологического движения России: идеологические трансформации и гражданские стратегии

Каратуева Елена Николаевна,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
E-mail: e_karatueva@mail.ru

Статья посвящена оценке возможностей формирования общенационального экологического движения в России. На основе исторического, институционального и ивент-анализа прослежена эволюция российского энвайронментализма от советского периода до наших дней, исследована идеологическая трансформация зелёных партий и выявлена специфика экологических протестов 2005–2025 гг. Проанализированы 127 публикаций, освещающих 88 экопротестов. Установлено, что полная остановка проекта достигнута в 40% случаев, модификация – в 35%; наибольшую результативность обеспечивало сочетание юридических инструментов с массовой мобилизацией. Показано, что зелёные партии интегрированы в политический консенсус и не представляют альтернативного проекта, тогда как реальным двигателем экологической повестки выступают низовые гражданские инициативы, координирующиеся через цифровые платформы. Движение остаётся фрагментарным; наиболее перспективной признана модель гибких сетевых коалиций.

Ключевые слова: энвайронментализм, экологическое движение, экологические риски, экологическое сознание, зеленые партии, экологические протесты.

Введение

Осознание климатических угроз – экономических и социальных – побудило государства, международные институты и общественность интегрировать природоохранные нормы в правовое поле и целенаправленно выстраивать экологическую политику. Деградация природной среды в XX–XXI веках стимулировала рост экологического сознания в развитых странах, что нашло отражение в научных публикациях, общественном дискурсе и деятельности природоохранных организаций. Широкая поддержка этих идей определялась признанием того, что ухудшение среды обитания вызвано прежде всего чрезмерной эксплуатацией ресурсов.

Вместе с тем систематических исследований российского энвайронментализма по-прежнему недостаточно, хотя экологические протесты в стране получают значительный резонанс, а экоорганизации действуют активно. Основная часть публикаций о российском экодвижении датирована периодом до 2020 года. Данный пробел определяет цель статьи – оценить возможности формирования общенационального экологического движения в России. Для её достижения решаются следующие задачи: 1) проследить эволюцию российского энвайронментализма от советского периода до наших дней, выделив ключевые этапы; 2) исследовать идеологическую трансформацию зелёных партий и их место в политической системе; 3) выявить специфику экологических протестов, их движущие факторы и результативность в 2005–2025 гг.; 4) определить потенциал дальнейшего развития экодвижения.

Литературный обзор

Подъём экологического сознания в 1960-е годы, затронувший индивидуальный и коллективный уровень, выражался в складывающейся системе знаний и представлений о взаимодействии человека и природы. Катализатором послужили контркультурные объединения и общественные движения, которые на волне радикальной критики индустриальной модели приняли и развили проэкологические идеи [17].

В последние десятилетия экологический кризис стал предметом не только естественнонаучных, но и социологических исследований. Авторы концепций социального риска в экологической социологии [14, 16, 17] трактуют его как проявление нарастающей экологической угрозы, во многом обусловленной культурно-историческим и политическим контекстом [10].

Российский энвайронментализм складывался в условиях того, что О.Н. Яницкий назвал «рискогенным обществом», – средой, объединяющей природные и социально-политические угрозы. Советская система была по своей сути рискогенна как производная утопического социального проекта: производство рисков получало абсолютную легитимацию и конструировалось в качестве инструмента политической целесообразности [14]. Экологический протест в позднесоветский и постсоветский периоды закономерно стал ответом общества на последствия этой политики, а одним из способов противодействия – повышение экологического сознания посредством просвещения, образования и прямого участия граждан в природоохранных акциях [9].

Оценка советского наследия остаётся дискуссионной: одни исследователи видят в нём источник экологических рисков [6], другие [19] – потенциальную основу для экосоциалистической перспективы [20]. Взгляды на современное российское экодвижение также расходятся: часть авторов рассматривает его как авангард гражданского общества [5, 8, 12], тогда как другие указывают на риски манипулирования экологической повесткой в деструктивных политических целях, угрожающие стабильности государственной системы [1].

Материалы и методы

Исследование построено на комплексной методологии. Исторический анализ позволил предложить авторскую периодизацию экодвижения от СССР до современной России. Институциональный анализ применён для изучения зелёных партий – их программных документов, тактик и реакции на социально-политические изменения. Для исследования низовых протестных инициатив проанализированы 127 публикаций в федеральных и региональных интернет-СМИ, освещающих 88 экопротестов (45 из которых продолжались несколько лет) в период 2005–2025 гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена началом

подъёма протестного экоактивизма. В ходе ивент-анализа для каждого события фиксировались место, участники, организаторы, тактика, дата, причины/цели и последствия.

Результаты исследования

Исследование позволило выделить основные этапы формирования российского энвайронментализма, обусловленные советской природоохранной традицией, постсоветскими политическими преобразованиями и современными реалиями.

1. Дружины охраны природы (1960–1980-е гг.). Создавались неполитизированные добровольческие группы, боровшиеся с браконьерством и содействовавшие организации заказников. Деятельность была встроена в систему государственного социалистического природопользования.

2. Политизированные экодвижения перестройки (1980-е гг.). Отмечался всплеск массовости, однако после распада СССР влияние быстро угасло («Социально-экологический союз», самарское ДСПЗ, волгоградский «Экологический клуб» и др.).

3. Движения и партии эпохи системного кризиса 1990-х и их развитие в 2000-х (начало 1990-х – начало 2000-х гг.). Формировались профессиональные экологические партии и организации («Кедр», РЭПЗ).

4. Локальные экозащитные движения и прогосударственная институциализация (начало 2000-х – 2020-е гг.). С одной стороны, росли протестные инициативы («Стоп Томинский ГОК», «Красноярск против», «Движение в защиту Химкинского леса», «Стоп Шиес» и др.), с другой – создавались партии и организации, поддерживающие государственный курс (восстановленная РЭПЗ, «Зелёная альтернатива», «Российское экологическое движение», «Экосистема» и др.).

Такая волнообразная динамика отличает Россию от западных стран, где экодвижение развивалось более плавно и сопровождалось устойчивой политической институциализацией. Особенно велика роль зелёных в Европе, где они являются системными политическими игроками и регулярно получают парламентское представительство. В 1984 году для координации их действий в Брюсселе была учреждена «Европейская партия зелёных». Сегодня крупнейшие экологические партии – «Союз 90/Зелёные» (Германия), «Европа. Экология. Зелёные» (Франция), «Зелёные левые» (Нидерланды) и другие – представлены в Европейском парламенте: по итогам евровыборов 2024 года фракция «Зелёные – Европейский свободный альянс» насчитывает 53 депутата из 17 стран ЕС. Аналогичные партии действуют примерно в 90 государствах; в четверти из них 44% зелёных входят в правящие коалиции [2].

Идеология европейских зелёных сложилась в 1970–80-е годы в русле новых социальных движений, оппонировавших и капитализму, и этатизму. Экология для них – вопрос глобальной справедливости, отказа от безграничного роста, децентрализации власти и смены модели развития. Эта повестка тесно связана с правами мигрантов, гендерным и расовым равенством, пацифизмом и евроинтеграцией как средством преодоления национализма. Естественными партнёрами зелёных выступают леволиберальные и социал-демократические силы.

Существуют и правые течения экологической политики, совмещающие природоохранные лозунги с национализмом, евроскептицизмом и неприятием левых подходов к миграции и социальному либерализму. Однако основные зелёные партии резко критикуют подобные объединения, примером чего стало исключение латвийской партии «Зелёных» из Европейской партии зелёных на конгрессе в Тампере 11 ноября 2019 года – формально за неуплату взносов и систематическое игнорирование съездов [3].

В западных странах зелёные занимают GAL-полюс в рамках концепции GAL–TAN (Зелёные–Альтернативисты–Либертарианцы против Традиционалистов–Авторитаристов–Националистов) [18]. Это размежевание переводит классический конфликт «левых» и «правых» в социокультурную плоскость, противопоставляя ценности открытости и космополитизма ценностям традиции и национальной идентичности. В России же политическое поле организовано преимущественно вокруг оппозиции «партия власти – оппозиция», что маргинализирует как социально-экономические, так и социокультурные расхождения. В итоге российские зелёные оказываются в парадоксальном положении: их идеологический «бренд» ассоциируется с глобальным либеральным лагерем, но существовать им приходится в политической среде, управляемой консервативной логикой.

Для полноты картины необходимо обратиться к протестным формам экодвижения. Анализ причин экологических акций в 2005–2025 гг. выявил следующее распределение: угрозы здоровью населения – 13%, угрозы водным ресурсам – 12%. Далее следуют угрозы лесным ресурсам, выбросы вредных веществ и общее ухудшение экологической обстановки – по 8%. Третью группу составляют угрозы экосистемам, отсутствие полноценной экологической экспертизы, проблемы сбора и утилизации отходов, нарушение процедуры публичных слушаний – по 6%. В четвёртую вошли загрязнение воздуха, последствия ресурсодобычи, угрозы туризму и инвестиционной привлекательности, а также риски, связанные с конкретными химическими веществами, – по 5%. Наименьшую долю составляют причины, связанные с затоплением территорий (4%) и разливами нефти (2%).

Анализ результативности 88 экопротестов 2005–2025 гг. (по данным федеральных и региональных интернет-СМИ) показал, что полная остановка проекта достигнута в 40% случаев (завод поликремния в Ленинградской обл., цинковый завод в Орске, кремниевый завод в Омске, завод ферросплавов в Красноярске, разработка шиханов в Стерлитамаке, полигон на ст. Шиес), модификация проекта – в 35% (нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», трасса Москва – Санкт-Петербург через Химкинский лес, Ростовская АЭС, мазутный терминал в Новороссийске), а в оставшихся 25% проект был реализован либо конфликт заморожен (Богучанская ГЭС, Комсомольский НПЗ, Туапсинский балкерный терминал, пункт захоронения РАО в Димитровграде). Во всех трёх группах протестующие прибегали к сходному набору тактик – судебным искам и экспертным заключениям, массовым митингам и пикетам, созданию общественных движений («Красноярск против», «Стоп Шиес», «В защиту Химкинского леса» и др.) и прямым действиям (блокировки дорог и техники), – однако наиболее успешные кампании отличались сочетанием юридических инструментов с широкой мобилизацией и коалициями с политическими партиями.

Обсуждение результатов

Экологическое движение России выросло из советской природоохранной системы. Государство учредило Всероссийское общество охраны природы (1924 г.) и Движение дружин охраны природы (1960 г.), стремясь продемонстрировать масштаб природоохранной работы на всех уровнях – от чиновников до студентов [7]. Впоследствии именно эти структуры заложили фундамент для переноса экологической повестки в область политики.

К концу 1980-х обозначился разрыв между партийными природоохранными организациями и малочисленными группами активистов, использовавших экологию как инструмент критики социалистического строя. Экозащитная деятельность приобретала всё более радикальный характер, открывая пространство для оппозиционного участия [15].

В условиях трансформации СССР экоНПО стали одним из первых легитимных каналов для выражения недовольства существующим порядком. Экологическая риторика служила платформой для мобилизации масс и обсуждения вопросов автономии, прав человека, демократизации [3]. В Новокуйбышевске действовали эколого-политические клубы «Резонанс» и «Импульс», в Куйбышеве – «Альтернатива», в Волгограде – «Экология». Одновременно развивался экоанархизм: самарский «Союз зелёных» продвигал синтез экологических и анархистских идей, а движение «Хранители Радуги» делало ставку на прямое действие [4].

Экологические протесты в советских республиках постепенно перерастали в сепаратистские требования. Однако после распада СССР экозащитная тематика отошла на второй план: экономический кризис переключил внимание граждан на материальное выживание. При этом продовольственная безопасность оставалась неотделимой от экологии – в зонах радиоактивного заражения после аварии на Чернобыльской АЭС требование «чистых» продуктов оставалось движущей силой протестов.

Мобилизующий потенциал зелёного движения, достигший пика в годы поздней перестройки, резко сократился. Зелёные партии 1990-х не выдержали экономического коллапса и общественной аномии; «моральный императив» охраны природы утратил привлекательность на фоне острых социально-экономических проблем.

В 2000-х годах появились локальные экологические объединения, нацеленные на обеспечение безопасной среды обитания в конкретном регионе. Они формировались как протестная реакция на конкретные угрозы: строительство цинкового завода в Орске (2008–2014), ГОКа в Челябинской области (2009–2017), Балтийской АЭС в Калининградской области (2009–2017) и др. Наряду с публичными акциями действенным инструментом стали юридические методы; в 2002 г. была создана Всероссийская экологическая правозащитная ассоциация юристов-экологов России [12].

Экодвижение этого периода по-прежнему отличалось высокой степенью политизации. Показателен конфликт вокруг вырубки Химкинского леса (2007–2012) ради строительства магистрали Москва – Санкт-Петербург. Группа «Движение в защиту Химкинского леса» объединила экоактивистов и оппозиционные силы (партия «Яблоко» и др.), увязавших экологические проблемы с бездействием властей. В 2011 году активисты призвали составлять «народный список преда-

телей общественных интересов» [11]. Подобные экопротесты активно использовались несистемной оппозицией для давления на региональные власти.

«Мусорные» протесты 2018–2020 годов против размещения полигонов в Московской, Ленинградской, Ярославской, Челябинской, Архангельской и других областях были вызваны прежде всего угрозами здоровью населения [12]. Очевидная связь мусорной проблемы с экологической безопасностью стимулировала сетевое взаимодействие активистов разных регионов; антимусорные группы в социальных сетях стали наиболее эффективным средством мобилизации. Поскольку основные требования были адресованы властям, протесты имели выраженную политическую направленность.

Экологическая проблематика в современной России тесно переплетается с национальной. Синтез экологических и националистических идей позволял протестным движениям одновременно отстаивать природоохранные и национальные интересы, стремясь к политической автономии [3].

С 2010 года в качестве альтернативы протестной активности создавались экологические структуры в формате НКО – «Российское экологическое движение» (2010), «Движение ЭКА» (2019) и др., – а в 2023 году указом Президента РФ учреждено эколого-патриотическое движение «Экосистема», нацеленное на воспитание патриотизма через любовь к родной природе. На политическом уровне аналогичную роль выполняла институционализация экологической повестки через партийное строительство – возрождённая РЭП «Зелёные» (2012) и «Зелёная альтернатива» (2019). Однако ни та, ни другая пока не стали влиятельными участниками политического пространства: на выборах в Государственную Думу 2021 года «Зелёная альтернатива» набрала 0,64%, а РЭП «Зелёные» – 0,91%, не преодолев 5%-й барьер [13]. Тем не менее обе партии сохраняют право участия в думских выборах без сбора подписей, и игнорировать их как институциональных акторов экополитики было бы неправомерно.

Эволюция зелёных партий наглядно отражает трансформацию политического ландшафта страны. Сопоставление Экологической партии «Кедр» (1994), созданной на базе Конструктивно-экологического движения России «Кедр», с современными РЭП «Зелёные» и «Зелёной альтернативой» обнаруживает кардинальный сдвиг – от попытки следовать западной модели к полной интеграции в отечественный политический консенсус.

Исследователи российской партийной системы нередко механически применяют западные шкалы (GAL–TAN, «левые–правые»), что сужает аналитические возможности ввиду уникального историко-политического пути и специфической политической культуры России.

Анализ протестных движений показал, что за последние двадцать лет экологический протест в России стал заметным явлением. Он реактивен и локален: возникает в ответ на конкретные проекты, угрожающие здоровью и водным ресурсам, а не на общее состояние среды. Результативность высока: 40% проектов полностью останавливались, 35% корректировались. Успех обеспечивался сочетанием юридических инструментов и массовых акций стихийно сформированных общественных движений.

Заключение

Российское экологическое движение остаётся фрагментарным: зелёные партии, прогосударственные организации и низовые протестные инициативы действуют разрозненно.

Экологическую повестку продвигают и общественные организации. «Экосистема», «Зелёный патруль», «Российское экологическое движение» акцентируют эколого-патриотическое воспитание, государственную экополитику и национальную безопасность. «Движение ЭКА» и «РазДельный сбор» заявляют о политической нейтральности и ориентируются на «зелёную экономику», изменение экосознания и культуру ответственного потребления.

Вместе с тем все эти организации делают упор на количественные, а не качественные показатели. У ряда из них есть проблемы с информационной открытостью: сайт «Российского экологического движения» содержит данные о мероприятиях лишь за 2020 год.

Реальная борьба за благоприятную окружающую среду и экологическую безопасность разворачивается на уровне низовых гражданских инициатив. Единственный способ вывести локальную проблему в поле государственной дискуссии – представить её как общественно значимую и универсальную.

Наиболее перспективен путь гибких сетевых коалиций вокруг цифровых платформ, которые де-факто стали основным пространством для формирования экоповестки, обмена юридическими инструкциями и координации действий, преодолевая географическую разобщённость. Складывается гибридная форма активизма, где онлайн-взаимодействие конвертируется в офлайн-действия. Успех «мусорных протестов» подтверждает потенциал модели автономных групп, координирующихся ради конкретных задач. По мере роста такие движения закономерно стремятся к вертикальной интеграции – сотрудничеству с крупными организациями (например, «Движением ЭКА») ради экспертной поддержки и доступа к диалогу с властью.

Будущее определяется способностью к стратегической консолидации, наращиванию экспертно-правового потенциала и росту экологического сознания, что создаст устойчивую базу для перевода локальных проблем в плоскость национальной политики. Перспективой дальнейших исследований может стать углублённый анализ региональных различий в восприятии экоповестки и изучение трансформации глобальной климатической повестки при столкновении с российской политической реальностью.

Литература

1. Ежов Д.А. Экологический протест в политико-технологическом измерении: систематизация методов // Власть. 2019. № 5. С. 34–37.

2. Каратуева Е.Н. «Зеленые» партии: пути развития и политические перспективы // Вопросы политологии. 2024. Т. 14, № 2(102). С. 483–489. DOI 10.35775/PSI.2024.102.2.011.

3. Каратуева Е.Н. Экологические протесты и национальная идентичность в многонациональном государстве: зеленый национализм в СССР и современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17, № 4. С. 105–121. DOI 10.31249/kgt/2024.04.07.

4. Макеева Е.Д. Общественные экологические организации Поволжья на рубеже 1980–1990-х гг. и их взаимоотношения с властью // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 1(26). С. 203–208. DOI 10.24411/2309–4370–2019–11213.

5. Матвеева Е.В. Экологическое движение в России: этапы становления и развития // Вестник Пермского университета. Политология. 2010. № 3(11). С. 31–39.

6. Фешбах М., Фрэндли-мл. А. «Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении». М.: НПО «Биотехнология», Издательско-информационное агентство «Голос», 1992. 308 с.

7. Халий И.А. Экологическое сознание населения современной России // История и современность. 2015. № 1(21). С. 189–205.

8. Халий И.А. Общество и природа: эволюция новейших теоретических концептов // История и современность. 2011. № 2(14). С. 138–149.

9. Халий И.А. Экологическое движение в Советском Союзе: самоорганизация экологов-профессионалов // Вестник Института социологии. – 2012. № 5. С. 061–069.

10. Хапсаева Д.В. Экологические проблемы в общественном дискурсе скфо: социальные риски и конфликтный потенциал // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8(88). С. 96–102.

11. Химкинский лес зашумел новыми лозунгами //Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1759129 (дата обращения: 07.08.2025)].

12. Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // ЖССА. 2020. № 4. С. 136–152.

13. ЦИК огласил окончательные итоги выборов в Госдуму // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/24/itogi/ (дата обращения: 23.01.2024)

14. Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. 367 с.

15. Arndt M. Environmentalism or Sausages? Politicizing the Environment in the Late Soviet Union // Europian History Quarterly. 2022. Vol. 52, N 3. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02656914221103152 (дата обращения: 01.08.2025).

16. Beck U. Ecological Enlightenment / Essays on the Politics of the Risk Society. N.J.: Humanities Press, 1995. 316 p.

17. Calhoun C.J. Contemporary sociological theory. Malden, MA: Blackwell, 2007. P. 243.

18. Dassonneville, R., Hooghe, L. and Marks, G. (2024), Transformation of the political space: A citizens' perspective // European Journal of Political Research. 2024. N 63. P. 45–65. DOI: https://doi.org/10.1111/1475-6765.12590.

19. Dawson J.I. Eco-nationalism: Anti-nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. – Duke University Press, 1996. 221 p.

20. Engel-Di Mauro S. Socialist States and the Environment: Lessons for Ecosocialist Futures. Pluto: London, 2021. 288 p.

THE FORMATION OF RUSSIA'S ENVIRONMENTAL MOVEMENT: IDEOLOGICAL TRANSFORMATIONS AND CIVIC STRATEGIES

Karatueva E.N.
Saint-Petersburg State Agrarian University

The article assesses the prospects for forming a nationwide environmental movement in Russia. Using historical, institutional, and event analysis, the study traces the evolution of Russian environmentalism from the Soviet period to the present, examines the ideological transformation of green parties, and identifies the specifics of environmental protests in 2005–2025. Analysis of 127 publications covering 88 eco-protests revealed that 40% of contested projects were fully halted and 35% were modified; the highest success rate was achieved by combining legal tools with mass mobilization. Green parties are shown to be integrated into the political consensus without offering an alternative project, while grassroots civic initiatives coordinated through digital platforms serve as the real drivers of the environmental agenda. The movement remains fragmented; the most promising path forward is flexible network coalitions.

Keywords: environmentalism, environmental movement, environmental risks, environmental consciousness, Green parties, environmental protests

References

1. Yezhov D.A. Environmental Protest in the Political-Technological Dimension: Systematization of Methods // Vlast. 2019. № 5. Pp. 34–37.

2. Karatueva E.N. «Green» Parties: Development Paths and Political Prospects // Voprosy Politologii. 2024. Vol. 14, № 2(102). Pp. 483–489. DOI 10.35775/PSI.2024.102.2.011.

3. Karatueva E.N. Environmental Protests and National Identity in a Multinational State: Green Nationalism in the USSR and Modern Russia // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2024. Vol. 17, № 4. Pp. 105–121. DOI 10.31249/kgt/2024.04.07.

4. Makeeva E.D. Public environmental organizations of the Volga region at the turn of the 1980s-1990s and their relationship with the authorities // Samara Scientific Bulletin. 2019. Vol. 8, № 1(26). Pp. 203–208. DOI 10.24411/2309–4370–2019–11213.

5. Matveeva E.V. Environmental movement in Russia: stages of formation and development // Bulletin of Perm University. Political Science. 2010. № 3(11). Pp. 31–39.

6. Feshbach M., Friendly Jr. A. «Ecocide in the USSR: Health and Nature under Siege». Moscow: NPO Biotekhnologiya, Publishing and Information Agency Golos, 1992. 308 p.

7. Khaliy I.A. Environmental consciousness of the population of modern Russia // History and Modernity. 2015. № 1 (21). Pp. 189–205.

8. Khaliy I.A. Society and nature: evolution of the latest theoretical concepts // History and Modernity. 2011. № 2 (14). Pp. 138–149.

9. Khaliy I.A. Environmental movement in the Soviet Union: self-organization of professional ecologists // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2012. № 5. Pp. 061–069.

10. Khapsayeva D.V. Environmental Issues in the Public Discourse of the North Caucasus Federal District: Social Risks and Conflict Potential // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2021. № 8(88). Pp. 96–102.

11. The Khimki Forest Is Abuzz with New Slogans // Kommersant. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1759129 (accessed: 07.08.2025)].

12. Tsepilova, O.D., Golbraykh, V.B. Environmental Activism: Mobilizing Resources for «Garbage» Protests in Russia in 2018–2020 // ZhSS A. 2020. № 4. Pp. 136–152.

13. The Central Election Commission Announced the Final Results of the State Duma Elections // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/24/itogi/ (Accessed: 23.01.2024)

14. Yanitsky, O.N. Russia as a «Risk Society»: Outlines of the Theory // Russia: A Transforming Society / Ed. by V.A. Yadov. Moscow: Publishing House «KANON-press-Ts», 2001. 367 p.

15. Arndt, M. Environmentalism or Sausages? Politicizing the Environment in the Late Soviet Union // European History Quarterly. 2022. Vol. 52, № 3. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02656914221103152 (Accessed: 01.08.2025).

16. Beck U. Ecological Enlightenment / Essays on the Politics of the Risk Society. N.J.: Humanities Press, 1995. 316 p.

17. Calhoun C.J. Contemporary sociological theory. Malden, MA: Blackwell, 2007. P. 243.

18. Dassonneville, R., Hooghe, L. and Marks, G. (2024), Transformation of the political space: A citizens' perspective // European Journal of Political Research. 2024. N 63. P. 45–65. DOI: https://doi.org/10.1111/1475-6765.12590.

19. Dawson J.I. Eco-nationalism: Anti-nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. – Duke University Press, 1996. 221 r.

20. Engel-Di Mauro S. Socialist States and the Environment: Lessons for Ecosocialist Futures. Pluto: London, 2021. RUR 288.

Стратегические приоритеты развития строительного комплекса Ленинградской области: направления совершенствования государственной политики

Керножицкая Елена Владимировна,
аспирант кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: kerno-elena@yandex.ru

В статье анализируются стратегические приоритеты развития строительного комплекса Ленинградской области на основе данных официальной статистики за 2024 год. Выявлены ключевые количественные показатели роста отрасли при одновременном наличии структурных диспропорций, прежде всего высокой пространственной концентрации строительной активности в пригородных районах-спутниках Санкт-Петербурга. Определены пять направлений совершенствования государственной политики: сбалансированное пространственное развитие, преодоление инфраструктурных ограничений, технологическая модернизация, обеспечение кадровой безопасности и цифровизация управления. Предлагаемые меры направлены на обеспечение сбалансированного и устойчивого роста территории и ее устойчивого социально-экономического развития. Выявлены ключевые напраывления развития строительного комплекса Ленинградской области и предложены пути совершенствования государственной политики в данной области. Определены стратегические приоритеты, для которых требуется корректировка государственной политики в строительном комплексе Ленинградской области. Для этого нужно законодательное закрепление единого регламента межведомственного взаимодействия и координации при Правительствк Ленеградской области.

Ключевые слова: строительный комплекс Ленинградской области, государственная политика, инфраструктурные ограничения, технологическая модернизация, кадровая безопасность, цифровизация строительства, статистика строительства, жилищное строительство.

Введение

Строительный комплекс Ленинградской области является системообразующим сегментом региональной экономики, оказывающим прямое и косвенное влияние на социально-экономическое развитие, обеспечение населения качественным жильем, формирование современной инфраструктуры и реализацию стратегических геополитических проектов на северо-западе России. Его развитие происходит в условиях уникального положения региона, выступающего как связующее звено между глобальным мегаполисом (Санкт-Петербург) и обширными территориями Северо-Западного федерального округа, а также в контексте повышенной транспортно-логистической и промышленной нагрузки. Данные обстоятельства формируют совокупность вызовов и возможностей, определяющих необходимость пересмотра и актуализации стратегических приоритетов развития комплекса и соответствующих инструментов государственной политики. Целью анализа является выявление ключевых направлений развития строительного комплекса Ленинградской области и формулирование предложений по совершенствованию государственного регулирования в данной сфере для достижения сбалансированного и устойчивого роста территории.

Методы исследования

В основу исследования легли методы системного и структурно-функционального анализа, позволившие рассмотреть строительный комплекс как целостную систему, взаимодействующую с социальной, экономической и пространственной подсистемами региона. Применялись методы анализа нормативно-правовой базы Российской Федерации и Ленинградской области в сфере градостроительной деятельности, земельных отношений и поддержки инвестиционных проектов. Использован сравнительный анализ стратегических программных документов регионального развития, статистических данных Федеральной службы государственной статистики и отчетов профильных комитетов правительства Ленинградской области за период последних пяти лет.

Результаты и обсуждения

Строительный комплекс Ленинградской области сохраняет роль одного из ключевых драйверов региональной экономики, что подтверждается его весомым вкладом в валовой региональный продукт на уровне около 9,5%. Статистика за 2024 год фиксирует устойчивый рост сектора: объем работ превысил 495 миллиардов рублей, а индекс физического объема работ составил 104,5%, демонстрируя положительную динамику [1, с. 33]. Высокая инвестиционная активность, выразившаяся в 320 миллиардах рублей капиталовложений в здания и сооружения, и масштабный жилищный ввод в размере 2,8 миллиона квадратных метров (около 30,5 тысяч квартир) указывают на значительный потенциал и востребованность строительных услуг в регионе (таблица 1). Однако за этими общими положительными трендами скрываются структурные вызовы. Ключевым из них, количественно отраженным в таблице, является выраженная пространственная диспропорция. Около 65–70% всего жилищного строительства сконцентрировано в районах-спутниках Санкт-Петербурга, что усугубляет нагрузку на транспортную инфраструктуру и приводит к неравномерному развитию территории. Таким образом, отрасль демонстрирует количественную устойчивость, но ее качественное развитие требует целенаправленной государственной политики для преодоления внутренних дисбалансов, инфраструктурных ограничений и обеспечения сбалансированного роста всех муниципальных образований области.

Таблица 1. Основные показатели деятельности строительного комплекса Ленинградской области, 2024 год

Показатель	Значение	Единица измерения
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	~495	млрд руб.
Ввод в действие жилых домов	2.8	млн кв. м
Ввод в действие объектов нежилого назначения (суммарно)	~1.1	млн кв. м

Окончание

Показатель	Значение	Единица измерения
Количество построенных квартир	~30.5	тыс. единиц
Количество организаций, осуществляющих строительную деятельность	~4.9	тыс. единиц
Среднесписочная численность работников в строительстве	~145	тыс. человек
Инвестиции в основной капитал, направленные на строительство зданий и сооружений	320	млрд руб.
Доля строительного комплекса в валовом региональном продукте (ВРП)	9.5	%
Индекс физического объема работ по виду деятельности «Строительство»	104.5	%
Географическая концентрация: доля строительного ввода в районах-спутниках Санкт-Петербурга (Всеволожский, Гатчинский, Выборгский, Ломоносовский)	65–70	%

Результаты анализа позволяют выделить следующие стратегические приоритеты развития строительного комплекса Ленинградской области, требующие корректировки государственной политики. Первым приоритетом является сбалансированное пространственное развитие и комплексное освоение территорий [2, с. 499]. Актуальной проблемой остается высокая концентрация строительной активности в пригородных районах, непосредственно примыкающих к Санкт-Петербургу, что ведет к гипертрофированной маятниковой миграции, нагрузке на транспортный каркас и неравномерности развития муниципалитетов.

Таблица 2. Показатели, подтверждающие высокую пространственную концентрацию строительной активности

Наименование показателя	Единица измерения	Значение за 2024 год
Общий ввод жилых домов в Ленинградской области	тыс. кв. м	4065,0
Ввод жилых домов в индивидуальном жилищном строительстве (ИЖС)	тыс. кв. м	2700,0
Доля ввода ИЖС в сельской местности от общего объема ИЖС	%	25,1
Концентрация ввода жилья организациями (без ИЖС) по материалам стен	%	75,7
Концентрация ввода жилья организациями (без ИЖС) по этажности	%	79,8
Снижение ввода жилья организациями в сельской местности (ИЖС)	% к 2023 году	44,8
Количество введенных объектов социальной инфраструктуры (на примере)	единиц	Общеобразовательные организации: 2; Дошкольные организации: 5
Ввод сетей коммунальной инфраструктуры (на примере газовых сетей)	Км	89,8

Государственная политика должна стимулировать развитие опорных центров в удаленных районах области через механизмы комплексного территориального развития, создание там современных объектов социальной и инженерной инфраструктуры, что позволит сформировать полицентрическую модель расселения.

Вторым критическим приоритетом выступает преодоление инфраструктурных ограничений. Темпы жилищного и промышленного строительства часто опережают возможности по обеспечению объектов энергетическими, транспортными и инженерными коммуникациями [3, с. 269]. Совершенствование политики видится в переходе к обязательному синхронному и авансированному развитию инфраструктуры за счет как государственно-частного партнерства, так и механизмов взвешенного перераспределения финансовой нагрузки между инвесторами, регионом и муниципалитетами. Требуется оптимизация процедур подключения к сетям и координации между ресурсоснабжающими организациями [4, с. 2242]. Основные проблемы включают длительные сроки и высокую стоимость технологического присоединения, а также отсутствие эффективной межведомственной координации. Процедура согласования часто проходит последовательно с каждым ресурсоснабжающим органом (электросети, газоснабжение, водоснабжение, водоотведение), что многократно увеличивает общее время. Отсутствие единого информационного окна или цифровой платформы для подачи и отслеживания заявок приводит к дублированию документов и потере данных. Противоречия в технических условиях, выдаваемых разными организациями, требуют повторных корректировок проекта. Несинхронизированные графики строительства сетей разными организациями создают риски срыва сроков ввода объекта.

Меры по оптимизации должны включать создание единого центра координации подключений при правительстве Ленинградской области. Необходимо внедрить принцип «одного окна» для подачи заявок и получения комплексного технического условия. Требуется разработка и законодательное закрепление единого регламента межведомственного взаимодействия с четкими временными рамками на каждом этапе. Цифровизация процесса через региональную GIS-платформу позволит в режиме онлайн отслеживать статус заявки, получать уведомления и согласовывать документацию. Важным направлением является консолидация заявок на подключение в рамках проектов комплексного освоения территорий для опережающего строительства магистральной инфраструктуры. Для этого необходимо стимулировать создание консорциумов ресурсоснабжающих организаций, ответственных за синхронное выполнение работ.

Третье направление – стимулирование технологической модернизации и внедрения принципов устойчивого строительства. Несмотря на общероссийский тренд, в регионе сохраняется высокая доля традиционных, ресурсоемких технологий [4, с. 21]. Государственная политика может быть усилена через ужесточение региональных экологических и энергоэффективных стандартов для объектов, строящихся с привлечением государственного финансирования или на предоставленных государством землях, а также через создание системы льгот и преференций для застройщиков, применяющих наилучшие доступные технологии, материалы замкнутого цикла и «зеленые» стандарты. Для всех объектов, строительство которых финансируется полностью или частично из средств областного и муниципальных бюджетов (школы, больницы, административные здания), необходимо установить обязательные требования, превышающие действующие федеральные нормативы. Это касается удельного расхода энергии на отопление и вентиляцию, коэффициента теплозащиты ограждающих конструкций, использования систем рекуперации тепла и автоматического регулирования микроклимата.

Для объектов, возводимых на земельных участках, предоставленных государством на льготных условиях или в рамках комплексного развития территорий, должны быть включены обязательные экологические параметры. К ним относятся минимальный класс энергоэффективности здания (не ниже «А»), использование материалов с подтвержденной экологической сертификацией (например, FSC для древесины), обязательное устройство раздельного сбора твердых коммунальных отходов, озеленение территории с применением местных, устойчивых видов растений.

Четвертый приоритет связан с обеспечением кадровой безопасности и развитием профессионального образования. Дефицит квалифицированных рабочих и инженерных кадров сдерживает реализацию проектов и технологический переход. Совершенствование политики требует углубленной кооперации между правительством области, профессиональными союзами, строительными компаниями и образовательными учреждениями для создания системы непрерывного образования, целевой подготовки и привлечения кадров, включая развитие жилищных и социальных программ для работников комплекса.

Пятое направление – дальнейшая цифровизация управления отраслью и снижение административных барьеров. Хотя процессы цифровой трансформации запущены, ключевой задачей остается создание полноценной региональной цифровой платформы управления жизненным циклом строительных объектов, интегрированной с федеральными системами [5, С. 33]. Это позволит повысить прозрачность процедур, ускорить процессы согласования, внедрить системы предиктивной аналитики для планирования развития территорий и обеспечить эффективный мониторинг реализации стратегических проектов [6, С. 346].

На основе анализа позиций Межевич Н.М., Хлутков А.Д., Шамахов В.А. Применение мобилизационных подходов может быть оправдано для решения стратегических и вынужденных задач, стоящих перед регионом. В контексте строительного комплекса это может означать [7, с. 20]:

– Перераспределение ресурсов и приоритетов: Как отмечают авторы, в условиях мобилизации невозможно одинаковое финансирование всех отраслей. Ресурсы направляются на ключевые проекты, имеющие значение для безопасности и суверенного развития. Для Ленинградской области это может означать концентрацию усилий на инфраструктурных объектах, связанных с логистической переориентацией (аналогично историческому примеру со строительством порта в Мурманске), оборонно-промышленным комплексом или критическим импортозамещением в строительных материалах.
– Повышение эффективности управления. Авторы настаивают, что главная задача в современных условиях – не тотальная мобилизация, а повышение эффективности управления имеющимися ресурсами. Для строительного комплекса региона это означает необходимость совершенствования государственной политики через улучшение координации между федеральными и региональными органами власти, устранение административных барьеров и ускорение процессов принятия решений по стратегически важным объектам.
– Реакция на внешние вызовы. Мобилизационные меры являются ответом на кризисные условия (санкции, разрыв логистических цепочек). Для строительного комплекса это создает необходимость быстрой адаптации – переориентации на новые рынки материалов, технологии и кадры, что требует гибких и скоординированных действий со стороны государства.

Таким образом, элементы мобилизационного подхода к развитию строительного комплекса Ленинградской области могут быть необходимы для концентрации усилий и ресурсов на ограниченном числе стратегических, вынужденных текущим кризисом направлений, при одновременном совершенствовании общей эффективности государственного управления отраслью в новых условиях. Однако такая мобилизация должна восприниматься как временная и целевая мера, а не как переход к плановой экономике.

Совершенствование государственной политики в отношении строительного комплекса Ленинградской области должно носить комплексный и опережающий характер, фокусируясь не только на количественных показателях ввода площадей, но и на качественных параметрах пространственного развития, технологической и кадровой модернизации, а также на создании устойчивой инфраструктурной основы для долгосрочного роста [8, с. 100]. Реализация указанных приоритетов требует консолидации усилий всех уровней власти, бизнеса и профессионального сообщества [9, с. 35].

Заключение

Основной вывод заключается в необходимости перехода от политики, ориентированной преимущественно на количественные показатели ввода площадей, к политике качественного и сбалансированного развития. Ключевыми условиями для этого являются преодоление гипертрофированной пространственной концентрации за счет стимулирования опорных центров в удаленных районах, обеспечение синхронного развития инженерной и социальной инфраструктуры, создание стимулов для внедрения ресурсосберегающих технологий, формирование системы целевой подготовки кадров и внедрение цифровых платформ управления жизненным циклом объектов. Реализация данных приоритетов требует скоординированных действий органов государственной власти всех уровней, бизнеса и профессиональных объединений, что обеспечит долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность строительного комплекса как основы социально-экономического развития региона.

Литература

1. Строительный комплекс Ленинградской области в 2024 году. Стат. сб. / Петростат. – СПб, 2025. – 55 с.
2. Мусаев Р.А., Исаев К.И. Система стратегических документов, определяющих приоритеты и перспективы развития строительной отрасли в России. Стратегирование: теория и практика. 2024. Т. 4. № 4 (14). С. 499–509.
3. Галсанова А.Т. Стратегическое развитие строительной отрасли в России как шаг в будущее. В сборнике: Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Барнаул, 2022. С. 269–270.
4. Семенов К.А. Основные принципы, цели и задачи государственной политики на среднесрочную и долгосрочную перспективы в строительной отрасли. Регион: системы, экономика, управление. 2023. № 2 (61). С. 21–28.
5. Половян А.В., Синицына К.И. Стратегия развития строительных предприятий в современных условиях. Экономика строительства и городского хозяйства. 2025. Т. 21. № 1. С. 33–41.
6. Саргаев К.А. Анализ рисков и определение перспективы развития строительной отрасли региона. В сборнике: Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы. Материалы Национальной научно-практической конференции. Гатчина, 2025. С. 346–349.
7. Межевич Н.М., Хлутков А.Д., Шамахов В.А. Эффективность управления как условие мобилизации экономики: некоторые исторические уроки. Управленческое консультирование. 2022. № 11 (167). С. 20–24.
8. Вульфович Р.М. Проблемы совершенствования системы управления в ходе разработки и реализации стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года. Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 100–107.
9. Кугай А.И. Последствия глобализации и новые механизмы государственного управления. В сборнике: Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2023. С. 35–36.

STRATEGIC PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF THE LENINGRAD REGION'S CONSTRUCTION COMPLEX: AREAS FOR IMPROVING PUBLIC POLICY

Kernozhitskaya E.V.
Russian Presidental academy of National economy and Public Administration

This article analyzes the strategic priorities for the development of the Leningrad Region's construction complex based on official statistics for 2024. Key quantitative indicators of industry growth are identified, while structural imbalances exist, primarily the high spatial concentration of construction activity in the suburban satellite districts of St. Petersburg. Five areas for improving public policy are identified: balanced spatial development, overcoming infrastructure constraints, technological modernization, ensuring personnel security, and digitalization of management. The proposed measures are aimed at ensuring balanced and sustainable growth of the region and its stable sotial and economical development. The key ways of development of construction complex of Leningrad region are identified and ways of improvement of state policy in field under considerations are proposed. The strategical goals requiring adjustments of state policy are determined. For its goal the legislative consolidation of universal regulations of interagency cooperation and coordination is appropriated.

Keywords: Leningrad Region's construction complex, public policy, infrastructure constraints, technological modernization, personnel security, digitalization of construction, construction statistics, housing construction.

References

1. The Construction Complex of the Leningrad Region in 2024. Statistical Collection / Petrostat. – SPb, 2025. – 55 p.
2. Musaev, R.A., Isaev, K.I. The System of Strategic Documents Defining the Priorities and Prospects for the Development of the Construction Industry in Russia. Strategizing: Theory and Practice. 2024. Vol. 4. No. 4 (14). Pp. 499–509.
3. Galsanova, A.T. Strategic Development of the Construction Industry in Russia as a Step into the Future. In the collection: Socio-Economic, Organizational, Political, and Legal Aspects of Ensuring the Effectiveness of State and Municipal Administration. Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Barnaul, 2022. Pp. 269–270.
4. Semenov K.A. Basic Principles, Goals, and Objectives of Public Policy for the Medium and Long Term in the Construction Industry. Region: Systems, Economy, Management. 2023. No. 2 (61). Pp. 21–28.
5. Polovyan A.V., Sinitsyna K.I. Development Strategy for Construction Enterprises in Modern Conditions. Construction and Urban Economy. 2025. Vol. 21. No. 1. pp. 33–41.
6. Sargayev K.A. Risk Analysis and Determining Development Prospects for the Regional Construction Industry. In the collection: Management of Socioeconomic Development: Innovative and Strategic Approaches. Proceedings of the National Scientific and Practical Conference. Gatchina, 2025. pp. 346–349.
7. Mezhevich N.M., Khlyutkov A.D., Shamakhov V.A. Management efficiency as a condition for economic mobilization: some historical lessons. Management Consulting. 2022. No. 11 (167). P. 20–24.
8. Vulfovich R.M. Problems of improving the management system in the course of developing and implementing the strategy for the socio-economic development of St. Petersburg until 2030. Management Consulting. 2014. No. 2 (62). Pp. 100–107.
9. Kugai A.I. Consequences of globalization and new mechanisms of public administration. In the collection: Sustainable development strategies: social, economic and legal aspects. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Cheboksary, 2023. Pp. 35–36.

Биржевые комитеты и съезды представителей промышленности в Российской империи: становление системы экономического лоббизма на рубеже XIX–XX веков

Лисов Дмитрий Алексеевич,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: dmitriy9701@gmail.com

Статья посвящена анализу процесса становления и функционирования институтов представительства интересов предпринимателей в Российской империи на рубеже XIX–XX веков. В условиях современной структурной перестройки экономики России обращение к историческому опыту взаимодействия государства и бизнеса приобретает особую актуальность. В работе рассматривается эволюция биржевых комитетов и всероссийских съездов представителей промышленности и торговли от локальных органов самоуправления до авторитетных центров экономической экспертизы и субъектов промышленного лоббизма. Особое внимание уделяется правовым основам их деятельности, закрепленным в Своде законов Российской империи и Положении о съездах 1897 года, а также формальным инструментам влияния на правительственную политику (ходатайства, докладные записки). На примере Особого совещания 1907 года по вопросу о торговле сельскохозяйственными машинами демонстрируется механизм и результативность лоббистских усилий. Автор анализирует институциональный дефицит формальных каналов, который компенсировался развитием неформальных практик, включая феномен «вращающихся дверей» (переход чиновников в бизнес и обратно). В заключении делается вывод о гибридном характере сложившейся модели диалога: с одной стороны, были созданы легитимные площадки для артикуляции интересов, с другой – государство сохраняло монополию на окончательное решение, что делало систему эффективной лишь для узкого круга элиты. Исторический опыт, по мнению автора, обладает эвристическим потенциалом для выстраивания современных механизмов взаимодействия власти и бизнеса в России.

Ключевые слова: история России, предпринимательские организации, государство и бизнес, институциональный анализ, «вращающиеся двери», С.Ю. Витте, Особое совещание 1907 года.

Введение

В настоящий момент наша страна переживает период глубокой структурной перестройки экономики, связанной с адаптацией к новым глобальным вызовам, трансформацией международных хозяйственных связей и необходимостью формирования внутренних источников устойчивого роста. В этих условиях представляется особенно интересным и значимым обратиться к своему богатому историческому опыту институционального взаимодействия государства и бизнеса. Анализ моделей, возникших в прошлые эпохи интенсивной модернизации, позволяет не только лучше понять генезис современных механизмов корпоративного представительства и лоббизма, но и критически оценить факторы их эффективности, устойчивости и ограниченности. Период рубежа XIX–XX веков в Российской империи, отмеченный динамичным промышленным развитием и усложнением экономического ландшафта, демонстрирует один из первых в отечественной истории примеров системного формирования легитимных каналов артикуляции интересов предпринимательского класса. Изучение того, как в рамках авторитарного государства зарождались и функционировали такие гибридные институты, как биржевые комитеты и всероссийские съезды, представляет собой ценный материал для осмысления природы диалога между властью и бизнесом, его потенциала и институциональных рамок в контексте догоняющего развития.

Методы исследования

В ходе исследования автором был использован комплекс общенаучных и специальных исторических методов, что позволило всесторонне рассмотреть процесс становления системы экономического лоббизма в Российской империи.

1. Институциональный подход, заимствованный из социальных наук, используется для изучения формальных и неформальных правил, регулировавших взаимодействие государства и бизнеса. В рамках этого подхода автор анализирует правовой статус организаций (Свод законов, Положение о съездах 1897 г.), их структуру, функции, а также сложившиеся практики («вращающиеся двери», личные связи), которые дополняли и замещали формальные процедуры.

2. Сравнительно-исторический метод применяется для сопоставления эффективности различных форм представительства: локальных (биржевые комитеты) и общенациональных (съезды), формальных (ходатайства) и неформальных (личные контакты) каналов влияния. Сравнение проводится как в синхронном срезе, так и в диахронии (сопоставление попыток создания структур «сверху» в 1870-е годы с развитием инициатив «снизу» в начале XX века).

3. Метод кейс-стади (анализа конкретных ситуаций) используется для детального рассмотрения механизма лоббирования на примере Особого совещания 1907 года по вопросу о торговле сельскохозяйственными машинами. Данный метод позволяет на конкретном материале (жалобы производителей, работа Совета съездов, итоговые законодательные акты 1907 и 1909 гг.) продемонстрировать расстановку сил, аргументацию сторон и конечный результат лоббистской деятельности, верифицируя теоретические выводы исследования.

Результаты

Первые попытки создания таких структур как биржевые комитеты и всероссийские съезды «сверху», предпринятые государством в 1870-е годы (такие как учреждение Совета торговли и мануфактур), оказались малоэффективными. Главной причиной их неудачи, по-видимому, стала преждевременность этих инициатив. Российское предпринимательское сословие в тот период ещё не достигло достаточной консолидации, оставаясь в значительной мере зависимым от государственной опеки и иностранных инвестиций, что препятствовало выработке единой и самостоятельной позиции [2, 3]. Характеризуя степень этой неконсолидации, исследователь И.Ф. Гиндин [3, с. 38–41] подчеркивает, что созданный в 1872 году Совет торговли и мануфактур представлял собой не столько орган представительства, сколько совещательную структуру при правительстве. Его состав формировался по назначению министра финансов, а не по выбору предпринимателей, что превращало Совет в инструмент трансляции воли бюрократии в коммерческую среду,

а не наоборот. Купечество, видевшее в Совете дополнительную фискальную и надзорную инстанцию, относилось к нему с недоверием. Кроме того, как отмечает Л.Е. Шепелев [14], отсутствие развитой отраслевой структуры не позволяло формулировать конкретные экономические запросы: повестка заседаний формировалась чиновниками и касалась преимущественно общих вопросов фискального администрирования, оставляя за бортом нужды нарождающейся тяжелой промышленности и машиностроения.

Реальными инструментами артикуляции интересов промышленников стали биржевые комитеты и съезды представителей промышленности и торговли. Эти институты, изначально сосредоточенные на решении локальных торгово-хозяйственных вопросов, к началу XX века эволюционировали в авторитетные центры экономической экспертизы и влиятельные субъекты промышленного лоббизма [7].

Целью данной статьи является анализ механизмов, степени эффективности и институциональных ограничений экономического лоббизма, осуществлявшегося через эти структуры в период поздней Российской империи. Осмысление исторического опыта даст материал для принятия управленческих решений и выстраивания прогнозов в современных условиях и возможность более взвешенно относиться к инициативам со стороны предпринимательского сообщества.

Первоначально биржевые комитеты, возникшие ещё в первой половине XIX века, функционировали как органы управления локальными биржами, ограничиваясь регулированием торгов, разрешением споров и выполнением третейских функций. Правовую основу их деятельности составляли положения Свода законов Российской империи, в частности тома IX («Законы о состояниях») [12] и тома XI («Уставы торговый, о промышленности, кредитный») [13]. Ключевыми были статьи Приложения к ст. 712 «Устава о промышленности», которые определяли их как «общественные установления» для облегчения торговых оборотов. Среди функции также выделялись: фиксация сделок, разрешение коммерческих споров и что главное в разрезе данной статьи – возможность представлять мнение промышленников и торговцев перед правительством. Наряду с этим их представительная функция была ограничена. Том IX («Законы о состояниях») устанавливал сословный ценз. Согласно ст. 543, право голоса на биржевых выборах имели только лица, обладавшие купеческими свидетельствами (т.е. приписанные к купеческим гильдиям) или владевшие торговыми предприятиями с оборотом, позволявшим получить такое свидетельство. Это автоматически исключало из процесса формального представительства промышленников из дворян, также как и иностранных предпринимателей, чей капитал и влияние были значительными, особенно в новых отраслях. Таким образом, закон консервировал архаичную сословную модель, отставая от реальной социально-экономической структуры. Также, несмотря на формальную выборность, их состав оставался достаточно закрытым, что ограничивало возможности представительства интересов мелких и средних предприятий.

Помимо локальных биржевых комитетов, важную роль в артикуляции интересов предпринимателей стали играть всероссийские съезды представителей промышленности и торговли после принятия в 1897 году Положения о съездах [9]. Участники съездов делились на действительных и совещательных членов. Необходимость принятия подобного положения можно объяснить нарастающим влиянием предпринимательского сообщества – уже действовали биржевые комитеты, не говоря о личных связях промышленников и торговцев. Итоговое Положение стало компромиссом: с одной стороны, государства легализировало всероссийские форумы предпринимателей и даже обязалось слушать их мнение. С другой стороны, оно поставило их контроль. Согласно ст. 3–5, инициатива созыва и утверждение повестки дня принадлежали министру финансов (с 1905 г. – министру торговли и промышленности). Ст. 12 прямо указывала, что «постановления съездов имеют значение заключений, представляемых на усмотрение подлежащих правительственных установлений».

Съезды были организованы по корпоративно-отраслевому принципу. Высшим органом было общее собрание делегатов. Для оперативной работы избирался Совет съезда (постоянно действующий орган между съездами) и Президиум (для ведения заседаний). В число действительных членов входили как объединения владельцев торгово-промышленных предприятий, так и институты агрегации интересов, включая биржевые комитеты. Декларируемыми целями съездов были: объединение интересов промышленности и торговли для представительства перед государственными и общественными учреждениями; содействие созданию новых профессиональных институтов; упорядочение отношений между трудом и капиталом; обсуждение вопросов экономической политики и выработка мер по их решению [9]. Данный перечень напоминает права Биржевых комитетов, с той разницей, что если комитеты лишь представляли «мнение по вопросам, относящимся до торговли и промышленности», то съезды получили возможность более активно влиять на экономическую политику. При этом государство все равно оставляло за собой право решать, прислушиваться или нет к мнению съездов. Показателен пример, приведённый А.А. Бесолициным [1, с. 7]: «на съезде в Великом Новгороде министр финансов С.Ю. Витте заявил, что «решение большинства для правительства не имеет обязательной силы – правительство будет считать, а не взвешивать голоса». Тем не менее, съезды, несмотря на законодательные ограничения, выполняли важную функцию донесения позиции предпринимательского сообщества до государства, о чём свидетельствуют многочисленные ходатайства и докладные записки, направлявшиеся в адрес правительства.

Основным формальным инструментом влияния съездов представителей промышленности и торговли на государственную политику являлись докладные записки и ходатайства, направляемые в профильные министерства. В качестве примера можно взять, доклад Совета VI-II очередного съезда представителей промышленности и торговли, в котором содержался не только анализ состояния шоссейных дорог, но и критика текущего курса наряду с конкретными предложениями [5]. На фоне первой записки интересно рассмотреть также докладную записку Совета съездов представителей промышленности и торговли Министерству торговли и промышленности с ходатайством об отмене запрещения правительства увеличивать основные капиталы акционерных обществ от 26 июля 1917 года (ссылка на докладную записку) [4]. Данный документ представляет собой тщательно аргументированную позицию предпринимательского сообщества, сочетающую экономический анализ, прогнозы негативных последствий предлагаемых властями мер и конкретные альтернативные предложения. В данном случае Совет съездов, критикуя запрет на увеличение основных капиталов акционерных обществ, последовательно доказывал, что такая мера не только не направит свободные средства в государственные займы, но и спровоцирует биржевую спекуляцию, усилит инфляцию, подорвёт финансовую устойчивость действующих предприятий и затруднит приток иностранных инвестиций. Заметна возросшая критика экономической политики и более отчётливые требования буржуазии. Рассматривать такое изменение можно двояко: как рост влияния съездов и их возможностей выражать мнение предпринимательского сообщества или же как признак слабеющей власти, которая уже не могла контролировать риторику съездов так, как это планировалось в соответствии с Положением 1897 года. (ссылка на докладную записку). В любом случае можно заключить, что подобные записки выполняли не только функцию прямого запроса к власти, но и роль экспертных заключений, стремившихся повлиять на правительственные решения путём демонстрации их возможных макроэкономических и отраслевых последствий.

Однако сословные ограничения и государственный контроль над формальными каналами делали их недостаточно гибкими для решения многих оперативных вопросов. Этот институциональный дефицит компенсировался развитием неформальных практик лоббизма: участие в работе представительских организаций выходцев из государственного аппарата и неформальные связи между предпринимателями и представителями государства. В условиях, когда доступ к представительству был ограничен сословными и имущественными барьерами, реальное воздействие на экономическую политику часто осуществлялось через личные связи и практику так называемых «вращающихся дверей» (revolving doors), когда бывшие высокопоставленные чиновники занимали ключевые посты в коммерческих структурах, и наоборот.

Этот феномен создавал гибридные фигуры, сочетавшие административный ресурс с предпринимательскими интересами. Ярким примером может служить карьера Алексея Ивановича Путилова [10]. Начав службу в Министерстве финансов и будучи близким сотрудником С.Ю. Витте, он после отставки возглавил Русско-Азиатский банк и создал мощный промышленно-финансовый конгломерат, включавший Путиловский завод. Его личные связи в министерствах обеспечивали не только доступ к конфиденциальной информации, но и возможность лоббировать интересы тяжелой индустрии в кулуарных беседах, предваряя или дополняя официальные ходатайства биржевых комитетов. Другим примером служит Иван Алексеевич Вышнеградский – ученый, министр финансов (1887–1892), а впоследствии – председатель правления Юго-Западных железных дорог и член советов ряда промышленных компаний [14]. Анализируя этот феномен, Л.Е. Шепелев [14] приходит к выводу, что «вращающиеся двери» были не столько исключением или злоупотреблением, сколько системным механизмом согласования интересов в условиях авторитарного государства. Уход в отставку с высокого поста и получение места в совете директоров банка или крупного завода становились для сановника формой финансовой подстраховки, а для бизнеса – способом приобрести надежного лоб-

биста, обладающего нужными связями и знанием бюрократической кухни. В свою очередь, власть через таких людей сохраняла неформальные рычаги влияния на коммерческие структуры. Это создавало замкнутую элитарную сеть, эффективную для согласования интересов верхушки, но непрозрачную и закрытую для среднего и мелкого предпринимательства.

Эти «вращающиеся двери» работали в обе стороны: не только чиновники уходили в бизнес, но и представители предпринимательских династий получали государственные посты или звания (коммерции советники, статские советники), дававшие формальный статус и доступ к бюрократической элите. Внутри самих биржевых комитетов личные связи, часто укрепленные родственными узами и многолетним деловым сотрудничеством, формировали закрытые сети доверия. Московская купеческая элита (Морозовы, Рябушинские, Третьяковы) опиралась на традиционные каналы влияния через московское купеческое общество и благотворительность. Петербургские же промышленники, такие как Н.С. Авдаков или А.И. Вышнеградский, действовали через более формализованные, но столь же непубличные контакты в министерствах, участвуя в работе экспертных комиссий и совещаний [14].

Таким образом, формальные институты и неформальные не противоречили, а взаимодополняли друг друга, образуя единую, хотя и внутренне противоречивую систему лоббирования интересов крупного капитала. Эта система была эффективна для узкого круга элиты, но оставляла за бортом мелких и средних предпринимателей, а также иностранных капиталистов, не встроенных в эти сети. Она же делала весь процесс влияния непрозрачным и зависимым от конкретных персоналий, что в условиях нарастающего кризиса империи обнажило её уязвимость и ограниченность.

Особое совещание 1907 г. при Министерстве торговли и промышленности служит классическим примером работы системы экономического лоббизма в поздней Российской империи. Поводом для его созыва стала жалоба российских производителей сельхозмашин на дискриминационную политику государства. Казенные склады Переселенческого управления (ГУЗиЗ), пользуясь льготами и кредитами Госбанка, закупали и продавали импортную технику, создавая невыносимые условия конкуренции для частных заводов [11].

Важно, что проблема была институционализирована не отдельными предпринимателями, а их представительными органами. Инициатором созыва совещания выступил Съезд русских фабрикантов земледельческих машин и орудий (Харьков, 1906 г.) [11]. На самой площадке интересы бизнеса координированно представлял Совет съездов представителей промышленности и торговли. Его делегаты, такие как А.А. Вольский, использовали комплексную стратегию: они оперировали экономической экспертизой, доказывая убыточность конкуренции с госскладами, и предлагали конкретные альтернативы – перевести эти склады на коммерческие рельсы или передать их функции частникам [11].

Лоббирование принесло частичный, но значимый успех, развивавшийся в два этапа. Сначала в 1907 году было принято ключевое решение об ограничении кредитов Госбанка покупкой машин российского производства [6]. Затем, в результате дальнейших переговоров, был достигнут более сложный компромисс, закрепленный Законом от 24 мая 1909 г.: разрешался беспошлинный ввоз недостающих деталей [8]. Это отвечало интересам промышленников, нуждавшихся в качественных комплектующих, но при этом сохраняло защитный барьер для готовой продукции.

Кейс 1907 г. демонстрирует возросшую зрелость представительских институтов. Биржевые комитеты и съезды смогли консолидировать бизнес, выдвинуть профессиональную аргументацию и добиться реальных финансовых и законодательных уступок. Однако их влияние оставалось ограниченным: полностью изменить протекционистскую политику ГУЗиЗ не удалось, что подчеркивало верховенство государственной бюрократии как финального арбитра в экономических спорах.

К началу XX века в Российской империи с помощью представительских организаций сформировалась гибридная и во многом парадоксальная модель диалога между авторитарным государством и растущим предпринимательским сообществом. Данная модель оказалась под влиянием двух противодействующих сил: внутренней консолидации буржуазии, стремившейся к более активному участию в принятии решений, и консервативном взгляде государства, заинтересованном в развитии промышленности, но не желавшем уступать власть. Возможность оказания влияния на экономическую политику государства бизнесом обеспечивалось легальными институтами представительства интересов с помощью ходатайств и экспертных записок. Вместе с этим никуда не исчезли элементы архаики, такие как сословные ограничения, а также имели место и более формальные инструменты.

Сформировавшаяся в этот период модель взаимодействия государства и предпринимательского класса носила двойственный, гибридный характер. С одной стороны, она знаменовала собой несомненный шаг вперед по сравнению с периодом середины XIX века: были созданы легитимные институциональные площадки (биржевые комитеты, отраслевые и всероссийские съезды), получившие законодательно закрепленное право артикулировать интересы промышленников и торговцев. Возник прецедент системного диалога, в рамках которого мнение бизнеса, оформленное в виде экспертных записок, ходатайств и журналов заседаний, становилось обязательным к рассмотрению фактором при выработке правительственного курса. Успешное разрешение кейса с Особым совещанием по сельхозмашинам 1907 года, завершившееся корректировкой таможенной и кредитной политики, наглядно продемонстрировало потенциальную результативность такой коммуникации: консолидированная позиция, подкрепленная качественной экономической экспертизой, способна была приводить к реальным законодательным и финансовым уступкам со стороны государства.

С другой стороны, эта модель оставалась глубоко противоречивой и не завершенной в своей институциональной полноте. Государство, выступив инициатором и легитиматором диалога, последовательно сохраняло за собой исключительное право на окончательное решение, рассматривая представительные организации не как равноправных партнеров, а как совещательные структуры при органах исполнительной власти. Это подтверждается как законодательными нормами Положения 1897 года, ставившими съезды под жесткий контроль министерств, так и риторикой высших сановников, подчеркивавших, что голоса предпринимателей могут быть «взвешены», но не «сочтены» в процессе принятия решений. Сохранение сословных барьеров в биржевых комитетах, отсекавших от формального представительства целые пласты предпринимательства (дворянскую, иностранную, мелкую и среднюю буржуазию), консервировало архаичную социальную структуру и препятствовало формированию универсальной системы представительства. Возникший дисбаланс между формальными, но ограниченными институтами и развитой системой неформальных практик («вращающиеся двери», кулуарные связи, клановые сети) создавал ситуацию, при которой эффективный лоббизм был возможен лишь для узкого круга элиты, встроенной в бюрократические и придворные связи. Это делало всю систему зависимой от персоналий и непрозрачной, что в условиях нараставшего системного кризиса империи обнажило ее уязвимость: формальные каналы оказались недостаточно гибкими, а неформальные – слишком хрупкими для мобилизации широкой общественной поддержки назревших реформ.

Заключение

Обращение к этому историческому опыту представляет не только академический интерес, но и обладает значимым эвристическим потенциалом для понимания современных процессов, переживаемых Российской Федерацией. Как и в начале XX века, сегодня страна вновь находится в фазе глубокой структурной перестройки экономики, поиска новых моделей взаимодействия государства и бизнеса в условиях внешних ограничений и необходимости мобилизации внутренних ресурсов развития. Исторический опыт подсказывает, что устойчивость и эффективность этого взаимодействия напрямую зависят от степени институционализации диалога. Создание дееспособных, независимых и при этом ответственных представительских организаций, обладающих реальной, а не декоративной экспертной функцией, является не уступкой бизнесу, а стратегическим ресурсом государства. Такие институты способны выполнять важнейшую роль «фильтра» и «усилителя» обратной связи, трансформируя множество разрозненных корпоративных жалоб в системные, проработанные предложения, снижая тем самым риски принятия волюнтаристских решений, не учитывающих сложную структуру экономики.

Принципиальное значение исторического опыта заключается в выявлении рисков, сопряженных с формированием декоративных, лишенных реального властного ресурса структур корпоративного представительства. Биржевые комитеты и съезды стали влиятельной силой не столько благодаря дарованным им правам, сколько благодаря накопленной компетенции, способности генерировать качественную экспертизу и консолидированно отстаивать свою позицию. В современной России, где процессы структурной трансформации требуют тонкой настройки механизмов государственного регулирования и поддержки, востребован именно такой формат диалога. Формирование устойчивых «правил игры», при которых мнение бизнес-сообщества, выраженное через легитимные отраслевые и межотраслевые объединения, становится неотъемлемым элементом процесса выработки экономической политики, позволяет минимизировать ошибки «руч-

ного управления» и создать более предсказуемую и эффективную среду для долгосрочных инвестиций. История становления лоббизма в Российской империи убедительно свидетельствует: игнорирование государством консолидированной позиции экономически активных субъектов или сведение диалога к формальной процедуре чревато накоплением системных противоречий, в то время как выстраивание работающих институтов согласования интересов становится важнейшим фактором экономической устойчивости и успешной адаптации к большим вызовам.

Литература

1. Бессолицын А.А. Предпринимательские организации в России в конце XIX – начале XX веков: мифы и реальность // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 1. С. 5–12.

2. Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитиеи особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 57–80.

3. Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности (окончание) // История СССР. 1963. № 3. С. 37–60.

4. Докладная записка Совета съездов представителей промышленности и торговли Министерству торговли и промышленности с ходатайством об отмене запрещения правительства увеличивать основные капиталы акционерных обществ. 26 июля 1917 г. // Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/168594 (дата обращения: 02.03.2026).

5. Журналы заседаний Восьмого очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 2,3 и 4 мая 1914 г. в Петрограде. – Петроград: Типолитогр. и фабрика конторских книг «Евг. Тиле преемн.», 1915.

6. Петров А.Ю. Маккормик или Бутенопы? Проблема государственной поддержки импортозамещения сельскохозяйственных машин в России начала XX в. (по материалам Особого совещания 1907 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 3. С. 19–33.

7. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. – М.: Мосгорархив, 2002. 436 с.

8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 29. Отд-ние 1. № 31914. – Санкт-Петербург: Гос. Тип., 1909.

9. Положение о съездах представителей промышленности и торговли: Высочайше утвержденное положение Совета министров 24 августа 1906 г. // Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8464-polozhenie-o-sezdah-predstaviteley-promyshlennosti-i-torgovli (Дата обращения: 15.02.2026)

10. Путилов Николай Иванович. Биография // История российского предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: http://historybiz.ru/putilov-nikolaj-ivanovich.html (Дата обращения: 15.02.2026)

11. Рукосуев Е.Ю. Организации предпринимателей в России в конце XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 99–109.

12. Свод законов Российской империи. Т. IX: Законы о состояниях. – Санкт-Петербург: Тип. Второго отделения Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1857.

13. Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. 2: Уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, и устав ремесленный. – Санкт-Петербург: Тип. Второго отделения Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1857.

14. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 275 с.

STOCK EXCHANGE COMMITTEES AND CONGRESSES OF INDUSTRIAL REPRESENTATIVES IN THE RUSSIAN EMPIRE: THE DEVELOPMENT OF A SYSTEM OF ECONOMIC LOBBYING AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Lisov D.A.
Saint Petersburg State University

The article analyzes the formation and functioning of institutions representing entrepreneurial interests in the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries. In the context of the current structural transformation of the Russian economy, referring to the historical experience of state-business interaction becomes particularly relevant. The paper examines the evolution of stock exchange committees and all-Russian congresses of industry and trade representatives from local self-governing bodies into authoritative centers of economic expertise and subjects of industrial lobbying. Special attention is paid to the legal foundations of their activities, as established in the Russian Empire Code of Laws and the 1897 Regulation on Congresses, as well as to formal instruments for influencing government policy (petitions, memoranda). Using the case of the 1907 Special Conference on the trade of agricultural machinery, the mechanism and effectiveness of lobbying efforts are demonstrated. The author analyzes the institutional deficit of formal channels, which was compensated by the development of informal practices, including the phenomenon of "revolving doors" (the movement of officials into business and vice versa). The conclusion highlights the hybrid nature of the resulting dialogue model: on the one hand, legitimate platforms for articulating interests were created; on the other, the state maintained a monopoly on final decision-making, making the system effective only for a narrow elite. The author argues that this historical experience holds heuristic potential for building modern mechanisms of interaction between government and business in Russia.

Keywords: history of Russia, entrepreneurial organizations, state and business, institutional analysis, revolving doors, Sergei Witte, Special Conference of 1907.

References

1. Bessolitsyn A.A. Entrepreneurial organizations in Russia in the late 19th – early 20th centuries: myths and reality // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2005. No. 1. pp. 5–12.

2. Gindin I.F. Russian bourgeoisie in the period of capitalism, its development and features // History of the USSR. 1963. No. 2. P. 57–80.

3. Gindin I.F. The Russian bourgeoisie in the period of capitalism, its development and features (conclusion) // History of the USSR. 1963. No. 3. P. 37–60.

4. Report of the Council of Congresses of Representatives of Industry and Trade to the Ministry of Trade and Industry with a petition to lift the government ban on increasing the fixed capital of joint-stock companies. July 26, 1917 // Electronic Library of Historical Documents [Electronic resource]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/168594 (date of access: 02.03.2026).

5. Minutes of the meetings of the Eighth Regular Congress of Representatives of Industry and Trade, held on May 2, 3, and 4, 1914, in Petrograd. – Petrograd: Tipolitogr. i fabrika kontorskikh knig "Yevg. Tile preyemn.", 1915.

6. Petrov A. Yu. McCormick or the Butenopes? Problem of state support of agricultural machines production import substitution in Russia in the early 20th century (following materials of 1907 Special conference) // RUDN Journal of Russian History. 2011. No. 3. P. 19–33.

7. Petrov Yu.A. Moscow bourgeoisie at the beginning of the 20th century: entrepreneurship and politics. – Moscow: Mosgorarkhiv, 2002. 436 p.

8. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 29. Section 1. No. 31914. – St. Petersburg: State Printing House, 1909.

9. Regulation on the congresses of representatives of industry and trade: Supremely approved regulation of the Council of Ministers of August 24, 1906 // Electronic Library of Historical Documents [Electronic resource]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8464-polozhenie-o-sezdah-predstaviteley-promyshlennosti-i-torgovli (Accessed: 15.02.2026)

10. Putilov Nikolai Ivanovich. Biography // History of Russian Entrepreneurship [Electronic resource]. URL: http://historybiz.ru/putilov-nikolaj-ivanovich.html (Accessed: 15.02.2026)

11. Rukosuev E. Yu. Organizations of entrepreneurs in Russia in the late 19th – early 20th centuries // Ural Historical Journal. 2013. No. 3 (40). P. 99–109.

12. Code of laws of the Russian Empire. Vol. IX: Laws on States. – St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1857.

13. Code of laws of the Russian Empire. Vol. XI, Part 2: Credit, Trade, Factory and Plant Industry Statutes, and Craft Statutes. – St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1857.

14. Shepelev L.E. Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the 19th century: Problems of trade and industrial policy. – Leningrad: Nauka: Leningrad branch, 1981. 275 p.

Цифровая обратная связь как механизм общественного контроля: сравнительный анализ российских платформ

Малеев Вадим Валерьевич,
аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: evilseph4@gmail.com

Статья посвящена политологическому анализу цифровых платформ обратной связи как институциональной формы общественного контроля в современной России. Исследовательский вопрос состоит в том, превращают ли платформенные механизмы коммуникации государства и граждан цифровое участие в реальный механизм публичной подотчетности. Теоретическая рамка объединяет концепцию подотчетности власти, подходы к цифровому управлению (digital governance), исследования платформенного управления. Эмпирическую основу составили нормативные акты Российской Федерации, официальные документы цифровой трансформации, а также материалы по трем кейсам: Платформе обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе», интернет-ресурсу «Российская общественная инициатива» и проекту «Активный гражданин». Показано, что цифровые платформы расширяют доступ граждан к каналам обращения, ускоряют фиксацию локальных проблем и повышают прозрачность исполнения отдельных запросов. Вместе с тем они не устраняют базовую институциональную асимметрию между государством и обществом: постановка повестки, правила обработки сообщений и последствия участия в значительной мере определяются самой публичной администрацией. Делается вывод, что в современной России платформы обратной связи формируют ограниченный механизм общественного контроля: они повышают способность государства своевременно реагировать на сигналы общества, но лишь частично создают условия для внешней оценки цифровой политики, оспаривания решений и изменения правил цифрового управления.

Ключевые слова: общественный контроль, цифровизация, цифровое государство, платформенное управление, обратная связь, цифровое участие, публичная подотчетность.

Введение

Цифровизация публичного управления в России становится не только технологической, но и политико-институциональной трансформацией. Она меняет способы взаимодействия государства и граждан, режимы доступа к информации и формы фиксации общественных требований. В этих условиях особое значение приобретают цифровые платформы обратной связи, которые одновременно расширяют участие и перестраивают механизмы подотчетности власти [6].

Для политической науки принципиален вопрос о том, следует ли рассматривать такие платформы как полноценный институт общественного контроля либо как инструмент управляемой коммуникации. Само наличие электронного канала не означает автоматического усиления контроля. Контроль предполагает не только передачу сигнала, но и возможность общества поставить вопрос, получить объяснение, оценить действия власти и добиться институционально значимого результата [2].

Обзор научной литературы и степень разработанности проблемы

Проблематика статьи находится на пересечении четырех исследовательских направлений. Первое связано с теорией подотчетности власти. В концепции М. Бовенса подотчетность включает обязанность актора объяснять свои действия, наличие внешней инстанции оценки и возможность наступления последствий [2]. Эта схема позволяет отличить общественный контроль от консультирования и простой обратной связи.

Второе направление образуют исследования цифрового государства и цифрового управления (digital governance), где цифровизация рассматривается как реорганизация административных процессов, каналов предоставления услуг и способов координации внутри государства [3]. В российской политологической литературе данная линия получила развитие в работах о трансформации институтов власти под воздействием цифровых технологий, о рисках алгоритмизации и о новых формах зависимости политики от технологической инфраструктуры [6].

Третье направление связано с понятием платформенного управления (platform governance). Исследователи показывают, что платформы задают правила допустимых действий, структурируют доступ к данным и перераспределяют власть через устройство интерфейсов и процедур обработки информации [4;5]. Поэтому прозрачность интерфейса не тождественна прозрачности принятия решений [1].

Четвертое направление представлено российскими исследованиями электронного участия. Работы Ю.А. Кабанова и А.В. Чугунова показывают, что с 2020-х годов в России усиливается централизация платформ участия и их встраивание в контур межуровневого управления [7; 19]. Вместе с тем остается недостаточно изученным вопрос о том, в какой мере платформенная обратная связь превращается именно в институт общественного контроля. Эта лакуна и определяет исследовательскую задачу статьи.

Цель и задачи исследования

Цель статьи состоит в выявлении политико-институциональной природы цифровых платформ обратной связи как механизма общественного контроля в современной России. Для достижения цели решаются три задачи: разграничить платформенное участие, платформенную обратную связь и платформенный общественный контроль; сопоставить институциональное устройство трех российских платформ; определить политико-управленческие ограничения превращения цифровой обратной связи в механизм публичной подотчетности.

Теоретико-методологическая основа

Статья опирается на институциональный подход, исследования в области управления и концепцию публичной подотчетности. Общественный контроль понимается как институционализированное отношение, в рамках которого общественные акторы способны не только направлять требования власти, но и оценивать ее действия по публично значимым критериям [2]. Такой подход позволяет отделить контроль от административной обработки обращений.

Основным методом исследования является case study – сравнение трех российских цифровых платформ обратной связи. Эмпирический фокус ограничен периодом 2017–2026 гг., когда цифровизация окончательно закрепилась как приоритет государственной политики [13; 14]. В качестве кейсов выбраны ПОС «Госуслуги. Решаем вместе», РОИ и «Активный гражданин» как три разные модели цифрового участия: обращение по проблеме, инициатива «снизу», массовое голосование по вопросам городской политики.

Цифровые платформы в институциональной системе общественного контроля

Российская модель общественного контроля нормативно оформлена до нынешнего этапа цифровой трансформации. Федеральный закон № 212-ФЗ закрепил субъекты и формы общественного контроля, но не создал специального режима для проверки государственных цифровых систем и автоматизированных решений [16]. Параллельно законодательство об информации, доступе к сведениям о деятельности органов власти и персональных данных сформировало общие рамки цифрового взаимодействия [15; 17; 18].

В стратегических документах цифрового развития акцент сделан прежде всего на эффективности, бесшовности сервисов, управлении на основе данных и цифровой зрелости государства [8; 13; 14]. Отсюда возникает структурное противоречие: цифровые платформы развиваются как инструмент повышения управляемости, а не как автономный институт внешней общественной оценки. Поэтому вопрос об общественном контроле переносится с уровня формальной доступности платформ на уровень их институционального устройства.

Для различения цифрового участия и общественного контроля в статье предлагаются четыре критерия. Первый – возможность общества влиять на постановку повестки, а не только выбирать в заранее заданных рамках. Второй – наличие внешней по отношению к администрации процедуры оценки результата. Третий – прослеживаемость прохождения обращения и публичность итогового решения. Четвертый – возможность оспаривания автоматизированного распределения и обработки сообщений. Если эти условия реализованы лишь частично, платформа остается каналом участия, но не становится полноценным институтом контроля.

Сравнительный анализ российских кейсов

Платформа обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе» представляет собой наиболее развитую инфраструктуру административной обратной связи. Ее сильная сторона состоит в стандартизации обращений, сравнительно высокой скорости передачи сообщений и возможности отслеживать статус рассмотрения. Однако политический предел данной модели очевиден: гражданин включается преимущественно как источник информации о проблеме, а не как субъект публичной оценки правил ее решения. ПОС лучше всего работает там, где требуется устранить локальный сбой, но значительно слабее – там, где необходимо обсуждать основания цифровой политики или добиваться пересмотра процедур [19].

Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» институционально ближе к логике контроля снизу, поскольку позволяет гражданам выдвигать собственные предложения, а не только реагировать на уже заданную повестку [9; 12]. Вместе с тем высокая пороговая модель, предварительная экспертиза и передача итогового решения экспертным группам существенно ограничивают прямое политическое влияние инициатив. В результате РОИ создает канал артикуляции требований, но не гарантирует их преобразование в обязательные для власти решения.

Проект «Активный гражданин» демонстрирует иную конфигурацию. Его политическое значение определяется массовостью участия и видимой связью между голосованием и отдельными городскими решениями [10]. Но именно эта платформа наиболее отчетливо показывает пределы платформенного контроля: основная часть повестки формируется сверху, а граждане чаще включаются в режим выбора между уже предложенными вариантами. Следовательно, платформа обеспечивает масштабную мобилизацию мнений, но не устраняет зависимость участия от административной постановки вопроса.

Сопоставление трех кейсов позволяет сделать важный вывод. В российской практике цифровые платформы распределяются по оси от инициативы снизу к административно заданной коммуникации, однако ни одна из моделей не соединяет в полной мере открытое формирование повестки, независимую оценку и обязательные последствия для власти. Поэтому платформенная среда расширяет каналы контакта между государством и обществом, но не снимает институциональных ограничений общественного контроля.

Проведенный анализ показывает, что цифровые платформы обратной связи в современной России образуют не самостоятельный институт общественного контроля, а ограниченный механизм подотчетности, встроенный в административную архитектуру цифрового государства. Они реально расширяют участие, снижают издержки обращения и делают более заметным прохождение отдельных запросов, однако не создают равновесного распределения возможностей между государством и обществом.

Во-первых, различия между ПОС, РОИ и «Активным гражданином» определяются прежде всего устройством повестки: от инициативы снизу к выбору в рамках заранее заданных альтернатив. Во-вторых, централизация платформ усиливает интеграцию уровней власти и качество управленческой информации в большей степени, чем внешнюю общественную оценку цифровых решений [19]. В-третьих, ключевой дефицит российской модели состоит в слабости процедур внешней оценки, недостаточной прозрачности обработки сообщений и ограниченности институциональных последствий участия.

Политико-управленческие ограничения цифровой открытости

Главное ограничение связано с тем, что платформы встроены в вертикаль публичного управления. Для государства они ценны не только как канал участия, но и как инструмент сбора данных, сравнения территорий, контроля исполнительской дисциплины и раннего обнаружения локальных проблем. Это означает, что общественная обратная связь одновременно становится ресурсом административного мониторинга. В такой конфигурации усиливается государственная дееспособность, но не обязательно общественная автономия.

Второе ограничение касается непрозрачности процедур обработки сообщений. Пользователь видит интерфейс обращения, но не располагает полной информацией о правилах его распределения, приоритетности, агрегации и исключения из дальнейшего рассмотрения. Именно здесь возникает разрыв между видимой открытостью и реальной подотчетностью: участие становится удобным, но условия принятия решения остаются закрытыми [1; 5].

Третье ограничение связано с индивидуализацией участия. Цифровые платформы лучше приспособлены к обработке стандартизированного сигнала, чем к поддержке коллективной экспертизы и публичного спора. В результате общественный контроль смещается от коллективного суждения о правилах управления к регистрации отдельных запросов и жалоб. Это усиливает сервисную составляющую взаимодействия, но ослабляет способность общества выступать как самостоятельный субъект политической оценки цифровизации.

Выводы

Цифровые платформы обратной связи следует рассматривать как важный, но неполный механизм общественного контроля над цифровизацией. Их политическая функция состоит не только в расширении каналов участия, но и в перераспределении самих форм взаимодействия государства и общества: общественное требование переводится в цифровой сигнал, пригодный для административной обработки. За счет этого возрастает оперативность реагирования, но сужается пространство для независимой публичной оценки правил цифрового управления.

Специфика российского случая заключается в том, что цифровая обратная связь институционализируется преимущественно внутри логики сильного государства и управленческой эффективности. Поэтому дальнейшее развитие общественного контроля в цифровой среде связано не столько с увеличением числа платформ, сколько с усилением внешних процедур оценки: публикацией агрегированных данных о рассмотрении обращений, расширением роли общественных советов и экспертных сообществ, а также созданием механизмов оспаривания автоматизированной обработки сообщений. Без этих условий цифровое участие будет оставаться значимым каналом коммуникации, но не превратится в полноценный институт публичной подотчетности.

Литература

1. Ananny M., Crawford K. Seeing without knowing: Limitations of the transparency ideal and its application to algorithmic accountability // New Media & Society. 2018. Vol. 20, № 3. P. 973–989.

2. Bovens M. Analysing and Assessing Accountability: A Conceptual Framework // European Law Journal. 2007. Vol. 13, № 4. P. 447–468.

3. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and e-Government. Oxford: Oxford University Press, 2006. 304 p.

4. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. 240 p.

5. Yeung K. Algorithmic regulation: a critical interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12, № 4. P. 505–523.

6. Володенков С. В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д. Современное государство в условиях цифровых технологических трансформаций: политические возможности, риски и вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 351–366.

7. Кабанов Ю. А., Чугунов А.В. Развитие человеческого потенциала, социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 101–114.

8. Правительство Российской Федерации. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: https://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 25.03.2026).

9. РОИ. О проекте // Российская общественная инициатива. URL: https://www.roi.ru/page/about/ (дата обращения: 25.03.2026).

10. Собянин рассказал, как москвичи меняют город с помощью «Активного гражданина» // Портал «Открытый бюджет г. Москвы». 04.04.2024. URL: https://budget.mos.ru/news/11185 (дата обращения: 25.03.2026).

11. Третьяков Н. А., Коробов А.А. Оценка эффективности общественного контроля публичной политики в условиях цифровизации // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 3. С. 72–78.

12. Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»».

13. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

14. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

15. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

16. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

17. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

18. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

19. Чугунов А. В., Панфилов Г.О., Кабанов Ю.А. Централизация системы электронного участия в России: взгляд из регионов // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18, № 2. С. 25–35.

DIGITAL FEEDBACK AS A MECHANISM OF PUBLIC OVERSIGHT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN PLATFORMS

Maleev V.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to a political science analysis of digital feedback platforms as an institutional form of public control in contemporary Russia. The research question is whether platform-based mechanisms of communication between the state and citizens transform digital participation into a real mechanism of public accountability. The theoretical framework combines the concept of accountability, approaches to digital governance, and studies of platform governance. The empirical basis includes regulatory legal acts of the Russian Federation, official documents on digital transformation, as well as materials from three case studies: the Public Services Feedback Platform («Gosuslugi. Reshaem Vmeste»), the Russian Public Initiative (ROI) website, and the «Active Citizen» project. It is shown that digital platforms expand citizens' access to communication channels, accelerate the reporting of local problems, and increase transparency in the implementation of certain requests. At the same time, they do not eliminate the fundamental institutional asymmetry between the state and society: agenda-setting, rules for processing messages, and the consequences of participation are largely determined by public authorities themselves. The article concludes that in contemporary Russia feedback platforms constitute a limited mechanism of public control: they enhance the state's capacity to respond to societal signals in a timely manner, but only partially create conditions for external evaluation of digital policy, contestation of decisions, and changes in the rules of digital governance.

Keywords: public control; digitalization; digital state; platform governance; feedback; digital participation; public accountability.

References

1. Ananny M., Crawford K. Seeing without knowing: Limitations of the transparency ideal and its application to algorithmic accountability // New Media & Society. 2018. Vol. 20, № 3. P. 973–989.

2. Bovens M. Analyzing and Assessing Accountability: A Conceptual Framework // European Law Journal. 2007. Vol. 13, № 4. P. 447–468.

3. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and e-Government. Oxford: Oxford University Press, 2006. 304 p.

4. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. 240 p.

5. Yeung K. Algorithmic regulation: a critical interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12, № 4. P. 505–523.

6. Volodenkov S. V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D. The modern state in the context of digital technological transformations: political opportunities, risks, and challenges // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. Vol. 24, № 3. P. 351–366.

7. Kabanov Yu. A., Chugunov A.V. Human potential development, social policy, and electronic civic participation in Russian regions // Journal of Social Policy Studies. 2021. Vol. 19, № 1. P. 101–114.

8. Government of the Russian Federation. National Project «Data Economy and Digital Transformation of the State.» URL: https://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (accessed on March 25, 2026).

9. ROI. About the Project // Russian Public Initiative. URL: https://www.roi.ru/page/about/ (accessed on March 25, 2026).

10. Sobyanin Explained How Muscovites Are Changing the City with the Help of «Active Citizen» // Open Budget of Moscow Portal. April 4, 2024. URL: https://budget.mos.ru/news/11185 (accessed on March 25, 2026).

11. Tretyakov N. A., Korobov A.A. Assessing the Effectiveness of Public Control of Public Policy in the Context of Digitalization // Social and Political Sciences. 2025. Vol. 15, № 3. Pp. 72–78.

12. Decree of the President of the Russian Federation of March 4, 2013 № 183 «On the consideration of public initiatives submitted by citizens of the Russian Federation using the «Russian Public Initiative» internet resource».

13. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 № 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030».

14. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474 «On the national development goals of the Russian Federation through 2030».

15. Federal Law of February 9, 2009 № 8-FZ «On ensuring access to information on the activities of state bodies and local governments».

16. Federal Law of July 21, 2014, № 212-FZ «On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation».

17. Federal Law of July 27, 2006, № 149-FZ «On Information, Information Technologies, and Information Protection».

18. Federal Law of July 27, 2006, № 152-FZ «On Personal Data».

19. Chugunov, A. V., Panfilov, G. O., and Kabanov, Yu. A. «Centralization of the Electronic Participation System in Russia: A Regional Perspective». Perm University Bulletin. Political Science. 2024. Vol. 18, № 2. Pp. 25–35.

Трансформация государственного суверенитета под воздействием информационно-когнитивных технологий политического противоборства

Мышкин Константин Николаевич,
аспирант кафедры сравнительной политологии РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1142221068@rudn.ru

В статье исследуется фундаментальная трансформация феномена государственного суверенитета в условиях экспансии информационно-когнитивных технологий. Автор проблематизирует традиционное понимание вестфальского суверенитета, демонстрируя его недостаточность для описания политической субъектности в эпоху «постправды» и алгоритмического управления. Исследование фокусируется на механизмах эрозии государственной монополии на легитимное насилие и формирование смыслов, переходя к концепции «когнитивного суверенитета». Доказывается, что устойчивость государства теперь зависит не столько от нерушимости границ, сколько от способности обеспечивать когнитивную безопасность граждан и сохранять контроль над национальной информационной инфраструктурой.

Ключевые слова: Суверенитет, цифровизация, когнитивность, легитимность, манипуляция, алгоритм, платформа, безопасность.

Современная политическая теория столкнулась с методологическим кризисом, обусловленным очевидным разрывом между нормативно-правовым закреплением государственного суверенитета и фактической способностью акторов реализовывать верховную власть. Традиционная вестфальская модель, подразумевающая эксклюзивный контроль государства над своей территорией и внутренними политическими процессами, подвергается эрозии не столько из-за экономической глобализации, сколько под воздействием стремительного развития информационно-когнитивных технологий (ИКТ). Проблема заключается не просто в появлении новых каналов коммуникации, а в качественном изменении природы политического противоборства, где объектом воздействия становится не физическая инфраструктура или вооруженные силы противника, а когнитивная сфера – процессы восприятия, мышления и принятия решений как элит, так и широких масс населения. Постановка вопроса о суверенитете, таким образом, смещается из плоскости территориальной юрисдикции в плоскость контроля над смысловыми паттернами и алгоритмическими процедурами, формирующими социальную реальность.

Следует констатировать, что информационно-когнитивные технологии перестали быть лишь инструментарием «мягкой силы» (soft power). В текущей конфигурации политического противоборства они обрели характер «острой силы» (sharp power), способной наносить прямой ущерб институциональной устойчивости государства без кинетического воздействия. Центральной проблемой здесь выступает утрата государством монополии на формирование информационной повестки и, как следствие, на легитимацию собственных решений [Дашкова С.В., 2020].

Если ранее суверен обладал исключительным правом на интерпретацию событий внутри своих границ через систему образования и государственные СМИ, то сегодня глобальные цифровые платформы и децентрализованные сети создают альтернативные контуры легитимности. Технологическая архитектура интернета, изначально игнорирующая национальные границы, создает экстериториальные юрисдикции, где правила модерации контента, устанавливаемые частными корпорациями, де-факто превалируют над национальным законодательством. Это приводит к феномену «алгоритмической десуверенизации», когда социальные процессы внутри страны регулируются кодом, написанным за её пределами и подчиненным непрозрачной логике.

Важно понимать, что трансформация суверенитета носит двухуровневый характер: инфраструктурный и когнитивный. На инфраструктурном уровне зависимость от иностранного программного обеспечения, аппаратных комплексов и стандартов передачи данных (например, корневых серверов DNS) превращает государство в «цифровую колонию», чья способность функционировать может быть ограничена извне нажатием условного рубильника. Однако когнитивный уровень представляет собой гораздо более сложную и опасную угрозу. Речь идет о целенаправленном воздействии на массовое сознание с целью создания «управляемого хаоса», делегитимации власти и разрушения ценностного ядра нации. Информационно-когнитивные технологии позволяют агрессору формировать у населения страны-мишени ложную картину мира, внедрять деструктивные нарративы и провоцировать социальные конфликты, используя внутренние противоречия [5]. В этом контексте суверенитет должен переосмысливаться как способность государства защищать когнитивную целостность своих граждан, обеспечивая им право на объективное восприятие реальности, свободное от манипулятивного внешнего вмешательства.

Анализ механизмов политического противоборства показывает, что современные когнитивные операции направлены на взлом цикла НОРД (Наблюдение – Ориентация – Решение – Действие) на всех уровнях управления. Внесение искажений на этапе «Наблюдения» и «Ориентации» приводит к принятию ошибочных решений, выгодных противнику. Причем, если в отношении военно-политического руководства используются сложные схемы дезинформации и дипломатической игры, то в отношении населения применяются технологии массового психометрического профилирования и микротаргетинга.

Алгоритмы социальных сетей, настроенные на максимизацию вовлеченности через эмоциональную накачку (преимущественно негативную), создают идеальную среду для распространения радикаль-

ных идей и поляризации общества. Феномен «эхо-камер» и «пузырей фильтров» приводит к фрагментации общенационального дискурса: граждане одного и того же государства начинают жить в принципиально разных информационных реальностях, утрачивая общий язык и базу для консенсуса. В таких условиях суверенитет как выражение «общей воли» народа становится фикцией, поскольку сама воля фрагментирована и манипулируема извне [Балановский В., Подъяков В., Грекова И., 2022].

Критическим аспектом проблемы является асимметрия ресурсов в информационно-когнитивном противоборстве. Государственные бюрократические машины, привыкшие к иерархическим структурам и длительным процедурам согласования, заведомо проигрывают в скорости реакции сетевым структурам и алгоритмическим системам. Пока государственные органы готовят официальное опровержение фейка, он успевает охватить миллионную аудиторию, закрепиться в сознании и сформировать эмоциональное отношение к событию. Скорость распространения информации в современных сетях превышает скорость работы правовых и административных механизмов государства. Это создает временной лаг, в котором суверенитет фактически отсутствует: событие уже произошло в информационном поле, последствия уже наступили, а государство еще только формулирует свою позицию [Кортунов А.В. РСМД]. Таким образом, темпоральность становится важным измерением суверенитета – способностью действовать в режиме реального времени.

Попытки разрешения данной проблемы через жесткое регулирование интернета, создание национальных файрволов или «суверенного рунета» являются естественной реакцией на угрозу, но несут в себе диалектическое противоречие. С одной стороны, они восстанавливают контроль над информационным пространством, возвращая государству атрибуты суверенитета. С другой стороны, чрезмерная изоляция может привести к технологическому отставанию и снижению конкурентоспособности национальной экономики, что в долгосрочной перспективе также подрывает суверенитет. Более того, чисто технические блокировки часто оказываются неэффективными против когнитивных вирусов, которые распространяются через социальную инженерию, мемы и культурные коды, обходя прямые запреты через иносказание и эзопов язык. Следовательно, восстановление суверенитета невозможно исключительно запретительными мерами; оно требует проактивной стратегии формирования смыслов.

Здесь мы подходим к ключевому тезису: современный суверенитет должен быть не столько оборонительным («защита от»), сколько проективным («способность к»). Способность государства производить и транслировать конкурентоспособные смыслы, ценности и образы будущего является главным фактором иммунитета против когнитивных атак. Если государство не заполняет смысловой вакуум, его заполняют чужие нарративы. Когнитивный суверенитет подразумевает наличие национальной ментальной экосистемы, в которой внешние деструктивные импульсы гасятся не цензурой, а высоким уровнем критического мышления граждан и доверием к отечественным институтам. Однако парадокс заключается в том, что само доверие методично разрушается технологиями «постправды», стирающими грань между фактом и вымыслом. Использование дипфейков, бот-ферм и нейросетей для генерации контента приводит к состоянию эпистемологической неуверенности, когда гражданин перестает верить любым источникам информации, включая официальные [Морозова Н.В., Мамчуев А.К., Хатуаев Т.А., 2022: 44]. В этом состоянии общество атомизируется и становится неспособным к коллективному действию в интересах государства.

Необходимо также рассмотреть роль негосударственных акторов, которые в контексте информационного противоборства приобретают квазисуверенные функции. Транснациональные ИТ-гиганты обладают финансовыми, технологическими и информационными ресурсами, сопоставимыми или превосходящими ресурсы многих государств. Они ведут собственную «внешнюю политику», вступают в альянсы с правительствами или конфликтуют с ними, имеют возможность влиять на исход выборов и социальную стабильность. Взаимоотношения между государством и техноплатформами переходят в фазу сложного торга, где суверенитет становится предметом переговоров. Государство вынуждено делегировать часть своих функций (например, идентификацию пользователей или мониторинг угроз) частным корпорациям, что размывает понятие публичной власти. Возникает гибридная форма управления, где суверенные решения фильтруются через корпоративные алгоритмы [Капогузов Е.А., Пахалов А.М., 2024: 244–250].

Таким образом, для разрешения проблемы утраты суверенитета требуется пересмотр самой концепции безопасности. Национальная безопасность более не может ограничиваться защитой границ и ресурсов; она должна включать в себя «когнитивную оборону». Это подразумевает создание суверенных технологических платформ (поисковиков, социальных сетей, видеохостингов), работающих на основе прозрачных для национального регулятора алгоритмов, а также развитие системы образования, формирующей навыки противодействия манипуляциям. Однако создание собственных платформ сталкивается с сетевым эффектом: пользователи тяготеют к глобальным сервисам из-за большого количества контента и социальных связей. Государство оказывается перед выбором: либо принудительно переводить граждан на национальные платформы, рискуя вызвать недовольство и протест, либо конкурировать качеством, что требует колоссальных инвестиций и креативного потенциала, часто подавляемого бюрократией.

Кроме того, суверенитет в цифровую эпоху становится понятием релятивистским. Абсолютный суверенитет невозможен в условиях глобальной связности сетей. Любое государство, включенное в мировую экономику, вынуждено принимать протоколы и стандарты, разработанные без его участия. Речь может идти лишь об «относительном суверенитете» или «управляемой взаимозависимости».

Задача политического руководства – минимизировать критические уязвимости в тех сферах, которые жизненно важны для выживания нации (энергетика, финансы, управление войсками, общественное мнение), допуская интеграцию во второстепенных областях. Информационно-когнитивное противоборство направлено именно на эти критические узлы [Медушевский А.Н. 2023: 85–98]. Смещение фокуса атаки с военных объектов на гражданскую инфраструктуру и психику людей стирает грань между войной и миром. Государство постоянно находится в состоянии латентного конфликта, где критерии победы и поражения размыты. Поражение суверенитета наступает не в момент капитуляции армии, а в момент, когда элита и общество принимают навязанную извне картину мира как свою собственную, добровольно отказываясь от национальных интересов.

Перспективным направлением укрепления суверенитета является разработка и внедрение «когнитивных щитов» на уровне законодательства и технологий. Это включает в себя маркировку контента, созданного ИИ, строгие требования к алгоритмической прозрачности для платформ, оперирующих на территории страны, и криминализацию целенаправленных кампаний по дезинформации, угрожающих конституционному строю. Однако правовое регулирование всегда отстает от технологического прогресса. Поэтому ключевым фактором остается человеческий капитал. Суверенитет сегодня – это интеллектуальное превосходство. Способность нации генерировать инновации в сфере ИИ, кибербезопасности и социальных технологий определяет её право на субъектность. Технологическая отсталость неминуемо ведет к политической зависимости, превращая страну в полигон для тестирования чужих когнитивных технологий.

Подводя итог анализу, можно утверждать, что государственный суверенитет не исчезает, но радикально мутирует. Из статичного правового статуса он превращается в динамический процесс непрерывного подтверждения дееспособности государства в информационном пространстве. Государство сохраняет суверенитет лишь до тех пор, пока оно способно удерживать контроль над «интерфейсом» взаимодействия между гражданином и реальностью. В условиях, когда этот интерфейс всё чаще становится цифровым и опосредованным алгоритмами третьих сторон, борьба за суверенитет становится борьбой за код и данные. Разрешение проблемы лежит в плоскости не отказа от технологий, а их национализации в широком смысле – не столько через смену собственников, сколько через подчинение их логики национальным интересам и ценностям. Только симбиоз технологической независимости и смысловой самодостаточности может гарантировать выживание государственного суверенитета в XXI веке.

Литература

1. Балановский В., Подъяконов В., Грекова И. Противоборство в когнитивной войне: борьба за человеческий разум // Системы безопасности. – 2022.

2. Дашкова С.В. Когнитивный аспект манипуляции сознанием личности террористическими организациями // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020.

3. Капогузов Е. А., Пахалов А.М. Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 64. – С. 244–250.

4. Кортунов А. В поисках баланса между свободой и справедливостью // Российский совет по международным делам.

5. Лагута В. С. О проблеме технологической независимости // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2015.

6. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2. – С. 85–98.

7. Морозова Н. В., Мамчуев А.К., Хатуаев Т.А. импортозамещение программного продукта в России // ЕГИ. 2022. № 6 (44).

THE TRANSFORMATION OF STATE SOVEREIGNTY AMIDST INFORMATION-COGNITIVE POLITICAL WARFARE

Myshkin K.N.
Russian Peoples' Friendship University named after. Patrice Lumumba

This article explores the fundamental shift in state sovereignty driven by the proliferation of information-cognitive technologies. The author challenges the traditional Westphalian model, highlighting its limitations in defining political agency within an era of "post-truth" and algorithmic governance. The study examines the erosion of the state's monopoly on both legitimate force and narrative construction (meaning-making), proposing a transition towards the concept of "cognitive sovereignty." The argument posits that state resilience now depends less on territorial integrity and more on the capacity to safeguard the cognitive security of its citizens and maintain control over national information infrastructure.

Keywords: Sovereignty, digitalization, cognition, legitimacy, manipulation, algorithm, platform, security.

References

1. Balanovsky V., Podyakov V., Grekova I. Confrontation in Cognitive Warfare: The Struggle for the Human Mind // Security Systems. – 2022.

2. Dashkova S.V. The Cognitive Aspect of Manipulation of Individual Consciousness by Terrorist Organizations // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. – 2020.

3. Kapoguzov E. A., Pakhalov A.M. Technological Sovereignty: Conceptual Approaches and Perceptions by Russian Academic Experts // Journal of the New Economic Association. – 2024. – No. 64. – P. 244–250.

4. Kortunov A. In Search of a Balance between Freedom and Justice // Russian International Affairs Council.

5. Laguta V.S. On the Problem of Technological Independence // Russia: Development Trends and Prospects. – 2015.

6. Medushevsky A.N. Cognitive Warfare: Social Control, Mind Management, and an Instrument of Global Domination. Part 1 // Issues of Theoretical Economics. – 2023. – No. 2. – P. 85–98.

7. Morozova N. V., Mamchuev A.K., Khatuaev T.A. Import Substitution of Software Products in Russia // EGI. 2022. No. 6 (44).

Концепция многовекторного анализа (МВА) идеологий: теоретическое обоснование и методологические рамки

Николаев Николай Петрович,
кандидат политических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Статья посвящена проблеме преодоления фрагментарности существующих методологических подходов к изучению идеологий. Автор фиксирует отсутствие в современной науке целостного инструментария для комплексного исследования идеологии как сложного, многоуровневого феномена. Актуальность разработки такого инструментария обусловлена возросшей ролью идеологических процессов в современной России и глобальном мире. Исследователь предлагает и обосновывает свою концепцию МВА идеологии, основанную на синтезе 5 взаимодополняющих вектора: 1. Морфологический; 2. Дискурсивно-риторический; 3. Психологический; 4. Биополитический; 5. Институциональный. Предложенный многовекторный подход позволяет преодолеть ограниченность монотематических исследований и получить целостный «портрет» идеологии как живой системы, связывающей идеи, дискурс, психологический аспект, отношение к человеку как биологическому объекту и институты. Ключевыми преимуществами МВА автор считает её способность: 1) обеспечивать всестороннее описание и глубокое понимание идеологии, 2) отслеживать её трансформации во времени, 3) служить основой для системного сравнительного анализа разных идеологий и 4) иметь практическую ценность для критической оценки и политического проектирования. МВА позиционируется как эффективный междисциплинарный инструмент для исследования сложных идеологических процессов XXI века.

Ключевые слова: идеология, многовекторный анализ, метод исследования идеологии

Введение

В последние годы в России все чаще звучат призывы закрепить «государственную идеологию», подкрепляемые попытками различных групп изложить идеологию России в виде концепций и программ. Одновременно глобальный мир переживает идеологические сдвиги и столкновение разных ценностных систем, что требует новых подходов к исследованию идеологий, учитывающих современные тенденции социальных изменений и развитие научно-технических достижений.

Понятие «идеология» отличается множественностью трактовок и аспектов. Идеологию можно понимать и как систему идей, ценностей и понятий, образующих целостную картину мира определенной социальной группы, и как основание политического порядка (устойчивый комплекс принципов, вокруг которого организована власть), и как особый дискурс, посредством которого власть артикулируется и легитимируется. Наиболее развернуто систематизацию дефиниций идеологии предложил Т. Иглтон (T. Eagleton), М. Хэмилтон (M.Hamilton), М. Фриден (M. Freeden) и др.

Современная наука накопила обширный арсенал методологических подходов к изучению идеологий – от политологического и социологического анализа содержательных аспектов до лингвистического анализа дискурса, от психологических исследований убеждений до биополитики и институциональных концепций. Это обуславливает необходимость разработки комплексного, междисциплинарного подхода, сочетающего достижения разных школ и направлений.

В данной статье обосновывается идея внедрения в научную практику концепции многовекторного анализа (МВА) идеологий, интегрирующей несколько аналитических «векторов» для всестороннего исследования идеологии как живой системы идей, дискурсов, практик и институтов, а также описываются методологические рамки данной концепции.

В качестве отправной точки такого подхода можно предложить пять ключевых вопросов, раскрывающих различные измерения идеологии:

Какие ценности и смыслы несет идеология: каково ядро идеологических идей, какие фундаментальные понятия и ценностные категории лежат в ее основе?;

Какими языковыми средствами и риторическими приемами идеология выражается публично, создавая свой нарратив и убеждая аудиторию принять определенную картину мира?;

На какие психологические механизмы воздействует идеология?;

Как идеология формирует и организует биологическую (телесную) жизнь человека?;

Как идеологическое влияние распространяется через социальные институты и на каких уровнях (от локального сообщества до государства и мира) оно ощутимо?.

Эти пять вопросов отражают основные измерения идеологии и соответствуют пяти аналитическим векторам: морфологическому, дискурсивно-риторическому, психологическому, биополитическому и институциональному. Актуальность МВА обусловлена прежде всего тем, что идеология фактически функционирует как система взаимодействующих уровней – смыслового, дискурсивного, эмоционально-психологического, телесно-нормативного, институционального – которые взаимно дополняют друг друга в поддержании власти и социального порядка.

Теоретическое обоснование пяти аналитических векторов

Для разработки концепции многовекторного анализа необходимо опереться на классическую и современную теоретическую базу различных научных направлений, охватывающую все указанные аспекты идеологии.

Морфологический вектор (анализ ценностно-смысловой структуры идеологии)

Морфологический анализ рассматривает идеологию как особую конфигурацию идей и ценностей, объединенных во внутренне связную систему. Данный подход был разработан М. Фриденом, предложившим изучать идеологии с точки зрения их морфологии, то есть структуры взаимосвязанных ключевых концептов [10].

Согласно Фридену, каждая идеология обладает «ядром» – набором базовых понятий, определяющих ее идентичность; смежными концептами, связывающими «ядро» с реальностью и адаптирующими его к историческому или тактическому контексту; а также более периферийными концептами: вспомогательными или ситуативными элементами, такими как конкретные институты, лозунги или тактические смыслы, которые адаптируются к контексту и ситуации и таким образом адаптируют саму идеологию, обеспечивая ее выживаемость.

Важнейшим механизмом, по Фридену, является деконтестация – закрепление за многозначными политическими понятиями конкретных значений в контексте конкретной идеологии. Иными словами, идеология устраняет конкурентные интерпретации ключевых терминов, утверждая собственное их понимание как единственно верное («на самом деле «свобода» – это…»). Процесс деконтестации превращает подвижные, спорные смыслы в устойчивые элементы идеологической доктрины.

Морфологический подход, формирующий «карту смыслов», позволяет ответить на вопрос, какие ценности и идеи лежат в основе идеологии и как они структурированы, тем самым раскрывая внутреннюю логику идеологического языка. Так, Карл Мангейм еще в начале XX века показал, что идеология каждой социальной группы представляет собой целостную систему мышления, отражающую перспективу этой группы. Он утверждал, что разные группы придают различный смысл одним и тем же идеям в зависимости от своего социального положения, и что все мировоззрения в некоторой мере идеологичны [4]. Фриден развил эти идеи, предлагая изучать именно конфигурацию идей: например, как деконтестированные понятия «свобода», «справедливость», «народ», «порядок» и др. соотносятся друг с другом в данной идеологии и образуют уникальный узор.

Значимость морфологического анализа состоит в возможности рассматривать идеологии не как набор догматических тезисов, а как динамичные структуры значений, способные изменяться с изменением контекста.

Дискурсивно-риторический вектор (анализ дискурса и риторики идеологии)

Идеология существует не только в виде абстрактных идей, но и в форме дискурса – текстов, речей, риторических приемов, с помощью которых эти идеи доносятся до общества и «живут» в обществе. Дискурсивно-риторический анализ объединяет два близких направления: критический анализ идеологического дискурса (нацеленный на выявление связей между языком и властью) и риторический анализ (изучающий, как идеология убеждает людей принять ее взгляды).

Представители критического дискурс-анализа (прежде всего, Тён ван Дейк) показали, что власть во многом осуществляется и воспроизводится через язык [14]. Идеологический дискурс задает рамки обсуждения, определяет, что считается «знанием» и «правдой», формирует когнитивные модели восприятия социальных групп и событий. Через выбор лексики, контроль над темами и интерпретациями, а также над доступом к дискурсу, язык служит средством легитимации существующих отношений доминирования. Например, распространенный идеологический прием – разделение мира на «Мы» и «Они», сопровождаемое положительной оценкой своей группы и негативной коннотацией чужой группы. Такой языковой маркер, как отмечает Т. ван Дейк, указывает на работу идеологии по конструированию образа врага и оправданию своего превосходства.

Определяющий вклад в изучение идеологии как дискурса сделали Э. Лакло и Ш. Муфф, рассматривающие идеологию как дискурсивную практику, конструирующую социальную реальность, а не отражающую ее [13]. Они утверждали, что политика – это, по сути, борьба дискурсов, где идеология устанавливает «очевидности» и тем самым скрывает свою произвольность.

Другими словами, дискурсивный анализ идеологии фокусируется на том, как посредством языка создается социальная реальность: исследуются нарративы, метафоры, эвфемизмы, противопоставления, с помощью которых идеология задает рамку интерпретации событий и убеждает аудиторию принять эту интерпретацию.

Отдельного внимания заслуживает риторический аспект – то есть анализ того, какими способами идеология убеждает и вовлекает людей. Современный британский исследователь А. Финлейсон отмечал, что идеология существует только через риторику, являясь формой публичного убеждения [9]. Он указывает, что ранее политическая наука уделяла больше внимания содержанию идеологических идей, игнорируя форму их подачи, тогда как на самом деле идеология и риторика неразделимы: идеология влияет только в той мере, в какой она выражена в речи, а риторика черпает силу из идеологических смыслов. Финлейсон вводит понятие риторического политического анализа, изучающего политические тексты и выступления с точки зрения аргументации, апелляции к эмоциям, риторического конструирования образа говорящего и аудитории. Исследователь, возвращаясь к аристотелевским представлениям, показывает, что каждое идеологическое высказывание сочетает в себе несколько элементов убеждения: установление авторитета и морали говорящего (этос), вызов определенных чувств у слушателей (патос), а также логическое обоснование тезисов (логос). Успешная идеологическая риторика создает доверие к говорящему, апеллирует к ценностям и эмоциям аудитории, предлагает понятные, ожидаемые аудиторией, нарративы. Через такие речевые практики идеология формирует политическое сообщество – группу людей, объединенных общим смысловым полем и верой в определенные идеи.

В совокупности дискурсивный и риторический анализ раскрывают механизмы убеждения: от лексико-семантических конструкций (например, употребление эвфемизмов или ярлыков в политическом языке) до эмоциональных апелляций (страх, гордость, возмущение), с помощью которых идеология укореняется в массовом сознании.

Таким образом, дискурсивно-риторический вектор позволяет понять, как идеология говорит и убеждает.

Психологический вектор (анализ когнитивных и мотивационных оснований идеологий)

Идеология укореняется не только во внешних текстах, но и во внутреннем мире человека – в его ценностных ориентациях, потребностях, психологических устремлениях. Психологический анализ идеологии фокусируется на том, почему люди верят в ту или иную идеологию, какие психологические механизмы заставляют их принимать определенные идеи и отвергать другие.

Современные исследования (прежде всего работы Дж. Джоста и его коллег) показывают, что приверженность различным идеологиям коррелирует с определенными устойчивыми психологическими чертами [12]. Так, согласно Джосту, консервативные убеждения во многом связаны с высокой потребностью в упорядоченности, предсказуемости и безопасности, с неприятием неопределенности и двусмысленности. Либеральные установки чаще сочетаются с толерантностью к неопределенности, открытостью новому опыту и более сложным когнитивным мышлением. Иными словами, люди, ощущающие сильную потребность в когнитивном порядке и защите своего «Я», склонны поддерживать идеологии, обещающие стабильность и традиционные нормы; напротив, лица с высокой когнитивной гибкостью и низкой тревожностью перед хаосом более восприимчивы к прогрессивным идеям перемен.

Исследователи выделяют несколько ключевых психологических функций идеологии, базирующихся на трех классах мотивов и удовлетворяющих соответствующие им потребности: (1) эпистемическая – упрощение и структурирование картины мира, создание ощущения понимания сложной реальности; (2) экзистенциальная – снятие тревожности, защита от чувства неопределенности, страха смерти или хаоса; (3) социальная (реляционная) – поддержание позитивной социальной идентичности, чувство причастности к группе и оправдание существующего социального порядка.

Разные идеологии удовлетворяют эти потребности по-разному. Например, консервативные идеологии обеспечивает сильное чувство общности и порядка, что удовлетворяет потребность в принадлежности и безопасности, тогда как радикальные утопические идеологии могут давать экзистенциальный смысл через обещание кардинального преобразования мира, тем самым удовлетворяя потребность в справедливости и значимости.

Методологически психологический анализ идеологии включает изучение когнитивных стилей приверженцев (например, измерение когнитивной жесткости, толерантности к неопределенности, потребности в «закрытости» мышления), а также мотивационных факторов (уровня опасений, потребности в сохранении статуса-кво, степени авторитарности и пр.). Кроме того, анализируется аффективная сторона – те эмоции, которые связаны с идеологическими установками (страх перед угрозами, гнев на назначенных виновников проблем, чувство гордости и пр.). Эмоции часто скрепляют идеологию: общий страх или возмущение может объединять группу вокруг определенной идеологии, тогда как надежда и энтузиазм двигают идеологические движения вперед.

Схожим образом Славой Жижек в психоаналитическом ключе отмечал, что идеология действует не только через осознанные аргументы, но и через неосознанные символы и фантазмы, заставляя людей действовать так, как будто они верят, даже если декларируют скепсис [15].

Таким образом, психологический вектор анализа выявляет, какие психологические потребности и свойства удовлетворяет та или иная

идеология (будь то жажда порядка, страх перед хаосом, агрессия к чужакам или, наоборот, стремление к новизне и переменам), а также показывает моральные основания (в рамках теории Дж. Хайдта), на которые опирается та или иная идеология. Например, через такой анализ можно понять, почему во времена кризиса растет привлекательность консервативно-националистических идеологий (они обещают безопасность и простые ответы), а в относительно благополучные эпохи усиливаются либерально-космополитичные идеологии (позволяющие самовыражение и сложность). Это, в свою очередь, дает представление и методах, используемых властью для привлечения на свою сторону тех или иных групп или аудиторий.

Биополитический вектор (анализ власти над жизнью в рамках идеологии)

Многие идеологии содержат явный или скрытый биополитический компонент. Например, тоталитарные идеологии XX века напрямую вмешивались в демографию и телесность: поощряли рождаемость «своих» и пытались устранить тех, кто считался расово или политически чуждым (достаточно вспомнить евгенические доктрины нацистской идеологии). Однако биополитический аспект присущ и современным идеологиям: они формируют нормы семьи и пола, представления о здоровом образе жизни, отношение к смертной казни, абортам, эвтаназии, к вопросам войны и жертвенности. Особенно актуальным развитие этого направления изучения идеологий делают современные биотехнологические разработки, фактическое слияние биологического и цифрового. Все это – область, где идеология соприкасается с самой жизнью человека.

Теоретическую основу биополитического вектора закладывают работы М. Фуко, Дж. Агамбена, Р. Эспозито и др. Фуко показал, что начиная с классической эпохи власть научилась «встраиваться» в тело подданных: через институты медицины, образования, армии государство нормирует здоровье, сексуальность, гигиену – стремясь взращивать «полезных» граждан [6, 7]. Агамбен ввел понятие «голой жизни»: суверенная власть определяет, чья жизнь заслуживает защиты, а чья может быть убита без наказания (фигура homo sacer). По Агамбену, политическое сообщество всегда строится через исключение – через определение тех, кто находится вне закона и может быть лишен жизни [1]. Эспозито развивает идею «иммунитета: сообщество защищает себя, производя образ внутреннего «Иного», носителя угрозы, против которого вырабатывается иммунная реакция. В идеологиях это проявляется как поиск «врага народа», образ «пятой колонны» или «заразы», против которой общество сплачивается – такие риторические фигуры мы видим и в нацистской, и в сталинской, да и в некоторых современных идеологиях [8].

Биополитический анализ идеологии включает несколько этапов. Прежде всего, выявляется, какие нормы жизни проповедует идеология: что она считает здоровым образом жизни, нормальной семьей, правильным поведением. Затем составляется «карта исключений» – кого или что идеология объявляет чуждым и опасным для коллективной жизни (например, иноверцы, «извращенцы», враги государства, чуждые идеи). Анализируются иммунные механизмы – институты и практики защиты общества: законы, запреты, цензура, риторика очищения и безопасности, посредством которых идеология ограждает «своих» от угроз. Также исследуется, как идеология обращается с самой темой смерти и жизни: требует ли она от индивида готовности умереть (например, национализм часто требует героической жертвы за родину) или обещает ли продлить жизнь (утопические идеологии могут обещать почти райское благоденствие на Земле).

Наконец, изучается аспект продуктивной жизни – как идеология мобилизует жизненную энергию общества: труд, творчество, воспроизводство, демографию, новые формы общественных инициатив и т.д. В этом аспекте мы можем опереться на разработки М. Хардта и А. Негри, которые рассматривали биополитику как продуктивную силу – власть не только подавляет жизнь, но и организует ее созидательную энергию [11].

Биополитический вектор позволяет осветить идеологию с точки зрения управления телесностью и жизнью: кто в представлении идеологии обладает правом на жизнь и благополучие, а кто объявляется чуждым; какие нормы тела и поведения продвигаются; как через дискурс о здоровье, безопасности, демографии идеология утверждает свою власть. В конечном счете, это помогает понять глубинные установки идеологии относительно границ человеческого – кого она считает «своим человеком», достойным защиты, а кого – не вполне человеком.

Институциональный вектор (анализ идеологии в системе социальных институтов)

Ни идеи, ни дискурс не смогли бы укорениться, если бы не «жили» в социальных институтах. Институциональный анализ идеологии исследует, как идеология воспроизводится через организации, практики и структуры, действующие в обществе. Концептуально он восходит к работам Антонио Грамши и Луи Альтюссера, показавших, что идеологическое господство осуществляется не только силой, но и через аппараты формирования согласия [3, 2].

Государство, по Грамши, – это не только аппарат принуждения, но и совокупность идеологических аппаратов в гражданском обществе, где производится и воспроизводится мировоззренческое согласие [3].

Луи Альтюссер развил эти идеи, прямо введя термин «идеологические аппараты государства» [2]. К ним он относил институты системы образования, церкви, средств массовой информации, культуры, семьи – всего того, что не принуждает физически, а убеждает и воспитывает. Через идеологические аппараты государство «интерпеллирует» индивидов как субъектов, т.е. призывает их и формирует их идентичность (например, школа формирует из ребенка «гражданина», церковь – «верующего», армия – «патриота»). Альтюссеровская теория показывает, что идеология материально воплощена в практиках и ритуалах институтов: ежедневное поднятие флага в школе, молитва в церкви или перед собранием, организованный просмотр государственных обращений, прохождение диспансеризации по установленным правилам – все эти ритуалы интегрируют индивидов в идеологическую структуру общества.

Институциональный анализ идеологии в прикладном плане предполагает: (1) выявление ключевых институтов-носителей идеологии и их иерархии; (2) анализ того, какие ценности и нормы транслирует каждый из этих институтов и как они согласуются между собой; (3) изучение механизмов интерпелляции – как индивиды вовлекаются в идеологию через институты; (4) рассмотрение баланса убеждения и принуждения – где проходит граница между идеологическим воздействием и прямой силой, как они сочетаются; (5) оценка степени гегемонии – насколько успешно данная идеология пронизывает социальные институты и подавляет альтернативные взгляды, или же имеются очаги сопротивления и контр-идеологии в иных институциональных рамках.

Институциональный вектор в совокупности с другими позволяет понять масштаб и прочность идеологии: она укоренена не только в умах, но и в повседневных практиках учреждений, что придает ей особую устойчивость. Благодаря этому в многовекторном анализе мы можем проследить, как идеи превращаются в социальную силу и норму.

Методологические рамки многовекторного анализа идеологий

Опираясь на описанные пять векторов, можно выстроить методологические рамки концепции многовекторного анализа. Они предполагают поэтапное изучение идеологического феномена по каждому из направлений с последующим синтезом результатов. Ниже приводятся основные шаги МВА идеологий.

Прежде всего, анализ должен строиться на принципах:

комплементарности (включенные в анализ методы не исключают, а дополняют друг друга, показывая идеологию с разных сторон);

развития (идеология должна рассматриваться как динамичная, развивающая система, имеющая различные этапы своей реализации и воспроизведения;

рефлексивности – аналитик – исследователь должен осознавать собственную позицию внутри идеологического поля и включать в анализ механизмы своей вовлеченности, фиксируя их;

системности – идеология должна анализироваться как комплексное системное явление, оказывающая влияние на различные сферы человеческой жизнедеятельности (как индивидуальной, так и социальной).

Результат многовекторного анализа должен дать возможность структурированно представить результаты исследований национальных и государственных идеологий и идеологий различных политических групп и движений, анализировать идеологические тексты (концепции, доклады, заявления, политические программы), сравнивать различные идеологии, изучать когнитивные и дискурсивные механизмы политических коммуникаций, а также оценивать эффективность идеологических нарративов в массовой культуре, медиа и образовании.

Вектор морфологического анализа

Метод морфологического изучения идеологий можно обозначить в четырех последовательных шагах:

– идентифицировать ключевые идеологические концепты, то есть определить, какие понятия составляют ядро и смежные зоны идеологии, а также периферийные элементы;

– выявить приоритеты и связи концептов: как они структурированы, какие концепты усиливают другие, каково их соотношение или подчиненность;
– определить границы деконтестации;
– проанализировать изменения морфологии в процессе развития (эволюции) идеологии во времени.

Вектор дискурсивно-риторического анализа

– Выделить элементы и результат «артикуляции», определить, какие разнородные элементы дискурса «связываются» в одну цепочку для смысловой фиксации или иного «вмещающего понятия» (где «артикуляция» – процесс, в результате которого между разрозненными элементами устанавливаются отношения таким образом, что идентичность элементов изменяется; «вмещающее понятие» («пустое значение») – это термин, вокруг которого строится консенсус, но который сам по себе не определён);
– Определить «цепочки эквивалентности»: какие именно элементы дискурса приобретают эквивалентное значение;
– Определить, кто становится «антагонистом» или антагонистическим элементом, присутствие которого делает невозможной полную идентичность субъекта идеологии;
– Определить какая артикуляция «вмещающих понятий» обретает гегемонию («гегемония» в этом аспекте обретает смысл как успешная артикуляция, которая становится «естественной» и неоспоримой, фиксируя смысловую идентичность «вмещающих понятий» и определяя антагонистов);
– Определить доминирующие группы, которые в дискурсе легитимируют власть, и подчинённые группы (оправдывают сопротивление, борьбу); вычленить тех, кто выступает в качестве ин-группы и аут-группы (в терминах Т. Ван Дейка [14]);
– Выявить как осуществляется контроль над доступом к дискурсу;
– Реконструировать когнитивные модели: образы «мы» и «они», формируемые представление об угрозе, норме и отклонениях;
– Проанализировать приёмы ethos–pathos–logos: доверие, эмоции, аргументация;

Вектор психологического анализа

– Выявить внутренние мотивы идеологической приверженности, их соотношение и степень проявленности в соответствие с типом мотивации: эпистемическая мотивация, экзистенциальная мотивация, социальная мотивация;
– Провести анализ когнитивных характеристик: ригидность, нетерпимость к неоднозначности, потребность в когнитивном закрытии;
– Провести анализ доминирующих эмоций в идеологическом языке и символике с целью раскрытия эмоциональных механизмов идеологической мобилизации;
– Определить моральные основания, на которые опирается идеология.

Вектор биополитического анализа

– Выявить антропологическую норму, предлагаемую идеологией, и формы и методы обращения с ними;
– Определить, кто или что объявляется чуждым, аморальным, опасным, «не нашим», а значит, исключенным из нормальности жизни. Важно определить порог исключения: в праве (санкция), в инфраструктуре (блокировка доступа), в морали (стигма), в экономике (невозможность услуги). Проанализировать пространства постоянного исключения, где право формально есть, но не работает как защита, а также зону т.н. «голой жизни» – существование без политического права на голос;
– Определить, как идеология реализует свои «иммунные» свойства, а именно: как она описывает «заразу» (биологическую/культурную/информационную) и «иммунитет» (медицинский/правовой/цифровой); какие процедуры объявляются неизбежными «ради защиты» – и что они требуют от тела и данных?
– Проанализировать, как идеология мобилизует жизненную энергию: труд, волонтерство, «ответственное поведение», цифровое участие, самоконтроль, взаимный надзор; где жизнь эксплуатируется как ресурс, а где возникает самопроизводство коллективных форм жизни (сети взаимопомощи, правозащитные коалиции, гражданские кампании против дискриминации/тотального надзора)?

Вектор институционального анализа

– Выявить институциональную архитектуру идеологического поля – какие организации, структуры, пространства и системы коммуникации призваны участвовать в формировании идеологического мировоззрения граждан;
– Определить, каковы функции этих институтов – как они обеспечивают согласие, дисциплину, воспроизводство идеологический ценностей и норм (деконтестированных категорий морфологии идеологии) и каким образом они функционируют в этом качестве;
– Зафиксировать язык, символы и ритуалы, через которые идеология материализуется в институтах;
– Выявить зоны эффективности и сопротивления – участки, где идеологическая машина дает сбой, порождая альтернативные смыслы и формы критики.

На заключительной стадии исследования формируется итоговая характеристика идеологии как целостной системы, пределы её воспроизводства, возможные траектории трансформации. Оценка синхронности или асинхронности векторов, типологическое позиционирование идеологии. Описание позиции исследователя и связанные с этим границы метода.

Метод был апробирован в ходе анализа конкурирующих идеологических концепций, разработанных в 2025 году несколькими российскими политическими институтами и предложенных для внедрения в российскую политическую практику [6], а также в ходе работы автора в Государственной Думе ФС РФ.

Конечно, масштаб многовекторного анализа требует значительных усилий и разнообразных методов (контент-анализ, дискурс-анализ, социологические замеры, исторический подход). Однако структура МВА модульна: ее можно адаптировать под задачу. К примеру, исследуя две разные идеологии сравнительно, можно по каждому вектору сравнить показатели (скажем, сравнить морфологию – какие ценности в ядре левой и правой идеологии; сравнить дискурс – как каждая говорит о «другом»; психологию – на чем основана привлекательность каждой для масс; биополитику – как относятся к вопросам жизни и смерти; институты – через какие структуры распространяются). Такая многовекторная сравнительная таблица даст богатый материал для выводов.

Заключение

Предложенные методологические рамки многовекторного анализа идеологий открывают новые возможности для политической науки и смежных дисциплин. Ключевое преимущество МВА – не просто эклектические воззрения, а целостность и глубина взгляда на идеологию. Объединив разные аналитические ракурсы, исследователь может осуществить:

Описание и понимание идеологии во всей полноте. МВА позволяет составить исчерпывающий «портрет» идеологии: от ее философского содержимого до повседневных проявлений в речи и практике. Идеология предстает как живая система, где идеи, сознание, язык, тело и институты связаны между собой. Объединяя их, мы получаем глубокое понимание того, что провозглашает идеология, как она действует и почему она находит отклик.

Отслеживание трансформаций и развития идеологий. Применяя МВА к разным этапам, можно проследить эволюцию идеологического дискурса и содержания под влиянием исторических событий. Каждый вектор фиксирует изменения на своем уровне (появление новых лозунгов, смену риторики, ужесточение институтов, сдвиг ценностей и настроений масс). Это дает возможность для реконструирования динамики и прогнозирования дальнейшего развития идеологии.

Сравнительное исследование разных идеологий. Многовекторный подход легко масштабируется на параллельный анализ нескольких идеологий по единой матрице критериев. Это особенно ценно при сравнении идеологии разных стран или партий. Многовекторный анализ позволяет увидеть, как разные идеологии решают одни и те же проблемы: например, и фашизм, и коммунизм претендуют на тотальный контроль (институционально), но по-разному обосновывают его морфологически (расовая теория vs. классовая борьба) и психологически (апелляция к национальной гордости vs. к чувству справедливости). Такие тонкости выявляются при системном подходе и дают возможность опровержения политических спекуляций. В итоге можно составлять типологии идеологий не только по классической оси «лево–право», но по много осевому профилю (ценности, риторика, тип власти над жизнью, психологический базис, биополитическое воздействие, институциональная форма).

Практическая оценка и критика идеологий. Зная устройство идеологии, можно более осознанно подходить к ее критическому разбору или даже к политическому проектированию. Для реформаторов МВА подсвечивает, где именно кроются проблемы: возможно, декларации (морфология) благие, но риторика агрессивна – тогда проблема в коммуникации; или институты провозглашают ценности, которым сами же противоречат – тогда видно лицемерие. Для гражданского общества такая «рентгенография» идеологии повышает уровень публичной дискуссии: вместо поверхностных ярлыков анализируется структура смыслов и методов власти. В образовании многовекторный подход мо-

жет использоваться для преподавания политики, показывая студентам комплексность идеологических явлений.

В заключение подчеркнем, что МВА не стремится заменить существующие подходы – напротив, он опирается на них и синтезирует, достигая синергетического эффекта.

Следуя принципу комплементарности, каждый метод вносит свой вклад. Объединяя их результаты, мы получаем объемное видение идеологии как феномена и как явления. Такой синтез соответствует природе идеологии – сложному многослойному образованию, одновременно идейному, речевому, психологическому, телесному и социальному. Представляется, что многовекторный анализ способен стать ценным инструментом для исследователей политики, культуры и общества, особенно в условиях усложнения идеологических процессов в XXI веке. Он поможет лучше понять не только что говорят и думают разные идеологии, но и как они живут, меняются и борются друг с другом в современном мире.

Литература

1. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен; пер. с итал. – М.: Европа, 2011. – 256 с. – (Политическая теория). – ISBN 978-5-9739-0195-5.

2. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства / Л. Альтюссер // Альтюссер Л. За Маркса. – М.: Праксис, 2006. – С. 124–173. – ISBN 5-901574-54-5.

3. Грамши, А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1 / А. Грамши; под общ. ред. М.А. Лифшица. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с. – ISBN 5-250-01396-3.

4. Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм; пер. с нем. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. – 536 с. – ISBN 978-5-93255-634-1.

5. Николаев, Н.П. Государство и человек. Об идеологических поисках в современной России [Электронный ресурс] / Н.П. Николаев // Тетради по консерватизму. – 2025. – № 3. – С. 245–268. – DOI: 10.24030/24092517-2025-0-3-245-268. – URL: http://dx-.doi.org/10.24030/24092517–2025–0–3–245–268 (дата обращения: 02.02.2026).

6. Фуко, М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. Е.А. Самсонова. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с. – ISBN 5-02-026844-5.

7. Фуко, М. История сексуальности. В 4 т. / М. Фуко; пер. с фр. В. Каплуна. – СПб.: Академический проект, 2004. – 254 с. – ISBN 5-7331-0292-5.

8. Esposito, R. Bíos. Biopolitica e filosofia / R. Esposito. – Torino: Einaudi, 2004. – XVII, 215 p. – (Biblioteca Einaudi; 197). – ISBN 88-06-17174-7.

9. Finlayson, A. From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis / A. Finlayson // British Journal of Politics and International Relations. – 2007. – Vol. 9, No. 4. – P. 545–563. – DOI: 10.1111/j.1467-856X.2007.00269.x.

10. Freeden, M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach / M. Freeden. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 592 p. – ISBN 0-19-827532-6.

11. Hardt, M. Empire / M. Hardt, A. Negri. – Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000. – XVII, 478 p. – ISBN 0-674-00671-2.

12. Jost, J.T. Political Ideology: Its Structure, Functions, and Elective Affinities [Electronic resource] / J.T. Jost, C.M. Federico, J.L. Napier // Annual Review of Psychology. – 2009. – Vol. 60. – P. 307–337. – DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163600. – URL: https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.psych.60.110707.163600 (дата обращения: 05.01.2026).

13. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – 2nd ed. – London: Verso, 2001. – 198 p. – ISBN 1-85984-330-1.

14. Van Dijk, T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T.A. Van Dijk. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1998. – 384 p. – ISBN 0-7619-5881-2.

15. Žižek, S. The Sublime Object of Ideology / S. Žižek. – London; New York: Verso, 1989. – 272 p. – ISBN 0-86091-257-1.

THE CONCEPT OF MULTI-VECTOR ANALYSIS (MVA) OF IDEOLOGIES: THEORETICAL JUSTIFICATION AND METHODOLOGICAL FRAMEWORK

Nikolaev N.P.
National Research University «Higher School of Economics»

The article is devoted to the problem of overcoming the fragmentation of existing methodological approaches to the study of ideologies. The author notes the absence in modern science of a holistic toolkit for a comprehensive study of ideology as a complex, multi-level phenomenon. The relevance of developing such tools is determined by the increased role of ideological processes in modern Russia and the global world. The researcher proposes and substantiates his concept of the MBA of ideology, based on the synthesis of five mutually complementary vectors: 1. Morphological; 2. Discursive and rhetorical; 3. Psychological; 4. Biopolitical; 5. Institutional. The proposed multi-vector approach allows us to overcome the limitations of monothematic studies and obtain a holistic "portrait" of ideology as a living system linking ideas, discourse, psychological aspect, attitude towards man as a biological object and institutions. The author considers the key advantages of the MBA to be its ability to: 1) provide a comprehensive description and deep understanding of ideology, 2) track its transformations over time, 3) serve as a basis for a systematic comparative analysis of different ideologies, and 4) have practical value for critical evaluation and political planning. The MBA is positioned as an effective interdisciplinary tool for studying complex ideological processes of the 21st century.

Keywords: ideology, multi-vector analysis, ideology research method

References

1. Agamben, J. Homo sacer. Sovereign power and naked life / J. Agamben; translated from Italian. – M.: Europe, 2011. 256 p. – (Political theory). – ISBN 978-5-9739-0195-5.

2. Althusser, L. Ideology and ideological apparatuses of the state / L. Althusser // Althusser L. For Marx. – M.: Praxis, 2006. – pp. 124–173. – ISBN 5-901574-54-5.

3. Gramsci, A. Prison notebooks. In 3 hours Part 1 / A. Gramsci; under the general editorship of M.A. Lifshits. – M.: Politizdat, 1991. – 560 p. – ISBN 5-250-01396-3.

4. Mannheim, K. Ideology and utopia / K. Mannheim; translated from German. – M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2022. – 536 p. – ISBN 978-5-93255-634-1.

5. Nikolaev, N.P. The State and man. On ideological searches in modern Russia [Electronic resource] / N.P. Nikolaev // Notebooks on conservatism. – 2025. – No. 3. – pp. 245–268. – DOI: 10.24030/24092517-2025-0-3-245-268. – URL: http://dx.doi.org/10.24030/24092517–2025–0–3–245–268 (date of request: 02.02.2026).

6. Foucault, M. It is necessary to protect society: A course of lectures delivered at the College de France in the 1975–1976 academic year / M. Foucault; translated from French by E.A. Samsonov. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2005–312 p. ISBN 5-02-026844-5.

7. Foucault, M. History of Sexuality. In 4 volumes / M. Foucault; translated from the French by V. Kaplun. St. Petersburg: Academic Project, 2004–254 p. ISBN 5-7331-0292-5.

8. Esposito, R. Bíos. Biopolitica e filosofia / R. Esposito. – Torino: Einaudi, 2004. – XVII, 215 p. – (Biblioteca Einaudi; 197). – ISBN 88-06-17174-7.

9. Finlayson, A. From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis / A. Finlayson // British Journal of Politics and International Relations. – 2007. – Vol. 9, No. 4. – P. 545–563. – DOI: 10.1111/j.1467-856X.2007.00269.x.

10. Freeden, M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach / M. Freeden. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 592 p. – ISBN 0-19-827532-6.

11. Hardt, M. Empire / M. Hardt, A. Negri. – Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000. – XVII, 478 p. – ISBN 0-674-00671-2.

12. Jost, J.T. Political Ideology: Its Structure, Functions, and Elective Affinities [Electronic resource] / J.T. Jost, C.M. Federico, J.L. Napier // Annual Review of Psychology. – 2009. – Vol. 60. – P. 307–337. – DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163600. – URL: https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.psych.60.110707.163600 (accessed: 01/05/2026).

13. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – 2nd ed. – London: Verso, 2001. – 198 p. – ISBN 1-85984-330-1.

14. Van Dijk, T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T.A. Van Dijk. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1998. – 384 p. – ISBN 0-7619-5881-2.

15. Žižek, S. The Sublime Object of Ideology / S. Žižek. – London; New York: Verso, 1989. – 272 p. – ISBN 0-86091-257-1.

Аспекты отношений с ЕС, а также политики европейской интеграции Грузии в период президентских полномочий М.Н. Саакашвили (2003–2013 гг.)

Макашов Алексей Игоревич,
студент, Институт Евразийских и межрегиональных исследований, Российский государственный гуманитарный университет,
E-mail: alex2002hoc@gmail.com

Статья посвящена анализу отношений Грузии и Европейского союза, а также политики европейской интеграции Грузии как их составной части в период президентства М.Н. Саакашвили. Автор рассматривает в работе эволюцию политического диалога Грузии и ЕС с 2003 по 2013 гг. Кроме того, исследователь делает вывод о том, что евроинтеграция стала краеугольным камнем внешнеполитического курса правительства Саакашвили. Также, автор отмечает резко охладившиеся отношения Тбилиси и Москвы на фоне кризисов 2003 г. (Революции роз), 2006 г. (шпионского скандала), 2008 г. (пятидневной войны и разрывом дипломатических отношений), что предопределило проевропейский курс во внешнеполитической стратегии Грузии.

Ключевые слова: евроинтеграция, политика соседства, Европейский союз, актор, Революция роз, кризис, реформа, диалог.

Введение

Особенно интенсивное развитие отношений между Грузией и Евросоюзом наблюдалось в годы президентства Михаила Саакашвили. Этот период стал знаковым как для страны, так и для европейского сообщества в целом, так как реформы, им инициированные, были тепло встречены западными партнерами Тбилиси. Со временем отношения Грузии и ЕС для южнокавказской республики приобрели формат евроинтеграции. Грузия в этот период воспринималась как яркий пример успешного продвижения демократических процессов среди стран – бывших республик Советского Союза.

Одним из ключевых факторов, способствовавших формированию внешнеполитического курса Грузии в годы правления Михаила Саакашвили, является сама личность президента. Как глава государства, он проявил многосторонние способности в установлении и укреплении связей с европейскими политическими элитами, что позволило ему завоевать значительный авторитет среди представителей Брюссельского бюрократического аппарата. Его опыт и широкие знания в области международных отношений и государственного управления стали важными активами для страны, стремившейся к интеграции в европейские структуры.

Основная часть

Середина 2000-х гг. обернулась масштабными преобразованиями не только в самом Евросоюзе, но и в Грузии – государстве-партнере ЕС. Переломным моментом в политической истории Грузии стали события, произошедшие в начале 2000-х гг., когда в стране произошла так называемая «Революция роз». Этот период оказался знаковым не только для внутренней политики Грузии, но и для её внешнеэкономических и дипломатических ориентиров.

С приходом к власти правительства Саакашвили в отношениях между Москвой и Тбилиси начало нарастать напряжение. Это было связано с тем, что новое грузинское правительство стало явно проявлять стремление к сближению с государствами Евро-Атлантического региона[20]. В 2004 г. Европейский союз официально объявил о запуске программы сотрудничества с рядом стран, находящихся в близости к нему, что стало известно как политика соседства[7]. В рамках этой программы ЕС углублял сотрудничество с государствами-участниками, основываясь на таких фундаментальных европейских ценностях, как демократия, права человека и верховенство закона. Для Грузии эта программа стала важным инструментом для сближения с Евросоюзом. В 2004 г. Грузия присоединилась к этой программе, а к 2006 г. был разработан и принят первый план действий, который определил направления двусторонних отношений между Грузией и ЕС[8]. В грузинском парламенте был создан Комитет по интеграции в Европу, а также введен пост государственного министра по вопросам европейской и евроатлантической интеграции, что документально было отражено в Концепции национальной безопасности Грузии 2005 г.[21]. Это подчеркивало серьезность намерений Тбилиси в отношении евроинтеграции.

Важным документом, отражающим сотрудничество Грузии и ЕС, является первый план действий в рамках политики соседства, касающийся двусторонних отношений Грузии и ЕС[4]. Этот документ стал значительным шагом вперед по сравнению с предыдущими двусторонними соглашениями между Грузией и Евросоюзом. В документе выделено восемь приоритетных сфер, по каждой из которых прописан ряд необходимых действий. Эти сферы включают в себя: укрепление верховенства закона через реформирование судебной системы и реорганизацию государственных институтов; улучшение инвестиционного климата в стране, что включало в себя создание благоприятных условий для развития бизнеса; стимулирование экономического развития и борьба с бедностью; углубление сотрудничества в области правосудия, свободы и безопасности; углубление регионального сотрудничества; продвижение мирного разрешения внутренних конфликтов; сотрудничество во внешней политике и политике безопасности; транспортная и энергетическая политика[6].

В дополнение к перечисленным приоритетным направлениям сотрудничества, в документе также указаны несколько общих целей, которые служат продолжением главного раздела задач. Эти цели направлены на развитие и укрепление сотрудничества в различных областях,

что подчеркивает важность комплексного подхода к решению поставленных задач[26].

После «Революции Роз» 2003 г. и запуска первого плана действий в рамках политики соседства ЕС в середине 2000-х гг., внешняя политика Грузии четко обозначила вектор своего политического развития, направленного на евроатлантическую интеграцию. В качестве подтверждения этого вектора можно привести пункт из стратегии национальной безопасности Грузии, принятой в 2005 г. В документе подчеркивается, что «Грузия является составной частью европейской политической, экономической и культурной зоны, основополагающие национальные ценности которой уходят корнями в европейские ценности и традиции». Также в документе отмечается, что эти ценности способствуют стремлению Грузии к полной интеграции в европейские политические и экономические системы, а также в систему безопасности[13]. Таким образом, в данной концепции акцентируется внимание на стремлении Грузии присоединиться к НАТО и Евросоюзу, а также на желании внести свой вклад в укрепление безопасности в Черноморском регионе как части системы евроатлантической безопасности.

В то же время, на фоне ухудшения отношений с Россией, в Грузии начались активные обсуждения вопроса о возможном вступлении в НАТО. Это стремление также стало значимым фактором, способствующим эскалации конфликта между Грузией и Россией. В апреле 2008 г. в Бухаресте проходил саммит НАТО, на котором активно обсуждался вопрос о включении Грузии и Украины в план действий по партнерству НАТО (NATO Membership Action Plan, MAP)[19]. Этот план подразумевал предоставление помощи странам в подготовке к вступлению в НАТО, что определенно вызывало обеспокоенность в Москве. Однако, несмотря на поддержку со стороны США и Великобритании, Грузия и Украина не смогли получить официальное одобрение для включения в план действий из-за отказа Франции и Германии. Тем не менее, в официальных документах саммита было отмечено, что Грузия и Украина могут в будущем стать членами Северо-Атлантического Альянса[2].

В августе 2008 г., несмотря на многочисленные предостережения со стороны своих западных партнеров о необходимости избегать открытой военной конфронтации с Российской Федерацией, президент Грузии Михаил Саакашвили инициировал неожиданное вооруженное нападение на Южную Осетию и Абхазию, начав боевые действия против российских миротворцев. В результате событий т.н. «Пятидневной войны», окончившихся поражением Грузии, Россия официально признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Касаемо роли Европейского союза в данном конфликте, она требует особого внимания[12]. Во-первых, следует отметить, некоторые аналитики полагают, что ЕС несет определенную долю ответственности за возникновение конфликта. Это связано как с недостаточной превентивной политикой, так и с тем, что влияние Евросоюза на регион не смогло предотвратить эскалацию напряженности, которую Россия воспринимает как угрозу своим интересам. Во-вторых, стоит подчеркнуть уникальность роли Европейского союза в этом конфликте: он оказался единственным сторонним актором, активно вовлеченным в процесс мирного регулирования. Европейский союз, представленный французским президентом Николя Саркози, взял на себя роль посредника в урегулировании конфликта. Саркози проявил видные дипломатические навыки, что позволило добиться заключения мирного соглашения между конфликтующими сторонами[23].

После завершения боевых действий Грузия стала участником «Миссии мониторинга» Евросоюза (EUMM), а также миссии по расследованию обстоятельств конфликта (Fact-Finding Mission). Эти миссии были направлены на изучение причин конфликта и способствовали примирению сторон. Они стали важным инструментом для обеспечения стабильности в регионе и создания платформы для дальнейших переговоров в Женеве. Целью данных инициатив было не только расследование причин конфликта, но и стремление к восстановлению доверия между Грузией и Россией, а также к поиску путей для мирного разрешения существующих противоречий[18].

После того как Россия сделала официальное заявление в августе 2008 г. о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, позиция международного сообщества по этому вопросу оказалась критически важной для грузинского правительства. В это время одной из ключевых задач внешней политики Грузии стало создание и реализация «политики непризнания». Успех этой политики во многом зависел от поддержки, которую оказывали Грузии государства Евросоюза[11].

В ходе переговоров в Брюсселе в декабре 2010 г., касающихся Соглашения об ассоциации, Европейский союз вновь подтвердил свою поддержку территориальной целостности Грузии. Он также подтвердил свою приверженность политике «непризнания и включенности», что свидетельствовало о последовательности и согласованности действий стран ЕС в вопросах, касающихся Грузии. Эта последовательная позиция оказала значительное влияние на формирование в Грузии документа под названием «Государственная стратегия в отношении оккупированных территорий» [16], а также на разработку плана действий, связанного с этой стратегией.

В этом документе подчеркивалось, что для реализации стратегии, а также для выполнения плана действий, правительство Грузии должно будет находить и выделять необходимые финансовые и другие ресурсы. Эти ресурсы планировалось получать как из национальных источников, так и с использованием международных инструментов. Таким образом, стратегия основывалась на твердом убеждении, что население, проживающее в Абхазии и Цхинвальском регионе Южной Осетии, является неотъемлемой частью грузинского общества и его будущего. Грузия выразила решимость мирным путем реинтегрировать эти территории и их население в единое конституционное пространство республики. Данная стратегия отражала не только политические амбиции официального Тбилиси, но и его стремление к восстановлению единства нации[22].

Следующим значимым шагом в рамках сотрудничества между Евросоюзом и Грузией стало учреждение Диалога по правам человека, который проходил в ежегодном формате и углублял взаимодействие сторон по вопросам, связанными с нарушениями прав человека[3]. В 2009 г. на первой ежегодной встрече Европейский союз обозначил ряд проблем и предложил рекомендации по их решению в нескольких ключевых областях. В частности, это касалось конфликта в Южной Осетии, недостаточной прозрачности в действиях правоохранительных органов, проблем в системе уголовной юстиции и давления на представителей средств массовой информации. Другим ценным инструментом являлся межпарламентский форум Евронест, объединявший представителей Европарламента и стран-участниц Восточного партнерства. Этот форум создал платформу для диалога и сотрудничества между парламентами, что позволяло укрепить связи и обмениваться опытом в области законодательной деятельности[8].

Заключение

Подводя итог, автор делает вывод, что курс правительства М.Н. Саакашвили на тесные отношения и интеграцию с ЕС принес как выгоды, так и риски для Грузии. С одной стороны, это может открыть новые экономические возможности и привлечь инвестиции, с другой – привести к ухудшению отношений с соседними странами, особенно с Россией, что может негативно сказаться на экономической стабильности и безопасности страны. В данном контексте значимо, чтобы Грузия не теряла из виду свои национальные интересы и не поддавалась внешнему давлению, а стремилась к сбалансированной политике, позволяющей ей сохранить суверенитет, не ставя под угрозу свои отношения с другими странами.

В обозначенный период Грузия находилась в ситуации, когда её судьба и дальнейшее развитие в значительной степени зависели от внешнеполитической обстановки. В таких условиях крайне сложно сохранить свою политическую идентичность и свободу выбора, что является одним из первостепенных аспектов для любого государства, стремящегося к суверенитету и самодостаточности.

Тем не менее, в период с 2003 по 2013 гг. сотрудничество между Грузией и ЕС приобретало все более трансформативный характер, что можно было наблюдать в различных сферах, включая экономику, безопасность, социальные реформы. Европейский союз, обладая монопольным правом на определение того, что именно считается европейскими нормами и ценностями, формировал рамки, в которых должна происходить интеграция Грузии в европейские политические и экономические институты. В свою очередь, это создавало определенные вызовы и возможности для Грузии, так как она стремилась соответствовать этим стандартам и требованиям, чтобы продвигаться в направлении более тесного сотрудничества с ЕС.

Литература

1. Association Agreement with Georgia | EUR-Lex [Электронный ресурс. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/association-agreement-with-georgia.html (дата обращения: 27.03.2026).

2. Bucharest Summit Declaration | NATO Official text [Электронный ресурс. URL: https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2008/04/03/bucharest-summit-declaration%D1%8 (дата обращения: 24.03.2026).

3. Chronology of major events of Georgia- EU cooperation, Georgia Embassy USA [Электронный ресурс. URL: https://georgiaembassyusa.org/wp-content/uploads/2018/01/Chronology-of-Major-Events-in-Georgia-EU-Cooperation.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

4. EU/GEORGIA ACTION PLAN, European Union External Action [Электронный ресурс. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/georgia_enp_ap_final_en_0.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

5. EU-Georgia Mobility Partnership, EU NEIGHBOURS 2009 [Электронный ресурс. URL: https://library.euneighbours.eu/content/eu-georgia-mobility-partnership (дата обращения: 25.03.2026).

6. European Neighbourhood Policy | EEAS [Электронный ресурс. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-neighbourhood-policy_en (дата обращения: 20.03.2026).

7. European Neighbourhood Policy (ENP), European Union External Action [Электронный ресурс. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (дата обращения: 22.03.2026).

8. Georgia and the European Neighborhood Policy Perspectives and Challenges, «Open Society Georgia Foundation» jointly with the NGO coalition «For Transparency of Public Finances», [Электронный ресурс. URL: http://www.osgf.ge/files/newsletterENG/ENP__policy_paper_Eng_5G5ejWrmHc.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

9. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Georgia: Progress in 2014 and recommendations for actions, HIGH REPRESENTATIVE OF THE EUROPEAN UNION FOR FOREIGN AFFAIRS AND SECURITY POLICY, EUROPEAN COMMISSION Brussels, 25.3.2015 [Электронный ресурс. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/2015/georgia-enp-report-2015_en.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

10. International aviation: Georgia, MOBILITY AND TRANSPORT, European Commission 2010 [Электронный ресурс. URL: https://ec.europa.eu/transport/modes/international-aviation-georgia_en (дата обращения: 26.03.2026).

11. Jones Stephen F. Georgia: a political history since independence. – I.B. Tauris., 2013. – P.176.

12. Livny E. Impact of Russian Sanctions on the Georgian Economy, Tbilisi State University, 2008. – P. 58.

13. National Security Concept 2005 [Электронный ресурс. URL: http://www.parliament.ge/files/292_880_927746_concept_en.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

14. National security concept of Georgia // NSC-ENG.pdf [Электронный ресурс. URL: https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NSC-ENG.pdf%D0%B (дата обращения: 26.03.2026).

15. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 70.

16. Государственная стратегия в отношении оккупированных территорий [Электронный ресурс. URL: https://smr.gov.ge/uploads/prev/__ccb3a228.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

17. Еврокомиссар привезла в Грузию План действий по либерализации визового режима – 25.02.2013, Sputnik Грузия [Электронный ресурс. URL: https://sputnik-georgia.ru/20130225/215556353.html (дата обращения: 27.03.2026).

18. Злобина Е.О. Сотрудничество Грузии и ЕС в рамках Европейской политики соседства и Восточного партнёрства, 2004–2017 гг. // Европа и Европейский союз глазами ученых, № 1, 2018. С. 40–41.

19. Кавешников Н.Ю. Европейский союз: история, институты, политика: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 256–257.

20. Кириллов В.В. Россия и НАТО: геостратегические реалии // Военная мысль. – 2007. – № 9. С. 28.

21. Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г) – полный текст – 09.05.2010, Sputnik Грузия [Электронный ресурс. URL: https://sputnik-georgia.ru/20100509/213153512.html (дата обращения: 22.03.2026).

22. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Проблемы политической интеграции на постсоветском пространстве: к вопросу об учреждении Евразийского парламента // Управленческое консультирование. 2012, № 3. С. 136.

23. Михайлов Д.Ю. Николя Саркози в урегулировании конфликта в Грузии 2008 г.: «коллективный Запад» против России // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 3. С. 126.

24. Программа Восточного партнерства. Пражский саммит [Электронный ресурс. URL: https://oide.sejm.gov.pl/oide/images/leksykon/deklaracja_praska_ros.pdf%D0%B (дата обращения: 25.03.2026).

25. Чистилин Д.К. Украина, Грузия, Молдавия между ЕС и Россией. Актуальные проблемы евразийской интеграции. – М.: Книжный мир, 2022. – С. 248–249.

ASPECTS OF RELATIONS WITH THE EU, AS WELL AS GEORGIA'S EUROPEAN INTEGRATION POLICY DURING THE PRESIDENCY OF M.N. SAAKASHVILI (2003–2013)

Makashov A.I.
Russian State University for the Humanities,

This article analyzes relations between Georgia and the European Union, as well as Georgia's European integration policy as an integral part of these relations, during the presidency of M.N. Saakashvili. The author examines the evolution of political dialogue between Georgia and the EU from 2003 to 2013. Furthermore, the researcher concludes that European integration became the cornerstone of the Saakashvili government's foreign policy. The author also notes the sharply cooled relations between Tbilisi and Moscow against the backdrop of the crises of 2003 (the Rose Revolution), 2006 (the spy scandal), and 2008 (the five-day war and the severance of diplomatic relations), which predetermined a pro-European course in Georgia's foreign policy strategy.

Keywords: European integration, neighbourhood policy, European Union, actor, Rose Revolution, crisis, reform, dialogue.

References

1. Association Agreement with Georgia | EUR-Lex [Electronic resource. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/association-agreement-with-georgia.html (date accessed: 27.03.2026).

2. Bucharest Summit Declaration | NATO Official text [Электронный ресурс. URL: https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2008/04/03/bucharest-summit-declaration%D1%8 (дата обращения: 24.03.2026).

3. Chronology of major events of Georgia-EU cooperation, Georgia Embassy USA [Electronic resource. URL: https://georgiaembassyusa.org/wp-content/uploads/2018/01/Chronology-of-Major-Events-in-Georgia-EU-Cooperation.pdf (date accessed: 26.03.2026).

4. EU/GEORGIA ACTION PLAN, European Union External Action [Electronic resource. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/georgia_enp_ap_final_en_0.pdf (date of access: 23.03.2026).

5. EU-Georgia Mobility Partnership, EU NEIGHBOURS 2009 [Electronic resource. URL: https://library.euneighbours.eu/content/eu-georgia-mobility-partnership (date of access: 25.03.2026).

6. European Neighbourhood Policy | EEAS [Electronic resource. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-neighbourhood-policy_en (date of access: 20.03.2026).

7. European Neighbourhood Policy (ENP), European Union External Action [Electronic resource. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (date of access: 22.03.2026).

8. Georgia and the European Neighbourhood Policy Perspectives and Challenges, «Open Society Georgia Foundation» jointly with the NGO coalition «For Transparency of Public Finances», [Electronic resource. URL: http://www.osgf.ge/files/newsletterENG/ENP__policy_paper_Eng_5G5ejWrmHc.pdf (date of access: 22.03.2026).

9. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Georgia: Progress in 2014 and Recommendations for Action, HIGH REPRESENTATIVE OF THE EUROPEAN UNION FOR FOREIGN AFFAIRS AND SECURITY POLICY, EUROPEAN COMMISSION Brussels, 25.3.2015 [Electronic resource. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/2015/georgia-enp-report-2015_en.pdf (accessed: 26.03.2026).

10. International aviation: Georgia, MOBILITY AND TRANSPORT, European Commission 2010 [Electronic resource. URL: https://ec.europa.eu/transport/modes/international-aviation-georgia_en (accessed: 26.03.2026).

11. Jones Stephen F. Georgia: a political history since independence. – I.B. Tauris., 2013. – P. 176.

12. Livny E. Impact of Russian Sanctions on the Georgian Economy, Tbilisi State University, 2008. – P. 58.

13. National Security Concept 2005 [Electronic resource. URL: http://www.parliament.ge/files/292_880_927746_concept_en.pdf (date of access: 23.03.2026).

14. National security concept of Georgia // NSC-ENG.pdf [Electronic resource. URL: https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NSC-ENG.pdf%D0%B (date of access: 26.03.2026).

15. Gadzhiev K.S. Geopolitics of the Caucasus. – M.: International Relations, 2001. – P. 70.

16. State Strategy for the Occupied Territories [Electronic resource. URL: https://smr.gov.ge/uploads/prev/__ccb3a228.pdf (date of access: 25.03.2026).

17. European Commissioner brought to Georgia the Action Plan for Visa Liberalization – 25.02.2013, Sputnik Georgia [Electronic resource. URL: https://sputnik-georgia.ru/20130225/215556353.html (date of access: 27.03.2026).

18. Zlobina E.O. Cooperation between Georgia and the EU in the Framework of the European Neighborhood Policy and Eastern Partnership, 2004–2017. // Europe and the European Union through the Eyes of Scientists, № 1, 2018. Pp. 40–41.

19. Kaveshnikov N. Yu. The European Union: History, Institutions, Politics: A Textbook for Universities. – Moscow: Aspect Press, 2017. – Pp. 256–257.

20. Kirillov V.V. Russia and NATO: Geostrategic Realities // Military Thought. – 2007. – № 9. P. 28.

21. The National Security Concept of Georgia (2005) – full text – 05/09/2010, Sputnik Georgia [Electronic resource. URL: https://sputnik-georgia.ru/20100509/213153512.html (accessed: 03/22/2026).

22. Kosov Yu. V., Toropygin A.V. Problems of political integration in the post-Soviet space: on the issue of establishing a Eurasian parliament // Management consulting. 2012, № 3. p. 136.

23. Mikhailov D. Yu. Nicolas Sarkozy in the settlement of the conflict in Georgia in 2008: the «collective West» against Russia // Bulletin of MGIMO-University. 2023. Vol. 16. № 3. p. 126.

24. Eastern Partnership Program. Prague Summit [Electronic resource. URL: https://oide.sejm.gov.pl/oide/images/leksykon/deklaracja_praska_ros.pdf%D0%B (date of access: 25.03.2026).

25. Chistilin D.K. Ukraine, Georgia, Moldova between the EU and Russia. Actual problems of Eurasian integration. – M.: Knizhny Mir, 2022. – P. 248–249.

Преемственность и перемены: эволюция партийной системы Японии в начале XXI века

Повалюхина Анастасия Николаевна,
аспирант, старший преподаватель, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет»
E-mail: Anastasia.Povaliukhina@vvsu.ru

В статье рассматривается трансформация японской партийной системы в начале XXI века, анализируются структурные, организационные и институциональные факторы, изменившие политическую конкуренцию и управление. Формальные демократические институты и избирательные реформы способствовали диверсификации партий, тем не менее сохранение исторических, культурных и институциональных ограничений смягчило системные изменения. Исследование сосредоточено на трех взаимосвязанных измерениях: эволюции партийной конкуренции, адаптации руководства и организации внутри основных партий, а также на сохраняющемся влиянии институциональных правил и политической культуры. Опираясь на типологию партийных систем Сартори, теорию партийных картелей Каца и Мэра, а также на современные анализы японской политики, мы демонстрируем то, что японская партийная система претерпела гибридную трансформацию. Характеристики доминирующих партий сосуществуют с эпизодическими оппозиционными коалициями, а перегруппировки партий отражают стратегическую адаптацию к электоральным стимулам, а не кардинальные идеологические сдвиги. Таким образом демонстрируем, как партийные системы развиваются в ответ на институциональное, культурное и структурное давление, сохраняя при этом элементы исторической преемственности.

Ключевые слова: японская партийная система, избирательная реформа, политические институты, партийная организация, политическая конкуренция, политическая культура.

Партийно-политическая система Японии в первой четверти XXI века. не знаменует собой принципиально нового отхода от прежних моделей или разрыва с послевоенными политическими традициями, тем не менее этот период представляет собой особую фазу, в которой институциональные реформы, перестройка партий и инновации в руководстве преобразовали механизмы политической конкуренции, что в совокупности бросает вызов традиционному представлению о «системе 1955 года» (курэнай) [3], при которой Либерально-демократическая партия (ЛДПЯ) сохраняла практически непрерывное доминирование.

Для создания концептуальной основы в статье используется сравнительная теория партийных систем [10, с5–28; 4, 55–56] и более специальная литература по японской партийной политике, в которой подчеркивается зависимость от исторического пути развития и институциональные ограничения [2, с. 718–742]. В рамках «системы 1955 года», которая обеспечивала лидирующие позиции, ЛДПЯ либо самостоятельно, либо в коалиции практически до начала 1990-х годов. Конкуренция между партиями сводилась к внутрипартийным фракционным разногласиям в ЛДПЯ, клиентелистским связям и слабой дифференциации программ [7, с. 45–63; 8, с. 22–27.]. Однако реформа избирательной системы (1994), экономический застой, снижение доверия к ЛДПЯ со стороны общественности создали условия, способствующие некоторой трансформации партийной системы [14, с. 61–67]. Хотя официальная избирательная реформа предшествовала отметке 2000 года, ее полное системное воздействие проявилось в начале 2000-х годов и, таким образом, служит исторической базой для нашего анализа.

Рассмотрим три взаимосвязанных аспекта, повлиявших на изменения партийной системы начала XXI века. Структурную эволюцию партийной конкуренции, организационную и лидерскую трансформацию в основных партиях и сохраняющиеся институциональные и культурные ограничения, сдерживающие системные изменения. Этот подход помещает японский опыт в более широкую сравнительную литературу по партийным системам, опираясь на типологию партийных структур Сартори [4, с. 55–56] и работы Каца и Майра по моделям картелей и доминирующих партий [10, с. 5–28].

Исторически длительное доминирование ЛДПЯ поддерживалось уникальным сочетанием клиентелистских связей, фракционной политики и бюрократического партнерства – элементов, которые в совокупности определяли операциональную логику японского управления на протяжении большей части послевоенной эпохи [16, с. 29.]. Тем не менее, к концу 1990-х годов пересечение экономической стагнации, волатильности избирателей и избирательной реформы начало подрывать институциональные основы этого доминирования [9, с. 14–18.]. Система единственного непередаваемого голоса (SNTV), которая благоприятствовала фракционности и организациям личной поддержки (koenkai), была заменена в 1994 году смешанной избирательной системой, сочетающей одномандатные округа и пропорциональное представительство [12, с. 27]. Кумулятивные эффекты этой реформы отчетливо проявилась на рубеже XX–XXI веков, изменив партийную конкуренцию, электоральное поведение и динамику руководства [13, с.1–22.].

Реформаторское и крайне персонализированное руководство премьер-министра Дзюнъитиро Коидзуми (2001–2006) ознаменовало собой первоначальную перестройку публичного имиджа и внутренних механизмов ЛДПЯ, характеризующуюся централизацией политики и обращением к массовому электорату, а не к фракционным покровителям [6, с. 43–46]. Использование Коидзуми популистских коммуникационных стратегий и роспуск им парламента в 2005 году для проведения приватизации почтовых служб ознаменовали сдвиг в сторону «президентского» руководства в парламентской системе [7, 727–733]. Последующие годы принесли кратковременное, но существенное нарушение доминирования ЛДПЯ с победой Демократической партии Японии (ДПЯ) в 2009 году – момент, широко интерпретируемый как первая настоящая смена власти в послевоенный период. Однако трудности ДПЯ в управлении, усугубленные бюрократическим сопротивлением и внутренней непоследовательностью, выявили сохранение глубоких структурных ограничений и привели ДПЯ к поражению.

Возвращение ЛДПЯ к власти под руководством Синдзо Абэ в 2012 году положило начало новому этапу её консолидации. Прави-

тельство Абэ не только стабилизировало доминирующее положение ЛДПЯ на выборах благодаря коалиции с Комейто, но и институционализировало более сильный исполнительный аппарат, воплощением которого стала централизация процесса принятия политических решений в рамках канцелярии премьер-министра (Кантей) [1, с. 1–34]. Идеологическая перестройка ЛДПЯ под руководством Абэ, сочетающая экономическое оживление посредством «абэномики» с программой конституционных и оборонных реформ, еще больше переопределила контуры политической конкуренции в Японии. Эти события, хотя и казались трансформационными, тем не менее опирались на устойчивые структурные преемственности в избирательном поведении, бюрократической зависимости и маргинализации оппозиционных сил.

Несмотря на значительные структурные изменения, трансформация партийной системы Японии была скорее выборочной, чем всеобъемлющей и системной. Наиболее заметной тенденцией стал переход к фактической двухпартийной системе или конфигурации «доминирующая партия плюс», в которой Либерально-демократическая партия (ЛДПЯ) продолжает занимать гегемонистскую позицию, а Демократическая партия Японии (ДПЯ) выступила в качестве временного, но заслуживающего доверия соперника [9, с. 14–18]. Период с 2000 по 2012 год демонстрирует цикл вызовов и консолидации: избирательный успех Коидзуми (2001–2006) укрепил доминирующее положение ЛДП, победа ДПЯ в 2009 году стала первым серьезным смещением власти, а возвращение ЛДП под руководством Абэ с 2012 года подтвердило устойчивость структуры доминирующей партии.

Нестабильность поддержки партий в этот период отражает как системные, так и случайные факторы. Фрагментация партий в начале 2000-х годов, сопровождавшаяся появлением небольших реформистских или тематических партий, свидетельствует о частичном разрушении традиционных клиентелистских связей и контроля над фракциями. Однако эти небольшие партии не смогли добиться устойчивого успеха на выборах из-за структурных ограничений, налагаемых смешанной избирательной системой, которая по-прежнему благоприятствует крупным партиям в одномандатных округах. Как утверждают исследователи Кац и Майр, несмотря на эпизодические перегруппировки в начале 2000 гг., партийная система Японии сохраняет черты картелизированной модели доминирующей партии, при которой ЛДПЯ сохраняет контроль над доступом к политическим ресурсам, освещением в СМИ и институциональными механизмами, одновременно включая потенциальных конкурентов в политический порядок [10, с. 5–28].

Важным фактором, повлиявшим на изменения, стали организационные реформы и персонализация лидерства в крупных партиях страны. Пребывание Коидзуми у власти (2001–2006 гг.) иллюстрирует способность сильного лидерства перестроить внутрипартийную динамику и избирательные стратегии. Его прямые обращения к избирателям, роспуск нижней палаты парламента в 2005 году для проведения приватизации почты и маргинализация вмешательства фракций являются примерами сдвига в сторону президентского парламентского лидерства [5, с. 727–733]. Эти реформы временно переопределили сплоченность партии, законодательную дисциплину и отношения между партийной организацией и поведением избирателей.

ДПЯ, напротив, иллюстрирует проблемы организационной консолидации для новых партий. Несмотря на победу в 2009 году, ДПЯ столкнулась с трудностями в установлении согласованной внутренней иерархии и координации политики, что выявило ограничения программного управления при столкновении с укоренившимися бюрократическими и институциональными нормами. Напротив, ЛДП под руководством Синдзо Абэ совместила личное лидерство с организационной консолидацией, используя партийную дисциплину, управление фракциями и создание коалиции с Комейто для стабилизации избирательного и законодательного контроля [14, с. 61–67]. Эта модель показывает, что одних только инноваций в лидерстве недостаточно для системных преобразований; они должны сопровождаться адаптацией партийной организации и институциональным влиянием.

Партийная система, сложившаяся после 2000 года, отражает структурную преемственность и культурные ограничения, которые смягчают масштабы трансформации. Сохранение клиентелистских сетей, фракционный торг внутри ЛДПЯ и бюрократическое влияние на разработку политики ограничивают способность как новых, так и существующих партий осуществлять масштабные институциональные изменения. Избирательные стимулы усиливают эти ограничения: сочетание одномандатных округов и пропорционального представительства поощряет стратегическое голосование и усиливает доминирование устоявшихся партий, одновременно препятствуя сохранению долгосрочной жизнеспособности более мелких партий.

Вместе с тем многие исследователи партийной системы Японии подчеркивают, что культурные и нормативные факторы существенно влияют на её трансформацию. Ожидания избирателей относительно стабильности, предпочтения постепенных реформ и сохраняющейся значимости местных личных связей продолжают формировать электоральное поведение и партийные стратегии [12]. Даже несмотря на то, что персонализация руководства и программные призывы стали более заметными, эти элементы действуют в рамках устойчивой архитектуры полустабильной системы доминирующей партии, а не разрушают ее.

По оценке японских и зарубежных партлологов – структурная эволюция, трансформация организационной структуры и руководства, а также сохраняющиеся институциональные и культурные ограничения – демонстрируют, что партийная система Японии после 2000 года характеризуется скорее реконфигурацией, чем революцией. Хотя заметные изменения в изменчивости избирателей, стиле руководства и организационной стратегии изменили политический ландшафт, они действуют в рамках устойчивых структурных и культурных параметров, которые ограничивают глубину системных изменений. Следовательно партийная система Японии в первой четверти XXI века представляет собой гибридную модель: адаптивную, иногда изменчивую, но в конечном итоге основанную на гегемонии ЛДПЯ и зависимости от институциональных норм.

Политический анализ этой системы показывает, что преобразования, произошедшие в этот период, лучше всего понимать как реорганизацию в рамках устойчивой институциональной и культурной преемственности, а не как полный системный разрыв. Анализ трех взаимосвязанных аспектов – структурная эволюция партийной конкуренции, организационные и лидерские преобразования, а также постоянные ограничения свидетельствуют, что во в современной Японии модель адаптивных преобразований, в которой изменения являются одновременно заметными и ограниченными.

Структурно партийная система Японии представляет собой гибридную конфигурацию, сочетающую элементы преемственности доминирующей партии и эпизодических успехов оппозиции. Либерально-демократическая партия сохраняет гегемонический контроль над партийной системой, однако периодические сбои – в частности, победа Демократической партии Японии (ДПЯ) в 2009 году – подчёркивают её уязвимость к непредвиденным потрясениям и инициативам стратегического руководства.[1] Период после 2000 года отражает как растущую электоральную волатильность, так и консолидацию политических сил в фактическую конфигурацию «двухпартийность плюс», соответствующую моделям картеля и доминирующей партии. Тем не менее, более мелкие партии остаются в значительной степени маргинализированными, что иллюстрирует ограничения, накладываемые смешанной избирательной системой и укоренившимися клиентелистскими связями.

С организационной и лидерской точки зрения этот период демонстрирует растущую значимость персонализированного и президентского руководства в формировании партийного поведения и результатов выборов. Срок полномочий Коидзуми (2001–2006) служит примером того, как стратегическое лидерство может реструктурировать внутрипартийные отношения, маргинализировать влияние фракций и напрямую апеллировать к электорату, в то время как консолидация Абэ с 2012 года и далее иллюстрирует взаимодействие между личным лидерством, управлением коалицией и организационной дисциплиной [5, с. 727–733]. Эти примеры свидетельствуют о том, что инновации в лидерстве могут служить катализатором трансформации партийной системы, но их влияние сдерживается глубиной институционализированных сетей и процедурных норм внутри партий [4].

Сохраняющиеся институциональные и культурные ограничения еще больше ограничивают масштабы системной трансформации. Клиентелизм, внутрипартийная фракционность, бюрократическая ангажированность и стремление избирателей к стабильности продолжают формировать как партийную стратегию, так и результаты политики. Даже несмотря на то, что избирательные реформы и инновации в руководстве в 2000–2012 годах изменили конкуренцию и взаимодействие с общественностью, эти ограничения гарантируют, что изменения будут постепенными и адаптивными, а не революционными. Политическая культура Японии, делающая акцент на постепенности и преемственности, укрепляет устойчивость доминирующих структур, одновременно сдерживая темпы реформ.

Обобщая эти результаты, мы можем охарактеризовать японскую партийную систему после 2000 года как перестроенную систему доминирования. Она демонстрирует наблюдаемые изменения в электоральном поведении, партийной организации и стилях руководства, но при этом функционирует в рамках устойчивых структурных и культурных параметров. Теоретические выводы из сравнительной литературы по партийным системам, в частности, типология Сартори и модель картельных партий Каца и Мэйра, оказываются крайне полезными для по-

нимания этой гибридной системы, подчеркивая взаимодействие между адаптивными изменениями и системной устойчивостью [4].

Наконец, выводы из этого анализа выходят за рамки описательного понимания. Во-первых, японский случай иллюстрирует пределы институциональных реформ в обеспечении системной трансформации в устоявшихся партийных системах. Во-вторых, он подчеркивает важнейшую роль стратегического лидерства и организационных инноваций в формировании результатов выборов и политики в условиях устойчивых структурных ограничений. В-третьих, сохранение клиентелизма, фракционности и бюрократического влияния демонстрирует важность контекстно-зависимых институциональных и культурных факторов в опосредовании воздействия реформ и инициатив руководства. В совокупности эти выводы способствуют более глубокому пониманию эволюции партийной системы в Японии и предлагают основу для сравнительного анализа систем с доминирующей партией в других странах.

Итак, вышеизложенное в статье свидетельствует, что, что партийная система Японии после 2000 года отражает динамическое равновесие: она достаточно адаптивна, чтобы адаптироваться к лидерским инновациям, электоральной нестабильности и программным экспериментам, но при этом достаточно устойчива, чтобы сохранять доминирующее положение ЛДПЯ и устойчивое влияние институционализированных сетей. Пример трансформации партийной системы Японии иллюстрирует сложное взаимодействие между изменениями и преемственностью, предлагая модель для анализа гибридных партийных систем в развитых демократиях.

Литература

1. Аурелия Джордж Малган, Администрация Абэ и Министерство финансов: Возрождение исполнительного руководства (Нью-Йорк: Routledge, 2018)
2. Дзюнко Като и Йошикуни Каннон, «Политика бюрократической реформы в Японии: институциональные ограничения и результаты политики», Asian Survey 48, № . 5 (2008)
3. Дзюнносукэ Масуми, Послевоенная политика в Японии, 1945–1955 (Беркли: Издательство Калифорнийского университета, 1985)
4. Джованни Сартори, «Партии и партийные системы: рамки анализа» (Кембридж: Cambridge University Press, 1976)
5. Икуо Кабасима, «Революция Коидзуми», PS: Политология и политика 40, № . 4 (2007)
6. Икуо Кабасима и Гилл Стил, Изменение политики в Японии (Итака: Издательство Корнельского университета, 2010)
7. Йошинобу Ямамото, «Изменение динамики политических партий и избирательной системы Японии», в «Справочнике Routledge по японской политике и обществу», под ред. Алисы Гаундер (Лондон: Routledge, 2021)
8. Итан Шайнер, Демократия без конкуренции в Японии: Провал оппозиции в государстве с однопартийным господством, 2-е изд. (Кембридж: Cambridge University Press, 2012)
9. Леонард Дж. Шоппа, Эволюция партийной системы Японии: политика и государственное управление в эпоху институциональных изменений (Торонто: Издательство Университета Торонто, 2011)
10. Ричард С. Кац и Питер Мэйр, «Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельной партии», Партийная политика 1, № . 1 (1995)
11. Роберт Дж. Пекканен, Стивен Р. Рид и Итан Шайнер, «Япония решает 2014 год: всеобщие выборы в Японии» (Лондон: Palgrave Macmillan, 2016)
12. Стивен Р. Рид, «Японская избирательная политика: создание новой партийной системы» (Лондон: Routledge, 2003)
13. Стивен Р. Рид, «Изменение партийной системы Японии: Либерально-демократическая партия и оппозиция», Японский журнал политических наук 7, № 1 (2006)
14. Харуката Такенака, Неудачная демократизация: от народного выбора к правлению элиты (Токио: Издательство Токийского университета, 2019)
15. Харуката Такенака, Премьер-министрское руководство в Японии: трансформация политической власти (Токио: Издательство Токийского университета, 2019)
16. Эллис С. Краусс и Роберт Дж. Пекканен, Взлет и падение японской ЛДП: Политические партийные организации как исторические институты (Итака: Cornell University Press, 2011).
17. Эллис С. Краусс и Роберт Пекканен, «Взлет и падение японской Демократической партии», Журнал восточноазиатских исследований 12, № 2 (2012)

CONTINUITY AND CHANGE: THE EVOLUTION OF JAPAN'S PARTY SYSTEM AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Povaliukhina A.N.
Vladivostok State University

This article examines the transformation of the Japanese party system at the beginning of the 21st century, analyzing the structural, organizational, and institutional factors that have altered political competition and governance. Formal democratic institutions and electoral reforms have facilitated party diversification; however, the persistence of historical, cultural, and institutional constraints has mitigated systemic change. The study focuses on three interrelated dimensions: the evolution of party competition, the adaptation of leadership and organization within the major parties, and the continuing influence of institutional rules and political culture. Drawing on Sartori's typology of party systems, Katz and Mair's theory of party cartels, and contemporary analyzes of Japanese politics, we demonstrate that the Japanese party system has undergone a hybrid transformation. Characteristics of dominant parties coexist with episodic opposition coalitions, and party realignments reflect strategic adaptation to electoral incentives rather than fundamental mental shifts. In this way, we demonstrate how party systems evolve in response to institutional, cultural, and structural pressures while maintaining elements of historical continuity.

Keywords: Japanese party system, party system transformation, Japanese electoral reform, Japanese party organization, Japanese political competition, Japanese political culture

References

1. Aurelia George Mulgan, The Abe Administration and the Ministry of Finance: The Revival of Executive Leadership (New York: Routledge, 2018)
2. Ellis S. Krauss and Robert J. Pekkanen, The Rise and Fall of Japan's LDP: Political Party Organizations as Historical Institutions (Ithaca: Cornell University Press, 2011).
3. Ellis S. Krauss and Robert Pekkanen, "The Rise and Fall of Japan's Democratic Party," Journal of East Asian Studies 12, no. 2 (2012)
4. Ethan Scheiner, Democracy Without Competition in Japan: Opposition Failure in a One-Party Dominant State, 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 2012)
5. Giovanni Sartori, Parties and Party Systems: A Framework for Analysis (Cambridge: Cambridge University Press, 1976)
6. Junko Kato and Yoshikuni Kannon, "Politics of Bureaucratic Reform in Japan: Institutional Constraints and Policy Outcomes," Asian Survey 48, no. 5 (2008)
7. Junnosuke Masumi, Postwar Politics in Japan, 1945–1955 (Berkeley: University of California Press, 1985)
8. Harukata Takenaka, Failed Democratization: From Popular Choice to Government by the Elite (Tokyo: University of Tokyo Press, 2019)
9. Harukata Takenaka, Prime Ministerial Leadership in Japan: The Transformation of Political Power (Tokyo: University of Tokyo Press, 2019)
10. Ikuo Kabashima and Gill Steel, Changing Politics in Japan (Ithaca: Cornell University Press, 2010)
11. Ikuo Kabashima, "The Koizumi Revolution," PS: Political Science & Politics 40, no. 4 (2007)
12. Leonard J. Schoppa, The Evolution of Japan's Party System: Politics and Policy in an Era of Institutional Change (Toronto: University of Toronto Press, 2011)
13. Richard S. Katz and Peter Mair, "Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party," Party Politics 1, no. 1 (1995)
14. Robert J. Pekkanen, Steven R. Reed, and Ethan Scheiner, Japan Decides 2014: The Japanese General Election (London: Palgrave Macmillan, 2016)
15. Steven R. Reed, Japanese Electoral Politics: Creating a New Party System (London: Routledge, 2003)
16. Steven R. Reed, "Japan's Changing Party System: The Liberal Democratic Party and the Opposition," Japanese Journal of Political Science 7, no. 1 (2006)
17. Yoshinobu Yamamoto, "The Changing Dynamics of Japan's Political Parties and Electoral System," in The Routledge Handbook of Japanese Politics and Society, ed. Alisa Gaunder (London: Routledge, 2021)

Цифровая трансформация избирательного процесса в Москве: новые возможности участия граждан и риски политической фрагментации

Руднева Ольга Олеговна,
младший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН)
E-mail: Olga.rudneva.99@mail.ru

Статья предлагает всесторонний, но яркий взгляд на то, как цифровая трансформация перестраивает избирательный процесс в Москве – позиции, которые часто называют лабораторией электоральных инноваций. Цель проста и прагматична: показать, какие новые формы участия открывают гражданам цифровую технику, и одновременно оценить риски, в том числе те, которые могут усилить политическую фрагментацию общества. Метод исследования типичен для прикладных социальных работ, но с важной конкретикой: кейс-стади московских практик дополнены разбором нормативных актов, официальной статистикой комиссий и социологическими опросами. Методология обеспечивает сочетание нормативного анализа, количественных данных и учета социологического контекста реализации цифровых инструментов. В тексте используются ключевые цифровые инструменты – «Мобильный избиратель», дистанционное электронное голосование (ДЭГ), онлайн-сервисы Мосгоризбиркома – и показывает, как они повышают административную доступность выборов: снижают транзакционные расходы избирателей, сокращают очередь в часах пик, упрощают предоставление заявлений и доступ к информационным материалам. В целях с преимуществами подробно описаны риски: углубление расширений, уязвимости в кибербезопасности, срабатывание «информационных пузырей», способы дробить публичную сферу и подрывать взаимное доверие. Вывод авторов трезвый и неоднозначный: цифровизация, упрощая технические аспекты участия, одновременно создает новые вызовы для обратной связи и качества представительства. Практическое исследование ценности – в рекомендациях для властей и комиссий по поиску баланса между технологическими возможностями и социально-политическими рисками.

Ключевые слова: цифровая трансформация, избирательный процесс, Москва, электронное голосование, политическое участие, политическая фрагментация, цифровой разрыв.

Введение

Актуальность исследования цифровой трансформации избирательного процесса обусловлена ее глобальным характером и фундаментальным воздействием на институциональные основы представительной демократии. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), проникая в публичную сферу, трансформируют традиционные модели взаимодействия между государством и гражданами, формируя новые каналы коммуникации и участия [1, с. 45]. Москва в данном контексте представляет собой релевантный и показательный кейс для политического анализа, выступая в качестве основного региона-инноватора в части внедрения цифровых электоральных технологий в России [2]. Широкое применение системы «Мобильный избиратель», дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и комплексных онлайн-сервисов Московской городской избирательной комиссии (Мосгоризбиркома) формирует качественно новую среду для политического волеизъявления, перестраивая электоральный ландшафт мегаполиса [3].

Данная трансформация порождает сложную диалектику возможностей и рисков. С одной стороны, цифровые инструменты потенциально повышают инклюзивность и административную доступность выборов, сокращая транзакционные издержки избирателей и предлагая более гибкие форматы участия. С другой стороны, в академической дискуссии справедливо акцентируются вопросы верификации, кибербезопасности, а также риски усиления социального неравенства и политической фрагментации, связанные с алгоритмизацией публичной сферы [4, 5]. Таким образом, центральной исследовательской проблемой выступает противоречие между декларируемой эффективностью и удобством цифровых электоральных инноваций и их комплексным воздействием на качество демократической репрезентации и целостность политического сообщества.

Целью настоящей статьи является политологический анализ цифровой трансформации избирательного процесса в Москве, направленный на выявление и оценку диалектической взаимосвязи между новыми возможностями гражданского участия и рисками политической фрагментации. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи.

1. Систематизировать ключевые цифровые инструменты, институционализированные в избирательном процессе Москвы.
2. Оценить их влияние на доступность и практики политического участия граждан.
3. Проанализировать потенциальные риски, связанные с технологическими, социальными и коммуникативными аспектами цифровизации.
4. Сформулировать выводы о балансе возможностей и вызовов для политической системы в контексте Москвы.

Методологической основой исследования выступает качественный кейс-анализ (case-study). В работе применяются следующие методы: анализ документов (нормативно-правовых актов, отчетов ЦИК России и Мосгоризбиркома), вторичный анализ данных социологических исследований (ВЦИОМ, ФОМ), а также концептуальный анализ, позволивший операционализировать ключевые понятия «политическая фрагментация» и «цифровое участие». Подобный методологический синтез обеспечивает комплексное рассмотрение проблемы на стыке нормативного, эмпирического и теоретического анализа.

Литературный обзор и теоретические основания

Цифровая трансформация выборов в последние годы оказалась в центре внимания политологов – и не случайно: технологии меня не только пропагандируют, но и наше представление о том, как должна функционировать демократия. В зарубежной литературе (Норрис, Хиндман) обычно находят две противоположные страны. Первый, технооптимистический, утверждает, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) открывают новые возможности для демократизации и обработки граждан [3]. Второй, техно-пессимистический, фокусируется на рисках: манипуляциях, слежке, так называемой «диктатуре данных» и постоянных угрозах, способных подорвать доверие к избирательному процессу [4]. Оба подхода репрезентативны для академической дискуссии, фокусируясь на различных аспектах единого по своей природе

процесса цифровой трансформации. Для нашего исследования ключевым является вопрос о политической фрагментации – его мы понимаем, как распад виртуального пространства на множество изолированных информационных сегментов, некие «пузыри», в которых люди всё реже пересекаются и слышат друг друга [6, с. 33]. Этот процесс способствует повышению поляризации и снижению межгруппового доверия. Цифровые платформы играют амбивалентную роль: с одной стороны, они способны выполнять консолидирующую функцию, предлагая общие инструменты участия. С другой – алгоритмическая персонализация контента и склонность пользователей к гомофильным сообществам могут усилить фрагментацию; и это видно на примере [7].

Цифровые инновации в избирательном процессе Москвы: институционализация и возможности

Институционализация цифровых инструментов в Москве прошла несколько этапов, от создания инфраструктуры (портал «Госуслуги», система идентификации) до внедрения сложных электоральных процедур. Основные компоненты этой системы представлены в таблице 1.

Таблица 1. Ключевые цифровые инструменты избирательного процесса в Москве (2020–2023 гг.)

Инструмент	Сущность и назначение	Правовая база	Охват (пример, выборы в Мосгордуму 2023)
«Мобильный избиратель»	Механизм голосования по месту нахождения, а не по месту регистрации.	Федеральный закон № 20-ФЗ от 23.05.2020	Свыше 1,2 млн заявлений подано через «Госуслуги» [8]
Дистанционное электронное голосование (ДЭГ)	Голосование через специальный онлайн-портал с усиленной идентификацией	Закон г. Москвы № 20 от 06.05.2020, регламенты ЦИК	2,1 млн избирателей было зарегистрировано в системе ДЭГ [9]
Онлайн-сервисы Мосгоризбиркома	Информационный портал, карта избирательных участков, онлайн-наблюдение	Решения Мосгоризбиркома	Ежедневная посещаемость портала в период кампании – до 500 тыс. визитов
Социальные медиа и чат-боты	Информирование и взаимодействие с избирателями через VK, Telegram	–	Охват аудитории официальных каналов – свыше 700 тыс. подписчиков

Источник: составлено автором по данным ЦИК России [8] и Мосгоризбиркома [9].

Представленные в таблице 1 количественные показатели свидетельствуют о значительном масштабе внедрения цифровых инструментов. Так, число заявлений, поданных через портал «Госуслуги» (свыше 1,2 млн), указывает на высокую востребованность сервисов, снижающих транзакционные издержки избирателя. Охват системой ДЭГ, составивший 2,1 млн зарегистрированных пользователей, демонстрирует активное тестирование населением принципиально новых каналов волеизъявления, что требует отдельного изучения факторов доверия к подобным новациям [9, 19].

Воздействие на возможность участия – многогранно. Во-первых, административная доступность заметно увеличивается: избирательные участки могут решать избирательный вопрос в удобное для себя время – утром (пока варишь кофе), в обед или вечером – не добираясь до конкретного участка по прописке. Для внешних пассажиров в Москве, молодёжи и людей с ограниченной мобильностью это часто критично; для кого-то такие услуги становятся решающими. Этот эффект находит свое подтверждение в теории рационального выбора, согласно которой снижение транзакционных издержек является ключевым фактором, влияющим на решение индивида об участии в выборах [см., напр., 1, с. 48]. Это особенно значимо. Во-вторых, вы нарушаете новую цифровую информационную среду: интерактивные карты, онлайн-размещение бюллетеней для предварительного ознакомления и прямая трансляция с участием дают более прозрачную и насыщенную информационную картину – например, путеводитель по выбору. В-третьих, снижаются транзакционные затраты на участие, что потенциально может повысить явку, особенно среди технологически ориентированных групп населения; при этом эффект будет зависеть от уровня доверия и привычек избирателей. Таким образом, цифровые инструменты выступают не просто техническим каналом, а новым политическим институтом, который перераспределяет ресурсы участия и формирует дифференцированный электоральный ландшафт, где цифровая компетентность становится значимым капиталом.

Риски политической фрагментации и вызовы безопасности

Однако цифровая трансформация порождает комплекс рисков, которые можно классифицировать по трем уровням: социально-политическому, технологическому и когнитивно-коммуникативному (рис. 1).

Рис. 1. Многоуровневая модель рисков цифровой трансформации выборов

Источник: разработано автором.

Социально-политический уровень: новый, тонкий цифровой разрыв. Кажется, привычный «цифровой разрыв» для доступа в интернет в Москве во многом сглажен – смартфоны и точки доступа есть почти у всех. Но на смену ему пришёл другой разрыв, менее продвинутый и потому более коварный: людям не хватает компетенций или мотивации пользоваться возможностями цифровых сервисов [11, с. 78]. Пожилые люди и социально уязвимые группы, такие же, как и я, которые относятся к технологиям с недоверием, рискуют оказаться на стороне нового канала участия. В итоге наступает маргинализация – электорат дробится на «цифровых авангардистов» и «традиционалистов». И важно помнить: на борту не обращают внимания не только я, кто физически отключен от сетей, но и те, кто просто не готов играть по новым правилам. Данный феномен можно концептуализировать как переход от «цифрового разрыва первого уровня» (доступ) к «разрыву второго уровня» (мотивация и компетенции), который воспроизводит и даже усугубляет существующие социальные неравенства в новой, цифровой форме [11, с. 80]. Это ведет к маргинализации данных групп, что создает долгосрочные социальные и политические издержки. 2. Технологический уровень: угроза безопасности и надежности. Любая попытка внедрить ДЭГ неизбежно вызывает острые дискуссии о кибербезопасности. Потенциальные уязвимости – DDoS-атаки, активация фишинга, подсчёт голосов – подсчёт ключевых принципов выборов: доверие граждан к честности и точность результата [12]. Достаточно одного инцидента или даже слуха о нем, чтобы разгорелся кризис легитимности. Поляризация тут же приводит к тому же: мнение общества «сторонников» и «противников» в голосовании, и восстановление спокойствия, потом гораздо сложнее. 3. Когнитивно-коммуникативный уровень: фрагментация публичной сферы. Алгоритмы соцсетей, активно используемые для информирования и агитации, подталкивают избирателей в «информационные пузыри» и эхо-камеры, где появляются почти одинаковые точки зрения [7]. Пространство для общего обсуждения сжимается: вместо широких публичных дебатов мы получаем атомизацию дискурса – закрытые чаты, узкие сообщества, краткие посты и реплики. Итог – уменьшение шансов на общественное согласие; раскол уходит глубже процедурных споров и проникает в коллективное сознание. Этот процесс соответствует теоретической модели «кибербалканизации», где технологическая возможность глобальной связности на практике ведет к дроблению на изолированные и враждебные сообщества, что ставит под вопрос саму возможность формирования общей повестки в цифровую эпоху [7, p. 215]. Эти риски суммируются в таблице 2.

Сводная оценка в таблице 2 позволяет ранжировать риски по степени управляемости. Обращает на себя внимание, что наиболее вероятные риски («Информационные пузыри», «Кризис доверия») характеризуются и наименьшей степенью управляемости, поскольку коренятся в общей логике функционирования цифровых платформ и общественного восприятия. Это указывает на то, что смягчение ключевых угроз цифровой трансформации лежит не только в технической, но и в институциональной и коммуникативной плоскости.

Таблица 2. Матрица оценки рисков цифровой трансформации избирательного процесса в Москве

Категория риска	Конкретное проявление	Вероятность	Потенциальное воздействие	Степень управляемости
Цифровое неравенство	Маргинализация групп, не владеющих цифровыми навыками	Высокая	Среднее	Средняя (программы обучения)
Киберугрозы	Хакерская атака на систему ДЭГ, утечка данных	Средняя	Критическое	Высокая (при должном финансировании)
Кризис доверия	Распространение теорий заговора о сбоях/фальсификациях в ДЭГ	Высокая	Высокое	Низкая (зависит от информационной политики)
Информационные пузыри	Рост поляризации из-за алгоритмической персонализации	Очень высокая	Высокое	Низкая (глобальная проблема платформ)
Эрозия публичности	Сведение выборов к приватной технической процедуре	Средняя	Среднее	Средняя

Источник: составлено автором.

Заключение

Проведённый анализ свидетельствует о двойственном и противоречивом характере цифровой трансформации избирательного процесса в Москве. С одной стороны, институционализация таких инструментов, как «Мобильный избиратель» и дистанционное электронное голосование (ДЭГ), приносит ощутимые преимущества, значительно повышая административную доступность выборов. Цифровые сервисы снижают транзакционные издержки граждан, обеспечивают более гибкие форматы волеизъявления для мобильных групп населения и формируют новую, насыщенную информационную среду [1, 9]. Эти инновации обладают значимым практическим потенциалом для модернизации электоральных процедур в условиях мегаполиса.

С другой стороны, трансформация порождает комплекс системных рисков, главным из которых является угроза политической фрагментации, проявляющейся на нескольких уровнях. На социально-политическом уровне возникает новый цифровой разрыв, связанный не с доступом к инфраструктуре, а с компетенциями и мотивацией, что ведет к маргинализации уязвимых групп [11]. На институциональном уровне вопросы кибербезопасности и доверия к цифровым платформам ставят под сомнение базовые принципы легитимности и прозрачности выборов [12]. На когнитивно-коммуникативном уровне алгоритмическая логика цифровых медиа способствует укреплению «информационных пузырей», атомизации публичного дискурса и росту поляризации, подрывая основы для общественного согласия [7]. Таким образом, цифровизация не является нейтральным техническим усовершенствованием; она активно переформатирует политические отношения и структурирует публичное пространство.

Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке диалектики возможностей и рисков цифровой трансформации на примере ключевого российского региона. Работа выявляет специфическое противоречие московского кейса: опережающее технологическое внедрение происходит в условиях сохраняющихся социальных диспропорций и не до конца сформированного публичного доверия к цифровым институтам. Это противоречие актуализирует риски не технического, а социально-политического порядка, где фрагментация становится ключевым вызовом.

Следовательно, стратегической задачей для органов власти и избирательных комиссий становится не столько дальнейшая техническая оптимизация, сколько выработка сбалансированной политики минимизации сопутствующих социально-политических рисков. В практическом плане это предполагает: 1) сохранение и развитие параллельных офлайн-каналов участия как гарантии инклюзивности и снижения цифрового неравенства; 2) инвестиции в цифровую грамотность населения и обеспечение максимальной прозрачности и верифицируемости цифровых процедур; 3) разработку коммуникационных стратегий, направленных на консолидацию, а не фрагментацию публичной сферы. Перспективным направлением для будущих исследований является эмпирическое измерение реальной степени фрагментации электората, использующего разные каналы участия, и анализ долгосрочного влияния цифровых инструментов на качество представительной демократии и устойчивость политического сообщества.

Литература

1. Петров А.В. Цифровизация избирательных процессов: российский контекст // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 43–59.
2. Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge University Press, 2001. 320 p.
3. Hindman M. The Internet Trap: How the Digital Economy Builds Monopolies and Undermines Democracy. Princeton University Press, 2018. 255 p.
4. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. PublicAffairs, 2019. 704 p.
5. Матвеева С.А., Швецов А.В. Электронное голосование в России: политико-правовые аспекты внедрения // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 3. С. 21–37.
6. Туровский Р.Ф. Политическая география: Пространственная фрагментация публичной сферы в современной России // Полития. 2020. № 1 (96). С. 30–51.
7. Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. Penguin Books, 2011. 304 p.
8. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Сведения о количестве заявлений, поданных через Портал госуслуг в рамках системы «Мобильный избиратель» на выборах депутатов Московской городской Думы 2023 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.cikrf.ru (дата обращения: 03.01.2026).
9. Московская городская избирательная комиссия. Отчет о результатах дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы 2023 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.mosgorizbirkom.ru (дата обращения: 03.01.2026).
10. Шевченко Ю.Д. Онлайн-наблюдение на выборах: новые формы гражданского контроля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 78–95.
11. Солодков М.В. Новый цифровой разрыв: от доступа к компетенциям // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 76–86.
12. Волченков О.В. Кибербезопасность цифровых выборов: международный опыт и российские реалии // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 3. С. 102–120.
13. Галкин А.А., Красин Ю.А. Политическая модернизация России в цифровую эпоху: противоречия и перспективы // Общественные науки и современность. 2024. № 1. С. 34–48.
14. Морозова Е.В. Трансформация публичной сферы в условиях цифровизации: коммуникативные практики и институты // Власть. 2023. № 5. С. 60–67.
15. Цифровая трансформация и выборы: Сборник аналитических материалов / Под ред. К.В. Анохиной. М.: Издательство «Проспект», 2024. 215 с.
16. Dahl R.A. On Democracy. 2nd ed. Yale University Press, 2020. 384 p.
17. Федеральный закон от 23.05.2020 № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005230014 (дата обращения: 03.01.2026).
18. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. «Умное голосование»: как цифровые технологии меняют избирательную систему столицы [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/news/item/129050073/ (дата обращения: 03.01.2026).
19. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Мониторинг доверия к институтам и цифровым сервисам: Электронное голосование [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/monitoring-doverija-k-institutam-i-tsifrovym-servisam-elektronnoe-golosovanie (дата обращения: 03.01.2026).
20. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). Цифровая грамотность и участие: Барометр цифрового общества [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/ (дата обращения: 03.01.2026).

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ELECTORAL PROCESS IN MOSCOW: NEW OPPORTUNITIES FOR CITIZEN PARTICIPATION AND RISKS OF POLITICAL FRAGMENTATION

Rudneva O.O.
Institute of Socio-Political Research Federal Research Sociological Center Russian Academy of Sciences (ISPI FNIC RAS)

This article examines, from the ground up, how digital technologies have transformed the voting process in Moscow, Russia's most advanced laboratory for electoral experiments.

The goal is simple: to identify the new channels that digital tools have opened for political participation and to assess the associated risk that these same tools could accelerate political fragmentation. Methodologically, the article presents a study of Moscow's electoral practices, using regulatory data, official statistics from the Electoral Commission, and sociological survey data. The analysis highlights a range of tools-the «Mobile Voter» smartphone app (allowing residents to vote with just a few taps), remote electronic voting (REV), and the online services of the Moscow City Electoral Commission-and demonstrates how they are reducing administrative barriers to voting. But there is also a dark side to the coin: growing digital inequality, cybersecurity vulnerabilities, and the rise of information bubbles that threaten to fragment the public sphere and undermine trust in society. Who is winning, and who is being left behind? The conclusion is cautious rather than enthusiastic: digitalization mitigates many technical barriers to participation, but at the same time creates new challenges for the integrity of political community and democratic representation. In practice, the study offers targeted recommendations to government agencies and electoral commissions on balancing technological promise with socio-political risks-a task that will require not only software but also common sense.

Keywords: digital transformation, electoral process, Moscow, electronic voting, political participation, political fragmentation, digital divide.

References

1. Volchenkov O.V. Cybersecurity of digital elections: international experience and Russian realities // International processes. 2021. Vol. 19. № 3. Pp. 102–120.

2. All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM). Monitoring of trust in institutions and digital services: Electronic voting [Electronic resource]. URL: https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/monitoring-doverija-k-institutam-i-tsifrovym-servisam-elektronnoe-golosovanie (date of request: 03.01.2026).

3. Galkin A.A., Krasin Yu.A. Political modernization of Russia in the digital age: contradictions and prospects // Social Sciences and modernity. 2024. № 1. Pp. 34–48.

4. Matveeva S.A., Shvetsov A.V. Electronic voting in Russia: political and legal aspects of implementation // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. 2022. № 3. Pp. 21–37.

5. Morozova E.V. Transformation of the public sphere in the context of digitalization: communicative practices and institutions. 2023. № 5. Pp. 60–67.

6. Moscow City Election Commission. Report on the results of remote electronic voting in the elections of deputies of the Moscow City Duma in 2023 [Electronic resource]. URL: https://www.mosgorizbirkom.ru (date of access: 03.01.2026).

7. The official portal of the Mayor and the Government of Moscow. Smart Voting: how digital technologies are changing the electoral system of the capital [Electronic resource]. URL: https://www.mos.ru/news/item/129050073 / (date of access: 03.01.2026).

8. Petrov A.V. Digitalization of electoral processes: the Russian context // Polis. Political research. 2021. № 5. Pp. 43–59.

9. Solodkov M.V. The new digital divide: from access to competencies // Sociological research. 2023. № 2. Pp. 76–86.

10. Turovsky R.F. Political geography: Spatial fragmentation of the public sphere in modern Russia // Politics. 2020. № 1 (96). Pp. 30–51.

11. Federal Law № 20-FZ dated 05/23/2020 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» [Electronic resource]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005230014 (date of application: 03.01.2026).

12. Public Opinion Foundation (FOM). Digital literacy and participation: Digital Society Barometer [Electronic resource]. URL: https://fom.ru / (date of access: 03.01.2026).

13. The Central Election Commission of the Russian Federation. Information on the number of applications submitted through the Portal of Public Services within the framework of the «Mobile Voter» system in the elections of deputies of the Moscow City Duma in 2023 [Electronic resource]. URL: https://www.cikrf.ru (accessed: 01/03/2026).

14. Digital transformation and Elections: A collection of analytical materials / Edited by K.V. Anokhina. Moscow: Prospekt Publishing House, 2024. 215 p.

15. Shevchenko Yu.D. Online election monitoring: new forms of civil control // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2022. № 4. Pp. 78–95.

16. Dahl R.A. On democracy. 2nd ed. Yale University Press, 2020. 384 p.

17. Hindman M. The trap of the Internet: how the digital economy creates monopolies and undermines democracy. Princeton University Press, 2018. 255 p.

18. Norris P. The digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet worldwide. Cambridge University Press, 2001. 320 p.

19. Pariser E. Filter Bubble: How the new personalized network is changing what we read and how we think. Penguin Books, 2011. 304 p.

20. Zuboff S. The era of supervisory capitalism: the struggle for the future of humanity at the new frontiers of power. PublicAffairs, 2019. 704 p.

Роль вовлечения молодежи в благотворительных проектах в изменении социального ландшафта регионов

Санин Дмитрий Владимирович,
аспирант, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: dsanin-25@ranepa.ru

В статье рассматривается, как участие молодёжи в благотворительных проектах влияет на социальный ландшафт российских регионов. Анализ строится на корпусе российских исследований 2021–2025 гг., посвящённых гражданскому участию, молодёжным инициативам, региональной благотворительности и практикам взаимодействия власти с некоммерческим сектором. Показано, что вклад молодёжи проявляется не только в расширении волонтёрских и проектных форм помощи, но и в изменении способов постановки социальных проблем, каналов обратной связи между населением и властью, а также механизмов межсекторного взаимодействия. Особое внимание уделено территориальной дифференциации: в крупных городах молодёжные инициативы чаще институционализируются и профессионализируются, тогда как в малых городах и сельских территориях их развитие ограничивается ресурсным дефицитом и слабой инфраструктурой поддержки. Рассматриваются мотивация участия, барьеры институционального характера, эффекты цифровизации благотворительности и модели взаимодействия государства с молодёжными инициативами – патерналистская, партнёрская и конкурентная. Сделан вывод, что молодёжная благотворительность выступает значимым фактором региональных изменений, однако её преобразующий потенциал зависит от качества управленческой среды, наличия инфраструктуры поддержки и способности региональных институтов закреплять новые практики без подавления их автономии.

Ключевые слова: молодежь, благотворительность, социальный ландшафт, регионы, волонтерство.

Социальные изменения в российских регионах всё чаще связаны не только с решениями государства или состоянием экономики, но и с тем, насколько устойчивыми становятся практики гражданского участия на местном уровне. В этом контексте вовлечение молодёжи в благотворительные проекты заслуживает отдельного рассмотрения: оно соединяет волонтёрство, инициативное проектирование, сбор средств, локальные кампании взаимопомощи и публичное обсуждение социальных проблем. Исследования последних лет показывают, что молодёжное участие в регионе не сводится к формальным акциям; оно возникает на пересечении ценностной мотивации, локальной повестки и доступных каналов взаимодействия с институтами власти [1]. Поэтому для социологии управления важно рассматривать молодёжную благотворительность не как частный эпизод социальной активности, а как один из механизмов, через которые меняются конфигурации ответственности, участия и распределения ресурсов в регионе. Важно и то, что благотворительные проекты становятся для региона формой раннего тестирования новых управленческих решений: то, что сначала возникает как низовая инициатива, затем может превращаться в устойчивый сервис или партнёрский формат.

Понятие «социальный ландшафт» в данном исследовании используется как аналитическая рамка, позволяющая увидеть не только набор учреждений и практик, но и связи между ними: кто инициирует решение проблемы, кто принимает участие, какие ресурсы мобилизуются и каким образом меняются общественные ожидания. С этой точки зрения благотворительные инициативы молодёжи важны потому, что они затрагивают вопрос о перераспределении социальной ответственности между государством, бизнесом, некоммерческим сектором и локальными сообществами. Работы о социальной активности и ответственности современной молодёжи показывают, что для молодых участников благотворительность часто становится не внешней обязанностью, а способом практического действия в ситуации конкретной социальной проблемы [8]. Следовательно, речь идёт не только о помощи нуждающимся, но и об изменении повседневной логики взаимодействия между гражданами и институтами. Поэтому изменение социального ландшафта фиксируется не только в появлении новых организаций, но и в том, как перераспределяются ожидания относительно того, кто должен первым реагировать на локальную проблему и кто вправе инициировать её решение.

В существующей литературе достаточно подробно описаны мотивы участия молодых людей в общественной и волонтёрской деятельности, а также социокультурные особенности региональной молодёжи. Вместе с тем значительно реже ставится вопрос о том, какой институциональный след оставляют эти практики и как именно они меняют региональную социальную среду. Между тем исследования динамики социокультурных характеристик молодёжи региона показывают, что сама молодёжная среда неоднородна: различаются ценностные установки, ожидания от участия, способы самоорганизации и отношение к официальным институтам [11]. Это означает, что влияние благотворительных проектов на региональное развитие нельзя оценивать абстрактно; оно зависит и от типа региона, и от состава молодёжных сообществ, и от того, как региональная власть умеет работать с низовыми инициативами. Именно этот уровень анализа позволяет уйти от описания отдельных успешных практик к пониманию того, почему одни формы участия закрепляются, а другие остаются краткосрочными и не меняют институциональной среды.

Материалы и методы исследования

Информационную базу исследования составили научные статьи 2021–2025 гг., посвящённые гражданскому участию молодёжи, региональной благотворительности, социальным проектам, молодёжной политике и управленческим аспектам взаимодействия государства с некоммерческим сектором. В отличие от работ, где внимание сосредоточено преимущественно на воспитательном или психологическом измерении участия, в центре данного анализа находится именно управленческий уровень: влияние молодёжных благотворительных инициатив на институциональную среду, коммуникацию между секторами и конфигурацию социальных практик в регионе. Методологически использованы проблемно-тематический анализ публикаций, сопоставление регио-

нальных кейсов и контент-анализ исследовательских выводов. Такой подход позволил выделить повторяющиеся сюжетные линии – мотивацию участия, барьеры развития, инфраструктуру поддержки, форматы взаимодействия с властью и эффекты институционализации, – а затем связать их в единую интерпретацию изменения социального ландшафта.

Результаты и обсуждение

Если проследить, как менялся исследовательский интерес к молодёжной благотворительности, видно, что длительное время она рассматривалась прежде всего как средство социализации, воспитания и включения молодых людей в общественно полезную деятельность. Такая оптика до сих пор сохраняется в ряде региональных исследований, где акцент делается на механизмах вовлечения молодёжи в общественные объединения и на образовательном эффекте участия [5]. Однако для социологии управления этого уже недостаточно. Когда благотворительные проекты становятся устойчивыми, привлекают ресурсы, выстраивают партнёрства и влияют на локальную повестку, они перестают быть только инструментом воспитания. Они становятся частью региональной системы производства социальных решений, а значит требуют анализа не только на уровне мотивации участников, но и на уровне институтов, процедур и управленческих последствий. Переход от воспитательной к управленческой оптике особенно заметен там, где молодёжные инициативы начинают выполнять функции посредника между населением, экспертным сообществом и администрацией.

Одним из продуктивных способов описания этого процесса остаётся обращение к теории социального капитала. В случае молодёжной благотворительности речь идёт не просто о горизонтальных связях внутри группы добровольцев, а о способности молодых участников создавать устойчивые сети доверия, координации и обмена ресурсами. Особенно важны здесь те формы самоорганизации, которые возникают на стыке локальной инициативы и городского управления: молодёжь не только объединяется вокруг проблемы, но и учится разговаривать с администрацией, бизнесом и профессиональными НКО на языке проектов, партнёрств и публичной ответственности [2]. Именно в этом месте благотворительность перестаёт быть эпизодом частной помощи и начинает влиять на структуру регионального взаимодействия, создавая новые каналы кооперации между акторами, которые раньше почти не соприкасались. В региональном контексте это особенно существенно, поскольку для многих территорий именно такие слабые, но устойчивые связи между секторами оказываются более ценными, чем разовые кампании с большим публичным эффектом.

Вместе с тем сама по себе мобилизация социального капитала не гарантирует широкого общественного эффекта. Там, где проектная деятельность замыкается на узком круге наиболее активных участников, возникает риск воспроизводства своеобразной активистской элиты, обладающей ресурсами коммуникации, но слабо связанной с более широкой молодёжной средой. Исследования молодёжных инициатив в практиках партисипативного проектирования показывают, что участие может одновременно расширять пространство гражданской активности и оставаться доступным преимущественно для тех, кто уже владеет необходимыми культурными и организационными компетенциями [12]. Поэтому вопрос состоит не только в том, сколько молодёжи включено в благотворительные проекты, но и в том, насколько эти проекты открыты новым участникам и способны превращать частную активность в устойчивый публичный ресурс. Без решения этой проблемы даже заметные и медийно успешные проекты могут оставаться социально узкими, то есть не менять правила участия для большинства молодых людей.

Институциональная перспектива позволяет увидеть следующий уровень проблемы: для того чтобы благотворительная инициатива действительно изменила региональный социальный ландшафт, она должна выйти за пределы единичной акции и обрести организационную устойчивость. В этом смысле показательны исследования благотворительной деятельности локальных сообществ, где видно, что даже сравнительно небольшие инициативы начинают играть заметную роль тогда, когда вокруг них формируется сеть постоянных участников, партнёров и правил взаимодействия [9]. Молодёжная благотворительность особенно чувствительна к этой логике, поскольку она часто возникает быстро, но без внешней поддержки так же быстро распадается. Отсюда следует, что управленческий анализ должен учитывать не только факт появления инициативы, но и условия её закрепления в региональной институциональной среде. Иными словами, решающим оказывается не столько стартовый энтузиазм, сколько способность инициативы выстроить повторяемую организационную логику и пережить фазу первоначальной мобилизации.

Однако институционализация не является безусловным благом. По мере того как молодёжные проекты получают доступ к грантам, официальным платформам и механизмам координации, они неизбежно подстраиваются под существующие административные форматы.

При этом нельзя игнорировать территориальные различия. В крупных городах молодёжные инициативы чаще опираются на университетскую среду, плотные коммуникационные сети и более развитую инфраструктуру грантовой и экспертной поддержки. В малых городах и сельских территориях поле благотворительной активности, как правило, уже: меньше потенциальных участников, ниже организационная ёмкость местных сообществ, сильнее отток молодёжи. Исследования участия молодёжи в развитии комфортной городской среды подтверждают, что даже при сходстве заявленных целей реальные возможности включения сильно различаются в зависимости от типа территории и доступности ресурсов [10]. Следовательно, один и тот же управленческий инструмент может давать несопоставимые результаты в разных регионах. Отсюда возникает и важное управленческое следствие: успешные практики крупных центров не могут механически переноситься на периферию без учёта различий в кадровой базе, транспортной доступности, плотности коммуникации и уровне цифровой включённости.

Для объяснения этой дифференциации полезно обратиться к представлению о регионе как о социальном пространстве, в котором молодёжь действует не в пустоте, а внутри уже сложившихся иерархий, норм и стратегий повседневного поведения. Работы о социальных стратегиях региональной молодёжи показывают, что выбор форм участия определяется не только наличием формальных возможностей, но и тем, как сами молодые люди оценивают перспективы самореализации, мобильности, признания и влияния на местную жизнь [15]. Отсюда следует, что благотворительность не может быть понята просто как функция внешнего стимулирования. Она укоренена в более широких способах жизненного ориентирования молодёжи и потому по-разному встроена в структуру регионального социального пространства. Поэтому одна и та же благотворительная практика в разных регионах может иметь различный смысл: где-то она становится каналом самореализации, а где-то – одной из немногих доступных форм общественного присутствия.

Соотношение структурных ограничений и молодёжной агентности особенно хорошо видно в работах, посвящённых региональной молодёжной политике. Они показывают, что молодые участники социальных инициатив действуют не только внутри уже заданных рамок, но и пытаются пересматривать сами рамки – искать новые ниши влияния, создавать собственные площадки действия, формировать альтернативные маршруты включения в общественную жизнь. Исследование моделей развития ниш агентности субъектов молодёжной политики в регионах Северо-Запада России демонстрирует, что даже при сильной зависимости от институциональной среды молодёжь сохраняет способность производить новые форматы участия и переопределять смысл собственной активности [13]. Для благотворительной сферы это означает, что управленческая среда должна рассматриваться не просто как внешний ограничитель, а как пространство постоянных переговоров между правилами и инициативой.

Отдельное значение имеет вопрос об инструментах вовлечения. Современные молодёжные благотворительные проекты редко строятся только вокруг одной организации; чаще они собираются из сетей участников, локальных сообществ, образовательных учреждений, цифровых платформ и временных партнёрств. В этой логике особенно важны инструменты, которые снижают порог входа в участие: микрогранты, консультационное сопровождение, открытые конкурсные процедуры, цифровые сервисы координации и публичные механизмы представления результатов. Работы, посвящённые вовлечённости молодёжи в формирование комфортной городской среды, показывают, что именно сочетание организационной поддержки и понятных инструментов участия делает молодёжные инициативы более устойчивыми и заметными для региональной системы управления [3]. Без таких инструментов даже высокий уровень ценностной готовности к участию часто не превращается в регулярную практику, поскольку молодому человеку бывает трудно понять, где именно он нужен и как его участие будет организовано.

Мотивация участия при этом остаётся сложной и неоднородной. В реальных проектах альтруистические установки обычно сочетаются с желанием приобрести опыт, войти в профессиональные сети, почувствовать собственную значимость и увидеть быстрый результат своей работы. Важно подчеркнуть, что такая смешанная мотивация не обесценивает благотворительность. Напротив, именно она часто делает участие продолжительным: молодой человек остаётся в проекте не потому, что разделяет отвлечённую норму «быть полезным», а потому, что социально значимое действие совпадает для него с личной траекторией роста.

Именно такие сдвиги труднее всего измерить, но именно они определяют, превращается ли отдельная инициатива в фактор более длительного институционального изменения. Именно по этой причине анализ благотворительности требует сочетания количественных и качественных индикаторов: без этого трудно отличить устойчивое изменение управленческих практик от кратковременного всплеска активности.

В этой связи отношения между государственными структурами и молодёжными благотворительными организациями целесообразно описывать не в чёрно-белых категориях поддержки или давления, а как спектр моделей взаимодействия. В одних случаях региональные власти стремятся встроить инициативу в собственные программы и задают ей рамку сверху. В других – выступают партнёром, принимающим наличие автономных целей у молодёжного сообщества. В третьих – воспринимают активность как конкуренцию за символические ресурсы, внимание аудитории и право определять общественно значимые проблемы. Для анализа важно не только установить, какая модель формально декларируется, но и проследить, как она реализуется в повседневных процедурах согласования, финансирования, отчётности и публичного признания. На практике это означает, что даже при одинаковой официальной риторике реальные условия для молодёжной благотворительности могут существенно различаться: от режима доверительного соуправления до режима формального допущения при жёстком административном контроле.

Проблема оценки эффективности молодёжных благотворительных проектов напрямую связана с этой сложностью. Публикации, посвящённые повышению эффективности деятельности благотворительных учреждений на региональном уровне, показывают, что привычные показатели – объём собранных средств, число благополучателей, количество мероприятий – дают лишь частичное представление о результате [7]. Для молодёжных инициатив этого особенно недостаточно, поскольку их вклад часто проявляется не в масштабе разовой помощи, а в запуске новых моделей взаимодействия, появлении устойчивых сетей и изменении локальной повестки. Следовательно, методики оценки должны включать не только краткосрочные результаты, но и признаки структурного эффекта: степень закрепления практики, расширение партнёрств, повторяемость инициатив и их способность влиять на институциональные решения. Особенно важно учитывать, возникает ли после завершения отдельного проекта инфраструктурный остаток – новые контакты, компетенции, правила сотрудничества и репутационные эффекты, которыми могут воспользоваться другие инициативы.

Серьёзным ограничением трансформационного потенциала молодёжной благотворительности остаются институциональные барьеры. На практике они проявляются как дефицит постоянного финансирования, сложные бюрократические процедуры, неравный доступ к экспертной поддержке и зависимость многих проектов от нескольких ключевых участников. Региональные кейсы благотворительной деятельности, в том числе исследования, выполненные на примере конкретных фондов, показывают, что даже социально востребованные инициативы нередко упираются не в отсутствие общественного запроса, а в ограниченность организационных ресурсов и слабость поддерживающей инфраструктуры [14]. Поэтому управленческая задача состоит не только в стимулировании новых акций, но и в создании среды, в которой проект может пережить смену команды, сохранить качество работы и накопить институциональную память. Там, где такие барьеры не снимаются, даже сильная мотивация участников не превращается в долговременный ресурс региона, а сама благотворительная деятельность приобретает характер циклического запуска и затухания.

Из этого следует, что поддержка молодёжной благотворительности не может сводиться к разовым грантовым конкурсам или символическим акциям признания. Слишком жёсткая модель взаимодействия превращает инициативу в исполнительский ресурс и ослабляет её инновационный потенциал. Слишком слабая – не даёт проекту институциональной опоры и делает его зависимым от энтузиазма небольшой группы активистов. Поэтому для регионального управления принципиален не сам факт декларируемой поддержки, а качество институциональной настройки: прозрачность процедур, устойчивость каналов коммуникации, готовность к партнёрству и признание того, что молодёжные проекты способны не только обслуживать готовую повестку, но и формировать новую. Иначе говоря, регион выигрывает не тогда, когда просто увеличивает количество мероприятий, а тогда, когда создаёт условия для воспроизводства инициативы и переноса удачных практик из одного проекта в другой.

Не менее важен и обратный эффект: участие в благотворительных проектах меняет саму молодёжь. Через практику коллективного решения социальных проблем молодые люди осваивают навыки переговоров, координации, распределения ответственности, публичной коммуникации и проектного управления. Для части участников это становится школой гражданского действия, для части – первым опытом работы на стыке разных секторов. В долгосрочной перспективе именно этот накопительный эффект может оказаться одним из самых значимых: регион получает не только решённые локальные задачи, но и людей, для которых социальная ответственность, сотрудничество и инициативность становятся устойчивыми профессиональными и гражданскими установками.

Заключение

В крупных городах благотворительные проекты молодёжи чаще получают доступ к профессиональным партнёрам и устойчивым каналам ресурсов; в малых городах и сельских районах их развитие сильнее зависит от нескольких активистов и локального контекста. Поэтому анализ данного феномена требует отказа от универсальных схем: одна и та же практика может выступать и как инструмент локального сплочения, и как начало более глубокого институционального изменения. Кроме того, сами последствия участия различаются по глубине: в одних случаях речь идёт о разовой мобилизации вокруг конкретной проблемы, в других – о формировании устойчивых сетей и новых норм межсекторного взаимодействия.

Ключевое противоречие состоит в том, что молодёжным инициативам необходима институционализация, но именно она нередко снижает их гибкость и способность действовать вне бюрократических шаблонов. Отсюда следует, что задача управления заключается не в полном администрировании благотворительной активности и не в её декларативной поддержке, а в создании гибких режимов взаимодействия. Такие режимы должны обеспечивать доступ к ресурсам, экспертной помощи и публичному признанию, не лишая молодёжные сообщества права самостоятельно формулировать проблемы и выбирать способы их решения. Именно в этой точке решается, станет ли поддержка фактором развития или превратится в механизм подмены самостоятельной инициативы управляемой активностью.

Оценка эффективности молодёжных благотворительных проектов также требует более сложной оптики, чем простое суммирование количественных результатов. Для понимания их реального вклада важно отслеживать, меняются ли локальные сети взаимодействия, закрепляются ли новые форматы сотрудничества, появляются ли устойчивые механизмы обратной связи между населением и институтами. Именно учёт этих структурных эффектов позволяет увидеть, в какой мере молодёжная благотворительность действительно влияет на региональную социальную политику, а не остаётся серией разрозненных мероприятий. Без такого расширения оптики трудно объяснить, почему сравнительно небольшие по масштабу проекты иногда оказываются более значимыми для региона, чем крупные, но организационно изолированные кампании.

В целом молодёжная благотворительность не заменяет государственную социальную политику и не снимает ответственности с публичных институтов. Её значение в другом: она показывает, где региональная система способна воспринимать инициативу снизу, преобразовывать её в устойчивые практики и тем самым расширять собственные управленческие возможности. Для социологии управления эта тема важна именно потому, что соединяет вопросы гражданского участия, институциональных изменений и качества регионального управления. Чем точнее будут описаны реальные механизмы этого соединения, тем менее вероятно, что работа с молодёжными инициативами сведётся к имитационным формам поддержки. Практическая значимость этой темы определяется тем, что от качества такой настройки зависит не только судьба отдельных проектов, но и способность региона работать с гражданской инициативой как с ресурсом развития, а не как с внешним дополнением к административной системе.

Литература

1. Шабунова А.А., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Гражданское участие молодежи в регионе: возможности и ограничения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 167–199.

2. Дидковская Я.В., Трынов Д.В., Лугин Д.А. Креативные локальности мегаполиса: самоорганизация молодежи vs вовлечение в городское управление // Primo Aspectu. 2023. № 4 (56). С. 9–13.

3. Косыгина К.Е., Жданова А.Э. Формирование комфортной городской среды в регионе: особенности вовлеченности молодежи и инструменты развития // Социология города. 2024. № 3. С. 28–45.

4. Певная М.В., Минченко Д.В., Чусовитин Н.А. Социальные городские проекты: управленческие характеристики и виды молодежного участия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3 (63). С. 79–87.

5. Митрофанова С.Ю. Механизмы вовлечения молодежи в общественные объединения: региональный кейс // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30. № 2. С. 123–130.

6. Иванова И.А., Пуляева В.Н. Благоустройство городской среды в контексте развития молодежи России // Жилищные стратегии. 2023. Т. 10. № 2. С. 123–136.

7. Кузьмина А.А., Скрябина О.В. Проблемы и пути повышения эффективности деятельности благотворительных учреждений на региональном уровне // Научный вестник Гуманитарно-социального института. 2025. № 21. С. 25.

8. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1. С. 129–143.

9. Уханова Ю.В., Леон Д., Шельвальд Р.З. Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 169–185.

10. Уханова Ю.В., Жданова А.Э. Участие молодежи в развитии комфортной городской среды // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5. № 4 (18). С. 136–146.

11. Груздева М.А., Жданова А.Э. Молодежь региона: динамика социокультурных характеристик // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 3.

12. Беккер А.Р., Мартынова Ю.С. Социальные инициативы молодежи в проектах партисипативного проектирования // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2025. № 56 (56).

13. Лисовская И.В., Андреева А.С., Соловьева Н.С. «Наша задача – завлечь как можно больше молодежи просто для того, чтобы занять ее время»: модели развития ниш агентности субъектов молодежной политики в регионах северо-запада России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1 (185). С. 83–106.

14. Бурмистров В.С., Муравьева М.В., Самыгин С.И. Региональная благотворительная деятельность на базе фонда «Мамино сердце» (на примере г. Рязани) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 27–31.

15. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32. № 4 (129). С. 768–792.

THE ROLE OF YOUTH INVOLVEMENT IN CHARITABLE PROJECTS IN CHANGING THE SOCIAL LANDSCAPE OF REGIONS

Sanin D.V.
North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines how youth participation in charitable projects affects the social landscape of Russian regions. The analysis is based on a corpus of Russian studies published in 2021–2025 and devoted to civic participation, youth initiatives, regional charity, and the interaction between public authorities and the non-profit sector. It is shown that the contribution of young people is expressed not only in the expansion of volunteering and project-based forms of assistance, but also in changes in the ways social problems are articulated, in feedback channels between the population and authorities, and in mechanisms of intersectoral cooperation. Particular attention is paid to territorial differentiation: in large cities youth initiatives are more often institutionalized and professionalized, whereas in small towns and rural areas their development is constrained by limited resources and weak support infrastructure. The article also considers participation motives, institutional barriers, the effects of digitalization on charity, and models of interaction between the state and youth initiatives – paternalistic, partnership-based, and competitive. It is concluded that youth charity is an important factor in regional change; however, its transformative potential depends on the quality of the managerial environment, the availability of support infrastructure, and the ability of regional institutions to consolidate new practices without suppressing their autonomy.

Keywords: youth, charity, social landscape, regions, volunteering.

References

1. Shabunova A.A., Ukhanova Yu.V., Kosygina K.E. Civil Participation of Youth in the Region: Opportunities and Limitations // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2023. Vol. 26. No. 1. Pp. 167–199.

2. Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V., Lugin D.A. Creative Localities of a Megalopolis: Youth self-organization vs. involvement in urban management // Primo Aspectu. 2023. No. 4 (56). Pp. 9–13.

3. Kosygina K.E., Zhdanova A.E. Formation of a Comfortable Urban Environment in the Region: Features of Youth Involvement and Development Tools // Sociology of the City. 2024. No. 3. Pp. 28–45.

4. Pevnaya M.V., Minchenko D.V., Chusovitin N.A. Social Urban Projects: Managerial Characteristics and Types of Youth Participation // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2021. No. 3 (63). Pp. 79–87.

5. Mitrofanova S. Yu. Mechanisms of Involving Youth in Public Associations: A Regional Case Study // Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2024. Vol. 30. No. 2. Pp. 123–130.

6. Ivanova I.A., Pulyayeva V.N. Urban Environment Improvement in the Context of Russia's Youth Development // Housing Strategies. 2023. Vol. 10. No. 2. Pp. 123–136.

7. Kuzmina A.A., Skryabina O.V. Problems and Ways of Improving the Efficiency of Charitable Institutions at the Regional Level // Scientific Bulletin of the Humanitarian and Social Institute. 2025. No. 21. P. 25.

8. Kostina E.Yu., Orlova N.A. Social Activity and Social Responsibility in the Views and Practices of Modern Youth // Bulletin of the Institute of Sociology. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 129–143.

9. Ukhanova Yu.V., Leon D., Shelvald R.Z. Charitable Activities of a Local Community: Results of a Sociological Study in a Russian Region // Economic and Social Changes: Facts, Trends, and Forecast. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 169–185.

10. Ukhanova Yu.V., Zhdanova A.E. Participation of Youth in the Development of a Comfortable Urban Environment // Caucasian Science Bridge. 2022. Vol. 5. No. 4 (18). Pp. 136–146.

11. Gruzdeva M.A., Zhdanova A.E. Youth in the Region: Dynamics of Sociocultural Characteristics // Social Space. 2024. Vol. 10. No. 3.

12. Becker A.R., Martynova Yu.S. Social Initiatives of Youth in Projects of Participatory Design // Bulletin of the East Siberian Open Academy. 2025. No. 56 (56).

13. Lisovskaya I.V., Andreeva A.S., Solovyova N.S. "Our goal is to attract as many young people as possible just to occupy their time": Models of Developing Niche Agencies of Youth Policy Actors in the Regions of North-Western Russia // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2025. No. 1 (185). Pp. 83–106.

14. Burmistrov V.S., Muravyeva M.V., Samygin S.I. Regional charitable activities based on the "Mother's Heart" Foundation (on the example of Ryazan) // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. No. 3. Pp. 27–31.

15. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Youth Socio-Selfie: Social Strategies of Regional Youth // Regionology. 2024. Vol. 32. No. 4 (129). Pp. 768–792.

Внутриполитический контур современного Тайваня: ключевые проблемы и вызовы

Харичков Владислав Владимирович,
аспирант, кафедра политических процессов и технологий,
АНО ВО «Университет мировых цивилизаций
им. В.В. Жириновского»
E-mail: vladkharichkov@yandex.ru

В статье рассмотрены ключевые проблемы, фигурирующие в публичном политическом пространстве Тайваня и выступающие в качестве актуальных вызовов, с которыми сталкивается политическая система и тайваньское общество на современном этапе. Проведен обзор проблем межпартийной поляризации ГМД и ДПП, противостояния исполнительной и законодательной ветвей власти, бюджетных противоречий, основных экономических и социальных вызовов, стоящих перед тайваньским населением и руководством республики. Кроме того, зафиксировано текущее состояние дискуссии в части динамики развития островной идентичности и осмысления проблемы исторической памяти. В заключении автор приходит к выводу, что перечень проблемных вопросов, которые циркулируют в публичном поле тайваньской политики, обширен и имеет несколько измерений. Часть вопросов, таких как, например, тайваньская идентичность, безопасность и проблема исторической памяти традиционно присутствуют в пространстве островного дискурса. С другой стороны, раскол по вопросам распределения бюджета, паралич Конституционного суда и усиливающаяся межпартийная поляризация являются новыми направлениями властной борьбы.

Ключевые слова: Тайвань, проблема, противоречие, дискурс, экономика, идентичность.

В условиях нарастания международной напряженности и углубления соперничества между США и КНР Республика Китай (Тайвань) сохраняет особую значимость как политический актор, находящийся на пересечении интересов ведущих держав. Специфика Тайваня определяется не только его ограниченной международной правосубъектностью, но и высокой ролью в мировой полупроводниковой индустрии, что дополнительно усиливает внимание к острову со стороны внешних игроков.

Вместе с тем развитие Тайваня не может быть объяснено исключительно воздействием внешней среды. Существенная часть актуальных процессов и противоречий имеет внутреннюю природу и формируется в рамках самого тайваньского общества и политической системы. Несмотря на это, в российской научной литературе преобладают исследования, посвященные внешнеполитическим аспектам тайваньской проблематики – отношениям двух берегов Тайваньского пролива, месту Тайваня в системе американо-китайских отношений и его геополитической роли. В связи с этим представляется актуальным обратиться к внутриполитическому контуру развития Республики Китай и проанализировать ключевые проблемы, присутствующие в публичном поле Тайваня.

Объектом настоящего исследования является внутриполитическое пространство Республики Китай (Тайваня) на современном этапе, а **предметом** – ключевые проблемы и противоречия, формирующие содержание публичного политического дискурса острова.

Цель статьи заключается в анализе ключевых проблем, присутствующих в публичном поле Тайваня, и в выявлении основных направлений внутриполитической конфликтности на современном этапе.

Методологическую основу работы составляют институциональный подход, проблемно-тематический анализ, а также элементы кейс-стади и дискурс-анализа, позволяющие рассмотреть взаимосвязь между институциональными конфликтами, социально-экономическими вызовами и идейно-символическими противоречиями в публичном поле Тайваня.

Политическая поляризация и паралич власти

В результате выборов 2024 г. Тайвань вступил в период острого политического кризиса. ДПП в лице Лай Циндэ (賴清德) удалось сохранить за собой пост президента, однако партия потеряла контроль над Законодательным Юанем: ДПП – 51 мандат, ГМД – 52, ТНП – 8 мест. Второй раз в своей истории республика сталкивается с параличом законодательной системы и резкой политической поляризацией [1].

Наиболее ярко кризис проявился в фактической блокировке работы Конституционного суда в период с декабря 2024 по январь 2026 г. Так, в декабре 2024 г. ГМД и ТНП принимают поправки к Закону о процедуре Конституционного суда. Поправки коснулись следующих положений:

– вводится кворум в числе минимум 10-ти судей от конституционно установленного числа – 15 для проведения заседаний;
– вводится порог в 9 голосов (2\3) для принятия решений. Ранее было достаточно простого большинства [2].

В январе 2025 г. поправки вступили в силу. Однако из-за того, что перед этим в октябре 2024 г. истекли полномочия 7 из 15 назначенных судей, а позже в декабре предложенные президентом кандидатуры были отвергнуты ГМД и ТНП, суд фактически прекратил свою работу в условиях введенного кворума. В июле 2025 г. кандидатуры судей были повторно отвергнуты оппозицией.

19 декабря 2025 г. поправки в части работы Конституционного суда признаются 5 из 8 судей как противоречащие конституции. Обоснование решения: поправки противоречат принципу разделения властей и были приняты с нарушением процедуры. Таким образом, в январе 2026 г. КС восстанавливает свою работу в ограниченном составе: 5 поддерживающих новое положение судей и 3 судьи, которые не учувствуют в заседаниях.

Стоит отметить, что суд стал мишенью оппозиции после того, как отозвал в октябре 2024 г. ряд поправок, расширяющих полномочия парламента. Данные поправки были приняты ГМД и ТНП в мае 2024 г. и предполагали: ежегодный отчет президента перед парламентом; введение уголовной ответственности за клевету против парламента и проявление неуважения к нему; расширение законодательного надзора за юридическими и частными лицами [4].

Бюджетные противоречия

Другим ключевым направлением противостояния между исполнительной и законодательной властью в конце 2024–2025 гг. стала реформа бюджетной политики. В данном контексте можно выделить два взаимосвязанных вектора: во-первых, масштабное сокращение расходной части центрального бюджета, и, во-вторых, продвигаемое парламентской оппозицией усиление финансовой базы местных властей за счет перераспределения налоговых доходов в их пользу.

До недавнего времени распределение налоговых поступлений между центральным и местным уровнями сохранялось в пропорции 75/25%, установленной в 1999 г. Коалиция ГМД и ТНП инициировала и провела через Законодательный юань поправки к Закону о распределении государственных доходов и расходов, согласно которым пропорция стала 60/40 в пользу муниципальных и уездных администраций [5].

Впервые в истории острова премьер Чжо Жунтай (卓榮泰) отказался подписать принятый парламентом закон, мотивируя это нарушением фискальной устойчивости и возможным превышением законодательного потолка госдолга в условиях недостатка финансирования [6].

В совокупности данные шаги можно рассматривать как целенаправленную стратегию ГМД и ТНП по ослаблению ресурсного и институционального контроля центрального правительства, возглавляемого ДПП, и одновременному усилению власти местных руководителей, где большинство постов занимают представители ГМД.

На уровне годового бюджета 2025 г. конфронтация проявилась в виде рекордных сокращений центральных расходов. По данным тайваньского издания New Bloom, утвержденный Законодательным юанем бюджет был урезан на 6,63% от запрошенной Исполнительным юанем суммы, что стало крупнейшим сокращением за всю современную историю Тайваня. Представители ДПП оценили реальное сокращение операционной части бюджета примерно в 34% [7].

Структура политики сокращений также имеет селективный характер. Наибольший урон был нанесен министерствам и ведомствам, которые ассоциируются с вектором политики ДПП – Контрольный Юань, Министерство иностранных дел, Министерство культуры, Министерство образования.

Сокращения затронули и иные ключевые направления. Особое значение имело урезание субсидий государственной энергокомпании Taipower, ранее использовавшихся для сдерживания роста тарифов на электроэнергию. В результате компания была вынуждена повысить тарифы для домохозяйств в среднем на 3,12%, что уже в краткосрочной перспективе увеличивает платежную нагрузку населения и потенциально подрывает электоральные позиции ДПП, традиционно ассоциируемой с политикой социального государства [8].

Наиболее резонансным аспектом бюджетного конфликта стали оборонные ассигнования, тесно увязанные с восприятием угрозы со стороны КНР. По итогам утверждения бюджета на 2025 г. были не только сокращены отдельные статьи военных расходов, но и заморожены значительные суммы – по разным оценкам, от примерно 15% до более чем 20% оборонного бюджета.

В первой половине 2025 г. эти замороженные статьи фактически не могли быть использованы Министерством национальной обороны, что стало одним из центральных сюжетов в публичных дебатах о готовности Тайваня к возможной эскалации в Тайваньском проливе. Однако под воздействием растущего общественного давления и особенно – в результате масштабной кампании по отзыву депутатов, инициированной против ряда представителей ГМД, оппозиция была вынуждена пойти на частичный откат своей позиции: к июню 2025 г. Законодательный юань разморозил 278 из 279 спорных оборонных статей, позволив восстановить финансирование значительной части военных программ [9].

В ноябре 2025 г. Президент Лай внес инициативу по специальному (дополнительному) оборонному бюджету, предполагающему выделение 40 млрд. USD на многолетнюю программу закупки вооружения и военной техники у США. Ранее в августе 2025 г. Лай заявил о стремлении довести объем оборонного бюджета республики до 5% ВВП к 2030 г., что соответствует стандартам стран НАТО.

К концу января 2026 г парламентское большинство в лице ГМД и ТНП отвергло специальный оборонный бюджет уже 10 раз [10]. В феврале 2026 г. американские законодатели призвали парламент одобрить финансирования для обеспечения безопасности острова, тем самым, оказав давление на оппозицию.

Отдельного внимания заслуживает противостояние ДПП и ГМД вокруг пересмотра пенсионной реформы 2018 г. В декабре 2025 г. фракции ГМД удалось провести законопроект о внесении изменений в пенсионную реформу: документ предусматривает остановку дальнейшего снижения пенсий для военных, учителей и госслужащих, и закрепляет увеличение и индексацию выплат. Премьер Чжо Жунтай, избегая открытого институционального конфликта по образцу спора о перераспределении налоговых доходов, подписал закон, но одновременно направил запрос в Конституционный суд о его проверке. Президент Лай, со своей стороны, обнародовал закон, однако подчеркнул, что, по оценке исполнительной власти, он подрывает долгосрочную устойчивость пенсионных фондов, ускоряет сроки их исчерпания и, следовательно, перекладывает значительную дополнительную финансовую нагрузку на будущие поколения налогоплательщиков.

Социально-экономические вызовы

Экономические показатели Тайваня в последние годы демонстрируют исключительную динамику. В 2025 г. зафиксирован рекордный за последние 15 лет прирост валового внутреннего продукта (ВВП), составивший 8,63% по сравнению с предыдущим отчетным периодом. Согласно актуальным прогнозам, в 2026 г. сохранится тенденция к устойчивому экономическому росту: ожидаемый прирост ВВП оценивается на уровне 7,71% [11].

Ключевым фактором, обусловливающим подобную положительную динамику, выступает интенсивное развитие сектора искусственного интеллекта. Данная тенденция находит отражение в динамике фондового рынка Тайваня, который достиг исторических максимумов. Наибольшую капитализацию демонстрируют компании технологического сектора, в числе которых Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC), Foxconn и MediaTek [12].

Примечательно, что портфель заказов на производство передовых технологических решений сформирован на ближайшие два года. При этом TSMC активно углубляет стратегическое партнерство с американским технологическим концерном NVIDIA, что способствует увеличению технологического преимущества компании относительно таких конкурентов, как Intel и Samsung.

С другой стороны, несмотря на обозначенные достижения, экономика Тайваня сталкивается с нарастающими структурными диспропорциями. Согласно данным Министерства финансов Тайваня около 76% объема экспорта страны генерируется 12% задействованной рабочей силы. Полупроводниковая промышленность и смежный кластер информационно-коммуникационных технологий (ICT) обеспечивают до 25% ВВП и формируют основную долю экспортных доходов.

Помимо этого, если средний месячный доход работников электронной промышленности и финансовой отрасли составил в 2025 г. более 100–107 тыс. NWD (3,2–3,4 тыс. USD), то средняя зарплата работников, занятых в иных сферах экономики, составил около 30–40 тыс. NWD (0,95–1,27 тыс. USD). Таким образом, около 70% занятых в экономике получают заработную плату ниже среднего уровня по стране, а 83% населения не имеют прямой выгоды от возникшего экономического подъема [13].

Данные диспропорции также имеют географическое измерение. Так, технологические кластеры расположены преимущественно в северных регионах страны – Тайбэй и Новый Тайбэй.

Другим экономическим вызовом, который оказал большое влияние на результаты выборов 2024 г., является стоимость жилья. Согласно оценкам Центрального банка Тайваня, соотношение долга домохозяйств к ВВП составило около 93% в 2024, что существенно выше аналогичных показателей в других странах: в Китае (61,4%), Японии (65,1%) и США (69,4%). Предыдущие попытки руководства Тайваня при администрации Цай Инвэнь по введению льготный условий кредитования для приобретения недвижимости привели к увеличению пузыря на рынке и, как следствие, не способствовали реальному решению вопроса. Соотношение стоимости жилья к годовому доходу домохозяйств составило в Тайбэе в 2024 г. около 15–16:1. Для сравнения, это выше, чем в Нью-Йорке (9,8), Лондоне (14) и Сеуле (13). Средненациональный показатель составляет 11:1. Даже в наиболее доступном городе Цзилун коэффициент достигает 6,5:1. Согласно международной классификации ООН, жилье считается доступным при показателе 3 и ниже [14].

Экономические трудности усугубляются долгосрочными негативными демографическими тенденциями, с которыми сегодня сталкивается тайваньское общество. Тайвань уже сегодня классифицируется как «сверхстареющее общество»: более 20% населения старше 65 лет или примерно 4,67 млн человек при общей численности около 23,3 млн. К 2070 г. прогнозируется, что численность Тайваня опустится примерно до 15 млн человек. Коэффициент фертильности в 2025 г. опустился ниже 0,8 [15].

Тайваньская идентичность и историческое наследие

Вопрос тайваньской идентичности на протяжении нескольких десятилетий определяет специфику публичного политического дискурса

Китайской Республики. Противостояние по этому вопросу традиционно выстраивается вокруг позиций двух ключевых политических сил: ДПП, отстаивающей концепцию уникальной тайваньской нации и ее обособленности относительно общекитайского национального самосознания, и ГМД, подчеркивающего историческую принадлежность Тайваня к большой китайской цивилизации и ее культурному наследию.

Исследователь из университета Цинхуа (КНР) Го Шаньвэнь отмечает, что рассмотрение островной идентичности исключительно в рамках дихотомии «тайваньская / китайская идентичность» является чрезмерным упрощением. Опираясь на результаты социологических опросов, он приводит следующие данные за 2023–2024 гг.: около 63% респондентов ощущают принадлежность к наследию китайской нации; 57,5% опрошенных заявили о своей принадлежности к китайской нации [16].

Эти показатели, по мнению исследователя, свидетельствуют о необходимости многомерного подхода к анализу идентичности, учитывающего широкий спектр оттенков и промежуточных позиций.

Ключевым источником данных по вопросам идентичности традиционно выступают опросы Национального университета Чжэнчжи. По состоянию на январь 2026 г., ситуация выглядит следующим образом: 62% респондентов определяют себя как исключительно «тайваньцев»; 31,7% заявляют о двойной «китайско-тайваньской» идентичности; 2,5% идентифицируют себя как «китайцы»; 3,8% опрошенных не смогли дать однозначного ответа [17].

Полученные данные указывают на преобладание сугубо тайваньской самоидентификации при значительном числе граждан, сохраняющих связь с общекитайским наследием.

В 2025 г. дискуссия вокруг тайваньской идентичности активизировалась на фоне новой образовательной реформы. Инициатива предусматривала смещение акцентов в учебных программах в пользу: изучения местной истории, популяризации региональной культуры, поддержки местных языков и диалектов.

Реформа вызвала острые дебаты в обществе и политических кругах, поскольку затрагивала фундаментальные вопросы формирования национальной идентичности у молодого поколения.

Исследователи предлагают различные концептуальные модели для осмысления современного состояния тайваньской идентичности. Так, например, Юэ Синьи (岳心怡), профессор Университета Миссури, утверждает, что идентичность граждан Китайской Республики уже достигла «точки невозврата» – то есть приобрела устойчивые черты, которые вряд ли изменятся даже при существенном изменении отношений с КНР [18].

Сингапурский исследователь тайваньской проблематики Мэн Кит Тан (Meng Kit Tang) выделяет две доминирующие модели развития современного дискурса об идентичности: 1) «де-синизация» – процесс отхода от общекитайских культурных и исторических нарративов; 2) переосмысление – попытка интегрировать элементы китайской традиции в новую, самобытную тайваньскую идентичность [19].

В контексте осмысления культурно-исторических противоречий особое место занимает дискуссия об ответственности Чан Кайши и Гоминьдана (ГМД) за события 28 февраля 1947 г., известные как «Инцидент 228». В этот период антиправительственные выступления, вызванные комплексом социально-экономических и политических причин, были жестоко подавлены силами правительства. Развернутые репрессии затронули тысячи мирных жителей, что впоследствии оказало долгосрочное влияние на общественно-политическое развитие Тайваня и формирование коллективной памяти о периоде авторитарного правления.

Дискуссии вокруг «Инцидента 228» тесно переплетены с современной политической борьбой на Тайване. Демократическая прогрессивная партия (ДПП) последовательно подчеркивает ответственность Гоминьдана (ГМД) за репрессии 1947 года, проводя параллель между тогдашним режимом и современной партией. Этот нарратив служит важным инструментом легитимации курса ДПП, ориентированного на укрепление обособленной тайваньской идентичности.

Гоминьдан стремится предложить альтернативную интерпретацию событий, чтобы не допустить монополизацию дискурса о событиях прошлого со стороны ДПП. Так, 27 февраля 2026 г., накануне очередной годовщины трагедии, действующий председатель ГМД Чжэн Ливен (鄭麗文) отметила, что «Инцидент 228» стал «не только трагедией, но и первой главой борьбы Тайваня за демократию». Эта формулировка позволяет сместить акцент с исторической вины на символическую роль событий в становлении демократических устремлений общества. Тем самым ГМД пытается вписать свое прошлое в логику демократической эволюции и подчеркнуть свою готовность соответствовать современным ценностям [20].

В контексте осмысления культурно-исторических противоречий, особое место занимает дискуссия о об ответственности Чан Кайши и Гоминьдана за события 28 февраля 1947 г., известные как «Инцидент 228», когда вследствие антиправительственных выступлений против демонстрантов были развернуты масштабные репрессии, затронувшие тысячи мирных жителей.

Вывод

Таким образом, современное публичное поле Тайваня формируется под воздействием взаимосвязанных институциональных, социально-экономических и идейно-символических конфликтов.

Итоги выборов 2024 г. закрепили ситуацию разделенного правления и создали условия для углубления противостояния между исполнительной и законодательной ветвями власти, что проявилось в кризисе Конституционного суда, бюджетных конфликтах и борьбе вокруг перераспределения ресурсов. Одновременно темпы экономического роста не устраняют структурных диспропорций, включая неравенство доходов, жилищную проблему и демографическое старение, которые непосредственно влияют на общественные настроения и политическую динамику на острове.

Не менее значимым измерением внутриполитического развития Республики Китай остаются споры об идентичности, образовательной политике и исторической памяти, отражающие конкуренцию не только партийных программ, но и различных проектов интерпретации прошлого и будущего Тайваня. В совокупности это позволяет рассматривать актуальные проблемы Республики Китай не как набор разрозненных кризисных сюжетов, а как многослойный комплекс вызовов, в котором институциональные сбои, социально-экономические дисбалансы и символические конфликты взаимно усиливают друг друга. Именно эта взаимосвязь во многом будет определять логику дальнейшей политической эволюции Тайваня и конфигурацию его внутреннего публичного пространства.

Литература

1. Taiwan's 2024 Elections: Results and Implications // Аналитический центр «Center for Strategic & International Studies» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.csis.org/analysis/taiwans-2024-elections-results-and-implications (дата обращения: 26.02.2026).

2. Lawmakers pass amendments governing Taiwan's Constitutional Court // Новостной веб-сайт «Taiwan News» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/5998588 (дата обращения: 26.02.2026).

3. Changes to Constitutional Court procedures ruled unconstitutional // Новостная газета «Taipei Times» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2025/12/19/2003849182 (дата обращения: 27.02.2026).

4. Taiwan lawmakers battle over expanded legislative powers // Новостной веб сайт «Taiwan News» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/5690940 (дата обращения: 27.02.2026).

5. Controversial revenue bill passed by legislature // Новостная газета «Taipei Times» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2024/12/22/2003828890 (дата обращения: 01.03.2026).

6. Premier announces will not countersign revenue-allocation amendments // Официальный сайт «Overseas Community Affairs Council» [Электронный ресурс]. –URL: https://www.ocac.gov.tw/OCAC/Eng/Pages/Detail.aspx?nodeid=329&pid=82188179 (дата обращения: 02.03.2026).

7. Unpacking Taiwan's 2025 Budget Cuts: Justifiable or Unjustifiable Reductions // Аналитическая платформа «Taiwan Insight» [Электронный ресурс]. – URL: https://taiwaninsight.org/2025/03/26/unpacking-taiwans-2025-budget-cuts-justifiable-or-unjustifiable-reductions/ (дата обращения: 02.03.2026).

8. Household electricity rates to rise 3.12% on average // Новостной веб-сайт «Focus Taiwan» [Электронный ресурс]. – URL: https://focustaiwan.tw/business/202509190017 (дата обращения: 05.03.2026).

9. Taiwan Parliament Unfreezes Defense Budget // Аналитическая платформа «Domino Theory» [Электронный ресурс]. – URL: https://dominotheory.com/taiwan-parliament-unfreezes-defense-budget/ (дата обращения: 05.03.2026).

10. 2026–0209: Taiwan's Opposition Slammed Over Defense Budget Block; House Committee Advances TASA Act // Официальный сайт «Formosan Association for Public Affairs» [Электронный ресурс]. – URL: https://fapa.org/2026–0209-taiwans-opposition-slammed-over-defense-budget-block-house-committee-advances-tasa-act/ (дата обращения: 06.03.2026).

11. Taiwan economic growth hits 8.63% in 2025, highest in 15 years // Новостной веб-сайт «Focus Taiwan» [Электронный ресурс]. – URL: https://focustaiwan.tw/business/202601300021 (дата обращения: 06.03.2026).

12. Taiwan stock market hits 5th straight record close // Новостной веб-сайт «Taiwan News» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/6309402 (дата обращения: 21.03.2026).

13. Taiwan's two economies: Tech workers thrive, others struggle // Веб-сайт телекомпании «TVBS News» [Электронный ресурс]. – URL: https://news.tvbs.com.tw/english/3126976 (дата обращения: 06.03.2026).

14. Taiwanese youth questions the value of homeownership // Веб-сайт компании «Ziggurat Real Estate» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.zigguratrealestate.ph/post/taiwanese-youth-questions-the-value-of-homeownership (дата обращения: 06.03.2026).

15. Taiwan officially super-aged // Новостной веб-сайт «Taiwan News» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/6279722 (дата обращения: 07.03.2026).

16. Key Taiwan poll on identity is misleading, mainland researcher says // Аналитическая платформа «East is Read» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.eastisread.com/p/key-taiwan-poll-on-identity-is-misleading (дата обращения: 07.03.2026).

17. Taiwanese / Chinese Identity. Election Study Center // Официальный сайт National Chengchi University (NCCU) [Электронный ресурс]. – URL: https://esc.nccu.edu.tw/eng/PageDoc?fid=7800 (дата обращения: 07.03.2026).

18. The Ongoing Negotiation of a Taiwanese National Identity // Аналитическая платформа «Domino Theory» [Электронный ресурс]. – URL: https://dominotheory.com/the-ongoing-negotiation-of-a-taiwanese-national-identity/ (дата обращения: 07.03.2026).

19. Who Is Taiwanese: Rejection or Redefinition // Аналитическая платформа «Taiwan Insight» [Электронный ресурс]. – URL: https://taiwaninsight.org/2025/12/12/who-is-taiwanese-rejection-or-redefinition/ (дата обращения: 08.03.2026).

20. KMT chair hails 228 as Taiwan's 1st postwar democratic movement // Новостной веб-сайт «Focus Taiwan» [Электронный ресурс]. – URL: https://focustaiwan.tw/politics/202602270005 (дата обращения: 08.03.2026).

THE DOMESTIC POLITICAL LANDSCAPE OF CONTEMPORARY TAIWAN: KEY PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Kharichkov V.V.
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations

This article examines the key issues present in Taiwan's public political sphere that constitute major challenges for the island's political system and society at the present stage. It surveys interparty polarization between the Kuomintang (KMT) and the Democratic Progressive Party (DPP), tensions between the executive and legislative branches, budgetary disputes, and the principal economic and social challenges facing both the Taiwanese population and the authorities of the Republic of China. In addition, the article outlines the current state of debate concerning the evolution of Taiwanese identity and the interpretation of historical memory. The author concludes that the range of contentious issues circulating in Taiwan's public political field is broad and multidimensional. Some of these issues, including Taiwanese identity, security, and historical memory, have long occupied a central place in the island's political discourse, whereas disputes over budget allocation, the paralysis of the Constitutional Court, and intensifying interparty polarization represent newer dimensions of political contestation.

Keywords: Taiwan, problem, contradiction, discourse, economy, identity.

References

1. Taiwan's 2024 Elections: Results and Implications // Analytical center «Center for Strategic & International Studies» [Electronic resource]. – URL: https://www.csis.org/analysis/taiwans-2024-elections-results-and-implications (accessed: 26.02.2026).

2. Lawmakers pass amendments governing Taiwan's Constitutional Court // News website «Taiwan News» [Electronic resource]. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/5998588 (accessed: 26.02.2026).

3. Changes to Constitutional Court procedures ruled unconstitutional // Newspaper «Taipei Times» [Electronic resource]. – URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2025/12/19/2003849182 (accessed: 27.02.2026).

4. Taiwan lawmakers battle over expanded legislative powers // News website «Taiwan News» [Electronic resource]. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/5690940 (accessed: 27.02.2026).

5. Controversial revenue bill passed by legislature // Newspaper «Taipei Times» [Electronic resource]. – URL: https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2024/12/22/2003828890 (accessed: 01.03.2026).

6. Premier announces will not countersign revenue-allocation amendments // Official website of the «Overseas Community Affairs Council» [Electronic resource]. – URL: https://www.ocac.gov.tw/OCAC/Eng/Pages/Detail.aspx?nodeid=329&pid=82188179 (accessed: 02.03.2026).

7. Unpacking Taiwan's 2025 Budget Cuts: Justifiable or Unjustifiable Reductions // Analytical platform «Taiwan Insight» [Electronic resource]. – URL: https://taiwaninsight.org/2025/03/26/unpacking-taiwans-2025-budget-cuts-justifiable-or-unjustifiable-reductions/ (accessed: 02.03.2026).

8. Household electricity rates to rise 3.12% on average // News website «Focus Taiwan» [Electronic resource]. – URL: https://focustaiwan.tw/business/202509190017 (accessed: 05.03.2026).

9. Taiwan Parliament Unfreezes Defense Budget // Analytical platform «Domino Theory» [Electronic resource]. – URL: https://dominotheory.com/taiwan-parliament-unfreezes-defense-budget/ (accessed: 05.03.2026).

10. 2026–0209: Taiwan's Opposition Slammed Over Defense Budget Block; House Committee Advances TASA Act // Official website of the «Formosan Association for Public Affairs» [Electronic resource]. – URL: https://fapa.org/2026–0209-taiwans-opposition-slammed-over-defense-budget-block-house-committee-advances-tasa-act/ (accessed: 06.03.2026).

11. Taiwan economic growth hits 8.63% in 2025, highest in 15 years // News website «Focus Taiwan» [Electronic resource]. – URL: https://focustaiwan.tw/business/202601300021 (accessed: 06.03.2026).

12. Taiwan stock market hits 5th straight record close // News website «Taiwan News» [Electronic resource]. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/6309402 (accessed: 21.03.2026).

13. Taiwan's two economies: Tech workers thrive, others struggle // Website of the television broadcaster «TVBS News» [Electronic resource]. – URL: https://news.tvbs.com.tw/english/3126976 (accessed: 06.03.2026).

14. Taiwanese youth questions the value of homeownership // Website of the company «Ziggurat Real Estate» [Electronic resource]. – URL: https://www.zigguratrealestate.ph/post/taiwanese-youth-questions-the-value-of-homeownership (accessed: 06.03.2026).

15. Taiwan officially super-aged // News website «Taiwan News» [Electronic resource]. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/news/6279722 (accessed: 07.03.2026).

16. Key Taiwan poll on identity is misleading, mainland researcher says // Analytical platform «East is Read» [Electronic resource]. – URL: https://www.eastisread.com/p/key-taiwan-poll-on-identity-is-misleading (accessed: 07.03.2026).

17. Taiwanese / Chinese Identity. Election Study Center // Official website of National Chengchi University (NCCU) [Electronic resource]. – URL: https://esc.nccu.edu.tw/eng/PageDoc?fid=7800 (accessed: 07.03.2026).

18. The Ongoing Negotiation of a Taiwanese National Identity // Analytical platform «Domino Theory» [Electronic resource]. – URL: https://dominotheory.com/the-ongoing-negotiation-of-a-taiwanese-national-identity/ (accessed: 07.03.2026).

19. Who Is Taiwanese: Rejection or Redefinition? // Analytical platform «Taiwan Insight» [Electronic resource]. – URL: https://taiwaninsight.org/2025/12/12/who-is-taiwanese-rejection-or-redefinition/ (accessed: 08.03.2026).

20. KMT chair hails 228 as Taiwan's 1st postwar democratic movement // News website «Focus Taiwan» [Electronic resource]. – URL: https://focustaiwan.tw/politics/202602270005 (accessed: 08.03.2026).

Эволюция технологий протестной мобилизации в Москве (2010–2021): от аффективного возмущения к цифрово-гибридному протесту

Харсеева Алла Викторовна,
соискатель ученой степени, старший преподаватель, кафедра социологии управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 9057787888@mail.com

В статье анализируется эволюция технологий организации протестной активности в г. Москве в период с 2010 по 2021 г. На основе событийного ретроспективного анализа 44 массовых акций, отвечающих критериям: численность участников свыше 1000 человек, наличие политических или социально-экономических требований и направленность против действий государственных структур, выявляется логика трансформации мобилизационных практик. Автор показывает, как протест в г. Москве прошёл путь от спонтанного, эмоционально мотивированного возмущения (Манежная площадь, 2010 г.) через фазу институционализированного сетевого протеста («снежная революция», 2011–2012 гг.) к фрагментации и тематической специализации (2013–2018), завершившись переходом в цифрово-гибридную форму (расследования ФБК*[1], онлайн-кампании, 2017–2020 гг.). Особое внимание уделяется роли г. Москвы как уникального урбанистического пространства: высокая плотность коммуникаций, концентрация медиа– и культурного капитала, наличие символически насыщенных локаций (Болотная площадь, проспект Сахарова, Манежная площадь), а также социально-демографическая структура населения способствовали ускоренной апробации и тиражированию новых протестных технологий. Методологическую основу исследования составляет событийный ретроспективный анализ, дополненный данными социологических опросов (ВЦИОМ, Левада-Центр) и медиа-мониторинга. В статье делается вывод, что именно городской контекст г. Москвы выступал в качестве «социального ускорителя», позволявшего быстро тестируемым практикам мобилизации приобретать репрезентативный, а затем и трансляционный характер. Выявленная эволюция свидетельствует о переходе от аффективного протеста к медиатизированному, а затем – к цифрово-гибридному, где реальное и виртуальное пространства взаимно конституируют протестную активность.

Ключевые слова: протестная активность, технологии мобилизации, Москва, городское пространство, социальные сети, сетевые движения, цифровой протест, урбанистика

Введение

В последние десятилетия урбанистическое пространство всё чаще рассматривается не только как фон, но и как активный агент социально-политических процессов. Особенно остро эта тенденция проявляется в контексте протестной активности, где городские локации становятся одновременно ареной, ресурсом и символом борьбы. Москва – как столица Российской Федерации, крупнейший мегаполис и центр концентрации политических, медиа– и культурных элит – представляет собой уникальное социальное пространство для анализа трансформации технологий протестной мобилизации. Именно здесь за короткий исторический промежуток (2010–2021 гг.) произошла ускоренная эволюция протестных форм – от стихийного националистического митинга на Манежной площади до цифрово-гибридных кампаний, основанных на расследованиях в «YouTube» и координации через мессенджеры.

Цель данной статьи – реконструировать логику этой эволюции и показать, как именно городской контекст г. Москвы способствовал трансформации протестных технологий. Мы исходим из предположения, что г. Москва выступала не пассивным «театром» событий, а социальным ускорителем, где благодаря высокой плотности коммуникаций, развитой инфраструктуре общественного транспорта, концентрации образованного населения и символически насыщенным пространствам (Болотная площадь, проспект Сахарова, Манежная площадь) новые формы мобилизации могли быстро апробироваться, тиражироваться и транслироваться на общенациональный уровень.

Теоретико-методологической основой исследования служит событийный ретроспективный анализ 44 массовых протестных акций, проведённых в Москве в 2010–2021 гг. и отвечающих следующим критериям: численность участников – более 1000 человек; наличие политических или социально-экономических требований; направленность против действий государственных структур или высших должностных лиц.

Анализ опирается на концепции сетевых социальных движений [7], права на город [4], а также на работы по циклам протестной активности [10, 13]. Особое внимание уделено переходу от аффективного протеста к институционализированному, а затем – к цифрово-гибридному, в котором реальное и виртуальное пространства взаимно конституируют протестную практику.

Методология: событийный ретроспективный анализ

Описанная концептуализация протестной мобилизации задаёт специфическую методологическую установку, предполагающую сочетание нескольких исследовательских стратегий. Во-первых, дискурсивный анализ цифрового контента позволяет выявить, какие именно фреймы и нарративы используются для описания политических событий, как конструируются образы «своих» и «чужих», какие эмоции и моральные оценки доминируют в протестных сообщениях. Такой анализ может опираться как на качественные методы – ручное кодирование постов, комментариев, видеороликов и медиаматериалов, – так и на автоматизированные техники обработки текста, выявляющие частотность определённых тем, связки между ними и динамику их распространения во времени.

Во-вторых, сетевой анализ онлайн-сообществ позволяет реконструировать структуру протестной экосистемы: выделить ключевые узлы и кластеры, оценить, насколько централизованной или, напротив, распределённой является сеть мобилизации. Методы вычисление центральностей, выявление сообществ и анализ динамики «подписок» и «репостов» делают возможным переход от рассмотрения отдельных случаев протестных акций к более общим закономерностям организации и распространения протестной активности.

В-третьих, ретроспективный анализ протестной динамики связывает онлайн-данные с хронологией уличных действий, позволяя оценить, как изменения в информационных потоках коррелируют с конкретными событиями на улице. В данном случае первостепенным становится сопоставление временных рядов данных событий, в т.ч. интенсивности публикаций и репостов, появления новых сущностных нарративов, изменений в структуре сети, с датами митингов, задержаний, законодательных инициатив, вводимых в качестве реакции на конкретные кейсы и направленных медийных кампаний. Выполнение подоб-

[1] *«Фонд борьбы с коррупцией» (ФБК) 9 июня 2021 г. был признан экстремистской организацией и ликвидирован по решению суда.

ного сопоставления позволяет сформировать возможность не только описания происходящих процессов, но и обоснования их возможных объяснений. Так, создается потенциальная возможность для определения комбинации нарративов, сетевых структур и внешних событий, которые оказываются наиболее благоприятными для осуществления и интенсификации мобилизации, а какие, с другой стороны, приводят к её подавлению или переориентации в другие формы гражданской активности, что может быть в дальнейшем использовано в рамках применения управления протестной активностью. Наконец, комплексная методологическая установка предполагает внимательное отношение к ограничениям доступных данных: неполноте выборок, возможным искажениям вследствие платформенных алгоритмов и введенного ими репрессивного контекста, а также этическим вопросам исследования чувствительных политических тем.

Именно сочетание дискурсивного, сетевого и ретроспективного анализа позволяет адекватно описать протестную мобилизацию как гибридный, многоуровневый процесс, в котором структурные условия, цифровые технологии и индивидуальные практики образуют взаимозависимую и подвижную конфигурацию.

Для реконструкции эволюции протестных технологий в Москве был применён событийный ретроспективный анализ – метод, позволяющий выявить структурные сдвиги в социальных практиках на основе систематического изучения последовательности значимых событий [10, 13].

Выборка включает 44 протестные акции, отобранные по следующим критериям: 1) численность реального участия – свыше 1000 человек; 2) наличие чётко сформулированных политических или социально-экономических требований; 3) направленность против действий государственных органов или высших должностных лиц; 4) наличие освещения в СМИ и/или в иных цифровых источниках.

В качестве источников данных для проведения анализа были использованы информационные источники разных форматов, в том числе официальные данные министерств и ведомств Российской Федерации; материалы федеральных и региональных СМИ (в том числе включенные с 2021 г. в реестр «средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента» (СМИ-иноагенты), среди которых «Медуза», «Дождь» и «Новая газета»); данные социологических опросов (ВЦИОМ, Левада-Центр (dключена в реестр НКО – «иностранных агентов» Минюста РФ), ФОМ); визуальные материалы (фотографии, видеоматериалы, плакаты); публикации в социальных сетях и на видеоплатформах (в т.ч. «YouTube» (внесен в список запрещенных ресурсов по решению Роспотребнадзора), «ВКонтакте», «Одноклассники», «Twitter», а также «Facebook» и «Instagram», компания-владелец которых «Meta Platforms Inc.» включена Росфинмониторингом в реестр террористов и экстремистов в 2022 г. и запрещена на территории Российской Федерации).

Таким образом, метод позволяет выявить не только хронологическую последовательность, но и логику трансформации – как одни технологии вытесняли другие под влиянием внешних (законодательные изменения, реакция государства) и внутренних (фрагментация движения, смена лидеров, цифровизация) факторов. Необходимо отметить, что существуют ряд ограничений данного метода, которые связаны с зависимостью от доступности и репрезентативности источников, особенно в случае, когда рассматриваются несанкционированные акции. Тем не менее, кросс-валидация данных (сравнение официальных данных, оценок медиа, а также участников событий) позволяет добиться минимизации искажений.

Основная часть

В научной литературе протестная мобилизация описывается не как разовое событие, а как протяженный во времени процесс, в котором переплетаются структурные условия, конфигурации сетей и индивидуальные мотивации участия. Анализ теоретических основ изучения протестной активности населения как социального феномена в контексте особенностей ее формирования, содержания и структуры, форм реализации осуществляется в разных направлениях социально-гуманитарного знания, в котором можно выделить конфликтологический и социально-психологический подходы, совокупность теорий, в основе которых лежит понятие относительной депривации социальных общностей разного формата, теории мобилизации ресурсов и социальной эффективности, а также их развитие в рамках теорий «социальной встроенности» [11].

В отличие от интуитивного представления о протесте как о спонтанной реакции на несправедливость, данная совокупность подходов дает представление о том, что любая массовая протестная акция становится возможной лишь при наличии определенных институциональных возможностей, организационных ресурсов и каналов коммуникации, позволяющих перевести разрозненное недовольство в скоординированные действия. Структурные условия определяют горизонты возможностей для потенциальной протестной активности: правовой режим, конфигурация политической системы, характер взаимодействия государства и общества, степень концентрации медиа-ресурсов, плотность городского пространства, а также особенности регулирования цифровой сферы. На этом фоне сетевые конфигурации определяют, кто с кем и как связан, как быстро циркулирует информация и какие формы координации становятся доминирующими. Наконец, индивидуальные мотивации – ощущение несправедливости, социальной депривации, политической эффективности, солидарности или, напротив, страха санкций – влияют в совокупности на степень вероятности перехода потенциального участника протестной деятельности в действительного, а также оказывает влияние не то, насколько устойчивым окажется участие конкретного индивида.

В такой перспективе мобилизация понимается как процесс постоянной сборки и разборки коалиций акторов вокруг определённых повесток и требований. Структурные факторы – электоральные циклы, реформы, экономические кризисы, информационные кампании – создают «окна возможностей», но сами по себе еще не гарантируют протестного подъема. Одно из решающих значений в данном случае имеют сетевые посредники, способные перевести структурный импульс в мобилизационные сигналы: активисты, медиа, блогеры, лидеры мнений, администраторы сообществ в социальных сетях и мессенджерах. Именно они создают фреймы интерпретации происходящего, предлагают репертуар действий и снижают индивидуальные трансакционные издержки участия – от поиска информации до решения логистических задач.

Индивидуальный уровень встраивается в эту конфигурацию через микродинамику вовлечения: люди получают информацию, соотносят ее с личным опытом, оценивают риски и выгоды, наблюдают за действиями других и лишь затем принимают решение о присоединении или отказе от участия. Таким образом, протестная мобилизация оказывается результатом сложного взаимодействия трех уровней – структурного, сетевого и индивидуального, – ни один из которых не может быть редуцирован к другим без потери объяснительной силы.

Проведенный событийный ретроспективный анализ протестной активности в г. Москве с 2010 г. по 2020 г. позволил выделить несколько этапов эволюции протестного движения, а также выделить ряд характеристик г. Москвы как специфического социально-экономического, политического и инфраструктурного урбанического пространства, наличие которых способствовало формированию протестной активности именно в данном городе.

Этап формирования: аффективный протест и националистическая мобилизация (2010–2011 гг.)

Протестная деятельность в г. Москве начала свое активное развитие в явной форме с событий на Манежной площади 11 декабря 2010 г., вызванных убийством футбольного фаната Е.Свиридова. Формальной причиной мобилизации стало требование «справедливого расследования», однако социальным фоном выступал рост межэтнической напряженности, зафиксированный социологическими службами еще с 2005 г. [1], а к 2010 г. доля россиян, выражавших неприязнь к «кавказцам», достигла 29% – что создавало благоприятную почву для эмоционально заряженной мобилизации[14].

Организаторами акции выступили националистические группы, включая «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), признанное экстремистским в 2011 г. Их стратегия включала несколько основных элементов: конструирование информационного повода (утверждения о «давлении диаспор» на следствие); использование фанатских сетей как рекрутингового ресурса; внедрение символики и лозунгов, имеющих устойчивые положительные ассоциации и патриотическое восприятие («Отступать некуда – Москва позади»), но в то же время внедрение антиэтнических лозунгов [3, 15]

Важно, что протест быстро вышел за рамки локального конфликта: в течение недели аналогичные акции прошли в 21 городе России. Это свидетельствует о том, что г. Москва выступила не просто местом события, а генератором протестного импульса, способного транслироваться на общенациональный уровень. Городская плотность коммуникаций, наличие устойчивых субкультурных сетей (фанатских, националистических) и символически значимое пространство Манежной площади позволили мобилизовать тысячи участников за несколько дней.

Характерной чертой этого этапа стало доминирование аффективной мотивации – протест был эмоциональным, спонтанным, слабо структурированным. Однако именно в нем впервые проявились технологии будущих мобилизаций: использование социальных сетей для координации, визуальная унификация (плакаты, лозунги), а также политизация этнического конфликта.

Институционализация сетевого протеста: «снежная революция» и технологии мобилизации (2011–2012 гг.)

Следующий этап протестной эволюции начался в декабре 2011 г. и был связан с парламентскими выборами и последовавшей за ними информационной кампанией, нацеленной на формирование недоверия к их результатам. В отличие от 2010 г., в данном случае доминировала политико-экономическая мотивация: результаты всероссийских исследований ВЦИОМ, проводимых в марте, октябре и декабре 2011 г. в качестве основных причин, которые опрошенные называют как побуждающие их к потенциальному участию в акциях протеста, помимо несогласия с итогами выборов в Государственную Думу РФ определяют причины экономического характера (снижение доходов, пост цен, безработица и т.п.) [8]

Ключевым фактором трансформации стал переход от традиционного одностороннего взаимодействия к концепции Web-2.0 [12] и включение Москвы в глобальный дискурс о «цветных революциях» [9]. Организаторы протеста – движение «Солидарность», ФБК*, «Сахаровский центр» и др. – сознательно использовали визуальные и организационные аналогии с «оранжевой революцией» (Украина, 2004 г.) и «жасминовой революцией» (Тунис, 2011 г.). Символом стал белый цвет, ассоциирующийся с «чистотой» и «снежным покровом», что дало СМИ повод назвать события «снежной революцией».

Технологически этот этап отличался следующими характеристиками: наличием сетевой структурой мобилизации («Facebook», «Twitter», «Живой Журнал» стали основными информационными платформами); вовлечением интеллектуальной и творческой элиты (Б.Акунин, Ю.Шевчук, Д.Быков и др.); разработкой стандартов протестного поведения (методички по правам участников, PR-стратегии).

Особую роль сыграла и социально-пространственная структура г. Москвы: Болотная площадь и проспект Сахарова стали символическими аренами легитимного протеста; высокая плотность образованного населения (особенно в центральных округах) обеспечила массовость; а развитая транспортная инфраструктура позволяла быстро собирать и перемещать колонны.

Важно, что именно в этот период произошёл переход от аффективного к институционализированному протесту: появились резолюции, требования, координационные советы. Можно сказать, что московские протесты выступили в качестве лаборатории протестных технологий, где апробировались практики, позже тиражируемые в регионах.

Фрагментация и тематическая специализация (2013–2018 гг.)

После внесения в 2012 г. ряда законодательных изменений, регулирующих правовое поведения в процессе организации протестной активности или участей в ней [16] (в т.ч. введение штрафов, определение процедуры регистрации протестных акций и др.) массовый протестный цикл предыдущего формата перестал быть доминирующим. Вместо данной формы протестной активности, объединяющей в себе множество тематических повесток, формируется фрагментализация протестных акций по тематическим блокам. Среди них можно выделить «правозащитную повестку» («Марш памяти Б. Немцова», проводился ежегодно с 2015 г. по 2019 г.); образовательно-научную («Митинг в защиту науки», 2015 г.); «антикоррупционную» (акции ФБК (Фонд борьбы с коррупцией (ФБК) в России признан экстремистской организацией (с июня 2021 г.) и ликвидирован по решению суда), 2017 г.); социально-экономическая (против пенсионной реформы, 2018 г.).

Каждое из этих тематических направлений протестной активности имела собственную аудиторию, организаторов и символику, а также все они пространственно концентрировались в г. Москве. Данное обстоятельство, в том числе, связано с тем, что в столице сосредоточены профессиональные сообщества (ученые, журналисты, IT-специалисты), присутствует высокая медиатизированность городского пространства, существуют институты гражданского общества, способные для широкой аудитории создать легитимизацию протеста.

Примечательно, что даже отдельные поводы (например, убийство Б.Немцова в центре г. Москвы) в кратчайшие сроки трансформировались в информационные поводы общенационального масштаба, поскольку городская арена позволяла мгновенно транслировать события в федеральные и международные медиа.

Цифровизация и виртуализация протеста (2017–2020 гг.)

Период 2017–2018 гг. включен нами одновременно в два выделяемых этапа, поскольку в это время, с одной стороны, продолжается направленность на узкую тематизацию протеста, а с другой стороны уже очевидно первичное внедрение тех характерных черт, которые мы можем определить как постепенную цифровизацию и виртуализацию протеста.

В этот период происходит становление качественно нового этапа – цифрово-гибридного протеста, в котором происходит взаимное конституирование друг друга реальным и виртуальным пространствами. Ключевым элементом технологий формирования протестной активности в этот период становится «видеорасследование»: явным пример его является фильм ФБК «Он вам не Димон» (2017 г.), который стал не просто информационным поводом, а полноценной мобилизационной платформой.

Другими особенностями этого этапа стали: вытеснение «Facebook» как основного канала мобилизации интернет-платформами «YouTube» и «Telegram»; замена лозунгов визуальным контентом, имеющим зачастую юмористических подтекст («мемы»); уход от физических пространств для трансляции протестных идей в формат онлайн-стримов (например, «Навальный Live»); а также внедрение технологии, получившей название «Умное голосование» как цифрового инструмента координации избирательного поведения.

В данный период важно также отметить, что физическая явка снижается (от 20–30 тыс. в 2011–2012 гг. до 1–5 тыс. в 2017–2020 гг.) [17, 18], но медиаохват возрастает, чему способствовала, в том числе, социально-правовая обстановка, последовавшая за эпидемиологическим кризисом 2020 гг., вызванной распространение коронавирусной инфекции. В то же время расширение перенесения протестной активности в виртуальное пространство в качестве совей цели имеет не столько давление через массовость, сколько конструирование в этом цифровом пространстве соответствующей задачам акторов протестной активности повестки. При этом, г. Москва остается ключевой площадкой, поскольку здесь сосредоточены ведущие медиа и блогеры, имеется высокий уровень цифровой грамотности населения, а также глобальная видимость столичных акций.

Москва как урбанистическая арена протеста: почему именно здесь?

Подводя итог, можно выделить пять урбанистических факторов, сделавших г. Москву ареной эволюции протестных технологий, а также позволяющих ей сохранять данное качество перманентно:

Во-первых, это, конечно, символическая насыщенность пространства: наличие федеральных государственных учреждений на территории г. Москвы позволяет автоматически придать политическое значение большее значение протестной акции при ее проведении вблизи мест их расположения. А Болотная, Сахарова, Манежная площади, в контексте исторического и политического значения, – это не просто площади, но места памяти, наделенные политическим смыслом. Во-вторых, высокая плотность коммуникационных сетей разного свойства: социальные сети, медиа, транспортные сети позволяют мгновенно мобилизовать и координировать протестные движения. В-третьих, концентрация человеческого капитала, традиционно обладающего наибольшим протестным потенциалом: образованное, молодое, социально активное население, открытое к новым формам участия [2]. В-четвертых, центральность в системе информационного вещания: любое событие в г. Москве автоматически становится федеральным и, в определенных случаях, международным. В-пятых, политическая видимость: протест в г. Москве (именно в значении протеста в столице Российской Федерации) воспринимается как прямой противодействие власти, что повышает его значимость для организаторов и участников.

Таким образом, г. Москва выступает не фоновым условием для проведение протестных акций, но активным агентом протестной эволюции – «социальным ускорителем», в котором новые технологии мобилизации проходят ускоренную апробацию, тиражирование и трансляцию.

Заключение

Анализ протестной активности в Москве в 2010–2021 гг. показывает чёткую эволюционную логику: от аффективного, этнически мотивированного возмущения к институционализированному, сетевому протесту с политическими требованиями, затем к фрагментированной, тематически специализированной активности и, наконец, к цифрово-гибридной форме, где виртуальное пространство становится основной ареной мобилизации. Эта эволюция была возможна благодаря урбанистическим характеристикам Москвы как столицы, мегаполиса и символического центра. Городская среда обеспечила не только ресурсы мобилизации, но и пространственный код, в котором каждая новая технология протеста могла быть быстро осмыслена, апробирована и тиражирована. Результаты данного исследования подтвердили гипотезу о том, что город – это не просто пространство действия, но и фактор социальной

динамики. В условиях глобального роста урбанизации подобные кейсы приобретают всё большую теоретическую и практическую значимость для противодействия социально-политической нестабильности и развитии исследований в сфере социологии управления.

Литература

1. Алехин Е.И., Баранова Г.В., Формирование социальной напряженности в регионах Российской Федерации. Методика Анализа и прогнозирования социальной напряженности // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. С. 149–154.

2. Архипова А.С., Захаров А.В., Козлова И.В. Этнография протеста: кто и почему вышел на улицы в январе-апреле 2021? // Мониторинг. 2021. № 5. С. 289–323.

3. Верховский А.М. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1 (107). С. 11–35.

4. Вершинина И.А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 48–60.

5. Гавра Д.П, Быкова Е.В Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 2. С. 3–24.

6. Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПБ: Питер, 2005. – 461 с.

7. Кастельс, М. Власть коммуникаций. – М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2016. – 564с

8. Мамонов М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг. 2012. № 1(107). С. 5–22.

9. Петрова К.С. Феномен «цветных революций» на примере Гонконга // Россия в глобальном мире. 2022. № 23. С. 11–23.

10. Тилли Ч. От мобилизации к революции. – М.: Издательский Дом ВШЭ, 2019 г. – 432 с.

11. Харсеева А.В. Ретроспективный анализ протестной активности в г. Москве // Власть. 2023. № 5. С. 77–83.

12. O'Reilly T. What Is Web 2.02005. [Электронный ресурс] URL: http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html (дата обращения: 07.09.23)

13. Tarrow S. (1998) Power in movement: Social movements and contentious politics, Cambridge University Press, p. 331.

14. Толерантность против ксенофобии: этнические симпатии и антипатии россиян// ВЦИОМ. 2009. 3 августа. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tolerantnost-protiv-ksenofobii-etnicheskie-simpatii-i-antipatii-rossiyan (дата обращения: 04.03.2026).

15. «Живой Журнал» и предлагались для ознакомления планирующим участие в акции. Лозунги к Русскому маршу 2010 URL: https://4-november.livejournal.com/125684.html (accessed: 04.03.2026).

16. Федеральный закон от 08.06.2012 г. № 65-ФЗ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35458 (дата обращения: 08.09.23)

17. Протест, который лопнул URL: https://versia.ru/sobchak-raskolola-ryady-oppozicii (дата обращения: 07.07.2023)

18. В Москве прошёл несанкционированный митинг. URL: https://ru.rt.com/e1uo (дата обращения: 07.07.2023)

THE EVOLUTION OF THR PROTEST MOBILIZATION TECHNOLOGIES IN MOSCOW (2010–2021): FROM AFFECTIVE OUTRAGE TO DIGITAL HYBRID PROTEST

Kharseeva A.V.
Lomonosov Moscow State University

This article presents the findings of an empirical study aimed at understanding how social technologies of protest mobilization operate from the perspective of participants themselves. Based on 25 in-depth interviews with Moscow residents who took part in protest actions between 2010 and 2020, four participant types were identified: consistent, issue-based, situational, and carnivalesque. The analysis reveals that perceived relative deprivation–rooted in a strong sense of injustice–serves as the primary trigger for participation, thereby confirming theoretical propositions by W. Runciman and T. Gurr. At the same time, protest mobilization is shown to be enabled by deliberate use of social technologies: agenda-setting, symbolic framing («white ribbons», «yellow rubber ducks», internet memes), construction of digital communication networks, and provision of legal and logistical support. The study also documents the shift from street protests to virtual forms under the pressure of tightening legislation. It is argued that social technologies not only facilitate mobilization but also actively construct collective identity and emotional solidarity. The findings confirm that protest activity in Moscow during the 2010s was not spontaneous but rather the outcome of intentional application of techniques aligned with theories of color revolutions. This research contributes to the sociology of protest by elucidating how social technologies are perceived and internalized by participants and how they function as instruments of collective behavior management.

Keywords: protest activity, social technologies, relative deprivation, social embeddedness, virtual protest, symbolic attributes, in-depth interviews, color revolutions.

References

1. Alekhine E.I., Baranova G.V., Formation of Social Tension in the Regions of the Russian Federation. Methodology for Analysis and Forecasting of Social Tension // VSU Bulletin, Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2007. No. 2. pp. 149–154.

2. Arkhipova A.S., Zakharov A.V., Kozlova I.V. Ethnography of Protest: Who and Why Took to the Streets in January-April 2021? // Monitoring. 2021. No. 5. pp. 289–323.

3. Verkhovsky A.M. Evolution of the Post-Soviet Movement of Russian Nationalists // Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. 2011. No. 1 (107). pp. 11–35.

4. Vershinina I.A. Henri Lefebvre: From the "Right to the City" to the "Urban Revolution" // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2018. No. 2. pp. 48–60.

5. Gavra D.P., Bykova E.V. Mediatized Mobilization of Protest on Social Networks: Algorithms for Constructing Speech Strategies // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2021. No. 2. pp. 3–24.

6. Garr T. Why People Rebel. – St. Petersburg: Piter, 2005. – 461 p.

7. Castells, M. The Power of Communications. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – 564 p.

8. Mamonov M.V. Protest Activity of Russians in 2011–2012: Main Trends and Some Patterns // Monitoring. 2012. No. 1 (107). pp. 5–22.

9. Petrova, K.S. The Phenomenon of "Color Revolutions": The Case of Hong Kong // Russia in the Global World. 2022. No. 23. pp. 11–23.

10. Tilly, C. From Mobilization to Revolution. Moscow: HSE Publishing House, 2019. 432 p.

11. Kharseeva, A.V. Retrospective Analysis of Protest Activity in Moscow // Vlast. 2023. No. 5. pp. 77–83.

12. O'Reilly T. What Is Web 2.02005. [Electronic resource] URL: http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html (date of access: 09/07/23)

13. Tarrow S. (1998) Power in movement: Social movements and contentious politics, Cambridge University Press, p. 331.

14. Tolerance versus xenophobia: ethnic sympathies and antipathies of Russians// VTsIOM. 2009. August 3. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tolerantnost-protiv-ksenofobii-etnicheskie-simpatii-i-antipatii-rossiyan (date of access: 03/04/2026).

15. "Live Journal" and were offered for review to those planning to participate in the action. Slogans for the Russian March 2010 URL: https://4-november.livejournal.com/125684.html (accessed: 04.03.2026).

16. Federal Law of June 8, 2012, No. 65-FZ On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Federal Law "On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches, and Pickets" [Electronic resource] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35458 (accessed: September 8, 2023)

17. The Protest That Burst URL: https://versia.ru/sobchak-raskolola-ryady-oppozicii (accessed: July 7, 2023)

18. An Unauthorized Rally Took Place in Moscow URL: https://ru.rt.com/e1uo (accessed: July 7, 2023)

Цифровые технологии как инструмент реализации государственной политики национальной безопасности в Арктической зоне СЗФО

Хохлов Дмитрий Александрович,
аспирант, кафедра политических и социальных наук, Институт истории, политических и социальных наук,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»,
E-mail: dima.5213.khokhlov@mail.ru

В статье рассматриваются цифровые технологии как инструмент реализации государственной политики национальной безопасности в Арктической зоне Северо-Западного федерального округа Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена усилением международной конкуренции за арктические территории, трансформацией военно-политической обстановки в Европе и возрастанием стратегической значимости Арктики в системе национальных интересов России. Отмечается, что специфические условия арктических и субарктических регионов – низкая плотность населения, территориальная удалённость, суровые климатические условия и инфраструктурные ограничения – существенно осложняют применение традиционных механизмов государственного управления.
Цель исследования заключается в анализе цифровых технологий как механизма повышения управляемости и безопасности арктических территорий. Методологическая база исследования включает положения теории цифрового общества, институциональный и системный подходы, а также анализ нормативно-правовых документов Российской Федерации.
На основе анализа региональных кейсов Мурманской и Архангельской областей и Республики Карелия выявлены особенности применения цифровых платформ и управленческих решений в сфере национальной безопасности. Сделан вывод о том, что цифровизация выступает фактором модернизации управления и инструментом снижения региональных уязвимостей.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, национальная безопасность, цифровые технологии, государственная политика, цифровой суверенитет.

Арктическая зона Российской Федерации представляет собой пространство нарастающего геополитического противостояния, что обусловлено усилением международной конкуренции за освоение арктических территорий. Данная конкуренция во многом обусловлена уникальной ресурсной базой Арктического региона, включающей значительные запасы углеводородного сырья, минеральных ресурсов и редкоземельных элементов, а также биологических ресурсов Мирового океана. По оценкам международных исследовательских центров, в том числе Геологической службы США (USGS) [1] и экспертных структур Арктического совета [2], в арктических недрах сосредоточена значительная доля неразведанных мировых запасов нефти и природного газа, что придает региону особое стратегическое значение в условиях глобального ресурсного дефицита. Дополнительным фактором усиления международного интереса к Арктике выступает ее возрастающее транспортно-логистическое значение, связанное с развитием Северного морского пути как альтернативного маршрута между Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона [4].Усиление интереса ведущих мировых держав к Арктике подтверждается, в частности, неоднократно озвучиваемыми на международном уровне инициативами Соединенных Штатов Америки, связанными с возможностью приобретения Гренландии [5], что демонстрирует стратегическую значимость арктического пространства и его включенность в систему глобальных политических и экономических процессов.

Нарастание международной напряженности в Арктическом и субарктическом макрорегионе для Российской Федерации связано также с изменением военно-политической конфигурации в Северной Европе, обусловленным расширением Организации Североатлантического договора. В 2023 г. в состав НАТО вступила Финляндия [6], имеющая протяженную сухопутную границу с Российской Федерацией, а в 2024 г. членом альянса стала Швеция [7], традиционно рассматривавшаяся как нейтральное государство. Включение данных стран в структуры НАТО существенно трансформировало баланс сил в Балтийском и арктическом направлениях, усилив военное и политическое присутствие альянса в непосредственной близости от российских северо-западных и арктических регионов. Указанные процессы актуализируют для Российской Федерации задачи обеспечения национальной безопасности в Арктике, включая защиту государственной границы, контроль над стратегическими коммуникациями и поддержание устойчивости социально-экономического развития арктических территорий. В данных условиях возрастает значение современных инструментов государственного управления, направленных на повышение управляемости и устойчивости арктических территорий. В этом контексте цифровые технологии приобретают особую роль, выступая не только фактором социально-экономического развития, но и важным инструментом реализации государственной политики национальной безопасности.

Для арктических и субарктических регионов характерны специфические условия развития, среди которых: низкая плотность населения, высокая дисперсность расселения и значительная удалённость населённых пунктов от крупных центров, что отражает их слабую освоенность и ограниченную инфраструктуру [9]. Международные исследования также указывают на доминирующий «точечный» характер освоения территорий в Арктике, замкнутость местных сообществ и связанные с этим социально-географические сложности [10]. Природные условия этих территорий дополнительно усложняются экстремально суровым климатом, что ограничивает возможности транспортного и инженерного развития, увеличивает издержки на строительство и эксплуатацию объектов инфраструктуры [11]. По данным Arctic Council, общая протяжённость российской арктической береговой линии составляет более 24 000 км, а численность населения распределена очень неравномерно, что объективно ограничивает эффективность традиционных моделей социально-экономического развития и требует адаптированных подходов к устойчивому освоению территории[12]. Эти факторы объективно усложняют традиционные механизмы государственного управления и взаимодействия власти и общества. Цифровизация, в свою очередь, открывает новые возможности для преодоления пространственных и институциональных барьеров, повышения управляемости территорий и устойчивости региональных социально-политических систем.

Целью настоящей статьи является анализ цифровых технологий как инструмента реализации государственной политики национальной безопасности в Арктической зоне Северо-Запада России.

Научная ценность статьи заключается в обобщении и систематизации региональных практик применения цифровых технологий в реализации государственной политики национальной безопасности в арктических и субарктических регионах Северо-Запада Российской Федерации. В целях выявления специфики цифровизации государственного управления в условиях Арктики проанализированы институциональные и территориальные особенности регионов, сопоставлены подходы к использованию цифровых платформ и инструментов межведомственного взаимодействия, а также выявлены различия в механизмах цифрового взаимодействия органов власти и населения. Полученные результаты позволяют уточнить роль цифровых технологий в обеспечении управляемости, социальной устойчивости и снижении рисков в сфере национальной безопасности на периферийных и труднодоступных территориях.

Методология исследования основывается на положениях теории цифрового общества [13], рассматривающей цифровизацию как системный процесс трансформации социально-экономических и политических практик в условиях развития информационно-коммуникационных технологий. В рамках данного подхода цифровые технологии интерпретируются как фактор изменения пространственно-временных характеристик социального взаимодействия, а также как инструмент формирования сетевых структур коммуникации между органами власти и обществом. Теоретические положения теории цифрового общества дополняются элементами институционального и системного подходов, позволяющих проанализировать цифровые технологии в контексте функционирования механизмов государственного управления и обеспечения национальной безопасности. Цифровизация рассматривается как амбивалентный процесс, способствующий повышению эффективности управленческих решений и расширению возможностей коммуникации, но одновременно формирующий новые риски, связанные с информационной безопасностью, контролем и управлением социальными процессами. Применение данного методологического инструментария позволяет выявить специфику использования цифровых технологий в арктических регионах Северо-Запада Российской Федерации с учетом их социально-территориальных и институциональных особенностей.

В рамках настоящего исследования принципиальное значение имеет операционализация понятий, поскольку цифровизация в Арктической зоне Российской Федерации не может рассматриваться исключительно как технологический процесс. В качестве концептуальной базы используются положения ключевых нормативных актов Российской Федерации в сфере национальной безопасности, арктической политики и цифрового развития. В «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (Указ Президента РФ № 164 от 5 марта 2020 г.) [14], Арктическая зона институционально закрепляется как пространство особой государственной значимости. В данном документе Арктика рассматривается не только как ресурсная база и зона геополитических интересов, но и как элемент системы национальной безопасности и устойчивого развития, требующий специальных механизмов государственного управления с учётом территориальной удалённости, климатических условий и инфраструктурных ограничений. Таким образом, Указ № 164 фиксирует переход к комплексному пониманию Арктической зоны как пространства реализации национальных интересов Российской Федерации, в котором вопросы безопасности, развития и управления рассматриваются во взаимосвязи в рамках единой государственной стратегии.

На уровне стратегических документов формируется концептуальная взаимосвязь: цифровизация в Арктике рассматривается не просто как элемент модернизации, а как инструмент государственного контроля, управляемости и обеспечения безопасности территории. Однако степень конкретизации данной установки в различных нормативных актах различна, что позволяет выявить специфику каждого документа.

В рамках реализации политики технологического и цифрового суверенитета в 2021–2025 гг. в Российской Федерации осуществлялось внедрение и расширение использования отечественных программных и платформенных решений [15]. В сфере операционных систем для государственных информационных систем и объектов критической инфраструктуры применялась отечественная операционная система «Аврора» [16]. В качестве офисных программных продуктов и средств совместной работы использовались российские решения «МойОфис», «Яндекс 360» и VK WorkSpace, ориентированные на замещение зарубежных офисных пакетов и облачных сервисов[17]. Развитие национальных цифровых экосистем осуществлялось, в частности, на базе платформы VK, интегрирующей сервисы коммуникации и цифрового взаимодействия[18]. В 2024–2025 гг. получили распространение отечественные коммуникационные приложения нового поколения, включая мессенджер MAX, позиционируемый как альтернатива зарубежным платформам обмена сообщениями[19]. Несмотря на то, что указанные программные продукты не относятся напрямую к инструментам обеспечения национальной безопасности в узком институциональном смысле, их внедрение и использование рассматриваются как элемент формирования цифрового суверенитета и снижения технологической зависимости.

Одновременно с развитием программных решений практическое выражение данной установки прослеживается в реализации масштабных инфраструктурных проектов. Так, проект трансарктической подводной волоконно-оптической линии связи «Полярный экспресс» предусматривает прокладку кабеля протяжённостью около 12 650 км вдоль трассы Северного морского пути с целью формирования устойчивого высокоскоростного канала связи между Европейской и Азиатской частями Российской Федерации[20]. Данный проект имеет не только экономическое, но и стратегическое значение, поскольку направлен на создание автономной коммуникационной инфраструктуры, снижение зависимости от зарубежных транзитных маршрутов передачи данных и повышение устойчивости цифрового обеспечения функционирования Арктической зоны.

В арктических регионах Северо-Запада России цифровые технологии реализуются через совокупность региональных и федеральных проектов, ориентированных на повышение управляемости территорий, мониторинг рисков и обеспечение устойчивости социально-экономических процессов. В Мурманской области ключевым интеграционным проектом цифрового развития выступает региональный проект «Умный регион», реализуемый с 2019 г. и направленный на цифровую трансформацию сфер общественной безопасности, жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и городского управления [21]. В рамках данного проекта внедряются технологии искусственного интеллекта и видеоаналитики, включая систему общественного видеонаблюдения и аналитики (СОВА), систему мониторинга лесных массивов «Лесохранитель», а также цифровые решения нейросетевого анализа состояния дорожной инфраструктуры и городской среды.

В Архангельской области цифровизация арктических территорий осуществляется преимущественно в рамках реализации региональной программы «Цифровое развитие Архангельской области» и деятельности Регионального центра управления, интегрированного с федеральной системой ситуационных центров[22]. В регионе применяются геоинформационные системы и информационно-аналитические платформы мониторинга в сфере жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и реагирования на чрезвычайные ситуации, а также цифровые сервисы предоставления государственных и муниципальных услуг на базе портала «Госуслуги».

В Республике Карелия цифровые технологии развиваются в рамках региональной программы «Цифровая экономика Республики Карелия», проекта «Умный регион. Карелия» и деятельности Центра управления регионом. Основной акцент делается на развитии цифровых сервисов электронного правительства, платформ обратной связи с населением, а также информационных систем в сфере лесного хозяйства и экологического мониторинга, что имеет значение для обеспечения социальной и экологической устойчивости приграничного региона.

Наряду с региональными инициативами в арктических регионах Северо-Запада России реализуются сквозные цифровые проекты федерального уровня, включая создание трансарктической волоконно-оптической линии связи «Мурманск – Владивосток», внедрение отечественной операционной системы «Аврора» на объектах критической информационной инфраструктуры, развитие цифровых платформ управления Северным морским путём, а также проекты по строительству центров обработки данных, в том числе на базе объектов атомной энергетики.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровые технологии в условиях Арктической зоны Российской Федерации выступают не только фактором социально-экономической модернизации, но и системным инструментом реализации государственной политики национальной безопасности. Специфика арктических и субарктических территорий, обусловленная их пространственной удалённостью, низкой плотностью населения, инфраструктурной фрагментированностью и суровыми природно-климатическими условиями, объективно ограничивает эффективность традиционных механизмов государственного управления и требует внедрения адаптированных управленческих решений, в том числе основанных на цифровых технологиях.

Усиление международной конкуренции за арктическое пространство, трансформация военно-политической конфигурации в Северной Европе и возрастание стратегической значимости Арктики в системе национальных интересов Российской Федерации актуализируют необходимость комплексного подхода к обеспечению национальной безопасности региона. В этих условиях цифровизация приобретает функционально двойственный характер: с одной стороны, она способствует повышению управляемости, оперативности принятия решений и устойчивости социально-экономических процессов, с другой – формирует новые вызовы и риски, связанные с информационной безопасностью, технологической зависимостью и контролем над критической инфраструктурой.

Анализ нормативно-правовых и стратегических документов Российской Федерации позволяет утверждать, что на уровне государственной политики сформировано устойчивое понимание Арктической зоны как пространства особой государственной значимости, где задачи развития, безопасности и управления рассматриваются в неразрывной взаимосвязи. При этом цифровые технологии в данных документах институционально закрепляются как один из ключевых инструментов обеспечения суверенитета, территориальной целостности и устойчивого развития Арктики, в том числе через формирование автономной цифровой инфраструктуры и снижение зависимости от зарубежных технологических решений.

Региональные кейсы Мурманской области, Архангельской области и Республики Карелия демонстрируют, что цифровизация в арктических регионах Северо-Запада России реализуется преимущественно через интеграцию федеральных и региональных проектов, ориентированных на мониторинг рисков, повышение эффективности межведомственного взаимодействия, развитие электронных сервисов и систем ситуационного управления. Практика внедрения цифровых платформ, геоинформационных систем, средств видеоаналитики и инфраструктурных решений свидетельствует о формировании многоуровневой модели цифрового управления, адаптированной к социально-территориальным особенностям Арктики.

В целом цифровизация Арктической зоны Российской Федерации может быть охарактеризована как инструмент институционального укрепления государственного присутствия и снижения региональных уязвимостей в сфере национальной безопасности. Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом эффективности цифровых решений в условиях периферийных территорий, а также с оценкой долгосрочных последствий цифровизации для баланса между управляемостью, устойчивым развитием и защитой прав и интересов населения арктических регионов.

Литература

1. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle [Электронный ресурс] // Геологическая служба США (U.S. Geological Survey). – 2008. – URL: https://www.usgs.gov/centers/energy-and-minerals-science-center/circum-arctic-resource-appraisal (дата обращения: 27.01.2026).

2. Арктические ресурсы и развитие [Электронный ресурс] // Arctic Economic Council. – URL: https://arctic-council.org (дата обращения: 27.01.2026).

3. Нефть и газ Арктики: устойчивость и ресурсный потенциал [Электронный ресурс] // Arctic Council. – URL: https://arctic-council.org (дата обращения: 27.01.2026).

4. Хамперт М. Будущее арктического судоходства: новый Шёлковый путь для Китая. – Гамбург: Institute for Security Policy at Kiel University, 2016. – 64 с.

5. США вновь заявили о возможности приобретения Гренландии [Электронный ресурс] // РБК. – 19.08.2019. – URL: https://www.rbc.ru/politics/19/08/2019/5d5a6bfa9a7947a2c8f4c8e5 (дата обращения: 27.01.2026).

6. Финляндия официально стала членом НАТО [Электронный ресурс] // РБК. – 04.04.2023. – URL: https://www.rbc.ru (дата обращения: 20.01.2026).

7. Швеция завершила процесс вступления в НАТО [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 07.03.2024. – URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 20.01.2026).

8. Проблемы и потенциал устойчивого развития территориальных образований Арктической зоны России [Электронный ресурс] // M-Economy.ru. – 2024. – URL: https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=8019 (дата обращения: 20.01.2026).

9. Журавель В.П. Арктический совет: основные вехи развития (к 25-летию создания) [Электронный ресурс] // Arctic and North. – 2021. – URL: https://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/abc/46_220_233.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

10. Российская Федерация [Электронный ресурс] // Arctic Council. – URL: https://arctic-council.org/about/states/russian-federation/ (дата обращения: 20.01.2026).

11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

12. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

13. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 15.03.2026).

14. Импортозамещение и технологический суверенитет в сфере ИТ [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/importozameshchenie/ (дата обращения: 20.01.2026).

15. Операционная система «Аврора» для государственных и корпоративных информационных систем [Электронный ресурс]. – URL: https://auroraos.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

16. МойОфис. О компании и продуктах [Электронный ресурс]. – URL: https://myoffice.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

17. Яндекс 360 для бизнеса [Электронный ресурс] // Яндекс. – URL: https://360.yandex.ru/business/ (дата обращения: 20.01.2026).

18. VK WorkSpace [Электронный ресурс] // VK. – URL: https://biz.mail.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

19. Экосистема цифровых сервисов VK [Электронный ресурс] // VK. – URL: https://vk.company/ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

20. Проект трансарктической подводной волоконно-оптической линии связи «Полярный экспресс» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития РФ. – URL: https://digital.gov.ru/ru/events/42768/ (дата обращения: 20.01.2026).

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR IMPLEMENTING STATE POLICY OF NATIONAL SECURITY IN THE ARCTIC ZONE OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT

Khokhlov D.A.
Petrozavodsk State University

The article examines digital technologies as a tool for implementing the state policy of national security in the Arctic zone of the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The relevance of the study is обусловлена the growing international competition for Arctic territories, the transformation of the military-political situation in Europe, and the increasing strategic importance of the Arctic in Russia's system of national interests. It is noted that the specific conditions of Arctic and sub-Arctic regions – low population density, territorial remoteness, severe climatic conditions, and infrastructural limitations – significantly complicate the application of traditional mechanisms of public administration.
The purpose of the study is to analyze digital technologies as a mechanism for increasing the manageability and security of Arctic territories. The methodological framework includes the theory of the digital society, institutional and systemic approaches, as well as an analysis of regulatory legal documents of the Russian Federation.
Based on regional case studies of the Murmansk and Arkhangelsk regions and the Republic of Karelia, the study identifies features of digital platforms and governance solutions in national security. It concludes that digitalization contributes to modernization of governance and reduction of regional vulnerabilities.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation; national security; digital technologies; state policy; digital sovereignty.

References

1. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle [Electronic resource] // U.S. Geological Survey. – 2008. – URL: https://www.usgs.gov/centers/energy-and-minerals-science-center/circum-arctic-resource-appraisal (accessed: 27.01.2026).

2. Arctic Resources and Development [Electronic resource] // Arctic Economic Council. – URL: https://arctic-council.org (accessed: 27.01.2026).

3. Arctic Oil and Gas: Sustainability and Resource Potential [Electronic resource] // Arctic Council. – URL: https://arctic-council.org (accessed: 27.01.2026).

4. Humpert M. The Future of Arctic Shipping: A New Silk Road for China. – Hamburg: Institute for Security Policy at Kiel University, 2016. – 64 p.

5. The United States Again Raised the Possibility of Purchasing Greenland [Electronic resource] // RBC. – 19.08.2019. – URL: https://www.rbc.ru/politics/19/08/2019/5d5a6bfa9a7947a2c8f4c8e5 (accessed: 27.01.2026).

6. Finland Officially Became a NATO Member [Electronic resource] // RBC. – 04.04.2023. – URL: https://www.rbc.ru (accessed: 20.01.2026).

7. Sweden Completed the Process of Joining NATO [Electronic resource] // Kommersant. – 07.03.2024. – URL: https://www.kommersant.ru (accessed: 20.01.2026).

8. Problems and Potential for Sustainable Development of Territorial Units of the Russian Arctic Zone [Electronic resource] // M-Economy.ru. – 2024. – URL: https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=8019 (accessed: 20.01.2026).

9. Zhuravel V.P. The Arctic Council: Major Milestones of Development (On the 25th Anniversary of Its Establishment) [Electronic resource] // Arctic and North. – 2021. –

URL: https://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/abc/46_220_233.pdf (accessed: 20.01.2026).

10. The Russian Federation [Electronic resource] // Arctic Council. – URL: https://arctic-council.org/about/states/russian-federation/ (accessed: 20.01.2026).

11. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. – Moscow: Higher School of Economics, 2000. – 608 p.

12. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. – Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. – 328 p.

13. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation" [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed: 15.03.2026).

14. Import Substitution and Technological Sovereignty in the IT Sector [Electronic resource] // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/importozameshchenie/ (accessed: 20.01.2026).

15. Aurora Operating System for Government and Corporate Information Systems [Electronic resource]. – URL: https://auroraos.ru/ (accessed: 20.01.2026).

16. MyOffice. About the Company and Products [Electronic resource]. – URL: https://myoffice.ru/ (accessed: 20.01.2026).

17. Yandex 360 for Business [Electronic resource] // Yandex. – URL: https://360.yandex.ru/business/ (accessed: 20.01.2026).

18. VK WorkSpace [Electronic resource] // VK. – URL: https://biz.mail.ru/ (accessed: 20.01.2026).

19. VK Digital Ecosystem [Electronic resource] // VK. – URL: https://vk.company/ru/ (accessed: 20.01.2026).

20. The Trans-Arctic Submarine Fiber-Optic Communication Line "Polar Express" Project [Electronic resource] // Ministry of Digital Development of the Russian Federation. – URL: https://digital.gov.ru/ru/events/42768/ (accessed: 20.01.2026).

Политическая коммуникация как важный фактор формирования политических сетей во Вьетнаме

Хыа Хюи Хоанг,
аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: hoanghh.hcma2@gmail.com

С развитием эпохи информационных технологий политическая коммуникация играет все более важную роль в жизни наций. Политическая коммуникация не только расширяет доступ людей к информации, но и играет значимую роль в содействии участию людей в государственной деятельности. Именно расширение доступа людей к политической деятельности и участия в ней является одним из важных факторов формирования и расширения политических сетей. Вьетнам также является одной из стран, которая все больше использует эффективность политической коммуникации для улучшения обмена информацией и взаимодействия между государством и народом. Развитие политической коммуникации постепенно способствовало продвижению свободы и демократии для вьетнамского народа в более позитивном направлении. В статье изучается развитие политической коммуникации во Вьетнаме и ее влияние на формирование политических сетей.

Ключевые слова: средства массовой информации; политическая коммуникация; социальные сети; демократические ценности; свобода слова; политическая сеть; Вьетнам.

Введение

В XXI веке влияние средств массовой информации получило настолько стремительное и мощное развитие, что его контроль в условиях распространения Интернета и спутникового телевидения, охватывающих весь мир, становится все более затруднительным. Соответственно, СМИ имеют возможность «устанавливать повестку дня» и менять международную политику. Напряженные отношения между странами также могут возникать вследствие споров по поводу использования средств массовой информации. Средства массовой информации даже используются в качестве юридических доказательств для того, чтобы одна страна отдала приказ о применении силы для нападения на другую страну, как, например, это было во время военного нападения США на Сирию в апреле 2018 года. Ранее восстание «Арабской весны» (2010) также началось с фотографий, размещенных в социальных сетях, на которых молодой продавец овощей поджег себя на улице в знак протеста против репрессий полиции [1]. Эта реальность породила ряд вопросов о роли и влиянии (каким образом) средств массовой информации на национальную политику в современном глобальном информационном контексте. Также вызывает вопросы влияние информационно-коммуникационных технологий на стабильность государств посредством проведения ряда мероприятий организаций и отдельных лиц в открытых взаимосвязанных пространствах, выполняющих многочисленные функции в национальной и международной политической жизни.

Бурное развитие информационных технологий, в том числе Интернета, с 1997 года во Вьетнаме привело к настоящей революции в области информации и коммуникации. Жители Вьетнама получили более широкий и разнообразный доступ к информации. Это также одно из важных условий консолидации и расширения демократических прав в более существенном направлении для народа в последние годы. Соответственно, повышение осведомленности и демократии также способствует формированию политической сети во Вьетнаме. Подразумевается сеть со многими компонентами, представляющими интересы людей для участия в политической деятельности и принятии решений, включающая не только государственные учреждения, системы политических партий, но и представителей общественно-политических организаций. В отношениях между компонентами этой политической сети политическая коммуникация определяется как важный фактор не только передачи информации от компонентов сети, но и как средство передачи информации от сети к людям и наоборот. Речь идет не только об обеспечении права народа на власть, но и о важном факторе построения стабильной политической сети, которая действительно эффективна для государства, действующего на благо прав и интересов народа [2].

Влияние политической коммуникации – одна из тем, которая привлекает наибольшее внимание исследователей коммуникации и социальных менеджеров. Большинство исследований сходятся во мнении относительно некоторых когнитивных точек зрения относительно того, как понимать и различать проявления различных типов влияния СМИ. Соответственно, характеристики и конкретные отношения между сообщением и средством передачи сообщения рассматриваются как независимые переменные при рассмотрении и оценке воздействия этой коммуникационной деятельности на получателя/пользователя. Однако вопросы о том, в какой степени, когда, как и почему одна группа населения/общественная группа может подвергаться большему или меньшему влиянию, чем другая, были спорными темами среди ученых в области коммуникации на протяжении последних нескольких десятилетий. Особенно в условиях бурного развития эпохи информационных технологий, когда компоненты общества в равной степени и пропорциях объединены в глобальную сеть. В статье рассматривается влияние СМИ и политической коммуникации на формирование политических сетей во Вьетнаме на сегодняшний день.

Материалы и методы

Исторические факты исследований политической коммуникации показали, что изменения в процессе экономического и социального развития во время промышленной революции в Европе предъявили обществу насущные требования к информации, что привело к бурному

развитию коммуникации и основных теорий. В частности, после Второй мировой войны и до конца XX века теории коммуникации все глубже изучались в социальных науках и применялись во многих моделях управления коммуникациями. Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий в сочетании с глобализацией привело к появлению информационного общества, также известного как «экономика знаний». Соответственно, быстрые изменения в мировых средствах массовой информации, расширение прямого спутникового вещания в 1980-х годах и расширение интернет-операций с 1990-х годов XX века воплотили в жизнь концепцию «глобальной деревни» Маршалла Маклюэна [3].

Некоторые исследователи, такие как Гарольд Лассуэлл, показали чрезвычайно важную роль средств массовой информации в целом и таких средств массовой информации, как газеты, радио и, позднее, телевидение, в частности, в процессе возникновения социальных конфликтов, происходящих как на национальном, так и на международном уровнях [4]. В результате этих исследований появились медиатеории об общественном мнении, такие как теория «волшебной пули» (magic bullet) или модель «инъекционной иглы» (hypodermic needle) [5]. Дэниел Белл в своей работе «Приход постиндустриального общества» также подчеркивал переход общества от индустриальной к постиндустриальной стадии, которую отличает доминирование информации и связанных с ней отраслей [6]. Элвин Тоффлер ввел термин «третья волна», характеризующийся растущей взаимосвязанностью, способствующей «развитию глобально взаимосвязанной системы радио, телевидения и электронной текстовой коммуникации», стимулирующей появление интеллектуального разнообразия и индивидуального контроля над средствами массовой информации [7].

Наряду с процессом коммерциализации информация играет все более важную роль, выступая стратегическим ключом в мировой экономике. Мануэль Кастельс опубликовал книгу «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», в которой утверждается, что во многих странах информация представляет собой растущую деятельность, основанную на глобальных платформах, функционирующих посредством обмена между электронными сетями, соединяющими международные информационные системы [8]. Мартин рекомендовал направления исследований для изучения связи между мобильными медиа и политическим участием, подчеркнув необходимость кросс-культурных сравнительных рамок [9]. Блюмлер рассматривает основные теории политической коммуникации как до, так и после появления цифровых медиа и Интернета, проливая свет на эволюцию этой области [10].

Баттиста исследовал политическую коммуникацию в Италии во время национальных выборов 2022 года, сосредоточив внимание на роли популярной культуры, особенно на платформе TikTok. Целью данного исследования является изучение того, как массовая культура влияет на политическое участие и выбор пользователей, а также освещение эволюционирующего ландшафта теории политической коммуникации [11]. Очевидно, что информационные сети постепенно превосходят возможности отдельных государств по созданию региональных и наднациональных полномочий. Соответственно, отношения внутри страны и мира объединяются в более демократические сети. Современные теории политической коммуникации также постепенно оказали влияние на глобальные взаимодействия и отношения, особенно на способность пользователей открытых сетей участвовать в принятии политических решений посредством использования политической коммуникации.

Результаты

Развитие политической коммуникации во Вьетнаме

Политическая коммуникация – это «поток информации» на технологической платформе и сервисе, который позволяет пользователям создавать, обсуждать, изменять контент, делиться, обмениваться им с другими людьми, устанавливать сети связей и социальных взаимодействий. Политическая коммуникация, особенно через социальные сети, постоянно поддерживается и совершенствуется новыми технологиями, обеспечивающими удобство ее реализации, превращаясь в важный канал, стимулирующий процесс демократии и развития социальных связей. Алгоритмы позволяют платформам социальных сетей создавать активные сообщества в различных формах (форумы, группы, публичные или тайные объединения…), которые могут привлекать от тысяч до миллионов участников без географических или социальных ограничений. Быстрый доступ к отдельным пользователям создает большое количество возможностей и преимуществ при передаче, получении, обмене информацией и знаниями; удовлетворение различных потребностей общества, таких как: поиск друзей, развлечения, бизнес, выражение мнения, критика общества, распространение позитивных вещей и идей… В то же время платформы социальных сетей также оказывают негативное воздействие, неся в себе сложные и непредсказуемые риски, способные даже вызывать глубокие разногласия и разжигать ненависть в социальных сообществах, особенно в многоэтнических и многоконфессиональных странах.

19 ноября 1997 года доступ к Интернету был официально предоставлен жителям всей страны, Вьетнам был официально подключен к глобальной сети Интернет. Это событие знаменует собой важную веху в истории информационно-коммуникационной отрасли Вьетнама. За 27 лет развития Интернет и информационные технологии стали неотъемлемой частью, присутствующей во всех сферах общественной жизни миллионов вьетнамцев, и являются основой для развития цифровой экономики, цифрового общества и цифрового правительства. По данным Обзорного отчета о цифровом развитии Вьетнама за 2023 год, опубликованного We are social и Kepios в конце 2023 года: во Вьетнаме насчитывается более 80 миллионов пользователей социальных сетей (что составляет 97,8% населения в возрасте 13 лет и старше). По данным GWI и data.ai, популярность социальных сетей во Вьетнаме продолжает расти без признаков замедления (в 2023 году она увеличится на 7,2% по сравнению с 2022 годом) [12]. Появление сайтов социальных сетей кардинально изменило поток информации: от модели коммуникации с одним источником и несколькими получателями к сетевой модели с несколькими источниками и несколькими получателями. Рост популярности социальных сетей во Вьетнаме открывает возможности для охвата потенциального рынка и разнообразной аудитории.

По данным исследования Министерства информации и коммуникаций Вьетнама, среднее время, которое вьетнамцы проводят в социальных сетях, составляет 2 часа 28 минут в день. Этот показатель также намного превышает средний показатель по другим странам мира, что расширяет возможности политических коммуникаторов по охвату общественности. Увеличивается также частота использования публичных социальных сетей, поскольку доступ к ним можно получить в любое время и в любом месте благодаря широко распространенной технологии Wi-Fi и популярности современных технологических устройств, таких как смартфоны, ноутбуки, планшеты и т.д. Кроме того, возраст большинства вьетнамских пользователей социальных сетей составляет от 18 до 34 лет. Это можно считать «золотым веком» населения в целом, и именно на этот возраст следует ориентироваться политической коммуникации [13]. Люди этого возраста являются основной рабочей силой общества, опорой семьи и объектом большинства политических мер. Эта молодая аудитория также является объектом культурной и идеологической деятельности. С помощью социальных сетей политические коммуникаторы могут легко, эффективно и с небольшими затратами охватить указанную аудиторию.

При посещении социальных сетей, помимо поддержания связи с родственниками и друзьями, пользователи больше всего заинтересованы в получении новостей (57,1%). Многие исследования также показывают, что социальные сети играют большую роль в трафике интернет-газет. Поэтому сегодня многие редакции заинтересованы в охвате своей аудитории через социальные сети, вместо того чтобы сосредоточиться на инвестировании в интерфейс домашней страницы, как это было раньше. Эта привычка вьетнамской общественности также является причиной того, что все структуры общества – организации, предприятия, отдельные лица, деятели искусства и так далее выбирают социальные сети в качестве основного канала коммуникации. Социальные сети заняли наибольшую долю рынка рекламы во Вьетнаме. Таким образом, социальные сети, способные охватить большую группу молодых людей, доказали свою эффективность в распространении имиджа предприятий и вполне способны стать мощным инструментом коммуникационной деятельности правительства [14].

С развитием информационных технологий политическая коммуникация в социальных сетях рассматривается как неизбежная тенденция. Несмотря на различия в политических институтах, общей чертой, которая может быть распознана в реалиях каждой страны, является то, что они часто фокусируются на главных задачах, включая пропаганду, просвещение, формирование образа лидеров и информирование о достижениях партии и правительства, с целью оказания помощи людям в обретении корректных знаний и твердой веры. Эта мера применялась во многих формах и на большом количестве платформ, целью которой был охват как можно большего числа людей, особенно молодежи. В то же время правительства заинтересованы в мерах по управлению источниками информации и предотвращению распространения вредоносной информации. Поэтому Вьетнам может обратиться к опыту других стран для дальнейшего повышения эффективности этой работы. Особое внимание уделяется формированию имиджа лидеров и людей, имеющих авторитет и влияние в обществе в социальных сетях, с целью

информирования, распространения и опровержения ошибочных и искаженных взглядов, защиты социалистической политической системы и других результатов борьбы за национальную независимость вплоть до сегодняшнего дня.

Фактически, после почти 30-ти летнего присутствия в Интернете Вьетнам в настоящее время является 18-й страной в мире по проценту людей, пользующихся Интернетом, и одной из 10 стран с самым большим числом пользователей Facebook[1] и YouTube в мире. Это свидетельствует об открытости и динамике Вьетнама в процессе интеграции в цифровой мир. Указанные цифры для любого типа СМИ могут показаться просто ошеломительными, демонстрирующими огромный потенциал в продвижении социальных сетей и политических средств массовой информации во Вьетнаме. Как и другие страны мира, Вьетнам использует и продвигает высококачественные характеристики социальных сетей, в то же время сталкиваясь с неконтролируемым негативным воздействием этой новой формы СМИ. В сфере информационных коммуникаций в современную эпоху правительства также сталкиваются с конкуренцией и трудностями в привлечении, передаче информации и направлении идеологии от правительства к народу.

Влияние политической коммуникации на формирование политических сетей

Политическая коммуникация оказывает огромное влияние на все социальные проблемы. Политическая коммуникация влияет на общественное восприятие, а восприятие определяет общественные действия и поведение. Когда публичное поведение повторяется, оно становится привычкой, обычаем и, в конечном итоге, становится социальной нормой. Благодаря политической коммуникации эти вопросы принимаются обществом и быстро распространяются среди населения. Фактически процесс построения и развития современной вьетнамской политики сформировался после 1975 года (после окончания войны и воссоединения страны). Развитие Вьетнама сталкивается с большими трудностями, чем развитие других стран, поскольку государству приходится сосредотачиваться на преодолении разрушительных последствий захватнических войн. Поэтому в ранний период истории роль государственного аппарата была чрезвычайно важна. Вьетнам быстро превратился из изолированной страны в страну с высоко глобализированной экономикой. Наряду с развитием и правильной внешней политикой это способствовало поддержанию развития и стабильности политики Вьетнама [15]. Соответственно, получают все больший прогресс демократические ценности для народа.

Влияние политической коммуникации проявляется в следующих основных аспектах.

Положительные стороны: политическая коммуникация способствует широкому распространению политической информации, внося важный вклад в распространение и пропаганду деятельности таких субъектов, как политические партии, правительства и общественно-политические организации; тем самым укрепляя доверие народа к существующему в стране политическому режиму. Если традиционные СМИ зачастую ограничены в своих возможностях распространения информации, то развитие информационных технологий и Интернета практически разрушило эту границу. Политическую информацию, размещенную в социальных сетях, могут мгновенно получить миллионы людей по всей стране, и общественность продолжает выступать в роли распространителя информации посредством обмена ею между интернет-пользователями. Таковы современные способы распространения политической информации [16]. Даже в условиях современной прессы многие люди привыкли читать газеты через социальные сети, получая информацию, размещенную на фан-страницах информационных агентств, или нажимая на ссылки, размещенные в социальных сетях, вместо просмотра домашней страницы онлайн-газет. Этот сдвиг в способе потребления информации создает проблему для тех, кто работает в сфере политической коммуникации. Похоже, что использование социальных сетей для расширения общественного охвата уже не просто является одним из вариантов, но способом, который нельзя игнорировать.

Начиная с 2015 года Электронный информационный портал правительства Вьетнама начал тестирование фан-страницы на Facebook[2] и YouTube под названием «Правительственная информация» в дополнение к знакомому веб-сайту. В их числе фан-страница Government Information на Facebook[3] имеет более 5,4 млн постоянных подписчиков; 15–20 миллионов посещений в день, до 30 миллионов в часы пик. Канал правительственной информации на YouTube имеет около 300 000 подписчиков и около 7 миллионов просмотров в месяц, а многие видеоролики набирают более 1 миллиона просмотров. Информационные страницы на Zalo имеют более 10 миллионов подписчиков, а в среднем 2,3 миллиона человек ежемесячно просматривают информацию. Правительственный информационный канал в Viber насчитывает более 166 000 участников. Правительственный электронный информационный портал имеет крупнейшую систему баз данных среди органов государственного управления. По количеству посетителей правительственный портал входит в десятку лучших веб-сайтов на вьетнамском языке с наибольшим количеством посетителей, который занял первое место среди политических газет Вьетнама [17].

Фактически, в последние годы во Вьетнаме среди общественно-политических организаций и информационных агентств обрело популярность использование социальных сетей как важного канала политической коммуникации. Большинство государственных учреждений от центрального до местного уровня имеют свои фан-страницы. Руководители и отдельные лица в организациях также используют социальные сети в качестве информационного канала. Однако на локальном уровне эти фан-страницы в основном делятся ссылками из газет или публикуют новости о деятельности организации. Они не содержат углубленной пропагандистской информации, не вкладывают средства в специальный контент, подходящий для платформ социальных сетей, а их количество взаимодействий и подписчиков по-прежнему довольно скромно по сравнению с имеющимся потенциалом. Таким образом, возможности участия социальных сетей в политической коммуникационной работе во Вьетнаме гораздо шире, чем это имеет место в реальности.

В настоящее время большинство информационных агентств используют социальные сети как канал для публикации и расширения взаимодействий с общественностью. Многие новостные посты в социальных сетях получают высокий уровень взаимодействия. В частности, многие информационные агентства также быстро подхватили тенденции и продолжают свое развитие на новых платформах социальных сетей. Социальные сети также являются местом, в рамках которого общественность имеет возможность обмениваться информацией, обсуждать ее и выражать свое мнение. Когда политическая информация обсуждается широко и целенаправленно, легче достичь консенсуса в обществе по вопросам политики. Социальные сети также являются эффективным каналом взаимодействия с общественностью, помогая собирать обратную связь для понимания и направления общественного мнения. В прошлом, до бурного развития социальных сетей, политическим СМИ было очень сложно уловить характер и тенденции общественного мнения. Сегодня благодаря социальным сетям каждый может стать источником информации, что значительно облегчает обмен мнениями, личной точкой зрения, взглядами с большим количеством людей. Интерактивные мероприятия способствуют установлению близости между общественностью и субъектом СМИ, предоставляя достаточно полные данные о характеристиках, потребностях, квалификации и интересах каждой общественной группы, благодаря чему субъект СМИ может иметь подходящую информационную стратегию. В то же время интерактивные мероприятия также помогают субъектам политических СМИ быстро и точно улавливать общественное мнение, в целях своевременного ориентирования в нем, особенно во время важных политических событий.

Выражая свое мнение открыто и свободно в рамках правового поля, члены политической сети также могут легко реализовать собственное право на критику. Фактически, в последнее время, с расширением демократических прав народа, ведущая роль государства также постепенно рассредоточилась среди многих компонентов, участвующих в политической сети. Люди все чаще демонстрируют свою активную позицию, участвуя в принятии политических решений через представительные организации или посредством использования официальных каналов информации. В частности, когда законопроект выносится на общественное обсуждение, социальные сети помогают реализовать быстрый сбор общественного мнения. Социальные сети также обладают очень полезной функцией для тех, кто занимается политической коммуникацией, а именно опросами общественного мнения. Этот тип опроса очень прост в реализации и отличается большой эффективностью. Респондентам достаточно одного щелчка мыши, чтобы выразить свое мнение по заданному вопросу. По результатам ответов на вопросы анкеты субъекты политической коммуникации могут сделать выводы по волнующим их вопросам и одновременно понять тенденции мышления общественности относительно событий, происходящих в обществе. Результаты опроса также могут служить источником информации для корректировки политики.

[1] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

[2] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

[3] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Кроме того, социальные сети также являются средством поощрения и объединения масс для реагирования на важные события в стране. Особенно это касается молодой общественности. Благодаря социальным сетям были распространены и успешно реализованы многие коммуникационные кампании. Кампания «Я иду на выборы» 2021 года Вьетнамского национального телевидения (VTV) считается попыткой «омолодить» политические события для эффективного вовлечения поколения Z (молодежи). Кампания ориентирована на молодых избирателей в возрасте 18–34 лет и уделяет особое внимание поколению Z, помогая молодым людям осознать важность голосования, олицетворяющего поступок зрелого гражданина, ответственного за Отечество. Тем самым, подчеркивается естественность и достоинство акта голосования. Кампания собрала 43 миллиона просмотров и охватила все социальные сети Национального телевидения [18].

Отрицательные стороны

Во-первых, социальные сети во Вьетнаме в последнее время используются враждебными силами в качестве основного инструмента для пропаганды саботажа, искажения марксизма-ленинизма и идеологии Хо Ши Мина, а также подстрекательства масс, особенно в острых ситуациях и вопросах. Искажения в восприятии политических, экономических, культурных и социальных проблем приведут к поведенческим ошибкам, создадут риски безопасности, а также политическую и социальную нестабильность. Определенная часть пользователей социальных сетей во Вьетнаме склонна уделять больше внимания сенсационной, негативной, противоречивой информации, лайкать ее и делиться ею, тогда как позитивной информации, намеренно или неосознанно, независимо от последствий, уделяется меньше внимания.

Во-вторых, в современном политическом медиа-контексте с большой аудиторией множество виртуальных и анонимных аккаунтов создают массу трудностей для управления. Тот факт, что любой человек может стать поставщиком информации в социальных сетях, приводит к тому, что фейковые (ложные) новости появляются все чаще, принимая все более изощренные формы, что создает перебои в работе официальных источников новостей. Более того, общественность легко поддается влиянию «толпы». Некоторые влиятельные люди с тлетворными идеями также могут формировать общественное мнение, создавая эффект «бойкота», «бросания камней» или выступая против политики, не обладая при этом четким представлением о границах допустимого. Недавние исследования показали, что явление фейковых новостей, языка вражды, диффамации, клеветы, фальсификаций, этнической, религиозной, гендерной дискриминации, агрессивного поведения, онлайн-атак и т.д. становится все более тревожным. Такое девиантное поведение может стать причиной кризиса в жизни отдельных людей и организаций, вызывая серьезную социальную депрессию.

В-третьих, политическая коммуникация в современном цифровом контексте создает проблему информационной безопасности, особенно информации, составляющей государственную тайну. Существует возможность взлома аккаунтов политических организаций, партийных агентств, информационных агентств в социальных сетях, а информация и данные могут подвергнуться краже. Кроме того, субъекты СМИ могут не в полной мере осознавать важность информационной безопасности и опасность раскрытия личной и организационной информации, поэтому они часто публикуют в социальных сетях информацию о внутренней деятельности или информацию, непреднамеренно помогающую антиправительственным элементам, тем самым искажая и вызывая политическую и социальную нестабильность и подрывая национальную безопасность. Только в 2023 году во Вьетнаме было зафиксировано 13 900 кибератак на системы, что на 9,5% больше, чем в 2022 году. Из них были взломаны 554 веб-сайта государственных и образовательных учреждений и организаций с доменными именами.gov.vn и.edu.vn. Более 83 000 компьютеров и серверов подверглись атакам программ-вымогателей, что на 8,4% больше, чем в 2022 году. Тревожный уровень утечки персональных данных привел к серии непрерывно происходящих онлайн-мошенничеств… [19].

На самом деле негативное воздействие политических СМИ может привести к прямым и немедленным последствиям, однако существуют и долгосрочные, опасные последствия, которые аккумулируются в поведении и образе жизни людей, постепенно разрушая добрые культурные и этические ценности. Крушение ценностей и психологические травмы влияют на жизнь людей, тем самым воздействуя и на политическую и социальную стабильность страны. Социологи утверждают, что чрезмерное пребывание в сети приводит к «изоляции от реального общества», «пренебрежению реальными отношениями», «вере в это без траты времени на реальные наблюдения, опыт и взаимодействие для принятия правильных решений», даже к искажению восприятия. Все эти факторы становятся причиной противоправных действий, особенно среди молодежи. В долгосрочной перспективе это может привести к глубоким трещинам в социальной сплоченности, дезинтеграции и трудностям в достижении консенсуса для совместной работы по решению проблем сообщества, нации или человечества в целом.

Заключение

По сравнению с прошлым историческим периодом возросла способность общественности взаимодействовать с политическими СМИ. Большинство людей сегодня осознают свою роль и полномочия во взаимодействии с прессой и средствами массовой информации, а также возможность участвовать в политической работе. Это самая фундаментальная категория взаимодействия, поскольку она напрямую затрагивает интересы людей, желающим принимать решения по вопросам, которые напрямую их касаются. Общественность все больше демонстрирует свою роль в управлении, надзоре и критике общества, определении социального статуса через свои представительские сети, посредством действующего аппарата правительства, с помощью руководства Коммунистической партии и при участии общественно-политических организаций, представляющих различные субъекты общества. Общественность напрямую или косвенно участвует в процессе создания продуктов и распространения информации в реальной или сетевой среде, например, предоставляя информацию и самостоятельно производя печатную и медийную продукцию. Полное понимание взаимосвязи и влияния СМИ на политическую сферу является насущной необходимостью для политиков, исследователей и тех, кто заинтересован в защите голоса и демократических прав людей.

Вьетнам – страна со стабильной политикой и обществом, находящаяся на пути развития, однако потенциальные риски нарушения стабильности все еще существуют. Создание здоровой и безопасной информационной среды, в которой социальные сети являются одним из важных информационных ресурсов, будет активно и эффективно способствовать защите и сохранению стабильной политической и социальной среды как основы устойчивого развития страны. В эпоху цифровой трансформации информационное общество несет с собой не только огромные возможности, но и большое количество проблем. Поэтому агентства, организации, профсоюзы и лидеры должны обладать навыками использования современных средств информационно-коммуникационной работы для достижения высокой эффективности в работе в сфере социальной коммуникации. Практика показала, что развитие информационных технологий, особенно Интернета и социальных сетей, увеличило влияние и усилило демократические права людей на участие в политических сетях. Поэтому правильное определение роли и влияния социальных сетей на функционирование политической сети является одним из важных факторов обеспечения политической стабильности страны в предстоящее время.

Литература

1. Mehdiyev N. The media and social networks as factors in the'colour revolutions' // Technium Soc. Sci. J. – 2020. – Т. 11. – С. 364. (На англ. яз.)
2. Давыдов, В.Н. Социальные сети как фактор обеспечения политической стабильности Социалистической Республики вьетнам / В.Н. Давыдов, Т.А. Нгуен, А.Л. Зоткина // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 11(87). – С. 3733–3746. – DOI 10.35775/PSI.2022.87.11.012. – EDN MELCZX.
3. Кириллина, Н.В. Фрагментация аудитории медиа: от глобальной деревни к глобальному театру / Н.В. Кириллина // Коммуникология. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 170–179. – DOI 10.21453/2311–3065–2022–10–2–170–179. – EDN RRCCIO.
4. Tormosheva, V.S. Hannah Arendt on political (ex)communication in the light of Harold Lasswell's communication model / V.S. Tormosheva // Ars Administrandi. – 2020. – Vol. 12, № 1. – P. 1–24. – DOI 10.17072/2218–9173–2020–1–1–24. – EDN EAGSJH. (На англ. яз.)
5. Neuman W. R., Guggenheim L. The evolution of media effects theory: A six-stage model of cumulative research //Communication Theory. – 2011. – Т. 21. – № . 2. – С. 169–196. (На англ. яз.)
6. Рудко, Е.А. Теория постиндустриального общества в концепции Дэниела Белла / Е.А. Рудко, И.А. Климентьева // Материалы докладов 43 научно-технической конференции преподавателей и студентов университета, Витебск, 12–13 июня 2010 года. – Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2010. – С. 134–135. – EDN WCWNPP.
7. Рябчун, Н.П. Метаморфозы власти постиндустриального общества: Элвин Тоффлер. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Н.П. Рябчун // Государство и право. – 2002. – № 11. – С. 132–133. – EDN XWVLXN.
8. Астраханцева, Ю.Ю. Мануэль Кастельс о социальных трансформациях в информационном обществе / Ю.Ю. Астраханцева, Л.Ю. Пи-

сарчик // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки. – 2015. – № 9(28). – С. 43–47. – EDN VBURDR.

9. Martin J.A. Mobile media and political participation: Defining and developing an emerging field //Mobile media & communication. – 2014. – Т. 2. – № . 2. – С. 173–195. https://doi.org/10.1177/2050157914520847. (На англ. яз.)

10. Blumler J.G. Core theories of political communication: Foundational and freshly minted //Communication Theory. – 2015. – Т. 25. – № . 4. – С. 426–438. https://doi.org/10.1111/comt.12077 (На англ. яз.)

11. Battista D. For better or for worse: politics marries pop culture (TikTok and the 2022 Italian elections) //Society Register. – 2023. – Т. 7. – № . 1. – С. 117–142. https://doi.org/10.14746/sr.2023.7.1.06 (На англ. яз.)

12. Phạm V.Đ. Mô hình quản lí phát triển xã hội tổng quát của Việt Nam từ nay đến 2030, tầm nhìn 2045 [Общая модель управления социальным развитием Вьетнама с настоящего момента до 2030 года, видение 2045] //Tạp chí Giáo dục [Журнал образования] – 2024. – С. 1–5. (На вьет. яз.)

13. Lê Hải T. et al. Tác động của chuyển đổi số tới tăng trưởng kinh tế địa phương tại Việt Nam [Влияние цифровой трансформации на местный экономический рост во Вьетнаме] / Lê Hải, T., Trung, D. T., Minh, H. L., & Lê Minh, T. //Tạp chí Kinh tế và Phát triển [Журнал экономики и развития]. – 2025. – № . 332. – С. 22–31. (На вьет. яз.)

14. Mai, P.D. Một số vấn đề về nghiện Internet ở thanh thiếu niên [Некоторые вопросы интернет-зависимости у подростков] //Tạp chí Giáo dục [Журнал образования]. – 2024. 287–293. (На вьет. яз.)

15. Давыдов В.Н., Нгуен Т.А., Зоткина А.Л. Социальные сети как вызов политической стабильности Вьетнама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. № 4. С. 438–455. https://doi.org/10.22363/2312–8313–2022–9–4–438–455

16. Stier S. et al. Election campaigning on social media: Politicians, audiences, and the mediation of political communication on Facebook and Twitter / Stier, S., Bleier, A., Lietz, H., & Strohmaier, M. // Studying politics across media. – Routledge, 2020. – С. 50–74. (На англ. яз.)

17. Hải N. T. H., Giang H.V. Xây dựng chính phủ mở trong quản trị quốc gia hiện đại-xu thế và một số vấn đề đặt ra [Создание открытого правительства в современном национальном управлении – тенденции и некоторые проблемы] //Tạp chí Quản lý nhà nước [Журнал государственного управления] – 2024. – № . 340. – С. 42–48. (На вьет. яз.)

18. Phương T. S. V. T. H., Anh N.Đ. Tổ chức thực hiện pháp luật về quyền tham gia quản lý nhà nước và xã hội của công dân ở Việt Nam [Организация реализации законов о правах граждан на участие в государственном и общественном управлении во Вьетнаме] //Tạp chí Khoa học Kiểm sát [Журнал прокуратуры]. – 2024. – Т. 6. – № . 78. (На вьет. яз.)

19. Thương N. T. et al. Nhận biết rủi ro và ý định sử dụng dịch vụ tài chính kỹ thuật số của giới trẻ Việt Nam [Восприятие риска и намерение использовать цифровые финансовые услуги среди вьетнамской молодежи] / Thương, N. T., Anh, K. T., Cường, N. M., Tuấn, P. A., Huyền, B. T. T., & Linh, V. M. // Tạp chí khoa học Đại học Mở thành phố Hồ Chí Minh: Kinh tế và quản trị kinh doanh [Научный журнал Открытого университета Хошимина: Экономика и деловое администрирование]. – 2025. – Т. 20. – № . 3. (На вьет. яз.)

POLITICAL COMMUNICATION AS AN IMPORTANT FACTOR IN FORMING POLITICAL NETWORKS IN VIETNAM

Hua Huy Hoang
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

With the development of the information technology era, political communication plays an increasingly important role in the life of nations. Political communication not only expands people's access to information, but also plays an significant role in promoting people's participation in government activities. It is the expansion of people's access to and participation in political activities that is one of the important factors in the formation and expansion of political networks. Vietnam is also one of the countries that is increasingly taking advantage of the effectiveness of political communication in enhancing information exchange and interaction between the state and the people. The development of political communication has gradually contributed to the advancement of freedom and democracy for the Vietnamese people in a more positive direction. This article examines the development of political communication in Vietnam and its impact on the formation of political networks.

Keywords: mass media; political communication; social networks; democratic values; freedom of speech; political network; Vietnam.

References

1. Mehdiyev, N. (2020). The media and social networks as factors in the'colour revolutions'. Technium Soc. Sci. J., 11, 364.

2. Davydov, V. N., Nguyen, T. A., & Zotkina, A. L. (2022). Social'nye seti kak faktor obespechenija politicheskoj stabil'nosti Socialisticheskoj Respubliki v'etnam [Social networks as a factor in ensuring political stability of the Socialist Republic of Vietnam]. In: Voprosy politologii [Questions of political science], Vol. 12, № 11 (87). – P. 3733–3746. – DOI 10.35775 / PSI.2022.87.11.012. – EDN MELCZX. (In Russian)

3. Kirillina N.V. (2022). Fragmentacija auditorii media: ot global'noj derevni k global'nomu teatru [Fragmentation of Media Audience: from global village to global theater]. In: Kommunikologija [Communicology (Russia)]. Vol. 10. № 2. P. 170–179. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-170-179.

4. TormoSheVa, V. S. (2020). Hannah Arendt on political (ex) communication in the light of Harold Lasswell's communication model. Ars Administrandi, 12(1), 1–24. DOI 10.17072/2218–9173–2020–1–1–24. – EDN EAGSJH.

5. Neuman, W. R., & Guggenheim, L. (2011). The evolution of media effects theory: A six-stage model of cumulative research. Communication Theory, 21(2), 169–196.

6. Rudko E. A., & Klimentyeva I.A. (2010). Teorija postindustrial'nogo obshhestva v koncepcii Djeniela Bella [Theory of post-industrial society in the concept of Daniel Bell]. In: Materialy dokladov 43 nauchno-tehnicheskoj konferencii prepodavatelej i studentov universiteta, Vitebsk, 12–13 ijunja 2010 goda. [Materials of reports of the 43rd scientific and technical conference of university teachers and students.] – Vitebsk: Vitebsk State Technological University, Pp. 134–135. – EDN WCWNPp. (In Russian)

7. Ryabchun, N. P. (2002). Metamorfozy vlasti postindustrial'nogo obshhestva: Jelvin Toffler. Metamorfozy vlasti. Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka [Metamorphoses of Power in Post-Industrial Society: Alvin Toffler. Metamorphoses of Power. Knowledge, Wealth, and Power on the Threshold of the 21st Century]. In: Gosudarstvo i pravo [Journal of State and Law], № 11. – Pp. 132–133. – EDN XWVLXN. (In Russian)

8. Astrakhantseva, Yu. Yu. (2015). Manujel' Kastel's o social'nyh transformacijah v informacionnom obshhestve [Manuel Castells on social transformations in the information society]. In: Molodezhnyj nauchnyj forum: obshhestvennye i jekonomicheskie nauki [Youth Scientific Forum: social and economic sciences], № 9 (28). – Pp. 43–47. – EDN VBURDR. (In Russian)

9. Martin, J. A. (2014). Mobile media and political participation: Defining and developing an emerging field. Mobile media & communication, 2(2), Pp. 173–195. https://doi.org/10.1177/2050157914520847

10. Blumler, J. G. (2015). Core theories of political communication: Foundational and freshly minted. Communication Theory, 25(4), 426–438. https://doi.org/10.1111/comt.12077

11. Battista, D. (2023). For better or for worse: politics marries pop culture (TikTok and the 2022 Italian elections). Society Register, 7(1), Pp. 117–142. https://doi.org/10.14746/sr.2023.7.1.06

12. Phạm V. Đ. (2024). Mô hình quản lí phát triển xã hội tổng quát của Việt Nam từ nay đến 2030, tầm nhìn 2045 [Vietnam's general social development management model from now to 2030, vision 2045]. Tạp chí Giáo dục [Education Journal], Pp. 1–5. (In Vietnamese)

13. Lê Hải, T., Trung, D. T., Minh, H. L., & Lê Minh, T. (2025). Tác động của chuyển đổi số tới tăng trưởng kinh tế địa phương tại Việt Nam [The impact of digital transformation on local economic growth in Vietnam]. Tạp chí Kinh tế và Phát triển [Journal of Economics and Development], № 332. – Pp. 22–31. (In Vietnamese)

14. Mai, P. D. (2024). Một số vấn đề về nghiện Internet ở thanh thiếu niên [Some issues of Internet addiction in adolescents]. Tạp chí Giáo dục [Education Journal], Pp. 287–293. (In Vietnamese)

15. Davydov, V. N., Nguyen, T. A., & Zotkina, A. L. (2022). Social'nye seti kak vyzov politicheskoj stabil'nosti V'etnama [Social Networks as a Challenge to Vietnam's Political Stability]. In: Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [RUDN Journal of Public Administration], 9(4), 438–455. (In Russian)

16. Stier, S., Bleier, A., Lietz, H., & Strohmaier, M. (2020). Election campaigning on social media: Politicians, audiences, and the mediation of political communication on Facebook and Twitter. Studying politics across media – Routledge, Pp. 50–74.

17. Hải N. T. H., Giang H.V. (2024). Xây dựng chính phủ mở trong quản trị quốc gia hiện đại-xu thế và một số vấn đề đặt ra [Open Government Creation in Modern National Governance – Trends and Some Problems]. Tạp chí Quản lý nhà nước [Journal of Public Administration] № 340, Pp. 42–48. (In Vietnamese)

18. Phương T. S. V. T. H., Anh N.Đ. (2024). Tổ chức thực hiện pháp luật về quyền tham gia quản lý nhà nước và xã hội của công dân ở Việt Nam [Organizing the implementation of laws on citizens' rights to participate in state and social management in Vietnam]. Tạp chí Khoa học Kiểm sát [Journal of Procuracy Science], № 78, Pp. 6–12. (In Vietnamese)

19. Thương, N. T., Anh, K. T., Cường, N. M., Tuấn, P. A., Huyền, B. T. T., & Linh, V. M. (2025). Nhận biết rủi ro và ý định sử dụng dịch vụ tài chính kỹ thuật số của giới trẻ Việt Nam [Risk perception and intention to use digital financial services among Vietnamese youth]. Tạp chí khoa học Đại học Mở thành phố Hồ Chí Minh: Kinh tế và quản trị kinh doanh [Ho Chi Minh City Open University Science Journal: Economics and Business Administration]. № . 3. (In Vietnamese)

Российско-иракские отношения: анализ состояния и прогнозирование

Баез Хавкар Хериш Баез,
аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1042248327@rudn.ru

В статье анализируются основные предпосылки, обусловившие современное положение взаимодействия России и Ирака, как значимых внешнеполитических акторов на международной сцене. Указывается, что динамика сотрудничества двух стран в последние годы претерпела изменения, заключающиеся в выдвижении новых значимых игроков на локальную международную сцену, обладающих весомыми аргументами для участия, весьма заинтересованных в достижении собственных целей. Отмечается, что интенсификация отношений продиктована прямой заинтересованностью России в расширении зон влияния на Ближнем Востоке, что позволит оказывать воздействие на весь регион, являющийся стратегическим для сдерживания политических оппонентов, соблюдения безопасности России, ее разноудаленных региональных геополитических партнеров. Перспективы углубления сотрудничества России и Ирака определяются эскалацией отношений между Ираном (как ближайшим соседом Ирака) и Израилем, а также поддержкой и объемами военной помощи, предоставляемой Израилю со стороны США. Россия могла бы повлиять на расклад событий и снизить напряженность в регионе, уравновешивая влияние США, привнося баланс в разновекторное влияние геополитических игроков. Отмечается, что присутствие сразу нескольких игроков в любом современной конфликтообразующей ситуации свидетельствует об отходе от гегемонии США в регионе.

Ключевые слова: Ирак, Россия, США, мягкая сила, шииты, сунниты, курды, нефть.

Анализ и прогнозирование развития российско-иракских отношений представляется весьма актуальным в связи с тем, что в Концепции внешней политики Российской Федерации исламский мир представляется «востребованным и надежным партнером России в вопросах обеспечения безопасности, стабильности, решения экономических проблем» [1]. Значимость исламского мира, к которому относится Ирак, делает необходимым регулярное отслеживание и выявление новых тенденций, смещения спрогнозированного развития отношений, от которого зависит разработка и корректировка имеющихся стратегий развития России во внешнеполитическом аспекте. На развитие современных ирако-российских отношений оказывает большое влияние ряд факторов, которые можно причислить к основополагающим относительно всего региона. Основные аспекты выстраивания архитектуры внешнеполитического взаимодействия в настоящее время характеризуются интенсивной динамикой, сменой декораций, выдвижением новых значимых акторов. Десятилетиями ранее присутствовало несколько основных, значимых игроков в виде США и России. На второй иерархической ступени располагаются менее крупные и обладающие более слабыми рычагами воздействия на направленность событий, выдвижение значимых политических лидеров.

Внутренняя обстановка в Ираке характеризуется высоким уровнем внутриполитической нестабильности, наличием межконфессионального противостояния в виде суннитского и шиитского движения, санкций, присутствия террористических организаций [2]. Этническая и религиозная гетерогенность явились фактором, позволившим США без значительных затрат ввести свои войска и достичь многих целей, в числе которых контроля за рядом нефтяных месторождений. Россия также уверенно занимает в настоящее время многие нефтеносные зоны с выгодой для себя. США и ряд западных государств длительный период времени являлись противниками Ирака [3]. Россия, с другой стороны, проводит политический, способствующий достижению более высокого уровня политической стабильности на Ближнем Востоке. Военно-политические элиты стран Ближнего Востока, включая Ирак, всегда являются предметом пристального внимания, заинтересованности, готовности к расширению сотрудничества на различных уровнях. Ирак, как многие арабские страны, допустимо рассматривать как плацдарм для противостояния с США: «практически во всех политических событиях на Ближнем Востоке российская и американская позиции были диаметрально противоположными» [4]. В связи с тем, что Ближний Восток, в целом, испытывает усталость и стагнацию в развитии из-за засилья Британии во времен ее колониального прошлого и США, восприятие России, как антагониста США, происходит в позитивном ключе. В то же время, менее крупные игроки, по территориальному критерию находятся ближе, поэтому обладают возможностями мгновенного реагирования на геополитические изменения. Тогда как в современном раскладе присутствует сразу несколько игроков, взаимосвязанных друг с другом и преследующих различные цели. Зачастую некоторые мотивы не видны, и за ними также могут стоять фигуры, движения, которые скрыты от анализа, занимая теневую позицию.

Противостояние шиитских и суннитских ветвей ислама, представленные на территории Ирака, усложняют анализ и прогноз. Также в ситуацию вмешиваются притязания курдов, которые активно сотрудничают с США, в обмен на усиление вероятности образования собственного государств, которое, как объективно очевидно, является обещанием такого же рода, как это было сделано и с Турцией по поводу ее вхождения в Евросоюз. Приобретают особое значение методы и формы, применяемые в рамках «мягкой силы». Так, например, в последние годы расширившееся российско-иракское сотрудничество получило реализацию в ряде актуальных документов, договоров. Это позволило скоррректировать уже выработанный курс во внешнеполитическом взаимодействии и расширить его, наполнить новыми нарративами. Одним из важным направлений совместной деятельности России и Ирака является не только экономическое взаимодействие, но и мероприятия, направленные на снижение градуса напряженности в ближневосточном регионе, в целом. Это становится возможным при усилении позиций России на Ближнем Востоке, когда Россия вносит баланс в действия США, которые в настоящее время становятся более завуалированными и действующими через местных посредников, разделя-

ющих ценности политичекой элиты США и их ближайших сотрудников. Многие из коренного населения готовы присоединиться к действиям США в обмен за материальные блага, получения вида на жительство в США, которые продолжают оставаться привлекательными для многих выходцев из стран Ближнего Востока в связи с неблагополучной региональной ситуацией. Именно наличием перебежчиков среди коренного населения объясняется эффективность выбранных тактических мероприятий США.

В то же время, России присущи более стратегически выверенные и гуманные способы усиления своего влияния в регионе, такие как инвестиционные программы, приглашение иракских студентов по обмену на обучение в России, обучение в аспирантуре, подготовку русскоязычных кадров, ознакомление населения срусской культурой, особенностями менталитета, проведение выставок, организованных торгово-экономической палатой России, расширение контактов с Ираком не только в области ресурсной политики, но и в рамках торговли различными товарами массового спроса. Также Ирак представляет собой емкий рынок сбыта. И многие российские компании (в том числе и малые и средние предприятия) могут найти реализацию сбыта своей продукции на территории данной страны.

Перспективным является приобщение к внешнэкономической деятельности представителей малого бизнеса – не смотря на малые обороты отдельного предприятия, общее совокупное количество малый предприятий является впечатляющим. МСП составляют значительную долю экономической активности многих стран. Также важной является совместная подготовка кадров в области нефтедобычи и нефтепереработки. В то же время, А.С. Трухин и Н.С. Данахин указывают, что российско-иракские торгово-экономические отношения, являющиеся важным показателем, характеризуются затянувшейся нестабильностью торгово-экономических отношений [5]. В период с 2019 г. деловые отношения между двумя странами ощутимо уменьшились, что было обусловлено обострением социально-политического кризиса в стране. С 2020 г. замедление отношений стало усугубляться, на что повлияла пандемия коронавируса. Россия и Ирак, в значительной мере, поддерживают отношения на определенном уровне, который не может быть снижен, в нефтегазовом секторе. В большинстве случаев страны приходят к общему соглашению по данному аспекту. Так, результатом переговоров стран-членов в 2020 г. стороны-участники достигли новой сделки по сокращению добычи нефти на 9,8 млн баррелей. российские нефтегазовые компании реализуют проекты по нефтедобыче и выполняют контрактные обязательства. Суммарные российские инвестиции в данный сектор превышают 13 млрд долл. США.

В 2014 г. Россией осуществлялись поставки вооружения правительству Ирака. Следствием стало укрепление отношений вследствие продемонстрированной готовности России оказывать поддержку действующему режима Ирака в лице С. Хусейна вооружением, дорогостоящими ресурсами [6, 7]. После падения режима С. Хусейна в 2003 г. Россия приступила к восстановлению своей позиции в Ираке, лавируя между применением «мягкой силы» и заинтересованностью иракского истеблишмента в экономическом сотрудничестве с Россией. Важным моментом следует указать сформированный образ России в глазах населения Ирака, которое усматривает в нашей стране дружественного союзника, оказывающего ощутимую поддержку в различных областях и готового наращивать объемы сотрудничества как в социально-экономической сфере, так и в области геополитики, противопоставляя дружественные приемы сотрудничества засилью США в регионе, выравнивая воздействие методов «жесткой и мягкой силы», применяемой данным геополитическим актором, утрачивающим свою монополию на предоставление всех видов услуг. Например, компания «Лукойл» инвестировала 8 млрд долл. в разработку месторождений «Западная Курна-2» и «Блок 10». Для России Ирак представляет особый интерес не только как экономический и торговый партнер, но и как актор, оказывающий ощутимое воздействие на региональную политику. Россию на иракском пространстве вытесняют Иран и США, Саудовская Аравия [8]. Основным экономическим партнером Ирака является Китай, который обходит стороной политические аспекты, сосредотачиваясь на экономическом взаимодействии [9].

Для Ирака присутствие России во всех областях деятельности является благоприятным, так как не позволяет впасть в сильную зависимость от Ирана и США, их западных союзников, снизить их влияние в стране и разграничить возможные зоны ответственности, внести баланс во влияние внешних игроков на внутренней территории Ирака. Как следствие, для действий Ирака создается более широкое поле для маневрирования и возможности выбора наиболее устраивающего решения. Прагматизмом также продиктованы действия и России. В Ираке применялась «жесткая сила» в виде применения военной мощи и экономическое давление, «мягкая сила» относится к способности страны привлекать и влиять на другие страны посредством культурных, образовательных и гуманитарных инициатив. Для России, стремящейся укрепить свои позиции на мировой арене, «мягкая сила» стала жизненно важным инструментом в ее внешнеполитическом арсенале. Ключевым примером этого является Ирак, где Россия активно развивает культурные, экономические и гуманитарные связи.

Фонд Горчакова по поддержке публичной дипломатии, основанный в 2010 г., направлен на реализацию инструментов публичной дипломатии, интеллектуальному и культурному обмену, научному сотрудничеству. В результате становится возможным усиление влияния России на Ближнем Востоке, формируется пространство в виде благоприятных политических, социальн-экономических условий. Посредством широкой деятельности Международный совет российских граждан происходит динамичный процесс консолидации граждан российского происхождения, приживающих в Ираке. Как следствие, формируется социально-экономическое, культурное, информационное и образовательное среда, подходящая для прогресса в развитии взаимовыгодного сотрудничества, привлечения к интеграционным процессам всех граждан, связанных корнями с Россией. Советским Союзом были разработаны долгосрочные институциональные основы для функционирования инструментов «мягкой силы», входящие в единый комплекс мероприятий (военных, экономических, инвестиционно-финансовых, пропагандистских).

В то же время, следует отметить в числе основных факторов, оказывающих препятствующее воздействие на деятельность и инициативы этих институтов, нехватку координирующих действий, слаженность функционирования и взаимообмена всех ведомств, высокий уровень бюрократизации, коррупционную составляющую. Эта дезорганизация, особенно, в распределении обязанностей, может привести к неэффективности, снижая общую результативность усилий России в области «мягкой силы». В настоящее время разрабатываются планы по увеличению числа свободных мест для иракских студентов в российских университетах, а также планируется принять в Дипломатическую академию МИД России еще 60 сотрудников Министерства иностранных дел Ирака. Особой популярностью среди иракских студентов пользуются инженерные и медицинские специальности.

Следует спрогнозировать укрепление российско-иракских отношений, что обусловлено усиливающимся военно-политическим, социально-экономическим, культурным присутствием России на Ближнем Востоке. За счет использования инструментов «мягкой силы» Россией формируется позитивный имидж в общественном сознании иракских граждан и, в первую очередь, у иракского истеблишмента. В культурном аспекте следует отметить наличие нескольких кафедр русского языка в иракских университетах. Действия России направлены на достижение баланса в дипломатических отношениях как с Ираком, так и с Курдистанским регионом, избегая прямого вмешательства во внутреннеполитические аспекты управления страной.

Таким образом, основными аспектами взаимодействия России и Ирака являются: военно-техническое сотрудничество, наращивание инвестиционных вложений в нефтегазовую область, которая является основной в сотрудничестве. Важным перспективным решением может стать создание единой системы расчетов в виде дедолларизации за счет вовлечения Китая, Ирака и заинтересованных сторон. Это позволит снизить последствия санкций, затронувших финансовую сферу обеих стран. Поставки российской сельскохозяйственной продукции в 2025 г. достигли 178 млн долл, что вдвое превышает показатели предыдущего года. Российско-иракское сотрудничество в энергетическом секторе расцвело благодаря участию российских компаний (Роснефть, Газпром, Лукойл и Башнефть) в нефтяной промышленности Ирака. Экономическая гегемония России в Ираке составила 19 млрд долл. в 2023 году [10]. Россия, вместе со своим главным геополитическим союзником, Китаем, активно развивает торговлю и инвестиции в Ираке [11]. Совместные действия направлены на нейтрализацию западной гегемонии на Ближнем Востоке. Российская гегемония началась в три этапа в Курдистанском регионе (северный Ирак) в 2017 году. К концу 2023 года российская компания «Лукойл» практически контролировала большую часть богатых районов на юге Ирака.

По мере того, как происходит перемещение геополитических фигуры, Россия, активно привлекая Китай в качестве союзника [12], стратегически продвигается к контролю над энергетическим сектором и инвестициями в Ираке, стремясь дистанцировать Багдад от западного энергетического сотрудничества и сблизить его с формирующейся ирано-саудовской осью. В 2023 года иракская государственная нефтяная компания «Ди-Кар» (DQOC) утвердила планы разработки запасов Блока 10. Эти планы включают в себя все месторождение Эриду, крупнейшее нефтяное месторождение, открытое в Ираке с 2003 года.

Иракское нефтяное месторождение Эриду содержит от 7 до 10 миллиардов баррелей запасов. Выход японской корпорации Inpex из состава владельцев 40% доли в Блоке 10, где находится значительное месторождение Эриду, упростил для «Лукойла» путь к установлению доминирования на этом богатом ресурсами регионе [13]. Уход Exxon Mobil с прибыльного нефтяного месторождения Западная Курна в Басре позволил Lukoil вернуть себе свою долю. Схема военного и энергетического сотрудничества между Россией и Ираком демонстрирует углубление их взаимоотношений. Предприятие, подобное Lukoil, направило до 11 миллиардов долларов в южные провинции Ирака, особенно в регион Басры. Помимо нефтяных месторождений, морской сектор становится благодатной почвой для российско-иракского сотрудничества [14].

Стратегическое расположение Ирака вдоль важнейших морских путей, дополненное многолетним опытом России в развитии портов и морской логистике, делает сближение интересов очевидным. Ожидается, что подобные совместные проекты, направленные на улучшение иракской портовой инфраструктуры и развитие прочного морского сотрудничества, значительно повысят эффективность и пропускную способность морских торговых путей Ирака, привлекая увеличение торговых и инвестиционных потоков.

Россия получила 60% акций критически важного трубопровода, ранее построенного Региональным правительством Курдистана (КРГ), обязавшись инвестировать 1,8 млрд долл. для увеличения его пропускной способности до 1 млн барр. в сутки. Впоследствии Россия вступила в противостояние с правительством Ирака в Багдаде на заключительном этапе плана по фактическому включению Иракского Курдистана в состав всех частей Ирака. Россия полностью вовлечена в газовый сектор Ирака [15]. Учитывая это, Россия и Китай стремятся обеспечить свое доминирующие позиции в энергетической сфере Ирака. Устранение компании Inpex с обширного месторождения Эриду является последним примером их увеличения присутствия в Ираке и регионе, в целом [16].

С момента образования Советского Союза внешняя политика России характеризовалась стремлением расширить свое влияние на регионы с политической нестабильностью. Целью является не только расширение российского влияния на Ирак, но и маневрирование в полунезависимом Курдистане как предвестник более широкого присутствия в южном Ираке. Таким образом, Россия стремится к объединению северного и южного Ирака под своим влиянием, достигая намеченных стратегических целей по восстановлению политического доминирования в регионе и снижения влияния США. Для усиления сотрудничества России и Ирака требуется диверсифицированный подход к вложению инвестиций, более продуманное и наращиваемое применение инструментов «мягкой силы» (в виде сотрудничества привлечения студентов из Ирака, увеличения числа кафедр русского языка в Ираке, проведения различных мероприятий для ознакомления иракцев с русской культурой, традициями, наращивания потоков обмена студентами и аспирантами, отправки молодых специалистов в рамках контрактной системы в сфере строительства в Ираке) для уравновешивания и ослабевания позиций США в регионе. В современной волатильной среде наиболее эффективными методами становятся методы жесткой силы, которые несут в себе краткосрочные решения и эффекты.

Также упрочение базиса для укрепления взаимовыгодного политико-экономического взаимодействия России и Ирака за счет разнообразных форм привлечения различных субъектов из России позволит изыскать новые, инновационные формы противостояния засилью присутствия США в регионе. В перспективе ожидается улучшение динамики военно-политического, энергетического, социально-экономического взаимодействия и встраивание России во многие направления, постепенно вытесняя США, во многом, за счет приоритизации параллельного сотрудничества с Китаем. Перспективными могут стать совместные трехсторонние проекты Ирака, России и Китая. Важным моментом представляется наращивание экономических связей в области поставок товаров и различной продукции из Ирака в Россию.

В плане усиления безопасности, как фактора, напрямую оказывающего воздействие на расширение сотрудничества в таком опасном регионе, Россией предпринимаются меры в виде привлечения российских специалистов из силовых ведомств. Это подтверждается визитом С. Шойгу в 2025 г. Это позволит заранее предупредить возможные проявления со стороны террористических организаций. В то же время, вполне понятны действия ираских политических элит, избегающих вовлечения в украинскую повестку с тем, чтобы снизить напряженность международных акторов, находящихся на территории Ирака. Важным является регулярное проведение заседаний Российско-Иракской Межправительственной комиссии, предназначенной для решения текущих и перспективных вопросов, затрагивающих различные аспекты сотрудничества, включая работу по мирному атому, как новой вехе, олицетворяющей переход на качественно новый уровень стратегического взаимодействия России и Ирака.

В целом, позиция России по вопросам международного сотрудничества с Ираком весьма прозрачна, и ее возможно спрогнозировать в связи с поступательными действиями России в данном регионе, готовности к консолидирующим действиям, поддержке, диалогу. Со стороны Ирака позиция может несколько корректироваться, так как на конечное принятие решений по многим вопросам, все еще, продолжают оказывать влияние США и иные игроки. Российской стороной, с учетом проводимых политологических исследований, несомненно, учитываются возможные изменения. Целесообразной представляется разработка механизмов и инструментов финансово-банковского сопровождения двусторонних контрактов, создание межбанковских каналов связи, альтернативных SWIFT, в обход федеральной резервной системы США. Относительно сотрудничества в энергетической сфере, как указано выше, наблюдается положительная динамика, которая продолжает наращиваться, несмотря волатильность ценовой политики в области углеводородов. Акцентирование в последние годы на военном сотрудничестве России и Ирака позволит улучшить уровень безопасности в Ираке и, за счет этого, привлечь новых молодых специалистов в Ирак.

В то же время, России присущи более стратегически выверенные и гуманные способы усиления своего влияния в регионе, такие как инвестиционные программы, приглашение иракских студентов по обмену на обучение в России, обучение в аспирантуре, подготовку русскоязычных кадров, ознакомление населения с русской культурой, особенностями менталитета, проведение выставок, организованных торгово-экономической палатой России, расширение контактов с Ираком не только в области ресурсной политики, но и в рамках торговли различными товарами массового спроса. Также Ирак представляет собой емкий рынок сбыта. И многие российские компании (в том числе и малые и средние предприятия) могут найти реализацию сбыта своей продукции на территории данной страны.

Таким образом, перспективным является приобщение к внешнеэкономической деятельности представителей малого бизнеса. Несмотря на малые обороты отдельного предприятия, общее совокупное количество малых предприятий является впечатляющим. МСП составляют значительную долю экономической активности многих стран. Также важной является совместная подготовка кадров в области нефтедобычи и нефтепереработки. За счет расширения экономической сферы сотрудничества России и Ирака, а также военно-технической сферы происходит постепенное укрепление взаимодействия с иракским истеблишментом, что впоследствии формирует принятие политических решений с учетом мнений и интересов экономических партнеров.

В целом, позиция России по вопросам международного сотрудничества с Ираком весьма прозрачна, и ее возможно спрогнозировать в связи с поступательными действиями России в данном регионе, готовности к консолидирующим действиям, поддержке, диалогу. Со стороны Ирака позиция может несколько корректироваться, так как на конечно принятие решений по многим вопросам оказывают влияние США и иные игроки. Российской стороной, с учетом проводимых политологических исследований, несомненно, учитываются возможные изменения. Целесообразной представляется разработка механизмов и инструментов финансово-банковского сопровождения двусторонних контрактов, создание межбанковских каналов связи, альтернативных SWIFT, в обход федеральной резервной системы США.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?ysclid=lp9yi1yh4d677326058 (дата обращения: 20.02.2026).
2. Гребенникова Е.И. Некоторые аспекты образа России: результаты полевого исследования в Ираке / С. 221–231. DOI: 10.31249/rsm/2024.01.13
3. Мухаммад Нахро Исмаел Мухаммад Влияние США на российско-иракские отношения // Казачество. 2023. № 70 (5).
4. Лиокумович Я., Геращенко И. О некоторых особенностях восприятия России в современном Египте и не только в нем // Неприкосновенный запас. – 2022. – № 4 (144). – С. 157–167.
5. Трухин А. С., Данакин Н.С. О состоянии и перспективах развития российско-иракских торгово-экономических отношений // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 175.
6. After the caliphate: the prospects of Russia-Iraq relations https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Iraq-WP46-En.pdf

7. Хитрухина Ю.П. Политика России (СССР) на Ближнем Востоке: На примере российско-иракских отношений 1979–2003 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 /Хитрухина Юлия Павловна. – М., 2003.

8. Abdulmahdi Raheem Hamza Iraq-China trade exchange and its impact on Iraq's trade balance and economic growth: an econometric analysis using the Arima method International journal of economics and finance studies Vol: 17 № 02 Year: 2025 ISSN: 1309–8055 (Online) (Pp. 206–230) Doi: 10.34109/ijefs.2025170211

9. China is Playing a Big Role in Iraqi Reconstruction // CGTN. February 17, 2018. URL: https://news.cgtn.com/news/78597a4e33677a6333566d54/share_p.htm (дата обращения 1.03.2026).

10. Bahrooz Jaafar Analyzing Russia's Involvement in Iraq and the Kurdistan Region's Energy Sector https://www.bayancenter.org/en/wp-content/uploads/2024/01/yugvnn1.pdf

11. Abdul Razzaq Gharraf The Escalation of the Strategic Partnership Between Russia and China from an Arab Gulf Perspective: The Limits of Gains and the Scaling of Stakes. – Gulf Research Center, Saudi Arabia, 2023.

12. Mamoun Ahmad Abu Raad, «The Impact of Strategic Rapprochement between Russia and China on the Structure of the International System». Alexandria University, Scientific Journal of the Faculty of Economics and Political Science, Volume 8, Issue 16, 2023.

13. Iraq-business news (2023) Russia «Takes Control of Iraq's Biggest Oil Discovery for 20 Years» https://www.iraq- businessnews.com/tag/block-10/

14. Emirates Policy Center (2023) «Iraq's Development Road Project: Geo-Political and Economic Implications and Prospects of Success». Iraq Studies Unit. https://epc.ae/en/details/ featured/iraq-s-development-road-project-geo-political-and- economic-implications-and-prospects-of-success

15. Petkova (2019) What did Russia get from its KRG gamble? Aljazeera. https://www.aljazeera.com/features/2019/4/15/what-did-russia-get-from-its-krg-gamble

16. Barantschik. M (2023) Russia and Iraq: The 2023/24 Trade and Investment Dynamics. Mediterranean Institute for Regional Studies. https://www.mirs.co/details.aspx?jimare=221

RUSSIAN-IRAQI RELATIONS: STATE ANALYSIS AND FORECASTING

Baez Havkar Herish Baez
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This article analyzes the key preconditions underlying the current state of interaction between Russia and Iraq as significant foreign policy actors on the international stage. It notes that the dynamics of cooperation between the two countries have changed in recent years, with the emergence of new significant players on the local international stage, each with compelling arguments for participation and a keen interest in achieving their own goals. It is noted that the intensification of relations is driven by Russia's direct interest in expanding its sphere of influence in the Middle East, which will enable it to exert influence across the entire region, which is strategic for deterring political opponents and maintaining the security of Russia and its distant regional geopolitical partners. Prospects for deepening cooperation between Russia and Iraq are determined by the escalation of relations between Iran (as Iraq's closest neighbor) and Israel, as well as the support and volume of military aid provided to Israel by the United States. Russia could influence the course of events and reduce tensions in the region by counterbalancing US influence and bringing balance to the diverse influence of geopolitical players. It is noted that the presence of multiple players in any modern conflict-generating situation indicates a shift away from US hegemony in the region.

Keywords: Iraq, Russia, USA, soft power, Shiites, Sunnis, Kurds, oil.

References

1. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?ysclid=lp9yi1yh4d677326058 (accessed: February 20, 2026).

2. Grebennikova E.I. Some Aspects of Russia's Image: Results of Field Research in Iraq / Pp. 221–231. DOI: 10.31249/rsm/2024.01.13

3. Muhammad Nahro Ismael Muhammad. US Influence on Russian-Iraqi Relations // Cossacks. 2023. № 70 (5).

4. Liokumovich Ya., Gerashchenko I. On Some Features of Perception of Russia in Modern Egypt and Beyond // Neprikosnovenny zapas. – 2022. – № 4 (144). – P. 157–167.

5. Trukhin A. S., Danakin N.S. On the State and Prospects for the Development of Russian-Iraqi Trade and Economic Relations // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2023. № 175.

6. After the caliphate: the prospects of Russia-Iraq relations https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Iraq-WP46-En.pdf

7. Khitrukhina Yu.P. Russian (USSR) Policy in the Middle East: On the Example of Russian-Iraqi Relations 1979–2003: dis. … Cand. Hist. Sciences: 07.00.02 / Khitrukhina Yulia Pavlovna. – M., 2003.

8. Abdulmahdi Raheem Hamza Iraq-China trade exchange and its impact on Iraq's trade balance and economic growth: an econometric analysis using the Arima method International journal of economics and finance studies Vol: 17 № 02 Year: 2025 ISSN: 1309–8055 (Online) (Pp. 206–230) Doi: 10.34109/ijefs.2025170211

9. China is Playing a Big Role in Iraqi Reconstruction // CGTN. February 17, 2018. URL: https://news.cgtn.com/news/78597a4e33677a6333566d54/share_p.htm)

10. Bahrooz Jaafar Analyzing Russia's Involvement in Iraq and the Kurdistan Region's Energy Sector https://www.bayancenter.org/en/wp-content/uploads/2024/01/yugvnn1.pdf

11. Abdul Razzaq Gharraf The Escalation of the Strategic Partnership Between Russia and China from an Arab Gulf Perspective: The Limits of Gains and the Scaling of Stakes. – Gulf Research Center, Saudi Arabia, 2023.

12. Mamoun Ahmad Abu Raad, «The Impact of Strategic Rapprochement between Russia and China on the Structure of the International System». Alexandria University, Scientific Journal of the Faculty of Economics and Political Science, Volume 8, Issue 16, 2023.

13. Iraq-business news (2023) Russia «Takes Control of Iraq's Biggest Oil Discovery for 20 Years» https://www.iraq-businessnews.com/tag/block-10/

14. Emirates Policy Center (2023) «Iraq's Development Road Project: Geo-Political and Economic Implications and Prospects of Success». Iraq Studies Unit. https://epc.ae/en/details/ featured/iraq-s-development-road-project-geo-political-and-economic-implications-and-prospects-of-success

15. Petkova (2019) What did Russia get from its KRG gamble? Aljazeera. https://www.aljazeera.com/features/2019/4/15/what-did-russia-get-from-its-krg-gamble

16. Barantschik. M (2023) Russia and Iraq: The 2023/24 Trade and Investment Dynamics. Mediterranean Institute for Regional Studies. https://www.mirs.co/details.aspx?-jimare=221

Политика США в сфере военно-технического сотрудничества в условиях цепочки государственных переворотов в странах Африки Южнее Сахары

Босый Иван Владимирович,
аспирант Института США и Канады РАН имени академика Г.А. Арбатова

Волна военных переворотов 2020–2025 годов в Африке южнее Сахары, сформировавшая «пояс переворотов» в Сахеле, поставила под сомнение эффективность многолетнего военно-технического сотрудничества США с регионом. Целью данного исследования является анализ трансформации политики США в сфере военно-технического сотрудничества в условиях новой политической реальности и возвращения Дональда Трампа в Белый дом, а также оценка перспектив этой политики в контексте геополитической конкуренции. Проведенный анализ указывает на утрату Вашингтоном позиций на региональном рынке вооружений в пользу Китая и Турции, а также сокращение военного присутствия США в регионе на фоне роста политической нестабильности и антизападных восстаний в регионе. Попытки США наладить отношения с хунтами Мали, Буркина-Фасо и Нигера не привели к восстановлению военного присутствия из-за устойчивой антизападной риторики лидеров Альянса государств Сахеля. Однако США удалось нормализовать отношения с Гвинеей, Габоном и Мадагаскаром, а также усилить сотрудничество с Нигерией, что указывает не на полную утрату влияния, а на его перераспределение в регионе.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, государственный переворот, Африка южнее Сахары, Сахель, США, SIPRI, поставки вооружений, Дональд Трамп, политика США в Африке, перевороты в Африке, военные базы США, Альянс государств Сахеля.

На протяжении десятилетий военно-техническое сотрудничество оставалось одним из ключевых инструментов влияния США в Африке. Однако эти инструменты не обеспечили Вашингтону полной лояльности стран-получателей военной помощи. Обученные американскими инструкторами военные нередко становились инициаторами военных переворотов и при этом были готовы сотрудничать с Россией, особенно в ответ на санкции США. После возвращения Дональда Трампа в Белый дом американская администрация стала демонстрировать готовность к сотрудничеству с хунтами, отказываясь от продвижения демократии в пользу контртеррористического сотрудничества и доступа к ресурсам.

Актуальность темы эволюции ВТС США в регионе для российского исследователя обусловлена тем, что РФ последовательно наращивает присутствие в регионе, в том числе военное, активно участвуя в конкуренции с США за его ресурсы. Кроме того, если перевороты в Мали, Буркина-Фасо, Нигере, Гвинее, Чаде и Габоне изначально создали возможность для роста влияния США в регионе из-за их оппозиции США, смена позиции Вашингтона может создать обратную ситуацию и отдалить эти страны из сферы российского влияния. Понимание логики и механизмов новой политики США необходимо для выработки адекватного ответа и сохранения достигнутых позиций.

В данной статье ставится следующий **вопрос**: как трансформировался курс США со странами Африки южнее Сахары на фоне появления «пояса переворотов», какие направления этот курс приобрел после прихода второй администрации Дональда Трампа, и каковы перспективы нового курса с точки зрения его эффективности в конкурентной борьбе с Россией, Китаем и другими игроками за влияние в регионе?

В статье выдвигается **гипотеза** о том, что трансформация курса США в отношении стран «пояса переворотов» носит преимущественно декларативный характер и пока не приводит к восстановлению утраченных позиций.

Новизна данного исследования обусловлена, в первую очередь, тем, что оно представляет собой попытку дать комплексную оценку трансформации политики США в сфере ВТС в первый год после возвращения Дональда Трампа в Белый дом. На примере кейсов Нигера, Мали и Буркина-Фасо и Нигерии была рассмотрена практическая реализация принципа «торговля, а не помощь», провозглашенного в новой стратегии национальной безопасности США[1]. В работе также анализируется динамика поставок американских вооружений по данным SIPRI за 2014–2025 годы в привязке к политическим изменениям в странах-получателях.

Российские исследователи зачастую анализируют возникновение «пояса переворотов» в Африке через призму их колониального наследия и, соответственно, воспринимают их преимущественно как провал французской политики. Немало исследователей посвятили свои труды американской политике в сфере борьбе с терроризмом в Африке. Однако, несмотря на наличие обширного пласта исследований, посвященных ВТС США со странами «Черной Африки», комплексных исследований, рассматривающих именно трансформацию этого сотрудничества в «поясе переворотов» после возвращения Трампа в академическом дискурсе пока не представлено, по той очевидной причине, что со времени возвращения этого лидера в Белый дом прошло немногим более года. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

Теоретическую базу исследования составляет неореалистская парадигма, в соответствии с которой государства выступают в роли ключевых акторов при анализе баланса сил в регионе. Методический инструментарий исследования включает комплекс общенаучных и специальных методов. Сравнительно-политологический анализ применяется для сопоставления подходов администраций США к ВТС с африканскими государствами в различные хронологические периоды (2014–2021 и 2025–2026 гг.), а также для изучения кейсов Нигера, Мали, Буркина-Фасо и Нигерии. Количественный анализ данных используется для изучения динамики поставок вооружений и изменение доли США на африканском рынке. Ивент-анализ используется для реконструкции по-

[1] National Security Strategy [Электронный ресурс] // The White House. – Washington, 2025. – Nov. – p. 33. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf accessed: 05.03.2026).

следовательности переворотов, реакции Вашингтона и последующей адаптации военно-технических связей.

За период с 2014 по 2025 год, в Африке южнее Сахары произошло 12 успешных военных переворотов, причем основная их часть пришлась на 2020–2023 годы. К 2023 году страны с новыми военными режимами образовали непрерывную географическую цепь, протянувшуюся от побережья Атлантики (Гвинея) до Красного моря (Судан), что закрепило за этим пространством название «пояса переворотов».

Правовую основу реакции Вашингтона на военные перевороты составляет раздел 7008 ежегодного закона об ассигнованиях на иностранные операции[1]. Данное положение с 1986 года запрещает выделять средства для оказания прямой помощи правительству любой страны, где «должным образом избранный глава правительства» был свергнут в результате военного переворота или указа[2]. Возобновление помощи, согласно законодательно, возможно только после того, как госсекретарь США подтвердит Конгрессу, что к власти в соответствующей стране пришло демократически избранное правительство[3]. Запрет не распространяется на гуманитарную помощь, программы по борьбе с терроризмом и наркотиками, а также усилия неправительственных организаций.

Демократические администрации в США реагировали на перевороты радикально – за каждым из них автоматически следовало введение санкций. Так, администрация Барака Обамы в 2014 году осудила действия военных в Буркина-Фасо и потребовала от руководства хунт немедленной передачи власти гражданскому правительству для проведения выборов[4]. До 2025 года все администрации США соблюдали положения раздела 7008 закона об ассигнованиях, которая запрещает помощь странам, где власть была захвачена военными. Однако еще в 2023 г. в упомянутый выше раздел был добавлен пункт, позволяющий госсекретарю отменять запрет, если это отвечает интересам национальной безопасности США[5]. С возвращением Дональда Трампа в Белый дом в 2025 году американская администрация взяла курс на «прагматичный диалог» с хунтами. В октябре 2025 года Масад Булос, старший советник по арабским и африканским делам в администрации Трампа 2.0, заявил в интервью для Le Monde, что демократия является «ценностью» для США, но перестала быть условием для выстраивания отношений[6]. Это привело к возобновлению контактов на высоком уровне: в феврале 2026 года Ник Чекер, глава Бюро по делам Африки Госдепартамента, посетил Мали, а затем провел консультации с представителями Буркина-Фасо и Нигера, предложив странам Альянса Сахеля сотрудничество в сфере безопасности[7].

Одной из характерных черт волны переворотов в Сахеле стало то, что часть их лидеров ранее проходила военную подготовку в США. В частности, лидер переворотов в Мали в 2020 и 2021 годах, полковник Ассими Гойта, на протяжении нескольких лет сотрудничал с американским спецназом и участвовал в учениях Африканского командования США[8]. Бригадный генерал Мусса Салау Барму, командующий силами специальных операций Нигера и организатор переворота 2023 года почти 20 лет учился в США, пройдя подготовку в Школе пехоты армии США в Форт-Беннинге (штат Джорджия) и в Национальном университете обороны в Вашингтоне[9]. За месяц до переворота, в июне 2023 года, он встречался с командующим силами специальных операций США генерал-лейтенантом Джонатаном Брагой на американской авиабазе 201 в Агадесе для обсуждения вопросов борьбы с терроризмом[10].

Более ранние случаи также демонстрируют эту тенденцию. В Буркина-Фасо переворот 2014 года возглавил подполковник Исаак Зида, который за два года до этого проходил курс по противодействию терроризму на авиабазе МакДилл во Флориде[11]. Лидер переворота в Гвинее 2021 года полковник Мамади Думбуя участвовал в тех же учениях Flintlock 2019 года, что и Гойта[12]. Как отмечает аналитик Ник Терс, с 2008 года подготовленные США офицеры предприняли как минимум девять попыток переворотов в Западной Африке, из которых как минимум восемь были успешными[13]. Высокопоставленный представитель Пентагона Кристофер Майер назвал ситуацию «разочаровывающей», отметив, что стремление США продвигать демократическое управление «не увенчалось особым успехом»[14] (табл. 1).

Таблица 1. Военные перевороты в странах Африки южнее Сахары[15]

Период	Число	Страны
2014	1	Буркина-Фасо
2020	1	Мали
2021	4	Мали, Чад, Гвинея, Судан
2022	2	Буркина-Фасо (дважды)
2023	2	Нигер, Габон
2025	2	Мадагаскар, Гвинея-Бисау
Всего	12	9 стран

В сентябре 2023 года лидеры Мали, Буркина-Фасо и Нигера подписали Хартию Липтако-Гурма, учреждающую Альянс государств Сахеля (АГС) – оборонительный союз, целью которого стало создание архитектуры коллективной обороны и взаимопомощи. Создание альянса стало ответом на угрозу военной интервенции со стороны Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) после переворота в Нигере. Риторика лидеров АГС носит последовательно антизападный характер, что проявилось, в частности, в коллективном осуждении операции США в Венесуэле[16].

При этом ряд других стран, переживших военные перевороты в тот же период, не демонстрировали враждебной риторики в отношении США. Наиболее показательным примером является Гвинея, где власть захватил полковник Мамади Думбуя[17]. После официального избрания (выборы проводились при поддержке США) Думбуя стал одним из трех африканских лидеров, приглашенных в Вашингтон в феврале 2026 года для обсуждения цепочек поставок критически важных полезных ископаемых[18].

Пришедший к власти в результате переворота в Габоне в августе 2023 года генерал Брис Олиги Нгема также не делал публичных антиамериканских заявлений. Вашингтон квалифицировал события в стране как военный переворот и временно приостановил большую часть программ помощи, за исключением гуманитарной и медицинской поддержки. Однако в мае 2025 года, после проведения выборов США сняли санкции с этой страны[19].

Переворот в Судане в октябре 2021 года под руководством генерала Абделя Фаттаха аль-Бурхана не сопровождался антиамериканской риторикой, хотя отношения Хартума с Вашингтоном оставались слож-

[1] Coup-Related Restrictions in U.S. Foreign Aid Appropriations [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. – 2025. – 19 Sept. – Report IF11267. – URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/HTML/IF11267.html (дата обращения: 11.03.2026).

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Schmitt E. U.S. Confronts Failures as Terrorism Spreads in West Africa [Electronic resource] / E. Schmitt // The New York Times. – 2024. – 7 June. – URL: https://www.nytimes.com/2024/06/07/us/politics/us-terrorism-west-africa.html (accessed: 11.03.2026).

[5] Coup-Related Restrictions in U.S. Foreign Aid Appropriations, 2025.

[6] Masad Boulos, conseiller de Trump: « En Afrique, nous ne sommes pas là pour faire la morale » [Электронный ресурс] / Propos recueillis par M. Ben Yahia // Le Monde. – 2025. – 9 oct. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2025/10/09/masad-boulos-conseiller-de-trump-en-afrique-nous-ne-sommes-pas-la-pour-faire-la-morale_6498767_3212.html (дата обращения: 11.03.2026).

[7] US envoy meets Mali's junta leader in Bamako [Электронный ресурс] // Africanews. – 2026. – 3 Feb. – URL: https://www.africanews.com/2026/02/03/us-envoy-meets-malis-junta-leader-in-bamako/ (дата обращения: 11.03.2026).

[8] Does US military training incubate coups in Africa? The jury is still out [Электронный ресурс] // The Africa Report. – 2020. – 1 Oct. – URL: https://www.theafricareport.com/44189/does-us-military-training-incubate-coups-in-africa-the-jury-is-still-out/ (дата обращения: 11.03.2026).

[9] Ibid.

[10] Ibid.

[11] Schmitt E. U.S. Confronts Failures as Terrorism Spreads in West Africa [Электронный ресурс] / E. Schmitt // The New York Times. – 2024. – 7 June. – URL: https://www.nytimes.com/2024/06/07/us/politics/us-terrorism-west-africa.html (дата обращения: 11.03.2026).

[12] Turse N. U.S.-Trained Officers Have Led Numerous Coups in Africa [Электронный ресурс] / N. Turse // The Intercept. – 2022. – 9 March. – URL: https://theintercept.com/2022/03/09/intercepted-podcast-africa-coup/ (дата обращения: 11.03.2026).

[13] Ibid.

[14] Schmitt E. U.S. Confronts Failures as Terrorism Spreads in West Africa [Электронный ресурс] / E. Schmitt // The New York Times. – 2024. – 7 June. – URL: https://www.nytimes.com/2024/06/07/us/politics/us-terrorism-west-africa.html (дата обращения: 11.03.2026).

[15] Составлено автором на основе открытых данных

[16] Ibid.

[17] Guinée: comment Washington mise sur Mamadi Doumbouya [Electronic resource] // Grandes Lignes. – 2026. – 14 January. – URL: https://grandeslignes.media/guinee-comment-washington-mise-sur-mamadi-doumbouya/ (accessed: 11.03.2026).

[18] Ibid.

[19] Ibid.

ными[1]. США осудили захват власти военными и заморозил программы помощи этой стране[2]. Однако к 2025 году Вашингтон активизировал дипломатические усилия по урегулированию гражданской войны в Судане. Администрация Трампа активизировала усилия по суданскому урегулированию во многом благодаря лоббистской кампании Саудовской Аравии, Египта и ОАЭ. В сентябре 2025 года США, Саудовская Аравия, Египет и ОАЭ (так называемый «Квартет») объявили о подписании прорывной «дорожной карты» к прекращению войны в Судане, первым шагом к которому станет трехмесячное перемирие[3].

Переворот на Мадагаскаре, в отличие от событий в странах Сахеля не сопровождался антиколониалистской риторикой и был характеризован Конституционным судом страны как форма гражданского протеста в условиях, когда все ненасильственные методы были исчерпаны[4]. В этих условиях реакция США была настолько сдержанной, что каких-либо санкций не последовало.

Для оценки масштаба военно-технического сотрудничества США со странами региона обратимся к статистике Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI). Данные по закупкам были извлечены автором из открытой базы данных в тренд-индикаторах SIPRI (TIV) и сгруппированы по фазам – с 2014 по 2020 и с 2021 по 2026 годы.

Как видно из Таблицы 2, где представлены собранные данные по поставкам в регион Африка южнее Сахары в целом, позиции США на региональном рынке вооружений остаются скромными и продолжают ослабляться. Если в первом периоде на США приходилось 5,9% совокупного импорта вооружений региона (263 млн TIV), то в 2021–2026 годах этот показатель сократился до 3,7% (127 млн TIV). Падение доли на 2,2% произошло происходит на фоне роста турецкого присутствия с 1,3% до 11% при сохранении доминировании Китая на рынке – доля КНР почти не изменилась и колеблется в пределах 21–22%. При этом доля РФ на рынке снизилась на 15%, однако остается выше американской более чем в три раза и составляет 12% (табл. 2).

Таблица 2. Динамика поставок вооружений в Африку южнее Сахары, 2014–2026 гг.[5]

Экспортер	2014–2020, млн TIV	Доля рынка	2021–2026, млн TIV	Доля рынка	Изменение доли, %
Китай	951	21%	757	22%	0,01
Россия	1 199	27%	398	12%	-15%
Франция	340	7,7%	343	10%	0,023
Турция	58	1,3%	378	11%	0,097
США	263	5,9%	127	3,7%	-2,2%
Украина	351	7,9%	0	0%	-7,9%
Израиль	87	2%	146	4,2%	0,022
ЮАР	109	2,5%	133	3,9%	0,014
Испания	52	1,2%	135	3,9%	0,027
ОАЭ	107	2,4%	74	2,1%	-0,3%
Другие	329	7,4%	486	14%	0,066
Всего	4 481	100%	3 455	100%	–

Отдельно были собраны данные о поставках вооружений из США в страны «пояса переворотов» в интересующий нас период, которые представлены в Таблице 3. Количество поставок в страны «пояса переворотов» были ограничены, при этом обращает на себя внимание отсутствие данных о продаже оружия в Судан, Габон и Гвинею на протяжение всего периода. При этом, по данным SIPRI, американское оружие в странах «пояса переворотов» получали только правительственные силы (табл. 3).

Таблица 3. Поставки основных вооружений из США в страны Сахеля (2014–2026 гг.)[6]

Получатель	Наименование	Год заказа	Количество
Нигер	Cessna-208 Caravan	2014	2
Чад	Cessna-208 Caravan	2016	2
Нигер	C-130H Hercules	2015	2
Нигер	Mamba-7	2016	2
Чад	David	2016	60
Нигер	Mamba-7	2019	51
Чад	David	2020	28
Буркина-Фасо	Двигатель	2022	15

Как свидетельствуют данные Таблицы 3, в 2014–2021 годах США активно торговали оружием со странами Сахеля. Однако после 2021 года (за исключением мелкой поставки в Буркина-Фасо) новые контракты со странами, в которых произошли военные перевороты, не заключались, при этом ранее согласованные обязательства США были выполнены, как, например, поставка C-130 в Нигер в 2022 году. Однако сокращение поставок американских вооружений объяснялось отнюдь не ростом спроса – после переворотов Мали, Буркина-Фасо и Нигер начали активнее скупать вооружения, увеличивая объем ВТС с Турцией при сохранении поставок из РФ и Китая[7].

Необходимо отметить, что данные SIPRI учитывают только поставки основных вооружений (боевые самолеты, бронетехника, артиллерия, корабли, ракетные системы) и не отражают оборот стрелкового оружия и легких вооружений, боеприпасов, вспомогательной техники и услуг. Реальная картина ВТС может быть шире, поскольку легкие вооружения нередко поставляются в рамках совместных контртеррористических операций.

К 2014 году США обладали разветвленной сетью военных объектов в Африке южнее Сахары, формировавшейся на протяжении двух десятилетий в рамках глобальной войны с терроризмом. Ключевым элементом присутствия выступало Объединенное командование вооруженных сил США в зоне Африки, созданное в 2007 году и отвечавшее за операции и партнерства в 53 странах континента. Центральным звеном сети оставалась база Кэмп-Лемонье в Джибути – единственный официально признанный постоянный объект США в Африке с контингентом более 5 тыс. военнослужащих и долгосрочным соглашением об аренде до 2034 года[8].

В Западной Африке и Сахеле основу присутствия составляли базы в Нигере: авиабаза 101 в Ниамее и построенная в 2015–2019 годах авиабаза 201 в Агадесе, предназначенная для разведывательно-ударных беспилотников MQ-9 Reaper. Стоимость строительства объекта в Агадесе превысила 100 млн долларов, а ежегодные расходы на его содержание достигали 30 млн долларов[9]. Кроме того, США располагали военным объектом Кэмп-Симба в Манда-Бей (Кения), созданным в 2004 году как передовой пункт базирования для операций против группировки «Аш-Шабаб», а также осуществляли ротационное присутствие в Сомали на аэродроме Баледогле и в районе аэропорта Могадишо[10].

После военного переворота в Нигере в июле 2023 года и разрыва двусторонних отношений авиабазы 101 в Ниамее и Агадесе были переданы местным властям[11]. К 15 сентября 2024 года вывод всех 1 100 военнослужащих США из Нигера был полностью завершен[12]. При этом все американское военное оборудование, включая вооружение, беспилотники и чувствительные технологии, было вывезено[13]. Вскоре после

[1] US condemns Sudan military coup, suspends $700 million in aid // Fox News. – 2021. – 25 October. – URL: https://www.foxnews.com/politics/us-condemns-sudan-military-coup-pauses-700m-aid (дата обращения: 11.03.2026).

[2] Ibid.

[3] Joint Statement on Restoring Peace and Security in Sudan // U.S. Department of State. – 2025. – 12 September. – URL: https://www.state.gov/releases/2025/09/joint-statement-on-restoring-peace-and-security-in-sudan (дата обращения: 11.03.2026).

[4] Savage R. Elite military unit says it has seized power in Madagascar // The Guardian. – 2025. – 14 October. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/oct/14/elite-military-unit-says-it-has-seized-power-in-madagascar (дата обращения: 11.03.2026).

[5] Рассчитано автором по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI Arms Transfers Database, данные по состоянию на март 2026 г.).

[6] Составлено автором по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI Arms Transfers Database, данные по состоянию на март 2026 г.).

[7] SIPRI Arms Transfers Database.

[8] Schmitt E. U.S. Confronts Failures as Terrorism Spreads in West Africa [Электронный ресурс] / E. Schmitt // The New York Times. – 2024. – 7 June. – URL: https://www.nytimes.com/2024/06/07/us/politics/us-terrorism-west-africa.html (дата обращения: 11.03.2026).

[9] Ibid.

[10] Ibid.

[11] Ibid.

[12] Baldor L.C. Russian trainers move to a Niger airbase where some US troops remain [Electronic resource] / L.C. Baldor // AP News. – 2024. – 2 May. – URL: https://apnews.com/article/us-russia-niger-military-base-8175c6b1afe519a300c56fd87ca250a6 (дата обращения: 21.03.2026).

[13] Baldor L.C. Ad. cit.

ухода американцев с авиабазы 101 в Ниамее из место заняли российские инструкторы[1].

Вслед за Нигером о приостановке военного сотрудничества заявил Чад, что привело к передислокации около 100 военнослужащих сил специальных операций в Европу[2].

На фоне вывода войск из Сахеля Вашингтон активизировал военное сотрудничество с Нигерией. В феврале 2026 года США приступили к размещению около 100 военных советников для поддержки контртеррористических операций в северных штатах и «среднем поясе» страны[3]. Миссия позиционируется как временная, рассчитанная на несколько месяцев, при этом нигерийская сторона подчеркнула, что «командование полностью сохраняется за нигерийскими силами»[4].

Таким образом, военное присутствие США в Африке южнее Сахары претерпело изменения. От рассредоточенной сети баз и объектов, ориентированных на контртеррористические операции в Сахеле, Вашингтон перешел к более компактному, преимущественно ротационному присутствию, сконцентрированному вокруг ключевых партнеров в Восточной Африке (Джибути, Кения) и отдельных прибрежных государствах Западной Африки. Потеря базы в Агадесе, строительство которой обошлось в 110 млн долларов, и вывод войск из Нигера стали наиболее значительным сокращением американской военной инфраструктуры на континенте со времен Холодной войны. Единственным направлением, где военное присутствие США усилилось, стала Нигерия, не входящая в «пояс переворотов».

Проведенный анализ показывает, что прежняя модель военно-технического сотрудничества США со странами Африки южнее Сахары оказалась неэффективной в условиях политической нестабильности, из-за чего США утратили значимые объекты. В среднесрочной перспективе США, вероятно, не смогут восстановить военное присутствие в странах Сахельского альянса в прежнем объеме. Антизападная риторика лидеров Мали, Буркина-Фасо и Нигера, делает возвращение к полноформатному военно-техническому сотрудничеству маловероятным без смены политической риторики или руководства этих стран. По нашему мнению, активность США в сфере ВТС будет смещаться в сторону стран, сохранивших демократические институты, таким, как Нигерия. Предположительно Вашингтон будет делать ставку на ротационное присутствие и гибкое развертывание сил вместо постоянных баз. Для США это означает снижение политических рисков за счет ограничения возможностей для долгосрочного закрепления в регионе. Однако новая стратегия Трампа как раз говорит о стремлении к отказу от долгосрочных обязательств.

Гипотеза о том, что трансформация курса США носит преимущественно декларативный характер и пока не приводит к восстановлению утраченных позиций, подтвердилась лишь частично. С одной стороны, попытки наладить диалог с хунтами Мали, Буркина-Фасо и Нигера, включая визиты высоких представителей Госдепартамента, действительно не привели к восстановлению ВТС или возвращению американского военного присутствия. Страны-участницы Сахельского альянса по-прежнему используют антизападную риторику.

С другой стороны, США удалось нормализовать отношения с Гвинеей, Габоном и Мадагаскаром, а также сохранить влияние в Судане, что говорит о том, что новый курс Вашингтона помог ему улучшить двусторонние отношения с режимами, пришедшими к власти в результате переворотов. Таким образом, можно констатировать перераспределение американского влияния с сохранением рычагов воздействия в ряде стран, но не потерю этого влияния.

Литература

1. National Security Strategy [Electronic resource] // The White House. – Washington, 2025. – Nov. – 33 p. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf accessed: 05.03.2026).

2. Coup-Related Restrictions in U.S. Foreign Aid Appropriations [Electronic resource] // Congressional Research Service. – 2025. – 19 Sept. – Report IF11267. – URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/HTML/IF11267.html (accessed: 11.03.2026).

3. Does US military training incubate coups in Africa? The jury is still out [Electronic resource] // The Africa Report. – 2020. – 1 Oct. – URL: https://www.theafricareport.com/44189/does-us-military-training-incubate-coups-in-africa-the-jury-is-still-out/ (accessed: 11.03.2026).

4. Guinée: comment Washington mise sur Mamadi Doumbouya [Electronic resource] // Grandes Lignes. – 2026. – 14 January. – URL: https://grandeslignes.media/guinee-comment-washington-mise-sur-mamadi-doumbouya/ (accessed: 11.03.2026).

5. Joint Statement from the U.S. Department of Defense and the Ministry of National Defense of the Republic of Niger [Electronic resource] // U.S. Embassy in Niger. – 2024. – 16 Sept. – URL: https://ne.usembassy.gov/joint-statement-from-the-u-s-department-of-defense-and-the-ministry-of-national-defense-of-the-republic-of-niger/ (accessed: 11.03.2026).

6. Joint Statement on Restoring Peace and Security in Sudan [Electronic resource] // U.S. Department of State. – 2025. – 12 September. – URL: https://www.state.gov/releases/2025/09/joint-statement-on-restoring-peace-and-security-in-sudan (accessed: 11.03.2026).

7. Baldor L.C. Russian trainers move to a Niger airbase where some US troops remain [Electronic resource] / L.C. Baldor // AP News. – 2024. – 2 May. – URL: https://apnews.com/article/us-russia-niger-military-base-8175c6b1afe519a300c56fd87ca250a6 (дата обращения: 21.03.2026)

8. Masad Boulos, conseiller de Trump: « En Afrique, nous ne sommes pas là pour faire la morale » [Electronic resource] / Propos recueillis par M. Ben Yahia // Le Monde. – 2025. – 9 oct. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2025/10/09/masad-boulos-conseiller-de-trump-en-afrique-nous-ne-sommes-pas-la-pour-faire-la-morale_6498767_3212.html (accessed: 11.03.2026).

9. Savage R. Elite military unit says it has seized power in Madagascar [Electronic resource] / R. Savage // The Guardian. – 2025. – 14 October. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/oct/14/elite-military-unit-says-it-has-seized-power-in-madagascar (accessed: 11.03.2026).

10. Schmitt E. U.S. Confronts Failures as Terrorism Spreads in West Africa [Electronic resource] / E. Schmitt // The New York Times. – 2024. – 7 June. – URL: https://www.nytimes.com/2024/06/07/us/politics/us-terrorism-west-africa.html (accessed: 11.03.2026).

11. SIPRI Arms Transfers Database [Electronic resource] // Stockholm International Peace Research Institute. – 2026. – URL: https://www.sipri.org/databases/armstransfers (accessed: 11.03.2026).

12. Turse N. More U.S. Troops Are Headed to Nigeria [Electronic resource] // The Intercept. – 2026. – 19 Feb. – URL: https://theintercept.com/2026/02/19/more-u-s-troops-are-headed-to-nigeria/ (дата обращения: 11.03.2026).

13. Turse N. U.S.-Trained Officers Have Led Numerous Coups in Africa [Electronic resource] / N. Turse // The Intercept. – 2022. – 9 March. – URL: https://theintercept.com/2022/03/09/intercepted-podcast-africa-coup/ (accessed: 11.03.2026).

14. US condemns Sudan military coup, suspends $700 million in aid [Electronic resource] // Fox News. – 2021. – 25 October. – URL: https://www.foxnews.com/politics/us-condemns-sudan-military-coup-pauses-700m-aid (accessed: 11.03.2026).

15. US envoy meets Mali's junta leader in Bamako [Electronic resource] // Africanews. – 2026. – 3 Feb. – URL: https://www.africanews.com/2026/02/03/us-envoy-meets-malis-junta-leader-in-bamako/ (accessed: 11.03.2026).

US MILITARY-TECHNICAL COOPERATION POLICY IN THE CONTEXT OF A CONTINUUM OF COUPS IN SUB-SAHARAN AFRICA

Bosy I.V.

G.A. Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

The range of military coups in Sub-Saharan Africa between 2020 and 2025, which shaped a "coup belt" in Sahel questioned the effectiveness of decades-long U.S. military cooperation with its countries. This study aims to analyze the transformation of U.S. policy in the sphere of armaments transfers amid the new political reality and the return of Donald Trump to the White House, as well as to assess the prospects of this policy in the context of geopolitical competition. The analysis indicates that Washington has lost positions in the regional arms market to China and Turkey, as well as a reduction in the U.S. military presence in the region amidst growing political instability and anti-Western uprisings. U.S. attempts to establish relations with the juntas of Mali, Burkina Faso, and Niger have not led to a restoration of its military presence due to the persistent anti-Western rhetoric of the leaders of the Alliance of Sahel States. However, the U.S. has managed to stabilize relations with Guinea, Gabon, and Madagascar, as well as strengthen cooperation with Nigeria, which suggests redistribution of its influence rather than its reduction.

Keywords: International armaments cooperation, coup d'état, Sub-Saharan Africa, Sahel, United States, SIPRI, arms transfers, Donald Trump, US Africa policy, coups in Africa, US military bases, Alliance of Sahel States.

References

1. National Security Strategy [Electronic resource] // The White House. – Washington, 2025. – Nov. – 33 p. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf accessed: 05.03.2026).

[1] Ibid.

[2] Schmitt E. Ad. cit.

[3] Turse N. More U.S. Troops Are Headed to Nigeria [Электронный ресурс] // The Intercept. – 2026. – 19 Feb. – URL: https://theintercept.com/2026/02/19/more-u-s-troops-are-headed-to-nigeria/ (дата обращения: 11.03.2026).

[4] Ibid.

2. Coup-Related Restrictions in U.S. Foreign Aid Appropriations [Electronic resource] // Congressional Research Service. – 2025. – 19 Sept. – Report IF11267. – URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/HTML/IF11267.html (accessed: 11.03.2026).

3. Does US military training incubate coups in Africa? The jury is still out [Electronic resource] // The Africa Report. – 2020. – 1 Oct. – URL: https://www.theafricareport.com/44189/does-us-military-training-incubate-coups-in-africa-the-jury-is-still-out/ (accessed: 11.03.2026).

4. Guinée: comment Washington mise sur Mamadi Doumbouya [Electronic resource] // Grandes Lignes. – 2026. – 14 January. – URL: https://grandeslignes.media/guinee-comment-washington-mise-sur-mamadi-doumbouya/ (accessed: 11.03.2026).

5. Joint Statement from the U.S. Department of Defense and the Ministry of National Defense of the Republic of Niger [Electronic resource] // U.S. Embassy in Niger. – 2024. – 16 Sept. – URL: https://ne.usembassy.gov/joint-statement-from-the-u-s-department-of-defense-and-the-ministry-of-national-defense-of-the-republic-of-niger/ (accessed: 11.03.2026).

6. Joint Statement on Restoring Peace and Security in Sudan [Electronic resource] // U.S. Department of State. – 2025. – 12 September. – URL: https://www.state.gov/releases/2025/09/joint-statement-on-restoring-peace-and-security-in-sudan (accessed: 11.03.2026).

7. Baldor L.C. Russian trainers move to a Niger airbase where some US troops remain [Electronic resource] / L.C. Baldor // AP News. – 2024. – 2 May. – URL: https://apnews.com/article/us-russia-niger-military-base-8175c6b1afe519a300c56fd87ca250a6 (дата обращения: 21.03.2026)

8. Masad Boulos, conseiller de Trump: « En Afrique, nous ne sommes pas là pour faire la morale » [Electronic resource] / Propos recueillis par M. Ben Yahia // Le Monde. – 2025. – 9 oct. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2025/10/09/masad-boulos-conseiller-de-trump-en-afrique-nous-ne-sommes-pas-la-pour-faire-la-morale_6498767_3212.html (accessed: 11.03.2026).

9. Savage R. Elite military unit says it has seized power in Madagascar [Electronic resource] / R. Savage // The Guardian. – 2025. – 14 October. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/oct/14/elite-military-unit-says-it-has-seized-power-in-madagascar (accessed: 11.03.2026).

10. Schmitt E. U.S. Confronts Failures as Terrorism Spreads in West Africa [Electronic resource] / E. Schmitt // The New York Times. – 2024. – 7 June. – URL: https://www.nytimes.com/2024/06/07/us/politics/us-terrorism-west-africa.html (accessed: 11.03.2026).

11. SIPRI Arms Transfers Database [Electronic resource] // Stockholm International Peace Research Institute. – 2026. – URL: https://www.sipri.org/databases/armstransfers (accessed: 11.03.2026).

12. Turse N. More U.S. Troops Are Headed to Nigeria [Electronic resource] // The Intercept. – 2026. – 19 Feb. – URL: https://theintercept.com/2026/02/19/more-u-s-troops-are-headed-to-nigeria/ (дата обращения: 11.03.2026).

13. Turse N. U.S.-Trained Officers Have Led Numerous Coups in Africa [Electronic resource] / N. Turse // The Intercept. – 2022. – 9 March. – URL: https://theintercept.com/2022/03/09/intercepted-podcast-africa-coup/ (accessed: 11.03.2026).

14. US condemns Sudan military coup, suspends $700 million in aid [Electronic resource] // Fox News. – 2021. – 25 October. – URL: https://www.foxnews.com/politics/us-condemns-sudan-military-coup-pauses-700m-aid (accessed: 11.03.2026).

15. US envoy meets Mali's junta leader in Bamako [Electronic resource] // Africanews. – 2026. – 3 Feb. – URL: https://www.africanews.com/2026/02/03/us-envoy-meets-malis-junta-leader-in-bamako/ (accessed: 11.03.2026).

Экстремизм и терроризм как трансграничные угрозы: анализ современных вызовов

Данилов Вячеслав Леонидович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Предмет статьи – экстремизм и терроризм в трансграничном измерении как комплекс угроз безопасности, воспроизводимый через цифровые коммуникации, финансовые потоки и межгосударственные разрывы управления. Актуальность обусловлена одновременным усилением сетевых форм радикализации, усложнением мониторинга финансирования противоправной деятельности и ростом зависимости противодействия от международных механизмов координации. Научная новизна связана с интеграцией юридико-институционального и коммуникационно-социологического анализа в единую объяснительную схему, где трансграничность трактуется как совокупность каналов переноса: информационного, организационного, финансового и пространственно-логистического. Цель – выделить современные механизмы трансграничной угрозы и показать ограничения применимости отдельных управленческих решений. Применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, логико-аналитический разбор, обобщение и классификация. Источниковая база охватывает исследования кибертерроризма и киберэкстремизма, работы по онлайн-дискурсу радикальных сообществ, статьи по финансовому контролю и нормативному регулированию, материалы о региональных форматах взаимодействия (ШОС) и количественных подходах к оценке террористической активности. Аналитическая часть раскрывает связки «цифровая среда – рекрутирование – финансирование – межгосударственная координация». Практическая полезность результатов связана с уточнением точек уязвимости для профилактики, мониторинга и межведомственного сопровождения.

Ключевые слова: трансграничная безопасность, экстремистская идеология, международный терроризм, кибертерроризм, киберэкстремизм, онлайн-радикализация, дискурс-анализ, антитеррористическое сотрудничество, финансовый мониторинг, региональные организации.

Введение

Актуальность исследования задается тем, что экстремизм и терроризм в современных условиях воспроизводятся в режимах, слабо привязанных к территории одного государства. Перемещение идеологических установок и практик насилия обеспечивается инфраструктурой цифровых платформ, а легализация и перевод средств получают новые технологические оболочки, сокращающие наблюдаемость финансовых траекторий. В результате профилактика и пресечение формируются как многоуровневая управленческая задача, где национальные инструменты без межгосударственных связок дают фрагментарный эффект.

Цель исследования – аналитически описать механизмы, через которые экстремизм и терроризм проявляются как трансграничные угрозы, и выявить ограничения применимости существующих подходов противодействия при усложнении цифровых и финансовых каналов. Задачи исследования:

1. систематизировать трансграничные каналы распространения экстремистских и террористических практик (цифровой, финансовый, организационно-институциональный);
2. сопоставить подходы к правовому и институциональному реагированию в сферах киберугроз, финансового контроля и международной координации;
3. выделить аналитические основания для оценивания динамики террористической активности и связанных управленческих решений.

Научная новизна исследования выражена в сопряжении трех исследовательских линий – правовой регламентации цифровых форм экстремизма и терроризма, социологического анализа онлайн-дискурса радикальных сообществ и международно-политического анализа региональных форматов координации – без разнесения их по автономным описаниям.

Материалы и методы

Теоретико-эмпирическую основу составили публикации, отражающие разные уровни проблемы и позволяющие связать механизмы трансграничной угрозы в единую рамку. В.В. Баранов, В.М. Пашин [1] рассматривают кибертерроризм через призму информационно-психологической безопасности и задают юридико-криминологический угол зрения на цифровую форму угроз. О.С. Чикризова [2] предлагает методику количественного оценивания террористической активности исламистских группировок, что позволяет обсуждать измеримость динамики угроз. С.И. Чудинов, Д.А. Казначеев [3] анализируют трансформации идеологического дискурса исламистских сообществ в российской социальной сети на данных мониторинга и критического дискурс-анализа. В.В. Кулаков, А.А. Арямов [4] исследуют юридические механизмы финансового контроля при рисках финансирования терроризма и экстремизма в среде онлайн-переводов. Д.В. Малышев [5] описывает антитеррористическое направление в рамках ШОС и институциональные инструменты координации. С.С. Мельник [6] концентрируется на правовом регулировании киберэкстремизма и кибертерроризма, фиксируя проблемные зоны дефиниций и нормоприменения. Т.В. Прокофьева [7] рассматривает современные угрозы экстремизма и организационно-правовые меры реагирования, включая привязку к стратегическому планированию. Д.В. Пучков [8] анализирует кибертерроризм как разновидность киберугроз с акцентом на уголовно-правовые решения и варианты уточнения норм. С. Рауф [9] исследует трансграничное взаимодействие Афганистана и ШОС после вывода войск США через международно-политические объяснительные конструкции и массив документов. А.К. Румянцева, К.Х. Рахимов [10] анализируют антитеррористическую деятельность ШОС в Центральной Азии, включая практики учений и институциональные формы сотрудничества.

Использованы анализ научных публикаций и нормативно-ориентированных исследований для фиксации предметных полей; сравнительный анализ для сопоставления правовых и институциональных подходов в цифровом, финансовом и международном направлениях; логико-аналитический разбор и классификация для выделения каналов трансграничной угрозы; синтез для построения связного объяснения в рамках цели исследования.

Результаты

Трансграничный характер угрозы проявляется как совмещение минимум трех каналов переноса: цифрового, финансового и институционально-организационного. Цифровой канал задает ускоренное распространение пропаганды, рекрутирования и координации, при котором физические границы теряют фильтрующую способность. В юридико-безопасностной трактовке кибертерроризм описывается как угроза информационно-психологической безопасности личности, общества и государства, где объектом воздействия выступают как инфраструктуры, так и массовые представления, страх, управляемость поведения [1]. Внутри этой логики трансграничность фиксируется не географией субъекта, а возможностью воздействия через сеть, технологической масштабируемостью и трудностью атрибуции источника.

Уголовно-правовая перспектива задает более узкую предметность: кибертерроризм мыслится как разновидность киберугроз, требующая уточнения квалифицирующих признаков и разъяснения отдельных составов, что связывается с практикой доказывания и разграничением близких деяний [8]. В связке [1] и [8] просматривается общий вывод: цифровая форма угрозы снижает ценность классических профилактических барьеров, опирающихся на территорию и физическое перемещение, а правоприменение сталкивается с «разрывом» между технологическими сценариями и конструкциями состава преступления.

На уровне нормативного языка киберэкстремизм и кибертерроризм описываются как социальные явления, получившие широкое распространение на фоне развития информационных технологий; при этом исследовательский фокус переносится на проблемы дефиниций, вариативность подходов к регулированию и перспективы нормотворческого упорядочивания [6]. В результате цифровой канал трансграничности получает двойную фиксацию: через угрозу массовому сознанию и коммуникационным практикам (безопасностная рамка) и через дефициты правовой определенности (регуляторная рамка) [1; 6].

Отдельную линию образует эмпирически насыщенный анализ онлайн-радикализации и дискурсивной адаптации радикальных сообществ под ограничения платформ. На данных мониторинга виртуальных исламистских сообществ в российской социальной сети показано, что идеологические установки модифицируются и приобретают завуалированные формы репрезентации, а семантика «опасных» категорий размывается для снижения уязвимости к блокировкам; одновременно в более радикальном сегменте дискурс интенсифицируется вплоть до завуалированной легитимации насилия [3]. Для темы трансграничных угроз этот результат означает следующее: даже при локальной юрисдикции платформы дискурсивные стратегии ориентируются на обход контроля и на расширение аудитории, а значит, пропаганда воспроизводит «переносимость» через языковые и жанровые формы, а не через физическое перемещение.

Финансовый канал трансграничности раскрывается через анализ онлайн-переводов и режимов мониторинга. Юридический разбор практик, связанных с банковскими онлайн-переводами в розничной среде, выводит на риски финансирования терроризма и экстремизма и связывает их с пробелами регулирования и криминогенными факторами; фиксация проблемы проводится в координатах финансового антитеррористического и антиэкстремистского мониторинга [4]. В рамках общей конструкции трансграничной угрозы этот результат переводит внимание от «источника идеологии» к «материальному обеспечению» деятельности: перенос через границы происходит по траекториям средств, где цифровые платежные инструменты дают высокую скорость и дисперсию операций.

Организационно-правовой уровень противодействия экстремизму задает рамку, в которой эта угроза рассматривается через состояние и тенденции преступности экстремистской направленности и через стратегическое планирование государственной политики. В исследовании, ориентированном на российский материал, приводятся статистические показатели МВД России за 2020 и 2021 годы и фиксируется изменение динамики в последующий период, что используется для обсуждения актуальных направлений противодействия [7]. В сопряжении с [4] данный слой задает логику «сквозного управления»: правоприменение и мониторинг финансовых потоков утрачивают эффективность без организационных решений, закрепленных в стратегических документах и ведомственных процедурах.

Международно-кооперационный канал трансграничности описывается через региональные форматы и институциональные механизмы. Анализ развития ШОС показывает, что антитеррористическое направление оформлено как одно из устойчивых направлений деятельности организации, институционально поддерживаемое специализированными структурами и практиками обмена информацией, включая работу Региональной антитеррористической структуры [5]. В публикации по Центральной Азии антитеррористическое сотрудничество рассматривается как сравнительно результативная сфера работы ШОС, где практики учений и институциональные механизмы координации формируют совместимость реагирования в регионе [10]. Данные результаты задают конкретную связку: трансграничность угрозы требует не декларативного согласия, а согласования процедур, обмена данными и совместимых сценариев реагирования.

Трансграничная напряженность усиливается в условиях нестабильности в сопредельных зонах. На материале взаимодействия Афганистана и ШОС после вывода войск США исследование фиксирует ухудшение ситуации в сфере безопасности как общую угрозу для государств-членов, а в качестве практического ответа выделяет потребность в консенсусе и функциональном сотрудничестве, опирающемся на документы и официальные заявления [9]. В связке с [5] и [10] этот результат уточняет характер регионального измерения: угроза переносится через пространство нестабильности, а эффективность реагирования определяется согласованностью политических решений и процедурной «сшивкой» действий.

Наконец, измерительный слой позволяет обсуждать динамику террористической активности через количественные инструменты. Методика балльной оценки активности исламистских группировок строится на использовании эмпирических данных о числе терактов и жертв и дает основания для выделения этапов развития, анализа географии деятельности и обсуждения ограничений методики [2]. В контуре трансграничной проблематики этот результат задает прикладной вывод: без сопоставимых критериев оценивания невозможно корректно сравнивать угрозность между регионами и периодами, а следовательно, трудно обосновывать приоритеты кооперации и распределение ресурсов противодействия.

Интеграция источников [2–4; 7] формирует общую конструкцию современных вызовов: цифровая среда обеспечивает адаптивную пропаганду и рекрутирование; финансовые технологии снижают прозрачность материального обеспечения; статистико-управленческий уровень требует согласованности показателей и процедур; измерительные методики обеспечивают сопоставимость и проверяемость решений при межгосударственном взаимодействии. Интеграция источников [5; 9; 10] добавляет международно-региональную оптику и показывает, что «координация» в практическом смысле опирается на институциональные механизмы, регулярные форматы взаимодействия и согласование функциональных действий, а не на общий политический тезис.

Обсуждение

Полученные положения задают несколько линий интерпретации. Первая линия связана с разным пониманием предмета угрозы в правовой и коммуникационно-социологической перспективе. Юридические исследования в области кибертерроризма и киберэкстремизма концентрируются на дефинициях, квалификации и пределах правовой определенности, то есть на том, где проходит граница между сходными составами, какие признаки требуют уточнения, какие модели разъяснений усиливают единообразие практики. Социологический анализ онлайн-дискурса, напротив, показывает адаптивность радикальных нарративов и возможность их маскировки под «размытые» семантические конструкции. Между этими подходами возникает методологическое расхождение: право стремится к фиксированным признакам, а дискурс меняет форму быстрее, чем обновляются нормативные конструкции и практики доказывания. Из этого следует ограничение применимости сугубо нормативного решения: оно стабилизирует квалификацию постфактум, но слабее работает как ранний фильтр.

Вторая линия касается финансового контроля. Юридическая аналитика онлайн-переводов и мониторинга описывает риски через пробелы регулирования и криминогенные факторы. На уровне практической применимости здесь проявляется напряжение между скоростью цифровых платежных инструментов и процедурной инерцией контроля. Усиление мониторинга без настройки межведомственной совместимости порождает накопление сигналов без достаточной аналитической обработки; обратная ситуация – точечные меры контроля без стратегического управления – приводит к фрагментарности и переносу активности в менее наблюдаемые сегменты. Следовательно, результативность финансового направления зависит от согласования критериев риска и от связки контроля с правовым и организационным сопровождением.

Третья линия относится к международной координации. Материалы по ШОС и региональной среде показывают, что сотрудничество имеет институциональные формы, а практики учений и обмена информацией создают совместимость реагирования. Ограничение применимости здесь задается политической неоднородностью государств-участников и различиями в приоритетах безопасности, что делает

консенсус затратным ресурсом. Дополнительный предел задает зависимость кооперации от внешней нестабильности: ухудшение ситуации в сопредельных зонах требует функционального сотрудничества, но расширяет перечень задач, выходящих за рамки узко силового ответа, включая восстановительные и социально-политические меры. Поэтому институциональные механизмы координации эффективнее работают в части согласования процедур противодействия, чем в части устранения первопричин нестабильности.

Четвертая линия связана с измерением террористической активности. Количественные методики дают основу для сопоставления регионов и периодов, но их валидность зависит от качества исходных данных и от ясности критериев отбора наблюдений. При переносе методики в управленческую практику возникает риск подмены объяснения показателем: численная оценка облегчает коммуникацию между ведомствами и государствами, но требует содержательной интерпретации, иначе она превращается в формальный индикатор без связи с профилактикой и адресными решениями.

Исследовательская лакуна просматривается на стыке трех уровней: дискурсивной адаптации радикальных сообществ, финансовых траекторий обеспечения и межгосударственных процедур обмена данными. Литература описывает эти элементы раздельно, а практическое противодействие требует их совместного анализа в рамках единой модели переноса угрозы. Отсюда вытекает направление дальнейшей разработки: согласование понятийного аппарата между правовой квалификацией цифровых деяний, индикаторами дискурсивной радикализации и критериями финансового риска.

Заключение

По первой задаче систематизация показала, что трансграничная угроза формируется через связку цифрового распространения и маскировки идеологии, финансового обеспечения через технологизированные платежные практики и институционально-организационного переноса через межгосударственные разрывы процедур реагирования.

По второй задаче сопоставление подходов выявило, что правовое регулирование цифровых форм экстремизма и терроризма ориентировано на определенность квалификации и единообразие практики, финансово-контрольное направление – на выявление и сопровождение рискованных траекторий переводов, международно-кооперационный уровень – на процедурную совместимость и устойчивые форматы обмена информацией; границы применимости проявляются там, где адаптивность дискурса и технологий опережает обновление норм и процедур.

По третьей задаче выделение аналитических оснований для оценивания динамики террористической активности подтвердило продуктивность количественных инструментов для сопоставления регионов и периодов при условии интерпретации показателей через институциональные и коммуникационные механизмы переноса угрозы.

Литература

1. Баранов В. В., Пашин В.М. Кибертерроризм как угроза информационно-психологической безопасности личности, общества и государства // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 200–212. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-3-200-212.

2. Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 30–44. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-30-44.

3. Чудинов С. И., Казначеев Д.А. Развитие идеологического дискурса исламистских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6 (190). С. 152–177. DOI: 10.14515/monitoring.2025.6.2743.

4. Кулаков В. В., Арямов А.А. Финансовый контроль как превенция терроризма и коррупции // Российское правосудие. 2025. № 6. С. 13–23. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.6.13-23.

5. Малышев Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 4. С. 81–104. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104.

6. Мельник С.С. Правовое регулирование киберэкстремизма и кибертерроризма: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 187–192. DOI: 10.36511/2078-5356-2024-1-187-192.

7. Прокофьева Т.В. Противодействие экстремизму: современные угрозы и ответные организационно-правовые меры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2025. № 4 (857). С. 135–140.

8. Пучков Д.В. Кибертерроризм как новая угроза // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 382–391.

9. Сарват Р. Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 252–263. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263.

10. Румянцева А. К., Рахимов К.Х. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 8. С. 835–846. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-8-835-846.

EXTREMISM AND TERRORISM AS CROSS-BORDER THREATS: AN ANALYSIS OF CONTEMPORARY CHALLENGES

Danilov V.L.
Dostoevsky Omsk State University

This article examines extremism and terrorism in a cross-border dimension as a complex set of security threats, mediated through digital communications, financial flows, and interstate governance gaps. This topic is relevant due to the simultaneous intensification of online forms of radicalization, the increasing complexity of monitoring the financing of illegal activities, and the growing reliance on international coordination mechanisms for countering these threats. The scientific novelty lies in the integration of legal-institutional and communication-sociological analysis into a unified explanatory framework, where cross-border nature is interpreted as a set of transfer channels: informational, organizational, financial, and spatial-logistical. The goal is to highlight contemporary mechanisms of cross-border threats and demonstrate the limitations of the applicability of individual governance decisions. The article utilizes an analysis of scientific publications, a comparative analysis, a logical-analytical analysis, a summary, and a classification. The source base encompasses research on cyberterrorism and cyberextremism, works on the online discourse of radical communities, articles on financial control and regulation, materials on regional cooperation formats (SCO), and quantitative approaches to assessing terrorist activity. The analytical section reveals the links between the digital environment, recruitment, financing, and interstate coordination. The practical utility of the results lies in the clarification of vulnerabilities for prevention, monitoring, and interagency support.

Keywords: cross-border security, extremist ideology, international terrorism, cyberterrorism, cyberextremism, online radicalization, discourse analysis, counterterrorism cooperation, financial monitoring, regional organizations.

References

1. Baranov V. V., Pashin V.M. Cyberterrorism as a Threat to the Information and Psychological Security of the Individual, Society, and the State // Bulletin of the Russian Law Academy. 2024. No. 3. pp. 200–212. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-3-200-212.

2. Chikrizova O.S. Methodology for Scoring the Terrorist Activity of Islamist Groups in 2000–2020 // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2025. Vol. 25, No. 1. pp. 30–44. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-30-44.

3. Chudinov S. I., Kaznacheev D.A. Development of the ideological discourse of Islamist communities on the social network VKontakte // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2025. No. 6 (190). Pp. 152–177. DOI: 10.14515/monitoring.2025.6.2743.

4. Kulakov V. V., Aryamov A.A. Financial control as a prevention of terrorism and corruption // Russian justice. 2025. No. 6. Pp. 13–23. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.6.13-23.

5. Malyshev D.V. The Shanghai Cooperation Organization and its role in the system of modern international relations (on the 20th anniversary of the SCO) // Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics. 2021. Vol. 13, No. 4. Pp. 81–104. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104.

6. Melnik S.S. Legal Regulation of Cyber-Extremism and Cyber-Terrorism: Problems and Prospects // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (65). Pp. 187–192. DOI: 10.36511/2078-5356-2024-1-187-192.

7. Prokofieva T.V. Counteracting Extremism: Modern Threats and Responses to Organizational and Legal Measures // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. 2025. No. 4 (857). Pp. 135–140.

8. Puchkov D.V. Cyberterrorism as a New Threat // Victimology. 2021. Vol. 8, No. 4. Pp. 382–391.

9. Sarvat R. Cross-Border Interaction between Afghanistan and the Shanghai Cooperation Organization after the Withdrawal of US Troops from Afghanistan // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2024. Vol. 24, No. 2. Pp. 252–263. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263.

10. Rumyantseva A. K., Rakhimov K. Kh. The Role of the SCO in Countering Terrorism in Central Asian Countries // Post-Soviet Studies. 2022. Vol. 5, No. 8. Pp. 835–846. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-8-835-846.

Некоторые возможности и вызовы для вьетнамской политики в переходный период к социализму

Нгуен Ван Ню,
кандидат магистра, Государственный университет управления

Ле Дык Ань,
студент, Государственный университет управления

До Нгок Ань,
студент, Государственный университет управления

Нгуен Нгок Ха Фыонг,
студент, Государственный университет управления

Во Вьетнам отличительной особенностью переходного периода к социализму является его косвенный характер и в определённой степени ускоренный процесс преобразований – переход от отсталой аграрной страны непосредственно к социализму без прохождения стадии капиталистического развития. С учётом указанной специфики, наряду с позитивными сторонами, политическая система Вьетнама также сталкивается с немалым количеством вызовов и трудностей, требующих решения. Эти возможности и вызовы переплетаются между собой, взаимно воздействуют друг на друга и могут трансформироваться друг в друга. В рамках настоящего исследования, с использованием метода анализа документов, логико-исторического метода и метода исследования конкретного случая в политической науке, мы предпримем попытку проанализировать и обосновать ряд возможностей и вызовов, стоящих перед политикой Вьетнама в современный период строительства страны в условиях перехода к социализму.

Ключевые слова: возможности, вызовы, переходный период к социализму, Вьетнам

Общее восприятие во Вьетнам современного этапа переходного периода к социализму

Представление о переходном периоде ранее было сформулировано Карл Маркс в работе Критика Готской программы, где он подчёркивал: «Между капиталистическим обществом и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» [1, с. 47]. Карл Маркс считал, что это общество, только что вышедшее из недр капиталистического общества, ещё не развившееся на собственной основе и потому сохраняющее многочисленные следы старого общества, из которого оно возникло [2, с. 124]. В частности: «Общество, о котором здесь идёт речь, – это не коммунистическое общество, развившееся на собственной основе; напротив, это коммунистическое общество, только что вышедшее из недр капиталистического общества и потому во всех отношениях – экономическом, нравственном и духовном – сохраняющее следы старого общества, из которого оно вышло» [3, с. 33]. На основе теории Карл Маркс Владимир Ленин дополнил и развил её, стремясь совершенствовать идеи о переходном периоде; существуют даже мнения, что именно он впервые использовал понятие «переходный период от капитализма к социализму» [4]. При этом Владимир Ленин подразделил экономико-социальные формы коммунистического общества на несколько этапов: этап «продолжительных схваток» (переходный период), начальный этап коммунистического общества (социализм) и более высокий этап коммунистического общества (коммунизм) [5, с. 223]. Наследуя взгляды Карл Маркс и Владимир Ленин о непрерывной революции и переходном периоде к социализму, а также исходя из специфики и конкретных условий Вьетнам, Хо Ши Мин подчеркнул: переходный период является «периодом новой демократии», постепенно ведущим к социализму. Пропуск капиталистического строя, по сути, означает «пропуск установления господства капиталистических производственных отношений и надстройки, но при этом заимствование и наследование достижений человечества, достигнутых в условиях капитализма, особенно в области науки и техники, с целью ускоренного развития производительных сил и построения современной экономики» [6, с. 84]. В настоящее время взгляд Коммунистическая партия Вьетнама на переходный период к социализму находится под достаточно очевидным влиянием применения и развития теории марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мин. На VI съезде (1986) Коммунистическая партия Вьетнама установила, что переход от капитализма к социализму неизбежно должен проходить через переходный период, а его продолжительность зависит от конкретных экономических, политических и социальных условий каждой страны [4]. В ходе постоянного изучения, развития теории и практического применения на VII, VIII, IX и X съездах, к XI съезду наша Партия обобщила понятие переходного периода к социализму как «глубокий и радикальный революционный процесс, сложная борьба между старым и новым, направленная на качественные преобразования во всех сферах общественной жизни, неизбежно проходящий через продолжительный переходный период с множеством этапов развития и разнообразными формами экономической и социальной организации, переплетающимися между собой» [7, с. 70]. Примечательно, что Коммунистическая партия Вьетнама уже на раннем этапе определила общую цель: «в основном создать экономическую основу социализма с соответствующей политической, идеологической и культурной надстройкой, что создаст предпосылки для того, чтобы Вьетнам стал социалистическим государством, постепенно достигающим процветания и благополучия» [7, с. 70] по окончании переходного периода во Вьетнаме.

Идентификация некоторых возможностей и вызовов политической системы Вьетнам в период перехода к социализму

Для того чтобы выявить возможности и вызовы в целом, вне зависимости от сферы, они всегда оказываются разнообразными и сложными. Чтобы успешно выполнить эту задачу, помимо соответствующей теоретической базы, необходим исторический взгляд и способность глубоко обобщать теорию и практику. Безусловно, в случае Вьетнам для ана-

лиза этих воздействий необходимо рассматривать объект в контексте условий перехода к социализму, подразумевающего пропуск капиталистического строя. С этой точки зрения можно выделить следующие заметные возможности [8]:

Во-первых, практика развития страны и текущие тенденции движения мира и региона создают для Вьетнам множество благоприятных условий для анализа, обобщения и всё более ясного понимания модели и пути построения социализма. Обратившись к прошлому Европы, ошибки как в теоретическом, так и в практическом плане привели к краху устаревшей социалистической модели в Советском Союзе и странах Восточной Европы в 1991 году. Этот опыт стал важным уроком для Вьетнама. В частности, возникли новые практические требования: необходимо обновление, реформы и перестройка реалистичной модели социализма, чтобы она лучше соответствовала развитию в новых условиях. Кроме того, современные мировые тенденции развития создают для стран возможность формировать новые, более подходящие социальные модели. Для Вьетнам это выражается в создании ориентированной на социализм рыночной экономики и социалистического правового государства, которое принадлежит народу, действует через народ и для народа. Именно этот путь соответствует цели страны: богатый народ, сильное государство, демократия, справедливость, цивилизованность. В условиях глобализации и новой индустриальной революции требования к современным, прозрачным и эффективным моделям управления становятся общепринятым стандартом для развитых стран. Для Вьетнама строительство и совершенствование социалистического правового государства «народа, через народ и для народа» является не только последовательной политической целью, но и важной возможностью повысить легитимность, эффективность и результативность политической системы. Практика более чем 30 лет реформ показывает, что вместе с развитием ориентированной на социализм рыночной экономики система законодательства постепенно совершенствуется, механизмы контроля власти укрепляются, административные реформы продвигаются в направлении упрощения и повышения эффективности. Это создаёт условия для того, чтобы Вьетнам постепенно соответствовал передовым мировым стандартам управления, одновременно сохраняя социалистическую сущность режима. В переходный период к социализму, когда старые и новые элементы переплетаются, создание согласованной, прозрачной и предсказуемой правовой базы способствует регулированию сложных социальных отношений, снижению конфликтов интересов и укреплению доверия народа к Партии и государству. Таким образом, процесс совершенствования социалистического правового государства является не только внутренней необходимостью развития, но и возможностью для политической системы Вьетнам продемонстрировать способность к лидерству и управлению в новых условиях.

Далее, патриотические традиции, трудолюбие, любовь к учёбе, акцент на коллективизм – общественную ответственность и семейные ценности в условиях нынешней интеграции создают для Вьетнам возможности усвоения лучших достижений мировой цивилизации, что усиливает внутренний культурный и духовный потенциал народа Вьетнама на пути развития. Недавнее значимое исследование отмечает: «Народ Вьетнама выживал и развивался в бесчисленных трудностях и испытаниях. Множество могущественных внешних сил не раз пытались вторгнуться и оккупировать Вьетнам. Жестокие и суровые природные катастрофы лишали результатов труда многих поколений вьетнамцев […] В таких условиях только сплочённость и укрепление чувства общности позволяли народу Вьетнама выстоять и развиваться. Здесь сплочённость становится ключевой ценностью и важным ориентиром для вьетнамца […] обеспечивая выживание народа Вьетнама перед лицом многочисленных суровых испытаний природы и общества» [9, с. 49–60]. При обсуждении особенностей вьетнамской культуры одним из наиболее примечательных аспектов является способность к культурной адаптации. На протяжении исторического пути от прошлого к настоящему вьетнамцы, обладая высокой способностью к адаптации, избирательно усваивали достижения мировой цивилизации, применяли их в условиях Вьетнам, тем самым внося значительный вклад в строительство социализма.

Далее, опыт более чем 35 лет реализации политики «Đổi Mới» создал для Коммунистическая партия Вьетнама значительный ресурс как материальный, так и интеллектуальный, обеспечивая устойчивое руководство всей страной и обществом Вьетнам на пути развития. Это является крайне важным условием и возможностью для уверенного движения по социалистическому пути, который строят вся Партия и весь народ Вьетнама. В ходе реформ Вьетнам достигла значительных, исторически значимых успехов на пути строительства и защиты социалистической Родины. В частности, многие страны рассматривают Вьетнам как пример в вопросах развития, ликвидации нищеты и сокращения бедности. На самом деле все достижения Вьетнама в области устойчивого сокращения бедности стали возможны благодаря мудрому руководству Партии, эффективному управлению со стороны государства, совместным усилиям всей системы и постоянному стремлению каждого гражданина к развитию. Именно в период реформ Партия и государство Вьетнам извлекли ценные уроки и превратили их в руководящие принципы действий для эффективного использования возможностей и преодоления вызовов на последующих этапах развития.

Кроме того, мудрое и своевременное руководство Коммунистическая партия Вьетнама с историческими решениями в ключевые моменты истории создало для Вьетнам многочисленные возможности на пути развития. В частности, в последнее время можно выделить политику и курс Партии, направленные на активное развитие науки и технологий, стимулирование инноваций и цифровую трансформацию страны. Эти направления рассматриваются как главный двигатель экономического роста, способствующий значительному развитию науки и технологий, инновационной деятельности, а также созданию рывка для повышения производительности, качества, эффективности и конкурентоспособности экономики [10, с. 51–60]. Конкретно, 22 декабря 2024 года Политбюро приняло Резолюцию № 57-NQ/TW «О прорывном развитии науки, технологий, инноваций и цифровой трансформации страны», в которой было определено, что наука, технологии, инновации и цифровая трансформация являются первостепенным прорывом, решающим фактором и предварительным условием, представляя наилучшую возможность для того, чтобы Вьетнам стал сильным, процветающим и могущественным государством в новой эпохе [11]. Результаты исследования работы «Прорывное развитие науки и технологий, инноваций и цифровой трансформации в проекте документов, представленных на XIV съезд Партии» выделили четыре ключевых положения, которые демонстрируют, что активное стимулирование развития науки и технологий, инноваций и цифровой трансформации обеспечит сильное, ускоренное, прорывное и устойчивое развитие экономики Вьетнам в эпоху её активного становления, а именно [12]: (1) Содействует тому, чтобы Вьетнам успевал за темпами и уровнем развитых стран, избегал риска отставания и уверенно продвигался наравне с другими развитыми государствами; (2) Является ключом к тому, чтобы страна уверенно открыла дверь в новую эпоху развития через повышение производительности труда, конкурентоспособности экономики и создание продуктов и услуг, удовлетворяющих потребности внутреннего и внешнего рынков; (3) Оптимизирует процессы производства, бизнеса и управления отечественных предприятий посредством стимулирования развития цифровой экономики в сочетании с «зелёной» экономикой, цифрового общества с обществом непрерывного обучения, что соответствует основным глобальным тенденциям развития; (4) Приносит практическую пользу населению, воплощая стремление построить процветающий и благополучный Вьетнам, основанный на ключевых ценностях: обеспечение прогресса, социальной справедливости, широкой социальной защиты и благосостояния каждого гражданина.

Наконец, существуют благоприятные возможности для сотрудничества, обмена опытом и привлечения иностранных инвестиций, технологий и управленческих практик у более развитых стран. В последние годы глобализация стала более всеобъемлющей и превратилась в объективную неизбежную тенденцию, в которую вовлечены все государства. Эта тенденция создаёт как многочисленные возможности, так и сложности для каждой страны, особенно для развивающихся и отстающих государств. Что касается благоприятных условий, глобализация и стремительное развитие науки и технологий способствовали открытию границ и интеграции стран. Этот процесс с одной стороны повышает уровень образования и взаимопонимания, с другой – создаёт условия для усвоения достижений и опыта более развитых стран, что позволяет формировать способность к «обходным путям и опережающему развитию», сокращая отставание по сравнению с другими развивающимися странами, и в частности – для Вьетнам. Вьетнам может использовать достижения передовых стран для собственного развития и последующего наследования их опыта.

С точки зрения марксизма-ленинизма, все явления и объекты находятся в постоянном движении и изменении. Источником этого движения и изменений является борьба противоположностей внутри противоречий, присущих самим объектам. Наряду с благоприятными возможностями и шансами, существуют также вызовы и трудности, которые представляют собой сложные задачи, требующие внимательного изучения со стороны Коммунистическая партия Вьетнама и государства Вьетнам для выработки соответствующих мер реагирования. Опираясь на исторический опыт и политическую практику, можно предварительно выделить следующие вызовы для политической системы Вьетнам в период перехода к социализму [8]:

Во-первых, трудности, связанные с утверждением правильности и неизбежности социализма в Вьетнам. В случае Вьетнама «национальная независимость, связанная с социализмом, является основной и непрерывной линией вьетнамской революции, а также ключевым элементом мыслительного наследия Хо Ши Мин» [13, с. 22]. Это является творческим вкладом Хо Ши Мин в применение марксизма-ленинизма к конкретным условиям Вьетнам [14]. Однако, когда социалистический строй в Советском Союзе и странах Восточной Европы рухнул, система социалистических стран в мире оказалась в кризисе и подверглась глубокому политическому упадку. В то же время капитализм, благодаря успешному применению передовых достижений науки и технологий, претерпел коррективы и трансформации, что обеспечило его быстрое развитие. В этой ситуации волны противоположных дискуссий вызвали размышления и оценки относительно того, возможно ли построение социализма без прохождения капиталистической стадии. Это оказало прямое и глубокое влияние на общественное согласие, концентрацию ресурсов и сил в каждой стране, а также на глобальном уровне, затрагивая процесс совместного строительства и защиты социализма.

Во-вторых, вызовы в работе по строительству Партии Коммунистическая партия Вьетнама и в создании прочной политико-социальной основы нового общества; это является важным условием для осуществления развития к социализму с пропуском капиталистического строя в Вьетнам. В условиях построения рыночной экономики, когда рыночные отношения проникают во все сферы общественной жизни, возникают серьёзные риски, связанные с деградацией моральных норм, стиля жизни и культуры, особенно в условиях воздействия прагматичных, лишённых гуманизма моделей поведения на партийных кадров и особенно на молодое поколение. Опираясь на последние политические события, отмечается, что деградация моральных и этических стандартов среди части партийных кадров уже происходит и влияет на авторитет и лидерство Партии. В частности, Резолюция XII съезда Партии прямо указывает: «Возникли действия и высказывания без принципов, противоречащие Программным документам, курсу и Уставу Партии у некоторых кадров и партийных членов» [15, с. 195]. Существуют высказывания и действия, которые «создают шум», являются пустыми, нереалистичными и безответственными, направлены на угождение толпе, вызывают эмоциональные реакции, используют и провоцируют реакции населения на острые социальные проблемы с нечистыми намерениями и личной выгодой; они формируют настроения сомнения, недовольства и колебаний на отдельных форумах, особенно в социальных сетях; призывают к протестам, поддерживают массовые собрания с «лозунгами» гражданского неповиновения, вызывая шок, подрывая политическую безопасность, общественный порядок и безопасность, негативно влияя на социально-экономическое развитие [16]. Это одна из наиболее тревожных проблем, поскольку она исходит из внутренних слабых мест системы.

В-третьих, хотя в настоящее время Вьетнам сохраняет независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность, современная ситуация ставит перед страной множество вызовов в обеспечении этих ценностей, делая их защиту всё более сложной и трудной. В последние годы на фоне усиления великодержавного шовинизма суверенитет и территориальная целостность Вьетнама подвергаются серьёзной угрозе [8]. Решение этой проблемы требует предельной мудрости и гибкости; в противном случае это может прямо повлиять на условия развития и путь Вьетнам к социализму. Очевидно, что без эффективного урегулирования вызовов в области защиты морских территорий и островов будет крайне сложно укреплять национальное единство внутри страны. Таким образом, осознание вызовов, связанных с национальным суверенитетом и безопасностью, требует от Вьетнама не только разработки стратегий предотвращения угроз, но и создания синергии между силой нации и силами современности, формируя потенциал и возможности для надёжной защиты независимости и территориальной целостности, а также для устойчивого сохранения достижений страны на пути развития к социализму и коммунизму.

Четвёртая проблема – вызовы, возникающие из многоаспектного влияния киберпространства и цифровых медиа на политическую и социальную стабильность. Взрывной рост информационных технологий, цифровых коммуникаций и социальных платформ глубоко изменил способы восприятия, производства и распространения информации в обществе. Если ранее информация преимущественно проверялась и передавалась через официальные институты, то сегодня любой человек может выступать субъектом распространения информации с высокой скоростью и широким охватом. Это открывает возможности для расширения демократии, повышения открытости и прозрачности, но одновременно создаёт серьёзные вызовы для идеологической работы, защиты теоретических основ Партии и поддержания политической и социальной стабильности. Дезинформация, искажения фактов и провокационные материалы, если их не распознавать и не нейтрализовать своевременно, способны подорвать общественное доверие, породить сомнения и раскол в среде граждан. В условиях, когда Вьетнам реализует развитие рыночной экономики с социалистической ориентацией и углубленную международную интеграцию, киберпространство становится новой ареной взаимодействия и борьбы между различными идеологиями и политическими взглядами. Поэтому повышение государственных управленческих компетенций в киберпространстве, одновременно с усилением роли политического и идеологического образования, а также формирование «иммунитета» общества к негативной информации, становится насущной необходимостью.

Заключение

Современный контекст глобализации и углубленной международной интеграции Вьетнам создал как благоприятные возможности и шансы, так и реальные вызовы и угрозы для строительства и защиты социализма в стране. Практика показывает, что насущной задачей для политической системы Вьетнама является более чёткое выявление этих вызовов и выработка рациональных стратегий, позволяющих использовать благоприятные возможности и нейтрализовать угрозы, создавая наиболее благоприятные условия для быстрого и устойчивого развития страны при сохранении социалистической ориентации в условиях интеграции и развития.

Одной из серьёзных современных угроз является деградация моральных принципов, образа жизни и трудовой дисциплины у части партийных кадров и членов Партии. Чтобы нейтрализовать эту угрозу, Коммунистическая партия Вьетнама и государство Вьетнам должны продолжать активно укреплять и исправлять Партии, а также эффективно предотвращать, бороться и устранять проявления деградации политических убеждений, морали и стиля жизни, включая феномены «самоперевращения» и «самоизменения». Как указано в Резолюции IV Центрального комитета XII созыва о совершенствовании строительства и исправления Партии, деградация политических убеждений, морали и стиля жизни, ведущая к «самоперевращению» и «самоизменению», – это лишь короткий, но чрезвычайно опасный шаг, способный привести к пособничеству или сговору с враждебными силами, предательству идеалов и революционной миссии Партии и нации [17]. Обращаясь к прошлому, когда система социалистических стран в Советском Союзе и странах Восточной Европы ещё существовала, Вьетнам получал значительную материальную и моральную помощь в процессе строительства и защиты социалистической Родины. Однако в нынешний период эти отношения строятся на принципе взаимной выгоды, и любая поддержка предоставляется с определёнными условиями. Поэтому Коммунистическая партия Вьетнама и государство Вьетнам должны разрабатывать соответствующие стратегии и тактики, чтобы эффективно использовать это сотрудничество и избежать слабых позиций, которые могли бы негативно повлиять на национальные интересы и суверенитет страны.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. (2000). Сочинения в полном собрании. Том 19. Ханой: Государственное политическое издательство, с. 47.
2. Министерство образования и подготовки кадров Вьетнама (2020). Учебник «Научный социализм». Ханой: Государственное политическое издательство, с. 124.
3. Маркс К., Энгельс Ф. (1995). Сочинения в полном собрании. Том 19. Ханой: Государственное политическое издательство, с. 33.
4. Ле Ким Вьет (2015). Применение и развитие теории переходного периода к социализму в процессе обновления. Электронный журнал «Политическая теория». Дата обращения: 09.08.2025, доступно по ссылке: https://lyluanchinhtri.vn/van-dung-va-phat-trien-ly-luan-ve-thoi-ky-qua-do-len-chu-nghia-xa-hoi-trong-cong-cuoc-doi-moi-767.html
5. Ленин В.И. (1976). Сочинения в полном собрании. Том 33. Москва: Прогресс, с. 223.
6. Коммунистическая партия Вьетнама (2001). Документы IX Всевьетнамского съезда делегатов. Ханой: Государственное политическое издательство, с. 84.
7. Коммунистическая партия Вьетнама (2011). Документы XI Всевьетнамского съезда делегатов. Ханой: Государственное политическое издательство, с. 70.
8. Ву Ван Ха (2015). Переход к социализму, минуя капиталистический строй: возможности и вызовы. Электронный журнал «Коммунист», дата обращения: 10.08.2025, доступно по ссылке: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/nghien-cu/-/2018/35821/qua-do-len-chu-nghia-xa-hoi-bo-qua-che-do-tu-ban-chu-nghia – co-hoi-va-thach-thuc.aspx

9. Нгуен Чи Зунг (2022). Стандарты личности вьетнамца – традиции и современность // В сборнике материалов Национальной конференции «Система национальных ценностей, система культурных ценностей, система семейных ценностей и стандарты личности вьетнамца в новом периоде». Ханой: Государственное политическое издательство «Сюьт Тхат», с. 49–60.

10. Доан Чиу Лонг (2023). Продвижение инноваций в Китае и политические уроки для Вьетнама. Рубрика «Практика – Опыт», Журнал «Лидерство и политика», № 03 (11/2023), с. 51–60.

11. Буи Тхи Бик Тхуан (2025). Политика Партии в области развития науки, технологий, инноваций и цифровой трансформации (2016–2024). Электронный журнал «История Партии», дата обращения: 11.08.2025, доступно по ссылке: https://tapchilichsudang.vn/chu-truong-cua-dang-ve-phat-trien-khoa-hoc-cong-nghe-doi-moi-sang-tao-chuyen-doi-so-2016–2024.html

12. До Тат Кыонг (2025). Прорывное развитие науки, технологий, инноваций и цифровой трансформации в проектах документов, представленных XIV Съезду Партии. Электронный журнал «Народная оборона», дата обращения: 10.08.2025, доступно по ссылке: https://tapchiqptd.vn/vi/huong-toi-dai-hoi-xiv-cua-dang/dot-pha-phat-trien-khoa-hoc-cong-nghe-doi-moi-sang-tao-va-chuyen-doi-so-trong-du-thao-cac-/24930.html

13. Нгуен Фу Чонг (2022). Некоторые теоретические и практические вопросы социализма и пути к социализму во Вьетнаме. Ханой: Государственное политическое издательство «Сюьт Тхат», с. 22.

14. Нгуен Зунг Ан (2023). Правильность выбора пути к социализму и механизмы функционирования политической системы Вьетнама в трудах Генерального секретаря Нгуен Фу Чонга. Специальный выпуск «Теория и практика социализма», Электронный портал Политической академии региона III, дата обращения: 10.08.2025, доступно по ссылке: https://hcma3.hcma.vn/Pages/chi-tiet-tin.aspx? ItemID=13402

15. Коммунистическая партия Вьетнама (2016). Документы XII Всевьетнамского съезда делегатов. Ханой: Государственное политическое издательство, 2016, с. 195.

16. Ле Минь Куан (2019). Популизм и борьба с его проявлениями во Вьетнаме. Электронная газета «Голос Вьетнама», дата обращения: 10.08.2025, доступно по ссылке: https://vov.vn/chinh-tri/chu-nghia-dan-tuy-va-dau-tranh-ngan-ngua-bieu-hien-cua-no-o-viet-nam-926122.vov?jskey=gubINUPY44OtQEyaGvRwtkrioWtESds%2BAg%3D%3D

17. Газета «Кан Тхо» (2019). О возможностях и вызовах для строительства социализма во Вьетнаме в условиях глобализации и текущей международной интеграции. Электронная газета города Кан Тхо, дата обращения: 15.08.2025, доступно по ссылке: https://baocantho.com.vn/ve-nhung-thoi-co-va-thach-thuc-doi-voi-su-nghiep-xay-dung-chu-nghia-xa-hoi-o-viet-nam-trong-boi-canh-a110722.html

SOME OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR VIETNAMESE POLITICS IN THE TRANSITION TO SOCIALISM

Nguyen Van Nhu, Le Duc Anh, Do Ngoc Anh, Nguyen Ngoc Ha Phuong
State University of Management

A distinctive feature of Vietnam's transition to socialism is its indirect nature and, to a certain extent, accelerated transformation process–the transition from a backward agrarian country directly to socialism without going through the capitalist development stage. Given these specific features, along with positive aspects, Vietnam's political system also faces numerous challenges and difficulties that require solutions. These opportunities and challenges are intertwined, mutually influence each other, and can transform into each other. In this study, using document analysis, the logical-historical method, and the case study method in political science, we attempt to analyze and substantiate a number of opportunities and challenges facing Vietnamese policy in the current period of national development in the context of the transition to socialism.

Keywords: Opportunities, Challenges, Transition to Socialism, Vietnam

References

1. Marx K., Engels F. (2000). Complete Works. Volume 19. Hanoi: State Political Publishing House, p. 47.

2. Ministry of Education and Personnel Training of Vietnam (2020). Textbook "Scientific Socialism". Hanoi: State Political Publishing House, p. 124.

3. Marx K., Engels F. (1995). Complete Works. Volume 19. Hanoi: State Political Publishing House, p. 33.

4. Le Kim Viet (2015). Application and Development of the Theory of the Transition Period to Socialism in the Process of Renewal. Electronic Journal "Political Theory". Accessed on August 9, 2025, at: https://lyluanchinhtri.vn/van-dung-va-phat-trien-ly-luan-ve-thoi-ky-qua-do-len-chu-nghia-xa-hoi-trong-cong-cuoc-doi-moi-767.html

5. Lenin, V. I. (1976). Complete Works. Volume 33. Moscow: Progress, p. 223.

6. Communist Party of Vietnam (2001). Documents of the 9th All-Vietnamese Congress of Delegates. Hanoi: State Political Publishing House, p. 84.

7. Communist Party of Vietnam (2011). Documents of the 11th All-Vietnamese Congress of Delegates. Hanoi: State Political Publishing House, p. 70.

8. Vu Van Ha (2015). Transition to Socialism, Bypassing the Capitalist System: Opportunities and Challenges. Electronic Journal "Kommunist", accessed on 10.08.2025, available at: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/nghien-cu/-/2018/35821/qua-do-len-chu-nghia-xa-hoi-bo-qua-che-do-tu-ban-chu-nghia – co-hoi-va-thach-thuc.aspx

9. Nguyen Chi Dung (2022). Standards of the Vietnamese Personality – Tradition and Modernity // In the collection of materials of the National Conference "The System of National Values, the System of Cultural Values, the System of Family Values and Standards of the Vietnamese Personality in the New Period". Hanoi: State Political Publishing House "Syut That", p. 49–60.

10. Doan Chieu Long (2023). Innovation Promotion in China and Policy Lessons for Vietnam. Practice – Experience Column, Leadership and Policy Journal, No. 03 (11/2023), pp. 51–60.

11. Bui Thi Bich Thuan (2025). The Party's Policy on Science, Technology, Innovation, and Digital Transformation Development (2016–2024). Electronic Journal "Party History", accessed August 11, 2025, available at: https://tapchilichsudang.vn/chu-truong-cua-dang-ve-phat-trien-khoa-hoc-cong-nghe-doi-moi-sang-tao-chuyen-doi-so-2016–2024.html

12. Do Tat Cuong (2025). Breakthrough Development of Science, Technology, Innovation, and Digital Transformation in the Draft Documents Submitted to the 14th Party Congress. Electronic journal "People's Defense", accessed on 10 August 2025, available at: https://tapchiqptd.vn/vi/huong-toi-dai-hoi-xiv-cua-dang/dot-pha-phat-trien-khoa-hoc-cong-nghe-doi-moi-sang-tao-va-chuyen-doi-so-trong-du-thao-cac-/24930.html

13. Nguyen Phu Trong (2022). Some Theoretical and Practical Issues of Socialism and the Road to Socialism in Vietnam. Hanoi: State Political Publishing House "Sut That", p. 22.

14. Nguyen Dung An (2023). The Correctness of the Choice of the Path to Socialism and the Mechanisms of Functioning of the Political System of Vietnam in the Works of General Secretary Nguyen Phu Trong. Special Issue "Theory and Practice of Socialism", Electronic Portal of the Political Academy of Region III, accessed on 10 August 2025, available at: https://hcma3.hcma.vn/Pages/chi-tiet-tin.aspx? ItemID=13402

15. Communist Party of Vietnam (2016). Documents of the 12th All-Vietnamese Congress of Delegates. Hanoi: State Political Publishing House, 2016, p. 195.

16. Le Minh Quan (2019). Populism and the Fight Against Its Manifestations in Vietnam. Voice of Vietnam online newspaper, accessed August 10, 2025, available at: https://vov.vn/chinh-tri/chu-nghia-dan-tuy-va-dau-tranh-ngan-ngua-bieu-hien-cua-no-o-viet-nam-926122.vov?jskey=gubINUPY44OtQEyaGvRwtkrioWtESds%2BAg%3D%3D

17. Can Tho Newspaper (2019). On the Opportunities and Challenges for Building Socialism in Vietnam in the Context of Globalization and Current International Integration. Can Tho City Electronic Newspaper, accessed on 15/08/2025, available at: https://baocantho.com.vn/ve-nhung-thoi-co-va-thach-thuc-doi-voi-su-nghiep-xay-dung-chu-nghia-xa-hoi-o-viet-nam-trong-boi-canh-a110722.html

Миграция и ее влияние на политику в Африке

Салиу Дабо,
аспирант кафедры сравнительной политологии Российского Университета Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: dabosaliu@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу влияния миграционных процессов на политические и социально-экономические структуры африканских государств, с акцентом на взаимосвязь внутренней и международной мобильности населения. Рассматриваются институциональные и управленческие последствия урбанизации, вызванной внутренней миграцией, а также трансформация внешнеполитических стратегий в условиях растущих трансграничных потоков. Особое внимание уделено тому, как перемещение населения изменяет этнополитический баланс, влияет на распределение ресурсов, формирует новые социальные идентичности и политические акторы. Согласно анализу взаимодействия африканских государств с международными институтами, раскрываются политико-правовые вызовы, возникающие в процессе регулирования миграции, включая нелегальные перемещения, утечку человеческого капитала и интеграцию диаспор. Обсуждается роль экспертного знания и аналитических центров в формировании миграционных стратегий, а также перспективы адаптации европейского опыта к африканскому контексту. Делается вывод о необходимости междисциплинарного подхода миграционной политики в национальные программы развития для достижения политической стабильности и устойчивого социально-экономического роста. <…>

Ключевые слова: миграционные процессы, Африка, внутренняя и международная миграция, политическая трансформация, социально-экономические структуры, институциональная реформа, интеграция диаспор.

Введение

Миграция населения на Африканском континенте представляет собой сложное и многоуровневое явление, исторически обусловленное социально-экономическими, политическими и демографическими переменами. В последние десятилетия процессы внутренней и международной миграции приобретают все большую значимость, оказывая существенное влияние на политические процессы, институциональные практики и социальные структуры региона. Существенная часть внутренних миграций связана с перемещением сельского населения в крупные города: урбанизация на фоне демографического взрыва создает новые вызовы для управления городским пространством, формирует спрос на модернизацию общественных институтов и обеспечивает приток молодой рабочей силы. С другой стороны, массовое перемещение жителей из неблагополучных регионов, страдающих от конфликтов и нестабильности, изменяет этнический и социальный баланс, влияет на политику безопасности, приводит к росту числа вынужденных переселенцев и усиливает напряженность в принимающих регионах.

Внутренняя миграция и урбанизация

Международная миграция в Африке также играет структурообразующую роль, изменяя параметры взаимодействия между странами, стимулируя трансграничное сотрудничество и порождая новые политико-правовые вызовы. Как показано в аналитических исследованиях, несмотря на рост межконтинентальных потоков, преобладающей тенденцией остается внутри африканская миграция, направленная из экономически депрессивных внутриконтинентальных государств к прибрежным и развивающимся странам с большими экономическими возможностями. Эта динамика создает новые формы взаимодействия между государственными и негосударственными институтами, актуализирует вопросы трудовой политики, социального обеспечения и регулирования миграции. В свою очередь международные потоки иммигрантов, особенно из стран Северной и Западной Африки, влияют на формирование стратегий публичного управления в принимающих странах, порождая необходимость реформирования законодательства, укрепления инфраструктуры, развития механизмов интеграции и профилактики конфликтов на этнической и религиозной основе.

Миграционные процессы отражаются не только на экономических показателях, но и во многом определяют траектории трансформаций социальных структур. Прежде всего, внутренние потоки способствуют росту численности городского населения и формированию новых слоев общества в урбанизированных центрах. В силу стихийности и недостатка комплексного регулирования эти изменения сопровождаются увеличением числа безработного населения, ростом трущоб, расширением неформального сектора, усилением социального неравенства и криминализации отдельных групп, что объективно требует от властей выработки анти-кризисных и долгосрочных стратегий социальной поддержки. Возникает новая структура общества, где принципиальное значение приобретают вопросы образования, медицинского обслуживания, социальной защиты и создания рабочих мест, особенно для молодых людей и женщин – ключевых групп, находящихся в уязвимом положении на рынке труда.

Важным из факторов является регулярные денежные переводы, осуществляемые мигрантами, превышают объемы прямых иностранных инвестиций и официальной помощи развитию, становясь важнейшим источником финансирования и поддержания стабильности социальных структур. Кроме того, такие трансграничные перемещения формируют новые формы социального капитала – переноса знаний, навыков, опытов государственного и корпоративного управления. В эпоху глобализации и быстрого развития цифровых технологий эти процессы усиливают необходимость формирования интеграционных стратегий, совершенствования национального законодательства и выработки согласованных политик в области миграции, труда, образования и социальной защиты.

В последние десятилетия внутренние и международные миграционные потоки стали одним из ключевых факторов, формирующих политическую динамику и социальные структуры африканских государств. Миграция зачастую рассматривалась в африканском контексте сквозь призму экономических или гуманитарных вызовов, однако ее политическое измерение приобретает все большее значе-

ние в условиях глобальных трансформаций и изменений внешней политики крупных международных акторов[Кукарцева 2018]. Внутренняя миграция, вызванная экономическими причинами, межэтническими конфликтами, изменениями климата и структурными реформами, тесно переплетается с международной мобильностью, где африканские страны становятся как донорами, так и реципиентами мигрантов [Black 2006]. В этом контексте миграция проявляется не только как демографический процесс, но и как сложный политико-экономический феномен, способный трансформировать структуры управления, влиять на формирование социальной идентичности и определять вектор внешней политики африканских государств [Корендясов, Шарова 2017].

Внутренняя миграция в Африке находится в прямой взаимосвязи с процессами урбанизации, развитием инфраструктуры, изменением земельного закона и идентичности сельских и городских населения. Массовые перемещения внутри стран, вызванные такими факторами, как разорение мелких фермеров, экологические катастрофы и межэтнические конфликты, создают множество вызовов для национальных государств, включая необходимость реформирования механизмов политического представительства, совершенствования института гражданства и структур управления [Youngs 2008]. Социальная мобильность ведет к формированию новых политических акторов и перераспределению ресурсов, а также к обновлению местных и региональных элит. На фоне слабости политических систем и ограниченных возможностей государственного контроля внутренние миграционные потоки часто приводят к усилению конкуренции за доступ к ключевым благам, экспертному знанию и власти[Martin, Owen 2010].

Африканские государства вынуждены реагировать на вызовы, связанные с внутренней мобильностью населения, посредством развития социально-институциональных механизмов, направленных на смягчение негативных последствий урбанизации и обеспечение равнодоступности социально-экономических благ. При этом рост числа внутренних мигрантов усиливает давление на системы здравоохранения, образования и инфраструктуру, что требует от правительств пересмотра национальных и региональных стратегий развития. В ряде стран, например в Нигерии и Эфиопии, внутреннее перемещение населения становится катализатором политических кризисов и способствует появлению новых форм политической мобилизации, определяя динамику протестных движений и меняя конфигурацию политической системы [Kartsonaki, A., Wolff 2015].

Международные миграционные потоки, в частности трансрегиональное движение между Африкой и Европейским Союзом, становятся важным фактором формирования внешнеполитической повестки африканских государств. Рост числа мигрантов, пересекающих границы в поисках лучших социальных и экономических условий, поставил перед африканскими странами задачу выработки эффективных стратегий управления миграцией, включая регулирование потоков нелегальной миграции, сотрудничество с международными институтами и реализацию проектов, направленных на создание рабочих мест на месте [Montgomery 2018].

Политика Европейского Союза, ориентированная на обеспечение гуманитарной безопасности и предотвращение миграционного давления, оказывает значительное влияние на разработку и реализацию миграционных стратегий в странах Африки[Кукарцева 2018]. Эта политика часто сопровождается трансфером идеологических установок, развитием экономических и инфраструктурных проектов, а также созданием новых институтов сотрудничества между ЕС и африканскими государствами. Оказание помощи и инвестиций, сопровождаемое требованиями институциональных реформ, приводит к трансформации внутренних политических процессов. На практике это выражается в изменении систем управления, появлении новых политических субъектов и укреплении правовых механизмов регулирования миграционных потоков [Корендясов, Шарова 2017].

Внешнеполитический аспект

В то же время международная миграция становится фактором усиления конкурентной борьбы за привлечение иностранных инвестиций и экспорта человеческого капитала. На фоне расширения взаимодействия с ЕС и другими крупными международными акторами, африканские государства стремятся интегрировать миграционные вопросы в стратегии национального развития, используя внешние ресурсы для решения внутренних кризисов и обеспечения политической стабильности[Montgomery 2018]. Такой подход способствует трансформации моделей государственного управления, появлению новых партнерских инициатив и развитию трансконтинентальных экономических связей.

Социальные и культурные последствия миграции

Социальные последствия миграции в Африке включают значительные изменения в структуре занятости, уровне образования, распределении доходов и формировании новых идентичностей. Внутренняя миграция способствует обновлению и расширению профессиональной структуры общества, а международные миграционные потоки формируют новые диаспоры и создают транснациональные сети взаимодействия[Booth 2007]. Формирование сообществ мигрантов с особой социальной и культурной идентичностью становится важным фактором политической консолидации, развития гражданских инициатив и усиления влияния новых групп населения на общественно-политическую повестку.

Образование новых диаспор ведет к изменению традиционных форм общественных отношений, трансформации семейных структур и появлению новых моделей социальной поддержки. Сообщество мигрантов зачастую становится мостом между странами происхождения и странами назначения, способствуя обмену знаниями, технологическими инновациями и культурными ценностями. В этом контексте миграция играет роль драйвера развития и модернизации, обеспечивая мобильность человеческого капитала и формируя новые ценностные ориентиры [Henk 2005].

В то же время миграция может приводить к социальной стратификации, формированию зон отчуждения, росту уровня неравенства и конфликтам на почве культурных и этнических различий. Эмиграция квалифицированных кадров, особенно молодежи, может препятствовать внутреннему развитию, способствуя демографическому старению и снижению потенциала роста в странах-донорах[Duffield, Waddell 2006]. В контексте политических процессов миграция становится инструментом как консолидации, так и дестабилизации существующих режимов, определяя динамику протестных движений, протестной мобилизации и появления новых лидеров общественного мнения.

В целом внутренние и международные миграционные потоки оказывают многоуровневое влияние на политические процессы и социальные структуры в Африке. Миграция становится драйвером институциональных реформ, преобразования моделей государственного управления и формирования новых партнерских инициатив[Kaldor, Martin, Selchow 2007]. Она одновременно усиливает конкурентную борьбу за ресурсы и способствует созданию платформ для интеграции и модернизации.

В частности, динамика чистой миграции, отражающая разницу между прибывшими и убывшими из страны, позволяет оценить степень привлекательности на примере ЮАР как миграционного центра. Несмотря на сохраняющийся положительный баланс, в последние годы наблюдается определенное снижение этого показателя, что может свидетельствовать об изменении экономических и политических условий (табл. 1).

Таблица 1. Динамика чистой миграции в ЮАР (человек)

Год	Чистая миграция
2024	166 972
2020	898 203
2015	782 819
2010	704 402
2005	613 772
2000	494 645

Источник: https://statbase.org/data/zaf-net-migration/?utm_source=chatgpt.com

Экономический аспект миграций

Расширяя анализ влияния миграционных процессов на политические и социальные структуры в африканском регионе, целесообразно обратиться к экономическим основаниям и последствиям трансграничных и внутриконтинентальных миграционных потоков[Господынько 2009]. Углубление глобализации не только усиливает интенсивность движений рабочей силы, но и трансформирует ландшафт национальных и региональных рынков труда, что непосредственно отражается на институтах власти, распределении ресурсов, а также структуре социальной мобильности. Именно экономическая логика формирует новые категории и типы переселения, где критически важными становятся причины, структура и последствия нелегальной миграции – как с позиции экономических затрат принимающих обществ, так и с точки зрения рисков дефицита человеческого капитала для государств-экспортеров[Господынько 2009].

Экономическая мотивация миграции в Африке прочно связана с неравномерным распределением трудовых и финансовых ресурсов, а также глубинной сегментацией рынков труда по квалификационным

признакам. Дефицит эффективных рабочих мест, стагнация сельскохозяйственного сектора и несовершенство механизмов социального продвижения по-прежнему определяют внутренние и внешние векторы миграции. Мигранты из Северной Африки, становясь частью общеевропейского рынка труда, поддерживают конкурентоспособность принимающих экономик, одновременно усиливая демографическое давление в принимающих странах и изменяя структуру социальных и этнических отношений[Господынько 2009]. Такой дихотомичный характер миграционных потоков требует от властей–как африканских государств, так и международных институтов–формирования согласованных стратегий регулирования, учитывающих не только национальные интересы, но и трансконтинентальные вызовы, связанные с перенаправлением потоков капитала, «утечкой умов» и социальной адаптацией.

Значимым элементом воздействия миграции на политические процессы становится проявление эффекта обратных денежных переводов, укрепляющих бюджетные возможности стран-экспортеров рабочей силы. Денежные потоки, инициированные африканскими мигрантами, способствуют не только снижению уровня бедности и укреплению среднего класса, но и формированию новых механизмов социального воздействия, способных влиять на внутреннюю политику стран происхождения через институты диаспор и транснациональные образования[Господынько 2009]. При этом процесс институционализации этнической экономики на стыке национальных и транснациональных интересов ведет к появлению новых форм лоббирования, изменяющих конфигурацию политической власти и переосмыслению концепции гражданства.

Однако важно учитывать не только приток средств от мигрантов, но и отток квалифицированных кадров из Африки. Динамика эмиграции на примере ЮАР отражает тенденцию, когда часть населения ищет возможности для развития за пределами страны, что потенциально может негативно сказаться на экономическом росте (табл. 2).

Таблица 2. Динамика эмиграции из ЮАР (человек)

Год	Количество эмигрантов
2024	1 005 800
2020	898 203
2015	782 819
2010	704 402
2005	613 772
2000	494 645

Источник: https://statbase.org/data/zaf-international-migrant-stock-by-origin/?utm_source=chatgpt.com

Вопрос безопасности и нелегальной миграции

Кроме того, расширение масштабов нелегальной миграции и формирование транзитных маршрутов через Северную Африку актуализируют вопросы внутренней безопасности не только южноевропейских государств, но и самих африканских стран. Ужесточение миграционного законодательства, введение новых инструментов контроля (например, создание специализированных агентств и управленческих структур) становятся реакцией на рост транснациональной преступности, угрозу политического экстремизма и возникновение зон социальной отчуждённости. В то же время рецепция европейского опыта требует адаптации к уникальным социальным и демографическим условиям континента, что подразумевает совместную работу и разработку многоуровневых стратегий развития[Господынько 2009].

Важной характеристикой миграционных процессов в ЮАР является динамика иммиграции, отражающая степень привлекательности страны для иностранных граждан. Наблюдается значительный рост количества иммигрантов с 1990 года, что создает определенную нагрузку на социальную инфраструктуру и систему занятости (табл. 3).

Таблица 3. Динамика иммиграции в ЮАР (человек)

Год	Количество иммигрантов
2024	2 631 100
2020	2 639 076
2015	3 162 564
2010	2 274 466
2005	1 513 855
2000	997 703

В современных условиях отечественная и европейская политика в отношении африканских миграционных потоков все более зависит от изменений в структуре международного сотрудничества, экспертных дискуссий и конфигурации политического представительства[Поляченков 2022]. Динамика миграционных процессов, охватывающая как легальную, так и нелегальную мобильность граждан стран Африки южнее Сахары, стала объектом особого внимания не только в политических кругах, но и среди исследовательских организаций, определяющих рамки дискурса и моделирующих будущие сценарии развития. Значимым этапом в трансформации европейской миграционной политики стал переход от спорадических национальных решений к выработке общих регламентов и систем квотирования, что наглядно иллюстрируют изменения, внесённые в Дублинскую конвенцию и появление новых инициатив Европейского союза[Поляченков 2022].

Проблема миграций: подходы и анализы

Аналитические центры Германии демонстрируют комплексный подход к проблематике африканской миграции, сочетая экспертное знание с непосредственным участием в формировании политических стратегий. Так, деятельность Фонда Конрада Аденауэра, Немецкого института международных отношений и безопасности, Кильского института мировой экономики и Немецкого института развития показывает, что современные вызовы требуют многомерного анализа, включающего оценку экономических последствий, социально-демографических рисков, а также формирования институтов интеграции[Поляченков 2022]. При этом эксперты подчеркивают, что поток миграции нельзя рассматривать исключительно как угрозу: он может служить инструментом модернизации, передачи знаний и формирования новых социальных структур, способных трансформировать политическое пространство не только в странах-донорах, но и в принимающих регионах.

Ключевой проблемой, однако, остается асимметрия восприятия миграционных процессов между политическим истеблишментом и исследовательским сообществом. В ряде случаев решения принимаются исключительно в рамках актуальных интересов партии или конкретной ведомственной группы, что ограничивает потенциал использования объективной экспертизы. Как отмечается, финансирование и институциональная поддержка аналитических центров зачастую подвержены влиянию политической конъюнктуры, а результаты работы исследователей критически оцениваются с позиции их соответствия запросам властных структур[Поляченков 2022]. Это приводит к институционализации обмена знаниями, но одновременно сужает пространство для внедрения радикальных реформ, способных изменить не только практики регулирования миграционных потоков, но и парадигму взаимодействия Евросоюза со странами Африки.

Современная миграция из африканских государств неразрывно связана с изменением баланса сил в европейском и глобальном пространстве. Ужесточение контроля над потоками, внедрение систем патрулирования границ и развитие концепции «круговой миграции» – всё это отражает стремление властей сформировать устойчивые механизмы интеграции и адаптации, опирающиеся на экспертную оценку и практический опыт политических консультантов. В то же время, по мнению ряда исследователей, подобные подходы нередко игнорируют структурные причины миграции: недостаточную экономическую устойчивость регионов происхождения, дефицит образовательных и социальных услуг, а также сложность этнополитических конфликтов, способствующих перемещению населения[Поляченков 2022].

Особое значение приобретает роль аналитических центров в консультировании органов власти и выработке долгосрочных стратегий. Институт новых форм лоббирования и «вращающихся дверей», позволяющих экспертам занимать позиции советников и консультантов при парламентах, министерствах и международных организациях, способствует диверсификации политической повестки и внедрению инновационных подходов. К примеру, опыт внедрения механизмов трудоустройства для африканских мигрантов в Германии с акцентом на получение профессиональных навыков показал возможность стабильной интеграции и снижения уровня социальной напряжённости [Поляченков 2022]. Расширение сотрудничества с африканскими странами в рамках «плана Маршалла для Африки», а также поддержка развития экономических зон и образовательных структур позволяет не только уменьшить приток нелегальных мигрантов, но и укрепить позицию Германии и ЕС как ключевых партнеров по развитию.

Заключение

Тем не менее, остается ряд нерешенных вопросов, связанных с устойчивостью разработанных миграционных стратегий. Критика традиционных европейских мер, направленных на ограничение миграции посредством запретительных санкций и силового давления на страны-экспортеры,

указывает на недостаточную результативность и риски для долгосрочной стабильности [Поляченков 2022]. Эксперты подчеркивают необходимость перехода к диалоговым формам сотрудничества, прозрачности в принятии решений и повышению роли гражданских институтов в разработке политических инициатив.

В совокупности, современные внутренние и международные миграционные потоки из стран Африки оказывают многоуровневое воздействие на политическую и социальную архитектуру европейских государств, требуя глубокой междисциплинарной экспертизы и тесного партнерства между исследовательским сообществом и политиками. Интеграция аналитического знания на практике становится одним из ключевых условий для формирования гибких и эффективных стратегий управления миграцией, укрепляющих как устойчивость принимающих обществ, так и потенциал развития африканского континента [Поляченков 2022].

Литература

1. Господынько Н.Е. Экономические аспекты миграции из стран Северной Африки в государства ЕС: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук, специальность 08.00.14 <Мировая экономика> / Господынько Надежда Евгеньевна; [Ин-т Африки РАН]. – Москва, 2009. – 24 с.

2. Корендясов Е.Н., Шарова А.Ю. Партнерство G20 – Африка: повторение пройденного или обновление? (к итогам саммита G20 в Гамбурге) // Институт Африки РАН. 2017. URL: https://www.inafran.ru/node/1476

3. Кукарцева М.А. Гуманитарная политика ЕС в Африке и миграционный кризис // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 5. С. 142–163. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-142-163.

4. Поляченков А.В. Миграционные потоки из стран Африки в Германию: взгляд аналитических центров // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 4/2022. С. 146–160. URL: https://prj.pskgu.ru/s221979310021406–9–1/ DOI: 10.37490/S221979310021406-9.

5. Black, D. (2006). Mapping the Interplay of Human Security Practice and Debates: The Canadian Experience // A Decade of Human Security: Global Governance and New Multilateralisms / eds. S.J. MacLean, D.R. Black, T.M. Shaw. Aldershot & Burlington, VT: Ashgate. P. 53–62.

6. Booth, K. (2007). Theory of World Security. Cambridge: Cambridge University Press.

7. Duffield, M., Waddell, N. (2006). Securing Humans in a Dangerous World // International Politics. Vol. 43, no. 1. P. 1–23.

8. Henk, D. (2005). Human Security: Relevance and Implications // Parameters. Vol. 41, no. 5. P. 91–106.

9. Kaldor, M., Martin, M., Selchow, S. (2007). Human Security: a New Strategic Narrative for Europe // International Affairs. Vol. 83, no. 2. P. 273–288.

10. Kartsonaki, A., Wolff, S. (2015). The EU's Responses to Conflicts in Its Wider Neighbourhood: Human or European Security? // Global Society. Vol. 29, no. 2. P. 199–226. DOI: 10.1080/13600826.2015.1021242.

11. Martin, M., Owen, T. (2010). The Second Generation of Human Security: Lessons from the UN and EU Experience // International Affairs. Vol. 86, no. 1. P. 211–224. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2010.00876.x.

12. Montgomery, J. (2018). Spain's Socialist Government Vows to Dismantle Border Fences Obstructing African Migrants // Breitbart News. June 15. URL: http://www.breitbart.com/london/2018/06/15/spains-socialist-government-dismantle-border-fences-obstructing-african-migrants/ (дата обращения: 12.10.2018).

13. Youngs, R. (2008). Fusing Security and Development: Just Another Euro-platitude? // Journal of European Integration. Vol. 30, no. 3. P. 419–437. DOI: 10.1080/07036330802142079.

MIGRATION AND ITS IMPACT ON POLITICS IN AFRICA

Saliu Dabo
Patrice Lumumba Russian University of Friendship

The article presents a comprehensive analysis of the impact of migration processes on the political and socio-economic structures of African states, with a particular focus on the interrelation between internal and international population mobility. It examines the institutional and governance consequences of urbanization driven by internal migration, as well as the transformation of foreign policy strategies in the context of growing transboundary flows. Special attention is given to population movements reshape the ethnopolitical balance, affect resource distribution, and foster the emergence of new social identities and political actors. Based on an analysis of the interaction between African states and international institutions, the study explores the political and legal challenges arising in the regulation of migration, such as illegal movements, and diaspora integration. The role of expert knowledge and analytical centers in shaping migration strategies is discussed, along with the prospects for adapting European experience to the African context. The article concludes that there is a need for integrating migration policy into national development programs in order to achieve political stability and sustainable socio-economic growth.

Keywords: migration processes, Africa, internal and international migration, political transformation, socio-economic structures, institutional reform, diaspora integration.

For citation: Saliu Dabo. (2026). Migration and its Impact on Politics in Africa. № Pp. . (In Russ.). DOI:

References

1. Gospodinko N.E. Economic aspects of migration from North African countries to the EU states: Abstract of the dissertation for the job. Candidate of Economic Sciences, specialty 08.00.14 <World Economy> / Gospodinko Nadezhda Evgenievna; [Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences]. – Moscow, 2009. – 24 p.

2. Korendyasov E.N., Sharova A.Yu. G20-Africa Partnership: Repeating the Past or Renewing It? (Based on the Results of the G20 Summit in Hamburg) // Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 2017. URL: https://www.inafran.ru/node/1476

3. Kukartseva M.A. EU Humanitarian Policy in Africa and the Migration Crisis // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2018. Vol. 11, No. 5. pp. 142–163. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-142-163.

4. Polyachenkov A.V. Migration flows from African countries to Germany: the view of analytical centers // Pskov Journal of Regional Studies. 2022. Vol. 18. No. 4/2022. Pp. 146–160. URL: https://prj.pskgu.ru/s221979310021406–9–1/ DOI: 10.37490/S221979310021406-9.

5. Black, D. (2006). Mapping the Interplay of Human Security Practice and Debates: The Canadian Experience // A Decade of Human Security: Global Governance and New Multilateralisms / eds. S.J. MacLean, D.R. Black, T.M. Shaw. Aldershot & Burlington, VT: Ashgate. P. 53–62.

6. Booth, K. (2007). Theory of World Security. Cambridge: Cambridge University Press.

7. Duffield, M., Waddell, N. (2006). Securing Humans in a Dangerous World // International Politics. Vol. 43, no. 1. P. 1–23.

8. Henk, D. (2005). Human Security: Relevance and Implications // Parameters. Vol. 41, no. 5. P. 91–106.

9. Kaldor, M., Martin, M., Selchow, S. (2007). Human Security: a New Strategic Narrative for Europe // International Affairs. Vol. 83, no. 2. P. 273–288.

10. Kartsonaki, A., Wolff, S. (2015). The EU's Responses to Conflicts in Its Wider Neighborhood: Human or European Security? // Global Society. Vol. 29, no. 2. P. 199–226. DOI: 10.1080/13600826.2015.1021242.

11. Martin, M., Owen, T. (2010). The Second Generation of Human Security: Lessons from the UN and EU Experience // International Affairs. Vol. 86, no. 1. P. 211–224. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2010.00876.x.

12. Montgomery, J. (2018). Spain's Socialist Government Vows to Dismantle Border Fences Obstructing African Migrants // Breitbart News. June 15. URL: http://www.breitbart.com/london/2018/06/15/spains-socialist-government-dismantle-border-fences-obstructing-african-migrants/ (accessed 10/12/2018).

13. Youngs, R. (2008). Fusing Security and Development: Just Another Euro-platitude? // Journal of European Integration. Vol. 30, no. 3. P. 419–437. DOI: 10.1080/07036330802142079.

Национальная образовательная политика 2020 и ее роль в эффективном управлении и лидерстве в высших учебных заведениях Индии

Степанов Виктор Иванович,
кандидат педагогических наук, ректор, Алтайский экономико-юридический институт
E-mail: rector@aeli.altai.ru

Степанова Наталья Викторовна,
кандидат технических наук, старший научный сотрудник, АО НПФ «Информационные и сетевые технологии»
E-mail: natalia0410@rambler.ru

Исследование анализирует ключевые принципы и механизмы Национальной образовательной политики 2020 в контексте эффективного управления и лидерстве в высших учебных заведениях Индии.
Исследование направлено на выявление механизмов формирования сильного самоуправления и назначение руководителей учреждений на основе выдающихся заслуг с высокой академической квалификацией и продемонстрированными административными и лидерскими способностями, а также способностями к управлению сложными ситуациями, стремящихся к инновациям и совершенству. Методологическая основа работы базируется на комплексном анализе документов образовательной политики и научной литературы по исследуемой проблематике. Особое внимание уделяется изучению механизма формирования Совета управляющих (Board of Governors, BoG). В ходе анализа выявлено, что NEP 2020 направлена на предоставление большей автономии профессорско-преподавательскому составу и высшим учебным заведениям, которые управляются независимыми советами с квалифицированными членами, обладающими академической и административной независимостью. Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал индийского опыта по формированию механизмов эффективного управления и лидерства в высших учебных заведениях других стран, в частности России, где эти вопросы остаются актуальными в условиях создания новой модели высшего образования.

Ключевые слова: Индия, национальная образовательная политика 2020, высшие учебные заведения, эффективное управление, лидерство.

Высшие учебные заведения во всей странах по всему миру переживают время грандиозных и качественно новых преобразований, затрагивающих их механизм управления. Многие страны все ищут баланс между государственным регулированием и автономией вузов. Большой интерес в этом контексте представляет Индия – крупнейшая мировая держава с многовековыми традициями жёсткой вертикали власти в системе высшего образования и ее реформами в XXI веке.

Профессор Филип Дж. Альтбах считает, что страна известна своей бюрократией, унаследованной от британского колониализма и укоренившиеся в независимой Индии. Правила и нормы, часто непоследовательные или медленно применяемые, охватывают многие направления в системе высшего образования [1, с. 35].

Заслуженный профессор Джандхьяла Б.Г. Тилак отмечает, что вопросы неэффективности управления, ограниченности лидерства и негибкости административных структур вышли на первый план в обсуждении реформы высшего образования [2].

В 2020 г. в Индии была утверждена Национальная образовательная политика 2020 (National Education Policy, NEP 2020), которая открыла путь для масштабных преобразовательных реформ как в школьном, так и в высшем образовании [3, с. 55].

Национальная образовательная политика 2020 – грандиозное и амбициозное переосмысление индийской системы высшего образования в своевременную, продвинутую и беспристрастную. Исходя из того, что в настоящее время около 350 миллионов населения страны находятся в школьном или студенческом возрасте, NEP 2020 требует всеобъемлющего воплощения, особенно в контексте эффективного управления и лидерстве в высших учебных заведениях Индии.

За последние пять лет количество институтов университетского уровняв Индии выросло примерно на 37%, а количество колледжей – на 9%. Сегодня в стране более 1100 вузов (38,7% из которых частные) и 41000 колледжей, в которых получают образование более 40 миллионов студентов [4, с. 85].

Общей чертой всех учреждений мирового класса во всем мире, включая Индии, является наличие сильного самоуправления и назначение руководителей учреждений на основе выдающихся заслуг. С помощью соответствующей системы градуированной аккредитации и градуированной автономии, и поэтапно в течение пятнадцати лет все вузы Индии будут стремиться стать независимыми, самоуправляемыми учреждениями, стремящимися к инновациям и совершенству. После получения соответствующих аккредитаций, подтверждающих готовность учреждения к такому шагу, будет создан Совет управляющих (Board of Governors, BoG), состоящий из группы высококвалифицированных, компетентных и преданных своему делу людей, обладающих доказанными способностями и сильным чувством приверженности учреждению. Совет директоров учреждения будет уполномочен управлять учреждением без вмешательства извне, производить все назначения, включая назначение руководителя учреждения, и принимать все решения, касающиеся управления. Предполагается, что все высшие учебные заведения будут получать стимул, поддержку и наставничество в ходе этого процесса, и будут стремиться стать автономными и иметь такой наделенный полномочиями Совет директоров к 2035 году. Все руководящие должности и должности руководителей учреждений будут предлагаться лицам с высокой академической квалификацией и продемонстрированными административными и лидерскими способностями, а также способностями к управлению сложными ситуациями. Руководители вузов будут демонстрировать сильное соответствие конституционным ценностям и общему видению учреждения, а также такие качества, как сильная социальная приверженность, вера в командную работу, плюрализм, способность работать с разными людьми и позитивное мировоззрение. Отбор претендентов будет осуществляться Советом директоров на основе строгого, беспристрастного, основанного на заслугах и компетентности процесса под руководством Комитета видных экспертов (Eminent Expert Committee, EEC), созданного Советом директоров. Выдающиеся лидеры будут выявляться и развиваться на ранних этапах, проходя путь на лестнице руководящих должностей [5, с. 49].

К числу проблем, с которыми в настоящее время сталкивается система высшего образования в Индии, относятся неэффективные

механизмы управления карьерным ростом преподавателей и руководителей [6, с. 22].

Отсутствие формальной подготовки административного персонала высших учебных заведений ограничивает профессиональные навыки и гибкость в использовании цифровых систем управления.

Для оптимизации управления вузами предлагается разделить академическое и общее управление; правительствам штатов предлагается отказаться от назначения гражданских служащих руководителями университетов [7, с. 320].

При сравнении системы управления индийскими университетами с российской системой управления вузами, сразу бросается в глаза регулярная ротация руководителей вузов, деканов факультетов, заведующих кафедрами в индийских вузах.

На несколько лет все члены кафедры практически «по кругу» избираются заведующими кафедрой. Через несколько лет заведующий кафедрой обязательно покинет эту должность и окажется в одном положении со своими бывшими коллегами и под началом одного из своих нынешних подчиненных. Видный ученый, перестав быть заведующим, прекрасно работает на той же кафедре в качестве профессора, исследователя.

Выборы руководителя высшего учебного заведения в Индии происходят сложнее: после всех выборных процедур курирующему Министерству или совету попечителей вуза предлагаются три кандидатуры в иерархическом порядке (коли честно проголосовавших, профессиональные и академические достижения), далее учредители выбирают руководителя, опираясь на заданную иерархию, но тоже на один срок [8, с. 35].

Национальная образовательная политика 2020 объявляет, что со временем все университеты и колледжи должны будут учредить Совет управляющих, при этом будет введено соответствующее законодательство, отражающее широкие реформы управления и руководства, предусмотренные NEP 2020 [9, с. 5].

Исследователи Д. Бора и С. Мэтью отмечают, что вузы будут управляться квалифицированными советами с академической и административной независимостью. [10, с. 75].

Доценты Сумья Приядаршани Паниграхи и Сатьендра Гупта выделяют положения Национальной образовательной политики 2020 где указано, что все вузы будут возглавляться независимым Советом управляющих (BoG). Совет управляющих будет состоять из «группы высококвалифицированных, компетентных и преданных своему делу людей, обладающих доказанными способностями и сильным чувством приверженности учреждению». Система высшего образования должна создать культуру передового образования, чтобы идти в ногу с меняющимся временем и требованиями профессионального мира, а для этого ей необходимо сильное руководство и управление [11, с. 11260].

Отсутствие уполномоченных управляющих советов, как это предусмотрено в Национальной образовательной политике 2020, является разрывом в управлении между политическими намерениями и институциональной реальностью.

Необходимо отметить, что следующие традиционные требования, предъявляемые к руководителям высших учебных заведений, а именно: академическое превосходство, разработка исследовательской стратегии, планирование и администрирование, остаются основополагающими на сегодняшний день. Тем не менее, современному руководителю необходимы дополнительные компетенции. К ним относятся стратегическое предвидение, мастерство управления изменениями, финансовая экспертиза и способность содействовать позитивному общественному мнению. Кроме того, руководителям частных высших учебных заведений необходимо понимать влияние различных решений на экономическую стабильность и рост организации. Множество финансовых решений, таких как, какое количество денег необходимо выделить на продвижение исследований, на содержание кампуса, зарплаты преподавателей, являются повседневными решениями, которые должны принимать вице-канцлеры и деканы [12].

Прежде всего, это должен быть новый тип руководителя высшего учебного заведения, главными достоинствами которого должны стать не только академические заслуги, но и управленческие компетенции. Он должен постоянно проводить научные исследования и развивать навыки решения проблем, используя диаграммы, графики, карты, модели и другие виды технологий.

Доцент Анила Скария считает, что индийские вузы часто сталкиваются с жесткими структурами управления, которые препятствуют инновациям и сотрудничеству. Основные проблемы включают в себя бюрократическую инерцию, отсутствие управления на основе широкого участия и недостаточное вовлечение заинтересованных сторон. Чтобы решить эти проблемы, вузы должны усилить партисипативное управление, привлекая заинтересованные стороны, такие как преподаватели, студенты, выпускники и представители промышленности [13, с. 53].

Лидерство в высшем образовании – концепция, охватывающая как административное, так и академическое руководство, включая руководителей учреждений. Успех лидерства позволяет внедрять инновации, осуществлять стратегическое планирование и повышать эффективность управления в высших учебных заведениях.

Профессор Саумен Чаттопадхъяй подчеркивает, что акцент на лидерстве в NEP является признанием того факта, что вузы будут работать в условиях конкуренции на национальном и глобальном уровнях, где университеты должны возглавляться вице-канцлером. Исполнительность университетской администрации подразумевает укрепление иерархической структуры и сопутствующее размывание автономии факультетов на горизонтальном уровне. Акцент на лидерстве понятен, поскольку вузы подотчетны NAC и другим учреждениям, таким как HEGC, в условиях высокой конкуренции, когда даже осуществление ‘свободы воли’ останется ограниченным [14, с. 17–18].

Здесь лидерство рассматривается, как принцип управления руководителей высших учебных заведений. Они обязаны разрабатывать, формулировать, внедрять и поддерживать видение обучения, разделяемое и поддерживаемое сообществом.

В руководстве Национального совета по оценке и аккредитации (NAAC) управление, лидерство и менеджмент признаются одними из важных показателей качества учреждения. В нем отмечается отсутствие стратегического планирования, внутренних систем обеспечения качества, участия в управлении и цифрового администрирования в большинстве высших учебных заведений штатов. Предложенная концепция фокусируется на качественных показателях и стандартах аккредитации, которые могут быть достигнуты за счет ответственного руководства, принятия решений на основе баз данных и эффективных административных систем [15, с. 3].

Однако, в настоящее время опыт лидерства в большинстве университетов и колледжей Индии носит процедурный характер, и остается мало возможностей для долгосрочного планирования или инноваций.

Профессор Рангачар Говинда отмечает, в то время как Национальная образовательная политика 2020 настойчиво подчеркивает необходимость автономии, в нем ничего не говорится о роли и взаимоотношениях правительства или правительственных органов в управлении образованием, особенно в сфере университетского и высшего образования [16, с. 606].

В Национальной образовательной политике (NEP) 2020 правительства признаётся, что "регулирование высшего образования было слишком жёстким" и что "слишком много попыток регулировать, но слишком мало эффекта". В ней содержится призыв к «полной перестройке» регулирования с целью сделать его "лёгким, но жёстким" [17, с. 34].

Во всех высших учебных заведениях будут предприняты шаги для обеспечения высококачественного руководства и развития институциональной культуры превосходства. В течение следующих 15 лет все индийские университеты будут стремиться стать автономными и независимыми учреждениями, стремящимися к совершенству и инновациям под надзором тщательно назначенного совета попечителей с многоуровневой аккредитацией и сопутствующей многоуровневой автономией. Совет попечителей учебного заведения имеет право управлять им без внешнего вмешательства. BOG несет ответственность за соблюдение всех нормативных требований, от HECI до NHERC [18, с. 26].

Следуя рекомендациям Национальной образовательной политики 2020, для эффективного управления и лидерстве в индийских университетах и колледжах нужно:

– ограничить доминирование руководителя высшего учебного заведения над всеми органами управления и самоуправления;
– уменьшить рабочую нагрузку на административный персонал;
– создать систему сильного самоуправления с назначением руководителей учреждений на основе выдающихся заслуг;
– сделать независимыми, самоуправляемыми, стремящимися к инновациям и совершенству все университеты и колледжи;
– учредить Совет управляющих (Board of Governors, BoG), состоящий из группы высококвалифицированных, компетентных и преданных своему делу людей, обладающих доказанными способностями и сильным чувством приверженности вузу;
– отказаться от назначения гражданских служащих руководителями университетов;
– расширить полномочия руководства и поддержать концепцию Национальной образовательной политики 2020, предусматривающую автономию и подотчетность;
– уполномочить управлять учреждением без вмешательства извне, производить все назначения, включая назначение руководителя уч-

реждения, и принимать все решения, касающиеся управления, Совет директоров;
– предлагать все руководящие должности и должности руководителей учреждений лицам с высокой академической квалификацией и продемонстрированными административными и лидерскими способностями, а также способностями к управлению сложными ситуациями;
– предоставить руководителям высших учебных заведений полномочия обладать свободой стратегического планирования, внедрения инноваций и долгосрочного развития университета;
– осуществлять отбор претендентов Советом директоров на основе строгого, беспристрастного, основанного на заслугах и компетентности процесса под руководством Комитета видных экспертов (Eminent Expert Committee, EEC), созданного Советом директоров;
– обучать лидерству руководителей высших учебных заведений, используя электронные имитационные тренажеры для получения практических навыков;
– внедрять технологии на основе искусственного интеллекта и нейронных сетей с целью обеспечения аналитики хода, оценки результатов и корректировки механизмов эффективного управления и лидерства в высших учебных заведениях;
– развивать безопасную цифровую образовательную среду, использовать «цифрового следа» с применением технологий блокчейн и семантического анализа для конструирования жизненных стратегий будущих руководителей высших учебных заведений;
– выявлять выдающихся лидеров и развивать их на ранних этапах, проводя путь на лестнице руководящих должностей.

Однако, следует констатировать, что проблема бюрократии сохраняется на сегодняшний день и это серьезно тормозит систему развития высшего образования в Индии [19, с. 109].

Автономия университетов и колледжей страны зачастую также ограничена, что снижает эффективность управления.

С внедрением рекомендаций NEP 2020 в части эффективного управления и лидерстве в высших учебных заведениях Индия сможет успешней преодолевать путь преобразований, направленный на построение общества, основанного на знаниях, и подготовку своих граждан к решению задач 21-го века.

Выводы

Можно сделать вывод, что целью Национальной образовательной политики 2020 является переход к системе высшего образования с крупными и многопрофильными учреждениями с обновленной учебной программой, педагогикой и системой оценивания. Будет поощряться создание частных высших учебных заведений с "филантропическими и общественно-ориентированными намерениями". От частных учебных заведений ожидается, что они возьмут на себя обязательства по обеспечению качества и справедливого образования посредством предоставления большого количества стипендий и грантов. Режимы регулирования как для частных вузов, так и для государственных высших учебных заведений будут рассматриваться одинаково в отношении управления, результатов обучения, прозрачности раскрытия информации. NEP 2020 направлена на предоставление большей автономии профессорско-преподавательскому составу и высшим учебным заведениям, которые управляются независимыми советами с квалифицированными членами, обладающими академической и административной независимостью.

Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал индийского опыта по формированию механизмов эффективного управления и лидерства в высших учебных заведениях других стран, в частности России, где эти вопросы остаются актуальными в условиях создания новой модели высшего образования.

Литература

1. Altbach P. Realism about Indian Higher Education // International Higher Education. Newsletter of International Higher Education (Boston College, USA). 2023. No. 114. P. 34–37. DOI: https://doi.org/10.36197/IHE.2023.114.15.

2. Tilak J. B.G. Private higher education in India // Economic and Political Weekly, 2014. Vol. 49. Issue No 40. P. 32–38. https://www.epw.in/journal/2014/40/perspectives/private-higher-educationindia.tml (дата обращения: 07.03.2026).

3. Степанов В.И., Степанова Н.В. Предпосылки разработки и утверждения Национальной образовательной политики 2020 // Современное профессиональное образование. 2025. № 5. С. 53–59.

4. Кулик Л.В. Система образования и рынок труда Индии: достижения, вызовы, значение для России // Вестник Института востоковедения РАН. 2025. № 3. С. 83–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-083-094.

5. National Education Policy 2020. Ministry of Human Resource Development. Government of India. 66 p. URL.: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

6. Степанов В.И., Степанова Н.В. Национальная образовательная политика 2020 и ее роль в развитии государственного и частного секторов высшего образования Индии // Современное педагогическое образование. 2025. № 6. С. 22–28.

7. Трофимова С.А. Некоторые особенности системы высшего образования в Индии. В сборнике: Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2023. С. 318–320.

8. Мельников Т.Н. Аналитический очерк отдельных аспектов современного высшего образования в Индии // Педагогическое образование и наука. 2020. № 3. С. 34–39.

9. Freeman B. Exploring the Ramifications of India's National Education Policy 2020 for Engagement. 2021. 18 p. DOI: https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13069.87525.

10. Bora D., Mathew S. Reshaping Higher Education: A Comparative Study of India's National Education Policies // International Journal for Multidimensional Research Perspectives. 2024. Vol. 2. Issue 5. P. 72–85. URL.: https://www.researchgate.net/publication/380833020 (дата обращения: 07.03.2026). DOI: 10.61877/ijmrp.v2i5.149.

11. Panigrahi S.P.1 & Gupta S.2. National Education Policy-2020: Rethinking Assessment in Higher Education // Scholarly Research Journal for Humanity Science & English Language. 2021. Vol. 9. Issue 46. P. 11256–11263. URL.: https://www.researchgate.net/publication/353622907 (дата обращения: 05.05.2022).

12. Abraham N., Rai S., Thakur G., Kumar S., & Kurian R. Shifting the goalpost in the 21st century: Challenges for academic leadership in private Indian universities // Academy of Marketing Studies Journal. 2025. Vol. 28. Issue 6. P. 1–15. URL.: https://www.researchgate.net/publication/384602856 (дата обращения: 07.03.2026).

13. Anila Skariah. Reimagining the Future of Higher Education Institutions in India: Quality Assurance and Sustainable Transformation // AIDASCO Reviews. 2024. Vol. 2. Issue 2. P. 48–57. DOI: 10.59783/aire.2024.60.

14. Chattopadhyay S. Academic Freedom, Institutional Autonomy and Institutionalising Accountability: a Reflection on the National Education Policy 2020 // The JMC Review. 2020. Vol. IV. P. 3–23. URL.: https://www.researchgate.net/publication/346476283 (дата обращения: 07.03.2026).

15. Amin R1., Choudhury P.D2., Narah B3., Parbin R4., Akhtar S5. Governance, Leadership, and Administrative Challenges in Public Higher Education Institutions of Assam // International Journal for Multidisciplinary Research (IJFMR). 2026. Vol. 8. Issue 1. P. 1–11. DOI: https://doi.org/10.36948/ijfmr.2026.v08i01.66823.

16. Govinda R. NEP 2020: A Critical Examination // Social Change. 2020. Vol. 50. Issue 4. P. 603–607. DOI: https://doi.org/10.1177/0049085720958804.

17. Pushkar. Regulatory Challenges and Credibility Issues in Indian Higher Education // International Higher Education. Newsletter of International Higher Education (Boston College, USA). 2025. N 124. P. 34–35. DOI: https://doi.org/10.6017/895b9e0d.3b41bcb9.

18. Reshma T[1]., Vaddiraju S.C[2]., Savitha C[3]. An Appraisal of National Education Policy 2020 of India for Higher Education // Proceedings of the International Conference on New Trends in Teaching and Education. 2023. Vol. 1. Issue. 1. P. 22–31. DOI: https://doi.org/10.33422/ntteconf.vlil.55.

19. Степанов В.И., Степанова Н.В. Изменения в системе управления высшего образования в условиях индийского государства // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 12. С. 109–113.

NATIONAL EDUCATION POLICY 2020 AND ITS ROLE IN EFFECTIVE GOVERNANCE AND LEADERSHIP IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN INDIA

Stepanov V.I., Stepanova N.V.
Altai Economics and Law Institute; JSC NPF Information and Network Technologies

This study analyzes the key principles and mechanisms of the National Education Policy 2020 in the context of effective governance and leadership in Indian higher education institutions. The study aims to identify mechanisms for building strong self-governance and appointing heads of institutions based on outstanding academic merit, demonstrated administrative and leadership skills, and the ability to manage complex situations, while striving for innovation and excellence. The methodological framework of the study is based on a comprehensive analysis of educational policy documents and relevant scientific literature. Particular attention is paid to the mechanism for forming the Board of Governors (BoG). The analysis revealed that NEP 2020 aims to provide greater autonomy to faculty and higher education institutions, which are governed by independent boards with qualified members who possess academic and administrative independence. The results of the study demonstrate the significant potential of the Indian experience in developing mechanisms

for effective management and leadership in higher education institutions in other countries, particularly Russia, where these issues remain relevant in the context of the creation of a new model of higher education.

Keywords: India, National Education Policy 2020, Higher education institutions, effective management, leadership.

References

1. Altbach P. Realism about Indian Higher Education // International Higher Education. Newsletter of International Higher Education (Boston College, USA). 2023. No. 114. Pp. 34–37. DOI: https://doi.org/10.36197/IHE.2023.114.15.

2. Tilak J. B.G. Private Higher Education in India // Economic and Political Weekly, 2014. Vol. 49. Issue No. 40. Pp. 32–38. https://www.epw.in/journal/2014/40/perspectives/private-higher-educationindia.tml (accessed: 07.03.2026).

3. Stepanov V.I., Stepanova N.V. Prerequisites for the Development and Approval of the National Education Policy 2020 // Modern Professional Education. 2025. No. 5. pp. 53–59.

4. Kulik L.V. The Education System and Labor Market in India: Achievements, Challenges, and Significance for Russia // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 3. pp. 83–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-083-094.

5. National Education Policy 2020. Ministry of Human Resource Development. Government of India. 66 p. URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (accessed: 07.03.2026).

6. Stepanov V.I., Stepanova N.V. National Education Policy 2020 and its Role in the Development of the Public and Private Sectors of Higher Education in India // Modern Pedagogical Education. 2025. No. 6. pp. 22–28.

7. Trofimova S.A. Some Features of the Higher Education System in India. In the collection: Science and Education: Experience, Problems, Development Prospects. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2023. pp. 318–320.

8. Melnikov T.N. Analytical Essay on Certain Aspects of Modern Higher Education in India // Pedagogical Education and Science. 2020. No. 3. pp. 34–39.

9. Freeman B. Exploring the Ramifications of India's National Education Policy 2020 for Engagement. 2021. 18 p. DOI: https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13069.87525.

10. Bora D., Mathew S. Reshaping Higher Education: A Comparative Study of India's National Education Policies // International Journal for Multidimensional Research Perspectives. 2024. Vol. 2. Issue 5. P. 72–85. URL: https://www.researchgate.net/publication/380833020 (access date: 03/07/2026). DOI: 10.61877/ijmrp.v2i5.149.

11. Panigrahi S.P.1 & Gupta S.2. National Education Policy-2020: Rethinking Assessment in Higher Education // Scholarly Research Journal for Humanity Science & English Language. 2021. Vol. 9. Issue 46. P. 11256–11263. URL: https://www.researchgate.net/publication/353622907 (access date: 05/05/2022).

12. Abraham N., Rai S., Thakur G., Kumar S., & Kurian R. Shifting the goal post in the 21st century: Challenges for academic leadership in private Indian universities // Academy of Marketing Studies Journal. 2025. Vol. 28. Issue 6. P. 1–15. URL: https://www.researchgate.net/publication/384602856 (access date: 03/07/2026).

13. Anila Skariah. Reimagining the Future of Higher Education Institutions in India: Quality Assurance and Sustainable Transformation // AIDASCO Reviews. 2024. Vol. 2. Issue 2. P. 48–57. DOI: 10.59783/aire.2024.60.

14. Chattopadhyay S. Academic Freedom, Institutional Autonomy and Institutionalizing Accountability: a Reflection on the National Education Policy 2020 // The JMC Review. 2020. Vol. IV. P. 3–23. URL: https://www.researchgate.net/publication/346476283 (access date: 03/07/2026).

15. Amin R1., Choudhury P.D2., Narah B3., Parbin R4., Akhtar S5. Governance, Leadership, and Administrative Challenges in Public Higher Education Institutions of Assam // International Journal for Multidisciplinary Research (IJFMR). 2026. Vol. 8. Issue 1. P. 1–11. DOI: https://doi.org/10.36948/ijfmr.2026.v08i01.66823.

16. Govinda R. NEP 2020: A Critical Examination // Social Change. 2020. Vol. 50. Issue 4. P. 603–607. DOI: https://doi.org/10.1177/0049085720958804.

17. Pushkar. Regulatory Challenges and Credibility Issues in Indian Higher Education // International Higher Education. Newsletter of International Higher Education (Boston College, USA). 2025. N 124. P. 34–35. DOI: https://doi.org/10.6017/895b9e0d.3b41bcb9.

18. Reshma T1., Vaddiraju S.C2., Savitha C3. An Appraisal of National Education Policy 2020 of India for Higher Education // Proceedings of the International Conference on New Trends in Teaching and Education. 2023. Vol. 1. Issue. 1. P. 22–31. DOI: https://doi.org/10.33422/ntteconf.vlil.55.

19. Stepanov V.I., Stepanova N.V. Changes in the Higher Education Management System in the Context of the Indian State // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 12. P. 109–113.

Влияние инициативы «Один пояс – один путь» на экономическое сотрудничество Китая и стран Центральной и Восточной Европы

Сун Юнбин,
аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета
E-mail: sunbinbin772@gmail.com

Статья посвящена анализу влияния инициативы «Один пояс – один путь» на конфигурацию и формы экономического взаимодействия Китая со странами Центральной и Восточной Европы. Объектом исследования выступает экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы, предметом – структурные характеристики торговых, инвестиционных и логистико-цифровых связей Китая со странами Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Актуальность исследования обусловлена углублением экономических связей Китая с регионом Центральной и Восточной Европы на фоне перехода инициативы «Один пояс – один путь» к этапу высококачественного развития. На основе анализа статистических данных, отраслевых показателей и конкретных страновых примеров показано, что экономическое взаимодействие Китая со странами Центральной и Восточной Европы приобретает дифференцированный и полицентричный характер. Торговые связи, инвестиционные модели и логистико-цифровые решения формируют различные функциональные роли государств региона в евразийских цепочках поставок. Сделан вывод о том, что инициатива «Один пояс – один путь» выступает важным фактором структурирования экономического сотрудничества Китая со странами Центральной и Восточной Европы и повышения его устойчивости.

Ключевые слова: «Один пояс – один путь», Китай, Центральная и Восточная Европа, экономическое сотрудничество, структурные характеристики.

Введение

Инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП) за прошедшее десятилетие превратилась в один из ключевых инструментов внешнеэкономической политики Китая, формируя новые параметры его взаимодействия с различными регионами мира. Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ) занимает в этом контексте особое место ввиду пересечения интересов Китая, Европейского союза (ЕС) и более широких евразийских процессов. Разнообразие экономических моделей стран региона ЦВЕ, различная степень их интеграции в пространство ЕС и требования к регулятивной совместимости создают сложную структуру условий, в которых развивается экономическое сотрудничество с Китаем. В этих условиях особую значимость приобретает анализ того, как приоритеты ОПОП отражаются на структуре экономических связей Китая со странами ЦВЕ, поскольку именно через эти направления проявляются основные структурные особенности их экономического взаимодействия.

Цель исследования состоит в выявлении влияния инициативы ОПОП на структуру экономического взаимодействия Китая со странами ЦВЕ. Объектом исследования выступает экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы, предметом – структурные характеристики торговых, инвестиционных и логистико-цифровых связей Китая со странами Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Экономическое сотрудничество между Китаем и странами ЦВЕ в контексте инициативы ОПОП стало устойчивым направлением исследований в научной литературе. Существующие исследования можно разделить на три группы: китайскую, русскоязычную и англоязычную литературу. Каждая из них формирует собственные аналитические акценты и по-разному объясняет влияние инициативы на региональное взаимодействие. Ниже рассмотрены наиболее показательные исследования этих групп.

В китайских исследованиях преобладает детализированный анализ торгово-инвестиционных характеристик взаимодействия. В монографии Ли Цзина и Сяо Линли «Исследование торгово-инвестиционных отношений стран, участвующих в инициативе «Один пояс – один путь»: шестнадцать стран Центральной и Восточной Европы» [1] рассматриваются структурные особенности экономик региона ЦВЕ, динамика торговли и прямых иностранных инвестиций. Хан Мэн в своей монографии «Исследование дифференцированных инвестиционных стратегий Китая в отношении стран Центральной и Восточной Европы» [2] анализирует факторы привлекательности стран ЦВЕ и мотивы китайских компаний. Коллективное исследование под руководством Чжан Сяотао «Страновой доклад о торгово-экономическом сотрудничестве Китая со странами вдоль инициативы «Один пояс – один путь»: Центральная и Восточная Европа» [3], содержит систематизированные обзоры экономик региона ЦВЕ и оценку их потенциала в рамках ОПОП. Существенный вклад в изучение вопроса вносит и монография Ян Биня и соавторов ««Один пояс – один путь»: взаимовыгодное сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы» [4], где обобщены данные о торговле, инвестициях и институциональных условиях взаимодействия.

В русскоязычной научной литературе анализ инициативы ОПОП осуществляется преимущественно через призму внешнеэкономической стратегии Китая и институциональных механизмов международного сотрудничества. В монографии В.Я. Портякова «Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае» [5] положения инициативы ОПОП рассматриваются в контексте расширения международной экономической деятельности КНР и формирования новых форм внешнеэкономического взаимодействия. С.М. Юн и В.С. Пакулин в статье «Взаимодействие Китая и стран Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы «Пояса и пути» и формата «17+1»« [6] анализируют институциональные механизмы сотрудничества Китая со странами ЦВЕ, подчёркивая использование многостороннего формата как инструмента развития двусторонних экономических связей, тогда как А.А. Яковлев и А.В. Голубкин в статье «К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы» [7] фокусируются на торгово-инвестиционных параметрах взаимодействия, отмечая рост роли китайских инвестиций в экономическом развитии региона ЦВЕ.

В англоязычных исследованиях акцент делается на структурном положении стран ЦВЕ в системе экономических связей, формируемых в рамках инициативы ОПОП. В монографии «China's Belt and Road Initiative: Strategic and Economic Implications for Central Asia, Southeast Asia, and Central and Eastern Europe» [8] под редакцией А. Герстля и У. Валленбёк анализируется трансформация евразийских транспортных маршрутов и роль стран ЦВЕ в новых логистических и торговых конфигурациях. В работе Дж. Гарлика «The Impact of China's Belt and Road Initiative on Central and Eastern Europe» [9] инициатива ОПОП представляется как фактор, меняющий логику экономического взаимодействия в Евразии. В этой системе страны ЦВЕ выступают связующим участком между азиатскими и европейскими рынками, обладая различными функциональными позициями в трансграничных цепочках поставок.

Несмотря на широкую исследованность темы, системная оценка того, как инициатива ОПОП влияет на совокупную структуру торговых, инвестиционных и логистико-цифровых связей Китая со странами ЦВЕ, представлена в литературе ограниченно. Это делает актуальным комплексный анализ данных направлений на основе новейшей доступной статистики, что и определяет рамки данного исследования.

Инициатива ОПОП на этапе высококачественного развития и её значение для сотрудничества Китая со странами ЦВЕ

Инициатива ОПОП, выдвинутая Китаем в 2013 г., на первоначальном этапе была ориентирована на развитие трансрегиональной инфраструктуры и расширение торговых связей. По мере накопления проектов её повестка постепенно расширялась: к экономическим задачам добавлялись дипломатические, технологические, гуманитарные направления, что превратило инициативу в комплексный механизм многостороннего взаимодействия. Такое постепенное расширение повестки инициативы создало основу для дальнейшего уточнения её стратегических ориентиров и принципов реализации.

В 2023 г. на Третьем форуме международного сотрудничества ОПОП Си Цзиньпин официально заявил, что инициатива «вошла в новый этап высококачественного развития» [10]. В выступлении были обозначены «восемь действий», предусмотренные в рамках инициативы ОПОП и направленные на её дальнейшее развитие, включающие развитие инфраструктурной взаимосвязанности, поддержку открытой мировой экономики, углубление торговой и инвестиционной либерализации, укрепление производственно-сбытовых и логистических цепочек, расширение цифрового и зелёного сотрудничества, реализацию проектов, ориентированных на улучшение условий жизни населения, стимулирование гуманитарных обменов, а также формирование механизмов добропорядочного управления. Таким образом были заложены принципы дальнейшего развития инициативы.

По мере развития инициативы ОПОП её экономическая повестка стала более структурированной, что усилило внимание к устойчивости проектов, процедурной согласованности и цифровой модернизации логистики. Эти изменения определяют новые форматы участия стран ЦВЕ. Для стран ЦВЕ всё более значимым становится не масштаб торговли или число проектов, а их функциональная роль в евроазиатских цепочках – как транзитных узлов, индустриальных площадок, логистических центров или участников цифровых сервисов. Различия в экономических моделях стран ЦВЕ и степени их интеграции в пространство ЕС приводят к неодинаковому выполнению этих функций. В таком контексте особую исследовательскую ценность приобретает анализ того, как этап высококачественного развития инициативы влияет на конфигурацию торговых потоков, инвестиционных траекторий и форм логистико-цифрового сотрудничества.

Торговое взаимодействие Китая со странами ЦВЕ

Учреждение в 2012 г. многостороннего механизма сотрудничества Китая со странами ЦВЕ создало институциональные условия для расширения экономического взаимодействия. На этом фоне взаимная торговля между Китаем и странами ЦВЕ продемонстрировало поступательный рост: по данным Министерства коммерции КНР, с 2012 по 2024 г. товарооборот увеличился в среднем на 8,8% ежегодно и в 2024 г. достиг исторического максимума – 142,3 млрд долл. США [11]. Наблюдаемый рост торговли свидетельствует не только о повышении значимости стран ЦВЕ для Китая, но и о возрастании роли Китая в экономической динамике самого региона ЦВЕ. Он отражает расширение сформированных в рамках ОПОП каналов взаимодействия и показывает, что инициатива способствует становлению устойчивых межрегиональных механизмов интеграции.

Для характеристики структурных параметров торговли привлекаются актуальные данные за 2024 г., позволяющие оценить масштабы совокупного товарооборота и зафиксировать его текущую конфигурацию.

Таблица 1. Внешняя торговля Китая со странами ЦВЕ (2024 г.) (Единица: 100 млн юаней)

Страна	Товарооборот	Рост к 2023 г., %
Польша	3198,7	+8,3
Чехия	1653,1	+9,2
Венгрия	1153,2	+12,9
Румыния	957,2	+29
Греция	915,4	–4,1
Словакия	691,1	–15
Словения	472,3	+0,4
Сербия	407,9	+33,3
Болгария	288,1	–2,8
Хорватия	210,5	+18,3
Албания	95,5	+6,7
Северная Македония	34,9	+4,3
Босния и Герцеговина	29,7	+16,8
Черногория	16,1	+3,1

Источник: [12].

Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что торговые связи Китая со странами ЦВЕ имеют неоднородный характер: позиции отдельных стран в структуре обмена зависят от масштаба их внутреннего рынка, степени интеграции в производственные цепочки ЕС и отраслевой специализации. Эти различия позволяют выделить отдельные группы стран по их экономическим функциям и уровню участия во взаимной торговле.

Во-первых, лидирующие позиции занимают Польша, Чехия, Венгрия и Румыния, совокупно формирующие основную часть товарооборота Китая с регионом ЦВЕ. В 2024 г. эти четыре страны обеспечили около 70% суммарного объёма торговли. Эти страны обладают крупными внутренними рынками и развитой индустриальной базой, что обеспечивает им ведущую роль в общеевропейских производственных цепочках. Польша и Румыния выполняют преимущественно функции крупных потребительских рынков и распределительных узлов, принимая значительные объёмы китайской машиностроительной и электротехнической продукции. Чехия и Венгрия характеризуются высокой степенью индустриальной интеграции: значительная часть китайского импорта используется как промежуточные товары в автомобилестроении, электротехнических и электронных кластерах, что усиливает их позиции в транснациональных цепочках добавленной стоимости. Таким образом, данные страны формируют ключевые узлы промышленной кооперации Китая в регионе ЦВЕ, что делает их важнейшими звеньями распределения китайской продукции.

Во-вторых, Греция, Словакия, Словения, Сербия, Болгария и Хорватия занимают промежуточное положение, сочетая элементы индустриальной и потребительской специализации. Словакия и Словения интегрированы в европейские промышленные цепочки, импортируя китайские комплектующие и оборудование для дальнейшей переработки. Болгария и Хорватия играют роль средних потребительских рынков с ограниченной номенклатурой экспорта, тогда как Греция выделяется благодаря развитию портовой логистики, выполняя функцию входного узла для части китайских товаропотоков в Европу. Для этих стран характерны умеренные, но стабильные объёмы торговли, что отражает их функциональную роль в индустриально-логистических связках региона ЦВЕ.

В-третьих, Албания, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Черногория относятся к группе стран с низким уровнем торговой активности. Их взаимодействие с Китаем основывается главным образом на поставках сырья, агропромышленной продукции и товаров низкой степени переработки. Эти рынки характеризуются небольшой ёмкостью и ограниченной включённостью в производственные и логистические цепочки ЕС, однако даже здесь наблюдается устойчивая положительная динамика, что отражает постепенное расширение присутствия Китая в периферийных сегментах региона ЦВЕ.

Отраслевой профиль взаимной торговли свидетельствует о высокой степени взаимодополняемости экономик: Китай поставляет в регион ЦВЕ преимущественно машиностроительную продукцию, комплектующие для автомобильной промышленности, электронику, электротехническое оборудование и товары лёгкой промышленности,

тогда как экспорт стран ЦВЕ в Китай ориентирован на агропродовольственную продукцию, цветные металлы, химическое сырьё, а также отдельные категории машиностроения и автокомпонентов. Значительная доля продукции машиностроения и электротехники в общей структуре торговли подчёркивает промышленный характер взаимного товарооборота. В то же время в торговой структуре сохраняется выраженная асимметрия: экспорт Китая отличается более высокой диверсификацией и технологичностью, тогда как экспорт большинства стран ЦВЕ в Китай характеризуется относительно узкой товарной специализацией.

Характер устойчивых изменений во взаимной торговле наглядно проявился на Четвёртой выставке-ярмарке Китай – ЦВЕ, состоявшейся в Нинбо в мае 2025 г. [13]. Расширение спроса на агропродовольственную, потребительскую и отдельную высокотехнологичную продукцию из стран региона ЦВЕ показывает, что использование конкретных механизмов и платформ, сформированных в рамках инициативы ОПОП, в том числе совместных выставочно-ярмарочных мероприятий, торгово-инвестиционных форумов, механизмов координации деловых кругов, а также логистических и информационных платформ содействия экспорту, начинает обеспечивать более эффективное продвижение товаров на китайский рынок. Проведение подобных мероприятий демонстрирует, как инициатива способствует углублению торговых связей, расширению ассортимента экспортируемой продукции и повышению устойчивости торговых потоков между Китаем и странами ЦВЕ.

Таким образом, торговые отношения Китая со странами ЦВЕ формируют полицентричную и структурно дифференцированную модель, отражающую влияние инициативы ОПОП на углубление производственной кооперации и расширение торговых возможностей региона ЦВЕ.

Логика китайских инвестиций в странах ЦВЕ

Инвестиции Китая в страны ЦВЕ подчиняются иной логике, чем торговые отношения. Если торговые процессы в первую очередь формируются под воздействием рыночных параметров, включая размеры экономики, промышленный потенциал и уровень интеграции в пространство ЕС, то инвестиционные решения в большей степени определяются политико-стратегическими ориентирами, особенностями регулятивной среды и степенью институциональной согласованности. Именно эта разница объясняет, почему инвестиционная карта региона ЦВЕ существенно расходится с торговой динамикой.

При этом для анализа особенностей прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ЦВЕ целесообразно сосредоточиться на четырёх странах – Венгрии, Сербии, Польши и Чехии, поскольку именно они формируют репрезентативные модели инвестиционного поведения Китая, тогда как в остальных странах объёмы ПИИ остаются фрагментарными и не образуют устойчивых центров локализации инвестиций.

По данным агентства «Синьхуа», к концу 2024 г. совокупный объём китайских инвестиций в страны ЦВЕ превысил 24 млрд долл. США [11]. Наиболее крупными реципиентами выступают Венгрия и Сербия, тогда как Польша и Чехия, несмотря на их ведущие позиции во взаимной торговле, привлекают существенно меньшие объёмы. Такое распределение объясняется различной степенью политической поддержки китайских проектов и неодинаковыми требованиями к контролю и допуску иностранных инвестиций в разных странах ЦВЕ.

Венгрия представляет собой наиболее показательный пример стратегически ориентированного инвестиционного узла Китая в рамках ОПОП благодаря благоприятной политической среде, активной государственной поддержке китайских проектов и целенаправленной ориентации на привлечение высокотехнологичных производств [14, с. 11]. Особое место занимает развитие аккумуляторной и электротранспортной промышленности, представленной китайским автопроизводителем BYD и производителями аккумуляторных систем CATL, EVE Energy и CALB, а также укрепление сопутствующей логистической и научно-исследовательской инфраструктуры. Эти вложения представляют собой не разрозненные инвестиции, а элементы долгосрочной стратегии локализации производства для рынка ЕС, создавая глубокую отраслевую интеграцию и превращая Венгрию в опорный сегмент китайско-европейской цепочки производства электромобилей и аккумуляторов. Дополнительную устойчивость этим проектам придаёт их соответствие целям Европейского зелёного курса, что обеспечивает им политическую приемлемость даже в условиях усиления регуляторных требований.

Сербия, в отличие от государств – членов ЕС, остаётся предпочтительным направлением для капиталоёмких инфраструктурных и энергетических проектов благодаря более гибкому подходу государства к контролю стратегических активов. Показательным примером стала модернизация металлургического комбината в Смедерево китайской металлургической корпорацией HBIS. В условиях ЕС подобная сделка, вероятно, столкнулась бы с жёстким регуляторным контролем, тогда как в Сербии проект был реализован без ограничений: предприятие было модернизировано, включено в глобальные цепочки поставок и сохранило тысячи рабочих мест. Параллельно развиваются проекты в энергетике и транспорте, формируя основу для широкого промышленного присутствия Китая. В отличие от венгерской модели, акцент здесь делается не на высокотехнологичной локализации, а на модернизации базовой инфраструктуры и сырьевых отраслей, что обеспечивает длительный горизонт присутствия китайского капитала и закрепляет роль Сербии как ключевой площадки Китая в регионе ЦВЕ вне ЕС [15, с. 24].

Польша и Чехия демонстрируют иную модель инвестиционного взаимодействия, в которой рыночная логика сохраняет более заметное влияние. Несмотря на значительный объём торговли и развитую промышленную базу, китайские компании преимущественно встраиваются в существующие производственные цепочки ЕС, развивая проекты в сфере автокомпонентов, электроники, электротехнического оборудования, логистики и складской инфраструктуры. При этом жёсткие механизмы контроля ПИИ и политика «дерискинга» ЕС ограничивают реализацию автономных крупных проектов, формируя модель ограниченного присутствия, основанную на филиалах, совместных предприятиях и миноритарных долях [16, с. 115]. В результате инвестиционная активность остаётся заметной, но не приводит к возникновению стратегических центров локализации, сопоставимых с венгерским или сербским.

Институциональным фундаментом инвестиционного взаимодействия выступает финансовое сотрудничество, обеспечивающее предсказуемость и устойчивость ПИИ. Формируются механизмы трансграничного кредитования, расширяются расчёты в юанях и укрепляются каналы банковского взаимодействия. Показательно, что Польша и Венгрия получили доступ к китайскому рынку капитала через размещение «панда-облигаций» (облигаций, номинированных в юанях и размещаемых иностранными эмитентами на финансовом рынке Китая), что расширило их финансовые возможности для поддержки инфраструктурных и промышленных проектов. Сербия внедрила систему расчётов в национальной валюте и юане, а Венгрия применяет двусторонние кредитные инструменты для индустриальных проектов в сфере аккумуляторов и электротранспорта. Эти элементы формируют устойчивую финансовую архитектуру, снижают транзакционные издержки и укрепляют сопоставимость финансовых процедур, необходимую для крупных инвестиционных проектов в рамках ОПОП и связанных с ней национальных программ сотрудничества.

Сопоставление инвестиционных моделей четырёх ключевых стран ЦВЕ показывает, что инициатива ОПОП повлияла не на общий уровень, а прежде всего на характер распределения китайских ПИИ. Венгрия и Сербия становятся опорными площадками для крупных производственных и инфраструктурных проектов; Польша и Чехия – для встроенности в европейские цепочки и проектов с ограниченной степенью автономии; остальные государства – для точечных вложений без формирования устойчивых центров локализации. В результате инвестиционное присутствие Китая в регионе ЦВЕ приобрело полицентричную и функционально дифференцированную структуру, что отражает изменившиеся параметры сотрудничества в условиях реализации инициативы ОПОП.

Логистическое и цифровое взаимодействие

На этапе высококачественного развития инициативы ОПОП сотрудничество Китая со странами ЦВЕ в сфере логистики постепенно смещается от отдельных инфраструктурных проектов к более комплексной системе связей. Ключевую основу этой системы составляют маршруты Железнодорожного экспресса Китай – Европа, которые к октябрю 2025 г. обеспечивали сообщение между Китаем и Европой по направлениям, охватывающим 26 европейских государств и 232 города [17]. Их развитие в рамках ОПОП придало устойчивость сухопутным перевозкам и включило регион ЦВЕ в более широкую конфигурацию евразийских транспортных связей. Участие различных стран ЦВЕ в этих маршрутах складывается неоднородно. Польша становится основным входным узлом на рынке ЕС, Венгрия выполняет роль площадки перераспределения потоков в Центральную и Юго-Восточную Европу, а Чехия и Словакия выступают центрами консолидации и обработки грузов. Эти различия отражают инфраструктурные возможности стран и глубину их включённости в общеевропейские логистические сети.

Цифровое измерение сотрудничества усиливает эффект материальных маршрутов и становится важным компонентом формирования «цифрового Шёлкового пути» в регионе ЦВЕ. Наиболее активные формы цифровизации логистики реализуются в Венгрии и Сербии. В Венгрии реализуется совместный проект Huawei и Vodafone по созданию

мультимодального логистического узла на базе сети 5G, обеспечивающего интеграцию различных видов перевозок и повышение управляемости потоков. В Сербии взаимодействие охватывает широкополосный доступ, облачные сервисы и элементы «умного города», что формирует цифровую основу для дальнейшего развития логистических сервисов. Эти проекты дополняют промышленную и инвестиционную активность Китая, связывая транспортные маршруты, коммуникационные технологии и производственные площадки в более согласованную региональную систему.

Параллельно важным направлением становится развитие трансграничной электронной коммерции, которая представляет собой коммерческое продолжение логистической цифровизации. Рост онлайн-торговли и формирование сети «зарубежных складов» китайских платформ в Польше, Венгрии и ряде других стран ЦВЕ ускоряют доставку товаров, расширяют ассортимент, доступный на европейском рынке, и повышают вовлечённость местных компаний в цифровые каналы распределения. Для стран ЦВЕ это означает не только увеличение цифрового товарооборота, но и углубление их роли как промежуточных звеньев в евразийских цепочках поставок, обеспечивающих стыковку потоков между азиатскими производителями и европейскими потребителями.

Развитие цифровой инфраструктуры сталкивается и с институциональными ограничениями. В государствах – членах ЕС, особенно в Польше и Чехии, применяются общеевропейские подходы к кибербезопасности и контролю телекоммуникационного оборудования, включая комплекс мер по обеспечению безопасности сетей 5G, что сужает пространство для участия внешних поставщиков и делает проекты с китайскими компаниями предметом дополнительной проверки [18, с. 109]. Различия в регуляторных подходах, уровне технологической открытости и стратегических приоритетах стран ЦВЕ формируют неоднородные условия для цифрового взаимодействия с Китаем.

В целом развитие транспортных коридоров, цифровых решений и трансграничной электронной коммерции формирует новую конфигурацию логистической среды в регионе ЦВЕ. Несмотря на сохраняющиеся регуляторные и политические ограничения, эти процессы способствуют более глубокому включению стран региона ЦВЕ в евразийские цепочки поставок и подчёркивают усиливающееся значение инициативы ОПОП в укреплении региональной связности.

Заключение

На этапе высококачественного развития инициатива ОПОП придала сотрудничеству Китая со странами ЦВЕ более выраженную системность, что проявилось в согласованном изменении трёх ключевых направлений – торговли, инвестиции и логистико-цифрового взаимодействия. Торговые потоки демонстрируют устойчивую дифференциацию, инвестиционные траектории формируют новые центры производственной локализации, а развитие цифровых и логистических решений объединяет материальные и технологические параметры связности. В целом эти процессы показывают, что инициатива ОПОП становится важным механизмом формирования структурных параметров экономического взаимодействия Китая со странами ЦВЕ и усиливает их включённость в евразийское экономическое пространство.

Литература

1. Ли Цзин, Сяо Линли. Исследование торгово-инвестиционных отношений стран, участвующих в инициативе «Один пояс – один путь»: шестнадцать стран Центральной и Восточной Европы. – Пекин: Издательство «Экономическая газета», 2017. – 632 с.

2. Хань Мэн. Исследование дифференцированных инвестиционных стратегий Китая в отношении стран Центральной и Восточной Европы. – Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 2024. – 254 с.

3. Чжан Сяотао. Страновой доклад о торгово-экономическом сотрудничестве Китая со странами вдоль инициативы «Один пояс – один путь»: Центральная и Восточная Европа. – Пекин: Издательство экономической науки, 2018. – 392 с.

4. Ян Бинь, Ли Дунхун, Тан Линлин. «Один пояс – один путь»: взаимовыгодное сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы. – Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2019. – 185 с.

5. Портяков В.Я. Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае. – М.: Издательство «Форум», 2018. – 464 с.

6. Юн С. М., Пакулин В.С. Взаимодействие Китая и стран Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы «Пояса и пути» и формата «17+1» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 241–253.

7. Яковлев А. А., Голубкин А.В. К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы // Экономика и управление. – 2017. – № 9. – С. 13–19.

8. Gerstl A., Wallenböck U. China's Belt and Road Initiative: Strategic and Economic Impacts on Central Asia, Southeast Asia, and Central and Eastern Europe. – New York: Routledge, 2021. – 250 p.

9. Garlick J. The Impact of China's Belt and Road Initiative: From Asia to Europe. – New York: Routledge, 2020. – 266 p.

10. 习近平在第三届»一带一路»国际合作高峰论坛开幕式上的主旨演讲（全文）. 2023年10月18日. [Программное выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Третьего форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» (полный текст).]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6909882.htm (дата обращения: 20.11.2025).

11. 综述｜共同谱写中国—中东欧国家经贸合作新篇章. 2025年5月25日. [Обзор Совместное формирование новой главы в развитии экономико-торгового сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы.]. URL: http://www.news.cn/world/20250525/554da5c3639d43efa3381bb1ad614391/c.html (дата обращения: 20.11.2025).

12. 2024年12月我国与中东欧国家进出口值统计表. 2025年1月23日. [Статистическая таблица показателей импорта и экспорта Китая со странами Центральной и Восточной Европы за декабрь 2024 г.]. URL: https://www.cceeccic.org/956223084.html (дата обращения: 20.11.2025).

13. 中国与中东欧国家经贸合作驶入»双向快车道». 2025年5月24日. [Экономико-торговое сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы выходит на «двустороннюю скоростную магистраль».]. URL: http://www.news.cn/world/20250524/b14a6609d3b5457aac829165290b1270/c.html (дата обращения: 20.11.2025).

14. Szunomár Á. Chinese FDI in Central and Eastern Europe: An Overview of Factors Motivating Chinese MNEs in the CEE Region // Global Economic Observer. – 2018. – № 2. – P. 4–16.

15. Abu Dayeh B., Janíčko M. Determinants of Chinese Foreign Direct Investment in Central and Eastern Europe // Central European Business Review. – 2021. – № 3. – P. 19–36.

16. Вэнь Хаонин, Се Наньнань, У Юйцин. Логика, меры и реакция Китая на сдерживание интернет-компаний Китая со стороны ЕС в контексте политики «дерискинга» // Практика внешней торговли и экономического сотрудничества. – 2024. – № 9. – С. 114–119.

17. 《中欧班列发展报告（2025）》显示：中欧班列为世界经济发展注入新动力. 2025年11月18日. [Согласно «Докладу о развитии маршрутов Железнодорожного экспресса Китай–Европа (2025)», маршруты Железнодорожного экспресса Китай–Европа становятся новым фактором стимулирования развития мировой экономики.]. URL: http://www.news.cn/fortune/20251118/b12a15f7288c45708ac88b875d75b822/c.html (дата обращения: 20.11.2025).

18. Чжан Цзяньпин, Чжан Сюй. Новые возможности и вызовы торгово-экономического сотрудничества Китая и ЕС в современных условиях // Хубэйские общественные науки. – 2024. – № 7. – С. 103–112.

THE IMPACT OF THE «BELT AND ROAD INITIATIVE» ON THE ECONOMIC COOPERATION BETWEEN CHINA AND THE COUNTRIES OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Song Yongbing
Belarusian State University

The article is devoted to an analysis of the impact of the Belt and Road Initiative on the configuration and forms of economic interaction between China and the countries of Central and Eastern Europe. The object of the study is economic cooperation between China and the countries of Central and Eastern Europe, while the subject of the study is the structural characteristics of trade, investment, and logistics–digital ties between China and the countries of Central and Eastern Europe within the framework of the Belt and Road Initiative. The relevance of the study is обусловлена by the deepening of China's economic ties with the Central and Eastern European region amid the transition of the Belt and Road Initiative to a stage of high-quality development. Based on an analysis of statistical data, sectoral indicators, and specific country cases, it is shown that economic interaction between China and the countries of Central and Eastern Europe is acquiring a differentiated and polycentric character. Trade links, investment models, and logistics–digital solutions shape different functional roles of the region's states within Eurasian supply chains. It is concluded that the Belt and Road Initiative acts as an important factor in structuring economic cooperation between China and the countries of Central and Eastern Europe and in enhancing its resilience.

Keywords: Belt and Road Initiative, China, Central and Eastern Europe, economic cooperation, structural characteristics.

References

1. Li Jing, Xiao Lingli. A Study of Trade and Investment Relations among Countries Participating in the Belt and Road Initiative: Sixteen Countries of Central and Eastern Europe. – Beijing: Economic Daily Press, 2017. – 632 p.

2. Han Meng. A Study of China's Differentiated Investment Strategies toward the Countries of Central and Eastern Europe. – Beijing: China Social Sciences Academic Press, 2024. – 254 p.

3. Zhang Xiaotao. Country Report on Trade and Economic Cooperation between China and Countries along the Belt and Road Initiative: Central and Eastern Europe. – Beijing: Economic Science Press, 2018. – 392 p.

4. Yang Bin, Li Donghong, Tang Lingling. The Belt and Road Initiative: Win-Win Cooperation between China and the Countries of Central and Eastern Europe. – Beijing: Tsinghua University Press, 2019. – 185 p.

5. Portyakov V. Ya. The Ant Gnaws at the Bone: Selected Essays on China. – Moscow: Forum Publishing House, 2018. – 464 p.

6. Yun S. M., Pakulin V.S. Interaction between China and the Countries of Central and Eastern Europe within the Framework of the Belt and Road Initiative and the «17+1» Format // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. – 2021. – № 2. – P. 241–253.

7. Yakovlev A. A., Golubkin A.V. On the Issue of Economic Cooperation between China and the Countries of Central and Eastern Europe // Economics and Management. – 2017. – № 9. – P. 13–19.

8. Gerstl A., Wallenböck U. China's Belt and Road Initiative: Strategic and Economic Impacts on Central Asia, Southeast Asia, and Central and Eastern Europe. – New York: Routledge, 2021. – 250 p.

9. Garlick J. The Impact of China's Belt and Road Initiative: From Asia to Europe. – New York: Routledge, 2020. – 266 p.

10. Xi Jinping. Keynote Speech at the Opening Ceremony of the Third Belt and Road Forum for International Cooperation (Full Text). October 18, 2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6909882.htm (accessed: 20.11.2025).

11. Review | Jointly Writing a New Chapter in Economic and Trade Cooperation between China and the Countries of Central and Eastern Europe. May 25, 2025. URL: http://www.news.cn/world/20250525/554da5c3639d43efa3381bb1ad614391/c.html (accessed: 20.11.2025).

12. Statistical Table of China's Imports and Exports with the Countries of Central and Eastern Europe, December 2024. January 23, 2025. URL: https://www.cceeccic.org/956223084.html (accessed: 20.11.2025).

13. Economic and Trade Cooperation between China and the Countries of Central and Eastern Europe Enters a «Two-Way Fast Track.» May 24, 2025. URL: http://www.news.cn/world/20250524/b14a6609d3b5457aac829165290b1270/c.html (accessed: 20.11.2025).

14. Szunomár Á. Chinese FDI in Central and Eastern Europe: An Overview of Factors Motivating Chinese MNEs in the CEE Region // Global Economic Observer. – 2018. – № 2. – P. 4–16.

15. Abu Dayeh B., Janíčko M. Determinants of Chinese Foreign Direct Investment in Central and Eastern Europe // Central European Business Review. – 2021. – № 3. – P. 19–36.

16. Wen Haoning, Xie Nannan, and Wu Yuqing. The Logic, Measures, and China's Response to the EU's Containment of Chinese Internet Companies in the Context of the «De-risking» Policy // Practice of Foreign Trade and Economic Cooperation. – 2024. – № 9. – P. 114–119.

17. According to the China–Europe Railway Express Development Report (2025), the China–Europe Railway Express Has Become a New Driver of Global Economic Development. November 18, 2025. URL: http://www.news.cn/fortune/20251118/b12a15f7288c45708ac88b875d75b822/c.html (accessed: 20.11.2025).

18. Zhang Jianping, Zhang Xu. New Opportunities and Challenges for China–EU Trade and Economic Cooperation under Contemporary Conditions // Hubei Social Sciences. – 2024. – № 7. – P. 103–112.

Рассмотрение возможных проблем и их решение в реализации мегапроекта ВСМ Москва – Санкт-Петербург

Цао Гопин,
аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
E– mail: 1042238109@pfur.ru

Иванова Екатерина Александровна,
доцент, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
E-mail: ivanova_eka@pfur.ru

Высокоскоростная магистраль (далее – ВСМ) Москва – Санкт-Петербург, как первый в России мегапроект национальной ВСМ, несет в себе двойную стратегическую потребность в технологической самостоятельности и региональном экономическом развитии. В процессе реализации проект демонстрирует уникальную модель «локальное ядро + периферийное сотрудничество». Россия отказывается от внедрения ключевых китайских технологий ВСМ, продвигая вместо этого самостоятельно разработанные поезда «Белый кречет» и сопутствующую инфраструктуру, что приводит к корректировке формата технологического сотрудничества между Китаем и Россией в данной сфере. На основе текущего состояния реализации проекта, данная статья анализирует механизмы формирования барьеров сотрудничества с трех аспектов: технологический суверенитет, система стандартов и геостратегия. С учетом практических потребностей, таких как адаптация технологий к экстремальным холодам, замена ключевых компонентов и взаимодополняемость производственных цепочек, в работе исследуется пространство для взаимовыгодного, плодотворного и двустороннего сотрудничества между Китаем и Россией в некритических областях. Предлагаются рекомендации по оптимизации сотрудничества на основе пути «технологическое развитие + инновационные модели», что предоставляет новый ракурс для размышлений о сотрудничестве в сфере инфраструктурных технологий между крупными странами в контексте глобальной конкуренции.

Ключевые слова: ВСМ Москва – Санкт-Петербург; мегапроект; китайско-российское сотрудничество в области ВСМ; технологические барьеры; технологическая самостоятельность; пространство для прагматичного сотрудничества.

На фоне трансформации глобальной архитектуры и усиления стратегического соперничества между крупными державами ВСМ, как ключевое звено взаимосвязанной инфраструктуры, служат не только «катализатором» региональной экономической интеграции, но и важным инструментом в конкурентной борьбе за технологический суверенитет и геостратегическое влияние. Россия как ключевая держава Евразийского континента отражает в планировании своих мегапроектов ВСМ и выборе технологий глубокую логику баланса между технологической самостоятельностью и внешним сотрудничеством под давлением международных санкций. ВСМ Москва – Санкт-Петербург в качестве «флагманского проекта» развития высокоскоростного железнодорожного транспорта России, отказавшись от традиционной модели импорта ключевых международных технологий и перейдя к пути, ориентированному на отечественные разработки, не только изменил прежние форматы технологического сотрудничества между Китаем и Россией в области ВСМ, но и предоставил типичный пример противоречия между «самостоятельностью и синергией» в инфраструктурном сотрудничестве крупных держав. Анализ причин формирования барьеров в технологическом сотрудничестве по ВСМ между Китаем и Россией в контексте реализации данного проекта и поиск пространства для взаимовыгодного сотрудничества имеют важное теоретическое и практическое значение для понимания новой парадигмы технологического взаимодействия между крупными странами в период спада глобализации и содействия взаимосвязанности инфраструктуры в Азии и Европе.

Текущее состояние (до 2025 года) реализации и структура сотрудничества мегапроекта ВСМ Москва – Санкт-Петербург

В качестве флагманского проекта стратегии модернизации инфраструктуры России, планирование и реализация ВСМ Москва – Санкт-Петербург с самого начала несли в себе многоуровневые стратегические потребности государственного масштаба, выходящие за рамки обычного транспортно-инфраструктурного проекта. Еще в 1990-х годах Россия выдвинула концепцию строительства ВСМ между двумя ключевыми городами, Москвой и Санкт-Петербургом, с целью преодоления транспортных заторов и насыщения грузовых мощностей существующих линий. Однако из-за экономических колебаний, недостатка технологических наработок и других факторов проект долгое время оставался на стадии обсуждения. Лишь после ужесточения международных санкций в 2022 году, когда Россия повысила приоритет инфраструктурной самостоятельности до уровня национальной стратегии, реализация данного проекта ускорилась. Официальное строительство началось в марте 2024 года, с планами ввести дорогу в эксплуатацию к 2028 году, сделав ее важным носителем прорыва технологической блокады и демонстрации возможностей отечественного производства.

С точки зрения ключевых параметров проекта и его стратегической ценности, его атрибуты как мегапроекта особенно ярко выражены. Общая протяженность проекта составляет около 679 километров, он проходит через четыре субъекта Российской Федерации: Московскую, Тверскую, Новгородскую и Ленинградскую области, с 12 станциями вдоль маршрута. Ключевые конечные станции в Москве и Санкт-Петербурге будут обеспечены бесшовной пересадкой на городское метро и пригородные поезда. Проектная максимальная скорость составляет 400 км/ч, а эксплуатационная скорость – 360 км/ч. После завершения строительства время в пути между двумя городами сократится с нынешних 4 часов 5 минут на экспрессе до 2 часов 15 минут, что значительно повысит эффективность пассажирских перевозок. Кроме того, это позволит высвободить грузовые мощности существующих железнодорожных линий, ожидаемый годовой объем грузовых перевозок увеличится на 30 миллионов тонн. Это послужит стимулом для развития промышленных кластеров вдоль маршрута, таких как деревообработка, машиностроение, логистика и складское хозяйство, а также создаст около 12 000 прямых рабочих мест, что станет важной опорой для синергетического развития региональной экономики северо-запада России.

На финансовом уровне общий объем инвестиций в проект увеличился с первоначальных 1,7 триллиона рублей до более чем 2,3 триллиона рублей (около 29,1 миллиарда долларов США). Проект реализуется на основе государственно-частного партнерства по концессионной модели, строительство возглавляет дочерняя компания ОАО «Российские железные дороги» – «Скоростные магистрали». Источники финансирования включают федеральный бюджет, Фонд национального благосостояния и частные инвестиции, формируя диверсифицированную финансовую структуру. Одновременно для обеспечения продвижения проекта предоставляются меры политической поддержки и льготы.

Особого внимания заслуживает тот факт, что структура технологического сотрудничества по данному проекту претерпела фундаментальные изменения по сравнению с предыдущими китайско-российскими планами сотрудничества в области ВСМ, обретя ярко выраженную «ориентацию на самостоятельность». Ранее, в 2015 году, Китай и Россия подписали меморандум о сотрудничестве по ВСМ Москва – Казань, согласно которому китайская сторона планировала участвовать в проекте в формате полного экспорта производственной цепочки, предоставляя технологии поездов серии CRH, решения по строительству и финансовую поддержку. Однако эта модель сотрудничества в конечном итоге была приостановлена из-за стратегической корректировки российской стороны. В проекте ВСМ Москва – Санкт-Петербург Россия четко отказалась от внедрения ключевых китайских технологий, передав ведущую роль в разработке электропоезда «Белый кречет» Уральскому заводу транспортного машиностроения, входящему в Группу «Синара». Этот поезд оснащен отечественной тяговой системой мощностью 10 МВт, прошел испытания в экстремальных условиях низких температур до минус 50 градусов по Цельсию, а целевой показатель уровня локализации установлен на уровне 85%. На данный момент уже налажено отечественное производство ключевых компонентов, таких как тяговые преобразователи и материалы кузова, устойчивые к экстремальному холоду, в процесс поставки комплектующих вовлечено более 100 российских предприятий, формируя начальную отечественную производственную цепочку для ВСМ.

Однако самостоятельный выбор российской стороны не означает полного отказа от международного сотрудничества; вместо этого сформировалась новая форма кооперации: «ключевые технологии – собственные, периферийные компоненты – взаимодополняющие». В бюджете проекта специально выделено 12% средств на импортозамещение, в первую очередь для удовлетворения потребностей в узкоспециализированных компонентах, временно не охваченных отечественными производственными цепочками. При этом 70% заменяемой продукции поступает от китайских поставщиков, включая неключевые компоненты, такие как станки для вальцовки арматурных каркасов, бортовое автоматизированное диагностическое оборудование и морозостойкие кабели. Например, специализированный станок для вальцовки арматурных каркасов, изготовленный на заказ компанией Tianjin Yinfeng для данного проекта, уже успешно отгружен и введен в эксплуатацию. Компания China High-Speed Railway Technology также ведет переговоры с РЖД по системам диагностики неисправностей поездов, формируя устойчивую динамику сотрудничества в поставках комплектующих. Такая структура сотрудничества отражает как приверженность России технологическому суверенитету, так и сохранение пространства для плодотворного взаимодействия между Китаем и Россией, становясь типичным примером баланса «самостоятельности и синергии» в текущей инфраструктурной кооперации между крупными державами.

В плане структуры технологического сотрудничества данный проект отошел от ранее запланированной модели совместной разработки в рамках китайско-российского проекта ВСМ Москва – Казань, продемонстрировав ярко выраженную «ориентацию на самостоятельность».

Реализация мегапроекта ВСМ Москва – Санкт-Петербург представляет собой важную практику претворения в жизнь стратегии технологической самостоятельности России в условиях давления международных санкций. Сложившаяся модель сотрудничества «разработка ядра внутри страны + взаимодополнение на периферии» не только преобразовала прежний формат технологического сотрудничества между Китаем и Россией в области ВСМ, но также отражает различия в стратегических и прагматических интересах обеих сторон. Такая форма взаимодействия служит реальным фоном для формирования барьеров в технологическом сотрудничестве по ВСМ между Китаем и Россией, одновременно создавая основу для поиска пространства для последующего сотрудничества. Далее будет проведен более глубокий анализ ключевых причин возникновения и внутренней логики этих барьеров для сотрудничества.

Анализ ключевых барьеров и причин их формирования в технологическом сотрудничестве по ВСМ между Китаем и Россией

Конфликт между стремлением к технологическому суверенитету и стратегией промышленной самостоятельности

В 2022 году санкции Запада привели к трудностям с обслуживанием компонентов немецкой компании Siemens, от которых зависели российские поезда «Сапсан», что послужило уроком, побудившим РЖД намеренно создать полноценную отечественную производственную цепочку для ВСМ через проект ВСМ Москва – Санкт-Петербург, чтобы полностью избавиться от зависимости от иностранных ключевых технологий. Россия возвела технологическую самостоятельность в области ВСМ в ранг национальной стратегии, используя политические рычаги для стимулирования местных предприятий к прорывам в ключевых технологиях – например, тяговая система и морозостойкие материалы для поезда «Белый кречет» были разработаны внутри страны. Одновременно требуется, чтобы совместные предприятия перенесли не менее 30% производства компонентов на местную базу, обменивая рынок на технологии для развития отечественной промышленной экосистемы. Такой стратегический выбор вступает в противоречие с моделью полного экспорта производственной цепочки, используемой Китаем при выводе на рынок технологий ВСМ. Зрелые технологические решения китайских поездов серии CRH были отвергнуты из-за потенциального риска создания технологической зависимости России, и разногласия по передаче ключевых технологий стали основным барьером для сотрудничества.

Различия в совместимости систем технических стандартов

Основное различие между китайскими и российскими железными дорогами коренится в их независимо сформированных системах технических стандартов. Ключевым решением, определившим уникальность российской сети, стал указ императора Николая I, который в 1842 году утвердил строительство железной дороги Санкт-Петербург – Москва с широкой колеей в 1524 мм (позже ставшей 1520 мм). Этот стратегический выбор, противоречащий европейскому стандарту 1435 мм, во время Великой Отечественной войны создал серьезное логистическое препятствие для вермахта, затруднив использование его подвижного состава для быстрого наступления. Таким образом, изначально геополитически мотивированное решение, усиленное необходимостью адаптации к суровым географическим условиям, привело к созданию обособленной технической экосистемы. Для РФ это имеет важное значение. Все рельсы по всей стране не переложить. Китай же, ориентируясь на глобальную интеграцию и внутреннюю эффективность, принял международный стандарт 1435 мм. Физическая несовместимость инфраструктуры является прямым следствием этих различных исторических траекторий и стратегических расчетов, закрепленных в технических нормативах двух стран.

Внедрение китайских технологий потребовало бы масштабной адаптации стандартов, что не только увеличило бы строительные затраты, но и могло бы повлиять на ее будущую стратегию совместимости транспортных систем с Западной Европой.

С точки зрения технических параметров, между китайскими и российскими ВСМ также существуют различия в ключевых показателях: энергопотребление российского поезда «Белый кречет» составляет 45 кВт·ч на 100 пассажиро-километров, в то время как у китайской серии CRH – 38 кВт·ч; по пассажировместимости китайские поезда рассчитаны на 576 человек, а российские – на 455 человек. Эти различия в параметрах делают прямое совмещение ключевых систем затруднительным.

Настойчивость России в отношении собственной системы стандартов по сути направлена на сохранение технологического влияния и избежание зависимости от единого стандарта. Это лишает предпосылок для масштабного экспорта китайских технологий ВСМ.

Баланс многостороннего сотрудничества в контексте геостратегических соображений

Стремление России к стратегической самостоятельности в соперничестве великих держав создает скрытые ограничения для технологического сотрудничества между Китаем и Россией в области ВСМ. Несмотря на стабильность стратегического партнерства между Китаем и Россией, в ключевых инфраструктурных областях Россия последовательно придерживается принципа многовекторного сотрудничества, не желая чрезмерно зависеть от технологической системы одной страны. В проекте ВСМ Россия, сближаясь с европейскими стандартами и развивая собственные технологии, формирует модель сотрудничества «локальное ядро, многостороннее дополнение», чтобы сохранить стратегическую гибкость в отношениях как с Китаем, так и с Европой. Такой геостра-

тегический выбор заставляет российскую сторону сохранять высокую бдительность в сотрудничестве, сознательно избегая углубленного взаимодействия в ключевых технологических сферах, открывая лишь периферийные направления, такие как поставки неключевых компонентов. Это приводит к трудностям в продвижении китайско-российского сотрудничества вглубь, а уровень взаимодействия строго ограничен.

Исследование пространства для прагматичного сотрудничества и оптимизация путей взаимодействия в сфере технологий ВСМ между Китаем и Россией

Взаимодополняющее сотрудничество в области адаптации технологий к экстремально холодным условиям

Высокоскоростная железная дорога Москва – Санкт-Петербург проходит через районы с холодным климатом, что предъявляет исключительно высокие требования к морозостойким технологиям, создавая естественную точку соприкосновения для китайско-российского технологического сотрудничества. Несмотря на прорыв России в испытаниях поездов в условиях экстремально низких температур, в некоторых узкоспециализированных технологических областях она все еще нуждается во внешней поддержке, в то время как Китай накопил зрелый опыт в технологиях высокоскоростных железных дорог для холодных регионов. Китайская сторона может опираться на технический задел поездов CR450, чтобы вести совместные разработки с российской стороной в таких областях, как морозостойкие сплавы, конструкция герметизации кузова и интеллектуальные системы климат-контроля, оптимизируя технические решения для условий до минус 50 градусов по Цельсию. Например, Китай уже разработал специальные морозостойкие решения для российского рынка и может помочь повысить надежность российского оборудования через модель технологического партнерства («технологическое усиление»), одновременно избегая чувствительных вопросов передачи ключевых технологий, достигая цели сотрудничества «технологическая взаимодополняемость, а не замена».

Сотрудничество в цепочках поставок в рамках импортозамещения ключевых комплектующих

Слабости в отечественной производственной цепочке России создают широкие возможности для участия китайских компаний в сотрудничестве в сфере поставок. Несмотря на стремление России достичь 85% уровня локализации, в таких ключевых областях подсистем, как подшипниковая сталь для 125-меганьютоновых прессов, используемых при литье тележек, и бортовые информационные системы, все еще существуют технологические пробелы, требующие импортозамещения. В настоящее время 70% продуктов для импортозамещения в рамках проекта поступают от китайских поставщиков: специализированный станок для вальцовки арматурных каркасов, изготовленный компанией «Тяньцзинь Иньфэн» для данного проекта, уже успешно отгружен, а компания «Чжунго Гаотие» ведет переговоры с РЖД по автоматизированному диагностическому оборудованию для поездов, формируя устойчивую динамику сотрудничества в поставках комплектующих.

Китайские предприятия могут сосредоточиться на этих узкоспециализированных областях, удовлетворяя требованиям локализации России за счет технологической модернизации, сочетая поставки компонентов с местным производством и создавая модель сотрудничества в цепочке поставок «китайские технологии + российское производство», чтобы глубже интегрироваться в промышленную экосистему России.

Инновации в моделях сотрудничества и совместное региональное развитие

В ответ на стремление России к технологической самостоятельности, Китаю необходимо перейти от экспорта «полной производственной цепочки» к инновациям в «дифференцированных моделях сотрудничества». В сфере финансирования можно использовать концепцию жизненного цикла проекта, участвуя в нем через лизинг оборудования, а не передачу технологий, чтобы снизить озабоченность России по поводу технологической зависимости. В области подготовки кадров следует создавать совместные лаборатории, предоставляя российским инженерам практическое обучение, заменяя прямой экспорт технологий моделью технологического партнерства. Одновременно, опираясь на строительство Китайско-Российско-Монгольского экономического коридора, необходимо содействовать скоординированной стыковке ВСМ Москва – Санкт-Петербург с железнодорожной сетью Северо-Восточного Китая, развивая трансрегиональное сотрудничество в таких областях, как разделение пассажирских и грузовых перевозок и строительство логистических хабов. Кроме того, можно изучить сотрудничество на рынках третьих стран, используя такие государства Центральной Азии, как Казахстан, в качестве пилотных проектов, формируя китайско-российские консорциумы для участия в местных проектах ВСМ, где Китай предоставляет технологические стандарты и финансовую поддержку, а Россия отвечает за локализацию и адаптацию, укрепляя двустороннее технологическое взаимодействие через многостороннее сотрудничество.

Опираясь на базовые принципы технологической самостоятельности России и фундамент китайско-российского сотрудничества, пространство для прагматичного взаимодействия сосредоточено во взаимодополняющей координации в некритических сферах. Три основных направления – адаптация технологий к экстремальному холоду, дополнение цепочек поставок комплектующих и инновации в моделях сотрудничества – позволяют обойти барьеры, связанные с разногласиями по ключевым технологиям, соответствуют стратегическим интересам и восполняют промышленные недостатки обеих сторон. Это предоставляет осуществимые пути для преодоления «тупика сотрудничества» и построения новых отношений в сфере ВСМ между Китаем и Россией, а также закладывает практическую основу для выводов и обобщений в заключительной части.

Заключение

Реализация мегапроекта ВСМ Москва – Санкт-Петербург знаменует собой вступление технологического сотрудничества Китая и России в сфере ВСМ в новую фазу «параллельных инноваций». Руководствуясь многогранными соображениями технологического суверенитета, промышленной самостоятельности и геостратегии, Россия отказалась от внедрения китайских ключевых технологий, сформировав барьеры для сотрудничества, основанные на различиях в технологических стандартах и стратегических интересах, что сделало традиционную модель экспорта полной производственной цепочки более неприменимой. Однако эти барьеры не являются абсолютными: практические потребности России в адаптации технологий к экстремальным условиям и импортозамещении ключевых комплектующих сохраняют широкое пространство для взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами.

Ключ к будущему сотрудничеству между Россией и Китаем в области высокоскоростной железнодорожной техники заключается в том, чтобы разрушить инерционную логику «или то, или это», присущую традиционному игровому мышлению, опираясь на обмен технологиями, стимулировать инновации в моделях кооперации и сформировать новое партнерское отношение на основе взаимного стимулирования и взаимодополняющего существования. Китайской стороне необходимо уважать стремление России к технологической самостоятельности, переходя от экспорта ключевых технологий к взаимодополнению в периферийных областях, синергии в узкоспециализированных технологиях и инновациям в моделях сотрудничества. Через совместные исследования в области морозостойких технологий, глубокую интеграцию цепочек поставок и координацию на рынках третьих стран может быть достигнута беспроигрышная ситуация, где «самостоятельность и сотрудничество развиваются параллельно». Новая форма взаимодействия, сложившаяся в рамках проекта ВСМ Москва – Санкт-Петербург, также дает важный урок для технологического сотрудничества между крупными державами в сфере инфраструктуры на фоне глобальной конкуренции: только учитывая стратегические интересы друг друга, опираясь на взаимодополняющие преимущества и внедряя инновационные модели сотрудничества, можно найти баланс между технологическим суверенитетом и взаимной выгодой, способствуя углубленному развитию взаимосвязанности региональной инфраструктуры.

Литература

1. «Курс на скорость: перспективы высокоскоростной магистрали Москва – Санкт-Петербург». – URL: https://dzen.ru/a/aPlWkMvtliiFzT9u?ysclid=mh0um8cudt91910581 (дата обращения: 20.01.2026).

2. «Полная стоимость ВСМ Москва – Петербург составит 2,349 трлн рублей». – URL: https://www.dp.ru/a/2024/11/20/polnaja-stoimost-vsm-moskva?ysclid=ml5c9lvrpf86278213 (дата обращения: 21.01.2026).

3. «Русская колея». – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Русская_колея?ysclid=ml5db5iv4c718848017 (дата обращения: 02.02.2026)

4. ОАО «Российские железные дороги». План строительства и инвестиционный отчет по высокоскоростной железной дороге Москва – Санкт-Петербург [R]. 2024.

5. Китайский научно-исследовательский институт технологий ВСМ. Исследование адаптации технологий для ВСМ в холодных регионах и путей международного сотрудничества [J]. Китайские железные дороги, 2025(03):45–52.

6. ТАСС. Инвестиционный план РЖД на 2026 год и распределение финансирования проектов высокоскоростных железных дорог [EB/OL]. 2026–01–04.

7. Центр стратегического планирования. Отчет об оценке экономической эффективности проекта высокоскоростной железной дороги Москва – Санкт-Петербург [R]. 2024.

8. Ли Л. Стратегическая корректировка и оптимизация путей технологического сотрудничества Китая и России в области высокоскоростных железных дорог в контексте соперничества великих держав [J]. Исследования международных отношений, 2025(05):78–92.

9. Чжан М. Влияние стратегии самостоятельности российской инфраструктуры под международными санкциями на китайско-российское сотрудничество [J]. Евразийская экономика, 2025(02):34–46.

10. Министерство транспорта Российской Федерации. Концессионное соглашение и правила реализации проекта ВСМ Москва – Санкт-Петербург [Z]. 2024.

11. Ван Ц. «Барьеры в китайско-российском сотрудничестве по ВСМ и пути координации в некритических областях», «Исследования евразийской экономики», 2024, № 2, с. 43–51.

12. Чэнь М. Анализ стратегии технологической самостоятельности России в области ВСМ – на примере проекта ВСМ Москва–Санкт-Петербург [J]. Россиеведение, 2025, с. 67.

13. Линь С. Анализ адаптации технологий ВСМ в холодных регионах и пространства для прагматичного китайско-российского сотрудничества [J]. Журнал инженерии железнодорожного строительства, 2024, с. 32.

14. Чжао Л. Инновации в моделях выхода китайских ВСМ на международный рынок и адаптация к геостратегии [J]. Исследования международных проблем, 2023, с. 18.

15. Сунь М. Текущее состояние и пути оптимизации сотрудничества в цепочках поставок для ВСМ Китая и России [J]. Практика внешнеэкономической деятельности, 2024(6).

REVIEW OF POTENTIAL ISSUES AND THEIR SOLUTIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE MOSCOW – SAINT PETERSBURG HIGH-SPEED RAIL MEGAPROJECT

Cao Guoping, Ivanova E.A.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The Moscow – Saint Petersburg High-Speed Rail (hereinafter referred to as HSR) project, as Russia's first national HSR megaproject, carries a dual strategic imperative for technological self-reliance and regional economic development. During its implementation, the project has demonstrated a unique model of «local core + peripheral cooperation.» Russia has opted against adopting key Chinese HSR technologies, instead promoting the domestically developed «White Swallow» trains and related infrastructure, leading to adjustments in the format of technological cooperation between China and Russia in this field. Based on the current implementation status of the project, this article analyzes the mechanisms behind cooperation barriers from three perspectives: technological sovereignty, standards systems, and geopolitical strategy. Considering practical needs such as adapting technologies to extreme cold, replacing critical components, and complementing industrial chains, the study explores the potential for mutually beneficial, productive, and bilateral cooperation between China and Russia in non-critical areas. Recommendations are proposed for optimizing cooperation based on a «technological development + innovation models» approach, offering a fresh perspective on infrastructure technology collaboration between major countries in the context of global competition.

Keywords: Moscow – Saint Petersburg High-Speed Railway; Mega-Project; China-Russia High-Speed Rail Cooperation; Technology Barriers; Technological Self-Reliance; Pragmatic Cooperation Space.

References

1. «Course for Speed: Prospects of the Moscow–Saint Petersburg High-Speed Railway». – URL: https://dzen.ru/a/aPlWkMvtliiFzT9u?ysclid=mh0um8cudt91910581 (accessed on: 20 January 2026).

2. «The Total Cost of the Moscow–Saint Petersburg High-Speed Railway Project Will Be 2.349 Trillion Rubles». – URL: https://www.dp.ru/a/2024/11/20/polnaja-stoimost-vsm-moskva?ysclid=ml5c9lvrpf86278213 (accessed on: 21 January 2026).

3. «Russian Gauge». – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Русская_колея?ysclid=ml5db5iv4c718848017(accessed on: 02 February 2026).

4. Russian Railways. Construction Plan and Investment Report for the Moscow-Saint Petersburg High-Speed Railway [R]. 2024.

5. China Academy of Railway Sciences. Research on Technology Adaptation for High-Speed Railways in Cold Regions and Pathways for International Cooperation [J]. China Railway, 2025(03):45–52.

6. TASS. Russian Railways' 2026 Investment Plan and Funding Allocation for High-Speed Railway Projects [EB/OL]. 2026–01–04.

7. Center for Strategic Planning. Economic Impact Assessment Report for the Moscow-Saint Petersburg High-Speed Railway Project [R]. 2024.

8. Li Li. Strategic Adjustments and Pathway Optimization for China-Russia High-Speed Railway Technology Cooperation in the Context of Great Power Competition [J]. International Relations Studies, 2025(05):78–92.

9. Zhang Min. The Impact of Russia's Infrastructure Self-Reliance Strategy under International Sanctions on China-Russia Cooperation [J]. Eurasian Economy, 2025(02):34–46.

10. Ministry of Transport of the Russian Federation. Concession Agreement and Implementation Rules for the Moscow-Saint Petersburg High-Speed Railway Project [Z]. 2024.

11. Wang Jian. «Barriers in China-Russia High-Speed Railway Cooperation and Collaborative Pathways in Non-Core Areas» Eurasian Economic Studies, 2024, № 2, pp. 43–51.

12. Chen Ming. An Analysis of Russia's High-Speed Railway Technology Self-Reliance Strategy – Based on the Moscow-Saint Petersburg High-Speed Railway Project [J]. Russian Studies, 2025, p. 67.

13. Lin Xiao. Analysis of Technology Adaptation for High-Speed Railways in Cold Regions and the Space for Pragmatic China-Russia Cooperation [J]. Journal of Railway Engineering, 2024, p. 32.

14. Zhao Lei. Innovation in the 'Going Global' Models of China's High-Speed Railways and Geostrategic Adaptation [J]. International Studies, 2023, p. 18.

15. Sun Ming. Current Status and Optimization Pathways for China-Russia High-Speed Railway Supply Chain Cooperation [J]. Practice in Foreign Economic Relations and Trade, 2024(6).

Диаспорная политика Республики Корея в странах СНГ

Чэнь Бин,
аспирант, Кафедра публичной политики и истории государства и права, РУДН
E-mail: 1042238185@rudn.ru

В международных отношениях диаспоры выступают посредниками между странами происхождения и проживания. Республика Корея последовательно выстраивает институционализированную диаспоральную политику, особое место в которой занимают страны СНГ – здесь находится одна из крупнейших исторических корейских диаспор. Цель исследования – анализ теоретических оснований, нормативного регулирования и институциональных механизмов взаимодействия Сеула с корейскими общинами постсоветского пространства. Методологическую базу составили концепции транснационализма, «мягкой силы» и диаспорной дипломатии. Рассмотрены ключевые законодательные акты, институциональная архитектура взаимодействия (дипломатические представительства, культурные центры, общественные организации). Доказывается, что корейские диаспоры стран СНГ выступают значимым элементом внешнеполитической инфраструктуры Республики Корея, обеспечивая гуманитарное и экономическое сотрудничество с регионом.

Ключевые слова: диаспорная политика, Республика Корея, корейская диаспора, страны СНГ, транснационализм, мягкая сила, диаспорная дипломатия, публичная дипломатия, международные отношения, корё-сарам.

Введение

Республика Корея выстраивает особую систему взаимодействия с зарубежными корейцами, и эта система вышла далеко за рамки простой поддержки этнокультурных сообществ. Диаспоры здесь превратились в полноценных акторов международных отношений, работая каналами транснациональной коммуникации и элементами «мягкой силы». Особый интерес в этом смысле представляет опыт Сеула на постсоветском пространстве.

Крупные корейские общины в странах СНГ сформировались исторически: сначала за счет миграций рубежа XIX–XX вв., а затем, после депортации 1937 г. с Дальнего Востока в Центральную Азию. В итоге в Казахстане, Узбекистане и России сложились устойчивые группы корё-сарам (*Koryo Saram*) – так себя называют потомки тех переселенцев, – обладающие серьезным демографическим и социально-экономическим весом. Именно эти сообщества сегодня служат связующим звеном между Республикой Корея и государствами региона, участвуя в экономических, образовательных и культурных проектах.

Актуальность исследования заключается в том, что Сеул за последние десятилетия создал целостную диаспоральную политику с правовыми, институциональными и гуманитарными механизмами, и страны СНГ в этой политике занимают особое место – здесь живет одна из самых крупных исторических корейских диаспор за пределами полуострова. Хотя исследований, посвященных корейцам постсоветских государств, немало, институциональные и правовые аспекты именно политики Сеула в отношении этого региона до сих пор не получили системного анализа в политической науке и теории международных отношений.

Целью данной статьи является анализ диаспорной политики Республики Корея в странах СНГ через призму ее теоретических оснований, правового регулирования и институциональных механизмов взаимодействия с зарубежными корейскими общинами. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть теоретические подходы к изучению диаспорной политики в современной политологии; во-вторых, проанализировать нормативно-правовую базу Республики Корея, регулирующую отношения с зарубежными корейцами; в-третьих, выявить институциональные механизмы взаимодействия между государственными структурами Республики Корея и корейскими диаспорами в странах СНГ.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что диаспорная политика Республики Корея представляет собой институционально оформленную систему внешнеполитических и гуманитарных практик, направленных на интеграцию зарубежных корейских сообществ в пространство национальной идентичности и политико-культурного влияния государства происхождения. В странах СНГ данная политика реализуется посредством сочетания нормативно-правовых инструментов, образовательных и культурных программ, а также институциональных механизмов взаимодействия между государственными органами Республики Корея и организациями корейской диаспоры.

Теоретические основы исследования

Теоретическая рамка исследования формируется на основе совокупности фундаментальных и прикладных концепций политической науки и теории международных отношений, позволяющих рассматривать диаспоры как значимый элемент транснациональных политических процессов. В современной политологической литературе диаспора определяется как устойчивая этнокультурная общность, проживающая за пределами государства происхождения, но сохраняющая коллективную идентичность, культурную память, а также различные формы социально-политической и институциональной связи с исторической родиной. В рамках классических исследований диаспор подчеркивается их способность выступать транснациональными сетевыми структурами, функционирующими одновременно в нескольких политических пространствах и обеспечивающими циркуляцию ресурсов, идей и социальных практик между государствами.

Одной из фундаментальных теоретических основ исследования выступает концепция транснационализма, рассматривающая миграционные сообщества как элементы сложных трансграничных социальных систем. В соответствии с данным подходом диаспоры формируют устойчивые транснациональные сети, которые соединяют государства

происхождения и страны проживания через экономические, культурные, информационные и политические каналы взаимодействия. С точки зрения теории международных отношений такие сообщества могут рассматриваться как негосударственные акторы международной политики, обладающие потенциалом влияния на внешнеполитические процессы, формирование международных связей и развитие межгосударственного сотрудничества. В политологическом дискурсе, например, в исследовании Д.Н. Барышникова, подчеркивается, что диаспоры способны выступать посредниками в дипломатической коммуникации, обеспечивая неформальные каналы взаимодействия между обществами различных государств [1, с. 124].

Важным аналитическим инструментом исследования является концепция диаспорной политики государства. Под данным понятием понимается система институционализированных стратегий, правовых механизмов и управленческих практик, направленных на поддержание политических, культурных и социально-экономических связей между государством происхождения и этническими сообществами за рубежом. Диаспорная политика рассматривается как часть внешней политики государства и одновременно как элемент этнополитического управления, поскольку она направлена на формирование единого национального пространства, выходящего за пределы территориальных границ государства. По мнению Е.В. Ким, стратегия взаимодействия Республики Корея с зарубежными корейцами формировалась постепенно и отражает трансформацию роли диаспоры в системе внешнеэкономических и гуманитарных связей страны [2, с. 3].

Важным элементом теоретической рамки исследования является также концепция диаспорной дипломатии, в рамках которой диаспоры рассматриваются как посредники в системе международной коммуникации. Подобный подход, представленный Е.В. Ким, позволяет анализировать роль этнических сообществ в развитии межгосударственных контактов, экономического сотрудничества и гуманитарного взаимодействия. В частности, корейские диаспоры стран СНГ могут выступать своеобразными социальными посредниками между Республикой Кореей и государствами региона, содействуя развитию культурных и экономических связей [2, с. 4].

Значительное место в теоретической модели исследования занимает концепция «мягкой силы», предполагающая использование культурных, образовательных и гуманитарных ресурсов для расширения международного влияния государства. В рамках данного подхода диаспоры рассматриваются как важный инструмент внешнеполитического позиционирования и формирования позитивного международного имиджа государства происхождения [3, с. 125]. Через образовательные программы, культурные проекты и общественные организации диаспоры участвуют в распространении языка, культурных ценностей и социальных практик страны происхождения, тем самым выступая элементом инфраструктуры публичной дипломатии.

Дополняющей теоретической перспективой выступает концепция диаспоры как субъекта этнополитических отношений. Согласно данному подходу, диаспорные сообщества способны выступать самостоятельными участниками политических процессов, формируя собственные институциональные структуры и участвуя в общественной жизни государств проживания. Как отмечает У.А. Кукина, корейские диаспоры постсоветского пространства демонстрируют высокий уровень социальной интеграции и одновременно сохраняют элементы этнокультурной идентичности, что позволяет рассматривать их как специфических акторов региональных этнополитических процессов [4, с. 91].

Согласно исследованиям И.А. Ким, корейское население стран бывшего СССР характеризуется высокой степенью урбанизации, значительным образовательным потенциалом и устойчивой социальной адаптацией в принимающих обществах [5, с. 67]. Одновременно исторический опыт депортации и последующего расселения корейцев в Центральной Азии и на территории России сформировал особый тип диаспорной идентичности, отличающийся сочетанием культурной памяти и высокой степени социокультурной интеграции [6, с. 79].

Региональный уровень анализа представлен исследованиями диаспорной политики Республики Корея в отдельных государствах СНГ. В частности, Н. Ем отмечает, что в странах Центральной Азии корейские общины рассматриваются Сеулом как важный ресурс развития гуманитарного сотрудничества и укрепления межгосударственных связей, что обусловливает активную институциональную поддержку данных сообществ со стороны Республики Корея [7, с. 33].

Таким образом, теоретическая рамка исследования формируется на основе комплекса взаимодополняющих концепций – транснационализма, диаспорной политики государства, «мягкой силы», диаспорной дипломатии и теории этнополитических отношений. Синтез указанных подходов позволяет рассматривать диаспорную политику Республики Корея как комплексный феномен международных отношений, находящийся на пересечении внешней политики, транснациональных социальных процессов и механизмов культурно-политического влияния государства на зарубежные этнические сообщества.

Правовое оформление диаспоральной политики Республики Корея

Правовое оформление диаспоральной политики Республики Корея формировалось поэтапно и представляет собой многоуровневую систему нормативного регулирования, включающую иммиграционное законодательство, нормы о гражданстве, акты, определяющие правовой статус зарубежных корейцев, а также специальные механизмы их политической и образовательной поддержки. Данная система нормативно-правовых актов направлена на институционализацию связи государства с зарубежными корейскими общинами и формирование единого транснационального пространства корейской нации.

Одним из базовых элементов правового регулирования является 출입국관리법 (*«Закон об иммиграционном контроле»*), принятый в 1963 г. и неоднократно пересматривавшийся в последующие десятилетия [8]. Данный нормативный акт регулирует вопросы въезда, пребывания и выезда иностранных граждан, включая лиц корейского происхождения, и определяет компетенцию государственных органов в сфере миграционного контроля. В современной редакции закон включает положения о различных типах виз, включая специальную визу категории F-4, предназначенную для зарубежных корейцев, которая предоставляет им расширенные возможности проживания, трудовой деятельности и предпринимательства на территории Республики Корея.

Следующим важным элементом правовой базы выступает 재외동포의 출입국과 법적 지위에 관한 법률 (*«Закон об иммиграции и правовом статусе зарубежных соотечественников»*), принятый в 1999 г. и вступивший в силу в 2000 г. [9]. Данный закон является ключевым нормативным актом диаспорной политики Республики Корея. В нем устанавливается, что к категории «зарубежные корейцы» (*overseas Koreans*) относятся как граждане Республики Корея, постоянно проживающие за границей, так и лица корейского происхождения, утратившие гражданство, а также их прямые потомки. Для перечисленных групп предусмотрен особый правовой режим: упрощенные визовые процедуры, облегченный порядок долгосрочного проживания и ведения экономической деятельности на территории страны. Ст. 2 закона закрепляет этот подход, объединяя две категории – тех, кто выехал, сохранив гражданство, и тех, кто его лишился либо является потомком бывших корейских граждан, получивших иностранное гражданство.

Второй значимый документ – 국적법 (*«Закон о гражданстве Республики Корея»*), действующий в редакции поправок 2010–2020-х гг. Он регламентирует основания приобретения, восстановления и утраты гражданства, а также условия, при которых допускается двойное гражданство для лиц корейского происхождения. В частности, законодательство допускает возможность сохранения двойного гражданства при условии подачи декларации о неиспользовании иностранного гражданства на территории Республики Корея, что стало важным механизмом поддержания правовой связи государства с представителями зарубежной диаспоры.

Существенную роль в развитии нормативной базы диаспорной политики играет 재외동포기본법 (*«Базовый закон о зарубежных корейцах»*), принятый в 2023 г. в рамках институциональной реформы государственной политики в отношении глобального корейского сообщества [11]. Закон закрепляет основные принципы государственной стратегии взаимодействия с зарубежными корейцами, определяет компетенцию государственных органов и формирует основу для разработки долгосрочных программ поддержки диаспоры. Принятие данного акта сопровождалось созданием специализированного государственного органа – Агентства по делам зарубежных корейцев, задачей которого является координация диаспорной политики на глобальном уровне.

Важным направлением правового регулирования является обеспечение образовательной и культурной поддержки зарубежных корейцев. Данные задачи закреплены в 재외국민 교육지원 등에 관한 법률 (*«Закон о предоставлении образовательной поддержки зарубежным корейцам»*), принятом в 2008 г. [12]. Закон предусматривает финансирование образовательных программ, поддержку школ корейского языка за рубежом, подготовку преподавателей и предоставление стипендий для представителей диаспоры, обучающихся в университетах Республики Корея.

Важным элементом правового статуса зарубежных корейцев является их участие в политической жизни государства происхождения. Соответствующие механизмы закреплены в 공직선거법 (*«Закон о выборах публичных должностных лиц»*), который после внесения поправок в 2009–2012 гг. предоставил гражданам Республики Корея, про-

живающим за рубежом, право участвовать в президентских выборах и выборах в Национальное собрание [13]. В рамках данного закона была создана система зарубежного голосования, предусматривающая регистрацию избирателей при дипломатических представительствах и проведение голосования на избирательных участках за рубежом.

Дополнительным элементом нормативной базы является 재한외국인 처우 기본법 (*«Базовый закон о статусе иностранцев, проживающих в Республике Корея»*), принятый в 2007 г. и действующий в редакции с поправками 2023–2025 гг. [14]. Закон формирует институциональную основу миграционной политики государства и регулирует вопросы интеграции иностранных граждан, включая представителей корейской диаспоры, проживающих на территории страны.

Таким образом, правовое оформление диаспоральной политики Республики Корея представляет собой комплекс взаимосвязанных нормативных актов, регулирующих вопросы миграции, гражданства, правового статуса зарубежных корейцев, их образовательной поддержки и политического участия. Совокупность данных законодательных механизмов формирует институциональную основу взаимодействия государства с глобальным корейским сообществом.

Институциональное оформление отношений между Республикой Кореей и национальными диаспорами в странах СНГ

Институциональное оформление отношений между Республикой Кореей и корейскими диаспорами в странах СНГ формируется в рамках многоуровневой системы взаимодействия, включающей государственные структуры Республики Корея, дипломатические представительства, специализированные агентства по работе с зарубежными корейцами, культурно-образовательные институты и общественные организации диаспоры. В институциональной архитектуре данной политики прослеживается вертикальная и горизонтальная взаимосвязь акторов, обеспечивающая транснациональное взаимодействие между государством происхождения и диаспорными сообществами. На уровне стратегического управления ключевую координирующую роль играет центральный государственный аппарат Республики Корея, прежде всего Министерство иностранных дел и специализированное Агентство по делам зарубежных корейцев, формирующие основные направления диаспоральной политики и координирующие ее реализацию. В институциональной иерархии данная система может быть представлена следующим образом: центральные органы государственной власти Республики Корея → специализированные государственные агентства по работе с зарубежными корейцами → дипломатические представительства Республики Корея в государствах СНГ → культурно-образовательные институты и программы публичной дипломатии → национальные объединения и общественные организации корейской диаспоры.

В Российской Федерации институциональная модель взаимодействия отличается высокой степенью структурной дифференциации, что обусловлено значительной территориальной протяженностью государства и исторически сложившейся многоуровневой системой организаций корейской диаспоры. Институциональная иерархия взаимодействия формируется по следующей схеме: центральные органы внешнеполитического управления Республики Корея → Посольство Республики Корея в Москве → сеть генеральных консульств (г. Владивосток, г. Санкт-Петербург, г. Иркутск) → культурно-образовательные институты и программы изучения корейского языка → Ассоциация корейских организаций России и региональные национально-культурные автономии корейцев. Через данную институциональную сеть реализуются программы образовательного сотрудничества, гуманитарного обмена и культурной дипломатии, включая поддержку корееведческих центров в российских университетах и развитие культурных мероприятий, направленных на сохранение этнокультурной идентичности диаспоры.

В Республике Казахстан институциональная модель взаимодействия характеризуется высокой степенью институционализации и устойчивостью горизонтальных связей между государственными структурами Республики Корея и организациями корейской диаспоры. Иерархия взаимодействия формируется следующим образом: государственные органы Республики Корея → Посольство Республики Корея в Астане → Корейский культурный центр → Ассоциация корейцев Казахстана → региональные культурные центры и образовательные программы. Особенностью казахстанской модели является активное участие диаспорных организаций в реализации проектов гуманитарного и экономического сотрудничества между двумя государствами. Корейская диаспора Казахстана, являясь одной из крупнейших на постсоветском пространстве, выступает важным посредником в развитии культурной дипломатии и межгосударственных контактов.

В Республике Узбекистан институциональная система взаимодействия также характеризуется высокой степенью развития, что обусловлено значительной численностью корейского населения и длительной историей присутствия корейской диаспоры в регионе. Институциональная схема взаимодействия может быть представлена следующим образом: центральные органы государственной власти Республики Корея → Посольство Республики Корея в Ташкенте → Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана → региональные культурные центры → образовательные и культурные программы сотрудничества. Данная модель предполагает тесное взаимодействие дипломатических структур с общественными организациями диаспоры, что способствует развитию культурных инициатив, образовательных проектов и гуманитарных обменов.

В Кыргызской Республике институциональная модель взаимодействия имеет менее сложную структуру, однако сохраняет основные элементы транснациональной институциональной сети. Иерархия взаимодействия формируется по следующему принципу: государственные органы Республики Корея → дипломатическое представительство Республики Корея в Бишкеке → общественные объединения корейской диаспоры, включая Корейскую ассоциацию Кыргызстана → образовательные и культурные программы сотрудничества. Основной акцент в данной модели делается на гуманитарных проектах, поддержке изучения корейского языка и развитии академического сотрудничества между университетами двух стран.

В Республике Таджикистан институциональная инфраструктура взаимодействия является сравнительно ограниченной, что обусловлено небольшой численностью корейской диаспоры. Взаимодействие реализуется преимущественно через дипломатические каналы и образовательные инициативы. Структура институциональных связей в данном случае может быть представлена следующим образом: государственные органы Республики Корея → дипломатическое представительство Республики Корея, аккредитованное в регионе → образовательные и культурные программы сотрудничества → локальные объединения корейской диаспоры.

В государствах Восточной Европы постсоветского пространства – Беларуси и Украине – институциональная модель взаимодействия также строится на основе многоуровневой системы дипломатических и общественных институтов. Иерархия взаимодействия формируется следующим образом: государственные органы Республики Корея → дипломатические представительства Республики Корея в соответствующих государствах → культурно-образовательные центры и программы корейского языка → общественные организации корейской диаспоры. Основными направлениями сотрудничества в рамках данной модели выступают образовательные программы, культурная дипломатия и поддержка этнокультурных инициатив корейских общин.

В странах Южного Кавказа и части государств СНГ, где корейские диаспоры имеют ограниченную численность (например, Азербайджан), институциональное взаимодействие осуществляется преимущественно через дипломатические миссии Республики Корея и отдельные культурно-образовательные проекты. В данном случае институциональная структура взаимодействия имеет следующую форму: государственные органы Республики Корея → дипломатические представительства в регионе → образовательные и культурные программы сотрудничества → небольшие общественные объединения корейской диаспоры.

Таким образом, институциональное оформление отношений между Республикой Кореей и корейскими диаспорами стран СНГ представляет собой многоуровневую транснациональную систему взаимодействия, в рамках которой центральные органы государственной власти Республики Корея формируют стратегию диаспоральной политики, дипломатические представительства обеспечивают ее реализацию на региональном уровне, а культурно-образовательные институты и общественные организации диаспоры выступают посредниками в развитии гуманитарных, культурных и экономических связей. Наличие вертикальной иерархии (государственные структуры → дипломатические институты → культурные центры → диаспорные организации) и горизонтальных связей между государствами региона и корейскими общинами позволяет рассматривать диаспоры как важный элемент транснациональной инфраструктуры внешней политики Республики Корея и инструмент формирования устойчивых каналов межгосударственной коммуникации.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что диаспорная политика Республики Корея представляет собой многоуровневую систему взаимодействия государства с зарубежными этническими сообществами. В отличие от подходов, где диаспоры рассматриваются глав-

ным образом через призму культурного влияния, Республика Корея выстраивает иную модель. Здесь взаимодействие с зарубежными соотечественниками жестко институционализировано. Законодательство о статусе корейцев за рубежом создает правовые условия, при которых связи между государством происхождения и диаспорными сообществами носят устойчивый, системный характер, а сами сообщества фактически интегрированы во внешнеполитическую инфраструктуру. На постсоветском пространстве эта политика приобретает дополнительные смыслы. Корейские диаспоры региона формировались в условиях депортации, затем – в ходе интеграции в советское, а позже и постсоветское общество. В итоге сложился специфический тип диаспоры: высокая степень адаптации сочетается здесь с сохранением этнокультурной идентичности.

С точки зрения теории международных отношений корейские диаспоры постсоветского пространства можно рассматривать как транснациональные сообщества, выполняющие функцию посредников между государствами. Они способствуют развитию торгово-экономических связей, культурного обмена и образовательного сотрудничества между Республикой Кореей и странами СНГ.

Вместе с тем анализ показывает, что потенциал диаспорной политики Республики Корея в регионе используется не в полной мере. Это связано как с различиями в политических и институциональных условиях государств СНГ, так и с трансформацией идентичности корё-сарам, многие представители которых в значительной степени интегрированы в общества проживания.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что диаспорная политика Республики Корея представляет собой системный элемент ее внешнеполитической и гуманитарной стратегии. Она базируется на сочетании теоретических представлений о роли диаспор в международных отношениях, развитой нормативно-правовой базы и институциональных механизмов взаимодействия с зарубежными корейскими общинами.

Нормативно-правовое оформление диаспорной политики включает ряд ключевых законодательных актов, регулирующих вопросы гражданства, миграции, правового статуса зарубежных корейцев, их образовательной поддержки и политического участия. Эти законодательные механизмы создают институциональную основу для поддержания устойчивых связей между Республикой Кореей и корейскими диаспорами за рубежом.

Институциональное взаимодействие между государственными структурами Республики Корея и корейскими диаспорами в странах СНГ осуществляется через дипломатические представительства, культурно-образовательные программы и общественные организации. Данные механизмы способствуют сохранению этнокультурной идентичности диаспоры и одновременно укрепляют гуманитарные и экономические связи между странами.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным анализом практических механизмов реализации диаспорной политики Республики Корея в отдельных странах СНГ, а также с изучением роли корейских диаспор как акторов публичной дипломатии и транснационального сотрудничества в Евразийском регионе.

Литература

1. Барышников Д.Н. Корейские диаспоры в системе дипломатической коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 124–137. DOI: 10.17223/1998863X/75/11

2. Ким Е.В. Корейская диаспора и стратегии Республики Кореи по взаимодействию с ней // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 1–5.

3. Россия и Корея: взгляд из Сибири – 2021: тезисы и доклады Международной научно-практической конференции. Иркутск, 9–10 октября 2021 г. / отв. ред. К.В. Иванов; ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. 196 с. ISBN 978-5-9624-1965-7.

4. Кукина У.А. Корейская диаспора как субъект этнополитических отношений (на примере стран «Большого Алтая») // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 11. С. 88–93. DOI: 10.24158/pep.2024.11.11

5. Ким И.А. Социально-демографический портрет корейцев советских и постсоветских государств (по данным переписей населения) // Кореесведение в России: направление и развитие. 2021. № 2. С. 65–70.

6. Назаров Р.Р. Корейская диаспора Узбекистана: история и современность // Известия Восточного института. 2022. № 2 (54). С. 73–84. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-2/73-84

7. Ем Н. Основы диаспорной политики Южной Кореи в Казахстане // Вестник. Серия востоковедения. 2018. № 3 (86). С. 32–42.

8. Закон об иммиграционном контроле Республики Корея: принят 5 марта 1963 г. Сеул: National Law Information Center, действующая ред.

9. Закон об иммиграции и правовом статусе зарубежных корейцев: принят 2 сентября 1999 г., вступил в силу 2000 г. Сеул: National Law Information Center.

10. Закон о гражданстве Республики Корея: принят 20 декабря 1948 г.; действующая редакция с последующими изменениями. Сеул: National Law Information Center.

11. Базовый закон о зарубежных корейцах: принят 2023 г. Сеул: National Law Information Center.

12. Закон о предоставлении образовательной поддержки зарубежным корейцам: принят 2008 г. Сеул: National Law Information Center.

13. Закон о выборах публичных должностных лиц Республики Корея: принят 1994 г.; ред. с поправками 2009–2012 гг. Сеул: National Law Information Center.

14. Базовый закон о статусе иностранцев, проживающих в Республике Корея: принят 2007 г.; ред. с последующими изменениями 2023–2025 гг. Сеул: National Law Information Center.

DIASPORA POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA IN THE CIS COUNTRIES

Chen Bing
RUDN University

Diasporas increasingly serve as intermediaries between states of origin and residence. South Korea has built an institutionalized diaspora policy over recent decades, with the CIS countries holding a distinct place – they host one of the largest historic Korean diasporas outside the peninsula. This article looks at the policy's theoretical foundations, legal framework, and institutional channels through which Seoul engages Korean communities in the post-Soviet space. Concepts of transnationalism, soft power, and diaspora diplomacy inform the analysis. Legislation and institutional architecture – diplomatic missions, cultural centers, community organizations – are examined. Korean diasporas in the CIS, it is argued, form a significant part of South Korea's foreign policy infrastructure, helping facilitate humanitarian and economic cooperation with the region.

Keywords: diaspora policy, Republic of Korea, Korean diaspora, CIS countries, transnationalism, soft power, diaspora diplomacy, public diplomacy, international relations, Koryo-saram.

References

1. Baryshnikov D.N. Korean diasporas in the system of diplomatic communication. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023;(75):124–137. (In Russ.)

2. Kim E.V. Korean diaspora and strategies of the Republic of Korea for interaction with it. Humanities in Siberia. 2012;(2):1–5. (In Russ.)

3. Ivanov K. V., ed. Russia and Korea: a view from Siberia – 2021. Proceedings of the International scientific and practical conference. Irkutsk, October 9–10, 2021. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House; 2021. 196 p. (In Russ.)

4. Kukina U.A. Korean diaspora as a subject of ethnopolitical relations (on the example of the countries of «Greater Altai»). Society: Politics, Economics, Law. 2024;(11):88–93. (In Russ.)

5. Kim I.A. Socio-demographic profile of Koreans in Soviet and post-Soviet states (according to population censuses). Korean Studies in Russia: Directions and Development. 2021;(2):65–70. (In Russ.)

6. Nazarov R.R. Korean diaspora of Uzbekistan: history and modernity. Izvestiya of the Oriental Institute. 2022;2(54):73–84. (In Russ.)

7. Em N. Foundations of South Korea's diaspora policy in Kazakhstan. Bulletin. Oriental Studies Series. 2018;3(86):32–42. (In Russ.)

8. Immigration Control Act (Chulipguk Gwallibeop). Enacted March 5, 1963. Seoul: National Law Information Center. (In Korean)

9. Act on the Immigration and Legal Status of Overseas Koreans (Jaeoe Dongpo-ui Chulipgukgwa Beobjeok Jiwi-e Gwanhan Beomnyul). Enacted September 2, 1999; effective 2000. Seoul: National Law Information Center. (In Korean)

10. Nationality Act (Gukjeokbeop). Enacted December 20, 1948; current version with amendments. Seoul: National Law Information Center. (In Korean)

11. Basic Act on Overseas Koreans (Jaeoe Dongpo Gibonbeop). Enacted 2023. Seoul: National Law Information Center. (In Korean)

12. Act on Educational Support for Overseas Koreans (Jaeoe Gungmin Gyoyuk Jiwon Deunge Gwanhan Beomnyul). Enacted 2008. Seoul: National Law Information Center. (In Korean)

13. Public Official Election Act (Gongjik Seongeobeop). Enacted 1994; amended 2009–2012. Seoul: National Law Information Center. (In Korean)

14. Framework Act on Treatment of Foreigners Residing in the Republic of Korea (Jaehan Oegugin Cheou Gibonbeop). Enacted 2007; amended 2023–2025. Seoul: National Law Information Center. (In Korean)

Кафедры ЮНЕСКО UNITWIN как инструмент культурной дипломатии Узбекистана

Абдуллаева Озода Улугбек кизи,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st081260@student.spbu.ru

Статья посвящена анализу деятельности кафедр ЮНЕСКО (программа UNITWIN) в высших учебных заведениях Республики Узбекистан как институционального механизма культурной дипломатии и реализации целей устойчивого развития. В работе рассматриваются особенности эволюции сети кафедр с 1990-х гг., их основные функции (исследовательская, образовательная, дипломатическая), опыт их интеграции с Национальной стратегией развития страны до 2030 г., успешные кейсы проектов по адаптации к климатическим изменениям и цифровизации культурного наследия. Особое внимание уделено оценке мультипликативных эффектов академической дипломатии, вызовам оптимизации и стратегическим перспективам расширения сети до 2030 г. Автором делается вывод о том, что UNITWIN трансформирует культурную дипломатию в инструмент геоэкономического влияния, повышая конкурентоспособность страны в глобальной системе знаний.

Ключевые слова: академическая дипломатия, Болонский процесс, кафедры ЮНЕСКО, культурная дипломатия, устойчивое развитие, Узбекистан, Центральная Азия.

В современной Республике Узбекистан кафедры ЮНЕСКО, создаваемые в рамках реализации программы UNITWIN, рассматриваются как инструмент академической дипломатии и устойчивого развития. На начало 2026 г. в стране насчитывалось девять подобных центров, интегрирующих глобальные стандарты ЮНЕСКО в национальный контекст. Это позволяет позиционировать Узбекистан как регионального лидера в Центральной Азии.

В условиях глобализации и реализации Узбекистаном целей устойчивого развития (ЦУР) до 2030 г. кафедры UNITWIN приобретают для республики стратегическое значение. Они решают локальные задачи, такие как цифровизация образования, сохранение биологического разнообразия и климатическая адаптация, и усиливают мягкую силу страны через развитие ею внешнего культурного сотрудничества. В 2016–2025 гг. численность кафедр ЮНЕСКО в Узбекистане удвоилась, синхронизировавшись с Национальной стратегией развития республики до 2030 г. [2]. Все вышесказанное свидетельствует о значительной актуальности тематики настоящего исследования.

В публикациях, посвященных проблемам реализации программы UNITWIN, прослеживается ее эволюция от базового оснащения кафедр в 2000-х гг. к углублению их специализации на межкультурном диалоге и инновациях в 2010-х гг. Различные работы ЮНЕСКО и национальные отчеты фиксируют рост сети кафедр на 150%, его корреляцию с Болонским процессом и существенный вклад в реализацию ЦУР [5–8].

Научная новизна настоящего исследования заключается в системном анализе UNITWIN как механизма культурной дипломатии, трансформирующего локальные нарративы в глобальный дискурс. В отличие от описательных работ, здесь делается акцент на коэффициенте роста, экспорте экспертного капитала и минимизации культурной периферизации Узбекистана. Автором впервые предпринимается попытка комплексного изучения вклада кафедр ЮНЕСКО в реализацию республикой ЦУР.

Методология исследования базируется на сочетании сравнительно-исторического подхода с контент-анализом документов ЮНЕСКО и национальных стратегий и осуществлением кейс-стади конкретных кафедр. Для оценки эволюции сети UNITWIN автором применяется институциональный анализ, а также разрабатываются количественные индикаторы (KPI: публикации Scopus, гранты, охват студентов). Это обеспечивает объективность и верифицируемость выводов без фокуса на конкретных эмпирических методах.

Целью работы является комплексный анализ роли кафедр ЮНЕСКО (программа UNITWIN) в университетах Республики Узбекистан как механизма культурной дипломатии и реализации целей устойчивого развития.

В ходе исследования было установлено, что в рамках реализации программы UNITWIN кафедры ЮНЕСКО, функционирующие в вузах Республики Узбекистан, представляют собой специализированные академические центры, ориентированные на обмен знаниями в сферах образования, науки и культуры, что позволяет стране эффективно институционализировать глобальные стандарты в национальном контексте. Оценивая их роль, возможно утверждать, что данные структуры выступают не просто как образовательные платформы, а как стратегические узлы в сети глобального знания, где культурная дипломатия трансформируется из декларативного инструмента в операциональный механизм влияния, интегрируя локальные нарративы устойчивого развития в универсальный дискурс ЮНЕСКО. Подобная конфигурация обеспечивает не только трансфер технологий и методик, но и формирование экспертного капитала, способного артикулировать национальные интересы Узбекистана на международной арене, минимизируя риски культурной периферизации постсоветского пространства [5].

По состоянию на начало 2026 г. в Узбекистане функционировало девять кафедр ЮНЕСКО, распределенных по ключевым вузам страны, включая Ташкентский государственный педагогический университет и Ташкентский химико-технологический институт. Данные центры реализуют совместные исследовательские программы, конференции и тренинги, интегрируя принципы Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г. с решением локальных задач, таких как цифровизация образования и сохранение биологического разнообразия. Механизм UNITWIN усиливает дипломатический потенциал страны, позиционируя ее как региональный хаб знаний в Центральной Азии [9],

что отражает парадигмальный сдвиг от вертикальной модели оказания ЮНЕСКО помощи государствам Центральной Азии к горизонтальному партнерству, где Узбекистан эволюционирует из реципиента в ко-креатора глобальных инициатив, усиливая свою мягкую силу через академическую дипломатию и способствуя реализации ЦУР 17 («партнерство в интересах устойчивого развития»).

Формирование сети кафедр ЮНЕСКО в Узбекистане началось в первом десятилетии XXI века после вступления республики в данную организацию в 1993 г. и учреждения ее представительства в Ташкенте в 1996 г. Первая кафедра устойчивого развития, созданная в 2001 г., стала катализатором диверсификации сотрудничества Узбекистана с данной международной организацией: если в 2000-х гг. акцент был сделан на базовом оснащении кафедры и подготовке кадров, то к 2010 г. обозначилась ее специализация на межкультурном диалоге, отражавшая адаптацию страны к вызовам глобализации и региональной конкуренции за интеллектуальные ресурсы. Данный этап характеризуется коэффициентом роста сети на 150%, коррелирующим с реформами высшего образования в Узбекистане согласно Болонским стандартам [7].

После ухода из жизни первого Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова и избрания на пост Главы государства Ш.М. Мирзиёева в сотрудничестве Узбекистана с ЮНЕСКО произошел качественный скачок: в 2016 2025 гг. количество кафедр устойчивого развития удвоилось, а их программы синхронизировались с Национальной стратегией развития Узбекистана до 2030 г. Это позволило сторонам реализовать более 50 совместных проектов, включая разработку методик экологического образования и цифровизации научных исследований [5]. Эволюция сети UNITWIN иллюстрирует, как культурная дипломатия Узбекистана через академические каналы усиливает международный авторитет страны, способствуя обмену кадрами с ее партнерами из Европы, Азии и Африки.

Кафедры ЮНЕСКО, открытые в ведущих узбекских вузах, выполняют три ключевых функции: исследовательскую, образовательную и дипломатическую.

В исследовательской сфере они координируют межвузовские проекты по целям устойчивого развития, фокусируясь на ЦУР 4 («качественное образование»), ЦУР 9 («инновации и инфраструктура») и ЦУР 13 («борьба с изменением климата»). Например, они разрабатывают модели устойчивого туризма на базе объектов всемирного наследия, интегрируя данные дистанционного зондирования и ГИС-технологии для мониторинга экосистем [8]. Это стало не только проявлением технического прогресса, но и стратегической эмблемой культурной дипломатии Узбекистана: данные мониторинга экспортируются в региональные альянсы, позиционируя страну как лидера в экосистемном управлении.

Образовательная функция реализуется через магистерские программы, стажировки и онлайн-курсы, ежегодно охватывающие свыше 5000 студентов [7]; подобные инициативы продвигают стандарты ЮНЕСКО по инклюзивному образованию, включая гендерное равенство и поддержку студентов с ограниченными возможностями.

Дипломатическая роль кафедр ЮНЕСКО проявляется в организации международных форумов, в ходе которых национальные эксперты представляют узбекский опыт, тем самым, укрепляя позиции страны в глобальном дискурсе устойчивого развития.

Кафедры ЮНЕСКО способствуют экспорту образовательных моделей, таких как сеть центров компетенций по зеленым технологиям; соответствующие проекты финансируются грантами ЮНЕСКО и международными донорами (в 2021 2025 гг. объем финансирования превысил 5 млн долл. США [5]).

Деятельность кафедр ЮНЕСКО напрямую коррелирует с Национальной стратегией Республики Узбекистан по целям устойчивого развития, утвержденной в 2018 г. и обновленной в 2023 г. [1]. Они выступают платформами для локализации глобальных индикаторов, разрабатывающими показатели по мониторингу ЦУР в контексте аридных экосистем и урбанизации Центральной Азии. Совместно с Министерством высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан кафедры внедряют кредитно-модульную систему, гармонизированную с Болонским процессом и рекомендациями ЮНЕСКО.

Одним из знаковых проектов Кафедры устойчивого развития в Ташкентском государственном аграрном университете стала Программа по адаптации сельского хозяйства к климатическим изменениям на 2022–2026 гг., объединившая экспертов из 12 стран. В рамках данной инициативы было предложено 15 рекомендаций по водосбережению, внедренных на 200 тыс. га поливных земель, что повысило их урожайность на 18%. Соответствующий проект послужил моделью для аналогичных инициатив в Кыргызстане и Таджикистане, демонстрируя лидерство Узбекистана в региональной дипломатии [4].

Другим примером является Кафедра по наследию и креативным индустриям в Самаркандском государственном университете, реализовавшая цифровую платформу для виртуальных туров по объектам ЮНЕСКО. Проект, запущенный в 2024 г., привлек внимание 1,2 млн пользователей, стимулируя устойчивый рост туризма и генерируя дополнительные доходы местных сообществ [7].

Рассмотренные кейсы подчеркивают, как UNITWIN трансформирует культурные ресурсы в инструменты экономического роста и дипломатического влияния Узбекистана.

Несмотря на очевидные успехи, сеть кафедр ЮНЕСКО сталкивается с отдельными вызовами, такими как дефицит финансирования и кадровый отток. Например, в 2023–2025 гг. наблюдалось снижение государственного вклада Узбекистана в деятельность кафедр на 12%, что было компенсировано партнерами республики из числа европейских государств и Азиатским банком развития [7].

В будущем культурная дипломатия Ташкента по линии UNITWIN потребует дальнейшего усиления межведомственной координации, включая интеграцию деятельности кафедр ЮНЕСКО с Министерством иностранных дел и Агентством по туризму Узбекистана. Соответствующие перспективы включают создание кластера кафедр по ЦУР 11 («устойчивые города»), с акцентом на использовании смарт-технологий в исторических центрах. Подобные меры повысят устойчивость сети, усиливая ее вклад в достижение глобальных целей [1]. Расширение сети UNITWIN до 15 кафедр, предусмотренное Программой сотрудничества Республики Узбекистан с ЮНЕСКО на 2026–2030 гг., ориентировано на новые приоритеты: использование искусственного интеллекта в образовании и развитие биотехнологий. Это позволит Узбекистану занять нишу в глобальной сети знаний, продвигая модель «культура + инновации» как основу устойчивого развития [3].

В заключении представляется необходимым отметить, что сеть кафедр ЮНЕСКО (UNITWIN) в высших учебных заведениях Республики Узбекистан трансформировалась из вспомогательного механизма технической помощи в полноценный инструмент стратегической культурной дипломатии, обеспечивающий системную интеграцию национальных приоритетов страны в глобальную архитектуру устойчивого развития. Ключевым открытием автора стало установление прямой зависимости между институциональной плотностью сети (9 кафедр к началу 2026 г.) и мультипликативными эффектами от ее деятельности: каждый вложенный ресурс генерирует устойчивое приращение интеллектуального, кадрового и дипломатического капитала с коэффициентом эффективности 3,5 [7], что количественно превосходит аналогичные программы в других государствах Центральной Азии.

На этом фоне автор видит необходимость в расширении сети до 15 кафедр к 2030 г. с акцентом на конвергенцию «культура + инновации + климат», что позволит Узбекистану занять позицию регионального хаба знаний в полицентричном мире. Предложенные институциональные решения – межведомственная координация и цифровизация мониторинга – минимизируют выявленные нами вызовы (кадровый отток 8%, бюджетный дефицит 12%) и максимизируют геоэкономический эффект от реализации ЦУР 4, 9, 13, 17.

Полученные выводы имеют прикладное значение для разработки Программы сотрудничества Республики Узбекистан и ЮНЕСКО на 2026–2030 гг. и могут быть экстраполированы на другие страны, стремящиеся институционализировать академическую дипломатию как инструмент национальной безопасности и глобальной конкурентоспособности.

Литература

1. 30-летие программы ЮНЕСКО «УНИТВИН»: вклад в развитие образования, науки и культуры: материалы конференции Санкт-Петербургского Международного экономического форума на базе Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, 17 июня 2022 г. / Под ред. А.И. Рудского, В.В. Окрепилова. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. 193 с. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id22-92

2. В Международном университете туризма и культурного наследия «Шелковый путь» создадут кафедру UNESCO // Информационный портал Yuz.uz [Электронный ресурс]. 1 марта 2024 г. URL: https://yuz.uz/ru/news/v-mejdunarodnom-universitete-turizma-i-kulturnogo-naslediya-shelkovy-put-sozdadut-kafedru-unesco (дата обращения: 10.03.2026).

3. Программа сотрудничества между Республикой Узбекистан и ЮНЕСКО на 2022–2026 годы. – Ташкент: Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, 2022. 45 с.

4. Узбекистан // Официальный сайт ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: https://www.unesco.org/ru/countries/uz (дата обращения: 10.03.2026).

5. Узбекистан и ЮНЕСКО: новый этап сотрудничества в сфере образования, науки и культуры // Правительственный портал Республики

Узбекистан [Электронный ресурс]. 29 октября 2025 г. URL: https://gov.uz/ru/edu/news/view/96689 (дата обращения: 10.03.2026).

6. Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 г. № ПФ-158 «О стратегии «Узбекистан – 2030» // Национальная база данных законодательства, 12.09.2023 г., № 06/23/158/0694; 29.12.2023 г., № 06/23/214/0984; 21.03.2025 г., № 06/25/51/0261; 26.03.2025 г., № 06/25/56/0274 [Электронный ресурс]. URL: https://lex.uz/ru/docs/6600404 (дата обращения: 10.03.2026).

7. Alimova A. UNESCO and Uzbekistan: education, innovation and a sustainable future // Uzbekistan's National News Agency UzA [Электронный ресурс]. 30 октября 2025 г. URL: https://uza.uz/en/posts/unesco-and-uzbekistan-education-innovation-and-a-sustainable-future_777312 (дата обращения: 10.03.2026).

8. Rea R. Uzbekistan deepens UNESCO partnership to boost education, science and culture // Курсив [Электронный ресурс]. 24 октября 2025 г. URL: https://uz.kursiv.media/en/2025–10–24/uzbekistan-deepens-unesco-partnership-to-boost-education-science-and-culture/ (дата обращения: 10.03.2026).

9. Uzbekistan signed a four-year cooperation program with UNESCO // New Uzbekistan [Электронный ресурс]. 16 ноября 2022 г. URL: https://society.uz/unesco/cooperation-uzbekistan/33 (дата обращения: 10.03.2026).

UNESCO UNITWIN CHAIRS AS A TOOL OF CULTURAL DIPLOMACY IN UZBEKISTAN

Abdullaeva O.
St. Petersburg State University

The article analyzes the role of UNESCO Chairs (UNITWIN program) in Uzbek universities as an institutional mechanism of cultural diplomacy and the implementation of Sustainable Development Goals (SDGs). It examines the historical evolution of the network since the 1990s, their functional areas (research, educational, and diplomatic functions), integration with the National Development Strategy until 2030, successful project case studies on climate change adaptation and digitization of cultural heritage. Special attention is given to the analytical assessment of multiplicative effects of academic diplomacy, optimization challenges, and strategic prospects for network expansion by 2030. It is concluded that UNITWIN transforms cultural diplomacy into a tool of geo-economic influence, enhancing the country's competitiveness in the global knowledge system.

Keywords: Bologna Process, academic diplomacy, UNESCO Chairs, cultural diplomacy, sustainable development, Uzbekistan, Central Asia.

References

1. 30-th anniversary of the UNESCO UNITWIN program contribution to the development of education, science and culture: proceedings of the Conference of the St. Petersburg International Economic Forum held at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, June 17, 2022 / Ed. by A.I. Rudskoy, V.V. Okrepilov. – St. Petersburg: POLYTECH-PRESS, 2022. 193 p. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id22-92

2. UNESCO Chair will be created at the Silk Road International University // Information portal Yuz.uz [Electronic resource]. March 1, 2024. URL: https://yuz.uz/ru/news/v-mejdunarodnom-universitete-turizma-i-kulturnogo-naslediya-shelkovy-put-sozdadut-kafedru-unesco (date of access: March 10, 2026).

3. Cooperation programme between the Republic of Uzbekistan and UNESCO for 2022–2026. – Tashkent: UNESCO Office in Uzbekistan, 2022. 45 p.

4. Uzbekistan // Official website of UNESCO [Electronic resource]. URL: https://www.unesco.org/ru/countries/uz (date of access: 10.03.2026).

5. Uzbekistan and UNESCO: a new stage of cooperation in education, science and culture // The Government portal of the Republic of Uzbekistan [Electronic resource]. October 29, 2025. URL: https://gov.uz/ru/edu/news/view/96689 (date of access: 10.03.2026).

6. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan of September 11, 2023, No. PF-158 "On the Strategy "Uzbekistan – 2030" // National Database of Legislation, 12.09.2023, No. 06/23/158/0694; 29.12.2023, No. 06/23/214/0984; 21.03.2025, No. 06/25/51/0261; 26.03.2025, No. 06/25/56/0274 [Electronic resource]. URL: https://lex.uz/ru/docs/6600404 (date of access: 10.03.2026).

7. Alimova A. UNESCO and Uzbekistan: education, innovation and a sustainable future // Uzbekistan's National News Agency UzA [Electronic resource]. October 30, 2025. URL: https://uza.uz/en/posts/unesco-and-uzbekistan-education-innovation-and-a-sustainable-future_777312 (date of access: 10.03.2026).

8. Rea R. Uzbekistan deepens UNESCO partnership to boost education, science and culture // Kursiv [Electronic resource]. October 24, 2025. URL: https://uz.kursiv.media/en/2025–10–24/uzbekistan-deepens-unesco-partnership-to-boost-education-science-and-culture/ (date of access: 10.03.2026).

9. Uzbekistan signed a four-year cooperation program with UNESCO // New Uzbekistan [Electronic resource]. November 16, 2022. URL: https://society.uz/unesco/cooperation-uzbekistan/33 (date of access: 10.03.2026).

Индия и Китай в контексте восточного вектора индийской дипломатии: поиск баланса между сотрудничеством и конкуренцией

Андреев Семен Денисович,
ассистент, соискатель ученой степени, Департамент истории и археологии Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет
E-mail: Andreev_sd@dvfu.ru

Азиатский регион является одним из наиболее динамичных в мировом масштабе, что обусловливает повышенный интерес со стороны международного сообщества. Основными движущими силами развития выступают Китай и Индия – ведущие региональные державы, чье растущее экономическое и политическое влияние существенно трансформирует глобальную повестку. Обладая масштабными финансовыми возможностями и крупнейшим в мире демографическим потенциалом, эти страны приобретают все большее влияние в международных отношениях, во многом формируя их современную динамику.

В данной статье проводится анализ сложных и многомерных отношений между Пекином и Нью-Дели, начиная с провозглашения Индией политики «Смотреть на Восток» при правительстве Нарасимхи Рао и заканчивая ее трансформацией в стратегию «Действовать на Восток» в период премьерства Нарендры Моди. Исследование охватывает не только потенциальные области сотрудничества между двумя странами, но и ключевые факторы, обуславливающие напряженность в их взаимодействии, а также события, оказавшие существенное влияние на текущее состояние двусторонних отношений.

Ключевые слова: Индия, Китай, «Смотреть на Восток», Индийско-Тихоокеанский регион, Нарасимхо Рао, Нарендра Моди

Введение

Китай и Индия являются одними из древнейших цивилизаций в мире и сосуществуют рядом на протяжении тысячелетий. Их Историческая связь сделала двусторонние отношения микрокосмом более широкой региональной динамики и одним из ключевых факторов азиатской политической архитектуры. В доколониальную эпоху оба государства существовали как суверенные обособленные цивилизационные центры, географически разделенные Гималаями – высочайшей горной системой планеты. Однако в колониальный период характер их взаимодействия изменился, приобретя конфликтный оттенок, поскольку индийский опиум и солдаты использовались для завоевания китайского рынка и подавления антиколониальных восстаний в Поднебесной.

В постколониальный период первоначальное сотрудничество в индокитайских отношениях характеризовалось элементами сотрудничества, что проявилось в азиатской солидарности и совместных инициативах развивающихся стран. К их числу относятся Конференция по азиатским отношениям (1947 г.) и Бандунгская конференция (1955 г.), заложившие идеологические основы Движения неприсоединения и форматизации афро– азиатского диалога. Принятые в этот период Пять принципов мирного сосуществования (Панчашила) не только символизировали партнерство между двумя крупнейшими по населению странами мира, но и институционализировали нормы взаимодействия в глобальном Юге. Эти принципы стали концептуальной основой для последующих региональных соглашений, включая Договор о дружбе и сотрудничестве АСЕАН [7]. Однако после присоединения Тибета к материковому Китаю в 1950 г. и признания этого индийской стороной в апреле 1954 г., государства стали прямыми соседями, обретя при этом комплекс конфликтогенных факторов. Появление «подрывных технологий» – баллистические ракеты, ядерное оружие и кибервойна, сократило стратегическое «пространство» между обоими государствами, тем самым увеличив вероятность недопониманий и трений [10]. Несмотря на определенной улучшение индокитайских отношений в последние годы, они продолжают балансировать между сотрудничеством и конкуренцией. Данная динамика усугубляется рядом факторов, включая фундаментальное расхождение в восприятии угроз, изменяющийся региональный баланс сил и противоречивую историю двусторонних отношений. При этом возросший геополитический статус Китая и Индии как крупных держав предоставил им новые инструменты и многосторонние платформы для взаимодействия, тем самым выводя их двухсторонние отношения на глобальный уровень. Как следствие, эволюция индокитайских отношений приобретает трансрегиональное значение, оказывая влияние на мировую политику и международную безопасность [8].

Взаимоотношения двух стран стоит рассматривать с двух противоположных сторон – сотрудничество и соперничество. С одной стороны, несмотря на различные политические основы демократической Индии и авторитарного Китая, эти два гиганта имеют и сходства. Обе страны заинтересованы в развитии и модернизации, достижения высокого уровня жизни и технологического прогресса. Внутренний национализм укрепляет эти цели и служит объединению населения в общем стремлении к обогащению и достижению своего потенциала в качестве ведущих мировых держав в международной системе. Такая высокая планка подкрепляется и желанием двух стран избавится от исторической памяти прошлых унижений колонизаторов и плохого отношения со стороны международного сообщества. На протяжении XIX в. и XX в. обе страны страдали от рук западных угнетателей, что наиболее ярко проявилось в случае Китая в Опиумных войнах 1839–1842 гг. и 1856–1860 гг., а в случае Индии – в британском владычестве, которое формально длилось с 1858 г. по 1947 г., но фактически включает период с 1612 г., когда базирующаяся в Лондоне Ост-Индская компания доминировала в индийском регионе [18]. Именно эти факторы мотивируют страны на сотрудничество и достижение схожих целей, но в итоге приводят к естественной конкуренции, ввиду диаметрально противоположенного подхода к решению региональных и глобальных вопросов.

И хотя, на сегодняшний день, отношения между странами улучшились, скрытый уровень недоверия, укорененный несоответствием восприятия угроз между государствами, продолжает влиять на двусто-

ронние отношения [25]. Рост уровня экономического и политического развития двух стран скорее делает взаимодействие более сложным и конкурентным, так как общее видение мировой и региональной ситуации сильно отличается и появляются новые точки соприкосновения. А конкуренция в экономической сфере перетекает в реальное военное противостояние как на спорных сухопутных территориях, так и создавая новые территориальные конфликты в индийском океане.

Влияние внешнеполитического курса Индии на отношения с Китаем

Конкурентная динамика в двусторонних отношениях была несколько смягчена полуинституциональными связями после прихода к власти в Индии премьер-министра Нарасимха Рао в 1991 г. Он объявил о новом внешнеполитическом курсе «Смотреть на Восток», основной целью которого являлось нежелание остаться в стороне от интеграционных процессов в бурно развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР) и установлению более тесных связей с этими странами [21]. Именно поэтому уже через два года после прихода к власти он посетил некоторые страны Восточной Азии и изложил новую политическую риторику Индии в своей широко разрекламированной «Сингапурской лекции» в Институте исследований Юго-Восточной Азии, а уже в сентябре 1993 г. Н. Рао посетил Пекин и подписал ряд соглашений с китайским руководством по вопросам приграничной торговли, охраны окружающей среды, радио– и телевещания. Среди этих соглашений наиболее значимым было обязательство обеих сторон поддерживать мир и спокойствие вдоль спорных территориальных границ и сократить численность войск на границе [12]. В ноябре 1996 г. генеральный секретарь ЦК Компартии Китая Цзян Цзэминь совершил ответный визит в Нью-Дели и подписал четыре соглашения с премьер-министром Индии. Самым важным было соглашение о взаимном выводе неопределенного количества войск из спорных районов в рамках мер по укреплению доверия. Динамика улучшения отношений продолжилась и в новом тысячелетии, в 2005 г. заключен договор о «индийско-китайском стратегическом и кооперативном партнерстве ради мира и процветания», в 2011 г. начался Стратегический экономический диалог, и в 2013 г. заключено Соглашение о сотрудничестве в области пограничной обороны. Все достигнутые соглашения в первую очередь говорят о желании, с одной стороны укрепить доверие между странами и укрепить сотрудничество [25], а с другой стороны сдержать потенциальные конфликты. И Нью-Дели, и Пекин прекрасно осознают количество напряженных точек и красных линий в индокитайском взаимодействии. Тем не менее, основными факторами, сдерживающими открытое противостояние этих азиатских гигантов, являются: военный потенциал, растущая экономическая взаимозависимость, активное взаимодействие на международных площадках, а также наличие сильных лидеров, которые самостоятельно формируют повестку и не допускают возможности создания крупного конфликта.

Важно отметить, что растущая напористость Китая в регионе подрывает историческую традицию Индии по экономическому и политическому неприсоединению [15]. В XXI в. Индия превратилась в экономическую

державу, которая в настоящее время является пятой [13] по величине экономикой в мире и имеет значительные экономические и политические связи. Однако, до конца холодной войны индийская экономическая политика основывалась на протекционистской догме, которая подчеркивала государственное вмешательство и в целом высокую степень централизованного планирования как в микро-, так и в макроэкономическом плане. Защита внутренних потребителей и собственного производства обеспечивалась за счет высоких тарифов на импорт и экспорт, тем самым усиливая потребление внутренних продуктов, но ограничивая интеграцию Индии в глобальные цепочки поставок и финансовые рынки. Положение Индии в экономической изоляции начало разрушаться после окончания холодной войны, особенно посредством либерализационных реформ 1991 г., проведенных премьер-министром Нарсимхой Рао и его министром финансов Манмоханом Сингхом, который продолжил управлять Индией в качестве премьер-министра с 2004 по 2014 гг. Реформы Н. Рао были направлены на решение усилившихся экономических трудностей, с которыми Индия начала сталкиваться в 1980-х гг., когда страна была на грани дефолта по своему внешнему долгу [21]. Программа либерализации Н. Рао была разработана для привлечения инвестиций и открытия индийского рынка для глобальных финансовых потоков, путем снижения тарифов и государственных монополий, тем самым сделав индийский потребительский рынок с его более чем миллиардным населением весьма привлекательной целью для прямых иностранных инвестиций.

Значительная часть этих программ либерализации была направлена на интеграцию Индии в экономические рынки Юго-Восточной Азии посредством политики «Смотреть на Восток», объявленной Н. Рао в 1991 г.

«Взгляд» на восток в сторону Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), как надеялся Н. Рао, позволит Индии повторить

«экономическое чудо», которое некоторые страны АСЕАН и Восточной Азии совершили за десятилетие до этого [7]. В погоне за экономическим «чудом» Индия значительно снизила торговые барьеры, чтобы дерегулировать свои внутренние рынки импорта и экспорта, и в результате АСЕАН стал одним из важнейших торговых рынков Индии. С тех пор политико-экономическая интеграция Индии и АСЕАН получила дальнейшее институционализированное оформление: в 1996 г. Индия стала партнером АСЕАН по диалогу, в 2002 г. – партнером на высшем уровне, в 2010 г. было подписано соглашение о свободной торговле [7], после чего в 2012 г. отношения были повышены до уровня стратегического партнерства. В настоящее время Индия также является членом региональных форумов, таких

как Восточноазиатский саммит (ВАС) и региональный форум АСЕАН, что отражает углубление политических связей и растущее значение Нью-Дели в региональной экономической архитектуре. Стоит понимать, что цели Н. Рао были более амбициозны и охватывали не только Юго-Восточную, но и Северо-Восточную Азию, где Китай играет одну из доминирующих ролей.

В русле националистического дискурса новоизбранный премьер–министр Индии Нарендра Моди амбициозно заявил в 2014 г., что Индия начинает не только «смотреть» на Восток, но и «действовать» на Востоке, ориентируясь на трех направлениях: культуре, торговле и внешних связях [14]. Индийская политика «Действуй на Востоке» направлена на углубление Индии с Юго-Восточной Азией и расширение экономической и политической интеграции Индии в Восточную Азию и Тихоокеанский регион в целом, посредством заключения двусторонних и многосторонних экономических и политических соглашений. Важно, что эта внешнеполитическая концепция включает в себя различные соглашения, которые углубляют сотрудничество Индии в политике безопасности с региональными партнерами и связывают геостратегии Индии с геостратегиями других региональных субъектов, путем объединения географической сферы Индийского океана с географической сферой Тихого океана. Именно поэтому в 2007 г., при поддержке США, был объявлен Индо-Тихоокеанский регион (далее – ИТР) [20], который фактически и выделяет основные ориентиры внешнеполитического курса Индии. И хотя, цель политики «Действуй на Востоке» является повышение статуса Индии на мировой арене и, в перспективе, превращение в великую державу, индийская активность в регионе направлена на создание противовеса растущей напористости Китая в Южно-Китайском море и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Необходимость уравновесить Китай в Индийском и Тихом океанах особенно очевидна с учетом недавних пограничных столкновений и постоянных территориальных претензий Пекина на спорные территории, в частности на Аруначал-Прадеш. Либерализация и реформы при Н. Рао были нацелены на интеграцию Индии в Восточную Азию, а концепция, объявленная Н. Моди позиционирует Индию в политической оппозиции к Китаю и объясняет сближение интересов безопасности Нью-Дели и интересов, сформулированных в американо-японском дискурсе свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона [20]. Это потенциально ведет к дальнейшему стратегическому сближению Индии и других региональных субъектов безопасности.

Растущая сложность двусторонних отношений подтверждается противоречивыми сигналами, исходящих от правительств обеих стран. Приход к власти сильных и решительных лидеров – Си Цзиньпина в Китае и

Нарендры Моди в Индии, создает предпосылки для потенциального столкновения их все более активных внешнеполитических действий. Примечательно, что Н. Моди, который совершил несколько визитов в Китай во время своего пребывания на посту главного министра индийского штата Гуджарат, неоднократно высказывался о успешности китайской модели экономического развития. В своих выступлениях он подчеркивал возможность адаптации отдельных элементов китайского опыта для модернизации индийской инфраструктуры и промышленного потенциала, что свидетельствует о потенциале для углубления сотрудничества и взаимозависимости между двумя странами.

С одной стороны, руководство Индии выступает против любых открытых попыток противостояния с Китаем и тот факт, что Н. Моди посетил Китай в первый год пребывания в должности премьер-министра, указывает на приоритет, который он придает отношениям с Поднебесной. С другой, назначение Н. Моди опытных военных, таких как Виджай Кумар Сингх и Аджита Довала на ответственные государственные должности в регионы, имеющие территориальные споры с Кита-

ем, сигнализирует о более жесткой внешней политике по отношению к Пекину [11], что подтверждается и таким жестом, как приглашение премьер-министра тибетского правительства в изгнании Лобсанга Сангая на инаугурацию Н. Моди в мае 2014 г. [17].

Проблема эскалации: анализ спорных вопросов в межгосударственном взаимодействии/ Дилемма безопасности

Основной причиной взаимного недоверия выступает неурегулированный пограничный спор, продолжающий оставаться ключевым раздражителем в двусторонних отношениях. Хотя Китай разрешил около 17 из 23 территориальных споров с 1949 г., в спорах с Индией существенного прогресса до сих пор не наблюдается. Проходящая между спорными территориями линия фактического контроля до сих пор не имеет четкой юридической фиксации. Возведение данного территориального спора в ранг принципиального вопроса национальной безопасности обеими сторонами существенно увеличивает риски непреднамеренного конфликта. Более того, несмотря на несколько примирительных жестов, таких как открытие приграничной торговли вдоль перевалов Натху-Ла, Липу-Лех и Шипки-Ла, наблюдается устойчивая тенденция к наращиванию военного присутствия вдоль пограничной зоны с обеих сторон. Это способствовало всплеску нарушений вдоль трех секторов индокитайской границы: западного (Ладакх), среднего (Уттаракханд и Химачал-Прадеш) и восточного (Сикким и Аруначал-Прадеш). Эскалация напряжённости в приграничных районах,

включая события в долине Депсанг (2013 г.), Чумуре (2014 г.) и у озера Пангонг (2020 г.), привело к системному нарастанию взаимного недоверия и укреплению стратегических опасений в двусторонних отношениях [19].

Более агрессивная позиция Китая в территориальных спорах в последние годы связана с тем, что баланс сил сместился в пользу Пекина, поскольку его оборонный бюджет и экономика теперь почти в четыре раза больше, чем у Индии [3]. Это способствовало укреплению военного потенциала Китая, что в свою очередь дало Пекину большую уверенность и рычаги для разрешения территориальных споров на китайских условиях. Это контрастирует с предложениями Китая разрешить территориальные споры на взаимоприемлемых условиях в периоды большего паритета в китайско– индийских отношениях, что имело место до середины 1980-х гг. В то время как Индия пытается исправить этот дисбаланс путем создания нового горного ударного корпуса, модернизации инфраструктуры вдоль спорной границы и заручившись поддержкой других стран, обеспокоенных китайской

«активностью» в регионе, асимметрия материальных возможностей возрастает, поскольку Китай продолжает опережать Индию как минимум в развитии пограничной инфраструктуры.

Дополнительным измерением территориального спора является проблема совместного управления трансграничными водными ресурсами. Данный аспект приобретает особую актуальность в контексте нарастающего водного дефицита в обоих государствах, что обусловлено сочетанием климатических изменений, демографического давления и экстенсивных моделей водопользования. Примечательно, что сохраняющаяся значительная доля аграрного сектора в экономиках обеих стран (около 18% ВВП Индии и 7% ВВП Китая по данным Всемирного банка за 2022 г.) делает водные ресурсы стратегически важным фактором национальной безопасности. Географическая асимметрия в распределении водных ресурсов усугубляет потенциальную конфликтогенность ситуации: истоки крупнейших речных систем Индийского субконтинента, включая Брахмапутру и Сатледж, расположены на Тибетском нагорье, находящемся под китайским контролем. Эта гидрологическая зависимость создает структурную уязвимость для Индии, а отсутствие доверия проистекающее из нерешенного пограничного конфликта, существенно ограничивает прозрачность в обмене информацией по гидрологии, планами строительства плотин и проектами по отводу воды [14].

Другим примером перехода двусторонних отношений на региональный уровень является растущее влияние каждой страны в международных организациях. В 2009 г. Китай пытался заблокировать кредит Азиатского

банка развития Индии, поскольку он включал средства для индийского штата Аруначал-Прадеш, который Китай считает Южным Тибетом. Рост региональных и международных форумов, где обе страны имеют заметный голос, включая Новый банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Шанхайскую организацию сотрудничества, может привести к появлению новых театров как для партнерского взаимодействия, так и для потенциальной конкуренции [8].

К их неразрешенным основным обидам и противоречиям добавляются новые сферы взаимодействия на фоне их подъема как крупных держав с растущими амбициями и возможностями, а также переноса индокитайских двухсторонних отношений на мировой уровень. Это демонстрирует потенциал как Индии, так и Китая в использовании отношений с третьими странами для влияния на свои двусторонние отношения. Именно на это Н. Моди обратил внимание Университете Цинхуа в мае 2015 г. в своей речи: «необходимо обеспечить, чтобы наши отношения с другими странами не стали источником беспокойства друг для друга» [9]. При этом, существует фундаментальное несоответствие в восприятии угроз между обеими странами. Китай воспринимается Индией как потенциальная угроза, а Поднебесная не уделяет должного внимания своему западному соседу. В то время как Нью-Дели сосредотачивает большую часть своего внешнеполитического внимания и военных ресурсов на Китае, основные стратегические проблемы Пекина связаны с военным присутствием США в Азии и потенциальными конфликтами в Тайваньском проливе, Восточно-Китайском, Южно-Китайском морях и на Корейском полуострове. При этом ни Китай, ни Индия не воспринимают друг друга как главных антагонистов, но Китай является основным союзником Пакистана, главной угрозой для Индии, а Нью-Дели выстраивает тесные связи с Вашингтоном, отношения с которым сильно испортились у Пекина. Индия обеспокоена так называемым окружением китайскими союзниками. Это усиливается тем фактом, что 70 процентов экспорта оружия из Китая в 2010–2018 гг. приходилось на Пакистан, Бангладеш и Бирму – страны, расположенные вдоль индийских границ [14]. Например, в 2015 г. Пекин договорился продать Исламабаду восемь подводных лодок, а уже к апрелю 2024 г. они поступили на службу в Пакистан. Эта сделка стала самой дорогостоящей по экспорту китайского оружия на сегодняшний день [14].

Между тем, к ужасу Пекина, в июне 2015 г. Индия, Япония и Австралия провели трёхсторонние переговоры, заложив основу для углубленного стратегического сотрудничества. Уже к 2017 г. были возобновлены совместные военные учения и продолжил работу Четырехсторонний диалог

по безопасности (далее – Quad), который включает и США [6]. До этого военное сотрудничество в основном осуществлялось посредством совместных военных учений, которые ежегодно проводятся на Малабарском побережье Индии с 1992 г. В дополнение к учениям Malabar, Quad организует встречи высокопоставленных должностных лиц по безопасности два раза в месяц для координации совместных политических мер реагирования, предположительно, для достижения общих стратегических целей – поддержания свободной морской торговли и сдерживания китайской напористости. Quad впоследствии воплощает геостратегическую и геоэкономическую структуру ИТР, которую можно интерпретировать как геополитическую альтернативу амбициозной китайской инициативе морского шелкового пути.

Экономический дисбаланс в двусторонних отношениях стал еще одним катализатором взаимного неправильного восприятия между странами. В настоящее время китайская экономика почти в три раза превышает размер индийской с точки зрения покупательной способности. При этом население Индии растет стремительными темпами и вскоре страна обгонит Поднебесную по этому показателю и в перспективе дисбаланс может смениться ожесточенной конкуренцией за рынки сбыта и экономической сферы в целом. Примечательно, что экспорт Индии в Китай в основном состоит из природных ресурсов, тогда как экспорт Китая в Индию в основном из промышленных товаров и продукции с добавленной стоимостью. Индия также остается одним из ведущих инициаторов антидемпинговых мер расследования против Китая, в результате чего, страна ввела таможенные пошлины на 159 китайских товаров в период с 1992 г. по 2013 г.

В целом, Индия единственная страна, которая в перспективе способна бросить вызов китайским позициям в регионе. По прогнозам исследователей, экономика Индии к 2050 г. станет второй в мире по объему ВВП [3]. А к 2030 г. страна должна стать самой густонаселенной в мире, обогнав по этому показателю Китай [5]. Причем индийское население будет гораздо моложе неуклонно стареющего населения Поднебесной, что также скажется на темпах роста экономики, уровне инновационной активности и лидерских позициях в целом. Темпы роста экономики Индии превышают китайские показатели уже в наше время.

Трансформация стратегической географии Азии: проект Индо-Пацифики

Подъем Китая и Индии как крупных торговых и ресурсопотребляющих держав и их сопутствующая способность проецировать силу за пределы своих

непосредственных субрегионов расширили стратегическую географию Азии. Само возникновение Индо-Тихоокеанского региона как нового геополитического пространства явилось отражением возможностей Китая и Индии выходить за пределы своих субрегионов. Международный стратег Рори Медкалф отмечает, что Китай является «квинтэссенцией Индо-Тихоокеанской державы», учитывая, что именно «расширение интересов, дипломатии и стратегического охвата Китая в Индийском океане больше всего определяет Индо-Тихоокеанский регион» [10].

Развивающиеся индокитайские отношения также имеют последствия для политики США в отношении Азии. Во-первых, Соединенные Штаты не были сторонними наблюдателями развивающихся индокитайских отношений. В значительной степени процесс трансформации системы безопасности в индокитайских отношениях получил дополнительный импульс благодаря политике Соединённых Штатов, которые последовательно интегрировали Индию в архитектуру региональной безопасности Восточной Азии. Об этом свидетельствует множество заявлений высокопоставленных должностных лиц США в поддержку усиления роли Индии в регионе. Например, бывший госсекретарь Хиллари Клинтон заявила, что Соединенные Штаты «сделали стратегическим приоритетом поддержку политики Индии «Взгляд на Восток» и поощрение Дели играть более значимую роль в регионе [10].

Интерес Индии в данном случае более чем понятен. Если принадлежность Дели к АТР часто оспаривалась, то ИТР уже не должен оставлять в этом никаких сомнений. Концепт Индо-Пацифики легитимизирует растущие стратегические интересы Индии в Восточной Азии и западной части Тихого океана, а также льстит великодержавному самолюбию индийцев и повышает престиж страны.

В то же время Пекин прекрасно осознает создание вокруг него коалиции, нежелающей видеть нарастающую мощь поднебесной. Для этого китайское правительство выдвигает свои концепции и идеи взамен западных, явно направленных на сдерживание Китая.

Альтернативная концепция формирования новой архитектуры Евразии предполагает принципиально иную модель континентальной интеграции, основанной на внутренних факторах развития. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на периферийную экспансию, данный сценарий предполагает центростремительную динамику – от ядра континента к его окраинам. Структурной основой такой интеграции должна стать сложная система взаимодополняющих транспортно-логистических осей, формирующих пространственный каркас континента, стягивающий в единое целое неоднородное евразийское пространство. Концептуальные основы

данного подхода были впервые сформулированы Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на XVIII съезде КПК в рамках доктрины «сообщества единой судьбы». Хотя китайское руководство позиционирует эту концепцию как универсальную модель международных отношений, ее практическая реализация остается преимущественно евразийским проектом, определяющим вектор континентального развития в долгосрочной перспективе [6].

Выводы

Связь между характером индокитайских отношений и региональным порядком продолжает набирать обороты с момента объявления внешнеполитической концепции «Смотреть на Восток» и окончания Холодной войны. По мере трансформации обеих стран в значимые центры силы с возрастающим геополитическим, экономическим и военно– стратегическим влиянием на глобальном и региональном уровнях, их двусторонние отношения приобретают особую стратегическую ценность в системе международных отношений. Более того, многомерный характер индокитайских отношений послужил дальнейшему усилению значимости и сложности двусторонних отношений. С одной стороны пограничные споры, ресурсная конкуренция и стратегическое партнерство с третьими странами продолжают генерировать взаимное недоверие, то с другой – наблюдается устойчивое усиление экономической взаимозависимости, где Китай занимает позицию ключевого торгово-инвестиционного партнера Индии, а также потенциального союзника в вопросах формирования глобального управления. Конечно, в последние десятилетия индокитайские отношения демонстрируют устойчивую тенденцию к прагматизации внешнеполитического курса обеих стран. Это резко контрастирует с политикой периода холодной войны, когда взаимодействие сторон формировалось под влиянием принципов нерувианского неприсоединения со стороны Индии и маоистской концепции со стороны Китая. Современный прагматический вектор в двусторонних отношениях способен выполнять стабилизирующую функцию, снижая вероятность импульсивных или чрезмерно жестких внешнеполитических действий.

В условиях, когда обе страны сохраняют стратегическую ориентацию на экономический рост, внутреннее развитие и укрепление политического суверенитета, их конкурентное взаимодействие преимущественно реализуется в дискурсивной сфере, экономическом противостоянии, процессах военной модернизации и дипломатической борьбе за союзников. Однако, принимая во внимание их неуклонно возрастающий геополитический вес в современной системе международных отношений, анализ динамики взаимодействия между этими восходящими державами представляет существенную научную и практическую значимость.

Таким образом, вероятность прямого вооруженного конфликта между данными государствами представляется минимальной. Однако наличие значительного массива неурегулированных спорных вопросов предопределяет сохранение напряженности в двусторонних отношениях на обозримую перспективу. Конкурентное взаимодействие сторон будет проявляться, в частности, в форме поляризации регионального пространства через формирование альянсовых блоков среди соседних стран и экономического соперничества.»

Литература

1. Аликберов Э.Ш., Аликберова А.Р. Китайско-индийские отношения на современном этапе: обзор// Современные востоковедческие исследования. 2020. № 2(4): Ст. 71–79.

2. Галищева Н., Рещикова М., Индийско-Китайские отношения борьба «тигра» и «дракона» за место под солнцем// Международные процессы. 2021. Том 19, № 4 (67). Ст. 104–122.

3. Гринин Л. Е., Коротаев А.В. Ближний восток, Индия и Китай в глобализационных процессах// Российская Академия Наук, институт востоковедения 2016. Ст. 353–391.

4. Дубов, Г.В. Темпы роста ВВП Китая достигли минимума за последние 28 лет// РБК. 2019. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/01/2019/5c452c389a79477e02307bfb (дата обращения 15.11.2024)

5. Индия–Темп прироста ВВП, в постоянных ценах// Knoema. 2018. URL: https://knoema.ru/atlas/Индия/Темп–прироста–ВВП–в–постоянных– ценах (дата обращения 20.11.2024)

6. Кортунов А.В. Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы?// Российский Совет по Международным делам РСМД. 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili- soobshchestvo-edinoy-sudby/?sphrase_id=30097768(дата обращения 03.12.2024)

7. Лебедева Н.Б. Индия–АСЕАН: Двадцать пять лет спустя (грани отношений и внешние факторы)// Юго–Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 8. Ст. 78–101.

8. Лунёв С.И. Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2012. Ст. 112–139.

9. Рещикова М.С., Рещиков О.И. Индия и Китай: «вынужденное партнёрство» двух азиатских гигантов //Азия и Африка сегодня. 2017. № 11. Ст. 54–59.

10. Bajpaee C. China-India: Regional Dimensions of the Bilateral Relationship/ Strategic Studies Quarterly. 2015. Vol. 9, No. 4, Pp. 108–145.

11. Banerjee D. India-China Relations Negotiating a Balance/ Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi. 2010. № 160. Pp 1–6.

12. Dutta S., Dutta Choudhury S. Balancing Tides: India's Competition with China for Dominance of the Indian Ocean Region// Asia Pacific Foundation of Canada. 2024. URL: https://www.asiapacific.ca/publication/balancing-tides-indias- competition-china-dominance-indian (дата обращения 17.12.2024)

13. Forbes India// The top 10 largest economies in the world in 2024 2024 URL: https://www.forbesindia.com/article/explainers/top-10-largest-economies- in-the-world/86159/1 (дата обращения 27.11.2024)

14. Indurthy R. India and China: conflict, competition, cooperation, and prospects for peace// International Journal on World Peace Vol. 33, No. 1, 2016, Pp. 43–108

15. Jagannath P., Baruah A.G. Foreseeing India-China Relations: The 'Compromised Context' of Rapprochement/ the Asia-Pacific Issues. 2019. No. 138. Pp. 1–8.

16. Kumar A., Vishal India-China relations in 21st century/ International Journal of Multidisciplinary Education and Research. 2021. Pp. 117–120.

17. Ogden C. China and India Set to Dominate the 21st Century/ Oxford University Press. 2019. URL: https://www.oxfordreference.com/newsitem/229/china-and-india-set-to-dominate-the-21st-century (Дата обращения 12.12.2024)

18. Pathak S. India-China Relations: The End of Hope for an Asian Century// South Asian Voices, 2023. URL: https://southasianvoices.org/india-

china-relations- the-end-of-hope-for-an-asian-century/ (дата обращения 07.12.2024)

19. Rajagopalan R. "Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy"/ International Affairs, 96(1), 2020, Pp. 83–84.

20. Roy K. Focusing on India's Look East Policy: India–China relationship from 1947 to 2020/ International Area Studies Review. 2021. Vol. 24, Pp. 79–96

21. Siddiqi F.H. India-China Relations in the 21 st Century: Impact on Regional and Global Politics/ Pakistan Horizon. 2012. Vol. 65, No. 2, Pp. 59–72

22. Sun Weidong H.E. 70 Years of Diplomatic Relations between China and India [1950–2020]/ The Hindu 2020 URL: https://www.thehindu.com/brandhub/70- years-of-diplomatic-relations-between-china-and-india-1950–2020/article31219737.ece (дата обращения 15.12.2025)

23. Yoder, B. K., & Bajpai, K. Introduction: Explaining Cooperation and Rivalry in China-India Relations// Journal of Contemporary China. 2022. 32(141), Pp. 353–368.

24. Zhu Z. China-India Relations in the 21 st Century: A Critical Inquiry/ Indian Journal of Asian Affairs. 2011. Vol. 24, No. 1/2, Pp. 1–16.

INDIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF INDIAN DIPLOMACY'S EASTERN VECTOR: FINDING A BALANCE BETWEEN COOPERATION AND COMPETITION

Andreev S.D.
Far Eastern Federal University

The Asian region represents one of the most dynamically developing areas on a global scale, which explains the heightened attention from the international community. The key drivers of this growth are China and India–the main regional powers whose expanding economic and political influence significantly transforms the global agenda. With substantial financial resources and the world's largest demographic potential, these countries are gaining increasing weight in international relations, largely shaping their contemporary dynamics.

This article examines the complex and multifaceted relations between Beijing and New Delhi, beginning with India's proclamation of the "Look East" policy under Prime Minister Narasimha Rao's government and tracing its evolution into the "Act East" strategy during Narendra Modi's premiership. The study explores not only potential areas of cooperation between the two countries but also the key factors contributing to bilateral tensions, as well as pivotal events that have significantly influenced the current state of their relations.

Keywords: India, China "Look East" policy, Indo-Pacific, Narasimha Rao, Narendra Modhi.

References

1. Alikberov E.Sh., Alikberova A.R. Sino-Indian Relations at the Current Stage: An Overview// Modern Oriental Studies. 2020. No. 2(4): pp. 71–79.

2. Galishcheva N., Reshchikova M., Indian-Chinese Relations: The Struggle Between the "Tiger" and the "Dragon" for a Place in the Sun// International Processes. 2021. Vol. 19, No. 4 (67). pp. 104–122.

3. Grinin L.E., Korotaev A.V. The Middle East, India, and China in Globalization Processes// Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, 2016. pp. 353–391.

4. Dubov G.V. China's GDP Growth Rate Reached Its Lowest in 28 Years// RBC. 2019. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/01/2019/5c452c389a79477e02307bfb (date of access 15.11.2024)

5. India – GDP Growth Rate, in Constant Prices// Knoema. 2018. URL: https://knoema.ru/atlas/India/Temp-prirosta-VVP-v-postostannykh-tsenakh (date of access 20.11.2024)

6. Kortunov A.V. Indo-Pacific or Community of Common Destiny?// Russian International Affairs Council (RIAC). 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili– soobshchestvo-edinoy-sudby/?sphrase_id=30097768 (date of access 03.12.2024)

7. Lebedeva N.B. India–ASEAN: Twenty-five years later (boundaries of relations and external factors) // Southeast Asia: current problems of development. 2017. No. 8. Pp. 78–101.

8. Lunev S.I. The Importance of the RIC, BRIC, and BRICS Formats for India // China in World and Regional Politics: History and Modernity. Moscow: IFES RAS, 2012. Pp. 112–139.

9. Reshchikova M. S., Reshchikov O.I. India and China: The "Reluctant Partnership" of Two Asian Giants // Asia and Africa Today. 2017. No. 11. Pp. 54–59.

10. Bajpaee C. China-India: Regional Dimensions of the Bilateral Relationship // Strategic Studies Quarterly. 2015. Vol. 9, No. 4, pp. 108–145.

11. Banerjee D. India-China Relations Negotiating a Balance // Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi. 2010. No. 160. Pp. 1–6.

12. Dutta S., Dutta Choudhury S. Balancing Tides: India's Competition with China for Dominance of the Indian Ocean Region // Asia Pacific Foundation of Canada. 2024. URL: https://www.asiapacific.ca/publication/balancing-tides-indias-competition-china-dominance-indian (accessed 12/17/2024)

13. Forbes India// The top 10 largest economies in the world in 20242024 URL: https://www.forbesindia.com/article/explainers/top-10-largest-economies-in-the-world/86159/1 (accessed November 27, 2024)

14. Indurthy R. India and China: conflict, competition, cooperation, and prospects for peace // International Journal on World Peace Vol. 33, No. 1, 2016, pp. 43–108

15. Jagannath P., Baruah A.G. Foreseeing India-China Relations: The 'Compromised Context' of Rapprochement/ the Asia-Pacific Issues. 2019. No. 138. pp. 1–8.

16. Kumar A., Vishal India-China relations in 21st century/ International Journal of Multidisciplinary Education and Research. 2021. pp. 117–120.

17. Ogden C. China and India Set to Dominate the 21st Century/Oxford University Press. 2019. URL: https://www.oxfordreference.com/newsitem/229/china-and-india-set-to-dominate-the-21st-century (Accessed 12/12/2024)

18. Pathak S. India-China Relations: The End of Hope for an Asian Century // South Asian Voices, 2023. URL: https://southasianvoices.org/india-china-relations– the-end-of-hope-for-an-asian-century/ (accessed 12/07/2024)

19. Rajagopalan R. "Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy"/ International Affairs, 96(1), 2020, Pp. 83–84.

20. Roy K. Focusing on India's Look East Policy: India–China relationship from 1947 to 2020/ International Area Studies Review. 2021. Vol. 24, pp. 79–96

21. Siddiqi F.H. India-China Relations in the 21st Century: Impact on Regional and Global Politics / Pakistan Horizon. 2012. Vol. 65, No. 2, pp. 59–72

22. Sun Weidong H.E. 70 Years of Diplomatic Relations between China and India [1950–2020]/ The Hindu 2020 URL: https://www.thehindu.com/brandhub/70-years-of-diplomatic-relations-between-china-and-india-1950–2020/article31219737.ece (accessed 12/15/2025)

23. Yoder, B. K., & Bajpai, K. Introduction: Explaining Cooperation and Rivalry in China-India Relations // Journal of Contemporary China. 2022. 32(141), pp. 353–368.

24. Zhu Z. China-India Relations in the 21st Century: A Critical Inquiry / Indian Journal of Asian Affairs. 2011. Vol. 24, No. 1/2, pp. 1–16.

Блонский Артем Игоревич,
магистрант факультета «Международные отношения»
Дипломатической академии МГИМО МИД России

Статья посвящена исследованию российско-китайского сотрудничества, включая аспекты межрегионального взаимодействия и инновационных моделей. В работе констатируются существенные успехи во всех сферах кооперации. Вместе с тем, в двустороннем гуманитарном сотрудничестве сохраняется ряд проблем, ограничивающих его дальнейшее развитие. Проблематика гуманитарного взаимодействия, являющаяся предметом данного исследования, на протяжении последних двух десятилетий остается одной из наиболее сложных в повестке двусторонних отношений, причем сложности носят преимущественно функциональный, а не практический характер.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, гуманитарное сотрудничество, культурный обмен, образовательные связи, народная дипломатия, «мягкая сила», стратегическое партнерство.

Основы сотрудничества между странами были заложены в декабре 2000 года с учреждением Комиссии по сотрудничеству в сфере образования, культуры, здравоохранения и спорта (ныне Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству)[1]. Со временем структура взаимодействия развивалась: в 2010 году была создана Подкомиссия по сотрудничеству в области молодёжной политики[2]. Ключевые принципы сотрудничества, такие как равноправие, взаимное уважение и поддержка в вопросах национальных интересов, были вновь подтверждены в 2023 году[3]. Важным инструментом стратегического планирования стала «Дорожная карта сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на 2020–2025 гг.», подчеркивающая значение гуманитарных наук для взаимопонимания и решения глобальных проблем.

Несмотря на устойчивый прогресс в двусторонних отношениях, российские и китайские специалисты отмечают, что гуманитарное сотрудничество не поспевает за темпами политического и экономического взаимодействия. Как подчеркивает директор Института России при Китайской академии современных международных отношений Фэн Юйцзюнь, это свидетельствует о сохраняющемся дисбалансе: официальные связи между государствами активно развиваются, тогда как народные контакты остаются менее динамичными [1].

На рисунке 1 представлены ключевые проблемы в сфере гуманитарного сотрудничества:

1) Языковой барьер.

Несмотря на растущий интерес к изучению русского и китайского языков, языковой вопрос остается одним из ключевых препятствий.

Рис. 1. Ключевые проблемы в сфере гуманитарного сотрудничества

Недостаточное владение языком партнера затрудняет прямое общение, углубленное понимание культурных нюансов и эффективное взаимодействие в научных и образовательных проектах.

2) Информационная асимметрия и стереотипы.

[1] Об итогах Первого заседания Российско-китайской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта//Министерство иностранных дел Российской Федерации: URL: https://www.mid.ru/tv/?id=1677902&lang=ru

[2] Межправительственная комиссия по сотрудничеству в области молодежной политики Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству // Институт молодежной политики и международных отношений РТУ МИРЭА: URL: https://intermol.su/about/organizations/mezhpravitelstvennayapodkomissiya-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-molodyezhnoy-po-litiki-rossiysko-kit

[3] Заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству // Правительство России: сайт. URL: http://government.ru/news/50402

В обеих странах до сих пор существуют определенные стереотипы и недостаточное представление о реальной жизни, культуре и ценностях друг друга. Это может быть связано с недостатком качественной и объективной информации, а также с влиянием внешних факторов.

3) Финансовые и организационные трудности.

Реализация масштабных гуманитарных проектов требует значительных финансовых вложений и слаженной организационной работы. Не всегда удается обеспечить стабильное финансирование, а бюрократические процедуры могут замедлять процесс.

4) Различия в подходах и приоритетах.

Несмотря на общие цели, Россия и Китай могут иметь разные приоритеты в гуманитарной сфере. Например, в образовании могут различаться подходы к формированию учебных программ или к оценке достижений.

5) Географическая удаленность и логистика.

Для многих россиян и китайцев другая страна остается далекой. Организация массовых обменов, культурных мероприятий или научных конференций требует продуманной логистики и значительных временных затрат.

6) Недостаточная вовлеченность гражданского общества.

Гуманитарное сотрудничество часто фокусируется на официальных структурах. Более активное вовлечение неправительственных организаций, культурных центров и простых граждан могло бы придать ему большую динамику и глубину.

Эволюция понимания российско-китайских проблем находит свое отражение в серии ежегодных аналитических докладов «Российско-китайский диалог», выпускаемых с 2015 года. Первоначальные выпуски акцентировали внимание на таких аспектах, как недостаточная работа по формированию позитивного общественного мнения, высокая степень бюрократизации процессов и слабое использование потенциала гражданского общества. Российские эксперты выделяли ограниченность контактов на уровне обществ, а китайские – сохраняющуюся взаимную непривлекательность систем ценностей и образов жизни, а также консервативные взгляды. В последующие годы анализ сместился в сторону изучения влияния теории «китайской угрозы» на общественное мнение и необходимости объективной оценки разрыва в научно-технологическом развитии для корректировки совместных программ. К 2019 году дискурс перешел к констатации количественного роста и территориального расширения сотрудничества, выходящего за рамки приграничных областей [2].

Анализ российских исследователей показывает, что культурное взаимодействие между Россией и Китаем характеризуется эпизодичностью и недостаточной эффективностью системных механизмов. Ключевой фактор, препятствующий углублению связей, – это дефицит актуальных знаний и опора на устаревшие стереотипы, не соответствующие современным реалиям [3]. Китайские коллеги разделяют эту озабоченность, указывая на структурные недостатки. Так, Бай Сяогуан подчеркивает «региональную несогласованность», ограничивающую вовлечение всех территорий, слабую корреляцию гуманитарных инициатив с экономической эффективностью, а также критическое отсутствие системных научных исследований и теоретической базы для развития сотрудничества. Более того, движущей силой взаимодействия в значительной степени выступает общая внешнеполитическая повестка, направленная на формирование многополярного мира, а не внутренние общественные запросы на всестороннее сближение. Как следствие, эксперты отмечают, что, несмотря на обширные официальные контакты, Россия пока не является эффективным реципиентом китайской «мягкой силы» [4].

Нынешняя модель гуманитарных обменов, будучи в основном под контролем государства, страдает от формализма. Объем проводимых мероприятий, порожденный бюрократическими процедурами, не всегда отражает их реальную ценность и глубину воздействия, особенно при отсутствии должного контроля за их эффективностью. Настоящая отдача достигается, когда инициативы зарождаются снизу, от самих граждан, и получают поддержку, а не принуждение со стороны государства. В связи с этим многие аналитики полагают, что для качественного прогресса требуется выявление и развитие новых, в первую очередь общественных, движущих сил совместной деятельности.

Достигнутые успехи закладывают основу для дальнейшего развития. В образовательной сфере активные академические обмены демонстрируют тесную интеграцию научных и образовательных систем (Таблица 1) [5].

Сотрудничество реализуется через ряд ключевых диалоговых форматов. Политический диалог на высшем уровне задает стратегический вектор и консолидирует интересы. Образовательный и научный диалог, несмотря на потенциал культурной дипломатии через совместные программы и исследования, часто страдает от недостатка глубины, оставаясь в формате одностороннего обмена. В то же время, народная дипломатия, опираясь на личные контакты, является мощным инструментом для реального сближения культур и формирования доверия.

Достигнутые значительные успехи в сотрудничестве создают предпосылки для открытия новых стратегических горизонтов. Дальнейшее развитие данного партнерства представляется возможным по следующим взаимосвязанным векторам:

1) Углубление «народной дипломатии» для перехода от формальных обменов к подлинному сближению обществ, что станет лучшей гарантией долгосрочной стабильности партнёрства. Чем больше люди из России и Китая будут общаться, узнавать друг друга, тем меньше будет места для недоверия и предрассудков. Это особенно важно в современном мире, где информационные войны и геополитическая напряженность могут легко посеять раздор.

2) Выход на многосторонний уровень с использованием наработанных форматов для продвижения общих гуманитарных инициатив в рамках международных организаций и институтов, таких как ШОС, *Таблица 1. Основные направления и институты гуманитарного сотрудничества России и Китая*

Направление сотрудничества	Ключевые показатели эффективности и достижения	Институциональная поддержка и форматы
Образовательные обмены и наука	– Общая численность студентов: >72 тыс. чел. (св. 51 тыс. китайских в РФ и 21 тыс. российских в КНР по сост. на 2025 г.); – ~950 межвузовских соглашений; – Создание совместных научно-образовательных структур (Совместный университет в Шэньчжэне и т.д.).	– Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству; – Ассоциации вузов (технических, медицинских, многопрофильных); – «Дорожная карта» гуманитарного сотрудничества до 2030 г.
Культура и языковая политика	– Сеть Институтов Конфуция в РФ: 19 институтов и 5 классов; – Российские культурные центры в Китае (Пекин) и Китайский культурный центр в России (Москва); – Фонд «Русский мир» и его центры в китайских университетах; – Успешное проведение перекрёстных Годов культуры (2024–2025) и др. тематических годов.	– Соглашение о культурном сотрудничестве 1992 г. и регулярные планы его реализации; – Программа сотрудничества в области культуры на 2024–2027 гг.

БРИКС. Гуманитарное сотрудничество помогает формировать общее понимание глобальных вызовов и путей их решения. Это может способствовать выработке согласованных позиций по вопросам международной безопасности, экологии, устойчивого развития и других актуальных тем.

3) Интеграция гуманитарной сферы, инноваций и экономики посредством реализации совместных инициатив в креативных индустриях, технологиях и науке приведет к усилению «мягкой силы». Обмен студентами и преподавателями, совместные научные исследования, создание совместных образовательных программ – все это способствует повышению качества образования и ускорению научных открытий. Особый потенциал видится в совместных разработках в таких областях, как космос, искусственный интеллект, медицина и энергетика. Совместные выставки, концерты, кинофестивали, литературные переводы – все это позволяет народам России и Китая лучше понять и оценить богатое культурное наследие друг друга. Это также способствует развитию креативных индустрий и появлению новых форм культурного самовыражения

4) Развитие молодежных обменов. Организация летних лагерей, спортивных соревнований, волонтерских программ для молодых людей из России и Китая создает прочную основу для будущих партнерских отношений на всех уровнях.

5) Рост туризма и деловых связей. Упрощение визовых режимов (в 2025 году В РФ и КНР для российских и китайских туристов введен безвизовый режим), развитие транспортной инфраструктуры и продвижение туристических направлений могут привести к значительному росту туристического потока. Это, в свою очередь, стимулирует развитие малого и среднего бизнеса, создает новые рабочие места и способствует экономическому росту.

В конечном итоге, российско-китайское гуманитарное сотрудничество – это не просто набор отдельных проектов, а живой, развивающийся организм, который требует постоянного внимания, инве-

стиций и готовности к диалогу. Преодоление существующих проблем и максимальное использование открывающихся перспектив позволит не только укрепить двусторонние отношения, но и внести значительный вклад в формирование более стабильного и многополярного мира. Это стратегически важное направление, которое закладывает основы для будущего, где культурное разнообразие и взаимное уважение станут нормой, а не исключением.

Дальнейшее развитие этого сотрудничества требует не только усилий на государственном уровне, но и активного вовлечения всех слоев общества. Необходимо также признать, что гуманитарное сотрудничество не существует в вакууме. Оно тесно связано с политической и экономической ситуацией в обеих странах и в мире в целом. Поэтому важно, чтобы оно развивалось в русле общей стратегии укрепления добрососедских отношений и взаимной выгоды, способствуя созданию благоприятной атмосферы для решения других, более сложных задач.

Литература

1 Российско-китайский диалог: Модели 2015–2023: сб. аналит. докл. РСМД / под общ. ред. С.Г. Лузянина, И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева. М.: НП РСМД, 2015–2023.

2 Ларин А.Г. Новый этап российско-китайского партнёрства и проблема доверия // Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. М.: ДеЛи плюс, 2017. С. 52–65.

3 Бай Сяогуан. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3. С. 42–52.

4 Соловьева Е.В. Стратегическое партнёрство России и Китая как фактор культурного взаимодействия в современных политических условиях // Политика и общество. 2012. № 1 (85). С. 95–101.

5 Сухадольская Л.Л. Россия и Китай: гуманитарное сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 181–192.

CHALLENGES AND PROSPECTS OF RUSSIAN-CHINESE HUMANITARIAN COOPERATION

Blonskiy A.I.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article examines Russian-Chinese cooperation, including aspects of interregional interaction and innovative models. The paper notes significant successes in all areas of cooperation. However, a number of problems remain in bilateral humanitarian cooperation, limiting its further development. The issue of humanitarian interaction, the subject of this study, has remained one of the most complex issues on the bilateral relations agenda over the past two decades, with the challenges being primarily functional rather than practical.

Keywords: Russian-Chinese relations, humanitarian cooperation, cultural exchange, educational ties, public diplomacy, soft power, strategic partnership.

References

1. 1 Russian-Chinese Dialogue: Models 2015–2023: Collection of Analytical Reports of the Russian International Affairs Council / edited by S.G. Luzyanin, I.S. Ivanov, and I.N. Timofeev. Moscow: NP RIAC, 2015–2023.

2. 2 Larin, A. G. A New Stage of Russian-Chinese Partnership and the Problem of Trust // Modern Russian-Chinese Relations / edited by S.G. Luzyanin (editor-in-chief), A.G. Larin (compiled), E.I. Safronova, I.V. Ushakov, and E.V. Belilina. Moscow: DeLi Plus, 2017. pp. 52–65.

3. 3 Bai Xiaoguang. Chinese-Russian Humanitarian Cooperation: Status, Problems, and Prospects // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3. Pp. 42–52.

4. 4 Solovieva E.V. Strategic partnership between Russia and China as a factor in cultural interaction in modern political conditions // Politics and Society. 2012. No. 1 (85). Pp. 95–101.

5 Sukhadolskaya L.L. Russia and China: humanitarian cooperation // Problems of the Far East. 2020. No. 3. Pp. 181–192.

Роль международных инициатив в процессе нормализации отношений между РА и Турцией

Казарян Сона Исааковна,
аспирант, Санкт-Петербургский Государственный университет
E-mail: sonakazaran33@gmail.com

В статье исследуется роль международных инициатив в процессе нормализации отношений между Республикой Армения и Турцией в период 2009–2025 гг. Анализируются две волны дипломатических усилий: Цюрихские протоколы 2009 г. и современный этап (2021–2025 гг.) с участием спецпредставителей. Рассматривается деятельность государственных и негосударственных акторов: Швейцарии, США, ЕС, России, программ трек-2 (ATNP, TARC/ICTJ). Выявляются факторы эффективности международного посредничества: создание каналов связи, символические жесты, легитимизация шагов. Определяются ограничения процесса нормализации: привязка к армяно-азербайджанскому урегулированию, внутриполитические риски. Показано, что гуманитарные эпизоды становятся "мостами доверия". Делается вывод о необходимости комбинирования "малых шагов" с крупными политическими решениями для достижения полной нормализации двусторонних отношений.

Ключевые слова: нормализация отношений, Армения, Турция, международные инициативы, дипломатическое посредничество, Цюрихские протоколы, спецпредставители, трек-2 дипломатия, ATNP, TARC, гуманитарная дипломатия.

Нормализация отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой остается одной из ключевых проблем региональной безопасности на Южном Кавказе. Научная новизна исследования заключается в сравнительном анализе двух волн дипломатических усилий: провального процесса Цюрихских протоколов 2009 года и современного этапа нормализации 2021–2025 годов с участием специальных представителей. Актуальность темы обусловлена активизацией международных инициатив после Второй карабахской войны и историческим визитом премьер-министра Армении Н. Пашиняна в Турцию в июне 2025 года. Исследовательский вопрос состоит в определении механизмов воздействия государственных и негосударственных международных акторов на процесс нормализации: каким образом и по каким причинам внешние инициативы способствуют или препятствуют преодолению тридцатилетнего политического тупика в армяно-турецких отношениях.

Историко-политический контекст

Основы современного кризиса в армяно-турецких отношениях были заложены в начале 1990-х годов в связи с Первой карабахской войной. 3 апреля 1993 года Турция официально закрыла сухопутную границу с Арменией протяженностью 328 км, прекратив функционирование контрольно-пропускных пунктов «Алиджан-Маргара» и «Акьяка-Ахурик». Последний грузовой поезд пересек турецко-армянскую границу 6 июля 1993 года, после чего железнодорожное сообщение было полностью прервано. Воздушная граница оставалась закрытой с 6 июля 1993 года по 1 января 1995 года.

Решение о закрытии границы было мотивировано несколькими факторами: территориальными претензиями армянских националистов на Восточную Анатолию, усилиями Армении по международному признанию геноцида армян, но прежде всего – поддержкой Анкарой своего «близкого союзника» Азербайджана в карабахском конфликте. Фундаментальной особенностью турецкого подхода стало выдвижение системы предварительных условий для нормализации, создавшей так называемую «архитектуру условий» [1].

Согласно анализу Международной группы по кризисам, «архитектура условий» представляет жесткую привязку армяно-турецкой нормализации к прогрессу в армяно-азербайджанском урегулировании. После Второй карабахской войны 2020 года эта связка приобрела новое значение: «обязательным предусловием Анкара выставляет налаживание отношений Еревана с Баку». Внесение конституционных изменений в документы Армении относится к официальной позиции Азербайджана и поддерживается турецкой стороной. Как отмечает ICG, Баку настаивает на исключении из преамбулы армянской конституции ссылки на Декларацию независимости 1990 года о «воссоединении» с Нагорным Карабахом. Это требование создает «конституционный тупик», поскольку референдум по изменению конституции планируется только на 2026 год [2].

Следует отметить, что закрытие границы сопровождалось значительным экономическим и социальным эффектом для обеих стран. Прекращение транспортного сообщения привело к снижению товарооборота, остановке совместных проектов и ограничению возможностей для частного бизнеса и региональных торговых связей. Внутри Армении это усилило экономическую зависимость от других соседних стран и создало давление на государственные структуры по обеспечению альтернативных маршрутов поставок и логистики.

Политическая изоляция сопровождалась усилением националистических настроений в обеих странах, что дополнительно осложнило диалог и повышало риски эскалации конфликта. Турция, поддерживая Азербайджан, формировала региональный блок влияния, где любые двусторонние шаги по нормализации с Арменией воспринимались как потенциальная угроза союзническим интересам. Для Армении это означало необходимость балансирования между внутренней легитимностью и внешними давлением, что закрепило структуру «предварительных условий» и сделало процесс нормализации чрезвычайно зависимым от решения региональных конфликтов.

Первая волна: Цюрихские протоколы (2009)

Цюрихские протоколы 2009 года представляют собой первую комплексную волну международных инициатив по нормализации армяно-турецких отношений в постсоветский период. 10 октября 2009 года министры иностранных дел Турции и Армении Ахмет Давутоглу и Эдуард Налбандян подписали в Цюрихе два документа: «Протокол об установ-

лении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии отношений между Турецкой Республикой и Республикой Армения». Архитектура соглашений предусматривала установление дипломатических отношений, открытие турецко-армянской границы в течение двух месяцев после ратификации, развитие торгово-экономических связей и создание совместной исторической комиссии. Роль международных посредников была определяющей. На церемонии подписания присутствовали государственный секретарь США Хиллари Клинтон, министр иностранных дел России Сергей Лавров, министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер, министр иностранных дел Швейцарии Мишлин Кальми-Рей и Верховный представитель ЕС Хавьер Солана. Церемония состоялась с трехчасовой задержкой из-за разногласий по содержанию речей – турецкая сторона хотела упомянуть карабахский конфликт, армянская – события 1915 года, в итоге речи не произносились вовсе.

Процесс нормализации столкнулся с мощным сопротивлением со всех сторон. Ратификация протоколов в парламенте обеих стран выявила глубокие политические и общественные трещины. В Турции документ не получил достаточной поддержки, что было обусловлено влиянием националистических фракций и давлением Азербайджана, который рассматривал соглашение как потенциальную угрозу своим стратегическим интересам в Карабахе. В Армении дискуссия в парламенте тоже оказалась напряженной. Депутаты от «Дашнакцутюн» требовали привязки нормализации к признанию исторических событий 1915 года и обеспечению конкретных гарантий безопасности Арцаха. В результате обе стороны задержали процесс ратификации, что фактически поставило протоколы в состояние «подвешенности».

Долгое время представители минской группы ОБСЕ продолжали оказывать давление на обе страны. Однако отсутствие конкретных механизмов разрешения спорных исторических вопросов и территориального конфликта привело к постепенной деградации переговорного процесса. Несмотря на формальные обязательства, открытие границы и установление дипломатических отношений так и не состоялись, что создало прецедент, демонстрирующий, что международные инициативы без внутренней политической консолидации и учета интересов соседних стран имеют крайне ограниченные шансы на успешную реализацию.

Азербайджан воспринял армяно-турецкие переговоры как угрозу своим интересам – президент Ильхам Алиев в последний момент отказался от участия во Втором глобальном форуме Альянса цивилизаций в Стамбуле в апреле 2009 года. Эрдоган был вынужден предпринять срочную поездку в Баку 13 мая 2009 года, где в азербайджанском парламенте заявил, что «невозможно открыть границы, пока не прекратится армянская оккупация». В Армении протоколы встретили резкое противодействие со стороны Армянской революционной федерации «Дашнакцутюн», которая потребовала признания «армянского геноцида», выплаты репараций и невмешательства в карабахский конфликт. В Турции оппозиционные партии критиковали правительство за «уступки Армении» без учета интересов Азербайджана [3].

Хочется отметить, что провал первой волны стал неизбежным из-за структурного противоречия между стратегией разделения вопросов и региональными реалиями. Хотя протоколы намеренно не упоминали карабахский конфликт, попытка отделить армяно-турецкую нормализацию от азербайджано-армянского урегулирования оказалась неосуществимой.

22 апреля 2010 года президент Серж Саргсян приостановил процесс ратификации, ссылаясь на неготовность Турции продолжать процесс. 16 февраля 2015 года Серж Саргсян объявил об отзыве документов из парламента, а 1 марта 2018 года Армения официально аннулировала протоколы после заседания Совета национальной безопасности. 27 декабря 2021 года турецкий министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу подвел итог: «Протоколы не имеют значения, важнейшие части были отменены Конституционным судом Армении. Сегодня начался новый процесс» [3].

Вторая волна (2021–2025)

Вторая волна нормализации армяно-турецких отношений, охватывающая период с 2021 по 2025 годы, характеризуется более структурированным и институционализированным подходом по сравнению с первой волной Цюрихских протоколов 2009 года. Ключевым новшеством стало назначение взаимных специальных представителей: опытного дипломата Сердара Кылыча со стороны Турции и молодого политика Рубена Рубиняна от Армении. По оценкам экспертов, налаживание прямого диалога между спецпредставителями дало старт новым форматам переговоров и постепенному развитию двусторонних контактов, что отличает данный этап от предыдущих попыток нормализации.

Хронология событий демонстрирует поэтапное укрепление взаимного доверия и расширение сферы сотрудничества. Первая встреча спецпредставителей состоялась в Москве 14 января 2022 года, что свидетельствует о поддержке процесса со стороны России. Летом 2022 года в Вене был достигнут ряд договоренностей, включая возобновление прямых авиарейсов между Стамбулом и Ереваном, которые стартовали 2 февраля 2022 года после 30-летнего перерыва. Встреча на границе 30 июля 2024 года в районе КПП «Маргара» и исторический визит премьер-министра Армении Никола Пашиняна в Стамбул 20 июня 2025 года стали важными вехами в процессе нормализации [4].

Особую символическую роль сыграли гуманитарные эпизоды, превратившиеся в «мосты доверия» между народами. После разрушительного землетрясения в Турции в феврале 2023 года Армения оперативно направила спасательные команды и более 100 тонн гуманитарной помощи, которая прошла через закрытый с 1993 года КПП «Аликан». Этот жест был особенно символичен, поскольку напомнил о турецкой гуманитарной помощи Армении после Спитакского землетрясения 1988 года. Как отметил турецкий министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу, «Армения протянула руку солидарности в наше трудное время», что продемонстрировало возможности практического сотрудничества даже при сохраняющихся политических противоречиях.

Несмотря на позитивную динамику, процесс остается под сильным влиянием внешних и внутренних ограничивающих факторов. Турция продолжает увязывать нормализацию с Арменией с прогрессом в армяно-азербайджанском мирном процессе, что создает дополнительные вызовы. Как отмечают аналитики, «армяно-турецкий процесс нормализации вряд ли будет значительно продвигаться, если не будет аналогичного прогресса между Арменией и Азербайджаном». Внутриполитические риски в обеих странах также могут затормозить процесс: в Армении Пашинян сталкивается с критикой оппозиции, а в Турции любые уступки Армении могут быть негативно восприняты националистическими кругами [5].

Вторая волна демонстрирует большую зрелость и прагматичность переговорного процесса, но ее устойчивость зависит от способности сторон решить фундаментальные политические противоречия. Положительными аспектами являются: постепенное восстановление транспортных связей, развитие гуманитарного сотрудничества, институционализация диалога через механизм спецпредставителей и готовность к символическим жестам доброй воли. Однако сохраняющаяся связь с карабахским урегулированием, внутриполитические риски и геополитическая нестабильность в регионе создают серьезные препятствия для достижения полной нормализации. Как показывает опыт Цюрихских протоколов, без комплексного подхода к региональным проблемам и политической воли высшего руководства процесс может вновь столкнуться с тупиковой ситуацией.

Трек-2/1.5

Неофициальная дипломатия играет особую роль в армяно-турецком урегулировании, предоставляя альтернативные каналы диалога в условиях, когда официальные переговоры ограничены политическими рамками и взаимными предварительными условиями. Согласно турецкому агентству «Анадолу», важнейшим ранним опытом стала Турецко-армянская комиссия по примирению (TARC), созданная в 2001 году «для содействия взаимопониманию и доброй воле между двумя странами». Комиссия представляла собой уникальный формат трек-2 дипломатии, объединивший бывших дипломатов, ученых и общественных деятелей обеих стран для работы над наиболее сложными аспектами двусторонних отношений. Особую значимость имело решение TARC обратиться к Международному центру переходного правосудия (ICTJ) с просьбой изучить применимость Конвенции ООН о геноциде 1948 года к событиям 1915 года, что стало первым серьезным опытом транснационального правового диалога по этой проблематике [6].

Современные программы трек-2/1.5 получили новый импульс благодаря финансовой поддержке Европейского союза и расширению спектра медиативных практик. Армянские источники media.am подчеркивают роль Армяно-турецкой программы нормализации (ATNP), которая включает грантовые программы, культурные и образовательные обмены, создание диалоговых площадок для молодежи и гражданского общества. Эксперты отмечают, что такие инициативы «вносят важный вклад в формирование среды доверия и понимания на уровне гражданского общества», создавая необходимую основу для официального дипломатического процесса. Особое внимание уделяется проектам, направленным на преодоление исторических стереотипов и развитие взаимного понимания между молодыми поколениями армян и турок [7].

Аналитики Carnegie Endowment подчеркивают стратегическое значение неофициальных каналов для преодоления структурных ограничений официальной дипломатии. По их оценке, трек-2 инициативы играют особенно важную роль в условиях, когда официальные пере-

говоры осложнены взаимными предварительными условиями и влиянием внутриполитических факторов. Исследователи отмечают, что успешный опыт TARC/ICTJ, несмотря на его преждевременное завершение, заложил концептуальные основы для понимания возможностей и ограничений правовых подходов к разрешению исторических споров. Современные программы учитывают этот опыт, делая акцент на постепенном формировании общественного консенсуса и создании предпосылок для политического сближения [8].

Турецкая аналитическая платформа Fikirturu.com анализирует внутренние факторы, влияющие на эффективность трек-2 дипломатии в турецком контексте. Эксперты отмечают постепенную трансформацию внутреннего дискурса, где прагматические подходы к отношениям с «реальной Арменией» начинают преобладать над националистической риторикой об «исторической Армении». Этот сдвиг создает более благоприятную среду для развития медиативных практик и расширения участия турецкого гражданского общества в программах трек-1.5. Аналитики подчеркивают, что поддержка таких инициатив на уровне общественного мнения является критически важной для их долгосрочной устойчивости и эффективности [9].

Комплексный анализ показывает, что трек-2/1.5 дипломатия в армяно-турецких отношениях эволюционировала от ранних экспериментов с транснациональным правовым диалогом к многоуровневым программам, направленным на трансформацию общественного сознания и создание устойчивых основ для нормализации. Хотя эти инициативы не могут заменить официальную дипломатию, они выполняют важную функцию подготовки общественного мнения, развития взаимного понимания и создания альтернативных каналов коммуникации в периоды политической напряженности. Успех современных программ ATNP и других финансируемых проектов во многом зависит от способности интегрировать уроки прошлого опыта TARC/ICTJ с новыми реалиями региональной стабильности и внутриполитической динамики в обеих странах.

Аналитика «значения» инициатив

Международные инициативы в турецко-армянском процессе создают реальные возможности для постепенного восстановления диалога. Встречи специальных представителей, возобновление прямых авиарейсов, переговоры о приграничных торговых процедурах и гуманитарные акции формируют рабочие каналы связи между сторонами. Эти шаги демонстрируют готовность к сотрудничеству, создают «мосты доверия», которые позволяют сторонам тестировать взаимные реакции в относительно безопасной дипломатической среде [10]. Даже ограниченные инициативы повышают законность дипломатических шагов на международной арене, обеспечивают политическую поддержку со стороны третьих государств и международных организаций.

Символические жесты и шаги (например, гуманитарная помощь после стихийных бедствий или совместные культурные проекты) играют основную роль в поддержании позитивной динамики. Они создают видимость «нормальности» и показывают, что стороны способны сотрудничать, несмотря на исторические и политические разногласия. Такие действия важны и для официальных властей, и для формирования положительного общественного мнения в обеих странах, потому что снижают градус националистической риторики и создают предпосылки для дальнейших шагов в дипломатическом треке.

Анализ Chatham House демонстрирует, что успешные международные инициативы зависят не только от наличия каналов коммуникации и символических жестов, но и от стратегической согласованности в условиях фрагментации международного порядка. Разные государства по-разному воспринимают внешние дипломатические усилия, что создает дополнительные сложности для устойчивой нормализации. В контексте турецко-армянского процесса это означает, что даже при налаженных контактных точках и гуманитарных актах продвижение может оставаться ограниченным без ясной поддержки крупных международных игроков и согласованной региональной политики [11].

При этом процесс нормализации сталкивается со «стеклянным потолком», то есть со скрытым пределом, который позволяет сохранять диалог и отдельные формы сотрудничества, но блокирует переход к полному политическому урегулированию. Главным фактором является привязка турецко-армянского сближения к армяно-азербайджанскому урегулированию. Пока не будут достигнуты договоренности по Карабаху и проведена четкая линия разграничения границы, продвижение остается символическим и не способно перейти к стратегическим решениям. Внутриполитические ограничения усиливают эффект «стеклянного потолка». В Турции уступки Армении могут восприниматься националистически настроенной общественностью как «слабость», а в Армении внутренние оппоненты могут рассматривать инициативы как давление внешних акторов [12].

Сравнительный анализ международного опыта нормализации отношений через сочетание «малых шагов» и «крупной политической увязки» показывает, что такой подход может быть эффективным инструментом в разрешении региональных конфликтов. Примеры из других конфликтных регионов подтверждают, что последовательные доверительные меры, подкрепленные стратегическими политическими решениями, повышают шансы на устойчивую нормализацию.

В отношениях между Северной и Южной Кореей в последние годы наблюдается попытка возобновления диалога. В частности, в августе 2025 года Южная Корея начала демонтаж громкоговорителей на границе с Северной Кореей, что стало частью усилий по снижению напряженности и восстановлению доверия между странами. Однако, несмотря на эти шаги, Северная Корея сохраняет настороженность, и перспективы полноценного диалога остаются неопределенными [13]

В случае с Израилем и Египтом, Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 года стали примером успешной нормализации отношений через сочетание малых шагов и крупных политических решений. Соглашения предусматривали постепенное снятие ограничений, обмен территориями и установление дипломатических отношений, что в итоге привело к подписанию мирного договора в 1979 году [14].

В отношениях между Сербией и Косово также наблюдается использование подобного подхода. Охридское соглашение 2023 года, заключенное при посредничестве Европейского Союза, предусматривает последовательное выполнение шагов по нормализации отношений, включая вопросы автономии и прав меньшинств. Однако реализация соглашения сталкивается с трудностями, и его полное выполнение остаётся под вопросом.

Можно утверждать, что международные инициативы способны формировать реальные предпосылки для постепенного продвижения турецко-армянского диалога. Но их эффективность ограничена структурными и региональными факторами. Восстановление каналов связи, символические жесты и легитимизация шагов создают пространство для тестирования доверия и снижения напряженности, только без параллельного решения фундаментальных вопросов, например, армяно-азербайджанского урегулирования и внутренних политических рисков, процесс нормализации будет оставаться поверхностным. Важно сочетать практическое сотрудничество на гуманитарном и экономическом уровнях с политической волей сторон и поддержкой международных акторов, чтобы инициатива превратилась из серии символических актов в устойчивый стратегический процесс.

Выводы и сценарии

Международные инициативы и дипломатические усилия в турецко-армянском процессе демонстрируют два взаимодополняющих, но различающихся подхода к нормализации отношений. Краткосрочные «сделки малых шагов» включают возобновление прямых авиарейсов, гуманитарные акции, совместные культурные и образовательные проекты, развитие каналов связи через спецпредставителей. Эти меры создают рабочие механизмы взаимодействия, формируют «мосты доверия», снижают напряженность и позволяют тестировать готовность сторон к сотрудничеству в относительно безопасной среде. Они демонстрируют эффективность в поддержании позитивной динамики, но их действие ограничено рамками символического взаимодействия и не способно решить фундаментальные противоречия.

Крупная политическая увязка подразумевает комплексное разрешение основных региональных и двусторонних вопросов:

1. Согласование армяно-азербайджанского урегулирования.
2. Определение четкой линии разграничения границы.
3. Выработка договоренностей по Карабаху.
4. Закрепление этих решений на уровне высшего политического руководства обеих стран.

Такой подход способен вывести процесс из режима постепенных шагов в стратегическую траекторию устойчивой нормализации, но требует значительных ресурсов, политической воли и согласованности международных акторов.

Перспективы развития могут сочетать оба подхода. В краткосрочной перспективе «малые шаги» создают почву для доверия и общественного консенсуса, подготавливают условия для более масштабных политических решений. Одновременное удержание «стеклянного потолка», то есть привязка нормализации к региональным конфликтам и внутриполитическим ограничениям, требует осторожного балансирования между прагматичными инициативами и стратегическим планированием.

Возможные сценарии развития турецко-армянского процесса демонстрируют различные траектории нормализации отношений. Оптимистичный сценарий предполагает последовательное снятие ограничений, активное сотрудничество и постепенное решение вопросов

по Карабаху с закреплением достигнутых результатов на уровне высшего политического руководства. Пессимистичный сценарий отражает ситуацию, когда малые шаги застряли из-за внутриполитических рисков, «стеклянный потолок» сохраняется, а фундаментальные противоречия остаются нерешенными, ограничивая продвижение диалога. Комбинированный сценарий представляет сочетание доверительных малых шагов с постепенной крупной политической увязкой, что позволяет минимизировать риски и создавать условия для стратегических решений в среднесрочной перспективе.

В итоге эффективная стратегия нормализации турецко-армянских отношений должна опираться на комбинацию постепенных шагов и крупной политической увязки. Символические и практические инициативы обеспечивают устойчивость диалога на уровне доверия и легитимности, а масштабные политические решения создают фундамент для преодоления структурных препятствий и достижения долгосрочной стабильности в регионе. Ведь примирение и нормализация отношений между государствами – это не просто дипломатический акт, а торжество разума, мужества и готовности к исторической ответственности за судьбы народов.

Литература

1. Отношения Армении и Турции после Второй карабахской войны // CAST. – 2022. – 14 марта. – URL: https://cast.ru/products/articles/otnosheniya-armenii-i-turtsii-posle-vtoroy-karabakhskoy-voyny.html (дата обращения: 10.09.2025).

2. Армения и Азербайджан: мирное соглашение у финишной черты // International Crisis Group. – 2025. – 22 мая. – URL: https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/caucasus/armenian-azerbaijani-conflict/armenia-and-azerbaijan-getting-peace-agreement-across-finish-line (дата обращения: 10.09.2025).

3. Armenia-Türkiye Relations: Attempts at Normalization (Армяно-турецкие отношения: попытки нормализации) // Baku Dialogues. – 2023. – 18 April. – URL: https://bakudialogues.idd.az/articles/armenia-turkiye-relations-18–04–2023 (дата обращения: 10.09.2025).

4. Armenian-Turkish Relations: Recent Developments And Diplomatic Engagements (Армяно-турецкие отношения: новые события и дипломатические взаимодействия) // media.am. – 2024. – URL: https://media.am/en/verified/2024/07/01/39826/ (дата обращения: 10.09.2025).

5. Armenia and Turkey are close to Reaching Full Rapprochement (Армения и Турция близки к достижению полного сближения) // Turkey Analyst. – 2025. – URL: https://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/732-armenia-and-turkey-are-close-to-reaching-full-rapprochement.html (дата обращения: 10.09.2025).

6. Türkiye-Ermenistan normalleşmesine giden yol (Путь к нормализации отношений между Турцией и Арменией) // Anadolu Agency. – 2022. – URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiye-ermenistan-normallesmesine-giden-yol/2466810 (дата обращения: 10.09.2025).

7. Армяно-турецкие отношения: развитие и дипломатические контакты // media.am. – 2024. – 25 июня. – URL: https://media.am/hy/verified/2024/06/25/39734/ (дата обращения: 10.09.2025).

8. К миру через Анкару. Зачем Армения добивается нормализации отношений с Турцией // Carnegie Endowment for International Peace. – 2025. – 29 июня. – URL: https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/06/armenia-turkiye-rapprochement?lang=ru (дата обращения: 10.09.2025).

9. Türkiye-Ermenistan ilişkileri: 'Gerçek Ermenistan' 'tarihsel Ermenistan' değil (Турецко-армянские отношения: возобладает ли «настоящая Армения» над «исторической Арменией»?) // Fikirturu.com. – 2025. – 24 июня. – URL: https://fikirturu.com/jeo-politika/turkiye-ermenistan-iliskileri-gercek/ (дата обращения: 10.09.2025).

10. Acts of normality: The potential for Turkey-Armenia rapprochement (Акты нормальности: потенциал турецко-армянского сближения) // European Council on Foreign Relations. – 2022. – 15 марта. – URL: https://ecfr.eu/publication/acts-of-normality-the-potential-for-turkey-armenia-rapprochement/ (дата обращения: 10.09.2025).

11. Competing Visions of International Order: Responses to US Power in a Fracturing World (Разные видения международного порядка: реакции на влияние США в условиях фрагментации мира) // Chatham House. – 2025. – 27 марта. – URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2025–03/2025–03–27-competing-visions-international-order-vinjamuri-et-al.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

12. Diplomacy for stability: Türkiye-Armenia thaw and its impact on Caucasus peace (Дипломатия для стабильности: потепление отношений между Турцией и Арменией и его влияние на мир в Кавказском регионе) // Daily Sabah. – 2025. – 1 июля. – URL: https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/diplomacy-for-stability-turkiye-armenia-thaw-and-its-impact-on-caucasus-peace (дата обращения: 10.09.2025).

13. South Korea begins removing loudspeakers on border with North to reduce tensions (Южная Корея начала демонтаж громкоговорителей на границе с Северной Кореей) // The Guardian. – 2025. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/aug/04/south-korea-removing-loudspeakers-north?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.09.2025).

14. Camp David Accords (Кэмп-Дэвидские соглашения) // Encyclopaedia Britannica. – 2025. – URL: https://www.britannica.com/event/Camp-David-Accords?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.09.2025).

THE ROLE OF INTERNATIONAL INITIATIVES IN THE NORMALIZATION PROCESS BETWEEN THE REPUBLIC OF ARMENIA AND TURKEY

Kazaryan S.I.
Saint Petersburg State University

The role of international initiatives in the normalization process between the Republic of Armenia and Turkey during 2009–2025 is examined. Two waves of diplomatic efforts are analyzed: the 2009 Zurich Protocols and the contemporary stage (2021–2025) involving special representatives. The activities of state and non-state actors are considered: Switzerland, USA, EU, Russia, and track-2 programs (ATNP, TARC/ICTJ). Factors of international mediation effectiveness are identified: establishing communication channels, symbolic gestures, legitimizing steps. Limitations of the normalization process are determined: linkage to Armenian-Azerbaijani settlement, domestic political risks. It is shown that humanitarian episodes become "bridges of trust." The conclusion is made about the necessity of combining "small steps" with major political decisions to achieve full normalization of bilateral relations.

Keywords: normalization of relations, Armenia, Turkey, international initiatives, diplomatic mediation, Zurich Protocols, special representatives, track-2 diplomacy, ATNP, TARC, humanitarian diplomacy.

References

1. Armenia-Turkey Relations after the Second Karabakh War // CAST. – 2022. – March 14. – URL: https://cast.ru/products/articles/otnosheniya-armenii-i-turtsii-posle-vtoroy-karabakhskoy-voyny.html (date of access: 10.09.2025).

2. Armenia and Azerbaijan: Peace Agreement at the Finish Line // International Crisis Group. – 2025. – May 22. – URL: https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/caucasus/armenian-azerbaijani-conflict/armenia-and-azerbaijan-getting-peace-agreement-across-finish-line (date of access: 10.09.2025).

3. Armenia-Turkish Relations: Attempts at Normalization // Baku Dialogues. – 2023. – April 18. – URL: https://bakudialogues.idd.az/articles/armenia-turkiye-relations-18–04–2023 (accessed: September 10, 2025).

4. Armenian-Turkish Relations: Recent Developments and Diplomatic Engagements // media.am. – 2024. – URL: https://media.am/en/verified/2024/07/01/39826/ (accessed: September 10, 2025).

5. Armenia and Turkey are close to reaching full rapprochement // Turkey Analyst. – 2025. – URL: https://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/732-armenia-and-turkey-are-close-to-reaching-full-rapprochement.html (date of access: 10.09.2025).

6. Türkiye-Ermenistan normalleşmesine giden yol (The path to normalization of relations between Turkey and Armenia) // Anadolu Agency. – 2022. – URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiye-ermenistan-normallesmesine-giden-yol/2466810 (date of access: 10.09.2025).

7. Armenian-Turkish Relations: Development and Diplomatic Contacts // media.am. – 2024. – June 25. – URL: https://media.am/hy/verified/2024/06/25/39734/ (date of access: September 10, 2025).

8. Towards Peace through Ankara. Why Armenia is Seeking Normalization of Relations with Turkey // Carnegie Endowment for International Peace. – 2025. – June 29. – URL: https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/06/armenia-turkiye-rapprochement?lang=ru (date of access: September 10, 2025).

9. Turkish-Armenian Relations: Will the "Real Armenia" Prevail Over "Historical Armenia"? // Fikirturu.com. – 2025. – June 24. – URL: https://fikirturu.com/jeo-politika/turkiye-ermenistan-iliskileri-gercek/ (date of access: September 10, 2025).

10. Acts of Normality: The Potential for Turkey-Armenia Rapprochement // European Council on Foreign Relations. – 2022. – March 15. – URL: https://ecfr.eu/publication/acts-of-normality-the-potential-for-turkey-armenia-rapprochement/ (date accessed: 10.09.2025).

11. Competing Visions of International Order: Responses to US Power in a Fracturing World // Chatham House. – 2025. – March 27. – URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2025–03/2025–03–27-competing-visions-international-order-vinjamuri-et-al.pdf (date accessed: 10.09.2025).

12. Diplomacy for stability: Türkiye-Armenia thaw and its impact on Caucasus peace // Daily Sabah. – 2025. – July 1. – URL: https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/diplomacy-for-stability-turkiye-armenia-thaw-and-its-impact-on-caucasus-peace (date accessed: September 10, 2025).

13. South Korea begins removing loudspeakers on border with North Korea to reduce tensions // The Guardian. – 2025. – URL: https://www.theguardian.com/world/2025/aug/04/south-korea-removing-loudspeakers-north?utm_source=chatgpt.com (date of access: 10.09.2025).

14. Camp David Accords // Encyclopaedia Britannica. – 2025. – URL: https://www.britannica.com/event/Camp-David-Accords?utm_source=chatgpt.com (date of access: 10.09.2025).

От Аргентины до мира: эра Милея и глобализм либертарной идеи

Неклюдов Егор Вячеславович,
студент магистратуры, кафедра Тихоокеанской Азии, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований (ВИ-ШРМИ), Дальневосточный федеральный университет
E-mail: neklyudovegor1@gmail.com

Статья посвящена анализу президенства Хавьера Милея в Аргентине в контексте глобального распространения либертарных идей. Цель исследования – оценить практические результаты либертарных реформ, их влияние на внутриполитический ландшафт Аргентины и международный прорыночный дискурс. Методологическую основу составляют конструктивистская парадигма А. Вендта и методологический индивидуализм Л. Фон Мизеса в сочетании со сравнительным анализом публичных заявлений. Результаты показывают, что либертарные реформы привели к снижению годовой инфляции с 289% до 32%, достижению бюджетного профицита впервые за столетие и росту ВВП на 6,6; в 2024 году, однако сопровождались ростом безработицы и ослаблением потребления в краткосрочном периоде. Убедительная победа партии «La Libertad Avanza» (LLA, Свобода наступает) на промежуточных выборах октября 2025 года подтвердила мандат Милея на радикальные реформы и продемонстрировала устойчивость либертарной повестки. На международной арене аргентино-американский союз оформился в стратегическое партнёрство: страна вошла в «Совет мира» Трампа и провозгласила концепцию «века Америк». Сделан вывод о том, что Аргентина превратилась из реципиента внешних рецептов в экспортёра политических идей, а опыт Милея приобрёл значение глобального ориентира для прорынчоных движений.

Ключевые слова: Аргентина, Хавьер Милей, либертарианство, международные отношения, экономика, либертарный глобализм, реформы, внутренняя политика, выборы в Аргентине, «век Америк».

Введение

Современный мир переживает глубокий политический и экономический кризис, сопровождаемый радикальными трансформациями в странах либеральной демократии. Тотальная победа Республиканской партии США на выборах, рост популярности оппозиционных правых партий по всей Европе, около 9 стран с потенциально правым правительством (от AfD в Германии до Reform UK в Соединённом Королевстве). Эти изменения последовательно означают постепенное ослабление позиций леволиберального истеблишмента, а также появление новых политических лидеров, представляющих альтернативный прорыночный подход.

Одним из таких лидеров стал либертарианец Хавьер Милей, избрание которого президентом Аргентины 19 ноября 2023 года ознаменовало значительный сдвиг в восприятии либертарианства, как не только политико-экономической теории и правовой доктрины, но инструкции для антикризисного менеджмента, которая сейчас впервые используется на практике. Глава аргентинского Министерства дерегуляции Фредерико Штурцнеггер непосредственно консультировал Департамент правительственной эффективности (DOGE), созданного либертарианцами Илоном Маском и Вивеком Рамасвами при администрации Трампа [16]. Победа партии «LLA» на промежуточных выборах октября 2025 года с результатом свыше 40% в 15 из 24 провинций [17] утвердила мандат Милея на реформы, и подтвердила приверженность граждан либертарному курсу. Выступая 1 марта 2026 года перед Национальным конгрессом, Милей объявил создание «века Америк» и охарактеризовал союз с США как стратегическое партнёрство, выходящее за рамки экономической помощи» [5].

Актуальность исследования обусловлена тем, что аргентинский опыт реформ предлагает уникальную возможность оценить либертарные принципы на практике в условиях многолетнего экономического спада и политического кризиса. Научная значимость работы определяется её вкладом в изучение трансформаций либеральных демократий и механизмов глобального распространения политических идей.

Цель исследования – проанализировать президенство Хавьера Милея как первый в истории кейс практического применения либертарных принципов и изучить его влияние на международный прорыночный дискурс.

Задачи исследования» оценить ключевые реформы и их экономические результаты; исследовать внешнеполитический курс Аргентины при Милее, проанализировать промежуточные выборы 2025 года; рассмотреть концепцию «века Америк» и «Совет мира» как элементы либертарного глобализма.

Литературный обзор

Теоретическую основу исследования составляют труды классиков либертарной мысли и аналитические работы о современных политиечских трансформациях. Людвиг фон Мизес в «Human Action» сформулировал принципы методологического индивидуализма, объясняющие экономические и социальные явление через действия отдельных индивидов [18, с. 41]. Именно этот подход лежит в основе реформаторской философии Милея. Александр Вендт в «Social Theory of International Politics» разработал конструктивистскую парадигму, обосновывающую значимость идей в формировании интересов государств [27, с. 1]. Этот подход позволяет исследовать, как либертарные идеи через политические альянсы и институциональные заимствования распространяются глобально.

Среди аналитических работ особого внимания заслуживают несколько исследований. Р. Эван Эллис из Института Гордона (FIU) в работу, основанной на полевых интервью в Аргентине, характеризует ситуацию следующим образом: Милей «стремится переломить разворачивающийся экономический коллапс страны посредством мер «шоковой терапии», управляя при этом с политически неопытной партией меньшинства» [14].Аналитический центр OMFIF констатировал в 2024 году, что «успех либертарного эксперимента Милея зависит не только от его способности обеспечить восстановление реальной экономики, не раздувая инфляцию, но и от его возможности убедить инвесторов в способности формировать парламентское большинство» [25]. Институт Като в развёрнутом исследовании реформ подчёркивает, что дерегуляция «проводится в полном соответствии с аргентинским законодательством и демократическим процессом, что укрепляет её легитимность и популярность» [13].

Критическое измерение президенства Милея представлено в академической работе «¿Viva la Libertad?» (Sciences Po), где авторы фиксируют, что «избрание Милея представляет собой важный тектонический сдвиг в истории Аргентины», однако указывают на гибридный характер его идеологии, сочетающей либертарные и популистские элементы [12]. Аналитик института Мизеса констатирует, что «восхождение к власти первого открытого либертарианца воспринималось не только с воодушевлением, но и как момент истины – возможность показать всему миру, что нерегулируемый свободный рынок не только возможен, но и крайне благотворен для любого общества» [16]. Таким образом, аргентинский кейс в период президенства Милея уже стал предметом острых академических дискуссий с диаметрально противоположными оценками.

Материалы и методы

В исследовании используется смешанный методологический подход, объединяющий качественные и количественные методы. Исследовательская парадигма базируется на конструктивизме А. Вендта [27], признающем значимость идей и социальных взаимодействий в формировании идентичности государств, и методологическом индивидуализме Л. Фон Мизеса [18], объясняющем социальные явления через решения индивидов.

Количественная составляющая включает: экономический анализ макроэкономических показателей Аргентины до и после начала реформ (данные INDEC [15], МВФ, JP Morgan [9], UFM Reform Watch [16]). Качественная составляющая включает: контент-анализ публичных выступлений Милея, официальных документов и материалов СМИ; case study арегентиских реформ.

Источниковую базу составляют: официальная статистика INDEC и данные UFM Reform Watch [15;16]; публичные выступления Милея в Давосе [22] и перед Конгрессом [5]; материалы The Economist [6;24], СМИ [7;17;8;26]; аналитические материалы PIIE [11], Buenos Aires Herald [9], [16], FIU [17], OMFIF [25]; русскоязычные СМИ [2;3;4].

Ключевые ограничения: сложность изоляции конкретных мер на фоне множества факторов; незавершенность президентского срока.

Результаты

Реформы государственного управления

Реформы администрации Милея охватили все ключевые сферы государственного управления. Количество федеральных министерств сократилось с 19 до 9. Упразднены Министерство женщин, гендеров и разнообразия, Министерство социального развития, Министерство науки, технологий и инноваций, Министерство окружающей среды и устойчивого развития, Министерство туризма и спорта. Созданы новые интегрированные структуры – Министерство человеческого капитала (объединившее образование культуру и труд) и Министерство инфраструктуры. В июле 2024 года создано Министерство дерегуляции и государственной трансформации [16].

В государственном секторе сокращено около 30 тыс. должностей из намеченных 70 тыс. Отменены около 300 нормативных актов [23], включая ограничения на аренду жилья, которые строго регламентировали условия контрактов в нестабильном аргентинском песо. Упрощены долларовые операции. Открыта возможность приватизации YPF и Aerolineas Argentinas [16;23]. Институт Като характеризует ход дерегуляции как последовательный: «Министерство возглавило основную часть регуляторных реформ Милея на основании закона, наделившего президента полномочиями издавать дерегуляции декретом сроком на один год. Этот период истёк в июле, однако дерегуляция продолжается» [16].

В налоговой сфере Милей отменил, дал истечь или сократил около 22 видов федеральных налогов, преимущественно тех, что искажали производственные структуры и торговлю. Среди наиболее значимых мер – снижение экспортных пошлин в сельском хозяйстве и истечение срока действия Impuesto País – налога, достигавшего 30% на операции с иностранной валютой [16].

Экономические результаты реформ

Ключевые макроэкономические результаты реформ за два года работы президента-либертарианца свидетельствуют о значительном прогрессе в борьбе с главными хроническими недугами аргентинской экономики. Месячная инфляци снизилась с 25,5% (декабрь 2023) до 2,4% (ноябрь 2024) и до 1,5% (май 2025) – лучшего показателя за 17 лет. Годовая инфляция упала с 289% до 43,5% к середине 2025 года и продолжает снижаться [16;19]. Торговый баланс изменился с дефицита $7,94 млрд в 2023 году до рекордного профицита $18,9 млрд в 2024 году. Впервые за более чем столетие достигнут бюджетный профицит – за первые полгода расходы сократились на 31% [27].

Аналитик Независимого института суммирует макроэкономические достижение так: правительство Милея «превратило фискальный дефицит в 15% ВВП в профицит, сократило государственные расходы на 31% и снизило месячную инфляцию до одной десятой от прежнего уровня» [20;27]. Индекс странового риска JP Morgan снизился с 2000 до 641 пункта – лучший показатель с ноября 2018 года. Экономика выросла на 6,6% в в2024 году, а в первых кварталах 2025 года рост продолжился [10]. Уровень бедности снизился с 52,9% (первое полугодие 2024) до 38,1% (второе полугодие 2024): по данным UNICEF,1,7 млн детей вышли из состояния крайней бедности [26].

Вместе с тем UCL Rethinking Economics указывает на оборотную сторону успехов: «несмотря на ранний успех политики Милея, аргентинская экономика продолжала буксовать, а за снижением уровня бедности скрывался рост неравенства» [19]. Рост цен на транспорт и электроэнергию после отмены субсидий опережал заработные платы и пенсии. Как отмечает OMFIF, одно из самых критичных исследований, «рубящий подход Милея к ликвидации фискального дефицита привёл к глубокой рецессии и резкому росту уровня бедности», хотя «рейтинги одобрения президента оставались устойчивыми, а финансовые рынки демонстрировали оптимизм» [25].

Внутренняя политика и промежуточные выборы 2025 года

Второй год президенства стал решающим проверочным испытанием для либертарного курса. В сентябре 2025 года администрация столкнулась с валютным кризисом: резервы центрального банка истощались, а песо приближался к верхней границе управляемого диапазона. Рейтинг одобрения президента упал до 32%. Однако США предоставили Аргентине масштабную финансовую поддержку [4], недвусмысленно обозначив стратегическую ставку на победу Милея.

26 октября 2025 года партия «Свобода наступает» одержала безоговорочную победу на промежуточных парламентских выборах: рост представительства в Палате депутатов с 37 до 93–101 места в зависимости от финальных результатов подсчёта [8;17]. Перонистская оппозиция получила 31,6%. Как констатурет UCL Rethinking Economics, «несмотря на это, для части аргентинцев всё это не повлияло на их выбор: Хавьер Милей сумел привести свою партию LLA к ещё одной убедительной победе на промежуточных выборах» [26]. Теперь у Милея есть достаточно поддержки для преодоления президентского вето и реализации налоговых и трудовых реформ [8].

Структурные риски сохраняются: значительный внешний долг к погашению в 2026 году; внутреннее потребление остаётся слабым; зависимость от поддержки США создаёт уязвимости на фоне конкуренции с Китаем – крупнейшим торговым партнёром страны [11]. Институт Мизеса задаётся принципиальным вопросом о временном горизонте реформ: «Единственным реальным препятствием для устойчивого экономического роста является электоральный цикл: получит ли Милей и его программа реальной экономической свободы полный шанс не только на два года, но на целое десятилетие или дольше? Именно такой временной горизонт необходим для перехода к рыночной экономике» [21] [16].

Внешняя политика: от нейтралитета к «веку Америк»

При Милее Аргентина совершила радикальный внешнеполитический разворот от традиционного нейтралитета. Внутриполитический и экономический успех стал объектом мягкой силы и аргументом для прорыночных движений по всему миру. На форуме в Давосе (январь 2024 и 2026) Милей произнёс манифест против коллективизма: «Капитализм свободного предпринимательства является не только единственной возможной системой для устранения мировой бедности, но и единственной морально приемлемой» [22]. Немецкий аналитический центр SWP фиксирует, что «страна всё активнее дистанцируется от ключевых мировых политических проблем в области гендера, прав человека, изменения климата, социальной справедливости и здравоохранения, занимая новые позиции, противоречащие Повестке дня ООН на 2030 год» [28].

Ключевые элементы нового курса: отказ от вступления в БРИКС, непризнание итогов выборов Мадуро в Венесуэле; увольнение министра иностранных дел Дианы Мондино после голосования против США в ООН по вопросу Кубы [7]; выбор американских F-16 вместо китайских аналогов. Милей стал первым иностранным деятелем, принятым Трампом в резиденции в Мар-а-Лаго до инаугурации. Под руководством Илона Маска DOGE (ныне распущенный) реализует реформы, прямо вдохновленные аргентинским опытом [16;26].

Концептуальным оформлением этого альянса стала речь Милея 1 марта 2026 года: президент призвал к созданию «века Америк» и заявил: «Правительство Трампа пришло на помощь нашей стране не по экономическим причинам, а чтобы защитить нас от дестабили-

зирующего натиска» [5]. Аргентина обозначила своё место в блоке влияния США: «мир будет делиться на блоки влияния США, России и Китая» [2]. 19 февраля 2026 года Аргентина вошла в число членов «Совета мира» Трампа, задуманного как потенциальная альтернатива ООН [2, 3]. Проведение CPAC в Буэнос-Айресе закрепило за страной статус нового центра глобального прорыночного движения [26]. Милей также поддерживает очень плотные связи с прорыночными и с консервативными силами в Европе, с президентом Венгрии Виктором Орбаном, и премьер-министром Италии Джорджией Мелони.

Обсуждение

Полученные результаты демонстрируют принципиальное противоречие: либертарные реформы Милея дали ощутимые экономические плоды [6], однако достигнуты они ценой значительных социальных издержек. Это противоречие отражает фундаментальный разрыв между либертарной доктриной в её идеальном виде и политическим реализмом. Ханс-Херман Хоппе в сентябре 2024 года публично указал на несоответствие реформ доктрине: сохранены ценовые регуляции, не завершена приватизация, отсутствует децентрализация власти [3]. Ответ Милея сводится к позиции «вынужденного минархиста» – политика, идущего на компромиссы ради сохранения реформаторского курса.

С точки зрения конструктивистской парадгимы [27], особого внимания заслуживает международное измерение. Либертарная идея распространяется не через традиционное «мягкое влияние», а посредством прямых политических альянсов, финансовой поддержки и медиасетей. Масштабная финансовая помощь США накануне выборов 2025 года [4] и участие в «Совете мира» [3] свидетельствуют о том, что аргентино-американский союз приобрёл характер стратегического партнёрства. Концепция «века Америк» [5] и позиционирование Аргентины как «беспрекословного союзника» США [1, 3] означают, что страна впервые в истории выступает сознательным архитектором нового геополитического блока.

Это противоречит классическому либертарному антиинтервенционизму и порождает теоретическое напряжение. DOGE в США, вдохновлённый аргентинским министерством дерегуляции [16, 26], CPAC в Буэнос-Айресе [26] и победы правых партий в Европе формируют контуры «либертарного интернационала» – децентрализованной сети прорыночных сил. Аргентина в этой конфигурации выполняет функцию «доказательства концепции». Аналитики PIIE, однако, предупреждают о хрупкости монетарной конструкции и рисках для достигнутых успехов в 2026 году [11].

Заключение

Президенство Хавьера Милея представляет уникальный кейс для политический науки. Применение либертарных принципов в управлении суверенным государством, отражающиеся в парадоксальном выражении, произнесенном самим Милеем: «У власти президент ненавидящий государство как институт». Тем не менее, результатом стали: инфляция снизилась с 289% до 32%, достигнут первый за столетие бюджетный профицит, экономика выросла на 6,6% в 2024 году при сохраняющихся социальных издержках.

Промежуточные выборы октября 2025 года превратили аргентинский эксперимент в подтверждённую электоральную модель: убедительная победа с 40%+ голосов свидетельствует о том, что либертарная повестка способна сохранять поддержку даже в условиях реальных социальных трудностей. Концепция «века Америк» и участие в «Совете мира» оформили Аргентину как геополитического актора нового типа – совместного архитектора альтернативного мирового порядка вместе с США [5].

Главное теоретическое противоречие эры Милея – между декларируемым либертарным антиинтервенционизмом и прагматичным союзом с мировой державой – остаётся открытым. Критика Хоппе обнажает разрыв между доктринальным либертарианством и политическим реализмом [3]. Перспективы дальнейшего исследования связаны с долгосрочной оценкой экономической устойчивости реформ, мониторингом «либертарного интернационала» как нового феномена мировой политики и изучением трансформации принципа невмешательства в условиях формирования идеологических блоков.

Литература

1. «Беспрекословный союзник». Милей обозначил место Аргентины в блоке влияния США // СБ – Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/besprekoslovnyy-soyuznik-miley-oboznachil-mesto-argentiny-v-bloke-vliyaniya-ssha.html (дата обращения: 09.03.2026).

2. В США пройдёт первое заседание «Совета мира». Какие страны в него вошли // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/01/2026/6970b0e49a79477501482e7a (дата обращения: 10.03.2026).

3. Интервью Ханса-Хермана Хоппе о Хавьере Милее // Property and Freedom Society Youtube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=PN-MXW7rq7vA (дата обращения: 15.12.2025).

4. США предложили помощь Аргентине после неудачи партии Милея на выборах // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68d172f-f9a794705c11522b2 (дата обращения: 01.03.2026).

5. Милей открывает законодательный год своей самой резкой речью: «Воры, путчисты, убийцы»// Sudamerica. – URL: https://sudamerica.ru/argentina/dc3ccxmu4 (дата обращения: 10.03.2026).

6. An interview with Javier Milei, Argentina's president // The Economist. – URL: https://www.economist.com/the-americas/2024/11/28/an-interview-with-javier-milei-argentinas-president (дата обращения: 15.12.2025).

7. Argentina fires foreign minister Mondino after UN Cuba vote // BBC News. – URL: https://www.bbc.com/news/articles/argentina-mondino-fired-cuba-un (дата обращения: 07.03.2026).

8. Argentina's President Javier Milei wins midterm elections // Euronews. – URL: https://www.euronews.com/2025/10/27/argentinas-javier-milei-and-his-far-right-party-win-midterm-elections-closely-watched-by-w (дата обращения: 14.03.2025).

9. Argentina's country risk drops to five-year low // Buenos Aires Herald. – URL: https://buenosairesherald.com/economics/argentinas-country-risk-drops-to-five-year-low (дата обращения: 20.12.2025).

10. Argentina's economy sees year-on-year growth following Milei's austerity measures // Argentina Reports. – URL: https://argentinareports.com/ (дата обращения: 14.03.2026).

11. Argentina's fragile monetary framework risks renewed volatility // Peterson Institute for International Economics. – URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2026/argentinas-fragile-monetary-framework-risks-renewed-volatility (дата обращения: 10.03.2026).

12. INDEC–Instituto Nacional de Estadística y Censos. – URL: https://www.indec.gob.ar/ (дата обращения: 24.11.2025).

13. Milei Reform Watch 2023–2027 // Universidad Francisco Marroquín. – URL: https://milei.ufm.edu/en/ (дата обращения: 20.12.2025).

14. Milei triumphs in Argentine midterm elections closely watched by Washington // NPR. – URL: https://www.npr.org/2025/10/27/g-s1–95158/milei-triumphs-argentine-midterm-elections (дата обращения: 14.03.2026).

15. Mises L. Human Action: A Treatise on Economics. – Auburn: Ludwig von Mises Institute, 1998. – 907 p.

16. Special address by Javier Milei, President of Argentina | Davos 2024 // World Economic Forum Youtube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Pfcd0gWNIog (дата обращения: 12.12.2025).

17. The DNU of Javier Milei, which will bring about key changes, has come into effect // ABC Mundial. – URL: https://abcmundal.com/en/2023/12/29/ (дата обращения: 20.12.2025).

18. The Economist. Javier Milei would be a danger for democracy in Argentina // X (Twitter). – URL: https://x.com/TheEconomist/status/1700052303204540701 (дата обращения: 21.12.2025).

19. Trump's Allies Go Global: 'Make Argentina Great Again' // The New York Times. – URL: https://www.nytimes.com/2024/12/06/us/politics/cpac-argentina-trump-milei.html (дата обращения: 20.12.2025).

20. Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

21. Edwards S., Faundez-Zaldivar F. Liberty versus power in Milei's Argentina // Cato Institute Free Society. – Fall 2025. – URL: https://www.cato.org/free-society/fall-2025/liberty-versus-power-mileis-argentina (дата обращения: 12.03.2026).

22. Ellis R.E. Argentina Political and Economic Challenges // FIU Jack D. Gordon Institute for Public Policy. – March 11, 2024. – URL: https://gordoninstitute.fiu.edu/news-events/the-policy-spotlight/2024/argentina-political-and-economic-challenges.html (дата обращения: 05.03.2026).

23. Torres H. Argentina's libertarian experiment: 'Mileinomics' thrives, but 'Mileipolitics' falters // OMFIF. – March 28, 2024. – URL: https://www.omfif.org/2024/03/argentinas-libertarian-experiment-mileinomics-thrives-but-mileipolitics-falters/ (дата обращения: 07.03.2026).

24. Biondi L. ¿Viva la Libertad? A Critical Analysis of Javier Milei's Libertarian Populism // Sciences Po OPALC. – 2024. – URL: https://www.sciencespo.fr/opalc/sites/sciencespo.fr.opalc/files/Biondi,%20Milei.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

25. Salin P. Argentina's Rocky Road to Economic Freedom // Mises Institute. – December 15, 2025. – URL: https://mises.org/mises-wire/argentinas-rocky-road-economic-freedom (дата обращения: 14.03.2026).

26. Zilla C. Javier Milei's ideology and policy // Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP). – SWP Comment No. 37, September 2024. – URL:

https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2024C37_Milei_Argentina.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

FROM ARGENTINA TO THE WORLD: THE MILEY ERA AND THE GLOBALISM OF THE LIBERTARIAN IDEA

Neklyudov E.V.
Far Eastern Federal University

The article is devoted to the analysis of Javier Miley's presidency in Argentina in the context of the global spread of libertarian ideas. The purpose of the study is to evaluate the practical results of libertarian reforms, their impact on the domestic political landscape of Argentina and the international pro–market discourse. The methodological basis is based on the constructivist paradigm of A. Wendt and the methodological individualism of L. Von Mises in combination with a comparative analysis of public statements. The results show that the libertarian reforms led to a decrease in annual inflation from 289% to 32%, the achievement of a budget surplus for the first time in a century and a 6.6% increase in GDP in 2024, but were accompanied by an increase in unemployment and a weakening of consumption in the short term. The convincing victory of the La Libertad Avanza party (LLA, Freedom is coming) In the midterm elections of October 2025, she confirmed Miley's mandate for radical reforms and demonstrated the sustainability of the libertarian agenda. In the international arena, the Argentine-American alliance has developed into a strategic partnership: the country joined Trump's "Peace Council" and proclaimed the concept of the "century of the Americas." It is concluded that Argentina has transformed from a recipient of external prescriptions into an exporter of political ideas, and Miley's experience has become a global reference point for pro-market movements.

Keywords: Argentina, Javier Miley, libertarianism, international relations, economics, libertarian globalism, reforms, domestic politics, elections in Argentina, the "century of the Americas".

References

1. "An unquestioning ally." Miley outlined Argentina's place in the US influence bloc // SB – Belarus Today. – URL: https://www.sb.by/articles/besprekoslovnyy-soyuznik-miley-oboznachil-mesto-argentiny-v-bloke-vliyaniya-ssha.html (accessed: 09.03.2026).

2. The first meeting of the "Peace Council" will be held in the USA. Which countries are included // RBC. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/01/2026/6970b0e-49a79477501482e7a (accessed: 10.03.2026).

3. Hans-Hermann Hoppe's interview with Javier Miley // Property and Freedom Society YouTube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=PNMXW7rq7vA (date accessed: 15.12.2025).

4. The US offered assistance to Argentina after Milei's party's failure in the elections // RBC. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68d172ff9a794705c11522b2 (date accessed: 01.03.2026).

5. Milei opens the legislative year with his most harsh speech: "Thieves, putschists, murderers" // Sudamerica. – URL: https://sudamerica.ru/argentina/dc3ccxmu4 (date accessed: 10.03.2026).

6. An interview with Javier Milei, Argentina's president // The Economist. – URL: https://www.economist.com/the-americas/2024/11/28/an-interview-with-javier-milei-argentinas-president (date accessed: 15.12.2025).

7. Argentina fires foreign minister Mondino after UN Cuba vote // BBC News. – URL: https://www.bbc.com/news/articles/argentina-mondino-fired-cuba-un (date accessed: 07.03.2026).

8. Argentina's President Javier Milei wins midterm elections // Euronews. – URL: https://www.euronews.com/2025/10/27/argentinas-javier-milei-and-his-far-right-party-win-midterm-elections-closely-watched-by-w (date accessed: 14.03.2025).

9. Argentina's country risk drops to five-year low // Buenos Aires Herald. – URL: https://buenosairesherald.com/economics/argentinas-country-risk-drops-to-five-year-low (date accessed: 20.12.2025).

10. Argentina's economy sees year-on-year growth following Milei's austerity measures // Argentina Reports. – URL: https://argentinareports.com/ (date accessed: 14.03.2026).

11. Argentina's fragile monetary framework risks renewed volatility // Peterson Institute for International Economics. – URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2026/argentinas-fragile-monetary-framework-risks-renewed-volatility (date accessed: 10.03.2026).

12. INDEC–Instituto Nacional de Estadística y Censos. – URL: https://www.indec.gob.ar/ (date of access: 24.11.2025).

13. Milei Reform Watch 2023–2027 // Universidad Francisco Marroquín. – URL: https://milei.ufm.edu/en/ (date of access: 20.12.2025).

14. Milei triumphs in Argentina midterm elections closely watched by Washington // NPR. – URL: https://www.npr.org/2025/10/27/g-s1–95158/milei-triumphs-argentine-midterm-elections (date of access: 14.03.2026).

15. Mises L. Human Action: A Treatise on Economics. – Auburn: Ludwig von Mises Institute, 1998. – 907 p.

16. Special address by Javier Milei, President of Argentina | Davos 2024 // World Economic Forum Youtube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Pfcd0gWNIog (access date: 12/12/2025).

17. The DNU of Javier Milei, which will bring about key changes, has come into effect // ABC Mundial. – URL: https://abcmundal.com/en/2023/12/29/ (access date: 12/20/2025).

18. The Economist. Javier Milei would be a danger for democracy in Argentina // X (Twitter). – URL: https://x.com/TheEconomist/status/1700052303204540701 (access date: 12/21/2025).

19. Trump's Allies Go Global: 'Make Argentina Great Again' // The New York Times. – URL: https://www.nytimes.com/2024/12/06/us/politics/cpac-argentina-trump-milei.html (accessed 12/20/2025).

20. Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

21. Edwards S., Faundez-Zaldivar F. Liberty versus power in Milei's Argentina // Cato Institute Free Society. – Fall 2025. – URL: https://www.cato.org/free-society/fall-2025/liberty-versus-power-mileis-argentina (access date: 03/12/2026).

22. Ellis R.E. Argentina Political and Economic Challenges // FIU Jack D. Gordon Institute for Public Policy. – March 11, 2024. – URL: https://gordoninstitute.fiu.edu/news-events/the-policy-spotlight/2024/argentina-political-and-economic-challenges.html (access date: 03/05/2026).

23. Torres H. Argentina's libertarian experiment: 'Mileinomics' thrives, but 'Mileipolitics' falters // OMFIF. – March 28, 2024. – URL: https://www.omfif.org/2024/03/argentinas-libertarian-experiment-mileinomics-thrives-but-mileipolitics-falters/ (access date: 03/07/2026).

24. Biondi L. ¿Viva la Libertad? A Critical Analysis of Javier Milei's Libertarian Populism // Sciences Po OPALC. – 2024. – URL: https://www.sciencespo.fr/opalc/sites/sciencespo.fr.opalc/files/Biondi,%20Milei.pdf (access date: 03/01/2026).

25. Salin P. Argentina's Rocky Road to Economic Freedom // Mises Institute. – December 15, 2025. – URL: https://mises.org/mises-wire/argentinas-rocky-road-economic-freedom (accessed: March 14, 2026).

26. Zilla C. Javier Milei's Ideology and Policy // Stiftung Wissenschaft und Politik(SWP). – SWP Comment No. 37, September 2024. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2024C37_Milei_Argentina.pdf (accessed: 03.03.2026).

Киберспорт как пространство международного взаимодействия: опыт России, Саудовской Аравии и Нигерии

Ола А. Эльшериф,
Преподаватель, соискатель (кандидат наук), Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: Oel-sherif@yandex.ru

В статье исследуются организационные модели управления студенческим киберспортом в России, Саудовской Аравии и Нигерии сквозь призму их потенциала как инструмента цифровой дипломатии. Опираясь на методологию сравнительного институционального анализа и теоретическое наследие концепции «мягкой силы», дополненной идеалами олимпизма, автор предлагает взглянуть на киберспорт не только как на соревновательную среду, но и как на пространство межкультурного диалога. В результате выделены три самобытные модели: российская – многосторонняя, построенная на взаимодействии различных акторов; саудовская – централизованная, отражающая стратегический курс государства на спортивную экспансию; и нигерийская – двойственная, находящаяся в стадии становления и сочетающая государственные и частные инициативы. Прослеживается отчетливая связь между объемом финансирования, степенью централизации и динамикой выхода студенческих лиг на международную арену. В финале статьи обосновывается идея о том, что стратегическое партнерство трех стран способно не только укрепить их позиции в глобальном киберспортивном движении, но и придать новый импульс развитию цифровой дипломатии в целом.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, студенческий киберспорт, организационные модели, Россия, Саудовская Аравия, Нигерия.

Введение

В современной системе международных отношений спорт традиционно рассматривается как эффективный инструмент «мягкой силы» и дипломатического влияния. Как отмечает Дж. Най, способность государства привлекать и убеждать через культуру, ценности и политику становится не менее важной, чем военное или экономическое принуждение [21]. С развитием цифровых технологий формируется новое направление дипломатии – цифровая дипломатия, в рамках которого киберспорт приобретает особое значение. Поскольку долгосрочное дипломатическое влияние опирается главным образом на молодежь, роль студенческого киберспорта проявляется как перспективный сектор для работы с этой аудиторией [2].

Основатель современного олимпийского движения Пьер де Кубертен видел в спорте не инструмент геополитического влияния, а средство гармоничного развития человека и установления мирных отношений между народами [21]. Это подтверждается и резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 48/11, которая гласит, что «цель олимпийского движения – построение мирного и лучшего мира путем воспитания молодежи средствами спорта, практикуемого без дискриминации и в олимпийском духе, который требует взаимопонимания, дружбы, солидарности и честной игры» [22]. Поэтому в данном контексте анализ организационных моделей студенческого киберспорта требует оценки того, насколько они способствуют реализации этих гуманистических идеалов, а не только удовлетворению национальных амбиций.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, быстрым и заметным ростом киберспорта на международной арене, особенно в части вовлеченности спортсменок в период 2021–2024 годов [2]; во-вторых, существованием различных национальных моделей управления киберспортом, что требует проведения сравнительного анализа; в-третьих, геополитической значимостью некоторых стран для развития этих видов спорта. Соответственно, цель данной статьи – выявить особенности организационных моделей управления студенческим киберспортом в России, Саудовской Аравии и Нигерии, оценить их соответствие олимпийским идеалам, а также определить их роль как инструмента цифровой дипломатии. Выбор данных стран обусловлен их активной политикой в сфере киберспорта и различием их геополитических контекстов.

Материалы и методы

Исследование основано на методологии сравнительного институционального анализа, интегрирующего структурный анализ (организационное картирование) и критериальный сравнительный анализ. Данный подход широко применяется в управленческих науках для изучения организационных структур и их влияния на результативность [14, 21].

Теоретической рамкой выступает концепция» мягкой силы» Джозефа С. Най [21], дополненная идеалами олимпизма, закрепленными в Олимпийской хартии Международного олимпийского комитета [14]. В хартии сформулированы шесть основополагающих принципов олимпизма.

1. Первый принцип определяет олимпизм как философию жизни, соединяющую спорт с культурой и образованием.
2. Второй провозглашает целью олимпизма служение гармоничному развитию человека и мирному обществу.
3. Третий подчеркивает универсальный и организованный характер олимпийского движения.
4. Четвертый закрепляет право на занятие спортом без дискриминации.
5. Пятый касается автономии и ответственности спортивных организаций.
6. Шестой запрещает любые формы дискриминации [14, с. 11–12].

Исходя из этих принципов, для целей настоящего исследования были выделены три критерия оценки, позволяющие перевести абстрактные идеалы в измеримые показатели.

- **Доступность и инклюзивность (Принципы 4 и 6**) – данный критерий позволяет оценить охват различных социальных групп и наличие необходимой инфраструктуры.

• **Образовательная и гуманистическая направленность (Принципы 1 и 2)** – фокус здесь на том, насколько киберспорт интегрирован в образовательный процесс и выполняет воспитательные функции.
• **Содействие международному взаимопониманию (Принципы 2 и 3)** – этот критерий показывает, как модель выстраивает международные связи и участвует в глобальных структурах.

Источниковая база исследования включает официальные сайты спортивных федераций, публикации в СМИ за 2024–2026 годы, научные работы по проблемам цифровой дипломатии и студенческого спорта, а также институциональные документы организаций, действующих в России, Саудовской Аравии и Нигерии.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ позволяет выделить три различные модели, каждая из которых отражает национальную специфику подходов к управлению студенческим киберспортом. При этом характер финансирования выступает ключевым фактором, определяющим скорость достижения заявленных целей.

Российская модель. Российская «многосторонняя модель управления» характеризуется участием нескольких структур: ФКС России, РССС, РОССТУДСПОРТ, АССК России и ВКСЛ (рис. 1). Преимуществом данной модели является институциональная устойчивость и четкое разделение функций, что обеспечивает стабильное функционирование системы. Федерация компьютерного спорта России основана в 2000 году [12].

Согласно данным ВКСЛ, в лиге участвуют 254 вуза [5, с. 450]. На университетском уровне функционируют студенческие киберспортивные клубы; в качестве примеров можно привести клуб «Кибервзона МАУ» в Мурманском арктическом университете (самый северный регион), «Exergium» в НИУ «МЭИ» (ведущий технический вуз) и ITMO. STUDIO в Университете ИТМО (один из наиболее известных клубов) [3, 4, 15]. Согласно исследованию Алейникова [1], такие клубы играют ключевую роль в формировании «киберспортивной культуры», объединяя игроков разного уровня [1, с. 95–98].

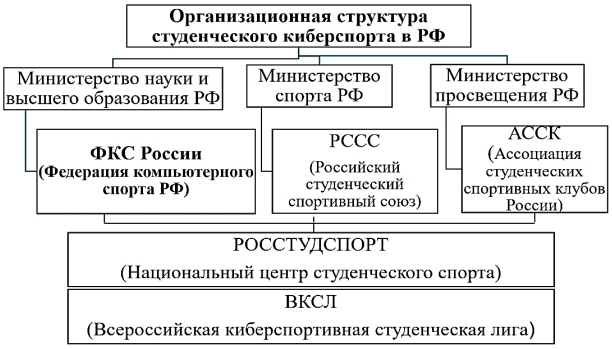

Рис. 1. Организационная структура управления студенческим киберспортом в Российской Федерации

Многосторонний характер модели предполагает определенную сложность координации между четырьмя структурами. Сравнительно ограниченное финансирование отражается на темпах развития. Данные особенности объясняют, почему международные связи России в студенческом киберспорте развиваются преимущественно на региональном уровне – в рамках СНГ, БРИКС и ШОС, что подтверждается приоритетами, зафиксированными на стратегической сессии «РОССТУДСПОРТ: Белые Ночи» [5].

Саудовская модель. В Саудовской Аравии реализуется «централизованная унифицированная модель», в рамках которой Саудовская федерация киберспорта (SEF) управляет всеми возрастными категориями [6] (см. рисунок 2). Ключевыми преимуществами выступают высокая скорость принятия решений и масштабные государственные инвестиции через группу Savvy Games Group [13], что позволило провести Кубок мира по киберспорту 2024 и получить право на Олимпийские игры по киберспорту 2027 [13] (рис. 2). Согласно отчету SEF, федерация охватывает 1.2 млн учащихся из 2200 школ и 38 университетов [6, с. 23].

На университетском уровне действуют разнообразные студенческие инициативы. Университет принцессы Нуры (PNU) – крупнейший женский университет мира демонстрирует лидерство в женском киберспорте: его команда заняла первое место в чемпионате среди 25 университетов [8]. Университет короля Фахда для нефти и минералов (KFUPM) организовал KFUPM Gaming+, первый профессиональный ивент с участием 2500 посетителей и 30 студий разработки [10]. Университет Аль-Джуф (Jouf University) в северном регионе провел турнир, организованный Деканатом по делам студентов [9]. В Саудовском электронном университете (SEU) также действует студенческий клуб E-Sports & Gaming Club, предоставляющий студентам возможности для участия в киберспортивных мероприятиях и развития в этой сфере [11]. Хотя официального реестра студенческих киберспортивных клубов в Саудовской Аравии не существует, участие 38 университетов в лигах SEF свидетельствует о растущей институционализации [6].

Рис. 2. Организационная структура управления студенческим киберспортом в Саудовской Аравии

Нигерийская модель. В Нигерии формируется «двойная формирующаяся модель», где недавно созданная национальная федерация (NESF) сотрудничает с традиционной университетской спортивной ассоциацией (NUGA) [16] (рис. 3). Основным преимуществом выступает колоссальный демографический потенциал: 46,6 млн активных пользователей, 90% из которых используют мобильные устройства [20]. Первым шагом к институционализации стал запуск проекта «Campus Clutch», охватывающего университетскую аудиторию [13]. Показательно включение киберспортивных дисциплин в официальные школьные турниры [12]. На международной арене Нигерия играет заметную роль, являясь лидером в Африканской федерации киберспорта и развивая партнерство с Саудовской Аравией [6, 20].

Рис. 3. Организационная структура управления студенческим киберспортом в Нигерии

Однако, в отличие от России и Саудовской Аравии, в Нигерии отсутствуют официальные студенческие киберспортивные клубы при университетах. Как отмечает доктор Остин Вонтепага Лугутера – заведующий кафедрой физического воспитания и спорта Университета Ганы и президент Африканской конфедерации волейбола [17] «институциональная инфраструктура университетского киберспорта в странах Африки к югу от Сахары находится в зачаточном состоянии» [17, с. 158]. Вместо университетских клубов развитие инициируется частными компаниями: проект «Campus Clutch» (Nexal Gaming) представляет собой серию турниров для университетской аудитории, но не опирается на постоянную клубную инфраструктуру [20]. Отсутствие целевого государственного финансирования и слабость институциональной организации ограничивают реализацию имеющегося потенциала.

Выявленные организационные модели представляют собой различные подходы к использованию спорта как инструмента цифровой дипломатии. При сопоставлении с данными международных исследований обнаруживаются как общие закономерности, так и уникальные особенности.

Обращаясь к типологии, предложенной Joseph и соавторами [16], можно выделить несколько ключевых моделей управления киберспортом: корейскую, интегрированную с волной K-pop; китайскую, основанную на государственном контроле и платформенном суверенитете; американскую, где доминируют корпоративные интересы; и индийскую, ориентированную на цифровую модернизацию. В этом контексте российская «многосторонняя модель» обнаруживает определенное сходство с индийской – прежде всего в фрагментации управления, однако уровень координации между структурами в России заметно выше [16].

Не менее важным представляется исследование Лугутеры [17], посвященное геополитическим последствиям киберспорта в Африке. Как справедливо отмечает автор, нигерийская модель сталкивается с вызовами, типичными для континента: зависимость от мобильных платформ и слабость институциональной инфраструктуры [17]. Существенным дополнением к эмпирической базе служит отчет Maliyo Games [20], фиксирующий впечатляющие показатели нигерийского рынка: 46.6 млн активных пользователей, причем 90% из них играют на мобильных устройствах [20]. Показательно, что эти данные активно цитируются в исследовательской литературе [16, 17]. Для наглядного сопоставления трех моделей по выделенным критериям обратимся к сводной таблице (см. табл. 1).

Если теперь взглянуть на три модели сквозь призму выделенных критериев, опираясь на данные таблицы 1, можно заметить интересные закономерности. Начнем с доступности и инклюзивности. Здесь наибольший потенциал, безусловно, у нигерийской модели – прежде всего благодаря опоре на мобильные технологии, которые обеспечивают широкий охват аудитории. Однако, как подчеркивает Лугутера [17], отсутствие институциональной инфраструктуры серьезно ограничивает реализацию этого потенциала. Саудовская модель, напротив, демонстрирует впечатляющие успехи в развитии женского киберспорта – факт, особенно значимый в свете принципа недискриминации, заложенного в Олимпийской хартии. Российская же модель обеспечивает сбалансированную доступность через разветвленную систему студенческих клубов, которые, как показано в исследовании Алейникова [1], играют ключевую роль в формировании «киберспортивной культуры».

Не менее интересная картина складывается в контексте образовательной направленности. Здесь российская модель явно лидирует: глубокая интеграция киберспорта в университетскую структуру через официальные клубы полностью соответствует принципу соединения спорта с культурой и образованием, провозглашенному еще Пьером де Кубертеном [14]. Саудовская модель ориентирована иначе, здесь киберспорт рассматривается прежде всего как трамплин для профессиональной карьеры, что логично вписывается в стратегию экономической диверсификации «Видения 2030» [13]. Что касается Нигерии, то при всей перспективности инициативы «Campus Clutch» [20], отсутствие внятной образовательной политики на государственном уровне сводит на нет многие начинания [17]. Создается впечатление, что страна обладает колоссальным ресурсом, но не имеет механизмов для его эффективного использования в образовательных целях.

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей студенческого киберспорта по критериям олимпизма

Критерий	Россия	Саудовская Аравия	Нигерия
Доступность и инклюзивность	Рост числа женщин-спортсменок на 119% (2021–2024) [5], система студенческих клубов в вузах (примеры: МАУ, МЭИ, ИТМО) [3, 4, 15], ВКСЛ объединяет 254 вуза [5, с. 450]	Активное развитие женского киберспорта: команда PNU заняла 1 место в чемпионате среди 25 университетов [8], охват 1.2 млн учащихся и 38 университетов [6, с. 23]; инициативы в KFUPM (KFUPM Gaming+ с 2500+ участников) [10] и Jouf University (региональный турнир) [9]	46.6 млн активных пользователей, 90% через мобильные устройства [20], высокая потенциальная доступность, но отсутствие институциональной инфраструктуры [17]
Образовательная и гуманистическая направленность	Интеграция через студенческие клубы, включенные во внеучебную деятельность, клубы формируют киберспортивную культуру [1]	Программа Game Art в PNU [7], ориентация на профессиональный спорт и выявление талантов в рамках «Видения 2030» [13]	Инициатива «Campus Clutch» [20], включение в школьные турниры [12], отсутствие системной образовательной политики [17]
Содействие международному взаимопониманию	Региональные связи в рамках СНГ, БРИКС, ШОС [5], опыт работы с африканскими студентами (Курский ГМУ) [16]	Глобальное присутствие через Кубок мира 2024 и Олимпийские игры 2027 [13]; членство принца Фейсала в исполкоме IESF [16]	Лидерство в Африканской федерации киберспорта; партнерство с Саудовской Аравией [20,16]

Наиболее показательным, пожалуй, представляется критерий международного взаимопонимания. Саудовская модель обеспечивает наиболее широкое глобальное присутствие – не в последнюю очередь благодаря проведению мега-событий (Кубок мира 2024, Олимпийские игры 2027) и членству в руководящих структурах IESF [16]. Российская модель, напротив, делает ставку на региональные связи в рамках альтернативных западным объединений (БРИКС, ШОС), а также на работу с африканскими студентами [16]. Нигерия, используя лидерство в Африканской федерации киберспорта и партнерство с Саудовской Аравией [20], выступает своего рода мостом между Африкой и Ближним Востоком. Закономерно, что более высокая степень централизации и масштабные государственные инвестиции, характерные для саудовской модели, способствуют ускоренному выходу на глобальную арену, тогда как многосторонняя модель России обеспечивает устойчивое региональное лидерство.

Возвращаясь к нигерийскому кейсу – он заслуживает отдельного внимания. Зафиксированное в разделе результатов отсутствие официальных студенческих киберспортивных клубов требует интерпретации. С точки зрения критерия доступности, огромная база мобильных игроков создает колоссальный потенциал, однако отсутствие институциональной инфраструктуры препятствует превращению этого потенциала в организованную спортивную практику. Как точно формулирует Лугутера [17], «без институциональных структур, таких как университетские клубы или федерации, игроки остаются на уровне неорганизованного досуга» [17, с. 162]. С позиций образовательной направленности, отсутствие клубной структуры означает, что киберспорт в Нигерии не интегрирован в образовательный процесс и не выполняет воспитательных функций – в отличие от российской модели, где клубы служат площадкой для формирования «киберспортивной культуры» [1]. Таким образом, нигерийский случай наглядно демонстрирует: демографический потенциал сам по себе недостаточен для реализации идеалов олимпизма – необходима институциональная организация, которая превращает стихийную активность в системную практику.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, выявленные организационные модели отражают национальные подходы к управлению студенческим киберспортом. Российская «многосторонняя модель» демонстрирует институциональную устойчивость и формирование академически подготовленной базы участников, однако сложность координации между структурами и ограниченное финансирование предопределяют преимущественно региональный характер международных связей. Саудовская «централизованная унифицированная модель» благодаря масштабным государственным инвестициям и высокой скорости принятия решений обеспечивает глобальное присутствие, широкий охват аудитории и развитие женского киберспорта, но характеризуется высокой зависимостью от государственного финансирования. Нигерийская «двойная формирующаяся модель» обладает колоссальным демографическим потенциалом и демонстрирует первые шаги к институционализации, однако отсутствие государственного финансирования и слабость институциональной организации ограничивают реализацию данного потенциала.

Во-вторых, оценка моделей по критериям, выведенным из идеалов олимпизма, показывает, что каждая из них имеет как достижения, так и ограничения с точки зрения доступности, образовательной направленности и содействия международному взаимопониманию. Инструментализация киберспорта в геополитических целях создает риски отхода от гуманистических ценностей спортивного движения.

В-третьих, установлена прямая зависимость между объемом финансирования, степенью централизации и скоростью достижения международных целей. При этом важным фактором становится выбор цифровых платформ: интеграция в глобальные экосистемы (саудовский подход) обеспечивает быстрое международное признание, развитие национальных платформ (российский подход) способствует цифровому суверенитету, а опора на мобильные технологии (нигерийский подход) расширяет доступность.

В-четвертых, интеграция трех моделей представляет стратегическую возможность: организационный опыт России, инвестиционные возможности Саудовской Аравии и демографический потенциал Нигерии могут создать влиятельный альянс в цифровой спортивной дипломатии, охватывающий Евразию, Западную Азию и Африку.

Литература

1. Алейников Н.С. Спортификация любительских соревновательных компьютерных игр: кейс студенческого киберспортивного клуба // Социология власти. – 2025. – Т. 37, № 2. – С. 91–113.

2. Жданович Д.О. Современное состояние развития компьютерного спорта среди студенческой молодежи в Российской Федерации // Физическое воспитание и студенческий спорт. – 2025. – Т. 4, вып. 4. – С. 366–377.

3. Мурманский арктический университет. Студенческое объединение «Киберзона МАУ» [Электронный ресурс]. – 2025. URL: https://mauniver.ru/student/community/cyberzonemau/about/ (дата обращения: 20.02.2026).

4. НИУ «МЭИ». Киберклуб МЭИ [Электронный ресурс]. – 2024. URL: https://mpei.ru/Structure/public_organizations/cyber/Pages/default.aspx (дата обращения: 20.02.2026).

5. Стороженко Ю.М., Еремина Е.А., Ольховский Р.М. Стратегическая сессия «РОССТУДСПОРТ: Белые Ночи» (19–20 июня 2025 года, Санкт-Петербург, Университет ИТМО) // Физическое воспитание и студенческий спорт. – 2025. – Т. 4, вып. 4. – С. 449–456.

6. الاتحاد السعودي للرياضات الإلكترونية. التقرير السنوي 2023: ومن الرياضات الإلكترونية في المملكة العربية السعودية [Саудовская федерация киберспорта. Годовой отчет 2023: развитие киберспорта в Королевстве Саудовская Аравия]. – Эр-Рияд: SEF, 2023. – 45 с. (дата обращения: 21.02.2026).

7. BroadcastPro ME. Savvy تتعاون مع نجمة الأمم القادمة لدعم فريق جامعة نورة بنت عبد الرحمن في بطولة الروبوت الطبية [BroadcastPro ME. Savvy сотрудничает с Университетом принцессы Норы для запуска программы обучения женскому геймингу] // BroadcastPro ME. – 2026. – 3 февр. – URL: https://www.broadcastprome.com/ (дата обращения: 21.02.2026).

8. جامعة الأمير سطام بن عبد العزيز تستضيف بطولة فجوة الجامعات للرياضات الإلكترونية بمشاركة 16 جامعة سعودية [Университет принцессы Норы бинт Абдулрахман. Команда Университета принцессы Норы выиграла чемпионат Саудовской федерации университетского спорта по женскому киберспорту] // المركز الإعلامي لجامعة الأمير نورة [Пресс-центр Университета принцессы Норы]. – 2026. – URL: https://www.pnu.edu.sa/ (дата обращения: 22.02.2026).

9. جامعة فجوة. جامعة فجوة تستضيف بطولة سطام الأولى للرياضات الإلكترونية بمشاركة 16 جامعة سعودية [Университет Аль-Джауф. Университет Аль-Джауф организует комплексный спортивный турнир по боулингу, бильярду и киберспорту для повышения качества жизни в кампусе]. – 2025. – يوليو [июль]. – URL: https://ju.edu.sa/ (дата обращения: 20.02.2026).

10. جامعة الملك فهد للبترول والمعادن. KFUPM Gaming+ تجمع مجتمع الرياضات الإلكترونية السعودي [Университет короля Фахда для нефти и минералов. KFUPM Gaming+ объединяет саудовское геймерское сообщество]. – 2024. – ديسمبر [декабрь]. – URL: https://news.kfupm.edu.sa/ (дата обращения: 22.02.2026).

11. الجامعة السعودية الإلكترونية. التسجيل في الأندية الطلابية: دليل الرياضات الإلكترونية والألعاب [Саудовский электронный университет. Регистрация в студенческих клубах: Клуб киберспорта и игр]. – 2025. – سبتمبر [сентябрь]. – URL: https://seu.edu.sa/ (дата обращения: 21.02.2026).

12. Championat. Как это было: киберспорту в России наступило 25 лет [Electronic resource]. – 2025. – 23 March. – URL: https://www.championat.com/ (дата обращения: 28.06.2025).

13. HMCO. The Rise of the Gaming Industry in Saudi Arabia [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://hmco.com/ (дата обращения: 07.12.2025).

14. International Olympic Committee. Olympic Charter. – Lausanne: IOC, 2023. – 108 p.

15. ITMO University. ITMO.STUDIO: Student club for game development and esports [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://itmo.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

16. Joseph, J., Sharma, A., Kumar, R. Esports as soft power diplomacy: a comparative review of South Korea, China, the United States, and India // Frontiers in Communication. – 2026. – Vol. 10. – Article 1701876. – DOI: 10.3389/fcomm.2026.1701876.

17. Luguterah, A.W. Geopolitical Implications of E-Sports // Games and Culture. – 2025. – Vol. 20, Issue 2. – P. 145–168. – DOI: 10.1177/15554120251345678.

18. Maliyo Games. Nigeria Gaming & Esports Report 2025 [Electronic resource]. – 2025. – November. – URL: https://maliyo.com/report2025 (дата обращения: 05.12.2025).

19. Muller, N., ed. Pierre de Coubertin, 1863–1937: Olympism: Selected Writings. – Lausanne: International Olympic Committee, 2004. – 864 p.

20. Nexal Gaming. Campus Clutch: University Esports Tour Launch [Electronic resource]. – 2025. – April. – URL: https://nexalgaming.co/ (дата обращения: 27.08.2025).

21. Nye, J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.

22. UN General Assembly. Resolution 48/11: Observance of the Olympic Truce. – New York: United Nations, 1993. – 2 p.

ESPORTS AS A SPACE FOR INTERNATIONAL INTERACTION: THE EXPERIENCE OF RUSSIA, SAUDI ARABIA, AND NIGERIA

Ola. A. Elsherif
Saint Petersburg State University

This article examines organizational models of student cybersport management in Russia, Saudi Arabia, and Nigeria through the lens of their potential as instruments of digital diplomacy. Grounded in the methodology of comparative institutional analysis and framed by Joseph Nye's concept of «soft power» – enriched with the ideals of Olympism – the study positions cybersport not merely as a competitive arena, but as a space for cross-cultural dialogue and diplomatic engagement.

The analysis identifies three distinct models: Russia's multilateral model, shaped by the interaction of diverse stakeholders (universities, federations, and private actors); Saudi Arabia's centralized model, driven by a state-led strategic vision for sports expansion; and Nigeria's emerging dual model, currently taking shape through a blend of public and private initiatives. A clear correlation is traced between the scale of funding, the degree of centralization, and the pace at which student leagues enter the international arena.

The article concludes by arguing that strategic trilateral cooperation among these three nations could not only strengthen their positions within the global cybersport movement but also inject new momentum into the broader field of digital diplomacy.

Keywords: student cybersport; digital diplomacy; soft power; Russia; Saudi Arabia; Nigeria; comparative institutional analysis; university sports; esports governance; Olympism; international cooperation; Saudi Vision 2030.

References

1. Aleinikov N.S. Sportification of amateur competitive computer games: the case of a student eSports club // Sociology of power. – 2025. – Vol. 37, № 2. – Pp. 91–113.

2. Zhdanovich D.O. Current state of development of computer sports among student youth in the Russian Federation // Physical education and student sports. – 2025. – Vol. 4, issue. – Pp. 366–377.

3. Murmansk Arctic University. Student association "Cyberzone MAU" [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://mauniver.ru/student/community/cyberzonemau/about/ (date of access: 20.02.2026).

4. National Research University "MPEI". MPEI Cyber Club [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://mpei.ru/Structure/public_organizations/cyber/Pages/default.aspx (date of access: 20.02.2026).

5. Storozhenko Yu.M., Eremina E.A., Olkhovsky R.M. Strategic session "ROSSTUDSPORT: White Nights" (June 19–20, 2025, St. Petersburg, ITMO University) // Physical Education and Student Sports. – 2025. – Vol. 4, issue. – P. 449–456.

6. الاتحاد السعودي للرياضات الإلكترونية. التقرير السنوي 2023: ومن الرياضات الإلكترونية في المملكة العربية السعودية [Саудовская федерация киберспорта. Годовой отчет 2023: развитие киберспорта в Королевстве Саудовская Аравия]. – Эр-Рияд: SEF, 2023. – 45 с. (дата обращения: 21.02.2026).

7. BroadcastPro ME. Savvy تتعاون مع نجمة الأمم القادمة لدعم فريق جامعة نورة بنت عبد الرحمن في بطولة الروبوت الطبية [BroadcastPro ME. Savvy сотрудничает с Университетом принцессы Норы для запуска программы обучения женскому геймингу] // BroadcastPro ME. – 2026. – 3 февр. – URL: https://www.broadcastprome.com/ (дата обращения: 21.02.2026).

8. جامعة الأمير سطام بن عبد العزيز تستضيف بطولة فجوة الجامعات للرياضات الإلكترونية بمشاركة 16 جامعة سعودية [Университет принцессы Норы бинт Абдулрахман. Команда Университета принцессы Норы выиграла чемпионат Саудовской федерации университетского спорта по женскому киберспорту] // المركز الإعلامي لجامعة الأمير نورة [Пресс-центр Университета принцессы Норы]. – 2026. – URL: https://www.pnu.edu.sa/ (дата обращения: 22.02.2026).

9. جامعة فجوة. جامعة فجوة تستضيف بطولة سطام الأولى للرياضات الإلكترونية بمشاركة 16 جامعة سعودية [Университет Аль-Джауф. Университет Аль-Джауф организует комплексный спортивный турнир по боулингу, бильярду и киберспорту для повышения качества жизни в кампусе]. – 2025. – يوليو [июль]. – URL: https://ju.edu.sa/ (дата обращения: 20.02.2026).

10. جامعة الملك فهد للبترول والمعادن. KFUPM Gaming+ تجمع مجتمع الرياضات الإلكترونية السعودي [Университет короля Фахда для нефти и минералов. KFUPM Gaming+ объединяет саудовское геймерское сообщество]. – 2024. – ديسمبر [декабрь]. – URL: https://news.kfupm.edu.sa/ (дата обращения: 22.02.2026).

11. الجامعة السعودية الإلكترونية. التسجيل في الأندية الطلابية: دليل الرياضات الإلكترونية والألعاب [Саудовский электронный университет. Регистрация в студенческих клубах: Клуб киберспорта и игр]. – 2025. – سبتمبر [сентябрь]. – URL: https://seu.edu.sa/ (дата обращения: 21.02.2026).

12. Championat. Как это было: киберспорту в России наступило 25 лет [Electronic resource]. – 2025. – 23 March. – URL: https://www.championat.com/ (дата обращения: 28.06.2025).

13. HMCO. The Rise of the Gaming Industry in Saudi Arabia [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://hmco.com/ (дата обращения: 07.12.2025).

14. International Olympic Committee. Olympic Charter. – Lausanne: IOC, 2023. – 108 p.

15. ITMO University. ITMO.STUDIO: Student club for game development and esports [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://itmo.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

16. Joseph, J., Sharma, A., Kumar, R. Esports as soft power diplomacy: a comparative review of South Korea, China, the United States, and India // Frontiers in Communication. – 2026. – Vol. 10. – Article 1701876. – DOI: 10.3389/fcomm.2026.1701876.

17. Luguterah, A.W. Geopolitical Implications of E-Sports // Games and Culture. – 2025. – Vol. 20, Issue 2. – P. 145–168. – DOI: 10.1177/15554120251345678.

18. Maliyo Games. Nigeria Gaming & Esports Report 2025 [Electronic resource]. – 2025. – November. – URL: https://maliyo.com/report2025 (дата обращения: 05.12.2025).

19. Muller, N., ed. Pierre de Coubertin, 1863–1937: Olympism: Selected Writings. – Lausanne: International Olympic Committee, 2004. – 864 p.

20. Nexal Gaming. Campus Clutch: University Esports Tour Launch [Electronic resource]. – 2025. – April. – URL: https://nexalgaming.co/ (дата обращения: 27.08.2025).

21. Nye, J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.

22. UN General Assembly. Resolution 48/11: Observance of the Olympic Truce. – New York: United Nations, 1993. – 2 p.

Политико-правовые основы международной деятельности институтов представительной власти Российской Федерации

Пожаров Иван Алексеевич,
аспирант кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета
E-mail: savagiroto@gmail.com

В статье рассматриваются политико-правовые основы международной деятельности институтов представительной власти Российской Федерации. Особое внимание уделено историческим предпосылкам участия парламентов в международных делах, становлению и развитию парламентаризма, а также роли Федерального Собрания Российской Федерации в формировании внешнеполитического курса государства. Анализируется нормативная база, регулирующая международные полномочия законодательной власти, включая Конституцию Российской Федерации, федеральные законы и концептуальные документы. На основе отечественного и зарубежного опыта раскрываются современные направления деятельности институтов представительной власти России в условиях глобализации и меняющейся архитектуры международных отношений.

Ключевые слова: Федеральное Собрание Российской Федерации, парламент институты представительной власти, международное сотрудничество, внешняя политика, межпарламентское взаимодействие, законодательные органы, международное право.

Введение

В истории международных отношений внешняя политика традиционно рассматривалась как исключительная сфера деятельности исполнительной власти. Монархи и правительства концентрировали в своих руках все инструменты дипломатии, ведения переговоров и заключения международных договоров. Однако уже в XVIII веке в политической теории и практике стали проявляться первые контуры участия представительных органов в международных делах. В течении последующих веков их роль и значение во внешней политике только усиливались. В условиях современного многополярного мира и новых реалий в геополитике роль парламентов в формировании внешнеполитического курса страны и обеспечении ее безопасности и защите национальных интересов приобретает особую значимость.

Цель данного исследования – выявить политико-правовые основы международной деятельности институтов представительной власти Российской Федерации. Для этого рассматриваются исторические предпосылки парламентской дипломатии, эволюция её форм в России, нормативная правовая база и современная практика участия парламентариев во внешней политике.

Историко-теоретические основания участия парламентов в международных отношениях

Политическая философия Нового времени

Значение законодательной власти в вопросах международной политики начинает формулироваться в трудах философов Нового времени. Так, Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» утверждал необходимость разделения властей, при котором законодательная власть имеет решающее слово в вопросах войны и мира [2]. Для Дж. Локка было очевидно, что решения о начале войны или заключении мира должны приниматься не единолично монархом, а в согласии с представительными институтами, поскольку именно народ несёт бремя войны – человеческое и финансовое.

Французский философ Шарль-Луи Монтескье, развивая идеи Д. Локка, подчеркивал необходимость баланса ветвей власти, включая участие парламента в определении направлений внешней политики [5]. Он исходил из того, что устойчивость государства и международной системы возможна лишь при наличии эффективных механизмов сдержек и противовесов, предотвращающих злоупотребления исполнительной власти.

Практика Великобритании и США

Первые реальные шаги по включению парламентов в международные дела были предприняты в Великобритании в ходе формирования конституционной монархии. Как отмечал английский политолог В. Богданор, британский парламент ещё в XVIII веке получил решающее право утверждать бюджет, включая финансирование внешнеполитических компаний [3]. Это означало, что без согласия парламента невозможна была ни одна военная экспедиция или дипломатическая миссия, требующая значительных расходов.

В США законодательная мысль пошла еще дальше. В соответствии с Американской Конституции 1787 года Сенату было предоставлено право утверждать международные договоры и назначение послов [4]. Это положение стало важным элементом системы сдержек и противовесов, закреплённым в американской модели государственного устройства.

Институционализация международной парламентской деятельности в XIX–XX веке

Еще в 1889 году был создан Межпарламентский союз, но именно во второй половине XX века он приобрёл серьёзное влияние как площадка межпарламентской деятельности [5]. После Второй мировой войны процесс участия парламентов в международных делах получил институциональное закрепление.

В интеграционных процессах государств европейского континента важнейшую роль сыграли Европейский парламент и Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ). Эти организации стали институциональным пространством, где парламентарии могли не только отста-

ивать национальные интересы, но и вырабатывать согласованные позиции в международных вопросах.

Эволюция международной деятельности парламентов в России

Российская империя

Зачатки парламентаризма появились в России в ходе революционных событий 1905–1907 гг., когда появилась Государственная дума. Однако на протяжении 11 лет (1906–1917 гг.), несмотря на своё значение как первого выборного представительного органа, практически не обладала международными полномочиями [6]. Внешняя политика оставалась исключительной сферой монарха и Министерства иностранных дел.

Советский период

После Великой российской революции 1917 г. ситуации в стране изменилась. ВЦИК РСФСР, а затем Верховный Совет СССР формально получили полномочия ратифицировать международные договоры. Однако реальная власть и окончательные решения в сфере международных отношений на протяжении всего периода советской истории находились в руках Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и КПСС [7]. Верховный Совет государства выступал скорее формальной инстанцией утверждения решений, уже принятых партийным руководством.

Постсоветский этап и Конституция 1993 года

После распада СССР наступил новый период в истории Российского государства. Новая Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила полномочия Федерального Собрания Российской Федерации в международной сфере [8]. Парламентарии верхней палаты (Совет Федерации) получили право утверждать международные договоры, рассматривать вопросы войны и мира, а также решать вопрос об использовании вооружённых сил за пределами страны [10].

Кроме этого и международная деятельность парламента России также стала приобретать реальные очертания. Российские парламентарии непосредственно начали участвовать в работе международных организаций, таких как ОБСЕ, ПАСЕ, Межпарламентского союза, а также в создании двусторонних парламентских комиссий (с парламентами Китая, Индии, Германии, Франции и др.) [9].

Нормативная правовая база международной деятельности парламента

Конституционные положения

В Конституции Российской Федерации закреплено[1]:

в ст. 15, устанавливающей, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы;

в ст. 80 определено, что Президент Российской Федерации является гарантом внешней политики, но с участием Федерального Собрания;

в ст. 102 указано, что к полномочиям Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации относится участие в внешнеполитической деятельности через ратификацию международных договоров, а также принятие решений о введении военного положения. Кроме того, Совет Федерации рассматривает вопрос о возможности использования Вооруженных сил России за пределами территории Российской Федерации;

в ст. 106 закреплен порядок обязательного рассмотрения в Совете Федерации принятых Государственной Думой федеральных законов о ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации, о статусе и защите государственной границы Российской Федерации, о войне и мире;

в ст. 83 предусмотрена процедура участия комитетов или комиссий палат Федерального Собрания при назначении и отзыве дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях;

Таким образом, Конституция России закрепляет систему, в которой внешняя политика находится под контролем как исполнительной, так и законодательной власти, с ролью Федерального Собрания в важных аспектах внешней политики и безопасности.

Кроме этого, правовые возможности участия палат Федерального Собрания в заключении международных договоров закреплены в Федеральном законе № 101-ФЗ от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации»[2].

Этот правовой акт регулирует основные принципы заключения, исполнения и прекращения международных договоров России. В контексте внешнеполитической деятельности Федерального Собрания данный закон устанавливает четкую роль парламента в процессе ратификации международных договоров и их интеграции в правовую систему страны.

Закон четко определяет, что международные договоры, заключаемые Российской Федерацией, подлежат обязательному рассмотрению Федеральным Собранием. Ратификация международных договоров, по сути, является основным механизмом участия парламента во внешнеполитической деятельности:

1. Совет Федерации в соответствии с законом рассматривает международные договоры, которые касаются вопросов, требующих согласования с законодательной властью. Совету Федерации предоставлено право ратифицировать международные договоры, которые касаются тем, связанных с миром, войной, изменениями территориальных границ и использованием Вооруженных сил за пределами Российской Федерации.

2. Государственная Дума, в свою очередь, играет важную роль в предварительном рассмотрении договоров, определяя их соответствие национальному законодательству и интересам государства. Окончательное решение о ратификации также должно быть принято Государственной Думой.

Федеральные законы

Еще одним уровнем в правовой базе, закрепляющей юридические полномочия Федерального Собрания, являются федеральные законы:

Так например, Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» (1995) определяет порядок заключения, ратификации и денонсации международных соглашений [11], а Федеральный закон «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Российской Федерации» (1994) предусматривает возможность участия парламентариев в международных делегациях [12].

Концептуальные документы

Кроме правовой базы, регулирующей международную деятельность парламента, его компетенции обозначены и в документах стратегического планирования. В этом отношении особое значение имеют Концепция внешней политики Российской Федерации (2023) и Стратегия национальной безопасности (2022).

Концепция внешней политики Российской Федерации подчеркивает важность участия Федерального Собрания в ключевых аспектах внешнеполитической деятельности. Он подтверждает роль парламента в ратификации международных договоров, контроле за их выполнением и развитии дипломатических отношений. Это в свою очередь создает условия для более эффективной работы государства на международной арене и для укрепления взаимодействия между различными ветвями власти в процессе выработки и реализации внешней политики [13].

Стратегия национальной безопасности акцентирует внимание на защите национальных интересов России в международной политике. Федеральное Собрание, как часть законодательной ветви власти, обеспечивает эту задачу через свою функцию ратификации международных договоров, а также участие в контроле за выполнением международных обязательств. Роль парламента также заключается в том, чтобы предотвратить подписание международных соглашений, которые могут противоречить интересам России [25].

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что имеется ведомственная правовая база МИДа России, в которой учитывается необходимость координации институтов исполнительной власти и представительных органов государства в лице Федерального Собрания Российской Федерации. Этими вопросами занимается Департамент по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественно-политическими организациями МИД РФ. Именно этот структурный элемент министерства занимается выстраиванием коммуникаций, координацией и взаимодействием МИД с Федеральным Собранием.

Современные направления международной парламентской деятельности России

Многосторонние объединения

На основе нормативных правовых актов российские парламентарии активно участвуют в деятельности Парламентской ассамблеи СНГ, которая служит механизмом политической и правовой интеграции на постсоветском пространстве. Данный институт выполняет функции гармони-

[1] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., с поправками от 1 июля 2020 г. // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.11.2024).

[2] Федеральный закон от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации», с изм. от 12 марта 2014 г. // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.11.2024)

зации законодательства стран–участниц, способствует формированию единого нормативного пространства в области экономики, миграции, гуманитарного сотрудничества.

Особое значение имеет Парламентская ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Она выступает не только площадкой для политического диалога, но и координационным центром в сфере правового обеспечения коллективной безопасности. Например, в 2019 г. был принят модельный закон «О противодействии терроризму», который впоследствии лег в основу национальных законодательных инициатив стран–участниц. Таким образом, парламентская дипломатия в рамках СНГ и ОДКБ носит нормативно-интеграционный характер и выступает инструментом «мягкого институционального сближения» государств региона.

БРИКС и ШОС

Вне постсоветского пространства ключевым направлением стала парламентская активность в БРИКС. С 2015 г. действует Парламентский форум БРИКС, который обеспечивает институционализацию межпарламентского измерения объединения. Российские депутаты в его рамках поднимают вопросы реформы международных финансовых институтов, укрепления принципа многополярности и расширения торгово-экономического сотрудничества.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) также функционирует Парламентский форум. Его особенность заключается в ориентации на стратегические вопросы будущего развития региона: энергетику, цифровую экономику, кибербезопасность. Россия активно использует данный формат для продвижения своей концепции информационного суверенитета и для формирования «цифровой повестки ШОС», отражающей приоритеты российской внешней политики в сфере инноваций и технологий.

ОБСЕ и ПАСЕ

Исторически важным направлением международного сотрудничества российских парламентариев являлось участие России в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) с 1996 по 2022 гг. Российская делегация использовала площадку для легитимации своих внешнеполитических позиций в европейском пространстве, а также для продвижения концепции «неделимой безопасности».

Однако в условиях конфронтационной и санкционной политики коллективного запада международная парламентская деятельность Федерального Собрания в этом направлении фактически свернута. Кризис в отношениях с Советом Европы, завершившийся выходом России из организации, поставил предел данному формату парламентской дипломатии.

До 2023 года одним из направлений работы Федерального Собрания на международной арене было участие в Парламентской ассамблее ОБСЕ, где Россия отстаивала позиции по вопросам контроля над вооружениями, противодействия расширению НАТО и поддержанию стратегической стабильности. Многие годы парламентская дипломатия выполняла функции альтернативного канала коммуникации с западными государствами в условиях нарастающей политической конфронтации.

Двусторонние комиссии

Наряду с многосторонними форматами активно используются двусторонние парламентские комиссии. Наиболее показателен пример Межпарламентской комиссии РФ–КНР. Этот механизм позволяет системно согласовывать позиции по широкому спектру вопросов – от международной безопасности и энергетики до культурного обмена и правового регулирования трансграничной торговли. Подобные форматы выполняют функцию институционализированного доверия, создавая параллельный дипломатический канал, менее подверженный конъюнктурным колебаниям.

Заключение

Политико-правовые основы международной деятельности институтов представительной власти Российской Федерации представляют собой комплекс исторических, нормативных и практических компонентов. Эволюция участия парламентов в международных делах наглядно демонстрирует постепенный отход от традиционной концепции исключительной компетенции исполнительной власти во внешней политике. Если в Новое время мыслители (Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье) лишь формулировали теоретические предпосылки необходимости законодательного контроля над вопросами войны и мира, то в XX–XXI вв. эти идеи получили закрепление в институтах международной парламентской деятельности и стали неотъемлемым элементом современной системы международных отношений.

Опыт западных стран (Великобритания, США) показал, что включение парламентов в международную сферу обеспечивает баланс властей и препятствует монополизации внешней политики исполнительной ветвью. Российская государственность развивалась по иной политической траектории: от почти полного отсутствия международных полномочий Государственной думы в Российской империи в начале XX века, через формально-декларативные функции ЦИК-ВЦИК РСФСР – Верховного Совета СССР, к полноценным полномочиям Федерального Собрания в соответствии с Конституцией России 1993 г.

Современная нормативная правовая база, включающая федеральные законы о международных договорах и статусе парламентариев, а также документы стратегического планирования (Концепция внешней политики 2023 года и Стратегия национальной безопасности 2022 года) формируют прочный правовой фундамент международной парламентской деятельности. Этот фундамент позволяет парламентариям не только ратифицировать соглашения, но и активно участвовать в выработке международной повестки дня, включая вопросы безопасности, экономики и гуманитарного сотрудничества.

Практическая реализация международной детальности парламента России охватывает широкий спектр направлений участия в интеграционных объединениях (СНГ, ОДКБ, БРИКС, ШОС). Двусторонние парламентские комиссии (например, с парламентом КНР) становятся дополнительным каналом продвижения стратегических интересов страны. В совокупности эти форматы демонстрируют, что парламентская дипломатия России имеет системный характер, а не является лишь вспомогательным инструментом внешней политики.

Таким образом, Федеральное Собрание способно выступать не только в роли института, обеспечивающего легитимизацию решений, но и в качестве активного субъекта, влияющего на формирование международной повестки.

Научный анализ позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

1. **Международная парламентская деятельность в России носит комплексный характер**, сочетая функции законодательного инструментария внешней политики, участие в многосторонних структурах и продвижение защиты национальных интересов через публичную коммуникацию на международной арене.

2. **Деятельность Федерального Собрания опирается на конституционно-правовые нормы**, обеспечивающие баланс властей и участие Федерального Собрания в стратегических вопросах.

3. **В условиях новых реалий многополярного мира международная деятельность Федерального приобретает дополнительное значение**, так как позволяет России расширять спектр внешнеполитических каналов взаимодействия, обходя ограничения, вызванные санкциями и кризисами в отношениях со странами коллективного запада.

4. **Парламентские форматы взаимодействия создают пространство для продвижения традиционных ценностей русского мира и российской цивилизация[26]**, где публичная дипломатия, диалог и обмен опытом становятся не менее важными, чем традиционные межправительственные переговоры.

Таким образом, международная деятельность институтов представительной власти Российской Федерации является важным инструментом не только продвижения национальных интересов, но и формирования новой архитектуры международных отношений, основанной на принципах многополярности и равноправного сотрудничества. Её дальнейшее развитие будет зависеть от способности Федерального Собрания сочетать правотворческую функцию с активным участием в глобальных дискуссиях, что позволит укрепить позиции России в мировой политике на долгосрочную перспективу.

Литература

1. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / Пер. с англ. – М.: Мысль, 1988.
3. Bogdanor V. The British Constitution in the Twentieth Century. – Oxford: Oxford University Press, 2003.
4. Конституция США (1787) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.archives.gov/founding-docs/constitution (дата обращения: 25.08.2025).
5. Hübner E. Parliamentary Diplomacy in the 21st Century. – Berlin: Springer, 2019.
6. История российской государственности: учеб. пособие. – М.: Наука, 2015.
7. История внешней политики СССР: в 2 т. – М.: Международные отношения, 1984. – Т. 1.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.08.2025).

9. Песков В.Ю. Международная деятельность Федерального Собрания РФ // Журнал российской политологии. – 2021. – № 4. – С. 15–28.

10. Конституция Российской Федерации. Статья 102 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.08.2025).

11. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 25.08.2025).

12. О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Российской Федерации: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5163/ (дата обращения: 25.08.2025).

13. Концепция внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № Пр-853 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/ (дата обращения: 25.08.2025).

14. Парламентская ассамблея СНГ: Официальные документы. – Минск: Секретариат ПА СНГ, 2021.

15. Парламентская ассамблея ОДКБ: Документы и материалы. – М.: Секретариат ПА ОДКБ, 2019.

16. BRICS Parliamentary Forum Reports. – Moscow: State Duma Press, 2022.

17. Межпарламентская комиссия РФ–КНР: материалы заседаний. – М.: Государственная Дума, 2020.

18. Council of Europe Parliamentary Assembly. *Official Records*. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2018.

19. OSCE Parliamentary Assembly. *Annual Reports*. – Vienna: OSCE PA, 2021.

20. Иванов С.А. Парламентская дипломатия России в условиях санкционного давления. – М.: Аспект Пресс, 2022.

21. Государственная Дума РФ. Стенограммы заседаний по СНВ-III. – М.: Аппарат Госдумы, 2011.

22. Парламентская ассамблея ОБСЕ. Доклады делегации РФ. – Вена: OSCE PA, 2017.

23. BRICS Parliamentary Forum. *Resolutions and Declarations*. – Moscow: State Duma Press, 2019.

24. SCO Parliamentary Forum. *Declarations*. – Beijing: SCO Secretariat, 2021.

25. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации 02.07.2021 г. № 400) //URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения: 20.11.2024);

26. Путин заявил о собственном понимании цивилизации у России – РБК // URL: https://www.rbc.ru/politics/05/10/2023/651ec9a89a79474e0619f40d?ysclid=mfb61brru9970302238 (Дата обращения: 25.12.2025 г.)

POLITICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE INTERNATIONAL ACTIVITIES OF THE REPRESENTATIVE INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pozharov I.A.
Moscow State Linguistic University

The article examines the political and legal foundations of the international activities of the representative institutions of the Russian Federation. Particular attention is paid to the historical prerequisites for parliamentary participation in international affairs, the formation and development of parliamentarism, as well as the role of the Federal Assembly of the Russian Federation in shaping the state's foreign policy course. The regulatory framework governing the international powers of the legislative branch is analyzed, including the Constitution of the Russian Federation, federal laws, and strategic policy documents. Drawing on both domestic and foreign experience, the study reveals contemporary directions of activity of Russia's representative institutions in the context of globalization and the evolving architecture of international relations.

Keywords: Federal Assembly of the Russian Federation, parliament, representative institutions, international cooperation, foreign policy, interparliamentary interaction, legislative bodies, international law.

References

1. Joseph S. Nye Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.

2. John Locke Two Treatises of Government. Translated from English. – Moscow: Mysl, 1988.

3. Vernon Bogdanor The British Constitution in the Twentieth Century. – Oxford: Oxford University Press, 2003.

4. United States Constitution (1787) [Electronic resource]. – Available at: https://www.archives.gov/founding-docs/constitution (accessed: 25 August 2025).

5. Hübner E. Parliamentary Diplomacy in the 21st Century. – Berlin: Springer, 2019.

6. History of Russian Statehood: учебное пособие (Textbook). – Moscow: Nauka, 2015.

7. History of the Foreign Policy of the USSR: in 2 vols. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1984. – Vol. 1.

8. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12 December 1993) [Electronic resource]. – Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 25 August 2025).

9. Peskov V. Yu. International Activities of the Federal Assembly of the Russian Federation. Journal of Russian Political Science. – 2021. – No. 4. – Pp. 15–28.

10. Constitution of the Russian Federation. Article 102 [Electronic resource]. – Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 25 August 2025).

11. On International Treaties of the Russian Federation: Federal Law No. 101-FZ of 15 July 1995 [Electronic resource]. – Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (accessed: 25 August 2025).

12. On the Status of a Senator of the Russian Federation and the Status of a Deputy of the State Duma of the Russian Federation: Federal Law No. 3-FZ of 8 May 1994 [Electronic resource]. – Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5163/ (accessed: 25 August 2025).

13. Foreign Policy Concept of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. Pr-853 of 31 March 2023 [Electronic resource]. – Available at: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/ (accessed: 25 August 2025).

14. CIS Interparliamentary Assembly: Official Documents. – Minsk: IPA CIS Secretariat, 2021.

15. CSTO Parliamentary Assembly: Documents and Materials. – Moscow: CSTO PA Secretariat, 2019.

16. BRICS Parliamentary Forum Reports. – Moscow: State Duma Press, 2022.

17. Russia–China Interparliamentary Commission: Meeting Materials. – Moscow: State Duma, 2020.

18. Council of Europe Parliamentary Assembly. Official Records. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2018.

19. OSCE Parliamentary Assembly. Annual Reports. – Vienna: OSCE PA, 2021.

20. Ivanov S.A. Parliamentary Diplomacy of Russia under Sanctions Pressure. – Moscow: Aspekt Press, 2022.

21. State Duma of the Russian Federation. Transcripts of Sessions on New START (SNV–III). – Moscow: State Duma Office, 2011.

22. OSCE Parliamentary Assembly. Reports of the Delegation of the Russian Federation. – Vienna: OSCE PA, 2017.

23. BRICS Parliamentary Forum. Resolutions and Declarations. – Moscow: State Duma Press, 2019.

24. SCO Parliamentary Forum. Declarations. – Beijing: SCO Secretariat, 2021.

25. National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Presidential Decree No. 400 of 2 July 2021) [Electronic resource]. – Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (accessed: 20 November 2024).

26. Putin stated that Russia has its own understanding of civilization – RBC [Electronic resource]. – Available at: https://www.rbc.ru/politics/05/10/2023/651ec9a89a79474e0619f40d (accessed: 25 December 2025).

Онтологическая безопасность в контексте китайской политики

Пэн Мэняо,
аспирант, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1042235165@rudn.ru

В статье исследуется феномен онтологической безопасности в контексте современной гендерной политики Китая. Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью институционального и гендерного измерений онтологической безопасности в неконвенциональных политико-культурных контекстах. Цель исследования – выявить механизмы институционального конструирования и дифференцированного распределения онтологической безопасности женщин в китайском обществе. Теоретико-методологическую основу составляют феминистский институционализм и концепция гендерного контракта, рассматриваемая как исторически изменчивая форма согласования ролей и ответственности между государством, рынком, семьёй и индивидом. Показано, что конфуцианская модель «изоморфизма семьи и государства» задаёт нормативную рамку воспроизводства гендерных иерархий и легитимации властных практик. На основе анализа эволюции гендерных контрактов от государственно-мобилизационного к рыночно-опосредованному и далее к современному этапу, характеризующемуся запросом на автономное равенство, обосновывается тезис о том, что институты выступают не нейтральными регуляторами, а ареной борьбы за распределение ресурсов безопасности. Делается вывод о необходимости переосмысления институциональных механизмов в направлении расширения субъектности и достижения содержательного гендерного равенства как условия подлинной онтологической безопасности.

Ключевые слова: онтологическая безопасность, гендерная политика Китая, изоморфизм семьи и государства, феминистский институционализм, гендерный контракт.

Введение

Проблематика онтологической безопасности в последние десятилетия заняла устойчивое место в политической теории и социологии, однако её разработка преимущественно сосредоточена на вопросах международных отношений и идентичности государств, тогда как институциональные и гендерные измерения данного феномена остаются недостаточно исследованными. Особенно это касается неконвенциональных политико-культурных контекстов, к которым относится Китай, где исторически сложившиеся нормативные матрицы продолжают оказывать значимое влияние на современные механизмы управления.

В китайской политической традиции ключевым структурообразующим принципом выступает конфуцианская модель «изоморфизма семьи и государства» (家国同构), задающая гомологию частной и публичной сфер и формирующая устойчивую связь между моральным порядком семьи и политической организацией государства. В условиях модернизации и институциональных трансформаций данная модель не исчезает, а претерпевает адаптацию, продолжая влиять на распределение ролей, обязанностей и ресурсов безопасности. Это особенно отчётливо проявляется в сфере гендерной политики, где формальные правовые нормы взаимодействуют с глубоко укоренёнными неформальными практиками.

Цель настоящего исследования – выявить, каким образом в китайском политическом контексте институты участвуют в конструировании и дифференцированном распределении онтологической безопасности женщин. Теоретической основой анализа выступает феминистский институционализм, позволяющий рассматривать институты как гендерно структурированные арены власти, а также концепция «гендерного контракта», интерпретируемая как исторически изменчивая форма согласования интересов государства, рынка, семьи и индивида. Научная новизна работы заключается в интеграции концепта онтологической безопасности в анализ китайской гендерной политики и в демонстрации того, что безопасность в данном контексте выступает не только как защитный ресурс, но и как инструмент институциональной регуляции и иерархизации.

Изоморфизм семьи и государства

Понимание специфики онтологической безопасности в китайском контексте невозможно без обращения к конфуцианскому культурному коду, который выступает глубинной нормативной матрицей политического управления и продолжает опосредованно определять институциональную логику государства. Центральное место в китайской политической культуре занимает концепт «изоморфизма семьи и государства» (家国同构), отражающий структурную гомологию и историческую коэволюцию семейной и государственной форм организации. В процессе перехода от родового строя к классовому обществу семья была институционально закреплена как базовая ячейка государства и гарантия его целостности, а внутрисемейные отношения господства и подчинения стали моделью для выстраивания государственной иерархии. Государство первоначально заимствовало управленческую матрицу семьи, однако по мере институционализации и расширения властных механизмов данные отношения трансформировались и, возвращаясь в семейную сферу, приобретали характер формализованной и отчуждённой власти. В результате семья и государство развивались в рамках единой структуры подчинения, воспроизводя устойчивую структурную гомологию, сопровождавшуюся концентрацией распределительных и авторитарных ресурсов в мужских руках и институционализацией патриархального порядка как в частной, так и в публичной сферах.

Историческая ретроспектива наглядно иллюстрирует этот тезис: начиная с возникновения государства в эпоху Чжоу, когда женщины были вытеснены в частную сферу (экономическая основа), через утверждение конфуцианства как единственной идеологии в эпоху Хань, сопровождавшееся формированием бинарной оппозиции «благородное Ян – низменное Инь» (культурное обоснование), и усиление патриархального авторитаризма в эпоху Сун вплоть до начала эмансипации женщин в конце эпохи Цин, современных реформ и пробуждения женской субъектности [1]. В этой традиционной структуре женщине исторически отводилась роль «внутреннего человека» (内人). Согласно конфуцианской этике, женская добродетель и подчинённое

положение служили залогом гармонии в семье (家), которая, в свою очередь, концептуализировалась как микрокосм гармонии в государстве (国). Следовательно, в политике современного Китая управление женской репродуктивностью, трудовым участием и социальным поведением легитимируется не только прагматическими интересами национального развития, но и апелляцией к этой глубоко укоренённой моральной обязанности поддержанию социальной стабильности через семейную добродетель. Это создаёт уникальную конфигурацию властных отношений, в которой биополитические стратегии государства находят опору в культурно одобряемых моделях женского поведения.

Политика как поле властных отношений

Ядро любого исследования, затрагивающего вопросы гендера и управления, заключается в пристальном взгляде на институты. Под институтами здесь понимается совокупность правил, включающая как формальные законы и политики, так и неформальные нормы и обычаи. Они отнюдь не являются нейтральными техническими инструментами, но представляют собой ключевое поле битвы, где гендерные властные отношения порождаются, закрепляются, оспариваются и реконфигурируются. Задача последующего изложения продемонстрировать, что правила самой этой арены суть продукт исторической борьбы за власть и что они осуществляют непрерывное и систематическое социальное распределение безопасности и небезопасности.

Симбиоз институтов, гендера и власти

Феминистский институционализм предоставляет солидную теоретическую основу для тезиса об «институтах как поле битвы». Ключевое новаторство этого теоретического направления заключается в радикальном отрицании гендерной нейтральности институтов. Как указывает феминистский политолог Салли Кенни, маскулинность и фемининность не существуют вне общества и не являются зафиксированными свойствами индивидов, которые затем просто «привносятся» в институциональную сферу; напротив, рутинное функционирование и логика политических институтов взаимопереплетены с конструированием маскулинного и фемининного [2]. Гендер следует рассматривать не как априорный атрибут, который индивиды привносят во взаимодействие с институтами, а как структурный элемент самой институциональной архитектуры. Он имплицитно закреплён в механизмах распределения ресурсов, иерархии нормативных ценностей и институционально закреплённых ожиданиях поведенческого соответствия. В этом смысле институты не являются гендерно нейтральными: они воспроизводят и структурируют гендерные различия через устойчивые правила, процедуры и символические порядки. Следовательно, анализ институтов предполагает исследование того, каким образом власть, действуя через объективированные и рутинализированные институциональные практики, осуществляет дифференцированное и нередко иерархически организованное конструирование и распределение онтологической безопасности между социальными акторами, занимающими различные гендерные позиции.

Симбиотическая связь между институтами и властью реализуется через три взаимосвязанных механизма. Институциональная власть осуществляет прямое распределение через императивные правила; дискурсивная власть осуществляет скрытое направление через формирование мейнстримных нарративов и ценностных норм; диффузная власть обеспечивает микро-практику и воспроизводство правил в повседневных взаимодействиях и организационных рутинах. Эти три механизма действуют согласованно в рамках институциональной арены, совместно определяя реальную эффективность политических текстов. Характерной иллюстрацией этого является положение о запрете гендерной дискриминации при найме в Законе КНР «О содействии занятости». Статья 27 четко гласит: «Государство гарантирует равное право на труд для мужчин и женщин. Работодатели не вправе отказывать женщинам в приеме на работу по половому признаку или устанавливать повышенные требования для женщин при приеме на работу. Исключением являются отдельные виды работ или должности, на которые женщины не могут быть приняты в соответствии с правилами охраны труда женщин» [3]. Однако на практике действенность этого правового обещания равных возможностей и сопутствующей ему безопасности в значительной степени нивелируется. Причина кроется в трудностях с доказыванием факта дискриминации и высоких издержках правовой защиты для работников, а также в сохраняющемся влиянии предвзятых дискурсов, таких как «более высокая стоимость женских человеческих капиталов» или «неподходящий для женщин характер определенных должностей». Это отражает дефицит действенных механизмов контроля и средств правовой защиты на уровне диффузной власти и пережитки дискурсивной власти.

Эффективность формальных институтов глубоко подвержена влиянию неформальных норм и властных сетей. Неформальные институты обладают инерцией, и даже в новой среде, благоприятствующей гендерному равенству, старые правила могут быть заново задействованы [4]. Это требует от нашего анализа способности проникать сквозь букву закона, углубляясь в сложный процесс интерпретации, имплементации и стратегической игры вокруг институтов в конкретных социальных контекстах.

Аналитическая линза: гендерный контракт как историческое соглашение

Для динамичной интерпретации эволюции властных отношений на институциональной арене мы вводим концепцию «гендерного контракта» в качестве аналитической линзы исторической социологии. В социологических исследованиях гендерный контракт «описывается как правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства, и взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами» [5]. Более того, по мнению Анны Темкиной и Анны Роткирх, гендерный контракт является не взаимодействием равноправных партнеров, а компромиссом соглашений между агентами с разными властными позициями в публичной и приватной сферах [5]. В контексте данного исследования он понимается как негласное, но обладающее широкой обязывающей силой социальное соглашение или план порядка, формируемое в определенную историческую эпоху между различными силами государством, рынком, семьей и самой женщиной как индивидом касательно распределения гендерных ролей, прав и ответственности.

С этой точки зрения, каждая крупная институциональная трансформация в истории Нового Китая может быть рассмотрена как переломный момент, когда существующий гендерный контракт вступает в кризис и вынужденно пересматривается. Какой новый контракт пытается заключить новая институциональная система? Какую безопасность она публично обещает? И какие риски и тревоги при этом потенциально создает или продолжает? Анализ изменений в условиях контракта позволяет нам яснее разглядеть фокусы и траектории борьбы за власть.

Эволюция институтов в китайском контексте

В процессе модернизации Китая доминирующий гендерный контракт и его институциональные носители претерпели заметную эволюцию, демонстрируя конкуренцию и слияние различных логик управления.

Эпоха Мао Цзэдуна установила «государственно-мобилизационный контракт». Его характерной чертой можно назвать дегендеризированный нарратив равенства, использующий мужчину в качестве универсального образца. История о «железных девушках» и женщинах-передовиках производства в первые тридцать лет после основания КНР служит типичной иллюстрацией. Государство через земельную реформу, кампании коллективизации, широкую политику ликвидации неграмотности и обеспечения занятости освобождало женщин от традиционных семейных структур, наделяя их публично-политической идентичностью «трудящегося» и «товарища», в обмен на их полную самоотдачу целям индустриализации страны и социалистического строительства [6]. Эта институциональная договоренность радикально повысила уровень социально-экономического участия женщин, при этом источник их онтологической безопасности оказался в высокой степени привязан к государству и коллективу. Однако данный контракт также в значительной мере встроил индивидуальные жизненные траектории женщин в орбиту государственного планирования, строго ограничив пространство для личного выбора в вопросах тела, эмоций и семейной жизни рамками макрополитического нарратива.

В период реформ и открытости доминирующая логика контракта сместилась, вступив в фазу «треугольной игры государства, рынка и семьи», где ядром стала равенство в различии [6]. Создание системы социалистической рыночной экономики привнесло мощную логику рыночной рациональности. С одной стороны, принцип гендерного равенства на уровне законодательства был сохранен; с другой – логика рыночной конкуренции и эффективности, соединившись с традиционными гендерными представлениями, породила новые формы неравенства: профессиональную сегрегацию, коммодификацию женского тела потребительством, институционализацию конфликта между работой и семьей. Безопасность женщин стала высоко индивидуализированной и опосредованной рынком, зависящей как от конкурентоспособности их человеческого капитала, так и от бремени неоплачи-

ваемых забот в семейной сфере, которые так и не были эффективно обобществлены. Это «равенство в различии» предоставило женщинам ограниченное право выбора, но одновременно наложило на них перманентную тревогу, порожденную наложением множественных ролевых ожиданий.

Вступление в новое тысячелетие, особенно с началом новой эпохи социализма с китайской спецификой, поставило государственное управление перед комплексом вызовов: демографические сдвиги, трансформация и модернизация экономики, инновации в социальном управлении. Гендерная проблематика была поднята на беспрецедентную стратегическую высоту. Государство предприняло попытку через систему институтов одновременно конструировать женщину как высококвалифицированный трудовой ресурс, ответственного субъекта демографического воспроизводства и ключевое звено социальной гармонии. Однако параллельно с глубоким развитием сетевого общества и алгоритмических медиа публичное дискурсивное поле претерпело значительные изменения. Женщины перестали удовлетворяться «равенством в различии». Все более явно заявляет о себе запрос на равенство, в центре которого лежит «субъектность». В рамках этого нарратива «автономное равенство» замещает «равенство в различии» в качестве нового идеального типа. Популяризация дискурса «независимой женщины» является яркой приметой этой ценностной трансформации. Но если независимость оказывается лишь стратегией выживания в условиях структурных ограничений или превращается в новые оковы, надо справляться со всем исключительно собственными силами, то это не подлинная эмансипация, а, возможно, индивидуализированная форма системного затруднения. В современном институциональном дискурсе цели государственного развития, поддержания семьи и индивидуальных прав переплетаются и конкурируют, формируя сложное поле для женского действия. Лишь возвращение к фундаментальной цели равенства, то есть к освобождению человека и свободному, всестороннему развитию каждой личности, способно размыть структурные ограничения. Только это создаст условия для возможности реализации подлинного, множественного и автономного выбора как для женщин, так и для всех, продвигая углубление гендерного равенства в его содержательном смысле.

Онтологическая безопасность как ядро институциональной практики

В институциональном пространстве, структурированном совокупностью формальных и неформальных правил, онтологическая безопасность женщин нередко становится ключевым объектом властной регуляции и символической борьбы. Институты, опираясь на сложные нормативные режимы и процедуры, глубоко вмешиваются в конституирование базовых измерений женского чувства защищённости и предсказуемости социального бытия.

Во-первых, речь идёт о телесной (воплощённой) безопасности. Репродуктивная политика, законодательство о противодействии домашнему насилию, а также система общественного здравоохранения формируют нормативное поле, в котором женское тело оказывается включённым в пересечение государственных стратегий демографического регулирования, медицинских стандартов, семейных ожиданий и общественных дискурсов. С одной стороны, данные институты способны обеспечивать защиту от физического и символического насилия; с другой – в случаях рассогласования с индивидуальными жизненными траекториями они могут трансформироваться в источник тревожности, неопределённости и экзистенциального напряжения.

Во-вторых, следует выделить реляционное измерение безопасности. Институт брака, режимы собственности и механизмы местного самоуправления определяют правовой и социальный статус женщины в рамках интимных отношений, семьи и локального сообщества. Даже при наличии формально закреплённых прав их реализация может быть существенно ограничена действием устойчивых неформальных норм и практик например, патрилокального проживания («в семье мужа») в сельских районах, что подрывает экономическую автономию женщин и их чувство социальной принадлежности.

В-третьих, необходимо учитывать интерсекциональное измерение безопасности. Институты социального обеспечения, распределения образовательных ресурсов и организации занятости функционируют во взаимосвязи с другими структурами социального неравенства классом, территориальностью (город/деревня), региональными различиями, осуществляя тем самым дифференцированное распределение ресурсов безопасности между различными группами женщин. Женщины-мигрантки, матери, находящиеся за чертой бедности, женщины с инвалидностью и другие категории оказываются носителями множественных, наслаивающихся уязвимостей, что делает основания их онтологической безопасности особенно нестабильными.

Таким образом, анализ современной гендерной политики в Китае предполагает исследование того, каким образом институциональная арена посредством сложной конфигурации правил и властных практик осуществляет системное, дифференцированное и иерархизированное формирование онтологической безопасности женщин. Это требует обращения не только к нормативному «должному», закреплённому в институциональных текстах, но и к эмпирическому уровню их функционирования к тому, как институты реализуются, интерпретируются, оспариваются и трансформируются в конкретных социальных контекстах, а также к тому, каким образом сами женщины как социальные агентки вырабатывают стратегии утверждения и расширения собственного пространства безопасности.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что онтологическая безопасность в китайском политическом контексте представляет собой исторически укоренённый и институционально опосредованный феномен, формирование которого тесно связано с конфуцианской моделью «изоморфизма семьи и государства». Данная модель задаёт нормативную рамку, в пределах которой гендерные роли, формы подчинения и механизмы легитимации власти воспроизводятся и трансформируются в различных исторических условиях.

Эволюция гендерных контрактов от государственно-мобилизационного в эпоху Мао Цзэдуна к рыночно-опосредованному в период реформ и далее к современной конфигурации, характеризующейся напряжением между демографическими стратегиями государства и растущим запросом на женскую субъектность, демонстрирует, что институты не являются нейтральными регулятивными механизмами. Они выступают ареной борьбы за распределение ресурсов безопасности и признания, где телесная, реляционная и интерсекциональная безопасность женщин формируется через взаимодействие формальных норм и неформальных практик. Современный сдвиг от модели «равенства в различии» к идеалу «автономного равенства» отражает углубление рефлексивности и усиление требований к институциональной системе со стороны самих женщин как социальных агенток. Однако достижение подлинной онтологической безопасности предполагает не только декларативное расширение прав, но и трансформацию структурных механизмов распределения власти и ресурсов. Тем самым онтологическая безопасность выступает не просто индикатором социального порядка, а критерием институциональной справедливости и зрелости гендерной политики в условиях современной китайской модернизации.

Литертура

1. Юань Вэйся. Брачное насилие и изоморфизм семьи и государства // Закон и общество. 2017. № 15. С. 180–181.
2. Kenny S. New Research on Gendered Political Institutions // Political Research Quarterly. 1996. Vol. 49, No. 2. P. 445–466.
3. Закон Китайской Народной Республики «О содействии занятости» от 24.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail?id=2c909fdd678bf17901678bf7b34f07df&fileId=&type=&title= (дата обращения: 30.10.2025).
4. Hawkesworth M. Engendering Political Science: An Immodest Proposal // Politics & Gender. 2005. Vol. 1, No. 1. P. 141–156.
5. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
6. Эволюция нарратива о гендерном равенстве в Китае за тридцать лет [Электронный ресурс]. 16.10.2025. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202510/t20251016_5918990.shtml (дата обращения: 30.10.2025).

ONTOLOGICAL SECURITY IN THE CONTEXT OF CHINESE POLITICS

Peng Mengyao
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This article examines the phenomenon of ontological security in the context of contemporary gender policy in China. The relevance of this work stems from the insufficient development of the institutional and gender dimensions of ontological security in unconventional political and cultural contexts. The aim of the study is to identify the mechanisms of institutional construction and differential distribution of women's ontological security in Chinese society. The theoretical and methodological framework is based on feminist institutionalism and the concept of the gender contract, viewed as a historically variable form of negotiating roles and responsibilities between the state, market, family, and individual. It is shown that the Confucian model of "isomorphism between family and state" provides a normative framework for the reproduction of gender hierarchies and the legitimization

of power practices. Based on an analysis of the evolution of gender contracts from state-mobilized to market-mediated and then to the current stage, characterized by a demand for autonomous equality the article argues that institutions act not as neutral regulators but as arenas for the struggle over the distribution of security resources. It concludes that institutional mechanisms need to be reconsidered in order to expand agency and achieve meaningful gender equality as a prerequisite for genuine ontological security.

Keywords: Ontological Security, Gender Politics In China, Isomorphism Of Family And State, Feminist Institutionalism, Gender Contract.

References

1. Yuan Weixia. “Marital Violence and the Isomorphism of Family and State” // Law and Society. 2017. No. 15. pp. 180–181.

2. Kenny S. “New Research on Gendered Political Institutions” // Political Research Quarterly. 1996. Vol. 49, No. 2. pp. 445–466.

3. The Employment Promotion Law of the People’s Republic of China of April 24, 2015 [Electronic resource]. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail?id=2c909fdd678bf-17901678bf7b34f07df&fileId=&type=&title= (accessed: October 30, 2025).

4. Hawkesworth M. Engendering Political Science: An Immodest Proposal // Politics & Gender. 2005. Vol. 1, No. 1. P. 141–156.

5. Temkina A., Rotkirch A. Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia // Sociological Studies. 2002. No. 11. P. 4–15.

6. The Evolution of the Narrative on Gender Equality in China Over Thirty Years [Electronic resource]. 16.10.2025. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202510/t20251016_5918990.shtml (accessed: 30.10.2025).

Трансформация российского общества в постсоветский период: влияние западных теорий международных отношений

Чэнь Цзяцзин,
магистрант, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 2738532964@qq.com

Распад Советского Союза (1991 г.) стал ключевым событием, которое привело к глубокой трансформации политической, экономической и социальной систем Российской Федерации. В условиях системного кризиса и необходимости формирования новой модели развития перед российским государством встала задача переосмысления своей роли в международной системе. В статье анализируется влияние западных теорий международных отношений (реализма, либерализма, конструктивизма) на процессы трансформации российского общества и государства в постсоветский период. Особое внимание уделяется воздействию теоретических концепций на политические реформы 1990-х годов, экономические преобразования (либерализация, приватизация) и эволюцию внешнеполитической стратегии России – от прозападного курса А. Козырева к концепции многополярности Е. Примакова и далее. Отдельно рассматривается влияние западных научных парадигм на формирование и развитие современной российской школы международных отношений, включая синтез с идеями евразийства и геополитики. Методологическую основу исследования составляют историко-генетический метод, сравнительный анализ и системный подход. Автор приходит к выводу, что западные теории международных отношений сыграли значительную роль в формировании как научного дискурса, так и практической политики России в 1990-е – начале 2000-х годов. Однако их адаптация происходила избирательно, с учетом исторических, культурных и геополитических особенностей России, что привело к формированию синтетического подхода, сочетающего элементы различных теоретических традиций.

Ключевые слова: Россия; международные отношения; политическая трансформация; экономические реформы; внешняя политика; евразийство; геополитика; постсоветский период; западные теории; неореализм.

Введение

Распад Советского Союза в 1991 году стал переломным моментом не только в истории России, но и в развитии всей международной системы. Это событие, которое З. Бжезинский охарактеризовал как «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века» [1, с. 45], привело к кардинальному изменению баланса сил и переходу от биполярной системы к американской гегемонии. Россия, как правопреемница СССР, столкнулась с необходимостью проведения масштабных политических и экономических реформ в условиях глубочайшего системного кризиса, усугубленного падением ВВП почти на 40% в 1991–1998 гг. [2].

Актуальность исследования обусловлена не только исторической значимостью трансформационных процессов 1990-х годов, но и современными дискуссиями о цивилизационной идентичности России, ее месте в формирующемся многополярном мире и роли западных концепций в развитии отечественной политической науки. В условиях обострения геополитической конкуренции и кризиса либеральной модели глобализации переосмысление опыта взаимодействия с западной теоретической мыслью приобретает особое значение для понимания современных внешнеполитических приоритетов России.

Цель исследования заключается в выявлении степени и механизмов влияния западных теорий международных отношений на процессы политической, экономической и интеллектуальной трансформации России в постсоветский период.

Теоретические основы исследования: основные парадигмы и их рецепция в России

Современная теория международных отношений представляет собой сложное поле конкурирующих парадигм, среди которых доминирующее положение занимают реализм, либерализм и конструктивизм. Как отмечает Т.А. Алексеева, «теоретический плюрализм стал отличительной чертой дисциплины на рубеже XX–XXI веков» [3, с. 12].

Реализм и неореализм. Классический реализм (Г. Моргентау, Р. Арон) рассматривает международную систему как анархичную структуру, в которой государства, руководствующиеся национальными интересами и стремлением к безопасности, выступают основными акторами. Неореализм К. Уолтца акцентирует внимание на структурных характеристиках системы и распределении сил [4]. Для России обращение к реалистической парадигме было обусловлено необходимостью осмысления своего места в новой иерархии международных отношений после утраты статуса сверхдержавы.

Либерализм и неолиберализм. Либеральная традиция, восходящая к И. Канту и развитая в работах Р. Кохейна и Дж. Ная, подчеркивает роль международных институтов, экономической взаимозависимости и распространения демократических ценностей в обеспечении мира и сотрудничества [5]. В начале 1990-х годов именно эта парадигма легла в основу внешнеполитического курса России, ориентированного на интеграцию в «сообщество цивилизованных государств».

Конструктивизм.Конструктивистский подход (А. Вендт, П. Катценштейн) уделяет первостепенное внимание влиянию идей, норм, идентичностей и культуры на формирование международных отношений. Как подчеркивает А.П. Цыганков, «конструктивизм позволил поставить вопрос о том, как представления российской элиты о себе и о Западе влияют на формирование внешнеполитической стратегии» [6, с. 45].

После распада Советского Союза российские исследователи начали активно осваивать и адаптировать данные теоретические подходы. Процесс рецепции западной теории прошел несколько этапов: от некритического заимствования в 1990-е годы к критическому переосмыслению в 2000-е и формированию собственных теоретических концепций в 2010–2020-е годы [7, с. 28].

Политическая трансформация России: институциональный дизайн и западные модели

Политическая трансформация России, начавшаяся в период перестройки (1985–1991) под влиянием идей демократизации и гласности, продолжилась после распада СССР в условиях острой политической борьбы между президентской и законодательной ветвями власти.

Принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году закрепило основы президентской республики с сильной исполнительной властью, что, по мнению ряда исследователей, отражало не столько следование классической модели президенциализма (по типу США), сколько адаптацию западных институтов к российским традициям централизации власти [8, с. 87]. Были имплантированы такие элементы западной демократической модели, как многопартийность, принцип разделения властей, конституционный контроль и институт выборов.

Однако процесс институционального строительства сопровождался серьезными дисфункциями. Как отмечает В.Я. Гельман, «формальное копирование институтов не привело к их эффективному функционированию из-за отсутствия необходимых социальных и культурных предпосылок, а также из-за конфликта элит» [8, с. 91]. Становление многопартийной системы происходило в условиях доминирования «партии власти» и слабости оппозиционных структур. Принцип разделения властей неоднократно становился предметом острых конфликтов, кульминацией которых стали события октября 1993 года.

Важно отметить, что политическая трансформация России проходила в условиях глубокого социально-экономического кризиса, что существенно влияло на характер и темпы институциональных изменений. Отсутствие устойчивых демократических традиций и гражданского общества затрудняло укоренение заимствованных институтов, которые часто функционировали формально, не выполняя своих предназначенных функций.

Экономические реформы и рыночная трансформация: влияние монетаризма и либерализма

После распада СССР Россия при поддержке западных советников (Дж. Сакс, А. Ослунд) и международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк) приступила к реализации программы радикальных рыночных реформ, известной как «шоковая терапия». Теоретической основой этих реформ послужили идеи монетаризма (М. Фридман) и неолиберальной экономической теории, делавшие акцент на быстрой либерализации, приватизации и макроэкономической стабилизации [9].

Основными направлениями реформ, реализованных правительством Е. Гайдара в 1992 году, стали:

– Либерализация цен (январь 1992 г.);
– Либерализация внешней торговли;
– Массовая приватизация государственной собственности (ваучерная приватизация 1992–1994 гг.).

Согласно данным Всемирного банка, в период с 1991 по 1998 год валовой внутренний продукт России сократился почти на 40%, промышленное производство упало более чем на 50%, а инфляция в 1992 году достигла 2500% [2]. Социальные последствия реформ выразились в резком росте неравенства (коэффициент Джини вырос с 0,26 в 1991 г. до 0,40 в 1996 г.), обнищании значительной части населения и падении продолжительности жизни.

Дискуссия о причинах неудач «шоковой терапии» продолжается до сих пор. Критики (Дж. Стиглиц, С. Глазьев) указывают на игнорирование институциональных особенностей и социальной структуры постсоветской экономики, а также на просчеты в последовательности реформ [10; 11]. Сторонники радикальных реформ, напротив, утверждают, что альтернативы им не существовало, а негативные последствия были неизбежной платой за создание рыночной экономики.

Важно подчеркнуть, что экономическая трансформация России осуществлялась под сильным влиянием западных теоретических концепций, однако их практическая реализация в российских условиях привела к результатам, существенно отличавшимся от ожидаемых. Это обстоятельство стимулировало критическое переосмысление западных экономических теорий и поиск собственных моделей развития.

Эволюция внешней политики России: от либерализма к реализму и многополярности

Внешняя политика России в постсоветский период прошла несколько этапов, каждый из которых характеризовался доминированием определенной теоретической парадигмы.

Этап 1: Либерально-западнический (1991–1995).** В начале 1990-х годов под руководством министра иностранных дел А. Козырева Россия стремилась к скорейшей интеграции в западные политические и экономические структуры. Концепция «атлантизма» предполагала, что Россия разделяет общие ценности с Западом и может стать его стратегическим партнером. В этот период Россия присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира» (1994 г.), стала участницей «Большой семерки» (превратившейся в «Большую восьмерку»), активизировала сотрудничество с МВФ и Всемирным банком. Однако расширение НАТО на восток (1999 г.) и война в Югославии (1999 г.) подорвали доверие к этой модели.

Этап 2: Переход к многополярности (1996–2004).** Назначение Е. Примакова министром иностранных дел в 1996 году ознаменовало поворот к более прагматичному и многовекторному курсу. Примаков выдвинул концепцию многополярного мира, основанную на реалистическом понимании международных отношений, где Россия должна выступать самостоятельным центром силы в противовес американской гегемонии [12]. Важными внешнеполитическими инициативами этого периода стали создание «шанхайской пятерки» (1996 г., позднее преобразованной в ШОС) и активизация отношений с Китаем и Индией.

Этап 3: Прагматичный национализм (2004–2014).** В этот период внешняя политика России становится более наступательной, опираясь на возросшие экономические возможности (высокие цены на нефть). Мюнхенская речь В. Путина (2007 г.) и война с Грузией (2008 г.) продемонстрировали готовность России отстаивать свои интересы силовыми методами. В теоретическом плане усиливается влияние реалистической парадигмы и концепции «суверенной демократии».

Этап 4: Посткримский период (с 2014 г.).** После воссоединения с Крымом и начала конфликта на Донбассе внешняя политика России формируется в условиях конфронтации с Западом, что усиливает влияние реалистических и цивилизационных подходов. Активно развиваются концепции «Русского мира», «поворота на Восток», евразийской интеграции. В этот период происходит окончательный отказ от либерально-идеалистических представлений о международных отношениях.

Таким образом, эволюция внешней политики России демонстрирует постепенный отход от либеральной парадигмы в сторону реалистического и цивилизационного подходов, что отражает как изменения в международной среде, так и внутренние процессы формирования новой российской идентичности.

Евразийская и геополитическая школа: синтез западных теорий и отечественной традиции

В постсоветский период в России усилился интерес к геополитическим теориям и идеям евразийства. Произошло своеобразное «возвращение» классической геополитики (Ф. Ратцель, Х. Маккиндер, К. Хаусхофер), которая в советский период находилась под идеологическим запретом как «буржуазная лженаука». Параллельно возродился интерес к идеям классиков евразийства 1920-х годов (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский), рассматривавших Россию-Евразию как особый цивилизационный и географический мир [13].

В 1990–2000-е годы геополитическая и евразийская проблематика разрабатывалась широким кругом исследователей: К.С. Гаджиевым [14], А.С. Панариным, А.Г. Дугиным и др. Важно отметить, что в академической среде существует значительная дифференциация подходов: от умеренного цивилизационного подхода, признающего евразийскую специфику России, до радикальных геополитических концепций, которые подвергаются критике за излишнюю идеологизированность и детерминизм [15, с. 32].

Согласно евразийской концепции, Россия представляет собой особую цивилизацию, находящуюся на пересечении европейских и азиатских культурных традиций, что определяет ее уникальную роль как «моста» или самостоятельного геополитического центра. Эти идеи оказали заметное влияние на формирование концепций евразийской интеграции (ЕАЭС) и на риторику российской внешней политики в восточном направлении.

Важно подчеркнуть, что евразийство и геополитика представляют собой не просто заимствование западных теорий, а их творческое переосмысление в контексте российских интеллектуальных традиций и исторического опыта. В этом смысле они являются примером синтеза западных и отечественных подходов к анализу международных отношений.

Современные тенденции развития российской школы международных отношений

В современной России наблюдается процесс институционализации собственной научной традиции в области международных отношений, которая уже не может рассматриваться как простое заимствование западных концепций [16].

Основные тенденции развития российской школы международных отношений:

1. Критическое переосмысление западных теорий.Российские исследователи активно используют западные теоретические концепции, но одновременно стремятся адаптировать их к национальным особенностям и историческому опыту России, выявляя границы их примени-

мости. Как отмечает М.М. Лебедева, «сегодня уже недостаточно простого применения западных теорий к российскому материалу – требуется их критическая переработка с учетом специфики страны» [7, с. 35].

2. Развитие собственных концептуальных подходов. Формируются оригинальные теоретические построения: теория «гибридных войн» (А. Бартош), концепции «цветных революций» и управления хаосом, теории многополярности и региональной безопасности. Особое внимание уделяется проблемам «мягкой силы», публичной дипломатии и информационного противоборства.

3. Возвращение к историко-философской традиции.Происходит реабилитация и интеграция в современный дискурс идей отечественных мыслителей (Н. Данилевский, В. Соловьев, И. Ильин, Л. Гумилев). Их концепции культурно-исторических типов, цивилизационной идентичности и евразийства получают новое звучание в контексте современных дискуссий о месте России в мире.

4. Междисциплинарность. Усиливается взаимодействие международников с историками, философами, экономистами, культурологами. Это позволяет более глубоко и комплексно анализировать международные процессы, учитывая их многомерный характер.

5. Институционализация научного сообщества. Создаются новые исследовательские центры, профессиональные ассоциации (например, РАМИ – Российская ассоциация международных исследований), проводятся регулярные конференции, издается широкий спектр научных журналов.

Таким образом, современная российская школа международных отношений представляет собой сложный синтез западных теоретических традиций, классической российской мысли и нового опыта, приобретенного в ходе постсоветской трансформации и международных конфликтов последних десятилетий. Этот процесс отражает общую тенденцию к плюрализации теоретических подходов в мировой науке о международных отношениях.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Западные теории международных отношений (реализм, либерализм, конструктивизм) оказали значительное влияние на процессы трансформации российского общества и государства после распада Советского Союза. Это влияние проявилось в трех основных сферах: политические реформы (институциональный дизайн), экономические преобразования («шоковая терапия») и формирование внешнеполитической стратегии.

2. Интенсивность и характер влияния менялись на разных этапах: от некритического заимствования либеральных моделей в начале 1990-х годов к прагматичному реализму и синтезу с отечественными интеллектуальными традициями в 2000–2020-е годы.

3. Адаптация западных теорий происходила избирательно, с учетом исторических, культурных и геополитических особенностей России. Наиболее востребованными оказались реалистические и геополитические подходы, в то время как либерально-идеалистические концепции подверглись критике после разочарования в политике Запада.

4. В настоящее время российская научная традиция в области международных отношений постепенно формирует собственный подход к анализу международных процессов, сочетающий западные теоретические модели, элементы классической евразийской мысли и концептуализацию уникального исторического опыта России. Этот процесс отражает общую тенденцию к плюрализации теоретических подходов в мировой науке о международных отношениях.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным анализом механизмов трансфера и адаптации конкретных теоретических концепций в различных сегментах российского экспертного сообщества, а также с изучением обратного влияния российской теоретической мысли на мировую науку о международных отношениях.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.

2. World Bank. Russian Economic Report. – Washington: World Bank, 2002. – № 1. – 45 p.

3. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 623 с.

4. Waltz K.N. Theory of International Politics. – Reading: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.

5. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. – 2nd ed. – Glenview: Scott, Foresman, 1989. – 315 p.

6. Цыганков А.П. Внешняя политика России: от Ельцина до Путина. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 368 с.

7. Лебедева М.М. Мировая политика: учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 368 с.

8. Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. – СПб.: БХВ-Петербург, 2013. – 256 с.

9. Sachs J. Russia's Struggle with Stabilization: Conceptual Issues and Evidence. – Washington: World Bank, 1994. – 78 p.

10. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. – New York: W.W. Norton, 2002. – 304 p.

11. Глазьев С.Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. – М.: Астра семь, 1998. – 320 с.

12. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М.: Российская газета, 2009. – 240 с.

13. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – 800 с.

14. Гаджиев К.С. Геополитика: учебник для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 376 с.

15. Миллер А.И. Россия и Европа: история и перспективы взаимоотношений // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12. – № 4. – С. 24–38.

16. Tsygankov A.P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. – 5th ed. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. – 336 p.

TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE POST-SOVIET PERIOD: THE INFLUENCE OF WESTERN INTERNATIONAL RELATIONS THEORIES

Chen Jiajing
Heilongjiang University

The collapse of the Soviet Union (1991) was a pivotal event that led to a profound transformation of the political, economic, and social systems of the Russian Federation. Amidst a systemic crisis and the need to forge a new development model, the Russian state faced the challenge of redefining its role in the international system. This article analyzes the influence of Western theories of international relations (realism, liberalism, constructivism) on the processes of transformation of Russian society and the state in the post-Soviet period. Special attention is paid to the impact of theoretical concepts on the political reforms of the 1990s, economic transformations (liberalization, privatization), and the evolution of Russia's foreign policy strategy – from A. Kozyrev's pro-Western course to E. Primakov's concept of multipolarity and beyond. The influence of Western scientific paradigms on the formation and development of the modern Russian school of international relations is examined separately, including their synthesis with ideas of Eurasianism and geopolitics. The methodological basis of the study comprises the historical-genetic method, comparative analysis, and a systemic approach. The author concludes that Western theories of international relations played a significant role in shaping both the scientific discourse and the practical policy of Russia in the 1990s and early 2000s. However, their adaptation was selective, taking into account Russia's historical, cultural, and geopolitical peculiarities, which led to the formation of a synthetic approach combining elements from various theoretical traditions.

Keywords: Russia; international relations; political transformation; economic reforms; foreign policy; Eurasianism; geopolitics; post-Soviet period; Western theories; neorealism.

References

1. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Moscow: International Relations, 1998, 256 p.

2. World Bank. Russian Economic Report. Washington: World Bank, 2002, no. 1, 45 p.

3. Alekseeva T.A. Modern Political Thought (20th-21st Centuries): Political Theory and International Relations. Moscow: Aspect Press, 2015, 623 p.

4. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley, 1979, 251 p.

5. Keohane R. O., Nye J.S. Power and Interdependence. 2nd ed. Glenview: Scott, Foresman, 1989, 315 p.

6. Tsygankov A.P. Russia's Foreign Policy: From Yeltsin to Putin. Moscow: Aspect Press, 2016. 368 p.

7. Lebedeva M.M. World Politics: A Textbook for Universities. 4th Edition, Corrected and Supplemented. Moscow: Aspect Press, 2019. 368 p.

8. Gelman V. Ya. Out of the Frying Pan into the Fire: Russian Policy after the USSR. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2013. 256 p.

9. Sachs J. Russia's Struggle with Stabilization: Conceptual Issues and Evidence. Washington: World Bank, 1994. 78 p.

10. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. New York: W.W. Norton, 2002. – 304 p.

11. Glazyev S. Yu. Genocide. Russia and the New World Order. Economic Growth Strategy on the Threshold of the 21st Century. – Moscow: Astra Seven, 1998. – 320 p.

12. Primakov E. M. A World Without Russia? What Political Myopia Leads to. – Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 2009. – 240 p.

13. Trubetskoy N.S. History. Culture. Language. – Moscow: Progress, 1995. – 800 p.

14. Gadzhiev K.S. Geopolitics: A Textbook for Universities. – 6th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait, 2020. – 376 p.

15. Miller A.I. Russia and Europe: History and Prospects of Relations // Russia in Global Affairs. – 2014. – Vol. 12. – No. 4. – Pp. 24–38.

16. Tsygankov A.P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. – 5th ed. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. – 336 p.

Тенденции развития технологического сотрудничества между США и Японией в период с 2021 по 2025 гг.

Шаповалов Александр Евгеньевич,
аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: a1615sh@gmail.com,

Статья посвящена вопросам технологического сотрудничества между Соединенными Штатами Америки (США) и Японией. В материале представлен обзор инновационной политики Вашингтона и Токио. Проводится анализ тенденций развития торговли высокотехнологической продукцией между странами. Представлен перечень инструментов поддержки американских и японских предприятий. Статья содержит информацию о возможных форматах сотрудничества между США и Японией в области инноваций. Обеспечение конкурентоспособности рассматривается в качестве приоритетного направления инновационной политики. Реализация совместных проектов позволяет создать благоприятные условия для углубления экономических связей. Приоритетными сферами взаимодействия являются квантовые технологии, искусственный интеллект (ИИ), полупроводники, цифровая трансформация, биотехнологии. В материале особый акцент делается на инициативах обеих стран, которые призваны расширить возможностей американских и японских компаний.

Ключевые слова: США, Япония, технологическое сотрудничество, конкуренция.

Современный этап развития соперничества между членами мирового сообщества характеризуется усилением борьбы за новые сферы влияния. Конкуренция в сфере высоких технологий является одним из элементов общей линии противостояния. США и Япония демонстрируют заинтересованность в наращивании собственного инновационного потенциала. Повышение геополитической напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) стимулирует Вашингтон и Токио пересматривать прежние подходы к выстраиванию научно-технической и исследовательской кооперации. Страны вынуждены учитывать возможные угрозы для экономической безопасности, связанные с распространением технологий и утечкой критически важной информации, нарушением цепочек поставок, ужесточением ограничений на иностранные инвестиции, усилением экспортного контроля со стороны потенциальных конкурентов. Развитие американо-японского сотрудничества в сфере инноваций сопровождается процессами оценки эффективности существующих механизмов взаимодействия, которые призваны вовлечь в диалог предприятия, научно-исследовательские институты и государственные структуры.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей развития технологического сотрудничества между США и Японией. В исследовании рассматриваются подходы Вашингтона и Токио в реализации инновационной политики и совершенствования инфраструктуры, ориентированной на поддержку научно-исследовательские и опытно-конструкторские работ (НИОКР). Проводится анализ существующих механизмов взаимодействия на разных уровнях и способов поддержки представителей частного сектора. В исследовании представлена оценка современных тенденций развития кооперации Вашингтона и Токио в области инноваций.

Подход США к совершенствованию инновационного комплекса

США рассматривают вопрос наращивания инновационного потенциала в качестве одного из ключевых направлений политики в области обеспечения национальной безопасности. Соперничество в сфере высоких технологий является частью общей линии противостояния между Соединенными Штатами и Китаем. Приоритетными направлениями инновационной политики Вашингтона являются искусственный интеллект (ИИ), робототехника, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), квантовые вычислительные и облачные системы, полупроводники и микроэлектроника [8]. Угрозы кибербезопасности, уязвимости в цепочках поставках, геополитическая конкуренция воспринимаются в качестве барьеров для стабильного развития инфраструктуры исследований и разработок. Перед правительством США стоят задачи по сохранению конкурентоспособности и наращиванию промышленного потенциала в области высоких технологий [1]. Политика государства ориентирована на предоставление финансовой поддержки субъектам инновационной деятельности, формирование благоприятной среды для предприятий, содействие цифровой трансформации, стимулирование процессов совершенствования национальной инфраструктуры НИОКР. США выражают заинтересованность к расширению научно-исследовательской кооперации с союзниками и партнерами. Сотрудничество может осуществляться посредством создания механизмов проведения консультаций и координации совместной деятельности на уровне отраслевых министерств и специализированных ведомств. Государство поощряет инициативы, ориентированные на вовлечение в диалог основных субъектов инновационной деятельности стран-партнеров. К соответствующей категории игроков относятся предприятия, университеты, научно-исследовательские центры, правительственные структуры. В период с 2021 по 2025 гг. администрации Дж. Байдена приняла ряд крупных инициатив, к числу которых относятся «CHIPS and Science Act», «National Semiconductor Technology Center (NSTC)», «CHIPS for America» [7, 11, 1]. Вашингтон стремился решить задачи по укреплению внутренних цепочек поставок полупроводников, развитию технологий корпусирования, разработке новых методов, моделей и измерительных приборов для работы с материалами при создании чипов, наращиванию производственных мощностей и сокращению сроков создания итоговой продукции, подготовки квалифицированных кадров. В то же время

администрация Дж. Байдена издала ряд указов, направленных на формирование системы правового регулирования ИИ. Администрация заложила основные принципы политики в отношении вопросов развития инфраструктуры искусственного интеллекта, обеспечения энергетической автономности ключевых ее элементов, разработки безопасного программного обеспечения (ПО) для правительства, модернизации информационных систем [3, 4].

Приход администрации Д. Трампа сохранил курс на обеспечение технологического лидерства США. Одним из приоритетных направлений для команды 47-го президента Соединенных Штатов стала сфера ИИ. В 2025 г. администрация Д. Трамп разработала ряд значимых документов, к числу которых относятся меморандумы M-25–21 «Accelerating Federal Use of AI through Innovation, Governance, and Public Trust» и M-25–22 «Driving Efficient Acquisition of Artificial Intelligence in Government on AI procurement» [9, 10]. Соединенные Штаты заинтересованы в нивелировании возможных ограничений для развития приоритетных технологий. Вашингтон стремится ликвидировать административные барьеры, создать дополнительный спрос на продукцию американских компаний, обеспечить полномасштабное внедрение искусственного интеллекта в различных отраслях.

Подходы Японии к совершенствованию инновационного комплекса

Правительство Японии при формировании инновационной политики придерживается подхода, ориентированного на стимулирование внутренних разработок и углубление международной кооперации. Вопросы развития собственной инфраструктуры НИОКР сопряжены с действиями государствами в области обеспечения экономической безопасности. Токио в качестве актуальных угроз рассматривает нарушение цепочек поставок, утечку критически важной информации, усиление экспортного контроля и влияния на процессы создания высокотехнологичной продукции со стороны потенциальных конкурентов, формирование экономических блоков, ограничивающих возможности для торговли между странами [8]. Поддержка инновационной деятельности осуществляется посредством утверждения специализированных программ, субсидий, налоговых льгот, содействия сотрудничеству между государством и частным сектором. В условиях новой геополитической реальности действия правительства во главе с премьер-министром Фумио Кисидой были сконцентрированы на продвижении научных и технологических достижений, укреплении исследовательского потенциала, формировании инновационной экосистемы, способной удовлетворить запросы государства в приоритетных сферах конкуренции. Правительство предпринимало действия по стимулированию процессов развития экосистемы стартапов, поддержке новых технологических рынков, оптимизации издержек при модернизации ключевых секторов экономики, формирование\ю положительного восприятия инноваций среди населения. В практической области это нашло отражение в разработке таких инициатив, как «Global Startup Campus» (GSC), «Integrated Innovation Strategy», «Hiroshima Process International Guiding Principles for Organizations Developing Advanced AI System» [14, 18, 6]. Действия Токио были ориентированы на углубление кооперации между японскими компаниями и зарубежными партнерами, снижение экономической зависимости, сохранение доступа к материалам и значимым технологиям, формировании принципов, актуальных для разработчиков ИИ-решений, стимулирование международного научно-технического сотрудничества. Кабинет во главе с Сигэру Исибой сохранил определенную преемственность при реализации инновационной политики. В 2025 г. правительство Японии представило обновленный вариант «Integrated Innovation Strategy 2025» [19]. Приоритетными направлениями для премьер-министра Сигэру Исибы стали ИИ, квантовые технологии, биотехнологии, космические исследования, энергетика, решоринг производственных процессов [12]. Подход премьер-министра направлен на стимулирование процессов развития национальной инфраструктуры НИОКР, формирование нормативно-правовой среды для осуществления инновационной деятельности.

Особенности развития технологического сотрудничества между США и Японией

Современный этап развития контактов между США и Японией в области инноваций характеризуется активным сближением сторон и разработкой новых форматов кооперации. Приход в 2025 г. администрации Д. Трампа и правительства под руководством премьер-министра Санаэ Такаити способствовало укреплению двустороннего технологического сотрудничества. Стороны приняли ряд значимых документов. В октябре 2025 г. на официальном уровне подписали меморандум «Memorandum of cooperation Regarding the Technology Prosperity Deal Between the Government of Japan and the Government of the United States of America» [8]. В документе определены приоритетные направления сотрудничества в области инноваций, к числу которых относятся ИИ, биотехнологии, квантовые технологии, термоядерная энергетика, космические исследования, связь следующего поколения. При подписании данного меморандума Вашингтон и Токио стремились решить задачи по улучшению способов защиты собственных разработок, налаживанию более тесной кооперации между всеми участниками инновационной деятельности, укреплению цепочек поставок, поддержке японских и американских производителей оборудования, аппаратуры, программного обеспечения (ПО), расширению межведомственной координации. В то же время Япония подтвердила намерение предоставить инвестиции США в размере 550 млрд долл. Приоритетными сферами являются энергетическая инфраструктура, экосистема ИИ, электроника, цепочки поставок, полезные ископаемые. США и Япония заключили отдельное соглашение по редкоземельным материалам. В документе «United States-Japan Framework For Securing the Supply of Critical Minerals and Rare Earths through Mining and Processing» обозначены способы координации и управления процессами добычи и организации поставок [8]. Стороны достигли договоренностей по созданию совместных механизмов отбора проектов и привлечения инвестиций. США и Япония работают над ускорением и упрощением процедур выдачи разрешений для добычи, разделения и переработки критически важных и редкоземельных материалов. В соответствии с основными положениями соглашения была создана Американо-японская группа быстрого реагирования по обеспечению безопасности поставок критически важных минералов, которая ориентирована на предотвращение перебоев и управление общими цепочками. Премьер-министр Санаэ Такаити сохранила курс своего предшественника. В период с 2024 по 2025 гг. Д. Трамп и Сигэру Исида рассматривали в качестве приоритетных направлений в рамках двустороннего технологического сотрудничества ИИ, полупроводники, экономическую безопасность. Страны демонстрировали заинтересованность в углублении партнерства в условиях обострения торговой войны между США и Китаем и реализации протекционистской политики [13]. Основной задачей для правительства под руководством премьер-министра Сигэру Исибы после возвращения Д. Трампа и усиления экономического давления стало снижение тарифов и сохранение благоприятных условий работы для японских компаний. При Дж. Байдене и Ф. Кисиде США и Япония расширили связи в области искусственного интеллекта. Стороны содействовали заключению двух партнерских соглашений в области ИИ между Вашингтонским университетом и Университетом Цукуба, а также между Университетом Карнеги-Меллона и Университетом Кейо [15]. Общий размер инвестиций составил 110 млн долл. Проекты включают следующие направления: мультимодальное обучение ИИ, робототехника, работа с кадрами, взаимодействие искусственного интеллекта с человеком.

Правовую основу двустороннего сотрудничества в области технологий составляет соглашение «Japan-US Science and Technology Agreement» [17]. Документ устанавливает общие принципы взаимодействия в сфере науки и технологий и предусматривает реализацию договоренностей о совместной деятельности. В соответствии с достигнутыми договоренностями были созданы отдельные площадки для координации действий, представления и обмена позициями на разных уровнях. Совместный комитет высокого уровня Японии и США по сотрудничеству в области науки и технологий (JHLC) может рассматриваться в качестве платформы для поддержания диалога, обсуждения национальной инновационной политики и определения направлений двустороннего сотрудничества. Деятельность Совместного рабочего комитета США и Японии по сотрудничеству в области науки и технологий (JWLC) ориентирована на оказание технической поддержки JHLC. JWLC может выступать в качестве дополнительного механизма поддержки при определении приоритетов и оценке результатов двустороннего сотрудничества.

В 2024 г. экспорт США в Японию достиг 80809 млн долл. [20]. Импорт составил 149554 млн долл. Дефицит торгового баланса с Японией сократился на 3,1 млрд долларов США до 68,7 млрд долл. На современном этапе стороны стремятся расширить двусторонние контакты в области инноваций. На рисунке 1 представлена общая динамика изменения торговли высотехнологической продукцией обеих стран [5]. В период с 2017 по 2024 гг. прослеживался умеренный рост объема экспорта США. Общее значение показателя составило 385,33 млрд долл. Динамика изменения объемов экспорта высокотехнологической продукции из Японии характеризовался умеренным ростом до 2021 г. С 2022 г. прослеживались тенденции спада. В 2024 г. Общий показатель достиг 105,5 млрд. долл.

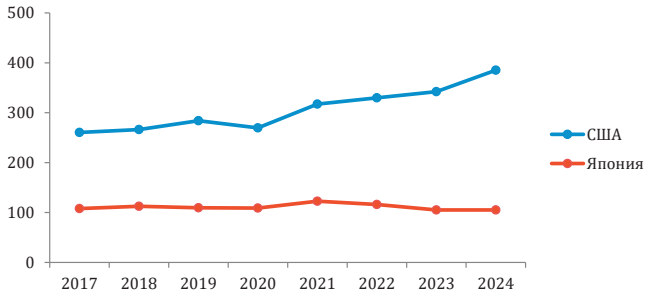

Рис. 1. Динамика изменения экспорта высокотехнологической продукции США и Японии в период с 2017 по 2024 гг.

Источник: составлено автором на основе данных World Intellectual Property Organization

Совместная деятельность США и Японии в области развития технологий находит отражение в реализации исследовательских проектов и программ, создании партнерств на уровне отдельных ведомств и структур. В 2021 г. Вашингтон и Токио запустили инициативу «the U.S.-Japan Competitiveness and Resilience Partnership» (CoRe) [16]. Одним из актуальных блоков CoRe является технологическое сотрудничество. Страны определили приоритетные сферы взаимодействия и формы кооперации. Инициатива ориентирована на укрепление связей США и Японии в области цифровой экономики, кибербезопасности, космических исследований, международных стандартов, экспортного контроля, управления цепочками поставок. Альтернативными форматами взаимодействия являются создание стратегических альянсов и совместных предприятий (СП), содействие обмену технологиями, инвестиционное сотрудничество.

Токио заинтересован в развитии двусторонних связей с Вашингтон в области инноваций. Однако у Японии сохраняются опасения в отношении торговой политики Д. Трампа. Использование тарифов в качестве средства давления на союзников и партнеров позволяет Вашингтону создать условия для улучшения условий работы американских компаний на зарубежных рынках и привлечь дополнительные инвестиции в экономику. Однако подобные действия снижают доверие среди союзников и партнеров к Соединенным Штатам. Для Японии важно поддерживать стабильные отношения с США для решения вопросов в сфере безопасности. В то же время Токио стремится укрепить торговые и технологические связи с другими партнерами для нивелирования рисков, связанных с возможностями увеличения давления со стороны Д. Трампа.

Заключение

Трансформация геополитического соперничества способствует изменению прежнего восприятия роли инноваций в сфере обеспечения национальной безопасности и стимулирования экономического развития. Сотрудничество между США и Японией в области технологий может позиционироваться в качестве платформы, позволяющей странам учитывать актуальные направления взаимодействия и возможные форматы кооперации. Действия Вашингтона и Токио направлены на формирование новой экосистемы инноваций, учитывающей современный потенциал технологических компаний и научно-исследовательских институтов каждой из стран. США и Япония рассматривают вопрос углубления кооперации в качестве приоритетного направления деятельности. На официальном уровне стороны предприняли действия для стимулирования американских и японских компаний к выстраиванию более тесных технологических и научно-исследовательских связей. Создание совместных механизмов координации действий в области инноваций и управления цепочками поставок позволяет странам обеспечивать межведомственный диалог и выработать общую стратегию. Вашингтон и Токио выражают определенную заинтересованность в сохранении существующего формата сотрудничества. Однако стороны вынуждены учитывать особенности развития конкуренции в высокотехнологическом секторе. Политика каждой из стран ориентирована на поддержку отечественных компаний и их продукции. Усиление борьбы за сохранение позиций на ключевых рынках может прямое влияние на возможности развития технологического сотрудничества между странами.

Литература

1. CHIPS for America // NIST. URL: https://www.nist.gov/chips (Дата обращения: 16.12.2025)

2. CHIPS R&D Programs // SIA. URL: https://www.semiconductors.org/chips-rd-programs/ (Дата обращения: 10.12.2025)

3. Executive Order on Advancing United States Leadership in Artificial Intelligence Infrastructure // The White House. 2025.

4. FACT SHEET: New Executive Order on Strengthening and Promoting Innovation in the Nation's Cybersecurity // The White House. 2025.

5. High-Tech Exports Surge 9% in 2024, but Uncertainty Looms Amid Trade Tensions // WIPO. 2025. URL: https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/w/blogs/2025/high-tech-exports (Дата обращения: 10.12.2025)

6. Hiroshima Process International Guiding Principles for Organizations Developing Advanced AI System // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/files/100573471.pdf (Дата обращения: 19.12.2025)

7. H.R.4346 – CHIPS and Science Act // Congress.gov. 2021 URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346 (Дата обращения: 21.12.2025)

8. Japan-U.S. Summit Meeting, Signing Ceremony, and Japan- U.S. Working Lunch // MOFA. 2025. URL: https://www.mofa.go.jp/na/na1/us/pageite_000001_01338.html (Дата обращения: 13.12.2025)

9. M-25–21 «Accelerating Federal Use of AI through Innovation, Governance, and Public Trust» // The White House. 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/02/M-25–21-Accelerating-Federal-Use-of-AI-through-Innovation-Governance-and-Public-Trust.pdf (Дата обращения: 21.12.2025)

10. M-25–22 «Driving Efficient Acquisition of Artificial Intelligence in Government on AI procurement» // The White House. 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/02/M-25–22-Driving-Efficient-Acquisition-of-Artificial-Intelligence-in-Government.pdf (Дата обращения: 23.12.2025)

11. NSTC // Natcast. URL: https://natcast.org/ (Дата обращения: 19.12.2025)

12. Policy Speech by Prime Minister ISHIBA Shigeru to the 216th Session of the Diet // Prime Minister`s Office of Japan. 2024. URL: https://japan.kantei.go.jp/103/statement/202411/29shoshinhyomei.html (Дата обращения: 15.12.2025)

13. President Trump Hosts Prime Minister Ishiba in Washington // U.S. Embassy & Consulates in Japan. 2025. URL: https://jp.usembassy.gov/president-trump-hosts-prime-minister-ishiba-in-washington/ (Дата обращения: 21.12.2025)

14. The Global Startup Campus Initiative (Concept) // Cabinet Secretariat. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/campus/pdf/240829gsc_kihonhoushin_summary_en.pdf (Дата обращения: 10.12.2025)

15. United States and Japan Announce Two New University-Corporate AI Partnerships Worth $110 Million // U.S. Embassy & Consulates in Japan. 2024. URL: https://jp.usembassy.gov/us-japan-announce-2-university-corporate-ai-partnerships-worth-110-million/ (Дата обращения: 15.12.2025)

16. U.S.-Japan Competitiveness and Resilience (CoRe) Partnership // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/files/100347255.pdf (Дата обращения: 16.12.2025)

17. 第4節　科学技術についての国際協力. [Раздел 4 Международное сотрудничество в области науки и технологий] // MOFA. 1988. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1988/s63–2–4.htm (Дата обращения: 21.12.2025)

18. 統合イノベーション戦略2024. [Комплексная инновационная стратегия 2024] // Cabinet office. 2024. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2024_zentai.pdf (Дата обращения: 27.12.2025)

19. 統合イノベーション戦略 2025. [Комплексная инновационная стратегия 2025] // Cabinet office. 2025. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2025_zentai.pdf (Дата обращения: 23.12.2025)

20. 2024年は輸出入とも過去最高、貿易赤字が拡大（米国. [Импорт и экспорт достигнут рекордных максимумов в 2024 году, а дефицит торгового баланса увеличится] // JETRO. 2025. URL: https://www.jetro.go.jp/biz/areareports/2025/fb39f45e711d5a5c.html (Дата обращения: 26.12.2025)

TRENDS IN US-JAPAN TECHNOLOGICAL COOPERATION FROM 2021 TO 2025

Shapovalov A.E.
Lomonosov Moscow State University

This article examines technological cooperation between the United States of America (US) and Japan. It provides an overview of innovation policies in Washington and Tokyo. It analyzes trends in high-tech trade between the two countries. A current list of support tools for American and Japanese businesses is presented. The article also discusses potential formats for US-Japanese innovation cooperation. Ensuring competitiveness is considered a priority for innovation policy. Joint projects create favorable conditions for deepening economic ties. Priority areas of collaboration include quantum technologies, artificial intelligence (AI), semiconductors, digital transformation, and biotechnology. The article places particular emphasis on initiatives by both countries designed to expand the capabilities of American and Japanese companies.

Keywords: US, Japan, technological cooperation, competition

References

1. CHIPS for America // NIST. URL: https://www.nist.gov/chips (Дата обращения: 16.12.2025)

2. CHIPS R&D Programs // SIA. URL: https://www.semiconductors.org/chips-rd-programs/ (Дата обращения: 10.12.2025)

3. Executive Order on Advancing United States Leadership in Artificial Intelligence Infrastructure // The White House. 2025.

4. FACT SHEET: New Executive Order on Strengthening and Promoting Innovation in the Nation's Cybersecurity // The White House. 2025.

5. High-Tech Exports Surge 9% in 2024, but Uncertainty Looms Amid Trade Tensions // WIPO. 2025. URL: https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/w/blogs/2025/high-tech-exports (Дата обращения: 10.12.2025)

6. Hiroshima Process International Guiding Principles for Organizations Developing Advanced AI System // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2023. URL: https://www.mofa.go.jp/files/100573471.pdf (Дата обращения: 19.12.2025)

7. H.R.4346 – CHIPS and Science Act // Congress.gov. 2021 URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346 (Дата обращения: 21.12.2025)

8. Japan-U.S. Summit Meeting, Signing Ceremony, and Japan- U.S. Working Lunch // MOFA. 2025. URL: https://www.mofa.go.jp/na/na1/us/pageite_000001_01338.html (Дата обращения: 13.12.2025)

9. M-25–21 «Accelerating Federal Use of AI through Innovation, Governance, and Public Trust» // The White House. 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/02/M-25–21-Accelerating-Federal-Use-of-AI-through-Innovation-Governance-and-Public-Trust.pdf (Дата обращения: 21.12.2025)

10. M-25–22 «Driving Efficient Acquisition of Artificial Intelligence in Government on AI procurement» // The White House. 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/02/M-25–22-Driving-Efficient-Acquisition-of-Artificial-Intelligence-in-Government.pdf (Дата обращения: 23.12.2025)

11. NSTC // Natcast. URL: https://natcast.org/ (Дата обращения: 19.12.2025)

12. Policy Speech by Prime Minister ISHIBA Shigeru to the 216th Session of the Diet // Prime Minister`s Office of Japan. 2024. URL: https://japan.kantei.go.jp/103/statement/202411/29shoshinhyomei.html (Дата обращения: 15.12.2025)

13. President Trump Hosts Prime Minister Ishiba in Washington // U.S. Embassy & Consulates in Japan. 2025. URL: https://jp.usembassy.gov/president-trump-hosts-prime-minister-ishiba-in-washington/ (Дата обращения: 21.12.2025)

14. The Global Startup Campus Initiative (Concept) // Cabinet Secretariat. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/campus/pdf/240829gsc_kihonhoushin_summary_en.pdf (Дата обращения: 10.12.2025)

15. United States and Japan Announce Two New University-Corporate AI Partnerships Worth $110 Million // U.S. Embassy & Consulates in Japan. 2024. URL: https://jp.usembassy.gov/us-japan-announce-2-university-corporate-ai-partnerships-worth-110-million/ (Дата обращения: 15.12.2025)

16. U.S.-Japan Competitiveness and Resilience (CoRe) Partnership // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/files/100347255.pdf (Дата обращения: 16.12.2025)

17. 第4節　科学技術についての国際協力. [Section 4 International cooperation in science and technology] // MOFA. 1988. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1988/s63–2–4.htm (Дата обращения: 21.12.2025)

18. 統合イノベーション戦略2024. [Integrated Innovation Strategy 2024] // Cabinet office. 2024. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2024_zentai.pdf (Дата обращения: 27.12.2025)

19. 統合イノベーション戦略 2025. [Integrated Innovation Strategy 2025] // Cabinet office. 2025. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2025_zentai.pdf (Дата обращения: 23.12.2025)

20. 2024年は輸出入とも過去最高、貿易赤字が拡大（米国）. [Imports and exports will reach record highs in 2024, and the trade deficit will widen] // JETRO. 2025. URL: https://www.jetro.go.jp/biz/areareports/2025/fb39f45e711d5a5c.html (Дата обращения: 26.12.2025)

«Позиционная война» XXI века: концепция Антонио Грамши как идейный прародитель современной «мягкой силы»

Юзопольский Марк Давидович,
аспирант ФГБОУ ВО «Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»
E-mail: mark.yuzopolskiy@mail.ru

Статья посвящена выявлению концептуальной преемственности между теорией «культурной гегемонии» Антонио Грамши и концепцией «мягкой силы» (soft power) Джозефа Ная. Рассматривается потенциал классического неомарксистского наследия для преодоления современного инструментального и поверхностного понимания механизмов несилового политического влияния в международных отношениях.

В статье анализируется внутреннее содержание понятий «гегемония» и «консенсус». Раскрываются механизмы формирования «спонтанного согласия» масс, основанного на доверии к доминирующей группе. Отдельное внимание уделено процессам, окружающим вышеупомянутые понятия, такие как «позиционная война» и «молекулярная трансформация» ценностей. Кроме того, выявляются формы и роли интеллигенции как главного агента формирования «консенсуса», а также описываются условия упадка «гегемонии» и последствия перехода к исключительно силовому доминированию в периоды органических кризисов.

Ключевые слова: Антонио Грамши, культурная гегемония, мягкая сила, Джозеф Най, позиционная война, международные отношения, гражданское общество, публичная дипломатия.

В современной политической науке и теории международных отношений концепция «мягкой силы», предложенная американским политологом Джозефом Наем в начале 1990-х годов, стала одной из наиболее востребованных аналитических категорий, которой пользуются как теоретики, так и практики. Способность государства добиваться желаемых результатов не через принуждение, а через привлекательность собственной культуры, идеологии и внешней политики признается сегодня одним из ключевых факторов глобального лидерства. Однако избыточная прикладная популярность термина привела к его концептуальному размыванию: «мягкую силу» все чаще сводят к инструментарию публичной дипломатии, работе СМИ, экспорту массовой культуры или образовательным обменам. Подобный подход не только упрощает понимание самого феномена «мягкой силы», но и оставляет за скобками фундаментальный вопрос: каковы глубинные, структурные механизмы формирования того самого добровольного подчинения, которое Джозеф Най в своих работах назвал «привлекательностью»?

Для преодоления сложившегося теоретико-методологического кризиса представляется интересным обращение к классическому наследию неомарксизма, в первую очередь – к идеям итальянского мыслителя Антонио Грамши, изложенным в его «Тюремных тетрадях». Несмотря на то, что Грамши анализировал внутриполитические процессы национального государства начала XX века, а Дж. Най – систему международных отношений эпохи постбиполярного мира, оба автора исследовали феномен власти, основанной на той самой «привлекательности».

Концепция «гегемонии», которую развивал в своих работах Антонио Грамши, предвосхитила многие постулаты «мягкой силы», описав господство одного субъекта над другими не как статичное состояние, а как сложный, непрерывный процесс борьбы за завоевание и удержание власти. Грамши ввел в оборот понятия «позиционной войны» за гражданские институты и «молекулярной трансформации» общественного сознания – метафоры, которые удивительно точно описывают современные глобальные информационно-идеологические противостояния.

Анатомия «консенсуса»: как конструируется добровольное подчинение

Ключевым связующим звеном между идеями Антонио Грамши и теорией Джозефа Ная является отказ от идеи о том, что власть может опираться исключительно на силу принуждения. Если классическая политическая мысль акцентировала внимание на монополии государства на легитимное насилие, то Грамши смещает фокус на механизмы добровольного подчинения. В «Тюремных тетрадях» он, анализируя властные отношения внутри государства, описывает двойственную природу власти, которая впоследствии найдет отражение в сформулированной Дж. Наем дихотомии «жесткая сила» – «мягкая сила»: «В настоящий момент мы можем зафиксировать два основных надстроечных уровня: первый можно назвать «гражданским обществом», то есть совокупностью субъектов, обычно называемых «частными», а второй – «политическим обществом» или «Государством» <…> эти два уровня соответствуют, с одной стороны, функции «гегемонии», которую господствующая группа осуществляет во всем обществе, а с другой стороны, функции «прямого господства» или командования, осуществляемого через Государство и «официальные» институты» [1, p. 12].

Таким образом, именно в поле деятельности «гражданского общества» формируется феномен, который Дж. Най назовет «привлекательностью» – способность заставить других хотеть того же, чего хочешь ты. Грамши описывает этот механизм через категорию «спонтанного согласия». По его мнению, гегемония опирается на ««спонтанное» согласие широких масс населения в отношении той «генеральной линии», которую навязывает господствующая группа». Итальянский мыслитель подчеркивает, что это согласие не возникает из ниоткуда: оно «исторически обусловлено престижем (и, как следствие, доверием), которым господствующая группа пользуется благодаря своему положению и функции в мире производства» [1, p. 12–13]. Соответственно, уровень престижа и доверия у Грамши выступает в качестве показателя принятия политических и культурных идеалов, которые

транслирует господствующий класс в рамках реализации своей внутриполитической стратегии «мягкой силы».

Важно отметить, что Грамши, как и позднее Дж. Най в концепции «умной силы» (smart power), не противопоставляет консенсус и принуждение, а рассматривает их как взаимодополняющие элементы устойчивой политической системы. Стабильная гегемония, по мнению итальянского философа, невозможна без баланса этих двух компонентов. Как отмечает Грамши: «Нормальное осуществление гегемонии на ставшей уже классической почве парламентского режима характеризуется сочетанием силы и согласия, которые взаимно уравновешивают друг друга, при этом сила не преобладает чрезмерно над согласием» [1, p. 80].

Более того, легитимация силового аппарата также обеспечивается «мягкими» инструментами. Антонио Грамши подчеркивает, что правящая группа всегда стремится к тому, чтобы «сила казалась основанной на согласии большинства, выраженном так называемыми органами общественного мнения – газетами и ассоциациями». Этот тезис поразительно точно описывает современные информационные кампании, где применение «жесткой силы» (военных интервенций или экономических санкций) предварительно легитимизируется через инструменты «мягкой силы» на площадках международных институтов и в глобальных медиа.

Таким образом, «консенсус», согласно Грамши, представляет собой сложный механизм, где «мягкая сила» гражданского общества выступает первичным и более эффективным инструментом управления, а «жесткая сила» государства – резервным аппаратом, вступающим в действие лишь тогда, когда культурно-идеологическая привлекательность дает сбой.

«Крепости и траншеи» гражданского общества

Для понимания процесса формирования гегемонии и выявления ее уязвимостей ключевым становится введенное А. Грамши понятие «позиционной войны». В современных международных отношениях прямое военное столкновение великих держав, или, выражаясь в терминах А. Грамши, «маневренная война», становится все более затратным и менее эффективным инструментом в долгосрочной перспективе, что неизбежно переносит центр тяжести геополитической конкуренции в сферу борьбы за умы, ценности и общественные институты – то есть в плоскость сформулированной Дж. Наем «мягкой силы».

Антонио Грамши концептуализировал этот сдвиг, анализируя устойчивость капиталистических государств Запада. Он пришел к выводу, что, в отличие от стран Востока, на Западе государственно-силовой аппарат правящего класса – это лишь видимый фасад, за которым стоит целый комплекс мощных конструкций под общим названием «консенсус»: «На Востоке Государство было всем, гражданское общество было первобытным и студенистым; на Западе между Государством и гражданским обществом существовало надлежащее отношение, и когда Государство начинало дрожать, сразу же обнаруживалась прочная структура гражданского общества». По его выражению, «Государство было лишь передовой траншеей, за которой стояла мощная система крепостей и земляных укреплений» [1, p. 238].

Эта «система крепостей» (образование, медиа, культура, религия) и является главной мишенью в политике «мягкой силы» Джозефа Ная. Согласно теории Грамши, чтобы подорвать влияние «гегемона», подчиненным группам бессмысленно атаковать только государственные институты. Необходима долгая и изнурительная борьба за смыслы: «…в войнах между более индустриально и социально развитыми государствами маневренная война должна рассматриваться скорее как тактическая, нежели стратегическая функция <…>. Надстройки гражданского общества подобны системам траншей в современной войне» [1, p. 235]. В терминах Дж. Ная это означает, что победа над конкурентом в современных реалиях должна достигаться не за счет лобового военного столкновения, а путем создания и воплощения в жизнь более привлекательной модели будущего, которая будет постепенно перехватывать лояльность населения противника.

Важнейшим методологическим вкладом Грамши в теорию несилового влияния является концепт «молекулярности», главной характеристики «маневренной войны», отличающей ее от «позиционной». В то время как многие современные аналитики склонны оценивать эффективность «мягкой силы» по краткосрочным результатам (главным образом исключительно через количественные показатели, такие как охват аудитории, число грантов, иностранных студентов и т.д.), Грамши настаивает на том, что трансформация ценностей – это микроскопический, скрытый процесс. Он отдельно отмечает, что формирование новой коллективной идентичности «требует чрезвычайно тщательного, молекулярного процесса исчерпывающего анализа в каждой детали <…>, которые в своей гигантской совокупности представляют этот долгий труд, порождающий коллективную волю с определенной степенью однородности» [1, p. 194].

Подлинная «мягкая сила» работает именно на этом «молекулярном» уровне. Она не навязывает идеологию напрямую, а постепенно перестраивает повседневные привычки, взгляды и предпочтения. Конечной целью «позиционной войны» является то, что Грамши называет «тотальной и молекулярной индивидуальной трансформацией способов мышления и действий» [1, p. 267]. Когда такая трансформация завершена, прежняя гегемония рушится изнутри, поскольку старые ценности перестают восприниматься как «естественные», перестают соответствовать «здравому смыслу». Именно эта длительная, диффузная природа культурного влияния делает «мягкую силу» столь грозным оружием, результаты применения которого, выражаясь словами Грамши, вынуждают старые системы «постоянно реорганизовываться и сталкивают их с новыми вызовами».

Субъекты «мягкой силы»: от «органической» интеллигенции к современным агентам влияния

Если механизмы конструирования консенсуса и пространство борьбы определены, возникает ключевой вопрос об акторах: кто именно осуществляет «позиционную войну» и управляет инструментами «мягкой силы»? В классической теории Джозефа Ная субъектами soft power выступают не только государства, но и транснациональные корпорации, неправительственные организации (НКО), университеты, деятели поп-культуры и др. Антонио Грамши в «Тюремных тетрадях» предлагает более глубокую социологическую концептуализацию этих акторов, объединяя их понятием «интеллигенция».

Грамши радикально расширяет традиционное понимание интеллигенции как узкой группы творческих работников и ученых. Для него это функциональная категория, охватывающая всех, кто занимается организацией общественных связей и производством смыслов. Он определяет их роль предельно точно: «Интеллигенция – это «приказчики» («deputies») господствующей группы, осуществляющие субдоминантные функции социальной гегемонии и политического управления» [1, p. 12]. Именно эти «приказчики» и выступают главными инженерами «спонтанного согласия» масс.

Вдобавок к этому, итальянский мыслитель вводит важное для понимания механизмов «гегемонии» разделение на «традиционную» и «органическую» интеллигенцию. «Органическая» интеллигенция создается каждой новой социальной группой, выходящей на историческую сцену. Она тесно связана с экономическим базисом этой группы и служит прямым проводником ее интересов, превращая их в универсальные ценности [1, p. 9]. В контексте международных отношений это объясняет, почему экономическая экспансия (например, американских технологических корпораций) неизбежно сопровождается появлением пула «органических» интеллектуалов – глав крупных технологических компаний, политологов, журналистов крупнейших СМИ, политических активистов, которые легитимизируют и глобализируют определенную модель развития, делая ее привлекательной для остального мира.

В то же время Грамши указывает на необходимость работы с «традиционной» интеллигенцией (священнослужителями, академическими учеными, независимыми журналистами), которая считает себя автономной от власти, но чей символический капитал критически важен для удержания гегемонии [1, p. 10]. Интеграция этих независимых лидеров мнений в орбиту влияния доминирующей группы является высшим проявлением «консенсуса», без которого невозможна подлинная «гегемония».

Ключевым институтом формирования интеллигенции, по мнению Грамши, выступает образовательная система: «Школа – это инструмент, посредством которого вырабатываются интеллектуалы различных уровней <…>. Чем обширнее область, охватываемая образованием, и чем многочисленнее вертикальные уровни школьного обучения, тем сложнее культурный мир, «цивилизация» конкретного государства» [1, p. 10–12]. Этот тезис является прямым теоретическим обоснованием современных стратегий экспорта образования и программ академических обменов, которые остаются мощнейшими инструментами формирования лояльных элит в странах-реципиентах.

Таким образом, то, что сегодня мы именуем «мягкой силой» – это не возникшая на пустом месте идея об абстрактном «излучении привлекательности», а ежедневный труд сложной сети интеллектуалов-организаторов. Они выступают не просто ретрансляторами государственных нарративов, а архитекторами той самой «молекулярной трансформации» сознания. В современной политологии эта концепция, выдвинутая выдающимся итальянским мыслителем в эпоху между двумя крупнейшими в истории человечества «маневренными войнами», полностью совпадает с тем, что теперь принято называть инфраструктурой публичной дипломатии, институтами гражданского

общества, информационным сопровождением внешнеполитической деятельности и т.д.

Пределы «привлекательности»: при каких обстоятельствах «гегемония» становится «потемкинской деревней»

Теория Джозефа Ная справедливо подчеркивает сложность управления «мягкой силой»: в отличие от военной мощи, она не может быть включена по приказу, а ее утрата (например, из-за непоследовательной внешней политики) наносит непоправимый ущерб долгосрочным интересам государства. Антонио Грамши в «Тюремных тетрадях» предлагает глубокий структурный анализ ситуации, при которой происходит утрата «консенсуса» и крушение «гегемонии», указывая на отсутствие бесконечного запаса прочности у конструкции, которую сегодня мы именуем «мягкой силой».

Прежде всего Грамши ясно дает понять, что любая гегемония не вечна. Ее кризис наступает в момент, когда доминирующий субъект теряет способность интегрировать интересы подчиненных и больше не может обеспечивать «спонтанное согласие». Момент перехода от «мягкого влияния» к силовому принуждению А. Грамши описывает предельно четко: «Если правящий класс упустил состояние консенсуса, то есть является теперь не «руководящим», а лишь «господствующим», пользуясь исключительно силой принуждения, это означает, что широкие массы оторвались от своих традиционных идеологий и больше не верят в то, во что верили ранее» [1, p. 275–276].

В терминах Джозефа Ная это означает полное банкротство стратегии «мягкой силы». Когда государство или глобальный актор лишается привлекательности и не может предложить убедительного образа будущего, он вынужден компенсировать этот дефицит применением «жесткой силы». Однако Грамши справедливо замечает, что ставка на один лишь аппарат принуждения, то есть «Государство», после обрушения поддерживавших гегемона «крепостей» гражданского общества делает политическую конструкцию крайне хрупкой. Кроме того, диктат без прочного идеологического фундамента не способен генерировать долгосрочную лояльность.

Этот разрыв между правящими элитами и массами порождает состояние глубокой политической и социокультурной нестабильности, которое Грамши называет «органическим кризисом». Описывая этот процесс, он отмечает: «В определенный момент своей исторической жизни социальные классы отделяются от своих традиционных партий <…>. Когда происходят такие кризисы, непосредственная ситуация становится деликатной и опасной, потому что открывается поле для насильственных решений, для деятельности неизвестных сил <…>. Кризис заключается именно в том, что старое умирает, а новое не может родиться; в это междуцарствие появляется огромное разнообразие болезненных симптомов» [1, p. 210–211].

В современной международной парадигме это «междуцарствие» можно трактовать как кризис глобального лидерства, когда доминирующая держава (или альянс) сталкивается с тем, что ее ценности (идеология, культура, экономическое и политическое устройство, внешняя политика) больше не воспринимаются остальным миром как безусловное благо. Утратив «консенсус» и «спонтанное согласие» в результате применения двойных стандартов во внешней политике, внутренней неэффективности или банального нежелания считаться с интересами других субъектов, гегемон постепенно сталкивается с ростом «болезненных симптомов» (региональных конфликтов, альтернативных идеологических проектов).

Таким образом, запас прочности любой гегемонии, по мнению Грамши, ограничивается главным образом способностью элит адаптироваться к изменяющимся условиям путем распознавания и инкорпорирования в свою идеологическую парадигму интересов тех, на кого они распространяют или желают распространить свое влияние. Утрата этой способности (провал в «молекулярной трансформации» сознания) ведет к делигитимации власти и обнажает жесткий силовой каркас, который сам по себе не способен предотвратить окончательный распад системы.

Вывод

Концептуальное сопоставление теории «культурной гегемонии» Антонио Грамши и концепции «мягкой силы» (soft power) Джозефа Ная демонстрирует глубокую преемственность в понимании природы несилового политического влияния. Несмотря на то, что Грамши создавал свои «Тюремные тетради» в первой половине XX века для анализа внутригосударственных классовых противоречий, а Дж. Най формулировал свою концепцию в конце столетия для описания внешней политики США в однополярном мире, оба теоретика зафиксировали фундаментальный сдвиг в механизмах удержания власти: переход от прямого диктата к управлению через привлекательность и консенсус.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, выявленная А. Грамши дихотомия «политического общества» (аппарата принуждения) и «гражданского общества» (сферы частных субъектов) можно смело назвать методологическим прототипом разделения на «жесткую» и «мягкую» силу. Подобно более поздней концепции «умной силы» Джозефа Ная, идеи А. Грамши демонстрируют, что устойчивая власть требует диалектического единства обоих элементов – взаимного уравновешивания силы и согласия при доминирующей роли последнего.

Во-вторых, обращение к категориальному аппарату Антонио Грамши позволяет преодолеть поверхностное, сугубо инструментальное понимание «мягкой силы» как набора пиар-технологий. Итальянский мыслитель доказывает, что формирование «спонтанного согласия» – это не разовая кампания, а длительный «молекулярный процесс», требующий тотальной трансформации способов мышления и повседневных практик. В этом контексте современное глобальное противостояние государств в информационной и ценностной сферах наиболее адекватно описывается метафорой «позиционной войны» за системы «крепостей и траншей» гражданского общества.

Отдельно стоит отметить, что не менее интересным образом итальянский мыслитель детализирует субъектную структуру «гегемонии», отводя главную роль «органической» и «традиционной» интеллигенции, функцию которых в современных международных отношениях выполняют мозговые центры, образовательные институции, медиа, НКО и др.

Наконец, теория Грамши четко определяет, от чего зависит эффективность и само существование «гегемонии». Утрата правящей группой идеологического консенсуса и опора исключительно на силовое принуждение ведет к «органическому кризису» и состоянию опасного «междуцарствия».

Таким образом, идеи Антонио Грамши не просто исторически предвосхитили концепт Джозефа Ная, но и предлагают глубокий, теоретико-методологический аппарат для его анализа. В XXI веке, когда классическая «жесткая сила» становится все более затратной и трудно применимой, именно концепции Грамши могут помочь в понимании подлинных механизмов конструирования, удержания и разрушения глобальной гегемонии на микроуровне человеческого сознания и институтов гражданского общества, открывая новые возможности не только для теоретического развития концепции «мягкой силы», но и для успешного ее применения в практической плоскости.

Литература

1. Hoare Q., Smith G.N. Selections from The Prison Notebooks of Antonio Gramsci. – First edition изд. – New York: International Publishers, 1971.

THE 21ST CENTURY «WAR OF POSITION»: ANTONIO GRAMSCI AS THE IDEOLOGICAL PROGENITOR OF MODERN SOFT POWER

Yuzopolsky M.D.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to identifying the conceptual continuity between Antonio Gramsci's theory of «cultural hegemony» and Joseph Nye's concept of «soft power». The potential of the classical neo-Marxist heritage to overcome the modern instrumental and superficial understanding of the mechanisms of non-coercive political influence in international relations is considered.
The article analyzes the internal content of the concepts of «hegemony» and «consensus». The mechanisms of forming the «spontaneous consent» of the masses, based on trust in the dominant group, are revealed. Special attention is paid to the processes surrounding the aforementioned concepts, such as the «war of position» and the «molecular transformation» of values. Furthermore, the forms and roles of intellectuals as the main agents of consensus building are identified, and the conditions for the decline of «hegemony» and the consequences of the transition to exclusively coercive domination during periods of organic crises are described.

Keywords: Antonio Gramsci, cultural hegemony, soft power, Joseph Nye, war of position, international relations, civil society, public diplomacy.

References

1. Hoare, K., Smith, G. N. Selections from Antonio Gramsci's Prison Notebooks. First edition. New York: International Publishing House, 1971.

Статус древнебалкарских каменных склепов в контексте исторической памяти

Берберова Лиана Бурхановна,
доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: berberova.liana@yandex.ru

Во многих местах на окраинах нашей страны, в стороне или внутри поселений находятся древние заброшенные строения и сооружения, которые по сути являются историческими памятники. Живя рядом с ними, люди задумываются о прошлом и о своем месте в мире. Глядя на разрушающийся и заросший травой фундамент, человек невольно примеряет эту судьбу на себя и свои достижения. Возникает чувство долга перед предками и тревога за «дней связующую нить». Часто именно такие размышления побуждают местных жителей придать смысл тому или иному древнему памятнику строительства. Новый смысл может зависеть от специфики времени. Происхождение и предназначение древних сооружений становится предметом научного, культурного и даже политического спора. Это явление не относится к поздним и достаточно подробно описанным памятникам архитектуры Нового и Новейшего времени, но относится к таким объектам истории как «города мертвых» на Северном Кавказе. В настоящей работе изложен ряд рефлексивных замечаний относительно статуса некрополей в Республике Кабардино-Балкария, исторических эпидемий чумы, а также их влияния на ментальность местного населения.

Ключевые слова: Балкария, история, склеп, мавзолей, статус, усыпальница, историческая память, табу.

Подземные и полуподземные склепы в Балкарии

«Города мертвых» на Северном Кавказе представляют собой уникальные некрополи – сложные архитектурные ансамбли, состоящие из наземных и полуподземных склепов, служивших родовыми усыпальницами на протяжении нескольких столетий. Помимо осетинского Даргавса – самого известного некрополя с 99 сооружениями, подобные комплексы встречаются и в других республиках Северного Кавказа. В их числе Эльтюбю (Кабардино-Балкария) – некрополь с 8 сохранившимися мавзолеями (*кешене*) X–XVII веков. Здесь представлены прямоугольные и восьмигранные сооружения с двускатными или пирамидальными крышами. Согласно фундаментальному труду [1, с. 33], всего на территории Балкарии и Карачая было зафиксировано около пяти десятков надземных мавзолеев – княжеских усыпальниц, а также большое количество подземных и полуподземных склепов. Следует уточнить, что в настоящей работе рассматриваются подземные и полуподземные склепы. На рисунке 1 представлен пример полуподземного сооружения в Черекском ущелье в Кабардино-Балкарии. Видно, что он выложен изнутри и по периметру входа огромными бутовыми камнями. По мнению северокавказского историка И.М. Мизиева, коллективные подземные и полуподземные склепы Балкарии возникали в силу устойчивых родовых отношений и малоземелья. Возможно, в обычае их сооружения выражался древний общечеловеческий культ предков. Таков традиционный научный взгляд на склеповую строительную культуру Северного Кавказа.

Эпидемическая версия использования склепов

Вместе с тем имеется спорная эпидемическая версия: использование склепов для самоизоляции во время чумы [2]. Если вспомнить историю в данном аспекте, то можно утверждать, что в XVII–XVIII веках регион пережил опустошительные эпидемии чумы и холеры [3]. Самым ярким тому подтверждением можно считать наличие в региональном фольклоре целого ряда трагических песен с характерными названиями «Первая чума», «Вторая чума», «В Балкарии крымская холера» и т.п. По мнению специалистов, «эти тексты в совокупности являются важным историческим и этнокультурным документом, где запечатлены конкретные топонимы (Ышхайты, Учкулан, Чегет, Кюнлюм), имена погибших из числа знати (Асланбек Кучуков, Бийнегер, Каншау), предметы бытовой культуры и народные обычаи» [4, с. 219]. В контексте данной статьи следует отметить одну значимую деталь: сказители в своих погребальных нарративах часто упоминают эпитет «земляные колыбели» (жер бешикле), под которыми, скорее всего, подразумеваются упомянутые нами полуподземные склепы.

На территории Северо-Кавказского федерального округа расположено шесть природных очагов чумы, четыре из которых полностью находятся в его границах [5]. Природный очаг чумы – это участок географического ландшафта, являющийся природным «резервуаром» инфекции, где чумная палочка сохраняется в дикой природе неопределенно долгое время. Человек, попадая на территорию такого очага и контактируя с его компонентами, может случайно заразиться. Основными носителями в северокавказских очагах чумы являются: *малый суслик* (Citellus pigmaeus), *горный суслик* (Spermophilus musicus), *обыкновенная полевка* (Microtus arvalis), *полуденная песчанка* (Meriones meridianus), *гребенщиковая песчанка* (Meriones tamariscinus).

Логично предположить о свирепствовавшей чуме в старые времена и о массовом явлении добровольной изоляции в каменные «боксы» в ожидании исцеления или смерти. В настоящее время наличие таких некрополей, как в Даргавсе или Эльтюбю, формирует мощный культурный и ментальный пласт у живущих рядом народов. Даже после прекращения захоронений некрополи оставались запретными зонами. Существовали строгие табу на шум, смех, использование оружия вблизи склепов. Нарушение этих запретов, по поверьям, могло навлечь проклятие на весь род. Эта сакрализация пространства формирует уважительное, благоговейное отношение к истории и «корням», которое передается из поколения в поколение. У балкарцев в ходу множество юмористических и поучительных историй о незадачливых ночных путниках, угодивших в подземный склеп. В частности, в ходу рассказ «Азрет бла Марат» (Азрет и Марат) о двух подвыпивших путниках, спрятавшихся в грозу в склепе приняв его за укрытие. Азрет (более пьяный) очнувшись, озирался по сторонам и спросил Марата, не узнав его «Где

я?». Марат ответил: «На том свете». Тогда Азрет сказал: «Раз ты знаешь местных, то скажи, где можно раздобыть водки» (Архив автора).

Если посмотреть на пример соседней Северной Осетии, можно увидеть, что в постсоветский период некрополи стали одним из главных символов осетинской идентичности.

Заключение

В архитектурной истории балкарского народа важное место занимают древние мавзолеи и склепы. Проведенное исследование позволяет установить их двойной статус: с одной стороны, в мирное время они выполняли роль усыпальниц для знатных лиц, а с другой, в эпоху эпидемических заболеваний их использовали как «земляные» или «каменные колыбели» для усопших. В настоящее время названные сооружения являются не только источником важной исторической информации, но и мерилом гуманистического самосознания людей. Отношение к раритетам – это зеркало отношения общества к собственной истории и этическим абсолютам. При этом фольклор выполняет важнейшую охранную функцию, формируя у местного населения и у туристов чувство сверхуважительного отношения к погребальным комплексам некропольного типа.

Литература

1. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Том 1.
2. Григорова Л. «Город мёртвых». Как заболевшие горцы изолировались, чтобы спасти остальных. – Аргументы и Факты – Северный Кавказ, № 18, 29.04.2020.
3. Kotenov E. et al. / History of plague epidemics in the North Caucasus and modern epidemic potential of the natural foci of plague // Medical news of north caucasus, 2016. Vol. 11. Iss. 4.
4. Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев /отв. ред. Б.А. Берберов. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. – 624 с.
5. Герасименко Е.В. и др. Состояние численности второстепенных носителей в природных очагах чумы Северного Кавказа за период 2012–2017 гг., Университет им. В.И. Вернадского. 2018. № 4. С. 70.

THE STATUS OF ANCIENT BALKARIAN STONE CRYPTOSES IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY

Berberova L.B.
Financial University under the Government of the Russian Federation

In many places on the outskirts of our country, either within or on the outskirts of settlements, there are ancient abandoned buildings and structures that are essentially historical monuments. Living near them, people reflect on the past and their place in the world. Looking at the crumbling and grass-covered foundations, people involuntarily imagine this fate for themselves and their achievements. A sense of duty to their ancestors and anxiety for the «connecting thread of time» arises. It is often these reflections that prompt local residents to ascribe meaning to this or that ancient monument. This new meaning may depend on the specifics of the time. The origin and purpose of ancient structures is becoming a subject of scientific, cultural, and even political debate. This phenomenon does not apply to later and sufficiently detailed architectural monuments of the modern and contemporary periods, but rather to such historical sites as the «cities of the dead» in the North Caucasus. This paper presents a series of reflective comments regarding the status of necropolises in the Kabardino-Balkaria Republic, historical plague epidemics, and their impact on the mentality of the local population.

Keywords: Balkaria, history, crypt, mausoleum, status, burial vault, historical memory, taboo.

References

1. History of Balkaria and Karachay in the works of Ismail Miziev: In 3 volumes. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House, 2010. Volume 1.
2. Grigorova, L. «City of the Dead.» How sick highlanders isolated themselves to save the rest. – Arguments and Facts – North Caucasus, № 18, April 29, 2020.
3. Kotenov, E. et al. / History of plague epidemics in the North Caucasus and modern epidemic potential of the natural foci of plague // Medical news of North Caucasus, 2016. Vol. 11. Iss. 4.
4. Historical and heroic songs of the Karachays and Balkars / ed. B.A. Berberov. – Nalchik: Print Center Publishing House, 2025. – 624 p.
5. Gerasimenko E.V. et al. The population of secondary carriers in natural plague foci of the North Caucasus for the period 2012–2017, Vernadsky University. 2018. № 4. P. 70.

Критическое мышление: его включение в современный образовательный процесс

Ефимова Юлия Александровна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yulaefimova@fa.ru

В статье рассматривается важность критического мышления как неотъемлемой части современного образовательного процесса. Автор акцентирует внимание на необходимости интеграции навыков критического мышления в учебную практику, а не их преподавания в качестве отдельных дисциплин. Анализируются основные проблемы, связанные с обучением критическому мышлению, включая разнообразие интерпретаций этого термина и его широкое общее значение, что может привести к недопониманию и снижению эффективности обучения в случае недоговоренности в терминологии.

Статья также предлагает конкретные стратегии для улучшения формирования навыков критического мышления в аудиторной реалии. Подчеркивается, что критическое мышление должно рассматриваться как ключевой элемент качественного обучения, который способствует развитию аналитических и оценочных навыков у студентов. В заключение, автор выражает надежду, что предложенные рекомендации помогут сделать процесс современного образования более глубоким и осмысленным, способствуя подготовке студентов к вызовам XXI века. Таким образом, статья представляет собой ценный ресурс для педагогов, стремящихся улучшить качество образования и сформировать у обучающихся необходимые навыки для успешной жизни в современном обществе.

Ключевые слова: критическое мышление, личностно-ориентированный подход, профессиональная коммуникация, эффективное мышление.

Научитесь использовать свой ум, критическое мышление — ключ к творческому решению проблем в бизнесе

Ричард Бренсон

Когда мы обращаемся к понятию критического мышления и навыков XXI века, возникает вопрос: в какой концепции рассматривать данное явление. В данной статье мы планируем рассмотреть ряд особенностей, связанных с обучением критическому мышлению, а также выявить причины сложности этого процесса и предложить стратегии, которые могут способствовать улучшению формирования навыков критического мышления в процессе организации образовательного процесса. Наша цель – разработать практические рекомендации, которые сделают обучение более эффективным.

Предлагаем начать с анализа термина «критическое мышление». Многие из слов и фраз, используемых для описания данного понятия, находятся в призме неверного понимания или имеют настолько обширное значение, что может в конечном итоге запутать участников процесса. В этом контексте следует акцентировать внимание на слове «включение». Мы полагаем, что оно играет ключевую роль в подходе к преподаванию с элементами критического мышления.

Критическое мышление часто рассматривается как отдельный навык или даже предмет, а не как неотъемлемая часть качественной академической практики. Однако следует подчеркнуть, что навыки критического мышления должны быть интегрированы в учебный процесс, а не преподаваться как самостоятельная тема. Последнее является весьма распространенной практикой. Нами замечена тенденция выделения отдельных дисциплин, в курсе преподавания которых заложено формирование нужной компетенции.

Сама концепция «критического мышления» относится к одному из тех терминов, которые активно используются в образовательной реалии. Затруднительно представить себе новую публикацию или запуск курса без упоминания этого выражения. Тем не менее, существует значительное разнообразие интерпретаций того, что подразумевается под критическим мышлением. Это широкое значение может привести к тому, что термин станет слишком размытым и потеряет свою ценность.

Мы считаем, что для грамотного внедрения критического мышления в образовательный процесс необходимо разработать стратегии, которые помогут интегрировать этот навык в повседневную учебную практику и создать опору для подрастающего поколения специалистов, обладающих навыком выбора и применения актуальных знаний адекватно сложившейся ситуации в профессиональном мире.

Мы предполагаем, что предложенные практические советы станут основой для более осознанного и результативного подхода к обучению специалистов, готовых применять навыки критического мышления в решении профессиональных задач. Важно помнить, что лишь через сознательное встраивание этих элементов в учебный процесс можно добиться их существенной эффективности и практической ценности для студентов.

Для иллюстрации рассмотрим изображение (рис. 1).

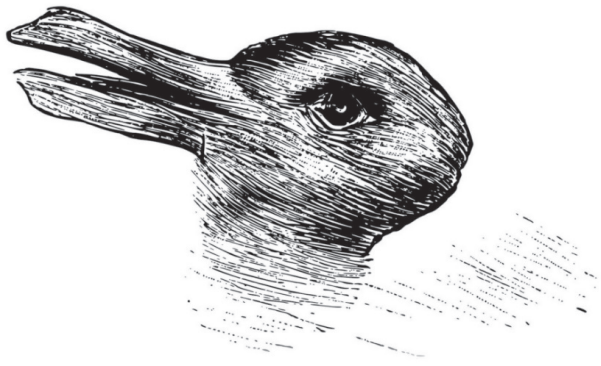

Рис. 1

Возможно, данное изображение знакомо многим, особенно в контексте изучения философии или лингвистики. Предлагается в течение 10–15 секунд описать то, что представлено на изображении, а именно: на одной стороне – утка, на другой – кролик. Данное изображение порождает множество интерпретаций; разные люди могут воспринимать его по-своему, используя различные описательные средства. Например, некоторые используют составные существительные, другие – альтернативные формулировки, а кто-то может сосредоточиться на единственном элементе или ассоциировать восприятие с определённой атмосферой.

Интересно отметить, что это изображение использовалось философом Людвигом Витгенштейном [Людвиг Витгенштейн, 2023] иллюстрации тематики амфиболии в языке. В данном размышлении сочетание «критическое мышление – утка-кролик» обозначает многообразие восприятий этого понятия. Существует значительное количество интерпретаций критического мышления среди различных участников образовательного процесса [Чикилева, Л.С., 2024] – учреждений, руководителей, преподавателей, учащихся, родителей и издателей. Важно подчеркнуть, что различия в понимании этого термина могут возникать не только между группами, но и внутри них, например, среди педагогов или студентов.

Таким образом, аналогично тому, как восприятие изображения может варьироваться от утки до кролика или их комбинации, термин «критическое мышление» часто используется без должной конкретизации, что приводит к неоднозначности. Параллельно с вышесказанным остается фраза «навыки 21 века» как неопределённая. В середине прошлого столетия в области обучения английскому языку как иностранному (ELT) обсуждение навыков 21 века казалось актуальным. Однако, к 2019 году, продолжающееся использование этой фразы вызывает беспокойство, так как она остаётся расплывчатой и обширной. Нам необходимо более детализировано рассмотреть эти понятия, чтобы точно определить, какие конкретно навыки мы развиваем в образовательном процессе текущего трансформационного периода.

Существует распространённый перечень так называемых «навыков 21 века», который включает в себя переносимые навыки, мягкие навыки и критическое мышление, а также гибкость, сотрудничество, социальные навыки, инициативу и другие. Мы считаем более продуктивным рассмотрение этих навыков в контексте их сущности вместо объединения их под одним общим термином.

Однако возникает следующий вопрос: насколько часто в реальном образовательном процессе наблюдаются проявления данных навыков? Для избегания излишних обобщений можно отметить, что часто уроки начинаются с формального приветствия – «Доброе утро/день», затем преподаватель проверяет домашние задания и дает простые инструкции типа «Выполните задание без помощи мобильных телефонов». Ряд студентов воспринимают подобного рода инструкции как вызов их возможностям.

Анализируя сложившуюся ситуацию в аудитории, возникает четкое мнение, что педагоги не готовы систематически уделять внимание формированию критических элементов у обучающихся, взамен этого достаточно большая часть метод и приемов остается традиционными и узконаправленными. Более того важным замечанием остается факт внедрения элементов критического мышления в курс преподавания определенных дисциплин без фактической реализации поставленных целей.

Мы с особой тщательностью наблюдали и собирали информацию о структуре и методике общения преподавателей в аудиториях: в разных странах, культурах основная часть занятия остается неизменной, когда обучающиеся располагаются за партами в рядах, их деятельность регламентируется вопросно-ответной формой и мотивируется получением дополнительных баллов.

Параллельно с нашими наблюдениями и сбором данных в нашем поле появляется информация касательно мягких навыков XXI века. Речь идет об особенностях коммуникации между поколениями специалистов, воспитанных и обученных педагогами дифференциальных позиций. Теперь мы имеем дело с субъект-субъектным типом коммуникации, эффективным обменом мнений, естественным способом мотивирования процесса обучения, повышенным уровнем инициативности и все это в грамотном доверии к современным технологиям.

Несмотря на наличие примеров успешных моделей, направленных на развитие критического мышления и навыков XXI века, многие традиционные подходы к обучению продолжают превалировать. Это создает препятствия для эффективной реализации новых методик. Изучение причин этих ограничений и связанных с ними вызовов является важной задачей для дальнейших исследований в области образования.

Мы решили обратиться к исследованию (https://reboot-foundation.org/lesson-plans/teaching-critical-thinking-skills/) в котором участвовало более тысячи учителей из 81 страны. Этот масштабный исследовательский проект выявил ряд парадоксальных результатов. Практически все респонденты согласны с тем, что развитие критического мышления у студентов является важной задачей образовательного процесса; многие считают это одной из основных функций преподавателя английского языка.

Тем не менее, только 21% участников опроса выразили мнение о том, что курсы академического английского действительно способствуют развитию этих навыков. Хотя существует разногласие относительно значимости таких курсов, лишь один из пяти опрошенных считает, что их занятия способствуют эффективному формированию критического мышления, аналогичное количество утверждает, что располагает необходимыми материалами для этой работы.

При этом половина респондентов указала на нехватку времени как на основное препятствие для полноценного развития критического мышления у обучающихся. Кроме того, только 17% сообщили о прохождении специального обучения или тренинга в данной области. Эти факторы создают серьезные вызовы для педагогов.

Несмотря на наличие единого мнения о необходимости развивать критическое мышление, многие преподаватели сталкиваются с отсутствием поддержки, необходимых ресурсов и недостатком времени для качественного выполнения поставленных целей. Это подчеркивает существующую проблему в образовательной системе, требующую внимания со стороны исследователей и практиков.

В настоящем исследовании рассматривается важность критического мышления в образовательном процессе и сложности, с которыми сталкиваются как преподаватели, так и студенты. В частности, начинающие учителя подчеркивают существующую неопределенность среди более опытных коллег относительно дефиниции критического мышления и методов его преподавания. Это свидетельствует о том, что восприятие критического мышления может варьироваться, а это, в свою очередь, может затруднить передачу этой концепции студентам.

Поскольку разрозненность взглядов среди педагогов в плане понимания и внедрения методов формирования навыков критического мышления в студенческой среде имеет место быть, то данный факт однозначно сказывается на восприятии обсуждаемого феномена самими обучающимися.

Более того, существует проблема недостатка доступных материалов, которые могли бы поддержать студентов в этом процессе. Например, популярная литература, посвященная критическому мышлению, часто написана на сложном и трудном для восприятия языке. Это подчеркивает необходимость разработки более доступных ресурсов, которые помогут обучающимся эффективно осваивать необходимые навыки.

Таким образом, необходимо обратить внимание на разнообразие восприятий критического мышления и недостаток ясных методических рекомендаций как для преподавателей, так и для студентов. Это открывает возможности для дальнейших исследований и разработки программ, способствующих более глубокому пониманию и применению критического мышления в образовательной практике.

Со стороны студентов получена информация о том, что они часто не в состоянии продемонстрировать свои лучшие качества в процессе получения высшего образования. Это явление вызывает разочарование у преподавателей, которые начинают задаваться вопросами о причинах низкой успеваемости студентов и их недостаточной подготовленности к бакалавриату или другим академическим программам. В результате, студенты испытывают недовольство, и это создает дополнительные трудности для педагогов, осуществляющих обучение на более высоком уровне.

Данная ситуация может привести к демотивации преподавателей, которые стремятся реализовать поставленные образовательные задачи, но, возможно, не обладают необходимыми знаниями или сталкиваются с серьезными трудностями в процессе обучения. Такое состояние дел может негативно сказаться на преподавании английского языка, поскольку педагоги могут почувствовать свою несостоятельность в выполнении учебных задач, что, в свою очередь, отражается на других аспектах их профессиональной практики.

На глобальном уровне эта проблема затрагивает национальные образовательные системы и международное сообщество в целом, поскольку они не могут в полной мере воспользоваться потенциалом, который мог бы быть реализован через качественное образование. Если существующие вызовы останутся без внимания, это может привести к системным проблемам и негативным последствиям в будущем.

Вопрос реализации практической стороны формирования навыков критического мышления в аудитории остается открытым. Одной из граней сомнения в современном мире является влияние учения Бен-

джамина Блума, идеи которого по-прежнему остается в центре всех обсуждений.

Мы предлагаем провести переоценку существующих подходов, несмотря на глубину и полезность идей, содержащихся в работах признанного авторитета в критическом мышлении. Оригинальная таксономия Блума, которую мы адаптировали для студентов нашего университета, представляет собой иерархическую структуру, где процесс обучения воспринимается как движение от знания к оценке через понимание, применение, анализ и синтез. Однако такая интерпретация может не соответствовать изначальным намерениям Блума и создавать проблемы восприятия у обучающихся [Taxonomy].

В ходе обсуждения применения таксономии Блума в образовательной практике мы проанализировали интеграцию его идей в реальную учебную среду. В частности, наставники подчеркивают, что если большинство студентов – первокурсники, то многие учебные цели должны ориентироваться на нижние уровни иерархии Блума. Переход к более высоким уровням таксономии может привести к разочарованию и установке недостижимых целей.

Напротив, для третьекурсников и четверокурсников требуется возможность осваивать более сложные учебные задачи. Превалирование целей низкого уровня может способствовать возникновению демотивации или апатии среди продвинутых студентов.

Однако в данной ситуации наблюдается отсутствие различия между уровнями – преподаватели зачастую не рассматривают взаимосвязь когнитивных и лингвистических навыков, вместо того чтобы анализировать синергию различных компетенций в контексте общего обучения. Одной из значимых ценностей, которые мы можем извлечь из работ Блума, является переосмысление его идей в современном контексте, а также широкий взгляд на их основные аспекты.

Рассмотрим следующий пример: в рамках изучения иноязычных материалов по теме «Закрытие сделок» студенты, как правило, испытывают затруднения в практическом применении инструментов иноязычного общения в бизнес среде. Элемент задания на занятии включает в себя такие вопросы, которые соответствуют сократической традиции – подходу к обучению через стимулирование мыслительной деятельности обучающихся. Может ли учащийся разработать продукт или сформулировать точку зрения? Ниже приведем пример задачи для студентов, ознакомившись с которой индивидуально и в ограниченное время сделав заметки, далее собираются в мини группы для разворачивания обсуждения. В качестве альтернативы, если студенты достаточно сильные и не нуждаются в подготовительном времени, один из обучающихся зачитывает задание вслух, приступая далее к мозговому штурму для достижения консенсуса и закрытия сделки.

Situation A Tom Hissop has a great rapport with his boss and has gained a lot of knowledge from him. Now, as his boss is departing from the company, he has invited Tom to come along and work for a larger firm in a comparable position with a modest increase in salary. Tom is weighing his options thoughtfully. He enjoys collaborating with his boss, but there are still many prospects available at his current company. He realizes that he will feel disloyal № matter which choice he makes. What would you do in this situation?

Том Хиссоп находится в отличных отношениях с начальником и многому у него научился. Сейчас, поскольку его начальник уходит из компании, он пригласил Тома пойти с ним работать в крупной фирме на подобной должности с небольшим повышением зарплаты. Том тщательно взвешивает свои возможности. Ему нравится сотрудничать с начальником, но в его нынешней компании есть перспективы. Он понимает, что он будет чувствовать себя неловко, независимо от выбора. Что бы вы сделали в этой ситуации?

Situation B Sebastian Pannell's supervisor has proposed that he could work from home two days a week, although this would come with a small pay cut of 10% per day (resulting in a total reduction of 20% per week). He finds this idea appealing for various reasons, particularly because he currently spends two hours commuting each day. However, the decrease in salary presents a challenge.

What would you do if you were in his position?

Супервизор Себастьяна Паннелла предложил ему работать из дома два дня в неделю с небольшим сокращением зарплаты на 10% в день (что приведет к общему снижению на 20% в неделю). Себастьяну нравится эта идея по разным причинам, особенно потому, что в настоящее время он тратит по два часа на дорогу каждый день. Однако снижение зарплаты не входит в его планы и создает определенные трудности. Что бы вы сделали, будучи на его месте?

Эти вопросы могут оказаться полезными как для студентов, так и для преподавателей. Критическое мышление не следует рассматривать как сложное и трудное задание, доступное лишь ограниченному числу людей с высокими интеллектуальными способностями. Вместо этого, мы можем задавать простые и понятные вопросы, которые способствуют эффективной практике.

Важно демистифицировать процесс критического мышления и побудить студентов осознать его использование в повседневной жизни. Приходя на занятия в аудиторию и практикуясь выражать свои мысли на английском языке, студенты не всегда осознают сам факт применения навыков критического мышления. Чтобы акцентировать их внимание на этом, достаточно задать элементарный вопрос о том, какие мысли их посещали во время последнего визита в магазин. Как рассуждали, какие делали выводы, что их подвело к выбору и т.д. В этом контексте, они обращаются к предыдущему опыту, применяют его, анализируя набор продуктовой корзины, бюджет, запросы семьи, планируя разнообразное меню. Таким образом, мы стимулируем студентов размышлять о том, как они применяют критическое мышление в своих повседневных действиях, что может облегчить интеграцию этих навыков в аудитории.

Кроме того, важно подчеркнуть, что критическое мышление не ограничивается академическими задачами, а является универсальным инструментом для принятия решений в различных сферах жизни. Например, при оценке достоверности информации в СМИ, анализе аргументов в дискуссиях или планировании личных финансов. Такой подход способствует развитию метакогнитивных навыков – осознания собственных мыслительных процессов, что значительно повышает эффективность обучения.

Преподавательская методика, основанная на соединении теории и практики через конкретные жизненные примеры, позволяет снизить психологический барьер перед освоением сложных когнитивных стратегий. Это обеспечивает более глубокое понимание и включает студентов в активный процесс осмысления, что положительно сказывается на их мотивации и способности применять критическое мышление целенаправленно и сознательно.

Таким образом, интеграция повседневных контекстов в обучение критическому мышлению способствует формированию важных компетенций XXI века, необходимых для адаптации в быстро меняющемся и насыщенном информацией обществе.

Существует также цифровая таксономия Блума, которая предполагает ориентирование на студентов и рассмотрение ситуации с их точки зрения. Многие из них являются цифровыми аборигенами, выросшими в окружении технологий, ставших неотъемлемой частью их жизни. В целях развития критического мышления студентов важно рассмотреть, как они применяют эти навыки в интернет-пространстве. Большинство терминов, которые мы употребляем, могут быть знакомы обучающимся; в некоторых случаях они оказываются даже более привычными для них, чем для нас. Мы говорим о таких понятиях, как реклама, дискриминация, блоггинг, подкастинг, влоггинг, контент-маркетинг, информационная перегрузка, цифровая грамотность, кибербуллинг. Все эти термины демонстрируют практическое применение критического мышления.

Использование цифровой таксономии позволяет учитывать особенности современного информационного общества и формировать у студентов навыки анализа, оценки и создания цифрового контента. Важно обучать их критическому подходу к информации, выявлению предвзятости и манипуляций, что особенно актуально в условиях растущего объема доступных данных. Таким образом, интеграция цифровой таксономии в образовательный процесс способствует не только развитию когнитивных умений, но и формированию ответственного и осознанного поведения в цифровой среде.

Мы полагаем, что цифровая таксономия Блума может стать эффективным инструментом для демонстрации результативности критического мышления, особенно при интеграции цифровых технологий в образовательный процесс. Несколько модифицированная версия таксономии применяется нами в практике формирования навыков иноязычного общения в рамках профессионального обучения. В целом студенты погружаются во время знакомства с новым материалом в деятельность, связанную с такими мыслительными процессами, как объяснение, сопоставление, исследование, определение и классификация. Для более простых формулировок, с которыми некоторые студенты пока не готовы работать, можно предложить задания, например: сделать выбор между двумя вариантами, оценить факт по степени важности или обосновать выбор X вместо Y.

При выполнении таких заданий и использовании соответствующих глаголов по программе мы максимально внедряем элементы критического мышления. Например, в теме рекламы и личного брендинга существует проблема ERROR 404, обсуждая которую студенты обнаруживают новшество в виде скрытой социальной странички вместо неприятного интерфейса. Задача вскрывает ряд решений, направленных на значимость такого подхода для ряда компаний в привлечении

большего количества клиентов на их сайт. Обучающиеся рассуждают на эту тему, применяя лексику и грамматические конструкции согласно цели занятия, опираясь на свой опыт, сравнивая свою точку зрения с другими, выбирая актуальную информацию.

В рамках данной методологии предусмотрен блок, который детализирует рассматриваемый поднавык критического мышления. Эта информация представляет собой полезный ресурс, который студенты могут использовать для самостоятельного размышления и применения при выполнении домашних заданий. Такое обращение к опыту студентов и их умение дать критический анализ ситуации, результатов и соответствие их ожиданиям, позволяет им провести корреляцию с прогнозами. Мы можем смело назвать данный алгоритм поэтапным формированием навыков критического мышления.

Дополнительно в процессе обучения применяется *key-result-area diagram* в качестве визуального организатора. Данный способ, несмотря на свою простоту, обладает значительным потенциалом для воздействия на учебную практику студентов. В частности, использование диаграммы в контексте выполнения упражнений (например, целеполагание по SMART) предоставляет обучающимся возможность структурировать информацию и углубить понимание сложных концепций в рамках учебной деятельности и индивидуально адаптировать ее.

Следует подчеркнуть, что применение визуальных средств обучения способствует более глубокому освоению материала и улучшает процесс запоминания и организации мыслей, что является особенно актуальным в контексте изучения языков. В результате студенты получают возможность не только интегрировать эти визуальные инструменты в свою академическую практику, но и применять их в других предметных областях. В таком случае речь идет о структурировании и обогащении процесса образования. При последующем написании эссе или выполнении заданий на сравнение и сопоставление обучающиеся смогут самостоятельно использовать данные визуальные организаторы, соответственно им легче будет извлечь из образовательного процесса больше, чем просто теоретические знания, и интегрировать это в свою учебную деятельность.

Принципиально ключевым моментом является внедрение критического мышления в практику преподавания английского языка. Важно не обучать этому как отдельной дисциплине, а показывать, как это может быть использовано на практике. При таком интегративном подходе задействуются основные компетенции: креативное мышление, критическое мышление, умение учиться, коммуникация, сотрудничество и социальная ответственность – которые могут быть использованы для максимизации усвоения средств английского языка в целях бизнес коммуникации.

При анализе критического мышления можно выделить несколько ключевых компонентов, таких как понимание и анализ взаимосвязей между идеями, оценка аргументов и альтернатив, а также синтез идей и информации. Эти аспекты непосредственно соотносятся с таксономией Блума, ранее описанной нами в данном исследовании.

Помимо этого, следует рассмотреть иные аспекты, способствующие развитию навыков XXI века. К ним относятся участие в творческой деятельности, управление собственным обучением, ведение конструктивных бесед, уважительное слушание, активное участие в дискуссиях и лидерство. Эти навыки интегрированы в учебный процесс, что требует от нас более глубокого понимания их значения и практического проявления в аудитории.

Такой подход к обучению делает его более эффективным как для студентов, которые осознают, какие именно навыки необходимо демонстрировать, так и для преподавателей, которые могут оценивать, насколько эффективно они способствуют развитию этих навыков у обучающихся в рамках своего курса. В результате, происходит формирование среды, в которой критическое мышление и сопутствующие навыки становятся неотъемлемой частью учебного процесса, способствуя успешному обучению и развитию будущих профессионалов.

Одним из ключевых выводов, полученных в результате опроса по критическому мышлению, является острая нехватка времени, доступного преподавателям для передачи этих навыков студентам. Важно отметить, что целью не является требование от педагогов изобретать новые методы или тратить значительное количество часов на планирование учебного процесса. Вместо этого следует акцентировать внимание на внесении небольших, но значительных изменений, которые способны максимизировать возможности студентов для развития критического мышления и других важных навыков в ходе обучения.

Рассматривая креативное мышление, особое значение имеет поддержка студентов в процессе формирования их творческого подхода. Эффективным инструментом для стимуляции обсуждений могут стать визуальные средства, такие как общедоступные изображения. Студенты начинают с базовых знаний, например, названий видов коммерческих предприятий. Однако последующее использование более открытых вопросов может существенно расширить их мышление и позволить продемонстрировать глубину понимания структуры компаний. Например, вопрос: «Что является ключевым при регистрации компании в России?» – открывает пространство для идей, где одни студенты могут говорить о классификации бизнеса, а другие – проявить свою креативность, делясь размышлениями о возможных стартапах.

Таким образом, этот подход предоставляет обучающимся возможность обсуждать темы, которые их интересуют, вместо того чтобы следовать строгой директиве к достижению заранее определенной цели. Это создает более гибкую и стимулирующую образовательную среду, способствующую развитию креативного мышления и критического анализа.

Предоставление студентам пространства для сомнений является критически важным аспектом образовательного процесса, так как это позволяет избежать восприятия обучения как наличия единственно правильного ответа на каждый вопрос. Такой подход способствует формированию более многогранной и сложной перспективы мышления. Критическое мышление может также развиваться с помощью визуальных организаторов, таких как стандартные ментальные карты. Их интеграция в безопасную учебную среду способствует развитию данного навыка и углублению понимания и применения информации вне рамок аудитории.

Часто изучение языка рассматривается исключительно как процесс, происходящий в образовательном учреждении, направленный на достижение конкретных целей, таких как подготовка к экзаменам или выполнение заданий. Однако для адекватной подготовки молодежи к будущему необходимо расширить этот взгляд. Важно задуматься о том, каким образом студенты будут использовать эти навыки в реальной жизни. Согласно прогнозам, к 2050 году около половины профессий, которые будут существовать, еще не были придуманы. Данный аспект подчеркивает необходимость формирования у подрастающего поколения гибкость и адаптивность в их навыках и знаниях.

Подготовка студентов к будущим вызовам требует акцента на развитии универсальных навыков, а не на обучении конкретным знаниям. Важным фактором этого процесса является умение учиться, которое можно развивать через стандартные упражнения, например, занятия по ведению заметок. По завершении такого занятия студенты могут проанализировать свои записи и оценить их качество. Как правило это способствует формированию уверенности в обсуждении положительных аспектов своих заметок и поиску способов их применения на практике.

Коммуникация в учебном процессе также представляет собой значимый элемент. Преподаватели зачастую испытывают нехватку времени, что делает каждую минуту драгоценной в условиях ограниченного расписания. Часто, обращаясь к студентам с просьбой работать в парах, мы не уделяем должного внимания тому, как проходит этот процесс. Важно рассмотреть, какие конкретные навыки необходимы обучающимся для более эффективного взаимодействия в парах или группах.

Управление дискуссией включает в себя не только сам процесс общения, но и акцент на его качестве, а не только на количестве произнесенных слов. В некоторых случаях прогресс может оцениваться по объему речи участников, что не всегда отражает истинное качество обмена мнениями. Поэтому необходимо обучать студентов важным коммуникативным навыкам, таким как очередность в разговоре, которые являются критически важными во всех языках. Этот процесс следует структурировать, разбивая его на составляющие: умение приглашать к речи, прерывать, поддерживать диалог и предоставлять участникам язык для эффективного общения.

Обеспечение студентам возможности осваивать информацию и повторять задания представляет собой важный этап процесса обучения. Нередко преподаватели требуют от студентов выполнения заданий, которые одновременно являются когнитивно сложными и лингвистически затруднительными. В результате этого студенты могут испытывать трудности, что приводит к их эмоциональному закрытию или неспособности выполнять подобные задачи. Предоставляя им возможность сначала выразить свои мысли, даже если это происходит на менее совершенном английском языке или на родном языке, мы создаем условия для критического осмысления тематики. После этого опыта студенты способны повторить задание с использованием более эффективных языковых средств согласно ситуации коммуникации.

Таким образом, мы способствуем глубокому анализу их позиции по определенной теме, а затем предоставляем дополнительные языковые инструменты для повторного выражения своих идей в более ясной форме. Следует отметить, что иногда у преподавателей возникает тенденция предполагать, что студенты не способны мыслить критически.

Однако это не всегда так; зачастую проблема заключается в том, что они сталкиваются с задачами, представляющими собой одновременное когнитивное и лингвистическое затруднение.

Сотрудничество также является ключевым аспектом образовательного процесса. Для повышения эффективности совместной работы студентов важно внедрять различные этапы, которые помогут им более четко следовать процессу. Например, использование таблиц и других инструментов может быть полезным, при этом необходимо обращаться к студентам как к взрослым. Даже когда задания имеют конкретные параметры, следует предоставить обучающимся возможность следовать определенным протоколам, и это не снимает ответственность за процесс обучения. Такой фокус на субъекте позволяет студенту брать на себя основную нагрузку, в то время как роль преподавателя сводится к поддержке и направлению. Важно обеспечить ясные инструкции и четкие ориентиры, чтобы студенты понимали, где они должны находиться для эффективного выполнения заданий.

Еще одной значимой областью является социальная ответственность. Важно, чтобы студенты могли связать изучаемый материал с реальными событиями вне учебной аудитории. К примеру, распространенный вопрос в обучении английскому языку: «Как забота об экологии скажется на бюджете молодой семьи?» выходит за пределы учебной аудитории и побуждает студентов размышлять о своем вкладе в общество в целом.

Третья область, требующая внимания, касается подготовки преподавателей к включению критического мышления в аудиторную практику. Как было отмечено ранее, один из значимых аспектов обратной связи заключался в том, что сами преподаватели выражали сомнения: «Мы не умеем преподавать критическое мышление и не чувствуем уверенности в этом». Недостаток знаний для эффективного обучения часто приводит к поверхностному подходу к материалу, однако иногда достаточно внести небольшие изменения в процесс.

Одной из таких корректировок стала поддержка педагогам в развитии их собственных навыков критического мышления. Данная подготовка была структурирована по шести ключевым областям.

Первой областью является осведомленность. Важно объяснить учителям, почему они преподают именно эти аспекты критического мышления. Студенты, как правило, задают вопрос: «Почему мы это изучаем?» Следовательно, необходимо предоставить три основных обоснования важности данного процесса. Во-первых, критическое мышление должно быть представлено как ключевой навык для успешного функционирования в современном обществе.

Во-вторых, необходимо обеспечить уверенность в методах преподавания критического мышления. Один из наиболее эффективных способов обрести такую уверенность – это самостоятельно пройти через данный процесс, выполняя аналогичное задание, что позволит преподавателю сопереживать студентам и лучше понять значимость данного навыка.

Третьей областью является готовность. Педагоги должны осознавать, какие действия необходимо предпринять для подготовки к занятию, а также какие протоколы и процедуры следует соблюдать с целью эффективного преподавания этого навыка.

Четвертая область касается гибкости. В рамках обучения критическому мышлению важно проводить дифференциацию, аналогично тому, как это делается при преподавании языку. Нужно учитывать различия между малыми и крупными классами, а также варьировать подходы в зависимости от когнитивных способностей студентов.

Не менее значимым является понимание того, что языковые способности не следует связывать с критическим мышлением. Эти два аспекта не являются идентичными. Индивид может демонстрировать выдающиеся навыки критического мышления, обладая при этом низкими лингвистическими способностями, и наоборот; возможно также наличие сильных сторон в обоих направлениях или слабость в обоих. Поэтому утверждение о наличии корреляции между когнитивными и лингвистическими навыками является некорректным.

В заключение следует подчеркнуть важность рефлексивного анализа педагогической деятельности при обучении критическому мышлению. По окончании курса преподаватель обязан объективно оценить эффективность используемых методов, выявляя слабые места и потенциальные направления для совершенствования. В этом процессе значительную роль играет сотрудничество с коллегами и обмен профессиональными идеями.

Не менее важным является обеспечение соответствия реализации критического мышления институциональным нормам и правилам академической среды. Несоответствие между декларируемыми ценностями и практической организацией учебного процесса может вести к когнитивному диссонансу у студентов. Примером служит феномен «безопасного пространства», который, с одной стороны, направлен на поддержку студента, но с другой – может ограничивать критическую дискуссию и формировать предвзятость.

Конфликт между теоретическими установками университетов и повседневной практикой создает неясность и снижает доверие к образовательному процессу. Следовательно, ценности критического мышления должны быть интегрированы не только в учебные занятия, но и в институциональную культуру, чтобы избежать формального подхода и «фальшивого» воспроизведения важности этих навыков.

Выделяются четыре ключевых аспекта, которые целесообразно учитывать.

1. Переоценка роли и статуса критического мышления в образовательной парадигме.

2. Интеграция критического мышления в содержание и структуру учебных планов.

3. Комплексная подготовка преподавателей к методической организации соответствующего процесса.

4. Гармонизация институциональных норм с конкретными условиями учебного процесса в аудитории.

Выводы

Интеграция практик критического мышления в университетское обучение английскому языку способствует формированию всесторонне развитых и самостоятельных студентов. Она развивает аналитические способности, позволяя разбираться в содержании и структуре текста, стимулирует творческое мышление за счет нестандартных заданий и культурных сравнений, а также улучшает коммуникативные навыки через дискуссии и дебаты.

Критическое мышление формирует у обучающихся ответственность за собственное образование, побуждая к самостоятельному поиску знаний и глубокому усвоению материала, что критически важно для адаптации к вызовам современного общества и конкурентоспособности на рынке труда.

Литература

1. Постмодерн. Игры разума = Игры разума / Людвиг Витгенштейн, Жан-Франсуа Лиотар; перевод с немецкого В. Добронравова [и др.]; перевод с французского Н. Шматко. – Москва: Родина, 2023. – 302 с. – (Философский поединок) ISBN 978-5-00222-119-6

2. Чикилева, Л.С. Формирование навыков критического мышления в процессе реализации компетентностного подхода / Л.С. Чикилева, Ю.А. Ефимова // Российский гуманитарный журнал. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 23–33. – DOI 10.15643/libartrus-2024.1.3. – EDN TDXQWI

3. Taxonomy Of Educational Objectives, Handbook 1 https://archive.org/details/taxonomy-of-educational-objectives-handbook-1-cognitive-domain-pdfdrive

CRITICAL THINKING: ITS INTEGRATION INTO THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS

Efimova Yu.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article addresses the importance of critical thinking as an integral component of the contemporary educational process. The author emphasizes the necessity of integrating critical thinking skills directly into teaching practices rather than offering them as separate disciplines. Key challenges related to teaching critical thinking are analyzed, including the diversity of interpretations of the term and its broad general meaning, which may lead to misunderstandings and reduced teaching effectiveness in the absence of terminological consensus.

The article also proposes concrete strategies to enhance the development of critical thinking skills within classroom settings. It is stressed that critical thinking should be regarded as a key element of quality education, fostering the development of students' analytical and evaluative abilities. In conclusion, the author expresses hope that the proposed recommendations will contribute to making the modern educational process more profound and purposeful, thereby preparing students to meet the challenges of the 21st century. Thus, the article serves as a valuable resource for educators aiming to improve education quality and equip learners with the essential skills for success in contemporary society.

Keywords: critical thinking, person-centered approach, professional communication, effective thinking.

References

1. Postmodernity. Mind Games = Mind Games / Ludwig Wittgenstein, Jean-Francois Lyotard; translated from German by V. Dobronravov [et al.]; translated from the French by N. Shmatko. – Moscow: Rodina, 2023. – 302s. – (Philosophical duel) according to ISBN 978-5-00222-119-62

2. . Chikileva, L.S. Formation of critical thinking skills in the process of implementing a competence approach / L.S. Chikileva, Yu.A. Efimova // Russian Humanitarian Journal. – 2024. – Vol. 13, № 1. – Pp. 23–33. – DOI 10.15643/libartrus-2024.1.

3. TDXQWI EMAIL ADDRESS 3. Systematics Of Educational Goals, Manual 1 https://archive.org/details/taxonomy-of-educational-objectives-handbook-1-cognitive-domain-pdfdrive

Кравченко Альберт Иванович,
доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Социологии провинции как зрелой научной дисциплины, в отличие от социологии города, не существует. Хотя исторически она возникла раньше города и численно всегда его превосходила. Провинция молода и многочисленна, город стар и население его сокращается. Все энергичное и творческое тянется в центр, а периферия пустеет и тухнет. Революционные начинания идут из города, мятежи и бунты – из провинции. Город дает религиозные новации, а провинция хранит верность традициям и заветам отцов. В итоге именно она становится и всегда являлась фундаментом процветания народа, а город – его либеральным авангардом. Все или большинство выдающихся писателей родились в провинции, а состоялись в городе. Из города в провинцию шли народники просвещать «темные низы». Славянофилы, певцы народной старины, тоже родились не в провинции. «Почвенники» и «деревенщики» в городе воспевали деревню, часто зная ее не понаслышке. Уездный город – это своего рода социальный и культурный мост между крупными городами и малыми деревнями, этакий «полупроводник», чудесным образом соединяющий в себе черты того и другого.

Ключевые слова: социология провинции, уездный город, русская литература, «деревенская проза», город Энск, привинциалы

Социология провинции

О провинции писали и говорили много. Но до социологии провинции так и не договорились. А надо бы, поскольку накопленный материал и важность темы того заслуживают. Превратить социологию провинции в социологию расселения как специальную социологическую теорию по примеру В.В. Пациорковского [1] считаю неправильным: социология расселения – более широкая область знания, куда культурные и культурологические аспекты провинции вовсе не входят. И концептуальный аппарат там другой. Не укладывается она ни в социологию города, ни в социологию деревни, ни в социологию города и деревни.

Целесообразно обобщить все написанное, отбросить второстепенное, выбрать главное, расположить его по всем нормам научной методологии с выделением предмета, объекта, истории, методов и концептуального аппарата исследования. А затем произвести пересборку конструкции с тем, чтобы получить новую отрасль знания.

Социология провинции (СП) – специальное направление в рамках социологии города, изучающая восприятие провинции и провинциальной жизни общественным сознанием, топографию, топонимику, культуру и социально-экономические проблемы не-центральной России в их историческом и современном аспектах. Она опирается на достижения множества дисциплин, и не только общей социологии и социологии города.

Объектом СП – выступают: 1) в всемирно-историческом разрезе регионы мира, помеченные топонимом «провинция», начиная с античных (Римская империя) времен и заканчивая современностью; 2) географические территории России, начиная с 18 века, относимые – официально и неофициально – к провинциальным регионам.

Предметной областью СП выступают отображение провинции в общественном сознании россиян (разных поколений и исторических эпох), типичные модели поведение не-столичных жителей, мотивы и цели перемещения провинциалов в крупные города и мегаполисы, включая повешение жизненного уровня, смену профессии, служебную и деловую карьеру, культурное разнообразие, авантюризм и предприимчивость, адаптацию в новой среде с последующей аккультурацией и ассимиляцией, переживание культурного шока, приспособительные практики к городской среде, срок адаптации, городскую социализацию, социальную мобильность, статусную депривацию и др. (рис. 1).

Рис. 1. В глубинке те же интересы, что и в столицах, но заботы другие

Методы СП не являются специфическими и существенно отличающимися от тех, что уже применяются в общей социологии и социологии города, включая опрос и интервью, наблюдение и анализ документов. В качестве источников выступают научные статьи и монографии, эмпирические исследования и статистика, публикации в СМИ и интернете, включая сатирическое и юмористическое отображение провинции в массовом сознании. Важное значение имеет русская художественная классика и публицистика 19–20 вв.

История СП в России начинает с произведений Радищева в 18 веке.

На макроуровне СП речь идет о преимущественно потребительском обществе (столицы) и преимущественно трудовом обществе (провинция). Если у москвича что-то забарахлило или сломалось, он купит новое, а провинциал – отремонтирует, починит, сделает. Руки москвича больше приспособлены к кнопкам на пульте, а провинциала – к молотку и пиле.

Социология провинции имеет широкий тематический диапазон: это Замкадье, назначенцы (из центра в провинцию), выдвиженцы

(из провинции в центр), управленческая команда (краснодарская, екатеринбургская, питерская), коренные жители, понаехавшие, лимита, провинциалы, колбасные поезда, глушь, социология Москвы, спор двух столиц и многое другое.

С социологической точки зрения надо выделить следующие маркеры провинции:

В географическом смысле – отдаленная местность

В когнитивном – отсталое мышление

В культурном – деревянное зодчество

В архитектурном – малоэтажная застройка

В экономическом – дотационные регионы

В демографическом – возрастное население

В социальном – малообеспеченные слои общества

В глобальном смысле столицы – это первый мир, провинциальные города – второй мир, сельская глубинка – третий мир. Или: Первый мир – мегаполисы и крупные города. Второй мир – провинциальные городки и городишки. Третий мир – сельская глубинка, сельцо, деревушка. Социальная внутристрановая мобильность располагается по оси между центром (столицей) и провинцией.

Социологи выяснили, что человек, переехавший из деревни в город или из провинции в столицу, проходит следующие процессы, состояния и механизмы: культурный шок, маргинальность, адаптация, аккультурация, ассимиляция. Провинция – зона забвения властями, ресурсами, кадрами, вниманием, а также зона отчуждения.

Для социологии русская провинция XVIII–XIX веков – не тихая пасторальная заводь, где горожанин мог бы отдохнуть от шума городской суеты с видом на зеленые луга, милые уютные домишки, пристаньки, баньки, безлюдные улочки и пряничные церковки. Это зона жестокой борьбы крепостного крестьянства с распоясавшимися самодурами помещиками. Здесь консерваторы правят бал и «гнобят» прогрессивно мыслящую интеллигенцию. Это край непуганых идиотов-помещиков, которым царский указ не указ, ибо они сами себе цари. Чаще всего «провинция» произносится с негативным оттенком для обозначения всего «неполноценного, отсталого, патриархального, свойственного не столичному (а *priori* – передовому), а окраинному, закосневшему мировосприятию» [2].

На мощном слое художественной литературы и публицистики о провинции X1X – начала XX века, а также на базе эмпирических исследований в XX веке появились такие области знания, как регионалистика и провинциология, а еще раньше – краеведение. А саму классическую литературу называют *художественной провинциалогией*.

Провинциология утверждает, что именно глубинка – залог стабильности любой страны. В научной литературе дихотомические пары «центр – регионы», «центр – периферия», «столица – провинция», «столичность – провинциальность» используются в одном контексте, но для обозначения разных по смыслу явлений – в экономическом, административно-управленческом и социологическом. Они близки в содержательном отношении (отдаленность регионов страны от ее центра, периферийность населения не может не порождать в его менталитете черт провинциальности), но не идентичны[1]. В научном обороте отечественной социологии термин «провинциология» (провинциаловедения) пока еще отсутствует. Но в последнее время он начал распространяться в культурологии, отдельную проблему в которой представляет язык русской провинции, функционирующий на определенной территории. Провинциология изучает быт и нравы русской глубинки. Здесь утверждают, что именно глубинка – залог стабильности любой страны.

В ближайшем окружении социологии провинции расположены: социология поселенческих структур; городская социология, или урбанистическая социология, рассматривающая социальные процессы в городах; социология села, исследующая социальные проблемы сельского населения; социология пространства, а также описанная выше провинциология, исследующая социокультурные процессы в сравнительном формате с «центром» и «периферией». Социологическое исследование выявило нравственные различия молодежи в мегаполисах и в провинции. В частности, респонденты до 30 лет в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург) отличаются от своих сверстников, проживающих в провинции, заметно большим моральным инфантилизмом. Среди них доля опрошенных с высоким уровнем принятия моральных норм (не менее 10 из 12) составляет всего 30%, тогда как в «большой» провинции (областные, краевые, республиканские центры) – 43%, а в «малой» (районные центры) – 51%. В результате в мегаполисах принятие моральных норм молодежью отстает от соответствующего показателя в группе 31–60-летних на 21% (при 14% в большой провинции и 13% в малой)[3]. В ходе исследования «Россияне о судьбах России…» большинство респондентов отметили рост агрессивности (91%), цинизма (84%) и, напротив, ослабление таких качеств, как честность, доброжелательность, искренность и бескорыстие (от 82 до 86%).

В провинции живут не только провинциалы

Слово «provincia», возможно, происходит от латинских слов *pro-* («от имени») и *vincere* («брать управление над»). Таким образом, провинция являлась территорией, которой Римский магистрат управлял от имени Рима. Римская империя была подразделена на провинции. Словами, близкими к латинскому «provincia», обозначаются территориальные подразделения в Аргентине, Канаде, Бельгии, Испании, Индонезии и некоторых других государствах и странах. Их размер – от очень больших до очень маленьких. В Великобритании провинциями называют любой округ Большого Лондона. В Британской империи «провинциями» называли заморские колонии, такие, как Канада и Южная Австралия. П.Бурдье писал, что столица не может осмысливаться иначе, как в отношении с провинцией[4].

Слово «провинция» попадает в Россию в конце XVII в. как калька с польского *prowincja* –воеводство, губерния, и в течение долгого времени остается официальным административным термином. Но с середины 70-х гг. XVIII в. административно-территориальное деление государства на провинции было отменено и слово, потеряв значение термина, стало наделяться негативными значениями. Вместо нее появились восемь губерний. А провинция стала обозначать всю страна, кроме двух столиц. Это средние, малые и совсем ничтожно маленькие города и городишки, затерявшиеся в сельской глубинке или недалече от мегаполисов, но к этой сельской местности не относящиеся. Согласно определению В. Даля, провинцией может называться и губерния, и уезд, и округ.

Вскоре слово «провинция» становится синонимом деревни. В деревню, в глушь, в Саратов! – иносказательно о желании оставить городскую суету, «ворох дел, суматоху явлений», найти спокойный приют, где можно подумать, сосредоточиться, отдохнуть, перевести дух. Провинциальный город – все равно город, а не село. И жить здесь стараются как в столицах, и выглядеть, и говорить, и одеваться тоже. Провинциалы ловят все новости из центра, но центры ненавидят – свои губернские или столичные имперские.

Провинциальность и провинциализм – это признаки, изобличающие в ком-либо или в чем-либо некую отсталость, отсутствие передовых взглядов, отсталость и неповоротливость. Различий между двумя терминами очень мало, а потому они употребляются чаще всего как синонимы или мало различимые по смыслу термины. В них почти нет технического, политического, экономического и даже социологического смысла. Оба понятия выполняют функцию оценочного ярлыка: назвал кого-то провинциалом и тем самым унизил его. Даже культурологическое значение в этих терминах, которое, как кажется, имеет к ним главное отношение, не просматривается: культурных достижений в провинции, если ее брать суммарно, культурных достижений не меньше, а то и больше, чем в двух столицах. Различия между центром и периферией пролегают скорее в области социально-экономических условий жизни. Но и это с течением времени начинает потихоньку выравниваться. Тогда почему остается провинциальность как пренебрежительный ярлык? По всей видимости, это обыкновенное мещанство и сидит оно вовсе не в умах жителей российской глубинки. Это чиновное высокомерие и фанаберия.

Целесообразнее разводить два важных аспекта упомянутых понятий: провинциальность и провинциализм как 1) «привычки и взгляды присущие жителям провинции» и 2) «ограниченность интересов, узость кругозора». В первом случае присутствует географический оттенок, во втором – оценочный, к науке не имеющий отношения. Провинциальность – это территориальная периферийность: Ухты по сравнению с Москвой, Москвы по сравнению с Парижем. Провинциальность – понятие не географическое, она не измеряется отдаленностью от большого центра. Она вообще не понятие, а некий культурологический миф, массовый фетиш (рис. 2).

Уничижительное отношение к провинциальности как к некой убогости сложилось в X1X веке. Но почему высокомерное отношение к провинции, где жил весь народ, сохранилось при большевиках, ратовавших за народ и ниспровергавших старый мир? Видимо, устойчивость психологических и культурных стереотипов очень сильная. И вот ведь в чем парадокс, на который мы мало обращаем внимания: провинциальность в X1X веке характеризовало не простой народ, для чего употреблялись совсем другие понятия, а для помещичьего самодурства с крепостными театрами и роговыми оркестрами, для провинциального чиновничества, произвол и неподнадзорность которого доходила до полного абсурда. Почему же при советской власти, яростно

[1] Источник: https://cyberpedia.su/4x17d8.html

боровшейся с пережитками прошлого, на это не обратили вынимание, не изобличили, не прибили к позорному столбу отжившие ярлыки?

Рис. 2. Широка и необъятно родная глубинка

Почему и постсоветскую эпоху все осталось как прежде? «Провинциальность – это такая зажатость и зашоренность. Всегда и во всем. Настоящая махровая провинциальность – это постоянное напряжение и стеснение. Стесняются всего – места рождения, родителей, достатка. И презирают они не вышедшие и моды сапоги и дешевый телефон» (из интернета). Подобные вопросы все еще остаются без ответа, хотя попытки предпринимаются.

Зародившись на окраинах, провинциальность как установка в наших головах и отличительный стиль поведения, выговора, моды, затем переносится в центр с потоками мигрантов из села в город. Провинциальность – прежде всего, комплекс неполноценности и неуверенность в себе. Географические различия никто не отменял, и в разных местах, особенно отдаленных друг от друга, люди естественно различаются своим образом жизни.

Провинциальность, к примеру, выражается в нарядах, мода на которые уже прошла, и «запоздалом складе речей». «Как предательски выдают заехавшего в мегаполис провинциала, старательно мимикрирующего под местного, праздничный «пинджак» «дольчи фигабана», так англицизмы выдают в человеке провинциала внутреннего, стремящегося сойти своей языковой дольчей фигабаной за оригинал, пред которым он, ведомый сиим комплексом, подсознательно (и не очень) преклоняется, отправляет свой карго-культ»[1].

В царской России миграция была незначительной, культурные различий замечались, но не перемещались. Постепенно в столицах появился широкий пласт людей, прежде всего первого поколения, с ярко выраженными провинциальными манерами в наихудшем понимании. Глобальная мобильность делает свое дело. Современность стала текучей. Так формируется культурно-стилевого толкования еще и социологическое (рис. 3).

Рис. 3. Кадр из фильма «Москва слезам не верит»

Провинциал, житель провинции – любой человек, чей дом находится за пределами столицы. В Римской Империи провинциалами называли жителей подчиненных, т.е. захваченных в ходе военных операций, территорий. По сути своей, это житель римских колоний. Великобритания, величайшая империя мира, унаследовала подобный подход, хотя расположенных недалеко от Лондона ирландцев и шотландцев некогда также именовали провинциалами. И смотрели соответственно, умаляя в политических правах и пресекая всякие попытки на отделение от метрополии. Вторая по протяженности империя, Российская, в разные периоды присоединила себе обширный ареал земель в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке и даже в Восточной Европе. Географически они являлись провинциалами, а стали таковыми по духу, социально-экономическому уровню и культурному уровню из-за того, что находились слишком далеко от центра, дорог не было, чиновники-управленцы творили произвол, а населению невозможно было достучаться до центра. Всякие протесты и бунты легко подавлялись централизованной и хорошо организованной армией. Провинциальность как отдаленность от политического центра стала мыслиться синонимом периферийности как второсортности, недостаточной развитости. Провинция определяется как окраина страны, её глубинка, захолустье.

Ответ на вопрос о том, кто такой сегодняшний провинциал, Ж.К. Гапонова дает на основе опроса, 150 человек (возраст от 19 до 40 лет, половина из которых – коренные жители Москвы и Санкт-Петербурга, другая часть – жители Ярославской области. Выяснилось, что российский провинциал – это человек, парадоксально сочетающий в себе разнополюсные характеристики: гордость своим происхождением с одновременным ощущением собственной неполноценности, неиссякаемое трудолюбие с мощной недооценкой себя[5].

Провинциалка – современная версия сказки о Золушке, которая совершила восходящую мобильность, перебравшись в столицу не обязательно с помощью благородного принца. В случае неудачной мобильности она практикует в «квартале красных фонарей». Покорять Москву приезжают тысячи молодых девушек из провинции. Но мало кто из них с достоинством переживает трудности и устраивает счастливо свою судьбу. Приезжим приходится очень сложно в столице, сложно адаптироваться к такому новому ритму жизни, особенно первое время. Провинциалки, находясь в Москве, стараются выделиться: яркая нарядная одежда, каблуки, распущенные волосы. «Приезжая в столицу, жители дальних городов обычно теряются: они подолгу смотрят на указатели, пытаясь понять, в какую же сторону идти; разглядывают людей в метро, стараясь найти знакомое лицо. Также провинциалка никогда не появится на улице в виде, будто только встала с кровати, даже если нужно пройти всего лишь до магазина»[2] (рис. 4).

Рис. 4. Кадр из фильма «Приходите завтра…»

Фрося Бурлакова – самый известный советский символ провинциалки. Она приехала в Москву из села Ельцовка Алтайского края. Помните, как герои фильма пытались отучить ее от акцента?

Всей страной трудились над созданием обобщенного образа провинциала в X1X веке – писатели, поэты, художники, журналисты, философы.

Провинциальный город с его замечательным деревянным зодчеством, садами и усадьбами воспевали все русские писатели – от Тургенева до Шмелёва. В нём видели непарадную, глубинную, «нутряную» Россию (А.И. Солженицын). Так возник миф о провинции как некоем «граде Китеже», хранительнице традиционных духовных ценностей. У Пушкина и Лермонтова провинциальные нравы провинциального города изображаются с лёгкой иронией, но без осмеяния.

Уездный город

В структуре провинциального (уездного) города важны – вокзал, собор, каланча, торговая площадь, городской бульвар и театр[6]. Структура уездного города в «Ревизоре» Гоголя дается через героев комедии – шесть провинциальных чиновников, воплощающих социальные институты: суд – судья Ляпкин-Тяпкин; образование – смотритель училищ Лука Лукич Хлопов; социальное обеспечение – попечитель богоугодных заведений Земляника; здравоохранение – лекарь Гибнер; почта – почтмейстер Шпекин; полицейский – Держиморда. На вершине пирамиды – городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский.

[1] Англицизмы как признак статусности и провинциальности. 20 июля 2020. (https://zen.yandex.ru)

[2] Провинциалка – кто это такая? Режим доступа: http://ktoetotakie.ru/provintsialka.html

Эта структура неточна: 1) в уездном городе не может быть попечителя богоугодных заведений; 2) в уездном городе непременно должен быть судебный пристав, а у Гоголя его нет. Неправда, что в любом уездном городе судья берёт взятки борзыми щенками, а попечитель кормит больных не овсяным супом, а варит для них капусту. А еще у писателя не выведены на сцену рядовые обитатели провинциального города – мещане. Они мелком показаны в одной из сцен в качестве просителей, дающих взятку городничему.

Полузабытый писатель И. Василенко так характеризовал Белгород: «Я хожу по улицам Градобельска и считаю церкви. За три дня насчитал тридцать шесть. А жителей в городе не больше сорока тысяч. Интересно, чем они занимаются? Неужели только тем, что ходят по церквам? Чаще всех тут бросаются в глаза попы и монахи. Ими хоть пруд пруди. И очень много учащихся. В таком маленьком городке есть и мужская гимназия, и две женские, и духовная семинария, и реальное училище, и учительская семинария, и женское епархиальное училище. А возглавляются они старейшим в России учительским институтом. Чтобы стать его воспитанником, я и приехал в этот уездный городок с уютными полутораэтажными домами и огромными раскидистыми тополями по обеим сторонам немощеных улиц».

У провинциального города следующая атрибутика: 1) *пространственные* – небольшой размер; труднодоступность; «грязь», «пустота», единообразие и подражательность, непривлекательность, недостаток порядка и цивилизованности, гармоничное природное окружение, ландшафт, часто выступающий в роли оттеняющего фона внутренней среды провинциального города; 2) *временные*: отставание, запаздывание, смещенность в прошлое; отсутствие происшествий, застойность, бессобытийность и их следствия (исчезновение чувства времени и т.п.) [7].

Поэт А. Мариенгоф писал о Нижнем Новгороде: «Нижний! Длинные заборы мышиного цвета, керосиновые фонари, караваны ассенизационных бочек и многотоварная, жадная до денег, разгульная Всероссийская ярмарка. Монастыри, дворцы именитого купечества, тюрьма посередке города, а через реку многотысячные Сормовские заводы, уже тогда бывшие красными. Трезвонящие церкви, часовенки с чудотворными иконами в рубиновых ожерельях и дрожащие огоньки нищих копеечных свечек, озаряющих суровые лики чудотворцев, писанных по дереву-кипарису. А через дом – пьяные монопольки под зелеными вывесками».

На роль идеального типа в духе М. Вебера уездный город Гоголя не подходит, зато великолепно годится для художественного обобщения темных сторон провинциальной жизни России, некий островок зла. В пьесе Гоголя вообще нет положительного героя. О городе автор сообщает: «Отовсюду, из разных углов России стеклись сюда исключения из правды, заблуждения и злоупотребления». Сказка ложь, да в ней намек. Типичного нет, но исключительного много.

Рис. 5. Бобчинский и Добчинский

А намек здесь совсем иного рода, чем кажется на первый взгляд. В 1846 г. Гоголь так выразил суть своей пьесы: «Безымянный город – это внутренний мир человека. Безобразные чиновники – это наши страсти, Хлестаков – это наша светская совесть. А настоящий ревизор, о котором сообщает жандарм, это наша подлинная совесть, которая перед лицом неумолимой смерти всё расставляет на свои места». Перенесение действия из внешнего плана во внутренний переворачивает наше представление о провинции и провинциальности. Оказывается, это не географическое понятие с социологической начинкой, а духовно-ментальная категория: провинциальность в душе каждого из нас независимо от места проживания. У невоспитанного человека она может буквально выпирать из всех целей, а у духовно развитой личности она погружена глубоко в его подсознание и находится под амбарным замком. Хамство водителей на дорогах современного мегаполиса, мат и рукоприкладство, скандалы и грязные сцены в интернете, фейки и компроматы – это ли не провинциальность людей с высшим образованием? (рис. 5).

Думается, и нашему обществу нужен «ревизор». Но иного рода – для наведения порядка в наших мыслях, чувствах и мозгах.

Вот из Петербурга в уездный город приезжают двое – Хлестаков и его слуга Осип. Зачем они туда отправились – посмотреть музеи или побывать в театре, как это нередко бывает сегодня? Ничего подобного. Каждый из них рассказывает о прелестях петербургской жизни: разговаривают в столице деликатно, почти галантерейное обхождение (высшая степень похвалы у гоголевских провинциалов) – обращение только на «Вы»; наскучило идти пешком, берёшь извозчика, сидишь себе как барин; даже к средним чинам типа коллежского асессора приставлен слуга; там легко познакомиться с хорошенькими актрисами и быть с «великими» на дружеской ноге, пообедать арбузом за семьсот рублей арбуз или супом, который в кастрюльке привозят прямо из Парижа; и всякий день на балах, где можно картежничать с министром иностранных дел или французским посланником.

Таково видение столичной жизни провинциалом. Это голубая мечта обывателей всех мастей и всех страстей. Обыватель, глубинный тип провинции, смотрит на мир поверхностно, хватает верхушки знаний, по неизведанному скачет галопом по Европам. Ему хочется жить припеваючи, не трудиться, но зарабатывать много и очень много. О Петербурге жена городничего Анна Андреевна грезит так: «Я хочу, чтобы у нас дом был первым в Петербурге. И чтобы у меня в спальне было такое амбре, чтоб войти можно было только зажмурившись» (рис. 6).

Рис. 6. Жена и дочь городничего

Как известно, каждый человек с юных лет мечтает оставить свой след в истории – стать революционером и открыть Антарктиду. Мечтают выделиться, прославиться и провинциалы Гоголя. Так, Бобчинский просит Хлестакова: «Вот вы, если увидите какого-нибудь вельможу, а может быть даже и самого государя, скажите им, что в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский, и больше ничего». Провинциал всеми фибрами души, кажется, ощущает себя «маленьким человеком», но хочет, чтобы его заметил сам государь. Он не хочет посылать ракеты и строить гидростанции, он мечтает на цыпочках, хотя бы на секунду привстать из толпы и крикнуть: Вот он я, Пётр Иванович, из города N! Это предел его мечтания, суть безудержной провинциальной фантазии.

Город Энск – феномен провинциальной идентичности

В России нет городов с названием Энск, зато так в обиходе именуются некоторые города. Среди них Нижний Новгород, Новосибирск, Новокуйбышевск, Невинномысск, Новомосковск, – говорит Википедия. Его нет на карте, но он есть в нашем менталитете и культуре.

При этом у него как минимум два значения – военно-историческое и художественно-ироническое.

В период Великой Отечественной войны военные корреспонденты часто упоминали в фронтовых репортажах топонимы типа «посёлок Энский». В условиях военной цензуры и секретности иначе поступить невозможно: «Энский гвардейский авиаполк» или «Краснознамённая

Энская танковая дивизия». Принято считать, что топоним «посёлок Энский» стал гиперонимом для всех городов и населённых пунктов, где прошла война.

В песне «Баллада о солдате» («Полем вдоль берега крутого…») из кинофильма «В трудный час» (1961) на слова М.Л. Матусовского (музыка В. Соловьёва-Седова) есть о бесстрашном защитнике родины, который бил врага в «посёлке Энском». «Уездный город N» воспет Майком Науменко и ленинградской рок-группой «Зоопарк» в одноимённом альбоме. В «Городе N» происходит действие песни группы «Несчастный случай» «Я офигеваю, мама!», вошедшей в альбом «Кранты». Из слов песни можно понять, что через Город N протекает река, там имеется как минимум промышленный сектор (химкомбинат), гостиница, площадь (рис. 7).

Рис. 7. Гоголевский город N действительно существует в реальности. Ему уже больше 760 лет, и находится он в Вологодской области. Город этот – Устюжна. Фото из открытых источников

В русской литературе вымышленный топоним используется для обозначения «провинциального, захолустного» города, уезда, губернии или иной административной единицы. Комедии Фонвизина и позднего Сумарокова, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева представят российское поместное дворянство, его быт и ментальность преимущественно в сатирическом либо обличительном ключе. Н.И. Новиков в своем журнале «Живописец» перед читателем раскрываются «картины быта провинциальных помещиков, и ему становится видно, какие ничтожные и корыстные люди владеют в России деревнями и крестьянскими душами… Страшен и жалок этот дворянин. Лишенный возможности обирать просителей, он грабит своих мужиков»[1].

В русской литературе XIX в. сложился миф о сонном царстве провинции благодаря творчеству Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, А.Н. Островский, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыков-Щедрина. В XX в. провинциальный негатив только сгущаются. Энск предстаёт воплощением уродливых и даже гротесковых форм жизни: «Мелкий бес» Ф. Сологуба, «Городок Окуров» М. Горького, «Уездное» Е. Замятина.

Н.А. Белова[8] отмечает, что концепт «провинциальный город» в творчестве Гоголя, Салтыкова-Щедрина (Вятка, «История одного города»), Одоевского, Лермонтова («Тамбовская казначейша»), Грибоедова, (Саратов, упоминаемый как место ссылки Софьи в «Горе от ума»), в прозе Гоголя имеет иронический оттенок. В городе NN, как он именуется в самом начале «Мертвых душ», время остановилось, а пространство застыло: «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка…», «дома в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином» скромно притулились друг к дружке, вывески магазинов почти полностью смыты дождями. Образ города N у Гоголя становится обобщённым выражением провинциального быта и провинциальных нравов. Чичиков мог привести в исполнение свой хитроумный план только в провинции, сплошь состоящей из «энских» городов (рис. 8).

Город в «Ревизоре» – уездный город. Сам Гоголь его называл «сборным городом всей тёмной стороны». Это город, который находится где-то в самом центре Российской империи – толи где-то между Пензой и Саратовом, толи между Петербургом и Саратовом[2]. О том, что город N находится в самой глубинки России, свидетельствуют слова городничего: «Да, отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». В городе царит беззаконие, и виноваты в этом чиновники. Они постоянно нарушают законы, видимо, считая, что закон – это они сами. Находясь далеко от столичного начальства, они не боятся наказаний и делают все, что хотят. Повсюду царил хаос и беспорядок, процветало взяточничество. К примеру, врачи городской больницы совершенно не заботились о своих пациентах. Они работали по принципу: умрет – так умрет, выздоровеет – значит выздоровеет. Городничему постоянно выделяются средства для благоустройства муниципальных учреждений – гостиницы, магазина, лавчонок, церкви, рынка, – но он их тратит на свои нужды. Судья Ляпкин – Тяпкин тоже взяточник, только взятки берет борзыми. Суд и полиция не только заведомо проявляют самоуправство и нарушают действующие в империи законы: выпороли унтер-офицерскую вдову и отправили человека в рекруты, вместо другого. В городской тюрьме сидят голодные арестанты. В образовательном учреждении работают явно некомпетентные преподаватели. На центральной улице города стоит старый забор, рядом с ним навалено телег сорок мусора. Его никто не убирает.

Рис. 8. Маковский В.Е. Иллюстрация к поэме Н.В. Гоголя Мёртвые души (1901–1902)

Путеводитель по Костроме братьев А. и Г. Лукомских сообщал: «На фоне черного неба, когда покровом жутким ночь окружит все стены зданий, ярко освещенных огнем фонаря, они покажутся еще живее, еще фееричнее. Выглядывают тогда исподлобья темные окна домов, а те, которые озарены изнутри светом, позволят нам увидеть иную жизнь, ту, что за стенами, за геранью и за занавеской кружевной, у лампады, на мебели старинной, и у рододендрона широколистого. Так сладостно бывает вечером, бродя по улицам пустынным, уйти в миры чужие, облететь мечтою все эти маленькие домики, увидеть весь уют патриархального уклада, мир предрассудков и ограниченного счастья всех этих маленьких людей, ушедших целиком в жизнь своего родного провинциального городка… Над старинными стенами свешиваются низко и ласково, покрытые инеем, отяжелевшие ветви деревьев; придавая фантастический вид всему окружающему, возвышаются покрытые шапками снега стройные ели; выглядывают из-за крыш лохматые кедры, или, рисующие на темном небе, как иней на стекле узор из страусовых перьев, березы. Насупились в конусообразные верхушки башней монастыря, покрытые снегом и охраняющие златоверхие храмы, что за высокими стенами. Занесены высокими сугробами снега широкие лестницы паперти, колокольни, церкви, калиточки и ворота заснувших особняков купеческих и барских, со светящимися оконцами, покрытыми радужными узорами. Снег лежит и на оградах, и на фонарях, и на гнездах ворон, черными стаями с криком громоздящихся на обледенелых сучьях старых деревьев».

Город Глупов в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина – беспечный, веселый и добрый город – продолжает гоголевскую традицию «энской феноменологии». Одно из любимых занятий жителей – прогуливаться по улицам и демонстрировать наряды. В целом провинциальный город производит удручающее впечатление. «Со страниц драмы Алексея Николаевича Островского «Гроза» на нас глядит и вовсе безобразный и пугающий провинциальный город под названием Калинов. «Темное царство» города ведет сонное и размеренное существование» [9].

Безымянный Энск открывает рассказ Чехова «В суде»: «В уездном городе N-ске, в казенном коричневом доме, где, чередуясь, заседают земская управа, мировой съезд, крестьянское, питейное, воинское и многие другие присутствия, в один из пасмурных осенних дней разбирало наездом свои дела отделение окружного суда». «Богоугодные заведения» из чеховской «Палаты № 6» тоже расположены в безымянном провинциальном городке. Можно привести обобщенное мнение Чехова о провинциальных городах: «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч» [10].

[1] Западов А.В. Новиков. – М.: 1968.

[2] В деревню, в глушь, в Саратов! – иносказательное обозначение глубокой провинции.

Аналогичную картину мы видим в повести М. Горького «Городок Окуров». Городок Окуров – это «безнадежное место», прикрытое «толстым слоем плотных, как войлок, туч». Писатель сравнивает город с квашней, с червивыми грибами, высыпанными из лукошка, с помоями: «На улице было пусто, сыро, точно в корыте, из которого только что слили грязную воду». Предмет художественного исследования М. Горького – «уездные гнезда российской косности, в 1905–1906 годах тяжко показавшие устойчивость своего быта» [11].

«Энсков» нет на географической карте России, но они есть на культурной и даже социальной карте. Город N упоминается и в «Двенадцати стульях». Хотя действие книги происходит в Советском Союзе, Ильф и Петров используют выражение «уездный город N». В его честь называют сайты, газеты и даже рестораны. Его вводили в свои произведения Михаил Лермонтов, Иван Тургенев, Фёдор Достоевский и многие другие авторы.

Россия – государство уездное. Губернских городов десятки, а уездных – тысячи, считают многие в интернете. Исследователи говорят о том, что одной из важных особенностей провинциального города является его безымянность: «Отсутствует имя, которое индивидуализирует город, делает его единичным и уникальным» [12].

В 1960–1970-е гг. художественный образ Энска перекочевал в «деревенскую прозу». В изображении провинциального города появилась совсем другая тенденция. В таких произведениях, как «Печальный детектив», «Людочка» В. Астафьева, «Расплата» В. Тендрякова, «Провинциальные анекдоты», «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова, «Привычное дело» В. Белова, жизнь провинции показана в неприглядной наготе и убожестве, как социальное и культурное «дно» цивилизованной урбанизации.

Деревенская проза дала объемную картину жизни русского и советского крестьянства в XX веке, отразив все главные события, оказавшие прямое влияние на его судьбу: октябрьский переворот и гражданскую войну, военный коммунизм и НЭП, коллективизацию и голод, колхозное строительство и форсированную индустриализацию, военные и послевоенные лишения, всевозможные эксперименты над сельским хозяйством. Она создала в литературе ряд типов, дающих понимание того, что есть русский характер и та самая «загадочная русская душа».

По мнению специалистов деревенскую прозу можно считать самым влиятельным направлением в русской литературе второй половины XX века. В своем развитии она продолжила традиционную линию русской классики, проявившуюся еще со времен Карамзина и Радищева, определившуюся в творчестве Пушкина (автора знаменитой «Деревни», «деревенской» (второй) главы «Евгения Онегина») и получившую развитие в «Деревне» Григоровича, «Записках охотника» Тургенева, творчестве Л.Н. Толстого, «Деревне» Бунина, «В овраге», «Мужиках» Чехова, в «новокрестьянской» школе XX века.

В 1920–30-е годы существовала «крестьянская литература», куда зачисляла таких авторов, как Ф.И. Панфёров, А.П. Чапыгин, А.С. Новиков-Прибой, С.А. Клычков, Н.А. Клюев, С.А. Есенин. В 1950–60- годы появляется уже собственно «деревенская проза» в произведениях Ю.П. Казакова. Хотя он писал и о городе, но именно с его рассказов «На полустанке» (1954), «Некрасивая» и «Странник» (1956) пошла в рост новая ветвь русской литературы XX века. К деревенской прозе относятся такие произведения В. Астафьева, как «Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Царь-рыба». Сюда же тяготеет творчество В. Солоухина и С. Залыгина. В круг «деревенщиков» входят такие авторы, как А. Яшин, В. Тендряков, Е. Носов, И. Акулов, М. Алексеев, В. Личутин, В. Лихоносов, Б. Екимов, И. Друцэ, Й. Авижюс, Г. Матевосян, А. Айлисли и др.

Правдивое изображение сельской действительности можно найти в рассказах А. Яшина «Рычаги» (1956) и «Вологодская свадьба» (1962), повестях «Вокруг да около» (1963) Ф. Абрамова, «Подёнка – век короткий» (1965) В. Тендрякова, «Из жизни Фёдора Кузькина» (1966) Б. Можаева. В произведениях В. Распутина «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Прощание с Матёрой» (1976) на первый план вышли не социальные проблемы села, а нравственные ценности народа в изменяющемся мире.

Помимо прозаиков в развитии деревенской проблематики принимали участие известные публицисты. Наиболее заметным явлением считают цикл очерков В. Овечкина, объединённый под общим названием «Районные будни» (1950-е годы). Термин «районный» может служить советским аналогом дореволюционной «провинции». Он обозначает некую маломасштабность происходящего, будничность и незаметность событий и явлений на фоне разворачивавшейся индустриализации страны.

Литература

1. Пациорковский В.В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Социологические исследования, 2012, № 4, с. 25–34.
2. Браже Л.А. Феномен провинциализма и его трактовка: от семиотики к синергетике // Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира. – Ульяновск: 2003. С. 20–24.
3. Седова Н.Н. Морально-нравственные ориентации и социальная активность // Социс. 2004. № 8. с. 88–90.
4. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко./ – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 33
5. Гапонова Ж.К. Самоидентификация провинциала в массовом сознании современной России // Верхневолжский филологический вестник, No. 4, 2018, Pp. 274–280.
6. Клубкова Т., Клубков П. Русский провинциальный город: стереотипы и реальность // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 77.
7. Ишкин Б.С. Динамика представлений о провинциальном городе в российской культуре Нового времени // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса. М.: Новый хронограф, 2009, с.319.
8. Белова Н.А. Концепт «город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 87–91.
9. Дровалева Н.А. Неизменная точка на карте: город N в русской литературе // Эстезис: Журнал о литературе https://aesthesis.ru/magazine/january17/ntown
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 4. М., 1976, с. 210.
11. Михайловский Б., Тагер Е. Творчество М Горького. М., 1969. С 127.
12. Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. -М.: 2003. – С. 243–256.

COUNTY TOWN IN THE PROVINCE

Kravchenko A.I.

Sociology of the province as a mature scientific discipline, unlike the sociology of the city, does not exist. Although historically it emerged before the city and has always numerically surpassed it. The province is young and numerous, the city is old and its population is shrinking. Everything energetic and creative is drawn to the centre, while the periphery becomes empty and dull. Revolutionary beginnings come from the city, rebellions and revolts come from the province. The city gives religious innovations, while the province keeps faithfulness to the traditions and precepts of its fathers. As a result, it is and always has been the foundation of the prosperity of the nation, and the city is its liberal vanguard. All or most of the outstanding writers were born in the province and established in the city. From the city to the province went the Narodniks to enlighten the "dark lower classes". The Slavophiles, singers of folk antiquity, were not born in the provinces either. "Sochvenniki" and "villagers" in the city sang the village, often knowing it firsthand. The county town is a kind of social and cultural bridge between large cities and small villages, a kind of "semiconductor", miraculously combining the features of both.

Keywords: provincial sociology, district town, Russian literature, "village prose", the city of Ensk, privintsialy

References

1. Patsiorkovsky V.V. Sociology of Settlement as a Special Sociological Theory // Sociological Studies, 2012, No. 4, Pp. 25–34.
2. Brazhe L.A. The Phenomenon of Provincialism and Its Interpretation: From Semiotics to Synergetics // Spiritual Life of the Provinces. Images. Symbols. Picture of the World. – Ulyanovsk: 2003. Pp. 20–24.
3. Sedova N.N. Moral and Ethical Orientations and Social Activity // Socis. 2004. No. 8. Pp. 88–90.
4. Bourdieu P. Sociology of Politics: Trans. from French by N.A. Shmatko / Comp., general. ed. and preface. N.A. Shmatko. / – M.: Socio-Logos, 1993. – P. 33
5. Gaponova Zh.K. Self-identification of a provincial in the mass consciousness of modern Russia // Upper Volga Philological Bulletin, No. 4, 2018, Pp. 274–280.
6. Klubkova T., Klubkov P. Russian provincial town: stereotypes and reality // Otechestvennye zapiski. 2006. No. 5. P. 77.
7. Ishkin B.S. Dynamics of ideas about a provincial town in Russian culture of the New Age // Fundamental problems of cultural studies: Collection of articles based on the materials of the congress. Moscow: Novy khronograf, 2009, p. 319.
8. Belova N.A. The concept of "city" in modern literary criticism // Bulletin of Yugra State University. 2012. Issue 1 (24). Pp. 87–91.
9. Drovaleva N.A. An Unchanging Point on the Map: City N in Russian Literature // Aesthesis: A Magazine about Literature https://aesthesis.ru/magazine/january17/ntown
10. Chekhov A.P. Complete Works and Letters: in 30 volumes. Vol. 4. Moscow, 1976, p. 210.
11. Mikhailovsky B., Tager E. The Works of M. Gorky. Moscow, 1969. P. 127.
12. Belousov A.F. Symbolism of the Backwoods (Designation of a Russian Provincial Town) // Geopanorama of Russian Culture: The Province and Its Local Texts. – Moscow: 2003. – Pp. 243–256.

Визуализационный анализ состояния и тенденций исследований оценочной грамотности преподавателей английского языка в Китае (2016–2025 гг.)

Ли Ицянь,
студент магистратуры, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2745411597@qq.com

Лун Юйхун,
степень магистра, профессор Синьцзянского педагогического университета
E-mail: 1185604152@qq.com

Целью работы является обобщить и показать в динамике, как развивались исследования оценочной грамотности преподавателей английского языка в Китае за 2016–2025 гг. Для этого применяется библиометрический подход и визуализационный анализ в программе CiteSpace на массиве публикаций, отобранных из базы CNKI. Установлено, что годовая публикационная активность в целом сначала росла, а затем вышла на относительно стабильный уровень; тематические акценты смещались от обсуждения понятий и содержания оценочной грамотности к прикладным вопросам – практике в аудитории и интеграции технологий. Отмечается, что основной корпус исследований создают преподаватели вузов, при этом научное сотрудничество между авторами/организациями остается недостаточно плотным. Одновременно выявлены ограничения существующих работ: методологическая однотипность и неравномерный охват разных ступеней образования. В перспективе предлагается расширять исследования на уровне базового (школьного) образования, активнее использовать смешанные методы и уделять особое внимание оценочной этике в условиях цифровой трансформации образования, включая разработку моделей интеллектуального оценивания.

Ключевые слова: преподаватель английского языка; оценочная грамотность; библиометрический анализ; визуализация научных данных; программа «СайтСпейс»; база данных «КНКИ».

Введение

В последние годы в Китае на фоне продвижения модели «обучение – учение – оценивание» как единого процесса и углубления новых образовательных стандартов все заметнее стало, что качество обучения напрямую зависит от того, насколько профессионально преподаватель умеет планировать, проводить и интерпретировать оценивание. В этой логике измерительно-оценочная грамотность преподавателя становится не «дополнительным навыком», а одной из ключевых компетенций, определяющих и качество преподавания, и достоверность учебных результатов.

При этом корпус исследований по измерительно-оценочной грамотности преподавателей английского языка в Китае быстро накапливается, но обобщающие работы нередко ограничиваются сопоставлением зарубежных и отечественных подходов или описанием текущего состояния. Гораздо реже встречается целостная «карта поля» – с анализом того, как именно менялись темы, что выходило на передний план, какие направления усиливались или угасали, и где остаются «пустоты» в доказательной базе. Именно такой системной, этапной рефлексии по динамике и эволюции исследовательских фокусов авторы считают недостаточно.

Важной предпосылкой к такому обзору является и неоднозначность терминологии. Понятие assessment literacy связывают с работой Stiggins (1991), и в китайской литературе оно переводится по-разному (как «оценочная грамотность», «измерительная грамотность», «оценочно-измерительная грамотность» и др.). В рассматриваемой статье выбран вариант, который подчеркивает комплексность феномена: речь идет не только о знаниях или отдельных умениях, а о совокупности более высокого уровня – установок и осознанности в оценивании, предметных знаний, практических навыков, «оценочной мудрости», владения методами и обязательного этического измерения оценочных решений.

На этом фоне цель исследования формулируется как интегративный анализ публикаций за 2016–2025 гг. с применением библиометрии и визуализации научного знания: на базе CNKI отбирается массив работ и с помощью CiteSpace строится представление о динамике публикаций, структуре научного сообщества и изменении тематических «горячих точек». Такой подход позволяет не просто перечислить, «что изучали», а показать траекторию развития области и обозначить направления, которые логично усилить в будущих исследованиях и практических решениях (включая технологизацию оценивания и этические вопросы).

Материалы и методы

Настоящее исследование выполнено в формате библиометрического анализа с применением визуализации научного знания; его задача – системно описать динамику публикаций и эволюцию тематических акцентов в исследованиях оценочной грамотности преподавателей английского языка в Китае за 2016–2025 гг. В качестве источника данных использована база CNKI, из которой сформирован корпус публикаций за указанный период. Отбор материалов проводился поэтапно. Сначала выполнялся первичный поиск по тематическим сочетаниям, связанным с «преподавателем английского языка» и «оценочной/измерительной грамотностью» (с учетом используемых в литературе вариантов термина) при ограничении по годам 2016–2025; на этом этапе выявлено 184 публикации (в том числе отдельно отмечены работы из индексируемых массивов: 24 – уровня «北大核心», 24 – CSSCI). Далее после просмотра названий и аннотаций оставлено 135 работ, соответствующих тематике, а затем массив уточнялся с учетом связей цитирования (по спискам литературы и цитируемости), что привело к итоговому корпусу в 139 публикаций.

Анализ выполнялся в программе CiteSpace версии 6.4.R1. С ее помощью оценивалось годовое распределение публикаций, строились сети соавторства и сети организаций (ко-упоминание авторов и учреждений) для описания структуры исследовательского сообщества и степени научного сотрудничества. Отдельный блок составил анализ ключевых слов: карта ко-упоминаний позволяла выделять доминирующие темы (в статье высокочастотными считались ключевые слова с частотой ≥ 20).

Кластеризация использовалась для группировки тем в устойчивые тематические блоки, а качество кластеризации оценивалось по показателям модульности (Q) и средней силуэтности (S).

Для фиксации смены исследовательских фронтиров во времени дополнительно применялся анализ «всплесков» ключевых слов. Основными выходными показателями служили число публикаций по годам, характеристики связности авторских и институциональных сетей, а также частотность ключевых слов, тематические кластеры и динамика ключевых «всплесков» как индикаторов изменения исследовательского фокуса.

Результаты

В анализируемом корпусе (CNKI, 2016–2025; n = 139) прослеживается трехфазная динамика: (1) период становления с наращиванием интереса в 2016–2019 гг.; (2) период устойчиво высокой активности в начале 2020-х с выходом на «плато»; (3) снижение публикационной активности к 2025 г. Такая траектория согласуется с тем, как обычно развивается новая исследовательская область: сначала уточняются понятия и рамки, затем фокус смещается к прикладным моделям и валидации практик (Stiggins, 1991).

Анализ соавторства показывает наличие небольшого авторского ядра и одновременную разреженность сотрудничества (много одиночных/локальных линий и сравнительно мало устойчивых межвузовских команд). По смыслу это означает, что направление уже стало узнаваемым и «собрало» ведущих авторов, но еще не выстроило плотные горизонтальные сети совместных проектов – что обычно замедляет накопление сопоставимых эмпирических данных и стандартизацию методик.

Содержательно поле заметно смещается:

- от вопроса «что такое оценочная грамотность учителя и из чего она состоит»;
- к вопросу «как она проявляется в реальной аудитории и как ее измерять/развивать».

Этот поворот хорошо соответствует международной логике: оценочная грамотность понимается как практико-ориентированная компетентность, а не только как знание терминов и тестологических процедур (Fulcher, 2012).

В китайской линии исследований концептуализацию и «сборку» рамки обсуждения ярко отражает работа Jin Yan (Цзинь, 2018), где систематизируются определения/рамки и предлагаются направления развития оценочной грамотности учителя иностранного языка. Дальше усиливается прикладная ветвь «классного оценивания», где делается попытка описать структуру компетенции через наблюдаемые элементы практики; пример – статья Li Liang и Wang Qiang (Ли & Ван, 2020) о классной оценочной грамотности учителя иностранного языка и о том, как ее можно операционализировать.

Отдельной устойчивой линией становится привязка оценочной грамотности к требованиям национальных документов и к согласованию целей обучения и оценивания на уровне системы. Эту тенденцию иллюстрирует работа Pan Mingwei (Пань, 2020), где обсуждается языковая оценочная грамотность в перспективе китайских стандартов владения английским языком и требований к заинтересованным сторонам (учителя, администраторы, разработчики экзаменов и др.).

Еще один заметный результат – постепенное расширение исследований от преимущественно вузовского контекста к школьному, особенно через тему подготовки/переподготовки учителей и реформы оценочных курсов. Это хорошо демонстрирует работа Tang Xiongying (Тан, 2017), где развитие оценочной грамотности рассматривается через реформирование курса оценивания и через практико-ориентированные задания/рефлексивные материалы учителей. В более поздних годах усиливается интерес к тому, как цифровая среда меняет требования к оценочной грамотности: учителю нужны не только принципы валидности/надежности, но и способность выбирать цифровые инструменты под разные цели оценивания. Эту рамку задает понятие «цифровая оценочная грамотность» (Liat Eyal, 2012).

Суммарно результаты указывают: область стала зрелее (есть ядро тем и авторов; понятие переходит в прикладные модели), но сохраняются ограничения – недостаточная связанность исследовательских групп и потребность в исследованиях, которые лучше показывают перенос знаний об оценивании в реальную практику класса. Этот разрыв между теорией и практикой фиксируется и в международных обзорах (Serafina Pastore, 2023), а также в моделях, где оценочная грамотность описывается как баланс знаний, контекста и профессиональной идентичности учителя (Yueting Xu & Gavin T.L. Brown, 2016).

Обсуждение

Выявленная траектория развития исследований (от «прояснения понятий» к «оцениванию в классе» и далее к технологическим и уровневым специализациям) выглядит закономерной. Почти любая новая область проходит этап, когда сначала требуется выстроить общий язык и базовые критерии качества оценивания, а уже потом – проверять, как эти критерии работают в живой педагогической практике. Именно поэтому ранний акцент на определениях и компонентах оценочной грамотности логично сменился интересом к инструментам, решениям учителя и к тому, как оценивание связано с обучением, а не только с измерением результатов (Richard J. Stiggins, 1991).

Сдвиг к «классному оцениванию» – это признак взросления направления: когда понятие закрепилось, возникает главный практический вопрос: как сделать оценивание валидным, полезным и осуществимым в реальных ограничениях класса (время, нагрузка, требования программы, экзаменационное давление). В языковом образовании это особенно заметно, потому что учителю приходится балансировать между коммуникативными целями и измеримостью результатов, а также между формирующим и итоговым оцениванием (Glenn Fulcher, 2012).

Отсюда же вытекает и практико-ориентированное понимание оценочной грамотности как «навыка принятия решений в контексте», а не как набора абстрактных знаний. Такой взгляд поддерживает модель TALiP, где оценочная грамотность описывается как система компромиссов и согласований между знанием, контекстом, школьной культурой и профессиональной идентичностью учителя (Yueting Xu & Gavin T.L. Brown, 2016).

Если рассматривать оценочную грамотность как «компетентность в действии», то естественный следующий шаг – исследовать, как она формируется: какие форматы подготовки работают лучше (курсы, наставничество, исследование собственной практики, дизайн урока с оцениванием), какие барьеры мешают переносу новых подходов в класс. Систематический обзор показывает, что даже при наличии теоретических рамок учителя часто испытывают трудности именно на этапе внедрения и устойчивого использования оценочных практик в реальных условиях (Serafina Pastore, 2023).

Смещение внимания в сторону школьного уровня (а не только университетского) можно интерпретировать как ответ на запрос системы: чем раньше появляется корректное формирующее оценивание, тем меньше разрыв между обучением и итоговыми результатами. В этом плане усиление исследований, связанных с обратной связью, самооценкой учащихся и оцениванием «для обучения», является правильным направлением – в классической работе по формирующему оцениванию показано, что качественная обратная связь и регулярная диагностика обучения дают значимые эффекты для учебных достижений (Black & Wiliam, 1998).

Рост интереса к цифровым инструментам – не просто мода: цифровая среда меняет саму природу доказательств обучения (лог-данные, онлайн-тесты, автоматизированные задания, банки заданий). Но здесь есть риск: технологический инструмент может усилить оценивание, а может замаскировать методологические проблемы (невалидные задания, непрозрачные критерии, неэтичные решения). Поэтому логично говорить уже не только об assessment literacy, но и о digital assessment literacy, где учитель должен уметь выбирать технологии под конкретную цель оценивания и понимать ограничения цифровых данных (Eyal, 2012).

Что это означает для будущих исследований и практики (ориентир на 2026–2030)?

1. Сместить центр тяжести на исследования «в классе»: больше наблюдений, дизайн-исследований, квазиэкспериментов и смешанных методов, чтобы видеть причинные связи «подготовка учителя → изменение практики → эффект для обучения» (Pastore, 2023).

2. Стандартизировать «минимальный набор» оценочной компетентности для разных уровней (вуз/школа) и связать его с программами подготовки учителей; полезный ориентир для перечня компетенций – подход к «знаниям и навыкам оценивания для учителей» (Brookhart, 2011).

3. Разводить «оценивание» и «тестирование» в подготовке учителей: чтобы не сводить assessment только к контрольным/экзаменам и расширять инструментарий доказательств обучения (Popham, 2009).

4. Разрабатывать этическую рамку цифрового оценивания: прозрачность критериев, справедливость, безопасность данных, объяснимость автоматизированных решений – это станет обязательной частью грамотности учителя (Eyal, 2012).

5. Укреплять исследовательские сети и межвузовские проекты: разреженность сотрудничества замедляет накопление сопоставимых данных; совместные дизайны и общие инструменты измерения дадут более надежные выводы (Xu & Brown, 2016).

Заключение

Проведенный анализ публикаций за 2016–2025 гг. показывает, что исследования оценочной грамотности преподавателей английского языка

в Китае прошли путь от уточнения понятия и его компонентов к прикладным задачам, связанным с оцениванием в реальной аудитории. Наиболее заметными итогами стали укрепление интереса к формирующему оцениванию, к профессиональному развитию учителя и к разработке практических моделей оценочной грамотности, а также постепенное расширение внимания с вузовского контекста на школьный уровень. Одновременно выявляется, что научное сообщество в данной области остается недостаточно консолидированным: сотрудничество между авторами и организациями развивается, но еще не обеспечивает системного накопления сопоставимых эмпирических данных.

Перспективы дальнейших исследований логично связаны с усилением доказательной базы и с учетом новых условий образовательной среды. В ближайшие годы наиболее значимыми направлениями будут: переход от описательных работ к исследованиям практик оценивания «в действии» (в классе), разработка и проверка программ подготовки и повышения квалификации учителей, более равномерный охват разных ступеней образования (особенно основной школы), а также формирование этических и методических ориентиров для цифрового оценивания. Такое развитие позволит приблизить оценочную грамотность к ее ключевой цели – поддерживать обучение, повышать качество обратной связи и обеспечивать справедливые решения в оценивании.

Литература

1. Stiggins, R.J. Assessment literacy / R.J. Stiggins // Phi Delta Kappan. – 1991. – Т. 72, № 7. – С. 534–539.
2. Fulcher, G. Assessment literacy for the language classroom / G. Fulcher // Language Assessment Quarterly. – 2012. – Т. 9, № 2. – С. 113–132.
3. Xu, Y., Brown, G. T.L. Teacher assessment literacy in practice: A reconceptualization / Y. Xu, G. T.L. Brown // Teaching and Teacher Education. – 2016. – Т. 58. – С. 149–162.
4. Eyal, L. Digital assessment literacy: The core role of the teacher in a digital environment / L. Eyal // Educational Technology & Society. – 2012. – Т. 15, № 2. – С. 37–49.
5. Black, P., Wiliam, D. Assessment and classroom learning / P. Black, D. Wiliam // Assessment in Education: Principles, Policy & Practice. – 1998. – Т. 5, № 1. – С. 7–74.
6. Brookhart, S.M. Educational assessment knowledge and skills for teachers / S.M. Brookhart // Educational Measurement: Issues and Practice. – 2011. – Т. 30, № 1. – С. 3–12.
7. Popham, W.J. Assessment literacy for teachers: Faddish or fundamental? / W.J. Popham // Theory Into Practice. – 2009. – Т. 48, № 1. – С. 4–11.
8. Pastore, S. Teacher assessment literacy: a systematic review / S. Pastore // Frontiers in Education. – 2023. – Т. 8. – Art. 1217167.
9. Jin, Yan. Foreign language teachers' assessment literacy development: theoretical framework and pathways / Yan Jin // Waiyu Jiaoyu Yanjiu Qianyan. – 2018. – Т. 1, № 2. – С. 65–72.
10. Li, Liang, Wang, Qiang. Foreign language teachers' classroom assessment literacy: conceptual components, observation framework, and implications / Liang Li, Qiang Wang // Waiyu Ceshi yu Jiaoxue. – 2020. – № 2. – С. 20–27.
11. Pan, Mingwei. Revisiting language assessment literacy from the perspective of China's Standards of English Language Ability / Mingwei Pan // Beijing Di'er Waiguoyu Xueyuan Xuebao. – 2020. – Т. 42, № 5. – С. 46–56.
12. Tang, Xiongying. Assessment course reform and the development of English teachers' assessment literacy in primary and secondary schools / Xiongying Tang // Waiyu Ceshi yu Jiaoxue. – 2017. С. 11–16

VISUALIZATION ANALYSIS OF THE STATUS AND TRENDS OF RESEARCH ON ENGLISH TEACHERS' ASSESSMENT LITERACY IN CHINA (2016–2025)

Li Yiqian, Long Yuhong
Xinjiang Normal University

This paper aims to summarize the status and development trends of research on English teachers' assessment literacy in China from 2016 to 2025. Using a bibliometric approach, publications were retrieved from the CNKI database and analyzed with CiteSpace to visualize annual output, collaboration patterns, and thematic evolution based on keywords and clusters. The results show that publication activity generally increased in the earlier years and then remained relatively stable, while research attention shifted from defining the concept and its components toward classroom assessment practice and teacher development, with growing attention to technology-related issues. The analysis also suggests that, although a core group of authors and institutions has emerged, research collaboration remains relatively fragmented. Overall, future work should strengthen empirical and mixed-methods studies, broaden coverage across educational levels (especially school contexts), and address methodological and ethical issues arising in technology-enhanced assessment.

Keywords: English teacher; assessment literacy; bibliometric analysis; knowledge visualization; CiteSpace; CNKI.

References

1. Stiggins, R. J. – Assessment literacy – 1991 – pp. 534–539.
2. Fulcher, G. – Assessment literacy for the language classroom – 2012 – pp. 113–132.
3. Xu, Y.; Brown, G. T. L. – Teacher assessment literacy in practice: A reconceptualization – 2016 – pp. 149–162.
4. Eyal, L. – Digital assessment literacy: The core role of the teacher in a digital environment – 2012 – pp. 37–49.
5. Black, P.; Wiliam, D. – Assessment and classroom learning – 1998 – pp. 7–74.
6. Brookhart, S. M. – Educational assessment knowledge and skills for teachers – 2011 – pp. 3–12.
7. Popham, W. J. – Assessment literacy for teachers: Faddish or fundamental? – 2009 – pp. 4–11.
8. Pastore, S. – Teacher assessment literacy: a systematic review – 2023 – Art. 1217167.
9. Jin, Yan – Foreign language teachers' assessment literacy development: theoretical framework and pathways – 2018 – pp. 65–72.
10. Li, Liang; Wang, Qiang – Foreign language teachers' classroom assessment literacy: conceptual components, observation framework, and implications – 2020 – pp. 20–27.
11. Pan, Mingwei – Revisiting language assessment literacy from the perspective of China's Standards of English Language Ability – 2020 – pp. 46–56.
12. Tang, Xiongying – Assessment course reform and the development of English teachers' assessment literacy in primary and secondary schools – – 2017. С. 11–16.

Использование ИИ в информационной политической борьбе

Акопян Давид Ваграмович,
аспирант, кафедра политических процессов и технологий,
АНО ВО «УМЦ им. В.В. Жириновского»
E-mail: david@hakobyan.ru

Статья посвящена применению систем искусственного интеллекта в информационной политической борьбе. Актуальность темы связана с переходом от ручного производства агитационного и дезинформационного контента к алгоритмически управляемым кампаниям, где машинная генерация сообщений, персонализация повестки, дипфейк-технологии и автоматизированные сети аккаунтов меняют логику политического влияния. Новизна работы связана с объединением разрозненных русскоязычных исследований в единую схему, разграничивающую производство, усиление, маскировку и сдерживание цифрового воздействия. Цель статьи – раскрыть механизмы использования ИИ в информационной политической борьбе. Использованы анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление, классификация, логико-аналитический разбор и синтез. Материал составили десять русскоязычных научных публикаций 2022–2025 годов по политической коммуникации, дипфейкам, цифровой дипломатии и правовому регулированию ИИ. В аналитической части выделены основные каналы алгоритмического воздействия и меры противодействия. Результаты пригодны для подготовки научных текстов, экспертных обзоров и учебных курсов по цифровой политике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационная политическая борьба, политическая коммуникация, дипфейки, вычислительная пропаганда, алгоритмическое профилирование, цифровой суверенитет, публичная дипломатия, дезинформация, генеративные модели.

Введение

Рост генеративных моделей, систем профилирования и алгоритмов платформенного ранжирования резко изменил устройство политической коммуникации. Массовое производство текстов, изображений, видео и аудио с помощью ИИ ускорило распространение дезинформации, усложнило верификацию источника и расширило набор средств скрытого влияния на повестку, эмоциональный фон и электоральное поведение. При таких условиях информационная политическая борьба переходит из плоскости конкуренции интерпретаций в плоскость конкуренции вычислительных ресурсов, данных и процедур алгоритмического управления вниманием.

Цель исследования – раскрыть механизмы использования искусственного интеллекта в информационной политической борьбе и определить направления их политико-правового и организационного сдерживания.

Для достижения цели поставлены три задачи:

1) систематизировать формы применения ИИ в производстве, распространении и маскировке политически значимого контента.

2) Выявить риски для доверия, информационного суверенитета и устойчивости публичной коммуникации.

3) Обобщить меры противодействия, представленные в новейшей русскоязычной литературе.

Научная новизна статьи связана с объединением политологического, коммуникативного и правового корпуса работ в единую аналитическую схему, где ИИ рассмотрен как инструмент создания контента, как средство адресного влияния и как объект регулирования. Такой ход дает возможность отделить обычную цифровизацию политической сферы от целенаправленных практик информационного давления.

Материалы и методы

Корпус исследования составили русскоязычные публикации 2022–2025 годов, посвященные политическим, правовым и коммуникативным последствиям внедрения ИИ. С.В. Володенков, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкин [1] изучили риски проникновения нейросетевых алгоритмов в социально-политические коммуникации; Е.М. Ильина [2] предложила политологическое прочтение ИИ как фактора цифровой трансформации политики и управления; А.С. Киселев [3] сосредоточил внимание на юридическом снижении политических и управленческих рисков; Е.А. Литаш-Сорокина [4] рассмотрела дипфейки как инструмент деформации публичного информационного поля; К.Г. Максимов и М.Ю. Шаповалов [5] связали ИИ-коммуникации с проблематикой информационного суверенитета и национальной безопасности. В работе Д. Ордовского [6] разобраны инструменты ИИ в цифровой публичной дипломатии США; С.А. Себекин [7] исследовал потенциал машинного анализа и прогнозирования в политических процессах; А.И. Серавин [8] обобщил направления включения ИИ в публичную сферу и управление рисками; А.В. Соколов, А.А. Фролов, П.А. Бабаджанян [9] сопоставили угрозы и преимущества применения ИИ в современной российской политике; Э.Б. Уртаева [10] раскрыла возможности персонализации и угрозы манипулятивного воздействия в политических коммуникациях.

Применены анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление исследовательских позиций, классификация инструментов ИИ, логико-аналитический разбор механизмов информационного воздействия и синтез выводов. Набор методов обеспечил переход от разрозненных описаний отдельных технологий к целостной схеме использования ИИ в информационной политической борьбе.

Результаты

Первое направление связано с переходом от медиапосредничества к алгоритмическому управлению вниманием. В литературе ИИ описан как элемент новой конфигурации политики и управления, где массивы данных, предиктивная аналитика, цифровое профилирование и автоматизация административных процедур перестраивают среду политической коммуникации [2]. В работах С.А. Себекина и А.И. Серавина политический процесс рассматривается через призму систем машинного анализа, прогнозирования и поддержки решений; при таком ракурсе ИИ перестает быть вспомогательным цифровым сервисом и превращается в инфраструктуру производства политических сигналов [7; 8].

Второе направление охватывает инструменты скрытого влияния на массовое восприятие. Э.Б. Уртаева связывает внедрение ИИ в политическую коммуникацию с персонализацией сообщений, усилением селективной подачи информации и ростом угрозы манипулятивного воздействия [10]. С.В. Володенков, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкин рассматривают «умные» механики генерации и трансляции контента как основу нового формата социально-политических взаимодействий, при котором алгоритм принимает участие в настройке повестки, темпа распространения сообщений и формировании доверия к ним [1]. К.Г. Максимов и М.Ю. Шаповалов переносят анализ в плоскость национальной безопасности: автоматизированная вычислительная пропаганда, информационные пузыри и персонализированные ленты создают устойчивую среду для внешнего давления на политическое сознание [5].

Отдельный блок исследований посвящен синтетическому контенту. Е.А. Литаш-Сорокина связывает дипфейк-технологии с эрозией визуального доверия и ростом трудностей в проверке политически значимых сообщений [4]. При соединении генеративных моделей с сетями автоматизированных аккаунтов поддельный аудио- и видеоматериал получает кратно большую скорость циркуляции; вследствие такого соединения информационная атака уже не требует длительной подготовки и крупной организационной структуры [1; 5; 10]. В условиях электоральных кампаний и кризисной международной повестки синтетический контент работает как средство дискредитации, провокации и имитации публичного высказывания, подменяя документальное свидетельство управляемой цифровой копией [4; 7; 9].

Информационная политическая борьба не исчерпывается внутренним медиапространством. Д. Ордовский показывает, что алгоритмическая обработка обратной связи, генерация адресного контента и мониторинг реакции аудиторий становятся инструментами цифровой публичной дипломатии [6]. В сочетании с выводами А.В. Соколова, А.А. Фролова, П.А. Бабаджаняна о соединении ИИ с избирательными технологиями и государственным управлением прослеживается единая тенденция: один и тот же набор инструментов обслуживает и внешнеполитическое позиционирование, и внутриполитическое влияние [9; 6]. При такой связке граница между дипломатической коммуникацией, информационной операцией и кампанией по перенастройке общественного мнения становится менее отчетливой.

Политико-правовое сдерживание в рассмотренном корпусе описано неоднородно. А.С. Киселев выдвигает линию проактивного правового нивелирования рисков, связывая регулирование с прозрачностью алгоритмов, международными нормами и этическими ограничителями [3]. Е.М. Ильина рассматривает политическую теорию ИИ шире, связывая аналитические и управленческие возможности цифровых систем с профилированием, социальным скорингом и новыми практиками постправды [2]. Вместе названные позиции позволяют выделить трехзвенную модель противодействия: нормативное ограничение манипулятивных практик, технологическое выявление синтетического контента и институциональную защиту цифрового суверенитета [2; 3; 5].

Сводный анализ литературы дает основание рассматривать использование ИИ в информационной политической борьбе как последовательность взаимосвязанных операций: сбор и сортировка данных об аудиториях, генерация сообщений под целевые сегменты, ускоренное распространение через платформенные алгоритмы и сетевые прокси, маскировка источника, последующая коррекция кампании по цифровому следу отклика [1; 4; 6; 10]. На каждом звене ИИ сокращает издержки воздействия, повышает точность адресации и усиливает эффект повторяемости. Политическое противоборство при подобных условиях смещается от конкуренции отдельных сообщений к конкуренции вычислительных мощностей, данных, платформенного доступа и средств детекции [5; 8; 9].

Обсуждение

Сопоставление рассмотренных работ показывает неоднородность исследовательской оптики. Е.М. Ильина, С.А. Себекин и А.И. Серавин пишут об искусственном интеллекте прежде всего как о среде перестройки политического процесса, где алгоритм влияет на прогнозирование, планирование и структуру принятия решений. С.В. Володенков, Э.Б. Уртаева, К.Г. Максимов, Е.А. Литаш-Сорокина смещают внимание к техникам коммуникационного давления – персонализации, сетевой автоматизации, вычислительной пропаганде, синтетическому контенту. Д. Ордовский, А.В. Соколов с соавторами и А.С. Киселев выводят тему в плоскость прикладной политики, где на первый план выходят цифровая дипломатия, избирательные технологии и правовое ограничение рисков.

Расхождение между названными линиями связано не со спором о факте влияния ИИ, а с масштабом рассмотрения. При широком политологическом ракурсе ИИ предстает инфраструктурой управления, при коммуникативном – средством скрытого воздействия, при правовом – объектом нормативной настройки. Из-за такого расслоения один и тот же инструмент получает разное толкование: генеративная модель у одних авторов обслуживает аналитическую работу и дипломатическую коммуникацию, у других – фабрикацию фальсифицированных сообщений и ускорение информационных атак.

Исследовательские ограничения просматриваются достаточно отчетливо. Русскоязычный корпус уже накопил содержательные описания рисков и типовые перечни угроз, но количественная оценка эффективности алгоритмических кампаний разработана слабее. Редко встречается сопоставление внутренних и внешних операций в пределах одной модели; еще реже анализ соединяет платформенную архитектуру, правовое регулирование и поведенческий отклик аудиторий. Недостаточно изучены режимы обратной связи, при которых ИИ не просто распространяет сообщение, а непрерывно перенастраивает его по реакции целевой группы.

Отсюда вытекает и практический предел части опубликованных выводов. Правовые меры, детекторы синтетического контента и программы цифровой грамотности описаны убедительно, но без общей схемы координации их эффективность трудно оценить. Для дальнейшей разработки темы требуется связать политическую теорию, исследование медиасреды, правовые инструменты и прикладную аналитику кампаний в едином исследовательском каркасе.

Заключение

Проведенное исследование позволило систематизировать формы применения ИИ в информационной политической борьбе. В состав таких форм входят алгоритмическое профилирование аудиторий, генерация политически значимого контента, автоматизированное распространение сообщений через сетевые аккаунты и платформенные механизмы ранжирования, синтетическое аудио- и видеопроизводство, адаптивная корректировка кампаний по цифровому следу отклика.

Вторая задача привела к выявлению основных рисков: эрозии доверия к источнику, усиления персонализированного манипулятивного воздействия, размывания границы между подлинным и сконструированным сообщением, роста уязвимости информационного суверенитета и усложнения публичного контроля над алгоритмическими посредниками.

Третья задача завершилась обобщением мер сдерживания. Наиболее продуктивная линия связана с сочетанием правового регулирования, институциональной защиты цифрового суверенитета, технологического обнаружения синтетического контента и подготовки аудитории к распознаванию алгоритмических форм давления.

Литература

1. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 2. С. 406–424. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424.

2. Ильина Е.М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // Ars Administrandi. 2022. Т. 14, № 3. С. 403–421. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-3-403-421.

3. Киселев А.С. Возможности правового нивелирования политических и организационно-управленческих рисков применения искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 524–543. DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-2-524-543.

4. Литаш-Сорокина Е.А. Искусственный интеллект и дипфейки: вызовы и перспективы // Государственная служба. 2025. № 3 (155). С. 37–50.

5. Максимов К.Г., Шаповалов М.Ю. Искусственный интеллект в политической коммуникации: вызовы для обеспечения национальной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 12. С. 77–83. DOI: 10.24158/pep.2025.12.10.

6. Ордовский Д. Применение технологий искусственного интеллекта в цифровой публичной дипломатии США: перспективы и возможности для России // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 4. С. 211–227. DOI : 10.17506/18179568_2025_22_4_211.

7. Себекин С.А. Искусственный интеллект в политических процессах: перспективы и вызовы // Известия Иркутского государствен-

ного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 46. С. 7–18. DOI: 10.26516/2073-3380.2023.46.7.

8. Серавин А.И. Искусственный интеллект и политический процесс. Задачи на перспективу // Власть. 2025. Т. 33, № 2. С. 9–18.

9. Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27, № 3. С. 622–637. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637.

10. Уртаева Э.Б. Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта (ИИ) в политических коммуникациях // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2 (127). С. 44–51. DOI: 10.24158/pep.2024.2.3.

USING AI IN INFORMATION POLITICAL WARFARE

Akopyan D.V.
V.V. Zhirinovsky Educational and Methodological Center

This article examines the use of artificial intelligence systems in information political warfare. The topic is relevant given the shift from manual production of propaganda and disinformation content to algorithmically driven campaigns, where machine-generated messages, personalized agendas, deepfake technologies, and automated account networks are changing the logic of political influence. The novelty of this work lies in its integration of disparate Russian-language studies into a unified framework that distinguishes between the production, amplification, disguise, and containment of digital influence. The article aims to uncover the mechanisms of using AI in information political warfare. The article utilizes an analysis of scientific publications, comparative comparison, classification, logical-analytical analysis, and synthesis. The material comprises ten Russian-language scientific publications published between 2022 and 2025 on political communication, deepfakes, digital diplomacy, and the legal regulation of AI. The analytical section identifies the main channels of algorithmic influence and countermeasures. The results are suitable for the preparation of academic texts, expert reviews, and educational courses on digital policy.

Keywords: artificial intelligence, information political warfare, political communication, deepfakes, computational propaganda, algorithmic profiling, digital sovereignty, public diplomacy, disinformation, generative models.

References

1. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Pechenkin N.M. Risks, Threats, and Challenges of Implementing Artificial Intelligence and Neural Network Algorithms in the Modern System of Sociopolitical Communications: Based on Expert Research // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2024. Vol. 26, № 2. pp. 406–424. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424.

2. Ilyina E.M. Politics and Management in the Context of Digital Transformation: A Political Science Perspective on Artificial Intelligence // Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, № 3. pp. 403–421. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-3-403-421.

3. Kiselev A.S. Possibilities of Legal Mitigation of Political, Organizational, and Managerial Risks of Using Artificial Intelligence // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2025. Vol. 29, № 2. pp. 524–543. DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-2-524-543.

4. Litash-Sorokina E.A. Artificial Intelligence and Deepfakes: Challenges and Prospects // Public Service. 2025. № 3 (155). pp. 37–50.

5. Maksimov K.G., Shapovalov M. Yu. Artificial Intelligence in Political Communication: Challenges for Ensuring National Security // Society: Politics, Economics, Law. 2025. № 12. pp. 77–83. DOI: 10.24158/pep.2025.12.10.

6. Ordovsky D. Application of Artificial Intelligence Technologies in US Digital Public Diplomacy: Prospects and Opportunities for Russia // Discourse-Pi. 2025. Vol. 22, № 4. pp. 211–227. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_4_211.

7. Sebekin S.A. Artificial Intelligence in Political Processes: Prospects and Challenges // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. 2023. Vol. 46. pp. 7–18. DOI: 10.26516/2073-3380.2023.46.7.

8. Seravin A.I. Artificial Intelligence and the Political Process. Future Challenges // Vlast. 2025. Vol. 33, № 2. pp. 9–18.

9. Sokolov A.V., Frolov A.A., Babadzhanyan P.A. Application of Artificial Intelligence Technologies in Politics: Threats and Opportunities // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025. Vol. 27, № 3. pp. 622–637. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637.

10. Urtaeva E.B. Opportunities and threats of using artificial intelligence (AI) in political communications // Society: politics, economics, law. 2024. № 2 (127). P. 44–51. DOI: 10.24158/pep.2024.2.3.

Академическая мобильность как фактор развития международных научно-технологических отношений

Алборова Марианна Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: alborova2205@mail.ru

Научно-технологическое сотрудничество на современном этапе развития выходит на новый уровень, при котором академическая мобильность, высококвалифицированное образование и работа с инновационными разработками становятся драйверами прогресса. Активное взаимодействие ученых и высококвалифицированных экспертов позволяет значительно расширить технологический потенциал стран.

Целью исследования является комплексный анализ тенденций развития академической мобильности, включая нормативно-правовую базу, институциональные механизмы и сотрудничество в приоритетных областях. Особое внимание уделено проблемам и вызовам, связанным с координацией транснационального образования в условиях глобальных геополитических изменений.

Опираясь на методы сравнительного анализа была выявлена эволюция и современное состояние международной академической мобильности. Исследование нормативно-правовых и институциональных основ позволило выделить ключевые направления академической коммуникации, направленной на укрепление национальной науки и инновационного прорыва стран, открытых для сотрудничества.

Таким образом, в статье подтверждается, что международная академическая мобильность играет значительную роль в укреплении научно-технологического потенциала стран, характеризуется поступательной динамикой и основана на прочной нормативной базе и интеграции передовых научных практик. Статья будет полезна студентам, магистрам, исследователям, научным сотрудникам.

Ключевые слова: наука, технологическое лидерство, международное научно-технологическое сотрудничество, академическая мобильность, экономическое развитие, технологический уклад, цифровизация, биоинженерные технологии, нанотехнологии. система управления, кадровая политика.

В настоящее время эффективность государства, его уровень конкурентоспособности и стратегического развития во многом определяется потенциалом науки, технологий, наукоёмкой промышленности и высокоинтеллектуальными кадрами. Сегодня наука XXI века становится непосредственным драйвером расширения технологического прогресса стран.

Важно помнить, что экспоненциальный рост инноваций должен напрямую коррелироваться с высоким уровнем культурно-гуманитарного развития общества. Поскольку чем выше потенциал технологий и скорость их внедрения, тем выше, соответственно, должна быть и ответственность за риски, которые могут возникнуть в процессе применения новаций. В этих условиях современная наука является не только ключевым фактором для реализации прорывных инноваций, но и играет важную роль в смыслообразовании и ценностных ориентациях кадров, которые будут во многом определять технологическую успешность своих стран.

События последних лет убедительно подтверждают, что гуманитарно-технологическая революция повлияла на формирование нового мирового уклада, в котором передовые позиции займут страны, обладающие широкими возможностями национальной наукоемкой промышленности и высоким интеллектуальным потенциалом населения. По отношению к России В.В. Путин в одном из своих выступлений отмечал, что «именно высокое качество образования… – залог того, что наша страна сможет решать самые сложные задачи, добиваться научного и технологического лидерства. [1]. Российская Федерация играет важнейшую роль в расширении инновационного развития, вносит вклад в реализацию передовых международных научно-технологических проектов.

Цифровая эпоха сегодняшнего дня требует подготовки высокоинтеллектуального человеческого капитала, людей способных творить, проектировать, управлять и поддерживать сложные социальные и технологические процессы. Именно поэтому необходимо уделить значительное внимание комплексному развитию человека. Важно помнить, что интеллектуальный потенциал – это совокупность познавательных возможностей, объединяющих природные творческие способности, полученные знания и умения. [2]. Развивать этот потенциал необходимо, поскольку он становится основой для реализации стратегических перспектив и безопасности общественной эволюции.

Важно отметить, что государства, имеющие специалистов, соответствующих вызову времени в достаточном количестве, получают в мире постоянно меняющихся технологий большие конкурентные преимущества. Отсюда и потребность к поиску возможностей готовить таких специалистов, как в рамках национальных образовательных институтов, так и на основе широкого международного научно-технологического сотрудничества и академической мобильности.

Проблематика международной академической мобильности находится в активном политическом дискурсе как российских, так и зарубежных авторов. Так, например, анализ этого явления с позиции теории «мягкой силы» рассмотрен в статье Д.М. Ковбы и Е.Г. Грибовод. В своей работе они делают акцент на выделении англо-американского и азиатского (евразийского) векторах. [3].

Значение международной академической мобильности для Российской Федерации проанализировано в работе С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской, В.И. Скоробогатовой и В.А. Безвербного [4]. Авторы уточнили термин «академическая мобильность» и предложили вариант классификации этого понятия, в своей статье они также рассмотрели факторы, влияющие на студенческую мобильность.

Представленные работы раскрыли ряд значимых ракурсов международной академической мобильности, ее сущностный характер и особенности механизмов в процессе ее реализации.

В рамках нашего исследования рассмотрен вопрос реализации международной академической мобильности в условиях глобальной трансформации мирополитических процессов, которые наиболее ярко проявили себя с периода 2020 года.

Гипотезой данного исследования является утверждение, о том, что международная академическая мобильность является одним из важнейших факторов стимулирования научно-технологического развития стран, что в свою очередь дает возможность как укрепить кадровый

потенциал государства, так и качественно повысить уровень инновационных разработок в необходимых сферах.

В исследовании использованы следующие методы:

– метод статистического анализа – сбор, обработка и анализ данных ООН, ЮНЕСКО, Министерства науки и высшего образования России и др.

– метод сравнительного анализа, который проводился на основе сбора информации о международной академической мобильности в ведущих странах мира и т.д.

В статье рассматриваются такие аспекты как значение международной академической мобильности; факторы, влияющие на научно-технологическое сотрудничество и подготовку кадров, соответствующих современным технологическим вызовам.

Роль международной академической мобильности в укреплении научно-технологического сотрудничества

Интеллектуальный потенциал молодежи является важнейшим фактором формирования устойчивого и развитого будущего. Именно сегодня мы строим мир, который характеризуется глобальными технологическими изменениями, что требует значительного пересмотра качества и динамики подготовки специалистов. К сожалению, отнюдь не всегда возможно создать комплексные условия для многогранной кадровой политики в рамках национального образования, этот фактор усиливает значение международной академической мобильности и стимулирует участие стран в построении широкого спектра научно-технологического сотрудничества.

Экспорт образовательных услуг активно набирает обороты, поскольку он позволяет обеспечивать возможность многоуровневого обучения для иностранных граждан и включает в себя все виды мобильности как научных кадров, так и обучающихся. Кроме того, здесь же актуализируется сектор изучения и практики иностранного языка, различные системы транснационального образования, вопросы признания международных квалификаций и сертификатов и т.д.

Рынку экспорта образовательных услуг сегодня отводится ключевое место в развитии информационного общества на глобальном и национальном уровне. Собственную активную позицию в этой сфере заявили США, Великобритания, Франция, Германия, Китай и Россия [5]. В этой ситуации широкий потенциал дистанционного образования сформировал возможности для повышения эффективности продвижения образовательных программ в мировом информационном пространстве.

Ведущие вузы мира стали бороться за высокомотивированных студентов, решая вопросы привлекательности имиджа университетов и расширяя возможности своей образовательной системы. Комплекс разнообразных программ и международных олимпиад, реализуемых сегодня, позволил не только выявить наиболее успешные и перспективные кадры, но и сформировать варианты предложений и мотиваций для привлечения талантливой молодежи сначала для обучения, а потом и для трудоустройства в перспективные компании ведущих технологических стран мира.

Значительная работа в этом направлении ведется и в России. Так, например, в ряд ведущих вузов нашей страны привлекают талантливую молодежь из разных стран мира в рамках международной олимпиады Ассоциации «Глобальные университеты». В этом проекте реализуется сотрудничество 185 стран [6]. В 2025–2026 г. в данной олимпиаде приняли участие 58.000 человек. Наиболее востребованными направлениями стали «Компьютерные науки и науки о данных», «Клиническая медицина и общественное здравоохранение» и т.д. Важно отметить, что в последние два года растет приток в Россию аспирантов. Новое поколение из разных стран мира активно принимает участие в работе Конгресса молодых ученых [7], который объединил на своей площадке талантливых молодых людей из 100 стран.

Данные Минобрнауки РФ, убедительно подтверждают рост привлекательности российских образовательных программ. Так, в 2024/2025 учебном году количество иностранных студентов, обучающихся в российских вузах составило 414,6 тыс. человек, которые прибыли в Россию из 182 стран. Расширяется потенциал стажировок и программ студенческих обменов.

С 2014 года в России действует государственная программа «Глобальное образование» [8]. В рамках программы осуществляется международное сотрудничество с вузами и образовательными организациями 32 стран по 32 специальностям. Реализация программы направлена на «сохранение и приумножение научных, педагогических, медицинских и инженерных кадров» [9]. По данным 2026 года, количество участников только этой программы 689 человек. Активное участие в проектах по международной академической мобильности принимают многие вузы России.

На современном этапе в Российской Федерации создается передовая инфраструктура и цифровое пространство, которые формируют комфортные развивающие возможности как для студентов России, так и обучающихся из других стран мира. К 2036 году запланирована модернизация комплексной сети из 40 кампусов при ведущих университетах страны [10].

Многогранный опыт в реализации международных образовательных проектов накоплен и «Центром образования и международной деятельности («Интеробразование» [11]).

Формирование уникальной человекоцентричной академической среды – позволяет не только укрепить научное сотрудничество, но и повышает международный имидж российского образования. По сути создаются условия для масштабной экосистемы возможностей, в которой раскрывается потенциал передовой молодежи как в сфере науки, так и с точки зрения более плотного взаимодействия в культуре и гуманитарной сфере, что в свою очередь создает основу для укрепления международных связей на стратегическом уровне.

Активно расширяется и потенциал вовлеченности в процессы международной академической мобильности научно-педагогических кадров. В такой вид мобильности могут быть включены и кратковременная академическая мобильность, и долговременные проекты, включающие создание на территории других стран филиалов ведущих вузов. Расширяется и потенциал мобильности образовательных программ.

В настоящее время в опоре на информационные возможности по всему миру идет активный поиск талантливых молодых людей, обучение которых предполагает приобретение новых компетенций.

Данные за 2025 год подтверждают значительный интерес к европейским вузам, численность студентов из других стран увеличилась более чем на 40%. В Испании за последние 10 лет количество иностранных студентов увеличилось на 77%. Хорошая динамика отмечается в Азии и на Ближнем Востоке. Так, например, из стран Ближнего Востока наибольшую заинтересованность абитуриентов в 2025 году демонстрируют вузы ОАЭ.

При этом в учебных заведениях США и Канады иностранных студентов стало меньше, чем в предыдущий период [12]. Важно отметить, что одним из факторов сокращения численности студентов стало ужесточение миграционной и визовой политики в США, Великобритании, Канаде и Австралии.

Каждая страна имеет свою специфику в предоставлении образовательных услуг. Так, например, такие страны как США, Великобритания и Новая Зеландия предоставляют услуги очень высокой ценовой категории, что и стало одной из причин снижения количества абитуриентов в 2024–2025 году. Напротив, некоторые европейские страны, такие как Германия и Франция, Финляндия, Швеция более заинтересованы в привлечении талантливой молодежи из других государств и поэтому, готовы предоставлять бесплатные образовательные услуги, компенсируя затраты за счет внутренних, в основном, бюджетных источников. Эти страны получают доход от проживания иностранных студентов, кроме того очевидна их заинтересованность в постепенной ассимиляции и привлечении на рынок труда высокообразованных, мотивированных и квалифицированных сотрудников.

Международная академическая мобильность – это динамичный процесс, который позволяет значительно повысить уровень подготовки национальных кадров в соответствии с вызовами нового технологического уклада. Кроме того, в рамках научного диалога и молодежного сотрудничества повышается потенциал развития межкультурных коммуникаций, растет уровень востребованности выпускников на международном рынке труда, укрепляется взаимодействие культур и наций.

Международные научно-технологические отношения формируют потребность в кадрах, способных инициировать и реализовывать прорывные решения для развития стран и укрепления их технологического суверенитета.

Факторы, влияющие на международную академическую мобильность и подготовку кадров

Интернационализация образования расширяет возможности кадрового потенциала стран и становится глобальным трендом для стремительного развития национальных систем образования и науки в мире. По прогнозам экспертов, на современном этапе общее количество студентов, которые задействованы в процессе получения образования за рубежом, доходит до миллионов человек [13].

Активное становление цифровой эпохи ставит перед государствами новые цели развития, одна из них непосредственно связана с созданием комплексной системы воспроизводства как профессионалов для реализации технологических задач, так и высококвалифициро-

ванных научно-педагогических кадров, которые могут взять на себя вопросы подготовки и переподготовки необходимых специалистов.

Широкомасштабная трансформация современного общества стала мощнейшим драйвером для переоценки подходов к развитию человеческого капитала и усиления внимания к научному потенциалу нового поколения.

Так, например, в России сегодня реализуется меры по активному привлечению молодежи к науке и технологиям как в рамках национального проекта «Наука и университеты» [14], так и в процессе осуществления государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [15]. Важно отметить, что в основе национальной политики в этой сфере заложено стремление к достижению значимых результатов в соответствии с приоритетами, определенными в Стратегии научно-технологического развития страны. Программы дают возможность реализовывать самые амбициозные проекты под руководством ведущих ученых мирового уровня и внести свой вклад в развитие страны в рамках национальной технологической инициативы.

Значительные усилия прилагаются в России для расширения потенциала опорных вузов страны, осуществляющих подготовку кадров как на национальном, так и на международном уровне для наиболее значимых и перспективных отраслей. Кроме того, приоритетным направлением остаётся и развитие международного научно-технологического сотрудничества, в рамках которого осуществляется широкий спектр партнерских программ между ведущими зарубежными и отечественными высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами.

Среди многих примеров, реализации программ сотрудничества, можно выделить деятельность НИТУ МИСИС [16] как одного из ведущих опорных вузов страны, который успешно взаимодействует с такими крупнейшими вузами Китая как Университет Цинхуа, Харбинский и Пекинский политехнические университеты. В рамках партнерства реализуются как студенческие обмены и программы стажировок, так и активный научно-практический диалог научных кадров. В этом направлении также реализуют свою работу ключевые вузы страны, такие как МГИМО МИД России, МГУ, ВШЭ, Президентская академия, МГТУ им. Н.Э. Баумана, РУДН и др.

Комплексная программа развития кадрового потенциала предусмотрена и в рамках Концепции международного-научно-технологического сотрудничества Российской Федерации [17]. Значительная часть вопросов академической мобильности и научных связей рассмотрена в рамках двусторонних соглашений с дружественными странами, заключенных в ракурсе деятельности Минобрнауки и Минпросвещения [18].

Анализ факторов, влияющих на международную академическую мобильность позволяет выделить наиболее приоритетные, среди них:
– вариативность выбора образовательных программ;
– стоимость обучения и проживания;
– миграционная политика и визовый режим в стране;
– возможность трудоустроиться.

Выбор приоритетов при принятии решения о месте получения образования или повышения квалификации, во многом определяется как внутриполитическими факторами, так и геополитической ситуацией.

Сегодня вопрос увеличения объемов экспорта образовательных услуг становится одним из наиболее значимых. В этом треке решается не только кадровый вопрос, но и продвижение интересов государства посредством «мягкой силы», что в свою очередь позволяет расширить потенциал реализации геоэкономических и геополитических интересов стран. Наличие уникальных образовательных программ, выработка новых учебных курсов, иногда не имеющих конкурентоспособных аналогов, дает возможность повысить уровень привлекательности страны в этой сфере.

Кроме того, экспорт образовательных услуг становится высокодоходным и стратегически закрепленным источником прибыли для государств по всему миру. По оценкам экспертов, примерная емкость доходов мирового рынка в этом сегменте оценивается в сумму более 100 млрд долларов.

Таким образом среди факторов, влияющих на международную академическую мобильность также хочется отметить следующие показатели, определяющие привлекательность стран в сфере предоставления возможностей для образования. Во-первых – это уровень научно-технологического, экономического и культурно-гуманитарного развития страны, во-вторых – это уровень государственного финансирования, предоставления грантов, дотаций, бюджетных мест, в-третьих – это престижность полученного образования, его качество и возможности успешно трудоустроиться после получения документа об образовании, в-четвертых – это наличие перспективных или уникальных программ, соответствующих высокому уровню востребованности профессий на современном уровне и т.д.

В последние годы одним из ключевых трендов п привлечению иностранных абитуриентов стало создание образовательных кампусов в непосредственной связке с экономическими зонами, в рамках деятельности которых можно осуществлять успешное развитие в своей профессиональной сфере.

Оценивая уровень экспорта образовательных услуг на современном этапе можно отдельно отметить значение маркетинговой политики по продвижению образовательных услуг на мировой рынок. В условиях современной мировой турбулентности особую роль играет ценность образования не только лично для человека, но и для государства и общества.

В условиях четвертой технологической революции высокоинтеллектуальный, творческий, мотивированный, целеустремлённый человек становится значимым кадровым потенциалом для устойчивого и стратегического развития страны, поэтому битва за таланты началась и ведется очень активно.

Турбулентность современного мира усиливает запрос на специалистов в технических отраслях. Эта ситуация осознана во многих странах. Так, например, в США была создана неформальная коалиция университетов «Реализуя потенциал Америки», которая озаботилась сверхзадачей сохранения мирового научно-технологического лидерства [19].

Востребованность инженерных кадров сегодня наблюдается в Западной Европе, прежде всего в странах – лидерах предшествующих волн НТР – Великобритании, Германии, Франции. В итоге были заложены основы создания Европейского технологического института (*European Institute of Technology*), который призван предоставлять общие рекомендации по разработке единых программ обучения инженерно-технических кадров в Европе, а также по осуществлению таких программ на уровне отдельных стран – членов ЕС [20].

Технологический потенциал Китая расширяется экспоненциально. Темпы его развития потребовали увеличения в сжатые сроки отряда высококлассных специалистов в технической сфере до 180 млн человек. Китай движется уверенной поступью в области наращивания образовательного потенциала, реализуя программу «Новое качество для нового века».

Анализ динамики академической мобильности подтверждает стремление многих стран мира нарастить темпы участия в международном научно-технологическом сотрудничестве, усилить интеграцию в инновационной сфере и подготовке высокотехнологических кадров.

Инструментальные и правовые механизмы международной академической мобильности

Международная академическая мобильность активно набирает обороты и становится все более востребованной. Среди основных инструментов государственного регулирования в сфере образования особое место занимают правительственные структуры, в рамках деятельности которых регулируются вопросы, связанные с государственной поддержкой экспорта услуг в сфере подготовки и переподготовки кадров.

Важнейшим инструментом обеспечения академической мобильности являются источники финансирования. Основными из них это государственные средства, но значительную помощь оказывает и частный сектор, гранты, выделяемые международными организациями.

Вопросы регулирования мирового рынка образовательных услуг решаются в рамках деятельности многих международных и региональных организаций. Благодаря их многогранной работе расширяется спектр научно-технологического и культурно-гуманитарного диалога, осуществляется координация усилий мирового сообщества по расширению интеллектуального потенциала и подготовки высокопрофессиональных специалистов.

Россия является активным участником экспорта образовательных услуг в современном мире, этот вопрос становится частью социально-экономической стратегии страны. В последние годы разработан целый ряд проектов, направленных на привлечение иностранных студентов, в этом ряду Государственная программа «Глобальное образование», Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», Стратегическая инициатива Правительства РФ «Россия – привлекательная для учёбы и работы страна» и т.п.

Для решения этого вопроса был запущен масштабный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» в рамках национального проекта «Образование». Впервые образование вошло в число несырьевых экспортоориентированных отраслей российской экономики. В рамках проекта были поставлены новые ориентиры: число иностран-

цев, обучающихся по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. чел. в 2017 г. до 710 тыс. в 2025 г., а количество слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – с 1,1 млн чел. до 3,5 млн. Объём средств, полученных от экспорта российского образования, должен увеличиться более чем в пять раз, превысив 373 млрд руб. к 2025 г.

В 2021 г. Россотрудничеством [21] запущен супер-сервис «Образование иностранцев в РФ», который позволяет абитуриентам из других стран в режиме онлайн подать заявки на поступление в российские вузы по упрощённой схеме.

Именно сегодня при условии ускоренного развития современных технологий необходимо расширять методы преподавания с учетом возникновения новых цифровых компетенций, формировать направления научных исследований, оперативно отвечать на вызовы эпохи. На современном этапе уверенно растет значение международной академической мобильности и транснационального образования, все больше внимания уделяется гуманитарным аспектам, позволяющим поддерживать целостность личности человека.

Вызовы XXI века требуют формирования нового творческого сознания, ориентированного на развитие инновационного стратегического мышления. Технологический мир многогранен, он создает как широкие возможности, так и риски для человека и общества, поэтому нравственность, общечеловеческие ценности и ответственность за результаты научных исследований все больше становятся необходимыми условиями становления нового цифрового, технологического общества. Подготовка профессиональных кадров, способных создавать инновационные проекты для улучшения качества жизни человека – это важный фактор для устойчивого и стратегического развития страны.

В заключении, хотелось бы еще раз отметить, что скорость технологического прогресса стимулирует постоянное обновление знаний, формирует новый уровень требований к воспитанию человека, ставит перед поколением задачу сохранения высоких ценностных ориентиров, поскольку чем выше уровень технологий, тем больше рисков их применения не во благо, а во вред человечеству. Именно в этом контексте сегодня необходимо формировать новое сознание человека, культивировать инновационное стратегическое мышление, учить решать сложные творческие задачи, понимать цивилизационную специфику, практиковать синергетический подход к делу [21].

Интернационализация образования не только непосредственно влияет на экспорт образовательных услуг, но и способствует развитию академической мобильности студентов, преподавателей и ученых, расширяя, таким образом, диапазон научных и образовательных школ. Кроме того, с точки зрения политической науки интернационализация образования представляет собой важный компонент «мягкой силы», позволяющий привлекать самых талантливых, мотивированных и целеустремленных людей, чаще всего обладающих лидерскими качествами.

Важно отметить, что формирование комплексной системы подготовки кадров, соответствующих современному вызову необходимо соотносить с развитием новой технологической культуры мышления, которая будет способствовать многогранному прогрессу человечества как в вопросах инновационного сегмента, так и с позиции нравственной ответственности за результаты научно-технологической революции.

Широкий диапазон международной академической мобильности позволяет значительно повышать качество уровня подготовки кадров, что в свою очередь стимулирует инновационное развитие стран, активизирует научный обмен передовыми разработками и повышает конкурентоспособность стран на мировой арене.

Литература

1. Путин заявил о важности высокого качества образования https://ria.ru/20251005/putin-2046431578.html (дата обращения: 15.03.2026)
2. В.В. Иванов. Интеллектуальный крест: искусственный интеллект – слуга или господин? //Научные труды ВЭО России,2026, т. 256, стр. 117–128.
3. Д.М. Ковба, Е.Г. Грибовод Международная академическая мобильность сквозь призму теории «Мягкой силы». Образование и наука. Том 21, № 10. 2019/The Education and Science Journal. Vol. 21, № 10. 2019
4. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, В.И. Скоробогатова и В.А. Безвербный. Международная академическая мобильность в России: тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 2.- С. 420–435
5. Научно-технологический прогресс и современные международные отношения: В двух томах. Том 1: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.В. Бирюкова; отв. ред. М.Б. Алборова, А.В. Крутских. – М.: Издательство Аспект Пресс , 2023. – 368 с.
6. Международной олимпиады Ассоциации «Глобальные университеты». https://od.globaluni.ru/ru#a-universities (дата обращения: 16.03.2026)
7. Конгресс молодых ученых https://конгресс.наука.рф/about/ (дата обращения: 25.03.2026)
8. Государственная программа «Глобальное образование» https://educationglobal.ru/ (дата обращения: 20.03.2026)
9. Там же.
10. Минобрнауки России https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/99585/?sphrase_id=9685197 (дата обращения: 16.03.2026)
11. Центр образования и международной деятельности. https://ined.ru/news (дата обращения: 20.03.2026)
12. Исследование The Global Enrolment Benchmark Survey 2025 года https://www.forbes.com/sites/michaeltnietzel/2025/11/25/new-survey-international-students-are-moving-away-from-us-colleges/ (дата обращения: 15.03.2026)
13. Международная студенческая мобильность: итоги 2025 и прогноз на 2026 год. https://ed-ex.com/ru/blog/mezdunarodnaa-studenceskaa-mobil-nost-itogi-2025-i-prognozy-na-2026-god (дата обращения: 20.03.2026)
14. Национальный проект «Наука и университеты» https://национальныепроекты.рф/projects/nauka-i-universitety/ (дата обращения: 25.03.2026)
15. Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» http://government.ru/rugovclassifier/858/events/ (дата обращения: 25.03.2026)
16. НИТУ МИСИС развивает сотрудничество с университетами Китая. https://misis.ru/news/9050/ (дата обращения:25.03.2026)
17. Концепции международного-научно-технологического сотрудничества Российской Федерации http://government.ru/docs/all/159112/ (дата обращения: 25.03.2026)
18. Международная деятельность Минпросвещения России https://edu.gov.ru/activity/international_activity/ (дата обращения: 25.03.2026)
19. Медовников Д., Оганисян Т., Розмирович С. Главные люди в стране. Эксперт, № 15, 18–24 апреля 2011 года. С. 70.
20. Россотрудничество https://rs.gov.ru/ (дата обращения: 25.03.2026)
21. А.В. Бирюков, М.Б. Алборова Социально-гуманитарные риски информационного общества и международная информационная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2021.

ACADEMIC MOBILITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL RELATIONS

Alborova M.B.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

At the present stage of development, scientific and technological cooperation is reaching a new level. Academic mobility, high-quality education, and work with innovative solutions are becoming drivers of progress. Active interaction between scientists and highly qualified experts enables a significant expansion of the countries' technological potential.

The aim of this study is to analyse comprehensively the trends in the development of academic mobility, including its regulatory and legal framework, institutional mechanisms, and cooperation in priority areas. The article focuses specifically on the problems and challenges associated with the coordination of transnational education in the context of global geopolitical changes.

The evolution and current state of international academic mobility were identified trough comparative analysis. The study of the regulatory, legal, and institutional foundations allowed for identification of key areas of academic communication. The latter is aimed at strengthening national science and achieving an innovative breakthrough in cooperating countries.

Thus, this study confirms that international academic mobility, with its progressive dynamics, plays a significant role in strengthening scientific and technological potential of countries. It is based on a solid regulatory framework and the integration of advanced scientific practices. This article is of interest to undergraduate and master's students, researchers.

Keywords: science, technological leadership, international scientific and technological cooperation, academic mobility, economic development, technological paradigm, digitalisation, bioengineering technologies, nanotechnology, management system, personnel policy.

References

1. Putin stated the importance of high-quality education https://ria.ru/20251005/putin-2046431578.html (accessed: 15.03.2026)
2. V.V. Ivanov. The Intellectual Cross: Artificial Intelligence – Servant or Master? // Scientific Works of the VEO of Russia, 2026, Vol. 256, pp. 117–128.

3. D.M. Kovba, E.G. Gribovod. International Academic Mobility through the Prism of Soft Power Theory. The Education and Science Journal. Vol. 21, No. 10, 2019

4. S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya, V.I. Skorobogatova, and V.A. Bezverbny. International Academic Mobility in Russia: Trends, Types, and Government Stimulation // Regional Economy. – 2019. – Vol. 15, Issue 2. – Pp. 420–435

5. Scientific and Technological Progress and Modern International Relations: In Two Volumes. Volume 1: Textbook for Universities / General editor: A.V. Biryukov; responsible editors: M.B. Alborov, A.V. Krutskikh. – Moscow: Aspect Press Publishing House, 2023. – 368 p.

6. International Olympiad of the Association «Global Universities». https://od.globaluni.ru/ru#a-universities (accessed on March 16, 2026)

7. Congress of Young Scientists https://конгрес.наука.рф/about/ (accessed on March 25, 2026)

8. State Program «Global Education» https://educationglobal.ru/ (accessed on March 20, 2026)

9. Ibid.

10. Ministry of Education and Science of the Russian Federation https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/99585/?sphrase_id=9685197 (accessed on March 16, 2026)

11. Center for Education and International Activities. https://ined.ru/news (accessed: March 20, 2026)

12. The Global Enrolment Benchmark Survey 2025 https://www.forbes.com/sites/michaeltnietzel/2025/11/25/new-survey-international-students-are-moving-away-from-us-colleges/ (accessed: March 15, 2026)

13. International Student Mobility: 2025 Results and Forecast for 2026. https://ed-ex.com/ru/blog/mezdunarodnaa-studenceskaa-mobil-nost-itogi-2025-i-prognozy-na-2026-god (accessed: 20.03.2026)

14. National Project «Science and Universities» https://национальныепроекты.рф/projects/nauka-i-universitety/ (accessed: 25.03.2026)

15. State Program «Scientific and Technological Development of the Russian Federation» http://government.ru/rugovclassifier/858/events/ (accessed: 25.03.2026)

16. NUST MISIS Develops Cooperation with Chinese Universities. https://misis.ru/news/9050/ (accessed on March 25, 2026)

17. Concepts of International Scientific and Technological Cooperation of the Russian Federation http://government.ru/docs/all/159112/ (accessed on March 25, 2026)

18. International Activities of the Ministry of Education of Russia https://edu.gov.ru/activity/international_activity/ (accessed on March 25, 2026)

19. Medovnikov D., Oganisyan T., Rozmirovich S. The Main People in the Country. Expert, No. 15, April 18–24, 2011. P. 70.

20. Rossotrudnichestvo https://rs.gov.ru/ (accessed on March 25, 2026)

21. A.V. Biryukov, M.B. Alborova, Social and Humanitarian Risks of the Information Society and International Information Security. Moscow: Aspect Press, 2021.

Лингвокультурные концепты в языковой картине мира: сопоставительный анализ

Гурьева Дарья Игоревна,
ассистент, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: guryeva-di@rudn.ru

Статья посвящена сопоставительному изучению лингвокультурных концептов как смысловых узлов языковой картины мира на материале новейших русскоязычных исследований, обращенных к русскому и английскому языкам. Актуальность темы связана с усилением интереса к национально маркированным смыслам, раскрывающимся через лексику, фразеологию, паремии, корпусные данные и фреймовое описание. Научная новизна состоит в сведении разрозненных работ в единую аналитическую схему, где сопоставление ведется по номинативному, образному, аксиологическому и дискурсивному рядам. Цель статьи – установить параметры, дающие наиболее точное описание концептов при межъязыковом сопоставлении. Материал образуют десять публикаций 2023–2025 гг. Применены анализ научных публикаций, сопоставление, классификация, обобщение, логико-аналитическая интерпретация. В аналитической части рассмотрены концепты счастья, надежды, родины, семьи, приватности, денег, чуждости, наряду с культурно маркированными пространственными номинациями. Практическая полезность связана с переводоведением, лингвокультурологическим комментированием текста, преподаванием русского и английского языков, подготовкой сопоставительных исследований.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, языковая картина мира, сопоставительный анализ, русская лингвокультура, английская лингвокультура, национально-специфическая семантика, аксиологическая интерпретация, фразеология, паремия, фреймовое моделирование.

Введение

Интерес к лингвокультурному описанию языка в последние годы заметно усилился, поскольку исследовательский фокус сместился к тем единицам, через которые язык фиксирует коллективный опыт, ценностные иерархии и способы символизации мира. Среди подобных единиц особое место занимает концепт, связывающий словарное значение, культурную память, образность и оценку. Сопоставительное изучение концептов в русском и английском языках дает продуктивный материал для выявления как общих смысловых зон, так и национально маркированных различий в их языковой репрезентации.

Актуальность статьи определяется двумя обстоятельствами. С одной стороны, современная лингвистика располагает значительным числом частных исследований, посвященных отдельным концептам, фреймам и тематическим полям. С другой стороны, при высокой степени разработки частных тем сохраняется потребность в аналитической сводке, где разные типы материала – словарный, фразеологический, паремиологический, корпусный, публицистический – были бы соотнесены в пределах единой сопоставительной модели.

Цель статьи – определить, какие параметры сопоставительного анализа позволяют наиболее полно описывать лингвокультурные концепты в языковой картине мира. В задачи работы входит: уточнить теоретическое понимание концепта как единицы языковой картины мира; выделить устойчивые параметры межъязыкового сопоставления; показать на материале новейших исследований, каким образом национально-специфические смыслы раскрываются в лексике, фразеологии, паремиях, фреймовых структурах и корпусных данных. Научная новизна связана с построением сводной аналитической модели, где частные исследования объединены по единому набору сопоставительных признаков без сведения концепта к отдельной лексеме или единичному жанру текста.

Материалы и методы

Материал исследования образуют десять русскоязычных публикаций 2023–2025 гг., посвященных как общей теории языковой картины мира, так и сопоставительному описанию отдельных концептов. Э.Х. Арсалиева, П.Б. Рашидханова [1] рассматривают концепт счастья в русской и английской концептосферах; Е.Н. Белая [2] реконструирует языковое развертывание концепта надежды в русском материале; А.В. Гридасова [3] анализирует концепт родины в русском и английском языках; Е.О. Двинова [4] обосновывает значимость национально-специфической лексики для контрастивного анализа и лексикографической интерпретации; А.А. Карамова, Т.А. Чиглинцева [5] описывают репрезентацию материальных ценностей в русской и английской лингвокультурах; Ю.В. Кожуховская, В.Т. Муслимова [6] исследуют фрейм приватности в английской языковой картине мира; И.Н. Коренецкая [7] сопоставляет концепты Country House и «усадьба»; Я.С. Кралина, Е.В. Румянцева, О.В. Смолина [8] раскрывают корпусные особенности концепта СЕМЬЯ/FAMILY; О.В. Назарова, О.В. Слугина [9] выявляют семантический признак «средство коммуникации» в концепте MONEY/ДЕНЬГИ; Е.В. Суворова [10] сопоставляет русские и английские средства вербализации концепта чуждость.

В работе применены анализ научных публикаций, сопоставление, классификация, обобщение, синтез и логико-аналитическая интерпретация. Анализ публикаций дал опорный материал для выделения устойчивых исследовательских приемов; сопоставление позволило соотнести русские и английские смысловые ряды; классификация упорядочила выявленные различия по нескольким линиям – номинативной, образной, аксиологической, фреймовой и дискурсивной.

Результаты

Сопоставление новейших работ дает основание рассматривать лингвокультурный концепт как многослойное смысловое образование, где словарная дефиниция образует лишь исходный уровень описания. Дальнейшее развертывание содержания идет через синонимические ряды, образные переносы, паремиологические формулы, фразеологию, синтаксические связи и фреймовые сценарии. При подобном подходе исследовательский фокус смещается от отдельного слова к совокупности репрезентантов, распределенных по разным уровням языка и типам дискурса [2; 4; 6; 10].

На материале выбранных статей выделяются четыре устойчивых параметра сопоставительного анализа. Первый параметр – номинативный: он фиксирует объем и внутреннюю расчлененность лексических средств, соотносимых с одним концептом. Второй – образный: он учитывает метафоры, символику, устойчивые ассоциации и культурные сценарии. Третий – аксиологический: он раскрывает, какие оценки доминируют при вербализации концепта и какие ценности стоят за словоупотреблением. Четвертый – дискурсивный: он показывает, как смысл перераспределяется в зависимости от материала – словаря, паремии, корпуса, публицистики либо фразеологии [1; 3–5; 7–10].

Эмоционально-экзистенциальный ряд особенно рельефно раскрывает национальную специфику. В исследовании концепта СЧАСТЬЕ/happiness русская единица соотносится с удачей, долей, внутренней полнотой, тогда как английская чаще связана с направленным достижением желаемого состояния [1]. Подобное расхождение подтверждают типовые англо-русские соответствия: to pursue happiness – стремиться к счастью; lucky break – счастливый случай; happiness depends on effort – счастье связано с усилием; счастье привалило – fortune came unexpectedly. Работа о надежде усиливает данную линию: в русском материале смысловой узел формируется через предикатные связи надеяться, питать надежду, лишиться надежды, возлагать надежду, что подчеркивает синтаксическую и ситуационную природу концепта [2]. В англо-русской перспективе подобный ряд соотносится с hope, place hope in, lose hope, cling to hope, причем английская форма чаще короче структурно, а русская охотнее разворачивает модально-оценочную рамку.

Пространственно-идентификационный ряд объединяет концепты родины и культурно маркированных номинаций жилища. Сопоставление родина – motherland / homeland / native land / home показывает, что английский ряд распадается на несколько частных наименований, тогда как русская единица сохраняет большую семантическую собранность и легче принимает высокую эмоциональную нагрузку: родная земля, тоска по родине, защита Родины [3]. Пара Country House – усадьба подтверждает ту же закономерность. Английское наименование тяготеет к типу дома и образу загородного уклада; русская усадьба активирует память об историческом быте, сословной культуре, пространстве рода, доме как знаке укорененности [7]. По данной причине прямое словарное равенство здесь неполно: country house передает предметный контур, но не исчерпывает культурную память, закрепленную за словом усадьба.

Особенно показательны концепты, связанные с границами частной сферы. Фрейм приватности в английской языковой картине мира выстраивается вокруг права на личное пространство, контроля доступа и разведения публичного и личного [6]. В русском языке близкий смысловой участок распределяется между несколькими средствами: приватность, частная жизнь, личное пространство, неприкосновенность частной жизни. Корпусное описание FAMILY подтверждает иную форму смысловой организации: в американском английском заметно чаще активируются collocations family dinner, family farm, family income, family reunion, тогда как русский материал тяготеет к формулам большая семья, родная семья, крестьянская семья, семейный уклад, семейная традиция [8]. Перед нами не простая разница словаря, а различие в том, какие зоны жизненного опыта попадают в ближайшее языковое окружение концепта.

Сходная картина прослеживается в исследованиях материальных ценностей и денег. Публицистический материал показывает общность ряда тематических групп при неодинаковой частотности и неравном оценочном профиле русских и британских репрезентаций [5]. На паремиологическом и фразеологическом уровне MONEY/ДЕНЬГИ получает признак средства коммуникации [9]. Английские единицы money talks, time is money, put your money where your mouth is оформляют деньги как знак статуса, аргумент, универсальный язык социального взаимодействия; русские соответствия деньги решают, время – деньги, без копейки, рубль голосует фиксируют более выраженную связь с житейской практикой, дефицитом, прагматикой выживания и оценкой поступка через денежный эквивалент. В результате один и тот же концепт описывается не через абстрактную универсалию, а через культурно различающиеся сценарии общения и социальной самооценки [5; 9].

Национально маркированная семантика особенно рельефно выступает там, где в одном языке присутствует плотный ряд наименований, а в другом – сеть приблизительных коррелятов. Анализ национально-специфической лексики показывает, что для сопоставления недостаточен один словарный эквивалент; нужен учет культурной функции единицы, ее ассоциативного поля и места в коллективной памяти [4]. Данный вывод подтверждается исследованием чуждости. Русский ряд чужой – чуждый – инородный – посторонний организуется как постепенный переход от внешней непринадлежности к ценностному отторжению; английский ряд foreign – alien – strange – outsider расчленяет ту же смысловую зону по иной логике [10]. Отсюда следует, что выражения alien culture, foreign body, strange place и русские формулы чужая среда, чуждый уклад, посторонний человек не образуют полного ряда взаимозаменяемых соответствий: различие проходит по степени дистанции, оценке и включенности субъекта в описываемое пространство.

Суммарное сопоставление материала позволяет выделить три типа расхождений. Первый связан с разной степенью семантической собранности: родина соотносится с рядом английских наименований, тогда как privacy, напротив, требует развернутой русской передачи. Второй тип определяется неодинаковым аксиологическим профилем: счастье, семья, деньги и материальные ценности получают несходные доминирующие оценки. Третий тип зависит от жанрового канала репрезентации: один и тот же концепт раскрывается по-разному в словаре, паремии, фразеологии, корпусе и публицистике [1–10]. Для аналитического описания языковой картины мира наибольшую продуктивность дает схема, где номинативный, образный и ценностный ряды рассматриваются совместно, а не разобщенно.

Обсуждение

Сопоставление привлеченных работ показывает неоднородность исследовательских стратегий. Одни авторы строят описание вокруг словарной дефиниции и синонимического ряда, другие опираются на фразеологию и паремии, третьи обращаются к корпусным данным либо фреймовому моделированию. Подобная неоднородность не ослабляет сопоставительный анализ, а, напротив, задает более точное понимание предмета: концепт не сводится к слову, поскольку его культурное содержание раскрывается через несколько каналов вербализации.

Наиболее существенный вывод связан с границами межъязыковой эквивалентности. Русская и английская единицы нередко пересекаются на уровне общей темы, но расходятся по внутреннему устройству. Словарь предлагает лишь вход в сопоставление; далее в работу вступают ассоциации, оценка, культурная память, типовой сюжет общения, жанровая закрепленность. По данной причине перевод пары родина – homeland, privacy – частная жизнь, money talks – деньги решают либо family reunion – семейная встреча требует не механической подстановки, а лингвокультурного комментария.

Материал корпуса литературы выявляет и ряд ограничений. Во-первых, значительная часть работ сосредоточена на одном концепте и одном типе источников, вследствие чего трудно проследить движение смысла между словарем, корпусом и живым дискурсом. Во-вторых, языковые пары внутри привлеченных публикаций распределены неравномерно: русско-английский материал преобладает, тогда как другие сопоставления представлены эпизодически. В-третьих, аксиологическая интерпретация нередко выходит на первый план, тогда как синтаксическая и прагматическая организация концепта освещается реже, хотя работа о надежде и исследование фрейма приватности убеждают в высокой значимости подобных наблюдений.

Перспективное направление дальнейшей разработки связано с объединением нескольких линий анализа в одном исследовании: корпусной, фразеологической, паремиологической, дискурсивной и переводоведческой. Продуктивным представляется переход от сопоставления изолированных слов к сопоставлению смысловых сетей, где концепт описывается через набор регулярных коллокаций, оценочных формул, жанровых закреплений и культурных сценариев. При подобной постановке задачи языковая картина мира получает более точное описание, а национально-специфические различия перестают выглядеть набором разрозненных наблюдений.

Заключение

Проведенный анализ подтвердил, что лингвокультурный концепт следует описывать как многослойное смысловое образование, где словарное значение связано с образностью, оценкой, фразеологией, паремиями, синтаксическими моделями и типовыми сценариями общения. Первая задача работы, связанная с уточнением теоретического понимания концепта как единицы языковой картины мира, решена через сопоставление современных исследований, использующих разные типы материала и разные исследовательские процедуры.

Вторая задача, направленная на выделение устойчивых параметров межъязыкового сопоставления, привела к формулировке четырех опорных линий анализа: номинативной, образной, аксиологической и дискурсивной. Подобная схема дает более точное описание, чем изолированное сопоставление словарных эквивалентов, поскольку раскрывает внутреннюю организацию культурного смысла.

Третья задача решена на материале концептов счастья, надежды, родины, семьи, приватности, денег, чуждости и культурно маркирован-

ных пространственных номинаций. Анализ показал, что русская и английская языковые картины мира совпадают по ряду тематических зон, но расходятся по степени семантической собранности, оценочному профилю и жанровым каналам репрезентации. Практическая ценность полученных выводов связана с переводом, преподаванием языков и подготовкой лингвокультурологических комментариев к тексту.

Литература

1. Арсалиева Э. Х., Рашидханова П.Б. Концепт «счастье» в концептосфере русского и английского языков // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3(106). С. 466–468. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-466-468.
2. Белая Е.Н. Репрезентация концепта надежды в русской языковой картине мира // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2025. Т. 19, № 1. С. 56–65. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.5.
3. Гридасова А.В. Концепт «родина» в русской и английской лингвокультурах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 5–2. С. 18–22. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-5-2-18-22.
4. Двинова Е.О. Национально-специфическая лексика в языковой картине мира как объект контрастивного анализа и лексикографической интерпретации // Филология и культура. 2023. № 2(72). С. 51–57. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-51-57.
5. Карамова А. А., Чиглинцева Т.А. Репрезентация материальных ценностей в русской и английской лингвокультурах в парадигматическом аспекте (на материале публицистических текстов начала XXI века) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 8. С. 2794–2804. DOI: 10.30853/phil20240399.
6. Кожуховская Ю. В., Муслимова В.Т. Когнитивное содержание фрейма «приватность» в английской языковой картине мира // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43, № 2. С. 230–240. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-2-230-240.
7. Коренецкая И.Н. Концепты Country House и «усадьба» в английской и русской лингвокультуре // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43, № 4. С. 525–533. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-525-533.
8. Кралина Я. С., Румянцева Е.В., Смолина О.В. Особенности лексической репрезентации концепта СЕМЬЯ/FAMILY в русской и американской языковой картине мира: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 11. С. 4980–4986. DOI: 10.30853/phil20250674.
9. Назарова О. В., Слугина О.В. Концепт MONEY/ДЕНЬГИ в английских и русских фразеологизмах и паремиях: концептуальный признак «средство коммуникации» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 7. С. 2811–2816. DOI: 10.30853/phil20250391.
10. Суворова Е.В. Языковые средства вербализации концепта чуждость в русском и английском языках: сравнительный анализ лингвокультурных смыслов // Филология и культура. 2025. № 1(79). С. 125–132. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-125-132.

LINGUOCULTURAL CONCEPTS IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW: A COMPARATIVE ANALYSIS

Guryeva D.I.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This article is devoted to a comparative study of linguacultural concepts as semantic nodes in the linguistic worldview, drawing on recent Russian-language research focusing on the Russian and English languages. The relevance of this topic stems from the growing interest in nationally marked meanings revealed through vocabulary, phraseology, proverbs, corpus data, and frame descriptions. The scientific novelty lies in synthesizing disparate studies into a unified analytical framework, in which comparisons are conducted across nominative, figurative, axiological, and discursive dimensions. The aim of the article is to establish the parameters that provide the most accurate description of concepts in cross-linguistic comparisons. The material comprises ten publications from 2023–2025. The article utilizes an analysis of scientific publications, comparison, classification, generalization, and logical-analytical interpretation. The analytical section examines the concepts of happiness, hope, homeland, family, privacy, money, and otherness, as well as culturally marked spatial nominations. Its practical application relates to translation studies, linguistic and cultural commentary on texts, teaching Russian and English, and preparing comparative studies.

Keywords: linguacultural concept, linguistic worldview, comparative analysis, Russian linguistic culture, English linguistic culture, nationally specific semantics, axiological interpretation, phraseology, proverbs, frame modeling.

References

1. Arsalieva E. Kh., Rashidkhanova P.B. The Concept of «Happiness» in the Conceptual Sphere of the Russian and English Languages // World of Science, Culture, and Education. 2024. № 3(106). pp. 466–468. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-466-468.
2. Belaya E.N. Representation of the Concept of Hope in the Russian Linguistic Picture of the World // Science of Man: Humanitarian Studies. 2025. Vol. 19, № 1. pp. 56–65. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.5.
3. Gridasova, A.V. The Concept of «Homeland» in Russian and English Linguistic Cultures // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 5–2. pp. 18–22. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-5-2-18-22.
4. Dvinova, E.O. National-Specific Vocabulary in the Linguistic Picture of the World as an Object of Contrastive Analysis and Lexicographical Interpretation // Philology and Culture. 2023. № 2(72). pp. 51–57. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-51-57.
5. Karamova A. A., Chiglintseva T.A. Representation of Material Values in Russian and English Linguistic Cultures in a Paradigmatic Aspect (Based on Journalistic Texts of the Early 21st Century) // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17, № 8, pp. 2794–2804. DOI: 10.30853/phil20240399.
6. Kozhukhovskaya Yu. V., Muslimova V.T. Cognitive Content of the «Privacy» Frame in the English Linguistic Picture of the World // Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics. 2024. Vol. 43, № 2, pp. 230–240. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-2-230-240.
7. Korenetskaya, I.N. The Concepts of Country House and «Estate» in English and Russian Linguistic Culture // Proceedings from Journalism, Pedagogy, and Linguistics. 2024. Vol. 43, № 4. pp. 525–533. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-525-533.
8. Kralina, Ya. S., Rumyantseva, E. V., Smolina, O.V. Lexical Representation of the Concept of Family in the Russian and American Linguistic Worldviews: A Corpus-Based Approach // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2025. Vol. 18, № 11. Pp. 4980–4986. DOI: 10.30853/phil20250674.
9. Nazarova, O. V., Slugina, O.V. The Concept of MONEY/MONEY in English and Russian Phraseologisms and Proverbs: The Conceptual Feature of «Means of Communication» // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2025. Vol. 18, № 7. Pp. 2811–2816. DOI: 10.30853/phil20250391.
10. Suvorova, E.V. Linguistic Means of Verbalizing the Concept of Foreignness in Russian and English: A Comparative Analysis of Linguocultural Meanings // Philology and Culture. 2025. № 1(79). pp. 125–132. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-125-132.

Феномен фоновой музыки в массовой культуре: историко-теоретический и аксиологический аспекты

Загреднюк Александра Евгеньевна,
кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры Музыкального образования Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: lichnost_vlsu@mail.ru

Автор статьи рассматривает важнейший сегмент современной массовой музыкальной культуры – фоновую музыку. Очевидно, что в условиях нынешней всеобъемлющей аудиовизуальной культуры осмысление данного феномена в его аксиологическом ракурсе представляется вполне обоснованным. За свою 100-летнюю историю фоновая музыка стала многослойным и разнонаправленным явлением, соответственно, требуется более строгая ее понятийная демаркация. Автору представляется перспективной и эвристически плодотворной задачей не только классификация фоновых практик, но и осуществление их аксиологического анализа. В его рамках в статье выявляется эстетическая, социальная и психологическая значимость, а также функции, на выполнение которых направлена массовая фоновая музыка.

Ключевые слова: фоновая музыка, массовая культура, аксиологический анализ, «меблировочная» музыка, аудиовизуальная культура, социокультурный феномен.

Введение

В XX веке произошла кардинальная трансформация мировой музыкальной культуры, результатом которой стала возросшая роль развлекательно-компенсаторной функции, характерной для всей массовой культуры. Центральную роль в данном процессе сыграло появление и развитие аудиовизуальнного искусства. Понятие «аудивизуальный» синтетично, в его основе два латинских корня – audire («слышать») и visualis («зрительный»), соответственно все, что связано с данным типом культуры, подразумевает одновременное восприятии слухом и зрением.

Начиная с середины XX века стремительно распространяются технологии визуализации и звукового сопровождения, реализовавшиеся в экранных устройствах. Постепенно экран занял значимое положение среди традиционных каналов коммуникаций, таких как письменная речь и печатные издания, став неотъемлемой частью современной среды. Примером интеграции аудиального и визуального модусов является современная массовая фоновая музыка, что демонстрируют аудиомаркетинговые практики, где звуковой компонент функционально дополняет визуальную коммуникацию.

Актуальность исследования связана с необходимостью более точного определения статуса фоновой музыки, осмысления её роли в современной массовой культуре. Соглашаясь с мыслью, что «аксиологическая константа постоянно присутствует во всех видах художественной деятельности» [6, с. 154], ценностный подход к осмыслению фоновой музыки, как значительной части современной массовой музыкальной культуры, является обоснованным.

Целью статьи является комплексное рассмотрение фоновой музыки как социокультурного феномена в историко-теоретическом и аксиологическом аспектах. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: выявление предпосылок формирования фоновой музыки, уточнение понятийных границ, анализ функций и ценностных характеристик.

Материалы и методы

Материалом исследования выступили теоретические работы в области культурологии и аудиовизуальных искусств, философии, социологии музыки, а также практики функционирования фоновой музыки в современной массовой культуре (аудиомаркетинг, саунд-дизайн общественных пространств, музыкальное сопровождение медиа и цифровых сред).

Методологическую основу исследования составляют:

– историко-культурный метод, позволивший рассмотреть генезис фоновой музыки от «меблировочных» опусов Э. Сати до современных аудиальных практик;

– теоретико-аналитический метод, нацеленный на уточнение понятийного аппарата и разграничение типов фоновой музыки;

– аксиологический подход, в рамках которого выявлены ценностные характеристики и функции фоновой музыки;

– интерпретативный анализ, применяемый при рассмотрении художественных концепций (Сати, Кейдж и др.).

Таким образом, комплексное использование данных методов позволило рассмотреть фоновую музыку как многомерный социокультурный феномен.

Литературный обзор

Проблематика фоновой музыки рассматривается в рамках культурологии, философии музыки и социологии искусства. Теоретическую основу составляют работы Т. Адорно, отразившие критическое осмысление феномена массовой музыки. Значительный вклад в понимание аудиальной культуры внес Л. Крамер, рассматривающий звук как базовый элемент человеческого опыта.

Трансформация музыкального искусства XX века и изменение форм его существования раскрываются в исследованиях А.И. Щербаковой и И.А. Корсаковой. Истоки фоновой музыки связаны с концепцией «меблировочной» музыки Э. Сати, получившей развитие в практиках компании Muzak, Дж. Кейлда, Б. Ино. Современные исследования (С. Макомаска, Э. Ванель) акцентируют функциональный и социокультурный характер фоновой музыки, включая её роль в аудиомаркетинге и организации звуковой среды.

Л. Крамер в свой книге о значении звука анализирует слуховое культуру и феномен «аудиальное», где которой звук – есть «мера жизни» [5, с. 7]. Ученый трактует «аудиальное», как своеобразный «гул мира» и настаивает на его научном осмыслении: «Изучение аудиального приводит к выводу, что мышление развертывается в акустической среде, что мышление немыслимо без звука и что аудиальное, слышимое и музыкальное заслуживают признание как элементы не менее основополагающие, чем язык человеческого самообразования и самопознания» [5, с. 35].

Как справедливо отмечают А.И. Щербакова и И.А. Корсакова, на протяжении всей истории музыкальное искусство характеризовала динамика духовного творчества, нормы и эстетические принципы постоянно трансформировались, а XX век и вовсе «позволяет говорить не только об инакомыслии, а об инобытии музыки» [6, с.157–158]. В условиях новой музыкальной парадигмы меняются почти все прежние представления: иначе осмысляются природа звука, сущность музыкального языка, значение музыкального слуха и интонации, роль тембра, принципы жанрово-стилевого синтеза, категории пространства и времени в музыкальном творчестве.

Кроме того, важнейшим процессом XX столетия стало стремительное развитие массовой музыкальной культуры. Т. Адорно, ставший свидетелем и, впоследствии, теоретиком и критиком феномена массовой культуры настаивал на том, что для изучения «легких» жанров массовой музыки требуется совершенно новый подход, по сути, призывая к новой социологии музыки. [7, p. 78]. Отметим, что фоновую музыку Адорно также относил к сфере массовой культуры, о чем свидетельствует написанное им в 1934 году эссе «Music in the Background» [7].

Результаты исследования

Прообразом современной фоновой музыки стали «меблировочные» опусы французского авангардиста Эрика Сати. Желание «освободить» музыку от обстоятельств, в которых, как он полагал, ей «нечего делать», сподвигло Сати к созданию специальных композиций для конкретной функции и места – «меблировочную музыку» («musique d'ameublement, 1917–1923). Встающая в прямую оппозицию практически ко всему предшествующему музыкальному искусству, она должна была стать лишь частью окружающей обстановки, а не центром притяжения и фокусом внимания. Ранее мы подробно рассматривали «меблировочную музыку», как самостоятельный феномен, оказавшийся ключевой точкой в истории фоновой функциональной музыки [3;4].

Едва ли сам Сати мог рассчитывать на такое масштабное воплощение своего скромного эксперимента, однако, начиная со второй половины XX века фоновая музыка становится неотъемлемой частью массовой музыкальной культуры. Такое распространение музыки в качестве звукового фона повседневности в первую очередь связно с технологическим прогрессом и новыми возможностями реплицирования.

Справедливую мысль высказывает Р. Шаттак о повсеместном распространении музыкальных автоматов, радиоприемниках и прочих возможных источниках музыки, что делает очевидной связь «меблировочной» музыки Сати и последующим распространением фоновой музыки. В то же время, возникает необходимость более гибкого и аккуратного проведения параллелей между «меблировочной» музыкой и современной звуковой средой (рекламой, музыкальным оформлением видеоигр и т.п.) В связи с этим возникает вопрос, насколько возможна расширительная трактовка феномена «меблировочной» музыки.

В действительности, далеко не вся музыка, сопровождающая рекламу или видеоигры, воплощает идею «ненавязчивого присутствия» или эстетизированной фоновой среды, о которой писал Сати. Напротив, многие современные образцы саунд-дизайна рассчитаны на привлечение внимания, что приводит к ощущению дисгармонии. В качестве примеров можно привести рекламу чая под музыку П.И. Чайковского или иной массовой бытовой продукции в сопровождении музыкальных образцов элитарной культуры. Таким образом, расширительное понимание «меблировочной» музыки возможно лишь при сохранении её основных признаков: функциональность, ненавязчивость и способность дополнять пространство, а не привлекать внимание. Именно эта растворённость в звуковой среде и является принципиальным маркером феномена «меблировочной» музыки. В связи с этим вышеупомянутое использование музыки Чайковского в рекламе чая не может рассматриваться как продолжение идеи Сати: с одной стороны, музыка функциональна, однако задача – привлечь внимание и создать яркий ассоциативный образ товара, что противоречит установке «обстановочности» и показывает не расширение понятия, а лишь заимствование его внешних черт.

В процессе становления массовой музыкальной культуры сложились такие понятия как «*массовая фоновая музыка*» – продукты массовой культуры, используемые в повседневности в режиме фона, а также «*фоновая функциональная музыка*» – композиции, создаваемые для выполнения конкретной задачи в общественных и коммерческих пространствах. Данные понятия разграничиваются по социальным практикам рецепции, каналам медиатизации, композиционным параметрам, метрикам фонового восприятия. Если массовая фоновая музыка ориентирована на индивидуальное повседневное потребление, то функциональная – на достижение заданного эффекта в пространстве.

Став неотъемлемой частью массовой музыкальной культуры, фоновая функциональная музыка доказала свою эффективность в маркетинге. Идея коммерциализации музыки с целью увеличения покупок и привлечения широкого круга потребителей, успешно реализованная в деятельности компании по программированию и коммерческой поставки плейлистов «Muzak», впоследствии получила развитие в области Аудиомаркетинга.

Суть данного понятия заключается в использовании звука и музыки в качестве инструмента брендинга и продвижения. С. Макомаска характеризует Аудиомаркетинг как процесс продуманного проектирования звукового пространства с помощью музыкальных композиций и технологий, цель которого – формирование потребительского поведения в соответствии с интересами продавца [8].

Следует отметить, что аудиомаркетинг часто ассоциируется исключительно с созданием и трансляцией некого звукового материала, направленного на улучшение коммерческой успешности компании, и воспринимается как часть стратегии продаж. Однако, аудиомаркетинговые практики следует рассматривать в более широкой перспективе. К ним можно отнести и *музыку окружающей среды* (ambient/environmental music) –художественный метод, при котором музыка является фоном, формирующим атмосферу, а не объектом внимания; *саунд-дизайн общественных пространств* – практику формирования целостного звукового ландшафта, включающая работу с музыкой и шумовыми эффектами для поддержки функциональности и уникальности городских пространств; музыку для видеоигр, выполняющую лишь функцию звукового дополнения игрового процесса.

Широкий взгляд на современный Аудиомаркетинг со всем многообразием входящих в него практик позволяет рассматривать его как реализацию идеи Сати, но вобравшую и учитывающую весь столетний период её существования. Это результат развития определенного сегмента массовой музыкальной культуры, ее трансформации. Можно сказать, что Аудиомаркетинг – это обобщение всех тенденций в сфере фоновой функциональной музыки, учитывающий экспериментальные опыты Сати, Б. Ино, Дж. Кейджа, звуковой практики компании Muzak. Понятие Аудиомаркетинг – многогранно, соответственно, его трактовка как «музыка для продаж» кажется чрезмерным упрощением, несмотря на очевидную коммерческую направленность.

Обсуждение

Рассуждая об аксиологической значимости фоновой музыки, следует отметить различные существующие точки зрения на данный феномен. Так, Т. Адорно сравнивает музыку в кафе с букетом из мертвых цветов и «если профессиональная музыка остается в уютном крае Орфея, то эхо фоновой музыки доносится из скорбного пристанища Эвридики» [7, p. 509]. Однако, здесь Адорно фактически высвечивает ту же проблему, которая беспокоила и Сати: в качестве фона звучит музыка, не предназначенная для такой функции: «можно подумать, что «Богема», «Мадам Баттерфляй», «Тоска» создавались уже с расчетом на будущие попурри», – констатирует Адорно. По его мнению, в этом же ряду неуместных композиций звучит Григ, Чайковский, Шуберт, Бизе.

Дж. Кейдж, будучи одним из самых значительных композиторов второй половины XX века, также не упустил из поля своего внимания феномен фоновой музыки. В попытке переосмыслить окружающее звуковое пространство, Кейдж сформулировал концепцию «Muzak-Plus». В 1948 году композитор размышлял о проекте «Silent Prayer» («Тихая молитва») – произведении из непрерывной тишины, рассчитанном на стандартные 3–4 минуты фоновой музыки для компании Muzak. С одной стороны, замысел был абсурдным: «серьёзный» композитор предлагает продавать тишину коммерческой сети фоновой музыки. И вместе с тем, серьёзным, так как тишина, нарушая поток функциональной музыки, идеально соответствует требованию Muzak быть незаметной. Замысел Кейджа утверждает несколько ключевых идей: тишина – это не отсутствие звука, а полноценный материал восприятия; музыка определяется не звуками, а актом слушания и контекстом; граница между музыкой и шумом условна; даже коммерческая фоновая среда может быть переосмыслена как эстетическое пространство. В дополнение кейджевского концепта о тишине, приведем размышления Крамера, в котором он сопоставляет шум и тишину: окружающие шумы и звуки вторгаются в наше самоощущение, нарушая

тем самым границы тела и пространства. Они способны вызвать напряжение, от которого невозможно отстраниться, слух нельзя просто «выключить», возникает ощущение сжатого пространства. С другой стороны, тишина действует иначе: она не сжимает, а, напротив, будто разрастается и заполняет всё вокруг. В такой тишине особенно отчётливо слышны собственные мысли, которые могут становиться слишком громкими и давящими. «В промежутке между этими крайностями, – пишет Крамер, – живостью, с одной стороны, покоем и тишиной, с другой, – витальность слуха становится медиумом, соединяющим ощущение собственного бытия с ощущением бытия среди других людей и вещей. Гул мира держит нас на плаву» [5, p. 115].

Концепт тишины Кейджа можно интерпретировать как рефлексию на нарастающую акустическую насыщенность. Не случайно исследователи, в частности И.А. Корсакова, характеризуют его творчество как своего рода культурный переворот. Период деятельности Кейджа совпадает с этапом интенсивного развития массовой музыкальной культуры, сопровождавшегося расширением жанрово-стилистического спектра и значительным ростом технических возможностей трансляции звука, что, в свою очередь, обеспечило слушателю огромный выбор.

Подобно Сати, экспериментальная практика Кейджа основывалась на исследовательской установке и стремлении к переосмыслению фундаментальных вопросов музыкального восприятия. В этом смысле её можно трактовать как гуманистически ориентированный жест, направленный на поиск условий формирования гармоничной личности в изменяющейся звуковой среде.

Ответ Кейджа, выраженный в концепции Muzak-plus, соотносится с более широкой логикой художественных оппозиций, характерных для искусства XX века: минимализм противопоставляется сложным серийным техникам и алеаторике, авангардные художественные практики – гармонизирующему и антропоцентричному романтизму.

В современной культуре вопросы фоновой музыки оценивается неоднозначно. С одной стороны, направленные на борьбу с фоновой музыкой кампании указывают на её возможный вред. Так, согласно исследованиям Pipedown постоянный звуковой фон может повышать стресс, негативно влиять на здоровье и особенно тяжело воспринимается людьми с нарушениями слуха и рядом других состояний. На сайте Pipedown приводятся результаты опросов, согласно которым доля негативного отношения к фоновой музыке выше, чем позитивного [10]. К культурной критике относится и позиция пианиста Даниэля Баренбойма, считавшего, что «музак» разрушает практику сосредоточенного, активного слушания [1].

С другой стороны, существуют и исследования, фиксирующие положительные эффекты: фоновая музыка может снижать тревожность, улучшать настроение и повышать продуктивность при выполнении рутинных задач. Эксперимент университета Уилкса также показал рост уровня иммуноглобулина А после прослушивания музыки, что связывается с усилением иммунной защиты [1,2].

Не вызывает сомнений, что звучащая в общественных пространствах фоновая музыка лишает слушателя выбора, вызывая раздражение и негативные эмоции. Однако, согласимся и с мнением Э. Ванеля, что ее можно рассматривать как инструмент стабилизации и регуляции поведения. Фоновую музыку можно считать своего рода прослойкой социального порядка, она существует не для не привлечения внимания, а для сглаживания реакций, поддержки эмоционального равновесия и управляемости ситуацией. Так, эмбиентная «Музыка для аэропортов» Б. Ино, по задумке автора, должна была снизить волнительные ощущения пассажиров, композиции Muzak – уменьшить стресс и утомляемость и повысить производительность рабочих.

Основная мысль, сформированная в процессе осмысления аксиологического аспекта фоновой музыки, может быть сформулирована следующим образом. Наличие специальных музыкальных композиций, изначально ориентированных на фоновое звучание, способствует разграничению функциональных сфер музыкального искусства. В частности, это освобождает так называемую «серьёзную» музыку от необходимости выполнять развлекательные или утилитарные задачи, а также от редукции её статуса до уровня вторичного, малозаметного звукового сопровождения.

В этих условиях произведения, являющиеся результатом композиторского творчества и укоренённые в традиции, каноне, определённом стиле и школе, получают возможность сохранять свою автономность и изначальное эстетическое предназначение. Их восприятие не подменяется фоновым прослушиванием, что способствует поддержанию их ценностного статуса как объектов сосредоточенного художественного опыта.

В тех же случаях, когда подобная музыка начинает существовать в качестве рекламного или фонового сопровождения, возникает внутреннее противоречие с концепцией «меблировочной» музыки Сати и его идеей об индустриальной музыке повседневности.

Таким образом, аксиологическая значимость феномена фоновой музыки проявляется прежде всего в её способности структурировать культурное пространство, разделяя области утилитарного и автономного художественного опыта.

Заключение

Размышления о значении «меблировочной» музыки Сати, как точки отсчета в истории фоновой музыки, приводят к выводу, что это не просто очередной эксперимент, а попытка сохранить за высоким искусством свое место и дистанцию от быта и повседневности, избежать упрощения «серьезной» музыки и сберечь ее автономность. Примечательна разница в том, каким образом слушательская аудитория реагировала на фоновую музыку в начале прошлого столетия и сегодня? Человек окружен повсеместным шумом, его экстенсивное внимание задействовано в беспрерывном режиме, едва только он оказывается в общественном пространстве: вокзалы, аэропорты, транспорт, магазины, кафе. Такое «омузыкаливание» социума (Акопян) приводит к тому, что тишина становится для человека неудобной и даже пугающей. Если в начале XX Сати мечтал о музыке, которую не будут слушать, то в нынешнем бесконечном звуковом «гуле» растворяются даже самые высокохудожественные и обладающие высочайшей эстетической ценностью композиции.

Сегодняшние эксперименты в области фоновости зачастую направлены на восстановление звукового баланса, своего рода – звуковой детокс. Так, в последние десятилетия в ряде стран возникли общественные инициативы, направленные на ограничение повсеместного использования фоновой музыки. В качестве примеров можно привести кампанию по борьбе за «право на тишину» в общественных местах Pipedown (Британия), Lautsprecher aus (Германия), Quiet Scotland (Шотландия), практику супермаркетов Walmart – «sensory-friendly hours» (часы без музыки и яркого света). Подобные анти-аудиальные кампании демонстрируют серьезный сдвиг в восприятии фоновой музыки и формируют новый культурный и этический дискурс, в котором тишина становится не отсутствием, а значимой и защищаемой ценностью.

При рассмотрении аксиологической значимости фоновой музыки и признавая обоснованность её функционального использования в повседневной практике, закономерно возникает вопрос о сохранении звукового баланса современной среды. Данная проблематика требует комплексного осмысления в рамках культурологии, социологии и философии, поскольку затрагивает фундаментальные аспекты взаимодействия человека и акустического пространства.

Литература

1. Архарова, К. Эта навязчивая фоновая музыка: как она работает и почему? [Электронный ресурс]// BBC News Русская служба 9.12.2018. URL: https://www.bbc.com/russian/features-46438719 (дата обращения: 30.03.2026).

2. Галкина, А. Как музыка побеждает гнев, борется с тревожностью и повышает продуктивность [Электронный ресурс]//РБК стиль 29.03.2018. URL: https://style.rbc.ru/life/5ab8c41a9a79473b85271bb4 (дата обращения: 30.03.2026).

3. Загреднюк, А.Е., Океанский В.П. Культурологические аспекты музыкального творчества Эрика Сати / А.Е. Загреднюк, В.П. Океанский // Научный поиск: личность, образование, культура. – 2024. – № 4 (51). – С. 76–82.

1. Загреднюк, А.Е. Фоновая музыка в контексте массовой культуры XX века /

4. А.Е.Загреднюк // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: материалы XVI Международной научной конференции, Москва-Иваново-Шуя, 25–26 октября 2023 года. – Москва-Иваново-Шуя: Ивановский государственный университет, 2023. – С. 205–209.

5. Крамер, Л. Гул мира: Философия слушания / пер. с англ. Марины Толстобровой – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 272 с.

6. Щербакова А. И., Корсакова И.А. Философия музыки: онтология, гносеология, аксиология: монография. – Москва: ООО «Издательство «Согласие», 2022. – 220 с.

7. Adorno, Theodor W. Essays on Music Selected, with Introduction, Commentary, and Notes by Richard Leppert. Translations by Susan H.Gillespie and others. – University of California Press, 2002. – 743 p.

8. Makomaska, S. Muzyka na peryferiach uwagi: od «musique d'ameublement» do audiomarketingu. – Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. – 364 p.

9. Vanel, H. Triple entendre. Furniture Music, Muzak, Muzak-Plus. – University of Illinois press Urbana, Chicago and Springfield, 2013. – 208 p.

10. www.pipedown.org.uk [Электронный ресурс]. URL: https://www.pipedown.org.uk/ (дата обращения: 30.03.2026).

THE PHENOMENON OF BACKGROUND MUSIC IN POPULAR CULTURE: HISTORICAL, THEORETICAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS

Zagrednyuk A.E.
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

The author of the article examines the most important segment of contemporary mass musical culture – background music. It is evident that in the context of today's all-encompassing audiovisual culture, it is entirely justified to consider this phenomenon from an axiological perspective. Over its 100-year history, backgroundmusic has become a multilayered and multidirectional phenomenon, and therefore requires a more rigorous conceptual demarcation. The author considers it a promising and heuristically fruitful task not only to classify background practices, but also to carry out their axiological analysis. Within this framework, the article identifies the aesthetic, social and psychological significance, as well asthe functions, that mass background music is intended to fulfil.

Keywords: background music, popular culture, axiological analysis, 'filler' music, audiovisual culture, socio-cultural phenomenon.

References

1. Arharova, K. That nagging background music: how does it work, and why? 9.12.2018. URL: https://www.bbc.com/russian/features-46438719 (In Russ).
2. Galkina, A. How music can help overcome anger, combat anxiety and boost productivity 29.03.2018. URL: https://style.rbc.ru/life/5ab8c41a9a79473b85271bb4 (In Russ).
3. Zagrednyuk, A.E., Okeanskij V.P. Cultural aspects of Erik Satie's musical work. – Scientific Search: Personality, Education, Culture. 2024. № 4 (51). Pp. 76–82. (In Russ).
4. Zagrednyuk, A.E. Background music in the context of 20th-century popular culture. – Shujskaya sessiya studentov, aspirantov, pedagogov, molodyh uchenyh: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 2023 Pp. 205–209. (In Russ).
5. Kramer, L. The Hum of the World: A Philosophy of Listening. Moscow: Ad Marginem Press, 2023. 272 p. (In Russ).
6. Sherbakova A. I., Korsakova I.A. The Philosophy of Music: Ontology, Epistemology, Axiology: A Monograph. Moscow: «Izdatelstvo «Soglasie», 2022. 220 p.
7. Adorno, Theodor W. Essays on Music Selected, with Introduction, Commentary, and Notes by Richard Leppert. Translations by Susan H.Gillespie and others. – University of California Press, 2002. – 743 p.
8. Makomaska, S. Muzyka na peryferiach uwagi: od «musique d'ameublement» do audiomarketingu. – Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. – 364 p.
9. Vanel, H. Triple entendre. Furniture Music, Muzak, Muzak-Plus. – University of Illinois press Urbana, Chicago and Springfield, 2013. – 208 p.
10. www.pipedown.org.uk URL: https://www.pipedown.org.uk/

Семиотические механизмы формирования визуального кода в современных социальных медиа

Любомудров Павел Алексеевич,
студент Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: svibes@bk.ru

В статье исследуются семиотические механизмы формирования нового визуального кода, возникающего в коммуникативном пространстве современных социальных медиа. Актуальность работы обусловлена трансформацией традиционных языковых практик под влиянием цифровых платформ (TikTok, Instagram Reels), где основными инструментами общения становятся невербальные элементы: фильтры дополненной реальности, интернет-мемы и вертикальные видео. Проблема заключается в недостаточной изученности того, как данные феномены структурируются в целостную знаковую систему, обеспечивающую взаимопонимание пользователей.

Цель исследования – выявить и систематизировать ключевые семиотические механизмы, лежащие в основе формирования визуального языка социальных медиа. Методологическую базу составляют семиотический анализ (в традициях Ч.С. Пирса), теория полимодальности (Г. Кресс, Т. ван Лейвен) и дискурс-анализ цифровых практик. В ходе исследования на конкретных примерах (трендовые фильтры, мем-шаблоны, форматы Reels) доказано, что: 1) фильтры функционируют как семиотические модуляторы, трансформирующие идентичность пользователя; 2) интернет-мемы выступают моделью формирования устойчивых визуальных кодов за счет вариативности шаблона и интертекстуальности; 3) вертикальное видео формирует новый нарративный «синтаксис», основанный на доминанте аудиального кода и особом темпоритме. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе трех разнородных феноменов как взаимосвязанных элементов единой семиосферы социальных медиа. Результаты исследования вносят вклад в развитие теории коммуникации и медиалингвистики.

Ключевые слова: визуальный код, семиотика, социальные медиа, интернет-мем, фильтры дополненной реальности, вертикальное видео

Введение

Актуальность исследования. Современные социальные медиа представляют собой среду, в которой визуальная коммуникация приобретает доминирующее значение. Феномен «визуального поворота» (pictorial turn), обозначенный еще В. Дж.Т. Митчеллом, в эпоху цифровых платформ трансформируется в устойчивую практику повседневного конструирования смыслов преимущественно через образ. Ленты Instagram, TikTok, VK, визуальные каналы Telegram становятся не просто каналами трансляции информации, но активными семиотическими системами, где формируются новые языки, коды и идентичности. Однако классическая семиотика, ориентированная преимущественно на вербальные знаки или статичные изображения, не в полной мере способна описать динамические, интерактивные и алгоритмически опосредованные процессы знакообразования в социальных медиа. Возникает необходимость пересмотра и систематизации семиотических механизмов, лежащих в основе визуального кода, который сегодня выступает ключевым инструментом социальной навигации, самопрезентации и коммодификации.

Степень разработанности проблемы. Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные труды в области семиотики: работы Ч.С. Пирса[7] с его триадой «икона – индекс – символ», позволяющие анализировать природу цифрового образа; концепция мифологий Р. Барта[1], раскрывающая механизмы коннотативного наслоения смыслов; исследования У. Эко о коде и интерпретации. Важное значение имеют работы С. Холла о кодировании/декодировании, дающие инструментарий для анализа взаимодействия автора, платформы и аудитории. Среди современных исследователей визуальности в цифровой среде выделяется Л. Манович с его теорией языка новых медиа (модульность, автоматизация, вариативность).Очень актуальны работы зарубежных авторов, посвященные эстетикам социальных платформ (Т. Хайнекен[12], К. Уорфилд[14]). В отечественной науке визуальная коммуникация в интернете изучается в рамках медиасемиотики, культурологии и журналистики (работы Е.Г. Сальниковой, И.В. Кирии, О.В. Сергеевой и др.). При этом, несмотря на обилие работ, посвященных отдельным визуальным феноменам (мемам, эстетикам, визуальному сторителлингу), целостное описание динамических семиотических механизмов формирования визуального кода с учетом алгоритмической природы платформ, мультимодальности и высокой скорости мутации знаков остается недостаточно разработанным. Данная лакуна обусловливает обращение к заявленной теме.

Цель, задачи, объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает визуальный контент современных социальных медиа (мемы, короткие видео, сторис, визуальные паттерны профилей) в русскоязычном и глобальном сегментах.

Предметом являются семиотические механизмы (редукция, мутация, коннотация, интерсемиотический перевод, алгоритмическое кодирование), лежащие в основе формирования устойчивых визуальных кодов.

Цель работы – выявить и систематизировать семиотические механизмы конструирования визуального кода как инструмента социальной коммуникации в цифровой среде.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:
– определить теоретико-методологические основания анализа визуального кода в социальных медиа;
– выявить специфику трансформации классических семиотических категорий (иконичность, индексальность, символичность) под влиянием платформенной архитектуры;
– описать механизмы семиотической компрессии, вирусной мутации знаков и мультимодального синкретизма;
– сформулировать положения, раскрывающие научную новизну и ключевые особенности современного визуального кода.

Теоретико-методологическая база исследования

Анализ семиотических механизмов формирования визуального кода в социальных медиа требует обращения к фундаментальным положениям классической семиотики и их адаптации к специфике цифровой среды. В основе работы лежит семиотическая традиция, восходящая к Ч.С. Пирсу и Ф. де Соссюру[9]. Для целей данного исследования наи-

более продуктивной оказывается пирсовская триада «икона – индекс – символ», поскольку она позволяет различать типы знаков по характеру связи между означающим и означаемым. Иконический знак (например, фотография, видеокадр) строится на подобии объекту; индексальный – на причинно-следственной или пространственно-временной смежности (след, указательный жест); символический – на конвенциональной, условной связи. В социальных медиа границы между этими категориями размываются: фильтры и нейросети превращают индексальные знаки (след реальности) в иконические симуляции, а устойчивые визуальные паттерны обретают символическую силу, сравнимую с ритуалами.

Другой важной теоретической рамкой выступает концепция мифологии Р. Барта. Барт показал, как на уровне коннотации знак первого порядка (денотативный) становится формой для выражения идеологических смыслов второго порядка. В контексте социальных медиа этот механизм приобретает гипертрофированный характер: визуальный образ (например, «естественное» фото без макияжа или «случайный» кадр из жизни) коннотирует подлинность, искренность, близость к аудитории, превращаясь в миф о «реальности», который активно коммодифицируется инфлюенсерами. Бартовский анализ позволяет раскрыть, как визуальные коды служат инструментом идеологической и коммерческой суггестии в цифровой среде.

Ключевое значение для понимания взаимодействия между автором, платформой и аудиторией имеет модель кодирования/декодирования С. Холла. Холл утверждал, что смысл не заложен в тексте раз и навсегда, а конструируется в процессе декодирования, которое может быть доминантным, оппозиционным или negotiational (договорным). В современных социальных медиа этот процесс усложняется вмешательством алгоритмов: рекомендательные системы формируют специфический контекст интерпретации, навязывая пользователю определённые «ожидаемые» прочтения визуального контента. Алгоритмическая коннотация становится фактором, который ранее не учитывался в классической семиотике.

Специфику визуального кода в цифровых медиа невозможно описать без обращения к теории языка новых медиа Л. Мановича. Манович[13] выделяет ключевые принципы: модульность (дискретность элементов, которые могут быть перекомбинированы), автоматизация (возможность автоматического создания или модификации контента), вариативность (существование объекта в множестве версий) и транскодирование (взаимовлияние компьютерного и культурного слоёв). Эти принципы напрямую относятся к визуальному коду социальных медиа: мемы, шаблоны сторис, фильтры являются модульными элементами, которые автоматически адаптируются под пользователя и существуют в бесчисленных вариациях.

Дополнительным теоретическим ресурсом служат работы, посвящённые визуальной культуре и эстетике платформ. Исследования Т. Хайнекен, К. Уорфилд, а также отечественных авторов (Е.Г. Сальникова[8], И.В. Кирия[5], О.В. Сергеева) показывают, что каждая платформа (Instagram*, TikTok, Telegram) формирует свой визуальный синтаксис, диктующий правила кадрирования, длительности, цветовых решений и ритма монтажа. Эти платформенные особенности выступают как мета-код, ограничивающий и одновременно направляющий семиозис.

Методология исследования

Сложный междисциплинарный характер предмета исследования обусловил использование комплекса методов, позволяющих выявить как структурные, так и динамические аспекты формирования визуального кода.

Основным методом выступает семиотический анализ, применяемый в двух уровнях. На первом, дескриптивном уровне, производится идентификация знаков в визуальном контенте (иконических, индексальных, символических) с фиксацией их денотативных значений. На втором, интерпретативном уровне, выявляются коннотативные смыслы, формирующиеся за счёт культурных кодов, интертекстуальных связей и платформенного контекста. Семиотический анализ позволяет перейти от единичных визуальных объектов к выявлению устойчивых структур и механизмов.

Визуальный анализ (визуальная риторика) дополняет семиотический подход вниманием к формальным элементам: композиции, цветовой гамме, освещению, ракурсу, монтажному ритму. В социальных медиа именно формальные характеристики часто несут основную смысловую нагрузку. Например, вертикальный формат кадра, определённая цветокоррекция (тёплые или холодные тона) и тип монтажа (быстрый нарезной или плавный) выступают маркерами принадлежности к определённому жанру, субкультуре или эстетическому течению (cottagecore, normcore, goblincore и др.).

Элементы дискурс-анализа применяются для изучения того, как визуальные коды вписываются в более широкие коммуникативные практики. Анализируются комментарии, репосты, реакции аудитории, а также вербальные сопроводительные тексты (подписи, хештеги), которые часто выступают «якорями», направляющими интерпретацию визуального сообщения. Дискурс-анализ позволяет зафиксировать, какие интерпретации становятся доминантными, а какие маргинализируются в процессе коллективного обсуждения визуального контента.

Для систематизации выявленных механизмов используется структурно-функциональный подход, позволяющий выделить функции визуального кода (идентификационная, репрезентативная, перформативная, коммодифицирующая) и проследить их трансформацию в цифровой среде.

Эмпирическую базу исследования составляют наиболее репрезентативные форматы визуального контента социальных медиа: мемы (как классический пример семиотической компрессии), короткие вертикальные видео в TikTok и Instagram Reels, сторис (как формат эфемерного знака), а также визуальные паттерны профилей инфлюенсеров и тематических сообществ. Выборка включает русскоязычный и глобальный сегменты, что позволяет выявить как универсальные механизмы, так и культурно-специфические особенности формирования визуального кода.

Комбинация перечисленных методов обеспечивает многоуровневый анализ: от формальных характеристик единичного знака до структурных механизмов знакообразования, функционирующих в алгоритмически опосредованной среде социальных медиа. Такой методологический синтез позволяет преодолеть ограниченность узкосемиотического подхода и дать целостное описание динамических процессов формирования визуального кода.

Семиотические механизмы формирования визуального кода

Семиотическая компрессия и вирусность как механизмы конструирования кода.

Одним из ключевых механизмов формирования визуального кода в социальных медиа выступает семиотическая компрессия – процесс свертывания сложных социальных, культурных или эмоциональных смыслов в компактные, легко тиражируемые визуальные формы. Наиболее наглядно этот механизм проявляется в мемах. Мем представляет собой знак, который, по определению Р. Докинза, обладает способностью к репликации и мутации. В семиотическом плане мем функционирует как иконический знак (визуальное подобие), который в процессе репликации обретает символические черты – устойчивую конвенциональную связь с определенным контекстом.

Классический пример – мем-шаблон (например, Distracted Boyfriend или Two Buttons). Его визуальная структура инвариантна, но наполняемые текстовые элементы задают бесконечное множество вариантов. Механизм вирусности здесь является семиотическим: мутация знака происходит при сохранении узнаваемого инварианта, что позволяет коду оставаться устойчивым, несмотря на множественность интерпретаций. Так, один и тот же визуальный шаблон может использоваться в политическом, бытовом или коммерческом контексте, приобретая различные коннотации. Семиотическая компрессия сокращает дистанцию между означающим и означаемым, делая код эффективным инструментом быстрой коммуникации.

Платформенная архитектура как фактор семиозиса

Формирование визуального кода невозможно вне контекста конкретной платформы. Каждая социальная медиа (TikTok, Instagram*, Telegram) задает свою технико-визуальную грамматику, которая выступает мета-кодом, направляющим производство и интерпретацию знаков. Среди ключевых факторов выделяются:

– Вертикальный формат видео и сторис, диктующий композиционные решения (центрирование объекта, крупный план);

– Ограничение по времени (15–60 секунд в Reels/Shorts), требующее гипертрофированной иконичности – знак должен быть распознан в первые 2–3 секунды;

– Алгоритмическая лента, где видимость контента зависит от показателей вовлеченности (лайки, комментарии до просмотра /до конца). Это порождает алгоритмическую коннотацию: смысл знака определяется не только авторским замыслом, но и тем, как алгоритм «классифицирует» контент и кому его рекомендует.

Сторис как формат эфемерного знака (исчезающего через 24 часа) демонстрирует особый семиотический режим: индексальность здесь симулируется за счёт иллюзии «непосредственности» и «сиюминутности». Пользователь воспринимает сторис как «след» реального момента, хотя на практике он может быть тщательно отрежиссирован. Таким образом, платформенная архитектура активно участвует в кон-

струировании визуального кода, навязывая ему определённые синтаксические и прагматические характеристики.

Трансформация классических семиотических категорий: икона, индекс, символ

В цифровой среде традиционные пирсовские категории утрачивают четкие границы. Наиболее существенные изменения происходят с индексальностью – знаком, указывающим на реальное присутствие объекта (след, отпечаток). В социальных медиа индексальный знак всё чаще симулируется иконическими средствами. Фильтры, имитирующие плёночную камеру, «случайные» ракурсы, нейросетевые генерации «естественных» фотографий – всё это создаёт иконические индексы: знаки, которые выглядят как след реальности, но таковыми не являются.

Это порождает парадокс «подлинности»: пользователи стремятся к индексальности (вере в то, что контент отражает реальность), но одновременно охотно используют иконические симуляции. Визуальный код инфлюенсера строится на балансировании между этими регистрами: чрезмерная обработка снижает доверие, полное отсутствие фильтров также может восприниматься как стратегическая наивность.

Символический уровень кода обогащается за счёт эстетик-кор (cottagecore, normcore, goblincore и др.). Эти визуальные стили представляют собой конвенциональные системы, позволяющие пользователю мгновенно маркировать свою принадлежность к субкультуре. Символический знак здесь работает как пароль, то есть определённая цветовая гамма, фактура и композиция автоматически считываются как указание на систему ценностей и идентичность.

Мультимодальность и интерсемиотический перевод

Современный визуальный код социальных медиа имеет мультимодальную природу: визуальный ряд почти никогда не существует изолированно, а комбинируется с вербальными элементами (подписи, хештеги, типографика на изображении) и звуком (саундтреки, голосовые комментарии). Эти модальности находятся в отношениях интерсемиотического перевода: смысл, заданный вербально, может быть визуализирован, и наоборот.

Характерный пример – мем-формат «текст на фоне», где визуальная составляющая (фоновое изображение) задаёт эмоциональную рамку, а текст конкретизирует ситуацию. Более сложный случай – синхронизация визуального и аудиального в TikTok: один и тот же аудиотрек становится семиотическим якорем, объединяющим множество визуальных высказываний в единый дискурсивный поток. Звук выполняет функцию коннотатора, придавая визуальному ряду дополнительные смыслы (иронию, ностальгию, тревожность). Таким образом, визуальный код в социальных медиа не сводится к изолированному изображению, а представляет собой сложный синкретический комплекс, где каждая модальность усиливает и модифицирует другую.

Научная новизна, основные результаты

Научная новизна

В ходе исследования получены результаты, обладающие научной новизной в области семиотики, медиаисследований и культурологии.

– Введено уточнённое понятие динамического визуального кода социальных медиа. В отличие от классических представлений о визуальном коде как статичной системе правил, динамический код характеризуется высокой скоростью мутации, зависимостью от интерфейсных и алгоритмических особенностей платформы, а также гибридной природой, сочетающей иконические, индексальные и символические элементы в неустойчивых конфигурациях.

– Выявлены специфические семиотические механизмы, ранее не получавшие системного описания в контексте цифровых платформ.

Клиповое кодирование – фрагментация смысла, при которой визуальный знак функционирует как часть быстро сменяющегося потока, требующего мгновенной распознаваемости;

алгоритмическая коннотация – формирование коннотативных смыслов под влиянием рекомендательных систем, классифицирующих контент и предопределяющих его интерпретацию.Эстетизация уязвимости – это механизм создания мифа о подлинности через визуальные маркеры «случайности», «непосредственности», «эмоциональной открытости», активно используемый в самопрезентации инфлюенсеров.

– Систематизированы функции визуального кода в современной цифровой культуре. Показано, что наряду с традиционными идентификационной и репрезентативной функциями ключевое значение приобретают перформативная (конструирование реальности, а не её отражение) и коммодифицирующая (превращение идентичности и эмоций в товар, интегрированный в рыночные механизмы платформ).

– Установлена трансформация классической семиотической модели Ч.С. Пирса в цифровой среде. Обосновано, что индексальный знак (след реальности) утрачивает свою онтологическую гарантированность и всё чаще симулируется иконическими средствами (фильтры, нейросети, режиссура «случайности»), что ведёт к кризису верификации визуального высказывания и формированию новой семиотической реальности, где «подлинность» становится конвенциональным эффектом.

Основные результаты

В социальных медиа происходит сдвиг от репрезентативной функции визуального кода к перформативной: визуальный код не столько отражает реальность, сколько активно конструирует её по законам алгоритмической видимости. Тело, эмоция, социальный статус становятся результатом знаковых операций, подчинённых логике платформенной архитектуры.

Механизм формирования визуального кода сегодня основан на семиотической гибкости: один и тот же визуальный элемент (цветокоррекция, фильтр, ракурс, композиция) может принадлежать разным, порой противоположным культурным кодам в зависимости от контекста платформы, жанра и аудитории. Эта гибкость обеспечивает одновременно универсальность и фрагментацию цифровой визуальной культуры.

Вирусность визуального контента обеспечивается семиотической компрессией – свертыванием сложных смыслов в узнаваемый шаблон, который сохраняет инвариант при множественных мутациях. Мем выступает базовой моделью такого знакообразования, сочетая иконическую узнаваемость с символической многозначностью.

Платформенная архитектура (формат, хронометраж, алгоритмическая лента) выступает не нейтральным каналом, но активным семиотическим фактором, задающим синтаксис визуального кода. Алгоритмическая коннотация становится значимой инстанцией производства смысла, наряду с автором и аудиторией.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что семиотические механизмы формирования визуального кода в современных социальных медиа претерпевают качественные изменения, обусловленные технологической спецификой платформ, мультимодальностью контента и новыми формами социального взаимодействия. Классические инструменты семиотического анализа (пирсовская триада, бартовская мифология, модель кодирования/декодирования Холла) сохраняют свою эвристическую ценность, однако требуют адаптации с учётом динамического характера цифровой среды.

Выявленные механизмы – семиотическая компрессия, платформенное кодирование, симуляция индексальности, мультимодальный синкретизм – работают в комплексе, формируя особый тип визуальной коммуникации, где скорость, узнаваемость и эмоциональная эффективность превалируют над глубиной и однозначностью смысла. Визуальный код превращается в инструмент управления вниманием, идентичностью и социальными связями, одновременно открывая новые возможности для самовыражения и создавая риски манипуляции.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния генеративных нейросетей (Midjourney, Sora, генеративные модели в социальных медиа) на трансформацию визуального кода. Массовое производство синтетических изображений, неотличимых от документальных, может привести к дальнейшему разрушению индексальности и формированию пост-семиотических режимов, где вопрос о «реальности» знака утрачивает актуальность. Кроме того, требует отдельного изучения компаративный аспект: специфика визуальных кодов в различных культурных сегментах и на разных платформах (TikTok vs. Telegram, глобальный vs. локальный контексты).

Литература

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Академический проект, 2019. – 351 с.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. – М.: Постум, 2015. – 240 с.

3. Гудова М. Ю., Ракитина М.А. Визуальный поворот в культуре: методологические основания и практики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 15. Искусствоведение. – 2021. – Т. 11, вып. 3. – С. 423–441.

4. Еко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.

5. Кирия И.В. Визуальный контент в социальных медиа: типология и функции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2022. – № 4. – С. 89–108.

6. Манович Л. Язык новых медиа / пер. с англ. Д. Кульчицкой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
7. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович. – М.: Логос, 2000. – 412 с.
8. Сальникова Е.Г. Визуальная культура в медиасреде: современные тенденции и исследовательские подходы // Международный журнал исследований культуры. – 2020. – № 1 (38). – С. 56–68.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. Сухотина. – М.: Либроком, 2019. – 296 с.
10. Холл С. Кодирование и декодирование в телевизионном дискурсе / пер. с англ. А. Смирнова // Медиа: введение / под ред. М. Гуревича. – М.: ВШЭ, 2019. – С. 245–265.
11. Шаронов И.А. Семиотика интернет-мемов: от иконичности к символическому коду // Вопросы культурологии. – 2023. – № 2. – С. 37–45.
12. Heinecken T. The Visual Culture of Social Media: Platforms, Aesthetics, and Identity // Visual Communication Quarterly. – 2022. – Vol. 29, № 3. – P. 155–169.
13. Manovich L. Instagram and Contemporary Image. – 2017. – (дата обращения: 10.03.2026).
14. Warfield K. The Aesthetics of Instagram: Filters, Authenticity, and the Digital Body // Social Media + Society. – 2020. – Vol. 6, № 4. – P. 1–12.
15. Zappavigna M. Social Media Photography: Constructing Visual Identity in Instagram // Discourse, Context & Media. – 2021. – Vol. 40. – P. 100469.

SEMIOTIC MECHANISMS OF VISUAL CODE FORMATION IN MODERN SOCIAL MEDIA

Lyubomudrov P.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the semiotic mechanisms behind the formation of a new visual code emerging within the communicative space of modern social media. The relevance of this work stems from the transformation of traditional language practices under the influence of digital platforms (TikTok, Instagram Reels), where non-verbal elements-augmented reality filters, internet memes, and vertical videos-have become the primary means of communication. The research problem lies in the insufficient understanding of how these phenomena are structured into an integrated sign system that enables mutual understanding among users.
The aim of the study is to identify and systematize the key semiotic mechanisms underlying the formation of the visual language of social media. The methodological framework comprises semiotic analysis (in the tradition of C.S. Peirce), multimodality theory (G. Kress, T. van Leeuwen), and discourse analysis of digital practices. Through the analysis of specific examples (trending filters, meme templates, Reels formats), the study demonstrates that: (1) filters function as semiotic modulators transforming user identity; (2) internet memes serve as a model for the formation of stable visual codes through template variability and intertextuality; (3) vertical video establishes a new narrative «syntax» based on the dominance of the auditory code and a distinctive temporal rhythm. The scientific novelty of the work lies in its comprehensive analysis of three heterogeneous phenomena as interrelated elements of a single semiosphere of social media. The findings contribute to the development of communication theory and media linguistics.

Keywords: visual code, semiotics, social media, internet meme, augmented reality filters, vertical video

References

1. Barthes, R. Mythologies. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Academicheskii Proekt, 2019. 351 p.
2. Baudrillard, J. Simulacra and Simulation. Translated from French by A. Kachalova. Moscow: Postum, 2015. 240 p.
3. Gudova, M. Yu., Rakitina, M.A. The Visual Turn in Culture: Methodological Foundations and Practices. Bulletin of the St. Petersburg State University. Series 15. Art Criticism. 2021. Vol. 11, Issue 3. pp. 423–441.
4. Eco, U. The Missing Structure: An Introduction to Semiology. Translated from Italian by V. Reznik. St. Petersburg: Symposium, 2004. 544 p.
5. Kiriya I.V. Visual Content in Social Media: Typology and Functions // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. – 2022. – No. 4. – Pp. 89–108.
6. Manovich L. The Language of New Media / translated from English by D. Kulchitskaya. – Moscow: Ad Marginem Press, 2018. – 400 p.
7. Pierce C.S. Selected Philosophical Works / translated from English by K. Golubovich. – Moscow: Logos, 2000. – 412 p.
8. Salnikova E.G. Visual Culture in the Media Environment: Current Trends and Research Approaches // International Journal of Cultural Studies. – 2020. – No. 1 (38). – Pp. 56–68.
9. Saussure F. de. Course in General Linguistics / translated from French by A. Sukhotin. Moscow: Librokom, 2019. 296 p.
10. Hall S. Coding and Decoding in Television Discourse / translated from English by A. Smirnov // Media: Introduction / edited by M. Gurevich. Moscow: HSE, 2019. pp. 245–265.
11. Sharonov I.A. Semiotics of Internet Memes: From Iconicity to Symbolic Code // Voprosy Kulturologiya. 2023. no. 2. pp. 37–45.
12. Heinecken T. The Visual Culture of Social Media: Platforms, Aesthetics, and Identity // Visual Communication Quarterly. 2022. Vol. 29, No. 3. – P. 155–169.
13. Manovich L. Instagram and Contemporary Image. – 2017. – (access date: 03/10/2026).
14. Warfield K. The Aesthetics of Instagram: Filters, Authenticity, and the Digital Body // Social Media + Society. – 2020. – Vol. 6, No. 4. – P. 1–12.
15. Zappavigna M. Social Media Photography: Constructing Visual Identity in Instagram // Discourse, Context & Media. – 2021. – Vol. 40. – P. 100469.

Феномен Japa и ценностная готовность: молодёжная эмиграция, профессиональные устремления и высшее образование в Нигерии

Марковская Елизавета И.,
доцент, Школа управления и экономики, Российская президентская академия народного хозяйства и государственного управления (РАНХИГС)
E-mail: markovskaya-ei@ranepa.ru

Долапо Дуроджайе,
кандидат наук, кафедра социологии, Нижний Новгородский государственный университет им. Лобачевского
E-mail: | dolapo.durojaiye@outlook.com

Явление массовой эмиграции образованной нигерийской молодёжи, получившее название Japa, трактуется как проблема утечки мозгов. В настоящей статье утверждается, что ориентация на «Japa» одновременно представляет собой процесс профессиональной социализации, обусловленный экономическим спадом и институциональными сбоями, а не образовательным замыслом. Два экономических кризиса сократили ВВП на 1,6 процента в 2016 году и на 1,79 процента в 2020 году; ВВП на душу населения снизился с 2688 до 2020 долларов США (в текущих ценах); по расширенной методологии НСС, предшествовавшей переходу на стандарты МОТ, безработица среди лиц с высшим образованием достигла 40,1 процента в третьем квартале 2020 года, отражая структурный характер проблемы. Опираясь на концепцию ценностной готовности Леоновой и Дурожайе (2025), основанную на теории базовых ценностей Шварца, модели соответствия личности и среды Холланда и социально-когнитивной теории карьеры, статья показывает, что студенты с ориентацией на «Japa» формируют ценностные установки самостоятельности и универсализма, не подкреплённые целенаправленной педагогической работой. Формулируются выводы для реформы учебных программ и кросс-национальных исследований.

Ключевые слова: явление Japa, ценностная готовность, профессиональная социализация, Нигерия, высшее образование, Индустрия 5.0, аксиологическая инфраструктура, молодёжная эмиграция

Introduction

Japa is a Yoruba word meaning to flee. In contemporary Nigerian usage it describes something more precisely located in time: the mass professional reorientation of educated Nigerian youth toward emigration, which accelerated sharply after 2015 and became a defining feature of the country's social landscape by the early 2020s. Understanding why it happened when it did, and what it does to the professional formation of the students who carry this orientation through Nigerian universities, are the questions this article takes up.

Nigeria's economy averaged approximately 7 percent annual GDP growth between 2000 and 2014, with non-oil sectors including telecommunications and financial services contributing genuine structural growth. [1] That trajectory reversed after the 2014 oil price collapse. Two recessions followed: GDP contracted by 1.6 percent in 2016, the first contraction since 1987, and by a further 1.79 percent in 2020.[2] Per capita GDP fell from $2,688 to $2,020 (current USD) by 2020,[2] and under the expanded NBS methodology that preceded ILO alignment, degree-holder unemployment reached 40.1 percent in the third quarter of 2020, reflecting a structural absorption failure.[3]

Against this economic backdrop, October 2020 brought a distinct political moment. The EndSARS protests, which began as demonstrations against the Special Anti-Robbery Squad of the Nigerian Police Force, a unit documented for torture, extortion, and extrajudicial killings targeting young Nigerians,[4] spread rapidly across more than 25 states and assumed a global dimension through simultaneous digital and street mobilisation [Iwuoha et al. 2021]. The military's response at the Lekki tollgate on 20 October 2020, in which demonstrators were fired upon, crystallised for a generation what engagement with Nigerian state institutions could mean. Coming during COVID-19 lockdowns and an ASUU strike that had shuttered public universities since March of that year, the events of 2020 compressed multiple sources of institutional disillusionment into a single period. [Okunade, Awosusi 2023] identify institutional unreliability, economic precarity, and perceptions of political dysfunction as the three primary structural drivers of Japa, and 2020 intensified all three simultaneously.

The analytical framework this article applies is value readiness, as developed by [Leonova, Durojaiye 2025: 128]. The framework draws on Schwartz's basic human values theory [Schwartz 1994; 2012], Holland's person-environment fit model [Holland 1997], and Social Cognitive Career Theory [Lent et al. 1994: 79], locating value development within the institutional and social processes through which it occurs. Value readiness concerns the motivational and ethical orientations that determine whether competencies are deployed, not the competencies themselves.

Section 2 establishes the theoretical framework and positions the article against the existing brain drain and brain circulation literature. Section 3 examines the economic and institutional conditions through which the Japa orientation developed. Section 4 applies the value readiness framework to characterise what those conditions produce in terms of professional value formation. Section 5 considers what Nigerian universities have not yet done with the pedagogical potential of this orientation. Section 6 addresses policy implications and the research agenda.

Theoretical framework and literature context

Value readiness and axiological infrastructure

The article analyses the Japa orientation through the lens of value readiness, as defined in [Leonova, Durojaiye 2025: 128–130], a framework that draws on three theoretical traditions: Schwartz's basic human values theory [Schwartz 1994; 2012], Holland's person-environment fit model [Holland 1997], and Social Cognitive Career Theory [Lent et al. 1994]. The framework centres on the motivational and ethical orientations that govern whether competencies are deployed in practice. It operationalises this across five developmental dimensions whose growth is treated as an outcome of institutional socialisation: personal integrity and professional accountability, adaptive problem-solving, interpersonal and digital engagement, learning orientation and civic responsibility, and the capacity to maintain value-aligned behaviour under ethical pressure and uncertainty.

Two distinctions bear on the framework's application in the Nigerian context. The first separates value orientation from axiological infrastructure.

Value orientation names what a person endorses as important; axiological infrastructure names whether those commitments hold when acting on them becomes costly. A student can express strong professional integrity and abandon it when a supervisor's preferences conflict with it, or when maintaining standards carries a personal price. Bourdieu's account of habitus describes how structural conditions gradually become embedded in individual dispositions [Bourdieu 1990; 2020]. [Leonova, Durojaiye 2025] locate the activation dimension of value readiness in the Resilience, Flexibility, and Ethics domain, because this is where endorsed values are either put to work or abandoned under pressure. [Leonova 2020: 92] frames professional self-determination as an ongoing alignment between internal value priorities and shifting socio-economic demands. [Zakharova, Savicheva 2022: 150] show empirically that students with different psychological readiness profiles end up with different work intentions even when their technical preparation is equivalent.

The second distinction concerns how value orientations form. Deliberate formation happens through institutions – through curricula structured around ethical reasoning, assessments that require genuine engagement with uncertainty, and co-curricular experiences that make professional value commitments explicit. Reactive formation happens when adversity produces adaptive behaviours that resemble deliberate dispositions but lack the reflective grounding that would make them transferable. Universities do not directly produce value readiness in students; they create or fail to create the conditions under which individual value formation occurs. Institutional reform does not change students' values directly, but it changes what becomes possible for them. Sustained self-conscious effort against organisational or institutional pressure is where the difference between deliberate and reactive formation becomes visible.

Brain drain research and the formation gap

Japa is routinely analysed as a brain drain problem: Nigeria trains graduates whom the economy and polity then push abroad, with the sending country bearing the investment cost and the receiving country capturing the return. The published literature on brain drain from Nigerian higher education identifies poor working conditions, funding deficits, and political indifference as the primary push factors for academic staff emigration [Teferra, Altbach 2004: 21; Akinwale, George 2025]. Policy responses have concentrated on retention through salary improvement and funding commitments, treating Japa as a departure problem.

The professional orientations developing in enrolled students have not received comparable analytical attention. The brain drain frame registers the economic cost of Japa but leaves its sociological substance unexamined. The structural conditions that produce emigration orientation also shape the professional value formation of the cohort undergoing them, including those who never leave. The tractable policy question concerns how universities can engage and develop the value orientations already forming in students, not how to prevent departure.

Brain circulation in comparative perspective

The Indian case is instructive precisely because the value formation that occurred during the emigration wave preceded the conditions that made it useful at home. Large-scale emigration of technically trained professionals to the United States and the Gulf during the 1960s through 1980s produced a diaspora with globally competitive professional orientations. When economic liberalisation from 1991 created absorptive capacity in India's technology sector, those emigrants and their networks became the founding layer of the industry [Saxenian 2006].

China shifted from restricting emigration in the 1970s to actively recruiting returns through financial incentives from the 1980s onward. The brain circulation effects that followed, documented for China's technology and research sectors,[5] derived partly from policy and partly from the professional norms and practices returned emigrants brought back.

In South Korea, the Park Chung-Hee administration designed government-sponsored research institutions and guarantees of professional autonomy specifically to make return attractive for scientists and engineers who had built careers abroad [Yoon 1992: 4]. Nigeria faces the same structural logic at a scale none of these comparators encountered. What the Japa generation is professionally becoming is therefore not a secondary question but the prior one.

THE STRUCTURAL CONDITIONS OF THE JAPA ORIENTATION

Graduate unemployment and the structural absorption gap

The growth period that brought Nigeria's nominal GDP to $510 billion by 2014 did not produce structural economic transformation commensurate with those headline figures.[6] Revenue from oil funded consumption and government expenditure rather than generating the manufacturing base or diversified services sector capable of absorbing graduate labour at scale. When oil prices fell sharply in 2014–15, this gap became immediately consequential. The two recessions that followed were labour market events as much as macroeconomic ones: formal sector employment contracted at precisely the moment the university system was producing graduates in growing numbers. On the expanded NBS methodology in use before the ILO-aligned revision of 2022, degree-holder unemployment reached 40.1 percent in the third quarter of 2020,[3] counting underemployment and open unemployment together and reflecting a structural absorption failure.

A 2014 rebasing exercise incorporating previously undercounted sectors including telecommunications, Nollywood, and financial services revised nominal GDP upward from approximately $270 billion to $510 billion.[6] Growth was genuine and diversified, which makes the subsequent contraction more consequential for graduate expectations: students who came of age during the growth period entered a labour market that had not maintained its trajectory.

[Adeyemi, Ogunsakin 2022: 35] show that the high entrepreneurial orientation documented in Nigerian graduate cohorts reflects trained necessity. Students who observe that formal employment pathways do not reliably absorb their qualifications develop self-direction, tolerance for uncertainty, and autonomous action as practical responses. Schwartz's value taxonomy [Schwartz 1994; 2012] classifies these under Self-Direction and Stimulation, precisely the orientations that Industry 5.0 workplaces systematically require.[7]

Institutional disruption and the differentiated higher education landscape

Nigeria's higher education system encompasses federal and state public universities and a growing private sector. Private universities, whose number has grown substantially since 1999, operate independently of Academic Staff Union of Universities industrial action. Institutions such as Covenant University, Babcock University, and Pan-Atlantic University have maintained academic calendars through periods of public university disruption. Students at these institutions experience the Japa orientation primarily as an aspirational and labour market phenomenon, driven by economic conditions and political events rather than by direct experience of institutional unreliability.

Public universities, which enrol the majority of Nigerian students, have experienced a different set of conditions. Between 2009 and 2022, ASUU called nine major strikes against federal and state institutions. The 2020 action began in March and ran concurrently with COVID-19 closures; a further strike began in February 2022. [Okunade, Awosusi 2023] document repeated disruption contributing to a reorganisation of professional preparation around the premise that institutional support at home could not be relied upon. Across this institutional history, individual students shifted their reference frame from domestic institutional pathways toward internationally competitive standards.

International pull and the structure of graduate aspiration

The Japa orientation intensified from the early 2020s partly because of what destination countries were simultaneously offering. The UK's Global Talent visa, introduced February 2020, requires № employer sponsorship and grants settlement eligibility within three years in science, digital technology, engineering, humanities, medicine, and the arts; Nigerians ranked among the top three nationalities in Health and Care Worker visa grants and the second largest in Graduate route extensions in 2022.[8] Canada's Global Skills Strategy brought two-week processing for technical professionals; Australia's points-based General Skilled Migration programme rewarded age, English proficiency, and internationally recognised qualifications; Germany's Skilled Immigration Act of 2020 and New Zealand's Skilled Migrant Category expanded comparable pathways. Most OECD economies facing declining birth rates and ageing workforces generated persistent demand for skilled professional immigration that aligned structurally with Nigeria's graduate cohort.

How students access information about these pathways shapes the Japa orientation as a formation condition. Nigeria is a mobile-first internet market: 93.3 percent of internet users access the web via smartphone and 99.2 percent of the 16-to-64 age group own a mobile device.[9] Internet penetration reached approximately 55 percent by 2021.[10] For the Japa generation, mobile internet and social media were part of the informational environment from early adolescence, giving students direct, continuous access to professional requirements, visa criteria, and employer expectations abroad. Holland's person-environment fit framework [Holland 1997] describes the consequence: students assess fit against imagined environments rather than proximate ones, and where those environments are well-specified through direct information access, the fit assessment becomes increasingly concrete. Meta-analytic evidence confirms that value alignment with the work environment predicts organisational commitment

and reduced turnover intention [Kristof-Brown et al. 2005: 300]. The professional value requirements of destination environments map onto what Schwartz classifies under Self-Transcendence and Openness to Change [Schwartz 1994; 2012]: collaborative orientation, ethical accountability, adaptive capacity, and continuous learning commitment.

The professional performance of the Nigerian diaspora provides one indicator of the value formation processes this article examines. Data show that 64 percent of Nigerian-born immigrants aged 25 and older in the United States hold a bachelor's or advanced degree, among the highest of any immigrant group measured, and Nigerians remain the most highly educated among the top sub-Saharan African sending-country nationalities. [11] Individual trajectories – Ngozi Okonjo-Iweala as WTO Director-General, Wally Adeyemo as US Deputy Secretary of the Treasury, Philip Emeagwali among pioneers of high-performance computing, and Kemi Badenoch in UK Cabinet – reflect broader documented patterns rather than exceptional cases. The question this article examines is what educational conditions produce this profile and whether Nigerian universities are engaging those conditions deliberately.

VALUE READINESS PROFILE OF JAPA-ORIENTED STUDENTS

What structural conditions produce and what they leave incomplete

The value profile likely produced among Japa-oriented Nigerian graduates can be reconstructed from published workforce readiness research and the structural analysis in Section 3. What follows is theoretical inference from documented structural conditions, not direct measurement. Each proposition is a testable hypothesis awaiting the survey data Section 6.2 identifies.

Aspiration-driven preparation builds learning orientation and civic commitment. Students targeting internationally competitive employment invest in intellectual curiosity and continuous development because meeting the entry standards of destination environments demands it. Social Cognitive Career Theory [Lent et al. 1994: 80] explains why it sustains effort: students with demanding outcome expectations and high self-efficacy beliefs commit to the behaviours those outcomes require.

Economic adversity and labour market uncertainty cultivate elements of the Adaptability dimension. [Adeyemi, Ogunsakin 2022: 36] show that the high entrepreneurial orientation in Nigerian graduate cohorts reflects trained capacity built through necessity: tolerance for uncertainty, autonomous action, resourcefulness without institutional backing. The published evidence does not resolve whether this capacity has been connected to a broader professional value framework or whether it functions as practical competency without normative grounding.

Personal and Professional Values shows a differentiated picture. Strong communal and familial ethical obligation appears consistently in the Nigerian workforce readiness literature [Adeyemi, Ogunsakin 2022; Ebiringa et al. 2024]. Integrity and accountability orientations are present. Professional service orientation is less clearly established – meaning commitment to the purposes of a profession or organisation as goods extending beyond immediate personal networks – which is precisely what Industry 5.0 workplaces require under the European Commission's human-centric and sustainability pillars.[12]

Interpersonal and Digital Competence has a structurally specific character in Nigeria. Strong platform-level communicative fluency among Gen Z students is documented [Ogunyemi, Ogundele 2023: 192]. Internet penetration reached approximately 55 percent by 2021, with users accessing the web overwhelmingly via mobile devices.[10] The gap between this fluency and the formal applied digital competence that professional employers require is partly an access problem and partly a confidence and register problem that pedagogical design can address.

Validating this reconstructed profile against measured value readiness in Nigerian institutions requires direct administration of a validated instrument across cohorts and institutional types, with entry and exit data compared.

The axiological infrastructure deficit

Among the five dimensions of value readiness, Resilience, Flexibility, and Ethics shows the sharpest divergence between what the Japa orientation cultivates and what professional contexts require. This dimension [Leonova, Durojaiye 2025: 132] measures whether values regulate professional behaviour under adverse conditions, whether ethical commitments hold when they carry costs, and whether goal-directed behaviour persists through professional uncertainty rather than through the structural uncertainty of a disrupted academic calendar.

The adversity generated by economic contraction and institutional uncertainty cultivates persistence without external structure, adaptive resource allocation, and a learned comfort with the gap between planned and actual trajectories. Such capacities are genuine, though they differ from the professionally specific challenges through which robust value activation develops: situations where maintaining integrity conflicts with organisational hierarchy, where sustainability commitments require rejecting commercially easier options, or where human-centric values require advocating for others at personal cost. Adaptability built through economic necessity does not transfer automatically to these situations.

[Ebiringa et al. 2024] identify dispositional underdevelopment as the primary explanation for the gap between formal qualification and demonstrated professional behaviour in their Nigerian graduate sample. Graduates have technical training but have not developed the capacity to deploy it in novel, ambiguous, or ethically complex situations. This reflects insufficiently cultivated axiological infrastructure, a consequence of institutional conditions that have not provided the deliberate formation such development requires.

The japa orientation as unrealised pedagogical resource

What universities have not done

Students preparing for internationally competitive professional employment already exhibit the motivational orientation that value-readiness-conscious education works to produce. They invest in globally deployable competencies beyond minimum requirements, assess themselves against demanding international standards, and hold Universalism and Self-Direction orientations that [Schwartz 1994; 2012] associates with professional environments demanding ethical complexity, collaboration, and continuous adaptation. Social Cognitive Career Theory [Lent et al. 1994: 80] predicts that students with this profile invest heavily when the connection between effort and outcome is clear. Curriculum design and pedagogy can work with this substrate or ignore it.

The NUC competency-based reform[13] provides structural architecture for a more demanding graduate formation agenda. Its implementation has been uneven, constrained by faculty development gaps and assessment cultures that reward performance display rather than reflective engagement. The deeper constraint is conceptual: curriculum reform built around competency outcomes will produce graduates who can demonstrate competencies in assessment conditions without having developed the orientations that make those competencies consistent in open-ended professional situations. [Leonova, Durojaiye 2025: 136] establish that value readiness is a product of institutional socialisation processes, not of skills instruction, which means that competency-focused curriculum design addresses the wrong level of the problem.

Pedagogical conditions for value formation

Converting the aspirational value alignment of Japa-oriented students into robust axiological infrastructure requires specific pedagogical conditions – those of experiential structure and reflective scaffolding rather than primarily of curriculum content.

[Bebeau 2002: 275] demonstrates across professional education contexts that moral competence develops through deliberate engagement with genuine ethical uncertainty. Curriculum formats that require students to argue normative positions under intellectual challenge, defend professional value commitments where those commitments are contested, and reflect on decisions made under difficulty build the activation capacity that purely instructional approaches do not. Students who have developed adaptive capacity through economic and institutional adversity bring real experience to this process. Structured pedagogical work can help them examine that experience, connect it to professional purpose, and build confidence in applying it to professionally specific ethical challenges.

[Kolb 1984] establishes that orientation change requires active connection between abstract conceptualisation and concrete professional context. Ethics teaching that situates professional obligations within the specific purposes of a field – what medicine owes patients, what engineering owes the public, what accounting owes institutional stakeholders – cultivates outward professional commitment in ways that personal integrity training abstracted from professional role does not [Kolb 1984]. The service orientation deficit identified in Section 4.1 reflects precisely this gap.

[Biggs, Tang 2011] hold that assessment should explicitly credit the competency components it intends to develop rather than treating those components as assumed preconditions. In infrastructure-constrained settings, this principle makes assessment design a leverage point somewhat independent of physical access. Where students already have platform fluency but lack professional digital register and confidence, targeted assessment design addresses these gaps without requiring infrastructure investment [Ogunyemi, Ogundele 2023: 195].

Policy implications and research agenda

For higher education policy in Nigeria

Funding adequacy and institutional continuity are preconditions of value formation, not merely operational concerns. Repeated disruptions to academic calendars break the institutional socialisation sequences through which professional dispositions develop. A university system that cannot guarantee continuous operation cannot deliver the socialisation that deliberate value formation requires. Framing university funding as a national workforce development question, rather than a labour relations matter, shifts the public argument toward what sustained institutional operation actually produces.

Skills-focused industry partnerships that measure success through placement numbers do not capture whether students are developing the dispositional qualities that Industry 5.0 employers specify alongside technical credentials. Partnerships structured around ethical decision-making under real professional stakes, with structured reflection on those experiences, build what standard arrangements cannot. Students in the Japa orientation are already invested in developing the capabilities those environments require; curriculum design that makes globally competitive professional standards explicit builds on existing motivation. India, China, and South Korea each demonstrate that professional value formation occurring during emigration-oriented periods carries forward when domestic conditions improve, becoming the professional capital returning diaspora members bring with them. Nigeria's higher education system is not yet organised around this understanding.

Directions for empirical research

The article's claims are analytical propositions derived from published economic and workforce readiness data and await empirical testing. Direct survey measurement of value readiness in Nigerian university populations, tracking entry and exit cohorts across public and private institutional types, is the necessary next step. The differentiation between institutional types documented in Section 3.2 makes multi-sector sampling design particularly important: if the institutional disruption variable has the formation effects proposed here, students in the two sectors should show measurable profile differences.

Cross-national comparison between Nigerian and Russian student profiles would be theoretically informative. The value readiness literature characterises Russia's higher education context as one where structured institutional environments suppress resilience development by removing adverse conditions [Leonova, Durojaiye 2025: 137]. Nigeria occupies a structurally opposite position: adverse conditions are abundant but pedagogically unscaffolded. If both arrangements produce students whose value activation capacity is less developed than their learning orientation and personal value endorsements, the convergent pattern would support the claim that the axiological infrastructure deficit depends on pedagogical conditions rather than cultural context.

Longitudinal tracking of Nigerian students from programme entry through early career is the design that would establish developmental sequences causally. The theoretical claims in this article concern when value orientations consolidate, which institutional conditions advance or retard that process, and whether the professional value profile at graduation predicts effectiveness in employment. Cross-sectional single-institution survey data cannot answer these questions.

Conclusion

The literature on Japa has been shaped primarily by what Nigeria loses when educated graduates emigrate. This article addresses a prior question: what professional values are forming in the students who carry this orientation through Nigerian universities, regardless of where they end up working. The structural conditions that produced Japa generated real professional value resources: learning motivation directed toward continuous development, adaptive capacity tested through economic and institutional adversity, and motivational alignment with the value requirements of competitive international labour markets. What those conditions did not reliably produce is the operational axiological infrastructure that makes these orientations hold under professional pressure. That gap is amenable to pedagogical intervention.

India, China, and South Korea each converted internationally-oriented graduate formation into development assets when domestic conditions allowed. Nigeria's higher education system, at a scale those comparators did not face, has not yet engaged the Japa orientation as a formation asset. The diaspora data on Nigerian graduate achievement abroad suggest the professional and motivational foundations are present. What is missing is the institutional recognition that converting those foundations into robust professional dispositions is what universities exist to do.

Литература

1. Захарова Л.Н., Савичева А.В. Трудовые намерения студентов промышленных колледжей с разным уровнем психологической готовности к работе в инновационных компаниях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 2 (66). С. 148–156.
2. Леонова И.С. Профессиональное самоопределение студентов в условиях неопределённости // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 92–98.
3. Леонова И.С., Дурожайе Д. Ценностная готовность студентов к работе в новых социально-экономических реалиях: теоретический обзор // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 2 (78). С. 128–139.
4. Adeyemi T.O., Ogunsakin B.O. Graduate employability and professional readiness among Nigerian university students // Journal of African Education Research. 2022. Vol. 9, № 1. P. 31–48.
5. Akinwale O.P., George T.O. The Japa-Japada construct: A theoretical framework for exploring the recent medical brain drain scourge in Sub-Saharan Africa // Social Science and Medicine. 2025. Vol. 374. Art. 117647.
6. Bebeau M.J. The Defining Issues Test and the Four Component Model: contributions to professional education // Journal of Moral Education. 2002. Vol. 31, № 3. P. 271–295.
7. Biggs J., Tang C. Teaching for Quality Learning at University. 4th ed. Maidenhead: Open University Press, 2011. 320 p.
8. Bourdieu P. The Logic of Practice. Cambridge: Polity Press, 1990. 340 p.
9. Bourdieu P. Habitus and Field: General Sociology, Volume 2 / P. Collier, Trans. Cambridge: Polity Press, 2020. 256 p.
10. Ebiringa O.T., Ikerionwu C.O., Erike A.I. A novel employability model for enhancing job readiness and career development among Nigerian graduates // African Journal of Humanities and Contemporary Education Research. 2024. Vol. 17, № 1.
11. Holland J.L. Making Vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments. 3rd ed. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1997.
12. Iwuoha V.C., Obi-Ani N.A., Nwapi C. Protests and blood on the streets: repressive state, police brutality and #EndSARS protest in Nigeria // Crime, Media, Culture. 2021. https://doi.org/10.1177/17416590211048714
13. Kolb D.A. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1984. 256 p.
14. Kristof-Brown A.L., Zimmerman R.D., Johnson E.C. Consequences of individuals' fit at work: a meta-analysis // Personnel Psychology. 2005. Vol. 58, № 2. P. 281–342.
15. Lent R.W., Brown S.D., Hackett G. Toward a unifying social cognitive theory of career and academic interest, choice, and performance // Journal of Vocational Behavior. 1994. Vol. 45, № 1. P. 79–122.
16. Ogunyemi A.O., Ogundele O.A. Digital divide and higher education in sub-Saharan Africa // Information Technology for Development. 2023. Vol. 29, № 2–3. P. 189–214.
17. Okunade S.K., Awosusi O.E. The Japa syndrome and the migration of Nigerians to the United Kingdom // Comparative Migration Studies. 2023. Vol. 11. Art. 27.
18. Saxenian A.L. The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. 352 p.
19. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50, № 4. P. 19–45.
20. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2, № 1.
21. Teferra D., Altbach P.G. African higher education: Challenges for the 21st century // Higher Education. 2004. Vol. 47, № 1. P. 21–50.
22. Yoon B.S.L. Reverse brain drain in South Korea: state-led model // Studies in Comparative International Development. 1992. Vol. 27, № 1. P. 4–26.

THE JAPA PHENOMENON AND VALUE READINESS: YOUTH EMIGRATION, PROFESSIONAL ASPIRATION, AND HIGHER EDUCATION IN NIGERIA

Markovskaya E.I., Dolapo Durojaiye
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Mass youth emigration from Nigeria, known as Japa, is widely treated as a brain drain problem. This article argues that the Japa orientation is simultaneously a process of professional value formation, shaped by economic contraction and institutional disruption rather than educational design. Two recessions contracted GDP by 1.6 percent in 2016 and 1.79 percent in 2020; per capita income fell from $2,688 to $2,020 (current USD); degree-holder

unemployment reached 40.1 percent in Q3 2020 under the expanded NBS methodology preceding ILO alignment, reflecting a structural absorption failure. Drawing on the value readiness framework of Leonova and Durojaiye (2025), grounded in Schwartz's basic human values theory, Holland's person-environment fit model, and Social Cognitive Career Theory, the article shows that Japa-oriented students develop genuine Self-Direction and Universalism value orientations through aspiration-driven preparation and adaptive behaviours through adversity, but without the pedagogical formation that converts these into deployable professional dispositions. Implications are drawn for curriculum reform and cross-national empirical research.

Keywords: Japa phenomenon, value readiness, professional formation, Nigeria, higher education, Industry 5.0, axiological infrastructure, youth emigration

References

1. World Bank. Nigeria Development Update. Washington, DC: World Bank, 2025. URL: https://www.worldbank.org/en/country/nigeria/publication/nigeria-development-update-ndu (accessed: 01.03.2026).

2. World Bank. GDP Growth (Annual %): Nigeria 2000–2023. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=NG; GDP per capita (current USD): Nigeria. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=NG (accessed: 01.03.2026).

3. National Bureau of Statistics, Nigeria. GDP Report Q3 2020. Abuja: NBS, 2020. URL: https://nigerianstat.gov.ng (accessed: 01.03.2026).

4. Amnesty International. Nigeria: Time to End Impunity. London: Amnesty International, 2021. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/afr44/9505/2020/en/ (accessed: 01.03.2026).

5. Zweig D., Chung S.F., Han D. Redefining the Brain Drain: China's 'Diaspora Option.' Hong Kong: HKUST Centre on China's Transnational Relations, 2008.

6. National Bureau of Statistics, Nigeria. Rebasing Nigeria's GDP: Frequently Asked Questions. Abuja: NBS, 2014; GDP Report Q4 2016. Abuja: NBS, 2017. URL: https://nigerianstat.gov.ng (accessed: 01.03.2026).

7. European Commission. Industry 5.0: Towards a Sustainable, Human-Centric and Resilient European Industry. Luxembourg: Publications Office of the EU, 2021. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/research-area/industrial-research-and-innovation/industry-50_en (accessed: 01.03.2026).

8. UK Home Office. Immigration System Statistics, Year Ending December 2022: Why Do People Come to the UK? To Work. London: Home Office, 2022. URL: https://www.gov.uk/government/statistics/immigration-system-statistics-year-ending-december-2022/why-do-people-come-to-the-uk-to-work (accessed: 01.03.2026).

9. DataReportal. Digital 2021: Nigeria. 2021. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2021-nigeria (accessed: 21.02.2026).

10. International Telecommunication Union. Individuals Using the Internet: Nigeria 2000–2021. Geneva: ITU, 2023. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx (accessed: 21.02.2026); DataReportal. Digital 2022: Nigeria. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-nigeria (accessed: 21.02.2026).

11. Pew Research Center. A Growing Share of Black Immigrants Have a College Degree or Higher. Washington, DC: Pew Research Center, 2022. URL: https://www.pewresearch.org/2022/01/20/a-growing-share-of-black-immigrants-have-a-college-degree-or-higher/ (accessed: 01.03.2026); Batalova J., Blizzard B., Bolter J. Sub-Saharan African Immigrants in the United States. Washington, DC: MPI, 2022. URL: https://www.migrationpolicy.org/article/sub-saharan-african-immigrants-united-states-2019 (accessed: 01.03.2026).

12. European Commission. Industry 5.0 (see note 7).

13. National Universities Commission, Nigeria. Core Curriculum and Minimum Academic Standards. Abuja: NUC, 2020; Statistical Digest of Nigerian Universities. Abuja: NUC, 2023.

Исследование русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая в условиях развития производительных сил нового качества

Сюй Синь,
студент, Северо-восточный университет лесного хозяйства
E-mail: 2815316955@qq.com

Го Сывэнь,
канд. филол. наук, преп Северо-восточный университет лесного хозяйства
E-mail: job2025@yeah.net

В статье исследуются особенности русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая в условиях развития производительных сил нового качества. Рассматривается внутренняя логика взаимодействия технологических инноваций, стандартизации переводческих решений и задач трансграничной культурной коммуникации. Установлено, что производительные силы нового качества создают технологическую основу для цифровой интеграции ресурсов, повышения точности перевода, оптимизации каналов распространения и усиления адресности русскоязычной репрезентации красной культуры. Одновременно выявлены основные проблемы данного процесса, включая неточность передачи ключевых понятий, разрозненность переводческих ресурсов, недостаточную локализационную адаптацию и ограниченное участие российских специалистов. Обосновывается, что русскоязычное распространение красной культуры Северо-Востока Китая обладает важной стратегической значимостью, поскольку способствует укреплению китайско-российского гуманитарного сотрудничества, актуализации культурной ценности красного наследия, возрождению Северо-Востока Китая и межкультурной репрезентации китайской модернизации.

Ключевые слова: Красная Культура Северо-Востока Китая, Русскоязычный Перевод; Трансграничное Распространение, Производительные Силы Нового Качества, Китайская Модернизация, Китайско-Российское Гуманитарное Сотрудничество

Введение

Ресурсы красной культуры являются уникальным духовным достоянием и ключевой движущей силой реализации стратегии возрождения села в старых революционных районах [1].Красная культура Северо-Востока Китая уходит корнями в историческую практику Антияпонской войны и Освободительной войны в Северо-Восточном Китае, воплощая в себе такие бесценные духовные богатства, как дух Северо-Восточной антияпонской объединённой армии, дух сопротивления США и помощи Корее, дух борьбы в лесах и снежных просторах Северо-Востока. Северо-Восток Китая географически близок к российскому Дальнему Востоку и связан с ним гуманитарной близостью; русский язык в этой связи становится ключевым языком трансграничного распространения красной культуры. Её перевод и распространение на русском языке представляют собой не просто языковую трансформацию, но и межкультурную передачу духовного содержания, что имеет незаменимое практическое значение для углубления китайско-российского стратегического сотрудничества и продвижения регионального культурного обмена.

Перевод материалов о красной культуре для внешней аудитории и их международное распространение являются важной составной частью наращивания международной коммуникативной способности Китая [2]. В настоящее время, хотя научные исследования в области внешнеориентированного перевода и международного распространения красной культуры постоянно углубляются, система русских переводческих соответствий для красной культуры Северо-Востока Китая всё ещё недостаточно сформирована, а изучение цифровых и интеллектуальных путей её распространения остаётся недостаточным. В условиях расширения возможностей, создаваемых производительными силами нового качества, по-прежнему сохраняются такие практические проблемы, как ненормированность переводческих решений, недостаточная передача культурного содержания и слабая локализация распространения. Опираясь на теорию производительных сил нового качества, настоящая статья системно рассматривает внутреннюю логику их взаимодействия с русскоязычным переводом и распространением красной культуры Северо-Востока Китая, уточняет стратегическое позиционирование и ценность такого распространения в контексте эпохи, анализирует существующие трудности и предлагает пути оптимизации. Целью исследования является предоставление теоретических и практических ориентиров для продвижения русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая, углубления китайско-российского стратегического сотрудничества и содействия возрождению Северо-Востока Китая.

Тройственная логика интеграции производительных сил нового качества, русскоязычного перевода красной культуры Северо-Востока Китая и китайской модернизации

Интеграция этих трёх компонентов не является обобщённым стратегическим объединением, а представляет собой практико-ориентированный замкнутый цикл, в котором русскоязычный перевод и распространение выступают ключевым носителем: производительные силы нового качества служат движущей силой, русскоязычный перевод и распространение путём реализации, а возрождение Северо-Востока Китая и китайская модернизация конечной целью.

Развитие производительных сил нового качества неотделимо от питающей среды красной культуры, а ключевая движущая сила цифровой трансформации красной культуры также неотделима от производительных сил нового качества. Именно технологические инновации обеспечивают техническую поддержку русскоязычному переводу красной культуры Северо-Востока Китая. Обучение моделей машинного перевода с китайского на русский язык на базе ИИ, цифровая систематизация русскоязычных материалов для распространения, а также эксплуатация трансграничных русскоязычных платформ распространения позволяют преодолеть такие проблемы традиционного перевода на русский язык, как низкая эффективность, разнобой в переводческих вариантах и узость каналов распространения, существенно повышая точность и практическую результативность переводческой и коммуникативной работы. Так, например, сбор данных о язы-

Статья подготовлена при финансовой поддержке программы государственного инновационного тренинга для студентов Северо-Восточного лесотехнического университета (проект № 202510225067).

ковых привычках и культурных предпочтениях российской аудитории на основе технологий больших данных позволяет обеспечить точную информационную поддержку для перевода и адаптации материалов красной культуры на русский язык, делая переводимый и распространяемый контент более соответствующим запросам аудитории [3,4].

Стандартизированная русскоязычная репрезентация красной культуры Северо-Востока Китая выступает ключевым механизмом интеграции указанных трёх компонентов. Оптимизация перевода базовых понятий, создание русскоязычных нарративов о событиях и героях революционной истории, а также развитие русскоязычного сопровождения объектов красного культурного туризма обеспечивают трансграничную трансляцию красной культуры средствами русского языка. В данном контексте русскоязычный перевод и распространение выполняют функцию связующего звена между технологическим потенциалом производительных сил нового качества и практической реализацией государственной стратегии. Формирование стандартизированной системы русскоязычных переводческих соответствий создаёт условия для последующего эффективного использования современных цифровых и коммуникационных инструментов, что позволяет оперативно распространять соответствующий контент в средствах массовой информации, образовательных учреждениях и общественных пространствах российского Дальнего Востока, трансформируя культурные ресурсы в действенный фактор китайско-российского гуманитарного сотрудничества.

Конечной целью интеграции производительных сил нового качества, русскоязычного перевода красной культуры Северо-Востока Китая и китайской модернизации выступают возрождение Северо-Востока Китая и продвижение китайской модернизации. Именно этой стратегической цели подчинена вся практика русскоязычного перевода и распространения красной культуры. Распространение красной культуры на русском языке способствует привлечению российского капитала, технологий и кадровых ресурсов к развитию индустрии красной культуры Северо-Востока Китая, тем самым содействуя модернизации региональной культурно-туристической сферы. Наряду с этим интерпретация для российской аудитории духовного ядра китайской модернизации, воплощённого в красной культуре, способствует более глубокому пониманию специфики китайского пути развития международным сообществом и формированию благоприятной внешней среды для дальнейшего продвижения китайской модернизаци

Таким образом, эти три компонента образуют позитивный цикл, в рамках которого производительные силы нового качества обеспечивают технологическое расширение возможностей, русскоязычный перевод красной культуры Северо-Востока Китая оптимизируется, эффективность трансграничного культурного распространения повышается, а всё это в конечном счёте служит возрождению Северо-Востока Китая и китайской модернизации, позволяя культурной ценности посредством конкретной переводческой практики преобразовываться в ценность развития.

Проблемы русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая в условиях развития производительных сил нового качества

В русскоязычном переводе красной культуры Северо-Востока Китая существуют такие проблемы, как неточная передача ключевых понятий, разрозненность ресурсов, недостаточная локализационная адаптация, а также несоответствие содержания запросам аудитории, что в целом снижает качество и эффективность распространения.

Ключевые понятия красной культуры Северо-Востока Китая во многих случаях обладают специфическим историческим контекстом и глубоким духовным содержанием. Если ограничиваться лишь буквальным переводом, русскоязычная аудитория не сможет понять их глубинную ценность, а в ряде случаев это даже может вызвать когнитивные искажения. Конкретные проблемы в основном сосредоточены в трёх группах лексики. Во-первых, это понятия духовного порядка. Так, понятие «дух Линьхай-Сюэюань» ранее переводилось буквально как «Дух леса и снежной равнины», что передаёт лишь географический образ лесов и снежных просторов, но утрачивает его ключевое внутреннее содержание дух упорной борьбы с врагом и стойкости в крайне тяжёлых природных условиях. Во-вторых, это понятия, обозначающие организации. Например, «Северо-Восточная антияпонская объединённая армия» при буквальном переводе как «Анти-японский союз Северного Востока» передаётся неточно, поскольку слово союз в русском языке чаще означает альянс, объединение или ассоциацию и не отражает военно-организационный характер данного субъекта. В-третьих, это понятия, относящиеся к историческим событиям. Например, «Четыре обороны Линьцзяна» при буквальном переводе как «Четыре защиты Линцзяна» не снабжается необходимым для русскоязычной аудитории историческим контекстом, а именно указанием на то, что речь идёт о ключевой военной операции на северо-восточном театре военных действий в период Освободительной войны, вследствие чего такое распространение теряет своё практическое значение. Следовательно, в системе русскоязычного перевода речь идёт не только о преобразовании на языковом уровне, но и о глубокой культурной обусловленности; языковой стиль и культурные факторы в русском переводе напрямую отражают особенности национальной культуры [5].

С одной стороны, осмысление производительных сил нового качества по-прежнему преимущественно ограничивается их восприятием как сугубо технических инструментов распространения, вследствие чего их потенциал ещё не интегрирован во все этапы русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая. В частности, технологии искусственного интеллекта пока не используются в должной мере для обучения специализированных моделей машинного перевода на русский язык, ориентированных на перевод материалов, связанных с красной культурой Северо-Востока Китая. На практике по-прежнему применяются универсальные переводческие инструменты общего назначения, что обусловливает вариативность переводческих решений, их несогласованность и отсутствие единого стандарта.

С другой стороны, русскоязычные переводческие и коммуникационные ресурсы, связанные с красной культурой Северо-Востока Китая, до настоящего времени не подверглись системной обработке и цифровой интеграции. Русскоязычные версии документов, аудио- и видеоматериалы, создаваемые в различных регионах, остаются рассредоточенными между государственными структурами, туристическими объектами, высшими учебными заведениями и другими институциональными субъектами и не включены в единую централизованную цифровую систему. Вследствие этого преимущества производительных сил нового качества в сфере интеграции, координации и эффективного использования ресурсов не получают полноценной реализации. Так, российский переводчик или исследователь, заинтересованный в обращении к русскоязычным историческим материалам о Северо-Восточной антияпонской объединённой армии, вынужден взаимодействовать одновременно с несколькими учреждениями, что существенно снижает эффективность коммуникации, поиска и использования информации.

Культурный контекст является одним из важнейших видов контекста, задействованных в переводе текста [6]. Ядро русскоязычного распространения заключается в том, чтобы добиться признания со стороны русскоязычной аудитории. Однако в настоящее время русские переводы красной культуры Северо-Востока Китая в основном выполняются китайскими переводчиками, тогда как участие российских переводчиков остаётся низким, из-за чего многие переводческие решения не соответствуют языковым привычкам и культурному контексту русского языка. Например, китайские переводчики передают выражение «энтузиазм в работе и начинаниях» как «энтузиазм в работе и предпринимательстве», тогда как в русском языке для выражения данного смысла естественнее употребить вариант «энтузиазм в творческой работе и развитии»; буквальный перевод создаёт у русскоязычной аудитории трудности в понимании. Одновременно китайско-российское сотрудничество в области распространения в основном по-прежнему ограничивается краткосрочными мероприятиями такими как выставки и сценические выступления на русском языке, и не располагает устойчивой платформой взаимодействия. До сих пор не создан координационный механизм, в рамках которого китайская сторона предоставляла бы исторический контекст, российская сторона осуществляла бы культурную адаптацию перевода, а обе стороны совместно занимались бы распространением. Это приводит к низкой степени локализации русскоязычного распространения и, как следствие, к недостаточно высокой степени принятия его аудиторией.

Перечисленные выше проблемы в определённой степени отрицательно сказываются на эффективной передаче духовного содержания красной культуры, а также ограничивают полноценную реализацию потенциала трансграничного распространения красной культуры Северо-Востока Китая.

Стратегическое позиционирование и ценность эпохи русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая

В данном разделе определяется стратегическое позиционирование русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая, а также анализируется его актуальная ценность в служении китайско-российскому сотрудничеству, содействии возрождению Северо-Востока Китая и поддержке китайской модернизации.

Красная культура Северо-Востока Китая содержит общую для Китая и России историческую память и служит эмоциональной связью между народами двух стран. Русский перевод здесь предполага-

ет не только языковое преобразование, но и точную передачу своеобразного языкового стиля и культурных коннотаций; его ядро состоит в том, чтобы помочь российской аудитории понять общность историко-культурных оснований, заключённых в этой культуре [7]. Так, совместная боевая история Северо-Восточной антияпонской объединённой армии и Красной Армии СССР является ключевым содержанием общей исторической памяти Китая и России. Если переводить название «东北抗联» буквально как «Анти-японский союз Северного Востока», русскоязычная аудитория не сможет понять его военно-организационную природу. Если же использовать вариант «Северо-Восточное анти-японское объединённое военное формирование» и дополнительно снабдить его контекстуальным пояснением «совместные боевые действия с Красной Армией СССР», то это позволит точно передать основное содержание данного исторического понятия. Такой вариант перевода уже получил широкое применение в китайско-российских негосударственных исторических обменах и стал важной основой для достижения сторонами консенсуса в историческом восприятии.

Возрождение Северо-Востока Китая требует интегрированного развития культурной и экономической индустрий, а русскоязычное переводческое сопровождение и распространение материалов о красных туристических объектах Северо-Востока Китая выступают важным практическим носителем этой задачи. Красные туристические объекты являются репрезентативной формой красного культурного туризма Северо-Востока Китая; при неточном переводе и семантических искажениях понимание и распространение красной культуры существенно снижаются. Например, если название «智取威虎山» переводить буквально как «Умное взятие горы Вухан», то передаётся лишь поверхностный буквальный смысл, тогда как красное смысловое ядро, связанное с борьбой по подавлению бандитизма, утрачивается. После оптимизации перевод может быть представлен как «Тактический захват горы Вэйхушань в ходе подавления бандитов»; если при этом дополнительно использовать русскоязычные аудиогиды и русскоязычные буклеты с красными историями, российские туристы смогут понять стоящий за этим красный исторический контекст. Это напрямую повышает привлекательность туристического объекта для российских посетителей и становится типичным примером того, как русскоязычный перевод и распространение красной культуры способствует развитию культурно-туристической экономики.

В условиях всё более частых международных экономических и культурных обменов культурный эффект становится всё более заметным, и любой народ, любое государство находятся в пространстве взаимного культурного взаимодействия. Идейно-культурные обмены и столкновения между Китаем и странами мира сегодня являются более тесными и глубокими, чем в какой-либо предыдущий исторический период, поэтому качественное распространение китайской культуры за рубежом имеет исключительно важное значение [8]. Китайская модернизация является ключевым понятием русскоязычного международного распространения, а заключённые в красной культуре Северо-Востока Китая дух упорной борьбы, совместного развития и другие ценности представляют собой важное воплощение духовного содержания китайской модернизации. Например, выражение «红色精神传承» в контексте возрождения Северо-Востока Китая можно перевести как «Передача красного духа в процессе возрождения Северо-Востока Китая» и, сопроводив этот перевод русскоязычным разъяснением на основе конкретных примеров трансформации и модернизации старой промышленной базы Северо-Востока, можно помочь российской аудитории через красную культуру как носитель понять сущностное требование китайской модернизации координированное развитие материальной и духовной цивилизации, а не сводить китайскую модернизацию исключительно к экономическому развитию. Тем самым красная культура становится важным окном, через которое русскоязычная аудитория воспринимает китайский путь развития.

Русскоязычный перевод и распространение красной культуры Северо-Востока Китая являются одновременно культурной связующей нитью между Китаем и Россией и источником импульса для возрождения Северо-Востока Китая; поэтому они должны учитывать потребности аудитории, усиливать стратегическую адаптацию и обеспечивать преобразование культурной ценности в стратегическую эффективность.

Стратегическая значимость русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая в условиях развития производительных сил нового качества

Русскоязычный перевод и распространение красной культуры Северо-Востока Китая в условиях развития производительных сил нового качества постепенно выходят за рамки обобщённой модели культурного экспорта. Их ключевыми характеристиками становятся стандартизация переводческих решений, повышение точности межкультурной репрезентации и практико-ориентированная организация коммуникационной деятельности. В результате ценностный потенциал красной культуры получает возможность реализовываться не на уровне абстрактного символического воздействия, а в форме конкретных переводческих и коммуникативных практик, способствующих решению задач государственного развития и углублению китайско-российского сотрудничества. В этом состоит их существенная стратегическая значимость.

Оптимизация русскоязычной репрезентации и трансграничного распространения красной культуры Северо-Востока Китая способствует актуализации её современной общественной и культурной ценности, формированию устойчивого трансграничного культурного бренда и стимулированию развития сопряжённых отраслей, включая культурный туризм и торговлю культурной продукцией. Тем самым создаются дополнительные точки экономического роста в регионе. Наряду с этим русскоязычное распространение красной культуры выполняет важную интеграционную функцию, содействуя укреплению общего духовно-ценностного консенсуса в процессе регионального развития. В данном контексте дух Северо-Восточной антияпонской объединённой армии и дух Линьхай-Сюэюань выступают значимыми символическими ресурсами, способными выполнять функцию духовной опоры для кадров и населения Северо-Востока Китая в их созидательной и профессиональной деятельности. Это, в свою очередь, создаёт как материальные, так и духовные предпосылки для возрождения старой промышленной базы Северо-Востока Китая.

На новом историческом пути, в рамках которого китайская модернизация всесторонне продвигает строительство сильного государства и великое дело национального возрождения, необходимо в полной мере раскрывать важную роль красной культуры в политическом руководстве, духовной мобилизации, формировании инновационной экосистемы и воспитательно-ориентирующем воздействии, постоянно аккумулируя мощную силу для развития производительных сил нового качества [9]. Русскоязычный перевод и распространение красной культуры Северо-Востока Китая представляют собой важную практику межкультурного выражения китайской модернизации. Посредством преобразования духовного ядра китайской модернизации в культурное содержание, понятное русскоязычной аудитории, Россия и другие страны русскоязычного пространства получают возможность глубже понять своеобразие китайского пути развития. Одновременно это углубляет культурное взаимодоверие между Китаем и Россией, создаёт благоприятную международную периферию для строительства китайской модернизации и укрепляет внешнюю культурную основу государственного развития.

Красная культура Северо-Востока Китая хранит память о том, как народы двух стран плечом к плечу поддерживали друг друга в годы войны, и является общим историческим следом в глубинах народной памяти двух наций. Заключённые в красной культуре новаторские и практические качества как раз и выступают идейным источником развития производительных сил нового качества [10]. Ключевая ценность производительных сил нового качества состоит именно в преодолении эмоциональных барьеров, создаваемых языком: в том, чтобы русскоязычная аудитория через точный перевод смогла понять живые истории о том, как бойцы Северо-Восточной антияпонской объединённой армии вместе с советскими товарищами сражались против врага, понять взаимопомощь, проверенную жизнью и смертью, среди лесов и снежных просторов, пересекавшую государственные границы, понять добрую волю и искренность, сокрытые в глубинах истории.

Такое распространение не является трансляцией отвлечённых масштабных концептов, а представляет собой предметную передачу человеческих чувств: с помощью ИИ воссоздаются исторические детали, на русском языке рассказываются героические мгновения обычных людей, а цифровые носители вводят покрытые пылью времени воспоминания в повседневную жизнь российских граждан. Когда язык перестаёт быть преградой, тепло этой общей истории способно напрямую достигать человеческих сердец, позволяя простым людям двух стран через рассказы друг о друге обрести сопереживание, а в осадке времени взрастить доброжелательность. В конечном счёте именно такая эмоциональная связь в трансграничном гуманитарном общении становится самым естественным и самым долговечным фоном культурного обмена.

Заключение

Проведённое исследование показало, что русскоязычный перевод и распространение красной культуры Северо-Востока Китая в условиях развития производительных сил нового качества представляют

собой не частную задачу внешнеориентированного перевода, а важное направление реализации государственной культурной и коммуникационной стратегии. Производительные силы нового качества выступают в данном процессе не только как совокупность технических средств, но и как системный фактор, обеспечивающий цифровую интеграцию ресурсов, стандартизацию переводческих решений, повышение точности межкультурной репрезентации и расширение каналов трансграничного распространения. Установлено, что русскоязычная репрезентация красной культуры Северо-Востока Китая выполняет связующую функцию между технологическим обновлением, региональным развитием и задачами китайской модернизации, способствуя как укреплению китайско-российского гуманитарного взаимодействия, так и актуализации современной ценности красной культуры в международном контексте.

Вместе с тем исследование подтвердило наличие ряда сдерживающих факторов, включая недостаточную нормативность перевода ключевых понятий, разрозненность русскоязычных ресурсов, ограниченную степень цифровой интеграции, а также недостаточную локализационную адаптацию контента к языковым и культурным особенностям российской аудитории. В этой связи дальнейшее развитие русскоязычного перевода и распространения красной культуры Северо-Востока Китая требует комплексного подхода, предполагающего формирование унифицированной системы переводческих соответствий, создание специализированных цифровых платформ и корпусов, расширение участия российских специалистов в переводческой и коммуникационной деятельности, а также более активное внедрение технологий искусственного интеллекта и анализа данных в практику межкультурной коммуникации. Только при условии согласованного продвижения указанных направлений русскоязычное распространение красной культуры сможет в полной мере реализовать свой стратегический потенциал и стать действенным инструментом содействия возрождению Северо-Востока Китая, углублению китайско-российского сотрудничества и продвижению китайской модернизации.

Литература

1. Фэн Цзыцзя. Ресурсы красной культуры как фактор revitalизации сельских районов старых революционных баз: ценностное содержание, целевая направленность и практические пути [Электронный ресурс] // Вестник Северо-Западного университета сельского и лесного хозяйства и технологий. Серия: Общественные науки. С. 1–10.

2. Ли Бин, Ли Янань. Трудности и пути преодоления внешнеориентированного перевода и международного распространения красной культуры // Цзяин вэньсюэ. 2025. № 20. С. 88–90.

3. Хань Сюй. Пути развития новых качественных производительных сил посредством продвижения красной культуры в новую эпоху // Чжунго миньцзу болань. 2025. № 23. С. 100–102.

4. Цзи Минъян. О роли новых качественных производительных сил в цифровой трансформации красной культуры // Вестник Хуайбэйского профессионально-технического института. 2025. Т. 24, № 6. С. 24–28.

5. Цуй Хуэйин. Исследование языкового стиля и культурных факторов в переводе на русский язык // Вестник Хэйхэского университета. 2025. Т. 16, № 7. С. 120–122, 161.

6. Ань Лихун, Сунь На. Культурный контекст в переводе текста // Русская литература и искусство. 2015. № 4. С. 84–91.

7. Лян Юань, Ян Хуэй. Анализ языкового стиля и культурных факторов в переводе на русский язык // Сравнительные исследования культурных инноваций. 2024. Т. 8, № 28. С. 163–167.

8. Ян Цзытун. Исследование путей внешнего распространения китайской культуры в контексте китайско-российского культурного обмена // Вестник Ляньюньганского профессионально-технического института. 2021. Т. 34, № 2. С. 56–59.

9. Цю Сяоюнь, Ван Шупин. Анализ роли продвижения красной культуры в развитии новых качественных производительных сил в новую эпоху // Теория и комментарий. 2025. № 5. С. 17–25.

10. Хэ Пэн. Триада технологий, культуры и развития: наследование красной культуры в условиях развития новых качественных производительных сил // Пекинская газета науки и технологий. 2025. 9 июня. С. 6.

A STUDY OF THE RUSSIAN TRANSLATION AND DISSEMINATION OF THE RED CULTURE OF NORTHEAST CHINA IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF NEW QUALITY PRODUCTIVE FORCES

Xu Xin, Guo Siwen
Northeast Forestry University

This article examines the Russian translation and dissemination of the red culture of Northeast China in the context of the development of new quality productive forces. It explores the internal logic linking technological innovation, the standardization of translation strategies, and the tasks of cross-border cultural communication. The study finds that new quality productive forces provide the technological foundation for the digital integration of resources, the improvement of translation accuracy, the optimization of dissemination channels, and the enhancement of the target orientation of the Russian-language representation of red culture. At the same time, it identifies the major problems in this process, including the inaccurate rendering of key concepts, the fragmentation of translation resources, insufficient localization, and the limited participation of Russian specialists. The article argues that the Russian-language dissemination of the red culture of Northeast China has important strategic significance, as it contributes to the strengthening of China–Russia people-to-people and cultural cooperation, the revitalization of the contemporary value of red cultural heritage, the revitalization of Northeast China, and the intercultural representation of Chinese modernization.

Keywords: Red Culture Of Northeast China, Russian Translation, Cross-Border Dissemination, New Quality Productive Forces, Chinese Modernization, China–Russia People-To-People And Cultural Cooperation.

References

1. Feng Zijia. Red Culture Resources as a Factor in Revitalizing Rural Areas of Old Revolutionary Base Areas: Value Content, Target Focus, and Practical Paths [Electronic resource] // Bulletin of the Northwest University of Agriculture, Forestry and Technology. Series: Social Sciences. Pp. 1–10.

2. Li Bing, Li Yanan. Difficulties and Ways to Overcome the Externally Oriented Translation and International Dissemination of Red Culture // Jiaying Wenxue. 2025. № 20. Pp. 88–90.

3. Han Xu. Paths for Developing New High-Quality Productive Forces by Promoting Red Culture in the New Era // Zhongguo Minzu Bolan. 2025. № 23. Pp. 100–102.

4. Ji Mingyang. On the Role of New Qualitative Productive Forces in the Digital Transformation of Red Culture // Bulletin of Huaibei Vocational and Technical Institute. 2025. Vol. 24, № 6, pp. 24–28.

5. Cui Huiying. Study of Linguistic Style and Cultural Factors in Translation into Russian // Bulletin of Heihe University. 2025. Vol. 16, № 7, pp. 120–122, 161.

6. An Lihong, Sun Na. Cultural Context in Text Translation // Russian Literature and Art. 2015. № 4, pp. 84–91.

7. Liang Yuan, Yang Hui. Analysis of Linguistic Style and Cultural Factors in Translation into Russian // Comparative Studies of Cultural Innovations. 2024. Vol. 8, № 28. Pp. 163–167.

8. Yang Zitong. Study on the Paths of External Dissemination of Chinese Culture in the Context of Sino-Russian Cultural Exchange // Bulletin of Lianyungang Vocational and Technical Institute. 2021. Vol. 34, № 2. Pp. 56–59.

9. Qiu Xiaoyun, Wang Shuping. Analysis of the Role of Promoting Red Culture in the Development of New High-Quality Productive Forces in the New Era // Theory and Commentary. 2025. № 5. Pp. 17–25.

10. He Peng. The Triad of Technology, Culture, and Development: Inheritance of Red Culture in the Context of the Development of New High-Quality Productive Forces // Beijing Science and Technology Newspaper. 2025. June 9. P. 6.

Онтологические основания реконфигурации науки в условиях постантропоцентризма

Татищев Александр Андреевич,
ассистент кафедры теории и истории культуры, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: ksandr.taiev@gmail.com

В статье представлены перспективы осмысления науки в свете постантропоцентрической онтологии. Рассматриваются теоретические подходы, предлагающие альтернативные модели понимания материи и жизни, включая виталистические версии нового материализма, акцентирующие процессуальность, реляционность, самоорганизацию и динамизм материи, а также агентный реализм, в рамках которого реальность понимается как результат материально-дискурсивных практик, формирующих границы между природой и культурой, человеком и не-человеком, наблюдателем и наблюдаемым. Научные практики интерпретируются как формы вмешательства в процессы материализации, что предполагает ответственность за производимые различия и исключения. Исследователь предстает как участник производства реальности, а любая методология – как форма этико-онтологического выбора, предполагающего ответственное участие в становлении мира. Делается вывод о том, что новые материализмы открывают продуктивные возможности для анализа научных практик и их социально-этических следствий, а также выступают как перспектива преодоления жестких дисциплинарных разграничений и интеграции различных научных подходов в рамках единой онтологической системы.

Ключевые слова: постантропоцентризм, новый материализм, агентный реализм, этика науки, трансдисциплинарность, дисциплинарная онтология

Постантропоцентрическая парадигма формируется на пересечении двух взаимосвязанных процессов – стремительного научно-технического развития и глубинного пересмотра оснований европейской мысли, включая гуманистическую модель субъекта и присущие ей структуры власти. Экологические вызовы, технологические трансформации и критика универсалистских оснований модерности задают необходимость выработки нового типа мышления и способа существования, в рамках которых человек перестает рассматриваться как абсолютная мера мира и единственный носитель агентности. В этой перспективе постгуманистическая оптика открывает возможность переосмысления отношений между людьми, нечеловеческими существами, технологиями и окружающей средой, подчеркивая реляционность, взаимозависимость и множественность форм жизни. Тем самым постантропоцентрическая парадигма задает особую конфигурацию взаимодействия гуманитарной, естественнонаучной и технической культур, смещая акцент с их противопоставления к различным формам кооперации и взаимного преобразования. При этом наряду с уже устоявшейся тенденцией анализа науки и техники с гуманитарных позиций – в рамках антропологических, социологических и культурологических исследований – все более отчетливо проявляются стратегии, ориентированные на сближение и интеграцию различных дисциплинарных онтологий.

Отвечая на проблему «противостояния» разных научных культур, П. Галисон выдвигает тезис о завершении эпохи «великого систематического теоретического дискурса» как универсального метанарратива и предлагает ориентироваться на так называемую «конкретную теорию» [18]. В предлагаемом подходе наука понимается не как последовательная смена глобальных парадигм, а как многослойный и локально обусловленный процесс. Она предстает не в виде единого непрерывно развивающегося теоретического корпуса, а как совокупность множества локальных «конкретных теорий», каждая из которых связана с определенными экспериментальными установками, техническими средствами, стилями мышления и даже языковыми практиками внутри научных сообществ. Связи между такими локальными образованиями осуществляются через «торговые зоны» – пространства взаимодействия, в которых различные научные субкультуры обмениваются идеями, методами и понятиями [17, p. 783]. Коммуникация в этих зонах строится на основе своеобразного «пиджин-языка» – частично общего и понятого обеими сторонами, но не сводимого к полноценному переводу между различными теоретическими системами. Подобные формы взаимодействия сравнимы с практиками обмена на рынках или в условиях межкультурных контактов, где участники вырабатывают рабочие способы понимания друг друга, не обладая при этом полной интерпретацией культуры.

Отказываясь от поиска универсальных законов развития науки, Галисон предлагает сосредоточиться на анализе того, как локальные теории соотносятся с конкретными экспериментальными ситуациями и адаптируются к ним. При этом «конкретность» понимается не как ограничение, а как условие продуктивности научного знания, обеспечивающее его практическую эффективность. Такая перспектива также подрывает жесткое разделение на теоретическое и экспериментальное знание, демонстрируя их постоянное переплетение и тем самым снимая оппозицию между гуманитарной и естественнонаучной культурами, границы между которыми оказываются подвижными и во многом условными.

Данный эпистемологический подход открывает возможность для разработки гуманитарной теории в тесном взаимодействии с естественными науками. Как отмечают отечественные исследователи, в современной науке наблюдается «естественнонаучный поворот», при котором гуманитарные дисциплины обращаются к техническим и естественнонаучным областям уже не на уровне отдельных иллюстраций или аналогий, а через систематическое заимствование их терминологического и концептуального аппарата, вплоть до переноса аргументационных стратегий [7, с. 100–101]. Эта тенденция сопровождается размыванием дисциплинарных границ и утверждением более широкой универсальности научных практик.

Исходной позицией для подобной теоретизации в условиях постантропоцентризма выступают установки неоматериализма или материа-реализма, сочетающие наследие постструктуралистского ан-

тигуманизма с отказом от классического противопоставления материализма и идеализма, что позволяет перейти к неэссенциалистскому пониманию жизни в рамках современного витализма. В этой связи Р. Брайдотти подчеркивает, что современное научное знание требует переосмысления самого понятия материализма, поскольку теперь мы имеем представление о материи как динамической, аффективной и самоорганизующейся реальности [4, с. 304].

Онтологической основой ее постгуманистического проекта, направленного на преодоление антропоцентризма, выступает концепция виталистического материализма, восходящая к философии Б. Спинозы. Согласно его представлениям, мир, материя и человек не мыслятся как дуальные сущности, организованные через противопоставление внутреннего и внешнего, что характерно для картезианской традиции разделения разума и тела. Напротив, материя понимается как единая, онтологически свободная и находящаяся в состоянии непрерывного самовыражения, что фиксируется в понятии «монизма» [11], выводящего различия за пределы жестких диалектических оппозиций.

Данная философская установка в настоящее время получает дополнительное обоснование благодаря достижениям современных научных исследований. Результаты в области молекулярной биологии [16], информатики [20], нейронаук и когнитивистики [15] свидетельствуют о присущей материи способности к самоорганизации, то есть формированию упорядоченных структур за счет внутренних взаимодействий без внешнего управляющего центра. Это позволяет мыслить материю как динамическую и процессуальную реальность, в которой порядок не задан изначально, а возникает в ходе становления. Более того, поскольку сами структуры и свойства элементов оказываются производными от их взаимосвязей и положения в системе, материя предстает как реляционная реальность – не как совокупность замкнутых субстанций, а как сеть отношений, в которой определенность каждого элемента задается через его включенность в динамику связей.

Соотнося данные современных исследований в области самоорганизации с установками монистической философии, постгуманизм трактует витальность как имманентное свойство самой материи, проявляющееся в ее способности к самоструктурированию и взаимодействию с различными уровнями среды – экологическим, социальным и психическим [19]. В этом контексте материя мыслится как пронизанная информационными кодами, которые циркулируют и трансформируются в сетях взаимодействий. Субъективность, в свою очередь, перестает пониматься как замкнутая внутренняя сущность и определяется как реляционное образование, возникающее из совокупного эффекта этих многоуровневых связей. Такое «расширенное я» не ограничивается человеческим видом, а включает в себя широкий спектр нечеловеческих и неантропоморфных элементов.

В условиях постантропоцентризма формируется «политика самой жизни» [21], в которой жизнь понимается как открытый, интерактивный и незавершенный процесс. Подобный виталистский подход к материи ведет к смещению границы между дискурсивно осмысленной жизнью *bios*, традиционно связанной с человеческой сферой, и более широкой областью *zoe* – животной и нечеловеческой жизнью, понимаемой как генеративная, динамичная и самоорганизующаяся витальность жизни в целом [4, с. 118]. Утверждение *zoe*-центричного эгалитаризма позволяет мыслить жизнь как трансверсальную силу, пересекающую и заново связывающую ранее разделенные виды, категории и сферы. Это, в свою очередь, становится одним из оснований постантропоцентрического поворота, который выступает одновременно как критический ответ на оппортунистическую трансвидовую коммодификацию жизни в условиях развитого капитализма и как реакция социальной и культурной теории на прогресс, сделанный развитием естественно-научного знания.

Таким образом, виталистический материализм построен на понимании того, что разделение материи и жизни невозможно, поскольку сама материя и разные формы материальных образований обладают жизненной силой. Под витальностью при этом понимается способность вещей действовать подобно квазиагентам как силам, обладающим собственными потенциями, склонностями, траекториями и тенденциями [2]. Образы неживой материи скрывают от человека широкий диапазон нечеловеческих сил, присущих как вне, так и внутри человеческого тела (бактерии, вирусы, грибки, жирные кислоты и др.). Однако при их обнаружении присущая им активность и сила нередко интерпретируются как производные человеческих действий, смыслов и состояний. В этом смысле виталистический материализм выступает не только как философский проект, но и как перспектива, требующая научного осмысления: он ориентирует на выявление форм материальной агентности и нечеловеческой «вещественной» активности в рамках современных исследовательских практик. Это предполагает смещение исследовательской оптики от представления о материи как пассивном объекте к ее пониманию как активной и самоорганизующейся среды, что также требует не только концептуального пересмотра научных подходов, но и большей чувствительности к материальным процессам.

В данной перспективе размываются жесткие границы между научными дисциплинами. Технические науки, традиционно работающие с «неживыми» системами, оказываются вовлеченными в проблематику жизненных процессов, самоорганизации и адаптивности, тем самым сближаясь с биологией и науками о сложных системах. В свою очередь, гуманитарные и социальные дисциплины получают возможность по-новому осмыслять технические и природные объекты, включая их в поле анализа как участников взаимодействий, обладающих определенной степенью агентности. Тем самым формируется трансдисциплинарное пространство, в котором различные области знания сходятся в работе в рамках единой онтологической системы – динамической, процессуальной и реляционной материи.

Ярким примером подобного подхода являются работы К. Барад, которая развивает концепцию агентного реализма для описания научно-технических и природно-культурных практик [13][14]. Барад обходит бинарность культурного и материального и сосредотачивается на процессах их взаимодействия, стремясь показать, как именно (ре) конструируются границы между ними. Исходной точкой ее этико-онто-эпистемологического проекта является преодоление последствий лингвистического поворота, в результате которого внимание к материальности часто смещается на ее смысловые и дискурсивные аспекты, а сама материя теряет свой собственный онтологический статус. Как отмечает Барад, повсеместное обыгрывание слова *matter* (одновременно «*материя*» и «*иметь значение*») указывает на ситуацию, при которой «фактические» вопросы о материи во многом подменяются вопросами значения: в центре научного анализа оказываются язык, дискурс и культура, тогда как материя как таковая оказывается маргинализована [1, с. 43]. Поскольку репрезентационализм (и связанные с ним конвенциональные формы реализма и социального конструктивизма), метафизический индивидуализм (вера в существование индивидуально конституированных сущностей, а также дискретного времени и пространства) и гуманистические допущения антропоцентрического мировоззрения по-прежнему определяют современное мышление, на смену языковой доминанте должно прийти перформативное понимание дискурсивных практик.

Для этого предлагается постгуманистический перформативный подход, развиваемый в рамках нового материализма, который учитывает динамизм материи, понимаемый как непрерывный процесс материализации. В данной перспективе формируется поле трансверсального взаимодействия естественнонаучного знания (квантовой и теоретической физики, космологии) и критической теории (постструктуралистских и постмодернистских подходов). В философском дискурсе новый материализм складывается как реакция на радикальный репрезентационализм и конструктивизм позднего постмодерна, в рамках которого деконструкция оппозиции природы и культуры сопровождалась смещением исследовательского внимания к культурным и дискурсивным аспектам, что привело к частичному вытеснению материальности и риску воспроизводства внутреннего дуализма. Это проявилось, в частности, в развитии генеалогических подходов, ориентированных на выявление конструктивистских оснований любых естественных предпосылок [12, с. 281–282]. Характерной чертой нового материализма является также постоянная рефлексия относительно условий современности, в которых разворачиваются данные теоретические сдвиги. К ним относятся повсеместное проникновение технонауки в различные сферы человеческой жизни и природные среды, возрастающая сложность социотехнических инфраструктур, частичная неконтролируемость антропогенных процессов планетарного масштаба, трансформация способов человеческого существования в горизонте «постчеловеческого», а также обострение экологических проблем, включая вымирание видов и истощение ресурсов планеты [8, с. 148].

Перформативный подход опирается на заимствованный из физической оптики дифракционный метод, используемый как аналитическая модель: по аналогии с дифракционной картиной, фиксирующей интерференцию волн, он позволяет мыслить отношения природного и культурного как отношения внеположности изнутри. Такая перспектива делает возможным рассмотрение научной деятельности как процесса задействования границ, которые не просто фиксируют различия, но каждый раз производят их, неизбежно сопрягаясь с конститутивными исключениями и, следовательно, с вопросами ответственности. Данный перформативный подход обладает выраженной постгуманистической направленностью, поскольку оспаривает исключительный статус человека как меры всех вещей и предполагает принятие ответственности за его дифференциальное конституирование и позиционирование среди живых и неживых форм существования. Отказываясь

от представления о культуре как единственном источнике изменений и преодолевая дихотомию культуры и природы, данный подход предлагает анализировать процессы, в которых границы между этими областями конфигурируются и реконфигурируются с учетом агентности и историчности самой природы.

Агентный реализм опирается на философское переосмысление физики Н. Бора, который показал, что объекты не обладают независимыми свойствами вне измерительного аппарата [3]. Эти наблюдения позволяют отказаться от атомистической метафизики, согласно которой «вещи» рассматриваются как онтологически фундаментальные сущности. Вещи не имеют фиксированных границ или свойств, так же как слова не обладают заранее заданными значениями. Таким образом, работы Бора бросают радикальный вызов не только ньютоновской физике, но и картезианской эпистемологии, включая веру в сущностное различие между субъектом и объектом, познающим и познаваемым.

К. Барад делает вывод, что мир не разделен естественным образом на социальную и научную сферы, формирующиеся независимо друг от друга. Не существует отдельного набора материальных практик, производящих науку, и другого набора, производящего социальные отношения, так что одного типа материи «внутри» и другого «снаружи» также невозможно обнаружить. Наоборот, социальное и научное со-конституируются и производятся совместно, но не раз и навсегда. Эти процессы представляют собой непрерывные, незамкнутые и взаимопереплетенные материальные практики. Основная же задача состоит в том, чтобы понять, какие конкретные материальные практики имеют значение и каким образом они его приобретают [1, с. 86–87].

В агентном реализме базовой онтологической единицей выступает феномен – онтологически первичные отношения, главным свойством которых является неразделимость объекта и измерительных агентностей. Ключевым концептуальным сдвигом является понятие интраакции – такой формы взаимодействия, посредством которой границы и свойства компонентов феномена получают определенность, а понятия обретают значимость. Интраакции приводят к возникновению агентного разрыва, разрешающего изнутри феномена онтологическую и семантическую неопределенность, конституируя субъекта и объекта и задавая каузальные связи. Феномены не являются результатом деятельности человека, а представляют собой эффекты сложных интраакций множества материально-дискурсивных практик, описываемых через понятие аппарата. Аппарат понимается как совокупность практик разграничения и конфигурации мира, задающих условия возможности материальности и значимости и производящих различия между природой и культурой, человеком и не-человеком, наблюдателем и наблюдаемым.

Данный подход позволяет рассматривать онтологию, эпистемологию и этику как взаимосвязанное поле постановки вопросов о значимости. Любой акт познания одновременно выступает актом вмешательства, поскольку участвует в производстве различий и, следовательно, в формировании мира. Это означает, что познание изначально сопряжено с этической ответственностью – не как внешним дополнением к научной практике, а как ее внутренним измерением. Этика относится к материальным запутанностям и к тому, каким образом конкретные интраакции придают значимость одним конфигурациям, исключая другие. Особое значение приобретает анализ того, как в этих процессах со-конституируются границы между человеческим и нечеловеческим, включая ситуации, в которых человек как автономный центр действия отсутствует.

Различные агентные разрывы приводят к материализации феноменов и тем самым определяют не только содержание знания, но и условия его объективности. Объективность в данном контексте означает принятие ответственности за материальные следствия научных практик, за то, какие формы материализации получают устойчивость и значение. Такая ответственность не может быть сведена к индивидуальному выбору субъекта, поскольку исследователь изначально включен в более широкие материальные конфигурации и сам становится частью тех практик, которые инициируют и стабилизируют агентные разрывы. Эти разрывы не являются результатом произвольного действия, но возникают в совместной динамике множества факторов, среди которых человеческое участие занимает лишь одну из позиций.

Отсюда вытекает обновленная научная этика, в которой ответственность не мыслится как отношение к внешнему другому, существующему вне поля взаимодействия. Напротив, этическое измерение основывается на признании взаимной со-конституированности всех участников интраакции: различие между «нами» и «ими» формируется внутри тех же процессов, которые их связывают. Интраакции одновременно соединяют и разграничивают, производя границы, которые не заданы заранее и не являются окончательными. Такая перспектива требует внимательности к материальным процессам, в которых научные практики не просто фиксируют, но активно участвуют. Ответственность, таким образом, включает в себя ответственность за сами способы взаимодействия, посредством которых одни явления обретают значимость, а другие оказываются исключенными. В этом смысле исследователь предстает не как нейтральный наблюдатель, а как участник производства феномена, а любая методология – как форма этико-онтологического выбора. Научное исследование, следовательно, выступает как практика ответственного участия в становлении мира.

Описанная методология агентного реализма имеет также важные следствия для осмысления современных информационно-технических систем. Как подчеркивает А.Д. Митрофанова, философия техники в русле нового материализма позволяет рассматривать техническое посредничество как вход в небинарную онтологию, обнаруживающийся на фоне ограниченности эпистемологических, психоаналитических и лингвистических моделей, колеблющихся между биологизаторскими и трансценденталистскими интерпретациями «технического» [6, с. 33]. Если для середины XX века было характерно доминирование языковых и идеологических опосредований, то современная реальность все более структурируется цифровыми технологиями, сетевыми протоколами и интернет-объектами. Эти формы опосредования не просто дополняют социальную реальность, но трансформируют ее, формируя новые модели поведения и вовлекая субъекта в режим постоянной включенности. Отсюда следует, что современный онтологический горизонт может быть схвачен лишь через гибридные формы технического посредничества, соотносимые с логикой постгуманистических и неоматериалистических подходов.

Проявление того, что информационные системы выступают активными участниками процессов реконфигурации реальности, обнаруживается в функционировании цифровых платформ, сервисов и приложений [5][10], которые не только опосредуют, но и трансформируют социальные практики, снижая сложность традиционных институтов и одновременно расширяя доступ к ним. В результате формируются новые формы повседневного взаимодействия, а также возникают сообщества, в рамках которых часто переплетаются макро- и микрополитические уровни. Это, в свою очередь, ведет не только к трансформации институциональных структур, но и к появлению новых эстетических, телесных и перформативных практик, изменяющих способы понимания реальности и ее границ и формирующих новые конфигурации материальности, опыта и мышления [6, с. 33].

Используемые в программных средах алгоритмы могут рассматриваться как один из наиболее наглядных примеров аппаратов в агентно-реалистском смысле – как материально-дискурсивные практики, которые не столько отражают существующую реальность, сколько участвуют в ее порождении. Такой аппарат задает границы возможного опыта, структурирует каналы восприятия и определяет способы взаимодействия с окружающим миром. Так, например, В.О. Саяпин предлагает рассматривать код алгоритмов – маркетинговые дискурсы, политические нарративы и пользовательские практики – как взаимосвязанный комплекс, в рамках которого производятся конкретные онтологические разрывы, определяющие, что именно становится видимым, значимым и доступным для познания [9, с. 41]. В этом контексте аппарат может быть понят как специфический агент смыслообразования, тогда как пользовательская субъективность не просто выражается, но формируется и индивидуируется в процессе непрерывной интраакции с алгоритмической средой. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется применение агентно-реалистского подхода к анализу современных технологических систем, включая искусственные нейронные сети, биотехнологии и платформенные инфраструктуры. Именно в этих областях вопросы агентности, ответственности и разграничения человеческого и не-человеческого приобретают особую остроту и требуют процессуального и реляционного осмысления [9, с. 42].

Таким образом, постантропоцентрическая перспектива, реализуемая в рамках нового материализма и смежных онтологических проектов, предлагает собственное понимание материи как процессуальной, реляционной и динамически разворачивающейся. Это понимание становится основанием для формирования новых научных стратегий, в которых преодолеваются жесткие дисциплинарные разграничения и возникает тенденция к интеграции различных научных подходов в рамках единого проблемного поля. В этих условиях наука все в большей степени предстает не как совокупность изолированных исследовательских практик, а как единая зона рассмотрения вопросов материи в ее онтологических, эпистемологических и этических измерениях. Подобная интеграция проявляется в стремлении к совместному осмыслению процессов становления, взаимосвязанности и открытости, что позволяет сближать естественнонаучные, гуманитарные и технологические исследования. В этом отношении постантропоцентриче-

ская онтология оказывается созвучной более широким тенденциям постнеклассической научной рациональности, ориентированной на исследование сложных, самоорганизующихся систем, однако выходит за ее пределы, отказываясь от приоритета «человекоразмерности» как центрального принципа организации знания. Таким образом, новый материализм открывает перспективы для переосмысления науки как формы вовлеченного и ответственного участия в процессах становления мира, в рамках которых различные научные культуры не противопоставляются друг другу, а объединяются вокруг анализа материальных процессов и их социально-этических следствий.

Литература

1. Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость // Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология / ред. М. Крамар, К. Саркисов. – М.: V-A-C press, 2018. – С. 42–121.
2. Беннет Д. Пульсирующая материя: политическая экология вещей / пер. с англ. А. Саркисьянца. – Пермь: Гиле Пресс, 2018–220 с.
3. Бор Н. Избранные научные труды в двух томах. Том 2. Статьи 1925–1961 / под ред. И.Е. Тамма, В.А. Фока, Б.Г. Кузнецова. – М.: Наука, 1971. – 678 с.
4. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д.Я. Хамис. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. – 408 с.
5. Лясковская Е.М. Инструменты конструирования политической реальности в цифровом обществе // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14, № 5. – С. 104–114.
6. Митрофанова А. Д. «Киборганическая утопия» и онтология нового материализма // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2018. – Т. 3, № 3. – С. 18–36.
7. Парамонов А.А. Агентный реализм Карен Барад и концептуализм Нильса Бора // Философский журнал. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 100–112.
8. Писарев А.А. Сети, Плоскости, Материя: об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 1(51). – С. 144–157.
9. Саяпин В.О. От процессуальной онтологии Симондона к инструментарию интраактивности Барад: метафизика индивидуации и ее практическое применение // Философская мысль. – 2025. – № 9. – С. 24–47.
10. Сорокин П.С. Развитие цифровых технологий и проблема агентности: к новой теоретической оптике // Социологические исследования. – 2025. – № 8. – С. 14–25.
11. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Избранные произведения: в 2 т. – М.: Мысль, 1957. – Т. 1. – С. 359–618.
12. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.
13. Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. – Durham: Duke University Press, 2007. – 525 p.
14. Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // Journal of Women in Culture and Society. – 2003. – Vol. 28(3). – P. 801–831.
15. Dresp-Langley B. Seven Properties of Self-Organization in The Human Brain // Big Data and Cognitive Computing. – 2020. – Vol. 4(2). – URL: https://www.mdpi.com/2504–2289/4/2/10
16. Froese T. From Autopoiesis to Self-optimization: Toward an Enactive Model of Biological Regulation / T. Froese, N. Weber, I. Shpurov, T. Ikegami // Biosystems. – 2023. – Vol. 230. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030326472300134X
17. Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. – Chicago: The University of Chicago Press, 1997. – 982 p.
18. Galison P. Specific Theory // Critical Inquiry. – 2004. – Vol. 30(2). – P. 379–383.
19. Guattari F. The Three Ecologies / transl. by I. Pindar, P. Sutton. – London: Athlone Press, 2000. – 174 p.
20. Maltseva S. Self-Organization in Network Sociotechnical Systems / S. Maltseva, V. Kornilov, V. Barakhnin, A. Gorbunov // Complexity. – Vol. 2022. – 24 p. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1155/2022/5714395
21. Rose N. The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power and Subjectivity in the Twentieth-first Century. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. – 350 p.

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE RECONFIGURATION OF SCIENCE IN THE CONTEXT OF POST-ANTHROPOCENTRISM

Tatishchev A.A.
Herzen State Pedagogical University of Russia

The article presents perspectives for understanding science in light of post-anthropocentric ontology. It examines theoretical approaches that propose alternative models of matter and life, including vitalist versions of new materialism, which emphasize processuality, relationality, self-organization, and the dynamism of matter, as well as agential realism, within which reality is understood as the result of material-discursive practices that constitute boundaries between nature and culture, human and non-human, observer and observed. Scientific practices are interpreted as forms of intervention in processes of materialization, which entails responsibility for the differences and exclusions they produce. The researcher is thus understood as a participant in the production of reality, while any methodology is treated as a form of ethico-ontological choice that implies responsible participation in the becoming of the world. It is concluded that new materialisms open up productive possibilities for the analysis of scientific practices and their socio-ethical implications, and also offer a perspective for overcoming rigid disciplinary boundaries and integrating diverse scientific approaches within a unified ontological framework.

Keywords: post-anthropocentrism, new materialism, agential realism, ethics of science, transdisciplinarity, disciplinary ontology

References

1. Barad K. How Material-Discursive Practices Gain Significance // Experiences of Inhuman Hospitality. Anthology / ed. by M. Kramar, K. Sarkisov. – M.: V-A-C press, 2018. – P. 42–121.
2. Bennett J. Vibrant Matter: A Political Ecology of Things / transl. from English by A. Sarkisiants. – Perm: Hyle press, 2018–220 p.
3. Bohr N. Selected Scientific Papers in Two Volumes. Volume 2. Articles 1925–1961 / ed. by I.E. Tamm, V.A. Fok, B.G. Kuznecov. – M.: Nauka, 1971. – 678 p.
4. Braidotti R. Posthuman / transl. from English by D.Y. Hamis. – M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2021. – 408 p.
5. Lyaskovskaya E.M. Tools for Constructing Political Reality in A Digital Society // Humanities of The South of Russia. – 2025. – Vol. 14, № 5. – P. 104–114.
6. Mitrofanova A.D. Cyborganic Utopias and Ontology of New Materialism // Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies. – 2018. – Vol. 3, № 3. – P. 18–36.
7. Paramonov A. A Karen Barad's Agential Realism and Niels Bohr's Conceptualism // Philosophy Journal. – 2022. – Vol. 15, № 3. – P. 100–112.
8. Pisarev A. A Networks, Planes, Matter: On the Use of Flat Social Ontologies // Vestnik Tver State University. Series: Philosophy. – 2020. – № 1(51). – P. 144–157.
9. Sayapin V.O. From Simondon's Procedural Ontology to Barad's Toolkit of Intra-Action: The Metaphysics of Individuation and Its Practical Application // Philosophical Thought. – 2025. – № 9. – P. 24–47.
10. Sorokin P.S. Development of Digital Technologies and The Agency Issue: Towards A New Theoretical // Sotsiologicheskie Issledovaniya. – 2025. – № 8. – P. 14–25.
11. Spinoza B. Ethics, Demonstrated in Geometrical Order // Selected Works: in 2 Volumes. – M.: Mysl', 1957. – Vol. 1. – P. 359–618.
12. Ferrando F. Philosophical Posthumanism / transl. from English by D. Kralechkin; ed. by A. Pavlov. – M.: VShE, 2022. – 360 p.
13. Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. – Durham: Duke University Press, 2007. – 525 p.
14. Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // Journal of Women in Culture and Society. – 2003. – Vol. 28(3). – P. 801–831.
15. Dresp-Langley B. Seven Properties of Self-Organization in The Human Brain // Big Data and Cognitive Computing. – 2020. – Vol. 4(2). – URL: https://www.mdpi.com/2504–2289/4/2/10
16. Froese T. From Autopoiesis to Self-optimization: Toward an Enactive Model of Biological Regulation / T. Froese, N. Weber, I. Shpurov, T. Ikegami // Biosystems. – 2023. – Vol. 230. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030326472300134X
17. Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. – Chicago: The University of Chicago Press, 1997. – 982 p.
18. Galison P. Specific Theory // Critical Inquiry. – 2004. – Vol. 30(2). – P. 379–383.
19. Guattari F. The Three Ecologies / transl. by I. Pindar, P. Sutton. – London: Athlone Press, 2000. – 174 p.
20. Maltseva S. Self-Organization in Network Sociotechnical Systems / S. Maltseva, V. Kornilov, V. Barakhnin, A. Gorbunov // Complexity. – Vol. 2022. – 24 p. – URL.: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1155/2022/5714395
21. Rose N. The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power and Subjectivity in the Twentieth-first Century. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. – 350 p.

Кризис многосторонности и перспективы ООН в XXI веке: от институционального паралича (кризиса) к поиску новой парадигмы глобального управления

Таушканова Кристина Данииловна,
4 курс Института иностранных языков РУДН имени Патриса Лумумбы
E-mail: taushkanovak@yandex.ru

Семенов Иван Александрович,
4 курс Института иностранных языков РУДН имени Патриса Лумумб
E-mail: ivansemenov.04@mail.ru

Сизова Юлия Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: sizova-yus@rudn.ru

В рамках исследуемой статьи автором рассматривается роль и значение ООН с позиции гаранта классического традиционного порядка и ее существенный вклад в развитие юридических основ и международного порядка. Особое внимание нами уделено необходимости проведения широких реформ с целью улучшения координационной деятельности и адаптации к новым проблемным аспектам. Исследуются перспективы адаптации внутренней структуры ООН к новым вызовам и проблемам. Отмечается, что необходимо устранение управленческой неэффективности, противодействие коррупции, принятие новых подходов по причине изменений в глобальной политической деятельности.

Ключевые слова: реформирование ООН, кризис, вызовы XXI века, международные отношения, многосторонность, геополитическое противоборство, институциональная многосторонность, легитимность принимаемых решений.

В мире наблюдается большое количество политико-экономических и военных процессов, которые заставляют представителей научного сообщества задуматься над необходимостью трансформации ООН в XXI веке. К их числу относятся широкие миграционные волны, неразрешенные военные кризисы на территории Европы, Ближнего Востока, Африки, технологические риски, вопросы развития климата и так далее. В связи с этим, указанные проблемные аспекты требуют принятия эффективных мер.

При рассмотрении исторической ретроспективы создания ООН, необходимо отметить, что организация была создана по завершении Второй мировой войны для укрепления сотрудничества между государствами на международном уровне. Вместе с тем в настоящее время имеются негативные последствия деятельности ООН в мире из-за потери актуальности многих механизмов и институтов организации, поскольку некоторые из них отражают политическую архитектуру мира в момент создания ООН в 1945 году. Даже Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в публичных заявлениях подчеркивал, что внутренние политические механизмы ООН соответствуют мировой политической ситуации 1945 года, что делает очевидным необходимость проведения глубоких и последовательных реформ [6]. Высказанный тезис обусловлен тем, что организация активно функционирует более 80 лет, но ее действительная возможность оказывать позитивное влияние на военные конфликты в мире вызывает большое вопросы.

В научной и практической плоскости работа ООН достаточно аргументировано получила определение «паралич многосторонности». Известный исследователь И.В. Знаменский отмечал, что организация очень часто является «парализованной» объективными политическими реалиями, что признается многими авторами и действующими политиками. Пан Ги Мун говорил, что активно развивающийся кризис многосторонности, а также охлаждение отношений между наиболее развитыми европейскими державами запустили кризис организации [4]. Конечно, из-за существенного сокращения финансирования деятельности ООН со стороны США еще больше обострились внутренние проблемы организации.

В отсутствии реформ архитектура деятельности ООН уйдет в более глубокий кризис, и организация попросту рискует потерять международный авторитет площадки, направленной на разрешение геополитических конфликтов. Многие государства объединяются и создают платформы на региональном и блоковом уровнях.

Мы согласны с мнением А.В. Борисова, который указывал, что для предотвращения кризиса ООН необходимо провести широкие реформы внутренней системы, направленные на следующие аспекты:
– во-первых, ограничить механизмов права вето;
– во-вторых, расширить субъективный состав участников Совета Безопасности ООН, включив, существенно набравшие влияние, новые регионы;
– в-третьих, увеличить уровень прозрачности утверждения и использования бюджета;
– в-четвертых, сократить объем дублирующихся агентств;
– в-пятых, разработать всесторонние механизмы контроля за развивающимися системами искусственного интеллекта;
– в-шестых, расширить миротворческие миссии, то есть адаптировать мандаты к ассиметричным конфликтам и гибридным войнам [2].

На уровне Генеральной Ассамблеи ООН активно работает недавно принятый документ, который дает возможность сделать глобальные институты более эффективными и представительные, так как исследуемая система испытывает высокую и беспрецедентную нагрузку [3]. Многие исследователи отмечают, что аппарат ООН требует осуществления обновления программного обеспечения. Премьер-министр Индии правильно называл реформу Совета Безопасности ООН императивом современной политики, так как в противном случае организация потеряет легитимность, станет неэффективной, не будет отражать современные реалии. Указанный политический деятель обращал внимание на необходимость подхода к реформам многосторонне и системно, учитывая новые угрозы.

Высокого внимания заслуживают имеющие проблемы внутри ООН, которые не разрешаются, а с течением времени просто усиливаются:
– коррупционные проявления;

– непотизм;
– прозападная направленность организации [5].

При рассмотрении исторического развития и перспектив необходимо отметить, что создание эффективных организаций на международном уровне происходило после разрешения широких кризисных проявлений в международной политике (Лига Наций, Венская система, ООН). Следовательно, при больших геополитических критических проблемных аспектах в международной политике необходимость создания действенной системы имеет решающее значение для сохранения мира, а при их отсутствии, как в настоящее время, они имеют «половинчатый» характер. Как следствие формируется «вакуум управления».

Мы видим нарастающий кризис легитимности международных институтов, при котором возникает логичный вопрос о наличии новых центров политической силы, способных создать классическую универсальную управленческую модель. В последнее время все чаще говорят о БРИКС, которая может стать альтернативой для устаревшей архитектуры ООН и «Большой семерки» [1]. Конечно, такая позиция достаточно аргументированно подвергается критике в научных исследованиях. К.А. Рыбальченко указывал, что БРИКС – это диалоговая площадка с ограниченной институционализацией, в которой не имеется всей полноты нормативной основы и механизмов принуждения для исполнения решений [7]. Автор правильно указывал, что в настоящее время БРИКС – это не «буква закона», а выражение «духа» времени. По данной причине она не имеет качественной и фундаментальной основы для разрешения конфликтных проявлений.

Внутри БРИКС имеются неразрешенные политические противоречия между участниками. В качестве примера назовем спорные проявления между Китаем и Индией, которые развиваются из-за проблем на территории Гималаев. Прилучается, что всеобъемлющее развитие БРИКС разбивается о наличии двусторонних конфликтов между ее членами. Организация активно и поступательно действует на основании принципа «Вместе против Запада», но в позитивной политической повестке развития непонятно как будут разрешены противоречия между отдельными ее членами.

Дефицит наднациональных компетенций. Отсутствие наднациональных механизмов и наличие острых двусторонних противоречий (например, индокитайских) объективно ограничивают потенциал БРИКС как субъекта глобального управления. БРИКС является отражением запроса сильных государств на стремление к многополярности, но самостоятельно организация не может предложить качественную модель управления. Следовательно, пока на внутреннем уровне БРИКС не имеется унификации решений проблемных аспектов говорить о замене ООН, конечно, преждевременно.

Да, действительно, можно констатировать, что старая система ООН переживает кризис легитимности и имеет большое количество внутренних проблем, а новая организация БРИКС не может по-новому раскрыть свой внутренний потенциал. Следовательно, в настоящее время мир находится в кризисе глобального управления. В настоящее время имеется закономерность, что фундаментальные организации рождаются из кризиса широких геополитически конфликтов.

Таким образом, можно констатировать, что ООН переживает глубокий системный кризис и сталкивается с многочисленными внутренними проблемами, а новое объединение – БРИКС – не может раскрыть свой заложенный потенциал. Следовательно, прямо сейчас мир находится в кризисе глобального управления. Исторический опыт показывает, что крупные международные организации, способные решать глобальные вопросы, возникают как результат масштабных конфликтов и международных противоречий – будь то Первая и Вторая мировые войны или Наполеоновские войны.

Мировая политика оказалась в ситуации, когда старые институты уже не способны отвечать на запросы времени, а новые еще не сформированы. Историческое развитие также демонстрирует, что человечество, к сожалению, не предотвращает политические конфликты, а лишь реагирует на их негативные последствия. Вероятно, контуры новой модели глобального управления сложатся не столько в результате эволюции существующих институтов (ООН) или создания параллельных структур (БРИКС), сколько под влиянием экзистенциального кризиса, способного преодолеть инерцию национальных суверенитетов. Опыт человечества свидетельствует: именно такие потрясения служили катализатором для формирования устойчивых международных отношений и политических систем.

Литература

1. Абашидзе А.Х. БРИКС: международно-правовое измерение // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2024. № 6.
2. Борисов А.В. Гуманитарная система ООН: кризис, возможности и позиция России // Мировая политика. 2023. № 1.
3. В поиске сбалансированного сценария: какое будущее ждет ООН, ЕС и НАТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/social/63da782e9a7947ff0a4b749a?from=copy (дата обращения: 21.03.2026).
4. Знаменский И.В. Институциональные и политические проблемы реформирования ООН // Молодой ученый. 2023. № 14.
5. Насыров И.И., Аминов И.Р. Проблемы функционирования и вызовы для Совета Безопасности ООН в 2022 году // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5.
6. ООН не начислили: о финансовом кризисе во Всемирной организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/oon-ne-nachislili-boguslavskij/ (дата обращения: 20.03.2026).
7. Рыбальченко К.А., Тен К.И. Кризис глобального управления ООН: проблемы функционирования и возможные противоречия при проведении реформ // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 5.

THE CRISIS OF MULTILATERALISM AND THE PROSPECTS OF THE UNITED NATIONS IN THE 21ST CENTURY: FROM INSTITUTIONAL PARALYSIS (CRISIS) TO THE SEARCH FOR A NEW PARADIGM OF GLOBAL GOVERNANCE

Taushkanova K.D., Semenov I.A., Sizova Yu.S.
RUDN University

In this article, the author examines the role and significance of the United Nations as a guarantor of the classical traditional order and its significant contribution to the development of legal foundations and the international order. We pay special attention to the need for extensive reforms to improve coordination and adapt to new challenges. The article explores the prospects for adapting the UN's internal structure to new challenges and issues. It emphasizes the need to address management inefficiencies, combat corruption, and adopt new approaches due to changes in global political activities.

Keywords: UN reform, crisis, challenges of the 21st century, international relations, multilateralism, geopolitical confrontation, institutional multilateralism, and the legitimacy of decisions.

References

1. Abashidze A.Kh. BRICS: International Legal Dimension // Scientific and Analytical Journal Observer – Observer. 2024. № 6.
2. Borisov A.V. The UN Humanitarian System: Crisis, Opportunities, and Russia's Position // World Politics. 2023. № 1.
3. In Search of a Balanced Scenario: What Future Awaits the UN, EU, and NATO [Electronic resource]. – Access mode: https://trends.rbc.ru/trends/social/63da782e9a7947ff0a4b749a?from=copy (date accessed: 21.03.2026).
4. Znamensky I.V. Institutional and Political Problems of UN Reforming // Young Scientist. 2023. № 14.
5. Nasyrov I.I., Aminov I.R. Problems of Functioning and Challenges for the UN Security Council in 2022 // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 5.
6. The UN was not credited: on the financial crisis in the World Organization [Electronic resource]. – Access mode: https://globalaffairs.ru/articles/oon-ne-nachislili-boguslavskij/ (date of access: 20.03.2026).
7. Rybalchenko K.A., Ten K.I. The crisis of UN global governance: problems of functioning and possible contradictions during reforms // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 5.

Нормативное противостояние и региональный порядок в Западной Африке ЭКОВАС, (Экономическое сообщество западноафриканских государств) Альянс государств Сахеля (АГС) и борьба за управление в сфере безопасности

Умар Мохаммед Белло,
аспирант Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы (РУДН)

Почему одни нормы легко принимаются, а другие, скорее всего, отвергаются, и почему даже принятые нормы отбрасываются на этапе внедрения? Теоретически, эта загадка связана с пониманием формирования социальных идентичностей. Пробел в исследованиях становится все более важным, особенно в регионе Западной Африки, где череда государственных переворотов выявила устойчивую эрозию демократических норм, которая часто остается незамеченной.

Ключевые слова: нормы, Сахель, ЭКОВАС, АГС.

Aim

The aim is to discuss why specific sovereignty-limiting norms, such as collective security, are accepted and also implemented with the full cooperation of member states while others, such as democracy and good governance, although accepted, are abandoned during implementation. The central puzzle is why a region once celebrated for norm enforcement has fragmented into rival security orders.

Argument preview shows that the crisis reflects *norm contestation* between two competing visions of legitimacy and security governance.

Introduction

The concept contestation of norms entails two components, norms and contestation. Norms are soft institutions ranging from fundamental principles at the macro scale, and organising principles at the meso-scale, to specific standards at the micro scale of a given order. Norms have a dual quality insofar as they are socially constructed as well as structuring. In turn, contestation is defined as a practice that can either indicate objection to something, for example the implementation of a norm as 'contested compliance' or breaches of a norm as 'contested norm violation'. In these cases, we speak of reactive contestation. In turn and less frequently, contestation may also include critical engagement with a norm (a rule, a principle, or an order) in order to clarify distinct meanings or agree on the means (instruments, mechanism, policies) that are required to implement the norm. In this case, we speak of proactive contestation.

Norm contestation is the practice that brings out the tension between socially constituted soft institutions (norms) on the one hand, and formally stipulated hard institutions (law, political organisations) on the other. Unlike 'hard' institutions which are constitutionally set to represent the internal boundaries of formal political space, soft institutions emerge through social interactions that often criss-cross these boundaries. As such, norms reveal the socio-cultural grid that underlies formal political order. This grid is part of the larger malleable 'structure of meaning-in-use' whereas the political order that sets the rules of engagement represents the 'normative opportunity structure'. While the socio-cultural grid remains largely 'invisible' to modern regulatory institutions of (global) political order, this order's legitimacy is closely related to the grid. The dynamics of re-enacting the structure of meaning-in-use constitute the cultural background of political order. As social constructions, norms are continuously re- enacted, and through that practice, the normative structure of meaning-in-use changes constantly. Notably, the change generated through this socio-cultural dynamic occurs in relation with political order. However, it does not necessarily develop in tune with that order.

Norm contestation in West Africa is shaping a distinct regional order characterized by a shift away from strictly liberal international norms toward a «stabilisation» paradigm that prioritizes sovereignty, territorial integrity, and localized conflict management. This process involves ongoing tension between the Economic Community of West African States (ECOWAS) and its member states, particularly regarding democratic governance and security, leading to a «differentiated» or fragmented regional order.

Key Aspects of Norm Contestation and Regional Order

• **Sovereignty vs. Intervention:** A primary tension exists between the international norm of protecting human rights/democracy and the African commitment to state sovereignty. ECOWAS often grapples with this when managing political crises and coups, attempting to balance intervention with non-interference.

The regional reactions to political crises in Burkina Faso (2014/15) and The Gambia (2016/17) both fall under this category of intervention and are thus part of a much broader universe of African intervention practice. However, both the instruments as well as the social contexts of intervention differ in important ways. In Burkina Faso, AU and ECOWAS used mediation to enforce the re-establishment of constitutional order, whereas in The Gambia, diplomatic means were accompanied by the threat of and eventually the deployment of a military force.

• **The «Stabilisation» Shift:** Post-9/11, the approach to regional order has shifted from liberal interventionism to «stabilisation,» with a re-prioritization of sovereigntist agendas. This has increased collaboration between the African Union (AU) and ECOWAS, focusing on a division of labour in conflict management.
• **Regional Security vs. Democracy:** There is a notable divergence in norm acceptance, where regional security and stability are often prioritized over democratic and good governance norms.
• **«African Solutions to African Challenges»:** This core principle drives the regional order, emphasizing local agency, though often contested in practice during interventions.

Regional Dynamics and Challenges

• **Differentiated Disintegration:** The withdrawal of Mali, Burkina Faso, and Niger from ECOWAS (Sahel-exit) has created a significant rift, challenging regional cohesion and forcing a rethink of governance frameworks.
• **Norm Revalidation:** Regional norms are not fixed but subject to continuous revalidation, where member states often use, adapt, or ignore them based on their interests.
• **The Role of Civil Society:** Civil society groups are increasingly acting as defenders of regional norms, particularly regarding free movement, in the face of restrictive state actions, according to 2020 reports.
• **Weak Implementation:** Despite strong rhetoric regarding democracy and human rights, practical implementation is often weak due to political instability, economic disparities, and external interference.

How African regional interventions are perceived locally

Using the case study of Burkina Faso and The Gambia – and with this provide evidence to nuance both assumptions hitherto prevalent in the literature. In both countries, AU and ECOWAS intervened in response to political crises in order to re-establish constitutional order and to defend African regional political norms, which is the most dominant form of African intervention practice today. While the regional intervention in Burkina Faso was based on mediation, negotiations, and the application of targeted sanctions, the one in The Gambia also included a military component, the ECOWAS Mission in The Gambia (ECOMOG), which continued to be deployed even after the initial crisis was resolved. ECOMOG evolved into a permanent military structure for ECOWAS to intervene in internal armed conflicts within member states.

While perceptions have become an important subject for both scholarly analysis and policy practice, it is less often clear what perceptions actually are and why they matter for a particular issue at hand. In this article, we use the term *perceptions* to denote individuals' understanding and interpretation of concrete experiences. Perceptions are therefore by definition subjective, for they are shaped by individual experiences in concrete social contexts. If interveners are seen as external occupation, as pursuing hidden agendas, only following their own interests, or as not fulfilling their mandate, cooperation with them is likely to be low and trust in the intervening actors can be permanently damaged. Such a situation might increase societal conflict in the countries concerned and can, in turn, lead to withdrawal from or outright resistance to the intervention. People's perceptions are therefore 'an essential building block to peace'

Impact on Regional Order

The contestation of norms in West Africa is leading to a more «multi-layered» regional order where international, continental, and sub-regional actors (ECOWAS) intersect, resulting in a unique, albeit often inconsistent, approach to peace and security. Based on interview and focus group research, we present firsthand and systematically generated empirical data on local perceptions of AU and ECOWAS interventions in two African states: Burkina Faso (2014/15) and The Gambia (2016/17). Contrary to the assumption in the literature, we demonstrate that the African Union (AU) and ECOWAS interventions are locally more contested than often assumed, while the local perceptions are at the same time multiplex. In both countries, there are marked differences between elite perceptions on the one hand and those of 'everyday citizens' on the other, which reflects variegated experiences with and exposures to the regional interventions resulting from different social, political, and spatial positionalities.

Conclusion. In conclusion, a future outlook on the ideological conflict between ECOWAS and the AES signals the potential Balkanisation of West Africa nations. The coexistence of these parallel organizations may potentially creates fragmented collective responses to terrorism, undermining the cohesive security governance aimed for by ECOWAS. The path forward will definitely require a reconciliation of the liberal democracy norms of ECOWAS and the sovereignty-focused approaches of the AES to prevent serious severe regional fragmentation.

Литература

1. Ачарья, Амитав (2017): После либеральной гегемонии: наступление многоуровневого мирового порядка. В: Этика и международные отношения 31:3, 271–285.
2. Ачарья, А. и Джонстон, А.И. (2007) «Сравнение региональных институтов: введение», в книге «Создание сотрудничества: региональные международные институты в сравнительной перспективе». Кембридж.
3. Аль-Джазира (2019) «Маки Салл из Сенегала побеждает на второй срок», Aljazeera News, 28 февраля. Доступно по адресу: https://www.aljazeera.com/news/2019/2/28/senegals-macky-sall-wins second-term.
4. Аллен, К. (1995) «Понимание африканской политики», Обзор африканской политической экономии, 22 (65), стр. 301–320. doi: 10.1080/03056249508704142.
5. ЭКОВАС. Чрезвычайная сессия конференции глав государств и правительств по ситуации в Буркина-Фасо. Итоговое коммюнике, Аккра, 2014 г.
6. ЭКОВАС. Чрезвычайная сессия конференции глав государственного и правительственного ведомства по вопросам политического кризиса в Буркина-Фасо. Итоговое коммюнике, Абуджа, 2015 г.
7. ЭКОВАС. Пятидесятая очередная сессия Совета глав государств и правительств ЭКОВАС. Итоговое коммюнике, Абуджа, 2016 г.
8. ЭКОВАС. Итоговое коммюнике: Чрезвычайный саммит Совета глав государств и правительств ЭКОВАС по политической ситуации в Буркина-Фасо, Гвинее и Мали, Аккра, 2022 г.
9. Фасехун, О. (1980) «Нигерия и вопрос о высшем африканском командовании: к региональной и/или континентальной системе обороны?», Sage, 15(3),
10. Фирке, Карин М. (2006): Последовательный конструктивизм. В: Данн, Тим/Милья Курки/Стив Смит (ред.), Теория международных отношений: дисциплина и разнообразие, Оксфорд: Oxford University Press.
11. Хаверкрофт, Джонатан (2018): Социальный конструктивизм и международная этика. В: Брент Дж. Стил (ред.), Справочник по этике и международным отношениям издательства Routledge. Лондон: Routledge, 116–129.
12. Лейб, Юлия, и Саманта Руппель. «Танец мира и справедливости: местное восприятие международного миротворчества в Западной Африке». Международные миротворческие операции 28, № 5 (2021)
13. Шнабель, Симоне, Витт, Антония, и Аджара Конкобо. «Клубы глав государств» снизу. Местное восприятие Африканского союза, ЭКОВАС и их интервенций 2014/15 годов в Буркина-Фасо. Отчет PRIF № 14/2022. Институт исследований мира во Франкфурте. Франкфурт, 2022.

NORM CONTESTATION AND REGIONAL ORDER IN WEST AFRICA ECOWAS, THE ALLIANCE OF SAHEL STATES (AES), AND THE STRUGGLE FOR SECURITY GOVERNANCE

Umar Mohammed Bello
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Why some norms are easily accepted and others most likely rejected, we have even the accepted abandoned during implementation? In theory, this puzzle relates to understanding the construction of social identities. The research gap is increasingly important, especially in the West African region, where a spate of coups has highlighted the sustained erosion of democratic norms that have often gone unnoticed.

Keywords: Norms, Sahel, ECOWAS, AES.

References

1. Acharya, Amitav (2017): After liberal hegemony: The advent of a multiplex world order. In: Ethics & international affairs 31:3, 271–285.
2. Acharya, A. and Johnston, A.I. (2007) 'Comparing regional institutions: an introduction', in Crafting Cooperation: Regional international institutions in comparative perspective. Cambridge
3. Aljazeera (2019) 'Senegal's Macky Sall Wins Second Term', Aljazeera News, 28 February. Available at: https://www.aljazeera.com/news/2019/2/28/senegals-macky-sall-wins second-term.
4. Allen, C. (1995) 'Understanding African Politics', Review of African Political Economy, 22(65), pp. 301–320. doi:10.1080/03056249508704142.
5. ECOWAS. Session Extraordinaire de la Conférence des Chefs d'État et de Gouvernement sur la Situation au Burkina Faso. Communiqué final, Accra, 2014.
6. ECOWAS. Session Extraordinaire de la Conférence des Chefs d'État et de Gouvernement sur la Crise Politique au Burkina Faso. Communiqué final, Abuja, 2015.
7. ECOWAS. Fiftieth Ordinary Session of the ECOWAS Authority of Heads of State and Governments. Final communiqué, Abuja, 2016.

8. ECOWAS. Final Communique: Extraordinary Summit of the ECOWAS Authority of Heads of State and Government on the Political Situation in Burkina Faso, Guinea and Mali, Accra, 2022.

9. Fasehun, O. (1980) 'Nigeria and the Issue of an African High Command: Towards a Regional and/or Continental Defence System?', Sage, 15(3),

10. Fierke, Karin M. (2006): Consistent constructivism. In: Dunne, Tim/Milja Kurki/Steve Smith (Eds.), International Relations Theory: Discipline and Diversity, Oxford: Oxford University Press.

11. Havercroft, Jonathan (2018): Social constructivism and international ethics. In: Brent J. Steele (Ed.), Routledge Handbook of Ethics and International Relations. London: Routledge, 116129.

12. Leib, Julia, and Samantha Ruppel. «The Dance of Peace and Justice: Local Perceptions of International Peacebuilding in West Africa.» International Peacekeeping 28, № 5 (2021)

13. Schnabel, Simone, Witt, Antonia, and Adjara Konkobo. The 'Clubs of Heads of State' from Below. Local Perceptions of the African Union, ECOWAS and their 2014/15 Interventions in Burkina Faso. PRIF Report № 14/2022. Peace Research Institute Frankfurt. Frankfurt, 2022.

Смена фундаментальных мировоззренческих представлений в изменяющемся мире

Вельм Иван Матвеевич,
доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Ижевского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России

Статья посвящена переоценке фундаментальных мировоззренческих представлений под давлением ускоряющихся технологических, культурных и ценностных сдвигов. Актуальность темы связана с тем, что привычные схемы осмысления человека, общества, знания и идентичности утрачивают устойчивость при переходе к цифрово опосредованным формам жизни. Научная новизна работы состоит в систематизации направлений мировоззренческой перестройки через соотнесение трех линий изменений: переустройства повседневности, смещения оснований идентичности и пересборки ценностных и смысловых иерархий. Цель исследования – выявить, какие именно фундаментальные представления претерпевают наибольшее изменение в современном мире и по какой логике складывается данный процесс. Методологическую базу составили анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление подходов, классификация, обобщение и логико-аналитическая интерпретация. Исследование опирается на русскоязычные философские, социологические, психологические и педагогические труды 2022–2025 гг. В аналитической части раскрыты изменения в понимании реальности, субъекта, идентичности, ценностей и социальной целостности. Практическая полезность полученных выводов связана с их применением в философском анализе современности, образовательном проектировании и гуманитарной экспертизе цифровых преобразований.

Ключевые слова: мировоззренческие представления, цифровая реальность, ценностная трансформация, идентичность, повседневность, социальная неопределенность, техногенные изменения, картина мира, смысловые разрывы, гуманитарная экспертиза.

Введение

Ускорение общественных изменений привело к состоянию, при котором прежние мировоззренческие опоры перестали восприниматься как самоочевидные. Смена техносреды, рост цифрового посредничества, размывание границ между реальным и виртуальным, пересмотр представлений о субъекте и усиление ценностной нестабильности затрагивают уже не отдельные сферы культуры, а фундаментальную структуру человеческого самоописания. Вследствие подобного сдвига мировоззрение перестает мыслиться как относительно устойчивая картина мира и все чаще предстает как подвижная система, складывающаяся под влиянием переменных режимов коммуникации, новых форм идентификации и конфликтующих смысловых установок.

Цель исследования – проследить, каким образом в изменяющемся мире перестраиваются фундаментальные мировоззренческие представления о реальности, человеке и ценностном порядке.

Задачи исследования сводятся к трем позициям. Первая – выявить факторы, запускающие смену мировоззренческих оснований в современной социальной среде. Вторая – определить, какие именно представления претерпевают наиболее заметное смещение: представления о повседневном мире, идентичности, ценностях и социальной целостности. Третья – раскрыть внутреннюю логику данной перестройки и обозначить ее пределы для гуманитарного знания.

Научная новизна статьи состоит в том, что смена мировоззренческих представлений рассмотрена не как разрозненный набор реакций на цифровизацию или кризис идентичности, а как связанный процесс перестройки смыслового каркаса современного человека, где изменения в опыте повседневности, в режимах самоотнесения и в ценностной иерархии образуют единую динамику.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили современные русскоязычные публикации, посвященные мировоззренческой перестройке личности и общества под влиянием цифровых, культурных и ценностных сдвигов. Т.А. Барышева, Т.Н. Носкова [1] предложили концептуальное описание трансформации мировоззрения студентов в цифровой образовательной среде. К.В. Воденко, Л.В. Шевченко [2] рассмотрели изменение повседневного мира человека под воздействием цифровой среды. С.В. Володенков, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкин [3] сосредоточились на механизмах формирования мировоззрения в цифровой коммуникации. Е.А. Догоров [4] проследил влияние цифровизации на познание мира и самосознание в историко-философической перспективе. С.И. Платонова [5] исследовала трансформацию социальной идентичности в цифровом обществе. Т.А. Подшибякина [6] обосновала сценарный подход к динамике ментальных мировоззренческих моделей. Н.Н. Равочкин [7] проанализировал ценностные сдвиги эпохи цифровизации. Н.П. Сащенко [8] раскрыла ценностное измерение трансформации российской идентичности. Е.А. Сергодеева, С.В. Димитрова, И.И. Гуляк [9] уточнили понятие мировоззренческого разрыва и обозначили его факторы. Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, С.Н. Илюхина [10] исследовали представления о реальном и виртуальном пространствах как части актуальной картины мира.

В работе использованы анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление подходов, классификация исследовательских позиций, обобщение, логико-аналитический разбор и синтез. Данные приемы позволили выделить устойчивые линии смены мировоззренческих представлений и связать разрозненные наблюдения разных дисциплин в единую интерпретационную схему.

Результаты

Смена фундаментальных мировоззренческих представлений в изменяющемся мире прежде всего связана с разрушением прежней границы между стабильной реальностью и опосредованным информационным пространством. Если ранее повседневность выступала как относительно целостная и телесно переживаемая среда, то в современных условиях она перестраивается под воздействием цифровых интерфейсов, сетевых режимов присутствия и ускоренного оборота информации. В исследовании К.В. Воденко и Л.В. Шевченко повседневный мир описан как пространство, где цифровая среда перестраивает способы ориентации человека, ритмы взаимодействия и восприятие социального времени [2].

Близкую линию проводит Е.А. Догоров, показывая, что цифровизация затрагивает уже не внешний инструментарий познания, а сами основания отношения субъекта к миру и к собственному самосознанию [4]. Отсюда следует, что мировоззренческий сдвиг начинается не на уровне отвлеченных доктрин, а на уровне привычного способа жить, воспринимать, соотносить себя с действительностью.

Следующий пласт изменений связан с трансформацией картины мира как структуры, где реальное и виртуальное больше не противостоят друг другу в прежнем виде. Работа Г.У. Солдатовой, С.В. Чигарьковой, С.Н. Илюхиной показывает, что представления о реальном и виртуальном пространствах входят в актуальную картину мира уже как взаимосвязанные зоны опыта [10]. При подобном сдвиге изменяется само основание различения подлинного и опосредованного: цифровая среда перестает восприниматься как добавочная оболочка и превращается в среду формирования норм, ожиданий и моделей поведения. В статье С.В. Володенкова, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкина данный процесс раскрыт через особенности цифровой коммуникационной среды, где мировоззрение формируется под влиянием высокой скорости циркуляции смыслов, алгоритмического отбора контента и снижения устойчивости прежних интерпретационных авторитетов [3]. В сумме данные положения позволяют утверждать, что изменение картины мира происходит через перестройку самой процедуры отбора значимого, а не через простую замену старых идей новыми [3; 10].

Отдельную линию образует смещение представлений о человеке как о целостном субъекте. В публикации С.И. Платоновой социальная идентичность в цифровом обществе предстает как подвижная конфигурация, складывающаяся в пересечении сетевых практик, символического самоописания и новых механизмов социального контроля [5]. В данном случае мировоззренческая перестройка выражена в том, что личность мыслится уже не как носитель одной устойчивой идентичности, а как участник множественных, ситуативно активируемых режимов самоотнесения. С.В. Володенков, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкин связывают подобную динамику с изменением среды социализации и коммуникативного опыта [3]. Т.А. Барышева и Т.Н. Носкова, обращаясь к цифровой образовательной среде, подчеркивают, что мировоззрение современных обучающихся складывается внутри новой культурно-технологической среды, где образовательный опыт сопряжен с постоянной перенастройкой способов самоинтерпретации [1]. В результате человек все реже мыслится как заранее заданная целостность и все чаще – как открытая, изменчивая система смысловой сборки [1; 3; 5].

Смена представлений о субъекте сопровождается пересмотром ценностного порядка. Н.Н. Равочкин отмечает, что эпоха цифровизации перестраивает механизм утверждения и распространения ценностей, меняя порядок их закрепления в сознании и социальной практике [7]. В исследовании Н.П. Сащенко ценностное измерение идентичности раскрыто как поле напряжения между интегративными и дифференцирующими тенденциями [8]. При таком подходе ценности перестают восприниматься как неподвижный фонд культурной преемственности; они входят в режим постоянного отбора, ранжирования и конкуренции. Отсюда вытекает еще один сдвиг: мировоззрение теряет черты единой иерархически выстроенной системы и все чаще приобретает форму конфликтного сочетания разнонаправленных установок [7; 8].

Данная тенденция получает дальнейшее прояснение в статье Е.А. Сергодеевой, С.В. Димитровой, И.И. Гуляка, где вводится понятие мировоззренческого разрыва как нарушения смысловой целостности мировоззрения [9]. Исследователи разграничивают разрыв, кризис и конфликт, что позволяет точнее описать нынешнее состояние общественного сознания. Для темы настоящей статьи данное различение имеет особую ценность, поскольку речь идет не просто о наличии разных взглядов, а о нарушении связности между представлениями о должном, допустимом и желаемом. Подобная несвязность не сводится к политическим или поколенческим расхождениям; она затрагивает сами основания коллективного самоописания [9].

Значимым итогом рассмотренных публикаций выступает переход от представления о мировоззрении как о завершенной системе к пониманию его как процесса. Т.А. Подшибякина, предлагая концепцию динамики ментальных мировоззренческих моделей, связывает мировоззренческую изменчивость со сценарным прогнозированием [6]. Подобный ход расширяет философский анализ: мировоззрение предстает не статичным набором убеждений, а изменяемой моделью, чувствительной к социальным, технологическим и символическим сдвигам. В сочетании с наблюдениями Е.А. Догорова о переосмыслении познания и самосознания [4] данная линия позволяет заключить, что смена фундаментальных представлений затрагивает одновременно гносеологический, антропологический и аксиологический уровни. Иначе говоря, изменяется не один элемент мировоззрения, а способ их взаимной связки [4; 6].

Сопоставление публикаций [1–3; 10] показывает, что цифровая среда действует на мировоззрение через несколько взаимосвязанных каналов. Первый канал – перестройка повседневного опыта, при которой цифровая инфраструктура задает новые ритмы присутствия и общения [2]. Второй – изменение картины мира через слияние реального и виртуального в едином пространстве жизненной ориентации [10]. Третий – изменение процедур формирования смыслов внутри коммуникационной среды, где усиливается влияние медиапотоков и алгоритмических посредников [3]. В образовательной плоскости данный процесс приобретает форму целенаправленной трансформации способов мировоззренческой сборки личности, на что указывают Т.А. Барышева и Т.Н. Носкова [1]. В совокупности данные положения позволяют рассматривать цифровизацию как фактор глубокой перестройки оснований мировидения, а не как внешний технологический фон [1–3; 10].

Сопоставление работ [5; 7–9] позволяет выделить еще одну закономерность: мировоззренческие изменения разворачиваются через кризис связности между идентичностью и ценностями. В цифровом обществе идентичность становится более вариативной [5], ценностные иерархии – менее устойчивыми [7], коллективное самоописание – более напряженным [8], а общественное сознание – более подверженным разрывам в смысловом единстве [9]. При подобной конфигурации фундаментальные представления о человеке, обществе и норме перестают воспроизводиться по инерции. Их воспроизводство требует уже не простой передачи готовых смыслов, а постоянной работы по их согласованию. Следовательно, современная мировоззренческая перестройка имеет двойной характер: она разрушает прежние основания и одновременно побуждает к поиску новых форм смысловой сборки [5; 7–9].

Обсуждение

Полученные положения позволяют рассматривать смену фундаментальных мировоззренческих представлений как многоуровневый процесс, где технологические изменения служат пусковым механизмом, но не исчерпывают смысл происходящего. В одних работах в центре внимания находится перестройка среды повседневной жизни и коммуникации; в других – смещение оснований идентичности; в третьих – конфликтность ценностных и смысловых порядков. При их сопоставлении обнаруживается общая линия: современная мировоззренческая динамика затрагивает не отдельные убеждения, а сам способ связывания опыта, норм и самоописания.

При этом между исследовательскими позициями сохраняются различия. Публикации, сосредоточенные на цифровой коммуникации и образовательной среде, сильнее подчеркивают средовые механизмы формирования мировоззрения. Работы, обращенные к идентичности и ценностям, смещают внимание к внутренней структуре субъекта и к основаниям социального единства. Философские тексты о мировоззренческих разрывах и о влиянии цифровизации на познание подводят обсуждение к более общему уровню, где в поле анализа попадают уже формы рациональности, способы самопонимания и целостность культурных ориентиров. Расхождение между подходами связано не с несовместимостью выводов, а с различием масштаба анализа.

Ограничения применимости выявленных положений связаны с характером источникового корпуса. Значительная часть публикаций сосредоточена на цифровой среде, вследствие чего иные линии мировоззренческой перестройки – например, экологическая, биополитическая или геокультурная – представлены слабее. Наряду с данным обстоятельством заметен перевес теоретико-аналитических работ над исследованиями, где философская интерпретация соединялась бы с длительным сравнительным наблюдением различных социальных групп. По данной причине сделанные выводы точнее описывают направление мировоззренческих сдвигов, чем степень их укорененности в разных слоях общества.

Исследовательская лакуна просматривается и в вопросе о соотношении индивидуального и коллективного уровней мировоззренческой перестройки. Процессы, связанные с цифровой идентичностью, множественностью самоописаний и изменением картины мира, изучены заметно подробнее, чем механизмы выработки общей смысловой рамки, способной удерживать социальную связность. Между тем именно на стыке личностной вариативности и коллективной нормативности возникает наибольшее напряжение. С научной точки зрения наиболее продуктивным направлением дальнейшей работы выглядит соединение философского анализа мировоззренческой динамики с исследованиями образовательной, медийной и ценностной социализации.

Заключение

Проведенный анализ позволил установить, что смена фундаментальных мировоззренческих представлений определяется совокупным действием

цифрового посредничества, переустройства повседневности, подвижности идентичности и ценностной нестабильности. По первой задаче выявлено, что источником мировоззренческой перестройки выступает не один фактор, а связка технологических, коммуникативных и социокультурных изменений.

По второй задаче установлено, что наибольшее смещение затрагивает представления о реальности, о субъекте, о границе между реальным и виртуальным, об идентичности и о ценностной иерархии. По третьей задаче показано, что внутренняя логика современной мировоззренческой динамики сводится к переходу от устойчивой и относительно замкнутой картины мира к подвижной системе смысловой сборки, где единство уже не задается заранее и требует постоянного согласования.

Литература

1. Барышева, Т. А., Носкова, Т.Н. Концепция трансформации мировоззрения студентов в цифровой образовательной среде // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2024. – № 214. – С. 150–160. – DOI 10.33910/1992–6464–2024–214–150–160.

2. Воденко, К. В., Шевченко, Л.В. Цифровая трансформация повседневного мира человека // Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – № 2. – С. 10–15. – DOI 10.18522/2070–1403–2024–103–2–10–15.

3. Володенков, С. В., Федорченко, С. Н., Печенкин, Н.М. Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой коммуникационной среде: по материалам экспертного исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 58–79.

4. Догоров, Е.А. Историко-философский анализ влияния цифровизации на познание окружающего мира и самосознание человека // Философия науки и техники. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 140–151. – DOI 10.21146/2413–9084–2025–30–2–140–151.

5. Платонова, С.И. Социальная идентичность как феномен цифрового общества // Социология науки и технологий. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 149–163. – DOI 10.24412/2079–0910–2023–3–149–163.

6. Подшибякина, Т.А. Динамика ментальных мировоззренческих моделей: концепция и метод сценарного прогнозирования // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 241–261. – DOI 10.31249/poln/2024.04.10.

7. Равочкин, Н.Н. Трансформация ценностей в эпоху цифровизации // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 1 (57). – С. 116–124. – DOI 10.53315/1995–0713–2023–57–1–116–124.

8. Сащенко, Н.П. Трансформация российской идентичности: ценностное измерение // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 37–48. – DOI 10.33693/2223–0092–2023–13–4–37–48.

9. Сергодеева, Е. А., Димитрова, С. В., Гуляк, И.И. Современные мировоззренческие разрывы и приоритеты развития российского общества // KANT. – 2025. – № 1 (54). – С. 350–354. – DOI 10.24923/2222–243X.2025–54.53.

10. Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Илюхина, С.Н. Представления о реальном и виртуальном пространствах как часть актуальной картины мира подростков и родителей в цифровом обществе: возможности адаптации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 226–248.

A SHIFT IN FUNDAMENTAL WORLDVIEWS IN A CHANGING WORLD

Velm I.M.
All-Russian State University of Justice

This article examines the reassessment of fundamental worldviews under the pressure of accelerating technological, cultural, and value shifts. The relevance of this topic stems from the fact that traditional ways of understanding people, society, knowledge, and identity are losing their stability in the transition to digitally mediated forms of life. The scientific novelty of this work lies in its systematization of the directions of worldview restructuring by correlating three lines of change: the reorganization of everyday life, the shifting foundations of identity, and the reassembly of value and semantic hierarchies. The purpose of this study is to identify which fundamental concepts are undergoing the greatest change in the modern world and the logic underlying this process. The methodological framework consists of an analysis of scientific publications, a comparative comparison of approaches, classification, generalization, and logical-analytical interpretation. The study draws on Russian-language philosophical, sociological, psychological, and pedagogical works published between 2022 and 2025. The analytical section explores changes in how reality is understood, subjectivity, identity, values, and social integrity. The practical utility of the findings stems from their application in philosophical analysis of modernity, educational design, and humanities-based assessment of digital transformations.

Keywords: ideological concepts, digital reality, value transformation, identity, everyday life, social uncertainty, technological change, worldview, semantic gaps, humanities-based assessment.

References

1. Barysheva, T. A., Noskova, T.N. The Concept of Transforming Students' Worldviews in the Digital Educational Environment // Bulletin of the A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia. – 2024. – № 214. – Pp. 150–160. – DOI 10.33910/1992–6464–2024–214–150–160.

2. Vodenko, K. V., Shevchenko, L.V. Digital Transformation of the Everyday World of a Person // Humanitarian and Social Sciences. – 2024. – № 2. – Pp. 10–15. – DOI 10.18522/2070–1403–2024–103–2–10–15.

3. Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N., Pechenkin, N.M. Possibilities and Features of Worldview Formation in the Digital Communication Environment: Based on Expert Research // Political Expertise: POLITEX. – 2023. – Vol. 19, № 1. – Pp. 58–79.

4. Dogorov, E.A. Historical and Philosophical Analysis of the Impact of Digitalization on the Cognition of the World Around Us and Human Self-Awareness // Philosophy of Science and Technology. – 2025. – Vol. 30, № 2. – Pp. 140–151. – DOI 10.21146/2413–9084–2025–30–2–140–151.

5. Platonova, S.I. Social Identity as a Phenomenon of Digital Society // Sociology of Science and Technology. – 2023. – Vol. 14, № 3. – Pp. 149–163. – DOI 10.24412/2079–0910–2023–3–149–163.

6. Podshibyakina, T.A. Dynamics of Mental Worldview Models: Concept and Method of Scenario Forecasting // Political Science. – 2024. – № 4. – Pp. 241–261. – DOI 10.31249/poln/2024.04.10.

7. Ravochkin, N.N. Transformation of Values in the Era of Digitalization // Bulletin of Kalmyk University. – 2023. – № 1 (57). – Pp. 116–124. – DOI 10.53315/1995–0713–2023–57–1–116–124.

8. Sashchenko, N.P. Transformation of Russian Identity: The Value Dimension // Socio-Political Sciences. – 2023. – Vol. 13, № 4. – Pp. 37–48. – DOI 10.33693/2223–0092–2023–13–4–37–48.

9. Sergodeeva, E. A., Dimitrova, S. V., Gulyak, I.I. Modern Ideological Gaps and Development Priorities of Russian Society // KANT. – 2025. – № 1 (54). – Pp. 350–354. – DOI 10.24923/2222–243X.2025–54.53.

10. Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., Ilyukhina, S.N. Concepts of Real and Virtual Spaces as Part of the Current Worldview of Adolescents and Parents in a Digital Society: Adaptation Possibilities // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. – 2022. – Vol. 12, № 3. – P. 226–248.

Отечественный рынок цифровых платформ: специфика и перспективы развития

Кравченко Алексей Леонидович,
кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; кафедра социологии и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна»
E-mail: alkravch1@yandex.ru

Ломакин Дмитрий Викторович,
студент кафедры социологии и гуманитарных наук; кафедра социологии и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна»
E-mail: foixyt09@gmail.com

Цель статьи заключается в раскрытии параметров, специфики и перспектив развития отечественного рынка цифровых платформ через призму их восточных и западных аналогов. Теоретико-методологические основы исследования. Теоретическую основу исследования составили разработки и положения отечественных и зарубежных авторов, затрагивающих проблематику цифровых платформ (В.В. Радаев, О.В. Гавриленко, Я. Варуфакис, Н. Срничек и А. Уильямс). Структурно-функциональный анализ позволил раскрыть функции цифровых платформ и представить их классификацию. Специфика российского рынка цифровых платформ выявлена методом компаративного анализа. Исторический метод использовался для ретроспективного анализа эволюции цифровых платформ и выявления их параметров и перспектив развития. Результаты. Рассмотрена специфика российского и зарубежных рынков цифровых платформ, представлена их классификация. Сделан вывод о промежуточном положении отечественных цифровых платформ в сравнении с восточными и западными моделями. Показаны преимущества и ключевые вызовы новых технологических экосистем в современном социуме. Обозначены дальнейшие перспективы развития цифровых платформ в России и мире, отмечен их полифуркционный характер. Выводы. Цифровые платформы трансформируются в полноценную бизнес-модель, агрегирующую колоссальные объемы пользовательских данных. Отечественный рынок цифровых платформ демонстрирует промежуточное положение по отношению к западному и восточному рынкам, поскольку соединяет в себе крупный рыночный и государственный секторы. Ключевой особенностью цифровой платформы выступает ее сетевой эффект – стремление к монополизации за счет постепенного расширения функционала и увеличения пользовательской базы. Перспективы развития цифровых платформ носят полифуркационный характер, поскольку используются преимущественно для извлечения стоимости, но сохраняют при этом внушительный человекоцентричный потенциал и возможность трансформироваться в социально-ориентированную технологию.

Ключевые слова: капитализм платформ, социальный контроль, цифровые платформы, цифровая экономика, технофеодализм.

Введение

Ключевой характеристикой капитализма, в том числе современного, выступает его потребность в постоянном росте и увеличении. Крупные игроки бизнеса обязаны искать различные методы и варианты для повышения эффективности своих продуктов, иначе система рынка и поле конкуренции их уничтожат. В частности, это подтверждают процессы второй половины XX – начала XXI вв.: перенос производства из развитых стран в развивающиеся страны (несмотря на то, что реиндустриализация в западных странах сегодня актуализировалась), распространение гибкой занятости и постепенный упадок социальных гарантий работников, повышение вертикального давления в системе «менеджер-подчиненный», размытие границ между работой и личной жизнью человека и др. [1].

Новым трендом, сферой для присвоения и извлечения стоимости сегодня выступают данные. Современной моделью для реализации этой сферы становятся цифровые платформы, представляющие «цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать», а также соединять между собой различных пользователей [9, с. 32]. При этом из коммуникационной среды цифровые платформы трансформируются в полноценную бизнес-модель, оказываясь основой цифрового капитализма [8].

Обсуждение. Результаты

Экономическая ситуация в сфере платформ во многом отражает общий баланс в мировой экономике. Современные американские цифровые платформы – это порождение бурного экономического роста 1990-х и 2000-х гг., инвестиционных потребностей и поиска новых механизмов взимания прибыли. Именно на этой волне появляются такие компании, как Microsoft, Apple, Amazon и пр. Каждый «игрок» обустраивает свою экосистему, которая становится базовой опорой платформы в разных условиях.

Так, ключевыми принципами американского «мира платформ» остаются рыночная конкуренция, независимость компаний друг от друга и, кажущаяся на первый взгляд, сепарация от государства. Рассуждая о крупных технологических корпорациях, сборе и анализе данных, американский социолог У. Дэвис отмечает, что «хотя мы все больше привыкаем к факту, что компании собирают информацию о повседневной жизни людей, мысль о том, что подобную информацию будет собирать государство, пока еще недопустима» [4].

Вместе с тем У. Дэвису можно противопоставить размышления М. Фуко о биополитических техниках власти, для которых цифровые платформы оказываются незаменимым инструментом социального контроля [11]. В этой связи, как справедливо замечает О.В. Гавриленко, технологические возможности сбора и обработки данных, имеющиеся у платформы, позволяют осуществлять дата- и геонадзор, мониторинг взаимодействий и различных активностей индивида. Цифровые «следы» и «тени», которые оставляет и бросает пользователь, обеспечивают безошибочное определение его пола, возраста, особенностей личности и социально-демографических характеристик [3].

В свою очередь, китайские платформы имеют диаметрально противоположные характеристики – они фактически сращены с государственными институтами. Как отмечает социальный теоретик Я. Варуфакис, в отличие от крупнейших технологических гигантов Кремниевой долины, китайская цифровая экономика напрямую связана с государством и его институтами, которые используют «эту всепроникающую облачную агломерацию: регулируют городскую жизнь, оказывают финансовые услуги гражданам … связывают людей с государственными учреждениями» [2, с. 182].

Подобная специфика не только создает возможность глубже проникнуть в личную жизнь и потребительские привычки человека, но и позволяет сконструировать симбиоз цифровой платформы и финансового института, ведь «китайские облачные феодалы» уже получили власть, которой американские только пытаются подражать. Таким образом, прямая взаимосвязь с государством позволяет китайской «большой цифре» оперировать множеством финансовых операций. Кроме того, феномен «сращенности» открывает доступ к данным, связанным с монопольным ведением государства. Однако все это обязывает китайские компании служить целям и интересам государства.

Иным критерием классификации цифровых платформ выступают особенности производственного процесса. Первый тип – платформы, создающие «цифровую возможность» – маркетплейсы, облачные хранилища, социальные сети, стриминговые сервисы и др., позволяющие оценить интересы, предпочтения, спектр эмоций и субъективные отношения. Они не создают материальных объектов и существуют исключительно в цифровом пространстве. Главным товаром подобных платформ выступают пользовательские данные, а основным конкурентным преимуществом – возможность продажи данных и их использования для собственного развития.

Так, Uber осуществляет мониторинг перемещений, любимых мест и маршрутов пользователей; Aliexpress (Alibaba) анализирует потребительские предпочтения, корзину покупок, просмотренные товары, а также время, затраченное в каждой товарной категории; популярные мессенджеры и социальные сети ежедневно осуществляет сбор огромных массивов данных о поведении пользователей. Такие платформы стремятся расширить перечень предоставляемых услуг для пользователя и включить его в «обособленное цифровое пространство» [5].

Второй тип платформ базируется на симбиозе материальных продуктов и встроенных в них цифровых решений. Разнообразными примерами могут служить «связки продуктов»: телефон и магазин приложений, колонка и стриминговый музыкальный сервис, приставка и магазин игр, машина и ее цифровая оболочка и пр. Показательным примером выступает Apple: компания сформировала серию материальных продуктов с глобально-закрытой операционной системой. Всемирно известный iPhone – символ цифровой эпохи – гаджет, имеющий уникальную операционную систему, которая поддерживает только продукты от Apple Store – «родного» магазина приложений. Экосистема совмещает в себе целую сеть товаров, раскрывающих свой потенциал только при работе друг с другом. Эти же товары функционируют исключительно в рамках цифрового пространства компании: специальная операционная сеть, браузер, магазин приложений и многое другое. Как отмечает социальный теоретик Н. Срничек, с точки зрения общественных норм, владелец iPhone предстает объектом подражания, однако со стороны цифровых платформ – он оказывается источником данных, а, следовательно, и ресурсом, «новой нефтью» [9].

Важно понимать, что платформы могут не только извлекать данные о пользователях, но и ограничивать потребительское поведение. Если «эпоха свободного интернета» была относительно автономна от капиталистической логики, поскольку всемирная сеть была «сетью без иерархии» и опиралась на горизонтальное принятие решений и взаимный обмен подарками, то современные игроки цифрового рынка стремятся закрыть пользователя внутри своей системы, убеждая его не пользоваться продуктами конкурентов [2, с. 85]. В конечном итоге из общественного достояния интернет постепенно трансформировался в место «капиталистического заключения». Наличие практически у каждого человека смартфона обуславливает «революционный» способ сбора данных, который ранее был возможен лишь в университетских лабораториях или социальных институтах с постоянным наблюдением [4, с. 197].

Рассмотрим российскую специфику рынка цифровых платформ. Отметим, что и отечественные продукты в качестве платформ имеют ряд общих родовых признаков. В частности, отечественные корпорации активно проявляют «сетевой эффект», стремясь к монополизации все больших отраслей: «чем больше людей используют платформу, тем более ценной она становится для каждого пользователя … Это создает динамику «победитель получает все», в которой несколько крупных платформ начинают доминировать на рынке» [9, с. 78].

Представляется, что развитие платформенной экономики в России формирует нечто промежуточное между западной и азиатской моделями, поскольку отечественная цифровая среда имеет как крупных рыночных игроков, так и развитый государственный сектор. Примерами платформ западного типа в России выступают Яндекс, Ozon и Wildberries. Яндекс имеет определенную схожесть с компанией Apple в российских реалиях: он создает уникальную «отечественную» цифровую экосистему, базируясь на услугах и web-возможностях, дополняя их материальными товарами. Платформа включает в себя поисковые и информационные сервисы, транспорт и логистику, карты и навигацию, маркетплейсы и покупки, финансовые и бизнес-сервисы, медиа и развлечения.

Ozon и Wildberries имеют совершенно аналогичные тенденции развития и роста, однако немного иную базу и масштаб. Эти маркетплейсы, выросшие из стартапов, включают в свои услуги продажу товаров (от зубных щеток до автомобилей), возможности покупки билетов на любой вид транспорта, бронирования жилья, образовательные и бизнес-услуги и пр. Важная особенность автономных, не подчиняющихся государству напрямую российских платформ, заключается в развитии в финансовой среде, поскольку они имеют собственные банковские инфраструктуры и платежные сервисы. Этот фактор роднит упомянутые корпорации с восточными коллегами и дает преимущество перед западными аналогами.

Если рассматривать компании, имеющие черты китайской платформенной системы, важно упомянуть «Газпром-медиа» и «Сбер». В частности, Газпром-медиа официально владеет социальной сетью VK («Вконтакте»), одной из самых популярных видеоплатформ RuTube, ведущим онлайн-кинотеатром PREMIER, интернет-порталом Mail.ru. Российский банк Сбер, в свою очередь, имеет множество подбрендов: СберСтрахование, СберАвто, Сбер ЕАптека, Сберкоин, СберМаркет, СберМегаМаркет, СберМобайл, а также сторонние сервисы, влившиеся в его экосистему (Okko, Ситимобил, 2ГИС).

Таким образом, российские цифровые платформы преимущественно создают «цифровую возможность», но не производят материальных благ. Их ключевой особенностью оказывается близость к государственным структурам, однако отечественный рынок цифровых платформ имеет как черты западной системы, так и явные признаки китайских игроков. Представляется, что отечественные платформы и дальше будут выглядеть как некоторый симбиоз восточной и западной систем с крупными рыночными игроками и развитыми государственными цифровыми структурами.

Вместе с тем главная цель всякой цифровой платформы – заполучить полный комплекс информации о личности и включить человека в максимально возможное множество каналов добычи данных. В этом проявляется и ее сетевой эффект, ведь современные цифровые платформы соединяют в себе качества сразу нескольких платформенных типов: на примере Яндекса мы видим, как платформа специализируется одновременно на рекламных, поисковых, логистических услугах, предоставляет доступ к фильмам и музыке, торговле, а также оказывает услуги такси, доставки и каршеринга. Известный маркетплейс Wildberries начинал с перепродажи одежды, однако сегодня предлагает покупателям и электронику, книжную продукцию, ювелирные изделия, недвижимость, а также услуги по бронированию отелей, покупке билетов, заказу экскурсий и даже банковские услуги.

Перспективы развития рынка цифровых платформ в России и мире носят полифуркационный характер. С одной стороны, исследователи видят в платформах и сетевой экономике своеобразную ступень к «посткапиталистическому» обществу. Идея о том, что сетевая экономика, развитие технологий анализа данных и самосовершенствующиеся цифровые продукты могут стать основой для планирования в рамках отрасли или корпорации – актуальна и востребована.

Так, в работе «Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему» социальный теоретик П. Мейсон подчеркивает значение платформ в качестве ключевого фактора перехода к новому обществу: «Запуск «интернета вещей» ознаменует старт информационной экономики. Став частью социальной «машины», его аналитической мощности хватит для значительного сокращения использования углеводородов, сырья и труда» [7, с. 365]. В подобном ключе рассуждают исследователи Н. Срничек и А. Уильямс, описывая проект грядущего «посттрудового» общества, переход к которому во многом могут обеспечить цифровые платформы и доступные им уже сегодня технологии анализа больших данных, имеющие все шансы стать «социальными» технологиями на службе общественных интересов [10; 6].

С другой стороны, есть и совершенно иной взгляд на дальнейшую судьбу платформ и их значение в современном социуме. Например, по мысли Я. Варуфакиса, именно термин «технофеодализм» наиболее точно описывает грядущие социальные трансформации, поскольку цифровые платформы не столько создают возможности шагнуть в будущее, сколько толкают нас «вперед в прошлое». Платформы отражают в себе всеобъемлющую противоречивость прогресса, ведь многообещающая технология способна привести как к существенному повышению качества жизни, так и приумножить социальное отчуждение человека.

Заключение

Таким образом, цифровые платформы выступают не только коммуникационной площадкой, но и полноценной бизнес-моделью. Они оказываются мощным инструментом сбора данных, встраиваясь в логику современных механизмов извлечения стоимости и биополитических техник власти.

Если западный рынок цифровых платформ формально демонстрирует принципы конкуренции, независимости и автономности компаний друг от друга и государства, то платформы восточного типа фактически сращены с государственными институтами и структурами. Отечественные платформы занимают промежуточное звено между азиатской и западной моделями, включая как крупный рыночный, так и государственный сектор.

Важной особенностью современной цифровой платформы выступает ее сетевой эффект и стремление к монополизации, за счет чего она постоянно увеличивает спектр предоставляемых услуг и тем самым наращивает пользовательскую сеть. По этой причине всякая цифровая платформа пытается соединять в себе качества сразу нескольких платформенных типов.

Полифуркационный характер развития цифровых платформ в России и мире свидетельствует о переходном этапе современной эпохи. Вместе с тем, рассматривая проблематику динамики цифровых технологий, невозможно игнорировать сложной общемировой экономико-политической обстановки, в которой разворачивается настоящая гонка технологий. Сегодня цифровые платформы преимущественно продолжают использоваться в качестве инструмента социального контроля и извлечения прибыли, что открывает горизонты «рынка данных». При этом они сохраняют внушительный человекоцентричный потенциал и способность эволюционировать в социально-ориентированную технологическую экосистему.

Литература

1. Арора П. Фабрика досуга: производство в цифровой век // Логос. 2015. Т. 25, № 3. С. 88–119.
2. Варуфакис Я. Технофеодализм. М.: Ad Marginem, 2025. 304 с.
3. Гавриленко О.В. Эпоха «надзорного капитализма»: новые формы власти цифровых платформ и манипулирование пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 74–79.
4. Дэвис У. Индустрия счастья. М.: «Э», 2017. 277 с.
5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2024. 784 с.
6. Коэн Дж. Неработа. Почему мы говорим «стоп». М.: Ad Marginem, 2023. 288 с.
7. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: АД Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
8. Радаев В.В. Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15–28.
9. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
10. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
11. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб: Наука, 2010. 448 с.

THE RUSSIAN DIGITAL PLATFORM MARKET: SPECIFICS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Kravchenko A.L., Lomakin D.V.
Dubna State University

The purpose of the article is to reveal the parameters, specifics and prospects for the development of the domestic digital platform market through the prism of their eastern and Western counterparts.

Theoretical and methodological foundations of the research. The theoretical basis of the research was the developments and provisions of domestic and foreign works dealing with the problems of digital platforms (V.V. Radaev, O.V. Gavrilenko, Ya. Varoufakis, N. Srnicek and A. Williams). The structural and functional analysis allowed us to reveal the functions of digital platforms and present their classification of digital platforms. The specifics of the Russian market of digital platforms are carried out by the method of comparative analysis. The historical method was used to retrospectively analyze the evolution of digital platforms and identify their parameters and development prospects.

Results. The specifics of the Russian and foreign digital platform markets are considered, and their classification is presented. The conclusion is made about the intermediate position of domestic digital platforms in comparison with eastern and Western models. The advantages and key challenges of new technological ecosystems in modern society are shown. Further prospects for the development of digital platforms in Russia and the world are outlined, and their polyfurcation character is noted.

Conclusions. Digital platforms are being transformed into a full-fledged business model aggregating huge amounts of user data. The domestic digital platform market demonstrates an intermediate position in relation to the Western and eastern markets, since it combines large market and public sectors. The key feature of the digital platform is its network effect – the desire for monopolization due to the gradual expansion of functionality and an increase in the user base. The prospects for the development of digital platforms are of a polyfurcational nature, since they are mainly used to extract value, but at the same time retain an impressive human-centered potential and the ability to transform into a socially oriented technology.

Keywords: platform capitalism, social control, digital platforms, digital economy, technofeudalism.

References

1. Arora P. Fabrika dosuga: proizvodstvo v tsifrovoy vek // Logos. 2015. Vol. 25, № 3. Pp. 88–119.
2. Varoufakis Ya. Tekhnofeodalizm. M.: Ad Marginem, 2025. 304 p.
3. Gavrilenko O.V. Epokha «nadzornogo kapitalizma»: novye formy vlasti tsifrovykh platform i manipulirovanie pol'zovatelyami // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2024. № 3. Pp. 74–79.
4. Davis U. Industriya schast'ya. M.: «E», 2017. 277 p.
5. Zuboff Sh. Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2024. 784 p.
6. Cohen Dzh. Nerabot. Pochemu my govorim «stop». M.: Ad Marginem, 2023. 288 p.
7. Mason P. Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu. M.: AD Marginem Press, 2016. 416 p.
8. Radaev V.V. Ekspansiya platform kak vyzov sotsiologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2022. № 12. Pp. 15–28.
9. Srnichek N. Kapitalizm platform. M.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. 128 p.
10. Srnichek N., Williams A. Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda. M.: Strelka Press, 2019. 336 p.
11. Foucault M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu. SPb: Nauka, 2010. 448 p.

Тепикин Виталий Владимирович,
канд. ист. наук, профессор Российской академии естественных наук
E-mail: vit.tepikin@yandex.ru

Статья посвящена анализу ключевых социальных проблем, стоящих перед современным российским обществом, и путям их преодоления. Рассматриваются такие аспекты, как демографические вызовы, социальное неравенство, проблемы здравоохранения, образования и экологии. Особое внимание уделяется государственным программам, гражданским инициативам и научным исследованиям, направленным на решение этих проблем. Статья опирается на актуальные статистические данные, социологические исследования и экспертные оценки, предлагая комплексный взгляд на динамику социальных изменений в России.
Автор признаёт демографическую ситуацию в стране до сих пор одной из наиболее острых. Отталкиваясь от периода критического демографического спада 1990-х годов, он убедительно показывает усилия власти в мерах поддержки молодых семей, стимулирования деторождения, поднятия престижа многодетности, констатируя при этом противостояние демографическому росту высокого уровня смертности. По выявленной статистике убыль населения России в первой четверти XXI века преимущественно провоцируется сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, последствиями пандемии COVID-19. Не хватает, особенно в провинции, высокотехнологичной медицинской помощи. В социальном неравенстве населения, замедляющем формирование среднего класса России, автор видит порождение напряжённости, с которой нельзя не считаться. Притом, согласно статье, следует выстраивать преодоление неравенства как между отдельными социальными группами, так и между регионами, для чего требуются продуманные структурные реформы, которые должны включать в себя решение и других вышеуказанных проблем.

Ключевые слова: российское общество, социальные проблемы, демография, неравенство, здравоохранение, образование, экология.

Современное российское общество находится в состоянии динамичных трансформаций, обусловленных как внутренними процессами, так и глобальными вызовами. Период постсоветской модернизации привёл к формированию новой социальной структуры, изменению ценностных ориентаций и появлению ряда острых социальных проблем. Понимание этих проблем и поиск эффективных путей их преодоления являются ключевыми задачами для устойчивого развития страны. Данная статья ставит своей целью систематизировать и проанализировать основные социальные вызовы, с которыми сталкивается Россия, а также оценить эффективность предпринимаемых усилий по их разрешению.

Демографическая ситуация в России остаётся одной из наиболее острых социальных проблем. Снижение рождаемости, высокая смертность (особенно среди трудоспособного населения) и старение населения создают серьёзные риски для экономического роста и социальной стабильности [1]. После периода демографического спада 1990-х годов наблюдался некоторый рост рождаемости, во многом благодаря реализации национальных проектов и программ поддержки семей. Ключевым инструментом стал «материнский капитал», введённый в 2007 году [2]. Эта мера, по мнению ряда исследователей, оказала значительное влияние на увеличение числа вторых и последующих рождений [3]. Однако, начиная с середины 2010-х годов, рождаемость вновь демонстрирует тенденцию к снижению, что связывается с сокращением числа женщин репродуктивного возраста, изменением репродуктивных стратегий и экономическими факторами [4]. В ответ на эти вызовы государство продолжает расширять меры поддержки семей. В 2020 году программа материнского капитала была продлена и распространена на рождение первого ребёнка, а также увеличен размер маткапитала [5]. Вводятся новые льготы для многодетных семей, программы ипотечного кредитования с государственной поддержкой. Тем не менее, для устойчивого роста рождаемости необходим комплексный подход, включающий улучшение жилищных условий, развитие инфраструктуры для детей, повышение доходов населения и формирование благоприятной социальной среды для семей с детьми [6].

Высокий уровень смертности, особенно от неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистые, онкологические), а также от внешних причин (ДТП, отравления, самоубийства), остаётся серьёзной проблемой. Пандемия COVID-19 также оказала значительное влияние на показатели смертности, выявив уязвимости системы здравоохранения. Для преодоления этой проблемы реализуются национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография», направленные на модернизацию первичного звена здравоохранения, развитие высокотехнологичной медицинской помощи, профилактику заболеваний и формирование здорового образа жизни. Особое внимание уделяется борьбе с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, а также снижению смертности от ДТП.

Однако, несмотря на значительные инвестиции, сохраняются проблемы доступности качественной медицинской помощи в регионах, дефицита кадров, а также недостаточного уровня профилактической работы с населением. Эффективное преодоление высокой смертности требует не только развития медицинской инфраструктуры, но и системной работы по формированию культуры здорового образа жизни, борьбе с вредными привычками и повышению экологической безопасности.

Социальное неравенство, проявляющееся в значительной дифференциации доходов, доступе к качественным услугам и возможностям, является одной из наиболее острых проблем российского общества. Оно порождает социальную напряжённость, препятствует формированию среднего класса и замедляет экономическое развитие [7].

По данным Росстата, коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения к 10% наименее обеспеченного) в России остаётся высоким, хотя и демонстрирует некоторую стабилизацию в последние годы. Значительное неравенство наблюдается не только между различными социальными группами, но и между регионами. Крупные города, особенно Москва и Санкт-Петербург, концентрируют значительную часть экономических ресурсов и высокооплачиваемых рабочих мест, в то время как многие регионы сталкиваются с оттоком населения и стагнацией.

Для сокращения неравенства доходов государство реализует ряд мер, включая повышение минимального размера оплаты труда

(МРОТ), индексацию пенсий, социальных выплат, а также адресную социальную поддержку малоимущих граждан [8]. В рамках национальных проектов «Производительность труда и поддержка занятости» и «Малое и среднее предпринимательство» предпринимаются попытки стимулировать экономический рост в регионах и создавать новые рабочие места. Но для достижения более существенных результатов необходимы структурные реформы, направленные на диверсификацию экономики, развитие конкуренции, повышение прозрачности распределения ресурсов и борьбу с коррупцией.

Неравенство проявляется также в доступе к качественному образованию, здравоохранению и другим социальным услугам. Различия в качестве образования между городскими и сельскими школами, между элитными и обычными учебными заведениями, создают неравные стартовые возможности для молодёжи. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере здравоохранения, где доступ к высокотехнологичной медицинской помощи и квалифицированным специалистам зачастую зависит от места жительства и уровня дохода.

Для решения этой проблемы реализуются программы по модернизации региональных систем образования и здравоохранения, развитию телемедицины и дистанционного обучения. В рамках национального проекта «Образование» предпринимаются усилия по созданию современных образовательных центров, поддержке талантливых детей и повышению квалификации педагогов. При этом для преодоления глубоко укоренившегося неравенства в доступе к социальным услугам требуется не только увеличение финансирования, но и совершенствование механизмов распределения ресурсов, повышение эффективности управления и развитие гражданского контроля за качеством предоставляемых услуг.

Система образования в России переживает период реформ, направленных на повышение её качества, доступности, соответствия потребностям современного рынка труда. Но сохраняется ряд проблем, требующих системного подхода. Одной из ключевых я бы назвал разрыв между качеством подготовки выпускников и требованиями работодателей. Многие выпускники вузов и колледжей испытывают трудности с трудоустройством по специальности, что указывает на недостаточную адаптацию образовательных программ к реалиям экономики. Кроме того, всё ещё наблюдаются снижение престижа рабочих профессий и отток талантливой молодёжи из регионов в крупные образовательные центры.

Несмотря на формальную доступность образования, сохраняются проблемы, связанные с качеством образовательных услуг в отдалённых регионах и сельской местности. Цифровизация образования, активно развивающаяся в последние годы, особенно в условиях пандемии COVID-19, открывает новые возможности для преодоления этих барьеров [9]. Внедрение дистанционных образовательных технологий, создание онлайн-курсов и цифровых образовательных платформ позволяет расширить доступ к качественному контенту и экспертным знаниям. При этом цифровизация также бросает новые вызовы [10], связанные с обеспечением равного доступа к интернету и цифровым устройствам, подготовкой педагогов к работе в цифровой среде и разработкой эффективных методик дистанционного обучения. Для успешного преодоления этих проблем необходимо не только инвестировать в цифровую инфраструктуру, но и развивать цифровую грамотность населения, создавать инклюзивные цифровые образовательные среды, учитывающие потребности различных групп учащихся.

Экологические проблемы в России, обусловленные как историческим наследием индустриализации, так и современными вызовами, оказывают значительное влияние на здоровье населения и качество жизни. Одной из наиболее острых проблем мне видится загрязнение атмосферного воздуха в промышленных городах, загрязнение водных ресурсов и накопление твёрдых коммунальных отходов (ТКО). Недостаточно развитая система переработки отходов приводит к образованию многочисленных свалок, что негативно сказывается на экологии и здоровье граждан.

Россия, как страна с обширной территорией и разнообразными климатическими зонами, сталкивается с последствиями изменения климата (учащение экстремальных погодных явлений, таяние вечной мерзлоты и изменение биоразнообразия). Изменения создают вполне конкретные риски для экономики, инфраструктуры, здоровья населения. В ответ на эти вызовы Россия разрабатывает и реализует стратегии адаптации к изменению климата, включая меры по снижению выбросов парниковых газов, развитию возобновляемых источников энергии, по защите населения и инфраструктуры от климатических рисков. Важным направлением является также развитие научного потенциала в области климатологии и экологии, а также международное сотрудничество по вопросам изменения климата. Для эффективного противодействия климатическим изменениям необходим, на мой взгляд, комплексный подход, включающий не только технологические решения, но и изменение моделей потребления, развитие «зелёной» экономики и повышение осведомлённости населения о климатических рисках.

Литература

1. Демографический ежегодник России. 2023: Статистический сборник / Росстат. М.: Росстат, 2023. – 350 с.
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 28.12.2022).
3. Вишневский А.Г. Демографические тенденции в России: прошлое, настоящее, будущее // Мир России. Социология. Этнология. 2010. № 1. С. 3–25.
4. Синявская О.В. Демографические тренды и политика народонаселения в России // Вопросы экономики. 2019. № 10. С. 5–24.
5. Указ Президента РФ от 11.03.2020 № 196 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей при рождении детей».
6. Каравай А.В. Факторы, влияющие на репродуктивное поведение российских семей // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 87–96.
7. Григорьев Л.М. Российское общество: трансформация и новые вызовы. М.: Весь Мир, 2022. – 300 с.
8. Смирнова О.П. Региональное развитие и преодоление социального неравенства в России. М., Форум, 2023. – 270 с.
9. Козлов Р.В. Влияние пандемии COVID-19 на социальные процессы в России. М.: КноРус, 2021. – 260 с.
10. Новиков С.А. Социальные риски и безопасность в современном российском обществе. М.: Дашков и К°, 2026. – 330 с.

MODERN RUSSIAN SOCIETY: OVERCOMING KEY SOCIAL PROBLEMS

Tepikin V.V.
Russian Academy of Natural Sciences

This article focuses on analyzing the key social issues facing modern Russian society and exploring ways to address them. It examines aspects such as demographic challenges, social inequality, healthcare issues, education, and environmental concerns. The article pays special attention to government programs, civil initiatives, and scientific research aimed at solving these problems. It relies on current statistical data, sociological studies, and expert assessments, providing a comprehensive view of the dynamics of social changes in Russia. The author acknowledges that the country's demographic situation remains one of the most pressing issues. Starting from the period of the critical demographic decline in the 1990s, he convincingly demonstrates the government's efforts to support young families, encourage childbirth, and raise the prestige of large families, while acknowledging the challenges posed by high mortality rates. According to the identified statistics, Russia's population decline in the first quarter of the 21st century is primarily caused by cardiovascular and oncological diseases, as well as the consequences of the COVID-19 pandemic. There is a lack of high-tech medical care, especially in the provinces. The author sees the social inequality of the population, which slows down the formation of Russia's middle class, as a source of tension that cannot be ignored. Moreover, according to the article, it is necessary to overcome the inequality both between individual social groups and between regions, which requires well-thought-out structural reforms that should also address the other issues mentioned above.

Keywords: Russian society, social problems, demography, inequality, healthcare, education, and ecology.

References

1. Demographic Yearbook of Russia. 2023: Statistical Collection / Rosstat. Moscow: Rosstat, 2023. – 350 p.
2. Federal Law No. 256-FZ of December 29, 2006, «On Additional Measures of State Support for Families with Children» (as amended on December 28, 2022).
3. Vishnevsky A.G. Demographic Trends in Russia: Past, Present, and Future // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2010. No. 1. Pp. 3–25.
4. Sinyavskaya O.V. Demographic Trends and Population Policy in Russia // Economic issues. 2019. No. 10. Pp. 5–24.
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 196 dated March 11, 2020, «On Additional Measures of State Support for Families with Children».
6. Karavay A.V. Factors Influencing the Reproductive Behavior of Russian Families // Sociological Research. 2021. No. 5. Pp. 87–96.
7. Grigoriev L.M. Russian Society: Transformation and New Challenges. Moscow: The Whole World, 2022. – 300 p.
8. Smirnova O.P. Regional Development and Overcoming Social Inequality in Russia. Moscow: Forum, 2023. – 270 p.
9. Kozlov R.V. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Social Processes in Russia. Moscow: KnoRus, 2021. – 260 p.
10. Novikov S.A. Social Risks and Security in Contemporary Russian Society. Moscow: Dashkov and Co., 2026. – 330 p.